ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXXXVI.

1884.

НОЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 78.
1884.

Библиотека "Руниверс"

Набер. Екатер. кан., д. № 73

2595.

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXXXVI.

1884.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 78.
1884.

Библиотека "Руниверс"

Ека терик. кан., д. № 78—5.

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (23-го августа 1884 года). Объ учрежденіи при Рижскомъ городскомъ реальномъ училищѣ преміи имени Андрея Штрауса.

Рижскій гражданинъ Андрей Штраусъ передалъ въ 1879 году директору Рижскаго городскаго реальнаго училища капиталъ въ 50 руб., съ просьбою, по увеличеніи капитала до 103 руб., учредить на счетъ процентовъ съ этого капитала премію имени жертвователя, для одного изъ бѣдныхъ прилежныхъ учениковъ реальнаго училища.

Такъ какъ въ настоящее время пожертвованный Штраусомъ капиталъ увеличился до 106 руб., то попечитель Дерптскаго учебнаго округа обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ объ учрежденіи на счетъ процентовъ съ сего капитала преміи имени Андрея Штрауса при Рижскомъ городскомъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе помянутой преміи.

2. (23-го августа 1884 года). О закрытіи Александровской общей ученической квартиры при Новочеркасской гимназіи.

30-го августа 1876 года открыта была при Новочеркасской гимназіи образцовая общая ученическая квартира, коей, съ Высочай-

Библиотека "Руниверс"

шаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 5-й день сентября того же года, присвоено наименованіе „Александровской".

Первоначально означенная ученическая квартира содержалась на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго разными лицами въ пользу бѣдныхъ учениковъ Новочеркасской гимназіи и на учрежденіе при ней пансіона, а также на счетъ суммъ, поступавшихъ отъ нѣкоторыхъ лицъ, принявшихъ на себя, при учрежденіи ученической квартиры, обязательство дѣлать ежегодные взносы на содержаніе стипендіатовъ.

Нынѣ, за прекращеніемъ поступленія сихъ взносовъ, всѣ средства Александровской общей ученической квартиры составляютъ всего 6,100 руб. 92½ коп., приносящіе 308 руб. дохода, на каковую сумму дальнѣйшее содержаніе сей квартиры является невозможнымъ.

Въ виду сего попечитель Харьковскаго учебнаго округа вошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о закрытіи Александровской ученической квартиры при Новочеркасской гимназіи, при чемъ обезпечивающіе ее капиталы предполагалось обратить, согласно первоначальному ихъ назначенію: одни, въ количествѣ 2,125 руб.—на выдачу пособій бѣднымъ ученикамъ названной гимназіи; другіе же, пожертвованные на учрежденіе пансіона, въ количествѣ 3,975 руб. 92½ коп., оставить для приращенія процентами до тѣхъ поръ, пока будетъ возможно открыть на нихъ пансіонъ, или общую ученическую квартиру.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше соизволилъ на закрытіе Александровской общей ученической квартиры при Новочеркасской гимназіи на изложенныхъ выше основаніяхъ.

3. (15-го мая 1884 года). Объ освобожденіи чиновниковъ, состоящихъ на службѣ въ губерніяхъ Царства Польскаго, отъ участія въ складкѣ на содержаніе начальныхъ училищъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ освобожденіи чиновниковъ, состоящихъ на службѣ въ губерніяхъ Царства Польскаго, отъ участія въ складкѣ на содержаніе начальныхъ училищъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Библиотека "Руниверс"

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ освобожденіи чиновниковъ, состоящихъ на службѣ въ губерніяхъ Царства Польскаго, отъ участія въ складкѣ на содержаніе начальныхъ училищъ, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

„Состоящіе на государственной службѣ въ губерніяхъ Царства Польскаго чиновники, если они не владѣютъ въ предѣлахъ этого края недвижимымъ имуществомъ, либо промышленнымъ или торговымъ заведеніемъ, освобождаются отъ обязательнаго участія въ складкѣ на содержаніе начальныхъ училищъ. При этомъ означенныя лица сохраняютъ за собою право пользоваться сими училищами для образованія своихъ дѣтей, со взносомъ ежегодной платы въ размѣрѣ девяноста копѣекъ за каждаго ученика или ученицу".

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

4. (18-го сентября 1884 года). Объ источникѣ покрытія расхода по содержанію профессора С.-Петербургскаго технологическаго института по каѳедрѣ химической технологіи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ источникѣ покрытія расхода по содержанію профессора С.-Петербургскаго технологическаго института по каѳедрѣ химической технологіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, объ источникѣ покрытія расхода по содержанію профессора С.-Петербургскаго технологическаго института по каѳедрѣ химической технологіи, мнѣніемъ положилъ: предоставить министру народнаго

Библиотека "Руниверс"

просвѣщенія потребное на содержаніе профессора каѳедры химической технологіи при С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ, три тысячи рублей въ годъ, относить на дарованныя сему заведенію средства, выручаемыя имъ отъ сбора за обученіе въ немъ и отъ продажи издѣлій его мастерскихъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствующимъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

13-го іюля 1884 года (№ 7). Утверждаются: почетный мировой судья Елатомскаго округа князь Кудашевъ и потомственный почетный гражданинъ Гадаловъ—почетными попечителями гимназій: первый—Елатомской и послѣдній — Красноярской; оба на три года.

Главный командиръ Кронштадтскаго порта, военный губернаторъ г. Кронштадта, вице-адмиралъ Шварцъ и коллежскій ассесоръ Хлѣбниковъ—почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый—Кронштадтскаго, и послѣдній—Астраханскаго; оба на три года.

Почетный членъ попечительнаго комитета Кунгурскаго техническаго Губкина училища, потомственный почетный гражданинъ Александръ Кузнецовъ—почетнымъ попечителемъ сего училища.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: доценту Императорскаго университета св. Владиміра Казанцеву, по 1-е января 1885 года.

Зачитается въ командировку за границу съ ученою цѣлію: причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительному статскому совѣтнику Гиршгорну — разрѣшенный ему заграничный отпускъ съ 1-го іюля по 1-е сентября сего года.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: экстраординарные профессоры Императорскаго Варшавскаго университета Трейдосевичъ и Лагоріо — съ 11-го по 25-е сентября сего года.

Экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шмидтъ—на сентябрь мѣсяцъ сего года.

Старшій астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, статскій совѣтникъ Нюренъ—на два мѣсяца.

Окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ

Библиотека "Руниверс"

историко-филологическомъ институтѣ Новосадскій — на два года. (Высоч. повелѣніе 12 іюня 1884 г.).

Увольняются въ отпускъ въ разныя губерніи Россіи: попечитель Харьковскаго учебнаго округа, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Максимовскій—на двадцать восемь дней.

Попечитель Виленскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Сергіевскій—на два мѣсяца, по болѣзни.

23-го августа 1884 года (№ 8). Производится: сотрудникъ археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія Андрей Титовъ, соотвѣтственно классу сей должности, въ чинъ коллежскаго секретаря, съ 13-го іюля 1884 года (Высоч. пов. 13-го іюля 1884 года).

Утверждается: исправляющій должность дѣлопроизводителя V класса департамента народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ Мамантовъ, въ сей должности.

Командируются съ ученою цѣлію: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Трачевскій—до 15-го октября 1884 года въ Россіи и за границу.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Цѣхановецкій—на одиннадцать мѣсяцевъ, съ 1-го сентября 1884 года, за границу.

Увольняется въ отпускъ въ С.-Петербургъ: врачъ Немировской гимназіи Лодзинскій—на восемь мѣсяцевъ.

Объявляется Высочайшая Его Императорскаго Величества благодарность: товарищу министра народнаго просвѣщенія, егермейстеру, тайному совѣтнику князю Волконскому, за отличное исполненіе возложеннаго на него порученія по ревизіи учебныхъ заведеній Харьковскаго учебнаго округа.

Предсѣдателю ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику Георгіевскому, членамъ совѣта министра народнаго просвѣщенія: тайному совѣтнику Вышнеградскому и дѣйствительному статскому совѣтнику Любимову, члену упомянутаго комитета, тайному совѣтнику Андрееву и членамъ особаго отдѣленія того же комитета по техническому и профессіональному образованію: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: Ильину, Архипову и Кеппену, статскимъ совѣтникамъ; Анопову и Кирпичеву, капитану 1-го ранга Березину и надворному совѣтнику Месмахеру, за отлично усердные труды ихъ по составленію проекта общаго плана промышленнаго образованія въ Россіи.

Библиотека "Руниверс"

30-го августа 1884 года (№ 9). Производятся за отличіе въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: ординарные профессоры Императорскаго университета св. Владиміра Викторъ Субботинъ и Михаилъ Авенаріусъ, и предсѣдатели уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ: Покровскаго Владиміръ Акинфовъ и Гороховецкаго Августинъ Яновскій.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (14-го сентября 1884 г.). Положеніе фамильнаго легата имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ѳедора Миквица при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Изъ процентовъ съ капитала, состоящаго въ $5^1/_2\%$ свидѣтельствахъ Государственнаго Банка, по нарицательной цѣнѣ на сумму восемь тысячъ рублей, учреждается при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ фамильный легатъ имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ѳедора Миквица, въ пользу обучающихся богословію, на слѣдующихъ основаніяхъ:

§ 1. Означенный основной капиталъ сего фамильнаго легата имѣетъ сохраняться въ правленіи Императорскаго Дерптскаго университета или въ мѣстномъ казначействѣ, которое выдаетъ проценты съ него, т. е. двѣсти двадцать рублей по полугодно, по требованію директоріи сего фамильнаго легата.

§ 2. Право на пользованіе фамильнымъ легатомъ имѣютъ члены семейства Миквицъ, обучающіеся въ Дерптскомъ университетѣ богословію, могущіе доказать свое происхожденіе отъ одного изъ пяти поименованныхъ ниже сыновей умершаго пастора Маріи-Магдалинскаго прихода (Іервенскаго уѣзда, Эстляндской губерніи), Христофора-Фридриха Миквица (состоявшаго пасторомъ съ 1769 по 1801 г.). Сыновья умершаго пастора Христофора-Фридриха Миквица суть слѣдующіе:

1) Христоферъ-Фридрихъ Миквицъ, пасторъ Леальскаго прихода (Эстляндской губерніи);

2) Эбергардъ Миквицъ, уѣздный врачъ въ г. Везенбергѣ (Эстляндской губерніи);

Библиотека "Руниверс"

3) Іоахимъ-Гейнрихъ Миквицъ, штатный смотритель училищъ въ г. Вейсенштейнѣ (Эстляндской губерніи);

4) Дидрихъ-Георгій Миквицъ, пасторъ Маріи-Магдалинскаго прихода (Іервенскаго уѣзда, Эстляндской губерніи);

5) Юстусъ-Іоаннъ Миквицъ, пасторъ Тарвастскаго прихода (Лифляндской губерніи).

Примѣчаніе. Въ видѣ исключенія, одинаковыми правами пользуются еще четыре младшихъ сына сестры учредителя, Анны Маргариты Гофманъ, урожденной Миквицъ, жены пробста Гофмана, прихода Маріи Магдалины, именно братья: Отто, Рихардъ, Артуръ и Гуго Гофманъ, но право это не распространяется на ихъ потомство.

§ 3. Фамильный легатъ находится подъ управленіемъ директоріи, состоящей изъ трехъ членовъ семейства Миквицъ. Первымъ членомъ директоріи, онъ же предсѣдательствующій, всегда назначается старшій членъ семейства линіи Ѳедора Миквица, слѣдовательно въ настоящее время старшій сынъ учредителя Ѳедоръ Миквицъ; вторымъ членомъ старшій по линіи старшаго брата учредителя, Пиллистферскаго пастора Евгенія Миквица, а третьимъ членомъ старшій пасторъ въ одной изъ трехъ Прибалтійскихъ губерній, принадлежащій къ одной изъ поименованныхъ въ § 2 пяти линій семейства Миквицъ. Если одинъ изъ первыхъ двухъ членовъ директоріи будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и старшимъ въ родѣ пасторомъ, и такимъ образомъ должность третьяго члена будетъ вакантна, тогда первые двое выбираютъ въ со-директоры ближайшаго по старшинству пастора въ семействѣ Миквицъ; такимъ образомъ третьимъ членомъ всегда будетъ пасторъ, а первые два могутъ быть и не духовнаго званія.

Если одна изъ первыхъ двухъ линій, изъ которыхъ назначаются первые два члена директоріи, прекратится, то право прекратившейся линіи переходитъ на ближайшую по старшинству линію, т. е. нынѣ на линію брата учредителя Вольдемара Миквица, пастора Маріи-Магдалинскаго прихода (Лифляндской губерніи).

§ 4. Директорія современно самостоятельно выбираетъ и опредѣляетъ, кто долженъ пользоваться легатомъ. Стипендіатъ долженъ исповѣдовать евангелическо-лютеранскую вѣру и Аугсбургское вѣроисповѣданіе, о чемъ предоставляется судить исключительно директоріи. Директорія въ правѣ лишить стипендіата пользованія легатомъ, если

Библиотека "Руниверс"

стипендіатъ перемѣнитъ вѣроисповѣданіе, обнаружитъ склонность къ лжеученіямъ и сектамъ или вообще будетъ вести себя безпорядочно и дурно.

§ 5. Богословскому факультету Императорскаго Дерптскаго университета предоставляется контроль за образомъ жизни и успѣхами стипендіата, при чемъ контроль за научными успѣхами стипендіата обусловливается выдержаніемъ полугодичныхъ экзаменовъ или замѣняющихъ оные другихъ испытаній. Директорія, вслѣдствіе увѣдомленія богословскаго факультета, можетъ по своему усмотрѣнію лишить стипендіата пользованія легатомъ на всегда или на опредѣленный срокъ.

§ 6. Если случится, что изъ линіи семейства Миквицъ, имѣющихъ право на пользованіе легатомъ, никто не будетъ обучаться въ Дерптскомъ университетѣ богословію, то директорія обязана передавать проценты всего легата въ распоряженіе богословскаго факультета Дерптскаго университета впредь до поступленія вновь лица, принадлежащаго къ семейству Миквицъ и имѣющаго право на пользованіе легатомъ. Въ послѣднемъ случаѣ право пользованія легатомъ отъ непринадлежащаго къ семейству Миквицъ стипендіата вновь переходитъ къ семьѣ, но не ранѣе, какъ по истеченіи двухъ лѣтъ со времени предоставленія стипендіи какому-либо постороннему лицу.

§ 7. Въ означенномъ, въ предыдущемъ § 6, случаѣ богословскій факультетъ назначаетъ стипендію самостоятельно и независимо отъ директоріи, но можетъ принять во вниманіе кандидатовъ, предложенныхъ директоріею. При назначеніи стипендіи преимущество должно быть отдано, при равенствѣ прочихъ условій, уроженцу Эстляндской губерніи, затѣмъ уроженцу Лифляндской губерніи и города Риги, наконецъ уроженцу Курляндской губерніи. О состоявшемся избраніи кандидата увѣдомляется директорія, которая и принимаетъ мѣры для полученія богословскимъ факультетомъ полугодовыхъ процентовъ съ легата.

§ 8. Пользованіе легатомъ не должно быть раздѣляемо; оно предоставляется всегда одному только лицу, которому выдаются проценты легата по полугодно по размѣнѣ купоновъ. Проценты должны быть употребляемы только для вспомоществованія студентовъ, обучающихся богословію или приготовляющихся къ экзамену изъ богословскихъ наукъ, а не на другія благотворительныя цѣли. Но чтобы стипендіаты, готовящіеся къ экзамену, не отлагали его годъ отъ го-

Библиотека "Руниверс"

ду, директорія имѣетъ право назначить срокъ, по истеченіи котораго стипендіатъ перестаетъ пользоваться легатомъ.

2. (23-го сентября 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ опредѣленіи на службу въ учебныя заведенія оканчивающихъ курсъ воспитанниковъ учительскихъ институтовъ.

Вслѣдствіе замедлившагося въ послѣднее время преобразованія уѣздныхъ училищъ въ городскія по положенію 31-го мая 1872 г., сталъ оказываться въ нѣкоторыхъ округахъ избытокъ учителей городскихъ училищъ изъ оканчивающихъ курсъ въ учительскихъ институтахъ. Избытокъ этотъ въ иныхъ округахъ продолжаетъ существовать понынѣ, не смотря на циркулярное предложеніе, отъ 13-го октября 1879 г. за № 11174, о томъ, чтобы учебно-окружныя начальства, въ случаѣ недостатка въ учителяхъ городскихъ училищъ или избытка въ сихъ учителяхъ, сносились съ другими учебно-окружными начальствами, въ первомъ случаѣ приглашая къ себѣ на службу названныхъ учителей, а во второмъ предлагая ихъ. Затѣмъ, вслѣдствіе того же избытка сихъ учителей, стали возникать предположенія о сокращеніи числа воспитанниковъ въ учительскихъ институтахъ и даже о сокращеніи числа самыхъ институтовъ.

Считая оба послѣднія предположенія преждевременными, такъ какъ изъ уѣздныхъ училищъ по настоящее время лишь половина преобразована въ городскія, я однако же, согласно заключенію ученаго комитета министерства, признаю необходимымъ принять мѣры къ безпрепятственному, по возможности, размѣщенію лицъ, окончившихъ курсъ въ учительскихъ институтахъ, на соотвѣтствующія должности. Въ сихъ видахъ, за недостаткомъ учительскихъ мѣстъ въ городскихъ училищахъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа, имѣю честь просить ваше превосходительство: 1) опредѣлять означенныхъ воспитанниковъ на должности учителей въ уѣздныя училища и приготовительные классы гимназій и прогимназій, а равно въ двухклассныя (образцовыя) училища министерства народнаго просвѣщенія, при чемъ вопросъ о правахъ тѣхъ изъ имѣющихъ служить въ сихъ послѣднихъ училищахъ лицъ, которыя до перехода въ эти училища были уже нѣкоторое время учителями или учительскими помощниками въ городскихъ училищахъ, долженъ быть отложенъ до того времени, когда окажется на практикѣ надобность въ рѣшеніи

Библиотека "Руниверс"

сего вопроса; 2) назначать упомянутыхъ воспитанниковъ на должности помощниковъ учителей въ городскія училища, не предоставляя за симъ, если не окажется особенной надобности, таковыхъ мѣстъ лицамъ, окончившимъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ; 3) тѣхъ изъ находящихся уже на службѣ учителей городскихъ училищъ, которые получили воспитаніе въ учительскихъ институтахъ и заявили свои отличныя педагогическія способности и опытность,— переводить по возможности на мѣста учителей въ учительскія семинаріи: и 4) принимать всѣ зависящія мѣры къ тому, чтобы по ввѣренному вамъ учебному округу продолжалось дальнѣйшее преобразованіе уѣздныхъ училищъ въ городскія, которое въ послѣднее время пріостановилось и тѣмъ повліяло на уменьшеніе мѣстъ для оканчивающихъ курсъ въ учительскихъ институтахъ.

За совершенною же невозможностію опредѣлять на мѣста всѣхъ лицъ, немедленно слѣдуетъ сообщать о томъ другимъ учебно-окружнымъ начальствамъ, донося въ тоже время о семъ министерству.

3. (29-го сентября 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени бывшаго ученика 6-го класса Московской 1-й гимназіи Николая Загоскина, учреждаемой при названной гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При 1-й Московской гимназіи учреждается одна стипендія имени бывшаго ученика 6-го класса, Николая Загоскина, на проценты съ капитала, въ одну тысячу руб., пожертвованнаго для этой цѣли отцомъ Загоскина, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Николаевичемъ Загоскинымъ.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% билетѣ государственнаго банка, хранится въ московскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ упомянутой гимназіи, составляя неотъемлемую собственность сего заведенія, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

3) Проценты съ пожертвованнаго капитала назначаются ежегодно на взносъ платы за ученіе одного изъ учениковъ Московской 1-й гимназіи.

4) Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи.

5) Стипендіатъ избирается изъ бѣднѣйшихъ учениковъ старшихъ

Библиотека "Руниверс"

классовъ и непремѣнно православнаго вѣроисповѣданія, оказывающихъ, при отличномъ поведеніи, хорошіе успѣхи въ наукахъ.

6) Еслибы, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, отъ процентовъ съ пожертвованнаго капитала образовался остатокъ, то онъ выдается стипендіату, по окончаніи имъ гимназическаго курса.

7) Избранный совѣтомъ гимназіи стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи только по рѣшенію того же совѣта за дурное поведеніе

4. (4-го октября 1884 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени бывшаго военнаго губернатора Забайкальской области генеральнаго штаба, генералъ-маіора Луки Ивановича Ильяшевича и супруги его Аделаиды Ивановны Ильяшевичъ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ капитала въ четырнадцать тысячъ руб., собраннаго инородцами Агинскаго вѣдомства Читинскаго округа и ламами Агинскаго и Цугальскаго дацановъ того же вѣдомства, учреждаются при Читинской мужской гимназіи двѣ стипендіи имени бывшаго военнаго губернатора Забайкальской области генеральнаго штаба, генералъ-маіора Луки Ивановича Ильяшевича и супруги его Аделаиды Ивановны Ильяшевичъ.

2) Стипендіатами должны быть сироты исключительно изъ бѣдныхъ инородческихъ дѣтей Агинскаго вѣдомства, по избранію на общемъ сугланѣ этого инородческаго общества, съ предоставленіемъ утвержденія выбора генералу Ильяшевичу и супругѣ его Аделаидѣ Ивановнѣ Ильяшевичъ пожизненно, а затѣмъ военному губернатору Забайкальской области.

3) Если педагогическій совѣтъ гимназіи, по окончаніи курса стипендіатовъ, признаетъ ихъ достойными продолжать образованіе въ Сибирскомъ университетѣ, по открытіи его въ г. Томскѣ, преимущественно по юридическому и медицинскому факультетамъ, то пользованіе стипендіями продолжается до окончанія курса въ университетѣ.

4) По окончаніи стипендіатами курса наукъ, гимназическое начальство извѣщаетъ о замѣщеніи вакансіи Агинскую степную думу, генерала Ильяшевича и его супругу Аделаиду Ивановну Ильяшевичъ при ихъ жизни, а затѣмъ военнаго губернатора Забайкальской области.

5) Размѣръ каждой стипендіи опредѣляется въ 300 руб., а оста-

Библиотека "Руниверс"

токъ стипендіальной суммы употребляется: а) на выдачу стипендіатамъ, при отправленіи въ г. Читу, прогоновъ и единовременнаго пособія въ размѣрѣ, потребномъ на эту отправку; б) на выдачу, по окончаніи гимназическаго курса, прогоновъ и пособія для поступленія въ университетъ отъ г. Читы до г. Томска; в) на обратный проѣздъ каждаго стипендіата, по окончаніи университетскаго курса и г) если и за симъ окажутся остатки въ стипендіальной суммѣ, таковые причисляются къ капиталу стипендіи и обращаются на увеличеніе размѣра стипендій.

6) Стипендіальный капиталъ въ 14 тыс. руб., заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ Читинскомъ областномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, составляя неотъемлемую собственность сего заведенія и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

5. (16-го октября 1884 г.). **Положеніе о стипендіи имени Дмитрія Даля при Симферопольской гимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ пожертвованнаго тайнымъ совѣтникомъ Далемъ капитала въ шестьсотъ руб., заключающагося въ облигаціяхъ восточнаго займа и 5% билетахъ государственнаго банка, учреждается при Симферопольской гимназіи одна стипендія имени покойнаго сына жертвователя Дмитрія Даля.

2) Стипендіальный капиталъ хранится въ Таврическомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Симферопольской гимназіи, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Проценты съ означеннаго капитала выдаются избранному стипендіату, въ видѣ пособія на его нужды.

4) Стипендіатъ избирается изъ числа учениковъ Симферопольской гимназіи, православнаго исповѣданія, изъ дѣтей лицъ духовныхъ, дворянъ или чиновниковъ, которые по бѣдности, при удовлетворительныхъ успѣхахъ въ наукахъ и доброй нравственности, уже освобождены отъ платы за ученіе, по опредѣленію педагогическаго совѣта.

5) Право избранія стипендіата принадлежитъ учредителю стипендіи тайному совѣтнику Далю, а по смерти его переходитъ къ педагогическому совѣту гимназіи.

6) Избранный стипендіатъ пользуется стипендіей, пока педагоги-

Библиотека "Руниверс"

ческій совѣтъ гимназіи признаетъ успѣхи его удовлетворительными, а поведеніе хорошимъ, въ противномъ случаѣ стипендія согласно § 5 положенія, переходитъ къ другому бѣдному ученику.

7) Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8) Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи, остатки причисляются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

IV. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

22-го августа 1884 г. (№ 6). Утверждаются: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—тайный совѣтникъ Грубе, Московскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Павловъ и Св. Владиміра—дѣйствительный статскій совѣтникъ Сидоренко—заслуженными ординарными профессорами сихъ университетовъ; первый съ 18-го мая, второй съ 11-го марта и третій съ 5-го іюня 1884 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, статскій совѣтникъ Демченко—вновь деканомъ юридическаго факультета сего университета.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины, надворный совѣтникъ Шалфеевъ — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каѳедрѣ медицинской химіи и физики, съ 1-го мая 1884 года.

Доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ физической географіи Клосовскій—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ физической географіи, съ 22-го марта 1884 г.

Доцентъ Императорскаго университета Св. Владиміра, докторъ русской словесности Соболевскій — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ русскаго языка и словесности, съ 11-го мая 1884 г.

Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Замысловскій—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ русской исторіи, съ 14-го мая 1884 г.

Библиотека "Руниверс"

Доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ всеобщей исторіи Любовичъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи, съ 1-го іюля 1884 г.

Доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ химіи, коллежскій совѣтникъ Флавицкій — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ химіи, съ 29-го мая 1884 г.

Доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ чистой математики, надворный совѣтникъ Васильевъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ математики, съ 30-го мая 1884 года.

Окружный инспекторъ Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иноземцевъ — директоромъ Казанской третьей гимназіи.

Директоръ Коломенской прогимназіи, преобразованной въ гимназію, статскій совѣтникъ Буслаевъ—директоромъ сей гимназіи.

Директоръ Виленской прогимназіи, преобразованной во вторую Виленскую гимназію, статскій совѣтникъ Юницкій — директоромъ сей гимназіи.

Инспекторъ Кутаисской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Старицкій — директоромъ Елисаветпольской гимназіи, съ 25-го іюля 1884 г.

Инспекторъ Петергофской прогимназіи Императора Александра II, статскій совѣтникъ Козеко—директоромъ Кронштадтской мужской гимназіи съ 29-го іюля 1884 года.

Исправляющій должность инспектора Варшавской первой мужской гимназіи, преподаватель сей гимназіи, статскій совѣтникъ Веденяпинъ—директоромъ Варшавской четвертой мужской гимназіи, съ 1-го августа 1884 года.

Исправляющій должность инспектора Бѣльской мужской гимназіи, преподаватель сей гимназіи, статскій совѣтникъ Лавровскій — директоромъ этой гимназіи, съ 1-го августа 1884 г.

Инспекторъ Жиздринской прогимназіи, статскій совѣтникъ Цапенко—директоромъ Егорьевской прогимназіи, съ 1-го іюля 1884 г.

Инспекторъ Аккерманской прогимназіи, преобразованной въ шестиклассную, надворный совѣтникъ Охрѣменко—директоромъ сей прогимназіи, съ 1-го іюля 1884 г.

Старшій учитель училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ, надворный совѣтникъ Кенигъ—директоромъ сего училища, съ 12-го іюня 1884 г.

Библиотека "Руниверс"

Инспекторъ параллельныхъ классовъ и старшій учитель Дерптской гимназіи фонъ-Цеддельманъ—директоромъ реальнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла въ Одессѣ, съ 1-го іюля 1884 года.

Директоръ Молодечненской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Дуровъ—директоромъ Виленскаго учительскаго института съ 1-го августа 1884 г.

Директоръ народныхъ училищъ Ставропольской губерніи, статскій совѣтникъ Соколовъ—директоромъ учительской семинаріи въ м. Хони, Кутаисской губерніи, съ 1-го августа 1884 года.

Инспекторъ народныхъ училищъ Донской области, надворный совѣтникъ Крыловъ—директоромъ Молодечненской учительской семинаріи, съ 1-го августа 1884 г.

Преподаватель древнихъ языковъ Московской второй гимназіи, статскій совѣтникъ Левенштейнъ—инспекторомъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, съ 1-го августа 1884 года.

Отставные: статскій совѣтникъ Рощинскій и коллежскій регистраторъ Дрожжиловъ и Екатеринбургскій 1-й гильдіи купецъ Ошурковъ — членами попечительства Екатеринбургскаго Алексіевскаго реальнаго училища на три года, съ 14-го марта 1884 г.

Надворный совѣтникъ Бутковъ, коллежскій ассессоръ Лазаревскій, инженеръ-технологъ Бурджаловъ и купцы: Бекуновъ, М. Федоровъ, Чурбаковъ, Т. Федоровъ и Поповъ—членами попечительства Астраханскаго реальнаго училища, на три года.

Священникъ Крѣпкогорскій и камышинскій 2-й гильдіи купецъ Пановъ — членами попечительства Камышинскаго реальнаго училища, на три года.

Членъ нижегородской городской управы Гацискій, непремѣнный членъ нижегородскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Кутлубскій и директоръ Александровскаго дворянскаго банка Аверкіевъ—членами попечительства Нижегородскаго реальнаго училища, на три года.

Назначаются: магистръ государственнаго права Щегловъ доцентомъ Демидовскаго юридическаго лицея, съ 15-го іюля 1884 г.

Окончившіе въ 1884 году курсъ наукъ студенты Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института: Ельпидифоръ Стрепетовъ, Иванъ Вейбертъ, Ѳедоръ Колеровъ и Гавріилъ Зевинъ—учителями гимназій: Стрепетовъ—Кубанской войсковой, по русскому языку, Вейбертъ—Кутаисской, по древнимъ языкамъ, Ко-

Библиотека "Руниверс"

леровъ—Дерптской, по русскому языку, и Зевинъ—Томской, по древнимъ языкамъ; первые трое съ 1-го іюля и послѣдній съ 19-го іюня 1884 г.; Лука Орда, Григорій Добрянскій и Михаилъ Архангельскій—учителями прогимназій: Орда—Бобруйской, Добрянскій—Кутаисской и Архангельскій—Рыльской, всѣ трое по древнимъ языкамъ; изъ нихъ Орда и Добрянскій съ 1-го іюля, а Архангельскій съ 20-го іюня 1884 г.; и Григорій Поповъ—воспитателемъ Иркутской мужской гимназіи съ 20-го іюня 1884 г.; всѣ съ обязательствомъ прослужить по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ.

Перемѣщаются: директоръ учительской семинаріи въ м. Хони, Кутаисской губерніи, надворный совѣтникъ Стрѣлецкій—директоромъ Закавказской учительской семинаріи, съ 1-го августа 1884 г.

Опредѣляются: окружный инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Гельбке—членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, сверхъ настоящей должности, съ 10-го мая 1884 года.

Изъ отставныхъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ Левъ Модзалевскій и коллежскій совѣтникъ Алексѣй Грицай, магистръ греческой словесности Императорскаго С.-Петербургскаго университета Ѳаддей Зѣлинскій и бывшій профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ химіи Николай Лей, на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленными къ оному: первый съ 30-го іюня, второй съ 22-го іюля, третій съ 17-го іюня и четвертый съ 12-го августа 1884 г.

Оставляются на службѣ: директоръ Тотемской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Соболевъ, на два года, съ 30-го іюля 1884 года.

Директоръ Поневѣжской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Боричевскій, по 1-е іюля 1887 г.

Директоръ Таганрогской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рейтлингеръ, на три года, съ 25-го августа 1884 года.

На пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Морозовъ, съ 30-го августа 1884 года.

Инспекторъ татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Радловъ, съ 2-го іюня 1884 года.

Библиотека "Руниверс"

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Цингеръ, съ 25-го іюня 1884 г.

Директоръ Сергіево-Посадской прогимназіи, статскій совѣтникъ Тихомировъ, съ 10-го іюля 1884 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Питра, съ 14-го іюля 1884 г.

Директоръ Псковской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Красовъ, съ 10-го августа 1884 года.

Командируются: профессоры Императорскихъ университетовъ Московскаго: заслуженный ординарный — дѣйствительный статскій совѣтникъ Павловъ и экстраординарный—статскій совѣтникъ Цвѣтаевъ, Харьковскаго—экстраординарный, статскій совѣтникъ Безсоновъ и доцентъ Императорскаго Московскаго университета, надворный совѣтникъ Анучинъ—на имѣющій быть въ августѣ сего года въ г. Одессѣ VI археологическій съѣздъ.

Ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Синцовъ—въ Россіи, на лѣтнее вакаціонное время 1884 г. и тридцать дней.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Морковниковъ — по 16-е сентября 1884 г., въ Астраханскую губернію.

На одинъ годъ: экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Кирпичниковъ—съ 1-го сентября 1884 года въ гг. С.-Петербургъ и Москву.

Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій совѣтникъ Веселовскій—съ 15-го ноября 1884 г., въ Туркестанскій край.

Ассистентъ при гигіеническомъ кабинетѣ Императорскаго Казанскаго университета, лѣкарь Орловъ—въ Харьковъ.

Сверхштатный ординаторъ терапевтической факультетской клиники сего университета Садовень—въ С.-Петербургъ.

Продолжается срокъ отпуска за границу: ординарному профессору Императорскаго Харьковскаго университета, статскому совѣтнику Оболенскому—на двадцать-восемь дней сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1884 года.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи: на двадцать-восемь дней: директоръ Бѣлоцерковскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соковичъ, въ Крымъ, съ 1-го августа

Библиотека "Руниверс"

1884 года, и директоръ Казанской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ильминскій, въ Уфимскую губернію.

На двадцать девять дней: ректоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Ярошенко, съ 5-го августа 1884 г., въ Крымъ, по болѣзни.

На полтора мѣсяца: почетный попечитель С.-Петербургской седьмой гимназіи, потомственный дворянинъ Русановъ, съ 27-го іюля 1884 г., въ Архангельскую и Херсонскую губерніи.

На два мѣсяца: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Шрейеръ, въ разныя губерніи; по департаменту народнаго просвѣщенія: дѣлопроизводитель, коллежскій ассессоръ Моревъ, въ Нижегородскую и Самарскую губерніи, помощникъ журналиста, губернскій секретарь Дьяковъ, въ Новгородскую губернію, исправляющіе должности помощниковъ дѣлопроизводителей: коллежскій регистраторъ Бычковъ, въ Московскую, Ярославскую и Владимірскую губерніи, и не имѣющій чина Янковскій, въ разныя губерніи; изъ нихъ по болѣзни: Моревъ, Дьяковъ и Янковскій.

На четырнадцать дней сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1884 года: директоръ Петроковской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Мигулинъ, въ Таврическую и Харьковскую губерніи.

На пятнадцать дней сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1884 года: директоръ Влоцлавскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Стефановичъ, въ разныя губерніи, по болѣзни.

На одинъ мѣсяцъ сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1884 года: инспекторъ-руководитель Бѣльской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Островерхій, въ Кіевъ и Крымъ, по болѣзни.

На три мѣсяца: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Смоленскій, въ Таврическую и Херсонскую губерніи, по болѣзни.

Сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени по 1-е октября 1884 года: учитель Пултуской мужской прогимназіи Боровскій, въ Самару и Ялту, по болѣзни.

На два мѣсяца сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1884 года: учитель Томской гимназіи Досиментьеръ, въ Москву.

На четыре мѣсяца: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйстви-

Библиотека "Руниверс"

тельный статскій совѣтникъ Гогоцкій, съ 16-го августа 1884 года, въ разныя губерніи, по болѣзни, и доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Скворцовъ, съ 1 іюля 1884 г., въ Москву.

б) Въ Россіи и за границу: директоръ С.-Петербургскаго перваго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Эвальдъ, сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1884 г. и пятнадцать дней, по болѣзни.

и в) За границу: на двѣ недѣли: адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, коллежскій совѣтникъ Баклундъ.

На полтора мѣсяца: учитель Новогеоргіевскаго городскаго приходскаго училища, Александрійскаго уѣзда Ганчо, по болѣзни.

На два мѣсяца: вице-директоръ департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Эзовъ, по болѣзни, и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Бейзе.

По 1-е сентября 1884 года: учитель приготовительнаго класса Велижскаго начальнаго еврейскаго училища Цильштейнъ, по болѣзни.

По 30-е сентября 1884 года: законоучитель римско-католическаго исповѣданія Люблинской женской гимназіи, ксендзъ Сковронка, по болѣзни.

На четыре мѣсяца: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, надворный совѣтникъ Нировморцовъ и сверхштатный учитель Старорусскаго уѣзднаго училища Покровскій, изъ нихъ Покровскій по болѣзни.

Увольняются: ординарный профессоръ Императорскаго университета, статскій совѣтникъ Муромцевъ—отъ сей должности, съ 19-го іюля 1884 года.

За выслугою срока: директоръ Егорьевской прогимназіи, статскій совѣтникъ Парковъ—отъ сей должности, съ 1-го іюля 1884 года.

Директоръ Кубанской войсковой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ласточкинъ, отъ службы, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Директоръ Томской гимназіи и училищъ Томской губерніи, статскій совѣтникъ Сциборскій—отъ службы, съ 1-го іюля 1884 года.

Согласно прошеніямъ: директоръ училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ, дѣйствительный

Библиотека "Руниверс"

статскій совѣтникъ Кирхперъ—отъ сей должности, съ 10-го іюня 1884 года.

Директоръ Елисаветпольской гимназіи, статскій совѣтникъ Вонголовскій—отъ сей должности, съ 25-го іюля 1884 года.

Директоръ Саратовской гимназіи, статскій совѣтникъ Лакомте—отъ сей должности, съ 1-го августа 1884 года.

Исправляющій должность инспектора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, коллежскій совѣтникъ Вегеръ—отъ сей должности, съ 1-го августа 1884 года.

Директоры реальныхъ училищъ: Саратовскаго Александро-Маріинскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мерцаловъ и Тамбовскаго дѣйствительный статскій совѣтникъ Никитинъ—отъ службы, съ дозволеніемъ послѣднему носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Директоръ Закавказской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Семеновъ, директоры мужскихъ гимназій: Бѣльской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Левитскій и Варшавской четвертой—статскій совѣтникъ Бульмерингъ—отъ службы, всѣ трое по болѣзни, съ 1-го августа 1884 г., съ дозволеніемъ носить имъ въ отставкѣ мундирные полукафтаны, послѣднимъ должностямъ присвоенные.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: члену Краснинскаго уѣзднаго училищнаго совѣта и почетному блюстителю Досуговскаго двухкласснаго сельскаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительному статскому совѣтнику Васильеву—за особенную заботливость его о начальныхъ училищахъ въ Краснинскомъ уѣздѣ.

Почетному попечителю Кишиневской прогимназіи, преобразованной нынѣ въ гимназію, Бодеско—за пожертвованіе его на образованіе фонда для постройки зданія для второй Кишиневской гимназіи.

Начальницѣ Ливенской женской прогимназіи Аматовой—за усердную и полезную ея службу дѣлу женскаго образованія.

Попечительницѣ Вербиловскаго сельскаго училища, Ельнинскаго уѣзда, Смоленской губерніи, дворянкѣ Энгельгардтъ—за устройство ею помѣщенія для названнаго училища и вообще за содѣйствіе къ поддержанію онаго.

Почетному блюстителю Муравьищенскаго одноклассного начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Чух-

Библиотека "Руниверс"

ломскаго уѣзда, Костромской губерніи, Котенину—за пожертвованіе его на строительныя надобности названнаго училища.

Почетному блюстителю Арчадинскаго училища, Усть-Медвѣдицкаго округа, Донской области, уряднику Ивлiеву—за пожертвованіе его въ пользу названнаго училища дома.

Исключаются изъ списковъ умершіе: директоры гимназій: Кронштадтской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Янишъ и С.-Петербургской пятой—статскій совѣтникъ Шрамекъ и помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Эвенштейнъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу „Греческій вокабулярій Б. Тодта. Сборникъ общеупотребительныхъ греческихъ словъ въ реальной группировкѣ. (Учебное пособіе при переводахъ съ греческаго языка на русскій языкъ и обратно). Перевелъ и дополнилъ В. Канскій, преподаватель С.-Петербургской 7-й гимназіи. С.-Пб. 1884 г."—одобрить въ видѣ пособія по греческому языку для III и IV классовъ гимназій и прогимназій.

— Книгу „Практическая грамматика англійскаго языка. Составилъ П. М. Нурокъ. Изд. 4-е, вновь передѣланное и дополненное. С.-Пб. 1884 г. Цѣна 1 р. 25 к."—одобрить для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается англійскій языкъ.

— Книгу „Египетъ. В. Андреевскаго. Описаніе путешествія въ 1880—1881 годахъ. Съ 5 картами, 8 фототипіями, 2 гравюрами на деревѣ и 78 политипажами. С.-Пб. 1884 г. Въ 8 д. л., 471 стр."—допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу „Manuel concentrique de langue française. Концентрическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, состоящій изъ трехъ частей. Курсъ среднихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ В. С. Игнатовичъ. Часть III. Изд. 6-е, совершенно согласное съ указаніями учебнаго плана, утверж-

Библиотека "Руниверс"

деннаго г. министромъ народнаго просвѣщенія. С.-Пб. 1884 г. Въ 8 д. л., XVI+316+80 стр. Цѣна 1 р. 25 к."—рекомендовать какъ весьма полезное руководство при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Учебная русская христоматія съ толкованіями. Составилъ П. Полевой. Часть первая. Младшій возрастъ. 19-е изданіе. С.-Пб. 1883 г. Въ 8 д. л.; 214+26 стр. Цѣна 50 коп." — одобрить какъ учебное пособіе для трехъ низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Учебная христоматія съ толкованіями. Составилъ П. Полевой. Часть вторая. Средній возрастъ. Изд. 9-е. С.-Пб. 1883 г. Въ 8 д. л., 274+25 стр. Цѣна 70 коп."—одобрить какъ учебное пособіе для IV и V классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности съ логическимъ разборомъ, выводомъ основной мысли, съ 200 темъ и планомъ для устныхъ и письменныхъ упражненій. Часть I (для младшаго возраста). Изд. 4-е. Н. Невзорова. Казань. 1884 г. Въ 8 д. л., 195 стр."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для первыхъ двухъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для старшихъ отдѣленій перваго класса городскихъ и сельскихъ училищъ.

— Книгу: „Н. Бунаковъ. Христоматія для изученія образцовъ русской словесности. Съ примѣчаніями, руководящими вопросами и біографическими очерками. Составлена примѣнительно къ учебному плану гимназій министерства народнаго просвѣщенія, военныхъ гимназій и вообще среднихъ учебныхъ заведеній. Въ четырехъ отдѣлахъ Отдѣлъ I. Изд. 6-е. С.-Пб. 1884 г. Въ 8 д. л., 100 стр. Цѣна 60 к. Отдѣлъ II. Изд. 6-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1884 г. Въ 8 д. л., 300 стр. Цѣна 1 р. 50 коп. Отдѣлъ III. Изд. 4-е. С.-Пб. 1882 г. Въ 8 д. л., 207 стр. Цѣна 1 р. 20 коп. Отдѣлъ IV. Изд. 3-е. С.-Пб. 1880 г. Въ 8 д. л., 132 стр. Цѣна 90 коп."—допустить какъ пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Составленныя Львомъ Поливановымъ книги: 1) „Избранныя сочиненія Г. Р. Державина, съ вводными замѣтками, примѣчаніями историческими, критическими и библіографическими и алфавитными указателями. М. 1884 г. Въ 8 д. л., 8+442 стр. Цѣна 1 р. 50 к." и 2) „Избранныя сочиненія Н. М. Карамзина, съ біографическимъ очеркомъ, вводными замѣтками, примѣчаніями историко-литератур-

Библиотека "Руниверс"

ными, критическими и библіографическими и алфавитнымъ указателемъ. Часть I. М. 1884 г. Въ 8 д. л., LX+531 стр. Цѣна 1 р. 60 коп."—одобрить какъ пособіе при изученіи русской литературы въ трехъ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Прикладная механика. Составилъ С. Гуржеевъ, преподаватель 1-го С.-Петербургскаго реальнаго училища. Съ 287 политипажами въ текстѣ и собраніемъ задачъ съ ихъ рѣшеніями. С.-Пб. 1884 г. Цѣна 2 р. 50 к."—допустить къ употребленію въ реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія.

— Книгу: „Русская христоматія. Составилъ А. Галаховъ. Изд. 19-е, безъ перемѣнъ. С.-Пб. 1884 г. Въ двухъ томахъ, въ б. 8 д. л., т. I—399 стр. Т. II—552 стр. Цѣна за оба тома 1 р. 75 коп., для учебныхъ заведеній—1 р. 40 коп., безъ пересылки"—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія по русскому языку и словесности для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Утѣшеніе въ смерти близкихъ сердцу. Епископа Гермогена (Добронравина). Изд. 6-е. С.-Пб. 1880 г. Въ 16 д. л., 112 стр. Цѣна 35 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „О Евангеліяхъ. С.-Пб. 1882 г. Въ 16 д. л., 94 стр. Цѣна 20 коп."—одобрить для учительскихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, посящающихъ церковныя, отъ Рождества Христова до 1879 года. Архимандрита Арсенія. Изданіе новое, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1880 г. Въ 4 д. л., стр. XVIII+853. Цѣна 4 руб."—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книга: 1) „Православное Догматическое Богословіе. Сочиненіе Филарета, архіепископа Черниговскаго. Части I и II (въ одномъ томѣ). Изданіе 3-е. С.-Пб. 1882 г." Въ 8 д. л., стр. 227+326. Цѣна 3 руб."; 2) „Историческое ученіе объ отцахъ церкви. Его же. Въ трехъ томахъ. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1882 г. Въ 8 д. л., стр. XX+205+285+336. Цѣна 5 руб."; 3) „Историческое ученіе объ отцахъ церкви (въ сокращеніи). Его же. Черниговъ. 1864 г. Въ 8 д. л., стр. 307. Цѣна 1 р. 25 коп." и 4) „Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній Греческой церкви. Его же. Изданіе 2-е. Черниговъ. 1864 г. Въ 8 д. л., стр. 464. Цѣна 1 р. 50 коп."—рекомендовать

Библиотека "Руниверс"

для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Древне-русская литература. П. В. Евстафіева. Допетровскій періодъ. Выпускъ I. Устная народная словесность. Изданіе 4-е, пересмотрѣнное авторомъ. С.-Пб. 1884 г. Въ 8 д. л., стр. 79. Цѣна 50 коп.—Выпускъ II. Книжная словесность. Изданіе 3-е, пересмотрѣнное авторомъ. С.-Пб. 1884 г. Въ 8 д. л., стр. 100 (прежняя цѣна 1 руб.)"—одобрить какъ учебное пособіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „Первые уроки церковно-славянскаго языка. Практическій учебникъ для народныхъ школъ и приготовительныхъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ Аѳ. В. Соколовъ. С.-Пб. 1884 г. Въ 8 д. л., стр. 65. Цѣна 30 коп."—одобрить для употребленія въ качествѣ учебнаго пособія въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Синтаксисъ въ образцахъ, для младшаго возраста. Составилъ Конст. Ѳедор. Петровъ. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1885 г. Въ 8 д. л. Цѣна не обозначена (прежняя 50 коп.)"—одобрить какъ учебное пособіе для городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Муму. И. С. Тургенева. (Отрывокъ). Изд. Кіевскаго отдѣла Россійскаго общества покровительства животнымъ. Кіевъ. 1883 г. Въ 16 д. л., 42 стр. Цѣна 10 коп."—допустить въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

— Книгу: „Отечественная исторія въ разказахъ, для низшихъ школъ и вообще для дѣтей старшаго возраста. Съ портретами замѣчательнѣйшихъ лицъ и съ приложеніемъ хронологической таблицы. Составилъ С. Рождественскій, Изд. 6-е. С.-Пб. 1884 г. Въ 8 д. л., 276 стр. Цѣна 60 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

Библиотека "Руниверс"

— Книгу: „Записки по методикѣ географіи. Руководство для учительскихъ семинарій и пособіе для учителей народныхъ школъ. Составилъ М. Бойковъ. С.-Пб. 1884 г. Въ 8 д. л., 91 стр. Цѣна 65 коп." —допустить въ учительскія библіотеки низшихъ, преимущественно городскихъ училищъ.

— Книгу: „Учебно-воспитательные совѣты. (Педагогико-дидактическіе совѣты). Пособіе для учителей начальныхъ училищъ. Составилъ В. Виноградовъ. Изд. 2-е. М. 1884 г. Въ 8 д. л., 54 стр. Цѣна 30 коп."—одобрить для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Методика ариѳметики для начальной школы и вообще для начальнаго обученія. Д. Мартынова. М. 1884 г. Въ 8 д. л., XX1+00 стр. Цѣна 60 коп."—допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ условіемъ, чтобы авторомъ былъ приложенъ листокъ опечатокъ съ исправленіемъ хотя главнѣйшихъ недосмотровъ.

— Книгу: „Сѣятель. Сборникъ проповѣдей, приспособленныхъ къ жизни и пониманію простаго народа. Изд. 6-е. М. 1882 г. Въ 8 д. л., 419 стр. Цѣна 1 р. 25 к."—одобрить для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Методика Закона Божія для законоучителей народныхъ школъ. Составилъ Аѳ. Соколовъ. Изд. 2-е. С.-Пб. 1881 г. Въ 8 д. л., 224 стр. Цѣна 1 р. 50 коп."—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Краткое изложеніе методики Закона Божія для законоучителей народныхъ школъ и воспитанниковъ богословскихъ классовъ духовныхъ семинарій. Н. Страхова. Харьковъ. 1882 г. Въ 16 д. л., 57 стр."—одобрить для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книги: 1) „Книга для первоначальнаго обученія церковнославянскому языку въ начальныхъ народныхъ и городскихъ училищахъ. Составилъ А. П. Карюковъ. С.-Пб. 1884 г. Въ 16 д. л., 56 стр. Цѣна 20 коп." и 2) „То же. Замѣтки для учителя. С.-Пб. 1884 г. Въ 16 д. л., 16 стр. Цѣна 10 коп."—допустить первую къ употребленію въ народныхъ училищахъ въ качествѣ учебника, а вторую въ учительскія библіотеки этихъ училищъ.

— Книгу: „Другъ народныхъ школъ. Сборникъ статей религіозно-нравственнаго, географическаго, историческаго и обще-литературнаго содержанія. Составили священники М. Рудневъ и К. Козьминъ

Библиотека "Руниверс"

преподаватели Московскаго Александровскаго института. Москва. 1883 г. Цѣна 50 коп."—допустить въ библіотеки народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ.

— Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ книгу подъ заглавіемъ: „Законъ Божій для русскихъ народныхъ школъ. Выпускъ первый. Молитвы, Символъ вѣры, десятословіе и заповѣди о блаженствахъ съ присоединеніемъ разказовъ о главнѣйшихъ праздникахъ. Протоіерея Іоакима Романова. Изд. 7-е, исправленное. С.-Пб. 1882 г. Изд. книгопродавца Тузова", мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ г. министромъ и согласно заключенію учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, призналъ возможнымъ допустить означенную книгу къ употребленію въ начальныхъ училищахъ въ качествѣ учебнаго руководства.

— Опредѣленіемъ особаго отдѣла ученаго комитета книга: „Собраніе задачъ для упражненія на счетахъ въ низшихъ классахъ гимназій, прогимназій, городскихъ, уѣздныхъ народныхъ училищъ и другихъ учебныхъ заведеній, съ введеніемъ вмѣсто руководства. Составилъ Ѳ. Г. Подоба. Изд. 2-е, значительно передѣланное, исправленное и дополненное по указаніямъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и рецензій въ педагогическихъ журналахъ. Одесса. 1884 г. Цѣна 30 коп."—не одобрена къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) закрыть параллельное отдѣленіе при IV классѣ Каменецъ-Подольской гимназіи и открыть взамѣнъ онаго параллельное отдѣленіе при VII классѣ, а также открыть таковыя же отдѣленія при II и III классахъ названной гимназіи; 2) въ текущемъ учебномъ году установить плату за ученіе въ параллельномъ отдѣленіи I класса Поневѣжскаго реальнаго училища по пятидесяти р. въ годъ съ каждаго ученика; 3) въ текущемъ учебномъ году установить размѣръ платы за ученіе въ параллельныхъ отдѣленіяхъ II и III классовъ Динабургскаго реальнаго училища по шестидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ сдѣланное попечителемъ Кавказскаго учебнаго края распоряженіе объ открытіи

Библиотека "Руниверс"

на текущій 1884—1885 учебный годъ параллельнаго отдѣленія при V классѣ Кубанской войсковой гимназіи.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

Открыты слѣдующія начальныя училища министерства народнаго просвѣщенія, двухклассныя: въ Нижнетагильскомъ заводѣ, Пермской губ., при 160 учащихся, въ Спасской волости между деревнями Полтининымъ и Мелкимъ, Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губ., при 80 учащихся; и одноклассныя: въ с. Глѣбовѣ, Зарайскаго уѣзда, Рязанской губ., при 41 учащихся, въ м. Улановѣ, Литинскаго уѣзда, Подольской губ., при 67 учащихся, въ м. Шпотовкѣ, Конотопскаго уѣзда, Черниговской губ., при 55 учащихся, въ с. Пироговѣ, Кіевской губ. и уѣзда, при 29 учащихся, и Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губ., въ приходахъ Кенозерскомъ и Колодозерскомъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

5. (21-го сентября 1884 г.). О производствѣ пенсій профессорамъ университетовъ, пріобрѣвшимъ право на оныя выслугою 29-, 30-лѣтнихъ и т. д. сроковъ до изданія устава университетовъ 23-го августа 1884 года.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 27-й день сентября 1884 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: профессорамъ университетовъ (С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго, св. Владиміра и Новороссійскаго), пріобрѣвшимъ право на пенсіи выслугою 25-,30-лѣтнихъ и т. д. сроковъ до изданія устава унаверситетовъ 23-го августа 1884 года, производить оныя, сверхъ содержанія, до выслуги ими сроковъ, на которые они были утверждены; по наступленіи же этихъ сроковъ означенные профессоры подлежатъ дѣйствію ст. 105 и 154 означеннаго устава.

6. (9-го октября 1884 г.). О передачѣ метеорологическихъ обсерваторій изъ горнаго вѣдомства въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о передачѣ метеорологическихъ обсерваторій изъ горнаго вѣдомства

Библиотека "Руниверс"

въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: За предсѣдателя государственнаго совѣта, статсъ-секретарь баронъ Николаи.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства государственныхъ имуществъ о передачѣ метеорологическихъ обсерваторій изъ горнаго вѣдомства въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, мнѣніемъ положилъ:

1) Магнитныя и метеорологическія обсерваторіи, находящіяся въ Барнаулѣ, Екатеринбургѣ, Нерчинскомъ заводѣ, Златоустѣ, Богословскомъ заводѣ, Луганскѣ и на горѣ Благодати, вмѣстѣ съ состоящемъ при нихъ имуществомъ и съ тѣми отдѣльными зданіями, въ коихъ онѣ помѣщаются, передать изъ вѣдѣнія министерства государственныхъ имуществъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія;

и 2) Изъ назначенныхъ по дѣйствующей расходной смѣтѣ горнаго департамента, на содержаніе помянутыхъ обсерваторій, суммъ: по § 2 ст. 12—3505 р. 50 к., по § 6 ст. 6—954 р., по ст. 9 того же параграфа—229 р. и по § 7 ст. 1—129 р. 70 к., а всего четыре тысячи восемьсотъ восемнадцать руб. двадцать коп., перенести въ соотвѣтственное подраздѣленіе таковой же смѣты министерства народнаго просвѣщенія ту часть, какая окажется на лицо ко времени осуществленія передачи; на будущее же время слѣдующіе на указанную потребность кредиты открывать по подлежащимъ подраздѣленіямъ расходныхъ финансовыхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

12-го сентября 1884 г. (№ 10). Назначаются: Исправляющій должность инспектора Люблинской гимназіи, статскій совѣтникъ Спѣшковъ и сверхштатный учитель Тифлисской первой гимназіи, коллеж-

Библиотека "Руниверс"

скій совѣтникъ Альбрехтъ—окружными инспекторами учебныхъ округовъ: первый—Дерптскаго и послѣдній—Казанскаго.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: Кандидату Императорскаго С.-Петербургскаго университета Бубнову—по 1-е января 1885 года.

Командируется за границу съ ученою цѣлію: Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Дерптскаго университета Фонъ-Роландъ—на два мѣсяца.

Продолжается срокъ отпуска въ Россіи: Причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія Мааку—на два мѣсяца, по болѣзни.

24-го сентября 1884 г. (№ 11). Производится: Учитель пѣнія при Нарвской гимназіи, мѣщанинъ Тимофѣй Левченко—въ коллежскіе регистраторы, съ 11-го сентября 1884 года. (Выс. пов. 11-го сентября 1884 г.).

Назначаются на четыре года: Заслуженные ординарные профессоры императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго тайный совѣтникъ Андреевскій и Казанскаго тайный совѣтникъ Буличъ, ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго статскій совѣтникъ Боголѣповъ, Харьковскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Щегловъ, св. Владиміра—дѣйствительный статскій совѣтникъ Ренненкампфъ и Новороссійскаго—статскій совѣтникъ Ярошенко—ректорами сихъ университетовъ, съ 16-го сентября 1884 г. (Выс. пов. 16-го сентября 1884 г.).

Командируются за границу съ ученою цѣлію: Ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, тайный совѣтникъ Чебышевъ—на два мѣсяца съ 1-го октября 1884 г.

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лицея Суворовъ — по 1-е сентября 1885 г.

Увольняется согласно прошенію: Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Цѣхановецкій—отъ должности ректора сего университета, съ 16-го сентября 1884 г. (Выс. пов. 16-го сентября 1884 г.).

Библиотека "Руниверс"

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

6. (15-го октября 1884 года). Положеніе о стипендіи имени Угличскаго мѣщанина Александра Ефремовича Мельникова при Новгородскомъ трехклассномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Новгородскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ учреждается стипендія имени Угличскаго мѣщанина А. Е. Мельникова, на счетъ процентовъ съ капитала въ 100 руб., пожертвованнаго имъ для этой цѣли.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ одной сторублевой облигаціи 2-го восточнаго займа за № 333114, считается неприкосновенною собственностью Новгородскаго городскаго училища и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища.

§ 3. Право назначенія стипендіи и выборъ стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Новгородскаго городскаго училища.

§ 4. Учрежденная стипендія сохраняется и въ томъ случаѣ, если училище будетъ преобразовано въ другое учебное заведеніе.

§ 5. Въ случаѣ выхода облигаціи въ тиражъ погашенія, она замѣняется другою государственною процентною бумагою соотвѣтствующей цѣнности.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (15-го октября 1884 года). Положеніе о трехъ стипендіяхъ при Каинской женской прогимназіи, учрежденныхъ въ память священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 27-го сентября сего года, при Каинской женской прогимназіи учреждаются три стипендіи, на счетъ процентовъ съ капиталовъ пятьсотъ руб., собраннаго по добровольной подпискѣ мѣщанами г. Каинска, въ озна-

Библиотека "Руниверс"

менованіе дня священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

§ 2. Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка (три билета выпуска 1881 г. за №№ 50371, 50372 и 50373 по 100 руб., одинъ билетъ пятаго выпуска 1881 года за № 82301 въ 100 руб., одна облигація восточнаго займа 1877 г. за № 145878 въ сто руб., всего пятьсотъ рублей), составляетъ неотъемлемую собственность прогимназіи и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ прогимназіи, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ выхода въ тиражъ билетовъ, обезпечивающихъ стипендіи, немедленно пріобрѣтаются другія подобныя государственныя бумаги.

§ 4. Стипендіи состоятъ въ выдачѣ пособій на уплату за ученіе стипендіаткѣ I-го класса въ размѣрѣ 5 рублей, втораго 8 руб. и третьяго по 10 руб. въ годъ.

§ 5. Стипендіями могутъ пользоваться ученицы бѣдныхъ родителей и сироты всѣхъ званій, отличающіяся хорошими успѣхами и отличнымъ поведеніемъ; при одинакихъ условіяхъ преимущество отдается сиротамъ.

§ 6. Право назначенія стипендіатокъ и лишеніе ихъ права пользованія стипендіями предоставляется попечительному совѣту прогимназіи, которому педагогическій совѣтъ, по испытаніи ученицъ, сообщаетъ точныя свѣдѣнія о полученныхъ ученицами отмѣткахъ.

§ 7. Стипендіатки могутъ лишиться стипендіи во время пребыванія въ прогимназіи по малоуспѣшности въ наукахъ или неодобрительности поведенія.

§ 8. Въ случаяхъ, приведенныхъ въ § 7, стипендіи назначаются другимъ ученицамъ.

§ 9. Образующіеся остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, по случаю незамѣщенія стипендіи, или по другимъ причинамъ, могутъ быть употребляемы, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта, на воспомоществованіе бѣднымъ ученицамъ или причисляться къ стипендіальному капиталу и обращаться въ государственныя процентныя бумаги на увеличеніе капитала

§ 10. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

Библиотека "Руниверс"

8. (19-го октября 1884 года). Правила для стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Самуила Соломоновича Полякова.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 14-го іюля 1880 года, учреждается при коллегіи Императора Александра II стипендія на счетъ процентовъ съ капитала въ 6,000 рублей, пожертвованнаго сотрудниками дѣйствительнаго статскаго совѣтника С. С. Полякова въ минувшую войну.

§ 2. Проценты съ сего капитала, въ количествѣ трехъ сотъ рублей, обращаются въ стипендію одному изъ студентовъ С.-Петербургскаго университета I, II, III и IV курсовъ всѣхъ факультетовъ безъ различія.

§ 3. Выборъ студента для пользованія стипендіею принадлежитъ дѣйствительному статскому совѣтнику Полякову или старшему въ родѣ его наслѣднику, при чемъ выборъ этотъ, по разсмотрѣніи дѣла правленіемъ университета, подлежитъ окончательному утвержденію попечителя учебнаго округа.

§ 4. Для полученія и сохраненія стипендіи примѣняются тѣ правила, кои установлены для поступленія въ коллегію своекоштныхъ студентовъ.

§ 5. Стипендія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Полякова, согласно § 5 устава коллегіи Императора Александра II, отчисляется въ распоряженіе коллегіи наравнѣ съ Императорскими стипендіями при С.-Петербургскомъ университетѣ.

§ 6. Студентъ, поступающій въ коллегію стипендіатомъ, пользуется полнымъ содержаніемъ наравнѣ съ другими своекоштными студентами (согласно § 9 устава коллегіи).

§ 7. Стипендіатъ, живущій въ коллегіи, подчиняется во всѣхъ отношеніяхъ всѣмъ органамъ университетскаго начальства на общихъ установленныхъ для университета основаніяхъ (согласно § 10 устава коллегіи).

§ 8. Стипендіатъ, живущій въ коллегіи, обязывается соблюдать порядокъ, не нарушать спокойствія своихъ товарищей и вообще исполнять правила, установленныя для коллегіи (согласно § 11 устава коллегіи).

§ 9. Въ случаѣ, если по какой-либо причинѣ означенная стипендія не будетъ замѣщена въ продолженіе года, или лицо, которому она

Библиотека "Руниверс"

будетъ предоставлена, воспользуется ею лишь часть года, то изъ остающейся суммы процентовъ въ 300 рублей отчисляется въ распоряженіе коллегіи 36 руб,, составляющихъ расходы на содержаніе дома и проч., свободный же затѣмъ остатокъ причисляется къ капитальной суммѣ стипендіи.

9. (2-го ноября 1884 года). **Положеніе о стипендіи имени Мартына и Анастасіи Кованецъ.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ учреждается одна стипендія въ суммѣ процентовъ съ капитала въ 600 руб. заключающагося въ 5% банковыхъ билетахъ, завѣщаннаго для этой цѣли дѣйствительнымъ студентомъ Иваномъ Кованцомъ.

§ 2. Стипендія эта именуется стипендіей Мартына и Анастасіи Кованецъ.

§ 3. Стипендія, въ размѣрѣ годовыхъ съ капитала процентовъ, назначается по представленію правленія университета и съ утвержденія попечителя учебнаго округа, въ началѣ каждаго академическаго года, одному изъ недостаточныхъ студентовъ университета, который, при отличномъ поведеніи, удовлетворитъ тѣмъ требованіямъ, какія будутъ установлены въ университетѣ для полученія стипендій согласно § 132 Общаго Устава Россійскихъ Университетовъ.

§ 4. Проценты, по какому-либо случаю не выданные въ стипендію, причисляются къ основному капиталу.

§ 5. Полученіе стипендіи не возлагаетъ на воспользовавшагося ею никакихъ обязательствъ.

10. (8-го ноября 1884 г.). **Положеніе о стипендіи имени вдовы коллежскаго регистратора Маріи Александровны Докучаевой при Второй С.-Петербургской гимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи четыреста руб., пожертвованнаго вдовою коллежскаго регистратора Маріею Александровною Докучаевою, учреждается при С.-Петербургской 2-й гимназіи, одна стипендія имени жертвовательницы.

§ 2. Изъ процентовъ съ этого капитала вносится ежегодно плата за право ученія стипендіата въ названной гимназіи, а остатокъ вы-

Библиотека "Руниверс"

дается ближайшимъ родственникамъ или лицамъ, на попеченіе которыхъ будетъ находиться стипендіатъ, на покупку ему учебныхъ пособій и одежды.

§ 3. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту 2-й С.-Петербургской гимназіи.

§ 4. На стипендію избирается ученикъ, отличающійся успѣхами и примѣрнымъ поведеніемъ, изъ бѣднѣйшихъ сиротъ дѣтей чиновниковъ.

§ 5. Если будетъ нѣсколько кандидатовъ, имѣющихъ одинаковое право на полученіе стипендіи, то стипендія назначается по жребію.

§ 6. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, составляетъ неотъемлемую собственность 2-й гимназіи и хранится, въ числѣ спеціальныхъ средствъ ея, въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 7. Пользованіе означенною стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (9-го ноября 1884 г.). **Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ введенія въ курсъ мореходныхъ классовъ дополнительныхъ предметовъ.**

На основаніи примѣч. 2 къ ст. 10 дѣйствующаго положенія о мореходныхъ классахъ, къ предметамъ преподаванія, означеннымъ въ программѣ, утвержденной для сихъ классовъ министерствомъ финансовъ 9-го ноября 1867 г., могутъ быть присоединяемы, соотвѣтственно мѣстнымъ потребностямъ и средствамъ заведенія, и другіе предметы, какіе будутъ признаны нужными, при чемъ разрѣшается установлять съ обучающихся дополнительнымъ предметамъ особое вознагражденіе.

Нынѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія возбуждены вопросы о томъ, кому именно принадлежитъ право вводить въ программу преподаванія мореходныхъ классовъ обученіе дополнительнымъ предметамъ, и можетъ ли плата за сіе обученіе быть взимаема со всѣхъ учащихся въ мореходномъ классѣ, или же только съ лицъ, пользующихся такимъ дополнительнымъ обученіемъ.

Вслѣдствіе сего я признаю нужнымъ разъяснить, что: 1) на введеніе въ курсъ мореходныхъ классовъ обученія предметамъ, сверхъ указанныхъ въ программѣ, должно быть, согласно съ существующимъ для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній министерства народ-

Библиотека "Руниверс"

наго просвѣщенія порядкомъ, испрашиваемо разрѣшеніе начальствъ учебныхъ округовъ, съ указаніемъ, притомъ, будетъ ли сіе обученіе производиться за плату или безплатно, и 2) плата за обученіе дополнительнымъ предметамъ можетъ быть взимаема лишь съ тѣхъ учениковъ мореходныхъ классовъ, которые пожелаютъ пользоваться таковымъ обученіемъ.

Объ этомъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для надлежащаго распоряженія.

12. (13-го ноября 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени Андрея Армана при Московской 2-й гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Адольфомъ Армандомъ капитала въ одну тысячу руб., заключающагося въ облигаціи 3-го восточнаго займа, учреждается при Московской 2-й гимназіи одна стипендія имени покойнаго сына жертвователя Андрея Армана.

§ 2. Означенный капиталъ хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ 2-й гимназіи и, составляя неотъемлемую собственность этой гимназіи, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала употребляются на плату за право ученія въ названной гимназіи одного изъ бѣдныхъ учениковъ, безъ различія происхожденія, вѣроисповѣданія и класса, въ которомъ находится ученикъ.

§ 4. Выборъ стипендіата принадлежитъ учредителю стипендіи, потомственному почетному гражданину Адольфу Евгеніевичу Арманду, по смерти его—женѣ его Александрѣ Александровнѣ, по смерти ея—дочери ихъ Еленѣ, по смерти же сей послѣдней переходитъ къ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 5. Учредитель стипендіи и лица, коимъ послѣ смерти его перейдетъ право назначать стипендіата, какъ указано въ § 4, могутъ, если имѣющійся у нихъ въ виду мальчикъ не достигъ еще возраста, потребнаго для вступленія въ гимназію, предоставить на одинъ годъ или болѣе педагогическому совѣту гимназіи право помѣстить своего кандидата на этотъ промежутокъ времени, дабы всегда вакансія была замѣщена. Въ случаѣ не сдѣланнаго въ продолженіе одного года жертвователемъ или его замѣстителемъ распоряженія о

Библиотека "Руниверс"

назначеніи стипендіата, право назначенія стипендіата также переходитъ къ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 6. Стипендіей пользуется учащійся до окончанія полнаго курса гимназіи, или до выхода изъ нея, кромѣ случая временнаго замѣщенія стипендіи, указаннаго въ предшествующемъ параграфѣ. Во время пребыванія въ заведеніи, при малоуспѣшности или неодобрительномъ поведеніи, пользующійся стипендіей по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназіи, можетъ быть лишенъ ея, о чемъ педагогическій совѣтъ доводитъ до свѣдѣнія учредителя стипендіи. Стипендіатъ, оставшійся по неуспѣшности на другой годъ въ томъ же классѣ, также лишается стипендіи. Исключеніе дѣлается для тѣхъ учениковъ, малоуспѣшность коихъ, по мнѣнію педагогическаго совѣта, произошла вслѣдствіе долговременной болѣзни или другихъ, независящихъ отъ ученика, обстоятельствъ. По лишеніи ученика стипендіи, учредитель ея или его замѣститель назначаютъ другаго стипендіата.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. По окончаніи лицомъ, пользующимся стипендіей курса, начальство гимназіи увѣдомляетъ о семъ учредителя стипендіи для назначенія новаго стипендіата.

§ 9. Наблюденіе за своевременнымъ полученіемъ процентовъ и за выходомъ облигаціи въ тиражъ, лежитъ на обязанности директора Московской 2-й гимназіи, который въ семъ послѣднемъ случаѣ обмѣниваетъ ее на другія правительственныя или гарантированныя правительствомъ бумаги.

§ 10. Образовавшійся по какому бы то ни было случаю остатокъ отъ стипендіальной суммы можетъ быть выдаваемъ въ видѣ пособія бѣднѣйшимъ изъ лучшихъ учениковъ гимназіи, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназіи.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩНІЯ.

26-го сентября 1884 года (№ 7). Утверждаются: бывшій ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кремлевъ, состоящій нынѣ директоромъ и ординарнымъ профессоромъ Демидовскаго юридическаго лицея, въ званіи

Библиотека "Руниверс"

заслуженнаго ординарнаго профессора университета, съ 23-го іюня 1884 года.

Докторъ математики Преображенскій—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета по каѳедрѣ практической механики, съ 12-го ноября 1883 года.

Доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ философіи, надворный совѣтникъ Козловъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ философіи, съ 31-го мая 1884 года.

Доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета Загоровскій—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ гражданскаго права, съ 1-го сентября 1884 года.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, адъюнктъ-профессоръ Императорской военно-медицинской академіи, статскій совѣтникъ Раевскій—ординарнымъ профессоромъ и директоромъ Харьковскаго ветеринарнаго института, съ 20-го августа 1884 года, съ оставленіемъ членомъ отъ министерства народнаго просвѣщенія въ ветеринарномъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ отчисленіемъ отъ министерства народнаго просвѣщенія и съ увольненіемъ отъ службы по военно-медицинской академіи.

Инспекторъ Пермской гимназіи, статскій совѣтникъ Боголюбовъ — директоромъ саратовской гимназіи, съ 5-го сентября 1884 года.

Исполняющій обязанности инспектора Казанскаго реальнаго училища, заслуженный преподаватель сего училища, статскій совѣтникъ Генвель—директоромъ Сарапульскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, съ 5-го сентября 1884 года.

Статскій совѣтникъ Богачевъ—директоромъ реальнаго училища Мазинга въ Москвѣ, съ 16-го августа 1884 года.

Потомственные почетные граждане: Ереневъ и Валгусовъ, томскіе купцы: Пушниковъ, Вяткинъ, Кухтеринъ, Казанцевъ, Пастуховъ, Михайловъ и Богомоловъ—членами попечительства томскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, на три года.

Потомственный почетный гражданинъ Агарковъ — почетнымъ попечителемъ Херсонской учительской семинаріи, на три года.

Перемѣщаются: директоры реальныхъ училищъ: Сарапульскаго Алексѣевскаго, статскій совѣтникъ Позняковъ и Камышинскаго, титулярный совѣтникъ Германъ—директорами реальныхъ училищъ:

Библиотека "Руниверс"

первый Камышинскаго и послѣдній Саратовскаго Александро-Маріинскаго, оба съ 5-го сентября 1884 г.

Переводятся: причисленный къ министерству императорскаго двора, въ званіи камергера, князь Ромуальдъ Гедройцъ и членъ совѣта по учебной части и инспекторъ классовъ дѣвичьяго института Восточной Сибири, надворный совѣтникъ Николай Агапитовъ, на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, первый причисленнымъ къ оному, съ 24-го августа 1884 года, и второй съ утвержденіемъ директоромъ народныхъ училищъ Иркутской губерніи.

Опредѣляются на службу по министерству народнаго просвѣщенія: изъ отставныхъ: статскій совѣтникъ Вондаловскій—съ утвержденіемъ директоромъ Кубанской войсковой гимназіи, съ 22-го августа 1884 года.

Бывшій инспекторъ Рязанской прогимназіи, статскій совѣтникъ Михаилъ Звѣревъ и бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ С.-Петербургскаго 2-го реальнаго училища, титулярный совѣтникъ Николай Ферморъ — причисленными къ сему министерству, первый съ 23-го августа 1884 года и послѣдній съ 5-го сентября 1884 года.

Изъ отставныхъ титулярный совѣтникъ Василій Тистровъ—помощникомъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, съ 27-го августа 1884 года.

Причисляется, согласно прошенію, къ министерству народнаго просвѣщенія. Завѣдывавшій магнитно-метеорологическою обсерваторіею въ г. Павловскѣ, надворный совѣтникъ Рудольфъ Фонъ-Траутфеттеръ, съ 1-го сентября 1884 года.

Оставляются на службѣ на пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Зарубинъ, со дня выслуги 25-лѣтняго срока.

Директоръ Поливановской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорьевъ, съ 12-го августа 1884 года.

Директоръ Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тупылевъ, съ 13-го августа 1884 года.

Директоръ Тульскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Даниловъ, съ 31-го августа 1884 года.

Продолжается срокъ отпуска: инспектору руководителю Бѣльской учительской семинаріи, статскому совѣтнику Островерхому, на двадцать-восемь дней, въ г. Желѣзноводскъ, по болѣзни.

Библиотека "Руниверс"

Директору Виленской Первой гимназіи, дѣйствительному статскому совѣтнику Балвановичу—на два мѣсяца, въ Крымъ, по болѣзни.

Ординарному профессору Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Митгофу и библіотекарю Императорской Публичной библіотеки, статскому совѣтнику Страхову—на двадцать-восемь дней, за границу, послѣднему по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи: на двадцать-восемь дней: Причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія: коллежскій совѣтникъ Бибиковъ, въ С.-Петербургскую и Псковскую губерніи, и кандидатъ Императорскаго Дерптскаго университета Михельсонъ, въ Таврическую губернію.

На два мѣсяца: инспекторъ и ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій Совѣтникъ Некрасовъ, въ Крымъ, по болѣзни, и начальникъ архива министерства народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ Барсуковъ, въ разныя губерніи.

и б) за границу: на три недѣли: библіотекарь Императорской Публичной библіотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кеппенъ.

На двадцать-восемь дней: врачъ С.-Петербургской пятой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Станевичъ, по болѣзни, и лекторъ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ Леженъ.

На три мѣсяца: врачъ Бердичевскаго еврейскаго двухкласснаго начальнаго училища Баумгольцъ.

Увольняются: за выслугою срока: директоръ народныхъ училищъ Полтавской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Добротворскій, отъ службы, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго института, статскій совѣтникъ Мельниченко—отъ должности директора сего института, съ 20-го августа 1884 года.

Коллежскій совѣтникъ Мазингъ—отъ должности директора содержимаго имъ реальнаго училища въ Москвѣ, съ 16-го августа 1884 года.

Почетный попечитель Острожской учительской семинаріи, коллежскій ассессоръ Штиглицъ—отъ сей должности.

Директоръ Полтавской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шафрановъ, и директоръ Варшавскаго реальнаго училища,

Библиотека "Руниверс"

дѣйствительный статскій совѣтникъ Баръ — отъ службы, послѣдній съ 16-го сентября 1884 года, съ дозволеніемъ обоимъ носить въ отставкѣ мундирные полукафтаны, послѣднимъ должностямъ присвоенные.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: предводителямъ дворянства: Камышинскаго и Царицинскаго уѣздовъ Саратовской губерніи князю Святополкъ-Четвертинскому и Балашовскаго уѣзда той же губерніи князю Голицыну-Прозоровскому, уѣздному начальнику, Равскаго уѣзда, Петровской губерніи Соколову и мѣстному начальнику земской стражи Нерлингу—за усердіе ихъ къ дѣлу народнаго образованія и за значительныя пожертвованія, сдѣланныя первымъ изъ нихъ на это дѣло.

2-го ноября 1884 года (№ 8). На основаніи Высочайше утвержденнаго 23-го августа 1884 года Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ:

Утверждаются съ 1-го октября 1884 года: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Васильевъ, ординарные профессоры сего университета, дѣйствительные статскіе совѣтники Ламанскій, Меншуткинъ и Янсонъ—деканами факультетовъ этого университета: Васильевъ—восточныхъ языковъ, Ламанскій историко-филологическаго, Меншуткинъ—физико-математическаго и Янсонъ—юридическаго.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ, ординарные профессоры сего университета, дѣйствительные статскіе совѣтники Цингеръ, Легонинъ и Склифасовскій—деканами факультетовъ этого университета; Поповъ—историко-филологическаго, Цингеръ—физико-математическаго, Легонинъ—юридическаго и Склифасовскій—медицинскаго.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ѳеофилактовъ, ординарные профессоры сего университета, дѣйствительные статскіе совѣтники Иконниковъ и Субботинъ и статскій совѣтникъ Демченко—деканами факультетовъ этого университета: Ѳеофилактовъ — физико-математическаго, Иконниковъ — историко-филологическаго, Субботинъ—медицинскаго и Демченко—юридическаго.

Ординарные профессоры Императорскаго Харьковскаго универси-

Библиотека "Руниверс"

тета, дѣйствительные статскіе совѣтники Надлеръ, Левашовскій, Стояновъ и Зарубинъ—деканами факультетовъ сего университета: Надлеръ—историко-филологическаго, Левашовскій—физико-математическаго, Стояновъ—юридическаго и Зарубинъ—медицинскаго.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Нелидовъ, ординарные профессоры сего университета, дѣйствительные статскіе совѣтники Левашовскій и Арнштейнъ и статскій совѣтникъ Бѣляевъ—деканами факультетовъ этого университета: Нелидовъ—юридическаго, Левашовскій—физико-математическаго, Арнштейнъ—медицинскаго и Бѣляевъ—историко-филологическаго.

Ординарные профессоры Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Некрасовъ, статскіе совѣтники Лигинъ и Малининъ—деканами факультетовъ сего университета: Некрасовъ—историко-филологическаго, Лигинъ—физико-математическаго и Малининъ—юридическаго.

Доценты Императорскаго университета св. Владиміра, магистры: Флоринскій, Куликовскій, Пихно, Казанцевъ, Тальбергъ и Стуковенковъ—экстраординарными профессорами сего университета по каѳедрамъ: Флоринскій—славянской филологіи, Кулаковскій—классической филологіи, Пихно—политической экономіи и статистики, Казанцевъ—римскаго права, Тальбергъ—уголовнаго права и судопроизводства и Стуковенковъ—накожныхъ и сифилитическихъ болѣзней.

Доценты Императорскаго Казанскаго университета: докторъ физики Цомакіонъ, магистры: Смирновъ, Архангельскій, Колмачевскій, Суворовъ, Ивановъ, Львовъ и Дормидонтовъ—экстраординарными профессорами сего университета по каѳедрамъ: Цомакіонъ—физики и физической географіи, Смирновъ—всеобщей исторіи, Архангельскій—русскаго языка и литературы, Колмачевскій—западно-европейскихъ литературъ, Суворовъ—чистой математики, Ивановъ—международнаго права, Львовъ—финансоваго права и Дормидонтовъ—римскаго права. Всѣ поименованные четырнадцать доцентовъ въ силу Высочайше утвержденнаго 15-го августа 1884 г. мнѣнія государственнаго совѣта, касательно приведенія въ дѣйствіе общаго устава университетовъ 23-го августа 1884 года.

Назначается съ 1-го октября 1884 года: Надворный совѣтникъ Боголѣповъ—совѣтникомъ правленія Императорскаго Московскаго университета по хозяйственной части.

Библиотека "Руниверс"

Перемѣщается: съ 1-го октября 1884 г. ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета по каѳедрѣ исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ, докторъ государственнаго права Стояновъ—на каѳедру энциклопедіи права.

Опредѣляются: съ 1-го октября 1884 г.: состоящій въ должности инспектора студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Цивильковъ, исправляющій должность инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Брызгаловъ, директоръ Таганрогской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рейтлингеръ, директоры реальныхъ училищъ: Псковскаго, Сергіевскаго дѣйствительный статскій совѣтникъ Потаповъ и Ростовскаго-на-Дону (Петровскаго)—статскій совѣтникъ Балдинъ и помощникъ проректора Императорскаго Харьковскаго университета, коллежскій совѣтникъ Вольнеръ — инспекторами студентовъ Императорскихъ университетовъ: Цивильковъ—С.-Петербургскаго, Брызгаловъ—Московскаго, Рейтлингеръ—св. Владиміра, Потаповъ—Казанскаго, Балдинъ—Новороссійскаго и Вольнеръ — Харьковскаго; изъ нихъ послѣдніе четыре съ увольненіемъ отъ занимаемыхъ ими нынѣ должностей.

Оставляются, согласно желанію, по выслугѣ 30-ти лѣтъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ: заслуженный ординарный профессоръ сего университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тихонравовъ, съ 4-го сентября 1884 г. и ординарный профессоръ того же университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Новацкій, съ 26-го сентября 1884 года.

5-го ноября 1884 г. (№ 9). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Менделѣевъ — въ званіи заслуженнаго профессора.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ международнаго права Даневскій—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каѳедрѣ международнаго права, съ 19-го апрѣля 1884 года.

Докторъ медицины, статскій совѣтникъ Чирьевъ — ординарнымъ профессоромъ Императорскаго университета св. Владиміра по каѳедрѣ физіологіи, съ 1-го сентября 1884 года.

Инспекторъ С.-Петербургской первой прогимназіи, статскій совѣтникъ Янко — директоромъ С.-Петербургской пятой гимназіи, съ 25-го сентября 1884 года.

Библиотека "Руниверс"

Инспекторъ Стародубской прогимназіи, статскій совѣтникъ Марковъ—директоромъ Полтавской мужской гимназіи, съ 6-го октября 1884 года.

Инспекторъ Бобруйской прогимназіи, статскій совѣтникъ Шолковичъ — директоромъ Шавельской гимназіи, съ 14-го октября 1884 года.

Наставникъ-руководитель гимназіи историко-филологическаго института князя Безбородка въ Нѣжинѣ, статскій совѣтникъ Бѣлоруссовъ — директоромъ Орловской гимназіи, съ 15-го октября 1884 года.

Директоръ Пензенской прогимназіи, преобразованной въ Пензенскую вторую гимназію, статскій совѣтникъ Поповъ — директоромъ сей гимназіи, съ 19-го октября 1884 года.

Инспекторъ Павлоградской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Броницкій — директоромъ Маріупольской гимназіи, съ 22-го октября 1884 года.

Инспекторъ Измаильской 4-х-классной прогимназіи, преобразованной въ шестиклассную, статскій совѣтникъ Аквилоновъ — директоромъ сей прогимназіи, съ 2-го октября 1884 года.

Исполняющій обязанности инспектора въ параллельныхъ классахъ Новочеркасской гимназіи, учитель сей гимназіи коллежскій совѣтникъ Пестовъ—директоромъ Изюмскаго реальнаго училища, съ 23-го сентября 1884 года.

Директоръ Самарской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Адіясѣвичъ — директоромъ Сызранскаго реальнаго училища, съ 28-го октября 1884 года.

Инспекторъ частнаго реальнаго училища Воскресенскаго въ Москвѣ, статскій совѣтникъ Кацауровъ — директоромъ Варшавскаго реальнаго училища, съ 28-го октября 1884 года.

Преподаватель Тверскаго реальнаго училища, исполняющій обязанности инспектора сего училища, коллежскій совѣтникъ Бердниковъ — директоромъ Скопинскаго реальнаго училища, съ 30-го октября 1884 года.

Преподаватель Екатерининскаго учительскаго института въ Тамбовѣ, надворный совѣтникъ Дубасовъ — директоромъ сего института, съ 23-го сентября 1884 года.

Директоръ народныхъ училищъ Вятской губерніи, коллежскій совѣтникъ Нурминскій — директоромъ Самарской учительской семинаріи, съ 28-го октября 1884 года.

Библиотека "Руниверс"

Назначаются: штатный учитель и завѣдывающій Варшавскою II женскою гимназіею Ненадкевичъ — правителемъ канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа, съ 1-го ноября 1884 года.

Предводитель дворянства Бѣлостокскаго и Сокольскаго уѣздовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Трахимовскій, отставной маіоръ Бѣлинскій, землевладѣлецъ Моэссъ и Бѣлостокскій 1 гильдіи купецъ Волковыскій — членами попечительства Бѣлостокскаго реальнаго училища, на три года.

Перемѣщаются: Директоръ Виленской второй гимназіи, статскій совѣтникъ Юницкій — директоромъ Виленской первой гимназіи, съ 14-го октября 1884 года.

Директоръ Шавельской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Бржезинскій — директоромъ Виленской второй гимназіи, съ 14-го октября 1884 г. директоръ Маріупольской гимназіи, статскій совѣтникъ Нейкирхъ—директоромъ Таганрогской гимназіи съ 22-го октября 1884 г.

Опредѣляются: изъ отставныхъ статскіе совѣтники Меландеръ и Хорошевскій — вновь на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, съ утвержденіемъ перваго — директоромъ народныхъ училищъ Ставропольской губерніи, съ 10-го октября 1884 года, и послѣдняго — директоромъ Волчанской учительской семинаріи, съ 28-го октября 1884 года.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Потѣхинъ — дѣлопроизводителемъ VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, съ 9-го октября 1884 года.

Кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Рихардъ Крихъ — на службу по министерству народнаго просвѣщенія, съ причисленіемъ къ оному и съ командированіемъ для занятій въ Императорскую Публичную Библіотеку, съ 11-го октября 1884 года.

Причисляются къ министерству народнаго просвѣщенія: бывшій учитель математики и физики Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища, коллежскій ассессоръ Александръ Ефимовъ — съ 1-го августа 1884 года.

Дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Регель — съ 4-го октября 1884 года, съ увольненіемъ отъ должности дѣлопроизводителя упомянутаго департамента.

Чиновникъ особыхъ порученій VI класса при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, инспекторъ классовъ С.-Петербург-

Библиотека "Руниверс"

скаго Елисаветинскаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вессель — съ 12-го октября 1884 года, съ опредѣленіемъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ на службѣ по военному вѣдомству и съ увольненіемъ отъ должности инспектора классовъ С.-Петербургскаго Елисаветинскаго училища.

Правитель канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Котельниковъ — съ 20-го октября 1884 года съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Оставляются на службѣ: по 1-е іюля 1885 года: директоръ Екатеринбургской гимназіи, статскій совѣтникъ Дмитріевъ.

По 24-е августа 1885 года: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій ассессоръ Крышка.

на пять лѣтъ: старшій наблюдатель при учащихся С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, статскій совѣтникъ Смирновъ, съ 11-го іюля 1884 года.

Директоръ Московскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Малининъ, съ 4-го сентября 1884 года.

Профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кросновскій, съ 1-го октября 1884 года.

Директоръ С.-Петербургской шестой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пустонскій, съ 13-го октября 1884 года.

Увольняются въ отпускъ; а) въ Россіи: начальникъ Сѣдлецкой учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Барановъ — на десять дней, въ г. Кіевъ.

Помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кунъ — на двѣ недѣли въ С.-Петербургѣ.

Директоръ Минской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Тимофѣевъ — на двадцать дней, въ С.-Петербургъ и Вологду.

Помощникъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Воронцовъ-Вельяминовъ — на двадцать-восемь дней, въ С.-Петербургъ и Тульскую губернію.

Дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ Толмачевъ — на мѣсяцъ, въ г. Одессу.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Вла-

Библиотека "Руниверс"

диміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Хандриковъ — по 1-е января 1885 года, въ разныя губерніи.

Ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Трачевскій — на три мѣсяца въ разныя губерніи, по болѣзни.

Лаборантъ фармаціи Казанскаго ветеринарнаго института, коллежскій ассессоръ Эйхенфельдъ — на четыре мѣсяца, въ разныя губерніи.

и б) за границу: учитель Роменскаго реальнаго училища, коллежскій ассессоръ Каура — на предстоящее зимнее вакаціонное время.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ Бенкендорфъ — на двадцать-восемь-дней.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета, надворный совѣтникъ Эрисманъ — на мѣсяцъ.

Отчисляются отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія: статскій совѣтникъ Юшковъ, съ 1-го октября 1884 года, по случаю назначенія его учителемъ математики, механики и черченія въ Варшавское реальное училище и кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Блюмбергъ, съ 9-го января 1884 года, вслѣдствіе опредѣленія его штатнымъ преподавателемъ въ училище при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ.

Увольняются отъ службы: а) по болѣзни: директоръ Орловской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гриценковъ, съ 15-го октября 1884 года.

и б) согласно прошеніямъ: директоръ Влоцлавскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Стефановичъ, съ 1-го октября 1884 года.

Директоръ Сызранскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Горскій, съ 4-го октября 1884 года, и директоръ Волчанской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Мальцовъ, съ 28-го октября 1884 года; оба съ дозволеніемъ имъ носить въ отставкѣ мундирные полукафтаны, послѣднимъ должностямъ присвоенные.

Дозволяется: бывшему директору Егорьевской прогимназіи, статскому совѣтнику Паркову — носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный

Объявляется признательность министерства народнаго

Библиотека "Руниверс"

просвѣщенія: князю И. Баратинскому — за пожертвованіе 500 руб. въ пользу нуждающихся учениковъ Курской гимназіи изъ дѣтей дворанъ Курской губерніи.

Севастопольской городской думѣ, контръ-адмиралу Савельеву, инженеръ-подполковнику Еранцеву, академику живописи Корнееву, архитектору Дрюнерту, купцамъ: Телятникову, Якову Демоленкѣ, Кухтину и Евтѣеву и купчихѣ Веприцкой за пожертвованія и труды при постройкѣ въ зданіи Севастопольскаго реальнаго училища храма во имя св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, въ память императора Александра II.

Члену попечительнаго совѣта Омской женской прогимназіи и почетному блюстителю омскаго уѣзднаго училища, омскому 2 гильдіи купеческому сыну Волкову за пожертвованія въ пользу означенныхъ учебныхъ заведеній и Крестовоздвиженскаго приходскаго училища.

Исключаются изъ списковъ умершіе: директоръ Виленской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Болвановичъ, директоръ скопинскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Львовъ, директоръ Кубанской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Федорченко и помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій регистраторъ Огаренковъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюру Котельникова: „О почвѣ и ея обработкѣ. Изданіе Девріена. С.-Пб. 1884. 57 стр. въ мал. 8 дол. Цѣна 25 к.“ — рекомендовать для библіотекъ народныхъ школъ и учительскихъ семинарій.

— Книгу: „П. В. Евстафіевъ. Новая русская литература (отъ Петра Великаго до настоящаго времени). Учебникъ для мужскихъ и женскихъ институтовъ, гимназій и учительскихъ семинарій. Изданіе 6-е (пересмотрѣно авторомъ). С.-Пб. 1884“ — одобрить какъ учебное пособіе при чтеніи и разборѣ литературныхъ образцовъ въ гимназіяхъ.

Библиотека "Руниверс"

— Книгу: „Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ реальныхъ училищъ, военныхъ гимназій и вообще для среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ. Составилъ Н. Буна-ковъ. С.-Пб. 1882. Цѣна 40 к."—одобрить какъ учебное руководство для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ.

— Книгу: „Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности съ логическимъ разборомъ, выводомъ основной мысли и объясненіемъ каждой статьи, съ 300 темъ и плановъ для устныхъ и письменныхъ упражненій и съ біографіями писателей. Н. Невзорова. Часть II. Изд. 4-е. Казань. 1884"—одобрить какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній (классы 3-й, 4-й и 5-й) и для старшихъ классовъ городскихъ училищъ.

— Книгу: „Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на греческій. Курсъ старшихъ классовъ. Составилъ О. Фар-никъ, преподаватель С.-Петербургской 6-й гимназіи. Изд. 2-е, исправленное и измѣненное. С.-Пб. 1884. Цѣна 1 р. 25 к."—одобрить какъ весьма полезное пособіе по греческому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Систематическій курсъ ариѳметики для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. Киселевъ, преподаватель Воронежскаго реальнаго училища. С.-Пб. 1884. Цѣна 1 руб."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Ученіе о пространствѣ или раціональная геометрія съ 4-мя таблицами чертежей. Составилъ преподаватель математики и физики въ С.-Петербургскомъ реальномъ училищѣ М. С. Волковъ. С.-Пб. 1882. Цѣна 1 руб."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Товарищъ. Книга для первоначальнаго чтенія и письменныхъ работъ по русскому языку. Составилъ Д. Поповъ, преподаватель приготовительнаго класса Петергофской мужской прогимназіи Императора Александра II. С.-Пб. 1884. Цѣна 50 коп."—одобрить какъ полезное ученикамъ приготовительнаго класса учебное пособіе для чтенія и для грамматическихъ упражненій.

— Книгу: „Учебникъ латинскаго языка для двухъ низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ А. О. Поспишилъ. Часть I. Курсъ перваго класса. Кіевъ. 1884. 90 стр. Цѣна 50 к."—одобрить для употребленія въ первомъ классѣ гимназій.

Библиотека "Руниверс"

— Книгу: „Сборникъ статей по классической древности, издаваемый для учениковъ гимназій Кіевскаго округа, отдѣломъ общества классической филологіи и педагогики. Выпускъ I. Кіевъ". 1884.—допустить въ фундаментальныя и ученическія библіотеки гимназій.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Методическое руководство обученія письму. Пособіе для учителей какъ среднихъ, такъ и низшихъ учебныхъ заведеній, родителей и для самообученія. Составилъ А. Гортовъ, преподаватель Елабужскаго реальнаго училища. Елабуга. 1884. Въ 8-ю д. л 150 стр. Цѣна 1 р. 30 к. (съ пересылкою, если выписывается отъ автора)" — одобрить для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Бесѣды съ дѣтьми о растеніяхъ разныхъ странъ. Составилъ Ѳ. Тарапыгинъ. С.-Пб. 1875. Въ 8-ю д. л. 164 стр. 51 рис. Цѣна 1 р. 50 к."—одобрить для библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Первый шагъ въ изученіи русскаго языка для начальныхъ грузинскихъ школъ. Составилъ Агніашвили. Тифлисъ. 1883. Цѣна 40 к."—допустить къ употребленію въ грузинскихъ школахъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи было обращено должное вниманіе на корректуру.

— Книгу: „Русское слово. Руководство для армянскихъ училищъ. Составилъ Камсаръ Теръ-Давдянцъ. Изд. 6-е. Тифлисъ. 1883"—одобрить, какъ пособіе для изученія русскаго языка въ армянскихъ училищахъ.

— Книгу: „Армянская азбука, по звуковому методу. Составилъ Р. Патканьянъ. Вѣна. 1884"—одобрить, какъ руководство къ обученію чтенія на армянскомъ языкѣ.

Библиотека "Руниверс"

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Г. министръ народнаго просвѣщенія, разрѣшилъ назначить плату за ученіе въ гимназіи Императора Александра III въ Болградѣ: въ приготовительномъ классѣ по десяти руб., а во всѣхъ остальныхъ классахъ по тридцати руб. въ годъ съ каждаго ученика, за исключеніемъ учениковъ изъ дѣтей поселянъ 38 общинъ болгарскихъ колонистовъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

3-го октября сего года послѣдовало открытіе VII класса Пензенской 2-й гимназіи, въ каковой классъ поступилъ 21 ученикъ.

20-го августа сего года послѣдовало открытіе Кіевскаго двухкласснаго городскаго училища, по положенію 26-го мая 1869 года, безъ приготовительнаго класса и женскаго отдѣленія, при чемъ въ день открытія въ немъ состояло 108 учениковъ.

21-го сентября сего года открыто Керенское городское трехклассное училище при чемъ всѣхъ учащихся поступило 50 человѣкъ изъ коихъ 12—въ первое отдѣленіе I-го класса, 20—во второе отдѣленіе того же класса и 18—въ первое отдѣленіе II класса.

Кромѣ того, открыты слѣдующія начальныя народныя училища министерства народнаго просвѣщенія: двухклассныя: въ селѣ Кагальникѣ, Ростовскаго-на-Дону уѣзда, Екатеринославской губерніи при 127 учащихся, и въ м. Каховкѣ, Днѣпровскаго уѣзда, Таврической губерніи, при 120 учащихся; и одноклассныя: въ селѣ Глевахѣ, Кіевской губерніи и уѣзда, при 40 учащихся, въ селѣ Повитьѣ, Ковельскаго уѣзда, Волынской губерніи, при 85 учащихся, въ селѣ Квиткахъ, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи, при 30 учащихся, и въ селѣ Гирявкѣ, Конотопскаго уѣзда, Черниговской губерніи, при 25 учащихся.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

I.

Ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Петрушевскій изобрѣлъ и усовершенствовалъ фотометръ, дающій наблюдателю возможность опредѣлить силу освѣщенія наклонной подъ какимъ угодно угломъ къ горизонту поверхности, находящейся на любомъ разстояніи отъ наблюдателя. Съ помощью означеннаго фотометра легко можно измѣрить силу свѣта въ комнатѣ, равномѣрность распредѣленія его и вліяніе разныхъ случайностей на степень освѣщенія даннаго предмета.

Означенный фотометръ профессора Петрушевскаго будетъ полезнымъ пріобрѣтеніемъ для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается физика.

Цѣна 20 руб. Каждый фотометръ снабжается свидѣтельствомъ, удостовѣряющимъ его пригодность.

II.

Департаментомъ народнаго просвѣщенія переданы коммиссіонеру департамента народнаго просвѣщенія, книгопродавцу Глазунову, въ С.-Петербургѣ, для продажи, печатные экземпляры „Списка лицамъ, служащимъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія на 1884—1885 годъ".

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ИСТОРІИ ФРАНЦУЗСКОЙ КОЛОНІИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ [1])

II.

Немедленно по своемъ воцареніи, императрица Екатерина II прекратила секретную неоффиціальную переписку между русскимъ и французскимъ правительствами, установившуюся при Елизаветѣ Петровнѣ [2]); графъ Воронцовъ и И. И. Шуваловъ, главнѣйшіе партизаны французской партіи въ елизаветинское время, утратили значеніе и удалились за границу, и вскорѣ императрица вступила въ личныя непосредственыя сношенія съ представителями французской литературы и искусства.

Царствованіе Екатерины составляетъ золотое время въ исторіи французской колоніи въ Россіи и можетъ быть раздѣлено въ этомъ отношеніи на два періода. Гранью между ними служитъ указъ 8-го февраля 1793 года [3]) „о прекращеніи сообщенія съ Франціею, по случаю произшедшаго въ оной возмущенія и умерщвленія короля Людовика XVI, и о высылкѣ Французовъ изъ Россіи, исключая тѣхъ, которые подъ присягою отрекутся отъ революціонныхъ правилъ, во Франціи распространившихся".

Въ первомъ періодѣ являлись въ Россію Французы, искавшіе здѣсь средствъ къ жизни, но цѣною труда. То были большею частью ма-

[1]) См. майскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* 1883 года.

[2]) См. письмо ея къ графу Воронцову 29-го декабря 1762 г. въ Архивѣ князя Воронцова, XXVIII, 19, и докладъ Воронцова 30-го того же декабря въ *Сб. Русск. Ист. Общ.*, VII, 221.

[3]) П. С. З., № 17101.

Библиотека "Руниверс"

лоизвѣстные люди различныхъ профессій, наставники, артисты, купцы, ремесленники. Каждый изъ нихъ принесъ Россіи свою долю, конечно, иногда незначительную, пользы. Во второмъ періодѣ нахлынула въ Россію толпа эмигрантовъ, съ громкими аристократическими именами и титулами, искавшая средствъ къ даровому существованію на счетъ русской казны. Сама императрица Екатерина, увѣдомляя однажды своего корреспондента Гримма о пріѣздѣ въ Петербургъ нѣсколькихъ знатныхъ Французовъ, писала ему 3-го іюня 1791 года, что „c'est une affaire de mode à present: tous vos désoeuvrés viennent chez nous, comme les nôtres allaient chez vous“ [1]). Вредъ, причиненный этими эмигрантами Россіи въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и при Павлѣ I,“ неисчислимъ.

Восшествіе Екатерины II на престолъ и обстоятельства, его сопровождавшія, возбудили значительный интересъ въ западной Европѣ и желаніе ознакомиться съ ними. Въ предшествующей статьѣ мы уже говорили о письмѣ Пиктэ къ Вольтеру, которое было посвящено этому предмету. Но письмо Пиктэ было не единственнымъ объ этомъ сочиненіемъ. Другое описаніе событій 1762 года принадлежитъ лицу, занимавшему въ Россіи дипломатическое положеніе. Мы разумѣемъ сочиненіе Рюльера.

Рюльеръ (1735—1791 гг.) пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1761 году секретаремъ къ французскому посланнику барону Бретелю. Онъ былъ свидѣтелемъ переворота 28-го іюня 1762 года и всѣхъ, происходившихъ въ то время событій; затѣмъ, въ числѣ прочихъ членовъ дипломатическаго корпуса, отправился въ Москву и присутствовалъ при коронаціи императрицы. Возвратясь на родину, Рюльеръ разказывалъ въ парижскихъ салонахъ петербургскія событія 1762 года и наконецъ составилъ ихъ описаніе подъ заглавіемъ: „Histoire ou anécdotes sur la révolution en Russie en 1762“. Посвященіе этого сочиненія графинѣ Эгмонтъ подписано имъ 10-го февраля 1768 года.

Это описаніе, читанное Рюльеромъ разнымъ лицамъ въ рукописи и сдѣлавшееся извѣстнымъ и при французскомъ дворѣ, произвело

---

[1]) *Сб. Р. Ист. Общ.* XXIII, 546. Любопытно сравнить съ этимъ отзывъ объ эмиграціи извѣстнаго графа Ферзена. «Depuis le 18 avril», пишетъ онъ 9-го мая 1791 г.,—«l'émigration est énorme; tout le monde part et se retire en pays étrangers. Paris est presque désert. D'ailleurs, comme tout est mode dans ce pays-ci, il est à présent du bon ton de s'en aller». См. Le comte de Fersen et la cour de France. P. 1878. I, 120.

Библиотека "Руниверс"

въ парижскомъ свѣтскомъ и литературномъ кругу большое впечатлѣніе. Самъ Вольтеръ, въ то время уже корреспондентъ Екатерины, выразилъ желаніе ознакомиться съ этою рукописью [1]). Она обратила на себя вниманіе и облагодѣтельствованнаго Екатериною энциклопедиста Дидро, который, чрезъ посредство находившагося въ Петербургѣ скульптора Фальконета [2]), приглашеннаго для сооруженія памятника Петру Великому, увѣдомилъ о сочиненіи Рюльера императрицу Екатерину [3]). Дидро находилъ обнародованіе книги Рюльера неудобнымъ въ то время, хотя и утверждалъ, что императрица Екатерина выставлена была въ немъ какъ „un gran cervello di principessa".

Прочитавъ это письмо Дидро, представленное ей Фальконетомъ, Екатерина хотя и высказала сомнѣніе въ томъ, чтобы какой-либо секретарь миссіи могъ знать вещи обстоятельно, какъ онѣ происходятъ, тѣмъ не менѣе нашла, что слѣдовало бы постараться купить рукопись Рюльера. Въ этомъ смыслѣ даны были приказанія русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ Хотинскому [4]).

Первое объясненіе Хотинскаго съ Рюльеромъ было, кажется, нерѣшительно; при второмъ ихъ свиданіи присутствовалъ Дидро, и Рюльеръ заявилъ, что сочиненіе его не будетъ напечатано ни при его жизни, ни при жизни императрицы Екатерины [5]). Дидро придавалъ этому сочиненію значеніе гораздо большее, чѣмъ оно заслуживало, и своими хлопотами о недопущеніи его въ печать не только возбуждалъ къ нему любопытство, но и вредилъ даже лицамъ, къ которымъ была расположена императрица Екатерина. Такъ, онъ сообщилъ, между прочимъ, въ Петербургъ, что сочиненіе Рюльера читалось на литературныхъ вечерахъ г-жи Жоффрень и у Даламбера, и мы едва ли ошибемся, выразивъ предположеніе, что это и было поводомъ къ тому, что императрица Екатерина въ 1768 году прекратила свою переписку съ

---

[1]) Письмо къ Шуазелю 1-го апрѣля 1768 г. (изд. *Бешо*, т. 65, № 5339).

[2]) О Фальконетѣ см. статью *В. В. Стасова* въ *Древ. и Нов. Россіи*, 1877 г., № 4.

[3]) Письмо Дидро къ Фальконету мая 1768 года. Oeuvres de Diderot. P., 1876, XVIII, 255.

[4]) Письмо Екатерины къ Фальконету 14-го іюня 1768 г. *Сб. Русск. Ист. Общ.* XVII, 44.

[5]) Письмо Дидро къ Фальконету 6-го сентября 1768 года. Записки княгини Дашковой въ Архивѣ кн. Воронцова, XXI, 141.

Библиотека "Руниверс"

этими лицами [1]). Когда въ 1770 году пріѣхала въ Парижъ княгиня Дашкова, она, по настоянію Дидро, отказалась принять у себя Рюльера, котораго знала еще въ Петербургѣ, потому что, по мнѣнію Дидро, свиданіе княгини съ Рюльеромъ придало бы авторитетность его книгѣ, тогда какъ отказъ ея въ бесѣдѣ съ нимъ много повредилъ ея важности. Наконецъ, въ бытность Дидро въ 1773—1774 годахъ въ Петербургѣ онъ вновь завелъ рѣчь о книгѣ Рюльера, и императрица пожелала имѣть съ нея копію, но французское правительство отозвалось, что рукопись составляетъ собственность автора, и что оно вмѣшиваться въ это дѣло не желаетъ [2]). Затѣмъ о сочиненіи Рюльера забыли, и оно явилось въ свѣтъ только въ 1797 году, когда ни императрицы Екатерины, ни автора не было въ живыхъ.

Если въ то время сочиненіе Рюльера имѣло интересъ новизны, то въ настоящую минуту оно имѣетъ лишь малое историческое значеніе. Многое въ немъ невѣрно, многое преувеличено [3]), и хотя Рюльеръ указываетъ, что въ Россіи онъ знавалъ княгиню Дашкову, Миниха, фельдцейхмейстера Вильбоа, Одара и камердинера императрицы Мишеля, отъ которыхъ получилъ свѣдѣнія о подробностяхъ событій 1762 года, но сомнительно, чтобъ эти лица посвящали въ свои тайны второстепеннаго дипломатическаго агента. Сверхъ того, Рюльеръ показываетъ совершенное незнакомство со страною, въ которой провелъ всего пятнадцать мѣсяцевъ. Сохранились два письма его къ Руссо, писанныя изъ Россіи въ 1762—1763 гг. [4]). Отзываясь вообще очень неблагопріятно о русскомъ народѣ, Рюльеръ между прочимъ утверждалъ, что всѣ французскія сироты, оставшіяся въ Россіи послѣ смерти ихъ родителей, дѣлались рабами какого-нибудь русскаго барина!

Наконецъ, третье французское сочиненіе о событіяхъ 1762 года принадлежитъ знаменитому автору „Павла и Виргиніи“, Бернардену де-Сенъ-Пьеру (1737—1814 гг.), пріѣхавшему въ Петербургъ въ сен-

---

[1]) Письма императрицы къ Жоффрень, см. въ *Сб. Русск. Ист. Общ.*, I, 283. Сношенія Екатерины съ Даламберомъ объяснены въ моей статьѣ въ *Истор. Вѣстн.*, 1884 г., № 4 и 5.

[2]) *Сб. Русск. Ист. Общ.*, XVII, 288—289.

[3]) Замѣчанія на книгу Рюльера Людовика XVI и княгини Дашковой напечатаны въ Архивѣ кн. Воронцова, XI, 491 и VII, 653.

[4]) *Streckeisen-Moultou*, J. J. Rousseau, ses amis et ses ennemis. Paris, 1865, I, 304.

Библиотека "Руниверс"

тябрѣ 1762 года и носившему въ то время имя шевалье де-Сенъ-Пьера.

Съ дѣтскихъ лѣтъ получивъ страсть къ странствованіямъ, Сенъ-Пьеръ еще отрокомъ совершилъ путешествіе на Мартинику, затѣмъ въ 1757 году поступилъ въ корпусъ французскихъ инженеровъ, принималъ участіе въ Семилѣтней войнѣ и потомъ отправленъ былъ въ качествѣ инженеръ-географа на островъ Мальту. Нигдѣ не удовлетворенный, онъ пріѣхалъ въ Амстердамъ, гдѣ сотрудничалъ у французскаго журналиста Мюстеля (Mustel), когда извѣстіе о вступленіи на престолъ императрицы Екатерины дало ему мысль попытать счастіе въ Россіи, черезъ которую онъ мечталъ установить сношенія съ Индіей и образовать колонію на восточной сторонѣ Каспійскаго моря. Онъ переѣхалъ въ Любекъ и оттуда отправился моремъ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ живописцемъ Торелли, которому Сенъ-Пьеръ былъ рекомендованъ его зятемъ, комендантомъ Любека, кавалеромъ де-Шазо (Chazot).

Дальнѣйшее повѣствованіе о пребываніи Сенъ-Пьера, передаемъ большею частью его собственными словами или словами его біографа, снабдивъ этотъ разказъ лишь нѣкоторыми подстрочными примѣчаніями [1]).

Въ минуту отъѣзда изъ Любека въ Россію, кавалеръ де-Шазо обратился съ усердною просьбою къ своему тестю Торелли, поручая ему молодаго Сенъ-Пьера. Торелли былъ первый императорскій живописецъ; онъ ѣхалъ въ Россію ко двору, чтобы писать картину коронованія [2]). На кораблѣ были актеры, пѣвцы, танцовщики, французскіе, англійскіе и нѣмецкіе парикмахеры, которые всѣ имѣли самыя выспреннія претензіи. Эти молодцы уже заранѣе воображали себя великими людьми: слушая ихъ, казалось, что они ѣдутъ просвѣщать Россію, развивать въ ней вкусъ къ изящнымъ искусствамъ. Ихъ преувеличенныя надежды и глупость ихъ предположеній служили немалымъ развлеченіемъ Сенъ-Пьеру. Переѣздъ длился мѣсяцъ. Пріѣхавъ наконецъ въ Кронштадтъ, пассажиры сѣли на катеръ, чтобы плыть вверхъ по Невѣ, островки которой были пустынны, а берега

---

[1]) Memoires sur la vie et les ouvrages de Bernardin de Saint-Pierre par *Aimé Martin*. Paris. 1826. 8°. Издатель пользовался записками самаго Бернардена де-Сенъ-Пьера и его обширною корреспонденціей. Перепечатано въ его Oeuvres posthumes, Paris, 1839, которыми мы и пользовались.

[2]) Картина эта нынѣ находится въ Императорской Академіи Художествъ.

Библиотека "Руниверс"

сплошь покрыты густыми сосновыми лѣсами. Плесканье веселъ одно нарушало глубокое безмолвіе этихъ мѣстъ. Пассажиры, устремивъ взоры на эти дикія мѣста, уже воображали себя на краю свѣта, какъ вдругъ, на поворотѣ рѣки, предъ ними показался градъ Петра Великаго, съ его обширными набережными, плашкоутнымъ мостомъ, золотымъ шпилемъ адмиралтейства, куполами, окрашенными въ зеленый цвѣтъ, дворцами, украшенными трофеями, гирляндами, группами амуровъ. Этотъ городъ казался оазисомъ среди пустыни. При этомъ великолѣпномъ видѣ, нашъ путешественникъ почувствовалъ невыразимый восторгъ. Онъ здѣсь будетъ искать славы, бороться съ судьбою! Здѣсь всѣ его предположенія, открытія найдутъ себѣ ревностныхъ покровителей! Эта многочисленная толпа, которую онъ видитъ на берегу, представляется ему друзьями, которыхъ ему хочется обнять, прижать къ сердцу. Итакъ, всѣ его предначертанія сбудутся. Пока онъ убаюкиваетъ себя этими розовыми снами, катеръ причаливаетъ къ Галерной набережной, гдѣ живутъ англійскіе купцы. Одинъ изъ нихъ, Торнтонъ, подходитъ съ радушнымъ видомъ къ пассажирамъ и проситъ ихъ къ себѣ на чашку чая, чтобы дать время каждому изъ нихъ увѣдомить своихъ друзей и знакомыхъ. Новое очарованіе для Сенъ-Пьера. Итакъ, онъ на такой землѣ, гдѣ иностранцевъ принимаютъ у городскихъ вратъ, какъ во времена патріарховъ! И если такъ принимаютъ человѣка неизвѣстнаго, то какихъ же почестей долженъ ожидать себѣ тотъ, чьи всѣ желанія стремятся къ благу людей!

Пока передъ нашимъ путешественникомъ открывается обширный кругозоръ надежды, онъ видитъ торжественную депутацію академіи художествъ, подходящую къ Торелли, чтобы привѣтствовать его съ пріѣздомъ. Художникъ принимаетъ привѣтствіе, садится въ карету, изъ дверецъ ея киваетъ слегка головою бывшему подъ его покровительствомъ Сенъ-Пьеру и уѣзжаетъ, къ великому изумленію молодаго человѣка. Входятъ между тѣмъ въ гостиную Торнтона, и вскорѣ другая карета похищаетъ другого пассажира; они малу по малу всѣ, одинъ за другимъ, изчезаютъ, и по мѣрѣ ихъ изчезновенія, начинаютъ разрушаться и воздушные замки бѣднаго философа. Наконецъ онъ одинъ, и долго дивится этому происшествію, открывающему ему, какой онъ сирый. Не желая казаться въ затрудненіи, онъ рѣшается проститься съ хозяиномъ дома, беретъ свою шпагу подъ мышки и направляется вдоль гранитной набережной, разволоченной еще послѣдними солнечными лучами. Дорогой онъ любуется бородатымъ народомъ, иду-

Библиотека "Руниверс"

щимъ съ такимъ важнымъ и дѣловымъ видомъ, и вспоминая о себѣ, съ грустью размышляетъ о своемъ одиночествѣ. Долго шелъ онъ такъ, углубившись въ печальныя мысли, какъ вдругъ слышитъ, что его называетъ по имени знакомый голосъ: это—одинъ изъ бывшихъ его спутниковъ, добрый Нѣмецъ, устроившійся давно въ Петербургѣ, который, догадываясь о затрудненіяхъ Сенъ-Пьера, хотѣлъ показать ему дорогу къ единственной гостиницѣ, содержимой Французами. Они нашли хозяйку, дѣвицу Лемэньянъ, сидящую за картами при тускломъ свѣтѣ лампы. Она встала, чтобы встрѣтить его, и сказала имъ, что хозяинъ, братъ ея, въ Москвѣ, куда государыня только что поѣхала на коронацію [1]). Потомъ она дала поужинать молодому Французу, пораженному этою новостью, разстроившею всѣ его предначертанія, и впавшему въ самое грустное настроеніе. Забравъ всѣ свои вещи и расплатившись за путевыя издержки, онъ остался съ шестью франками, которые очень скоро были истрачены. Вынужденный жить лишеніями, онъ проводилъ цѣлые дни въ своей комнатѣ, ища забвенія въ изученіи математики. Время шло, дворъ не возвращался, и все показывало Сенъ-Пьеру, что его хозяйка не желаетъ болѣе оказывать ему кредитъ. Онъ совершенно не зналъ, какъ выйдти изъ такого лабиринта, какъ вдругъ, въ одно воскресенье, при выходѣ изъ церкви, къ нему вѣжливо подошелъ хорошо одѣтый незнакомецъ и, послѣ продолжительнаго разговора, въ которомъ высказалъ много участія, предложилъ ему представить его фельдмаршалу Миниху, С.-Петербургскому губернатору [2]), у котораго онъ былъ секретаремъ. Довольный этимъ любезнымъ предложеніемъ, Сенъ-Пьеръ условился о времени свиданія на слѣдующій день, въ третьемъ часу утра, единственномъ свободномъ для просителей часу у фельдмаршала. Онъ увидалъ 80-лѣтняго старика, худощаваго, живаго, принявшаго его очень любезно и менѣе чѣмъ въ четверть часа показавшаго ему весь свой кабинетъ, свои рисунки, свои планы и сотню книгъ по военно-инженерному дѣлу, составлявшихъ всю его библіотеку. Эти книги—замѣчаетъ Сенъ-Пьеръ—послужили его славѣ. Заброшенный въ сибирскія пустыни, онъ, какъ древніе философы, открылъ школу на землѣ изгнанія. Собирая вокругъ себя солдатъ, которымъ былъ порученъ присмотръ за нимъ, онъ любилъ открывать имъ тайны науки Эвклида и Паскаля. Отечество покарало его за

---

[1]) Императрица выѣхала изъ Петербурга въ Москву 1-го сентября 1762 г.

[2]) Это ошибка: Минихъ носилъ званіе Сибирскаго генералъ-губернатора, пожалованное ему Петромъ III 9-го іюня 1762 г.

Библиотека "Руниверс"

добро, а онъ мстилъ тѣмъ лишь, что совершалъ новое. И вдругъ, изъ этихъ дикихъ странъ стали появляться ученые и ловкіе инженеры, среди русскихъ войскъ, вскорѣ положившіе начало русской военной академіи. Такой человѣкъ долженъ былъ оцѣнить заслуги Сенъ-Пьера. Минихъ уже былъ очарованъ его разговоромъ, но захотѣлъ судить о немъ на дѣлѣ и, передавъ ему бумаги, кистей и красокъ, попросилъ его придти, вскорѣ, съ образчикомъ своего таланта. Это приглашеніе возымѣло желанный успѣхъ—продлить кредитъ нашего путешественника. Вскорѣ онъ явился съ планомъ, который такъ понравился Миниху, что онъ обѣщалъ представить автора его генералу Вильбоа, главному начальнику артиллеріи [1]), и, обращаясь на нѣмецкомъ языкѣ къ своему первому адъютанту, велѣлъ принести мѣшокъ съ рублями и предложилъ его Сенъ-Пьеру, говоря, что эта сумма послужитъ ему уплатой за его путевыя издержки до Москвы. Сенъ-Пьеръ отвѣчалъ, краснѣя, что инженеры Французскаго короля не могутъ получать деньги иначе, какъ отъ самаго монарха. И когда онъ уходя высказалъ это, Минихъ всталъ и сказалъ ему, растроганный, что въ Россіи обычай дозволялъ полковнику и даже генералу принять благодѣяніе изъ его рукъ, но что онъ не сердится на отказъ Сенъ-Пьера, внушенный избыткомъ совѣстливости. Потомъ Минихъ прибавилъ, послѣ нѣкотораго раздумья: „Вы, конечно, не откажетесь совершить этотъ путь съ однимъ изъ моихъ друзей, генераломъ Сиверсомъ, который ѣдетъ ко двору?“ Это послѣднее предложеніе Сенъ-Пьеръ принялъ съ благодарностью. Это былъ первый шагъ къ счастію, и онъ начиналъ уже воображать, что такая удача будетъ небезполезна для осуществленія его великихъ предначертаній.

Въ это же время Провидѣніе, давъ ему покровителя, снабдило его и другомъ. Женевецъ Дюваль, придворный ювелиръ [2]), котораго онъ часто встрѣчалъ у своей хозяйки, не могъ видѣть его несчастное положеніе, не бывъ имъ тронутъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, лицо которыхъ отражаетъ ихъ мысли, добродушныя и добродѣтельныя. Онъ пожелалъ быть добрымъ геніемъ молодаго человѣка, котораго видѣлъ безстрашнымъ и безропотнымъ въ борьбѣ съ нищетою. Между ними вскорѣ возникла искренняя дружба. Дюваль далеко не одобрялъ

---

[1]) Александръ Никитичъ Вильбоа назначенъ былъ на должность генералъ-фельдцейхмейстера въ началѣ 1762 г.

[2]) О немъ см. мою статью: „Картинная галлерея Дюваля“ въ *Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ* 1883 года, № 2.

Библиотека "Руниверс"

всѣ предположенія и планы своего молодаго друга, но не порицалъ ихъ открыто, зная, что самолюбіе излѣчивается только собственными промахами и ошибками человѣка. Всегда готовый дать добрый совѣтъ, Дюваль и впослѣдствіи не стѣснялъ свободной воли Сенъ-Пьера, являясь лишь тогда, когда требовалось утѣшить или помочь. Это былъ идеалъ дружбы, и та дружба, которую онъ возбудилъ въ душѣ Сенъ-Пьера, была такъ глубока и сильна, что послѣдній не только писалъ ему письма, изъ которыхъ составилось его путешествіе въ Иль-де-Франсъ, но сверхъ того, много времени спустя, посредствомъ трогательнаго вымысла, приписалъ свою собственную теорію „таянія снѣговъ“ нѣкоему ученому Дювалю, желая такимъ образомъ распространить на своего друга, вдохновившаго его на его первое сочиненіе, послѣдніе лучи своей славы.

Дюваль, узнавъ о скоромъ отъѣздѣ своего друга, употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ отклонить его отъ этого рѣшенія, но не будучи въ состояніи этого сдѣлать, великодушно открылъ ему кредитъ. И тотъ самый молодой человѣкъ, который отказался принять даръ фельдмаршала Русской имперіи, ибо видѣлъ въ немъ лишь иностраннаго покровителя, согласился занять десять рублей (50 фр.) у простого, частнаго лица, въ которомъ сердце его видѣло друга.

Впрочемъ, фельдмаршалъ Минихъ представилъ его генералу Сиверсу, подъ покровительствомъ котораго Сенъ-Пьеръ долженъ былъ явиться ко двору, и вскорѣ послѣ того, они отправились въ Москву. Это было въ январѣ 1763 года. У генерала Сиверса было два возка, очень теплые, закрытые; одинъ для него, другой для его адъютантовъ. Его камердинеру назначены были открытыя сани. Генералъ приказалъ посадить туда и молодаго Француза. Уже въ первую ночь сани опрокинулись два раза. Нашъ несчастный путешественникъ, подверженный всей суровости холода, мёрзъ тѣмъ сильнѣе, что по незнанію своему не успѣлъ принять никакихъ предосторожностей, обычныхъ въ зимнемъ странствованіи. На второй же день онъ отморозилъ себѣ щеку, и еслибъ его спутникъ не далъ ему мѣховой шапки, онъ отморозилъ бы себѣ и оба уха. Всякій разъ, какъ подъѣзжали къ станціи, генералъ самъ распаковывалъ провизію, распредѣляя каждому маленькій кусокъ хлѣба, твердаго какъ мраморъ, и около полу стакана вина. Послѣ такой великодушно-щедрой раздачи, генералъ садился за столъ, а его адъютанты и секретарь становились за нимъ. Сенъ-Пьеръ не счелъ нужнымъ подражать этимъ офицерамъ, что̀ ихъ очень конфузило. Онъ осмѣлился сѣсть въ присутствіи генерала,

Библиотека "Руниверс"

который не простилъ ему этого избытка фамиліарности. Нѣкоторое презрѣніе, съ которымъ къ нему относились, удвоивало его гордость и причиняло ему тоску. Но и одного вида природы было достаточно, чтобы навести на него грустное состояніе. Трудно—замѣчаетъ онъ—описать суровость воздуха и холода. Все было покрыто снѣгомъ. Наконецъ они прибыли въ Москву. Видъ ея поразилъ нашего молодаго путешественника. Ничто—говоритъ онъ—не можетъ сравниться великолѣпіемъ съ видомъ этого города, гдѣ все указываетъ на близость Азіи. Среди домовъ, выстроенныхъ въ китайскомъ вкусѣ, высятся во множествѣ блестящіе куполы, надъ которыми сверкаютъ шпили болѣе тысячи двухъ сотъ колоколенъ, оканчивающихся полумѣсяцемъ съ крестомъ, его попирающимъ. Нашъ основатель новаго государства прибылъ въ этотъ городъ съ однимъ рублемъ въ карманѣ, хотя, правда, что въ виду своего будущаго величія, онъ вовсе не думалъ о своей настоящей нищетѣ. Онъ не горевалъ о томъ, чѣмъ онъ будетъ ужинать, но вся его забота была лишь о томъ, какъ предстанетъ онъ предъ великою Екатериной,—ибо для него видѣть и убѣдить ее было одно и то же. Одинъ изъ его спутниковъ, пораженный достоинствомъ его поведенія въ такомъ затруднительномъ положеніи, отъ всего сердца принялъ участіе въ его несчастіи. Это былъ офицеръ Бороздинъ [1]), молодой, пылкій, гордый, доходящій въ своей искренности до рѣзкости. Для него было закономъ мыслить вслухъ, такъ какъ ему казалось низостью молчать передъ порокомъ въ счастіи, и онъ нападалъ тогда на порокъ со всею рѣзкостью своего характера. Онъ часто упрекалъ генерала въ его равнодушіи къ молодому Французу, но эти упреки только сильнѣе раздражали спѣсь человѣка, восторгавшагося лишь собственными заслугами. Прибывъ въ Москву, генералъ приказалъ экипажамъ остановиться у подъѣзда большой гостиницы и, радуясь случаю уколоть самолюбіе или затруднить Сенъ-Пьера, холодно объявилъ ему, что пора позаботиться о ночлегѣ. Была уже ночь, и это объявленіе распространило тревогу между путешественниками. Тотчасъ каждый изъ нихъ сталъ отыскивать свой багажъ, а слуги начали звать извощиковъ. Сенъ-Пьеръ обладалъ однимъ маленькимъ чемоданчикомъ и никакъ не могъ отыскать его, какъ вдругъ узналъ, что генералъ отправилъ его по почтѣ, подъ предлогомъ, что экипажи его уже слишкомъ нагружены. Пока Сенъ-Пьеръ

[1]) Василій Корниловичъ, краткую біографію котораго см. въ Энцикл. лексиконѣ *Плюшара*, VI, 414.

Библиотека "Руниверс"

изумлялся такому распоряженію, Бороздинъ, узнавъ также про это, вспылилъ и громко порицалъ такую несправедливость. Но генералъ, не удостоивъ его отвѣтомъ, приказалъ своему кучеру ѣхать, предоставивъ обоимъ молодымъ людямъ гнѣваться, какъ имъ покажется удобнѣе. Этотъ случай сблизилъ ихъ еще болѣе, и они разстались, обѣщавъ другъ другу свидѣться какъ можно скорѣе. Бороздинъ отправился къ своему дядѣ, Вильбоа. Что касается Сенъ-Пьера, онъ нанялъ извощика и велѣлъ везти себя къ брату своей петербургской хозяйки, — Лемэньяну, который, по рекомендаціи Дювала, долженъ былъ дать ему квартиру. Но неудачи очень часто сходятся также, какъ и несчастія. Прибывъ къ Лемэньяну, онъ узналъ отъ его слуги, что его хозяина нѣтъ въ Москвѣ, и что онъ не знаетъ, когда тотъ возвратится. Можно представить себѣ замѣшательство нашего путешественника. Одинъ, въ огромномъ городѣ, среди ночи, не зная русскаго языка, не будучи въ состояніи объясниться, ни понять, что̀ ему говорятъ, онъ былъ какъ нѣмой передъ своимъ возницей. Наконецъ, не зная какъ быть, онъ машинально садится опять въ сани своего извощика, который, едва онъ сѣлъ, быстро отвозитъ его, по догадкѣ, въ ту же самую гостиницу, откуда онъ его увезъ. Расплата съ нимъ окончательно истощила кошелекъ молодаго человѣка, и онъ входитъ въ этотъ домъ, не зная, какъ онъ завтра изъ него выйдетъ. Только что онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по двору гостинницы, какъ видитъ, что на встрѣчу ему бѣжитъ хозяинъ, толстый, добродушный Нѣмецъ, который на почти непонятномъ ему языкѣ протестуетъ о своей невиновности, о своей честности, чести и кончаетъ всю эту неожиданную апологію, кладя на плечи нашего путешественника довольно красивое бархатное сѣдло, которое онъ держалъ въ рукахъ. Этотъ послѣдній аргументъ, казалось, не требовалъ возраженій, ибо Нѣмецъ тотчасъ замолчалъ, его лицо повеселѣло, и онъ, видимо, казался вполнѣ доволенъ собою. Озадаченный этимъ нежданнымъ пріемомъ, Сенъ-Пьеръ снимаетъ съ себя сѣдло, кладетъ его обратно на руки хозяина и старается объясниться. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ фразъ, онъ догадывается, что это сѣдло забыто Бороздинымъ, и что хозяинъ принялъ его за одного изъ слугъ этого офицера. Нисколько не обидившись такою ошибкой, Сенъ-Пьеръ рѣшается воспользоваться ею, чтобы провести ночь въ этой гостинницѣ, не платя за ночлегъ. Онъ объясняетъ хозяину, что онъ иностранецъ, что уже ночь, и что онъ только утромъ уѣдетъ. Хозяинъ, понявъ его, отворяетъ ему тотчасъ дверь въ теплый залъ, гдѣ топилась большая печь,

Библиотека "Руниверс"

и приглашаетъ его любезно улечься на скамьѣ, по народному русскому обычаю. Сѣдло послужило ему подушкой, и не заботясь болѣе о завтрашнемъ днѣ, Сенъ-Пьеръ вскорѣ заснулъ глубокимъ сномъ. Лишь только стало свѣтать, Бороздинъ вошелъ въ залъ, гдѣ нашъ бѣдный путешественникъ еще спалъ. Онъ не мало изумился, найдя его тамъ преспокойно лежащимъ на доскѣ, съ его сѣдломъ вмѣсто подушки. Голосъ Бороздина разбудилъ Сенъ-Пьера, озадаченнаго такимъ неожиданнымъ появленіемъ, и онъ разказалъ своему другу о своей вчерашней неудачѣ. Онъ придалъ столько комичности своему разказу, что оба они долго смѣялись и рѣшили провести утро вмѣстѣ. Бороздинъ велѣлъ принести завтракъ. За дессертомъ онъ пожелалъ видѣть рекомендательныя письма своего друга. Въ числѣ прочихъ онъ увидалъ одно, адресованное генералу Боскѣ [1]). Оно было все написано рукою фельдмаршала Миниха. Бороздинъ живо схватилъ письмо и сказалъ: „Это письмо не лишнее! генералъ—Французъ и не забылъ свое отечество. Одинъ звукъ вашего голоса достаточенъ, чтобы хорошо расположить его къ вамъ. Намъ нужно тотчасъ же ѣхать къ нему, ибо я не думаю, что вы будете терять время даромъ, а генералъ не потеряетъ ни минуты, когда узнаетъ, что можетъ быть вамъ полезенъ".

Они нашли генерала Боске закутаннымъ въ пестрый халатъ, въ ночномъ колпакѣ, съ трубкой въ зубахъ, расхаживающимъ большими шагами по кабинету. Его грубыя, жесткія черты лица, рѣзкость его движеній производили сначала почти невыгодное впечатлѣніе; но когда онъ начиналъ говорить, его лицо принимало болѣе и болѣе мягкое выраженіе, дѣлалось добродушнымъ и любезнымъ, и понемногу вся суровость лица изчезала, освѣтившись, если можно такъ выразиться, такою доброю улыбкой, которая по неволѣ располагала къ нему. Едва генералъ узналъ, что Сенъ-Пьеръ—Французъ, какъ, отбросивъ всю свою важность, вполнѣ предался удовольствію встрѣчи съ земляkомъ, желая слышать отъ него вѣсти объ отечествѣ. Этотъ разговоръ, заставившій генерала тотчасъ же полюбить нашего молодаго путешественника, имѣлъ тотъ результатъ, что Сенъ-Пьеръ, уходя отъ генерала, унесъ съ собою обѣщаніе чина инженернаго поручика. Пять дней спустя, онъ получилъ дипломъ, а нежданный пріѣздъ Лемэньяна окончательно выручилъ его. Этотъ прекрасный человѣкъ не только предложилъ ему свой домъ, но, по рекомендаціи Дюваля, далъ ему

[1]) Даніилъ дю-Боскѣ, съ 23-го октября пожалованный инженеръ-генераломъ. *Баранова*, Опись указамъ, III, № 11717.

Библиотека "Руниверс"

всѣ необходимыя денежныя средства на экипировку. Такъ все пошло по желанію Сенъ-Пьера.

Онъ былъ молодъ и, вѣроятно, потому и не нечувствителенъ къ изяществу новаго своего костюма. Пунцовый мундиръ съ черными бархатными отворотами, бланжевый жилетъ, бѣлые, шелковые чулки, прекрасный плюмажъ на шляпѣ, блестящая шпага—таковъ былъ въ это время инженерный мундиръ въ Россіи. Бороздинъ былъ въ такомъ восторгѣ отъ осанки своего друга, что тотчасъ же пожелалъ представить его своему дядѣ, Вильбоа. Вильбоа былъ также Французъ по происхожденію. Манеры, полныя достоинства, лицо, хотя холодное, но величественное, самоувѣренный видъ отъ привычки командовать все это не лишало его сердечности въ пріемахъ и давало цѣну его ласковому обращенію, которымъ онъ умѣлъ выражать свое уваженіе къ заслугамъ другихъ. Онъ угадалъ способности въ Сенъ-Пьерѣ, и съ его третьяго визита принялъ его въ свое общество, просилъ его обѣдать вмѣстѣ и, по обычаю русскихъ баръ, не иначе звалъ его, какъ „братецъ“ (cousin). Онъ много видалъ въ своей жизни и прекрасно разказывалъ, а Сенъ-Пьеръ умѣлъ слушать. Въ это время императрица Екатерина была предметомъ всѣхъ разговоровъ. Только и было толковъ, что о ея геніальности, ея предначертаніяхъ, ея самоувѣренности, ея добродѣтеляхъ. Воображеніе молодаго нашего законодателя воспламенялось при всѣхъ этихъ разказахъ. Онъ горѣлъ желаніемъ увидѣть эту необыкновенную женщину.

Вильбоа, восхищенный восторженностью молодаго человѣка, плановъ и намѣреній котораго онъ еще, впрочемъ, совсѣмъ не зналъ, рѣшился исполнить его желаніе, представивъ его императрицѣ. Казалось, имъ руководила въ этомъ случаѣ какая-то затаенная причина, и по всему можно было заключить, что онъ задумалъ побороть вліяніе Орловыхъ вліяніемъ новаго любимца и завладѣть такимъ образомъ волею своей государыни. Однажды вечеромъ, выходя изъ-за стола, онъ объявилъ Сенъ-Пьеру о счастіи, котораго на другой день онъ будетъ удостоенъ. Это извѣстіе невообразимымъ образомъ вскружило голову нашему философу. Чтобы приготовиться къ этому пріему, онъ торопливо уходитъ изъ салона Вильбоа, спѣшитъ запереться въ своей комнатѣ, и тамъ разъ двадцать начинаетъ перечитывать свою „Записку“, которую намѣревался представить императрицѣ. Онъ то декламировалъ, то открывалъ Плутарха, ища въ немъ воспоминаній и вдохновеній, и приготовилъ наконецъ прекрасную рѣчь о счастіи царей, основывающихъ республикан-

Библиотека "Руниверс"

скія государства. Ночь проходитъ среди всевозможныхъ треволненій и лихорадочнаго изступленія. Къ утру онъ начинаетъ свой туалетъ, который каждую минуту прерываетъ, чтобы поправить строчку, измѣнить выраженіе, прибавить мысль, долженствующую упрочить успѣхъ его предпріятія. Но что же это было за предпріятіе, заставившее его переноситься на окраины міра? У восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, между Индіей и Россіей, существуетъ подъ прекраснѣйшимъ небомъ всего свѣта счастливая страна, гдѣ природа проявила всѣ свои дары. Въ ней жили прежде Татары и сдѣлали изъ нея пустыню. Тамъ-то, подъ скромнымъ названіемъ сотоварищества, нашъ юный законодатель хочетъ основать республику. Русская императрица, дѣйствуя въ собственномъ интересѣ, будетъ покровительствовать учрежденію, которое должно доставить въ ея руки богатства Индіи и всемірную торговлю. Эта республика будетъ открыта только для несчастныхъ всѣхъ націй: достаточно быть бѣднымъ и угнетеннымъ, чтобы найдти въ ней убѣжище. Сами Татары укротятся, чтобы вступить въ этотъ великій союзъ несчастія. Довѣріе, свобода, справедливость будутъ вмѣстѣ и закономъ, и единственною правительственною силой. Законодательство этой новой Атлантиды выразится въ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ. Какъ кодексъ Вильгельма Пенна, оно скажетъ всѣмъ тѣмъ, кто страдаетъ на землѣ: придите въ нашу обѣтованную страну; кто въ ней насадитъ дерево, получитъ съ него плодъ. Сенъ-Пьеръ предполагалъ, главнымъ образомъ, подражать Пенну въ его довѣріи къ Божественному Промыслу, и эта вѣра была самая глубокая, какой не выказалъ еще ни одинъ изъ основателей республикъ, ибо онъ рѣшился основать общество богатыхъ и притомъ безоружныхъ людей, которое по какому-то чуду Провидѣнія безпрерывно процвѣтаетъ среди дикихъ и европейцевъ [1]).

Наконецъ, настаетъ часъ аудіенціи. „Записка“ окончена; Сенъ-Пьеръ перечитываетъ ее еще разъ, бѣжитъ къ Вильбоа, садится въ его карету и вскорѣ видитъ себя въ роскошной галлереѣ, среди самыхъ именитыхъ придворныхъ и вельможъ. Всѣ они старались имѣть французскую учтивость и французскія манеры. По выраженію чистосердечія и довольства, сіявшему на ихъ лицахъ, можно было подумать, что это собраніе счастливцевъ. Каждый стремился казаться не тѣмъ, что онъ есть, говорить не то, что думаетъ, выслушивать то, чему

[1] Записка Сенъ-Пьера «Projet d'une compagnie pour la découverte d'un passage aux Indes par la Russie» въ его Oeuvres posthumes, стр. 33 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

онъ не вѣритъ. Не обманывать было бы измѣной обычаю. Тутъ былъ предательскій обмѣнъ хитростей, которымъ никто не поддавался, но всѣ казались совершенно довольны. Ленты, золото, серебро, драгоцѣнныя каменья ослѣпляли глаза. При видѣ этой пестрой толпы, Сенъ-Пьеръ теряетъ вдругъ свою самоувѣренность. Вдругъ двери, ведущія въ галлерею, растворились съ шумомъ настежь, и все притихло. Онъ видѣлъ одну императрицу. Она приближалась одна; ея видъ былъ величественный, выраженіе лица серьезно и вмѣстѣ благосклонно; ея походка граціозна и легка; все въ ней отгоняло страхъ, все внушало почтительность. Она останавливается, чтобы выслушать Вильбоа, и пока онъ говоритъ, глаза Екатерины останавливаются на нашемъ молодомъ законодателѣ, который, по знаку Вильбоа, подходитъ и, слѣдуя обычаю, преклоняетъ колѣно, чтобы поцѣловать руку, которую протягиваетъ ему императрица. Послѣ этой церемоніи, она предлагаетъ ему многіе вопросы о Франціи; онъ былъ счастливъ въ своихъ отвѣтахъ, и прелестная улыбка возвѣстила ему, что онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе. Наконецъ, она сказала ему, съ выраженіемъ доброты, что съ удовольствіемъ видитъ его на своей службѣ и проситъ его выучиться русскому языку; потомъ, кивнувъ головою Вильбоа, она бросила на покровительствуемаго имъ Сенъ-Пьера самый благосклонный взглядъ и двинулась далѣе съ вельможами, окружавшими ее. Быстрота этой сцены совершенно разстроила всѣ предположенія Сенъ-Пьера. Его рѣчь замерла на его губахъ, а его записка осталась въ его карманѣ. Онъ, пришедшій, чтобы сказать истину, не нашелъ ничего другаго, кромѣ комплиментовъ. Какое же обаяніе заставило его подчиниться вліянію двора? Отчего онъ не могъ побѣдить свою слабохарактерность, отъ которой онъ краснѣлъ? Онъ слишкомъ ясно видѣлъ, что вся его утопія республики разлетѣлась прахомъ.

Лишь только императрица удалилась, придворные и вельможи окружили Вильбоа, поздравляя его съ успѣхами его молодаго кузена, который въ ту же минуту сдѣлался предметомъ общаго вниманія. Ему предлагались услуги, ему расточались комплименты, признанія, лесть. Графъ Орловъ самъ подошелъ, чтобы пригласить его завтракать съ нимъ, а баронъ Бретёль, тогдашній французскій посолъ, фамиліарно побранилъ его за то, что онъ пренебрегъ услугами соотчича. Сконфуженный и какъ опьянѣлый, нашъ бѣдный подпоручикъ не могъ понять, что вдругъ сдѣлало его такимъ важнымъ лицомъ. Онъ подошелъ къ Бороздину, который, будучи свидѣтелемъ этой сцены, издали его поздравлялъ. Только что они остались

Библиотека "Руниверс"

одни, Бороздинъ объяснилъ ему придворную поспѣшность, привычку преклоняться передъ идолами фортуны: „Думается, что Вильбоа остановилъ свой выборъ на васъ, чтобы поколебать вліяніе Орловыхъ и войдти опять въ силу, надежда на которую ему прежде улыбалась. Прибавляютъ, что государыня, уходя, похвалила вашу наружность, вашу самоувѣренность и живость вашихъ отвѣтовъ. Мой дядя и многіе изъ придворныхъ вельможъ хвалили васъ. Орловъ поблѣднѣлъ отъ этого. Вѣрьте мнѣ: рѣшитесь попытать счастія быть соперникомъ этого недостойнаго любимца. Всѣ кошельки откроются передъ вами. Возьмите экипажъ, домъ, титулъ, прислугу; ежечасно будьте при проходѣ императрицы; она молода, прекрасна, слаба, вы—Французъ, вы любезны, для васъ все возможно".

Твердо рѣшившись не отступать никогда отъ честныхъ убѣжденій, Сенъ-Пьеръ отправился на другой день къ Орлову, захвативъ съ собою свою записку. Онъ засталъ Орлова въ кабинетѣ, одного, за чтеніемъ какихъ-то бумагъ. Пріемъ его былъ очень вѣжливъ, но холоденъ; въ обращеніи его была странная смѣсь простоты, искренности и гордости. Его мужественная, суровая красота имѣла въ себѣ что-то жесткое, но жесткость эта сглаживалась мягкостью голоса и выработанною ласковостью взгляда, которыя доказывали, что онъ перенесъ сильный гнетъ и достигъ права повелѣвать умѣньемъ нравиться и подчиняться.

Подали чай, за которымъ завязался разговоръ о политикѣ, литературѣ и фортификаціи. Орловъ выражался ясно, умѣлъ внимательно слушать и такимъ образомъ научаться. Послѣ чая онъ досталъ изъ своей библіотеки два первые тома „Энциклопедіи"; поля этихъ томовъ были покрыты замѣтками по разнымъ отвлеченнымъ наукамъ, сдѣланными рукою императрицы. Раскрывая эти книги, Орловъ, опустился на колѣни; онъ покрылъ ихъ поцѣлуями и съ жаромъ началъ говорить объ императрицѣ; въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ восхвалялъ ея геніальность, красоту, прелесть ея обхожденія и описывалъ счастье заслужить ея расположеніе. Затѣмъ онъ досталъ изъ бюро богато переплетенную книгу и сказалъ Сенъ-Пьеру: „Въ ней нѣтъ научныхъ истинъ, но найдется кое-что не лишнее для человѣческаго счастія". Говоря эти слова, онъ открылъ книгу, которая оказалась наполненною банковыми билетами. „Возьмите нѣсколько листковъ", сказалъ онъ улыбаясь,—„это дастъ вамъ возможность высказать о ней вѣрное и достойное васъ мнѣніе. Я знаю", продолжалъ онъ самымъ дружескимъ тономъ,—„что обмундированіе подпоручика стоитъ не дешево, а содержаніе онъ получаетъ небольшое. Не откажите офицеру, который

Библиотека "Руниверс"

гордится тѣмъ, что началъ свою карьеру также, какъ и вы". Предложеніе Орлова тронуло Сенъ-Пьера, оно казалось ему такимъ благороднымъ и великодушнымъ. Имѣй онъ болѣе житейской опытности— онъ почувствовалъ бы, быть можетъ, въ этомъ поступкѣ желаніе унизить молодаго человѣка, успѣхъ котораго при дворѣ вызвалъ зависть и лесть придворныхъ.

Но какъ бы то ни было, предложеніе Орлова не имѣло успѣха, какъ ранѣе предложеніе фельдмаршала Миниха. Но отклонивъ щедрое предложеніе фаворита, Сенъ-Пьеръ вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ ему свой проектъ, которымъ всецѣло была занята его мысль. Орловъ пробѣжалъ его равнодушно и, бросивъ небрежно на столъ, сказалъ, что подобныя идеи идутъ совершенно въ разрѣзъ съ законами имперіи и выгодами высшихъ классовъ. Это возраженіе однако не обезкуражило нашего законодателя напротивъ того, оно воодушевило его; и онъ принялся горячо убѣждать Орлова и доказывать ему всю великость и пользу своего проекта. Но тотъ едва слушалъ его и даже всталъ съ своего мѣста, какъ бы желая показать, что высказываемыя истины ему не по вкусу. Въ эту минуту доложили Орлову, что его зоветъ императрица. Онъ тотчасъ же пошелъ къ ней, какъ былъ, въ туфляхъ и въ халатѣ, оставивъ Сенъ-Пьера въ глубокомъ огорченіи. Прождавъ съ полчаса, онъ счелъ за лучшее уйдти, проклиная и свое честолюбіе, и непонятное заблужденіе высшихъ міра сего, которые отказываются понимать истинно прекрасное. Съ такими грустными размышленіями вернулся онъ въ свое жалкое жилище. Онъ чувствовалъ, что изчезло то обаяніе величія и славы, которымъ онъ былъ очарованъ и ослѣпленъ, и онъ опять одинъ у своего камина, съ математическими выкладками и работами, изученіе которыхъ казалось ему теперь скучнымъ и безполезнымъ.

Между тѣмъ и Вильбоа скоро понялъ, что его любимецъ не поддается политическимъ на него видамъ; впрочемъ, онъ не только не досадовалъ на Сенъ-Пьера за это, но сталъ еще болѣе уважать его и вполнѣ утѣшился въ своихъ несбывшихся желаніяхъ, убѣдившись, что въ Сенъ-Пьерѣ онъ нашелъ человѣка. Но случай оказать дѣйствительную помощь юношѣ не представлялся.

Въ это время могущество Орлова все росло, и нельзя было предвидѣть, гдѣ оно остановится. Высшихъ чиновниковъ лишали должностей и передавали ихъ ему. Вильбоа могъ бы бояться и за свое положеніе, еслибы распространившіеся странные слухи не заставляли предполагать будущаго властителя въ томъ, въ комъ онъ

Библиотека "Руниверс"

нока ненавидѣлъ только соперника. Однажды, въ совѣтѣ, графъ Бестужевъ подалъ императрицѣ просьбу, подписанную важнѣйшими придворными чинами. Въ этой просьбѣ просили императрицу подумать о спокойствіи Россіи въ будущемъ и обезпечить его новымъ бракомъ, указывая при этомъ на Орлова, какъ на человѣка, котораго общее мнѣніе считало достойнымъ престола. Екатерина отправила эту просьбу на обсужденіе въ сенатъ, но сенаторы единодушно объявили, что никогда не признаютъ Орлова императоромъ. Это предложеніе было сдѣлано въ Москвѣ, въ мартѣ 1763 года. Оно вызвало такое волненіе, что стали ожидать новаго переворота. Ночью удвоили караулы во дворцѣ; Орлову приказано было вернуться въ Петербургъ къ своему мѣсту. Императрица отправилась въ сенатъ. „Я хотѣла знать ваше мнѣніе", сказала она,—„какъ мать совѣтуется съ своими дѣтьми, когда дѣло идетъ о благѣ всей семьи. Я не хочу ничего противнаго русскимъ законамъ. Бестужевъ обманулъ меня". Уходя она оставила записку слѣдующаго содержанія: „Запрещаю разсуждать обо мнѣ подъ страхомъ тягчайшихъ наказаній; ни одинъ солдатъ не долженъ показываться на улицѣ въ теченіе 24-хъ часовъ" Сенаторы послали спросить: должна ли эта записка оставаться въ тайнѣ. „Пусть будетъ она извѣстна не только въ сенатѣ, но и обнародована", отвѣчала императрица [1]). Это грозное столкновеніе было послѣднимъ. Екатерина была сильна своею твердою, непоколебимою волей.

Этотъ случай смутилъ душу Сенъ-Пьера: онъ не могъ простить себѣ, что пріѣхалъ изъ такой дали для того, чтобы видѣть вокругъ себя только несчастныхъ. Онъ отдавалъ, впрочемъ, справедливость Екатеринѣ, которая, не смотря на свое властолюбіе, выказывала иногда черты настоящаго величія. Ссылка въ Сибирь не грозила болѣе тѣмъ, кто противился ея власти: ихъ высылали изъ Россіи въ самыя лучшія европейскія страны, гдѣ они пріобрѣтали любовь къ наукамъ и искусствамъ и возвращались въ Россію людьми образованными. Она содѣйствовала развитію торговли, земледѣлія, устраивала фабрики, заводила школы, поощряла и награждала; народъ былъ спокоенъ.

Императрица, которую видимо тяготило отсутствіе Орлова, ожидала только удобнаго времени для возвращенія въ Петербургъ. Наконецъ она отправилась въ путь. Вильбоа долженъ былъ ѣхать

---

[1]) Манифестъ 4-го іюня 1763 г. о воспрещеніи непристойныхъ разсужденій и толковъ по дѣламъ, до правительства относящимся. Пол. Соб. Зак. № 11.843.

Библиотека "Руниверс"

вслѣдъ за императрицей; экипажи свои онъ предоставилъ Бороздину и Сенъ-Пьеру, которымъ слѣдовало догнать его при первой возможности переправиться черезъ сильно разлившіяся рѣки.

Вскорѣ послѣ того они пріѣхали въ Петербургъ. При дворѣ всѣ были заняты празднествами, игрой, балами и театрами. Миръ, по видимому, былъ обезпеченъ, народъ доволенъ, а честолюбіе знатныхъ удовлетворено. Сенъ-Пьеръ поспѣшилъ явиться къ Дювалю и старику Миниху и былъ очень ласково принятъ обоими. Вильбоа при первой встрѣчѣ обѣщалъ сдѣлать его своимъ адъютантомъ и обращался съ нимъ, какъ съ своимъ роднымъ. Все, казалось, улыбалось ему, но на душѣ у него было тяжело, онъ былъ грустенъ и озабоченъ. Роскошь двора оскорбляла его, напоминая безпрестанно бѣдность народа и его собственную; на всѣ утѣшенія друзей онъ отвѣчалъ жалобами; поощренія начальства принималъ съ упреками а отъ всякихъ милостей отказывался. Двѣ причины вызвали въ немъ эту странную перемѣну: первою было сознаніе, что рушились всѣ его чудныя мечты и великіе планы объ устройствѣ республики на новыхъ началахъ; второю была забота о томъ, какъ найдти средства расплатиться съ долгами, сдѣланными во время пребыванія въ Москвѣ. Всякая работа прискучила ему, а бездѣлье утомляло; недовольный собою и другими, онъ не зналъ на что рѣшиться, что предпринять. Наконецъ, вспомнилъ онъ о баронѣ Бретелѣ, рѣшился посовѣтоваться съ нимъ и съ его помощью обезпечить себѣ возвращеніе на родину. Онъ написалъ ему письмо, въ которомъ разказалъ откровенно свои ошибки, раскаяніе и настоящее свое положеніе. Посланникъ не отвѣчалъ на это письмо, но дня черезъ два начальникъ артиллеріи, увидя, его сказалъ ему, улыбаясь: „Господинъ Сенъ-Пьеръ, императрица жалуетъ вамъ полторы тысячи франковъ и чинъ капитана“. Затѣмъ онъ прибавилъ болѣе серьезно: „Но предупреждаю васъ, что у насъ жалобъ не любятъ“. Сенъ-Пьеръ понялъ, что письмо его было превратно истолковано, но утѣшился, получивъ возможность уплатить долги. Эта неожиданная милость, а равно дружба Дюваля и постоянная веселость Бороздина, помогли ему ободриться и утѣшиться въ перенесенныхъ разочарованіяхъ. Дюваль старался возбудить въ немъ надежду на будущее, доказывая ему, что всѣ пути къ счастью открыты тому, кто умѣетъ сильно желать и выжидать. Бороздинъ предсказывалъ вѣроятность скорой войны, а съ нею возможность достигнуть отличій и славы. Чаще всего они отрывали Сенъ-Пьера отъ научныхъ занятій и уводили

Библиотека "Руниверс"

съ собою на придворныя игры и собранія, гдѣ можно было встрѣтить прекрасныхъ женщинъ, счастливыхъ фаворитовъ и многихъ, когда-то могущественныхъ, а нынѣ забытыхъ людей.

Тамъ Сенъ-Пьеръ видѣлъ Бирона, прежняго слугу герцогини Курляндской, затѣмъ въ теченіе девяти лѣтъ правителя Россіи; тутъ же былъ и храбрый Минихъ, который, не смотря на силу и власть Бирона, сумѣлъ арестовать его въ самомъ дворцѣ, въ присутствіи стражи, растерявшейся отъ неожиданности такого поступка. Оба эти соперника, правившіе государствомъ и испытавшіе ссылку—таили еще въ глубинѣ души большіе, честолюбивые замыслы и сильное желаніе мщенія. Тутъ же была княгиня Дашкова и графъ Лестокъ. Первая въ тѣни, у ногъ Екатерины, не смотря на то, что открыто приписывала себѣ весь планъ переворота и его удачный исходъ. Второй, теперь затертый въ толпѣ, въ недавнее еще время свергнулъ регентшу Анну, помогъ воцариться Елизаветѣ и былъ первымъ совѣтникомъ этой государыни. Безполезный зритель этого новаго переворота, онъ злился и не могъ даже скрыть злобы своей на всѣхъ участниковъ его; все въ этихъ людяхъ, даже самое ихъ преступленіе, возбуждало въ немъ зависть.

Между придворными можно было замѣтить много красивыхъ молодыхъ людей, которые съ завистью смотрѣли на высокомѣрнаго красавца Орлова и видимо мечтали о возможности когда-нибудь замѣнить его. Но что было особенно замѣчательно при дворѣ Екатерины, это—множество людей, происхожденія и прошлаго которыхъ никто не зналъ, и которые теперь, въ короткое время выдвинулись изъ неизвѣстности. Золото, ленты, ордена превратили ихъ въ заслуженныхъ лицъ.

Можно легко себѣ представить, какое впечатлѣніе производилъ этотъ дворъ на Сенъ-Пьера, который въ своихъ чудныхъ мечтахъ о государственномъ устройствѣ придавалъ власти нѣкоторыя свойства божества. Къ счастью, въ это время генералъ Боске прервалъ его грустное настроеніе, предложивъ сопутствовать ему въ его объѣздѣ по Финляндіи для осмотра тамошнихъ военныхъ укрѣпленій и устройства средствъ правильной обороны. Радость видѣть неизвѣстную страну разомъ разогнала всѣ мрачныя мысли Сенъ-Пьера, но радость эта была непродолжительна. Скоро онъ началъ тяготиться имѣть спутникомъ человѣка, который цѣлый день спалъ, ровно ничего не наблюдалъ и ни о чемъ не думалъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, Сенъ-Пьеръ нашелъ тамъ много пе-

Библиотека "Руниверс"

ремёнъ: говорили о предстоящей войнѣ, о немилости императрицы ко многимъ высокопоставленнымъ лицамъ и о всемогуществѣ Орлова. Старыя заслуженныя лица были въ пренебреженіи, самъ Минихъ не былъ уже болѣе членомъ совѣта; громко говорилось, что званіе главнаго начальника артиллеріи будетъ дано Орлову. Такъ, послѣ четырехмѣсячнаго отсутствія онъ нашелъ положеніе своихъ покровителей совершенно измѣнившимся. Его другъ Дюваль былъ подавленъ горестью, Бороздинъ преисполненъ ненависти и злобы. Обманутый въ своихъ надеждахъ, раздраженный несправедливостью, которая угрожала его дядѣ, онъ негодовалъ на могущество Орлова и слабости императрицы. Идеи независимости, проповѣдуемыя Сенъ-Пьеромъ, запали и ему въ голову; его неудовлетворенное честолюбіе заставляло его желать свободы правленія, которая, казалось ему, одна могла дать ему возможность выдвинуться. Но тутъ обстоятельство, обратившее на себя вниманіе всей Европы, дало послѣдній толчокъ его настроенію.

Августъ III, король Польскій, умеръ, и его выборный престолъ сталъ цѣлью интригъ и домогательствъ всѣхъ честолюбцевъ. Россія и Пруссія воспользовались этимъ случаемъ, чтобы дать Польшѣ короля, имъ вполнѣ покорнаго и котораго, поддерживая своимъ вліяніемъ, они имѣли бы въ своихъ рукахъ. Екатерина захотѣла возвести на польскій престолъ Понятовскаго; Фридрихъ II не противился ея желанію. Франція съ тревогой смотрѣла на это политическое соглашеніе, предвидя въ немъ увеличеніе Россіи и Пруссіи. Ея выгоды требовали независимости Польши; но ослабленная долговременною войной, она не рѣшалась открыто высказаться.

Увлеченный этимъ новымъ событіемъ, Сенъ-Пьеръ обратилъ всѣ свои надежды къ Польшѣ. Бороздинъ раздѣлялъ его желанія. Высшія вліянія поддерживали молодыхъ людей на этомъ опасномъ пути; они должны были явиться въ Польшѣ не простыми искателями счастія, но отъ имени Франціи предложить свои услуги для борьбы за свободу Польши. Они собирались туда съ согласія французскаго посланника, который надавалъ множество обѣщаній и поддерживалъ въ нихъ мечты объ успѣхахъ и славѣ. Но воображая, что служатъ доблестной идеѣ, они въ сущности служили лишь собственному честолюбію.

Между тѣмъ Вильбоа спокойно и съ достоинствомъ ожидалъ со дня на день своего увольненія. Онъ зналъ, что ожесточеніе молодыхъ людей вызвано прежде всего немилостью къ нему государыни, успокоивалъ ихъ и убѣждалъ своего племянника быть благоразумнѣе.

Библиотека "Руниверс"

Но этотъ не умѣлъ воздерживаться, и самъ накликалъ на себя всѣ бѣды, которыя скоро на него обрушились.

Однажды наши друзья были на придворномъ спектаклѣ. Разговаривая о предстоящей поѣздкѣ въ Польшу, они увидѣли Орлова, входящаго съ цѣлою свитой военныхъ въ залу и одѣтаго уже въ мундиръ главнаго начальника артиллеріи. При видѣ фаворита, ради котораго дядя его былъ лишенъ званія и должности, Бороздинъ не могъ сдержать гнѣва. Презрительнымъ движеніемъ указывая на Орлова, онъ сказалъ громко: „Въ былое время высшія должности давались въ награду за долгую службу и славныя дѣла; а нынче много ли для этого нужно!....“ Пораженный этимъ безумнымъ поступкомъ друга, Сенъ-Пьеръ силой увлекъ его изъ залы, но едва они вышли на улицу, какъ были арестованы и разлучены. Сенъ-Пьера отвели въ его квартиру и къ дверямъ приставили караулъ. Оставшись одинъ, онъ впалъ въ страшное безпокойство. Не разъ слыхалъ онъ, съ какою строгостью русское правительство преслѣдовало подобные поступки, и всѣ слышанные ужасы приходили ему на память. Каждую минуту слышался ему шумъ подъѣзжающей телѣги, на которой отправятъ его въ Сибирь, а звукъ шаговъ поставленнаго у дверей часоваго леденилъ его кровь. Онъ вполнѣ сознаетъ теперь все безуміе своихъ надеждъ и своего путешествія въ Россію. Какою прекрасною, счастливою и свободною казалась ему теперь Франція, которую онъ покинулъ ради несбыточной мечты о славѣ и счастіи. Неужели онъ бросилъ свое отечество для того, чтобы погибнуть въ дикой пустынной странѣ? Что станется съ несчастнымъ Бороздинымъ? Можетъ быть, его уже нѣтъ въ живыхъ! Такія мрачныя мысли не давали ему покоя всю ночь. Подъ утро, когда онъ истомленный забылся на минуту, его разбудилъ шопотъ нѣсколькихъ голосовъ. Часоваго уже не было слышно; тутъ онъ замѣтилъ бумажку, подсунутую неизвѣстно кѣмъ въ дверь его комнаты. Онъ прочелъ на ней слѣдующее: „Если вы не желаете гибели друга, не называйте его имени. Вильбоа нынѣшнею ночью уѣхалъ въ свое имѣніе. Орловъ, заступившій его мѣсто, желаетъ, чтобъ вы продолжали службу при немъ. Помните, что мужествомъ и терпѣніемъ можно преодолѣть всѣ преграды. PS. Вашъ другъ отправленъ сегодня въ ссылку въ Астрахань“.

Прочитавъ эти строки, Сенъ-Пьеръ почувствовалъ большое облегченіе и мысленно благословлялъ неизвѣстнаго друга, написавшаго ему эту записку. Ему показалось, что это сдѣлалъ Минихъ. Сенъ-Пьеръ пошелъ

Библиотека "Руниверс"

къ нему, но не могъ его видѣть. Онъ попробовалъ зайдти къ Вильбоа, но тотъ уже выѣхалъ (какъ сказано было въ запискѣ). Прошелся мимо дома Бороздина—домъ былъ пустъ, и онъ удалился, едва сдерживая слезы. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, онъ вернулся къ себѣ, измученный тревогой и неизвѣстностью. Первый, кого онъ наконецъ увидѣлъ, былъ генералъ Боске, пришедшій успокоить его на счетъ Бороздина, совѣтуя смотрѣть на ссылку его, какъ на милость. Сенъ-Пьеръ не въ состояніи былъ слушать его. Онъ поглощенъ былъ мыслью о несчастіи друга: то хотѣлъ слѣдовать за нимъ въ ссылку, то мечталъ доказать его невиновность и выпросить ему помилованіе. Къ счастію, пришелъ Дюваль и едва-едва убѣдилъ Сенъ-Пьера, что всѣ подобныя опасныя попытки повредятъ не ему самому, а именно его другу, помочь которому онъ такъ желалъ.

Это убѣжденіе наконецъ успокоило его; но уступая совѣтамъ Дюваля, Сенъ-Пьеръ высказалъ твердую рѣшимость отказаться навсегда отъ службы въ Россіи. Тщетно генералъ Боске удерживалъ его отъ этой новой опрометчивой выходки: Сенъ-Пьеръ ничего не хотѣлъ слышать и тотчасъ же написалъ прошеніе объ отставкѣ. Былъ ли старый генералъ дѣйствительно тронутъ этимъ благороднымъ порывомъ Сенъ-Пьера, или просто полюбился ему бывшій его путевой товарищъ, но онъ подошелъ къ нему и, взявъ его за руку съ тою грубоватостью, которая придавала столько простоты и сердечности его обращенію, сказалъ ему со слезами на глазахъ: „Оставайся съ нами; у меня нѣтъ дѣтей, будь моимъ сыномъ, женись на моей племянницѣ, дѣвицѣ Латуръ; она добра, прекрасна, Француженка и несчастна, несчастна потому, что въ дѣтствѣ лишилась родителей. Всѣ трое мы будемъ одна семья. Ты согласенъ? Не правда ли? Я богатъ, и все вамъ отдамъ!“ Это великодушное предложеніе глубоко тронуло Сенъ-Пьера, но онъ все-таки счелъ долгомъ отказаться отъ него. Ссылка Бороздина и паденіе Вильбоа не давали въ сердцѣ его мѣста инымъ чувствамъ. Могъ ли бы онъ наслаждаться такимъ счастіемъ, когда всѣ его друзья страдали? Притомъ бракъ съ дѣвицей Латуръ заставилъ бы его навсегда отказаться отъ родины, отъ надеждъ и отъ борьбы за успѣхъ и счастіе, которая поддерживала и утѣшала его во всѣхъ невзгодахъ. Когда всѣ приготовленія къ отъѣзду были кончены, онъ, не смотря на твердое желаніе уѣхать, почувствовалъ сожалѣніе, покидая на всегда Россію. Онъ невольно вздыхалъ при мысли о дѣвицѣ Латуръ, которую онъ не долженъ былъ любить, и о своемъ другѣ Бороздинѣ, котораго не надѣялся болѣе видѣть. Онъ смутно сознавалъ, что остав-

Библиотека "Руниверс"

лялъ за собою лучшіе годы жизни, понималъ, что не легко ему будетъ встрѣтить такого мудраго совѣтника, какъ Минихъ, покровителя какъ Вильбоа и искренняго друга, какъ Дюваль. Дюваль, хорошо знавшій скромную и вполнѣ добродѣтельную жизнь Сенъ-Пьера, жалѣлъ о его честолюбіи и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда удивлялся, какъ могъ онъ, создавъ себѣ внутренній міръ, полный чудныхъ надеждъ и обширныхъ стремленій, довольствоваться въ жизни столь немногимъ. Его безкорыстіе доходило иногда до безпечности. За уплатою долговъ у него едва осталось достаточно денегъ, чтобы добраться до Польши, но это, по видимому, ни мало не заботило его. Хорошо, что Дюваль подумалъ за него; зная его щепетильность, онъ не рѣшился просто предложить ему денежную помощь, но на канунѣ отъѣзда, послѣ тоскливаго скучнаго обѣда, предложилъ другу сыграть въ карты. Сенъ-Пьеръ согласился, и послѣ двухъ-трехъ партій оказалось, что Дюваль проигралъ ему около трехсотъ червонцевъ. Сенъ-Пьеръ стыдился своего выигрыша и всегда приписывалъ его дружбѣ Дюваля болѣе, чѣмъ счастливому случаю.

По словамъ Сенъ-Пьера, онъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву въ половинѣ 1764 года, что согласно съ русскою объ отъѣздѣ его публикаціей [1]). Трудно рѣшить, на сколько его повѣствованіе о цѣляхъ, съ которыми онъ былъ представленъ императрицѣ, справедливо. При сильно развитомъ воображеніи Сенъ-Пьера и высокомъ его о себѣ мнѣніи, многое могло казаться ему не тѣмъ, чѣмъ было въ дѣйствительности, но въ общемъ разказъ его представляется правдоподобнымъ. Самый проектъ его объ учрежденіи колоніи на восточной сторонѣ Каспійскаго моря не представляетъ ничего страннаго: онъ могъ быть навѣянъ Сенъ-Пьеру тѣмъ, что еще въ царствованіе Елизаветы Петровны графъ Воронцовъ испросилъ себѣ исключительное право торговли на Каспійскомъ морѣ, слѣдовательно, дѣло это считалось выгоднымъ, а равно и тѣмъ, что въ то время русское правительство рѣшилось приглашать иностранцевъ въ Россію, при чемъ предположено было селить ихъ, между прочимъ, и на низовьяхъ

---

[1]) Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1764 года (30-го апрѣля—11-го мая, №35-й, 36-й и 38-й) въ числѣ отъѣзжающихъ изъ государства показанъ: «инженерный капитанъ шевалье де Сенъ-Пьеръ, живетъ на Литейной сторонѣ въ инженерномъ корпусѣ».

Библиотека "Руниверс"

Волги. Еще въ 1752—1754 гг. обсуживался проектъ бригадира Лафона о призываніи „изгоняемыхъ за вѣру изъ Франціи ремесленныхъ людей“ на поселеніе въ Россію [1]), а въ концѣ 1763 года это начало приводиться въ исполненіе. Въ 1769 году пріѣхавшій въ Россію графъ Редернъ вновь представилъ проектъ о торговлѣ съ Персіей и Индіей [2]).

Сенъ-Пьеръ, въ представленномъ имъ проектѣ, прося выдать ему въ ссуду 150,000 р., обязывался пригласить до трехсотъ Французовъ или другихъ иностранныхъ выходцевъ (aventuriers), поселить ихъ на берегу Аральскаго моря, которое, по его мнѣнію, соединялось водянымъ путемъ съ Каспійскимъ и учредить тамъ правильныя торговыя сношенія съ Индіей, уплачивая въ пользу Россіи 10% пошлины съ отпускаемыхъ товаровъ. Эта колонія должна бы быть признана Россіей независимою республикой. Былъ ли проектъ Сенъ-Пьера разсмотрѣнъ русскимъ правительствомъ, мнѣ не извѣстно [3]).

Кромѣ этого проекта, Сенъ-Пьеръ составилъ небольшую статью подъ заглавіемъ „Révolutions sous Pierre“ составляющую главу изъ путешествія въ Россію и напечатанную лишь въ числѣ посмертныхъ его сочиненій [4]). Не смотря на ея краткость, статья эта не лишена интереса и въ настоящее время.

Вообще Сенъ-Пьеръ отзывается о Русскихъ съ сочувствіемъ. Далеко не таковы его отзывы о соотечественникахъ, которыхъ онъ встрѣтилъ въ Россіи. Говоря о русскихъ нравахъ, онъ упоминаетъ, напримѣръ, что въ каждомъ зажиточномъ домѣ содержался для потѣхи или Французъ, или Италіанецъ, или карликъ. Разказавъ, въ другомъ мѣстѣ, что многіе изъ Русскихъ суевѣрны и занимаются ворожбою, такъ что однажды когда онъ былъ въ гостяхъ у фельдмаршала Бутурлина, дочери хозяина предложили ему колоду картъ съ просьбою погадать имъ и были очень удивлены, что онъ, зная математику, не умѣлъ дѣлать фокусовъ, Сенъ-Пьеръ прибавилъ, что большая часть Французовъ, находящихся въ Россіи, забавляетъ Русскихъ подобными игрушками, и что онъ, встрѣтилъ въ Россіи множество французскихъ учителей, большинство которыхъ были лакеи или парикмахеры.

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, III, 316 и 350 и XXV, 206.

[2]) *Сб. Р. Ист. Общ.* X, 358 и слѣд.

[3]) Въ концѣ 1763 года состоялось распоряженіе объ описаніи восточнаго берега Каспійскаго моря и острововъ до персидскихъ границъ. П. С. З. № 11971.

[4]) Oeuvres posthumes, стр. 29.

Библиотека "Руниверс"

Оставивъ Россію, Сенъ-Пьеръ послѣ разнообразныхъ путешествій поселился въ Парижѣ въ 1771 году. Здѣсь сошелся онъ съ Руссо, съ которымъ сблизило его общая имъ черта—страстная любовь къ природѣ. Собственно литературная извѣстность Бернарденъ де-Сенъ-Пьера началась съ появленія описанія его путешествія на Иль-де-Франсъ, за которымъ послѣдовалъ знаменитый его романъ „Павелъ и Виргинія".

Не подлежитъ сомнѣнію, что при вниманіи, съ которымъ императрица Екатерина слѣдила за французскою литературою, появленіе „Павла и Виргиніи" не могло остаться ей неизвѣстнымъ. Можно также съ достовѣрностью сказать, что этотъ романъ не произвелъ никакого впечатлѣнія на нее. Въ ея литературныхъ произведеніяхъ преобладаетъ элементъ сатирическій, почти что, говоря современнымъ языкомъ, обличительный, поэтическое же чувство, разлитое въ „Павлѣ и Виргиніи", вовсе недоступно было Екатеринѣ. Красоты міра Божьяго, которыя такъ художественно умѣли выразить Руссо и Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ, долго стоявшіе лицомъ къ лицу съ природою, не трогали Екатерину, были ей чужды. Когда ея корреспондентъ, извѣстный Гриммъ, выразилъ однажды удивленіе, что Екатерина въ письмѣ къ нему превосходно описала мѣстоположеніе и ландшафтъ подмосковнаго села Царицына, она отвѣчала ему, что научилась описывать то, что̀ видитъ, читая постоянно описаніе картинъ въ каталогахъ ихъ продажъ [1]). При такого рода взглядахъ, поэтическія увлеченія Бернардена де-Сенъ-Пьера, очевидно, не могли быть оцѣнены Екатериною.

Нельзя не пожалѣть, что составитель біографіи Бернардена де-Сенъ-Пьера не обнародовалъ всѣхъ находившихся въ его распоряженіи писемъ къ Сенъ-Пьеру изъ Россіи отъ князя Голицына, Дюваля, Вильбоа, де Боске и Миниха [2]). Быть можетъ, въ нихъ нашлись бы подробности, не лишенныя интереса и могущія пролить нѣсколько болѣе свѣта на темную и еще не тронутую исторію французской колоніи въ Россіи.

Д. Кобеко.

---

[1]) *Сборн. Русск. Ист. Общ.* XXIII, 30.

[2]) Имъ напечатаны только одно письмо Миниха отъ 20-го марта 1763 г. и три письма Дюваля.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Боярская дума древней Руси. *В. Ключевскаго*. Изданіе 2-е. М. 1883 г.

II [1]).

Вторая половина сочиненія г. Ключевскаго, начиная съ IX главы, посвящена разсмотрѣнію боярской думы въ Московскомъ государствѣ. Здѣсь передъ авторомъ открывалось обширное не разработанное или мало разработанное поле. Источниковъ множество: было надъ чѣмъ подумать и блеснуть богатствомъ и глубиною мыслей. Хотя у насъ имѣется не мало частныхъ розысканій о московскомъ боярствѣ, но до сихъ поръ, когда рѣчь заходила о немъ, сейчасъ же являлось представленіе о крамолѣ, о своекорыстной олигархіи. Совсѣмъ иное впечатлѣніе оставляетъ послѣ себя книга г. Ключевскаго. Авторъ имѣлъ право не входить въ подробности, не слѣдить за фактами шагъ за шагомъ, а останавливаться только на тѣхъ, которые были или опущены нашими историками, или представлены въ ложномъ свѣтѣ. Но онъ предпочелъ представить полную картину московскаго боярства, не оставляя ни одного факта безъ критическаго обсужденія. Здѣсь найдемъ не мало изслѣдованій, которыя могутъ быть названы образцовыми; есть страницы блестящія, невольно увлекающія читателя.

Авторъ разсматриваетъ, изъ какихъ элементовъ состояло московское боярство, какія были у него задачи и стремленія и какія при-

[1]) *Окончаніе*. См. сентябрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

Библиотека "Руниверс"

чины вызвали его паденіе въ концѣ XVII вѣка. Разобравъ внимательно погодный списокъ думныхъ московскихъ сановниковъ, авторъ приходитъ къ тому заключенію: что до конца XVI в. въ московской боярской думѣ преобладала титулованная знать, но въ XVII в. боярская дума „захудала", стала наполняться „молодыми людьми", дворянскою демократіей. Численное отношеніе бояръ-князей ко всему количеству бояръ думы значительно упало; въ чинѣ окольничаго нетитулованныхъ гораздо больше титулованныхъ.

Московская дума—замѣчаетъ авторъ—состояла въ XVI в. изъ трехъ чиновъ: бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ. Эти званія не были замкнутыми, неподвижными политическими состояніями: думный дворянинъ повышался въ окольничіе, окольничій дослуживался до боярства. Но думные чины не превратились въ служебные ранги: между ними замѣтно въ XVI в. нѣкоторое соціальное различіе. Бояре выходили преимущественно изъ знатнѣйшихъ княжескихъ родовъ, къ которымъ примыкали немногія нетитулованныя фамиліи стариннаго московскаго боярства (напримѣръ, Кошкины). Окольничество принадлежало преимущественно тѣмъ фамиліямъ этого боярства, которыя успѣли спасти свое положеніе при наплывѣ новыхъ титулованныхъ бояръ. Думное дворянство было убѣжищемъ упадавшимъ старымъ московскимъ фамиліямъ, пришлому удѣльному боярству и нѣкоторымъ другимъ элементамъ. Титулованное московское боярство хорошо помнило, какъ оно сидѣло на своихъ удѣлахъ, а многіе изъ него еще не успѣли забыть, какъ хозяйничали тамъ ихъ отцы. Вотъ почему въ ежедневныхъ дѣлахъ и помыслахъ большей части бояръ должно было оставаться очень много удѣльнаго. Политическое объединеніе не сопровождалось немедленно административнымъ. Какъ скоро Московскому князю удавалось оружіемъ или сдѣлкою водворить свою власть въ извѣстномъ княжествѣ, изъ Москвы не поднимали нетерпѣливаго гоненія ни противъ обычаевъ, ни противъ персонала прежняго управленія, и если владѣтельный князь добровольно подчинялся Москвѣ, его обыкновенно оставляли владѣльцемъ всей его прежней вотчины, гдѣ онъ пользовался значительною долей своихъ прежнихъ владѣтельныхъ правъ (стр. 240—450). По мнѣнію г. Ключевскаго, можно даже думать, что большая часть удѣльныхъ князей и бояръ перенесла безъ особенной боли перемѣну въ своемъ положеніи, переѣздъ изъ удѣла въ Москву. Это перемѣщеніе не было для него разгромомъ; съ нимъ они далеко не теряли всего, что имѣли въ удѣлѣ. Они вѣдь и здѣсь

Библиотека "Руниверс"

имѣли не особенно много и не подчинились бы Москвѣ такъ легко и охотно, еслибъ имѣли много. Главнымъ политическимъ достояніемъ, которымъ удѣльные князья дорожили больше всего, были ихъ удѣльныя землевладѣльческія хозяйства и ихъ генеалогическіе счеты и споры о старшинствѣ. За бывшими удѣльными державцами въ Москвѣ оставляли вотчины въ ихъ прежнихъ удѣлахъ съ обширными привилегіями (стр. 251—252).

Откуда однако авторъ заключаетъ, что удѣльные князья охотно подчинялись Московскому князю? Можно привести цѣлый рядъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о насильственномъ присоединеніи того или другого удѣльнаго княжества къ Москвѣ, и на оборотъ — ни одинъ удѣльный князь не подчинился Московскому князю добровольно, „безъ особенной боли". Было бъ очень странно, еслибы старыя независимыя княжества охотно подчинялись одному изъ самыхъ младшихъ городовъ—Москвѣ. И со стороны удѣльныхъ князей дѣйствительно не обошлось безъ сопротивленія. Удѣльные князья ненавидѣли Московскаго и готовы были на все, лишь бы только отстоять свою независимость. Одинъ изъ сыновей Дмитрія Константиновича, лишенный своего удѣла, „восемь лѣтъ служитъ по ряду въ Ордѣ не почивая четыремъ царемъ, а все поднимая рать на князя великаго, како бы налѣзти свое княженіе". Бывали случаи, что удѣльнымъ князьямъ, тѣснимымъ со стороны Московскаго князя, приходилось выбирать — примкнуть ли къ Литвѣ или къ Москвѣ, и они выбирали первую, поступали на службу къ Литовскому князю (Иванъ Ѳедоровичъ Рязанскій, великій князь Пронскій, Иванъ Можайскій), а нѣкоторые въ изгнаніи, когда не оставалось никакой надежды, все еще мечтали о княженіи. Если же Московскимъ князьямъ не всегда приходилось прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ для подчиненія себѣ удѣльныхъ княжествъ, то не потому, что удѣльные князья добровольно подчинялись Москвѣ, а потому, что Московскій князь находилъ себѣ въ этомъ случаѣ поддержку со стороны Татарскаго хана (такъ, напримѣръ, о сынѣ Калиты лѣтописецъ говоритъ, что ханомъ „всѣ князья Русскіе даны были подъ руки Семеона") и духовенства, которое отлучало строптивыхъ удѣльныхъ князей отъ церкви, предавало ихъ проклятію; сюда же присоединимъ и ловкую политику московскихъ бояръ въ дѣлѣ собиранія Руси. Авторъ говоритъ, что „перемѣщеніе удѣльныхъ князей изъ своихъ удѣловъ въ Москву не было для нихъ разгромомъ, что съ нимъ они далеко не теряли всего, что имѣли въ

Библиотека "Руниверс"

удѣлѣ, и что если удѣльный князь добровольно [1]) подчинялся Москвѣ, его обыкновенно оставляли владѣтелемъ всей его прежней вотчины, гдѣ онъ пользовался значительною долею своихъ прежнихъ владѣтельныхъ правъ". На стр. 248 и слѣд. авторъ и указываетъ, что̀ именно оставляли за удѣльными князьями. Но вѣдь эти послѣдніе и очень много теряли, такъ что ихъ власть становилась слишкомъ незначительною сравнительно съ тою властью, какою они пользовались до присоединенія ихъ удѣловъ къ Москвѣ. Такъ, напримѣръ, удѣльные князья обязываются не принимать князей съ вотчинами, обязываются не дѣлать прикупы въ чужихъ княжествахъ: слѣдовательно, у князей удѣльныхъ была отнята возможность дѣлать примыслы; безъ воли Московскаго князя они не могли начинать войну, заключать миръ, вступать въ договоры; друзей и враговъ Московскаго князя должны считать своими друзьями и врагами и проч. И большая разница между княземъ, независимымъ хозяиномъ въ своемъ удѣлѣ, хотя бы этотъ удѣлъ былъ самый незначительный, и княземъ, который обязывался предъ Московскимъ государемъ „держать подъ нимъ княженіе его великое честно и грозно", цѣловалъ крестъ „служити ему безъ ослушанія", „безъ ослушанія" идти туда, куда великій князь задумаетъ послать. Все это не допускаетъ мысли, чтобъ удѣльные князья „безъ особенной боли" присоединяли свои удѣлы къ Москвѣ. Говоря о титулованныхъ боярахъ XVI в., г. Ключевскій замѣчаетъ, что они „могли смотрѣть на своихъ государей, какъ смотрятъ разорившіеся капиталисты на сыновей счастливаго богача, къ которому перешли ихъ отцовскіе капиталы, и къ которымъ сами они должны были пойдти въ прикащики" (стр. 286). А предки этихъ бояръ, при которыхъ произошло подчиненіе ихъ удѣловъ Москвѣ, могли смотрѣть на Московскаго государя, какъ на счастливаго игрока, которому они проиграли не только свои капиталы, но и самихъ себя. Что же касается бояръ удѣльныхъ княжествъ, то имъ гораздо лестнѣе и выгоднѣе было служить сильнѣйшему и болѣе богатому князю Московскому, чѣмъ удѣльному, а потому они охотно переходили къ первому, хотя великіе князья нерѣдко тѣснили и бояръ удѣльныхъ, чтобъ они переходили къ нимъ на службу.

---

[1]) Авторъ замѣчаетъ, что даже *большинство* удѣльныхъ князей добровольно подчинялись Московскому князю. Но пусть онъ укажетъ ими хоть одного удѣльнаго князя, который подчинился Москвѣ, не будучи вынужденъ обстоятельствами.

Библиотека "Руниверс"

По мнѣнію г. Ключевскаго, вслѣдствіе того, что политическое объединеніе Московскаго государства не сопровождалось немедленно административнымъ, между удѣльнымъ княземъ и простымъ служилымъ боярином создавалось переходное среднее состояніе, которое можно назвать состояніемъ служилаго князя на удѣлѣ. Однако удѣльныя преданія и понятія, уцѣлѣвшія отъ крушенія при перевозкѣ ихъ въ Москву, должны были получить въ Москвѣ иное направленіе, какого они не могли получить при прежнемъ удѣльномъ уединеніи князей. Прежде каждый изъ нихъ сознавалъ себя полновластнымъ владѣтелемъ части Русской земли, а теперь, съ минуты своего подчиненія Москвѣ, онъ привыкалъ сознавать себя членомъ многочисленнаго класса, который подъ руководствомъ Московскаго государя правилъ всею Русскою землею, ему повиновавшеюся. Преданіе власти не прервалось, а преобразилось: власть эта стала теперь собирательною, сословною и общеземскою, переставъ быть одиночною, личною и мѣстною. Удѣльные князья и бояре смотрѣли на себя, какъ на властей Русской земли, подчиненныхъ Московскому государю, а на боярскую думу, какъ на сборное мѣсто, откуда они будутъ продолжать править Русскою землей, какъ отцы ихъ правили ею, сидя или служа по удѣламъ [1]). Такъ боярская дума въ Москвѣ съ половины XV в. стремится стать оплотомъ политическихъ притязаній, возникавшихъ въ московскомъ боярствѣ при его новомъ составѣ. Сущность этихъ притязаній состояла въ требованіи, чтобы центральнымъ и областнымъ управленіемъ руководили вмѣстѣ съ государемъ люди извѣстнаго класса, разстанавливаясь согласно съ мѣстническимъ „отечествомъ“, въ порядкѣ родословнаго старшинства лицъ и фамилій. Политическія привычки и стремленія Московскихъ государей—по мнѣнію г. Ключевскаго—не противорѣчили этимъ притязаніямъ по крайней мѣрѣ до половины XVI вѣка (стр. 250—255). Послѣдній вопросъ авторъ разработалъ особенно старательно и политическій характеръ Московскаго князя очерченъ имъ прекрасно.

Указавъ, какія перемѣны произошли въ центральномъ московскомъ управленіи съ образованіемъ Московскаго государства (дворцовая

---

[1]) Выходитъ, что и въ самомъ дѣлѣ князья ничего не теряли отъ своего перехода изъ удѣла въ Москву. Но г. Ключевскій, конечно, согласится, что лучше было быть первымъ въ какомъ-нибудь Стародубѣ или Можайскѣ, чѣмъ вторымъ въ Москвѣ, особенно, когда этихъ *вторыхъ* оказалось слишкомъ много.

Библиотека "Руниверс"

администрація обособилась отъ боярской; въ составѣ высшаго правительственнаго класса образовались два штата—рядовой боярскій и комнатный дворцовый; въ послѣднемъ стала складываться особая іерархія, параллельная боярской; члены думы раздѣляются по чинамъ—на бояръ и окольничихъ), авторъ останавливается на происхожденіи и значеніи думнаго дворянства и думнаго дьячества. Всѣ эти чины—бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки—обозначились общимъ названіемъ думныхъ людей, а самый совѣтъ назывался думой. Когда чиновный составъ думы окончательно сформировался, они составляли цѣльный и постоянный правительственный корпусъ, и приговоромъ бояръ признавалось только постановленіе, состоявшееся въ обычномъ общемъ собраніи постоянной боярской думы—„со всѣхъ бояръ приговору (стр. 282—283).

Г. Ключевскій обратилъ особенное вниманіе на одинъ фактъ, до настоящаго времени какъ-то мало разъясненный, а между тѣмъ замѣчательный, именно: московскіе бояре, которые много думали, говорили о томъ, какъ „государю устроити землю свою", и внимательно слѣдили за явленіями общественной жизни, эти бояре оставались равнодушными къ расширенію и обезпеченію своихъ политическихъ правъ. Боярство какъ будто не понимало возможности и надобности этого. Оно только съ особенною любовію разработывало свое мѣстничество, но мѣстничество не установило постояннаго и точнаго отношенія породы къ службѣ, іерархіи родословной къ іерархіи чина и должности. Чинъ не вводили, какъ необходимый коэффиціентъ, въ систему мѣстническихъ счетовъ; точно также не существовало точнаго и постояннаго отношенія породы къ правительственной должности. И боярство какъ будто не чувствовало опасности, какою грозилъ ему этотъ недостатокъ связи мѣстническаго порядка съ тогдашнею табелью должностей и ранговъ. Ту же безпечность и непредусмотрительность можно замѣтить въ порядкѣ дѣлопроизводства боярской думы. Дума давала властные отвѣты на текущіе вопросы законодательства. Ея рѣшенію подлежатъ самыя важныя дѣла, но не она возбуждаетъ вопросы о нихъ; боярскаго почина нигдѣ не замѣтно. Все это идетъ откуда-то снизу или сверху; бояре только слушаютъ да приговариваютъ. Желанія самимъ возбуждать законодательные вопросы, не дожидаясь, пока ихъ доложитъ начальникъ какого-нибудь приказа или самъ царь прикажетъ „сидѣть о нихъ"—этого не обнаруживаетъ дума. Между тѣмъ у боярства, въ ней сидѣвшаго, было много интересовъ, не обезпеченныхъ закономъ, много вопросовъ не

Библиотека "Руниверс"

разрѣшенныхъ, до которыхъ было мало дѣла отдѣльнымъ приказнымъ докладчикамъ. Московскій государственный порядокъ, казалось, строился боярскими руками, но не во имя боярскихъ интересовъ.

Что за причина такого равнодушія бояръ XVI в. къ разширенію и обезпеченію своихъ политическихъ правъ? По мнѣнію г. Ключевскаго, прежде всего надобно искать отвѣта на этотъ вопросъ въ состояніи народнаго хозяйства. Къ началу XVI в. вотчинная власть русскаго землевладѣльца достигла значительныхъ размѣровъ, благодаря привилегіямъ. Но въ XVI в. прекращается приливъ населенія изъ юго-запада въ между-рѣчье Оки и верхней Волги и даже замѣтенъ отливъ въ обратномъ направленіи—внизъ по Волгѣ къ юго-востоку и къ югу по Дону. Этотъ разбродъ населенія подвергалъ тяжелому кризису частное землевладѣніе въ срединныхъ областяхъ, гдѣ оно преимущественно развивалось. Рабочее населеніе уплыло изъ этихъ областей на открывавшіяся для колонизаціи окраины государства, гдѣ боярское землевладѣніе не имѣло еще насиженныхъ мѣстъ. И вотъ въ то время, когда боярство складывалось въ правительственную аристократію, его вотчинное благосостояніе становилось вопросомъ. Только что оно устроилось было по переѣздѣ въ Москву, спасши большую часть своихъ вотчинныхъ усадьбъ въ исчезнувшихъ удѣлахъ, какъ стала грозить необходимость перенесенія самихъ усадьбъ въ другіе края. Всѣ добытыя землевладѣльческія привилегіи теряли свое значеніе, потому что плохо обезпечивали привилегированному землевладѣльцу главную силу, на которой могло основаться прочное вотчинное хозяйство,—надежныя рабочія руки. Такъ, задача высшаго землевладѣльческаго класса, стоявшаго у власти, было спасти отъ крушенія свое поземельное хозяйство; въ эту сторону, отъ вопросовъ объ устройствѣ высшаго управленія, должно было обратиться политическое вниманіе этого класса. Не слѣдуетъ думать, чтобы это вниманіе было исключительно поглощено мелочами вотчиннаго хозяйства. Но положеніе дѣлъ въ селѣ давало тонъ политическому настроенію боярства, направленіе его правительственной дѣятельности, роняло цѣну однихъ его интересовъ въ пользу другихъ, ставило, напримѣръ, мысль объ отношеніяхъ къ селу впереди мысли объ отношеніяхъ къ дворцу. Въ XVI в. боярство производитъ впечатлѣніе властвующей аристократіи безъ вкуса къ власти, потому что власть, какую оно имѣло, лишена была того, что только могло сообщить ей политическій вкусъ: ей не доставало обладанія народнымъ трудомъ.

Библиотека "Руниверс"

Другую причину равнодушія боярства къ вопросу объ устройствѣ высшаго управленія въ духѣ его аристократическихъ притязаній г. Ключевскій видитъ въ отношеніи самихъ Московскихъ государей къ боярству, какъ правительственному классу. Государь признавалъ его классомъ, на которомъ преимущественно лежитъ дѣло земскаго строенія, которымъ держится внѣшняя безопасность и внутренній порядокъ въ государствѣ. Обширное дворцовое вѣдомство было поставлено какъ-то въ сторонѣ отъ центральной государственной администраціи при ея новомъ устройствѣ, и сановники перваго были случайнымъ и мало замѣтнымъ элементомъ въ составѣ учрежденія, стоявшаго во главѣ послѣдней, такъ что все управленіе представляется намъ раздѣленнымъ на двѣ сферы, собственно государеву и государственную, изъ которыхъ одною государь руководилъ непосредственно, а другою чрезъ посредство думы. Съ теченіемъ времени правительственная практика установила много переплетавшихся связей между той и другой. Къ числу такихъ связей принадлежалъ особый совѣтъ, первое извѣстіе о которомъ находимъ въ словахъ Берсеня Беклемишева, сказанныхъ Максиму Греку: „Нынѣшній государь, запершись, самъ третій всѣ дѣла дѣлаетъ“. Это не дума втроемъ: самъ третій великій князь только обсуждаетъ выборъ бояръ для тайнаго совѣщанія. Когда возникали вопросы экстренные, такъ-сказать, учредительнаго свойства, которые не устанавливались въ колеѣ обычнаго дѣлопроизводства и доложить о которыхъ въ думѣ не пришлось бы никому, то иниціатива законодательной постановки такого вопроса принадлежала государю. Но самая важность или сложность такихъ вопросовъ дѣлала необходимымъ предварительное обсужденіе ихъ съ тайными совѣтниками, чтобы подготовить свое собственное мнѣніе, съ которымъ государь являлся въ думу, а не для того, чтобы подготовить приглашенныхъ на тайный совѣтъ членовъ этой думы къ своему предложенію. Съ другой стороны, возникали важные вопросы, касавшіеся не общаго государственнаго управленія, а болѣе тѣсной придворной сферы. Они обыкновенно разрѣшались непосредственно самимъ государемъ. Обыкновенно государь въ данномъ случаѣ совѣтовался съ кѣмъ нибудь изъ своихъ приближенныхъ, кто въ его глазахъ былъ къ тому способнѣе. Составъ этого совѣта вполнѣ зависѣлъ отъ воли государя, тогда какъ въ выборѣ членовъ думы онъ соображался съ боярскимъ отечествомъ, не по разуму ихъ, а по великой породѣ. Съ такимъ же значеніемъ явилась ближняя дума въ царствованіе Грознаго. Ближній совѣтъ, оставаясь частнымъ и пред-

Библиотека "Руниверс"

варительнымъ, долженъ былъ имѣть большое вліяніе на общую думу: когда государь приносилъ въ послѣднюю мнѣніе, внушенное тайными совѣтниками, его политическій авторитетъ и служилое приличіе обыкновенно заставляли бояръ соглашаться съ нимъ. Только на это вліяніе имѣлъ основаніе жаловаться Берсень въ бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ, а не на устраненіе боярской думы отъ дѣлъ ближнею думой государя втроемъ въ спальнѣ. Опричнина Грознаго по своему происхожденію была тѣсно связана съ ближнею думой, даже можетъ быть названа эпизодомъ изъ ея исторіи. Это была высшая полиція по дѣламъ государственной измѣны. Но направленная противъ людей правительственнаго класса, опричнина не касалась политическаго положенія всего этого класса. Высшее управленіе оставалось по прежнему аристократическимъ; боярская дума продолжала руководить землей посредствомъ подчиненныхъ ей приказовъ; теперь, поставленная во главѣ земщины, она какъ будто стала самостоятельнѣе прежняго. И прежде бояре иногда судили въ думѣ о дѣлахъ безъ государя; но это было отступленіемъ отъ заведеннаго порядка, которое допускалось въ исключительныхъ случаяхъ. Теперь, по видимому, такія засѣданія становились обычными, и докладъ государю ограничивался лишь наиболѣе важными государственными дѣлами; слѣдовательно, боярскіе приговоры по всѣмъ прочимъ вопросамъ получали силу закона и безъ этого доклада. Опричнина была развитіемъ государевой комнаты, только доведеннымъ до крайности, получившимъ ненормальные размѣры согласно съ характеромъ ея учредителя, что̀ еще болѣе дѣлало ее похожею на реставрацію удѣла. Въ ней были не только особые ближніе бояре, окольничіе и другіе чины, но и весь дворцовый штатъ ближній, полный дворъ, даже съ особою ближнею гвардіей. На учрежденіе опричнины нужно смотрѣть, какъ на завершеніе, того, чѣмъ была ближняя дума: имъ завершалось признаніе политическаго значенія боярства и боярской думы со стороны государя. Спеціальною полицейскою цѣлью опричнины не ослаблялось, а только рѣзче обозначалось это признаніе. Опричнина боролась не съ порядкомъ, а съ лицами. Такъ въ опричнинѣ сказалось одно изъ главныхъ основаній московскаго государственнаго порядка, создавшагося въ XV—XVI вѣкахъ: надъ лицами государь воленъ, но не можетъ устранить отъ власти правительственнаго класса, обойдтись безъ его содѣйствія.

Вотъ нѣсколько выводовъ автора, которые мы нашли въ IX—X главахъ, и на которые считали необходимымъ указать. Мы не передаемъ всѣхъ отдѣльныхъ мыслей и замѣтокъ автора, всѣхъ частныхъ

Библиотека "Руниверс"

его изслѣдованій, разсѣянныхъ въ этихъ главахъ, и не малая часть которыхъ составляетъ пріобрѣтеніе для русской исторіи. За немногими исключеніями, мы раздѣляемъ мнѣнія г. Ключевскаго относительно тѣхъ вопросовъ, которые затронуты имъ въ этой части своего труда.

Г. Ключевскій говоритъ, что притязанія бояръ XVI в. шли не много дальше дѣйствительности, не много новаго прибавляли къ тому, чѣмъ уже владѣло боярство. Но бѣда въ томъ, что боярство не предлагало никакихъ средствъ для обезпеченія того, чѣмъ оно обладало, отъ произвола сверху или притязаній снизу. Бояре пользовались властью, но не видно, чтобъ они чувствовали потребность оградить выгоды своего положенія отъ случайностей. Причины такого равнодушія бояръ XVI в. къ расширенію и обезпеченію своихъ политическихъ правъ, авторъ, какъ мы видѣли, находитъ въ состояніи народнаго хозяйства того времени и въ отношеніи Московскихъ государей къ боярству, какъ правительственному классу.

Общее впечатлѣніе, какое мы вынесли изъ книги г. Ключевскаго, то, что между Московскими князьями и ихъ боярами, до самаго Грознаго, не замѣтно никакой розни, отношенія между ними зиждутся еще на древнихъ началахъ удѣльной эпохи. А между тѣмъ, въ княженіе Іоанна III и его сына бояре уже не имѣли того значенія, какимъ они пользовались до этого времени. Въ 1499 году Іоаннъ III велѣлъ схватить знатнѣйшихъ бояръ — князя Ивана Патрикѣева съ двумя сыновьями и зятя его, князя Семена Ряполовскаго, изслѣдовать подробно ихъ крамолы, нашелъ измѣну и приговорилъ ихъ къ смертной казни. Ряполовскій былъ казненъ, а Патрикѣева, по просьбѣ духовенства, великій князь простилъ. „Никогда у насъ не творилось ничего такого!“ могли сказать бояре, смотря, какъ Ряполовскому отрубали голову, а Патрикѣева постригали въ монахи. Берсень-Беклемишевъ осмѣлился однажды говорить „встрѣчу“ Василію Ивановичу; послѣдній опалился и закричалъ: „Пойди, смердъ, прочь, ненадобенъ ты мнѣ“. Развѣ прежде князь могъ что-нибудь подобное сказать своему боярину? Тотъ же Берсень жалуется, что Василій Ивановичъ, „запершись, самъ третій у постели все дѣло дѣлаетъ“, чего прежде не бывало. По поводу этихъ словъ Берсеня, авторъ замѣчаетъ: „Было бы большою неосторожностью принять эти слова въ буквальномъ смыслѣ и подумать, что отецъ Грознаго лишилъ боярскую думу усвоеннаго ей давнимъ обычаемъ участія въ правленіи и рѣшалъ всѣ государственныя дѣла помимо ея съ какими-то двумя-тремя приближенными, къ тому же дьяками“. Совершенно вѣрно,

Библиотека "Руниверс"

что Василій не устранялъ обычной правительственной дѣятельности думы, какъ думаютъ нѣкоторые; но точно также неосторожно видѣть въ жалобѣ Берсеня „карикатуру“ [1]). Въ 1533 году Василій, находясь въ Волоколамскѣ, совѣтывался съ Шигоней и Путятинымъ, кого бы изъ бояръ пригласить въ думу о духовной; воротившись же въ Москву, великій князь приступилъ къ предсмертнымъ распоряженіямъ и собралъ чрезвычайное засѣданіе думы. Отсюда авторъ выводитъ заключеніе, что и тѣ совѣщанія, о которыхъ говоритъ Беклемишевъ, не были думою втроемъ: самъ третій великій князь только обсуждалъ выборъ бояръ для совѣщаній [2]). Едва ли можно согласиться съ авторомъ, по крайней мѣрѣ, мы не находимъ для того достаточныхъ основаній. Въ древнѣйшее время, какъ мы видѣли, происходили иногда совѣщанія князя съ своими любимцами, но подобныя совѣщанія были явленіями ненормальными. Совсѣмъ иное дѣло княженіе Василія Ивановича: въ это время такого рода совѣщанія были вполнѣ естественны, и нѣтъ никакой необходимости утверждать, что совѣщанія Василія, на которыя жалуется Берсень, ограничивались лишь вопросомъ, кого изъ бояръ приглашать въ думу, или что „вообще всѣ дѣла проходили черезъ думу всѣхъ бояръ, хотя бы они уже обсуждались на тайномъ совѣщаніи“. До Іоанна III главною заботою Московскихъ князей было увеличить территоріальный объемъ Московскаго княжества, подчинивъ себѣ остальныхъ князей-родичей. Ихъ энергическими помощниками въ этомъ отношеніи были бояре, хотя лѣтописи и приписываютъ всѣ дѣйствія князьямъ. Князья и бояре дѣйствовали согласно и дружно. И пока власть Московскихъ князей увеличивалась и расширялась внѣшнимъ образомъ, еще собирая только силы и средства къ своему внутреннему развитію, бояре играютъ ту же роль, какъ и старшая дружина въ древнемъ періодѣ. „Бояръ своихъ любите“, говоритъ Дмитрій Ивановичъ своимъ сыновьямъ,—„и честь имъ достойно воздавайте противу дѣлу коегождо, безъ ихъ думы ничтоже творити“ (П. С. Р. Л., VIII, 56). Послѣдняя

[1]) Г. Ключевскій видитъ „карикатуру“ и въ словахъ Берсеня, сказанныхъ по адресу митрополита Даніила: отъ него „учительнаго слова не услышишь“. Максимъ Грекъ имѣлъ невыгодное мнѣніе о богословскихъ познаніяхъ Даніила. Берсень, какъ сторонникъ Максима, съ своей точки зрѣнія, имѣлъ полное основаніе выразиться объ этомъ митрополитѣ, что отъ него не услышишь „учительнаго слова“, какъ раскольникъ, напримѣръ, имѣлъ основаніе то же самое сказать о Никонѣ.

[2]) Того же мнѣнія держится С. М. Соловьевъ. Ист. Росс., изд. 3., V, 432.

Библиотека "Руниверс"

фраза была еще отголоскомъ старины, когда князья дѣйствительно ничего не дѣлали безъ совѣта съ дружиною. Но мало по малу Московскій государь сталъ въ отношеніи къ своимъ боярамъ на недосягаемую высоту, о которой едва ли помышляли его далекіе предки. Уже о Василіѣ Дмитріевичѣ лѣтописецъ говоритъ, что ни одному изъ прежнихъ князей не воздавали въ Ордѣ такой чести, какую встрѣтилъ здѣсь этотъ князь. О внукѣ его, Іоаннѣ III, Герберштейнъ замѣчаетъ, что бояре трепетали передъ нимъ и на пирахъ во дворцѣ не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда государь дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ; проснувшись, онъ протиралъ глаза, и только тогда начиналъ шутить и былъ веселъ съ гостями [1]). Впрочемъ, Іоаннъ III, занятый еще уничтоженіемъ удѣловъ мало касался боярскихъ правъ. Онъ „противъ себя встрѣчу любилъ, и тѣхъ жаловалъ, которые противъ него говорили, и старыхъ обычаевъ не перемѣнялъ". Но Василій Ивановичъ, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же Герберштейнъ,—самъ рѣшаетъ всѣ духовныя и мірскія дѣла; хотя совѣтники у него и есть, но никто изъ нихъ не пользуется такимъ значеніемъ, чтобъ осмѣлиться въ чемъ-нибудь противорѣчить ему или быть другаго мнѣнія [2]). Берсень жалуется Максиму Греку: „Которая земля переставляетъ свои обычаи, та земля не долго стоитъ; а здѣсь у насъ старые обычаи великій князь перемѣнилъ. Такъ какого добра отъ насъ ждать?" Въ чемъ же состояла перемѣна этихъ обычаевъ? А вотъ въ чемъ: „Лучше старыхъ обычаевъ держаться и людей жаловать, старыхъ почитать; а теперь государь самъ-третій, запершись, у постели всякія дѣла дѣлаетъ" (А. Э., I, № 172). Нѣтъ, какъ намъ кажется, никакого повода заподозривать Берсеня въ преувеличеніи. А если нѣтъ причины отвергать извѣстіе или свидѣтельство, надо его принять. Не видно, чтобы до Василія Ивановича кто-нибудь изъ Московскихъ князей окружалъ себя любимцами; у этого же князя есть любимцы, и не родовитые бояре, а тверской дворецкій Иванъ Шигона да дьяки Путятинъ, Долматовъ, Коробовъ и другіе. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, если Василій, этотъ „прегордый и лютый" князь, какъ называетъ его Курбскій, иногда совѣтывался съ своими любимцами-дьяками, а не съ боярами; а можетъ быть даже и на оборотъ: только иногда съ боярами, а въ большинствѣ случаевъ „самъ третій у постели". И что за надобность была Василію Ивано-

[1]) Записки о Московіи, перев. *Анонимова*, стр. 22.
[2]) Тамъ же, стр. 28.

Библиотека "Руниверс"

вичу сначала совѣтоваться о какомъ-нибудь дѣлѣ „у постели", а затѣмъ—съ боярами въ думѣ? Авторъ говоритъ, чтобы подготовить свое собственное мнѣніе, съ которымъ онъ являлся въ думу. Это зачѣмъ? Если Василій Ивановичъ въ бесѣдѣ съ тайными совѣтниками составлялъ себѣ извѣстное мнѣніе о какомъ-нибудь вопросѣ, то онъ могъ прямо приступить къ исполненію, не ожидая еще обсужденія этого вопроса въ думѣ, тѣмъ болѣе, что благодаря „его политическому авторитету и служилому приличію", никто изъ бояръ не осмѣлится не согласиться съ нимъ, а если кто задумаетъ возражать, того Василій Ивановичъ отблагодаритъ словами: „Пошелъ смердъ, прочь".

Не трудно догадаться, почему авторъ относитъ начало „политическаго разрушенія" боярства ко временамъ Грознаго. Главною, если не единственною, причиною паденія бояръ г. Ключевскій считаетъ „экономическія превратности". Мы видѣли, въ чемъ заключались эти превратности въ малолѣтство Іоанна IV, приблизительно съ 1540-хъ годовъ, начался отливъ населенія изъ центральныхъ областей, гдѣ боярство имѣло свои вотчины, на окраины государства, гдѣ боярское землевладѣніе еще не имѣло насиженныхъ мѣстъ; этотъ разбродъ населенія подвергъ тяжелому кризису боярское землевладѣніе, такъ что бояре въ концѣ концовъ лишились того, что только и могло служить поддержкой ихъ власти,—обладанія народнымъ трудомъ (стр. 313—317). Мысль эта совершенно увлекла автора; онъ видитъ осуществленіе ея и въ такихъ фактахъ, которые не имѣли къ ней прямого, непосредственнаго отношенія; нѣкоторымъ событіямъ придано большее значеніе, чѣмъ какое они имѣли на самомъ дѣлѣ; нѣкоторые факты опущены потому только, что они не мирятся съ означеннымъ взглядомъ.

Но допустимъ, что авторъ правъ. Все-таки остается непонятнымъ, зачѣмъ Грозному понадобилось вести такую упорную борьбу противъ бояръ, если „экономическія превратности" и безъ того влекли этихъ „измѣнниковъ" къ паденію? Авторъ говоритъ, что „боярство не простирало своихъ притязаній за предѣлы существующаго порядка. У обѣихъ сторонъ, то-есть, у Грознаго и у бояръ, не было ни готовыхъ противоположныхъ плановъ государственнаго устройства, ни даже непримиримыхъ стремленій, изъ которыхъ могли бы выработаться такіе планы. Политическія воззрѣнія обѣихъ сторонъ вовсе не расходились между собою до невозможности соглашенія. Если и возникла борьба между Московскимъ государемъ и его боярами, то она имѣла династическое происхожденіе. И эта борьба была направ-

Библиотека "Руниверс"

лена не противъ бояръ, какъ правительственнаго класса, а противъ отдѣльныхъ лицъ этого класса".

Противъ этихъ выводовъ можно сказать многое. Еще за долго до 1553 года, когда произошло извѣстное столкновеніе по вопросу о престолонаслѣдіи, Іоаннъ IV говорилъ съ лобнаго мѣста: „Родители о мнѣ небрегоша, а сильніи мои бояре и вельможи о мнѣ нерадѣша и самовластны быша, и сами себѣ саны и чести похитиша моимъ именемъ, имъ же нѣсть возбраняющаго, и во многія корысти, и въ хищенія, и въ обиды упражняхуся.... О неправедніи лихоимцы и хищницы и неправедный судъ по себѣ творяще! что нынѣ намъ отвѣтъ даете, иже многія слезы на ся воздвигосте? Азъ же чистъ отъ крове сея. Ожидайте воздаянія своего!" Могутъ замѣтить, что это „воздаяніе" готовилось только для тѣхъ бояръ, которые, во главѣ съ Бѣльскими, Шуйскими и Глинскими, своевольничали въ малолѣтство Іоанна. Но тогда можно обратить вниманіе еще на одинъ фактъ. Вскорѣ по завоеваніи Казани, Грозный, разгнѣвавшись на одного изъ воеводъ, сказалъ воеводамъ и всему воинству: „Нынѣ боронилъ мя Богъ отъ васъ!" [1]). Если Иванъ Васильевичъ нѣкоторое время не начиналъ открытую борьбу съ боярствомъ, потому ли, что онъ нуждался въ немъ для покоренія Казанскаго царства, или потому, что его сдерживали Сильвестръ и Адашевъ, то во всякомъ случаѣ борьба была неизбѣжна. Кое-какіе зародыши ея замѣтны уже въ первые годы царствованія Іоанна Грознаго: созваніе земскаго собора, приближеніе Сильвестра, Адашева и „иныхъ такихъ". Случай 1553 года, когда часть бояръ отказалась цѣловать крестъ четырехлѣтнему Дмитрію, имѣя въ виду возвести на престолъ двоюроднаго брата царя, князя Владиміра Андреевича, только ускорилъ развязку. Но ни въ какомъ случаѣ его нельзя считать поводомъ къ борьбѣ: и безъ этого было отъ чего „возгорѣться пожару лютости, воскуриться гоненію великому".

Притязанія боярства отживали свой вѣкъ, шли въ разладъ съ притязаніями Московскихъ государей, что и повело къ столкновенію между Московскими государями и ихъ боярами. Право совѣщаться съ княземъ о государственныхъ дѣлахъ и право свободнаго отъѣзда — вотъ тѣ права бояръ, которыми они особенно дорожили. Но мы знаемъ, что посовѣтовалъ Грозному Вассіанъ Топорковъ, и какъ царь принялъ этотъ совѣтъ. Въ своихъ посланіяхъ къ Курбскому Иванъ Ва-

[1]) Сказанія кн. Курбскаго, изд. *Устрялова*, стр. 33.

Библиотека "Руниверс"

сильевичъ внимательно и подробно отвѣчалъ на всѣ обвиненія, возводимыя на него Курбскимъ, и всѣ свои дѣйствія оправдывалъ ссылками на Священное Писаніе; но и Курбскій, съ своей стороны, находилъ въ Священномъ Писаніи основанія о необходимости царю слушаться совѣтниковъ. „О безбожныхъ человѣцѣхъ что глаголати!“ отвѣчаетъ на это царь,—„понеже тіи всѣ царствіи своими не владѣютъ: како имъ повѣлятъ работные ихъ, тако и владѣютъ; а Россійское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи“ [1]). А прежде было не то: „Тебѣ безъ насъ нельзя было ничего не замыслить, ни сдѣлать“—говорили когда-то бояре своему князю. „Вамъ честь и любовь оказывалъ, подъ вами города держалъ и большія волости; вы не назывались у меня боярами, но князьями земли моей“, говорилъ князь своимъ боярамъ. Вмѣсто совѣщанія съ боярами, какъ дѣлалось прежде, Грозный совѣтуется съ своими любимцами (Малюта-Скуратовъ, Вяземскій, А. Басмановъ), и въ тяжелыя, критическія минуты обращается не къ думѣ боярской, а къ представителямъ отъ всей Русской земли. Право же свободнаго отъѣзда потеряло свое прежнее легальное основаніе; теперь оно получило уже значеніе государственной измѣны: отъѣзжающихъ служилыхъ людей догоняютъ и сажаютъ въ тюрьму, конфискуютъ ихъ имущество; даже одинъ лишь замыселъ отъѣхать со службы Московскаго государя возводится на степень государственной измѣны. Появились клятвенныя записи и поручительства, и мы знаемъ, какъ смотрѣли бояре на эти „проклятыя“ грамоты, которыми они принуждались отрекаться отъ своего драгоцѣннаго права. Какія же это „важнѣйшія“ права бояръ, которыя, по словамъ г. Ключевскаго, признавались царемъ? Только одно лишь право нашей аристократіи пользовалось нѣкоторымъ уваженіемъ со стороны Грознаго: по прежнему одни лишь члены знатныхъ фамилій получаютъ званіе боярина, такъ что даже и любимцу своему Малютѣ-Скуратову Иванъ Васильевичъ не хотѣлъ дать боярскій санъ. Но за то чинъ думнаго дворянина давалъ возможность вводить въ думу людей неродовитыхъ, незнатныхъ, чѣмъ и ослаблялся аристократическій элементъ въ составѣ боярской думы [2]). Преслѣдуя боярство и стараясь по возмож-

---

[1]) Сказанія кн. Курбскаго, 141.

[2]) Что думное дворянство не было создано Іоанномъ IV, какъ „произведеніе политическаго антогонизма между верховною властью и боярствомъ“, на это указалъ еще С. М. Соловьевъ (Ист. Росс., т. VI, 31 и 73, по 3-му изд.).

Библиотека "Руниверс"

ности устранить его отъ непосредственнаго вліянія на дѣла государственнаго управленія, Грозный приблизилъ къ себѣ классъ дьяковъ, которымъ „зѣло вѣритъ“. Въ приказы, правителями которыхъ и были эти дьяки, постепенно перетягивается центръ тяжести правительственной дѣятельности. Дьяки появляются даже въ должности воеводъ (Выродковъ, Ржевскій). „Писари же наши русскіе“, жалуется Курбскій,— „имъ же великій князь зѣло вѣритъ, а избираетъ ихъ отъ шляхетскаго роду, ни отъ благороднаго, но паче отъ поповичевъ, или отъ простаго всенародства, а то ненавидячи творитъ вельможъ своихъ“. Г. Ключевскій замѣчаетъ: Совсѣмъ несправедливо было бы вмѣстѣ съ Курбскимъ думать, что только вражда государя къ боярству выдвигала тогда впередъ этихъ людей (дьяковъ). Они пріобрѣтали вліяніе путемъ, который и безъ этой вражды остался бы для нихъ открытымъ: они были хорошо знакомы съ подробностями усложнявшагося все болѣе государственнаго механизма и дѣлали всю черновую работу администраціи, занимали самыя трудныя и хлопотливыя должности, служили казначеями, печатниками и пр. (стр. 277). Но то же самое можно сказать и о дьякахъ Василія Ивановича и Іоанна III; однако, никто не жаловался, чтобъ отецъ Грознаго или дѣдъ его „зѣло вѣрили“ своимъ дьякамъ. Тимоѳей Тетеринъ, стрѣлецкій голова, писалъ къ Морозову: „Есть у великаго князя новые вѣрники—дьяки, которые его половиною кормятъ, а большую себѣ емлютъ, которыхъ отцы вашимъ отцамъ въ холопство не пригожались, а нынѣ не токмо землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ“ [1]). Значитъ, и Тетерину не слѣдуетъ вѣрить, что Грозный приблизилъ къ себѣ „писарей“?

Если права бояръ не заключали въ себѣ ничего непримиримаго,

Нужно, однако, замѣтить, что Іоаннъ раздавалъ различныя государственныя должности по мимо бояръ второстепенному дворянству и даже лицамъ, не происходившимъ отъ служилаго сословія. Такъ, Адашевъ, котораго Грозный „взялъ отъ самыхъ низшихъ и отъ самыхъ молодыхъ людей“, былъ возведенъ въ званіе окольничаго, и ему поручено было принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ (Сб. Гос. Гр. и Д., II, № 37). Слѣдовательно, Адашевъ, какъ замѣчаетъ С. М. Соловьевъ, занялъ мѣсто Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Глинскихъ. Карамзинъ, Соловьевъ, Лашкиковъ, Загоскинъ и другіе историки считаютъ Берсеня-Беклемишева бояриномъ; г. Ключевскій же говоритъ (стр. 275), что Берсень бывалъ въ думѣ въ званіи сына боярскаго, въ думѣ живущаго, но нигдѣ не является ни бояриномъ, ни окольничимъ. Значитъ, уже и при Василіѣ Ивановичѣ появлялись въ думѣ лица, которыя не были боярами или окольничими?

[1]) Доп. къ Акт. ист., I, № 68.

Библиотека "Руниверс"

если „политическія воззрѣнія обѣихъ сторонъ вовсе не расходились между собою до невозможности соглашенія", то зачѣмъ же Московскимъ государямъ понадобилось одного права—права свободнаго отъѣзда—совершенно лишить бояръ, а другое старинное право бояръ—право совѣтоваться съ княземъ о дѣлахъ—игнорировать?

Авторъ говоритъ, что борьба Грознаго была направлена противъ лицъ и оказала лишь „генеалогическую разрушительность": казни и опалы и вызванная ими эмиграція унесли много знатныхъ именъ изъ московскихъ разрядныхъ списковъ. Іоаннъ IV преслѣдовалъ не личности бояръ, а боярскія права, не сообразныя съ развитіемъ государства. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ тѣ мѣры, которыя онъ вводилъ для ограниченія старинныхъ боярскихъ правъ: устроилъ строгій надзоръ за своевольными отъѣздами бояръ въ чужіе края; всѣ боярскіе роды переименовалъ въ дворянъ, то-есть, слугъ государевыхъ, чѣмъ измѣнилъ родословное значеніе боярскихъ родовъ въ служебное; чтобъ ослабить вліяніе бояръ по городамъ и областямъ, Грозный старался передать судъ и управу городскимъ и сельскимъ областямъ, мимо намѣстниковъ и волостей; извѣстны также законы его, направленные къ ограниченію вотчиннаго права бояръ. „Князи земли", какъ называлъ Дмитрій Донской своихъ бояръ, при Грозномъ пишутся холопами Ивашкой, Николашкой, Олешкой, и этотъ обычай писаться холопами и употреблять уменьшительную форму именъ не былъ лишь простымъ знакомъ покорности, а служилъ выраженіемъ дѣйствительныхъ отношеній. Ко всему этому нужно прибавить и учрежденіе опричнины.

„Опричнина", по мнѣнію автора, — „имѣла исключительно полицейскую цѣль, направлена была противъ лицъ, а не противъ правительственнаго класса, безъ содѣйствія котораго царь и не могъ обойдтись". Но если и справедливо, что Грозный не могъ управиться безъ боярства съ своимъ царствомъ, то все же съ его стороны была „попытка отдѣлиться отъ него, жить рядомъ, но не вмѣстѣ", а это для насъ собственно и важно. Учрежденіемъ опричнины Иванъ Васильевичъ хотѣлъ показать боярамъ, что онъ не нуждается въ ихъ службѣ (но дѣйствительно ли онъ могъ обойдтись безъ содѣйствія бояръ—это другой вопросъ; по крайней мѣрѣ, Грозный и его бояре, какъ выражается авторъ, „попытались раздѣлиться") и не можетъ довѣрять имъ важнѣйшія обязанности; она освобождала царя отъ необходимости постояннаго сообщенія съ ненавистнымъ ему боярствомъ. Грозный писалъ Василію Грязному: „Мы, окру-

Библиотека "Руниверс"

женные боярами измѣнниками, должны были, удаливъ ихъ, приблизить васъ, низкихъ рабовъ, къ лицу нашему". Если онъ не устранилъ совершенно бояръ отъ участія въ управленіи, не изгналъ ихъ изъ думы, то единственно потому, что это не могло быть предпринято царемъ безъ окончательной ломки древнихъ обычаевъ и понятій. Что-нибудь одно: или учреждая опричнину, Грозный попытался освободиться отъ бояръ, слѣдовательно, она была направлена противъ цѣлаго правительственнаго класса, или же опричнина была исключительно государственною полиціей, слѣдовательно, была направлена противъ отдѣльныхъ лицъ этого класса — измѣнниковъ. А у автора выходитъ и то, и другое. Иванъ Васильевичъ едва ли нуждался въ особой государственной полиціи, такъ какъ, давая волю своему гнѣву и рукамъ, онъ могъ успѣшно искоренять измѣну и безъ опричнины. „На учрежденіе опричнины нужно смотрѣть, какъ на завершеніе того, чѣмъ была ближняя дума: имъ завершалось признаніе политическаго значенія боярства и боярской думы со стороны государя". Изъ-за чего же въ самомъ дѣлѣ сыръ-боръ загорѣлся? Вѣдь если вся „сущность притязаній бояръ состояла въ требованіи, чтобы центральнымъ и областнымъ управленіемъ руководили вмѣстѣ съ государемъ и они", то это притязаніе было признано Грознымъ: боярская дума продолжала и при немъ стоять во главѣ управленія и даже сдѣлалась самостоятельнѣе, чѣмъ была прежде[1]). Чего же всполошились бояре? и ни съ того ни съ сего стали заявлять протесты, стали собираться на службу въ иноземныя страны? И зачѣмъ это Мстиславскій, одинъ изъ первыхъ бояръ, которому повѣрена была земщина, задумалъ измѣнить „государю своему, его дѣтямъ и его землямъ, всему православному христіанству и всей Русской землѣ", да и не одинъ измѣнить, а еще съ своими „товарищами"? А спустя лѣтъ сорокъ послѣ всего этого, Ѳедоръ Никитичъ Романовъ, вспомнивъ время Грознаго, пишетъ къ Шереметеву, что возстановить власть прежнихъ царей значитъ подвергнуть отечество опасности окончательной гибели. Что-нибудь да не такъ. Видѣть въ борьбѣ Іоанна IV съ боярами личный характеръ, это значитъ—объяснять эту борьбу или тѣмъ, что Грозный недовѣрялъ своимъ боярамъ, сомнѣвался въ ихъ вѣрности и преданности къ нему, или же тѣмъ, что своими опалами и

[1]) Хотя въ одномъ мѣстѣ (стр. 441) авторъ и замѣчаетъ, что это время, то-есть, когда дума осталась одна безъ государя, было ненормальнымъ кризисомъ, болѣзненнымъ состояніемъ государства.

Библиотека "Руниверс"

казнями онъ мстилъ боярамъ за ихъ поведеніе во время его болѣзни. Но извѣстно, что Грозный, объявивъ всѣхъ своихъ бояръ измѣнниками, въ то же время поручалъ имъ важныя должности; предпринималъ мѣры, направленныя противъ всего боярства; извѣстно также, что бывали нерѣдки случаи, когда Иванъ Васильевичъ, хотя и хорошо зналъ, что за тѣмъ или другимъ бояриномъ нѣтъ никакой вины, самъ взводилъ на него небывалое преступленіе, чтобы только придраться къ боярину, и лучшею мѣрою отдѣлаться отъ такого измѣнника, это, конечно, казнить его: мертвые бо гласу не имутъ, не станутъ заявлять какія бы то ни было претензіи. Ивану Васильевичу нужно было сломить эту семью родовитыхъ мужей, нанести ей такіе удары, чтобы члены ея отвыкли смотрѣть на себя, какъ на „властей Русской земли, подчиненныхъ Московскому государю", а смотрѣли бы на себя просто какъ на холопей этого государя. „Если нельзя было прогнать отъ себя все старинное вельможество, то оставалось одно средство — самому уйдти отъ него, Іоаннъ такъ и сдѣлалъ [1]): учредилъ опричнину, которая даже мѣстничеству, этому любимому дѣтищу бояръ, нанесла ударъ: опричнина не исключила мѣстническаго распорядка, но спутала всѣ мѣстническія отношенія [2]). Боярская дума осталась безъ государя. А въ областномъ управленіи Іоаннъ IV вводитъ такого рода реформу: по всѣмъ городамъ и волостямъ отмѣняетъ намѣстниковъ и волостелей и управленіе всѣми земскими дѣлами предоставляетъ самимъ общинамъ, поставивъ ихъ въ непосредственное отношеніе съ московскими приказами. Значитъ, и здѣсь былъ нанесенъ ударъ одному изъ притязаній московскихъ бояръ — руководить областнымъ управленіемъ. Во имя идеи самодержавія, которую Грозный противопоставляетъ притязаніямъ своихъ политическихъ противниковъ, Иванъ Васильевичъ наноситъ удары боярству, и эти удары были на столько сильны, всѣ мѣры, придуманныя царемъ противъ старинныхъ притязаній бояръ, имѣли такое обширное вліяніе, что бояре не только не могли бороться съ Ѳедоромъ, этимъ „монахомъ на престолѣ", про котораго говорилъ Сапѣга, что „у него вовсе нѣтъ ума", но и съ своимъ собратомъ Годуновымъ, которому они цѣлуютъ крестъ служить и подчиняться его царской волѣ, не радѣя ни о чемъ другомъ, кромѣ пользы и выгодъ государя.

---

[1]) Слова *С. М. Соловьева,* въ его Исторіи Россіи VI, 4-е изд., 196.

[2]) Симбирск. сборникъ, I, 44.

Библиотека "Руниверс"

Но, по словамъ г. Ключевскаго, на политическое разрушеніе боярства повліяла не борьба Московскихъ государей съ боярами, а „экономическія превратности": съ половины XVI вѣка народный трудъ сталъ уходить изъ-подъ боярскихъ рукъ. Однако же изъ книги г. Ключевскаго ничего не видно, на сколько бояре, какъ землевладѣльцы, страдали вслѣдствіе отлива народонаселенія изъ центральныхъ областей къ окраинамъ государства. Авторъ указываетъ на тотъ фактъ, что у насъ тогда было много пустопорожнихъ мѣстъ, и замѣчаетъ, что „въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ иностранцевъ XVII в. о Московіи можно видѣть отдаленные слѣды этого переворота въ размѣщеніи сельскаго населенія" (стр. 313). Почему авторъ не указалъ, въ какихъ извѣстіяхъ иностранцевъ и какіе именно „слѣды" можно видѣть въ этихъ извѣстіяхъ? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь изъ иностранцевъ, указывая на переходъ народонаселенія къ окраинамъ государства, указалъ въ то же время и на послѣдствіе этого перехода, то-есть, что бояре лишились рабочихъ рукъ. Мы, по крайней мѣрѣ, не нашли въ сочиненіяхъ иностранцевъ-современниковъ указаніе на что-либо подобное. Иностранцы дѣйствительно свидѣтельствуютъ о существованіи у насъ пустопорожнихъ мѣстъ. Флетчеръ, напримѣръ, путешествуя по Россіи, встрѣтилъ между Вологдой и Ярославлемъ не мало деревень совершенно брошенныхъ, гдѣ не было ни одного жителя. Но весь вопросъ въ томъ: были ли въ этихъ мѣстахъ боярскія вотчины, принадлежали ли эти запустѣлыя деревни боярамъ?

Что въ XVI в. въ Россіи были огромныя пространства пустопорожнихъ мѣстъ, на это указываютъ писцовыя книги и другіе памятники. Пустовали они отъ многихъ причинъ: памятники приписываютъ запустѣніе земель голоду, войнѣ, повальнымъ болѣзнямъ, тяжести повинностей и податей; намѣстники и волостели разоряли свои уѣзды и волости, и крестьяне бѣжали изъ нихъ: такъ, Грозному „вниде въ слухъ, что многіе грады и волости пусты учинили намѣстники и волостели"; изъ одной челобитной узнаемъ, что „на посадахъ многіе дворы, а въ станахъ и волостѣхъ многіе деревни запустѣли отъ прежнихъ важескихъ намѣстниковъ и отъ ихъ тіуновъ". Но нигдѣ свободный переходъ крестьянъ не выставляется причиною запустѣнія земель. Затѣмъ, въ XVI в. дѣйствительно началось переселеніе крестьянъ на востокъ въ Сибирь, на юго-востокъ по Волгѣ и на югъ въ татарскія земли. Но лишились ли бояре рабочихъ рукъ вслѣдствіе этого переселенія? Дѣйствительно ли крестьяне переселялись на окраины

Библиотека "Руниверс"

государства прямо изъ боярскихъ вотчинъ? Переселялось ли ихъ туда такъ много, что въ боярскихъ вотчинахъ не осталось рабочихъ рукъ? Вотъ что̀ нужно было автору доказать, если ему хотѣлось объяснить „политическое разрушеніе“ боярства „экономическими превратностями“. Ограничиться лишь простымъ указаніемъ на отливъ населенія къ окраинамъ государства и отсюда выводить заключеніе, что бояре-землевладѣльцы лишились рабочихъ рукъ,—этого мало. Такое заключеніе можно назвать страннымъ, потому что оно основано на однихъ предположеніяхъ, ничѣмъ не подтверждаемыхъ. Нужны доказательства, что дѣйствительно населеніе бросило боярскія вотчины, нужны цифры, которыя показали бы, что до половины XVI в. у бояръ были рабочія руки, а съ этого времени народный трудъ сталъ уплывать изъ-подъ боярскихъ рукъ. Мы знаемъ, что богатые землевладѣльцы различными мѣрами переманивали къ себѣ крестьянъ и не безуспѣшно; знаемъ также, что, нѣкоторые бояре во времена Грознаго „велія отчины подъ собою имѣли, а колико тысящъ съ нихъ не чту воинства было слугъ ихъ“; самъ авторъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что крупнымъ землевладѣльцамъ удавалось привязать къ мѣсту бродячій крестьянскій трудъ (стр. 345), и все-таки, не смотря на все это, онъ заявляетъ, что съ XVI в. боярство не обладало народнымъ трудомъ. Въ царствованіе Грознаго особенно была развита раздача земель въ помѣстья и вотчины служилымъ людямъ. И. Д. Бѣляевъ допускаетъ, что къ концу царствованія Іоанна IV было въ помѣстной раздачѣ по крайней мѣрѣ до 50 милліоновъ четвертей земли [1]). Жалуя своихъ бояръ вотчинами, Грозный, конечно, выбиралъ для таковыхъ монаршихъ милостей не худшія земли, не пустыя волости. Своеземцамъ было гораздо хуже, чѣмъ людямъ, живущимъ за богатыми землевладѣльцами. Они получали ссуды отъ владѣльцевъ на обзаведеніе; въ голодные годы могли разчитывать на помощь хлѣбомъ; получали скотъ въ случаѣ его падежа; боярскія вотчины нерѣдко освобождались отъ налога. Для крестьянъ все это было очень важно. Едва ли поэтому крестьяне уходили изъ боярскихъ имѣній, по крайней мѣрѣ, бояре никогда не жаловались на запустѣніе ихъ вотчинъ. Скажи авторъ, что наша аристократія была вообще бѣдна поземельною собственностью, тогда—другое дѣло. Но и этотъ вопросъ пришлось бы рѣшать не на основаніи какихъ-нибудь положительныхъ указаній, а только предположительно;

[1]) Крестьяне на Руси, 99.

Библиотека "Руниверс"

но тогда мы все-таки имѣли бы хоть какія-нибудь основанія, которыя дѣлали бы это предположеніе вѣроятнымъ [1]). Если до настоящаго времени историки ложно объясняли причину паденія бояръ и если г. Ключевскому удалось сдѣлать новое открытіе, то ему слѣдовало бы доказать справедливость своего взгляда не словами, а историческими фактами, болѣе основательными, чѣмъ простыя ссылки на свидѣтельства иностранныхъ писателей, что въ XVI вѣкѣ у насъ было много запустѣлыхъ земель.

Тѣмъ же явленіемъ, то-есть, разбродомъ населенія, г. Ключевскій объясняетъ и то обстоятельство, что московскому боярству не удалось сомкнуться въ плотную и единодушную корпорацію, проникнуться сознаніемъ сословныхъ интересовъ и пріобрѣсти привычку дѣйствовать дружно во имя этихъ интересовъ. Напротивъ, „борьба съ селомъ", стремленіе спасти отъ крушенія свое поземельное хозяйство, должна была бы скорѣе сплотить бояръ, чтобы общими усиліями удержать въ своихъ рукахъ народный трудъ. А если бояре дѣйствовали розно, если они не могли образовать между собою общихъ сословныхъ интересовъ и постоять за нихъ, то здѣсь было виновато мѣстничество, это „богоненавистное, враждотворное, братоненавистное мѣстничество, отъ коего происходило всему великое зло, великія пакости, нестроенія и разрушенія".

Если политическое значеніе боярства было скоротечно, если Московское государство не вышло аристократическимъ, то это нужно объяснить не „состояніемъ народнаго хозяйства того времени", а другими причинами. Малолѣтство Іоанна IV развязало руки боярамъ и дало просторъ всѣмъ боярскимъ притязаніямъ. Но бояре ничего тогда не сдѣлали въ пользу своихъ притязаній, а все время провели въ борьбѣ партій. Да боярство ничего и не могло сдѣлать, такъ какъ въ составъ его вошли самые разнообразные элементы, что давало самый обильный матеріалъ для образованія враждебныхъ другъ другу партій. Словомъ, боярство, раздираемое безпрестанными интригами и мѣстничествомъ, не могло сплотиться въ тѣсную семью, чтобы сообща отстаивать свои интересы. Затѣмъ, только та аристократія могла создать себѣ прочное господство и сдѣлаться силой въ государствѣ, которая сумѣла прочно захватить управленіе провинціями, сумѣла утвердиться въ нихъ наслѣдственно, пріобрѣсть распо-

[1]) См., напримѣръ, Сказанія князя Курбскаго, изд. *Устрялова*, стр. 54; *Н. Хлѣбникова*, О вліяніи общества и пр., стр. 20.

Библиотека "Руниверс"

ложеніе жителей. Ничего такого не было въ Московскомъ государствѣ. Московскій бояринъ XVI в. былъ даже „рѣдкимъ гостемъ въ своихъ подмосковныхъ и едва ли когда заглядывалъ въ свои дальнія вотчины и помѣстья“ (стр. 316). Когда Московскіе государи стали измѣнять свои отношенія къ боярамъ, послѣдніе начали заявлять протесты. Но всѣ ихъ протесты не могли увѣнчаться успѣхомъ. Бояре дѣйствовали особнякомъ, не находя ни поддержки, ни сочувствія въ массѣ населенія. Народъ не имѣлъ ничего общаго съ боярствомъ, между ними лежала огромная пропасть. Бояре какъ будто и не сознавали, что они тогда только могли бы разчитывать на успѣхъ, могли смѣло высказывать свои протесты и отстоять свои старинныя права, если бы на ихъ сторонѣ былъ народъ. Чуждое земскимъ интересамъ, боярство смотрѣло на народъ, какъ смотритъ побѣдитель на покоренную страну: оно старалось извлечь изъ него какъ можно больше выгодъ. Авторъ обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что даже низшаго слоя бояре считали для себя „безчестіемъ“ занимать должность губнаго старосты, хотя эта была единственная должность въ московскомъ областномъ управленіи, которая имѣла громадный земскій авторитетъ и широкое вліяніе на общество. А бояре потому и считали для себя „безчестіемъ“ занимать должность губнаго старосты, что эта должность заставляла бы ихъ постоянно сталкиваться съ народомъ. Бояре, съ своей стороны, были чужды народу, какъ пришельцы, кормившіеся на его счетъ. Народъ былъ всегда на сторонѣ государя. Не останавливаясь на вопросѣ, почему это такъ было, почему народъ держалъ сторону государя, замѣтимъ, что сами бояре своимъ поведеніемъ отталкивали народъ отъ желанія видѣть думу боярскую во главѣ государственнаго строя. Народъ прямо заявилъ объ этомъ при избраніи на царство Бориса Годунова и Василія Шуйскаго. Оторванное отъ всякой связи съ народомъ, привыкшее ставить на первый планъ интересы личности и рода, боярство не могло имѣть никакихъ истинно земскихъ стремленій. Если бы бояре не преслѣдовали исключительно свои личные интересы, еслибъ они сблизились тѣснѣе съ народомъ, тогда они едва ли бы испытали то пораженіе, какое нанесли имъ Московскіе государи. Послѣдніе были гораздо дальновиднѣе своихъ бояръ: Іоаннъ IV, Борисъ Годуновъ прежде всего стараются расположить къ себѣ народъ. Согласимся съ авторомъ, что вся бѣда произошла оттого, что народный трудъ уплылъ изъ-подъ боярскихъ рукъ. А что если бы бояре не лишились рабочихъ рукъ, могли ли они разчитывать на успѣхъ? Что могла сдѣлать эта кучка родовитыхъ мужей, нерѣдко

Библиотека "Руниверс"

дѣлившаяся на враждебныя партіи, которая среди остальной массы населенія являлась въ государствѣ отрѣзаннымъ ломтемъ? Г. Петровскій, въ своей книгѣ „О Сенатѣ при Петрѣ Великомъ“ (стр. 14), говоритъ, что „дума въ княжескомъ періодѣ была только зерномъ, изъ котораго впослѣдствіи могло развиться то или другое государственное высшее учрежденіе, и, смотря по тому, въ какія отношенія поставитъ впослѣдствіи исторія князя и старшихъ дружинниковъ, какой элементъ усилится, возьметъ перевѣсъ: князь, или старшая дружина-боярство, тотъ и оттѣнокъ приметъ самое государственное устройство—чисто монархическій или аристократическій“. Исторія и поставила обѣ стороны во враждебныя отношенія. Но силы противниковъ были далеко неравномѣрны: съ одной стороны — только бояре, съ другой—царь, а съ нимъ и весь народъ. Слабая сторона должна была уступить.

Г. Ключевскій говоритъ, что „у Московскаго государя и у его бояръ не было ни готовыхъ противоположныхъ плановъ государственнаго устройства, ни даже непримѣримыхъ стремленій, изъ которыхъ могли бы выработаться такіе планы“. Московскіе бояре были вполнѣ довольны тѣми порядками, которые установились въ Москвѣ на первыхъ порахъ. Напрасно авторъ заявляетъ, что московское боярство XVI в. не было расположено представлять въ свѣтлыхъ чертахъ московское прошедшее, въ преданіяхъ московскаго княжескаго дома оно не находило ничего славнаго и высокаго и въ его вѣковомъ историческомъ дѣлѣ объединенія Руси видѣло только рядъ насилій „издавна кровопійственнаго рода“, дѣйствіе его хищническихъ инстинктовъ, фамильной привычки „желать крови своихъ братій и губить ихъ ради ихъ убогихъ вотчинъ“ (стр. 286). Тотъ же Курбскій, словами котораго авторъ какъ бы подтверждаетъ свое мнѣніе, говорилъ, что „въ предобрый Русскихъ князей родъ всѣялъ дьяволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ и чародѣйками“. Если здѣсь намекъ на Софію Палеологъ, то родъ Русскихъ князей пересталъ быть „предобрымъ“, начиная съ Іоанна III (въ другомъ мѣстѣ Курбскій упрекаетъ Ивана Васильевича въ томъ, что онъ отобралъ отъ „единоплеменныхъ княжатъ движимыя стяжанія и недвижимыя, чего еще дѣдъ его и отецъ не разграбилъ“: опять-таки вся бѣда началась отъ дѣда Грознаго); что касается самаго Іоанна IV, то Курбскій заявляетъ, что онъ прежде „зѣло любимъ“ былъ своими боярами; сокрушается о перемѣнѣ въ Іоаннѣ; говоритъ, что прежде въ немъ „духъ святый пребывалъ“; отзывается о „царской душѣ“ его, какъ „о пречестнѣйшей

Библиотека "Руниверс"

и пресвѣтлѣйшей злата", словомъ, много было хорошаго въ Іоаннѣ, но все это „тогда было, тогда, когда со избранными мужи избраненъ бывалъ еси, и со преподобными преподобенъ, и со неповинными неповиненъ" [1]). Курбскій совѣтуетъ Іоанну „помянуть первые дни и возвратиться паки". Изъ переписки Курбскаго съ Іоанномъ хотя и видно, что первый былъ не такъ раздражителенъ и страстенъ, какъ второй, но и Курбскій не всегда былъ способенъ сдерживать себя. Такъ, вспомнивъ о нехорошемъ поступкѣ Іоанна съ сестрою Курбскаго, которую царь насильно взялъ за своего брата, взялъ въ тотъ — прибавляетъ Курбскій—„въ тотъ вашъ издавна кровопійственный родъ". Стоило бы князю Андрею Михайловичу хорошенько подумать надъ тѣмъ, что онъ сказалъ, и онъ имѣлъ полное основаніе упрекнуть себя: какое несправедливое обвиненіе я взвелъ на родъ Московскихъ князей! А Семеонъ Гордый? а Дмитрій Донской? Они не только уважали наши старинныя права (чего Курбскій добивался отъ Грознаго), но и дѣтямъ своимъ завѣщали охранять эти права.

И въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ, какимъ важнымъ значеніемъ пользовались бояре во времена Дмитрія Ивановича. Имъ и въ голову не приходило, что когда-нибудь это значеніе будетъ оспариваемо, и начнется стремленіе устранить ихъ отъ вліянія на дѣла государственныя. Вотъ почему бояре и не старались оградить свое положеніе рядомъ учрежденій и т. п. Но съ Іоанна III Московскіе государи начинаютъ измѣнять свои отношенія къ боярамъ. Бояре встрепенулись; при дворѣ образовалась оппозиціонная партія. Считая Софію виновницею перемѣны въ отношеніяхъ Іоанна III къ своимъ боярамъ, послѣдніе становятся на сторону Дмитрія. Недовольные нововведеніями хотятъ противиться, но тогда являются опалы и казни, чего не было прежде. Если справедливо извѣстіе, сообщаемое Петромъ Петреемъ, Василій Ивановичъ, задумавъ жениться, собралъ всю боярскую думу, чтобы бояре хорошенько обдумали, полезнѣе и выгоднѣе ли для страны жениться ему на туземкѣ, или на иностранкѣ. Послѣ долгаго совѣщанія бояре рѣшили, чтобъ онъ женился на туземкѣ, и выставляли мотивомъ между прочимъ то, что иностранная невѣста приноситъ обыкновенно съ собою новые, чужіе нравы [2]). На введеніе новыхъ обычаевъ жалуется и Берсень, и Курбскій. Слѣдовательно, боярамъ хотѣлось, чтобы продолжали дѣйствовать „старые обычаи", а Москов-

[1]) Сказанія кн. Курбскаго, стр. 214.

[2]) Чт. въ общ. ист. и др., 1866, I, Петръ Петрей де Ерлезундъ, стр. 116.

Библиотека "Руниверс"

скіе государи игнорируютъ эти обычаи, и бояре могли только въ тайнѣ вздыхать о тѣхъ временахъ, когда предки ихъ не дрожали передъ великими князьями, а говорили съ ними смѣло, когда безъ ихъ совѣта ничего не начинали. Еслибъ у обѣихъ сторонъ не было непримиримыхъ стремленій, тогда боярамъ не зачѣмъ было бы и протестовать на введеніе новыхъ порядковъ.

Какъ бы то ни было, а объяснять паденіе бояръ генеалогическими и экономическими причинами нельзя: на мѣсто умершихъ и казненныхъ членовъ боярства вступали новые; а если и въ самомъ дѣлѣ бояре страдали отъ перехода народонаселенія изъ одного мѣста въ другое, то отъ этой же „бѣготни" должны были страдать и другіе классы общества, и въ такомъ случаѣ нашей аристократіи „экономическія превратности" не могли грозить опасностью, такъ какъ не было класса, котораго экономическія превратности не коснулись, и который, благодаря этому, могъ бы стать на мѣсто боярства.

Авторъ не довольно ясно очерчиваетъ, въ чемъ состояли политическія притязанія московскихъ бояръ XVI в. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что притязанія бояръ „шли немного дальше дѣйствительности, немного новаго прибавляли къ тому, чѣмъ уже владѣло боярство". Какія же это притязанія? Судя по книгѣ г. Ключевскаго, московское боярство не только не простирало своихъ притязаній за предѣлы существующаго порядка, но даже готово было и съ другими подѣлиться тѣмъ, что оно имѣло. А именно: „Въ литературныхъ представителяхъ боярства не замѣтно сословнаго интереса. Совсѣмъ напротивъ: они не только не задумывались надъ положеніемъ и нуждами простаго земскаго люда, но готовы были дѣлиться съ нимъ даже правительственною властью. Князь Курбскій говорилъ: „Царь, аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ, понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но и по правости душевной". Итакъ, надменный родословный боярин признавалъ и одобрилъ политическое явленіе XVI в., которое своимъ демократизмомъ, казалось бы, должно было претить боярству, земскій совѣтъ (стр. 295—296). Прежде всего позволимъ себѣ замѣтить, что здѣсь Курбскій имѣетъ въ виду не соборъ „всѣхъ чиновъ государства", какъ думаетъ авторъ, а только лишь совѣщанія царя съ лицами незнатнаго происхожденія, въ родѣ того какъ Іоаннъ IV совѣтовался съ Сильвестромъ и Адашевымъ. Означенный совѣтъ Курбскаго царю помѣщенъ въ его „Исторіи царя

Библиотека "Руниверс"

Московскаго", тогда какъ въ своихъ посланіяхъ къ Грозному онъ говоритъ исключительно лишь о „совѣтникахъ" да о „сигклитскомъ совѣтѣ". Можно также остановиться на вопросѣ: а если царь получилъ „дарованія отъ Бога", то онъ все-таки долженъ „искать добраго и полезнаго совѣта у всенародныхъ человѣкъ"? Въ одномъ мѣстѣ самъ авторъ замѣчаетъ, что бояре XVII вѣка не признавали за земскимъ соборомъ права вмѣшиваться въ дѣла управленія (364). Тѣмъ болѣе бояре XVI вѣка не признавали такого значенія за этимъ соборомъ. Авторъ ссылается еще на одно мѣсто валаамской Бесѣды, гдѣ составитель ея совѣтуетъ духовнымъ властямъ благословить „царей и великихъ князей на единомысленный вселенскій совѣтъ, и съ радостью царю воздвигнути и отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ, безъ величества и безъ высокоумной гордости, со христоподобною смиренною мудростію, безпрестанно всегда держати погодно при себѣ ото всякихъ мѣръ всякихъ людей, и на всякъ день ихъ добрѣ распросити царю самому про всякое дѣло міра". Но вѣдь эти слова принадлежатъ не боярину, а какому-то новгородскому книжнику, вѣроятно „изобиженному" Московскимъ государемъ. Авторъ почему-то видитъ въ этомъ публицистѣ „боярское направленіе" (стр. 296).

Г. Ключевскій, какъ мы видѣли, указалъ на тотъ фактъ, что московскіе бояре были равнодушны къ расширенію и обезпеченію своихъ политическихъ правъ, и объясняетъ это между прочимъ тѣмъ, что вслѣдствіе отлива народонаселенія къ окраинамъ государства, задачею бояръ было спасти отъ крушенія свое поземельное хозяйство, и въ эту сторону, отъ вопросовъ объ устройствѣ высшаго управленія, должно было обратиться политическое вниманіе боярства. Но вѣдь переходъ населенія начался лишь съ половины XVI в.; почему же въ такомъ случаѣ бояре раньше этого не позаботились обезпечить свое положеніе? А въ началѣ XVII в. бояре, по словамъ автора, владѣли народнымъ трудомъ меньше, чѣмъ когда-либо; между тѣмъ, въ XVII в. бояре заключаютъ договоры съ Московскими государями. Московское боярство вполнѣ оправдало на себѣ пословицу: громъ не грянетъ— русскій человѣкъ не перекрестится. Оно спокойно сидѣло въ думѣ, спокойно приговаривало; ему и на мысль не приходило, чтобы когда-нибудь московская старина пошатнулась, что начнется стремленіе устранить его отъ вліянія на дѣла государственныя, станутъ оспаривать то значеніе, какимъ оно пользовалось въ старину. Вотъ почему бояре и не старались оградить свое положеніе рядомъ учрежденій и т. п.

Библиотека "Руниверс"

Но грянулъ громъ: московскій обычай поколебался; плохо пришлось родовитымъ мужамъ, и бояре, какъ только представилась возможность, стремятся задержать слишкомъ развившееся самодержавіе Московскихъ государей.

Мысль оградить значеніе думы договоромъ съ государемъ возникла въ одномъ поколѣніи боярства (начала XVII в.) подъ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ. Условія, благодаря которымъ возникла подобная мысль, были созданы перемѣнами въ составѣ и настроеніи боярства прекращеніемъ династіи и внѣшними отношеніями государства при новыхъ царяхъ. Но эта мысль внесла очень мало въ правительственную практику: дума, авторитетъ и дѣятельность которой были ограждены политическимъ договоромъ, дѣйствовала точно также, какъ и прежде. Это потому, что новая мысль не была новымъ началомъ въ устройствѣ Московскаго государства: политическій договоръ былъ только замѣной правительственнаго обычая, дѣйствовавшаго въ XVI в., но поколебавшагося въ концѣ этого столѣтія. Въ XVI в. значеніе думы держалось на „московскомъ обычаѣ", сложившемся посредствомъ практическаго опредѣленія отношеній государя къ правительственному классу. Когда этотъ обычай поколебался, у бояръ возникла мысль опредѣлить эти отношенія договоромъ. Но когда миновали исключительныя обстоятельства, вызвавшія эту мысль, тогда оказалось, что разрушился самый правительственный классъ, ее проводившій. Это разрушеніе замѣтно отразилось на составѣ боярской думы XVII вѣка. Въ XVI в. правилъ классъ, отдѣльныя лица значили мало. Въ XVII в. правятъ лица. При господствѣ этихъ лицъ восторжествовало начало, разрушавшее весь строй прежняго правительственнаго класса, которое выразилъ Пильменовъ въ 1602 году: „великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ (стр. 376—377).

Остановимся на заключеніи договора между московскими боярами и Василіемъ Шуйскимъ. На стр. 363 читаемъ: Одинъ лѣтописецъ разказываетъ, что скрѣпляя присягой свои обязательства въ Успенскомъ соборѣ, Василій Шуйскій говорилъ: „Цѣлую я крестъ всей землѣ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не дѣлать безъ собору, никакого дурна". Значитъ, царь хотѣлъ ограничить свою власть не боярскою думой, а земскимъ соборомъ, что̀ для Шуйскаго было гораздо выгоднѣе. Но бояре и всякіе люди говорили ему, чтобъ онъ на томъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось". Отсюда авторъ высказываетъ такого рода сообра-

Библиотека "Руниверс"

женія: „Бояре возражали не противъ ограниченія царской власти, а возражали только противъ присяги царя всей земли, противъ ограниченія его власти земскимъ соборомъ, а не боярскою думой. Значитъ, бояре и всякіе люди находили, что дѣлить власть съ земскимъ соборомъ не повелось, а дѣлить ее съ боярскою думой повелось. Отсюда понятно, какъ смотрѣли въ началѣ XVII в. русское общество и боярство на земскій соборъ и боярскую думу. Выборъ царя—было исключительнымъ правомъ земскаго собора, но дѣла законодательства и управленія вѣдались царемъ съ боярскою думой, куда земскій соборъ не долженъ вмѣшиваться. Присяга Шуйскаго всей землѣ была попыткой государственнаго удара, который долженъ былъ освободить царя отъ обязательства передъ боярами и ограничить его власть учрежденіемъ, къ тому не привыкшимъ. Но никто не признавалъ такого значенія за земскимъ соборомъ, ни бояре, ни „всякіе люди". Вотъ почему правительство царя Василія въ манифестѣ о его избраніи нашло болѣе приличнымъ и согласнымъ съ политическимъ обычаемъ скрыть, что произошло въ Успенскомъ соборѣ, объявивъ отъ имени царя, что онъ поволилъ раздѣлить власть съ своими боярами, а не съ собраніемъ всѣхъ чиновъ людей". Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Ключевскаго, не только бояре, но и „всякіе люди" находили, что дѣлить царю власть съ боярскою думой повелось. Но авторъ упустилъ изъ виду, что на слова Шуйскаго: „я цѣлую крестъ вамъ на томъ, что не стану никому мстить за мимошедшее и не стану никого судить и наказывать безъ боярскаго приговора", народъ кричалъ: „Никогда у насъ не творилось ничего такого, не затѣвать новаго государства!" Значитъ, „всякіе люди" находили, что дѣлить власть съ земскимъ соборомъ царю не повелось, но и съ боярскою думой тоже не повелось.

Политическую исторію боярской думы авторъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Отмѣна мѣстничества въ 1682 году отмѣтила довольно точно историческій часъ смерти боярства, какъ правительственнаго класса, и политическую отходную прочиталъ надъ нимъ, какъ и подобало по заведенному чину московской правительственной жизни, выслужившійся дьякъ. Въ 1687 году Шакловитый уговаривалъ стрѣльцовъ просить царевну Софію вѣнчаться на царство, увѣряя, что препятствій не будетъ. „А патріархъ и бояре?" возразили стрѣльцы. „Патріарха смѣнить можно", отвѣчалъ Шакловитый,—„а бояре—что такое бояре? это заблое, упавшее дерево" (стр. 381). Только это дерево оказалось упавшимъ не потому, что народный трудъ не-

Библиотека "Руниверс"

рестaлъ его питать, а потому, что Московскіе государи, обрубивъ не мало побѣговъ его, подкопали самые корни. Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ разбираемой книгѣ попадаются не мало мыслей, которыми авторъ дѣлаетъ уступку общепринятому мнѣнію о причинѣ паденія московскаго боярства. Во всякомъ случаѣ мысль, что бояре пали вслѣдствіе „экономическихъ превратностей", очень важная, и если только она будетъ вполнѣ доказана, то далеко измѣнитъ теперешній взглядъ на многія стороны московскаго періода.

Г. Ключевскій, какъ мы видѣли, обратилъ особенное вниманіе на соціальный составъ боярской думы. Разсмотрѣвъ, изъ какихъ элементовъ составлялась эта дума въ княжескую эпоху на югѣ Россіи, затѣмъ въ удѣльныхъ княжествахъ на сѣверѣ, и наконецъ, въ Москвѣ, авторъ, въ концѣ концовъ, приходитъ къ тому выводу, что „боярскій совѣтъ въ древней Руси былъ показателемъ общественныхъ классовъ, руководившихъ въ данное время народнымъ трудомъ".

Въ X в., когда боярская дума впервые является передъ нами по нашимъ памятникамъ, въ ней присутствуютъ рядомъ съ боярами князя представители главнаго волостнаго города [1]), городовая военная старшина, образовавшаяся еще въ то время, когда большіе торговые города были единственною организованною силой, оборонявшею страну и руководившею ея экономическою жизнью. Въ X в., когда городовая старшина сидѣла въ думѣ князя, эти города продолжали руководить экономическою жизнью страны, но уже не правили мѣстными обществами, которыя были въ другихъ рукахъ. Въ XII в., когда они пріобрѣтаютъ прежнее правительственное вліяніе на мѣстныя общества, на свои волости, ихъ „старцы" уже не сидятъ въ думѣ князя, по видимому, нигдѣ, кромѣ Новгорода; но тогда эти города уже перестали руководить и хозяйственными оборотами страны. Въ думѣ князя остаются одни его бояре; въ то время, когда волостные города съ успѣхомъ оспаривали у нихъ правительственное вліяніе на мѣстныя общества, классъ, верхнимъ слоемъ котораго было боярство, оставался руководящею оборонительною силою страны и начиналъ овладѣвать народнымъ трудомъ, становясь классомъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ въ то время, когда внѣшняя торговля перестала быть главною силой въ народномъ хозяйствѣ. Въ княжествѣ удѣльнаго времени князь правилъ съ совѣтомъ бояръ, которые

[1]) Изъ одного мѣста лѣтописи видно, что старцы градскіе были въ Бѣлгородѣ, но Бѣлгородъ не былъ главнымъ волостнымъ городомъ.

Библиотека "Руниверс"

были собственно его вольнонаемными прикащиками. Бродячіе люди, разбившіеся по удѣламъ, они не составляли правительственнаго класса, долго не могли сомкнуться ни въ какой плотный классъ; но, дѣйствуя при князьяхъ одинокими лицами, случайными слугами, они рано стали забирать въ свои руки главную силу въ народномъ хозяйствѣ тѣхъ вѣковъ, земельную собственность, и это помогло имъ сомкнуться въ цѣльный и усидчивый классъ и стать правительственною силой. Такой классъ сложился въ Москвѣ. Какъ и прежде, онъ владѣлъ обществомъ не по праву завоеванія и не въ силу закона; но онъ держалъ въ рукахъ огромную массу землевладѣльческаго населенія и труда. Такъ видимъ, что въ составѣ высшаго правительственнаго учрежденія, какимъ была боярская дума, отражались не классы, владѣвшіе обществомъ силой оружія или въ силу права, а классы или только элементы еще не готовыхъ классовъ, которые и внѣ думы держали въ своихъ рукахъ нити народнаго труда въ извѣстное время (стр. 376—379).

Согласимся съ авторомъ, что подъ „старцами градскими“ нужно понимать городовую военную старшину. Но вѣдь „старцы“, по свидѣтельству лѣтописи, участвуютъ только въ думѣ князя Владиміра; Игорь же и Святославъ совѣтуются только съ дружинниками. Да и въ думѣ Владиміра, кромѣ старцевъ, участвуютъ бояре, которые въ то время еще не держали народнаго труда въ своихъ рукахъ. Не обладали они этимъ трудомъ и въ XI вѣкѣ, хотя по прежнему думаютъ съ княземъ. Въ XII в. мы дѣйствительно замѣчаемъ существованіе поземельной собственности у бояръ. Бояре, какъ люди, приближенные къ князю, получали отъ него щедрые дары, были, слѣдовательно, людьми богатыми, что давало имъ возможность пріобрѣтать земельные участки. Начиная съ половины XVI вѣка, бояре, по мнѣнію автора, лишились рабочихъ рукъ, и въ Смутное время они владѣли народнымъ трудомъ меньше, чѣмъ когда-либо [1]). Однако

[1]) Въ Смутное время положеніе народа было на столько печально, что ему оставалось только одно—бѣжать розно; безчисленное множество народа страдало и погибало отъ разбойническихъ шаекъ, наше государство, выражаясь словами Захара Липунова, доходило до конечнаго разоренія; народъ уходилъ въ лѣса, тысячи умирали съ голоду. Но опять-таки не извѣстно, дѣйствительно ли бояре въ Смутное время не владѣли народнымъ трудомъ. Гдѣ тѣ статистическія данныя, которыя одни могутъ рѣшить вопросъ? Крестьянамъ самое лучшее было отдавать себя въ покровительство какому-нибудь сильному лицу—боярину, и бояре по прежнему успѣшно привлекали къ себѣ крестьянъ, а иногда и насильно

Библиотека "Руниверс"

авторъ не говоритъ, чтобы съ этого времени бояре не входили въ составъ думы. „Въ смутное время и впродолженіе многихъ лѣтъ послѣ него, когда боярская дума стала учрежденіемъ, правящимъ въ силу права договора, боярство менѣе чѣмъ когда-либо владѣло народнымъ трудомъ. Съ половины XVII в. дума стала править по давнему обычаю, такъ какъ съ Алексѣемъ Михайловичемъ договоръ не былъ возобновленъ. Но въ то же время уложеніе царя Алексѣя окончательно узаконило поземельное прикрѣпленіе крестьянъ“ (стр. 380). (Выходитъ, что въ Смутное время бояре заключали договоры потому, что въ это время не обладали народнымъ трудомъ; а при Алексѣѣ Михайловичѣ дума правитъ на основаніи древняго обычая вслѣдствіе прикрѣпленія крестьянъ). Но вѣдь при Дмитріѣ Самозванцѣ и во времена междуцарствія бояре тоже не владѣли народнымъ трудомъ, а боярская дума правила по давнему обычаю: въ думѣ все засѣдаютъ бояре. Далѣе, духовенство, особенно высшіе чины его, были богатыми землевладѣльцами, должны были даже высылать съ опредѣленнаго числа четвертей вооруженныхъ ратниковъ, но они не были необходимыми членами думы, приглашались туда только въ рѣдкихъ случаяхъ, при рѣшеніи важныхъ государственныхъ вопросовъ. Принявъ объясненія автора о „старцахъ градскихъ“ и введенныхъ боярахъ, можно выставить и такое положеніе: боярскій совѣтъ въ древней Руси былъ показателемъ общественныхъ классовъ, въ содѣйствіи которыхъ въ данное время нуждались князья или государи. Въ Кіевской Руси на первыхъ порахъ князья нуждались въ услугахъ дружинниковъ—бояре засѣдали въ думѣ; во второй половинѣ X в. и въ XI в. князьямъ необходимо было содѣйствіе городовой военной старшины—въ княжескомъ совѣтѣ вмѣстѣ съ боярами участвуютъ „старцы градскіе“ и „люди градскіе“; на сѣверѣ въ удѣльныхъ княжествахъ князь, сдѣлавшись сельскимъ хозяиномъ-вотчинникомъ, особенно нуждался въ услугахъ тѣхъ бояръ, которые управляли отдѣльными вѣдомствами дворцовой администраціи—дума

„поразводили“ ихъ другъ у друга. Такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ избранія Михаила Ѳедоровича на царство, боярин Шереметевъ подалъ царю челобитную, въ которой жаловался, что изъ одной его вотчины (Шаблыкино съ деревнями) „христіанъ поразводили за себя насильствомъ князья Сицкіе, кн. Щербатовъ и Погожевъ“ (*Барсуковъ*, Родъ Шереметевыхъ, II, 331—332). Дворяне и дѣти боярскіе тоже жаловались, что „крестьяне выходятъ изъ-за нихъ за сильныхъ людей, за бояръ и окольничихъ“.

Библиотека "Руниверс"

удѣльнаго княжества преимущественно состоитъ изъ введенныхъ бояръ; въ Москвѣ князья не могли обойдтись безъ содѣйствія бояръ—бояре засѣдаютъ въ думѣ. Но Іоаннъ IV хочетъ показать, что онъ уже не нуждается въ боярахъ, такъ какъ немилосердно „бьетъ“ ихъ и учредилъ себѣ опричнину; бояре, привыкшіе править Русскою землей, боятся, чтобъ ихъ окончательно не изгнали изъ думы—появляются договоры, обезпечивающіе ихъ положеніе въ думѣ. Михаилу Ѳедоровичу и Алексѣю Михайловичу предстояло много работы: первому нужно было успокоить Россію внутри, второму—возвратить понесенныя потери и возстановить достоинство Россіи, униженной во мнѣніи сосѣдей прежними событіями; во всѣхъ этихъ случаяхъ бояре были хорошими помощниками — они и входятъ въ составъ думы. Но однако, одна боярская дума не въ состояніи справиться со всѣми послѣдствіями „разрухи“—начались частыя собранія земскихъ соборовъ.

„На этихъ соборахъ дума“, по мнѣнію г. Ключевскаго,—„выдѣлялась изъ ряда представителей земли. Вопросъ, подлежавшій обсужденію, предлагался отъ царя выборнымъ людямъ при боярахъ, но не боярамъ вмѣстѣ съ выборными людьми. Бояре съ государемъ обыкновенно уже до собора обсуждали этотъ вопросъ; по ихъ приговору съ государемъ и созывались выборные, какъ и распускались. Думные люди являлись на соборѣ не представителями земли, призванными правительствомъ, а частью правительства, призвавшаго представителей земли; члены думы назначались и руководить совѣщаніями этихъ представителей, „сидѣть съ выборными людьми“. Такъ смотрѣли на думу и самые выборные. На предложенный имъ правительствомъ вопросъ они отвѣчали, что „въ томъ воленъ государь и его государевы бояре“; высказавъ свое мнѣніе о дѣлѣ, они прибавляли: „и тебѣ государю сверхъ той нашей сказки какъ Богъ извѣститъ и твоя государская дума одержитъ и твоихъ государевыхъ бояръ“; о боярахъ они выражались: „бояре вѣчныя наши государевы промышленники“ (стр. 491).

Со всѣми этими выводами едва ли можно согласиться. Прежде всего, несправедливо мнѣніе автора, что вопросъ, подлежавшій обсужденію на земскомъ соборѣ, предлагался отъ царя выборнымъ людямъ при боярахъ, но не боярамъ вмѣстѣ съ выборными людьми, что бояре съ государемъ обыкновенно уже до собора обсуждали этотъ вопросъ; по ихъ будто бы приговору съ государемъ созывались и распускались выборные люди. Лишь извѣстія о дѣятельности собора 1649 года даютъ нѣкоторое основаніе означенному мнѣнію, но тогда

Библиотека "Руниверс"

единичный случай придется обратить въ общее правило. По челобитью стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ и другихъ чиновъ, Алексѣй Михайловичъ, 16-го іюля 1648 года, „совѣтовалъ со отцемъ своимъ и богомольцемъ святѣйшимъ Іосифомъ патріархомъ московскимъ и всея Руси, и съ митрополиты, и со архіепископы, и съ епископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и говорилъ съ своими государевыми бояры, и со окольничими, и съ думными людьми“ о составленіи уложенія. „А для того своего государева и земскаго великаго царственнаго дѣла, указалъ государь, по совѣту со отцемъ своимъ и богомольцемъ Іосифомъ патріархомъ московскимъ и всея Руси, и бояре приговорили: выбрати изъ стольниковъ, и изъ стряпчихъ“ и т. д. [1]). На этомъ соборѣ царь, духовенство и члены государевой думы слушали чтеніе уложенія отдѣльно отъ выборныхъ. Единственно только объ этомъ земскомъ соборѣ 1649 года и можно сказать, что онъ былъ созванъ по приговору бояръ съ государемъ, и что еще до собора они обсуждали вопросъ объ уложеніи. Всѣ же остальные соборы созывались исключительно „по указу“ государя (есть даже основанія допустить, что боярамъ не особенно пріятны были эти соборы), и на нихъ вопросы, подлежавшіе обсужденію, предлагались боярамъ вмѣстѣ съ выборными людьми. Такъ, на соборѣ 1556 г. боярамъ и окольничимъ была предъявлена выпись изъ актовъ мирныхъ переговоровъ московскихъ пословъ съ польскими, изъ которой они могли почерпнуть свѣдѣнія о истинномъ положеніи дѣлъ, и которая должна была послужить имъ основой при всестороннемъ обсужденіи вопроса. На соборѣ же бояре и высказали свое мнѣніе относительно того, принимать ли мирныя условія, предложенныя Сигизмундомъ, или же нѣтъ. Если бы бояре обсуждали извѣстный вопросъ до созванія собора, тогда имъ не зачѣмъ было и „говорить“ на самомъ соборѣ; на соборѣ они составляли отдѣльную группу, какъ составляли отдѣльныя группы и посадскіе, и дворяне, и другіе московскіе чины; притомъ на предложенный вопросъ боярская группа или высказывала особое мнѣніе, или же давала одинъ отвѣтъ вмѣстѣ съ другими группами. Особаго выдѣленія боярской думы на земскомъ соборѣ не замѣтно. Затѣмъ, придавать особенное значеніе словамъ выборныхъ людей 1642 г., что „бояре вѣчные наши господа промышленники“, что „въ томъ воленъ государь и его го-

[1]) Собр. гос. уз. и догов., III, № 129.

Библиотека "Руниверс"

сударевые бояре", „и тебѣ государь сверхъ той нашей сказки" и проч.— не слѣдуетъ: эти любезности для бояръ были на столько же пріятны, какъ и указанія выборныхъ 1649 года на боярскія слободы [1]).

Начиная съ XX-й главы г. Ключевскій описываетъ устройство и дѣлопроизводство думы XVI—XVII вв. Между прочимъ, онъ разсматриваетъ соціальный и административный составъ думы, опредѣляетъ время и мѣсто думскихъ засѣданій, сообщаетъ свѣдѣнія о томъ, какъ докладъ составлялся въ приказахъ и вносился въ думу, какъ происходилъ порядокъ совѣщаній въ думѣ, какіе приговоры думы сообщались государю для утвержденія, словомъ авторъ касается и рѣшаетъ всѣ вопросы, какіе могутъ возникнуть при изученіи боярской думы, при чемъ большинство этихъ вопросовъ авторъ разработалъ очень обстоятельно. Не оставилъ онъ безъ отвѣта даже вопросъ, чему слѣдуетъ дать предпочтеніе—боярской ли думѣ или сенату при Петрѣ? Симпатіи автора, на сколько можно замѣтить, склоняются на сторону первой.

Въ чемъ состояла правительственная дѣятельность думы? Дума была собственно и даже исключительно законодательнымъ учрежденіемъ. Черезъ думу проходило множество дѣлъ, которыя мы назвали бы судебными или административными. Однако мы неточно опредѣлили бы ея характеръ, если бы приписали ей судебныя и административныя функціи. Если подъ судебнымъ и административнымъ мѣстомъ разумѣть учрежденіе, дѣйствующіе на основаніи готоваго закона, то боярская дума не была такимъ учрежденіемъ. Она разбирала извѣстное судебное или административное дѣло не на основаніи готоваго, прямаго и яснаго закона; это дѣло и не поступило бы въ думу, если бы существовалъ прямой и ясный законъ, на основаніи котораго можно было бы разрѣшить его. Дума разрѣшала такое дѣло, чтобы показать, какъ надобно впредь рѣшать подобныя дѣла; ея судебный или административный приговоръ становился прецедентомъ, получалъ силу закона. Значитъ, дума законодательствовала, а не судила и не вела дѣлъ текущей администраціи; точнѣе говоря, она законодательствовала и тогда, когда судила и рѣшала дѣла текущей администраціи (стр. 442—443) [2]).

Однако же мы имѣемъ приговоры думы и по такимъ дѣламъ, относительно которыхъ уже существовалъ опредѣленный законъ. Такъ,

---

[1]) *Сергѣевичъ*, Земскіе соборы въ Московск. госуд. *Сб. Госуд. Зн.*, II, 58.

[2]) Ср. *С. Петровскій*, О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, 19.

Библиотека "Руниверс"

напримѣръ, въ 1686 году „великіе государи и бояре приговорили: Василія Гавриловича сына Левашова, за смертное убійство Ѳеодула Пущина, казнить смертью, отсѣчь голову", потому что, какъ оказалось на розыскѣ, Левашовъ подговорилъ своихъ сыновей убить Пущина. Въ приговорѣ бояре ссылаются на уложеніе и градскіе законы, по которымъ умышленное убійство наказывается смертною казнью. Въ уложеніи дѣйствительно есть статья: того, кто на буйство „наущалъ", казнить смертью (гл. XXII, ст. 19). „И потому великіе государи указали и бояре приговорили" (П. С. З., № 1154). Или еще: въ 1689 г. „великіе государи указали и бояре приговорили": Ѳедора Шакловитаго съ единомышленниками „ученить указъ по своему великихъ государей указу и по уложенію": предать смертной казни Шакловитаго и нѣкоторыхъ его единомышленниковъ за ихъ покушеніе на жизнь царя Петра Алексѣевича и его матери (см. Уложеніе, гл. II, ст. 1).

Какова была судьба боярской думы съ наступленіемъ XVIII вѣка и началомъ Петровскихъ реформъ? До самаго учрежденія сената (1711 г.) боярскій совѣтъ руководилъ внутреннимъ управленіемъ въ Москвѣ, между тѣмъ какъ царь, дѣйствуя внѣ столицы, велъ свои важныя дѣла войны и внѣшней политики. Но, продолжая прежнюю дѣятельность, боярская дума сама не осталась прежнею; измѣнился и ея составъ, и обстановка ея дѣятельности. При Петрѣ боярская дума всего чаще засѣдала въ ближней канцеляріи, такъ что именемъ этого присутственнаго мѣста иногда называлась и самая дума. Но это была не дума, а только ея канцелярія, и существовала независимо отъ думы. Но совѣтъ, собиравшійся въ ближней канцеляріи, былъ только обломкомъ прежней боярской думы, какъ думная знать того времени была обломкомъ стараго боярства. При Петрѣ дума становится распорядительнымъ совѣтомъ по внутреннему управленію, который, въ извѣстныхъ предѣлахъ дѣйствуя самостоятельно, вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣчаетъ передъ государемъ за свои дѣйствія; въ то же время вводится въ ея дѣлопроизводство порядокъ, который позволялъ бы провѣрять ея дѣйствія; въ ней имѣютъ мѣсто и недумные чины. Читая первые указы объ учрежденіи сената въ 1711 г., можно замѣтить, что онъ имѣлъ близкую родственную связь съ боярскимъ совѣтомъ, собиравшимся въ ближней канцеляріи, и наслѣдовалъ всѣ его особенности, такъ что идея и форма Сената создались прежде, чѣмъ явилось его названіе (стр. 434—441).

Взглядъ г. Ключевскаго на боярскую думу при Петрѣ во многомъ

Библиотека "Руниверс"

разнится отъ взгляда г. Петровскаго. Послѣдній, напримѣръ, утверждаетъ, что ближняя канцелярія была высшимъ мѣстомъ послѣ думы, такъ что въ 1704 г. на мѣстѣ думы является новое учрежденіе. Г. Ключевскій, какъ мы видѣли, считаетъ ближнюю канцелярію только канцеляріей думы. Жаль, что авторъ не обратилъ вниманія на нѣкоторые выводы г. Петровскаго и не высказалъ о нихъ своего мнѣнія.

Точно также г. Загоскинъ доказываетъ, что самозванцемъ не было сдѣлано никакихъ нововведеній въ думѣ [1]), а г. Ключевскій замѣчаетъ (стр. 357) о „новостяхъ, введенныхъ въ думу самозванцемъ въ подражаніе польскому сенату". И здѣсь слѣдовало бы высказать свое мнѣніе на доводы, приводимые г. Загоскинымъ въ подтвержденіи своего положенія.

На стр. 3 авторъ говоритъ, что дума не имѣла канцеляріи; а между тѣмъ, въ другихъ мѣстахъ упоминаетъ объ отдѣленіяхъ думской канцеляріи, а разрядъ прямо называетъ канцеляріей думы.

На стр. 425 авторъ говоритъ о расправной палатѣ: „Это было первое и единственное постоянное отдѣленіе думы, привыкшей до того времени выдѣлять изъ себя лишь временныя коммиссіи. Обремененіе думы множествомъ частныхъ дѣлъ несомнѣнно было главнымъ побужденіемъ, вызвавшимъ это нововведеніе". Объясненіе не вполнѣ убѣдительное: и прежде у думы было много дѣлъ, и только лишь при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ задумали учредить расправную палату [2]).

На этомъ мы и покончимъ нашъ отчетъ о „Боярской думѣ".

Въ книгѣ г. Ключевскаго есть и еще не мало выводовъ, съ которыми мы не можемъ согласиться. Такъ, напримѣръ, въ нашемъ разборѣ мы совсѣмъ не останавливались на гл. VIII, гдѣ авторъ доказываетъ, что въ Новгородѣ и Псковѣ XIII—XV вѣковъ боярская дума при князѣ превратилась въ исполнительный и распорядительный совѣтъ выборныхъ городскихъ старшинъ при вѣчѣ. Здѣсь также есть немало новыхъ указаній, изъ которыхъ иныя едва ли могутъ быть приняты.

Какъ бы то ни было, сочиненіе г. Ключевскаго есть весьма замѣчательное явленіе въ нашей исторической литературѣ.

А. Левицкій.

---

[1]) Исторія права Моск. госуд., II, 58.

[2]) См. *Загоскинъ*, назв. соч., 87—88.

Библиотека "Руниверс"

Георгъ Фойгтъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Перевелъ со 2-го нѣмецкаго изданія, передѣланнаго авторомъ, *И. П. Рассадинъ*; съ предисловіемъ и алфавитнымъ указателемъ. Томъ I. Москва. 1884.

На сколько не счастливилось эпохѣ Возрожденія въ 30-хъ и 40-хъ гг. нынѣшняго столѣтія, когда вся европейская наука разработывала идею національности и собирала матеріалъ по отдѣльнымъ племенамъ и нарѣчіямъ, на столько же везетъ ей съ 60-хъ и даже конца 50-хъ годовъ, когда оцѣнили по достоинству ея значеніе для исторіи культуры и литературы новой Европы. Подробная библіографія всего, что̀ вышло по Возрожденію за послѣднія 35 лѣтъ, составила бы весьма почтенный томикъ, и въ этой массѣ книгъ и статей можно было бы указать десятка полтора сочиненій, дѣлающихъ, какъ выражаются Нѣмцы, эпоху въ постановкѣ того или другаго крупнаго вопроса [1]). Между тѣми историками Возрожденія, которые обращаютъ преимущественное вниманіе на литературу эпохи, едва ли не на первое мѣсто по таланту обобщенія и изложенія можно поставить Георга Фойгта, сына извѣстнаго въ свое время историка Іоанна Фойгта (издателя дипломатическаго прусскаго кодекса), занимающаго съ 1866 г. каѳедру въ Лейпцигскомъ университетѣ. Его книга: „Die Wiederbelebung des klassischen Alterthums“, первое изъ его законченныхъ сочиненій, вышла въ 1859 г.; въ 1863 г. онъ издалъ третій и послѣдній томъ своего изслѣдованія объ Энеѣ Сильвіѣ Пикколомини, а въ 1876 г. книгу о Морицѣ Саксонскомъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ взялся за переработку своего перваго сочиненія, первый томъ котораго предлагаетъ русской публикѣ г. Рассадинъ.

Книга Фойгта, какъ замѣчаетъ это и переводчикъ, подверглась весьма существеннымъ измѣненіямъ и дополненіямъ, такъ какъ авторъ воспользовался многимъ изъ того, что̀ было сдѣлано въ этотъ промежутокъ другими, но къ сожалѣнію, далеко не всѣмъ. Такъ напримѣръ, введеніе, трактующее объ изученіи классиковъ въ средніе вѣка, осталось крайне бѣдно содержаніемъ и богато развѣ красивыми періодами. А между тѣмъ авторъ, воспользовавшись хоть, напримѣръ, такими общеизвѣстными вещами, какъ труды Жиделя и Тюро, могъ бы сдѣлать изъ этого чрезвычайно интересную главу. Первая книга,

[1]) Даже въ нашей скудной научной литературѣ можно насчитать десятка два книгъ и статей, касающихся этой эпохи.

Библиотека "Руниверс"

излагающая жизнь и труды Петрарки, была очень хороша и въ первомъ изданіи, а во второмъ много выиграла отъ дополненій, внесенныхъ Фойгтомъ на основаніи дѣльной, но томительно-скучной книги Кёртинга и нѣкоторыхъ италіанскихъ монографій. Три остальныя книги дополнены массой новыхъ фактовъ, изъ которыхъ особенно были необходимы, слишкомъ пренебреженныя въ первомъ изданіи, свѣдѣнія объ изученіи монументальныхъ памятниковъ древности; положимъ, что и теперь въ этомъ отношеніи книга Фойгта остается бѣдною; но мы и не имѣемъ права требовать отъ нея такой полноты, какъ отъ изслѣдованій, посвященныхъ исторіи искусства въ эпоху Возрожденія. Умѣстнѣе было бы предъявить другое требованіе и выразить недовольство по другому поводу: авторъ заваливаетъ насъ массой однородныхъ фактовъ и не имѣетъ досуга сдѣлать изъ нихъ выводы, предоставляя ихъ самому читателю. Это— нѣмецкая система работы, и въ спеціальномъ изслѣдованіи или даже въ монографіи она гораздо симпатичнѣе французской, избѣгающей конкретности и расплывающейся въ болѣе или менѣе удачныхъ домыслахъ; но въ такомъ общемъ, много захватывающемъ трудѣ выводы и обобщенія необходимы, а совершенно однородные факты, ни на іоту не измѣняющіе этихъ выводовъ, могутъ быть опущены съ большою выгодой для книги. Такъ напримѣръ, авторъ подробно излагаетъ исторію гуманизма во Флоренціи и Римѣ; прекрасно: здѣсь чѣмъ больше будетъ фактическихъ (конечно, характерныхъ) подробностей, тѣмъ лучше; не долженъ онъ обходить, конечно, и Венеціи, заглянувъ туда по случаю нахожденія въ ней одного изъ выдающихся гуманистовъ; въ видѣ примѣра онъ можетъ или даже долженъ изложить исторію возникновенія гуманистической школы въ одномъ изъ малыхъ городовъ; но стремясь дать читателю въ сжатомъ видѣ (иначе у него мѣста не хватитъ) исторію гуманизма и въ Сіенѣ, и въ Падуѣ, и въ Веронѣ, и въ Генуѣ и т. д., онъ только загромождаетъ книгу и голову читателя. То же надо сказать о массѣ менѣе значительныхъ гуманистовъ, біографіи и перечень трудовъ которыхъ едва ли умѣстны въ популярной книгѣ; авторъ послѣдней долженъ по возможности заставлять читателя ab uno discere omnes; какъ онъ ни старайся, все равно по его книгѣ справляться о мелкихъ частныхъ фактахъ никто не будетъ. Авторъ такой книги долженъ стремиться не къ внѣшней, а къ внутренней полнотѣ, то-есть, долженъ стараться о томъ, чтобы были указаны всѣ существенныя черты, а не о томъ, чтобы были названы всѣ существенные факты.

Библиотека "Руниверс"

Такъ напримѣръ, въ данномъ случаѣ авторъ долженъ былъ прежде всего рѣзко выставить отличительныя черты раннихъ гуманистовъ и указать, что̀ ихъ связываетъ съ средними вѣками и что̀ отдѣляетъ отъ нихъ; эта задача весьма талантливо исполнена Фойгтомъ въ книгѣ о Петраркѣ, именно на основаніи принципа: ab uno disce omnes; замѣтимъ только мимоходомъ, что вслѣдствіе недостаточнаго развитія введенія (о классицизмѣ въ средніе вѣка), какъ въ первомъ изданіи, такъ и теперь, мало подготовленному читателю останется темно, почему государи и высокопоставленныя лица воздавали такой почетъ Петраркѣ за занятіе классиками, о которыхъ они не имѣли понятія. Далѣе въ этомъ же I-мъ томѣ онъ долженъ былъ свести во едино характерныя черты гуманизма XV в., особенно первой его половины, чтобы показать, чѣмъ эта переходная эпоха различается отъ послѣдующей, отъ эпохи, если смѣю такъ выразиться, опьяненія искусствомъ и античною литературой, существенные признаки которой болѣе или менѣе извѣстны каждому. Эти черты можно добыть безъ особеннаго труда даже по устарѣлымъ книгамъ въ родѣ Корніани и т. п., извлекая общее изъ частностей. Пользуясь случаемъ, укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ.

Начнемъ съ того, что лучшіе люди этой эпохи вовсе не рабствовали передъ классиками и, подобно Данту и его великимъ современникамъ, вовсе не желали перестать быть Италіанцами. Они охотно пишутъ по италіански и интересуются окружающею ихъ жизнью (напримѣръ, Leonardo Bruni). Въ вопросахъ моральной философіи, на которую прежде всего и съ особенною энергіей устремились ранніе гуманисты (чѣмъ опровергается общее положеніе краткихъ учебниковъ, будто Италіанцевъ классики прельстили красотой формы), они позволяютъ себѣ спорить съ древними и иногда возмущаться ихъ исключительностью. Само собою разумѣется, что съ этимъ связаны другія черты предшествующей эпохи, менѣе симпатичныя: пишутъ по латыни эти гуманисты, сравнительно съ своими учениками, плохо или не ясно и напыщенно или не красиво, а часто оба недостатка соединяются вмѣстѣ. Они чувствуютъ наклонность *морализировать* классиковъ, то-есть, отыскивать въ нихъ скрытый аллегорическій смыслъ. Такъ напримѣръ, самъ Франческо Филельфо полагаетъ, что Виргилій въ Энеидѣ имѣлъ въ виду изобразить взаимное отношеніе жизни созерцательной и дѣятельной и выразить свое понятіе о высшемъ благѣ.

Въ высшей степени характерное и, по нашему мнѣнію, отрадное

Библиотека "Руниверс"

явленіе представляетъ широко распространенный интересъ къ педагогическимъ вопросамъ; лучшіе люди стремятся радикально измѣнить существующую систему и обученія, и воспитанія: уже Vittorino Feltre (род. 1379, ум. 1447) настойчиво требуетъ такой же заботы о тѣлѣ учащагося, какъ и объ умѣ; онъ придаетъ огромное значеніе гимнастикѣ; учитель, по его мнѣнію, обязанъ заботиться о красотѣ или по крайней мѣрѣ о чистотѣ тѣла учащагося. Всѣ въ одинъ голосъ рекомендуютъ кротость обращенія, возстаютъ противъ тѣлесныхъ наказаній, требуютъ облегченія и упрощенія педагогическихъ пріемовъ (напримѣръ, для обученія азбуки изобрѣтаютъ подвижныя буквы на разноцвѣтныхъ дощечкахъ).

Въ это время вырабатывается новый взглядъ на женщину, одинаково удаленный отъ аскетической ненависти къ ней и отъ рыцарскаго поклоненія, взглядъ, который былъ бы новъ и для Петрарки, и для Боккачіо, хотя они и были знакомы съ его источникомъ, съ воззрѣніями Спартанцевъ и Римлянъ. Интересны отдѣльные случаи, когда гуманисты, которые не пренебрегали роднымъ языкомъ и стихомъ, пытались слить средневѣковую идеализацію женщины съ ученіемъ Платона.

Чрезвычайно силенъ интересъ къ исторіи: гуманисты не только прославляютъ своихъ милостивцевъ въ многочисленныхъ монографіяхъ—de dictis et factis такого-то; но нѣкоторые даже пытаются впрочемъ крайне неудачно, создать нѣчто въ родѣ всеобщей исторіи. Любопытное явленіе представляютъ гуманисты аристократическаго происхожденія, начинающіе свою карьеру съ каѳедры; они читаютъ лекціи, что̀ называется—„не ради хлѣба куса, а ради Іисуса“, и тѣмъ удерживаютъ на извѣстной высотѣ профессорское званіе.

Полное равнодушіе или даже антипатія къ христіанству вовсе не составляетъ общаго явленія въ эту эпоху; но даже курія подъ вліяніемъ времени замѣтно секуляризируется: папскіе секретари почти всѣ женятся; папы, за немногими исключеніями, выказываютъ живѣйшій интересъ къ свѣтской наукѣ. Къ общеизвѣстнымъ фактамъ присоединимъ одинъ, найденный нами у Корніани: одинъ Венеціанецъ въ началѣ XV в. отправился на востокъ и проникъ до Индіи; но чтобы путешествовать безпрепятственно, онъ долженъ былъ принять исламъ. По возвращеніи его въ Италію, папа съ удовольствіемъ отпустилъ его грѣхъ, приказавъ ему, въ видѣ эпитиміи, изложить его секретарю все, что̀ онъ видѣлъ интереснаго.

Въ этомъ столѣтіи въ Италіи въ отдѣльныхъ случаяхъ пробуж-

Библиотека "Руниверс"

дается интересъ къ еврейскому языку и къ сличенію греческаго текста Священнаго Писанія съ Вульгатой, интересъ, которому предстояло играть такую видную роль въ реформаціонной Германіи.

Напрасно было бы думать, что у гуманистовъ воинствующихъ духъ критики былъ направленъ исключительно на средневѣковый порядокъ вещей и образъ мыслей: раннее возрожденіе въ Италіи есть пробужденіе духа свободнаго изслѣдованія, который съ одинаковою энергіей и силой, но разумѣется, съ различнымъ успѣхомъ направлялся во всѣ стороны; тотъ же самый Лаврентій Валла, который сдѣлалъ своею книжкой о дарѣ Константина больше зла Римской куріи, чѣмъ всѣ Гогенштауфены вмѣстѣ взятые, доказывалъ, что стихій не четыре, а три, органовъ чувствъ у человѣка не пять, а три и т. д., нѣкто Nicolo Leonicено возставалъ въ вопросахъ естественно-историческихъ противъ авторитета Плинія и иногда воевалъ съ нимъ довольно удачно.

Эту-то интереснѣйшую въ исторіи человѣческой мысли эпоху воспроизводитъ рядомъ хорошо подобранныхъ фактовъ книга Георга Фойгта, за переводъ которой русская читающая публика, безъ сомнѣнія, будетъ благодарна г. Рассадину. Переводъ сдѣланъ очень добросовѣстно, хотя мѣстами слишкомъ отзывается нѣмецкимъ періодомъ и читается не легко, а мѣстами блеститъ едва ли нужными неологизмами (см. напримѣръ, въ самомъ началѣ введенія: „болѣе чѣмъ гдѣ-либо космополитскій языкъ Лаціума остался здѣсь, въ этомъ средоточіи церковной и образованной жизни, языкомъ дѣловитости, учености и богослуженія“); но должно быть такова ужь несчастная судьба возрожденія въ Россіи: легкая и блестящая по изложенію, хотя и грѣшащая неясностью задачи и излишнею положительностью въ сомнительныхъ вопросахъ книга, г. Буркхардта: Die Kultur der Renaissance in Italien (Basel 1860; 2-е изданіе. 1869) переведена на русскій языкъ несравненно хуже [1]): въ ней тяжелые нѣмецкіе періоды смѣняются мѣстами какимъ-то дѣтскимъ лепетомъ, и грубыя ошибки встрѣчаются десятками.

О предисловіи г. Рассадина едва ли стоило упоминать въ титулѣ книги: оно очень не обширно и отчасти наивно. Переводчикъ осуждаетъ своего автора за то, что тотъ „съ какою-то особенною любовію изображаетъ передъ нами всѣ тѣ мелочныя дрязги, которыми увлекались гуманисты въ своей взаимной ненависти“ и пр., а между тѣмъ

[1]) С.-Пб. 1876.

Библиотека "Руниверс"

„скупится на подробности, имѣющія большой интересъ для читателя; намъ"—замѣчаетъ г. Рассадинъ—„желательно было бы знать гораздо больше содержаніе сочиненія Валлы о дарѣ Константина". Но отчего же самъ г. Рассадинъ, можетъ спросить читатель, не узналъ его больше и не изложилъ хоть въ выноскѣ для русской публики? И отчего, съ другой стороны, не посократилъ онъ ненужныхъ подробностей? Георгъ Фойгтъ вовсе не классикъ, переводъ котораго долженъ быть вѣренъ фотографически; а нѣмцы и Лессингова „Лаокоона" снабжаютъ дополненіями; сочиненія же современныхъ ученыхъ дозволяется подвергать и радикальнымъ переработкамъ.

А. Кирпичниковъ.

Die Mythen, Sagen und Legenden der Zamaiten (Litauer). Von Dr. *Edm. Veckenstedt*. B. I—II. Heidelberg. 1883.

Миѳологія и древнія вѣрованія народовъ Литовскаго племени до настоящаго времени оставались мало разъясненными. Это зависѣло отчасти отъ того, что старинные писатели сохранили намъ почти одни только имена литовскихъ божествъ, да и то нерѣдко искаженныя, такъ что возстановить по нимъ кругъ дѣятельности того или другаго божества или миѳическаго лица было мудрено, отчасти отъ самыхъ методовъ изслѣдованія, которыми пользовались до сихъ поръ ученые. Но когда въ недавнее время обратились къ непосредственному источнику литовской миѳологіи и древнихъ вѣрованій—къ народу, то сразу открылось неисчерпаемое сокровище духовной народной жизни, унаслѣдованное изъ глубочайшей древности.

Въ сферѣ изученія литовской народности трудъ д-ра Фекенштедта составляетъ особенно крупное явленіе. Онъ дѣлится на два тома, составляющіе вмѣстѣ болѣе сорока печатныхъ листовъ. Весь матеріалъ расположенъ по категоріямъ также, какъ и въ прежнемъ извѣстномъ трудѣ того же автора, посвященномъ вѣрованіямъ Вендовъ. Авторъ слѣдуетъ классификаціи Гримма. Обзоръ открывается олицетвореніями земли и неба, затѣмъ слѣдуютъ олицетворенія свѣта и воздушныхъ явленій, именно божества грозы, бури, воздуха, дождя и моря, далѣе страшные обитатели и обитательницы поля и лѣса, луговъ и пастбищъ, потомъ олицетворенія низшаго ряда—временъ дня, вѣтра и облаковъ. Богатѣйшій запасъ космогоническихъ миѳовъ открываетъ собою рядъ миѳическихъ представленій

Библиотека "Руниверс"

о звѣздахъ; олицетворенія здоровья, болѣзней и смерти ведутъ къ миѳическимъ воззрѣніямъ на небо и адъ. Къ этому примыкаютъ и легенды, которыя, по мнѣнію Фекенштедта, лучше всего свидѣтельствуютъ о вліяніи христіанства, хотя оно доселѣ и не вполнѣ усвоено Литовцами, ибо у нихъ христіанскія представленія нерѣдко еще служатъ только замѣной языческихъ божествъ огня и воды, культурныхъ демоновъ или Перкуна. Слѣдующія статьи сборника ведутъ насъ къ такимъ образамъ народной вѣры и народной фантазіи, которые, по мнѣнію Фекенштедта, важны для этнологіи, именно къ сагамъ о карликахъ. Въ концѣ помѣщены юмористическія повѣрья о діаволѣ, духахъ, вѣдьмахъ и чародѣяхъ, спасительныхъ и вредныхъ демонахъ низшаго порядка, затѣмъ животный эпосъ, саги о деревьяхъ и растеніяхъ, о провалахъ, мѣстностяхъ, колоколахъ, кладахъ, озерахъ и прудахъ. Въ введеніи (стр. 1—30) къ своему труду авторъ дѣлаетъ сравнительную оцѣнку предметовъ изслѣдованія по данному вопросу и затѣмъ характеризуетъ собственный трудъ. Въ приложеніи ко второму тому (стр. 335—372) авторъ по порядку своей классификаціи приводитъ филологическія объясненія всѣхъ миѳическихъ образовъ. Затѣмъ къ концу приложенъ очень подробный алфавитный реестръ содержанія (стр. 273—344).

Какъ можно заключать уже изъ сдѣланнаго перечня, трудъ Фекенштедта содержитъ въ себѣ громадную массу произведеній народнаго творчества Литовцевъ; авторъ имѣетъ полное право сказать, что его трудъ „открылъ для науки болѣе чѣмъ сотню образовъ жмудской миѳологіи и міра сагъ, которые доселѣ были совершенно не извѣстны, или о которыхъ знали почти одни имена“ (стр. 1). Мало того: этимъ трудомъ Фекенштедтъ навсегда увѣковѣчилъ для потомства дѣйствительно національное духовное наслѣдство Литовскаго народа, навсегда и безповоротно разрѣшилъ спорные вопросы объ именахъ и кругѣ дѣятельности тѣхъ или другихъ литовскихъ божествъ и миѳологическихъ образовъ, далъ сильное, хотя и косвенное подтвержденіе факту крѣпкой организаціи литовско-прусскаго жречества и уничтожилъ излишній скептицизмъ изслѣдователей относительно громаднаго числа литовскихъ божествъ, указаннаго у писателей XVI—XVII вѣковъ [1]).

---

[1]) Этотъ скептицизмъ и былъ причиною того, что нами сдѣлана попытка низвести нѣкоторые миѳологическіе образы въ рядъ простыхъ олицетвореній (см. наше изслѣдованіе: Введеніе христіанства въ Лифляндіи, стр. 42—43).

Библиотека "Руниверс"

Обратимся къ ближайшему разсмотрѣнію самаго содержанія сборника Фекенштедта, и прежде всего къ вопросу: гдѣ дѣйствительный источникъ всѣхъ собранныхъ здѣсь жмудскихъ преданій, и изъ какихъ элементовъ они образовались. Чтобы собрать по возможности болѣе миѳовъ, сагъ и легендъ, Фекенштедтъ сгруппировалъ вокругъ себя множество помощниковъ. А для очищенія собраннаго такимъ образомъ матеріала отъ субъективныхъ чертъ разкащика, для выдѣленія объективнаго повѣствованія отъ субъективныхъ оборотовъ и придатковъ, Фекенштедтъ обращалъ строгое вниманіе на индивидуальныя свойства разкащиковъ и собирателей, изъ которыхъ каждому было поручено разслѣдовать свою родную область. Притомъ Фекенштедтъ самъ постоянно на мѣстахъ провѣрялъ и контролировалъ работу своихъ помощниковъ. Значительное число его сотрудниковъ дало ему возможность пріобрѣсти такую массу матеріала, что онъ могъ выдѣлить нѣсколько сотенъ варіантовъ. Такой методъ безспорно заслуживаетъ полной похвалы и свидѣтельствуетъ объ опытности Фекенштедта и о научной серьезности въ расчищаніи и сортировкѣ народныхъ преданій. При всемъ томъ дѣло выдѣленія субъективнаго отъ объективнаго представляется не столь легкимъ, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда; остается еще вопросомъ: имѣетъ ли изслѣдователь столь надежный и достовѣрный критерій, на основаніи котораго онъ могъ бы выполнить свою задачу въ полнѣйшей увѣренности, что другой изслѣдователь согласится съ нимъ относительно субъективности или объективности той или другой черты разказа. Гдѣ дѣло идетъ объ аналогіяхъ съ преданіями или сказаніями другихъ народовъ, тамъ сужденіе о субъективности или объективности извѣстной параллели могло бы быть дѣлаемо съ нѣкоторою степенью вѣроятности только тогда, когда извѣстно, дѣйствительно ли разкащикъ знаетъ тотъ посторонній источникъ, съ которымъ его разказъ сходится. Само собою разумѣется, что и въ данномъ случаѣ еще не отстраняется мысль, что разкащикъ, не зная о постороннемъ источникѣ своего разказа, слышалъ его отъ другаго лица, которое знало этотъ источникъ. Что рѣшеніе вопроса о заимствованіяхъ въ области миѳологіи представляетъ величайшія трудности, очевидно изъ гипотетичности и противорѣчій сужденій ученыхъ, когда они пытаются рѣшить его. По неимѣнію твердаго и надежнаго критерія для его рѣшенія a priori, легко сослаться на сходство съ ближайшимъ источникомъ разказа и быть убѣжденнымъ въ заимствованіи разказа изъ этого источника; на столько же легко обосновать убѣжденіе въ его самостоятель-

Библиотека "Руниверс"

ности и оригинальности или на общихъ законахъ развитія человѣческаго духа, по которымъ на извѣстныхъ ступеняхъ, независимо отъ внѣшнихъ вліяній, должны явиться опредѣленныя формы мысли и чувства, или на общемъ племенномъ происхожденіи, которое могло служить прямымъ источникомъ извѣстнаго преданія или вѣрованія, если не во всѣхъ его отдѣльныхъ чертахъ, то по крайней мѣрѣ въ его основѣ. Между тѣмъ, данныя въ пользу такого или инаго рѣшенія вопроса о заимствованіи или самостоятельности извѣстной черты разказа могли бы быть пріобрѣтены преимущественно изъ исторіи, и если бы собиратели народныхъ вѣрованій и преданій обратили особенное вниманіе на настоящее и прошлое народа, котораго духовное наслѣдіе собираютъ, то едва ли сужденія о заимствованіи или самостоятельности были бы столь шатки. И если въ отвѣтъ на предположеніе о заимствованіи, напримѣръ, изъ Библіи, какой-либо черты разказа собиратель отвѣчаетъ простымъ отрицательнымъ сомнѣніемъ: „неужели разказчикъ штудировалъ Библію?“ то это уже нельзя называть научнымъ пріемомъ. А на самомъ дѣлѣ никто, вѣроятно, не усумнится въ томъ, что для науки миѳологіи было бы весьма важно знать, на сколько разказчикъ, его предки и вообще весь народъ знакомъ съ Библіей и вѣрованіями другихъ народовъ. Для миѳологовъ это нужно знать особенно потому, что миѳы, саги и легенды Жмудяковъ записаны шесть-семь вѣковъ спустя послѣ того, какъ они познакомились съ христіанствомъ.

Какъ уже было замѣчено выше, Фекенштедтъ, не смотря на то, что собранный имъ матеріалъ полученъ отъ людей, которые уже нѣсколько вѣковъ считаются христіанами и съ незапамятныхъ временъ отдѣлились отъ другихъ народовъ арійской вѣтви,—признаетъ, что онъ ведетъ насъ къ процессу возникновенія миѳологическихъ образовъ, разумѣя здѣсь не творческую дѣятельность фантазіи и наклонностей современнаго Литовца, но глубочайшую древность, когда впервые стали возникать миѳологическіе образы. Свое мнѣніе Фекенштедтъ подтверждаетъ въ введеніи (стр. 8—9) на анализѣ племенной саги Жмудяковъ (стр. 31—94). Эта замѣчательная сага, по мнѣнію автора, „представляетъ въ своихъ послѣднихъ отношеніяхъ во всей ясности и въ полномъ раскрытіи богатыхъ средствъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ миѳологическаго воззрѣнія и образовательной силы народовъ—моментъ, который не найденъ или не вполнѣ очерченъ въ доисторическое время народнаго единства Арійцевъ и въ большей части миѳологій отдѣлившихся Арійцевъ“. Опираясь на

Библиотека "Руниверс"

мнѣніе Фика, что „свѣтъ, день, небо представлялись въ качествѣ отца міра, боговъ и людей, подлѣ него стояла въ качествѣ жены patmâ, mâtar, очевидно мракъ, земля, какъ мать міра,—Фекенштедтъ признаетъ внѣ всякаго сомнѣнія, что Заманта, по великой сагѣ—племенная мать Замаитовъ (Жмудяковъ), имя которой народная этимологія производитъ отъ seme, земля, образуетъ корневое единство χαμαί, χαμύνη, по Павзанію прозвище Деметры Элейской, съ χθών, humus и земля. Но Dungis, сынъ Замаиты, носитъ то же самое имя, что̀ и Dangus, лит. небо. Небо и земля суть для Замаитовъ не представительство (Vorstand) міроваго домостроительства, но въ великолѣпномъ олицетвореніи источникъ и представительство своего народа". Нельзя не признать, что аналогія въ данномъ случаѣ на столько очевидна, что вынуждаетъ согласиться съ мнѣніемъ Фекенштедта. Съ другой стороны, нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что рядомъ съ элементами, которые простираются во времени возникновенія миѳологическихъ представленій, въ этой величественной сагѣ попадаются и черты вліянія гораздо болѣе поздняго времени; но если бы кто-нибудь сдѣлалъ попытку точнѣйшаго указанія этихъ чертъ, то при современныхъ методахъ изслѣдованія онъ встрѣтилъ бы величайшія трудности. Если намъ позволительно руководствоваться методомъ Фекенштедта, который (стр. 11) признаетъ халдейское преданіе о твореніи міра происшедшимъ гораздо позже теологическихъ миѳовъ на томъ основаніи, что въ нихъ твореніе дикихъ животныхъ представляется совершеннымъ раньше творенія домашнихъ, то мы могли бы заключить, что племенная сага Жмудаковъ произошла позже раздѣленія и обособленія литовскихъ народностей, именно на томъ основаніи, что сага эта не помнитъ родства Жмуди, Пруссовъ и Леттовъ и объясняетъ сходство въ нравахъ, обычаяхъ и языкѣ Леттовъ заимствованіемъ у Жмудяковъ (стр. 52—53). Но въ ней попадаются и такія черты, которыя иной легко могъ бы признать за заимствованіе изъ Библіи (сходство съ сорокалѣтнимъ странствованіемъ Израильтянъ по пустынѣ), хотя, можетъ быть, болѣе осторожные изслѣдователи воздержатся отъ рѣшительнаго сужденія въ этомъ направленіи, въ виду отсутствія надежнаго критерія рѣшенія этого вопроса. Къ такимъ чертамъ можно бы отнести слѣдующія: явленіе Бога въ одеждѣ нищаго въ сопровожденіи архангела Михаила, раздѣленіе моря при помощи жезла для прохожденія Жмуди, добываніе воды ударомъ жезла о скалу, постоянное участіе въ судьбѣ Жмуди ангеловъ Михаила, Гавріила и Рафаила, появленіе Замаиты на облакахъ въ

Библиотека "Руниверс"

сопровожденіи бури и грома, наученіе ею Замаитовъ религіи, безсмертію души, указаніе рая и ада, паденіе духовъ и ихъ борьба съ Богомъ, появленіе боговъ и людей на облакахъ, окруженіе ихъ свѣтомъ и т. п. Къ такимъ же чертамъ нужно отнести и постройку башни, достигающей неба (II, 224).

Удивительное множество миѳовъ, сагъ и легендъ, изъ которыхъ опубликованы только важнѣйшія, а нѣкоторыя еще ждутъ печати, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о богатствѣ народнаго творчества Жмуди; поэтому то же творчество нужно признавать на всѣхъ прошлыхъ ступеняхъ его развитія, и продукты его въ своихъ основахъ должны быть относимы къ глубочайшей древности, потому что образъ народнаго міровоззрѣнія, его чувствованія, мысли и природныя наклонности крайне трудно поддаются всякимъ внѣшнимъ вліяніямъ; что же касается формъ, въ которыя переливаются продукты народной фантазіи, то онѣ легко подчиняются внѣшнимъ вліяніямъ, могутъ переходить цѣликомъ отъ одного народа къ другому, даже могутъ быть заимствованы при посредствѣ чтенія книгъ, но самый характеръ ихъ безспорно остается такимъ, каковъ самый народный духъ и характеръ. И если мы посмотримъ съ этой точки зрѣнія на миѳы, саги и легенды Жмуди, то намъ легко будетъ понять новѣйшія формы, облекающія ихъ міровоззрѣніе. Этимъ нисколько не унижается достоинство и цѣнность собраннаго Фекенштедтомъ матеріала; напротивъ, объ этомъ матеріалѣ мы можемъ также сказать, что онъ ведетъ насъ къ процессу образованія миѳологическихъ представленій, совершился ли онъ во время народнаго единства Арійцевъ, или же совершается въ наши дни. И дѣйствительно, книга Фекенштедта даетъ нѣкоторые примѣры быстраго рожденія миѳа въ наши дни, каковы, напримѣръ, объясненіе отсутствія прошлогодней зимы (II, 231—232), объясненіе названія дня „семь спящихъ братьевъ“ (ibid. 232—233), загадочныя явленія при пожарѣ (ibid. 233—234) и др.

Что нѣкоторыя изъ внѣшнихъ выраженій воззрѣній и вѣрованій Жмуди унаслѣдованы изъ глубочайшей древности, объ этомъ мы можемъ судить по тому, сколь далеко въ прошлое доходитъ народная память.

Такъ, Жмудяки помнятъ время, когда они не владѣли тою страной, гдѣ теперь живутъ; сага говоритъ, что они нѣкогда жили въ пещерахъ, и чужестранецъ изъ Рима познакомилъ ихъ съ способомъ постройки домовъ (II. 38, 41); они помнятъ также то время, когда въ ихъ землѣ не было большихъ столбовыхъ дорогъ, а только лѣсныя дороги, часто перекрещивавшіяся (ibid. 115), и когда они не

Библиотека "Руниверс"

умѣли ни читать, ни писать (ibid. 46) и др. Далѣе многія черты указываютъ на время орденскаго владычества, напримѣръ, упоминается о „ежегодныхъ дарахъ съ полевыхъ плодовъ“ (II, 10), объ обязательствѣ „давать десятину хлѣба и пятую штуку скота ежегодно“ (ibid. 4) и др. Можетъ быть, къ этому же времени относятся и слѣдующія черты: изчезновеніе чорта при пѣніи пѣтуха (ibid. 72, 124 и др.), пораженіе злыхъ силъ крестомъ, рѣже Библіей (ibid. 12 и др.), боязнь креста (ibid. 59—60). Сюда же, вѣроятно, нужно отнести и духовное лицо, церковь, перекрестный путь (ibid. 13, 143 и др.), постоянно играющіе дѣятельную роль въ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ Жмудяковъ. Но удивительно, что на древнюю языческую религіозную организацію нѣтъ рѣшительно никакого намека въ собранномъ Фекенштедтомъ матеріалѣ; Криве и его жрецы и древнія святилища Жмуди, по видимому, не оставили никакого слѣда въ ихъ памяти. Полное отсутствіе ихъ въ миѳахъ, сагахъ и легендахъ Жмуди представляется намъ весьма страннымъ, бросающимъ тѣнь сомнѣнія на самое существованіе ихъ; но увѣренность въ томъ, что эти факторы нѣкогда играли великую роль въ религіозной и политической жизни Жмуди скорѣе заставляетъ признавать существованіе слѣдовъ ихъ, на которые однако еще не удалось натолкнуться собирателямъ замаитскихъ преданій.

Опубликованный Фекенштедтомъ матеріалъ даетъ наукѣ богатое средство для изученія миѳологій и всѣхъ арійскихъ народовъ. Само собою понятно, что на первыхъ порахъ сужденія объ этомъ матеріалѣ могутъ быть болѣе или менѣе гипотетическія, и самъ Фекенштедтъ на столько остороженъ, что, касаясь во введеніи вопроса о заимствованіи нѣкоторыхъ миѳологическихъ представленій отъ Германцевъ, Славянъ и др., по большей части выражается объ этомъ нерѣшительно и болѣе склоненъ находить ихъ источникъ въ общихъ доисторическихъ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ Арійцевъ, не смотря на то, что нѣкоторые миѳологическіе образы напоминаютъ своимъ именемъ о славянскомъ происхожденіи, каковы напримѣръ, Pyraga (п. 27), Pijonas (п. 28), Krematis (чеш. Kreme—пища, Kremice—откормленная свинья), Pastauninkas, Pastauninke (п. 53) — божество пастбищъ, Sztuknoris (п. 93), Gronycze (п. 108) и др. Та же нерѣшительность замѣтна и въ объясненіи именъ миѳологическихъ образовъ, приложенномъ къ концу втораго тома. Фекенштедтъ здѣсь приводитъ по преимуществу толкованія Нессельмана, Шлейхера, Куршата и Бецембергера и добавляетъ, что за рискованность нѣкоторыхъ этимоло-

Библиотека "Руниверс"

гій должны отвѣчать сами эти ученые. Вслѣдствіе этого пріема оказывается, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ толкованій не соотвѣтствуютъ тому представленію, которое получается о нихъ при чтеніи самыхъ миѳовъ и сагъ; такъ напримѣръ, Kaukas (п. 113) по Нессельману — подземное существо, а по миѳу, какъ онъ приводится у Фекенштедта, Kaukas представляетъ собою существо воздушное, олицетвореніе какого-либо небеснаго явленія.

Во внѣшнемъ распорядкѣ весь матеріалъ расположенъ весьма удобно, каждое имя подъ отдѣльнымъ нумеромъ и каждый нумеръ въ свою очередь дѣлится на нѣсколько рубрикъ, гдѣ приведены различные варіанты и модификаціи миѳа. Но при такомъ распредѣленіи иногда подъ отдѣльные нумера попадаютъ образы, представляющіе въ сущности одно и то же, только подъ различными именами, напримѣръ, Dungis (п. 1) и царь Замаитовъ (п. 3), Замаита (п. 2) и Королева Замаитовъ (п. 4), или миѳологическіе образы: Baltas Paukstis (бѣлая птица п. 112), Kaukas (п. 113), Aitwaras (п. 114) и Skarbun Welnis (п. 125).

Разсмотрѣнный нами матеріалъ, по словамъ Фекенштедта, еще не составляетъ всего, что онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи, и наука съ нетерпѣніемъ будетъ ожидать продолженія его сборника, въ который, между прочимъ, должны войдти миѳы и саги Латышей, до сихъ поръ столь мало извѣстные.

Ю. Трусманъ.

Vergleichende Grammatik der Nördlichen Türksprachen von Dr. *W. Radloff*. Erster Theil. Phonetik der Nördlichen Türksprachen. Leipzig. 1882.

Авторъ вышеназваннаго сочиненія пріобрѣлъ уже себѣ извѣстность довольно объемистымъ собраніемъ произведеній устной народной словесности Тюркскихъ племенъ, живущихъ въ южной Сибири и Дзунгарской степи,—трудомъ, который былъ изданъ Императорскою Академіею Наукъ въ четырехъ томахъ въ 1866—1872 гг. въ подлинномъ текстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ, составившимъ другіе четыре параллельные тома.

Къ сожалѣнію, г. Радловъ сообщилъ очень немногое о происхожденіи этого почтеннаго труда. Извѣстно только, что матеріалы для сборника были собираемы съ конца 1850-хъ годовъ, съ того времени, когда г. Радловъ состоялъ учителемъ нѣмецкаго языка въ Барнаулѣ; извѣстно также и то, что собираніемъ памятниковъ на-

Библиотека "Руниверс"

роднаго творчества у Тюркскихъ племенъ южной Сибири занимались въ то же время русскіе алтайскіе миссіонеры [1]). Но въ какомъ отношеніи ихъ трудъ стоитъ къ труду г. Радлова—это намъ не извѣстно, какъ не извѣстно и то, что̀ сталось съ матеріаломъ, собраннымъ почтенными миссіонерами: по всей вѣроятности, поэтическому творчеству алтайскихъ инородцевъ сами они не придавали особенной важности, будучи заняты главнымъ образомъ религіозною стороной быта Алтайцевъ и обращеніемъ ихъ въ христіанскую вѣру. Какъ бы то ни было, за г. Радловымъ остается та безспорная заслуга, что онъ сдѣлалъ доступнымъ ученому міру эти любопытные памятники. Онъ не ошибся въ ученой важности своего предпріятія. Покойный академикъ Шифнеръ тотчасъ же въ нѣмецкомъ предисловіи къ первому тому перевода г. Радлова опредѣлилъ всю цѣну начатаго изданія, намѣтивъ нѣкоторые наиболѣе бросающіеся въ глаза пункты въ тюркскихъ сказаніяхъ, какъ весьма и весьма пригодные для эксплуатаціи ихъ наукою сравнительнаго изученія народныхъ вѣрованій и преданій. Не успѣло изданіе сборника г. Радлова придти къ концу, какъ явилось цѣлое изслѣдованіе въ указанномъ направленіи В. В. Стасова: „Происхожденіе русскихъ былинъ“, гдѣ уже находимъ множество ссылокъ на это изданіе. Итакъ, о важности этого труда г. Радлова и спорить нечего; отрицать этой заслуги никому и въ голову не придетъ. Не мудрено, что многія изъ племенъ, памятники языка которыхъ теперь увѣковѣчены усердіемъ г. Радлова, въ скоромъ времени вымрутъ или переродятся, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ ужь очень не многочисленны, судя по статистическимъ свѣдѣніямъ, находящимся въ этнографическомъ обзорѣ сѣверныхъ Тюркскихъ племенъ у самого г. Радлова (Vergleichende Grammatik, стр. XXI—XLV).

Въ предисловіи къ первому тому своего сборника г. Радловъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Первое отдѣленіе представляемыхъ мною матеріаловъ заключаетъ въ себѣ образцы народной литературы въ трехъ частяхъ, второе—словарь, и третье—сравнительную грамматику всѣхъ поднарѣчій“ (Образцы народной литературы Тюрк-

---

[1]) Фактъ существованія „собранія телеутскихъ и алтайскихъ, отчасти кондомскихъ народныхъ проповѣдей, составленнаго самими миссіонерами“, засвидѣтельствованъ печатно (См. Грамматику алтайскаго языка, сост. членами Алтайской миссіи. Казань. 1869, стр. VI), только не сказано тамъ, какая судьба постигла это собраніе.

Библиотека "Руниверс"

скихъ племенъ, живущихъ въ южной Сибири и Дзунгарской степи. С.-Петербургъ. 1866 г., часть I, стр. XII). Такъ мы и ждали, что за изданіемъ текстовъ послѣдуетъ изданіе словаря. Это ожиданіе наше было тѣмъ нетерпѣливѣе, чѣмъ болѣе ощущалась и ощущается потребность въ такомъ словарѣ. Съ грамматическою конструкціей весьма несложныхъ фразъ на томъ или другомъ тюркскомъ нарѣчіи еще можно справиться, ибо грамматическія формы этихъ нарѣчій не слишкомъ разнообразны и болѣе или менѣе извѣстны; когда же въ текстѣ встрѣтится неизвѣстное слово, то значенія его не выдумаешь. Существующіе же словари—при грамматикѣ Алтайскаго языка, Гиганова, Троянскаго, Будагова, Паве-де-Куртэйля, Остроумова и, пожалуй, еще Старчевскаго, въ которыхъ можно иногда бываетъ отыскать кое-что по лексикологіи нѣкоторыхъ тюркскихъ нарѣчій, вообще мало помогаютъ дѣлу. Кромѣ того, добровольно взятая г. Радловымъ на себя обязанность дать намъ словарь къ собраннымъ текстамъ усиливалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что тексты его изданы въ очень замысловатой транскрипціи, имъ самимъ придуманной, такъ что многія слова, даже знакомыя по другому общепринятому начертанію, часто бываютъ неузнаваемы въ его изображеніи. И никого нельзя винить въ томъ, что всѣ Тюркскіе народы, исповѣдующіе исламъ, если имѣютъ какую письменность, то вся она ведется у нихъ арабскими буквами, которыя, какъ извѣстно, весьма недостаточны для точной передачи звуковъ тюркской рѣчи. Не г. Радловъ первый созналъ эту недостаточность, положимъ, но онъ первый сдѣлалъ опытъ примѣненія требованій новѣйшей фонетической системы передачи звуковъ чуждой намъ, Европейцамъ, тюркской рѣчи. Это же самое обязывало его довести начатое имъ дѣло до конца и прежде всего дать желающимъ пользоваться собраннымъ имъ тюркскимъ словеснымъ матеріаломъ ключъ къ надлежащему уразумѣнію содержанія этого матеріала, то-есть, словарь, соотвѣтственный принятой имъ системѣ транскрипціи. Но онъ почему-то нашелъ нужнымъ отступить отъ исполненія даннаго имъ обѣщанія и до сихъ поръ держитъ вышеозначенный ключъ у себя въ карманѣ, оставляя приступающихъ къ чтенію и изученію его сборника стоять если не передъ запертыми, то все-таки только передъ полуотворенными дверями сокровищницы одной отрасли тюркскаго языкознанія, въ ея первоисточникѣ — въ произведеніяхъ народной рѣчи. Г. Радловъ при всякомъ случаѣ выставляетъ на видъ свое враждебное отношеніе ко всему, что касается письменнаго турецкаго языка и литературы, которая у иныхъ Тюрк-

Библиотека "Руниверс"

скихъ племенъ весьма обширна, и заявляетъ, что „для изучающаго тюркскія поднарѣчія необходимо прежде всего оставить въ сторонѣ письменный, то-есть, искуственный языкъ, и избрать исключительнымъ предметомъ изслѣдованія разговорный языкъ простаго народа“ (Образцы, ч. I, стр. XII); но самъ онъ намѣревается лишь послѣ всего дать необходимое для этого изслѣдованія средство тѣмъ, кто хотѣлъ бы воспользоваться его совѣтомъ.

Мы обращаемъ вниманіе на эти праздные совѣты г. Радлова, какъ на курьезный взглядъ его на разныя отрасли знанія, которымъ онъ дѣлаетъ какую-то цеховую расцѣнку, Богъ знаетъ на чемъ основанную и Богъ вѣсть къ чему ведущую. Г. Радловъ даетъ урокъ другому туркологу г. Вамбери, когда тотъ, обмолвившись, назвалъ модою замѣну буквъ b и f буквою p (Phonetik, стр. 133); а самъ то и дѣло въ своей Vergleichende Grammatik твердитъ о негодности письменнаго языка турецкаго (напримѣръ, на стр. 40, 43, 46, 47, 96, 120, 123, 133, 175, 179 и др.): если перемѣною звуковъ управляетъ не мода, а извѣстные законы, то необходимо и въ распространеніи и господствѣ извѣстной письменности среди Тюркскихъ народовъ тоже допустить какую-нибудь законность, съ которою по неволѣ надобно считаться, не довольствуясь однимъ пренебреженіемъ къ ней. Намъ кажется, что въ наукѣ все имѣетъ свой интересъ и значеніе: любитель фонетики можетъ изощрять свою лингвистическую домысловатость на тюркскихъ звукахъ; а для занимающихся исторіей литературы самое главное значеніе будутъ имѣть тѣ мысли, которыя будутъ выражены въ звукахъ ли тюркскихъ, или въ письменахъ мусульманскихъ—все равно. Самымъ большимъ нерасположеніемъ г. Радлова пользуется языкъ и письменность османскіе, а между тѣмъ эта письменность съ неимовѣрною быстротою распространяется среди Татаръ, пробавляющихся произведеніями стамбульской и казанской печати. Что прикажете дѣлать? Фактъ на лицо, и его не отвратить одною ненавистью лингвистовъ. Самъ же г. Радловъ volens nolens долженъ былъ все-таки признать письменный турецкій языкъ за опредѣлившійся фазисъ лингвистическаго развитія или, какъ онъ выражается, als ein sprachregelndes Moment тюркской рѣчи (Phonetik, § 62), и самъ же не однократно констатируетъ фактъ вліянія письменнаго языка даже и на фонетику разговорной рѣчи: грамотные Татаре, особенно муллы, щеголяютъ поддѣлываньемъ своей устной рѣчи подъ языкъ письменный (Phonetik, § 74 и прим.; §§ 156, 172, 258 и др.). Выставляя народно-устныя произведенія какъ единственно стоющія

Библиотека "Руниверс"

изученія, хотя и путаясь по этому вопросу въ противорѣчіяхъ, г. Радловъ однако же словаря-то и не даетъ къ изданнымъ имъ памятникамъ народно-устной словесности Тюрковъ.

А переводы-то на что? скажутъ намъ. Развѣ они недостаточны для пониманія тюркскихъ текстовъ, собранныхъ г. Радловымъ? На это мы можемъ возразить, что иное дѣло—приблизительное ознакомленіе съ содержаніемъ иноязычнаго текста, и иное дѣло—доскональное распознаніе каждаго слова въ иноязычной фразѣ для уясненія грамматическаго состава, а иногда и самаго логическаго смысла ея. Положимъ, что за точность нѣмецкаго перевода г. Радлова ручается академикъ Шифнеръ, заявившій, что переводъ этотъ „wotrgetreu sein musste" (Proben der Volkslitteratur, I, стр. IX); но одинъ его авторитетъ въ данномъ случаѣ не совсѣмъ надеженъ, чтобы на него безусловно можно было положиться; намъ хотѣлось бы слышать отзывъ болѣе компетентныхъ людей, знанія которыхъ въ тюркскихъ языкахъ доказаны, и сужденіе которыхъ по этому самому могло бы быть для насъ вполнѣ убѣдительно.

А между тѣмъ такихъ отзывовъ мы что-то не слышали, и точность перевода, по крайней мѣрѣ буквальная близость его къ подлинникамъ, о которой свидѣтельствуетъ г. Шифнеръ, кажется намъ нѣсколько сомнительною. Это сомнѣніе невольно возникло у насъ, когда мы совершенно случайно, раскрывъ наудачу въ нѣсколькихъ мѣстахъ третью часть сборника г. Радлова, содержащую въ себѣ киргизскія народныя произведенія, сразу, безъ сплошнаго сличенія текста съ переводомъ, натолкнулись на недоразумѣнія, которыхъ намъ никакъ не удалось разрѣшить въ благопріятномъ для нѣмецкаго перевода смыслѣ. Въ этой части сборника есть, напримѣръ, одна пѣсня, начинающаяся такими словами по-киргизски:

Джылама, бикэмъ, джылама!
Кӧзунунъ джасынынъ булама!
Улъ бопъ туусанынъ эӧльдӧнъ,
Сени мундай кылама (Образцы, III, стр. 13).

По нѣмецкому переводу г. Радлова это значитъ:

Weine nicht, Mädchen, weine nicht.
Vergiesse nicht der Augen Thränen,
Wenn du zuerst einen Sohn gebierst,
Fügt man nichts Böses zu (Proben, III, стр. 15).

Послѣдняя строка перевода представляется намъ совсѣмъ несогласною съ соотвѣтствующею ей четвертою строкою текста. По смыслу

Библиотека "Руниверс"

тутъ можно, пожалуй, съ натяжкою предположить, что имѣющійся родиться первенецъ сынъ впослѣдствіи можетъ сдѣлаться опорою, защитою для своей матери и предохранить ее отъ всякаго зла, которое могли причинить ей люди, хотя какъ-то не кстати въ свадебной пѣснѣ съ самаго начала заводить рѣчь о какомъ-то злѣ, ожидающемъ невѣсту; да оно тутъ и не вяжется съ послѣдующимъ содержаніемъ этой пѣсни. Но лексическій составъ строки рѣшительно не допускаетъ ничего подобнаго приведенной догадкѣ. Слова, тутъ находящіяся, значатъ: сени—„тебя", мундай—„такъ", кылама—„не дѣлай". При такомъ составѣ фразы, намъ кажется, ее слѣдовало бы перевести въ связи съ предыдущею строкою взятаго четверостишія такъ:

Можетъ статься, что ты первенца родишь сына,
Такъ не дѣлай же себя такою!

то-есть, „не будь такою", что̀, опять-таки, значитъ: „не плачь!". Надежда имѣть первенца сына должна служить утѣшеніемъ дѣвушкѣ въ разлукѣ съ родительскимъ домомъ.

Нѣсколько строкъ ниже въ нѣмецкомъ переводѣ той же пѣсни читаемъ:

Du weinst um dein Haus,
Um die Waaren, die du gesammelt,
Dein Vater aber denkt,
Meinem Feinde wirds schwer sein (loco citato).

Послѣдняя строка положительно ставитъ въ тупикъ своею странною логикою: какимъ образомъ для врага отца дѣвушки должно быть что-то такое тяжко, когда дочь его горюетъ по отцовскомъ домѣ, который она готовится покинуть?

Обращаясь къ тексту, мы находимъ тамъ въ двухъ послѣднихъ соотвѣтствующихъ строкахъ такія слова:

Экэнъ сенинъ ойлайды,
Отурганъ балама кыйинъ депъ (Loc. cit.).

Лексическій составъ послѣдней строки слѣдующій: Отурганъ значитъ „сидящій, оставшійся", балама—„моему дѣтищу", кыйинъ—„тяжко, трудно" (Старчевскій, Спутникъ русскаго человѣка въ Средней Азіи, стр. 379), депъ — „говоря". Въ такомъ случаѣ двѣ вышеприведенныя строки должны быть переданы порусски вотъ какъ:

Отецъ же твой подумалъ,
Говоря: „Сидящему моему дитяти трудно!"

Библиотека "Руниверс"

Имѣя въ виду общее содержаніе пѣсни, послѣднюю фразу можно понимать въ томъ смыслѣ, что, по мнѣнію отца, для дочери его гораздо тяжелѣе, непріятнѣе засидѣться въ его домѣ, то-есть, остаться въ дѣвкахъ, чѣмъ, выходя замужъ, разстаться съ родительскимъ домомъ и со всѣмъ, что̀ ей въ немъ было дорогого, и о чемъ говорится въ двухъ предшествующихъ строкахъ. Тогда будетъ, по крайней мѣрѣ, хоть какая-нибудь логическая связь. Но такое же пониманіе требуется и значеніемъ словъ, входящихъ въ составъ послѣдней строки приведенной нами выдержки. Слово отур у самого же г. Радлова въ другихъ мѣстахъ сборника значитъ „сидѣть“ (Образцы, III, стр. 595; Proben, III, стр. 675, № 380); слово бала и онъ переводитъ въ другихъ случаяхъ нѣмецкимъ Kind (Образцы, III, стр. 594, № 376, стр. 667 и др.; Proben, III, стр. 676, 752 и др.). Откуда же—спрашивается—взялся у него въ разсматриваемомъ мѣстѣ нѣмецкаго перевода „врагъ“—Feind, и къ чему онъ ему тутъ могъ понадобиться?

Было бы скучно, да и неумѣстно въ настоящей статьѣ перебирать другія неточности и логическія несообразности, встрѣчающіяся въ нѣмецкомъ переводѣ г. Радлова, въ родѣ того, напримѣръ, что „Alles, was sichtbar ist, muss auf den Füssen gehen“ (Proben, III, 682), хотя въ киргизскомъ текстѣ нѣтъ такой безсмыслицы. Этими, на угадъ взятыми, примѣрами мы хотѣли только показать, что необходимость провѣрки нѣмецкаго перевода тюркскихъ текстовъ г. Радлова есть дѣло вовсе нелишнее, ибо вѣрность этого перевода пока-мѣстъ еще не можетъ считаться несомнѣнно признанною.

Кстати замѣтить, послѣдняя изъ приведенныхъ нами выдержекъ взята изъ разказа, озаглавленнаго „Сейпюлъ-Маликъ“. Въ предисловіи къ III-му тому образцовъ г. Радловъ говоритъ про этотъ большой разказъ, что онъ „написанъ по образцу пѣсни (sic) того же названія Миръ-Али-Шира“ (Образцы, III, стр. XXI). Г. Радлову, имѣющему свой особенный взглядъ на письменную тюркскую словесность, извинительно было говорить, что Миръ-Али-Ширъ сочинялъ пѣсни, и приписать этому знаменитому классическому поэту Средней Азіи такое произведеніе, какого онъ никогда не творилъ; но удивительно, какъ могъ пропустить подобную вещь академикъ Шифнеръ, черезъ редакцію котораго отчасти проходило изданіе сборника г. Радлова, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ подъ руками справочный указатель своего коллеги, каталогъ покойнаго академика Дорна. Въ этомъ каталогѣ сказано, что авторъ разказа „Сейфу-ль-Меликъ“ султанъ Махмудъ,

Библиотека "Руниверс"

по мнѣнію Сильвестра-де-Саси, Ценкера и Эрдманна, въ чемъ онъ, Дорнъ, сомнѣвается; но о Миръ-Али-Ширѣ даже и помину нѣтъ (Mélanges Asiatiques, tome V, p. 624).

Итакъ, г. Радловъ, минуя изданіе словаря, подарилъ намъ „Грамматику сѣверныхъ тюркскихъ нарѣчій", да еще не простую, а сравнительную. Судьба этого произведенія г. Радлова нѣсколько болѣе намъ извѣстна, чѣмъ происхожденіе его сборника. Еще въ 1876 году профессоръ Бодуэнъ-де-Куртенэ оповѣстилъ ученый міръ, что „знаменитый лингвистъ и одинъ изъ лучшихъ знатоковъ туранскихъ языковъ В. В. Радловъ" сообщилъ ему весьма интересныя данныя изъ изслѣдованныхъ имъ нарѣчій Тюркскихъ племенъ южной Сибири и Дзунгарской степи, и что эти сообщенія извлечены „изъ его (г. Радлова) рукописи—грамматическаго очерка названныхъ нарѣчій" (Славянскій сборникъ, т. III, стр. 326). Надо полагать, эта же самая рукопись и была потомъ представлена г. Радловымъ въ Академію Наукъ подъ заглавіемъ „Grammatische Untersuchungen auf dem Gebiete der nördlichen Türk-Sprachen"; но Академія ограничилась указаніемъ необходимыхъ въ ней исправленій и дала заключеніе, что сочиненіе г. Радлова заслуживало бы быть изданнымъ на русскомъ языкѣ (Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. XXXVI, стр. 343), что̀ равнялось рекомендованію передѣлать его сызнова.

Въ настоящее время это произведеніе явилось уже въ Лейпцигѣ подъ внушительнымъ титуломъ: „Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen". Объ этой-то книгѣ мы и намѣрены поговорить теперь и, не вдаваясь въ подробности, высказать свои впечатлѣнія отъ тѣхъ качествъ этого ученаго труда, которыя невольно обращаютъ на себя вниманіе своею оригинальностью, характеризующею научные пріемы ея автора.

Прежде всего коснемся самаго заглавія книги. Г. Радловъ поступилъ слишкомъ скромно, назвавъ свое сочиненіе грамматикою только однихъ сѣверныхъ тюркскихъ нарѣчій: въ дѣйствительности это грамматика всѣхъ безъ исключенія тюркскихъ нарѣчій; мы не говоримъ уже о томъ, что авторъ постоянно по разнымъ фонетическимъ вопросамъ становится на точку зрѣнія всеобщаго сравнительнаго языкознанія, переносясь въ область фонетики то монгольской, то русской, то чувашской, то нѣмецкой, то самоѣдской, то греческой, то манджурской, то англійской, то сирійской, то мадьярской, то даже резьянской, и т. д. При захватѣ такого широкаго поля для фонетическихъ упражненій естественно, что произведеніе г. Радлова явилось

Библиотека "Руниверс"

вмѣстилищемъ такого множества и разнообразія примѣровъ, распредѣленныхъ на такое же множество рубрикъ, съ добавкою таблицъ и схэмъ, построенныхъ во всевозможныхъ направленіяхъ—и въ вертикальномъ, и въ горизонтальномъ, и въ раскосомъ, — что надобно довольно долго и пристально всматриваться въ эту хитрую механику, чтобы, наконецъ, уразумѣть заключающуюся въ ней систему. А система эта во многихъ отношеніяхъ своеобразна по замыслу и выполненію. Г. Радловъ не любитъ ничего дѣлать просто, а все замысловато и съ экспрессіей, какъ это мы уже не разъ имѣли случай доказать на другихъ его произведеніяхъ по части педагогическихъ руководствъ, написанныхъ имъ по всѣмъ наукамъ, начиная отъ русской грамматики до химіи и астрономіи включительно, для употребленія въ татарскихъ школахъ.

Всего естественнѣе было ожидать, что авторъ изложитъ фонетическую систему каждой изъ тюркскихъ язычныхъ отраслей, и притомъ ограничится тѣми изъ нихъ, съ которыми онъ знакомъ непосредственно, и образцы которыхъ имъ напечатаны въ его сборникѣ: о звукахъ живой рѣчи можно разсуждать, слышавъ эти самые звуки, а ссылка на изданные въ транскрипціи образчики этой рѣчи должна подкрѣплять вѣроподобность этихъ разсужденій. Такого же мнѣнія объ этомъ предметѣ и г. Радловъ (О языкѣ Куманов. С.-Пб. 1884 г., стр. 9); но въ данномъ случаѣ онъ предпочитаетъ другой пріемъ: онъ не довольствуется областью, наиболѣе ему доступною, а подвергаетъ лингвистическимъ манипуляціямъ всю массу тюркскихъ нарѣчій, не имѣя для этого достаточныхъ данныхъ. Онъ въ своей классификаціи тюркскихъ нарѣчій почти противъ цѣлой половины ихъ поставилъ отмѣтку „unerforscht“, или „lautlich unerforscht“, и тѣмъ не менѣе все-таки каждому изъ этихъ не изслѣдованныхъ, невѣдомыхъ ему отраслей тюркскаго языка онъ отводитъ опредѣленное мѣсто въ-своей классификаціи. Спрашивается: какими же основаніями руководствовался онъ въ своемъ распоряженіи нарѣчіями, фонетическая неизслѣдованность которыхъ имъ тутъ такъ торжественно и категорически заявлена (Phonetik, стр. 286—291)? Путеводною звѣздою г. Радлова въ его изслѣдованіяхъ былъ академикъ Ветлингъ, лингвистическія работы котораго такъ увлекательно повліяли на него, что онъ самъ рѣшился создать нѣчто въ родѣ сочиненія этого ученаго: „Ueber die Sprache der Jakuten“. Почтенный академикъ ограничился въ своемъ сочиненіи наблюденіями надъ однимъ якутскимъ языкомъ, дѣлая указанія на весьма многія параллельныя

Библиотека "Руниверс"

фонетическія и морфологическія явленія въ другихъ родственныхъ языкахъ, какъ на вспомогательныя средства къ уясненію природы изслѣдуемой имъ язычной отрасли, и трудъ его въ самомъ дѣлѣ служитъ настольною книгою для всякаго тюрко-лингвиста, какъ образецъ строго-систематическаго пріема въ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ и яснаго изложенія изслѣдуемаго предмета. Г. Радловъ, превознося всѣми признанное ученое остроуміе и отмѣнную домысловатость академика Бетлинга, избралъ однако въ своей Сравнительной Грамматикѣ обратный порядокъ: онъ манипулируетъ звуками тюркской рѣчи вообще, а для подтвержденія тѣхъ или другихъ своихъ положеній и соображеній приводитъ примѣры ad libitum изъ разныхъ нарѣчій, иногда отмѣчая въ скобкахъ, изъ какого именно нарѣчія взято имъ для примѣра то или другое слово, а чаще всего обходясь и безъ такого указанія, довольствуясь оптовою ссылкою на цѣлыя группы нарѣчій. Что же произошло отсюда? То, что проштудировавъ его сравнительную фонетику, вы не выносите яснаго представленія о фонетической физіономіи ни одного изъ нарѣчій, подвергнутыхъ имъ лингвистическому изслѣдованію; про взаимное же ихъ отношеніе, про градацію тѣхъ или другихъ фонетическихъ явленій въ ихъ генеалогической послѣдовательности и говорить нечего: вы видите только передъ собою какой-то отвлеченный фонетическій иксъ, представляемый цѣлою массой всевозможныхъ звуковъ, не систематизированныхъ по ихъ природнымъ свойствамъ въ той или другой тюркской отрасли, а подобранныхъ въ кучки по заранѣе составленной искуственной программѣ чисто теоретическаго изобрѣтенія. Такая система еще годилась бы къ чему-нибудь, если бы взятые имъ примѣры фонетическіе всякій разъ точно обозначались, какому нарѣчію они принадлежатъ, и если бы обозначались мѣста въ „Образцахъ“ г. Радлова, гдѣ эти примѣры могутъ быть отысканы. Но da ist der Hund begraben: словаря-то къ его „Образцамъ“ и нѣтъ; читателю предоставляется самому отыскивать, такъ ли точно иное слово звучитъ въ транскрипціи текстовъ г. Радлова, какъ оно приводится у него въ фонетикѣ; о словахъ же, о которыхъ не отмѣчено, какому нарѣчію они принадлежатъ, надобно справляться во всѣхъ четырехъ томахъ его сборника. Въ этомъ случаѣ мы позволяемъ себѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовать противъ замѣчанія рецензента книги г. Радлова, г. Габеленца, будто бы г. Радловъ „verlangt, dass ihm auf die Finger sehe, und thut sein Bestes um dem Leser durch Einleitungen, Tabellen und gelegentliche Rückblicke die Controle zu erleichten“

Библиотека "Руниверс"

(Literarisches Centralblatt 1883, № 6). Надо полагать, г. Габеленцъ не пробовалъ съ помощью указанныхъ аппаратовъ оріентироваться въ ученомъ лабиринтѣ всетюркской фонетики г. Радлова. Попытайтесь, напримѣръ, понять его графическую схэму въ § 207 въ связи съ даннымъ въ этомъ параграфѣ фонетическимъ закономъ; или подобную же таблицу въ § 344; или посмотрите, много ли можно вынести наглядности изъ таблицы долгихъ гласныхъ, получающихся чрезъ раствореніе слоговъ въ § 103. Напротивъ того: пестрота языкового матеріала, нанизаннаго не въ порядкѣ естественно-возможнаго генетическаго развитія однихъ звуковыхъ формъ изъ другихъ въ каждомъ нарѣчіи, а по искуственно составленному мудреному генеральному плану, заставляетъ невольно думать, что г. Радловъ какъ будто и самъ въ своей „Сравнительной Грамматикѣ“ не прочь игнорировать свои же собственные „Образцы народной литературы Тюркскихъ племенъ“, которые, по нашему мнѣнію, должны были бы служить естественнымъ основаніемъ построеннаго имъ зданія; онъ какъ будто самъ не расположенъ слишкомъ довѣрять имъ. Въ предисловіи ко второму тому своихъ „Образцовъ“ онъ чистосердечно сознается, что „при совмѣстномъ изученіи разныхъ нарѣчій легко было звуки и формы одного нарѣчія перенести на другое“ (Образцы, т. II, стр. XX). Что же ручается намъ за то, что теперь, спустя почти двадцать лѣтъ, не могло произойдти такого же смѣшенія въ его фонетикѣ? Провѣрялъ ли онъ теперь снизнова каждый фонетическій фактъ въ томъ или другомъ нарѣчіи, или онъ обладаетъ такою счастливою фонетическою памятью, что она ему и теперь въ состояніи была воспроизвести въ первоначальной свѣжести звуки, слышанные имъ двадцать лѣтъ тому назадъ, и поправить тѣ ошибки и неточности, которыя, по его собственному признанію, „при самомъ напряженномъ вниманіи все-таки вкрадываются“ (ibidem)? А память тутъ требовалась необыкновенная, если принять въ соображеніе все множество и разнообразіе звуковыхъ оттѣнковъ, приписываемыхъ имъ фонетическому составу такого же множества тюркскихъ нарѣчій, подвергнутыхъ имъ лингвистическому изслѣдованію. Такая требовательность тѣмъ справедливѣе по отношенію къ г. Радлову, что самъ онъ являетъ себя самымъ взыскательнымъ скептикомъ во всемъ, что изслѣдовано не имъ, а другими, какъ это видно изъ его замѣчаній въ родѣ слѣдующаго: „wenn Maksimoffs Umschreibung richtig ist“ (Phonetik, § 75).

Въ виду этого насъ до крайности поражаетъ въ „Фонетикѣ“

Библиотека "Руниверс"

г. Радлова огромное количество примѣровъ изъ нарѣчія таранчинскаго: можно сказать безъ преувеличенія, что рѣдкая страница въ Vergleichende Grammatik обходится безъ ссылки г. Радлова на это нарѣчіе для констатированія тѣхъ или другихъ фактовъ въ тюркской фонетикѣ, для оправданія соображеній на счетъ тѣхъ или другихъ законовъ тюркской рѣчи. И тѣмъ это особенно бросается въ глаза, что въ изданномъ сборникѣ тюркскихъ текстовъ г. Радлова не напечатано ни единаго образца таранчинской рѣчи, съ такимъ предпочтительнымъ вниманіемъ имъ изслѣдуемой. Единственно, что намъ извѣстно печатнаго на этомъ нарѣчіи, это текстъ одного историческаго сочиненія, изданный Н. Н. Пантусовымъ, съ приложеніемъ нѣсколькихъ пѣсенъ Таранчей и съ грамматическими примѣчаніями, подъ заглавіемъ „Война мусульманъ противъ Китайцевъ". (Казань. 1880 г.). Г. Пантусовъ по окончаніи курса на факультетѣ восточныхъ языковъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ состоитъ на службѣ въ Туркестанѣ и, по роду должности своей, все время находится въ обращеніи съ туземцами тѣхъ мѣстностей, гдѣ гнѣздится небольшое племя Татаръ Таранчи. Слѣдовательно, къ его наблюденіямъ мы въ правѣ относиться съ неменьшимъ, если еще не съ большимъ, довѣріемъ, чѣмъ къ своемудрымъ умствованіямъ издали казанскаго лингвиста, такъ отважно импонирующаго своимъ личнымъ авторитетомъ (см., напримѣръ, его брошюру „О языкѣ Кумановъ", стр. 2). Г. Радловъ, надо замѣтить, любитъ сыпать упреки направо и налѣво всѣмъ туркологамъ за то, что они не подготовили ему предварительно разработаннаго матеріала по разнымъ тюркскимъ нарѣчіямъ для его всеобъемлющихъ лингвистическихъ обобщеній (Phonetik, стр. 179). Если онъ и вспоминаетъ о нѣкоторыхъ работахъ, то только для пренебрежительнаго третированія ихъ (напримѣръ, Phonetik, §§ 162, 169), или для личнаго глумленія, которому онъ въ волю предается, напримѣръ, по поводу лингвистической эквилибристики Вамбери (§§ 201, 245, 272 и др.), хотя, по правдѣ сказать, мы затруднились бы сказать, кому изъ нихъ обоихъ отдать предпочтеніе въ изобрѣтеніи ухищреній, выдаваемыхъ ими за результаты обдуманныхъ наблюденій надъ лингвистическими фактами тюркскихъ нарѣчій. Но при этомъ г. Радловъ игнорируетъ то, что сдѣлано не имъ, а другими, въ той области, гдѣ онъ считаетъ себя исключительнымъ хозяиномъ. Такъ, игнорируетъ онъ и вышеупомянутое изданіе г. Пантусова. Положимъ, что оно не на столько богато матеріаломъ по части нарѣчія Таранчей, чтобы на немъ одномъ можно было основы-

Библиотека "Руниверс"

вать изслѣдованіе этого нарѣчія, но все же оно представляетъ больше, чѣмъ голословныя ссылки г. Радлова на себя самого. Въ трудѣ г. Пантусова мы находимъ весьма важное указаніе, которое, кажется намъ, не мѣшало бы принять къ свѣдѣнію г. Радлову. Вотъ что говоритъ г. Пантусовъ въ предисловіи къ изданному имъ таранчинскому тексту: „Замкнутость таранчинскаго населенія въ Илійской долинѣ, подъ ненавистнымъ игомъ и гнетомъ китайскаго правительства, удручавшаго и разорявшаго населеніе въ концѣ непомѣрными сборами и работами,—не давала возможности развиваться ни духу народному, ни языку. Послѣдній, изолированный отъ взаимнаго лексическаго обмѣна и заимствованій въ другихъ родственныхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ, не могъ развиваться, а скорѣе скудѣлъ и портился, какъ отъ примѣси словъ окрестныхъ сосѣднихъ монголо-китайскихъ народностей, такъ и отъ ассимиляціи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ особенностями китайскаго идіома. Первое выразилось въ лексическомъ составѣ языка, въ который вошли китайскія, калмыцкія и монгольскія слова, второе, напримѣръ, въ пропускѣ, примѣнительно къ недостатку китайскаго выговора, буквы р въ нѣкоторыхъ словахъ и формахъ грамматическихъ“ (loco citato, стр. 6). И еще: „Мягкость (таранчинскаго) языка въ связи съ своеобразностью ударенія, — уклоняющагося отъ обще-узаконенной грамматической формулы ударенія на послѣднемъ слогѣ, — дѣлаетъ языкъ Таранчей на столько мало понятнымъ для знающихъ тюркскій языкъ, что необходимъ значительный срокъ для того, чтобы прислушаться къ способу и формамъ передачи таранчинскаго говора, хотя Таранчи говорятъ такимъ же тюркскимъ языкомъ, какъ и кашгарскіе Сарты, обитатели таранчинской колыбели“ (ibid., стр. 5—6).

И вотъ такому-то нарѣчію, наводненному множествомъ разныхъ иноязычныхъ элементовъ, г. Радловъ, въ другихъ случаяхъ представляющійся самымъ строгимъ пуристомъ, отводитъ едва ли не самое видное мѣсто въ своей „Тюркской Фонетикѣ“, единственно потому, что онъ въ маленькомъ сбродномъ полу-сартскомъ племени Таранчей видитъ потомковъ древнихъ Уйгуровъ, строя эту свою этнологическую конъектуру на толкованіи, вмѣстѣ съ Клапротомъ, очень сомнительнаго по виду имени Хуй-са (Chui-sa), каковымъ величаютъ Таранчей Китайцы, а также и имени Хуй-Хуй, которое дается ими Дунганамъ“ (Phonetik, стр. XXXV). Изучать законы тюркской фонетики по звуковымъ особенностямъ такого испорченнаго чрезъ внѣшнее вліяніе нарѣчія все равно, что еслибы въ фонетикѣ османскаго нарѣчія одно изъ

Библиотека "Руниверс"

главныхъ мѣстъ было дано говору стамбульскихъ Персіянъ и Грековъ: въ такомъ случаѣ получились бы замѣчательныя открытія въ фонетикѣ, все-таки называемой тюркскою: пришлось бы внести въ таблицу гармоніи гласныхъ, напримѣръ, преобладаніе звука *o*, слышимаго въ говорѣ Персіянъ и противнаго уху Османлы, или включить въ категорію измѣненій звука *ш* въ *с* такія немыслимыя для чистаго Турка сочетанія, какія однако же обязательны для всякаго константинопольскаго Грека, вслѣдствіе своеобразнаго устройства его органовъ рѣчи. Подобное явленіе мы и видимъ въ „Фонетикѣ“ г. Радлова по отношенію къ таранчинскому нарѣчію. Цѣлая глава IV— объ обратномъ воздѣйствіи гласныхъ (Die Rückwirkung der Vocale)— построена вся почти исключительно на встрѣчающихся въ таранчинскомъ нарѣчіи аномаліяхъ, которымъ онъ хочетъ во что бы то ни стало подобрать прочныя и универсальныя законныя основанія; а такъ какъ творить изъ ничего — задача трудная, то у г. Радлова и явились натяжки, противорѣчащія другимъ даннымъ или взаимно одна другую упраздняющія.

Такъ онъ устанавливаетъ правило, что если за слогомъ, содержащимъ широкое гортанное *a*, слѣдуетъ аффиксовый слогъ, заключающій въ себѣ рѣзко-небно выговариваемый гласный звукъ *i*, то предыдущее *a* переходитъ въ энергически-небно выговариваемое *e*, если между нимъ и звукомъ *i* находится только одинъ согласный. Напримѣръ, at (лошадь), etI (его лошадь), al (брать), elIp (беря), ata (отецъ), atesI (его отецъ). Если же между *a* и *i* будетъ находиться два согласныхъ звука, то *a* остается неизмѣннымъ, напримѣръ, at-tIn, at-nI (Phonetik, § 82). Между тѣмъ звукъ *e* является у Таранчей на мѣстѣ *a* другихъ нарѣчій, не стѣсняясь вышеозначенными условіями, а просто въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ вообще неясенъ по отсутствію на немъ ударенія. Такъ они и собственное имя Али выговариваютъ Эли (Пантусовъ, op. cit., I, стр. 5). Притомъ вмѣсто Касымъ говорятъ Кесымъ, и вмѣсто Аты говорятъ Эты (ibid., и II, стр. 47), гдѣ мы не видимъ рѣзко-небно-выговариваемаго (scharf palatal gesprochenen) *i*, обратному вліянію котораго приписывается вся сила, а тупой гортанный звукъ *ы*. Мы уже не ссылаемся на противорѣчащія закону г. Радлова объ аморфныхъ образованіяхъ явленія въ другихъ нарѣчіяхъ: Крымскіе Татаре, напримѣръ, имя извѣстнаго послѣдняго хана Шагинъ-Герая выговариваютъ Шаганъ, Турки вм. Галибъ говорятъ Галубъ, а находимъ подобныя явленія и въ самомъ таранчинскомъ словарѣ. Такъ слова сары (Пантусовъ,

Библиотека "Руниверс"

т. I, стр. 43) и качиръ (ibid., стр. 59) при наличности условій для фонетическаго измѣненія *a*, сохранили однако же это *a* безъ измѣненія. Такія же формы какъ Сенджи вмѣсто Санджи (Пантусовъ, II, стр. 51), или, особенно, тепты вмѣсто тапты (ibid., стр. 35), прямо уже отрицаютъ устанавливаемое г. Радловымъ исключеніе изъ собственнаго его правила о помѣхѣ двухъ промежуточныхъ согласныхъ вліянію *i* на предыдущее *a*. Мало того: фактъ, что Таранчи говорятъ берса (еслибы пошелъ) вмѣсто барса, или даже бешъ (голова) вмѣсто башъ (ibid. стр. 37), совершенно выходитъ изъ условій созданнаго г. Радловымъ правила и не предусмотрѣнъ имъ въ исключеніяхъ. Въ числѣ послѣднихъ интересны третье и четвертое, въ которыхъ сказано, что *a* остается неизмѣннымъ, „если оно долгое, напримѣръ, padīšā (Herrschen), padīšājī". γar (Höhle)—γārī, и „въ иноязычныхъ словахъ, напримѣръ, padīšā". Слѣдовало бы и γār привести, потому что и оно, вѣдь, тоже иноязычное (Phonetik, ibidem). Значитъ, въ одномъ и томъ же словѣ даютъ себя знать два фонетическіе закона—который же настоящій? Еще лучше оговорка, присоединяемая авторомъ къ вышеприведеннымъ исключеніямъ: „Но кажется, здѣсь *a* передъ *i* какъ будто бы постоянно выговаривается протяжно, чтобъ избѣжать перехода *a* въ *e*" (ibidem). Выходитъ, что долгота *a* мѣшаетъ ему превратиться въ *e*; но оно и протягивается-то нарочито говорящими, чтобы не измѣнить его въ *e*: это замѣчательный образецъ фонетическихъ выводовъ лингвистики, эмансипированной отъ всякой логики.

А между тѣмъ вышеприведенное открытіе въ области тюркской фонетики г. Радловъ возводитъ въ „явленіе, совершенно соотвѣтствующее нѣмецкому Umlaut", и приводитъ по этому случаю пространныя выдержки изъ нѣмецкой грамматики Гримма (Phonetik, § 83). Оно, можетъ быть, и лестно для Таранчей, что у нихъ ротъ устроенъ также, какъ у Нѣмцевъ, а не какъ у настоящихъ Тюрковъ, но можетъ ли это служить основаніемъ возводить означенное явленіе въ категорію свойствъ тюркской рѣчи вообще, когда въ параллель вышеприведенному явленію въ таранчинскомъ говорѣ г. Радловъ приводитъ изъ другихъ нарѣчій всего на все одинъ фактъ, да и то ровно ничего не доказывающій, а именно уменшительную-ласкательную форму изъ семейной терминологіи въ волжскихъ діалектахъ, напримѣръ, ātī (Vāterchen), ābī (Grossmütterchen), ānī (Mütterchen) (Phonetik, § 84)? Да и тутъ встрѣтилось недоразумѣніе: приведя въ примѣръ и слово āwī (Brüderchen), г. Радловъ вспомнилъ, что „обы-

Библиотека "Руниверс"

вновенно вмѣсто ăwī употребляется слово abzī[a]; а оно съ двумя согласными между *a* и *i*: что тутъ дѣлать? Тогда г. Радловъ строитъ такое объясненіе послѣдней формы: „abzī = abys + aγa + I, а это ясно доказываетъ (будто бы?) что I, какъ въ таранчинскомъ діалектѣ, могло произвесть палатализирующее вліяніе на *a* не черезъ двѣ согласныхъ[a], съ мужествомъ заключаетъ онъ. Что ласкательныя формы вездѣ вообще, а особливо въ именахъ личныхъ, слишкомъ причудливы въ своемъ образованіи, это извѣстная вещь, и на основаніи ихъ однихъ узаконять фонетическія функціи, несвойственныя тюркскимъ органамъ рѣчи, едва ли возможно, особенно съ такими насильственными словопроизводствами, какъ производство abzī изъ abys+aγa+I.

Разъ придумавъ какую-нибудь фонетическую комбинацію, г. Радловъ для доказательства ея вѣрности уже не стѣсняется прибѣгать къ средствамъ, которыя въ другихъ случаяхъ онъ считаетъ вообще ни къ чему негодными, не замѣчая, что чрезъ это онъ постоянно впадаетъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собою. Вотъ, положимъ, эти же несчастные Таранчи вмѣсто aryq говорятъ oruq (mager), вмѣсто qazyq — qozuq (Pfahl), вмѣсто qamyš — qomuš (Schilf), вмѣсто qatyn говорятъ xotun (Frau) и т. п. На основаніи этихъ примѣровъ г. Радловъ строитъ теорію обратнаго лабіализирующаго вліянія послѣдующаго гласнаго звука въ словѣ на предшествующій, утверждая, что гласный звукъ *o* въ вышеприведенныхъ словахъ развился изъ *a* чрезъ губное вліяніе *u* (нѣмецк. транскр.) конечнаго слога *uq*, которому между тѣмъ въ прочихъ діалектахъ вездѣ видимъ соотвѣтствующій *yq* (то-есть, по русской транскрипціи, *ык*). Единственнымъ доказательствомъ служитъ у него предположеніе, что, можетъ быть, образовательный аффиксъ именъ существительныхъ *yk* (*ык*) первоначально звучалъ *uq* или *oq*; а это послѣднее предположеніе покоится у него на „die schreibweise alter Schriftwerke“ нѣкоторыхъ словъ, въ которыхъ этотъ аффиксъ написанъ арабскими буквами вавъ и кафъ. Для оправданія же формъ xotun и qomuš приводится въ параллель одно Schriftwort арабскаго и монгольскаго начертанія. Значитъ, тутъ пошелъ въ дѣло у г. Радлова уже письменный языкъ, который вообще-то пренебрегается имъ, какъ языкъ испорченный; но здѣсь онъ благосклонно пользуется услугами испорченнаго языка, чтобы только имѣть лишній доводъ въ подтвержденіе своей излюбленной теоріи.

Сопоставленіе таранчинскихъ фонетическихъ комбинацій съ якутскими и монгольскими у г. Радлова, по видимому, имѣетъ цѣлью пред-

Библиотека "Руниверс"

ставить таранчинскій говоръ какимъ-то хранилищемъ тюркскихъ архаизмовъ, вопреки необыкновенному новшеству многихъ явленій, часто безпримѣрныхъ въ фонетикѣ другихъ тюркскихъ нарѣчій и даже иногда въ корнѣ противныхъ этой фонетикѣ. Конечно, если уже такой говоръ, какъ таранчинскій, существуетъ, то его нельзя совсѣмъ игнорировать; съ нимъ надо считаться. Онъ, во всякомъ случаѣ, съ бо́льшимъ основаніемъ имѣетъ право занимать мѣсто въ тюркской фонетикѣ, нежели резьянскій говоръ, который ни съ того ни съ сего тоже попалъ въ фонетическую энциклопедію г. Радлова: изложенію фонетики резьянскихъ говоровъ посвященъ цѣлый параграфъ 76-й (стр. 49—50). Но едва ли можно отводить столь видное и самостоятельное мѣсто говору племени, происхожденіе котораго крайне смутнаго свойства,—развѣ только въ томъ случаѣ, если разсматривать всякій языкъ какъ самобытную стихію, независимую отъ органическихъ особенностей устройства рта и горла у людей, которые говорятъ на этомъ языкѣ, а напротивъ, заставляющую эти органы двигаться по условіямъ своей фонетической природы, не обращая вниманія на то, какого племени людямъ принадлежатъ эти органы. Не гораздо ли проще объяснить приведенные у г. Радлова примѣры общею склонностью сартовъ къ оканью (Пантусовъ, Op. cit., II, стр. 28, прим. 1; стр. 35, прим. 2—18, и др.) въ коренныхъ слогахъ, которое потомъ могло отразиться и на производственныхъ аффиксахъ, а не на оборотъ, какъ бы непремѣнно хотѣлось г. Радлову. Но ему это необходимо для того, чтобы воздвигнуть на этомъ дальнѣйшую теорію морфологическаго значенія сингармонизма гласныхъ (Phonetik, § 90), теорію, и раньше слегка высказывавшуюся лингвистами, но особенно настойчиво выдвинутую г. Бодуэномъ де-Куртенэ (Славянскій сборникъ, т. III, стр. 323) и очень понравившуюся г. Радлову.

Авторъ краткой рецензіи на Vergleichende Grammatik г. Радлова, помѣщенной въ Literarisches Centralblatt, г. Габеленцъ, считающійся вообще авторитетнымъ ученымъ по части фонетики, обратилъ въ сочиненіи г. Радлова вниманіе только на главу III-ю, какъ самую, говоритъ онъ, интересную съ исторической точки зрѣнія всеобщаго языкознанія. Но онъ отмѣтилъ этотъ интересный пунктъ только затѣмъ, чтобы отрицательно отнестись къ главнѣйшему научному положенію г. Радлова о тѣсной связи сингармонизма гласныхъ съ агглютинативнымъ процессомъ въ тюркскихъ языкахъ, указавъ на факты,

Библиотека "Руниверс"

противорѣчащіе этой теоріи (Literarisches Centralblatt, 1883 г., № 6, стр. 190).

Самыхъ тяжеловѣсныхъ аргументовъ, оправдывающихъ эту теорію, слѣдуетъ ожидать, конечно, въ слѣдующей части „Сравнительной Грамматики" г. Радлова, въ ученіи о морфологіи тюркскихъ языковъ; но и въ фонетической части своего изслѣдованія онъ уже успѣлъ высказаться на счетъ тѣхъ пріемовъ, которыхъ онъ намѣренъ держаться впослѣдствіи. О научномъ достоинствѣ этихъ пріемовъ мы можемъ судить по слѣдующему примѣру. Извѣстно, что самое важное значеніе въ тюркской фонетикѣ принадлежитъ гортаннымъ согласнымъ к и г, имѣющимъ разные оттѣнки въ выговорѣ, смотря по тому, въ какихъ они звуковыхъ комбинаціяхъ являются. Говоря безъ преувеличенія, двѣ трети отдѣла о согласныхъ звукахъ въ фонетикѣ г. Радлова принадлежатъ этимъ звукамъ, если взять въ разчетъ безпрестанныя спорадическія упоминанія о нихъ по разнымъ фонетическимъ вопросамъ. Вотъ въ главѣ о перемѣнѣ заднеязычныхъ (Hinterlinguale), какъ называются гортанные у г. Радлова, въ § 269, по поводу смягченія беззвучныхъ заднеязычныхъ въ окончаніи, зашла рѣчь объ аффиксѣ lyq, lik. Извѣстно, что этотъ аффиксъ, образующій отвлеченныя имена существительныя, тожественъ съ другимъ аффиксомъ ly, li, образующимъ имена прилагательныя. Послѣдній произошелъ изъ перваго чрезъ отпаденіе конечнаго гортаннаго, а употребленіе разрознило ихъ морфологическое значеніе, которое въ началѣ было одинаково, какъ это и видимъ еще теперь отчасти въ джагатайскомъ нарѣчіи. Напримѣръ, акыллы въ османскомъ значитъ „умный", но акыллыкъ уже значитъ „умъ", „мудрость" и т. п.; въ джагатайскомъ же послѣдняя форма имѣетъ значеніе первой. Въ османскомъ и нѣкоторыхъ другихъ нарѣчіяхъ такое значеніе удержалось, въ видѣ архаизма, лишь за извѣстными производными прилагательными, показывающими мѣру, напримѣръ: бешь гӱнлӱк — „пятидневный", и т. п. Далѣе извѣстно также, что звуковой характеръ этихъ аффиксовъ мѣняется согласно съ звуковымъ составомъ словъ, къ которымъ они приставляются: они звучатъ то твердо: *лы*, *лу*, *лык*, *лук*, то мягко: *ли*, *лю*, *лик*, *лӱк*, съ промежуточными еще оттѣнками, не выразимыми русскою транскрипціей. Твердость или мягкость предыдущаго гласнаго звука вообще отражается на весьма чувствительномъ конечномъ гортанномъ, который также звучитъ то тверже, то мягче, и въ иныхъ случаяхъ такъ, какъ будто послѣ него стояло наше ерь. Такъ это, по крайней мѣрѣ, въ кумыкскомъ и османскомъ нарѣчіяхъ. Кумыки

Библиотека "Руниверс"

говорятъ: герекъ, дикъ, суйледжекъ и др. (Татарская грамматика кавказскихъ нарѣчій, составленная Т. Макаровымъ. Тифлисъ. 1848 г. Стр. 51, 54, 80 и др.). Османлы говорятъ: „пекъ эи", что у нихъ сократилось даже въ „пекьи". Тотъ же самый законъ выговора управляетъ и смягченіемъ гортаннаго въ аффиксѣ ɨlk. Но г. Радлову недостаточно такой простой причины смягчаемости конечнаго гортаннаго. Ему нужна другая, которая соотвѣтствовала бы его предвзятой теоріи морфологическаго происхожденія фонетическихъ явленій. Причины этой однако, сознается онъ, нѣтъ на лицо (ist nicht vorhanden). Значитъ, надо выдумать ее. Онъ и выдумываетъ. А основаніемъ выдумки служитъ ему одно единственное слово (ein einziges Wort) въ джагатайскомъ нарѣчіи „jaqɨ (Feind, Krieg)—Tar. jeqɨ, Küär. jaɣ, Kirg. ɣaü, Alt. jü, Kkirg. jö, Abak. j'ü". На немъ онъ строитъ слѣдующій общій выводъ: „Здѣсь", говоритъ онъ, — „мы видимъ, что, вмѣсто разжиженнаго (verflüssigten) и вокализированнаго заднеязычнаго прочихъ діалектовъ, въ Средней Азіи и въ уйгурскомъ является слогъ *ki*, слѣдовательно (sic!), условіе смягченія и разжиженія *k* составляетъ слѣдующее *i*, которое въ прочихъ діалектахъ отпало" (Phonetik, § 269, стр. 180—181). И тотчасъ у него выходитъ, будто уже и очевидно, что таранчинское issiq (heiss), кара-кирг. yssyq, алт. üzü, кирг. issi; таранчинское tirik (lebendig), алт. tirü, киргизское tirI, слѣдуетъ разсматривать какъ сокращенныя формы имени дѣйствія на ɣy, gI". Вслѣдъ за этимъ выступаетъ на сцену опять таранчинскій діалектъ съ его мягкою формой аффикса ɨyq, lik, которыя даетъ г. Радлову не просто поводъ, а основаніе подводить этотъ аффиксъ подъ вышеозначенную произвольную категорію. Смягченность конечнаго гортаннаго, вовсе не исключительно принадлежащую одному таранчинскому діалекту, онъ тутъ приписываетъ никогда не бывалому, а только предполагаемому гласному звуку I, который будто бы долженъ былъ стоять послѣ *k*, да отпалъ со временемъ, такъ что образовательное окончаніе прилагательныхъ нѣкогда должно было звучать ɨyq∓y, а потомъ развилось въ ɨyɣ, ɨyg, ɨü, ɨy (Phonetik, § 269, стр. 180—181). Но что же это за звукъ *i*, который долженъ былъ быть, да пропалъ? Гдѣ взять его? Вотъ тутъ-то и начинается примѣненіе архиморфологической теоріи къ явленіямъ фонетическимъ. „Можетъ быть", говоритъ г. Радловъ въ пространномъ примѣчаніи,—„что вторая часть аффикса ɨyɣy есть мѣстоименный аффиксъ третьяго лица, слѣдовательно: ataɨyɣy = seine Vaterschaft. Прилагательное значеніе могло проявиться чрезъ выпаденіе

Библиотека "Руниверс"

bar; нѣкогда было: ataɫyγy bar kiši, точно также, какъ теперь еще говорятъ: atasy bar kiši (человѣкъ, у котораго есть отецъ)". Что же такимъ образомъ выходитъ? А то, что нѣкоторый, едва замѣтный въ выговорѣ, мягкій оттѣнокъ въ гортанномъ окончаніи аффикса ɫyq побудилъ г. Радлова сочинить цѣлую родословную для его объясненія, куда привлечена не только этимологическая морфологія, но и синтаксисъ: значитъ, сперва должно было существовать цѣлое предложеніе, въ которомъ наше относительное мѣстоименіе по турецки замѣняется притяжательнымъ аффиксомъ; затѣмъ это предложеніе должно было сократиться чрезъ отброшеніе глагола bar — „есть" и kiši „человѣкъ", и остался одинъ эпитетъ въ видѣ существительнаго имени съ мѣстоименнымъ афиксомъ ataɫyγy „его отеческое званіе"; наконецъ, пропалъ конечный гласный звукъ, оставивъ слѣдъ своего пребыванія въ смягченіи гортаннаго *k*; а потомъ ужь и *k* отпало. Сколь мало научной цѣлесообразности въ вышеприведенной лингвистической манипуляціи надъ тюркскимъ аффиксомъ и въ объясненіи чисто фонетическаго явленія изъ синтаксическаго эллипсиса,—это едва ли требуется еще доказывать: такой пріемъ въ изслѣдованіи фонетическаго вопроса съ помощью синтаксиса могъ быть только слѣдствіемъ крайняго увлеченія теоріей взаимной связи сингармонизма гласныхъ съ морфологическими процессами. Въ этомъ увлеченіи нашъ лингвистъ зашелъ такъ далеко, что даже усмотрѣлъ генеалогическую преемственность между твердо выговариваемымъ аффиксомъ ɫyγ и смягченною формою ɫyq: первый считается у него потомкомъ второго. Про сближеніе же аффикса ɫyγ съ монгольскимъ ɫuγa и говорить нечего: монголисты надъ этимъ сближеніемъ просто смѣются.

Ставъ однажды на такую дорогу въ рѣшеніи фонетическихъ вопросовъ, г. Радловъ уже не стѣсняется въ изобрѣтеніи фактовъ самаго сомнительнаго правдоподобія. Такъ, онъ заявляетъ, что одни и тѣ же слова на разныхъ степеняхъ своего фонетическаго развитія въ одномъ и томъ же діалектѣ могутъ употребляться въ разныхъ значеніяхъ. Въ силу этого будто бы въ киргизскомъ нарѣчіи слово saγaɫ „борода" звучитъ вообще твердо-гортанно; но употребленное, вмѣстѣ съ прилагательнымъ *aq* „бѣлый", въ значеніи „сельскаго старосты", оно уже измѣняется въ произношеніи и звучитъ уже мягче—saqaɫ (Phonetik, § 104, стр. 77). Правда, что, напримѣръ, мы тоже различаемъ формы слова „голова" и "глава" какъ въ звуковомъ, такъ и въ смысловомъ отношеніяхъ; но чтобы, напримѣръ, одно и то же слово „голова" произносилось

Библиотека "Руниверс"

обыкновенно „голова", когда говорится о части тѣла, такъ называемой, и обязательно выговаривалось бы съ сохраненіемъ характера звуковъ *о*, когда идетъ рѣчь, положимъ, о „городскомъ головѣ",—„это ужь слишкомъ хитро и неестественно. Самое существованіе двоякой формы sayał и saqał въ киргизскомъ нарѣчіи, по правдѣ говоря, не вѣроятно; а если даже и допустить звуковое измѣненіе въ этомъ словѣ, то объясненія этого измѣненія въ вышеприведенномъ примѣрѣ можно скорѣе, съ грѣхомъ пополамъ, искать въ фонетическомъ вліяніи прилагательнаго *aq*, какъ предыдущаго слога, сливающагося съ существительнымъ sayał, ибо и самое значеніе-то послѣдняго слова зависитъ тутъ отъ прибавки прилагательнаго имени *aq* „бѣлый", а не отъ какой-либо степени фонетическаго развитія существительнаго sayał „борода". Это ясно.

И подобныя произвольныя измышленія постоянно встрѣчаются въ „Vergleichende Grammatik" г. Радлова, или игнорирующаго, или не знающаго такихъ фактовъ, которые противорѣчатъ этимъ его измышленіямъ. Такъ, напримѣръ, въ трактатѣ объ отпаденіи конечнаго гласнаго въ „грамматическихъ дальнѣйшихъ образованіяхъ (Fortbildungen)" въ отдѣльныхъ словахъ разныхъ діалектовъ, онъ говоритъ: „Чувашское nipp̌e (eins) и татарскія формы birisy, pirzy доказываютъ, что вообще употребительное bir, pir (eins) возникло чрезъ отпаденіе гласнаго" (Phonetik, § 131). Вопервыхъ, что хотѣлъ сказать г. Радловъ, назвавъ формы birisy, pirzi „татарскими" (die tatarischen Formen), когда первая изъ этихъ формъ имѣетъ самое широкое употребленіе и въ османскомъ? А вовторыхъ, въ томъ же османскомъ нарѣчіи постоянно встрѣчается форма адамиси (его человѣкъ); доказываетъ ли это, что начальная форма, адам тоже образовалась чрезъ отпаденіе конечнаго гласнаго *и*? Не показываютъ ли (не говоримъ: доказываютъ) эти примѣры скорѣе удвоеніе одного и того же притягательнаго аффикса 3-го лица, являющагося въ обоихъ своихъ видахъ—въ видѣ *и* и въ видѣ *си*, а не отпаденіе кореннаго *и*, присутствіе котораго въ числительномъ *бир* „одинъ" ничѣмъ не подтверждается, а аналогическимъ примѣромъ адамиси даже прямо отрицается? Удвоенность же притяженія въ третьемъ лицѣ имѣетъ мѣсто и въ другихъ числительныхъ (Грамматика алтайскаго языка, § 61, пр. 1 на стр. 35).

Въ разсужденіи о смягчаемости конечнаго заднеязычнаго звука *к*, г. Радловъ изобрѣтаетъ и выдвигаетъ на первый планъ теорію различія въ этомъ отношеніи основъ именныхъ и глагольныхъ и

Библиотека "Руниверс"

прописываетъ такое морфологическо-фонетическое правило: „Если къ именнымъ основамъ (Nominalstämme), которыя оканчиваются на *q* и *k*, присоединяются аффиксы съ гласнымъ въ началѣ, то конечный беззвучный заднеязычный постоянно (stets) смягчается: qušaq, (поясъ) quša*γ*-ym; *aq, ax* (бѣлый) — адербейдж. a*γ*-ar (бѣлѣть); крым. säwdik (Geliebter)—säwdig-im". И далѣе: „Если начинающійся съ гласнаго звука аффиксъ присоединяется къ глагольнымъ основамъ (Verbalstämme), которыя оканчиваются на *q, k, x*, то эти беззвучные заднеязычные не смягчаются. Въ таранчинскомъ діалектѣ: *aq* (fliessen)—eq-ɪp, ... Въ османскомъ и крымскомъ діалектахъ: baq (schauen) — baq-arym, baq-y; čyq (herauskommen) — čyq-armadyłap (sic), čoq-ułmaq (sic)"... (Phonetik, § 322).

Эти два сочиненныя г. Радловымъ правила состоятъ изъ однихъ неправильностей. Вопервыхъ, что за османская форма čyq-armadyłap? Въ извѣстныхъ намъ грамматикахъ таковой формы не отыскивается. Не существуетъ также и формы čoq-ułmaq, а есть čo*γ*-ałmaq, о чемъ можно справиться въ любомъ турецкомъ словарѣ— Бьянки, Ценкера, Будагова и т. д. и у Viguier (Éléments de la langue turque, p. 406). Слѣдовательно, этотъ примѣръ приведенъ г. Радловымъ неумѣстно и противъ себя самого. Къ счастью еще его, что онъ ошибся, не распознавъ въ основѣ čoq (значитъ: „много" и „многій"), что она именная (Nominalstamm) по его классификаціи, а не глагольная (Verbalstamm), и смягчаетъ гортанную во всякомъ случаѣ, стоитъ ли она въ одиночку, или образуетъ съ суффиксомъ *ał* (čo*γ*ał) основу глагольную. Но все же это, вовторыхъ, не поправляетъ дѣла и не подкрѣпляетъ фонетическаго закона, сочиненнаго г. Радловымъ: въ числѣ именныхъ основъ (Nominalstämme) мы ему приведемъ многія, которыя не подчиняются вышеозначенному закону, напримѣръ, bôk (fiente), *ôk* (flèche), kieuk (racine) etc. (Grammaire raisonnée de la langue Ottomane, par J. W. Redhouse. Paris. 1846. § 172; Grammaire élémentaire de la langue Ottomane, par Nèdjîb. Constantinople. 1870, § 41).

Ясно, что тутъ сила не въ принадлежности тѣхъ или другихъ основъ къ именнымъ или глагольнымъ основамъ, какъ бы это желательно было для предвзятой морфологическо-фонетической теоріи г. Радлова, а въ ихъ односложности или многосложности. Односложныя звукосочетанія съ гортаннымъ на концѣ, чаще всего встрѣчающіяся въ категоріи глагольныхъ основъ, менѣе подвержены требованію смягченія этого гортаннаго звука, чѣмъ звукосочетанія много-

Библиотека "Руниверс"

сложныя, преимущественно встрѣчающіяся въ разрядѣ именныхъ основъ. Да и тутъ есть огромное исключеніе: это всѣ слова съ конечнымъ гортаннымъ звукомъ, взятыя изъ арабскаго языка, чего г. Радловъ совершенно не подозрѣвалъ, кажется.

По поводу отпаденія звонкаго согласнаго г. Радловъ заявляетъ, что это отпаденіе весьма рѣдко, и что онъ нашолъ только (nur angetroffen): „1) отпаденіе звука *L* въ nīk (leicht)=jänīl, 2) отпаденіе звука *R* въ окончаніяхъ, которыя произошли чрезъ искаженіе вспомогательнаго глагола tur, напримѣръ, киргизское aɬ-a-dy=aɬ-a-dyr, kör-ö-dü=körö-dür" (Phonetik, § 297).

Первый изъ приведенныхъ у г. Радлова примѣровъ можно, пожалуй, признать однимъ изъ очень рѣдкихъ, только развѣ относительно невѣроятной натяжки, съ которой отожествлены тутъ слова nīk и jänīɬ: въ звуковомъ составѣ ихъ столь мало общаго, что одно считать произведеніемъ другого не представляется никакой раціональной возможности. Если еще сколько-нибудь сносно было бы сближеніе nīk, то развѣ со словомъ онѓой (Грамматика алтайскаго языка, стр. 48, подъ словомъ легкій); а ужь изъ jänīɬ его можетъ выкроить только ученая развязность г. Радлова. Вмѣсто этой натяжки лучше было бы ему обратить вниманіе на двоякость формы мѣстоименія *ол* и *о*, о которой говорится въ Jakutische Grammatik Бетлинга (§ 227), гдѣ онъ кстати нашелъ бы и другіе примѣры отпаденія конечнаго *л*, называемаго у него sehr selten. Въ той же грамматикѣ, которую такъ любитъ цитовать г. Радловъ, онъ могъ бы справиться и на счетъ другой открытой имъ рѣдкости—отпаденія конечнаго *р*. Надобно только удивляться, какъ онъ могъ упустить изъ виду такой весьма важный случай въ тюркской фонетикѣ, на который Бетлингъ не одинъ разъ обращалъ вниманіе въ своихъ изслѣдованіяхъ: мы разумѣемъ форму дательнаго падежа мѣстоименій ангар, бунгар, шунгар, которая только какъ архаизмъ еще встрѣчается въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, между прочимъ и въ команскомъ [1]), а обыкновенно-то звучитъ теперь: анга, бунга, шунга, или еще короче: ана, буна, шуна (Bulletin hist.-phil. de l'Académie de St.-Pétersbourg. T. V. S. 298, 338, 366. Jakutische Grammatik, стр. 275).

Такихъ рѣдкостей, свидѣтельствующихъ о достоинствѣ научныхъ

[1]) А о языкѣ Кумановъ г. Радловъ написалъ еще отдѣльное изслѣдованіе (приложеніе къ XVIII тому *Записокъ Имп. Академіи Наукъ*. № 4).

Библиотека "Руниверс"

пріемовъ г. Радлова, много можно найдти въ его „Сравнительной грамматикѣ". Приведемъ напослѣдокъ еще одинъ курьезъ. Въ гл. XVII—объ ассимиляціи и удвоеніи корней—въ § 465, 5, онъ между прочимъ утверждаетъ, что будто бы повтореніе словъ съ прибавкою звука *м* въ началѣ слова, начинающагося съ гласной, или съ перемѣною всякаго другаго начальнаго согласнаго на это *м* (at—mat, tuz—muz), свойственно только киргизскому нарѣчію, а „въ западныхъ и южныхъ діалектахъ оно ограничивается отдѣльными случаями". Это звукосочетаніе служитъ для неопредѣленнаго указанія предметовъ, принадлежащихъ къ одному роду, но не стоющихъ индивидуальнаго обозначенія въ рѣчи. Мы не понимаемъ, почему г. Радловъ считаетъ эту форму принадлежностью одного киргизскаго нарѣчія, когда она употребляется всѣмъ населеніемъ Астраханской губерніи безъ различія національностей, и преимущественно въ ходу у тамошнихъ Татаръ, отъ которыхъ она, безъ сомнѣнія, и перешла къ Киргизамъ. А получило такую популярность это выраженіе именно въ этой мѣстности потому, что оно обязано своимъ происхожденіемъ персидскому языку. Въ послѣднемъ существуетъ соединеніе двухъ синонимовъ, изъ коихъ второй только и является въ подобномъ сочетаніи, въ отдѣльности же вовсе не употребляется, напримѣръ, тар-мар. Если хотѣть непремѣнно доискиваться значенія начальнаго *м* во второмъ членѣ этого сочетанія, то его можно, пожалуй, сблизить съ отрицательною частицею персидскою. Въ такомъ случаѣ подобныя выраженія должны служить приблизительнымъ обозначеніемъ предметовъ извѣстнаго рода: „лошадь не лошадь", и „соль не соль", а что-то въ томъ родѣ. (Ср. Vullers, Grammatica linguae persicae. Gissae. 1880. § 275, 278). Г. Радловъ же этому общеизвѣстному выраженію даетъ такое объясненіе: „Эта редупликація возникла конечно (gewiss) чрезъ вставку вопросительной частицы" (турецкой, разумѣется), слѣдовательно *at mat=at my at*". Переведя это выраженіе, оставленное у г. Радлова безъ перевода, мы получимъ: „лошадь ли лошадь?", то-есть, безсмысленный вопросъ, котораго, мы увѣрены, и Киргизъ не сдѣлаетъ.

Если указанныя нами въ „Сравнительной грамматикѣ" г. Радлова ученые пріемы могли бы быть поставлены въ упрекъ всякой подобной работѣ, то для грамматики г. Радлова эта укоризненность получаетъ высшую степень, вслѣдствіе той самоувѣренности, того высокомѣрія, съ которымъ онъ импонируетъ своимъ „я", инкриминируя промахи другихъ подобныхъ ему фонетиковъ-эквилибристовъ и третируя скромные труды людей, не претендующихъ ни на авторитетъ,

Библиотека "Руниверс"

ни на громкую извѣстность. Посвятивъ цѣлыхъ десять страницъ (141—150) глумленію надъ Вамбери, г. Радловъ произноситъ слѣдующій приговоръ надъ нимъ: „Метода Вамбери столь мало покоится на научныхъ принципахъ, что она не можетъ повести ни къ какимъ результатамъ“ (§ 203, стр. 150). Такое строгое осужденіе методы венгерскаго ученаго послѣдовало за то, что онъ въ своемъ „Etymologisches Wörterbuch der turko-tatarischen Sprachen“ (Leipzig. 1878) даетъ такія словопроизводства, дѣлаетъ такія фонетическія сближенія, которыя авторъ „Vergleichende Grammatik“ находитъ то künstlich, то zu gewagt, то mehr als kühn и т. п. А между тѣмъ собственныя этимологическія измышленія г. Радлова сплошь и рядомъ точно такого же свойства и съ полнымъ правомъ могутъ оспаривать у Вамбери вышеприведенные эпитеты—künstlich, kühn и т. п. Вотъ, напримѣръ, что̀ мы находимъ у г. Радлова въ одной подстрочной замѣткѣ: „Vambéry's Zusammenstellungen sind oft mehr als kühn; so stellt er unter Kap (S. 77). der Wurzel des Anschwellens, Hohlseins, qapčyq, das Deminutiv des S. 65 aufgeführten qap (Sack) mit qaptal (Oberkleid) zusammen, welches nur ein verdorbenes russisches (sic!!) кафтанъ ist“ (Vergl. Grammatik, стр. 142). Кафтанъ—русское слово! И это говоритъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ туранскихъ языковъ!

Въ довершеніе иллюстраціи фонетической эквилибристики г. Радлова приведемъ еще одинъ забавный случай. Говоря о томъ, что особенно часто встрѣчается перемѣна между губнымъ взрывнымъ звукомъ *b* и *p* и звонкимъ губно-носовымъ (sonoren labialen Nasallaute—тоже, вѣдь, тонкость!) *m*, съ извѣстнымъ количествомъ примѣровъ, г. Радловъ дѣлаетъ слѣдующее добавленіе: „Этотъ переходъ мы находимъ въ чужензычныхъ словахъ: русское печь въ каз. miċ... Сюда принадлежитъ также встрѣчающееся во всѣхъ сѣверныхъ діалектахъ myltyq (Flinte), Тел. multyq, Тар. miltiq, которое въ Алтайскомъ звучитъ pultyq [1]). Я считаю здѣсь *p* первоначальнымъ звукомъ, такъ какъ я это произвожу отъ алт. тел. pulta, кирг. multa, тар. piltä (Laute), которое конечно произошло изъ русскаго фитиль (welches gewiss aus dem russischen фитиль entstanden ist“ (Phonetik, § 206). Къ этому присоединяется еще такое подстрочное примѣчаніе: „Ружья всѣхъ сибирскихъ и среднеазіат-

[1]) Въ русско-алтайскомъ словарѣ однако же читаемъ: „ружье *мылтык*“, а не *пылтык* (Грамматика алт. языка, Русско-алт. словарь, стр. 99).

Библиотека "Руниверс"

скихъ Татаръ фитильныя. Огнестрѣльное оружіе введено здѣсь впервые въ послѣднія два столѣтія и вездѣ (überall) чрезъ посредство русскихъ. Южные діалекты, которые узнали объ огнестрѣлькомъ оружіи не чрезъ посредство Русскихъ, не знаютъ слова mylтyq" (Phonetik, стр. 152, прим.). Такое длинное разглагольствіе по поводу одного какого-нибудь татарскаго слова mylтyq только и можно объяснить желаніемъ г. Радлова блеснуть при этомъ случаѣ многосторонностью своихъ познаній археологическихъ, лингвистическихъ и т. д. Чего, чего только тутъ нѣтъ: будто огнестрѣльное оружіе къ Татарамъ перешло вездѣ отъ Русскихъ; будто южныя нарѣчія не знаютъ слова mylтyq; будто это слово произошло изъ слова фитиль и, въ заключеніе, будто слово „фитиль" есть, конечно, русское. Мы ужь не принимаемъ въ разчетъ перевода слова pulta, multa, piltä нѣмецкимъ Laute „лютня": это, должно быть, опечатка вмѣсто Lunte-„фитиль", которой г. Радловъ не замѣтилъ, увлекшись своими лингвистическими экзерциціями. Не лучше ли было г. Радлову ограничиться другими сближеніями слова pulta, которыя сдѣланы имъ по другому случаю въ § 106, на стр. 78? Тамъ стоитъ: „pulta (Bar.) die Backen aufblasen, pultuq (Alt.) angeschwollen". Тогда можно было бы, пожалуй, толковать форму pultuq, или ея видоизмѣненіе multuq въ смыслѣ аналогическомъ съ русскимъ дуло, какъ называется руженный стволъ обыкновенно. Но г. Радлову лучше нравится производить татарское multyq отъ русскаго (sic) фитиль. Что „фитиль" слово не русское, это всѣмъ Русскимъ или хорошо знающимъ русскій языкъ извѣстно; а что оно арабское—это могутъ знать только оріенталисты, которые знакомы и съ письменнымъ языкомъ (Schriftsprache) турецкимъ, такъ рѣшительно осужденнымъ г. Радловымъ на пренебреженіе. Далѣе, если слово мылтык необходимо производить отъ какого-либо чужеязычнаго слова, то ужь никакъ не отъ фитиль, а скорѣе отъ арабскаго бундук-„ядро", „пуля", „ружье" (Kazimirski, Dictionnaire Arabe-Français. Paris. 1846. I, 167; Zenker, Dictionnaire Turc-Arabe-Persan. Leipzig. 1866. I, 211; Будаговъ, словарь, стр. 789, подъ словомъ фундук). Въ османскомъ это слово иногда употребляется въ значеніи пули, пушечнаго ядра; въ ново-арабскомъ этимъ словомъ также называется „Bastard, Flinte, Musskete, (Wahrmund, Handwörterbuch d. arab. Sprache. Giem. 1877. I, S. 259). Отъ кого получили ружье Кумыки, мы не знаемъ, но кумыкское нарѣчіе знаетъ слово мултук; а оно въ классификаціи г. Радлова относится къ южнымъ (Phonetik, стр. 291). Какимъ образомъ араб-

Библиотека "Руниверс"

ское слово для обозначенія ружья получило распространеніе у нѣкоторой части Тюрковъ, пока съ точностью сказать трудно; но фонетическое сродство мултук съ бундук возможно, а потому очевидна и вычурность сближенія этого слова съ фитиль, для котораго нѣтъ на лицо ни филологическихъ ни иныхъ какихъ-либо основаній.

Не стоило бы, повторяемъ, такъ долго останавливаться на такихъ пустякахъ, еслибъ авторъ Vergleich. Grammatik der Türksprachen самъ не проявлялъ наклонности щеголять такими пустяками, выставляя ихъ какъ нѣчто важное и необыкновенное и тѣмъ пуская еще больше пыли въ глаза почитателямъ его лингвистическаго таланта.

Выставляя вездѣ на видъ свое „я", онъ или пренебрежительно относится къ тому, что̀ сдѣлано другими: (такъ, напримѣръ, по поводу малоазіатскихъ нарѣчій онъ говоритъ, что о нихъ трудно узнать многое изъ „höchst verworrenen Arbeit Maksimoff's" (Phonetik, § 168); или меланхолически сѣтуетъ на недостачу матеріала для изслѣдованія южныхъ нарѣчій (§ 417) и, упрекнувъ туркологовъ за то, что они не тѣмъ занимаются, чѣмъ бы слѣдовало, въ заключеніе призываетъ ихъ къ покаянію, восклицая: „Möchten doch meine lautlichen Untersuchungen die Turcologen dazu veranlassen, anstatt der Schriftsprache mehr die Sprache des gemeines Volkes zu beobachten!" (Phonetik, стр. 179, прим.). Въ другомъ мѣстѣ онъ самохвально заявляетъ: „*Я* начинаю рядъ южныхъ діалектовъ съ крымскаго, потому что это единственный южный діалектъ, который *я самъ* изслѣдовалъ въ звуковомъ отношеніи (lautlich) и притомъ по произношенію говорящихъ по турецки караимовъ" (Phonetik, § 166), которые не знакомы съ турецкимъ письменнымъ языкомъ (Phonetik, § 75).

Всѣ эти сѣтованія, упреки и заявленія г. Радлова о своихъ собственныхъ научныхъ подвигахъ вызывали бы, можетъ быть, великое уваженіе къ заслугамъ великаго лингвиста, еслибъ они выражались не въ такой наивно кичливой формѣ, и если бы при этомъ въ его „Фонетикѣ" не встрѣчалось неоднократныхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ того, что эти высокопарныя фразы прикрываютъ только легкомысліе автора. Эти доказательства мы видимъ въ тѣхъ грубыхъ искаженіяхъ турецкихъ словъ, которыя были бы рѣшительно немыслимы, еслибъ онъ бралъ ихъ изъ языковаго источника, имъ самимъ, какъ онъ говоритъ, непосредственно изслѣдованнаго. Напротивъ того, есть всѣ данныя утверждать, что онъ не воспользовался какъ слѣдуетъ и тѣмъ матеріаломъ, на скудность котораго притворно жалуется. Если нѣтъ матеріала для фонетики, положимъ, южныхъ тюрк-

Библиотека "Руниверс"

скихъ нарѣчій, то, по логикѣ здраваго смысла, нечего было и трогать эту невѣдомую область, съ хвастливымъ нарушеніемъ собственной программы, поставленной авторомъ въ заглавіи: „Phonetik der Nördlichen Türksprachen". Но что за дѣло г. Радлову до логики! Забывъ на время, что онъ будетъ жаловаться на бездѣйствіе туркологовъ, онъ заявляетъ, что „для османскаго передъ нимъ лежитъ превосходная грамматика Вигье—Viguier, Eléments de la langue turque (а не „Grammaire turque", какъ по небрежности цитуетъ г. Радловъ) Constantinople. 1790 (Phonetik, § 18). И мы скажемъ, что грамматика Вигье превосходная, только прибавимъ: для того времени, когда она была написана, то-есть, когда еще въ наукѣ языкознанія не было и тѣни тѣхъ тонкихъ фонетическихъ требованій, какія составляютъ, можно сказать, культъ современныхъ лингвистовъ, къ которымъ причисляетъ себя и г. Радловъ. Но г. Радловъ, пожаловавшись на бездѣятельность туркологовъ, счелъ достаточнымъ ограничиться въ своихъ лингвистическихъ упражненіяхъ вышеозначенною грамматикою Вигье да еще грамматикою Пфицмайера, какъ будто была настоятельная крайность поспѣшить какими ни на есть выводами на счетъ южныхъ тюркскихъ нарѣчій, даже, повторяемъ, не входившихъ въ первоначальную программу его изслѣдованія. Оттого-то у него и вышло, что южныя нарѣчія, въ отношеніи количества гласныхъ звуковъ, стоятъ на одной степени развитія съ телеутскимъ (Phonetik, § 18). Оттого-то онъ и насчитываетъ въ османскомъ нарѣчіи всего только восемь гласныхъ звуковъ (ibidem), вмѣсто дѣйствительныхъ четырнадцати. Не наша обязанность указывать „знатоку туранскихъ языковъ", гдѣ ему было искать средствъ для избѣжанія вышеозначенной несообразности; но думаемъ, что первое средство—это меньшая самоувѣренность и благоразумная воздержность въ трактованіи о нарѣчіяхъ, про которыя онъ самъ говоритъ, что они еще unerforscht. Да и что̀ онъ собственно хочетъ сказать этимъ словомъ? Онъ, напримѣръ, и про нарѣчіе кашгарское и яркендское говоритъ, что оно unerforscht (Phonetik, стр. 290), игнорируя Grammar of the Language of Eastern Turkistan, by R. B. Shaw, или даже не зная о существованіи этой грамматики. Намъ кажется, что для его экзерцицій достаточно только вѣрныхъ транскрипцій образцовъ того или другаго нарѣчія. А въ этомъ отношеніи онъ былъ порядочно обезпеченъ: та же грамматика Вигье содержитъ въ себѣ пропасть языковаго матеріала въ условной транскрипціи, довольно выдержанной и послѣдовательной. Мы только одного не понимаемъ: съ чего г. Радловъ взялъ, будто османское

Библиотека "Руниверс"

разговорное нарѣчіе до такой степени отлично отъ письменнаго, хотя бы представленнаго въ транскрипціи, что ужь имъ и пользоваться нельзя для фонетическихъ изслѣдованій? Это, впрочемъ, извинительно для человѣка, который самъ сознается, что онъ не знаетъ того предмета, о которомъ все-таки берется трактовать. Но дѣло въ томъ, что онъ и съ имѣвшимся у него подъ руками матеріаломъ не хотѣлъ или не могъ справиться надлежащимъ образомъ, удовольствовавшись нареканіями на другихъ туркологовъ, которыя должны представить его мастеромъ творить изъ ничего.

Вотъ нѣсколько примѣровъ тѣхъ фонетическихъ искаженій турецкихъ словъ, которыхъ г. Радловъ могъ бы избѣжать, даже имѣя въ рукахъ одну только грамматику Вигье и не нуждаясь въ наблюденіи надъ народною османскою рѣчью, которой „онъ не имѣлъ случая наблюдать“ (Phonetik, § 393).

Преслѣдуя г. Вамбери за одно словосближеніе, самъ г. Радловъ приводитъ слово däqärmän (мельница), выдавая его за османское (Phonetik, стр. 150), тогда какъ у Вамбери это слово имѣло совершенно правильный видъ—dejirmen. У Вигье (стр. 406) тоже стоитъ dèyirmèn. Точно также османское слово sümük (кость) г. Радловъ передѣлалъ въ sumäk (Phonetik, § 343), отнеся первую, настоящую-то форму его только къ числу разныхъ Schreibweise этого слова въ одномъ джагатайскомъ сочиненіи.

Въ примѣръ перемѣны между звонкими согласными *r* и *l* онъ приводитъ: „dshag. tirim (Bruchstück), osm. dyrym“ = dschag. tilim“ (Phonetik, § 343). Мы желали бы знать, въ какомъ османскомъ словарѣ нашелъ онъ слово dyrym съ значеніемъ Bruchstück. Точно также мы были бы очень благодарны г. Радлову, еслибъ онъ указалъ намъ источникъ, гдѣ онъ отыскалъ форму baćaq (halb), тоже будто бы османскую (Phonetik, § 356), когда вездѣ, въ томъ числѣ и въ „превосходной“ грамматикѣ Вигье (стр. 374), это слово звучитъ boutchouq. Слово syrt передѣлано у г. Радлова въ sirt, qylyč въ kilić (Phonetik, § 201) и т. д.

Все это мелочи, но только не въ такой мелочной наукѣ, какъ фонетика, и въ частности не для г. Радлова, который самъ такъ строгъ къ другимъ за ошибки въ подобныхъ мелочахъ.

Особенно безцеремонно обращается г. Радловъ съ произношеніемъ иноязычныхъ словъ, которыя взяты имъ изъ презрѣннаго Schriftsprache и приводятся съ параллельными арабскими начертаніями. Мы ужь не станемъ оспаривать такихъ сомнительныхъ даже

Библиотека "Руниверс"

и для таранчинскаго діалекта явленій, какъ выговоръ слова ăxmaq (дуракъ), которое во всѣхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ выговаривается твердо axmaq, ибо не содержитъ въ себѣ причинъ къ смягченію, какое констатируетъ г. Радловъ для Таранчей (Phonetik, § 73, стр. 46); но будто бы въ крымскомъ нарѣчіи нѣкоторыя общеизвѣстныя арабскія слова выговариваются такъ, какъ значится въ транскрипціи г. Радлова: daxil, zalim, hörmöt, räšüwüt и др. (Phonetik, § 166)—это уже чистое сочинительство или недослышка г. Радлова, который иногда бываетъ, впрочемъ, столь невзыскателенъ въ своихъ фонетическихъ наблюденіяхъ, что принимаетъ въ соображеніе даже выговоръ отдѣльныхъ субъектовъ—wenigen Individuen (Phonetik, § 52), einzelnen Individuen (Phonetik, § 126). Не удивительно, что эти индивидуумы ему насказали такихъ словъ, какъ bäxt и bäxit (Phonetik, § 125) вм. baxt и baxyt, или mäni, bädä и тому подобныхъ чудесъ, про которыя г. Радловъ говоритъ, что они существуютъ во всѣхъ діалектахъ—in allen Dialecten, изображая собою примѣры протяженія краткихъ гласныхъ (Phonetik, § 110).

Если, слѣдуя такой системѣ, начать наблюдать выговоръ отдѣльныхъ субъектовъ, да еще, по счастью, попасть все на субъектовъ, страдающихъ разными пороками косноязычія, то можно надѣлать самыхъ удивительныхъ фонетическихъ открытій, которыя дадутъ матеріала на изслѣдованіе вдвое больше того, какое написалъ г. Радловъ.

Погоня за всеобъемлемостью своей фонетики, при завѣдомомъ недостаткѣ средствъ для достиженія этой всеобъемлемости, повела г. Радлова ко многимъ существеннымъ недостаткамъ въ этой фонетикѣ—къ неравномѣрности въ частяхъ сочиненія, къ неодинаковой полнотѣ разсмотрѣнія тѣхъ или другихъ фонетическихъ вопросовъ по отдѣльнымъ нарѣчіямъ, отчего иныя статьи растянуты и загружены примѣрами, по другимъ же статьямъ, и притомъ весьма важнымъ, встрѣчаются лишь одни голословные афоризмы или разсужденія автора, не подкрѣпляемые фактами, какъ напримѣръ, Uebersicht der Erscheinungen der Vocalharmonie или Die Vocale in Zusatzbilden. Пренебреженіе же логикою нерѣдко вводитъ автора въ самопротиворѣчія и дозволяетъ ему дѣлать даже путаницу статей, иногда расположенныхъ у него въ порядкѣ, противоположномъ программѣ, раньше самимъ же имъ устанавливаемой, какъ напримѣръ, въ §§ 43—59.

Но труда, безъ сомнѣнія, много потрачено г. Радловымъ на свою фонетику: надо было много имѣть досуга и кропотливой усидчивости, чтобы подобрать такую массу всякихъ тюркскихъ и нетюркскихъ

Библиотека "Руниверс"

словъ и нанизать ихъ на теоретическія нитки, предназначенныя къ образованію большой фонетической сѣти, въ которой на каждомъ шагу есть опасность запутаться. Соображенія г. Радлова, разчитанныя на остроумность, сплошь и рядомъ еще нуждаются, для ихъ признанія, въ болѣе вѣскихъ доказательствахъ; выводы его зачастую слишкомъ смѣлы, не будучи основаны на достаточномъ количествѣ данныхъ. Какъ сборникъ фонетическаго матеріала, книга его, конечно, будетъ не безполезна; но, какъ методика въ лингвистическомъ изслѣдованіи тюркскихъ языковъ, она оставляетъ желать еще очень и очень многаго: мы еще не положимъ ее на столъ, какъ Jakutische Grammatik академика Бетлинга.

По всѣмъ высказаннымъ причинамъ мы съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ и интересомъ будемъ ждать и желать скорѣйшаго появленія въ свѣтъ словаря г. Радлова къ изданнымъ имъ текстамъ, а не морфологіи тюркскихъ нарѣчій, долженствующей составить вторую часть его „Vergleichende Grammatik der Nördlichen Türksprachen".

В. Смирновъ.

Новый взглядъ на жизнь и дѣятельность Григорія Цамблака.

Episcop Melchisedec. Viéța și scrierile lui Grigorie Tamblac (*Епископъ Мелхиседекъ.* Жизнь и сочиненія Григорія Цамблака. Bucuresci. 1884.

Въ послѣднее время румынская литература стала обогащаться по преимуществу изданіями и сочиненіями по исторіи отечественной словесности. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Румынская академія предприняла изданіе вновь и перепечатку произведеній старинной румынской литературы съ цѣлью собирать матеріалъ для словаря румынскаго языка. Кромѣ того, она издаетъ нѣсколько сборниковъ румынскихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ въ разныхъ румынскихъ краяхъ. Члены академіи и другіе румынскіе ученые старательно взялись за разработку отдѣльныхъ вопросовъ по исторіи отечественной литературы и народной словесности. Одинъ изъ темныхъ вопросовъ въ этой области составляютъ жизнь и произведенія Григорія Цамблака, одного изъ славяно-румынскихъ дѣятелей, по преимуществу литературныхъ, XV вѣка.

Въ русской церковно-исторической литературѣ существуютъ уже нѣсколько статей о Григоріѣ Цамблакѣ, но до настоящаго времени

Библиотека "Руниверс"

вопросъ о его жизни и литературной дѣятельности не только не разрѣшенъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе запутанъ, какъ можно отчасти видѣть изъ статьи о немъ, печатающейся въ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ текущаго года; тутъ, напримѣръ, факты жизни и дѣятельности Цамблака переставлены такъ, что послѣдующее сдѣлалось бывшимъ ранѣе, и на оборотъ.

Не смотря на то, что у Румыновъ Григорій Цамблакъ игралъ большую роль, и что съ его именемъ связаны весьма важные моменты въ исторіи Румынскаго народа, однако до сихъ поръ румынскіе ученые не обращали почти никакого вниманія на этого дѣятеля, главнымъ образомъ потому, что онъ принадлежалъ къ славянскому періоду въ исторіи литературы у Румыновъ, и матеріалы, содержащіе въ себѣ данныя объ его жизни и литературной дѣятельности, по преимуществу славянскіе и мало кому доступны изъ нынѣшнихъ румынскихъ ученыхъ; а между тѣмъ эти данныя проливаютъ ясный свѣтъ на главнѣйшія стороны жизни и дѣятельности Цамблака. Изучающій этого духовнаго писателя долженъ быть хорошо знакомъ не только съ румынскимъ языкомъ, но и со старинною литературой и вообще съ прошлымъ Румыновъ, въ особенности Молдавіи, гдѣ Цамблакъ жилъ и дѣйствовалъ, можетъ быть, большую часть своей жизни, и въ то же время долженъ хорошо знать и православное славянство, и вообще православный юго-востокъ Европы XV вѣка. Такимъ лицомъ является въ настоящее время, хотя въ нѣкоторой степени преосвящ. Мелхиседекъ, епископъ Романскій въ Молдавіи.

Преосвящ. Мелхиседекъ, воспитанникъ Кіевской духовной академіи, можетъ быть, самый достойный и просвѣщенный изъ іерарховъ Румынской церкви; онъ стоитъ почти одинокимъ среди не образованныхъ большею частью представителей румынскаго духовенства. Въ одномъ только упрекаютъ преосвящ. Мелхиседека—въ томъ, что при секуляризаціи монастырскихъ имѣній при князѣ Кузѣ онъ, будучи членомъ коммиссіи для принятія монастырскихъ актовъ и документовъ на имѣнія, отнесся не съ подобающею серьезностью къ памятникамъ румынской старины, изъ которыхъ многіе погибли въ это время или же попали въ очень ненадежныя руки, и что онъ чрезмѣрно строго обращался съ нѣкоторыми лицами изъ чернаго духовенства, не пользовавшимися благоволеніемъ тогдашняго правительства за упорное отстаиваніе своихъ правъ на секуляризуемое имущество. Это обвиненіе, не лишенное однако пристрастія, под-

Библиотека "Руниверс"

держивается главнымъ образомъ тѣмъ, что нѣкоторые изъ потерпѣвшихъ еще живы, да и самыя событія еще слишкомъ недавни. Но наступитъ время, когда дѣла коммиссіи представятся въ болѣе ясномъ свѣтѣ, и вина преосвящ. Мелхиседека значительно уменьшится.

Ученые труды его по литургикѣ, гомилетикѣ, апологетикѣ и, главнымъ образомъ, по церковной исторіи Румыновъ еще въ 1870 г. доставили ему (и только ему одному изъ всѣхъ іерарховъ Румынской церкви) кресло въ Румынской академіи, въ которой онъ донынѣ остается однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ по историческому отдѣленію. Изъ историческихъ трудовъ его особенно выдаются: „Chronica Hustilor si a episcopiei cu aseminea numire“ (Историческо-хронологическое описаніе Гушской епархіи—Bucuresci. 1869), „Chronica Romanului si a episcopiei de Roman“ (Историческо-хронологическое описаніе Романской епархіи.—Bucur. 1874—1875. Двѣ части), въ которыхъ есть много данныхъ для исторіи Юго-западной Россіи и южныхъ Славянъ, и „Lipovenismului adică schismaticii séu rascolnicii si ereticii rusesci“ (Липованство, то-есть, русскіе схизматики или раскольники и еретики. Bucur. 1871), трудъ, написанный на основаніи русскихъ и румынскихъ данныхъ, и потому важный и для русскихъ изслѣдователей раскола. Для славистовъ не менѣе важно прекрасное описаніе путешествія епископа Мелхиседека по буковинскимъ монастырямъ (O visită la câte-va mănăstiri si biserici antice din Bucovina въ Revista pentru istorie, archeologie si filologie, изд. Точилеску въ Букурештѣ. Т. I и II и отдѣльно: Bucuresci. 1883). Въ послѣднее время преосвящ. Мелхиседекъ выступилъ самымъ ярымъ борцомъ за права Румынской церкви противъ поползновеній католиковъ и протестантовъ, которыхъ дерзость принимаетъ нынѣ въ Румыніи характеръ довольно внушительный (Studiĭ despre ierarchia si institutiunea sinodală în biserica orthodoxa a rĕsăritului în genere si despre ierarchia si institutiunea sinodală în beserica orthodoxă română în specială. Bucur. 1883 и Papismul si starea actuală a bisericei orthodoxe în Regatul României. Buc. 1883). Послѣдній трудъ преосвящ. Мелхиседека—о Григоріѣ Цамблакѣ (напечатанный сперва въ Analele Academiei Române. Ser. II, t. VI, s. II, и затѣмъ въ органѣ св. румынскаго синода Biserica Orthodoxa Română. An. VIII) отличается, кромѣ обстоятельности изслѣдованія, еще и ориги-

Библиотека "Руниверс"

нальною постановкой вопроса и очень правдоподобнымъ его рѣшеніемъ. Сочиненіе преосвящ. Мелхиседека о жизни и дѣятельности Цамблака состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) о родѣ и мѣстѣ происхожденія и воспитанія Цамблака; 2) о времени перваго его пришествія въ Молдавію; 3) о митрополитѣ Кипріанѣ, дядѣ Цамблака; 4) о митрополіи Цамблака; 5) о пребываніи его въ Сербіи; 6) о второмъ пришествіи его въ Молдавію; 7) о его литературной дѣятельности, и 8) о молдавскомъ преданіи о Григоріѣ Цамблакѣ. Матеріалами автору служили: 1) сочиненія Цамблака, хранящіяся въ русскихъ, сербскихъ и молдавскихъ библіотекахъ; 2) произведенія русскихъ писателей о Русской церкви и духовной литературѣ XV в. и 3) молдавскія лѣтописи и историческія записи въ старыхъ книгахъ, хранящихся въ Молдавіи. На основаніи этихъ данныхъ авторъ приходитъ къ заключенію, что „Цамблакъ былъ задунайскій Румынъ, родившійся въ Болгаріи. Воспитывался онъ въ Константинополѣ и затѣмъ пріѣхалъ въ Молдавію, гдѣ, въ Сучавской митрополіи, былъ назначенъ въ званіе пресвитера, учителя и проповѣдника великой церкви Молдо-Влахійской. Изъ Молдавіи онъ переѣхалъ въ Россію и былъ первымъ Литовскимъ митрополитомъ, которому подчинена была Западная Россія. Отсюда онъ переѣхалъ въ Сербію, гдѣ былъ игуменомъ Дечанскаго монастыря. Затѣмъ въ послѣдніе годы правленія Александра Добраго и его преемниковъ мы видимъ его въ Молдавіи участвующимъ въ дѣяніяхъ Флорентійскаго собора (sic) и затѣмъ въ санѣ митрополита Молдо-Влахійскаго и игумена Пандократорова, то-есть, Нямецкаго монастыря“ (стр. 1).

Изъ этого краткаго изложенія уже видно, въ чемъ преосвящ. Мелхиседекъ разнится отъ своихъ предшественниковъ въ разсмотрѣніи жизни и дѣятельности Григорія Цамблака. Въ предлагаемой статьѣ мы коснемся только тѣхъ сторонъ труда преосвящ. Мелхиседека, которыя представляютъ спорные вопросы или новыя данныя въ сравненіи съ прежними изслѣдованіями о Цамблакѣ.

По преосвящ. Мелхиседеку, Григорій Цамблакъ былъ по происхожденію Влахъ или Румынъ, какъ можно заключить изъ его прозвища: Τζαμπλάκων (у Византійцевъ) [1]), Цамблакъ, Чамьблакъ, Цамвлахъ, Цимавлахъ, Цимивлахъ (Cemivlachus), Цимвлахъ, Симвлахъ, Семивлахъ (у Русскихъ, южныхъ Славянъ и Румыновъ)

[1]) О μπ=μβ см. *Foy*, Lautsystem d. griechischen Vulgärsprache. Leipzig. 1879, S. 24—25.

Библиотека "Руниверс"

и Цамбликъ (въ румынской лѣтописи) [1]), такъ какъ будто оно, состоя изъ славянскихъ: самъ и влахъ, какъ якобы показываютъ всѣ русскіе писатели, означаетъ истаго, чистаго Румына (стр. 2).

Въ послѣднемъ случаѣ преосвящ. Мелхиседекъ не совсѣмъ справедливъ: не всѣ русскіе писатели представляютъ въ такой формѣ это прозвище [2]). По моему разумѣнію, оно скорѣе составляется изъ Τζάμ+βλάχος, Цам+влахъ (=Цан+влахъ) [3]).

Весьма вѣроятно, что Григорій Цамблакъ происходилъ изъ какого-нибудь знатнаго македонскаго влашскаго рода, первые представители котораго поселились уже съ давнихъ поръ, нужно полагать, въ разныхъ мѣстахъ Балканскаго полуострова, судя потому, что въ XIV вѣкѣ являются нѣсколько лицъ, носящихъ это прозвище, въ Константинополѣ: Арсеній (1330—1350 гг.) при императорскомъ дворѣ, владѣвшій значительнымъ имуществомъ въ Солунѣ [4]); въ Керкидѣ на островѣ Лемносѣ—архонты города [5]); союзникъ Понтійскаго деспота Ѳомы, Кидонида или Цамблакъ [6]) и наконецъ, въ Търновѣ между знатными, а можетъ быть, и служилыми боярами, отецъ Григорія, братъ митрополита Кипріана, тамъ же родившагося [7]). Нужно полагать, что упоминаемый въ синодикѣ Бориса „Цамблакъ великии примикюръ“ [8]) былъ дѣдъ Григорія. Я склоненъ думать, что търновскіе Цамблаки въ поколѣніе Григорія едва ли считали себя еще Влахами; по всей вѣроятности, они уже были оболгарены, хотя Григорій могъ знать

---

[1]) *Котлапічеапъ*, Летопісіціле пъріі Молдовіі. Іашіі. 1852, 1, 106, примѣч.; *Picot*, Chronique de Moldavie par *Gr. Urechi*. Paris. 1878, p. 44.

[2]) Нѣкоторые склонны объяснять это прозвище изъ semi+vlachus=семи+влахъ, то-есть, полувлахъ. Митр. *Макарій*, О Григоріѣ Цамблакѣ, митрополитѣ Кіевскомъ, какъ писателѣ. *Извѣстія Имп. Ак. Н.*, т. VI, стр. 98, примѣч. 2.

[3]) *Цам*, *Цам*, должно быть, собственное имя *Цамо*, Τζάνης, очень распространенное у южныхъ Славянъ и Грековъ. Аналогическое явленіе представляетъ *Хаджамъ* (=Хаджи+Яни=Χαδζι+Ιανης). Ср. *Голубинскаго* Исторія православныхъ церквей Болг., Сербск. и Молдо-Влах., стр. 507, прим.

[4]) *Cantacus*. histor. Ed. Bon. l. I, c. 10 p. 135; II, c. 22, p. 267, c. 24, p. 273; l. III, c. 42, p. 488—489, l. IV, c. 32, p. 838.

[5]) *Chalcocond.* histor., l. X, Ed. Bon., p. 565.

[6]) Georg. Phrontzes, l. IV, c. XVI. Edit. Bonn., p. 390: ...τὸν μᾶλλον Κυδωνίδην ἢ Τζαμπλάκωνα.

[7]) Надгробное слово митроп. Кипріану въ *Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс.*, 1872, кн. 1, отд. V, стр. 25, 27, 29. Опис. слав. рукоп. московск. Синод. библ., отд. II, 3, стр. 139—140.

Времен. Общ. Ист. и Др. Росс., кн. 21, стр. 12; *Раковскій*, О Асѣню первому. У Бѣлградъ 1860, стр. 52.

Библиотека "Руниверс"

валашскій языкъ, какъ полагаетъ преосвящ. Мелхиседекъ (стр. 5). На то, что Григорій былъ Болгариномъ, указываютъ русскіе лѣтописи [1]).

Время рожденія Григорія можно опредѣлить только приблизительно на основаніи данныхъ, встрѣчающихся въ составленномъ имъ надгробномъ словѣ его дядѣ митрополиту Кипріану спустя три года послѣ смерти послѣдняго, то-есть, въ 1409 г. (Кипріанъ умеръ въ 1406 г.); тамъ сказано, что отъ времени посѣщенія Кипріаномъ Търнова на пути изъ Кіева въ Константинополь прошло слишкомъ 40 лѣтъ; слѣдовательно, Кипріанъ былъ въ Търновѣ въ 1379 г., когда Григорій былъ еще отрокомъ; значитъ, ему тогда могло быть около 15 лѣтъ. Такимъ образомъ, рожденіе Григорія можно отнести приблизительно къ 1364 г. [2]). Въ словѣ есть очень ясные намеки на первоначальное обученіе Григорія въ Търновѣ, у патріархія Евѳимія, къ которому отецъ его былъ очень близокъ, какъ видно изъ того же слова [3]). Вѣроятно, Григорій дѣлалъ здѣсь хорошіе успѣхи въ ученіи, если уже тогда Кипріанъ предсказываетъ своему племяннику его будущее служеніе [4]). Такимъ образомъ мѣстомъ рожденія Григорія, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство и получилъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ Търновскаго патріарха Евѳимія, былъ городъ Търновъ [5]). Это все, что̀ извѣстно въ настоящее время о дѣтскомъ возрастѣ Григорія.

Преосвящ. Мелхиседекъ предполагаетъ, что Григорій получилъ свое дальнѣйшее образованіе въ Константинополѣ (стр. 3), и это предположеніе весьма правдоподобно. Связи, которыя его семейство

---

[1]) Полное собр. русск. лѣтоп. III, стр. 106; V, стр. 259; Никоновск. лѣтоп V, стр. 73. Ср. митроп. *Евѳимія*, Словарь истор. о бывш. въ Россіи пис. дух. чина. I. С.-Пб. 1818, стр. 98, гдѣ сказано, что Григорій происходилъ изъ Болгаръ, смѣшныхъ съ Валахіей. Но во 2-мъ изданіи Словаря, С.-Пб. 1827, стр. 96, словъ: „смѣшныхъ съ Валахіей“ нѣтъ. Архим. *Леонидъ*, Кипріанъ до восшествія на московскую митрополію въ *Чтен. въ Общ. ист. и др. Росс.*, 1867, кн. 2, отд. I, стр. 11, вѣроятно, по памяти ссылаясь на это мѣсто, впалъ въ ошибку, а за нимъ и другіе, какъ авторъ статьи въ *Литовск. Епарх. Вѣдомостяхъ* 1884 № 26—27, стр. 220, говоря, что Цамблакъ происходитъ изъ молдо-влахійскихъ Болгаръ.

[2]) Ср. *Литовск. Епарх. Вѣд.* 1884, № 26—27, стр. 221.

[3]) Григорія Цамблака Надгробное слово Кипріану, *Чтенія* 1872, кн. 1, отд. V, стр. 27.

[4]) Ibid. стр. 28.

[5]) *Литовск. Епарх. Вѣдом.* 1884, № 26—27, стр. 221.

Библиотека "Руниверс"

несомнѣнно имѣло въ Царьградѣ, могли, нужно полагать, доставить тамъ молодому Григорію и покровительство, и возможность получить лучшее для того времени образованіе. Кромѣ этихъ соображеній, можно указать нѣкоторыя основанія тому. Авторъ очерка приводитъ свидѣтельство самаго Григорія въ его словѣ на 20-е декабря; хваля благочестіе народа, собраннаго въ церкви Молдо-Влахійской, онъ между прочимъ говоритъ: „толико же и насъ веселитъ преспѣяніе ваше, яко и вѣстници радостны будемъ добродѣтели вашея пославшему насъ патріарху“ (Ibid.) [1]). Патріархъ здѣсь разумѣется Константинопольскій. Но это свидѣтельство впрочемъ само по себѣ слишкомъ темно и едва ли можетъ служить прямымъ доказательствомъ тому, что Григорій получилъ образованіе въ Константинополѣ. Но когда былъ посланъ Цамблакъ въ Молдавію патріархомъ Константинопольскимъ?

При вступленіи на Молдавскій престолъ Александра Добраго между Молдавскою церковію и Константинопольскою патріархіей существовала большая распря. Княжество избрало изъ среды своего духовенства на митрополичью каѳедру Іосифа, бывшаго въ родствѣ съ молдавскими владѣтельными князьями. Іосифъ былъ поставленъ въ митрополиты Бѣлогородскимъ (Ἀσπροκάστρον = Акерманъ) епископомъ, подчиненнымъ Галицкому митрополиту. Константинопольскій патріархъ, не оставляя своихъ притязаній на удержаніе подъ своею юрисдикціей Молдавской церкви, назначилъ прямо отъ себя митрополита, Грека Іеремію, съ титуломъ „митрополита Молдо-Влахійскаго“. Но онъ не былъ принятъ страной, какъ и его предшественники. Патріархъ былъ этимъ до того раздраженъ, что отлучилъ отъ церкви митрополита Іосифа и все православное населеніе княжества. Это случилось въ правленіе Юги воеводы. Его преемникъ Александръ Добрый, при посредствѣ валашскаго воеводы Мирчи, отправилъ въ Константинополь къ патріарху депутацію изъ бояръ и духовныхъ лицъ съ грамотами, прося его простить Іосифа и снять съ него отлученіе. Патріархъ поспѣшилъ удовлетворить его просьбамъ, но только отчасти. Въ отвѣтъ онъ отправилъ въ Сучаву въ 1401 г. двухъ лицъ: честнѣйшаго іеромонаха и духовнаго отца Григорія, патріаршаго или келейнаго инока, и честнѣйшаго учителя св. Евангелія, діакона Эмануила Архонта, „въ Духѣ святомъ любезныхъ сыновъ его смиренія, чтобы изслѣдовать дѣло для

[1]) *Шевыревъ*, Исторія русской словесности, ч. 3-я, стр. 350, 386, 350.

Библиотека "Руниверс"

большаго удостовѣренія и обнаруженія истины", какъ сказано въ отвѣтномъ посланіи патріарха [1]). Въ посланномъ изъ Константинополя Григоріѣ преосвящ. Мелхиседекъ признаетъ Григорія Цамблака, что весьма правдоподобно. Выше я указалъ уже, что Григорій самъ называетъ себя посланнымъ отъ патріарха. Кромѣ того, въ патріаршемъ посланіи онъ названъ „патріаршимъ или келейнымъ инокомъ" (τὸν καλόγηρον τοῦ κελλίου μου), а оба посланные—людьми благородными, учеными и правдивыми [2]). Все это показываетъ, что іеромонахъ Григорій былъ въ Константинополѣ человѣкомъ уже извѣстнымъ, что вполнѣ можно приписать Григорію Цамблаку, у котораго, какъ я выше сказалъ, могли быть связи въ Византіи. Къ этому можно прибавить, что Цамблакъ въ это время имѣлъ уже потребное число (30) лѣтъ [3]) для того, чтобы быть священникомъ, ему тогда должно было быть около 35 лѣтъ (ср. стр. 5). При этомъ нужно замѣтить, что въ надписаніяхъ восьми словъ, посящихъ имя Григорія Цамблака, которыя были составлены прежде всѣхъ другихъ, когда ихъ авторъ еще не имѣлъ другихъ должностей, онъ названъ инокомъ и пресвитеромъ во всѣхъ спискахъ. Не маловажнымъ обстоятельствомъ, по мнѣнію преосвящ. Мелхиседека, въ данномъ случаѣ можетъ служить и то, что патріархъ для отправленія въ Молдавію избралъ именно Григорія, какъ Влаха или, по крайней мѣрѣ, происходящаго изъ влашской фамиліи (ср. Ibid.). Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ я склоненъ считать вполнѣ правдоподобнымъ, что посланный Константинопольскимъ патріархомъ въ Молдавію честнѣйшій іеромонахъ, духовный отецъ и патріаршій келейный инокъ Григорій, былъ не кто иной, какъ Григорій Цамблакъ. Кромѣ того, на основаніи всего сказаннаго можно заключить, что послѣдній окончилъ

[1]) Подробно объ этомъ у преосвящ. Мелхиседека: *Chronica Romanului* I, стр. 58—80 и въ изданіи *Picot et Bengesco*, Alexandre le Bon, prince de Moldavie. Vienne. 1882, p. 50—58. Относящіяся сюда патріаршія посланія у *Miklosich* et *Müller*, Acta Patriarchat. Constant. II, pp. 526—533 и въ румынск. переводѣ у преосвящ. Мелхиседека op. c., стр. Приведенное мною мѣсто: ἐκάτσε τόν νἀ τραπίσῃ ἐν Βρουκοβλαχίᾳ τὸν κελλιώτην μας καλόγηρον, καὶ Γρηγόριον ὀνόματι τὸν ὁποῖον ἐδιαλέξαμεν ἀπὸ ὅλους ἀγγέλους, ὅπου ἔχομεν καὶ Μανουὴλ τὸν ἄρχοντα ἐνταῦθα κτλ. p. 529.

[2]) Ibid. p. 532: ἄνδρας τιμίους, εὐλογεῖς τε καὶ καλούς p. Ср. Иаков. лѣт. V, стр. 72: имѣлъ самъ получить убо бо имѣніе мудрости всѣдѣ изъ дѣтства.

[3]) *Miklosich* et *Müller*, Acta, II, p. 532.

Библиотека "Руниверс"

свое образованіе въ Константинополѣ и во время своего пребыванія здѣсь посѣтилъ Аѳонъ, какъ можно догадаться изъ его собственнаго свидѣтельства въ четвертомъ словѣ: „азъ вѣмъ горы Аѳоньскія“ [1]).

На какихъ условіяхъ Григорій Цамблакъ остался въ Молдавіи—не извѣстно. Преосвящ. Мелхиседекъ полагаетъ, что посланный патріархомъ Григорій, „совершивъ свою миссію, по желанію Александра Добраго и митрополита Іосифа, остался въ Молдавіи въ должности учителя и „пресвитера великой церкви Молдавской, то-есть, соборной въ Сучавѣ“, тогдашней столицѣ княжества. „Званіе учителя (dascalû) или, по нынѣшнему, профессора“, продолжаетъ авторъ,—„сохранилось въ нѣсколькихъ историческихъ замѣткахъ въ книгахъ, въ Молдавіи, въ замѣткахъ, въ которыхъ, если и не съ полною историческою точностію, все же уцѣлѣли главныя черты жизни Цамблака“ (стр. 6). Авторъ приводитъ только двѣ замѣтки такого рода: одну—изъ архіерейскаго служебника, списаннаго самимъ Григоріемъ въ бытность его митрополитомъ Литовскимъ, гдѣ между прочимъ отмѣчено: „бывшаго прежде учителя земли Молдовлахійскія“ и другую—изъ сборника сербской редакціи, хранящагося въ Нямецкомъ монастырѣ; тамъ отмѣчено митрополитомъ Пахоміемъ о Григоріѣ Цамблакѣ между прочимъ и слѣдующее: „бывшимъ учителемъ первее отъ начала въ Молдавіи“ (стр. 6, 106). Хотя эти замѣтки составлены на основаніи преданія, но въ нихъ нельзя отрицать достовѣрнаго

---

[1]) *Шевыревъ*, ор. c., стр. 383. Изъ этихъ словъ никакъ нельзя заключить, что Григорій Цамблакъ пребывалъ и учился на Аѳонѣ. Ср. *Литовск. Епарх. Видом.* 1884, № 26—27, стр. 221—223. Также нельзя считать справедливыми сужденія Я. Шафарика (*Гласник*, XI, 37) и другихъ (*Arkiv za povjestn. jugosl.* IV, стр. VII. Ср. *Голубинскаго*, Ист. пр. церкв. Болг., Сербск. М.-Вл., стр. 508), а также архимандр. Леонида о Григоріѣ Цамблакѣ въ его интересномъ очеркѣ „Изъ исторіи юго-славянскаго монашества XIV вѣка“ (М. 1871. отдѣльн. оттискъ изъ *Душеполезн. Чтенія*) стр. 8—10, потому что событія, разсказанныя въ житіи св. Ромила (*Гласник*, IX, стр. 252—254), были гораздо раньше того времени, когда писалъ и дѣйствовалъ Григорій Цамблакъ, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ данныхъ житія. Мусульмане, о которыхъ упоминается здѣсь, буйствовали и грабили на Балканскомъ полуостровѣ послѣ 1363 г. (*Иречекъ*. Исторія Болгаръ. Одесса 1879, стр. 421), когда Григорій былъ только въ колыбели, а можетъ быть, его и не было еще на свѣтѣ, а въ 1371 г., когда погибъ, по житію, Углеша, нашему Григорію могло быть не болѣе семи лѣтъ. Въ виду этого Григорія Цамблака никакъ нельзя считать составителемъ житія св. Ромила. Ср. *Антонина* Поѣздка въ Румелію. С.-Пб. 1879, стр. 234, *Иречка*, стр. 570, тѣмъ болѣе что съ именемъ Григорія Цамблака оно не встрѣчается нигдѣ.

Библиотека "Руниверс"

факта, въ виду того, что другіе факты, ими сообщаемые, оказываются вѣрными. Но нужно ли разумѣть подъ словомъ учителя именно профессора — не легко сказать. Мнѣ кажется, подъ этимъ словомъ нужно разумѣть просто проповѣдника, какъ можно догадаться изъ собственныхъ словъ Григорія въ первыхъ двухъ словахъ, въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ онъ выражаетъ радость усердію слушателей [1]). Къ тому же нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя намекали бы на преподаваніе Григорія въ школѣ. Предположенія преосв. Мелхиседека и категорическое заявленіе покойнаго А. Хыждеу о школѣ, устроенной Александромъ Добрымъ (стр. 6—7), лишены всякаго основанія, хотя нельзя отрицать совершенно, что такой князь, какъ Александръ Добрый, могъ заводить и даже заводилъ школы. Любопытно, откуда митрополитъ Евгеній взялъ извѣстіе, что Григорій Цамблакъ началъ свое служеніе въ Молдавіи, откуда пріѣхалъ въ Россію, гдѣ онъ и умираетъ [2]).

Изъ словъ Григорія Цамблака относящимися къ этому періоду его учительско-проповѣднической дѣятельности можно считать тѣ, въ надписаніи которыхъ почти во всѣхъ спискахъ Григорій именуется просто „иноkъ и пресвитеръ". Такихъ словъ до сихъ поръ извѣстно восемь, но и изъ нихъ только семь помѣщены въ извѣстныхъ мнѣ собраніяхъ словъ Григорія Цамблака [3]). Преосвященный Мелхиседекъ приводитъ эти слова Цамблака въ такомъ порядкѣ [4]):

1) О божественныхъ тайнахъ и пр. (синод. Горскій и Нево-

---

[1]) *Шевыревъ*, ор. c., стр. 382, 350—351.

[2]) Словарь, изд. 1818, I, стр. 98; слѣдовательно, митрополитъ Евгеній ничего не упоминаетъ о Сербіи; только во 2-мъ изданіи Словаря, стр. 97, прибавлено не совсѣмъ у мѣста: „а потомъ Дечской въ Сербіи".

[3]) По рукоп. XVI—XVII вв. синодальной библіотеки. *Горскій и Невоструевъ*, Описаніе славянск. рукоп. Московск. синод. библ. II, 3, стр. 134—140, 146. Вѣроятно, тѣ же произведенія Григорія Цамблака содержатся и въ двухъ рукописяхъ XVIII в. собранія А. А. Титова (въ Ростовѣ Ярославской губ.). Охранный каталогъ славяно-русскихъ рукописей *А. А. Титова*. Вып. I. Ростовъ. 1881, № 120 (стр. 20) и 399 (стр. 76).

[4]) Разборъ произведеній Гр. Цамблака у *Шевырева*, III, стр. 351 — 376; митроп. *Макарія*: О Григоріѣ Цамблакѣ митрополитѣ Кіевскомъ, какъ писателѣ. *Извѣстія Ак. Н.* Т. VI, ст. 100—145, и Исторія Русской церкви V. Спб. 1866, стр. 212—225, 442—468. Самый лучшій и полный списокъ сочиненій Цамблака у *Шевырева*, тамъ же, стр. 383—386, затѣмъ у *Строева*: Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы, стр. 67—70; архіеп. *Филарета*: Обзоръ русской духовной литературы. Изд. 3-е, стр. 103—104, и *Ундольскаго* въ оглавленіи Макарьевскихъ Четьихъ Миней въ *Чт. въ общ. ист. и др. Рос.* 1847, кн. 4, отд. IV, стр. 59, 60, 66, 68, 69, 72; *Литовск. Епархіальн. Вѣд.* 1884, № 39, стр. 332.

Библиотека "Руниверс"

струевъ, Опис. слав. рук. Московск. синод. библіотеки. II, 3 (XVI в.), 134; (XVII в.) 146; безъ означенія имени автора: Троицко-Сергіевой лавры. Опис. слав. рук. Свято-Троицко-Сергіевой Лавры. III. М. 1879, стр. 151; ср. I. М. 1878, стр. 123, № 147, л. 297 об.; Троицкой духовной семинаріи. Архим. Леонидъ, Свѣдѣніе о слав. пергам. (и другихъ нѣкоторыхъ) рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Свято-Троицко-Сергіевской лавры въ библіотеку Троицкой духовной семинаріи въ 1747 г. М. 1884, стр. 28; XVI в. Ундольск. Викторовъ, Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго. М. 1870, стр. 195. Весьма жаль, что въ этомъ описаніи вообще, кромѣ „Григорія Цамблака", при произведеніяхъ послѣдняго ничего болѣе не отмѣчено, за исключеніемъ одного раза. Въ рук. аѳонск. св. Павла монаст. Дмитріевъ-Петковичъ, Обзоръ аѳонскихъ древностей стр. 34, оно надписано: Григорій архіепископъ Россійскій. Впрочемъ это надписаніе возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе; принадлежитъ оно описателю рукописи или такъ въ послѣдней? Ср. Почаевскую Пчелу, изд. подъ ред. Н. И. Петрова. Ч. I. Почаевъ. 1884, стр. 245—259.

2) Объ усопшихъ и пр. (синод. тамъ же; XVII в. Казанской духовной академіи. Опис. рукоп. Соловецкаго монастыря, наход. въ библіотекѣ Казанской духовной академіи. Ч. I. Казань. 1881, стр. 650—651). Авторъ думаетъ, что оно сказано въ одну изъ поминальныхъ субботъ (стр. 8. Въ рук. аѳонскаго св. Павла монаст.: Григорій архіепископъ Россійскій, стр. 34, какъ и у Толстаго: Калайдовичъ и Строевъ, Обстоятельное описаніе славяно-россійск. рукоп., хранящихся въ Москвѣ въ библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстаго. М. 1825, № 205, отд. II, стр. 358).

3) Объ иноческомъ житіи; по началу ясно видно, что оно находится въ связи съ предыдущимъ словомъ [1]) (синод., тамъ же; стр. 135, 146; по рукоп. XVII в. графа Толстаго, № 205 отд. II, стр. 358,— оно надписывается: Григорія архіепископа Россійскаго, какъ и въ рукоп. минеи аѳонск. св. Павла мон.: Дмитріева-Петковича Обзоръ аѳонск. др., стр. 35, хотя достовѣрно не извѣстно).

4) Въ субботу сыропустную; состоитъ въ связи съ предыдущимъ, какъ видно изъ его начала (синод., тамъ же, стр. 135, 146; XVI в. Троицко-Серг. лавры I, стр. 98; XVI в. Казанской духовной академіи I, стр. 362 (XVI—XVII вв.), 368 (XVII в.), 652 (XVII в.); по рук.

---

[1]) *Шевыревъ*, III,359, *Макарій*, *Изв. А. Н.* VI, стр. 134, пр. 30. Ист. Р. ц. V, стр. 459. *Melchisedec*, p. 8.

Библиотека "Руниверс"

XVII в. Толстаго, стр. 536, № 402, л. 537: игумена обители Пантократовы. Напечатано въ Соборникѣ изд. 1850. I, л. 107).

5) На рождество Іоанна Крестителя (синод., тамъ, стр. 136, 146; XVI в. Казанской духовной академіи I, 685; XVI в. Троицкой духовной семинаріи, стр. 54; XVIII в. Румянц. муз. Востоковъ, Опис. русск. и славянск. рук. Румянц. музеума. С.-Пб. 1842, стр. 705; безъ означенія имени автора въ рук. XVI в. Виленск. публ. библ. Добрянскій, Опис. рук. Виленск. публ. библ., церковно-славянскихъ и русскихъ. Вильна. 1882, стр. 224. По рукописи XVII в. графа Толстаго,—стр. 357, № 205, отд. II, л. 177, оно надписано: Григорій архіепископъ Россійскій. Нужно вообще замѣтить, что надписи произведеній Гр. Цамблака по рукописи гр. Толстаго нерѣдко отступаютъ отъ списковъ Московской синодальной библіотеки и большей части другихъ. Не извѣстно, какъ и у гр. Толстаго, надписано ли также это слово и въ спискѣ аѳонск. св. Павла мон. (Дмитріевъ-Петковичъ. Обзоръ аѳонскихъ древностей, стр. 35), или это надписаніе принадлежитъ описателю рукописи.

6) Похвальное апп. Петру и Павлу (синод. тамъ же; XV—XVI в. Троицко-Серг. лавры, III, стр. 175; XVI в. Казанск. дух. акад. I, стр. 687; XVI в. Троицкой дух. сем.. стр. 54; XVIII в. Румянц. муз., стр. 705; по рук. аѳонск. св. Павла мон. Григорія архіепископа Россійскаго, стр. 35).

7) На Рождество Богородицы (синод., тамъ же; стр. 137, 146; XVI Троицко-сергіев. лавры, II, стр. 41; III, стр. 2 (XVI в.), 57 (XVII в.); XVI в. Казанск. дух. акад. I, стр. 210; XV—XVI вв. муз. Кіевск. дух. акад. Петровъ, Описан. рукоп. церковно-археол. музея при Кіевской дух. акад. Вып. II, Кіевъ. 1877, стр. 440; Троицк. дух. сем., стр. 20; у Царскаго (гр. Уварова)—Строевъ, Рукоп. славянск. и россійск., принадл. Царскому. М. 1848, стр. 77 (XVI в.: архіеп. Россійскаго), 498 (XVII в.), 777 (XVII в.); XVI—XVII в. Ундольскаго, № 587, стр. 39, по неопредѣл., какому Григорію; по рукоп. аѳонск. св. Павла мон.—архіеп. Россійскаго, ib., 34, какъ и у Толстаго, № 205, отд. II, стр. 357, и у Медвѣдева) [1]).

8) Похвальное тремъ отрокамъ и Даніилу (XV в. Троицк. дух. сем., стр. 29—30; XVII в. Царскаго, стр. 236; XVII в. Виленской

---

[1]) Архіеп. *Филаретъ*, Обзоръ русской духовной литературы. Изд. 3-е, стр. 104.

Библиотека "Руниверс"

публ. библіот., стр. 117; XV—XVI вв.—Ундольскаго, стр. 414,— неизвѣстно какого Григорія).

Которое изъ этихъ словъ первое, трудно сказать. Есть основаніе думать, что въ этотъ періодъ Григорій произнесъ не только изчисленныя слова, но и другія, которыя, по всей вѣроятности, не были написаны. Это видно изъ его собственныхъ словъ въ первомъ и во второмъ словѣ: „и понежѣ вашу любовь зряй, слово ученія сладцѣ пріемлюще, якоже нѣкую добрую и тучную земли семѣна.... Прежде похваливше вашее усердіе теплое, толико бо къ церкви тщаніе ваше, елико чадомъ къ матери, елико болящему ко врачю“.... „Но и о общемъ и чаемомъ воскресеніи всѣмъ послѣдованно къ вашей пробесѣдую любви, вѣмъ бо несытное вашее же о таковыхъ желаніе, отонудуже и къ вашему множае распалихся люблюнію, елижды бо аще что отъ божественнаго писанія въ ваша всѣхомъ слуха, вы и яко благая и тучная земля въ малѣ времени показоваете таковыхъ сѣмянъ прозябеніе насъ убо о предварших веселяще и инымъ касатися усерднымъ съ дѣвающи“.... [1]).

Преосвящ. Мелхиседекъ не сомнѣвается въ томъ, что эти слова были произнесены по румынски (стр. 8—9). Думать такъ относительно проповѣдника соборной церкви въ Сучавѣ, столицѣ Молдавіи, гдѣ посѣщала храмъ Божій, какъ истинные христіане, румынская знать, которая вмѣстѣ съ тѣмъ представляла собою и румынскую интелигенцію, и гдѣ духовенство было, по крайней мѣрѣ, по образованію славянское, значитъ—переносить наши современныя понятія на начало XV столѣтія, когда у Румыновъ вполнѣ господствовалъ славянскій языкъ, и въ церкви по преимуществу. Затѣмъ еще вопросъ: владѣлъ ли Григорій Цамблакъ на столько румынскимъ языкомъ, чтобы произносить на немъ такія слова, какія онъ говорилъ, и которыя извѣстны намъ только въ славянскомъ текстѣ [2]). Нужно еще доказать, зналъ ли Григорій Цамблакъ румынскій языкъ. Румынская проповѣдь въ XV в. была необходима и возможна въ какомъ-нибудь захолустьи, какъ напримѣръ, с. Мъхачь въ Трансильваніи [3]).

Въ 1406 г. Григорій Цамблакъ оставилъ Молдавію, судя потому, что онъ, по пріѣздѣ своемъ въ Россію, не засталъ уже въ живыхъ

---

[1]) У *Шевырева*, III, стр. 350—351, 386.

[2]) Ср. *Biserica Orthod. Rom.* V, p. 79, 84.

[3]) *Хашдеу*, Кѣвенте денъ бътрѣни. II. Cartile poporane ale Românilor în sec. XVI. Bucuresci. 1879, p. XLII—XLIV, 1—8, 43—55, 78—83.

Библиотека "Руниверс"

своего дядю митрополита Кипріана, вызвавшаго его сюда; какъ извѣстно, Кипріанъ скончался именно въ этомъ году, въ сентябрѣ [1]). Преосвящ. Мелхиседекъ предполагаетъ, что Григорій изъ Сучавы чрезъ Литву поѣхалъ въ Москву, но когда онъ былъ на Нѣманѣ, то получилъ печальное извѣстіе о смерти своего дяди; отсюда онъ заключаетъ, что Григорій въ это время былъ уже въ Вильнѣ (стр. 14). Но данныхъ для такого заключенія нѣтъ.

Въ Россіи Григорію Цамблаку пришлось ждать посвященія въ епископы цѣлыя десять лѣтъ. Гдѣ онъ жилъ въ это время—трудно сказать положительно. Несомнѣнно, мнѣ кажется, что до посвященія онъ состоялъ игуменомъ „обители Плинаирьскыа“ [2]), которая, вѣроятно, находилась въ Западной Руси, гдѣ-нибудь близъ границъ Литвы. За время его игуменства здѣсь извѣстно его надгробное слово митрополиту Кипріану, произнесенное спустя три года послѣ смерти послѣдняго, то-есть, въ 1409 г., и какъ можно заключить изъ содержанія слова, на мѣстѣ служенія Кипріана; по крайней мѣрѣ, Григорій обращается къ лицамъ, среди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Кипріанъ [3]). Такимъ мѣстомъ должна быть Москва. Что же касается записи въ концѣ слова, то я полагаю, что она позднѣйшаго происхожденія, если не всецѣло, то по крайней мѣрѣ слова: „бывыи митрополитъ Кіеву, и всеа дръжавы Литовскыа“ [4]), потому что Григорій былъ посвященъ въ митрополиты Кіевскіе только 15-го ноября 1416 г.

Преосвящ. Мелхиседекъ предполагаетъ, что Цамблакъ могъ быть представителемъ и Молдавской церкви на Констанцкомъ соборѣ. „Это могло послѣдовать“, говоритъ онъ,—„вслѣдствіе дипломатическаго посредничества польскаго и литовскаго дворовъ, съ которыми Александръ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, а также и по старанію Византійскаго императора, который всѣми силами хлопоталъ о церковной уніи, будучи убѣжденъ, что чрезъ это двинетъ весь папскій западъ противъ Турокъ. Такимъ образомъ, легко объяснится и сохранившееся въ Молдавіи преданіе объ участіи Цамблака во времена Александра Добраго на одномъ изъ западныхъ соборовъ, преданіе, которое съ теченіемъ времени исказилось до того, что Констанцъ

---

[1]) *Чтен. въ общ. ист. и др. Росс.* 1872, кн. I, отд. V, стр. 26; *Горскій и Невоструевъ*, ор. c. II, 3, стр. 139.

[2]) *Чтен. въ общ. истор. и Др. Р.* 1872, кн. 1, отд. V, стр. 25.

[3]) Ibid., стр. 25—28, 32; *Горскій и Невоструевъ*, Опис., II, 3, стр. 139—140.

[4]) *Чтенія*, стр. 32; *Горскій и Невоструевъ*, Опис., стр. 139.

Библиотека "Руниверс"

замѣнился Флоренціей, а Флорентійскій соборъ, по нему, былъ во времена Александра Добраго, который будто бы послалъ туда Цамблака представителемъ отъ Молдавіи" (стр. 22). Всѣ эти данныя и соображенія весьма правдоподобны; но они могутъ быть приняты только послѣ строгой критической провѣрки.

Изъ произведеній Григорія Цамблака съ надписаніемъ въ большей части списковъ: „архіепископа Россійскаго" извѣстны слѣдующія:

1. Слово на недѣлю вербную (синод., тамъ же, стр. 135, 146; XVI в.—Толстаго, стр. 165; XVII в. Казанск. дух. акад., I, стр. 658; едва ли принадлежитъ Григорію у Царскаго, XVII в., стр. 358; въ рукон. сборн. № 20 Нямецкаго монастыря—Revista pentru istorie, archeologie si filologie. An. I. vol. II, — въ надписаніи Григорій именуется и игуменомъ обители Понтократовы, — стр. 79. Ср. Пчелу Почавскую, изд. П. И. Петровымъ. Ч. I. Почаевъ. 1884. стр. 94—101).

2. На вознесеніе (синод. тамъ же, стр. 136, 146; XVI в. Троицко-Серг. лавры, I, стр. 119; XVII в. Казанск. дух. акад. I, стр. 668; Ундольск., № 1087, стр. 40; XVI в. Толстаго, стр. 56; XVIII в. Рум. м., стр. 700).

3. На преображеніе (синод., стр. 137, 146; XVI в. Троицк.-Серг. лавры, III, стр. 39, 42 (XVII в.), 163 (XV в.); XVI в. Казанск. дух. ак., I, стр. 688; XVII в. публ. библіот. Бычковъ, Опис. церк.-слав. и русск. рукописныхъ сборниковъ Императорск. Публичн. библіот. С.В. I. С.-Пб. 1882, стр. 443; XVII в.—Царскаго, стр. 241; XVII в. Толстаго, стр. 357; аѳонск. св. Павла мон., стр. 35).

4. На успеніе Богородицы (синод., тамъ же, XVI в. Троицк.-Серг. лавры, III, стр. 39, 42—43 (XVII в.); XVI в. Казанск. дух. ак., I, стр. 691; XVII, Вил. п. б., 227; XVII в., Троицк. дух. ак., XV, стр. 63; XVII в. Толстаго, стр. 358; XVIII в., муз. Кіевск. дух. ак., III, стр. 503; XVIII в. Рум. м., стр. 704; аѳонск. св. Павла монаст., стр. 35).

5. На воздвиженіе Креста (синод., тамъ же; XVII в., Троицк.-Серг. лавры, III, стр. 5, 7; XVII в. Царскаго, стр. 497; XVIII в., Рум. м., стр. 702; аѳонск. св. Павла м., стр. 34).

6. Похвальное св. Дмитрію (синод., тамъ же; XVI в., Моск. дух. ак. Іером. Іосифъ, Опись рукоп., перенесен. изъ библ. Іосифова монаст. въ библ. Московск. дух. ак. М. 1882, стр. 130; XVI в. Ундольск., ст. 450, № 1086, стр. 40 (XVI—XVII в.); XVII в. Царск.,

Библиотека "Руниверс"

стр. 675, 607; аѳонск. св. Павла м., стр. 35; по списку XVI в. Рум. м., стр. 693, не принадлежитъ Цамблаку).

7. На усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя (синод., тамъ же; XV — XVI в. Ундольск., ст. 410, 417; XV в. № 1299, стр. 38; XVII в. Троицк.-Серг. лавры, Ш, стр. 45; XVII в. Толстаго, стр. 358; XVIII в. Рум. м., стр. 705; XVIII в. муз. Кіевск. дух. ак. Ш, стр. 503; Аѳонск. св. Павла монаст., стр. 35. Но это единственное слово, которое въ то же время по другимъ спискамъ надписывается: игумену обители Пандократоровы: синод., тамъ же, II, 2, стр. 623 (XV в.); XV в. Троицк.-Серг. лавры, Ш, стр. 173; XVI в. Публ. библ., I, стр. 80, XVI в. Троицк. дух. сем., стр. 78 [1]).

По всей вѣроятности, въ Россіи было составлено и похвальное слово патріарху Тырновскому Евѳимію, судя потому, что на славянскомъ югѣ оно встрѣчается довольно рѣдко (XVI в. Вил. библ., стр. 219; XVI в. Толстаго, стр. 358; Ундольск. № 1421, стр. 54 [2]). Вѣроятно, это слово было составлено въ дополненіе къ надгробному слову митрополиту Кипріану, чтобы объяснить нѣкоторые факты, только указываемые въ послѣднемъ, а главное — выяснить личность патріарха Евѳимія, уважаемаго на Руси и связаннаго дружбой и духовно съ Кипріаномъ. Можетъ быть, Цамблакъ желалъ вмѣстѣ съ тѣмъ почтить память своего учителя, не задолго, быть можетъ, передъ тѣмъ умершаго. Но съ другой стороны, представляется необычнымъ то, что онъ ничего не упоминаетъ о времени и мѣстѣ кончины патріарха.

Григорію Цамблаку митрополиту приписываютъ и слово: „Како держать вѣру нѣмці“ (извѣстно только по рукоп. XVI в. Моск. син. библ., —II, 3, № 330, стр. 741), направленное главнымъ образомъ противъ латинянъ. „Здѣсь онъ перечисляетъ до 35 пунктовъ несогласія латинянъ съ православными въ вѣрѣ, обрядахъ и жизни. Этотъ пере-

---

[1]) Въ рук. Минеѣ аѳонск. св. Павла мон. приводится еще Цамблака *похвальное слово св. Аѳонію великому и отцемъ преподобнымъ*. (*Дмитріевъ-Петковичъ*, стр. 35), но это ничто иное, какъ 4-е слово изъ произнесенныхъ Григоріемъ въ Сучавѣ въ бытность его тамъ пресвитеромъ. Ср. характеристику этихъ *семи* словъ у *Петрова*: Почаевская Пчела. Изборникъ назидательныхъ поученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ лавры Почаевской (1581—1651 гг.) Въ двухъ частяхъ. Почаевъ. 1884, стр. 45, примѣч. 1.

[2]) Издано архим. *Леонидомъ* по рук. гр. Толстаго въ *Гласникѣ*, XXXI, стр. 258—291.

Библиотека "Руниверс"

чень, составленный на основаніи подобныхъ греческихъ перечней, но съ нѣкоторыми дополненіями, могъ служить руководствомъ для православныхъ, чтобы предохранить себя отъ заблужденій и нововведеній римской церкви" [1]).

Кромѣ того, Григорій Цамблакъ написалъ еще гимнъ Богородицѣ: „на успеніе пресвятой Богородицы, поемъ сей стихъ на цѣлованіе" (15-го августа) [2]).

Наконецъ, въ Россіи Григорій Цамблакъ, по примѣру своего учителя, патріарха Евѳимія, занимался переписываніемъ церковно-богослужебныхъ книгъ. До настоящаго времени извѣстенъ „чинъ освященія церкви", въ концѣ котораго между прочимъ отмѣчено: „Сіе освященіе церкви писалъ азъ рукою моею смиренныи Григорій Цамблака митрополитъ Киевскій Галицкій и всеа Россіи" (стр. 104, 65) [3]).

Нѣтъ однако сомнѣнія, что литературная и книжная дѣятельность Григорія Цамблака въ Россіи не ограничилась перечисленными выше его трудами; были, нужно полагать, и другія его произведенія, которыя или неизвѣстны, или извѣстны не подъ его именемъ.

Со словъ Дмитрія Ростовскаго митрополитъ Евгеній передаетъ, что Григорій Цамблакъ написалъ въ Россіи житіе св. Параскевы „и установилъ въ Кіевской іерархіи праздновать память ея октября 14-го" [4]).

Съ 1419 г. Григорій сходитъ со сцены въ Россіи; въ русскихъ лѣтописяхъ онъ уже не отмѣчается. Есть извѣстія, что въ этомъ или слѣдующемъ году онъ уже умеръ, и даже означается время

---

[1]) Митроп. *Макарій*, Ист. Русск. ц. V, стр. 225; архіеп. *Филаретъ*, Обзоръ русск. дух. лит. Изд. 3-е, стр. 104.

[2]) Напеч. *Ундольскимъ* въ *Чтеніяхъ въ Общ. ист. и др. Россійск.* 1846 № 3, отд. 1, стр. 4—6 у *Макарія*: въ Ист. Русск. ц., IV, прил. XXVI, 2, стр. 371—374.

[3]) Въ «Архіерейскомъ требникѣ», рукоп. XVII в. Бессарабскаго Ново-нямецкаго (Кицкань) монастыря изъ молдавскаго Нямецкаго монастыря. Свящ. *М. Ганицкій*, «Рукописи и старопечатныя книги въ Ново-Нямецкомъ монастырѣ» въ *Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* 1880, отд. неоффиц. № 8. стр. 1056, прим. 1. По всей вѣроятности, объ этой самой рукописи *литургіи* упоминаетъ *П. Саховичъ*, посѣтившій въ 1854 году Нямецкій монастырь въ Молдавіи. *Русскій Инвалидъ* 1854, № 288 отд. оттискъ, стр. 10.

[4]) Словарь, I, 1827, стр. 103; *Šafařik* Geschichte d. slavischen Literatur. I, Prag. 1865, S. 120.

Библиотека "Руниверс"

смерти—зимою отъ моровой язвы [1]) и мѣсто погребенія—въ Вильнѣ, въ каѳедральной Успенской церкви [2]). По другому же извѣстію, приводимому Ходыкевичемъ въ его историко-критическихъ разсужденіяхъ о Кіевской и Галицкой митрополіи [3]) и повторенному въ спискѣ митрополитовъ, составленнымъ Слуцкимъ архимандритомъ Михаиломъ Казачинскимъ, Григорій Цамблакъ былъ Кіевскимъ митрополитомъ не 4 года (1416—1419 гг.), а 22, или до времени митрополита Исидора, и вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ указывается, что онъ оставилъ свою каѳедру изъ-за ненависти, которую питалъ къ нему Московскій митрополитъ Фотій [4]). Нельзя сомнѣваться въ достовѣрности сообщенныхъ здѣсь фактовъ, тѣмъ болѣе что они оправдываются румынскими извѣстіями о Григоріѣ Цамблакѣ. Кромѣ вышеприведенной причины оставленія Григоріемъ каѳедры, преосвященный Мелхиседекъ, какъ на вторую главную, указываетъ еще на стремленія Витовта привлечь Цамблака къ папизму вмѣстѣ со всѣми православными западной Руси и на отказъ со стороны Цамблака [5]). Къ этому нужно прибавить и третье обстоятельство: политику Витовта относительно Россіи. „Борьба Витовта съ Польшей принудила искать союза съ Москвой, которому онъ пожертвовалъ Цамблакомъ, и помириться съ Московскою церковью, подчинивъ опять Литовскую церковь (!) юрисдикціи Московскаго митрополита“ (стр. 24) [6]). Преосвященный Мелхиседекъ весьма удачно характеризуетъ положеніе Григорія въ западной Руси.

---

[1]) П. С. Р. Л. Ш, стр. 109; IV, 119; VIII, 90; Новг. I, стр. 109; Ник. лѣт. V, стр. 73. Въ рукоп. Евангелія аѳонск. св. Павла монаст. есть отмѣтка, по которой Цамблакъ умеръ въ 1420 г. *Дмитріевъ-Петковичъ*, Обзоръ аѳонск. др., стр. 33; Митроп. *Евгеній*, Словарь ист. опис. дух. чина. Т. I. Изд. 2-е. С.-Пб. 1827, стр. 101; Митроп. *Филаретъ*, Ист. Русск. ц. Періодъ 3-й. Изд. 3-е. М. 1857, стр. 8; Митроп. *Макарій*, Ист. Русск. ц., IV, стр. 100.

[2]) *Современный Листокъ*, 1865, № 76, стр. 5.

[3]) *Литовск. Епархіальн. Вѣдомости*. 1884, № 38, ст. 327.

[4]) Ibid.; *Записки Одесскаго общ. ист. и др.* Т. I. Одесса. 1844, стр. 297: «живъ еще будучи, по зависти, которую подвигъ на него Московскій митрополитъ Фотій, отъ престола архіерейскаго избѣже». *Макарій*, Ист. Русск. ц. IV, стр. 100—101, пр. 106.

[5]) *Филаретъ*, Ист. Русск. ц. Пер. 3-й. Изд. 3-е, стр. 55—56; *Макарій*, Ист. Русск. ц., IV, стр. 99—101; *Чистовичъ*, Очеркъ исторіи западно-русской церкви. Ч. I. С.-Пб. 1882, стр. 51—52; *Соловьевъ*, Исторія Россіи. Т. IV, изд. 4-е. М. 1871, стр. 99—107; 285—286; *Коялевичъ*, Чтенія по исторіи западной Россіи. Изд. 3-е. С.-Пб. 1884, стр. 120—133.

[6]) Ibid.; ср. *Иловайскаго* Исторія Россіи. Т. 2. Московско-Литовскій періодъ. М. 1884, стр. 219—220.

Библиотека "Руниверс"

„Чужанинъ, избранный противъ желанія мѣстныхъ епископовъ", говоритъ онъ,—„съ нарушеніемъ земскихъ правъ, осуждаемый Московскимъ митрополитомъ и патріархомъ Константинопольскимъ, у которыхъ были два сильные покровителя — Московскій царь и Византійскій императоръ Эмануилъ Палеологъ, Григорій Цамблакъ былъ поставленъ въ ложное положеніе въ Кіевской митрополіи". Онъ „чрезъ четыре года архипастырскаго служенія на Литвѣ, сильно терзаемой, очутился въ тяжеломъ положеніи относительно будущаго: или самому отказаться отъ Кіевской митрополіи, или съ безчестіемъ быть отъ нея отрѣшеннымъ. Какъ кажется, онъ избралъ первое" (стр. 25). Въ Московской Руси Цамблакъ оставилъ по себѣ не хорошую память. Въ XVI в. въ архіерейской присягѣ между прочимъ читалось: „отрацаюся и проклинаю Григоріева Цамблакова раздранія, якоже и есть проклято" [1]).

Оставляя Россію, Григорій Цамблакъ едва ли могъ поѣхать прямо въ Молдавію, по справедливому замѣчанію преосвященнаго Мелхиседека, такъ какъ „Молдавскій господарь Александръ Добрый былъ въ дружбѣ и съ Польшей, и съ Литвой, и съ Москвой, и съ византійскимъ дворомъ, и съ вселенскимъ константинопольскимъ патріархомъ". Конечно, всѣ эти мѣста не могли служить надежнымъ убѣжищемъ для бѣглеца, Кіевскаго митрополита (стр. 26). Цамблаку оставались однѣ Сербскія земли, гдѣ онъ тогда могъ еще пріютиться. Въ это время въ Сербіи правилъ деспотъ Стефанъ Лазаревичъ (1389—1427 гг.), который, принявъ Цамблака у себя, поставилъ его игуменомъ монастыря Дечанъ [1]). Замѣчательно, что Цамблакъ послѣ ухода изъ Россіи перестаетъ называть себя архіепископомъ; по крайней мѣрѣ всѣ послѣдующія его произведенія не надписываются какъ прежде. „Это", по справедливому замѣчанію преосвященнаго Мелхиседека,—„даетъ понять, что архіепископская и митрополичья степень сильно его разстроила, что онъ не желалъ даже и вспомнить о ней, довольствуясь степенями и достоинствами подчиненнаго" (стр. 27). Что дѣйствительно Цамблакъ нашелъ пріютъ въ Сербіи, видно изъ

---

[1]) Рукоп. Волоколамск. монастыря, № 286. *Литовск. Епархіальн. Вѣдом.* 1884, № 38, стр. 326.

[1]) Viéta prea cuviosului părint. nostru Nicodim Sântitul, ed. de episcop. al Rômnicului Noul Severin, *Iosif Bodulescu* Bucur. 1883, p. 78; Висока Дечдна (Visoca Deciană).

Библиотека "Руниверс"

похвальнаго слова св. Петки или Параскевы [1]), въ концѣ котораго онъ обращается къ Сербскому деспоту Георгію или Юрію Бранковичу, преемнику Стефана (1427—1457 гг.). „Такимъ образомъ", говоритъ нашъ авторъ, — „по крайней мѣрѣ въ началѣ (?) правленія Юрія и около времени смерти Александра Добраго Григорій Цамблакъ находится въ Сербіи" (стр. 26). Другимъ доказательствомъ пребыванія Григорія въ Сербіи служитъ „житіе Стефана иже въ Дечахъ", то-есть, Дечанскаго (1320—1330 гг.), гдѣ въ надписаніи читается уже слѣдующее: „мниха и прѣзвитера, игумена бывшаго тоежде обытѣли" (XV в. болг. ред.—Троицк. серг. лавры, Ш, стр. 50; Іосифова Волоколамскаго монастыря,—Евгеній, Словарь, I, 1827, стр. 103; XVII в.—аѳонско-хилиндарскаго монастыря: архимандритъ Леонидъ, Славяно-сербскія книгохранилища на Аѳонской горѣ, № 76, стр. 15; Чт. въ общ. ист. и др. Рос. 1875, кн. 1, отд. V; Григоровичъ, Очеркъ путешествія по европейской Турціи. Изд. 2-е. М. 1877, стр. 30; XVI в.— Рыльскаго монастыря „Панегирикъ" Владислава Граматика. Изд. по лаврскому списку Ив. Кукулевичемъ-Сакцинскимъ въ Arkiv za povjestnicu jugoslavensku, knj. IV, стр. 1—29, и Я. Шафарикомъ по рукописи бѣлградской народной библіотеки въ Гласникѣ, XI, стр. 13—94) Нужно полагать, что въ Сербіи Григорій пробылъ недолго; это можно заключить уже изъ того, что отъ этого времени извѣстны только два названные выше труда его. Похвальное слово онъ, несомнѣнно, произнесъ въ Бѣлградѣ, гдѣ находились тогда мощи преподобной, въ присутствіи Юрія Бранковича, судя по обращенію къ нему въ словѣ: „господинь нашь Георгіе" [2]). Это слово обыкновенно встрѣчается вмѣстѣ съ житіемъ св. Петки, составленнымъ патріархомъ Тырновскимъ Евѳиміемъ и отдѣляется отмѣткою Цамблаково, или Цамблакъ, Цамблака. Нужно замѣтить, что преосвященный Мелхиседекъ пользуется житіемъ св. Петки по изложенію Муравьева, который вставилъ въ немъ не мало взятаго и изъ другихъ источниковъ. Едва ли Цамблакъ могъ присутствовать при перенесеніи мощей св. Петки въ Бѣлградъ; слова, на которыя ссылается преосвященный

[1]) Библіографическія замѣтки у *Сырку*, «Нѣсколько замѣтокъ о двухъ произведеніяхъ тырновскаго патріарха Евѳиміи» въ *Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію*, составлен. и издан. учениками В. И. Ламанскаго. С.-Пб. 1883, стр. 352. Здѣсь прибавлю списокъ въ рукописи XVI в. Троицкой духовной семинаріи, стр. 26. Ср. митрополита *Евгенія*, Словарь, 1827, стр. 103.

[2]) Великія Минеи-четьи митрополита Макарія, изд. археографической коммиссіи. Октябрь. С.-Пб. 1874 г. ст. 1042.

Библиотека "Руниверс"

Мелхиседекъ, принадлежатъ патріарху Евѳимію, а Цамблакъ только повторяетъ ихъ [1]); они не совсѣмъ вѣрно переданы авторомъ очерка вслѣдъ за Муравьевымъ.

Разсужденіе о Мирчѣ Великомъ (стр. 38—42) не можетъ быть принято во вниманіе, потому что въ повѣсти Цамблака идетъ рѣчь не о немъ, а о послѣднемъ бдинскомъ (видинскомъ) царѣ Срацимірѣ: „Сіе (то-есть, мощи) испросивъ иже на Истрѣ рѣцѣ Бдьньскимь градомъ царствуяй царь, тамо въ своя отпущаетъ (султанъ), идѣже и пребысть время не много“ [2]).

Можно бы предположить, что замѣна Срацимірa Мирчей у Муравьева [3]) сдѣлана въ Молдавіи. Но для такого предположенія нѣтъ никакихъ основаній. Въ румынской церковной литературѣ извѣстны два житія св. Параскевы: одно — митрополита Варлаама, которое есть не что иное, какъ или переводъ, или точное воспроизведеніе первоначальнаго греческаго житія, составленнаго по желанію патріарха Николая Музалона его діакономъ Василикомъ, судя потому, что въ немъ не говорится о перенесеніи мощей святой въ Търново и дальнѣйшей исторіи ихъ [4]); другое — составленное митрополитомъ Досиѳеемъ на основаніи краткаго житія сербской редакціи [5]), къ которому авторъ присоединилъ свой краткій разказъ о перенесеніи мощей въ Молдавію, въ Яссы, объясненіе имени святой въ славянскомъ, греческомъ и румынскомъ языкахъ въ началѣ, а въ концѣ о нахожденіи въ разныхъ мѣстахъ Молдавіи нѣсколькихъ частицъ мощей св. Петки, отчасти имъ видѣнныхъ, а отчасти по

---

[1]) *Сырку*, ор. с., стр. 396—397; митрополитъ *Евгеній*, Словарь, I, 1827, стр. 103; *Строевъ*, Библіологическій словарь, стр. 70.

[2]) Великія Минеи-Четьи. Октябрь. Изд. Археографической коммиссіи. С.-Пб. 1874, ст. 1035. О Срацимірѣ у *Иречка* Исторія Болгаръ. Одесса 1879, стр. 424—425, 461; *Периодическо Списание на Българското Книжовно Дружество въ Срѣдецъ*, кн. I, стр. 30—50; *Syrku* въ *Archiv f. slavische Philologie*, VI, S. 421; а о Мирчѣ у *Engel*, Geschichte d. Moldau und Walachey. I. Halle. 1804, S. 156—163; *Kogalnitchan*, Histoire de la Dacie des Valaques transdanubiens et de la Valachie. Berlin 1854, p. 58—70. Объ отношеніи редакціи Муравьевской къ Цамблаковой у *Сырку*, Нѣсколько замѣтокъ....., стр. 396—399.

[3]) Житія святыхъ Россійской церкви. Октябрь. С.-Пб. 1856, стр. 260.

[4]) О румынскихъ изданіяхъ этого житія и самое житіе у *Lambrior'a*. Carte de citire (Bucăti scrise cu litere chirilice în deosebite veacuri). Iasi. 1882, p. 117—123. Cf. *Rigollot*, Ad Acta Ss. supplementum. Parisiis. 1875, p. 157—158.

[5]) *Сырку*, Нѣсколько замѣтокъ, стр. 384, 386, 399.

Библиотека "Руниверс"

разказамъ другихъ [1]). О пребываніи мощей въ Сербіи совсѣмъ и не упоминается, какъ не упоминаетъ объ этомъ и Дмитрій Ростовскій, который разказываетъ о перенесеніи мощей въ Болгарію и затѣмъ чрезъ Константиноцоль въ Молдавію такъ: „Времени же не малъ мимо шедшу, благочестивый въ царехъ Іоаннъ Асанъ краль болгарскій и сербскій, пріятъ вѣсть гдѣ лежатъ чудотворныя стыя мощи сея прѣпбныя Параскевіи, иославъ бл҃женааго Марка митрополита сѹща Переаславля болгарскаго съ многими ѥпы и іереи; чрезъ тѣхъ пренесе честныя тыа мѡщи въ преславный земли болгарскія градъ свой царствѹющій Терновъ, и положи съ честію въ церквѣ своей царской: идѣже лежаща нетлѣнно, истачахѹ различныя цѣлбы съ вѣрою притѣкающимъ. по времени же мнѡзѣмь, егда по пѹщеніемъ Бж҃іемъ одолѣша агаране греческому царству, съ нимъ же поработиша и царс҃тво бѡлгарское кѹпно съ сербскимъ, найпаче же въ дни Селима, тогѡ имени второго царя тѹрскаго; тогда царь той Селимъ, ѿ града Терновва ратію восхитивъ, съ инимъ благолѣпіемъ церковнимъ и царскимъ украшеніемъ и сіа честныя мѡщи прпбныя Параскевіи, въ Цариградъ ѿнесе, и въ своей полатѣ постави идеже не сокрыса многоцѣнный той бисеръ, ибо чѹдесы мнѡгими не тѡкмѡ хр҃тіанъ нѡ и агаранъ въ поклоненіе приведе. Симъ оубо агаране смѹтишаса и боящеса да некакѡ множайшее оувѣреніе распространится, паче же за оусердіемъ и попеченіемъ хр҃тіанскимъ: ѿдаша тыа стыа мощи хр҃тіаномъ цариградскимъ. Оны же честнѡ въ патрі҃ершей церквѣ положиша. Потомъ же не скоро бл҃гочестивый Іѡ҃ Василій Господарь земли Молдавскіа, вѣсть прі҃емь о стыхъ прпбныя мощехъ тамо сѹщихъ: желаше оусердно да ѿтѹдѹ въ его православное Господарствіе честно принесени бѹдѹтъ. Гдь же хвалимый въ стыхъ своихъ, хотя и зде прославити прпбную свою: желанію его споспѣшествовати, и въ сердце стѣйшаго патрі҃арха константинопольскаго кѵ҃ръ Парѳеніа, сіе вложи, ѩко по совѣтѹ всегѡ своего осщеннаго собора, и иныхъ стѣпихъ Патріарховъ по изволенію, честныя сіа прпбныя матере Параскевіи, бл҃гочс҃тивомѹ томѹ Гдодарѹ Іѡ҃ Василію Воеводѣ, на усердное желаніе его, съ всякимъ ѿческимъ своимъ бл҃гословеніемъ, треми преосщенными митрополиты, Іѡанникіемъ Ираклійскимъ, Парѳеніемъ Адрі҃анопольскимъ и Ѳеѡфаномъ Палеѡпатрѡнъ, препослалъ естъ въ молдавскѹю землю, въ престолный градъ нарицаемый Їсѣ: идѣже въ храмѣ трі҃ехъ стителей, съ всякою честію

[1]) *Lambrior*, Carte de citire, p. 127. Cf. *Bigollot*, p. 161—162.

Библиотека "Руниверс"

въ премнозѣмъ веселіи и радости вса Молдавскіа землѣ, положени сѫть въ лѣто вочеловѣченіа Гдна ахма мца октовріа дї дна" [1]). Такимъ образомъ Досиѳеево житіе какъ бы дополняетъ Варлаамово. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Четьи-Минеи св. Димитрія были переведены на румынскій языкъ (напечатаны въ Нямецкомъ монастырѣ, въ 1813 г.), и слѣдовательно, сдѣлалась извѣстною въ Молдавіи и версія сербской редакціи житія, приводимая Димитріемъ Ростовскимъ. При составленіи житія св. Параскевы Дмитрій, какъ современникъ, могъ имѣть очень вѣрныя свѣдѣнія о перенесеніи ея мощей изъ Константинополя молдавскимъ воеводой Василіемъ Лупу (1634—1654 гг.), свѣдѣнія, которыя не сохранились въ румынскихъ памятникахъ, гдѣ объ этомъ говорится довольно кратко. Молдавскій лѣтописецъ Миронъ Костинъ сообщаетъ только: ші ѳнтрѫ ачестї анї аѫ адѫс Васїлїе Водъ ші моащеле Сѳінтеї Преакѫвїоасеї Параскївеї ѳн анул 7148, а кърей Сѳінте віеаца ші ден че локѫрї аѫ фост, ші кѫм аѫ петрекѫт кѫ маре Дѫмнезеіре, вей четї ла Октомврїе ѳн 14 зіле» [2]). Это показываетъ, что житіе св. Петки съ прибавленіемъ Григорія Цамблака было почти неизвѣстно въ Молдавіи и въ южной Россіи, не смотря на то, что въ Кіевѣ онъ установилъ празднованіе этой святой и написалъ ея житіе, о которомъ сообщаетъ митрополитъ Евгеній. Послѣ всего сказаннаго, едва ли можно думать, что замѣна Бдьньскаго царя молдо-влахійскимъ властителемъ у Муравьева могла быть сдѣлана Григоріемъ Цамблакомъ въ житіи, написанномъ имъ въ Кіевѣ; но во всякомъ случаѣ, она, если не выдумана самимъ Муравьевымъ,—что, я думаю, весьма правдоподобно — явилась изъ румынскаго источника довольно ранняго времени, но послѣ пребыванія Цамблака въ Сербіи или, вѣрнѣе, послѣ Цамблаковой или сербской редакціи житія св. Петки. Къ сожалѣнію, Муравьевъ не указываетъ списка, по которому онъ изложилъ житіе св. Параскевы. Есть ли списокъ съ такою замѣной, или нѣтъ,—можно сказать опредѣленно только послѣ пересмотра всѣхъ извѣстныхъ до настоящаго времени списковъ житія. Опредѣлить это

---

[1]) Книга житій святыхъ или минеи-четьи св. Дм. Ростовскаго. Кіево-Печерская лавра. 1689, л. 284б—285. Cf. *Rigollot*, Ad. acta SS., p. 159—163.

[2]) *Когълничеанъ* Летопісіціле църій Молдовіі. I. Іашіі. 1853, p. 283; *Шіпкаі*, Хроніка Романілор. III. Іашіі. 1854, p. 58, an. 1653; *Missail*, Eposa luĭ Vasile Lupulŭ, şi Matheiŭ Bassarab VV. Bucurescĭ. 1866, p. 44, 115. Другія указанія у *Сырку*, Нѣсколько замѣтокъ..., стр. 399, примѣч. 4.

Библиотека "Руниверс"

было бы весьма важно, потому что отъ этого зависитъ рѣшеніе существеннаго факта въ исторіи Болгаръ и Румыновъ. Впрочемъ, по всѣмъ извѣстіямъ, кромѣ этого, султанъ Баязетъ сослалъ въ Бруссу „бдынскаго" царя Срациміра.

Нужно весьма сожалѣть, что преосвященный Мелхиседекъ за недостаткомъ данныхъ впалъ въ грубую ошибку относительно другого житія—св. Стефана Уроша III Дечанскаго, котораго онъ смѣшиваетъ съ Стефаномъ Лазаревичемъ; онъ разбираетъ житіе послѣдняго, написанное по желанію сербскаго патріарха Никона другимъ южнославянскимъ писателемъ того времени Константиномъ Костенчскимъ [1]). Вслѣдствіе этого смѣшенія авторъ очерка ошибочно называетъ Стефана Дечанскаго деспотомъ, а не царемъ. Григорій Цамблакъ написалъ житіе послѣдняго, вѣроятно, по случаю церковнаго его поминовенія. Судя по надписанію, можно было бы думать, что оно составлено въ то время, когда Цамблакъ не былъ уже игуменомъ Дечанскаго монастыря. Написалъ ли Григорій въ Сербіи что-либо, кромѣ этого, трудно сказать; я склоненъ думать, что нѣтъ, потому что иначе въ надписаніи его произведеній было бы отмѣчено его игуменство или покрайней мѣрѣ мѣсто его пребыванія. Подъ обителью Пандократоровой, встрѣчающейся въ надписаніяхъ произведеній Цамблака, мнѣ кажется, нужно разумѣть исключительно Нямецкій монастырь въ Молдавіи, а не Дечанскій, потому что послѣдній былъ бы названъ такъ, какъ и въ надписаніи житія Стефана Уроша III и вообще въ славянскихъ памятникахъ, тогда какъ первая—называется Пантократоровой. Въ рукописной замѣткѣ, приблизительно, XVII в.: „сты̑и великіи мс̑трь пантѡкраторѡвъ еже именѣетсѧ намацъ" (стр. 105).

Относительно втораго путешествія Цамблака въ Молдавію преосвященный Мелхиседекъ замѣчаетъ слѣдующее. „Наши (то-есть, молдавскія) лѣтописи и многія историческія замѣтки убѣждаютъ насъ въ томъ, что Цамблакъ во время Флорентійскаго собора находился въ Молдавіи. Но и самыя позднѣйшія произведенія Цамблака убѣждаютъ насъ въ томъ, что онъ пребывалъ въ Молдавіи... Вслѣдствіе того мы

---

[1]) Изд. *А. Поповымъ* въ «Изборникѣ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской ред. М. 1869», стр. 92—130; *Шафарикомъ* въ *Гласникѣ*, XXVIII, стр. 366—428, и *Ягичемъ* въ *Гласникѣ* XLII, стр. 242—328. О Константинѣ въ *Starinach*, I, стр. 1—6; *Šafařik*, Sebrań. sp., III, str. 181; Geschichte d. südslaw. Lit. III, S. 121, 244, и у *Јагића—Гласникъ*, XLII, стр. 229—243.

Библиотека "Руниверс"

утверждаемъ безъ малѣйшаго сомнѣнія, что Цамблакъ, отдавши долгъ признательности своему покровителю, деспоту Стефану, немедленно оставилъ Сербію и пріѣхалъ опять въ Молдавію около 1431—1432 гг." (стр. 42). Долгъ, о которомъ говорится здѣсь, произошелъ изъ ложнаго представленія, что Цамблакъ былъ въ Сербіи во время Стефана Дечанскаго. Такимъ образомъ мотивы вторичнаго пришествія Григорія въ Молдавію остаются неизвѣстными.

Молдавскій лѣтописецъ Григорій Уреки въ описаніи правленія Александра Добраго, въ началѣ пятой главы, передаетъ слѣдующее: „Въ 6940 г. въ дни этого Александра Добраго былъ большой соборъ въ Флоренціи, чтобы можно было соединить восточную церковь съ западною, которыя раздѣлились вслѣдствіе многихъ недоразумѣній и споровъ между главами вѣры. На этомъ соборѣ были патріархъ Константинопольскій и императоръ Іоаннъ Палеологъ со многими епископами и митрополитами. Еще и отъ нашей земли былъ посланъ Григорій Цамблакъ; а съ запада—самъ папа Христоφоръ съ кардиналами и съ архіепископами изъ многихъ мѣстъ и большимъ соборомъ монаховъ" (стр. 43) [1]). Другой молдавскій лѣтописецъ, Миронъ Костинъ передаетъ, нѣсколько исправляя Уреки, что Григорій былъ посланъ не во Флоренцію, а въ Константинополь: „Послалъ" говоритъ онъ,—„и Александръ воевода по желанію страны пословъ съ Григоріемъ Цамблакомъ. Не застали послы Александра воеводы въ Царѣградѣ ни патріарха, ни императора; вернуться назадъ, ничего не сдѣлавъ, имъ показалось не приличнымъ и они отправились вслѣдствіе этого въ Охриду, гдѣ нашли охридскаго епископа и, получивъ у него аудіенцію, такъ какъ они были посланы по дѣламъ вѣры, взяли оттуда священниковъ и сербскія (чит. славянскія) книги всего церковнаго круга" (стр. 43) [2]). Какъ ни темны, ни противорѣчивы, ни сбивчивы эти извѣстія, они констатируютъ тотъ фактъ, что въ послѣдніе годы правленія Александра Добраго Цамблакъ находился въ Молдавіи (стр. 44).

Григорій Уреки, очевидно, слѣдуя преданію [3]), смѣшалъ и Констанцскій соборъ, на которомъ былъ Григорій Цамблакъ, съ Флорентійскимъ, и Григорія Цамблака съ митрополитомъ Молдавскимъ Григоріемъ, который былъ дѣйствительно у папы предъ Флорентійскимъ соборомъ

---

[1]) *Коглэнічеанъ*, Летописіцеле цэріЇ МолдовіЇ. Т. 1. ІашіЇ. 1852, p. 105—106; *Picot*, Chronique de Moldavie par *Gr. Urechi*. Paris. 1876, p. 42—44.

[2]) *Коглэнічеанъ*, Ibid., p. 106, nota.

[3]) Cf. *Sbiera*, Grigorii Ureche. Buc. 1884, p. 67—69.

Библиотека "Руниверс"

въ 1435 г. и принялъ католичество; онъ былъ лично извѣстенъ папѣ Евгенію IV, отъ котораго сохранилось двѣ грамоты этому Григорію отъ 1435 г., 6-го марта; одна уполномочиваетъ Григорія идти съ проповѣдью въ Валахію, Молдавію и Болгарію [1]), а другая—охранная дорожная, salvus conductus, въ которой между прочимъ сказано: „Spiritus sancti lumine illuminatus, veritatem catholice fidei cognoscens, ad nostram et ecclesie romane unitatem et obedientiam redactus est“ [2]). Этотъ Григорій, вѣроятно, былъ одинъ изъ тѣхъ митрополитовъ-Грековъ, которые назначались на молдовлахійскую каѳедру въ Константинополѣ, но не принимались въ Молдавіи. По пылкой приверженности его къ латинству видно, что онъ былъ сторонникъ тогдашняго патріарха Константинопольскаго и императора Византійскаго. Можетъ быть, своею приверженностію къ Риму онъ желалъ привлечь на свою сторону Венгерскаго короля, чтобъ такимъ образомъ скорѣе достигнуть своей цѣли,—занять молдавскую митрополію. Въ этомъ, по моему разумѣнію, и кроется разгадка тому, что въ папской грамотѣ говорится: „in regno seu confinibus Hungariae“. Нѣтъ ничего удивительнаго, что папа, имѣя въ виду соединеніе церквей или, вѣрнѣе, подчиненіе восточной церкви себѣ, чтобъ склонить Венгерскаго короля принять участіе въ походѣ противъ Турокъ, обѣщалъ ему, что въ составъ венгерской короны войдутъ Молдавія, Валахія и Болгарія. Въ то время очень возможно было нѣчто подобное. Долго ли жилъ этотъ Григорій и пріѣзжалъ ли онъ въ свою епархію по полученіи папскаго salvi conducti, неизвѣстно. Но на соборѣ представителями отъ Молдавской церкви были митрополитъ Даміанъ, княжескій посолъ

---

[1]) *Rainaldi* Annal. eccles., an. 1435, № 27, IX, p. 227: ..... novissime te, qui retroactis temporibus ipsius Romanae ecclesiae ritum in cunctis articulis expresse professus et per chrismatis unctionem, quam ad praesentiam nostram veniens devote suscepisti, in nostra et dictae Romanae ecclesiae obedientia confirmatus existis, benignius complexi sumus, sperantes in Domino, qui, ... mentem tuam in veritatem catholicae fidei ita stabilitam et roboratam esse, ut non solum in eadem veritate permansura existas, sed Graecos ad hujus modi veritatis cognitionem verbo et exemplo sedulo inducere studebis ..... quantum nobis ex alto permitetur, providere volentes, tibi qui Spiritum Sanctum a Patre et Filio procedere, et omnes articulos, quos Sancta Romana ecclesia tenet indubie profiteris, omnes et singulos Graecos utriusque sexus cujuscumque ordinis, praeminentiae, vel dignitatis existant, Valachos, Vulgaros, et Moldav(l)achos in regno seu confinibus Hungariae in praesentiarum existentes, qui tuo suasu et hortatione, sive alias sponte ad nostram et dictae Romanae ecclesiae unitatem venire voluerint.

[2]) *Theiner*, Monum. Slavorum Meridionaliun. T. I. Romae. 1863, p. 374.

Библиотека "Руниверс"

Нягое и протоіерей Константинъ, подписавшіе соборные протоколы 5-го и 6-го іюля 1439 г. Отсюда можно заключить, что митрополитъ Григорій вскорѣ умеръ [1]), и на мѣсто его былъ назначенъ другой митрополитъ Даміанъ, вѣроятно, также изъ Грековъ. Что дѣйствительно въ румынской церкви произошла тогда смута, видно изъ извѣстія, хотя неправильно передаваемаго лѣтописцемъ Уреки и нѣсколько иначе повторяемаго Мирономъ Костиномъ. Но видно, эта смута не имѣла значенія въ церкви Молдавской, потому что о ней болѣе свѣдѣній не имѣется.

Князь Дмитрій Кантемиръ передаетъ болѣе или менѣе историческій фактъ. Разказывая, что Молдавскіе митрополиты получали хиротонію отъ Константинопольскаго патріарха до Флорентійскаго собора, онъ говоритъ между прочимъ: „Но, на этомъ соборѣ тогдашній молдавскій митрополитъ [2]), будучи человѣкомъ простымъ и мало ученымъ въ Св. Писаніи, подписалъ всѣ лживыя и обманныя установленія собора противъ желанія посла, котораго отправилъ съ нимъ Александръ Добрый, господарь Молдавіи, чтобы только получить седьмую каѳедру, обѣщанную ему папой вмѣстѣ съ другими почестями. Однако послѣ закрытія собора, онъ не рѣшился возвратиться въ Молдавію“ [3]). Затѣмъ, далѣе приводя посланіе Константинопольскаго патріарха Парѳенія къ Василію Лупу, Уреки называетъ патріарха Константинопольскаго Митрофана, который на Флорентійскомъ соборѣ подписалъ унію [4]) и этимъ навелъ подозрѣніе на патріаршій престолъ.

---

[1]) *G. Picot*, Chronique de Moldavie, p. 45, note. Преосвященный Мелхиседекъ видитъ въ этомъ Григоріѣ русскаго епископа Григорія, бывшаго во Флоренціи съ митрополитомъ Исидоромъ (стр. 53). Но для такого предположенія нѣтъ данныхъ.

[2]) Надеждинъ приводитъ даже имя этого митрополита: Митрофанъ. *Записки Одесскаго общ. ист. и др.* I, стр. 296. Онъ смѣшалъ имя патріарха Константинопольскаго, приводимое Кантеміромъ. Discriptio Moldaviae. Ed. acad. Rom. Bucurescï. 1872, p. 144.

[3]) Descriptio Moldaviae. Ed. Acad. Rum. Bucurescï. 1872, p. 144: Cum autem in ea synodo mitropolita, homo simplex et divinis scripturis parum exercitatus, quo promissam sibi septimi throni dignitatem acciperet, aliisque a papa propositis honoribus potiretur, protestantibus licet qui cum ipso erant Alexandri Boni Moldaviae principis legatis, fictis et captiolis illius synodi decretis subscripsisset, at conventiculo dissipato in Moldaviam redire non auderet.

[4]) Ibid., p. 145: «donec sub Iohannis Palaeologi imperio pseudopatriarcha Mitrophanes florentini conciliabuli decreta subscriberet, eoque ipsam primam oecumenicamque Constantinopoleos sedem merito cunctis orthodoxae fidei amatoribus suspectam rederet».

Библиотека "Руниверс"

Весьма основательно предположеніе преосвященнаго Мелхиседека, что сужденія о церковной уніи, вызвавшія Флорентійскій соборъ, начались задолго до созванія послѣдняго, чтобы такимъ образомъ установить заранѣе условія и способы введенія дѣла объ уніи, столь желательной для Іоанна Палеолога по политическимъ соображеніямъ. Предварительныя совѣщанія начались главнымъ образомъ съ 1431 г., когда на престолъ папскій вступилъ Евгеній IV, горячій сторонникъ уніи; къ нему явилась депутація изъ Константинополя для переговоровъ, которые продолжались до 1437 г., такъ какъ не приходили къ соглашенію между прочимъ относительно мѣста созванія собора (стр. 43—44)[1]). „Нужно предполагать", продолжаетъ далѣе преосвященный Мелхиседекъ,—„что приглашеніе на участіе въ соборѣ о соединеніи церквей сообщено было заблаговременно и Молдавіи прежде всего непремѣнно изъ Константинополя, еще при жизни Александра Добраго, около 1431 или 1432 года. Александръ Добрый сознавъ необходимость отправить молдавскую депутацію въ Константинополь, чтобы получить свѣдѣнія о цѣли будущаго собора. Во главѣ этой депутаціи былъ Цамблакъ" (ibid.). Ясно, что послѣднія слова прибавлены только для того, чтобъ оправдать извѣстіе Мирона Костина. Но когда именно пришелъ Цамблакъ въ Молдавію? Преосвященный Мелхиседекъ полагаетъ, что онъ могъ быть вызванъ Александромъ Добрымъ изъ Сербіи послѣ смерти Макарія, о которомъ извѣстно, что онъ въ 1429 былъ „митрополитомъ Молдо-Влахійскимъ и приморскихъ странъ" (стр. 45—46). Но если Григорій пріѣхалъ въ Молдавію по собственному побужденію, прибавляетъ авторъ,—то все же пріѣздъ его былъ весьма кстати (стр. 46). Мнѣ кажется, что Григорій былъ вызванъ воеводой, который нуждался въ такомъ дѣятельномъ и ученомъ человѣкѣ въ столь тяжелое для молдавской церкви время. Къ тому же и одинъ изъ сильнѣйшихъ враговъ Цамблака, Витовтъ, уже не былъ въ живыхъ (ibid.). Авторъ думаетъ, что Александръ Добрый съ земскимъ совѣтомъ избралъ Григорія преемникомъ Макарія на Молдавскую каѳедру и, по случаю предварительныхъ совѣщаній о будущемъ вселенскомъ соборѣ, отправилъ его въ Константинополь между прочимъ и для патріаршаго утвержденія (ibid.). Признавая однако, что Григорій Цамблакъ нигдѣ не называется митрополитомъ Молдавскимъ, онъ говоритъ, что въ то же время каѳедра Молдавская оставалась незанятою послѣ смерти Макарія болѣе 20 лѣтъ,

[1]) Объ этомъ подробно у *Пихлера*: Geschichte d. k. Trennung. S. 384—389.

Библиотека "Руниверс"

и такимъ образомъ хронологическій списокъ Молдавскихъ митрополитовъ представляетъ большой пробѣлъ (стр. 51). Предположеніе его, что Молдавская каѳедра оставалась не занятою, и притомъ такъ долго, совершенно неправильно. Ссылка автора на Лекіена и разсужденіе по этому поводу (стр. 51—52) только показываютъ, что авторъ, не справившись съ документами, впалъ въ ту же ошибку, въ какую впалъ и лѣтописецъ Григорій Уреки, смѣшавшій Григорія Цамблака съ митрополитомъ Григоріемъ, принявшимъ католичество. Кромѣ того, авторъ не только не опровергнулъ извѣстія, приводимаго Дмитріемъ Кантемиромъ, но даже оставилъ его безъ вниманія и притомъ не объяснилъ путаницы у Уреки.

По моему разумѣнію, если принявшій католичество митрополитъ Григорій не есть Григорій Цамблакъ, то послѣдній былъ вызванъ Александромъ Добрымъ тотчасъ послѣ того, какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что первый приверженъ къ Римской церкви. Но когда этотъ митрополитъ Григорій отправился къ папѣ, не извѣстно; въ 1433 г. онъ получилъ особое приглашеніе на соборъ отъ папы Евгенія IV [1]). Мнѣ не хочется вѣрить, чтобъ то былъ Григорій Цамблакъ: иначе папа не преминулъ бы дать ему полномочія и въ Сербіи, и въ Западной Россіи. Притомъ отношеніе Цамблака къ католичеству достаточно извѣстно въ настоящее время, чтобы не возводить на него такого обвиненія. Трудно согласиться съ авторомъ, что Григорій Цамблакъ былъ избранъ въ митрополиты Молдавскіе, такъ какъ нѣтъ для этого никакихъ данныхъ. Можно согласиться еще, что онъ могъ быть мѣстоблюстителемъ митрополичьяго престола Молдавской церкви, но не на долгое время, потому что патріархъ Константинопольскій Іосифъ поспѣшилъ, по всей вѣроятности, замѣстить принявшаго католичество митрополита Григорія другимъ лицомъ, и какъ онъ самъ даетъ понять, очень хорошо ему извѣстнымъ [2]), по имени Даміаномъ, какъ показываютъ акты Флорентійскаго собора [3]). Этотъ Даміанъ пребывалъ въ Молдавіи, судя потому что въ 1436 г. пріѣхалъ отсюда въ Константинополь по вызову импе-

---

[1]) *Le Quien.* Or. Christian. I, p. 1252; Исторія Флорентійскаго собора М. 1847, стр. 27, прим. в.

[2]) *Syropulos*, Vera historia unionis non verae inter Graecos et Latinos. Transtul. *R. Creyghton*. Hagae Comitis. 1660, p. 260—261; Исторія Флорентійскаго собора. М. 1817, стр. 153.

[3]) *Syropulos*, p. 44—45.

Библиотека "Руниверс"

ратора Іоанна Палеолога со свитою въ лицѣ княжескаго посла Нягое (ὁ Νεάγωγις) и одного протопопа [1]), вѣроятно, Константина, котораго подпись сохранилась въ актахъ собора [2]). Но нѣсколько раньше этого, хотя въ томъ же году, онъ былъ въ Константинополѣ, и здѣсь Іоаннъ Палеологъ наказывалъ ему стараться всѣми силами пропагандировать идею собора объ уніи, который имѣлъ собраться въ Италіи (стр. 55) и затѣмъ даже письменно увѣщавалъ его, а также и господаря Молдовлахійскаго [3]). Затѣмъ 27-го ноября 1437 г. Даміанъ вмѣстѣ съ патріархомъ и императоромъ выѣхали изъ Константинополя на соборъ, а въ мартѣ 1438 г. они были уже въ Феррарѣ и 8-го октября Даміанъ присутствовалъ при открытіи собора; въ 1439 г. онъ былъ во Флоренціи, куда перешелъ соборъ въ февралѣ мѣсяцѣ; 3-го мая того же года не подписалъ акта о соединеніи, и за это, вмѣстѣ съ Търновскимъ и Амасійскимъ митрополитами, выслушалъ укоры отъ престарѣлаго патріарха Іосифа; 5-го іюля онъ подписалъ актъ о соединеніи церквей [4]). Такимъ образомъ отсюда видно, что до 1439 г. молдавская каѳедра была занята. Что стало затѣмъ съ Даміаномъ, не извѣстно, потому что свѣдѣній объ этомъ нѣтъ. По всей вѣроятности, онъ возвратился вмѣстѣ съ другими представителями восточ-

---

[1]) Ibid.: ἦλθον ἐνταῦθα ὁ μητροπολίτης τε καὶ πρέσβις ὁ Νεάγωγις καὶ ὁ πρωτοπάπας. Нягое подавалъ голосъ между свѣтскими представителями въ засѣданіи 2-го іюня 1439 г. по вопросу о filioque (p. 268): ὕστερος ὁ Νεάγωγις, ὡς ἀπὸ τοῦ βοεβόδα τῆς Μολδοβλαχίας.

[2]) Онъ подавалъ голосъ между духовными депутатами касательно уніи въ засѣданіяхъ 5-го и 6-го іюля 1439 г.: πρωτοπάπας Κωνσταντίνος καὶ τοποτηρητὴς Μολδοβλαχίας. *Picot*, Chronique, p. 46, note. Преосвящ. Мелхиседекъ приводитъ по *Гардуину* его подпись: Archypresbyterus Constantinus et vicarius moldoblachensis subscripsit. (sic), говоря, что она помѣщена между подписями латинскихъ аббатовъ. Отсюда авторъ очерка выводитъ заключеніе, что этотъ archypresbyterus Constantinus былъ vicarius apostolicus въ Молдавіи. Трудно согласиться съ нимъ относительно этой подписи (стр. 54). Кажущіяся недоразумѣнія можно объяснить или испорченной или латинской редакціей актовъ. Кромѣ того, въ латинскихъ актахъ собора въ Conciliorum + XXXIII. Parisiis. 1646, p. 504, его: «Constantinus primus presbyter, et vicarius Moldoblachiae subscripsi»—начинаются надписями игуменовъ и настоятелей грековосточныхъ монастырей.

[3]) *Syropulos*, sect. III, cap. III; p. 45: εἰς καὶ τὴν Μολδοβλαχίαν ἀνέθηκαν τῷ μητροπολίτῃ πρὸ ὀλίγου ἀθέλθόντι ἐκεῖσε, καὶ ὕστερον πάλιν ἔγραψαν πρὸς αὐτὸν τε καὶ τόν αὐθέντην, καὶ ἦλθον..... Преосвящ. Мелхиседекъ дѣлаетъ невѣрную ссылку (стр. 55).

[4]) Ibid. pp. 45, 59, 67, 213, 261, 300—307; Исторія Флорентійскаго собора М. 1847. стр. 31, 38, 42, 104, 152—153, 173.

Библиотека "Руниверс"

ной церкви въ Константинополь въ 1440 г. [1]). Въ актахъ Константинопольскаго собора, созваннаго въ 1450 г. противъ Флорентійской уніи, онъ считается еще митрополитомъ Молдовлахійскимъ [2]). Но, по всей вѣроятности, онъ не возвратился отсюда въ Молдавію; румынскіе лѣтописцы ничего объ этомъ не говорятъ. Дм. же Кантеміръ передаетъ, что онъ не осмѣлился возвратиться. Впрочемъ, если онъ и возвратился, то едва ли былъ принятъ, по крайней мѣрѣ, хорошо. Но въ Молдавской церкви около этого времени произошло смущеніе, какъ можно видѣть у молдавскихъ лѣтописцевъ и Дмитрія Кантеміра. Григорій Уреки, говоря далѣе о численности собора и о томъ между прочимъ, что на немъ былъ папа Христофоръ [3]), о результатахъ его и о причинахъ, побуждавшихъ императора содѣйствовать его созванію, указываетъ, что латиняне ничего не хотѣли принять изъ того, что̀ предлагали православные [4]). Дмитрій Кантеміръ, сказавъ, что принявшій унію митрополитъ Молдавскій, не возвратился въ Молдавію, говоритъ: „А потому Маркъ, архіепископъ Ефесскій, послалъ въ Молдавію своего архидіакона, болгарина родомъ, который былъ весьма популяренъ, какъ аскетъ и истинновѣрующій. Но случилось, что и Константинопольскій сталъ на сторонѣ враговъ, онъ (то-есть, Маркъ Ефесскій) повелѣлъ ему, чтобъ онъ всегда принималъ благословеніе отъ Охридскаго архіепископа. И съ того времени, заключаетъ Кантеміръ,—Молдавскіе митрополиты обыкновенно принимали благословеніе постоянно отъ Охридскаго архіепископа до начала прошлаго столѣтія“ [5]), то-есть, до XVII вѣка. Въ другомъ мѣстѣ то же самое Кантеміръ повторяетъ въ нѣсколько иномъ видѣ.

---

[1]) Ducae Hist. byzant. Ed. Bon., p. 215 — 216. Cf. *Syropulos*. p. 230—231; Исторія Флорентійскаго собора, стр. 184.

[2]) Митрополитъ Никомидійскій Макарій подписывается за Даміана: ἔχων καὶ τὸν λόγον Δαμιανοῦ Μολδοβλαχίας. *Allatii* De perpetua consensione, p. 1387; о соборѣ ibid., p. 1380—1389. Въ болѣе исправномъ видѣ напечаталъ акты этого собора патріархъ іерусалимскій *Досиѳей* въ своемъ Τόμῳ ἀγαπῆς. Cf. *его же* Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱερουσαλήμοις πατριαρχευσάντων. Ἐν Βουκουρ· 1750. T. 2, B. 10, κ. 9, σελ. 915—917; Истор. Флор. соб., стр. 198—200.

[3]) Не есть ли это имя папскаго легата, пріѣхавшаго въ Венецію 8-го февраля 1438 г. на встрѣчу византійскому императору и константинопольскому патріарху, чтобы склонить ихъ отправиться къ папѣ. *Syropulos*, Vera historia, p. 81—85; Исторія Флорент. соб., стр. 44? Папъ съ такимъ именемъ около этого времени не было.

[4]) *Коглэничеанъ*, Летописіци. I, p. 160; *Picot*, Chronique, p. 44—46.

[5]) Descriptio Moldaviae. Buc. 1872, p. 144.

Библиотека "Руниверс"

До флорентійскаго собора, говоритъ онъ, у Молдаванъ были въ употребленіи латинскія буквы по примѣру другихъ народовъ, языкъ которыхъ происходитъ изъ языка римскаго. Но на этомъ соборѣ митрополитъ Молдавскій согласился съ латинянами, и преемникъ его Θеоктистъ Болгаринъ, діаконъ Марка Ефесскаго, чтобы уничтожить латинскую закваску изъ церкви молдавской и не давать повода молодымъ людямъ читать ихъ (латинянъ) ложныя книги, побудилъ господаря Александра Добраго изгнать изъ своей страны не только тѣхъ, которые держались чуждыхъ православной вѣрѣ мыслей, но и запретить латинскія слова и принять вмѣсто нихъ славянскія [1]). Эти извѣстія молдавскихъ лѣтописей и Дм. Кантеміра, при всей неточности и нѣкоторой тенденціозности ихъ, все-таки драгоцѣнны для изслѣдователя; всѣ они въ совокупности даютъ, болѣе или менѣе, не только вѣрное понятіе о событіяхъ, но и указываютъ на время, когда эти событія произошли.

На основаніи всего сказаннаго можно предположить, что Григорій Цамблакъ былъ отправленъ въ Константинополь, какъ передаетъ Миронъ Костинъ, но не Александромъ Добрымъ, а его преемникомъ, сыномъ Иліей, потому что, когда Григорій пріѣхалъ въ Константинополь, то здѣсь уже не засталъ ни патріарха, ни императора [2]); слѣдовательно, Григорій выѣхалъ изъ Молдавіи уже послѣ отправленія митрополита Даміана на соборъ чрезъ Константинополь. Цѣлью его поѣздки, по предположенію преосвящ. Мелхиседека, было получить отъ Константинопольскаго патріарха утвержденіе въ санѣ митрополита Молдавскаго (стр. 46). Но какже патріархъ могъ назначить другаго митрополита, когда молдавская каѳедра не была занята? При всей неопредѣленности отношеній Молдавской церкви къ Константинопольской патріархіи, предположенію автора, за неимѣніемъ данныхъ, нельзя придавать научное значеніе, тѣмъ менѣе, что из-

---

[1]) Ibid. p. 152: Ante conciliabulum Florentinum, exemplo reliquarum gentium, qui e Romano sermone suas linguas corrupere, latinis Moldavi utebantur characteribus. At cum in ea synodo Moldaviae mitropolita, uti supra diximus, ad castra Latinorum defecisset, successor ejus, Marci Ephesi diaconus, gente Bulgarus, nomine Theoctistus, quo magis eradicaret e Moldava ecclesia Latinorum fermenta, juvenibusque occasionem legendorum latinorum sophismatum adimeret, *Alexandro Bono* svasit, ut non solum homines diversa de sacris sentientes, sed et latinas literas e principatu suo exulare juberet, et iis slavonicas substitueret...

[2]) Ср. *Палаузовъ*, Румынскія господарства, стр. 67—79; *Записки Одесск. общ. ист. и др.* I, стр. 297.

Библиотека "Руниверс"

браніе Цамблака въ молдавскіе митрополиты не доказано. Наконецъ, и изъ отношеній Григорія къ Охридской церкви не видно, чтобы онъ былъ назначенъ митрополитомъ Молдавскимъ. Миронъ Костинъ прямо говоритъ, что Григорій былъ посланъ относительно „ученія вѣры, и взялъ оттуда (изъ Охрида) священниковъ и книги сербскія всего церковнаго круга". Здѣсь даже нѣтъ и слова о митрополитѣ или его утвержденіи. Къ какому же времени можно отнести поѣздку Григорія въ Охридъ, трудно сказать. Вѣроятнѣе всего, что онъ въ Константинополѣ пробылъ недолго.

Извѣстіе Дм. Кантеміра до настоящаго времени не подвергалось критическому разбору; между тѣмъ оно, по моему разумѣнію, важнѣе лѣтописныхъ. Несомнѣнно, что въ немъ есть элементы историческаго преданія, какъ и въ лѣтописныхъ; во всякомъ случаѣ это не выдумка Дмитрія Кантеміра. Составъ и тонъ извѣстія указываетъ прямо, что оно тенденціозно. Разказъ о введеніи славянскихъ буквъ у Кантеміра заключается слѣдующимъ: „eoque nimio et intempestivo zelo illius barbarei, говоритъ Кантеміръ, quae nunc Moldaviam tenet, primus auctor exstitit cum autem slavonici characteres non sufficerent pronunciationi omnium vocabulorum, quae moldavica lingva partim e latina corruperat, partim e vicinarum gentium dialectis adoptaverat, rite exprimendae, aliquot novi etiam characteres excogitari debuerunt, quo factum est, ut tantum literarum numerum postea moldavicus sermo acceperit, quantum nulla alia Europearum dialectus patitur" [1]). Изъ этого одного можно бы заключить, что извѣстія, приводимыя Кантеміромъ, составлены въ Трансильваніи, отчасти на историческомъ основаніи, среди румынъ-уніатовъ [2]). Отзывы о Маркѣ Ефесскомъ представляютъ отголосокъ противоправославныхъ тенденцій, образовавшихся на исторической основѣ, которыя, по всей вѣроятности, были очень популярны у трансильванскихъ Румыновъ [3]). Славянскія книги у Мирона Костина дали поводъ къ тенденціозному заключенію, что если славянскія книги были привезены изъ Охрида, значитъ, до ихъ полученія были въ употребленіи у Румыновъ книги латинскія съ латинскою азбукой. Чтобъ еще больше подтвердить это предположеніе, является на помощь теорія о римскомъ происхожденіи румынскаго народа, у котораго, eo ipso,

[1]) Descriptio Moldaviae. Buc. 1872, p. 152.

[2]) Cf. *Maiop*, Історіа пентрѣ фчепэтэ Ромънилор ф Дакіа. ф Буда. 1835, p. 249—258. *Marienescu*, Petru Maiorĕ. Buc. 1883, p. 37, 106—107.

[3]) Cf. *Maiop*, Історіа, p. 252.

Библиотека "Руниверс"

была латинская азбука, что достаточно развито Петромъ Майоромъ въ его „Исторіи о началѣ Румыновъ въ Дакіи“ [1]). Отсюда заключеніе вытекаетъ само собою: Римъ не чуждъ румынскому народу. Что же касается Александра Добраго, то онъ является въ этихъ извѣстіяхъ на основаніи преданія, сложившагося подъ вліяніемъ постепенно потемнявшихся въ памяти народной историческихъ данныхъ объ устройствѣ имъ Молдавской церкви [2]). Тѣмъ не менѣе извѣстія эти представляютъ историческія данныя, которыя даютъ возможность ориентироваться среди путаницы фактовъ. Дѣйствительно, окончательное выдѣленіе Молдавской церкви изъ-подъ юрисдикціи Константинопольскаго патріарха должно было произойдти въ 1440 г., по возвращеніи представителей восточныхъ церквей съ Флорентійскаго собора, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что унія принята восточными іерархами, по всей вѣроятности, при патріархѣ Митрофанѣ, который первый изъ принявшихъ унію возсѣлъ на патріаршій престолъ (4-го мая 1440 г.). Извѣстный своимъ угодничествомъ папѣ, онъ не пользовался популярностію, а тѣмъ менѣе въ такое смутное время; понятно, что на него и посыпались обвиненія въ отступничествѣ отъ православія, отъ которыхъ, благодаря смерти во Флоренціи (10-го іюня 1439 г.), избѣгъ престарѣлый патріархъ Іосифъ, не подписавшій акта объ уніи. По всей вѣроятности, по возвращеніи восточныхъ представителей съ собора въ Молдавію сдѣлалось извѣстнымъ, что митрополитъ Даміанъ отпалъ въ числѣ другихъ отъ православія и не могъ вернуться въ свою епархію вслѣдствіе отпаденія, какъ замѣчаетъ Дмитрій Кантеміръ. Нужно полагать, что съ этого именно времени Молдавская каѳедра считалась не занятою; по крайней мѣрѣ, въ Молдавіи могли считать ее не занятою. Въ это время, собственно говоря, и могъ Цамблакъ управлять Молдавскою церковію, какъ мѣстоблюститель, до избранія новаго митрополита. Что же касается Марка Ефесскаго, то послѣ заключенія уніи онъ пріобрѣлъ большое значеніе на востокѣ; всѣ истинно православные обращались къ нему за совѣтами и за разрѣшеніемъ разныхъ вопросовъ, имѣвшихъ общественное значеніе и важность [4]); его убѣжденіямъ приписываютъ возвращеніе Іоанна Палеолога къ православ-

---

[1]) Ibid., p. 249—251.

[2]) *Picot* et *Bengesco*, Alexandre le Bon, prince de Moldavie. Vienne. 1882 p. 50—59.

[3]) *Syropulos*, p. 332—333; Исторія Флорент. Соб. стр. 162—166, 186—187.

[4]) Ист. Флорент. соб., стр. 191—196.

Библиотека "Руниверс"

вію [1]). Нѣтъ ничего удивительнаго, что бывшему своему діакону Θеоктисту, попавшему въ Молдавію, онъ наказалъ имѣть общеніе съ охридскою автокефальною церковью, съ которою Молдавская церковь уже и прежде того была въ сношеніи [2]). Весьма впрочемъ возможно, что противоправославная партія, отъ которой должны исходить приводимыя Дмитріемъ Кантеміромъ извѣстія, тенденціозно приписываетъ инціативу въ этомъ дѣлѣ Марку Ефесскому. Что же касается упоминаемыхъ Мирономъ Костиномъ славянскихъ книгъ, привезенныхъ Цамблакомъ или кѣмъ-либо другимъ изъ Охрида, то можно предположить, что эти книги нужны были не для замѣны латинскихъ, которыхъ, конечно, никогда и не было у православныхъ Румыновъ, а потому, что не только въ Молдавіи, но и вообще у Румыновъ былъ очень большой недостатокъ въ книгахъ, а тѣмъ болѣе церковныхъ, которыя находили гораздо болѣе широкое примѣненіе къ практикѣ, чѣмъ свѣтскія. Такіе примѣры можно встрѣтить и у южныхъ Славянъ, у которыхъ въ то время литература была несравненно болѣе развита, чѣмъ у Румыновъ [3]). Такимъ образомъ, по моему разумѣнію, извѣстіе Кантеміра даетъ возможность предположить, что время Александра Добраго было началомъ примѣненія славянской азбуки къ звукамъ румынскаго языка и вообще началомъ румынской письменности, такъ-сказать, на славянской почвѣ; а до этого времени у Румыновъ употреблялись и латинская, и греческая, и славянская азбука, на что̀ и имѣются доказательства, основанныя на несомнѣнныхъ историческихъ фактахъ. Можетъ быть, Григорій Цамблакъ въ дѣлѣ установленія румынской азбуки игралъ не маловажную роль. Нельзя предполагать, чтобы такой воевода, какъ Александръ Добрый, который собиралъ около себя лучшихъ людей тогдашняго времени, какъ Григорій Цамблакъ, и сдѣлалъ столько преобразованій въ Молдавіи, не обратилъ серьезнаго вниманія на просвѣщеніе своего народа. Что въ его время въ Молдавіи господствовалъ именно славянскій языкъ въ церкви и жизни, на это есть историческіе факты.

Такимъ образомъ, послѣ всего сказаннаго, я позволяю себѣ допустить, что Дмитрій Кантеміръ, которому, благодаря его положенію,

---

[1]) Ibid., стр. 197—198, прим. b.

[2]) Ср. преданія объ автокефальности Румынской церкви, записанное *П. Саковичемъ* въ 1854 г. въ Нѣмецкомъ монастырѣ. *Русск. Инвалидъ* 1854, № 288, отд. отт., стр. 9.

Викторовъ, Собраніе рукоп. В. И. Григоровича. М. 1879, стр. 20—21.

Библиотека "Руниверс"

доступны были многіе документы и библіотеки во время составленія имъ Хроники Молдавско-Валашской, описанія Молдавіи и другихъ произведеній [1]), заимствовалъ приведенныя мною выше извѣстія изъ какой-нибудь хроники нач. XVI в., составленной въ Трансильваніи, хотя на основаніи историческихъ данныхъ, но съ явно тенденціознымъ римско-католическимъ или уніатскимъ направленіемъ или, по крайней мѣрѣ, подъ сильнымъ вліяніемъ послѣдняго.

Оставалась ли молдавская каѳедра послѣ флорентійскаго собора или, вѣрнѣе, послѣ 1440 г. не занятою, и сколько времени, или временно занята была Григоріемъ Цамблакомъ, не извѣстно. Извѣстно только, что митрополитъ Молдавскій Виссаріонъ, умершій въ 1456 или, вѣрнѣе, до этого года, зависѣлъ отъ Охридскаго архіепископа, какъ видно изъ письма воеводы Стефана къ Охридскому архіепископу Дороѳею [2]); но первый ли этотъ митрополитъ былъ поставленъ въ Охридѣ или по предписанію отсюда, или былъ еще до него другой, также не извѣстно. Изъ извѣстныхъ послѣ него молдавскихъ митрополитовъ первымъ упоминается Ѳеоктистъ, въ которомъ преосвященный Мелхиседекъ справедливо видитъ архидіакона Марка Ефесскаго, пославшаго его въ Молдавію митрополитомъ (стр. 60—62) [3]). Но это не совсѣмъ точно: Маркъ Ефесскій могъ послать Ѳеоктиста въ Молдавію не въ званіи митрополита, ибо самъ Маркъ умеръ до 1451 г. [4]). Кромѣ указанныхъ мѣстъ у Дмитрія Кантеміра, о Ѳеоктистѣ упоминаетъ еще и лѣтописецъ Уреки при миропомазаніи воеводы Стефана Великаго, при освященіи монастыря Путны (въ Буковинѣ) и въ разказѣ объ его смерти въ 1477 г. [5]). Что онъ поставленъ былъ въ Охридѣ, указано у этого же лѣтописца, но только ошибочно означено время,—при Югѣ воеводѣ [6]). По сообщенію молдавскаго лѣтописца Евстратія Логоѳета, слѣдовавшаго сербской лѣтописи монаха Азаріи, Ѳеоктистъ былъ поставленъ въ митрополиты при Але-

---

[1]) Cf. *Maior*, Istoria, p. 251—252.

[2]) Гласник, VII, стр. 177—178. *Голубинскій*, Исторія правосл. ц., стр. 370; cf. *Picot*, Chronique p. 90; *Melchisedec*, Chronica Romanului. I, p. 113—115.

[3]) *Палаузовъ*, op. c., стр. 67.

[4]) Исторія Флорентійскаго собора, стр. 200.

[5]) *Kogălniceanu*, Letopisiciile, I, p. 118, 123; *Picot*, Chronique, p. 92—93, 189, 156. *Melchisedec*, Chronica Romanului, I p. 114; *Hăjdĕu*, Archiva istorica a Romaniei, I. 1, p. 115; *Kogălniceanu*, Архіва Романеаскъ. Ед. 2. II. Іашіі 1860, p. 312; *Голубинскій*, Исторія православн. церкв. стр. 379.

[6]) *Kogălniceanu*, Letopisiciile, I, p. 102; *Picot*, Chronique, p. 28—29.

Библиотека "Руниверс"

ксандрѣ Добромъ Сербскимъ патріархомъ Никодимомъ „при благочестивомъ князѣ Георгіѣ Деспотѣ“ слѣдовательно до 1457 года или вскорѣ послѣ того [1]). Преосвящ. Мелхиседекъ полагаетъ, что этотъ Θеоктистъ былъ родомъ Румынъ и зналъ по румынски, такъ какъ иначе онъ не могъ бы быть митрополитомъ въ Молдавіи (стр. 62); но это предположеніе не основано на историческихъ данныхъ.

Исторія Нямецкаго монастыря или просто Нямцу, называвшагося въ старину обителью Пандократоровою, показываетъ, что Григорій Цамблакъ былъ тамъ игуменомъ, по замѣчанію преосвящ. Мелхиседека, между 1440 и 1450 гг. По славянской записи на евангеліи сербской редакціи виднѣномъ въ библіотекѣ Нямецкаго монастыря въ 1854 г. П. Саковичемъ, второй игуменъ монастыря, Силуанъ, жилъ еще 1438 г. и при немъ списано это евангеліе [2]). Въ синодикѣ этого монастыря онъ отмѣченъ третьимъ игуменомъ по числу (стр. 58) [3]). По исторіи монастыря его игуменство здѣсь отмѣчено съ 1439 г. [4]). Въ нѣсколькихъ историческихъ запискахъ въ церковныхъ книгахъ Нямецкаго монастыря,—записяхъ, сохранившихъ историческій фактъ, по преданію переходившій отъ поколѣнія къ поколѣнію, Григорій отмѣчается, также какъ игуменъ этого монастыря. Въ извѣстномъ уже архіерейскомъ требникѣ, за отмѣткой, что̀ „Григорій Цамблакъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій и всеа россіи, бывшій прежде учитель земли молдовлахійскаѣ“, своею рукою списалъ чинъ освященія церкви слѣдуетъ: „и игуменъ сты̑и великіи мс̑тръ пантѡкраторѡвъ еже именуетсѧ нѧмѧцъ и бывшагѡ на ѡсмѡмъ соборѣ на ѳлѡренцыа“ (стр. 105) [5]). Уже языкъ этой приписки показываетъ, что она написана не Славяниномъ и позднѣйшаго происхожденія; по опредѣленію описателя рукописи, послѣдняя относится къ XVII в. [6]), что̀

---

[1]) *Когэлничеанъ*, I, p. 113, прим. Лѣтописецъ Азаріи упоминается еще разъ Евстратіемъ Логоветомъ. Ibid., p. 116. Пока еще не издана лѣтопись послѣдняго, трудно будетъ сказать, что-либо опредѣленное и о *сербской* лѣтописи м. Азаріи Объ Евстратіѣ Логоветѣ у *Когэлничеана* Летописіиле. I, p. XI, *Popfiй*, Poesia si prosa. I. Oradea Mare. 1870. p. 215; *Popescu*, Cursй elem. de istoria liter. române. I. Buc. 1878, p. 26. *Lăzărică*й, Istoria liter. române. Sibiiй. 1884, p. 79.

[2]) *Русскій Инвалидъ*, 1854, № 288, отд. отт., стр. 12.

[3]) Ср. *Русскій Инвалидъ*, 1854, № 288, отд. отт., стр. 8—9.

[4]) (Іером. Андроникъ), Историе ѳскѡрт пентрѡ сѳжнта монастырѣ Нѣмцѡаѡи. Типографія Нямецк. м., p. 1.

[5]) Ibid. *Кишиневск. Епархіальн. Вѣдом.* 1880, стр. 1056, примѣч. 1.

[6]) Ibid.

Библиотека "Руниверс"

весьма правдоподобно. Слѣдовательно, сообщаемые въ ней факты можно отнести прямо къ преданію, которому, еслибъ оно стояло одиноко, не слѣдовало бы придавать особеннаго значенія. Но видно, что это преданіе шло отчасти изъ живаго историческаго факта, потому что оно повторяется еще и въ XVIII в., по видимому, независимо отъ вышеприведеннаго. Унгровлахійскій митрополитъ Григорій (1723 г.) свое сказаніе объ Нямецкой иконѣ Божіей матери (изд. въ м. Нямци въ 1847 г., л. 148) начинаетъ такъ: „Даемъ знать, что по обычаю земли Молдавской, случились здѣсь его высочество, господарь Александръ Воевода и преосвященный митрополитъ Іосифъ, который былъ на 8-мъ соборѣ и съ о. іеромонахомъ Георгіемъ (sic) Цамблакомъ, великимъ богословомъ (скончавшимся въ Москвѣ)“ и пр. (ibid.) [1]. Ясно, что въ этомъ страшно запутанномъ и затемненномъ преданіи митрополитъ Іосифъ смѣшанъ съ Даміаномъ, Григорій обращенъ въ Георгія, а умираетъ онъ въ Москвѣ только потому, что былъ въ Россіи митрополитомъ Кіевскимъ (ibid.). Эта приписка можетъ служить доказательствомъ, что во время Флорентійскаго собора Цамблакъ былъ въ Молдавіи, хотя это свидѣтельство—одно изъ самыхъ слабыхъ въ числѣ приводимыхъ преосвященнымъ Мелхиседекомъ. Наконецъ, въ двухъ славянскихъ сборникахъ Нямецкаго монастыря находятся такого рода двѣ замѣтки о Цамблакѣ, сдѣланныя епископомъ Романскимъ Пахоміемъ (1707—1714 гг.), а именно: въ сборникѣ № 20 онъ между прочимъ отмѣчаетъ: „Въ сей книгѣ помѣщены житіе св. Павла Ѳивійскаго и другія весьма полезныя житія многихъ другихъ святыхъ, и кромѣ того, есть преполезныя два сказанія: одно святаго Георгія, а другое на вербное воскресеніе, оба написанныя святымъ Григоріемъ Цамблакомъ, который былъ игуменомъ здѣсь, въ Нямецкомъ монастырѣ, и былъ на восьмомъ соборѣ и наконецъ былъ митрополитомъ Кіевскимъ, котораго я цѣловалъ святыя мощи въ пещерѣ“. Въ другомъ сборникѣ № 106 тотъ же Пахомій пишетъ: „Здѣсь помѣщено и мученіе святаго Іоанна Новаго, описанное святымъ Григоріемъ Цамблакомъ, который былъ сначала учителемъ въ Молдавіи и игуменомъ здѣсь у Нямцу и затѣмъ митрополитомъ въ Кіевѣ, и тамъ я цѣловалъ его святыя мощи“. И въ этихъ двухъ припискахъ такая же путаница въ расположеніи событій въ жизни Цамблака, какъ и въ прежнихъ; но здѣсь кромѣ того указано, что Григорій Цамблакъ святой, и что самъ Пахомій видѣлъ его мощи и цѣловалъ ихъ въ Кіевѣ. „Все это

[1]) *Русскій Инвалидъ* 1854, № 288, отд. отт., стр. 8—9.

Библиотека "Руниверс"

указываетъ, говоритъ преосвященный Мелхиседекъ, — на ослабленіе преданія о Цамблакѣ; указываетъ на отсутствіе положительныхъ данныхъ и восполненіе ихъ фантазіей" (стр. 106). Къ сожалѣнію, не извѣстно, передаетъ ли Пахомій свои заключенія о Цамблакѣ, или же то, что̀ онъ узналъ о немъ въ Кіевѣ во время своего путешествія, когда онъ былъ еще игуменомъ того же Нямецкаго монастыря. Авторъ очерка, по видимому, склоненъ приписать все это одному Пахомію. Вотъ какъ онъ отзывается о послѣднемъ по этому случаю: „Пахомій, составивъ себѣ понятіе о высокой аскетической жизни Григорія и о митрополіи его въ Кіевѣ, былъ увѣренъ, что онъ святой, и что мощи его, разумѣется, находились въ кіевскихъ пещерахъ. Этотъ епископъ самъ былъ великимъ аскетомъ; онъ былъ еще игуменомъ Нямецкаго монастыря, когда былъ въ Кіевѣ на поклоненіе тамошнимъ святымъ мощамъ. Во время этого путешествія онъ встрѣтился съ великимъ русскимъ проповѣдникомъ, святымъ Дмитріемъ Ростовскимъ, который укрѣпилъ его въ аскетическихъ подвигахъ. Пахомій около 1714 г. оставилъ епископскую каѳедру и поселился въ основанной имъ пустынѣ въ горахъ Нямецкаго монастыря (Покровъ) и затѣмъ переселился въ Кіевъ, гдѣ и умеръ (Chronica Romanului, I, p. 322—352). Между святыми, мощи коихъ почиваютъ въ Печерской лаврѣ, числомъ 112, три носятъ имя Григорія: a) Григорій чудотворецъ, жившій около 1064 г.; b) Григорій живописецъ, неизвѣстно когда жившій и c) другой Григорій чудотворецъ, тоже неизвѣстно когда жившій (Указатель святыни. Кіевъ 1850, стр. 40—65). Безъ сомнѣнія, Пахомій изъ уваженія къ памяти Цамблака, рѣшилъ, что онъ скрывается въ имени послѣдняго Григорія чудотворца, котораго ни одно государство и ни одна мѣстность не могли присвоить себѣ, такъ какъ никто не зналъ ни его жизни, ни когда и гдѣ онъ жилъ. Подарокъ Пахомія хранится и въ настоящее время въ Кіевѣ: это частица мощей, палецъ святого архидіакона Стефана, привезенный имъ въ Кіевъ изъ Нямецкаго монастыря (Указатель, стр. 25 — 26)" (стр. 106—107).

Историкъ Нямецкаго монастыря, его постриженникъ, бывшій здѣсь долгое время библіотекаремъ, іеросхимонахъ Андроникъ, пребывающій въ настоящее время въ Ново-Нямецкомъ монастырѣ (Кицканахъ въ Бессарабіи), свидѣтельствуетъ, что Цамблакъ похороненъ въ большой церкви Нямецкаго монастыря, „въ среднемъ придворѣ, возлѣ о. Силуана, гдѣ лежатъ два камня одинъ возлѣ другаго, передъ иконой святого вознесенія". Преосвященный Мелхиседекъ замѣчаетъ, что

Библиотека "Руниверс"

„послѣ передѣлки послѣднихъ годовъ, бывшей въ большой церкви Нямецкаго монастыря, въ настоящее время этихъ камней не видно; они или сняты, или углублены, такъ какъ весь полъ церкви выстланъ мраморными плитами“ (стр. 62). Но въ другомъ мѣстѣ, говоря, что „преданіе, сохранившееся въ Нямецкомъ монастырѣ, о смерти Цамблака и о погребеніи его имѣетъ тамъ всю достовѣрность исторической истины“, преосвященный Мелхиседекъ предполагаетъ, что „или до основанія нынѣшней церкви Стефаномъ Великимъ тамъ (то-есть на этомъ мѣстѣ; такъ я понимаю) стояла другая церковь, или же нынѣшняя церковь построена на мѣстѣ, гдѣ были похоронены первые игумены монастыря, между которыми третьимъ былъ Цамблакъ“ (стр. 62—63).

Такимъ образомъ, всѣ преданія и свидѣтельства ясно подтверждаютъ, что Григорій Цамблакъ дѣйствительно былъ игуменомъ Нямецкаго монастыря въ Молдавіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ они какъ будто даютъ понять, что его игуменство относится ко времени до его отправленія въ Россію, то-есть, до 1406 г. Но это недоразумѣніе разрѣшается весьма удовлетворительно исторіей основанія Нямецкаго монастыря. Онъ былъ основанъ въ концѣ XIV в. тремя славянскими отшельниками, Софроніемъ, Пименомъ и Силуаномъ, пришедшими сюда изъ-за Дуная, послѣ завоеванія почти всего Балканскаго полуострова Турками, и положившими ему начало пустынью у подножія Карпатъ. Они были хорошо приняты и почитаемы въ Молдавіи. Воевода Стефанъ Старый (1390—1398 гг.) построилъ имъ тамъ небольшую каменную церковь Вознесенія Господня, подарилъ имъ колоколъ съ означеніемъ 6901 (1392) г. сентября 12-го и приписалъ три имѣнія изъ воеводскаго имущества: Дворенешты, Бузацъ и Фынтъ-неле. Александръ Добрый въ 1422 г. подарилъ имъ еще одно имѣніе Онча“ (стр. 58—59). Отсюда ясно видно, что въ первое пребываніе Григорія Цамблака въ Молдавіи онъ не могъ быть игуменомъ этого монастыря, потому что послѣдній тогда былъ еще незначительною пустынью.

Согласно съ тѣмъ, къ этому времени можно отнести всѣ сочиненія Цамблака, въ надписаніяхъ которыхъ значится между прочимъ и „игумена обители пантократоровы“, а именно:

1. Слово похвальное 40 мученикамъ (синод., стр. 135, 146; XVI в. Царск., стр. 391; XVII в. Троицко-Серг. лавр. III, стр. 26; Іосиф. Волокол. мон. Строевъ, Библіологич. сл. стр. 67; но въ

Библиотека "Руниверс"

Толст. сп. XVII в., II, стр. 358, и Аѳ. св. Павла монаст. стр. 34—35 въ надписаніи стоитъ: „митрополиту Россійскому).

2. Слово въ великій четвергъ (синод., тамъ же; XV в. Троицко-Серг. лавр. I, стр. 173; XVII в. Казанск. дух. ак., стр. 660; XVI в. Толстаго, стр. 167. Ср. Почаевск. Пчелу. I, стр. 163—172).

3. Въ великій пятокъ (синод., стр. 136, 146; XV в. Троицко-Серг. лавр. III, стр. 151 безъ упоминанія имени въ надписаніи; XVII в. Казанск. дух. ак., I, стр. 661; XVI в. Толстаго, стр. 167. Ср. Почаевск. Пчелу. I, стр. 179—194).

4. Похвальное св. пророку Иліи (синод., тамъ же, стр. 137; XV—XVI вв. Троицко-Серг. лавр., III, стр. 35, 151 (XV в. безъ означенія имени); XVI в. Троицк. дух. сем., стр. 59; XVII в. Толстого, стр. 200; XVIII в. Рум. м., стр. 706; Іосифа-Волоколамск. монаст. Строевъ, Библіологич. сл., стр. 68; Импер. Публ. библ. Макарій, Исторія Русск. ц. V, стр. 439, прил. II; Аѳонск. св. Павла монаст.: Гр. Россійскому, стр. 35).

5. Похвальное св. великомуч. Георгію (синод., стр. 137, 146 (безъ упоминанія имени), Нямецк. монаст. № 20: Григорія монаха и пресвитера и игумена св. обители Пантократоровы (стр. 79); а въ сп. XVI в. Аѳонск. св. Павла монаст. у о. Леонида, Чтенія... 1875, кн. I, отд. V, стр. 46, 40 (XVII в.) и у архіепископ. Филарета (изд. 3-е), стр. 103 — 104: Григорія Россійскаго). Объ этомъ словѣ преосв. Мелхиседекъ замѣчаетъ: „По надписанію видно, что оно произнесено въ Молдавіи“ во время перваго пребыванія здѣсь Цамблака „и, безъ сомнѣнія, въ день храмоваго праздника Сучавской митрополіи, которая посвящена этому святому, считающемуся издавна покровителемъ румынскаго войска“ (стр. 79).

Наконецъ 6., мченіе стаго и славнаго мчника Іѡанна новаго иже въ Бельградѣ мжчившагоса. Во всѣхъ русскихъ спискахъ (синод., стр. 138, 146; XVI в. Рум. м., стр. 676; Публ. библ. I, 443; въ спискахъ разныхъ библ. у Строева, стр. 70 и Филарета (3-е изд.), стр. 103; Царскаго, стр. 395; XVII в. ibid., стр. 65—66, 499, 778; Троицко-Серг. лавр. III, стр. 31; Ундольск. № 1421, стр. 64; № 316, стр. 232) надписывается: списажеса Грогоріемъ мнихомъ, игуменомъ (честныа) ѡбители пантократоровы и презвитеромъ великой церкви молдовлахійской; только въ одномъ спискѣ (Нам. монаст., № 106, стр. 536. По этому списку издано не совсѣмъ исправно преосвящ. Мелхиседекомъ впервые съ рукописи съ румынскимъ переводомъ,—стр. 85—100): мнихомъ и презвитеромъ въ вели -

Библиотека "Руниверс"

кой церкви молдавлахійской. Лѣтописецъ Григорій Уреки передаетъ, что Александръ Добрый во второй годъ своего правленія, то-есть, въ 1402 г., „съ большими издержками перевезъ изъ земли языческой святыя мощи великомученника Іоанна Новаго и положилъ ихъ въ своей знаменитой крѣпости, что̀ въ городѣ Сучавѣ, съ великою честію и похвалой для охраненія его высочества и сохраненія престола". Онъ же, кромѣ того, передаетъ, что въ церковныхъ книгахъ помѣщено житіе святаго въ среду и четвергъ на русальной недѣлѣ; „тогда прославляетъ онъ вся страна наша, поясняетъ лѣтописецъ, въ святой митрополіи въ Сучавѣ, гдѣ покоятся его мощи" [1]). Въ это время Григорій Цамблакъ находился въ Молдавіи, и безъ сомнѣнія, Александръ поручилъ ему составленіе похвальнаго слова святому; но оно было написано только послѣ этого воеводы. Это слово, по изслѣдованіямъ преосвященнаго Мелхиседека, съ давнихъ поръ переведено на румынскій языкъ, сперва въ „Поученіяхъ" митрополита Варлаама, изданныхъ въ Ясахъ въ 1643 г. (часть 2-я, л. 79), но безъ означенія имени его автора, затѣмъ помѣщено между житіями святыхъ, переведенными съ русскаго и напечатанныхъ въ Нямецкомъ монастырѣ въ 1813 г. Здѣсь оно надписывается, какъ въ русскихъ спискахъ и печатныхъ Четьи-Минеяхъ: (писанное Григоріемъ Монахомъ, игу́меномъ обители Пантократовы, иже бѣ пресвутеръ великіа ц҃ркви Молдовлахійскіа). Оба эти румынскія слова сходны другъ съ другомъ, кромѣ языка. Но нямецкое изданіе различается отъ Варлаамова и Цамблакова добавленіемъ о перенесеніи мощей въ правленіе Собѣскаго въ Польшу митрополитомъ Досиееемъ со времени перенесенія столицы молдавской въ Ясы и возвращеніи ихъ въ Сучаву при австрійскомъ императорѣ Іосифѣ послѣ отнятія Буковины отъ Молдавіи. Изъ сравненія перевода Варлаама съ славянскимъ рукописнымъ оригиналомъ видно, что переводъ сдѣланъ очень свободно и нельзя составить себѣ точное понятіе о характерѣ стиля произведеній Цамблака. Кромѣ того, Варлаамъ допустилъ большой анахронизмъ: онъ представляетъ крѣпость бѣлградскую потому, какъ она была во времена автора (чит. переводчика), то-есть, 1643 г., когда здѣсь владычествовали Турки; между тѣмъ изъ слова видно совершенно другое (стр. 84).

Это слово, давшее поводъ преосвященному Мелхиседеку написать

[1]) *Котынічеапъ*, Летописіціле, I, p. 103; *Picot*, Chronique, p. 32; *Picot et Bengesco*, Alexandre le Bon, p. 57.

Библиотека "Руниверс"

цѣлый очеркъ о Григоріѣ Цамблакѣ (стр. 83, примѣч. 1), имѣетъ весьма важное значеніе для исторической этнографіи и исторіи торговли въ нынѣшней Бессарабіи и на южномъ берегу Чернаго моря. Вслѣдствіе того оно заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ другія произведенія Цамблака.

Относительно источниковъ этого слова преосвященный Мелхиседекъ замѣчаетъ, что основныя замѣтки о мученичествѣ св. Іоанна Новаго Цамблакъ могъ заимствовать въ самомъ Бѣлградѣ (Аккерманѣ) изъ преданій, сохраненныхъ въ памяти тамошнихъ стариковъ или, можетъ быть, въ какой-нибудь книгѣ той церкви, гдѣ лежали мощи святаго до перенесенія ихъ въ Сучаву. Подробности могли быть произведеніемъ Цамблака въ стилѣ и духѣ всѣхъ церковныхъ легендъ о мученикахъ. Слово это однако написано Цамблакомъ уже послѣ смерти Александра Добраго (стр. 100). Можно считать вполнѣ основательными эти замѣчанія автора очерка. Еще въ настоящее время существуютъ преданія въ Аккерманѣ [1]), а во времена Александра эти преданія, разумѣется, хранились и передавались въ большей чистотѣ и были гораздо ближе къ истинѣ. Несомнѣнно должно было существовать въ Аккерманѣ писанное житіе св. Іоанна, но до настоящаго времени не удалось напасть на слѣды его. Извѣстное нынѣ житіе Іоанна существуетъ въ двухъ версіяхъ: одна принадлежитъ Цамблаку, а другая—болѣе позднему времени, вѣроятно, XVI в., какъ видно ясно изъ его содержанія. Судя по указанію на Александра Добраго въ первой версіи, оно составлено дѣйствительно послѣ смерти этого воеводы, слѣдовательно, во время втораго пребыванія Цамблака въ Молдавіи. Съ нѣсколько подновленными выраженіями перифразами оно напечатано въ Четьи-Минеяхъ св. Дмитрія Ростовскаго (подъ 2-мъ іюня) и по этому тексту переведена на румынскій языкъ митроп. Досиѳеемъ. Объ этомъ именно переводѣ и говоритъ преосвященный Мелхиседекъ.

Преосвященный Мелхиседекъ указалъ почти на всѣ данныя изъ этого житія, которыя имѣютъ значеніе для исторіи и этнографіи, такъ что мнѣ остается прибавить не многое.

Относительно времени мученичества Іоанна авторъ говоритъ: „Цамблакъ передаетъ намъ, что мощи св. Іоанна послѣ вынутія изъ гроба были положены въ бѣлградской церкви“, по преданію, св. Іоанна Крестителя; „съ того времени до перенесенія ихъ въ Молдавію

[1]) *Кишиневск. Епархіальн. Вѣдом.* 1879 г., отд. неоф., стр. 213—227.

Библиотека "Руниверс"

прошло 70 съ чѣмъ-то лѣтъ. Предполагая, что въ первомъ гробѣ, откуда „фрѧгъ", его доносчикъ и клеветникъ, хотѣлъ украсть его, лежали мертвые останки святаго, по крайней мѣрѣ, 10 лѣтъ, такъ какъ не тотчасъ послѣ смерти прославляются святые и ихъ мощи, а по истеченіи нѣкотораго времени, заключаемъ, что отъ смерти святаго до перенесенія мощей въ Сучаву прошло, по крайней мѣрѣ, 80 лѣтъ. Зная изъ молдавскаго лѣтописца, что Александръ перенесъ мощи святаго Іоанна въ Сучаву изъ Бѣлграда во второй годъ своего правленія, то-есть, въ 1402 г., заключаемъ, что мученичество святаго Іоанна случилось около 1330 г. или самое раннее около начала XIV в." (стр. 101).

Мученикъ Іоаннъ былъ родомъ изъ Трапезунта, который славился въ то время своею торговлею не только по берегамъ Чернаго моря, но и во всемъ тогдашнемъ торговомъ мірѣ; въ его гавань приходили корабли всѣхъ національностей и въ особенности съ того времени, какъ тамъ поселились Генуэзцы до 1317 г. [1]). Іоаннъ былъ купецъ и занимался морскою торговлею; принадлежа къ знатной трапезунтской фамиліи, онъ имѣлъ возможность получить весьма хорошее для своего времени образованіе; по всей вѣроятности, благодаря своему образованію, онъ могъ выдержать и даже съ побѣдой отражать нападенія своихъ противниковъ по вѣрѣ [2]). Нужно полагать, что иностранный мужъ, родомъ „фрѧгъ", на кораблѣ котораго Іоаннъ отправился изъ Трапезунда съ своими товарами, и который привезъ его въ Бѣлградъ (Аккерманъ), былъ Генуэзецъ и, разумѣется, католикъ („латинскыѧ ереси сѫща"), „суровый нравомъ, немилостивый и безчеловѣчный". Весьма интересны сообщенія Цамблака о Бѣлградѣ (Бѣлгородъ, Бѣлоградъ, нынѣшній Аккерманъ, „иже къ вѡспороу", у Грековъ Ἀσπρόκαστρον начиная съ Константина Багрянороднаго [3]), отъ которыхъ сдѣлался извѣстнымъ и на западѣ: Albicastrum [4]), а потомъ Maurocastron съ варіантами: Moncastro, Morucastro, Mocastro на картахъ XIV—XV вв. [5]); у Румыновъ

---

[1]) *Heyd*, Le colon. commerc. delli Italiani al Mare Nero. II, p. 88; *Брунъ*, Черноморье. I Одесса. 1879, стр. 218—219; *Bent*, Genoa. How the republic, rose and fall. London. 1881, p. 110—118.

[2]) *Горскій* и *Невоструевъ*, Опис. рукоп. II, 3, стр. 138; Четьи-Минеи Дмитрія Ростовскаго (іюнь, іюль и августъ). Кіево-Печерская лавра. 1705, л. 19 обор.

[3]) De administr. imp., c. 37; *Брунъ*, Черноморье. I, стр. 79—167.

[4]) Acta SS. Junii t. I, p. 257.

[5]) *Брунъ*, Черноморье, I. 79.

Библиотека "Руниверс"

съ давнихъ поръ Cetetea Albă). По житію, этотъ городъ въ XIV и, вѣроятно, въ XV вв. былъ населенъ христіанами, Евреями и огнепоклонниками, которые прославляли „свѣтозарное солнце", воздавали честь „предвозсіяющей солнцу звѣздѣ" и приносили жертвы „небеснымъ свѣтиламъ, вселенную осіявающимъ" [1]). По всей вѣроятности, подъ огнепоклонниками здѣсь нужно разумѣть Татаръ Ногайскихъ, которые въ XIV—XV вв. занимали пространство между Дономъ и Днѣстромъ по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей (стр. 102) [2]). Христіане имѣли церковь и священниковъ (стр. ibid.); о епископѣ не говорится, хотя въ самомъ началѣ XV в. здѣсь была епископская каѳедра, подчиненная Галицкому митрополиту и считавшаяся между епархіями Малой Россіи (τῆς Μικρᾶς Ῥωσίας [3]). Хотя христіанская вѣра была терпима, но Татары вели пропаганду въ пользу своей; причемъ въ нужныхъ обстоятельствахъ употребляли насиліе и смертную казнь. Евреи, какъ и всегда, питали ненависть и злобу противъ христіанъ (ibid.). По видимому, представители всѣхъ трехъ народностей группировались по отдѣльнымъ частямъ или кварталамъ города; по крайней мѣрѣ, въ житіи прямо указывается еврейская часть [4]). Градоначальникъ (ѵпархъ) былъ Персіянинъ родомъ (стр. 86) [5]); въ городѣ были врачи „многохѫдожни, ѿ Индіѩ и Персиды пришедшеи" (стр. 94) [6]). Судя по тому, что „ФРАГЪ" пристадъ къ Бѣлграду, можно думать, что между Трапезундомъ и Бѣлградомъ существовали постоянныя торговыя сношенія.

„Не можемъ опредѣлить, долго ли продолжалось владычество Татаръ надъ Бѣлградомъ", говоритъ преосвященный Мелхиседекъ.—„Но можемъ утвердительно сказать, что въ томъ же XIV в. онъ перешелъ подъ власть Молдавіи; хотя не можемъ утвердительно сказать, въ управленіе котораго изъ самыхъ давнихъ господарей. Что намъ положительно извѣстно, такъ это то, что въ 1392 г. воевода Романъ

---

[1]) Четьи-Минеи св. Дм. Ростовскаго (за іюнь, іюль и августъ), л. 20.

[2]) Ср. Rösler, Rumänische Studien. Leipzig. 1871, S. 334.

[3]) Miklosich et Müller, Acta Patr. Const. II, p. 529.

[4]) У преосвящ. Мелхиседека, стр. 96: „Влачѧи сѧвозѣ Іудеискаа жилища. Четьи-Минеи Дм. Ростовскаго, л. 22: Влачай же сѧтаго всадникъ, ꙗко достиже жилищъ Іудейскихъ, и течѧ прохождаше оулицы ихъ; множество Іудейское ругашесѧ влачимому мчнику".

[5]) Ibid., л. 19 об.

[6]) Ibid., л. 21 об.

Библиотека "Руниверс"

титулуется: „велики самодержавнъи милости божи господинъ Іѡ Романъ воевода. обладаа землею молдавъскою ѿ планины до мора“ [1]). Цамблакъ передаетъ намъ, что Александръ Добрый „бл҃гочс̑тиви“ господствовалъ надъ „всею молдовлахіею и помор҃ію“ [2]) Хотя Цамблакъ прямо и не говоритъ, что мощи св. Іоанна перенесены были изъ города, подвластнаго Александру Доброму; но изъ его разказа можно заключить, что Молдавскій господарь распоряжался въ своихъ владѣніяхъ. Онъ передаетъ, что узнавъ о чуде сахъ святаго, воевода Александръ, „мужъ инъıми ѹкрашающеса бл҃гъıми нж и м̑николюбноу сжщу. єлма... м̑ческъıи увидѣ мощеи и сѝ желанiемъ ѡбьѧть бывь, и съ съвѣтомь иже тогда пр҃кѡвнаа правящаго сщиннѣйшаго архіепкпа Іосифа, посылаетъ воѝмжа съ довол҃ньимъ воиньствомъ. сѐ великою чьстiж прѣнести къ немоу дос̑тоинославъное м̑нка тѣло. еже приемъ въс̑корѣ“.... [3]). Основываясь на этихъ словахъ, я думаю, что заключеніе преосвящ. Мелхиседека о принадлежности Бѣлграда или Аккермана Молдавіи въ началѣ XIV в. (стр. 102) [4]) достовѣрно. Можетъ быть, также вѣрно до нѣкоторой степени и заключеніе его на основаніи выраженія „велмжа съ довольнымъ воиньствомъ“, что молдавскіе бояре были полководцами (стр. 109). Такое же заключеніе, по видимому, вытекаетъ и изъ слѣдующихъ стиховъ румынской пѣсни „Ștefănită Vodă“:

„Mîndră masă e întinsă
Și de marî boerî cuprinsă,
Tot boerî de-a ostilor,
Puterea domniilor
Și gróza dușmanilor“ [5]).

---

[1]) *Hăjdĕŭ*, Archiva istorică a Românieĭ. I, p. 18; *Melchisedec*, Chronica Romanuluĭ. I, p. 5.

[2]) *Горскій* и *Невоструевъ*, Опис. сл. р. II, 3, стр. 138; *Melchisedec*, p. 98: всеж молдовлахіж и помор҃ію.

[3]) Ibid., p. 98—99; *Горскій* и *Невоструевъ*, Опис. II, 3, стр. 138.

[4]) Ср. *Палаузовъ*, Румынскія господарства Молдавія и Валахія. С.-Пб. 1859 стр. 73; *Брунъ*, Черноморье I, стр. 222.

[5]) *Alexandri*, Poesiĭ populare ale Românilor, Bucureșcĭ. 1866, № LI, p. 206: „Пышный столъ растянутъ и окруженъ великими боярами, все боярами воинрскими,—силою господарей и грозой врагамъ“. Cf. *Philippide*, Incercări asupr stăreĭ sociale a poporuluĭ Român în teecut. Jassy. 1881, p. 23; *Graf*, Della oesia populare rumena—*Nuova Antologia*, vol. 30, p. 31.

Библиотека "Руниверс"

Едва ли однако можно согласиться, чтобы все молдавское боярство было служилымъ сословіемъ.

Позднѣйшая версія слова, по всей вѣроятности, составлена по-гречески, разумѣется, Грекомъ въ турецкое время [1]) и потомъ митрополитомъ Варлаамомъ (упоминается въ 1632—1652 гг.), переведена на румынскій языкъ, когда память о Цамблакѣ въ Молдавіи была значительно изглажена; на славянскій языкъ, сколько мнѣ извѣстно, она не была переведена. По этому житію Іоаннъ пострадалъ въ 1492 г.—2-го іюня, слѣдовательно, въ турецкое время; Іоанна заставляютъ, разумѣется, принять исламъ. Въ концѣ сказано: „съ согласія митрополита молдовлахійскаго Іосифа“ Александръ „отправилъ въ Аспрокастръ избранныхъ іереевъ, нѣкоторыхъ вельможъ и воинскую стражу для перенесенія мощей“. По перенесеніи мощи положены были „въ церкви митрополіи—въ городѣ Журджѣ [2]), который, разумѣется, митрополитомъ Варлаамомъ исправленъ на Сучаву. Это житіе, по-видимому, широко распространено и до настоящаго времени, и не только у Румыновъ, но и въ Россіи, судя по недавней замѣткѣ о перенесеніи части мощей Іоанна „изъ Сочавскаго монастыря“ въ Аккерманъ и положеніи ихъ въ здѣшней греческой церкви; по этой замѣткѣ годъ его страданія тотъ же 1492 [3]). Хотя житіе не было въ славянскомъ переводѣ, но имѣло, мнѣ кажется, большое вліяніе на составленіе той версіи Цамблакова слова, которая напечатана у Димитрія Ростовскаго, хотя въ послѣднемъ главнымъ образомъ подновленъ только языкъ.

Этими сочиненіями исчерпывается вся литературная дѣятельность Григорія Цамблака.

Относительно послѣднихъ дней его преосвящ. Мелхиседекъ говоритъ, что Цамблакъ жилъ приблизительно до 1450 г., судя потому, что въ исторіи Нямецкаго монастыря съ 1452 г. здѣсь является игуменомъ іеромонахъ Симеонъ (у о. Андроника: Симонъ) „Такимъ образомъ передъ смертію ему было, должно быть, около 83 или 84-хъ лѣтъ. Смерть Цамблака совпадаетъ съ временемъ правленія Александра, сына Иліяша, (1451—1456 г.)“, что можно заключить

---

[1]) Греческое житіе переведено съ новогреческаго языка на русскій свящ. *Петромъ Соловьевымъ* въ книгѣ: Христіанскіе мученики, пострадавшіе на востокѣ со времени завоеванія Константинополя Турками. С.-Пб. 1862, стр. 1—5.

[2]) Ibid., стр. 5.

[3]) *Бессарабскія Губернскія Вѣдомости* 1884, № 102.

Библиотека "Руниверс"

изъ того, по преосвящ. Мелхиседеку, что во дни этого Александра архіепископомъ Охридскимъ былъ поставленъ въ митрополиты Молдавскіе Θеоктистъ, можетъ быть, ученикъ Марка Ефесскаго (стр. 60). Но о Θеоктистѣ въ данномъ случаѣ могла бы быть рѣчь только въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что Григорій Цамблакъ дѣйствительно былъ митрополитомъ Молдавскимъ.

Полихроній Сырку.

Византія въ XI вѣкѣ.

Н. Скабалановичъ. Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ. С.-Пб. 1884.

Н. Скабалановичъ. Византійская наука и школы въ XI вѣкѣ (*Христіанское Чтеніе*, 1884, мартъ — май).

W. Fischer. Studien zur byzantinischen Geschichte des elften Jahrhunderts (Wissenschaftlische Beilage zu dem Programm der Gymnasial- und Realschul-Anstalt zu Plauen). Plauen. 1883.

Диссертація г. Скабалановича, заглавіе которой выписано нами выше, посвящена наименѣе разработанной внутренней сторонѣ византійской исторіи и по своимъ несомнѣннымъ достоинствамъ заслуживаетъ полнаго вниманія. Поэтому мы по мѣрѣ силъ и возможности войдемъ въ разборъ не только главныхъ положеній автора, но и многихъ частностей, и надѣемся, что ни авторъ, ни читатели не сочтутъ за пустыя придирки наши замѣчанія, хотя бы и мелочныя, но поймутъ, что подробныя возраженія вызываются только дѣльными сочиненіями.

Введеніе сразу приковываетъ къ себѣ вниманіе читателя и заставляетъ видѣть въ авторѣ серьезнаго изслѣдователя. Оно посвящено критикѣ источниковъ греческихъ и иностранныхъ. Но не во всѣхъ частяхъ заслуживаетъ оно названіе критики; иногда авторъ ограничивается простымъ перечисленіемъ памятниковъ, почти не входя въ ихъ разборъ (напримѣръ, въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ говорится о словахъ, рѣчахъ, письмахъ, законодательныхъ актахъ). Если авторъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, долженъ былъ позаботиться объ экономіи мѣста, то намъ кажется, онъ поступилъ бы благоразумно, если бы выключилъ изъ своего введенія критику латинскихъ памятниковъ, которые достаточно разобраны въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ западныхъ ученыхъ, а также и критику восточныхъ источни-

Библиотека "Руниверс"

ковъ, въ которыхъ нельзя считать себя компетентнымъ безъ знанія языковъ армянскаго и арабскаго; такимъ образомъ онъ могъ бы отвести гораздо больше мѣста Византійцамъ, отъ чего его сочиненіе, конечно, только бы выиграло. Первый отдѣлъ введенія посвященъ запискамъ и лѣтописямъ сперва греческимъ, потомъ латинскимъ. Относительно записокъ Михаила Пселла г. Скабалановичъ полагаетъ, что они состоятъ изъ двухъ частей, раздѣленныхъ вступленіемъ на престолъ Константина Дуки, что первая часть начата не раньше 1059 и окончена не позже 1063 г., а вторая часть написана въ царствованіе Михаила VII, посвящена исторіи дома Дукъ, имѣетъ видъ фамильныхъ записей и составлена по желанію Дукъ (стр. IV). Предположеніе автора, что первая часть записокъ начата не раньше 1059 г., основано на томъ, что Лихудъ есть тотъ другъ, который просилъ Пселла написать эту первую часть (вѣрнѣе было бы сказать: описать царствованіе Мономаха, такъ какъ обращеніе къ другу помѣщено именно въ этомъ мѣстѣ записокъ), что авторъ писалъ о Мономахѣ „по памяти“ [1]), и что въ разказѣ о посольствѣ Комнину (1057 г.) вставлено замѣчаніе, что Лихудъ потомъ занялъ патріаршій престолъ (1059 г.). Но это послѣднее обстоятельство доказываетъ только то, что описаніе царствованія Комнина начато не раньше 1059 года: заключеніе, которое не можетъ быть распространено на 216 страницъ, написанныхъ Пселломъ раньше [2]). Кромѣ того, г. Скабалановичъ упустилъ изъ виду одно письмо Пселла, изъ котораго видно, что въ началѣ царствованія Комнина онъ уже писалъ свои мемуары (Ps. V, 352). Изъ того факта, что Пселлъ говоритъ о Михаилѣ Парапинакѣ, какъ о живомъ государѣ (Psell. IV, 288), нельзя вывести вмѣстѣ съ авторомъ, что вторая часть записокъ начата и окончена при Михаилѣ VII, такъ какъ указанное мѣсто относится къ царствованію этого императора и не позволяетъ дѣлать заключеній о предыдущей части записокъ. Мы не можемъ далѣе признать и такой рѣзкой разницы въ характерѣ двухъ частей записокъ, какую видитъ авторъ; вторая часть посвящена не только Дукамъ, но и Евдокіи и

[1]) καὶ ὁπόσα μοι ἱστοροῦντι κατὰ μνήμην συνήθροισται (B. IV, 136), говоритъ Пселлъ и могъ бы это сказать и при жизни Мономаха.

[2]) Мы никакъ не можемъ изъ заявленія Пселла, что онъ избѣгалъ подробностей, для описанія которыхъ потребовалось бы много времени, заключать вмѣстѣ съ авторомъ, что онъ выполнилъ свой трудъ въ короткое время (стр. IV), тѣмъ болѣе, что когда Пселлъ написалъ эти слова (царствованіе Мономаха), трудъ его былъ еще далеко не конченъ.

Библиотека "Руниверс"

Роману Діогену, и къ описанію этихъ царствованій уже никакъ не подходитъ характеристика, сдѣланная авторомъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Скабалановичъ дѣлаетъ много вѣскихъ замѣчаній о запискахъ Пселла; но какъ намъ кажется, онъ не достаточно выдвинулъ тотъ фактъ, что эти записки затрогиваютъ больше всего и прежде всего придворную жизнь.

Послѣ Пселла авторъ приступаетъ къ разбору Атталіоты, Скилицы, Кедрина, Вріенія, Зонары, Алексіады и позднѣйшихъ хронографовъ, и выводы, къ которымъ онъ приходитъ, не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію: авторъ первый у насъ воспользовался неоднократными намеками В. Г. Васильевскаго и провелъ рѣзкую грань между первоисточниками и компиляторами. Онъ показалъ, какими писателями пользовались Глика, Манассія, Іоиль, Ефремъ, продолжатель Амартола; указалъ на то, что источниками Зонары для XI вѣка служили Скилица, Пселлъ, изрѣдка Атталіота, и что Зонара никакъ не можетъ быть поставленъ на одну доску съ этими писателями. Скилица, по мнѣнію автора, руководствовался (въ послѣдней части хроники, обнимающей собою время отъ Исаака Комнина до конца царствованія Вотаніата) четырьмя источниками: а) исторіей Атталіоты, б) второю частью записокъ Пселла, в) сочиненіемъ неизвѣстнаго автора, характеръ котораго: анекдотичность, легендарность, вниманіе къ явленіямъ церковно-религіозной жизни и враждебное отношеніе къ константинопольскимъ патріархамъ, и г) личнымъ опытомъ и свѣдѣніями, изустно полученными отъ людей знающихъ (стр. XIII). Но не слишкомъ ли смѣло, на основаніи нѣсколькихъ самостоятельныхъ строкъ Скилицы, враждебныхъ патріарху, и на основаніи весьма не многихъ анекдотическихъ мѣстъ, не встрѣчающихся у Атталіоты, говорить объ отдѣльномъ письменномъ источникѣ, и притомъ указаннымъ образомъ характеризовать его. Не можетъ ли этотъ источникъ быть сведенъ къ четвертому, то-есть, къ разказамъ, дошедшимъ до Скилицы? Весьма полезнымъ является сдѣланное авторомъ перечисленіе всѣхъ изданій каждаго источника[1]) и таблицы, по которымъ видно, откуда заимствована каждая страница Скилицы и Зонары; жаль, что авторъ, вѣроятно—по недостатку мѣста, не привелъ греческихъ текстовъ, по которымъ нагляднѣе было бы видно, какъ одинъ писатель пользовался другимъ. На двухъ страницахъ, посвя-

[1]) Въ перечнѣ изданій Зонары опущена почему-то перепечатка въ Патрологіи *Миня*, т. 134—135.

Библиотека "Руниверс"

щенныхъ сочиненію Анны Комнины, конечно, нельзя было представить сколько-нибудь обстоятельной критики такого обширнаго и важнаго сочиненія, какъ Алексіада. Она ждетъ еще своего изслѣдователя, между тѣмъ какъ точка зрѣнія на Атталіоту, Скилицу и Зонару теперь уже твердо установлена г. Скабалановичемъ.

Менѣе удовлетворительною представляется намъ критика латинскихъ памятниковъ, особенно Барійскихъ лѣтописей. Напрасно авторъ отвергаетъ весьма прочный выводъ, добытый Гиршемъ, что составитель Барійскихъ анналъ, такъ-называемый Лупъ Протоспаварій, и Барійскій анонимъ сокращали до 1043 г., каждый по своему, одинъ общій источникъ—древнюю Барійскую лѣтопись, и увѣряетъ, что вторая часть (1040—1043 гг.) анналъ вполнѣ оригинальна (стр. XXX), и что Лупъ и анонимъ пользовались ею (стр. XXXI и XXXII). Замѣчаемое между тремя редакціями сходство именно такого рода, что можетъ быть объяснено только общностью источника, но никакъ не заимствованіями. Перечень источниковъ Лупа, приведенный Гиршемъ, не „простая догадка, основанная на классификаціи данныхъ хроники по городамъ", какъ говоритъ авторъ, но основанъ, по крайней мѣрѣ, отчасти на положительныхъ данныхъ; такъ, напримѣръ, пользованіе древнею Беневентскою хроникой выведено изъ сличенія текста Лупа съ текстомъ сохранившихся Беневентскихъ анналъ.

Кромѣ того, авторъ не далъ себѣ яснаго отчета въ томъ, по какому лѣтосчисленію велись Барійскія лѣтописи. Онъ совсѣмъ умалчиваетъ объ этомъ, говоря о Барійскихъ анналахъ и анонимѣ, а о Лупѣ пишетъ: „Вопросъ о томъ, какому лѣтосчисленію слѣдовалъ авторъ—пизанскому или греческому—вопросъ нерѣшенный; только фактъ распространенности греческаго счисленія въ нижней Италіи, оффиціальное его значеніе въ греко-италіанскихъ владѣніяхъ и наконецъ очевидное пристрастіе автора къ Грекамъ склоняютъ вѣсы на сторону того мнѣнія, что онъ въ своей хроникѣ едва ли могъ предпочесть греческому лѣтосчисленію какое-нибудь иное" (стр. XXXII). Это разсужденіе можетъ показаться нѣсколько страннымъ въ виду того, что есть факты гораздо болѣе вѣскіе (напримѣръ, порядокъ мѣсяцевъ, прибавленіе индикта къ каждому году), которые самымъ положительнымъ образомъ говорятъ въ пользу византійскаго счета, какъ у Лупа, такъ въ Барійскихъ лѣтописяхъ вообще. Но, по видимому, собственное разсужденіе не убѣдило автора, и онъ въ дальнѣйшемъ изложеніи продолжаетъ колебаться между двумя лѣтосчи-

Библиотека "Руниверс"

сленіями. „Италіанскіе историки", говоритъ онъ (прим. 1 на стр. 1),— „слѣдуя различной системѣ лѣтосчисленія, относятъ смерть Василія II то къ 1027 Annal. Bar., то къ 1026 Anon. Bar., то къ 1024 Romuald". Но изъ указанныхъ источниковъ, только у Ромуальда мартовскій годъ, у анонима годъ вѣрный (смерть Василія II произошла 15-го декабря 1025 г., чему соотвѣтствуетъ византійскій 1026 г.), а хронологія Барійскихъ анналъ, какъ извѣстно каждому, кто ими занимался, внушаетъ мало довѣрія. Въ другомъ мѣстѣ авторъ прямо увѣряетъ, что анонимъ слѣдуетъ пизанскому счету (прим. 1 на стр. 96)[1]). Но тогда у читателя невольно является недоумѣніе: когда же принимать одно лѣтосчисленіе, когда другое? Не зависитъ ли это отъ произвола автора? Почему же онъ для смерти Романа Діогена считаетъ наиболѣе правдоподобнымъ показаніе анонима, что этотъ императоръ умеръ въ іюлѣ 1072 г. (стр. 109)? Можетъ быть, и здѣсь слѣдуетъ признать пизанское лѣтосчисленіе и принять 1071 г.?

Послѣ Барійскихъ лѣтописей, г. Скабалановичъ приступаетъ къ анализу исторіи Амата, слѣдуетъ главнымъ образомъ Гиршу, который сильно поколебалъ авторитетъ этого писателя, и не принялъ во вниманіе критики Бреслау[2]), который отчасти возстановилъ этотъ авторитетъ тѣмъ, что множество ошибокъ, приписываемыхъ Амату, отнесъ на долю издателя и переводчика дошедшей до насъ старо-французской передѣлки. Мы не будемъ говорить о коротенькомъ разборѣ другихъ западныхъ писателей: Льва Кассинскаго, Петра Діакона, Вильгельма Апулійскаго, Малатерры и т. п., а также армянскихъ и арабскихъ писателей, въ которыхъ мы не компетентны,— отчасти потому, что авторъ сравнительно мало пользовался ими, отчасти потому, что это завлекло бы насъ слишкомъ далеко.

Мы уже замѣтили, что въ нѣкоторыхъ частяхъ введенія авторъ ограничивается перечисленіемъ памятниковъ съ самымъ краткимъ (въ нѣсколькихъ строкахъ) содержаніемъ ихъ. Къ сожалѣнію, это коснулось словъ и рѣчей Пселла и Іоанна Евхаитскаго, которыя всего больше требуютъ исторической критики; слѣдовало бы установить основную точку зрѣнія на эти памятники, показать, можетъ ли историкъ пользоваться этими риторическими произведеніями, и если мо-

[1]) См. еще прим. 3, стр. 86.

[2]) *Hirsch*, Jahrbücher des Deutschen Reichs unter Heinrich II. Bd. III, 330—339.

Библиотека "Руниверс"

жетъ, то какъ? Скрывается ли историческая истина подъ покровомъ трескучихъ фразъ и гиперболъ [1])?

Перечисленіе новеллъ XI вѣка сдѣлано авторомъ не совсѣмъ полно; опущена почему-то одна новелла Константина Дуки, напечатанная у Цахаріэ (Coll. IV, Nov. III), и хрисовулъ Никифора Вотаніата (Coll. IV, Nov. XIII). Важный пробѣлъ допущенъ авторомъ тамъ, гдѣ говорится о грамотахъ италіанскихъ городовъ (стр. LXX); здѣсь не упомянутъ весьма извѣстный сборникъ документовъ Тринкеры, сборники Бельтрани и Кузы. Поэтому, можетъ быть, авторъ слишкомъ ограничиваетъ значеніе этого рода документовъ: „Они имѣютъ значеніе", говоритъ онъ, — „лишь для уясненія хронологіи царствованія императоровъ, отчасти еще представляютъ интересъ по встрѣчающимся въ нихъ названіямъ византійскихъ должностей и чиновъ". Между тѣмъ въ указанныхъ изданіяхъ много матеріала для выясненія византійской податной системы и исторіи землевладѣнія.

Нѣсколько надписей на свинцовыхъ печатяхъ, не приведенныхъ авторомъ, можно найдти у Schlumberger: Sceaux byzantins (Bulletin de correspondance hellénique. 1883. fasc. III—IV).

Въ первыхъ двухъ главахъ своего изслѣдованія, озаглавленныхъ „Императоры отъ смерти Василія II Болгаробойцы до воцаренія Алексѣя I Комнина" г. Скабалановичъ представляетъ на основаніи всѣхъ доступныхъ источниковъ, какъ византійскихъ, такъ западныхъ и восточныхъ, весьма полную и вѣрную картину заговоровъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ смѣну одного императора другимъ и управленія имперіей Византійскими государями. Онъ не касается при этомъ ихъ походовъ и вообще международныхъ отношеній.

Эти страницы разбираемой книги должны быть, безъ сомнѣнія, поставлены гораздо выше того, что̀ мы найдемъ у Лебо, Финлея или Герцберга. Г. Скабалановичъ вполнѣ оригиналенъ; слѣдуя вѣрному и достойному всякаго подражанія историческому методу, онъ анализируетъ источники, провѣряетъ ихъ, всегда отдавая предпочтеніе очевидцамъ предъ компиляторами, и мало заботится о томъ, что̀ было сказано историками Византіи до него, никогда ими не руководствуется. Критическій тактъ автора особенно замѣтенъ въ хронолo-

[1]) Въ этомъ отдѣлѣ авторъ говоритъ и объ эпиграммахъ Іоанна Евхаитскаго, но не вѣрно, будто въ новомъ изданіи де-Лагарда есть одна лишняя эпиграмма противъ прежнихъ изданій (стр. LVIII). № 69 εἰς τὸ λοῦμα τῶν Βλαχερνῶν была напечатана раньше, но подъ заглавіемъ εἰς ῥέουσαν ὕδωρ.

Библиотека "Руниверс"

гическихъ вопросахъ; съ большимъ искусствомъ устанавливаетъ онъ даты и всегда удачно. Впечатлѣніе нѣсколько портится отъ указаннаго выше недоразумѣнія на счетъ Барійскихъ лѣтописей, хотя оно и не повліяло на конечные выводы автора. Онъ не только приводитъ факты, но и освѣщаетъ ихъ, указывая на борьбу Востока съ Западомъ, на стремленіе къ первенству Азіи и Европы (конечно, въ предѣлахъ Византійской имперіи), на соперничество между военнымъ и гражданскимъ сословіями.

Это соперничество дѣйствительно многое объясняетъ; но, соглашаясь съ авторомъ, что въ заговорѣ, который окончился низложеніемъ Михаила Стратіотика и возведеніемъ на престолъ Исаака Комнина выразилась борьба за преобладаніе военнаго сословія (стр. 73), не думаемъ, чтобы заговоръ былъ вызванъ исключительно этою борьбою. Тутъ, конечно, играло роль и общее недовольство Михаиломъ, которое раздѣлялъ и патріархъ, и личное оскорбленіе, которое этотъ императоръ нанесъ Комнину и его сподвижнику Кекавмену; достойно вниманія то обстоятельство, что въ заговорѣ участвовало только восточное войско, между тѣмъ какъ западное оставалось вѣрнымъ императору. Отмѣтимъ противорѣчіе, въ которое впалъ авторъ, говоря о воцареніи Комнина. „И къ другимъ достойнымъ людямъ", говоритъ онъ (на основаніи Матв. Эдесск.) на стр. 84,—„даже изъ приверженцевъ Михаила Стратіотика, до послѣдней минуты остававшимся вѣрными низвергнутому императору, онъ (то-есть, Исаакъ Комнинъ) относился съ уваженіемъ, отдавалъ должную дань ихъ достоинствамъ, самую ихъ стойкость и вѣрность прежнему императору относилъ къ числу заслугъ". А нѣсколько ниже читаемъ: „Приближенные Стратіотика, позднѣе другихъ попользовавшіеся на счетъ казны, впечатлѣніе отъ дѣяній которыхъ было самое свѣжее, прежде всего пострадали: имущество ихъ было отнято въ казну и они лишены почестей". Въ первой главѣ (стр. 59) говоря о возстаніи Маніака авторъ ничего не сообщаетъ о составѣ его арміи о томъ, гдѣ было имъ дано сраженіе; главнокомандующаго, сразившагося съ этимъ бунтовщикомъ, онъ называетъ Стефаномъ Севастофоромъ, между тѣмъ какъ севастофоръ, очевидно, не собственное имя, а скорѣе титулъ [1]).

[1]) Leo Diac. p. 177: πρὸς τὴν τοῦ πατρικίου Ρωμανοῦ καὶ τῷ τοῦ σεβαστοφόρου διαπρέποντος ἀξιώματι ἑστίαν κατήγετο. Сов. и равн. визант. бояр. XI в. (*Ж. М. Н. Пр.*, 1881 г. іюль, 147): ὁ μεγαλοδοξότατος σεβαστοφόρος κῦρ Νικήφορος κριτὴς Πελοποννήσου. Въ главѣ о чинахъ и должностяхъ ничего не находимъ о севастофорѣ.

Библиотека "Руниверс"

Едва ли можно признать удачнымъ объясненіе, почему Пселлъ не пользовался политическимъ вліяніемъ при Михаилѣ VII. „Правда, Михаилъ его любилъ", говоритъ авторъ (стр. 110),—„глубоко уважалъ его ученость и желалъ имѣть его постоянно при себѣ. Но такъ какъ императоръ тяготѣлъ лишь къ наукамъ, отъ управленія отстранялся, то и Пселлу пришлось значительно сократиться, ограничить себя областью науки и проститься съ политическимъ вліяніемъ, которое доселѣ онъ въ такой сильной степени обнаруживалъ". Неужели любовь императора проявилась въ томъ, что онъ предпочелъ знаменитому философу недостойнаго Никифорицу?

Въ третьей главѣ г. Скабалановичъ знакомитъ насъ съ центральнымъ управленіемъ: положеніемъ императорской власти, чиновной іерархіей и должностями. То, что авторъ говоритъ объ императорской власти вообще, объ отсутствіи законом'рнаго порядка престолонаслѣдія, объ избраніи императоровъ, основано на тщательномъ изученіи источниковъ и едва ли можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, по крайней мѣрѣ, въ общихъ выводахъ. Нѣкоторыя частности однако сомнительны. „Нарушая законы", говоритъ онъ про императора,—„онъ поступалъ, какъ тиранъ, и дѣйствія его не считались одобрительными" (стр. 133), и опирается при этомъ на нѣсколько словъ Пселла [1]), которыя имѣютъ скорѣе противоположный смыслъ. По словамъ Пселла, Склирена надѣялась, что когда Мономахъ вступитъ на престолъ, онъ женится на ней (хотя это былъ бы для Мономаха третій бракъ, запрещенный закономъ), потому что воля царя окажется сильнѣе законовъ. Изъ этихъ словъ можно только заключить, что императоры не имѣли обыкновенія стѣсняться законами. Указывая на значеніе, которое имѣли въ Византіи церемоніи, что, конечно, совершенно справедливо, авторъ приводитъ слѣдующій примѣръ: „У Торника столица была почти въ рукахъ, но онъ отложилъ въѣздъ, не только потому, что щадилъ своихъ приверженцевъ, но, между прочимъ, и потому что хотѣлъ въѣхать въ сопровожденіи свѣченосцевъ, съ императорскою пышностью (B. IV, 158; стр. 144)". Примѣръ крайне неудачный; еслибъ авторъ передалъ точнѣе указанное мѣсто Пселла, то и смыслъ получился бы совсѣмъ иной: Торникъ отступилъ отъ столицы и не рѣшался на приступъ, разчи-

[1]) τηνικαῦτα γὰρ ᾤετο (Склирена) καὶ τὸν γάμον αὐτοῖς ἐπιτελῆ ἔσεσθαι καὶ τἆλλα γενήσεσθαι ὁπόσα βούλοιντο, τυραννήσαντος τοὺς νόμους τοῦ βασιλείου σκοποῦ. Psell., IV, 126.

Библиотека "Руниверс"

тывая, можетъ быть, на то, что столичное населеніе отдастся добровольно въ его руки, и, въ сопровожденіи свѣченосцевъ, съ императорскою пышностью введетъ его во дворецъ. Здѣсь дѣло было не въ соблюденіи церемоніи, а въ томъ, что бунтовщикъ Торникій не былъ увѣренъ, что ему удастся взять городъ приступомъ, и надѣялся, что его признаютъ императоромъ и сдадутъ столицу.

Весьма существенную часть этой главы представляютъ тѣ нѣсколько страницъ, которыя посвящены чиновной іерархіи. Г. Скабалановичъ отдѣлилъ чины отъ должностей и первый представилъ намъ византійскую табель о рангахъ, въ которую онъ включилъ 15 чиновъ, начавъ съ высшаго — „кесаря“ и окончивъ низшимъ — „кандидатомъ“. При этомъ авторъ не обратилъ вниманія на генесисъ чиновъ, которые, по его собственному признанію, имѣли въ прежнее время иное, не титулярное значеніе, на генесисъ, безъ котораго едва ли можно дойдти до полнаго и надлежащаго пониманія чиновной іерархіи; обстоятельство это, конечно, не можетъ быть поставлено въ вину автора, такъ какъ подобная задача отвлекла бы его слишкомъ далеко за предѣлы намѣченной имъ себѣ эпохи. При каждомъ чинѣ авторъ сообщаетъ списокъ тѣхъ лицъ, которые носили его въ XI вѣкѣ, что представляетъ довольно обильный матеріалъ для выясненія дѣла. Но читатель вынесъ бы гораздо больше, еслибъ авторъ нѣсколько обработалъ этотъ сырой матеріалъ, сообщилъ бы какія должности занимали всѣ эти лица, наглядно представилъ бы, карьеру нѣсколькихъ чиновниковъ, которую теперь приходится возсоздавать съ трудомъ, теряясь среди массы именъ, встрѣчающихся по разу. Думаемъ, что нѣсколько примѣровъ могли бы быть поучительнѣе множества именъ, тѣмъ болѣе, что списокъ автора не совершенно полонъ. Такъ напримѣръ, много спаѳаріевъ, спаѳарокандидатовъ и протоспаѳаріевъ (авторъ пишетъ спаѳарь) не упомянуто г. Скабалановичемъ, потому что онъ не пользовался сборникомъ Тринкеры [1]): опущены патриціи Левъ Хиросфактъ при Романѣ III (Cedr. II, 492), вестархи: судья Македонской ѳемы Хасанисъ (Psell. V, 439) и Андроникъ, упоминаемый Іоанномъ Евхаитскимъ (Joh. Euch. ed. Delagarde, 22), протопроедръ Романъ (Attal., 286), протопроедръ Константинъ (Zachariä Jus Graeco-Rom. III, 327), магистръ Поѳъ (Tafel, Eustathii op., 358).

[1]) *Trinchera*, Syllabus см. напримѣръ, p. 14, 17, 19, 23, 24 и т. д. Почти на каждой страницѣ является какой-нибудь чинъ.

Библиотека "Руниверс"

Но при ближайшемъ разсмотрѣніи помянутой табели о рангахъ являются и болѣе существенные вопросы и недоумѣнія. Всѣ ли чины, которые попадаются у Византійцевъ того времени, помѣщены авторомъ? Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ нельзя отвѣчать утвердительно. Авторъ говоритъ о новеллисимахъ, но по видимому, ему осталось неизвѣстнымъ, что еще раньше царствованія Алексѣя Комнина существовалъ чинъ протоновеллисима. До насъ дошелъ хрисовулъ отъ апрѣля 1079 г., которымъ эмиръ Сицилійскій Христодулъ возводился именно въ этотъ чинъ протоновеллисима [1]). Далѣе, пропущенъ чинъ ипата, а между тѣмъ Пселлъ упоминаетъ ипата Ѳеодора (Psel. V, 209) и неизвѣстный бояринъ XI вѣка говоритъ: „Романъ Аргиропулъ не возводилъ Франка или Варяга въ достоинство патриція, но дѣлалъ его ипатомъ“... (Ж. М. Н. Пр. 1881 г., августъ, стр. 319). Въ разбираемой книгѣ мы не найдемъ отвѣта и на то, что такое дисипатъ, о которомъ говорится въ хрисовулѣ Вотаніата (Sathas, Bibl. Gr. I, 62), что̀ означаетъ названіе Ксифилина ἰλλούστριος въ новеллѣ Мономаха, что такое βεστιαρίτης, титулъ ли это или можетъ быть должность [2]) (Psel. V, 197)?

Первые четыре чина (кесарь, севастъ, новеллисимъ, куропалатъ), по мнѣнію автора, могутъ быть приравнены къ нашему титулу высочества (стр. 152); но только чинъ кесаря былъ недоступенъ для простыхъ смертныхъ, и онъ одинъ можетъ быть уподобленъ нашему высочеству; Алексѣй Комнинъ былъ новеллисимомъ и севастомъ тогда, когда не состоялъ въ родствѣ съ царствовавшимъ императоромъ, а что чинъ куропалата давался важнымъ чиновникамъ—видно изъ разбираемой книги. По составленной авторомъ табели протоспаѳарій непосредственно слѣдуетъ за патриціемъ, а между тѣмъ изъ словъ современника можно заключить, что разница между этими чинами большая: „Если ты возведешь въ протоспаѳаріи“, говоритъ онъ,—„комедіанта или зазорнаго человѣка, то воинъ, готовый проливать за тебя кровь, равнымъ образомъ дѣятельный и усердный нотарій твой или же приказный—сочтутъ за ничто даже пожалованный имъ санъ патриція“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1881, августъ, стр. 317).

---

[1]) σὲ χριστόδουλον τὸν ἀμήραν τιμᾷ ἡ ἐκ θεοῦ βασιλεία ἡμῶν τῷ μεγαλεπιφανεστάτῳ τῶν πρωτονοβελισσίμων ἀξιώματι, τοῦ εἶναι σε εἰς τὸ ἑξῆς πρωτονοβελίσσιμον καὶ συντιμᾶσθαι τοῖς οὕτω τετιμημένοις καὶ τῆς βασιλείας ἡμῶν ὑπερεύχεσθαι. Cusa J diplomi Greci Vol. I, par. 1, p. 58.

[2]) Въ той части главы, гдѣ говорится о должностяхъ, не упомянуто также о вестіаритахъ.

Библиотека "Руниверс"

Вестархъ и вестъ занимаютъ въ табели г. Скабалановича восьмое и девятое мѣсто вслѣдъ за магистромъ и выше анѳипата. Но нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ предполагать, что эти два чина занимаютъ какое-то особое положеніе. Авторъ отмѣтилъ то обстоятельство, что иногда къ одному и тому же лицу прилагаются два титула; такъ напримѣръ, Аргиръ называется μάγιστρος βέστης, точно также Атталіота и др.; но авторъ не обратилъ вниманія на то, что такія соединенія встрѣчаются исключительно съ титуломъ веста и вестарха. Во всѣхъ другихъ случаяхъ историки называютъ высшій титулъ, никогда не присоединяя къ нему низшаго, что̀ не имѣло бы смысла. Исключеніе представляютъ какъ будто тѣ случаи, когда патриній соединяется съ анѳипатомъ; но изъ четырехъ лицъ, которые по указанію автора носили титулъ анѳипата, трое называются въ источникахъ патриціями-анѳипатами, и только одинъ Константинъ Далассинъ—просто анѳипатомъ. Мы можемъ предполагать, что Скилица назвалъ такъ Далассина для сокращенія; что анѳипатъ и патрицій-анѳипатъ одно и то же, видно изъ хрисовула Михаила Дуки, гдѣ Атталіота названъ сперва патриціемъ-анѳипатомъ, потомъ анѳипатомъ (Sathas, Bibl. Gr. I. 53). Слѣдовательно, мы въ правѣ предположить, что въ XI вѣкѣ не было чина анѳипата, а существовалъ только чинъ патриція-анѳипата.

Авторъ сообщаетъ намъ только одинъ случай производства изъ низшаго чина патриція въ вестархи. Этотъ случай приведенъ Скилицей и касается Романа Діогена; но въ этой части Скилица находится въ полной зависимости отъ Атталіоты, который называетъ Діогена вестархомъ и въ то же время τὶς τῶν εὐπατριδῶν (что̀ Скилица передалъ чрезъ πατρίκιος) раньше того сраженія съ Печенѣгами, послѣ котораго, по словамъ Скилицы, онъ былъ произведенъ въ вестархи; Атталіота, какъ очевидецъ, заслуживаетъ гораздо большаго довѣрія, и производство Діогена изъ патриціевъ въ вестархи (основанное, вѣроятно, на слухѣ, дошедшемъ до Скилицы) подлежитъ большому сомнѣнію. Замѣтимъ, что можно было быть въ одно и то же время патриціемъ и вестомъ или вестархомъ, и что къ такимъ лицамъ прикладывался то тотъ, то другой титулъ. Такъ напримѣръ, Атталіота (p. 22) разказываетъ, что Мономахъ почтилъ Торника титуломъ веста [1]), а Скилица, называетъ его патриціемъ. Скилица,

[1]) Точный смыслъ словъ историка не позволяетъ переводить: «былъ произведенъ въ патриція, а изъ патриціевъ въ весты».

Библиотека "Руниверс"

разказывая о сраженіи, въ которомъ былъ убитъ Михаилъ Докіанъ (Cedr. II, 601), называетъ его патриціемъ, а Атталіота (Attal. p. 34), говоря о томъ же сраженіи,—вестархомъ. Неужели это было бы возможно, если бы вестархъ и вестъ были бы такими же чинами, какъ патрицій? Какъ тогда объяснить, что Атталіота въ апогеѣ своей славы, уже въ зрѣломъ возрастѣ, занимая видную должность и пользуясь особымъ покровительствомъ императора, имѣлъ чинъ низшій (онъ былъ патриціемъ-анѳипатомъ), чѣмъ Пселлъ или Катакалонъ Кекавменъ при началѣ своей карьеры, когда они были еще молодыми и незначительными чиновниками (они носили титулъ веста, который судя по нѣкоторымъ оговоркамъ автора, если не выше, то и не ниже патриція-анѳипата). Изо всего нами сказаннаго, мы кажется въ правѣ заключить, что чины веста и вестарха имѣютъ особенное, вѣроятно—придворное значеніе, и что они не могутъ быть включены въ общую табель, а должны занимать отдѣльное мѣсто, какъ и у насъ не возможно камеръ-юнкера или камергера втиснуть въ рядъ коллежскихъ и статскихъ совѣтниковъ. Когда были введены титулы веста и вестарха, опредѣленно сказать нельзя, но догадка автора, что эти титулы были установлены Константиномъ Мономахомъ, не выдерживаетъ критики. Скилица упоминаетъ веста Никифора въ первый годъ царствованія Цимисхія (Cedr. II, 379), Евстаѳій Романъ въ Пирѣ титулуется постоянно вестомъ; извѣстны и еще нѣсколько вестовъ въ царствованіе Василія II (Cedr. II, 433; Журн. Мин. Нар. Просв. 1881 г., августъ, стр. 320).

Чины первыхъ двѣнадцати степеней входили въ составъ сената или синклита, такъ что сенаторы отъ другихъ чиновниковъ отличались внѣшнимъ образомъ, титулами, а не занимаемыми должностями. Но что такое былъ сенатъ—не совсѣмъ ясно изъ книги г. Скабалановича. Онъ самъ же говоритъ на стр. 138, что Левъ Мудрый совершенно уничтожилъ значеніе сената, а въ другомъ мѣстѣ (стр. 363) называетъ синклитъ „высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ при императорѣ, на собраніяхъ котораго находили себѣ выраженіе административныя и судебныя функціи“. Но онъ ничего не говоритъ объ этихъ функціяхъ, не указываетъ нигдѣ на компетенцію сената, и едва ли синклитъ, не имѣвшій такой компетенціи, заслуживаетъ названія учрежденія. Авторъ говоритъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ сенаторовъ и сановниковъ; но развѣ были сановники внѣ сенаторовъ. Изъ одного мѣста, указаннаго въ разбираемой книгѣ (стр. 233), гдѣ сенатъ противополагается народу,

Библиотека "Руниверс"

довольно ясно слѣдуетъ то заключеніе, котораго не вывелъ авторъ, что синклитъ не болѣе какъ собирательное имя для означенія всей совокупности сановниковъ, что сенаторъ и титулованный чиновникъ— синонимы.

Ругу, которая выдавалась сенаторамъ, авторъ показываетъ пенсіей (стр. 161) и, кажется, считаетъ ее присвоенною исключительно чиновникамъ, но ругою называетъ вообще жалованье, напримѣръ, содержаніе, которое ежемѣсячно выдавалось солдатамъ [1]).

Покончивъ съ табелью о рангахъ, за составленіе которой авторъ несомнѣнно заслуживаетъ благодарность, переходимъ къ той части 3-й главы, которая посвящена должностямъ. Говоря о попыткахъ превратить государственныя должности въ наслѣдственную собственность, авторъ разказываетъ (стр. 164), что мѣста постоянно выхлопатывались для родственниковъ; но вѣдь въ этомъ нѣтъ и тѣни наслѣдственнаго права, а замѣтно только кумовство, которое существуетъ до сихъ поръ. Въ очеркѣ придворныхъ должностей и секретовъ или приказовъ, сдѣланномъ довольно полно и вообще хорошо, кое-что кажется намъ не достаточно выясненнымъ. Протовестіарій, по мнѣнію автора, завѣдывалъ императорскимъ гардеробомъ и исполнялъ обязанность оберъ-церемоніймейстера; но не былъ ли онъ вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ секрета вестіарія, о которомъ не упомянулъ авторъ? Что секретъ вестіарія не то же, что̀ приказъ сакелларія, видно изъ новеллы Алексѣя Комнина отъ 1082 г. [2]); а βεστιάριον было не только мѣстомъ, „въ которомъ хранились утварь, одежды и цѣнныя ткани“ (стр. 177), но и чѣмъ-то въ родѣ императорской казны, въ которую напримѣръ, уплачивались штрафы [3]). Вообще г. Скабалановичъ слишкомъ ограничилъ значеніе протовестіарія, изъ Пселловой энкоміи Лихуду видно, что сфера его дѣятельности была гораздо обширнѣе. Авторъ привелъ это мѣсто (стр. 179), но толкуетъ его иначе: онъ видитъ въ немъ компетенцію перваго министра, каковымъ дѣйствительно былъ Лихудъ. Но едва ли можно согла-

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1881, авг., 318.

[2]) *Zachariä* Jus Graeco-Rom. III, 348.

[3]) *Trinchera*, Syllabus p. 32 (1033 г.): νομίσματα πρὸς τοὺς δουλεύοντας τῇ μονῇ ἑβδομήκοντα δύο καταβάλωμαι καὶ πρὸς τὸ βασιλικὸν βεστιάριος ἄλλα τοσαῦτα εἶτα. p. 41 (1042 г.): καὶ πρὸς τὸ βασιλικὸν βεστιαρὶ ἕτερα νομίσματα εἴκοσι. p. 42 (1045 г.) καὶ πρὸς τὸ βασιλικὸν βεστιάριον ἕτερα τοσαῦτα. См. еще p. 27, 43, 45, 52, 59. Βεστιάριον является иногда однозначущимъ съ βασιλικὸν ταμιεῖον. См. *Ducangii* In Alexiadem notae p. 503.

Библиотека "Руниверс"

ситься съ авторомъ, что существовала особая должность перваго министра съ особою присвоенною ему компетенціей; въ нѣкоторыя царствованія императоровъ, мало занимавшихся дѣлами, выдавались чиновники, которые имѣли особенное вліяніе на императора и въ такомъ смыслѣ могутъ быть названы первыми министрами. На это указываетъ между прочимъ отсутствіе опредѣленнаго названія для этой должности; писатели называютъ ихъ весьма разнообразно, и всѣ эти названія, указывая на личное вліяніе нѣкоторыхъ лицъ, могутъ быть переданы: „первое лицо послѣ императора", „имѣвшій особенное вліяніе на императора" и т. п.

Что касается почетной стражи, присвоенной, по мнѣнію автора, первому министру (стр. 178), намъ извѣстенъ только одинъ такой случай о Константинѣ, дядѣ Михаила V. Такой почетъ могъ быть ему оказанъ какъ лицу, имѣвшему высокій чинъ новеллисима, или еще скорѣе, какъ родственнику императора. Либеллисія и ὁ ἐπὶ τῶν δεήσεων Скабалановичъ считаетъ, кажется (стр. 175), чиновниками секрета протоасикрита; но либеллисій былъ что-то въ родѣ секретаря или письмоводителя, которые могли быть и въ другихъ приказахъ и встрѣчаются въ провинціи [1]). Хранитель каниклія (ὁ ἐπὶ τοῦ κανικλείου), какъ видно изъ источниковъ, былъ довольно важнымъ сановникомъ, и едва ли его дѣло ограничивалось тѣмъ, что онъ „наблюдалъ за чернильницей съ пурпурными чернилами и подносилъ ее императору" (стр. 175). Намъ не совсѣмъ понятно, почему авторъ называетъ министромъ юстиціи (стр. 177) лицо, стоявшее во главѣ приказа по гражданскимъ дѣламъ (ὁ ἐπὶ τῶν κρίσεων); въ его рукахъ не сосредоточивалась вся судебная власть.

Четвертая глава представляетъ очеркъ областнаго управленія, здѣсь важно отмѣченное г. Скабалановичемъ дѣленіе областей на θему-дукатъ, θему-катепанатъ и простую θему, управляемую стратигомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Списокъ азіатскихъ и европейскихъ θемъ съ краткою ихъ исторіей и поименованіемъ всѣхъ извѣстныхъ въ XI вѣкѣ стратиговъ, весьма полезенъ для справокъ и будетъ оцѣненъ по достоинству всѣми занимающимися византійскою исторіей.

Дукаты и катепанаты, по мнѣнію автора (стр. 188), были пограничными θемами; надо, однако, замѣтить, что это правило допускало и исключенія; такъ, изъ 11 европейскихъ θемъ, девять управлялись

[1]) Одну мѣновую скрѣпилъ либеллисій Солунскій, *Zachariae*, Щ, p. XVI.

Библиотека "Руниверс"

дуками и катепанами, а въ Азіи встрѣчаются ѳемы, хотя пограничныя, все же простыя, напримѣръ, Телухъ, Мелитина, Таронъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что относительно многихъ ѳемъ остается сомнѣніе, не были ли они катепанатами, особенно, когда они упоминаются въ источникахъ всего два-три раза, потому что подъ стратигомъ разумѣются одинаково и дуки, и катепаны, и стратиги въ собственномъ смыслѣ. Такъ, не совсѣмъ понятно, почему авторъ думаетъ, что Ѳеодосіополь былъ возведенъ въ катепанатъ только въ царствованіе Романа Діогена (стр. 203); намъ извѣстно только, что раньше эта область управлялась стратигами, но какими, опредѣлить не можемъ. Элладу авторъ считаетъ простою ѳемой, но зная, что въ концѣ X вѣка эта провинція была дукатомъ (Сов. и разк. виз. бояр. XI вѣка. Ж. М. Н. Пр. 1881, августъ, 319), и не имѣя почти никакихъ свѣдѣній о стратигахъ XI в., позволительно думать, что она не была понижена въ послѣдующее время.

Какое же значеніе имѣлъ стратигъ? Принадлежало ли ему все провинціальное управленіе какъ гражданское, такъ и военное? На эти вопросы г. Скабалановичъ отвѣчаетъ, по нашему мнѣнію, неправильно. „Стратиги въ собственномъ смыслѣ", говоритъ онъ (стр. 187), — „назывались безразлично стратигами и судьями (κριτής)... Стратигъ-судья сплошь и рядомъ предводительствовалъ войскомъ... Равнымъ образомъ дуки и катепаны имѣли въ своемъ вѣдѣніи, кромѣ начальствованія надъ войскомъ, гражданское управленіе". Ниже (стр. 184) авторъ отожествляетъ сборщика податей (πράκτωρ) съ дикастомъ (судьею, δικαστής). Онъ опирается при этомъ на одно мѣсто Пиры (Zachariae I, 20), гдѣ усматриваетъ отожествленіе стратига и судьи; но изъ указаннаго текста видно только, что судья (κριτής) месопотамскій причисленъ къ начальствующимъ въ провинціи лицамъ (ἄρχουσι τῶν ἐπαρχιῶν). Другое доказательство находимъ въ прим. 2, стр. 187: „Свои письма къ стратигамъ ѳемъ Пселлъ адресуетъ большею частью: τῷ κριτῇ. Отъ κριτής у него отличается δικαστής, названіе, примѣняемое къ преторамъ [1]) и лицамъ, завѣдывавшимъ финансовою частью въ ѳемахъ". Но если мы будемъ читать письма Пселла безъ предвзятой идеи, то замѣтимъ, вопервыхъ, что не имѣемъ никакого права подъ судьей разумѣть стратига, а вовторыхъ, что у

[1]) Нѣсколькими строками выше читаемъ, что «къ областному правителю прилагается иногда названіе преторъ»; слѣдовательно, выходитъ тогда, что у Пселла δικαστής то же, что стратигъ, и то же, что κριτής.

Библиотека "Руниверс"

Пселла κριτής никогда не отличается отъ δικαστής; напротивъ того, ставя въ заглавіи: судьѣ такому-то, онъ въ письмѣ постоянно называетъ его дикастомъ [1]).

Изъ другихъ источниковъ мы также видимъ, что дикастъ и судья—названія, которыя безразлично даются одному и тому же лицу. Такъ, напримѣръ, анонимный боярин XI в. называетъ Никифорицу судьей Пелопоннеса и Эллады [2]), Атталіота, а вслѣдъ за нимъ и Скилица—дикастомъ [3]), Пселлъ въ адресѣ—преторомъ, а въ самомъ письмѣ—судьей и дикастомъ [4]),- изъ чего видно, что преторъ по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ равносильно судьѣ. Отожествленіе дикаста съ судьей найдемъ еще въ одной статьѣ Пиры [5]).

Г. Скабалановичъ не представилъ ни одного примѣра, гдѣ одно и то же лицо было бы названо сперва стратигомъ, потомъ судьею, и конечно, не могъ этого сдѣлать, потому что такого случая не встрѣчается ни въ одномъ источникѣ. Анонимный боярин, часто упоминающій о стратигахъ, разказываетъ про одно лицо, которое было послано судьею въ ѳему (Ж. М. Н. Пр. 1881, іюнь, стр. 294). У него же находимъ слѣдующее поучительное мѣсто: „Не отягощай иноплеменныхъ областей, подчиненныхъ тебѣ. Заповѣдай воеводамъ [6]) соблюдать скромность и благочестіе и не поступать нагло и не грозить кому-нибудь, а судьямъ накажи крѣпко, чтобы они судили со страхомъ Божіимъ и справедливостію“ (Ж. М. Н. Пр. 1884, августъ, стр. 344). Этого мѣста уже достаточно было бы для опроверженія

---

[1]) Bel. V, № 29 τῷ κριτῇ τοῦ Οφικίου τῷ Ζωμᾷ: «ἐπὶ σοί, καὶ ταῦτα φίλῳ καὶ δικαστῇ». № 41 τῷ κριτῇ τῶν Ἀνατολικῶν: «τοιοῦτος πρὸς αὐτὸν φάνηθι δικαστής». № 47 τῷ κριτῇ τῶν Θρακησίων τῷ Σηρῷ: «σὺ ἐν δικαστοῦ δικαίου ἔργον πλήρωνε». № 60 τῷ κριτῇ τῶν Ὀπτιμάτων: «καὶ ταῦτα δικαστὴν τοῦ Ὀπτιμάτων τυγχάνοντα θέματος». *Tafel*, Eustath. opusc., p. 358 τῷ κριτῇ Θράκης καὶ Μακεδονίας Πόθῳ: «τῆς πρὸ σοῦ δικαστῶν αἰδοῦς περὶ τὴν μονήν».

[2]) *Ж. М. Н. Пр.* 1881, іюль, 147: κῦρ Νικήφορος κριτὴς Πελοποννήσου καὶ Ἑλλάδος.

[3]) Attal. p. 182: ὑποσχέσεσι δὲ χρημάτων δικαστὴς Πελοποννήσου καὶ Ἑλλάδος ἀποπεμφθεὶς τὸ κατὰ τὴν ἐπαρχίαν ἐκείνην διοικούμενος ἦν. Cp. Cedr. II, 706.

[4]) Bel. V № 103 τῷ πραίτωρι Πελοποννήσου καὶ Ἑλλάδος τῷ Νικηφορίτζῃ: «αὐτὸς σὺ κριτὴς καὶ ἐξεταστὴς κάθησοι... τοῖς μὲν οὖν ἄλλοις τῶν δικαστῶν..., παρὰ δὲ σοὶ ὁ γενναῖος λόγος ἀρκεῖ».

[5]) Pei LI, 25 (*Zach.*, I, 245): Ὅτι οὐκ ὀφείλει δικαστὴς διαξίμους ποιεῖν γυναῖκας... τοῦ γὰρ κατανάγκη ἐγκαλέσαντος, ὡς ὁ κριτὴς Πελοποννήσου...

[6]) Словомъ «воевода» профессоръ Васильевскій передаетъ греческое στρατηγός.

Библиотека "Руниверс"

мнѣнія автора о тождествѣ стратига и судьи. Въ „Стратегіи", неправильно приписываемой Никифору Фокѣ и составленной въ концѣ X в., находимъ ясное доказательство тому, что стратигъ и судья ѳемы два разныя лица, и указаніе на то, что стратигу принадлежалъ судъ надъ войскомъ, и то не ему одному, а въ совокупности съ судьей, вѣроятно, только въ проступкахъ противъ дисциплины [1]). Изъ этого позволительно заключить, что судъ надъ всѣмъ остальнымъ населеніемъ находился въ рукахъ судьи. Менѣе всего можно согласиться съ г. Скабалановичемъ въ томъ, чтобы судья командовалъ войскомъ. По усмиреніи возстанія на Кипрѣ, Алексѣй Комнинъ назначилъ туда судью Каллипарія. „Но такъ какъ островъ нуждался въ лицѣ, которое защищало бы его отъ непріятеля, пишетъ Анна Комнина, — то императоръ поручилъ его защиту Евмаѳію Филокалесу, назначивъ его стратопедархомъ (или стратигомъ)" [2]). Если бы судья былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и стратигомъ, такое назначеніе было бы совершенно непонятно. Хотя изо всего нами сказаннаго нельзя вполнѣ уяснить себѣ предѣлы власти стратига и судьи, тѣмъ не менѣе, твердо устанавливается тотъ фактъ, что въ ѳемѣ были два начальствующія лица, стратигъ и судья, и что ошибочно мнѣніе г. Скабалановича, будто стратигъ и судья одно и то же лицо.

Изъ переписки Пселла видно, что финансовое управленіе ѳемы находилось въ рукахъ судьи, и что отъ него зависѣлъ сборщикъ податей (практоръ). Отношенія судьи къ практору вѣрно изложены авторомъ (стр. 190), но отнесены къ стратигу, а не къ судьѣ, какъ слѣдовало бы. Это же произвольное отожествленіе заставляетъ насъ осторожно относиться къ списку стратиговъ, представленному въ разбираемой книгѣ; такъ, напримѣръ, почти всѣ тѣ лица, которыя выставлены стратигами Эллады, названы въ источникахъ судьями.

Въ главѣ о судѣ авторъ еще разъ возвращается къ этому пред-

---

[1]) Nicephori Phocae De Velit. bell. p. 240 (боннск. изд.): δεῖ δε αὐτοὺς μηδὲ παρὰ τῶν θεματικῶν κριτῶν ἀτιμοῦσθαι... καὶ τοῦ ἰδίου θέματος ἐξουσίαν ὁ στρατηγὸς ἐκέκτητο κρίνων τοὺς ἐγκαλοῦντας ἐπὶ στρατιωτικοῖς πράγμασι... ἔχων συνεργὸν τὸν κριτήν.

[2]) Anna Comn. I, 433—433: κριτὴν μὲν οὖν καὶ ἐξισωτὴν Καλλιπάριον προυβάλλετο... ἐπεὶ δε καὶ τινος ἡ νῆσος ἐδεῖτο τοῦ ταύτην φρουρήσαντος τὸν Φιλοκάλην Εὐμάθιον τὴν ταύτης ἀναθέμενος φρουράν, στρατοπεδάρχην προεχειρίσατο. Что въ данномъ случаѣ стратопедархъ, какъ часто въ Алексіадѣ имѣетъ значеніе стратига, видно изъ другихъ мѣстъ, гдѣ тотъ же Евмаѳій названъ дукою Кипра (II, 105, 106).

Библиотека "Руниверс"

мету и опять утверждаетъ, что „стратиги были не только правители, но и судьи. Юрисдикція ихъ имѣла приложеніе въ сферѣ какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ дѣлъ“ (стр. 352). Но изъ тѣхъ мѣстъ Пиры, на которыя ссылается авторъ, видно только, что существовали провинціальные судьи, которые разбирали уголовныя и гражданскія дѣла, но не видно, чтобы то были стратиги[1]). Примѣры выбраны неудачно. „Напримѣръ, антіохійскій дука привлекаетъ Антіохійцевъ къ отвѣтственности и присуждаетъ къ наказанію за убійство (Cedr. II, 510), правитель Пелопоннеса и Эллады заключаетъ Катананку подъ стражу за разбой (Zachariae I, 247)“. Но въ первомъ случаѣ Кедринъ говоритъ о бунтѣ въ Антіохіи и о томъ, какъ дука расправился съ бунтовщиками, убилъ безъ суда сто человѣкъ, другихъ отправилъ въ Константинополь, а во второмъ случаѣ въ Пирѣ рѣчь идетъ не о стратигѣ, а о судьѣ (κριτής).

Въ этой главѣ пришлось намъ натолкнуться на такую ошибку, которую трудно было ожидать отъ автора, никогда не пренебрегающаго хронологіей и обыкновенно такъ искусно устанавливающаго даты. Вопреки ясному и не подлежащему никакому сомнѣнію указанію Скилицы, вопреки Атталіотѣ, двумъ сводамъ русской лѣтописи (Лаврентьевскому и Воскресенскому) и арабскимъ писателямъ, авторъ относитъ походъ Руси на Византію не къ 1043 г. а къ 1044 и повторяетъ свою ошибку шесть разъ (стр. 207, 215, 227, 321, 332, 336)

Послѣ изслѣдованій В. Г. Васильевскаго и Ѳ. И. Успенскаго главы, посвященныя въ разбираемой книгѣ (гл. 5-я и 6-я) обществу и экономическимъ условіямъ его быта, положенію крестьянъ, борьбѣ властителей съ убогими, харистикарной системѣ, проніи, а также и финансамъ, то-есть, главнымъ образомъ классификаціи податей и способу ихъ взиманія, не представляютъ ничего существенно новаго; но это хорошій, провѣренный по источникамъ сводъ всего того, что разбросано по разнымъ статьямъ.

Не входя въ подробный разборъ главъ о войскѣ (7-я) и судѣ (8-я) [2]), такъ какъ въ этой сферѣ въ XI вѣкѣ не произошло суще-

---

[1]) *Zachariae*, I, 44, 201, 262: τῷ κατὰ τὴν ἐπαρχίαν δικάζοντι, 286: πρὸς τὸν τοῦ θέματος δικαστήν.

[2]) Замѣтимъ только, что авторъ не пользовался юридическимъ сочиненіемъ Атталіоты, которое было въ такой славѣ въ Византіи, что одинъ юристъ XIII вѣка, составитель Synopsis minor, включилъ изъ него множество мѣстъ въ свое руководство (*Zachariae* Jus Graeco-Rom. II, 3). Не совсѣмъ точно гово-

Библиотека "Руниверс"

ственныхъ перемѣнъ, и намъ пришлось бы касаться слишкомъ общихъ вопросовъ, остановимся нѣсколько на двухъ послѣднихъ главахъ, озаглавленныхъ „церковь и „монашество". Характеристика патріарховъ того времени Кируллаpія, Лихуда, Ксифилина составлена авторомъ почти исключительно по нагробнымъ рѣчамъ Пселла; намъ кажется, что авторъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отнесся слишкомъ довѣрчиво къ этимъ памятникамъ и, напримѣръ, встрѣчающіеся въ нихъ разговоры признаетъ дѣйствительно имѣвшими мѣсто. Недовѣріе должны возбуждать такія черты, которыя повторяются въ рѣчахъ всѣхъ патріарховъ; такъ едва ли можно предполагать, чтобы всѣ они, какъ говоритъ Пселлъ, желая превознести ихъ скромность, отказывались отъ патріаршаго сана, а если это иногда и случалось, то было, конечно, притворствомъ.

Дѣятельность Іоанна Ксифилина изложена г. Скабалановичемъ весьма неполно; хотя, какъ видно изъ другихъ мѣстъ книги, ему хорошо извѣстны синодальныя опредѣленія того времени, онъ не счелъ нужнымъ остановиться на нихъ и заняться тѣми измѣненіями, которыя внесъ въ брачное право этотъ патріархъ. Эти реформы разобраны Фишеромъ въ небольшой книгѣ, заглавіе которой выписано нами выше, и которая посвящена почти исключительно біографіи Іоанна Ксифилина. Изложеніе патріаршей дѣятельности Ксифилина принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ сочиненія Фишера, которое вообще не отличается большими достоинствами. Особая глава о выборахъ патріарха (р. 50—54) полна недоразумѣній; авторъ путаетъ форму избранія, которое по праву принадлежало клиру и народу, съ санкціей императора, которая имѣла на самомъ дѣлѣ главное значеніе, и безъ всякаго основанія предполагаетъ какія-то измѣненія, которыя внесъ въ дѣло избранія Константинъ Мономахъ. По счастію, интере-

---

рятъ авторъ (стр. 322—323) о двухъ доместикахъ школъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ существовалъ только одинъ доместикъ школъ, и подъ этимъ названіемъ разумѣли главнокомандующаго восточнымъ войскомъ; командующаго западнымъ войскомъ называли δούξ или δομέστικος τῆς δύσεως; поэтому авторъ напрасно сомнѣвается, былъ ли евнухъ Николай западнымъ главнокомандующимъ или восточнымъ, названіе его δομέστικος τῶν σχολῶν допускаетъ только второе предположеніе. Сказанное нами можно вывести изъ ссылокъ г. Скабалановича, еще яснѣе изъ словъ Льва Діакона (p. 7.): τῶν τῆς Ἀνατολῆς στρατευμάτων κατάρχοντα (δομέστικον τῶν σχολῶν Ρωμαίοι ἀρχὴν τὴν τοιαύτην ἐπιφημίζουσιν); p. 18: τῶν τῆς Εὐρώπης στρατιωτικῶν καταλόγων κατάρχοντα (δομέστικον δύσεως Ρωμαίοι τὴν τοιαύτην ἀρχὴν ὀνομάζουσι).

Библиотека "Руниверс"

сующійся этимъ вопросомъ найдетъ въ книгѣ г. Скабалановича толковое изложеніе избранія патріарховъ, изъ котораго усмотритъ, что тутъ издревле соблюдалась извѣстная форма, сохранявшаяся въ силу византійскаго консерватизма, но что въ сущности патріархъ назначался императоромъ.

Говоря о монахахъ, г. Скабалановичъ, очевидно, не желалъ слишкомъ долго останавливаться на отрицательной сторонѣ ихъ жизни, чему онъ нашелъ бы еще много матеріала, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совсѣмъ не коснулся и свѣтлой стороны ихъ дѣятельности, той пользы, которую они принесли наукѣ. Въ монастыряхъ происходила дѣятельная переписка рукописей, монахи украшали ихъ миніатюрами; подтвержденіе этому можно найдти между прочимъ въ недавнемъ сочиненіи проф. Кондакова „Путешествіе на Синай".

Прекраснымъ дополненіемъ къ диссертаціи г. Скабалановича служитъ его же изслѣдованіе о византійской наукѣ и школахъ въ XI в., помѣщенное въ Христіанскомъ Чтеніи. Оно основано на перепискѣ и историческихъ сочиненіяхъ Пселла, отчасти на письмахъ Іоанна Евхаитскаго. Но для того, чтобы доказать мысль автора (стр. 351), что византійское образованіе стояло выше западнаго, этого матеріала недостаточно. Болѣе вѣрное сужденіе можно будетъ пріобрѣсти только тогда, когда будутъ разобраны всѣ тѣ сочиненія Пселла, которыя посвящены самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія и представляютъ нѣчто въ родѣ учебниковъ, когда будетъ проведена параллель между этими руководствами и тѣмъ, что преподавалось въ западныхъ школахъ. Такую сложную работу, требующую много времени и труда, конечно, не могъ предпринять авторъ для небольшой статьи. То, что сдѣлано имъ совершенно достаточно для того, чтобы получить понятіе объ образованности и школахъ того времени. Мы не думаемъ однако, чтобы можно было говорить о византійской академіи, какъ объ одномъ высшемъ учебномъ заведеніи, какъ это дѣлаетъ авторъ; существовали отдѣльныя высшія школы, независимыя другъ отъ друга, но не было одного учрежденія. Новеллу объ основаніи юридической школы авторъ относитъ къ промежутку времени между 1044 и 1047 гг. [1]), не обративъ вниманія на нѣкоторые внутренніе признаки, которые можетъ быть дадутъ возможность точнѣе пріурочить новеллу (напримѣръ, на то, что былъ миръ, на время построенія Манганскаго монастыря).

[1]) Позже нашествія Руси и раньше возмущенія Торникія; сл. надо было сказать между 1043—1047 гг., это—та же ошибка, которую мы отмѣтили раньше.

Библиотека "Руниверс"

Этимъ вопросомъ занялся также Фишеръ и рѣшаетъ въ нѣсколькихъ словахъ. „Такъ какъ война съ Русью окончилась въ 1044 г.", говоритъ онъ (p. 12), ссылаясь на невѣрную дату Гфререра,—„а въ новеллѣ сказано, что въ имперіи царилъ миръ, то слѣдовательно, юридическая школа была основана въ 1045 году". Авторъ вообще не задумывается надъ хронологическими вопросами; раньше еще, чѣмъ онъ вывелъ этотъ годъ, онъ опирался уже на него (p. 4) для вычисленія года рожденія Ксифилина; совершенно произвольно и безъ всякихъ доказательствъ утверждаетъ онъ, что Лихудъ подалъ въ отставку въ 1050 г. (p. 18), а не въ 1053 г., какъ гораздо справедливѣе думаютъ другіе; совершенно произвольно принимаетъ, что Константинъ Дука возвелъ своего брата Іоанна въ достоинство кесаря въ концѣ царствованія, 1066 г. (p. 44), и напрасно поправляетъ Муральта, годъ котораго (1060) вѣрнѣе. Фишеръ иногда поражаетъ страннымъ непониманіемъ источниковъ; такъ онъ разказываетъ: „Дисциплина была очень строга; школы ежедневно подвергались осмотру". Къ этому примѣчаніе: „Въ нѣкоторыхъ высшихъ византійскихъ школахъ были большіе безпорядки. См. яркое описаніе, сдѣланное Пселломъ безпорядка въ той школѣ, изъ которой выходили дипломаты и служащіе въ архивахъ. Psell. V, 248 сл." (p. 15). Но на указанныхъ страницахъ помѣщено письмо или записка Пселла объ асикритахъ (περὶ ἀσηκρητῶν), гдѣ говорится о службѣ въ приказѣ, но о какихъ бы то ни было школахъ нѣтъ ни слова. Авторъ приказныхъ чиновниковъ (асикритовъ) принялъ за учителей или, можетъ быть, за учениковъ, а приказъ (секретъ) за школу. Ксифилинъ, по мнѣнію автора, подарилъ Пселлу лавру Келліевъ, и это тогда, когда онъ еще не былъ патріархомъ, а жилъ простымъ монахомъ на Олимпѣ (p. 23); на самомъ дѣлѣ въ письмѣ Пселла рѣчь идетъ о лаврѣ, которую онъ въ видѣ харистикіи получилъ отъ Константина Мономаха. Новелла объ учрежденіи юридической школы передана Фишеромъ также не совсѣмъ вѣрно; онъ говоритъ, что при этой школѣ была устроена библіотека, и что библіотекарь былъ подчиненъ номофилаксу (начальнику школы); но въ новеллѣ сказано только, что послѣдній имѣетъ право пользоваться библіотекой того монастыря, гдѣ помѣщалась школа; относительно праздниковъ номофилаксу приказано было сообразоваться съ учителями первоначальныхъ школъ (грамматиками), а не философской, какъ переводитъ авторъ (p. 14). Хотя Фишеръ въ своей книгѣ не занимается спеціально византійскими источниками, но по нѣкоторымъ намекамъ можно думать, что онъ имѣетъ на нихъ своеобразный

Библиотека "Руниверс"

взглядъ. Не странно ли называть Пселла оффиціальнымъ придворнымъ исторіографомъ (р. 8)?

Особый отдѣлъ (всего въ три страницы) авторъ посвящаетъ нѣсколькимъ мелкимъ юридическимъ трактатамъ и среди нихъ весьма важному сборнику, Пирѣ; но едва ли можно согласиться съ выводомъ, что Пира была высочайше утвержденнымъ оффиціальнымъ учебникомъ, принятымъ въ византійской юридической школѣ, и съ ни на чемъ не основаннымъ предположеніемъ, что составителемъ ея былъ извѣстный юристъ Гарида (р. 55—56).

Если сравнить между собою разобранныя нами книги, преимущество несомнѣнно окажется на сторонѣ русскаго ученаго. Оба автора пользовались тѣмъ же самымъ матеріаломъ, одинъ въ значительно большемъ объемѣ (Скабалановичъ), другой въ меньшемъ (Фишеръ); но между тѣмъ какъ у русскаго ученаго замѣчается строго выработанный историческій методъ, всякій выводъ зиждется на критической провѣркѣ источниковъ, и вся книга изложена ясно и талантливо, западный ученый страдаетъ отсутствіемъ критики, произвольными, неосновательными толкованіями, зачастую непониманіемъ Византійцевъ. Только тотъ, кто занимался когда-нибудь византійскою исторіей и читалъ въ подлинникѣ туманнаго Пселла, пойметъ какія трудности приходилось преодолѣвать г. Скабалановичу, и оцѣнитъ, какъ много сдѣлано имъ для уясненія внутренняго положенія Византійской имперіи.

П. Безобразовъ.

Исторія Россіи. Соч. *Д. Иловайскаго.* Томъ II. Московско-литовскій періодъ или Собиратели Руси. Москва, 1884 г. [1]).

„Исторія Россіи" Д. И. Иловайскаго достаточно извѣстна въ литературномъ мірѣ, хотя, можетъ быть, и не такъ распространена въ публикѣ, какъ заслуживала бы того по своимъ внутреннимъ достоинствамъ. Надѣемся, что каждый вновь выходящій томъ будетъ увеличивать ея распространеніе, ибо съ каждымъ новымъ томомъ будетъ расти интересъ самыхъ событій. Авторъ самъ сознаетъ это, говоря: „Выпус-

[1]) Въ 1876 г. вышла первая часть «Исторіи Россіи»—Кіевскій періодъ; въ 1880 г. вторая—Владимірскій. Эти двѣ части составляютъ первый томъ, что, къ сожалѣнію, не было обозначено въ ихъ заглавномъ листѣ.

Библиотека "Руниверс"

кая въ свѣтъ настоящій томъ своей „Исторіи Россіи“, авторъ хотя и не можетъ повторить извѣстныя слова Лаврентія Мниха [1]), но онъ все-таки можетъ легче вздохнуть, пройдя добри удѣльныхъ вѣковъ и добравшись до московско-царскаго періода“. Слова эти невольно напоминаютъ слова Карамзина изъ письма къ А. И. Тургеневу передъ началомъ шестаго тома, гдѣ описано время Іоанна III: „Вотъ прямо историческій предметъ! Доселѣ я только хитрилъ и мудрилъ, выпутывался изъ трудностей. Вижу за собою песчаную степь африканскую, а передъ собою величественныя дубровы, богатыя поля“. Такое совпаденіе нисколько насъ не удивляетъ: по свойствамъ таланта и по стремленіямъ своимъ Д. И. Иловайскій изъ всѣхъ бывшихъ доселѣ историковъ ближе, чѣмъ кто-либо, подходитъ къ Карамзину. Наше поколѣніе выросло на Карамзинѣ: у него учились мы и знать, и любить русскую исторію. Слѣдующее за нами поколѣніе было менѣе счастливо: Карамзина читать перестали; Соловьевъ, при всѣхъ своихъ громадныхъ достоинствахъ, при всей своей научности, при своемъ глубокомъ умѣ, не могъ замѣнить Карамзина, ибо не давалъ картинъ, плѣняющихъ воображеніе. Картинность, художественность были чужды его природѣ и даже намѣренно обѣгались имъ; краснорѣчивыя общія характеристики, столь частыя у Соловьева, могли нравиться только людямъ знакомымъ съ исторіей и получившимъ вкусъ къ обобщеніямъ. Оставались учебники, популярныя книжки или слишкомъ краткія или слишкомъ сомнительныя въ ученомъ отношеніи, иногда даже намѣренно обличительныя, да разныя „монографіи“, изыскивавшія съ особенною любовью и раскрашивавшія тщательно истинныя и мнимыя больныя мѣста древней Руси. Нужна была книга, проникнутая любовью къ своей странѣ, озаренная художественнымъ талантомъ. Пробовалъ написать такую книгу Погодинъ, но онъ принялся за нея поздно, писалъ урывками, по своей подвижной природѣ не могъ написать ничего цѣльнаго, и вышло нѣсколько хорошихъ картинъ, тонущихъ въ ненужныхъ подробностяхъ; все дѣло остановилось нашествіемъ Татаръ, а далѣе можно было прочесть только дѣтство Петра Великаго. Этого было слишкомъ мало. Тогда начала выходить „Исторія Россіи“. Уже первые два выпуска, не смотря на то, что предметъ часто не поддается картинному изложенію, представ-

[1]) «Радуется купецъ прикупъ створивъ, и кормьчей въ отишье приставъ, и странникъ въ отечьство свое пришедъ: такоже радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ». Лѣтоп. Лаврентіевская, 463.

Библиотека "Руниверс"

ляютъ не мало истинно-художественныхъ описаній и повѣствованій. Вспомнимъ для примѣра хоть картину Царяграда при первомъ нашествіи Варяговъ, которая сильно напоминаетъ лучшія страницы въ этомъ родѣ великихъ историковъ (хотя бы Антіохію у Гиббона), повѣствованія о битвахъ съ кочевниками, которыя въ первый разъ поставлены авторомъ на надлежащее имъ мѣсто въ нашей исторіи, характеристику Всеволода Большаго Гнѣзда, котораго авторъ первый вывелъ изъ мрака, дотолѣ его окружавшаго, и многое другое. Интересъ художественный будетъ очевидно расти съ каждымъ томомъ. Тотъ, который лежитъ передъ нами, обнимаетъ время отъ Михаила Ярославича Тверскаго до смерти Іоанна III. Эти два столѣтія чрезвычайно знаменательны: въ теченіе ихъ сложилось Московское княжество, Русь приготовилась къ сверженію ига и дѣйствительно свергла его. Такъ шли дѣла на сѣверо-востокѣ, а на западѣ въ это время слагалось Литовское княжество и соединилось съ Польшею. Обрисовались два соперника за обладаніе Руси, и намѣтился несомнѣнный исходъ этой борьбы.

Авторъ—надо отдать ему справедливость—съ равнымъ вниманіемъ слѣдитъ за ростомъ обоихъ борцевъ; не забывается ни Москва, ни Вильна. Въ его живомъ разказѣ встаютъ передъ нами живые люди, не „безстрастные лики“ Соловьева, не адвокатски обѣленные или адвокатски зачерненные дѣятели, какъ у нѣкоторыхъ другихъ историковъ. Отдавая полную справедливость дѣятельности собирателей Русской земли, авторъ знаетъ и ихъ хорошія, и ихъ слабыя стороны, нерѣдко нераздѣльныя отъ хорошихъ. Не можемъ не выписать здѣсь его общаго сужденія: „Ряды Московскихъ князей, предшественниковъ Димитрія Донскаго, чужды какого-либо однообразія; они являютъ намъ далеко неодинаковые характеры и даже довольно разнообразные типы, каковы: весьма подвижный и предпріимчивый Юрій Даниловичъ, спокойный, разсудительный Иванъ Калита, умный и рѣшительный Симеонъ Гордый, смирный, нерѣшительный Иванъ Красный. Но, по отношенію къ Ордѣ, всѣ они дѣйствуютъ почти одинаковымъ образомъ, всѣ они съ виду равно покорны и угодливы передъ ханами, а въ сущности ловко обращаютъ ихъ въ орудіе своего возвышенія и усиленія. Но въ этомъ случаѣ они не были изобрѣтателями какой-либо особой коварной политики. Они только умно и настойчиво слѣдовали тому образу дѣйствій, который былъ намѣченъ ихъ знаменитымъ родоначальникомъ Александромъ Невскимъ и вызывался тогда самими обстоятельствами; и другіе князья,

Библиотека "Руниверс"

напримѣръ, Тверскіе, пытались слѣдовать той же системѣ дѣйствій, но не съ такимъ умѣніемъ и послѣдовательностію" (стр. 54). Это общее сужденіе о характерѣ князей Московскихъ проводится и въ самомъ изложеніи: люди извѣстнаго настроенія и извѣстнаго періода, а не логическіе моменты, проходятъ передъ читателемъ въ изящномъ литературномъ изложеніи Д. И. Иловайскаго. Но можетъ быть, еще никогда не достигало это изложеніе до такой художественности, какъ въ описаніи Куликовской битвы. Кто не помнитъ, хотя бы по хрестоматіямъ, блистательнаго Карамзинскаго описанія Куликовской битвы; но мы должны признаться, что на этотъ разъ, какъ этому не трудно вѣрить, и самъ Карамзинъ превзойденъ. У Карамзина повѣствованіе о битвѣ есть не что иное, какъ краснорѣчивый пересказъ стараго сказанія. Не то сдѣлалъ Д. И. Иловайскій. Онъ изучилъ самое сказаніе, въ его различныхъ редакціяхъ, изучилъ мѣстность битвы, вдумался въ дѣятельность Димитрія Донскаго и создалъ такую картину, которую можно считать уже окончательною, и которая должна войдти существеннымъ элементомъ въ литературное и нравственное образованіе многихъ и многихъ поколѣній. Такіе образы дано создавать только немногимъ изъ художниковъ слова, и очень рѣдко выпадаетъ на долю историка несовременнаго событію начертать такую не подлежащую поправкамъ картину. Этотъ очеркъ появился уже два раза въ печати; думаемъ, что онъ извѣстенъ уже многимъ, но искренно желаемъ, чтобъ онъ былъ извѣстенъ всѣмъ грамотнымъ людямъ, ибо на памяти живущаго поколѣнія русское историческое изложеніе еще не достигало такой художественности: сравненіе возможно только съ лучшими страницами Карамзина. Сила, сказавшаяся въ этомъ повѣствованіи, будетъ находить себѣ законную почву въ послѣдующихъ событіяхъ. Мы можемъ только желать, чтобъ „Исторія Россіи" неуклонительно доведена была до ближайшихъ къ намъ временъ. Счастливо будетъ поколѣніе, воспитавшееся на такихъ изящныхъ образцахъ. Какъ бы обдуманно ни было преподаваніе и изложеніе исторіи, какъ бы умно и наставительно оно ни было, но безъ художественнаго элемента оно не можетъ проникнуть въ глубину души, не можетъ зародить тамъ не гаснущаго чувства любви къ родинѣ, благоговѣйнаго отношенія къ предкамъ.

Д. И. Иловайскій указываетъ, какъ на особое достоинство своей книги, на то, что событія Литовской Руси излагаются у него отдѣльно отъ событій Руси Московской. Это дѣйствительно такъ: во всѣхъ историческихъ сочиненіяхъ, появившихся доселѣ (за исключеніемъ

Библиотека "Руниверс"

Устрялова: его книга, какъ компендій, въ счетъ не идетъ), литовскія дѣла излагались вмѣстѣ съ московскими. Изложеніе литовской исторіи тщательно и изящно; быть можетъ, иногда требовалось бы болѣе критическаго отношенія къ источникамъ: говорю не о преданіяхъ, внесеніе которыхъ въ исторію, какъ преданій, очень желательно, ибо они и оживляютъ повѣствованіе, и переносятъ къ представленіямъ минувшихъ временъ. Съ этой стороны очень удачно внесеніе въ текстъ, а не въ примѣчанія, какъ дѣлалъ Карамзинъ, и московскихъ преданій. Говорю здѣсь о дневникѣ Кибурга, который подвергнутъ былъ основательному сомнѣнію В. Г. Васильевскаго. Автору это сомнѣніе извѣстно: онъ говоритъ о немъ; не лучше ли было бы не пользоваться такимъ источникомъ. Вообще исторія Литовской Руси разказана изящно и занимательно, характеры обрисованы хорошо, преимущественно Витовтъ, но особенно выдающихся страницъ указать, по нашему мнѣнію, нельзя. Отношеніе автора къ великому князю Ивану Васильевичу напоминаетъ отношеніе къ нему Карамзина и заслуживаетъ полной похвалы. Подробное изложеніе дѣлъ ордынскихъ и крымскихъ составляетъ новость въ нашей исторической литературѣ, и новость весьма пріятную. Пользуясь путешественниками восточными и западными, авторъ умѣлъ придать своему изложенію и живость и интересъ. Вообще Д. И. Иловайскій понялъ, что вопросъ о нашихъ азіатскихъ отношеніяхъ играетъ слишкомъ большую роль въ исторіи Россіи, особенно древней, чтобы обходить его кратко. Эта сторона придала и новость, и полноту его предшествующему тому; то же еще въ большей степени замѣчается и въ настоящемъ; особенно интересны свѣдѣнія объ италіанскихъ черноморскихъ колоніяхъ, извѣстныхъ до сихъ поръ только спеціалистамъ изъ разныхъ монографій и слегка упоминаемыхъ въ общихъ изложеніяхъ.

Главы, посвященныя быту и литературѣ, интересны и ясны. Географическія свѣдѣнія, какъ всегда у автора, занимаютъ видное мѣсто: не даромъ же онъ такъ много ѣздилъ по Россіи и получилъ такую привычку опредѣлять характеръ мѣстности. Въ этомъ отношеніи особенно удачнымъ кажется намъ очеркъ мѣстности Москвы относительно важности ея для торговаго пути. Замѣтимъ впрочемъ, что авторъ весьма основательно въ роли Московскаго княжества первое мѣсто даетъ совсѣмъ не географическому положенію Московской области.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о системѣ примѣчаній

Библиотека "Руниверс"

автора. Въ сочиненіяхъ, назначенныхъ для справокъ ученыхъ и учащихся, необходимы частыя примѣчанія; въ книгахъ популярныхъ желательно, чтобы примѣчаній было менѣе. Такъ и поступаетъ Д. И. Иловайскій: онъ не дробитъ своихъ примѣчаній, но за то сообщаетъ очень обширную литературу. Карамзинъ былъ въ другомъ положеніи: его книга имѣла двойное значеніе; теперь же пора раздѣлить эти два характера изложенія.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Alazon. Ein Beitrag zur antiken Ethologie und zur Kenntniss der griechisch-römischen Komoedie nebst Uebersetzung des plautinischen Miles Gloriosus von *Otto Ribbeck*. Leipzig. 1882.

Такъ-называемое новое направленіе аттической комедіи, будучи лишено того особаго интереса, который придавала комедіи Аристофана ея близкая связь съ политическими событіями тѣхъ временъ, должно было прибѣгнуть къ инымъ средствамъ, чтобы привлекать публику и не потерять права существованія. Одного изображенія обыденной жизни въ представляемыхъ драмахъ было недостаточно: Аѳиняне были на столько знакомы съ нею, что не стали бы ходить въ театръ, имѣя возможность видѣть и слышать то же у себя дома. Чтобы заинтересовать ихъ, поэты стали выводить въ своихъ комедіяхъ типическія личности. Ихъ дѣйствующія лица хотя и не имѣли ничего невозможнаго въ своемъ характерѣ, но обладали извѣстными качествами въ самомъ, такъ-сказать, сосредоточенномъ видѣ. Такимъ образомъ, тщательность характеристики стала отличительною чертой новаго направленія аттической комедіи, и эта послѣдняя сдѣлалась настоящею сокровищницею для позднѣйшихъ этологовъ и психологовъ. Къ сожалѣнію, оригинальныя ея произведенія не сохранились до нашихъ временъ; за то, съ одной стороны, вольные переводы Плавта и Теренція, съ другой—сочиненія нѣкоторыхъ ученыхъ александрійскаго и римскаго періодовъ даютъ намъ довольно ясное понятіе о характерѣ позднѣйшей греческой комедіи. Между этими учеными особенно важны извѣстный перипатетикъ Ѳеофрастъ, эпистолографъ Алкифронъ и риторъ Лукіанъ. Означенное выше сочиненіе Риббека служитъ продолженіемъ статьи того же ученаго о характерѣ εἴρων, напечатанной въ Rhein. Mus., XXXI. Оба характера, εἴρων и ἀλαζών, составляютъ, по ученію Аристотеля, двѣ дурныя крайности, посреди кото-

Библиотека "Руниверс"

рыхъ находится хорошее качество — правдивость. И ἀλαζών, и εἴρων лгутъ; первый притворяется лучше, богаче или знатнѣе, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ есть, второй — хуже, бѣднѣе и ничтожнѣе. Такъ какъ εἴρων, между прочимъ, прикидывается, будто онъ не знаетъ того, что̀ онъ знаетъ, или уважаетъ то, что̀ презираетъ, то слово εἰρωνεία перешло къ намъ для обозначенія образа рѣчи, въ которомъ мы, чтобъ уколоть противника, скрываемъ порицаніе подъ внѣшнею оболочкой похвалы, то-есть, ироніи. Самымъ знаменитымъ εἴρων'омъ въ древнемъ мірѣ былъ Сократъ; вообще же это качество находило между Аѳинянами мало представителей, такъ какъ эти послѣдніе, вслѣдствіе своей врожденной κομψότης, болѣе клонились къ противоположному качеству, къ ἀλαζονεία. Слово ἀλαζών, по мнѣнію автора, первоначально не обозначало ничего дурнаго; мы встрѣчаемъ его среди другихъ прилагательныхъ, служащихъ для ознаменованія красоты, изящества; ἀλαζόνες называются бодрый конь, павлинъ, красивый тигръ. Въ отношеніи къ людямъ это слово первоначально обозначало хвастливый видъ, закидываніе головы; вскорѣ, однако, подъ нимъ стали разумѣть одни только психическія качества. Ἀλαζών, по существу своему, могъ принадлежать ко всѣмъ профессіямъ; но нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ были особенно заманчивыми для такихъ людей. Прежде всего—сословіе риторовъ, изъ коихъ многіе были люди безъ порядочнаго образованія, толковавшіе о вещахъ, о которыхъ сами не имѣли понятія: имъ, конечно, не подобало быть застѣнчивыми, если они не хотѣли потерять своего вліянія надъ массами. Образчикъ такого ритора—фигура Клеона въ аристофановыхъ „Рыцаряхъ", споръ котораго съ колбасникомъ сводится къ соперничеству въ ἀλαζονεία. Такіе же ἀλαζόνες, съ точки зрѣнія простого народа, и философы, вообще всѣ ученые, добивающіеся познаній, которыя, по мнѣнію перваго, не разрѣшены человѣку; такимъ образомъ даже величайшій εἴρων древности, Сократъ, является у Аристофана ἀλαζών'омъ, наравнѣ съ Продикомъ и прочими софистами. Но ἀλαζονεία философовъ могла быть двухъ родовъ. Одни изъ нихъ, а именно послѣдователи Платона и Аристотеля, вызывали это названіе чрезмѣрнымъ изяществомъ своей одежды; они были просто ἀλαζόνες. Казалось бы, что поборники другого направленія, ученики Антисѳена и Діогена, ходившіе въ дырявыхъ плащахъ и обитавшіе въ бочкахъ, должны были избѣжать этого упрека; но и тутъ здравый смыслъ эллинскаго народа угадалъ, что подъ этою простотой скрывалась жажда казаться лучшими

Библиотека "Руниверс"

чѣмъ остальные смертные; поэтому и циники были причислены къ ἀλαζόνες; ихъ называли, въ отличіе отъ прочихъ философовъ, πτωχαλαζόνες. Само собою разумѣется, что и поэты, говорившіе столь часто о вещахъ, о которыхъ не имѣли и не могли имѣть никакого понятія, давали обширный контингентъ этому классу людей; о волхвахъ же и говорить нечего. Въ самыя древнія времена прорицатели вмѣстѣ съ тѣмъ были и врагами; поэтому прозвище первыхъ осталось и за послѣдними. И дѣйствительно, надобно согласиться, что многіе изъ нихъ заслуживали этого упрека: стоитъ только вспомнить хвастуна Менекрата, который требовалъ, чтобъ его паціенты величали его Зевсомъ. Соперниками врачей называли себя повара; въ тѣ времена, когда они, подобно нашимъ кухмистерамъ, нанимались поденно, ихъ ἀλαζονεία достигла невѣроятныхъ размѣровъ и давала много благодарныхъ мотивовъ для средней и новой комедіи. Единственный достойный представитель этого типа, сохранившійся до нашихъ временъ, есть поваръ въ комедіи Плавта „Pseudulus“, тотъ самый, который между прочимъ утверждаетъ, что запахъ приготовляемыхъ имъ блюдъ служитъ ужиномъ для самого Зевса, и что сей послѣдній въ дни, когда ему, повару, стряпать не приходится, ложится спать безъ ужина.

Но такъ какъ слава полководца-побѣдителя считалась высшею доступною человѣку славою, то и ἀλαζονεία достигла своего апогея въ военномъ званіи. Въ самыя древнія времена греческой поэзіи фигура нахальнаго, но глуповатаго забіяки давала много поводовъ для насмѣшки. Пѣвецъ Иліады не иначе изобразилъ самого бога войны, Марса, раненаго Діомедомъ и выбраненнаго отцомъ своимъ Зевсомъ; въ Одиссеѣ онъ же является пойманнымъ и осмѣяннымъ всѣмъ Олимпомъ любовникомъ Венеры. Въ древней аттической комедіи главный ἀλαζών—извѣстный „герой“ Ламахъ, самымъ постыднымъ образомъ окончившій предпринятый имъ съ такимъ блескомъ походъ. Сверхъ того, Клеонимъ — „Джонъ Фальстафъ древней комедіи“,—„Цыпленокъ Марса“ Пизандръ и Діонисъ въ „Лягушкахъ“ имѣютъ нѣкоторыя черты воина-ἀλαζών'а. Но важнѣйшимъ моментомъ въ развитіи военной ἀλαζονεία былъ баснословный походъ Александра Великаго на Востокъ. Можно себѣ вообразить, съ какимъ воодушевленіемъ вернувшіеся на родину ветераны разказывали свои чудесныя приключенія; что при этомъ не всякій придерживался строгой правды, понятно само собою, какъ понятно и то, что недовѣрчивые, склонные къ насмѣшкѣ Аѳиняне не пропускали удобнаго случая поддразнить велерѣчивыхъ героевъ. Что такъ было на самомъ дѣлѣ—

Библиотека "Руниверс"

объ этомъ свидѣтельствуетъ новая аттическая комедія, любимымъ типомъ которой былъ кичливый солдатъ—конечно, не мужественный защитникъ отечества, а безродный искатель приключеній, какихъ во времена Александра и Діадоховъ было множество. Фигура солдата-ἀλαζών'а соотвѣтствовала временамъ Менандровой комедіи точно также, какъ демагогъ-ἀλαζών и софистъ ἀλαζών-временамъ Аристофана. Уже одни имена, которыя носили представители этого типа въ комедіяхъ — Стратофанъ, Полемонъ, Αἱρεσιτείχης, Πυργοπολινίκης, Polumachaeroplagides, Pultiphagonides изобличали ихъ характеръ. Ихъ наружность была также весьма внушительна: темный цвѣтъ лица, громадные усы, желѣзные доспѣхи могли испугать всѣхъ, кто не зналъ, что подъ оболочкой льва скрывается заячье сердце.

Въ комедіяхъ Плавта хвастливый воинъ встрѣчается неоднократно; но только въ одной изъ нихъ онъ играетъ главную роль—въ комедіи „Miles gloriosus". Поэтому г. Риббекъ оканчиваетъ свою книгу разборомъ и метрическимъ переводомъ этой комедіи. Авторъ греческой драмы, изъ которой Плавтъ заимствовалъ сюжетъ своей комедіи, неизвѣстенъ; отношеніе послѣдней къ первой точно опредѣлить не возможно. Но авторъ весьма справедливо указываетъ на нѣкоторыя длинноты и противорѣчія въ римской комедіи, которыхъ въ оригиналѣ, вѣроятно, не было, и явились онѣ, конечно, вслѣдствіе желанія Плавта подчеркнуть нѣкоторыя черты въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ, о которыхъ онъ думалъ, что онѣ особенно придутся по вкусу римской публикѣ. Весьма интересно также сопоставленіе сюжета Плавтовой комедіи съ одной изъ сказокъ „Шехеразады" (сказка о мясникѣ, его женѣ и солдатѣ). Сходство дѣйствительно бросается въ глаза, и весьма вѣроятно, что въ этомъ случаѣ эллинизмъ повліялъ на восточнаго разкащика, а не на оборотъ, какъ это полагаютъ другіе.

О самомъ переводѣ комедіи мы распространяться не будемъ. Замѣтимъ только, что г. Риббекъ, извѣстный изяществомъ своего, слога, и здѣсь оказался достойнымъ своей славы, такъ что его „Hauptmann Prahlhans" стоитъ на той же степени совершенства, какъ и классическіе переводы Аристофановыхъ комедій, сдѣланные Дройзеномъ. Пожалѣть можно развѣ только о томъ, что свобода въ сложеніи ямбическихъ триметровъ и троханческихъ тетраметровъ въ переводѣ г. Риббека простирается и на послѣднюю стопу этихъ стиховъ, въ которой ямбъ замѣненъ анапестомъ, что̀ дѣлаетъ нерѣдко размѣръ неяснымъ.

Ѳ. Зѣлинскій.

Библиотека "Руниверс"

Очерки западно-европейской исторіографіи.

XI.

Ни одно изъ сочиненій, появившихся въ Германіи за послѣднее десятилѣтіе, не произвело такого впечатлѣнія, не вызвало столькихъ толковъ и споровъ, какъ „Нѣмецкая исторія" Трейчке (Treitschke). Она посвящена XIX вѣку, и потому Deutsche Geschichte постоянно затрогиваетъ вопросы и интересы, которые до сихъ поръ стоятъ на первомъ планѣ; авторъ принадлежитъ къ опредѣленной политической партіи и проводитъ ея идеи съ энергіей, доходящею до страстности; наконецъ, научныя и литературныя достоинства новаго сочиненія таковы, что оно во всякомъ случаѣ, даже, при совершенно иныхъ условіяхъ, должно было возбудить вниманіе. Я скажу о немъ потому болѣе обстоятельно, чѣмъ о другихъ нѣмецкихъ книгахъ по исторіографіи, и остановлюсь на второмъ томѣ, вышедшемъ въ 1882 году.

Имя Трейчке хорошо было извѣстно и въ политикѣ, и въ литературѣ еще до появленія „Нѣмецкой исторіи". Какъ депутатъ, онъ постоянно придерживался группы, стоявшей между національ-либеральной и консервативною партіями, и слѣдовалъ за княземъ Бисмаркомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда политика послѣдняго шла на перерѣзъ либеральной доктринѣ. Группа, самыми видными представителями которой являются Трейчке и Веренпфеннигъ, образовалась подъ вліяніемъ контраста между худосочнымъ нѣмецкимъ парламентаризмомъ и энергическою, дальновидною государственною властью.

Врагъ формальныхъ ограниченій и построеній, врагъ французской политической ариѳметики, восторженный поклонникъ прусскаго монархическаго прошедшаго и традиціоннаго авторитета вообще, Трейчке остается либераломъ по матеріальнымъ требованіямъ своей программы. Вопреки всѣмъ уступкамъ въ формально-правовыхъ вопросахъ, онъ стоитъ за индивидуалистическій принципъ въ народномъ хозяйствѣ, не считаетъ возможнымъ поддерживать феодальные порядки въ современномъ обществѣ, служитъ конституціонализму, не какъ необходимой формѣ государственнаго строя, а какъ необходимой потребности выросшаго народа. Нужно постоянно имѣть въ виду эту двухсторонность политической программы, чтобы не перетолковать историческихъ оцѣнокъ нашего автора: изъ его послѣдней книги легко собрать много мѣстъ, которыя рѣзко направлены противъ либераль-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ вѣрованій, но остановиться на подобномъ подборѣ значило бы просто исказить его мысль.

Въ литературной области за Трейчке давно упрочилась слава боеваго и краснорѣчиваго публициста, выразителя прусскаго духа и прусскихъ стремленій. Собраніе историко-политическихъ этюдовъ, книга о шестидесятыхъ годахъ въ Германіи, письма къ Шмоллеру и рядъ статей по текущимъ вопросамъ въ Preussische Jahrbücher достаточно подготовили публику относительно направленія, въ которомъ написана новая „Нѣмецкая исторія". Кто слышалъ Трейчке въ рейхстагѣ или въ Берлинскомъ университетѣ, кто помнитъ эту кипучую рѣчь, съ усиліемъ пробивающуюся подъ грубою оболочкой невнятной, лающей дикціи, тотъ и при чтеніи новой книги не удивится порывистой риторикѣ, вспышкамъ любви и злобы, упрямому возвращенію однихъ и тѣхъ же основныхъ мотивовъ. Но только новая книга показала, какой скрывается въ убѣжденномъ публицистѣ и талантливомъ профессорѣ ученый работникъ. Есть одна личность въ европейской исторіографіи, которую Трейчке поразительно напоминаетъ и складомъ ума, и положеніемъ въ обществѣ и литературѣ, и даже писательскими пріемами: Трейчке — прусскій Маколей, и этимъ все сказано. Если работа Англичанина интересна не только по изложенію событій, но и какъ историческій манифестъ партіи виговъ, то „Нѣмецкая исторія" даетъ намъ отраженіе въ историографической сферѣ той силы, которая создала современную Германію.

Однако, пора перейдти къ ближайшей характеристикѣ самаго сочиненія. Первый томъ, вышедшій въ 1876 году, заключалъ въ себѣ какъ бы введеніе ко всему труду и преимущественно останавливался на войнѣ за освобожденіе Германіи. Второй обнимаетъ періодъ времени отъ 1815 до 1819 года, отъ втораго Парижскаго мира до Карлсбадскихъ постановленій, періодъ короткій, но богатый событіями и опредѣлившій надолго главныя политическія теченія.

Картина общественнаго настроенія и умственной жизни послѣ освободительныхъ войнъ написана преимущественно свѣтлыми красками, но нанесены и тѣневыя полосы, которыя, пожалуй, болѣе всего опредѣляютъ характеръ изображенія. Въ центрѣ поставлена величавая фигура Гёте, главнаго представителя предшествовавшаго литературнаго вѣка. Онъ не могъ сочувственно относиться ко многимъ новымъ вѣяніямъ и нѣсколько презрительно смотрѣлъ на напряженную дѣятельность „форсированныхъ талантовъ", какъ онъ выражался; онъ не отзывался даже на нѣкоторыя дѣйствительно суще-

Библиотека "Руниверс"

ственныя потребности новой эпохи, не понималъ, напримѣръ, ея религіознаго возрожденія. Но все-таки положеніе его среди поколѣнія десятыхъ годовъ было основано не на отрицаніи и враждѣ отжившаго человѣка къ начинающимъ жить: присутствіе творческой силы спасало его отъ этого болѣзненнаго чувства; съ другой стороны, и это особенно важно, новая эпоха оставалась, не смотря на пережитыя политическія испытанія, подъ господствомъ литературныхъ интересовъ и движеній. Прошла война, и нѣмецкая жизнь опять отвернулась отъ практической политики. Мелкій людъ взялся опять за плугъ, образованные люди—за перо, и послѣдніе принялись за прежнюю работу не по неволѣ, а съ радостнымъ сознаніемъ, что возвращаются къ своему истинному призванію. По выраженію Гегеля, die Nation hat sich aus dem gröbsten herausgehauen und kann Sich nun wieder nach Innen, zum Reiche Gottes wenden. И иностранцы теперь готовы были признать первенствующую роль Германіи въ духовномъ мірѣ подъ условіемъ ея убожества въ мірѣ политическомъ.

Это литературное возрожденіе имѣло, однако, весьма своеобразныя черты: не могло быть и рѣчи, конечно, о простомъ возвращеніи къ задачамъ и пріемамъ прошлаго. Правда, количественно все еще преобладаютъ чисто-литературные сюжеты, масса мелкихъ талантовъ и людей безъ таланта наводняла книжный рынокъ стихотворными произведеніями, романами, драмами. Но крупныхъ людей среди этой толпы не было замѣтно, общій результатъ оказывался на столько неудовлетворительнымъ, что громадному большинству этихъ писателей пришлось просто разыгрывать роль „непонятыхъ“ людей. Величайшій контрастъ съ безсильною и полною претензій изящною литературой того времени представляетъ богатая результатами дѣятельность въ области историко-политической. Сюда обращаются величайшіе умы того времени, здѣсь оно достигло памятныхъ результатовъ и двинуло впередъ европейскую мысль. Нибуръ разрушилъ условное историческое преданіе, господствовавшее въ XVIII в. и коренившееся въ непониманіи своеобразности источниковъ, въ анти-историческомъ представленіи объ одинаковости людей. Бёккъ, въ противоположность прежнему формальному изученію классической древности, требовалъ, чтобы филологія стала въ то же время исторіей и показалъ на дѣлѣ, какъ осуществить такое требованіе. Савиньи привелъ въ теоретическую ясность урокъ, данный французскою революціей и послѣдовавшимъ за нею отливомъ: раціоналистическая логика законоучительства и учрежденій, на основаніи какой-нибудь общеобязательной

Библиотека "Руниверс"

теоріи, можетъ принести только вредъ, потому что люди и общество не одинаковы въ своемъ строеніи, а выросли въ различныя формы, выраженныя особенностями языка, вѣрованій, права, учрежденій, хозяйства, выражающихъ особенности народнаго характера. Не легко складываются эти различія, не легко и разложить ихъ.

Во многихъ отношеніяхъ позднѣйшее изслѣдованіе измѣнило и дополнило всѣ эти взгляды, но существенное въ нихъ сдѣлалось общимъ достояніемъ. Конечно, движенія въ отвлеченно философской и религіозной сферѣ также имѣютъ большое значеніе въ это время, но характерно, что даже въ этомъ случаѣ замѣтна опредѣленная историческая окраска. Шеллингъ, законодатель философіи, во вторую половину своей дѣятельности особенное вниманіе сталъ обращать на историческій процессъ, хотя и не привелъ въ исполненіе своего намѣренія написать философію исторіи. Чрезвычайно важно было уже признаніе, что право и религія должны быть понимаемы, какъ откровенія міроздательнаго разума, и потому находятся въ постоянномъ развитіи. Въ богословскомъ отношеніи сухой протестантскій раціонализмъ уступалъ мѣсто пониманію, которое на первый планъ выдвигало міръ субъективнаго чувства и допускало историческія измѣненія религіи. Такимъ образомъ вездѣ болѣе или менѣе сказывалось, что мыслящіе люди смотрятъ теперь на окружающія явленія иными глазами, чѣмъ смотрѣли въ XVIII вѣкѣ. Вмѣсто того, чтобъ исходить отъ индивидуума, исходили отъ общества; раціоналистическая точка зрѣнія вездѣ замѣнялась историческою.

Любопытно однако, что если литература проникалась историческимъ элементомъ, за то въ сферѣ политической мысли элементъ этотъ еще далеко не получилъ преобладанія. Самый вліятельный публицистъ того времени, Роттекъ, главный представитель либерализма, правда, написалъ всемірную исторію, но факты въ ней были подтасованы сообразно доктринѣ, а не доктрина выведена изъ фактовъ. „Баденскіе Алеманны находили въ своемъ Роттекѣ всѣ главные признаки своего характера—свою мужественную независимость духа, демократическую гордость, пошедшую отъ Іосифа II просвѣщенность, но также и свою мелкогородскую ограниченность, наивное непониманіе отношеній между политическими силами, самодовольство своего безвреднаго партикуляризма“. Приведенное мѣсто представляетъ еще весьма снисходительную оцѣнку Роттека; обыкновенно ему достается гораздо хуже отъ прусскаго историка за его конституціонное доктринерство и ненависть къ прусскимъ порядкамъ. Трейчке не хочетъ

Библиотека "Руниверс"

понять, что и въ томъ, и въ другомъ сказывалось весьма естественное стремленіе пришедшаго къ самозванію общества—пріобрѣсть самостоятельность, выйдти изъ-подъ опеки государственной власти и повліять на нее въ свою очередь. Излишне строгое, прямо пристрастное отношеніе къ Роттеку приводитъ историка къ страннымъ утвержденіямъ по частнымъ пунктамъ. Онъ, напримѣръ, не можетъ себѣ объяснить симпатію баденскаго либерала къ Руссо иначе, какъ безсознательнымъ влеченіемъ Нѣмца къ самому „gemüthvollen“ изъ Французовъ: не могла же оказать тутъ вліянія теорія этого „слабѣйшаго изъ политическихъ мыслителей Франціи“. За то съ большою симпатіей относится Трейчке къ составлявшейся группѣ ученыхъ и теоретиковъ, такъ-сказать, германскаго пошиба, которые болѣе обращали вниманіе на матеріальныя, чѣмъ на формальныя условія государственной жизни. Учителя реакціи, проповѣдники грубой силы или осмысленнаго феодализма, Галлеръ и Адамъ Мюллеръ, внушаютъ ему также мало сочувствія, какъ и демократы. Но великое значеніе принадлежитъ и въ этой сферѣ Нибуру, который постоянно настаивалъ, что организація управленія имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ организація правительственной власти, Verwaltung важнѣе, чѣмъ Verfassung. При такой точкѣ зрѣнія, становилось возможнымъ понять и оцѣнить прусскую государственную исторію, приблизиться къ практической политикѣ, признать первостепенную роль мѣстной организаціи и самостоятельности. Но Трейчке не останавливается на этомъ, онъ готовъ допустить, что Дальманъ имѣлъ право измѣнить главное положеніе Нибура и утверждать, что административное и политическое развитіе не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга, не составляютъ параллельныхъ линій, а на столько пересѣкаются и переплетаются, что для обезпеченія правильнаго теченія администраціи необходима разумная организація государственной власти. Вся совокупность этихъ сужденій о нѣмецкихъ политическихъ теоретикахъ чрезвычайно характерна для Трейчке: отказываясь отъ демократической теоріи, вооружаясь всѣми силами противъ французскихъ конституціонныхъ ученій, онъ самъ все-таки приходитъ къ парламентаризму, только другою дорогою, отъ анализа матеріальныхъ задачъ государства и его исторической жизни.

Великая бѣда заключалась только въ томъ, что конституціонная жизнь завязалась впервые на почвѣ мелкихъ государствъ—Вюртемберга, Баваріи, Бадена. „Какое несчастіе для нашей политической жизни, что нація принуждена была собирать свои первыя конститу-

Библиотека "Руниверс"

ціонныя впечатлѣнія въ призрачной жизни безпомощныхъ, несамостоятельныхъ государствъ. Въ этой узкой сферѣ нѣмецкій парламентаризмъ получилъ свой отпечатокъ уѣздной, мелко-ремесленной ограниченности. Великій вопросъ, отъ котораго зависитъ судьба конституціонной жизни — какъ соединить парламентарныя формы съ могуществомъ воинственной арміи и съ традиціоннымъ ходомъ широкой европейской политики—вопросъ этотъ не могъ быть даже поставленъ въ этихъ зависимыхъ государствахъ". Въ своей характеристикѣ событій, волновавшихъ міръ нѣмецкаго партикуляризма, Трейчке относится съ безпощадною ироніей къ проявленіямъ близорукаго эгоизма и самомнѣнія государей, неопытной наивности и идеологіи представительства. Не въ оправданіе и въ объясненіе онъ однако начинаетъ свои обзоры указаніями, вслѣдствіе какихъ историческихъ условій, большею частью еще средневѣковыхъ, сложились отдѣльные центры и группы, разрознивавшіе нѣмецкую народность. Не находитъ, конечно, снисхожденія въ его глазахъ и позорно-комическое порожденіе этой разрозненности — Германскій союзъ, существовавшій не для того, чтобы сдерживать, а чтобъ охранять развитіе жалкихъ политическихъ самостоятельностей, безсильный въ проведеніи мѣръ самой явной необходимости, беззащитный передъ дерзостью любого изъ мелкихъ державныхъ, игрушка Меттерниха, орудовавшаго по произволу этимъ соединеніемъ ничтожествъ. Нечего и говорить, что высокій комизмъ, сопровождавшій обыкновенно дѣятельность франкфуртскаго собранія, переданъ очень живо, и тутъ писателю приходилось только выбирать между фактами и предоставлять имъ говорить за себя. Чего стоютъ, напримѣръ, рѣчи предсѣдателя и уполномоченнаго Австріи, графа Буоля, который, напримѣръ, разъяснялъ, что XIX-й параграфъ союзнаго договора о регулированіи и облегченіи торговыхъ сношеній внутри Германіи имѣетъ цѣлью—„die deutschen Bundesstaaten selbst in Hinsicht des Handels und Verkehrs sowie der Schiffahrt einander zu entfremden"?

Совершенно въ иномъ тонѣ написана исторія Пруссіи за это время. Авторъ возмущенъ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ, съ которымъ большая часть Нѣмцевъ относилась къ Прусскому государству. Его цѣль показать, что дисциплина, сила монархическаго авторитета, энергическое вмѣшательство правительства въ общественную жизнь, которыя слагались въ особый „прусскій пошибъ" и возбуждали ненависть въ Германіи, отчасти возбуждаютъ и до сихъ поръ, что всѣ эти свойства не недостатки, а качества. Неразумная анти-

Библиотека "Руниверс"

патія и непониманіе извратили самое представленіе о прошедшемъ Пруссіи, заставили пренебречь великими дѣяніями прусской администраціи, приписывать монархіи противолиберальное направленіе даже тогда, когда она въ дѣйствительности проводила либеральныя идеи. Въ 1819 году вліяніе Пруссіи помѣшало Максимиліану-Іосифу Баварскому произвести государственный ударъ противъ палатъ, но вліяніе это сказывалось за кулисами, а для общественнаго мнѣнія Баварскій король остался милостивымъ покровителемъ конституціи, тогда какъ Прусскую монархію поносили, какъ центральную силу реакціи. Мало того, даже Австрійцы пріобрѣтали популярность на счетъ Пруссаковъ, и притомъ въ прусскихъ провинціяхъ. Поѣздка императора Франца по Рейну въ 1818 году была настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Въ данномъ случаѣ сказывались особенно сильно уже не либеральныя, а клерикальныя тенденціи. Пріемъ императора въ Ахенѣ вызываетъ у Трейчке просто вопль негодованія. „Какая сцена! Благодарность и уваженіе этому Лотарингцу, который бросилъ въ грязь вѣнецъ Каролинговъ, и притомъ у гроба перваго императора, въ той же древней столицѣ, гдѣ онъ за четырнадцать лѣтъ предъ тѣмъ клятвопреступно присягалъ узурпатору; наглое пренебреженіе подданныхъ къ благородному нѣмецкому государю, снявшему чужестранное иго съ этой западной окраины и даровавшему ей послѣ столѣтнихъ бѣдствій благодать честнаго нѣмецкаго государства. Право, поколѣніе мыслившее такимъ образомъ, не созрѣло еще для единства!“

Не предупрежденному наблюдателю невольно навязывается въ виду всего этого вопросъ, почему же такая иронія судьбы, какія настоящія, не случайныя причины подобнаго отношенія? У Трейчка можно найдти только весьма односторонній и недостаточный отвѣтъ. Онъ слишкомъ занятъ оправданіемъ и возвеличеніемъ Прусскаго государства, чтобъ обращать вниманіе читателя на его не привлекательныя стороны. Если многое и въ этомъ отношеніи проскальзываетъ черезъ его изложеніе, то независимо отъ его воли. Во всякомъ случаѣ, и первая сторона, лѣтопись заслугъ прусской администраціи, и политика обращаютъ на себя вниманіе и переданы у нашего автора очень обстоятельно.

Въ 1817 году по совѣту нотаблей положено было начало классной подати, и такимъ образомъ Пруссія стала переходить къ системѣ прямаго обложенія, между тѣмъ какъ всѣ остальныя европейскія государства еще придерживались косвенныхъ налоговъ

Библиотека "Руниверс"

въ различныхъ ихъ формахъ. Еще несравненно болѣе важный шагъ былъ сдѣланъ въ 1817 и 1818 годахъ, когда подъ руководствомъ Маассена былъ выработанъ новый таможенный законъ, не только объединившій государство въ торговомъ отношеніи, но перестроившій его внѣшнюю торговую политику по принципу свободнаго обмѣна и низкихъ доходныхъ пошлинъ. Не Англія, а Пруссія является въ исторіи первымъ проводникомъ этого принципа, и англійскіе распространители его принуждены были ссылаться на примѣръ континентальной державы. Новый законъ былъ важенъ также какъ исходный пунктъ для объединенія всѣхъ германскихъ государствъ по отношенію къ иностранному ввозу. Не столько теоріи болѣе или менѣе фантастическія и не постоянныя Листа и Небеніуса, сколько прусская административная практика проложила дорогу такому объединенію. Въ этомъ отношеніи знаменательнымъ днемъ является 25-го октября 1819 года, когда маленькое княжество Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ вступило въ прусскую таможенную систему.

Но можетъ быть, еще труднѣе и плодотворнѣе, чѣмъ законодательная и правительственная работа по этимъ крупнымъ вопросамъ, была незамѣтная, ежедневная, неустанная дѣятельность прусскаго чиновничества, направленная къ сплоченію и организаціи разнокалиберныхъ частей государственнаго тѣла. Въ Германіи вообще легче слить два княжества, чѣмъ два округа или двѣ общины, и постоянныя территоріальныя перемѣны и перерѣзки революціоннаго, наполеоновскаго и послѣнаполеоновскаго времени ввели въ политическій союзъ, и безъ того новый и малообъединившійся, множество чуждыхъ, и врозь настроенныхъ элементовъ. Трудно было справиться съ особенностями такихъ провинцій, какъ Рейнская или Познань. Не смотря на всѣ старанія, тутъ поддерживались и воспитывались неудовольствія, областной партикуляризмъ, которые едва удавалось сдерживать цѣпкой силѣ прусскаго чиновничества. Отношенія еще значительно осложнялись тѣмъ обстоятельствомъ, что оберъ-президенты, начальники областей, занимали очень своеобразное, почти самостоятельное положеніе относительно центральнаго управленія въ Берлинѣ, не обинуясь критиковали его дѣйствія и иногда даже устраивали нѣчто въ родѣ бюрократической оппозиціи министрамъ. Самымъ важнымъ и несговорчивымъ представителемъ этого дѣльнаго, энергическаго, патріотическаго, но самоувѣреннаго и раздражительнаго чиновничества, былъ Шенъ, начальникъ Восточно-Прусской провинціи. „И не смотря на всѣ препятствія и задержки, дѣло все-

Библиотека "Руниверс"

таки дѣлалось, случайно сметанныя части государства срослись, населеніе пріучалось къ своему новому положенію, центробѣжныя тенденціи отодвигались мало по малу назадъ. Несомнѣнно главнымъ двигателемъ въ этомъ необходимомъ превращеніи являлась монархическая власть и созданная ею, исходящая отъ нея бюрократія, а потому государство еще нуждалось на нѣсколько лѣтъ въ монархической диктатурѣ. Конечно, работа административной реформы могла найдти себѣ завершеніе только въ общегосударственной конституціи, необходимость которой самъ король призналъ въ столькихъ указахъ; конечно, безчисленные элементы противоположности могли быть перевоспитаны въ живой патріотизмъ только постояннымъ общеніемъ политической работы и взаимодѣйствіемъ партій, но необходимо было, чтобы сначала установились основы правительства, а затѣмъ уже можно было окружить корону парламентскими формами". Въ естественномъ теченіи вещей исполненіе королевскаго обѣщанія относительно конституціоннаго устройства затягивалось, но не устранялось этими обстоятельствами. Королевское правительство и не думало перетолковывать или уничтожать свои обѣщанія. Выработка проекта конституціи является одною изъ главныхъ государственныхъ заботъ этого времени. Коммиссія изъ трехъ высшихъ сановниковъ объѣзжаетъ провинціи и справляется о мнѣніяхъ выдающихся людей по этому вопросу. Два главные представителя администраціи, Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ и канцлеръ Гарденбергъ, представляютъ въ государственный совѣтъ опредѣленные планы реформы. Замѣчательно, что, не смотря на личную вражду между составителями, на мелочность, съ которою эти два замѣчательные человѣка ведутъ борьбу именно по поводу этихъ проектовъ, въ основныхъ чертахъ оба плана очень согласны. Гумбольдтъ выступаетъ противъ „fureur de gouverner" и имѣетъ при этомъ въ виду, не столько государство, сколько могущественное чиновничество. „Гражданину онъ уже не ставитъ задачей, какъ прежде, совершенно отстранить правительственную власть отъ вмѣшательства въ свободную общественную жизнь; гражданинъ нравственно обязанъ принимать самостоятельное участіе въ управленіи; только при этомъ условіи можетъ человѣкъ развиться вполнѣ; только при этомъ вступаетъ государство въ живую связь съ народнымъ духомъ и можетъ разчитывать въ минуту опасности на силу нравственной поддержки. Подобно всѣмъ людямъ широкаго взгляда изъ кружка Штейна, онъ хочетъ воздвигнуть парламентъ на самоуправленіи общинъ, уѣздовъ и провинцій, требуетъ группировки по тремъ

Библиотека "Руниверс"

сословіямъ, хотя отъ его проницательнаго взгляда и не ускользаетъ необычайное усиленіе среднихъ классовъ и уравненіе старыхъ сословій; онъ предполагаетъ наконецъ передать государственнымъ чинамъ законодательство, областнымъ, кромѣ того и административныя задачи". Проектъ Гарденберга, отличаясь въ подробностяхъ, представляя невыгодныя особенности по отношенію къ организаціи отдѣльныхъ общинъ, вліянію, предоставленному землевладѣнію, устройству выборовъ и т. п., и тѣмъ не менѣе исходилъ изъ тѣхъ же основныхъ принциповъ, какъ и гумбольдтовскій. „И возможно, что представительное собраніе, созванное по плану Гарденберга около 1820 года, перевело бы государство постепенно и спокойно на путь настоящей представительной системы". Если эта возможность не осуществилась, то виноваты отчасти личныя распри между авторами различныхъ проектовъ, но виновата главнымъ образомъ реакція, охватившая Пруссію въ противодѣйствіе волненію молодежи, реакція, воспитанная и направленная пагубною австрійскою политикой.

Трейчке не придаетъ значенія броженію, распространившемуся среди нѣмецкаго общества въ концѣ десятыхъ годовъ, хотя оно было направлено въ значительной степени, противъ предметовъ его особеннаго поклоненія. „Во всѣ времена молодежь держится болѣе радикальнаго образа мыслей, чѣмъ люди зрѣлаго возраста, потому что живетъ она болѣе въ будущемъ, нежели въ настоящемъ". Такъ начинаетъ берлинскій профессоръ свою главу „Burschenschaft". Несомнѣнно, „въ мутномъ потокѣ этого страшнаго движенія появлялись весьма вредные, противообщественные элементы. Кружокъ „безусловныхъ", образовавшійся вокругъ холоднаго фанатика Карла Фоллена, держался революціонной программы, считалъ убійство дозволеннымъ и дѣйствительнымъ политическимъ средствомъ и существенно отличался отъ позднѣйшаго нигилистическаго терроризма только кощунственнымъ злоупотребленіемъ именемъ Христа. Но противъ этой секты достаточно было орудій въ уголовномъ правѣ и обыкновенной полиціи. Вмѣсто того однако, чтобы направить свои дѣйствія противъ этой небольшой кучки, нѣмецкія правительства, подъ вліяніемъ Меттерниха, повели войну противъ всѣхъ свободомыслящихъ и подозрѣваемыхъ въ свободомысліи. Приверженцамъ національной идеи досталось при этомъ болѣе, чѣмъ послѣдователямъ Фоллена. На долго отравлены были отношенія между правительствомъ и обществомъ, благодаря этой неразумной паникѣ, которую не одобряли самые вѣрные и испытанные слуги государства, люди подобные Гнейзенау

Библиотека "Руниверс"

Грольману, Гумбольдту, Бойену. Строгій Нибуръ восклицалъ: „Что за жизнь слагается изъ такихъ отношеній между правительствомъ и подданными: безъ любви, безъ патріотизма, безъ радости, полная горечи и злобы!“

Трейчке положительно отказывается думать, чтобъ этотъ роковой поворотъ къ чистой реакціи совершился по собственной иниціативѣ прусскихъ государственныхъ людей. Истиннымъ руководителемъ всей этой политики былъ Меттернихъ, представитель той Австріи, которая должна была бояться, какъ огня, пробужденія самосознанія въ нѣмецкомъ народѣ. „Противъ идеалистической дерзости молодежи выступило холодное самомнѣніе свѣтскаго человѣка, который никогда не интересовался горячо идеей, никогда не раздумывалъ о великихъ культурныхъ интересахъ человѣчества, который считалъ своимъ естественнымъ союзникомъ самое низкое изъ человѣческихъ свойствъ—страхъ“.

Второй томъ „Нѣмецкой Исторіи“ представляетъ столько интереснаго и поучительнаго, что остается только съ нетерпѣніемъ ожидать третьяго и желать, чтобы вообще весь этотъ трудъ, имѣющій не только научное, но и національное значеніе, былъ доведенъ до конца. Онъ не даетъ объективнаго и окончательнаго изложенія событій, но при всемъ субъективизмѣ въ немъ столько талантливости и знанія, что еще много времени пройдетъ, пока рядомъ съ нимъ станетъ равносильный трудъ другаго направленія.

П. Виноградовъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ВОЙНЫ ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО И КОММЕРЧЕСКІЕ ИНТЕРЕСЫ АНГЛІИ [1]).

XII.

Принятіе Людовикомъ XIV завѣщанія Карла II и вызывающая политика его относительно морскихъ державъ.

По смерти Карла II власть надъ Испанскою монархіей перешла временно въ руки правительственной юнты, составившейся изъ шести лицъ, изъ которыхъ главными были: королева, кардиналъ Портокарреро и президентъ Кастиліи Манюэль Арріасъ. Во главѣ же юнты, согласно волѣ Карла II, поставлена была королева. Между тѣмъ въ Версаль кардиналомъ отправленъ былъ немедленно курьеръ съ формальнымъ извѣщеніемъ о завѣщаніи Карла II въ пользу Филиппа Анжуйскаго, о чемъ, впрочемъ, Людовикъ XIV еще раньше извѣщенъ былъ Блекуромъ.

Обсужденіе вопроса о принятіи завѣщанія Карла II въ совѣтѣ Людовика XIV описано въ мемуарахъ Торси, а также Сенъ-Симона, съ большими подробностями, и притомъ въ мемуарахъ Сенъ-Симона даже гораздо подробнѣе, чѣмъ въ мемуарахъ Торси. Но мы предпочитаемъ разказъ Торси, такъ какъ онъ лично участвовалъ въ тѣхъ засѣданіяхъ королевскаго совѣта, въ которыхъ, подъ предсѣдательствомъ самого Людовика XIV, рѣшался вопросъ о принятіи завѣщанія Карла II, хотя разказъ этотъ не можетъ считаться вполнѣ безпристрастнымъ.

---

[1]) *Окончаніе*. См. октябрскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* текущаго года.

Библиотека "Руниверс"

Такъ какъ въ Мадридѣ сомнѣвались, приметъ ли Людовикъ XIV послѣднее завѣщаніе Карла II, то юнта приказала испанскому посланнику въ Парижѣ Кастель-Досъ-Ріосу, въ случаѣ отказа короля Французскаго, отправить немедленно курьера, посланнаго изъ Мадрида въ Вѣну, такъ какъ намѣреніе покойнаго короля было передать свое наслѣдство цѣликомъ эрцгерцогу, если посмертное распоряженіе его не будетъ принято Франціей. Людовикъ XIV былъ тогда въ Фонтенебло. По прибытіи курьера изъ Мадрида, испанскій посланникъ просилъ у Людовика XIV особенной аудіенціи. Но прежде чѣмъ назначить ее, король пожелалъ выслушать мнѣніе своего совѣта. Совѣтъ состоялъ изъ дофина, канцлера Франціи графа Поншартрена, герцога Бовилье, (Beauvilliers), стоявшаго во главѣ совѣта по финансовымъ дѣламъ и воспитателя принцевъ, и маркиза Торси, статсъ-секретаря, завѣдывавшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Легче было предвидѣть, чѣмъ предупредить послѣдствія того рѣшенія, о которомъ шла рѣчь. Людовикъ XIV обязался было отвергнуть всякое распоряженіе Испанскаго короля, которое клонилось бы въ пользу французскаго принца. Дѣйствуя противъ своихъ обязательствъ, онъ навлекалъ на себя упрекъ въ нарушеніи священнаго королевскаго слова, а это нарушеніе вело къ неизбѣжной войнѣ. Между тѣмъ при заключеніи Рисвикскаго мира Людовикъ XIV имѣлъ въ виду дать своему народу возможность оправиться отъ длиннаго ряда войнъ. Съ другой стороны, необходимо было имѣть въ виду, что если бы Людовикъ XIV отказался принять завѣщаніе, то наслѣдство имѣло цѣликомъ перейти къ эрцгерцогу. Испанская нація не поколебалась бы признать своимъ королемъ эрцгерцога Карла, и тогда въ рукахъ Габсбурговъ опять соединились бы всѣ владѣнія, составлявшія монархію Карла V, могущество котораго имѣло такое роковое значеніе для Франціи. Миръ такимъ образомъ не былъ обезпеченъ, договоръ о раздѣлѣ не былъ достаточенъ для поддержанія мира; со стороны Англіи и Голландіи не было сдѣлано никакихъ приготовленій, которыя заставили бы императора думать, что они имѣютъ дѣйствительное намѣреніе поддержать силой оружія условленный раздѣлъ Испанской монархіи. Не принимая завѣщанія Карла II, Людовикъ XIV долженъ былъ или вовсе отказаться отъ испанскаго наслѣдства, или начать войну, чтобы завоевать ту часть его, которая была назначена ему по договору о раздѣлѣ. Если бы Людовикъ XIV рѣшился на войну съ этою цѣлью, то несомнѣнно, ему предстояло бы одному поддерживать всю ея тяжесть; но еще болѣе было основаній ожидать того, что въ случаѣ

Библиотека "Руниверс"

начатія войны, невѣрные союзники Французскаго короля соединятся съ врагами его и воспротивятся осуществленію того самаго договора, условія котораго Людовикъ XIV опасался нарушить. „Война была необходима", говоритъ Торси,—„для поддержанія въ силѣ договора о раздѣлѣ: она была обременительна для Франціи, но она была, кромѣ того, и несправедлива. Какое было основаніе объявить войну Испаніи? На какомъ основаніи завладѣть частью ея? Какое зло причинилъ послѣдній король Испаніи, признавъ одного изъ французскихъ принцевъ королемъ всей Испанской монархіи, и какую—спрашивается—обиду нанесла Франціи испанская нація, подчиняясь послѣдней волѣ своего короля? Она отдавалась Франціи безусловно; Франція, оттолкнувъ ее, поступила бы съ нею, какъ съ врагомъ, и все это единственно на томъ основаніи, что Франціи оказывалось болѣе подходящимъ пріобрѣсть часть Испанской монархіи, чѣмъ всю, и все это вслѣдствіе договора, существенныя условія котораго были уже нарушены союзниками!" Если война была уже неизбѣжна, то нужно было предпринять ее для того, чтобы поддержать болѣе справедливое рѣшеніе, и конечно, оно было бы на сторонѣ завѣщанія [1]).

„Государственный секретарь (то-есть, самъ Торси) поддерживалъ всѣми силами заявленное имъ въ совѣтѣ мнѣніе о необходимости принять завѣщаніе. Герцогъ Бовилье, которому предоставлено было слово тотчасъ послѣ Торси, стоялъ за необходимость держаться договора о раздѣлѣ, въ убѣжденіи, что война, какъ неизбѣжное послѣдствіе принятія завѣщанія, повела бы къ разоренію Франціи. Канцлеръ подвергъ снова разсмотрѣнію различныя выгоды, которыя могла извлечь Франція изъ того и изъ другаго рѣшенія, и ясно формулировалъ ихъ; онъ указалъ также на тѣ неудобства, которыя влекло за собою каждое изъ обоихъ рѣшеній, не считая возможнымъ или, вѣрнѣе, не рѣшаясь высказаться категорически по такому важному вопросу; въ заключеніе же онъ сказалъ, что одинъ только король, имѣя болѣе ясный взглядъ на дѣло, чѣмъ его министры, въ состояніи знать и рѣшить по своему высочайшему усмотрѣнію, что болѣе соотвѣтствуетъ его славѣ, интересамъ его августѣйшей семьи и благу его королевства и его подданныхъ. Дофинъ мало говорилъ въ совѣтѣ, но высказался, не колеблясь, за принятіе завѣщанія, предпочитая видѣть своего втораго сына царствующимъ надъ всею Испанскою монархіей, чѣмъ самому владѣть Неаполемъ и Сициліей. Ко-

[1]) *Torcy*, Mémoires I, 150—155.

Библиотека "Руниверс"

роль же высказался рѣшительно за принятіе завѣщанія, но пожелалъ, чтобы принятое имъ рѣшеніе сохранялось въ тайнѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней [1]).

Разказъ Сенъ-Симона о засѣданіи королевскаго совѣта, въ которомъ рѣшался вопросъ о принятіи завѣщанія Карла II, въ существенныхъ чертахъ сходенъ съ разказомъ Торси, но Сенъ-Симонъ утверждаетъ, что на этомъ засѣданіи присутствовала и г-жа Ментенонъ, и признаетъ вліяніе ея мнѣнія на рѣшеніе Людовика XIV [2]). Само собою разумѣется, что, и не присутствуя на засѣданіи Людовика XIV съ его министрами о принятіи завѣщанія, г-жа Ментенонъ имѣла возможность высказать свой взглядъ на дѣло, и нѣтъ сомнѣнія, что Людовикъ XIV не обошелъ ея мнѣнія при рѣшеніи столь важнаго вопроса. Но, по мнѣнію Лувилля, г-жа Ментенонъ не раздѣляла взгляда Людовика XIV на вопросъ объ испанскомъ наслѣдствѣ и старалась удержать короля отъ принятія завѣщанія, напирая особенно на обязанности сдержать слово, такъ какъ она знала, что этотъ мотивъ болѣе, чѣмъ что-либо, въ состояніи подѣйствовать на душу короля [3]). Но и вліяніе г-жи Ментенонъ, которой Людовикъ XIV подчинялся почти во всемъ, оказалось безсильнымъ предъ соблазномъ испанскаго наслѣдства. 12-го ноября вечеромъ дѣло было окончательно рѣшено.

„Затѣмъ испанскій посланникъ, удостоенный особенной аудіенціи въ собственномъ кабинетѣ короля, имѣлъ честь вручить его величеству завѣщаніе покойнаго короля Испаніи при письмѣ отъ юнты за подписью вдовствующей королевы и сановниковъ, входившихъ въ составъ юнты". Король ввѣрилъ ему принятое относительно завѣщанія Карла II рѣшеніе и, чтобы не задержать курьера, прибывшаго изъ Мадрида, отправилъ его обратно на слѣдующій день къ вдовствующей королевѣ и къ остальнымъ членамъ юнты [4]). Въ этомъ письмѣ Людовикъ обѣщаетъ оправдать довѣріе Испанскаго короля, вручившаго судьбу своей монархіи французскому принцу; обѣщаетъ постоянно заботиться о возведеніи снова Испанской монархіи посредствомъ ненарушимаго мира (par une paix inviolable) на ту ступень славы, на которой она когда-то находилась. При этомъ Людовикъ

---

[1]) *Torcy*, Mémoires, I, p. 157—58.

[2]) *Saint-Simon*, Mémoires, III, p. 33.

[3]) *Louville*, Mémoires secrets, I, 27—28.

[4]) Письмо это цѣликомъ приведено въ мемуарахъ *Лувилля*, т. I, стр. 28—31.

Библиотека "Руниверс"

XIV старается показать, какія жертвы приноситъ дофинъ, отказываясь отъ всякихъ своихъ правъ на испанское наслѣдство въ виду того, что покойный Испанскій король призвалъ на свой престолъ втораго сына дофина; далѣе Людовикъ расточаетъ обильные комплименты предъ испанскою націей, называя ее равно храброю и просвѣщенною, дѣльною въ совѣтѣ и на войнѣ и т. д. [1]). Въ заключеніе Людовикъ XIV обѣщаетъ не оставлять своего внука безъ наставленій въ томъ, какъ онъ долженъ дѣйствовать относительно народа, сохраняющаго столь неизмѣнную вѣрность своимъ королямъ и своей прежней славѣ.

11-го ноября 1700 года Людовикъ XIV рѣшился принять завѣщаніе Карла II, а 24-го того же мѣсяца Филиппъ Анжуйскій уже провозглашенъ былъ королемъ Испаніи подъ именемъ Филиппа V.

Чревъ нѣсколько дней послѣ аудіенціи испанскаго посланника въ Версалѣ и принятія завѣщанія Карла II Людовикомъ XIV (14-го ноября), послѣдній отправилъ къ своему посланнику въ Гагѣ, графу Бріору, письмо, въ которомъ онъ старался выяснить причины, побудившія его принять завѣщаніе Карла II и такимъ образомъ нарушить договоры о раздѣлѣ. Письмо это, хотя и адресованное къ графу Бріору, предназначалось собственно для пенсіонарія, такъ какъ Людовикъ поручилъ своему посланнику показать ему это письмо. Такимъ образомъ письмо это имѣетъ оффиціальный характеръ, и, разумѣется, король постарался выставить въ этомъ письмѣ все, что могло послужить къ оправданію его образа дѣйствія относительно Англіи и Голландіи, съ которыми незадолго были заключены договоры о раздѣлѣ. Съ этой стороны, письмо Людовика XIV очень интересно. Онъ не скрываетъ, что не безъ борьбы рѣшился нарушить договоры о раздѣлѣ, но представляетъ дѣло въ такомъ свѣтѣ, что нарушеніе это было неизбѣжно, что принятіе завѣщанія Карла II безусловно необходимо, не столько въ собственныхъ интересахъ Франціи, которые скорѣе должны пострадать въ случаѣ принятія завѣщанія, сколько въ интересахъ всеобщаго мира. Къ этому замѣчательному выводу Людовикъ XIV приходитъ слѣдующимъ образомъ. Въ силу завѣщанія Карла II, за отказомъ Филиппа Анжуйскаго, все испан-

[1]) Mémoires secrets du marquis de *Louville*, I, p. 28—31: «une nation egalement valereuse, eclairée, propre au conseil, à la guerre, enfin à toutes les fonctions de l'église et de l'état".

Библиотека "Руниверс"

ское наслѣдство должно цѣликомъ перейдти къ эрцгерцогу Карлу, а въ случаѣ отказа послѣдняго—къ герцогу Савойскому, который былъ бы, конечно, признанъ законнымъ наслѣдникомъ всей Испанской монархіи. Но въ такомъ случаѣ для выполненія договора о раздѣлѣ пришлось бы начать съ завоеванія всѣхъ зависящихъ отъ Испанской короны земель, чтобы затѣмъ ужь распредѣлить ихъ, согласно второму договору о раздѣлѣ. Но это привело бы необходимо къ безконечной войнѣ, что, конечно, было бы совершенно противно смыслу и духу договора о раздѣлѣ, имѣвшаго цѣлью предотвратить войну. На принятіе же завѣщанія никто не въ правѣ жаловаться, такъ какъ дофинъ имѣетъ полное право уступить свои права, кому ему угодно, какъ онъ уступилъ ихъ герцогу Анжуйскому. Послѣ этого въ Европѣ нечего бояться соединенія французскихъ и испанскихъ владѣній подъ одною короной. Очевидно, стало быть, „qu' il est plus avantageux à toute l'Europe et même plus conforme à l'objet du traité de suivre la disposition faite par le roi d'Espagne“ [1]). Людовикъ XIV поручаетъ также Бріору остановить вниманіе пенсіонарія на отсутствіи всякой увѣренности въ выполненіи договора о раздѣлѣ вслѣдствіе того, что императоръ не примкнулъ къ этому договору. При этомъ Людовикъ XIV не остановился и передъ тѣмъ, чтобы свалить вину на морскія державы, которыя не только не считали нужнымъ побудить императора скрѣпить послѣдній договоръ своею подписью, но еще поддерживали въ императорѣ тайную надежду, что онъ не будетъ къ этому никогда вынужденъ. Людовикъ XIV указываетъ также и на то, что исполненіе договора о раздѣлѣ не можетъ считаться обезпеченнымъ, такъ какъ морскія державы не согласились между собою на счетъ тѣхъ средствъ, которыя должны были быть своевременно употреблены, чтобы придать настоящую силу договорамъ о раздѣлѣ [2]).

Крайняя натяжка приводимыхъ Людовикомъ XIV доказательствъ и оправданій очевидна сама собою; но они невѣрны и по существу. Если вѣрить Людовику XIV, то его чрезвычайно смущала мысль о необходимости начать войну съ Германскимъ императоромъ и даже съ герцогомъ Савойскимъ, въ томъ случаѣ, если-бы Франція осталась вѣрна договорамъ о раздѣлѣ. Между тѣмъ извѣстно по отзывамъ современниковъ, близко знавшихъ положеніе дѣлъ во Франціи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, какъ напримѣръ англій-

[1]) Oeuvres de Louis XIV, t VI, p. 33—39.
[2]) Ibidem.

Библиотека "Руниверс"

скаго посланника въ Парижѣ Манчестра, что Людовикъ XIV придавалъ очень мало значенія вооруженной силѣ Германіи [1]), тѣмъ менѣе могъ онъ серьезно опасаться войны съ герцогомъ Савойскимъ, въ случаѣ вступленія его на испанскій престолъ, послѣ того какъ Франція не разъ ужь вела съ успѣхомъ борьбу противъ цѣлой коалиціи первостепенныхъ державъ. Франція имѣла основанія опасаться войны лишь съ морскими державами, а между тѣмъ Людовикъ XIV имѣлъ бы ихъ на своей сторонѣ, еслибы онъ остался вѣренъ договору о раздѣлѣ. Упрекъ, сдѣланный Людовикомъ XIV Англіи и Голландіи въ томъ, что онѣ нисколько не думали о необходимости своевременно приготовить вооруженныя силы на тотъ случай, если придется съ оружіемъ въ рукахъ привести въ исполненіе лондонскій договоръ о раздѣлѣ, также совершенно неосновательенъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Голландіи. Когда графъ Бріоръ еще въ октябрѣ 1700 года обратился, по приказу его короля, къ Генеральнымъ штатамъ съ просьбой оказать Франціи помощь кораблями и войскомъ, чтобы на всякій случай приготовиться силой овладѣть тѣми землями, которыя были ей назначены по второму договору о раздѣлѣ, то правительство Генеральныхъ Штатовъ отвѣтило, что сухопутное войско уже готово и что для снаряженія вспомогательной эскадры также уже приняты необходимыя мѣры [2]).

Изъ письма Людовика XIV къ графу Бріору видно, что и къ французскому посланнику въ Лондонѣ было послано отъ имени короля тожественное объясненіе причинъ, побудившихъ Людовика къ принятію завѣщанія Карла II.

Можно себѣ представить, какъ поразило Вильгельма III извѣстіе о нарушеніи Людовикомъ XIV договора о раздѣлѣ и какъ возмутили его тѣ объясненія и доводы, которыми Людовикъ XIV объяснялъ свой поступокъ. Объ этомъ даетъ понятіе письмо Вильгельма III къ Гейнзіусу, писанное изъ Гемптона 16-го ноября 1700 года: „Я нисколько не сомнѣваюсь, что этотъ неслыханный образъ дѣйствія со стороны Франціи васъ поразитъ не менѣе, чѣмъ меня. Я никогда не полагался много на соглашенія съ Франціей, но долженъ сознаться, что я не думалъ, чтобы она и въ данномъ случаѣ рѣшилась нарушить предъ лицомъ всего міра торжественный актъ договора даже

[1]) *Cole*, Memoirs of affairs of state, p. 264. Письмо Манчестра къ Вернону отъ 18-го декабря 1700 года... They seem to value but little what the emperor can do... etc.

[2]) *Lamberty*, I, 212.

Библиотека "Руниверс"

до начала приведенія его въ исполненіе. Мотивы, изложенные въ прилагаемой при семъ запискѣ, такъ безсовѣстны, что я не могу понять, откуда явилось у нихъ нахальство сочинить такой документъ. Мы должны сознаться, что мы одурачены, но если не держаться своего честнаго слова, то легко провести хоть кого угодно" [1]).

И Штаты не менѣе глубоко были задѣты поведеніемъ Людовика. Голландскому посланнику въ Версалѣ было поручено протестовать противъ такого образа дѣйствія со стороны Французскаго короля и просить его величество „de se tenir au traité susdit et de l'observer en tout ce qui la regarde" (25-го ноября 1700 г.) [2]).

Если Людовикъ XIV принялъ завѣщаніе Карла II для своего внука, то въ его интересѣ было благоразумною и умѣренною политикой успокоить чувство ревности другихъ государствъ, а также ослабить тѣ опасенія, которыя были возбуждены его предшествующими наступательными дѣйствіями, а теперь усиливались соединеніемъ двухъ коронъ въ одной династіи. Но Людовикъ XIV не обратилъ никакого вниманія на чувства другихъ націй по отношенію къ Франціи и шелъ на проломъ къ своей цѣли, къ утвержденію исключительнаго вліянія Франціи надъ Испаніей и принадлежащими ей владѣніями, относясь съ одинаковымъ невниманіемъ какъ къ правиламъ благоразумія, такъ и къ уваженію къ самымъ торжественнымъ своимъ заявленіямъ. Сколько разъ заявлялъ онъ, что не допускаетъ и мысли о соединеніи испанской и французской короны на головѣ одного изъ принцевъ дома Бурбоновъ! Съ этою цѣлью ведены были, главнымъ образомъ, всѣ переговоры и заключены договоры о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства; а между тѣмъ еще до отъѣзда Филиппа Анжуйскаго въ Испанію Людовикъ XIV издалъ формальный актъ, предоставлявшій его внуку всѣ права на корону Франціи [3]), въ слу-

---

[1]) *Grimblot*, Lettres, II, 477. «I never relied much on engagement with France; but I must confess, I did not think they would on this occasion have broken, in the face of the whole world, a solemn treaty, before it was well accomplished. The motives alleged in the annexed memorial are so shameful, that I cannot conceive, how they can have the effrontery to produce such a paper. We must confess we are dupes; but if one's word and faith are not to be kept, it is easy to cheat any man».

[2]) *Lamberty*, I, 220.

[3]) *Dumont*, t. VII, partie II p. 494—495 «Lettres patentes de Louis XIV roi de France et de Navarre pour conserver à Philippe duc d'Anjou et tous ses descendants mâles les droits entiers de leur naissance et particulièrement celui de pouvoir

Библиотека "Руниверс"

чаѣ еслибъ у его брата не было мужескаго потомства послѣ вступленія его на престолъ Франціи. Заставивъ парижскій парламентъ занести этотъ актъ въ свои протоколы, Людовикъ XIV не считалъ даже нужнымъ указать никакой предосторожности, чтобы предупредить соединеніе двухъ коронъ на главѣ одного изъ принцевъ Бурбонскаго дома.

Подъ вліяніемъ Людовика XIV Версальскій и Мадридскій дворы обнаруживали явное стремленіе къ возможному сліянію интересовъ Франціи и Испаніи, не считая нужнымъ скрывать этого отъ остальной Европы. Въ декретѣ Филиппа V въ пользу герцоговъ и пэровъ Франціи говорится прямо: „Такъ какъ дѣдъ мой, христіаннѣйшій король, старается установить вѣчный союзъ между подданными его и нашей короны, то съ этою цѣлью онъ рѣшился предоставить грандамъ Испаніи и ихъ женамъ тѣ же почести при своемъ дворѣ, которыми пользуются въ его королевствѣ герцоги и пэры Франціи. Поэтому, желая равнымъ образомъ подтвердить это совершенное соединеніе, я рѣшился также предоставить и герцогамъ Французскаго королевства и ихъ женамъ, которые прибудутъ въ Испанію, тѣ же почести, какими пользуются здѣсь гранды Испаніи“ [1]). Мало того, дворъ Мадридскій приказалъ всѣмъ губернаторамъ и вице-королямъ испанскихъ владѣній повиноваться впредь указамъ Французскаго короля также, какъ и указамъ самого Филиппа V [2]). Съ своей стороны, Людовикъ XIV извѣстилъ испанское правительство, что онъ приказалъ всѣмъ начальникамъ областей и городовъ Франціи, пограничныхъ съ испанскими владѣніями, снабжать ихъ, въ случаѣ необходимости, войскомъ, оружіемъ и деньгами [3]). Еще болѣе сильнымъ доказательствомъ подчиненія Испаніи волѣ Французскаго короля можетъ служить то, что

---

succeder à leur tour à la couronne de France nonobstant leur élevation à celle d'Espagne et leur residence actuelle hors du royaume. Données à Versailles au mois de decembre 1700».

[1]) *Lamberty*, I, p. 546—547.

[2]) State tracts, Duke of Anjou's succesion, vol. III, p. 46. «A proof of the growth of the freuch kings power and that Spain is wholly govern'd by him is this, that the Iunto have order'd all the viceroys and governers of their several dominions to submit to his orders». Ср. также *Cole*, Memoirs of affairs of state, p. 279. Письмо Манчестра къ Вернону: «I cannot but think, by the proceedings of the regents of Spain, that they are resolved to have the french king for their king and that the duke of Anjou is to have only the name».

[3]) State tracts, III, p. 46.

Библиотека "Руниверс"

испанское правительство приказало посламъ своимъ при всѣхъ дворахъ не только дѣйствовать въ полномъ согласіи съ дипломатическими представителями Франціи, но даже и не дѣлать ничего безъ полномочія со стороны Людовика XIV [1]), даже подписываться подъ любымъ дипломатическимъ актомъ, исходящимъ отъ Версальскаго кабинета, не дожидаясь дальнѣйшихъ приказаній отъ своего, Мадридскаго двора [2]). Все это вмѣстѣ взятое служитъ доказательствомъ, что испанское правительство, какъ сказано въ одной англійской брошюрѣ того времени, смотритъ на интересы обѣихъ монархій, какъ на тожественные, и что впредь ихъ планы и силы должны быть едиными [3]). Словомъ, Филиппъ Анжуйскій, вступивъ на престолъ испанскій, былъ въ сущности какъ бы первымъ министромъ Французскаго короля, какъ выражался о себѣ, говоратъ, самъ юный Испанскій король [4]). Не доставало еще только одного для того, чтобы утвердить сліяніе интересовъ Франціи и Испаніи, а именно регулировать торговыя сношенія обоихъ государствъ; но и въ этомъ отношеніи Франція скоро обнаружила свою политику. Уже въ началѣ 1701 года дошли слухи до Манчестра, англійскаго посланника въ Парижѣ, объ отмѣнѣ взиманія пошлинъ съ продуктовъ и мануфактуръ, ввозимыхъ изъ Франціи въ Испанію и обратно [5]), а вскорѣ затѣмъ Франція обнаружила еще болѣе явное стремленіе къ исключительному эксплуатированію всѣхъ выгодъ въ отношеніи торговли съ Испаніей и ея американскими ко-

---

[1]) State tracts vol. III. 46. «They have orderd their embassadors at all courts to act nothing without his advice».

[2]) *Cole*, Memoirs of affairs of state, p. 279... «They have sent orders to their ministers in all courts to act in concert with the french and to obey the order which the french king shall send them; and to let them know, that Spain shall be included in whatever treaty France shall think fit to make and that they may sign it without staying for farther orders from them».

[3]) State tracts vol. III, 46. «The Iunto of Spain look upon the interests of both monarchies to be the same and that therefore their counsels and forces ought to be united».

[4]) *Cole*, Memoirs of affairs of state, p. 279. Письмо Манчестра къ Вернону отъ 12-го января 1707 г. «It is certain that this king (Philipp V) said, that he was *le premier ministre du roy d'Espagne*».

[5]) *Cole*, Memoirs of affairs of state; p. 280. Письмо Манчестра отъ 15-го января 1701 г. There is now nothing left to make the great union betwixt France and Spain compleat but the séttling their trade and is it said that all the impositions on the produce of Spain will be taken of here as the like will be done there in relation to the produce of France».

Библиотека "Руниверс"

лоніями, къ явному ущербу какъ самой Испаніи [1]), такъ и Англіи и Голландіи.

Успѣвъ уже своимъ образомъ дѣйствія по отношенію къ Испаніи возбудить сильное чувство ревности въ Англіи и Голландіи, Людовикъ XIV нашелъ возможнымъ сдѣлать еще шагъ въ смыслѣ наступательной политики, который долженъ былъ окончательно истощить терпѣніе морскихъ державъ и особенно Голландіи. Отправивъ въ Гагу, вмѣсто отозваннаго оттуда графа Бріора, графа д'Аво, въ качествѣ чрезвычайнаго посла для того, чтобы заявить Генеральнымъ Штатамъ всѣ свои добрыя намѣренія относительно нихъ и завязать переговоры о средствахъ для сохраненія мира, Людовикъ XIV въ то же время нанесъ Голландцамъ жестокое оскорбленіе, приказавъ занять французскими войсками всѣ семь крѣпостей, которыя по Рисвикскому миру Голландія получила отъ Испаніи въ обезпеченіе своихъ границъ противъ наступательныхъ дѣйствій Людовика XIV и потому названныхъ барьерой [2]). Почти въ одинъ и тотъ же часъ семь французскихъ корпусовъ вступили въ эти крѣпости, обезоружили голландскіе гарнизоны, удержали ихъ въ качествѣ плѣнниковъ и устроились на ихъ мѣстѣ (6-го февраля 1701 г.). Французскія войска угрожали такимъ образомъ территоріи Соединенныхъ Штатовъ Нидерландовъ. Ошеломленные такимъ образомъ дѣйствія, Голландцы заявили свое неудовольствіе послу д'Аво, но, не считая себя еще готовыми къ войнѣ, не прервали переговоровъ; напротивъ, чтобы выиграть время и вѣрнѣе провести Людовика XIV, Генеральные Штаты заявили, что признаютъ королемъ Испаніи Филиппа V, не смотря на то, что со смерти Карла II они постоянно отказывали въ этомъ Людовику XIV. Въ возмездіе же за это Генеральные Штаты требовали у д'Аво освобожденія ихъ гарнизона и уступки занятыхъ Французами крѣпостей [3]).

Чтобы обсудить какъ этотъ вопросъ, такъ и вообще принятіе Людовикомъ XIV завѣщанія Карла II, открылись конференціи въ

---

[1]) Въ манифестѣ Португальскаго короля, объясняющемъ мотивы, побудившіе его принять сторону эрцгерцога Карла противъ Филиппа V, указывается между прочимъ и слѣдующая причина: «Le commerce des Indes qui n'est pas permis même à tous les vassaux de la monarchie d'Espagne, mais seulement à ceux de la couronne de Castille, a été ouvert aux français, *à la ruine manifeste de toute l'Espagne*». *Dumont*, t. VIII, p. 148—150.

[2]) Крѣпости эти суть слѣдующія: Люксембургъ, Намюръ, Шарльруа, Монсъ, Атъ, Уденардъ и Ньепортъ.

[3]) *De la Torre*, Mémoires et negociations secrets, II, 65.

Библиотека "Руниверс"

Гагѣ между представителями Штатовъ и графомъ д'Аво. Къ нимъ присоединился еще, съ согласія послѣдняго, англійскій посланникъ Стэнгопъ. Тогда представители морскихъ державъ заявили французскому посланнику рядъ требованій, какъ бы въ вознагражденіе за тѣ выгоды, которыя извлекала Франція отъ нарушенія Лондонскаго договора о раздѣлѣ Испанской монархіи. Представители Англіи и Голландіи требовали главнымъ образомъ совершеннаго отдѣленія испанскихъ владѣній отъ французскихъ, немедленнаго очищенія войсками Людовика XIV Испанскихъ Нидерландовъ, то-есть, увеличенія пограничной линіи крѣпостей, особенно же настаивали на извѣстныхъ гарантіяхъ для обезпеченія своей торговли съ Испаніей и въ ея колоніяхъ [1]).

При назначеніи графа д'Аво посланникомъ въ Гагу, Людовикъ XIV далъ ему такую инструкцію, въ силу которой онъ не долженъ былъ дѣлать ни малѣйшей уступки морскимъ державамъ на томъ основаніи, что самъ король, какъ выразился онъ, не требовалъ отъ нихъ ничего, игнорируя то, что онъ требовалъ для своего внука сохраненія за нимъ всего испанскаго наслѣдства вмѣсто выговоренной въ Лондонскомъ договорѣ части его. Трудно даже понять, какимъ образомъ Людовикъ XIV могъ думать, что ему удастся обезоружить недовѣрявшихъ ему враговъ, не давъ имъ никакого удовлетворенія. Однимъ только можно объяснить замедленіе переговоровъ въ Гагѣ, именно желаніемъ съ обѣихъ сторонъ выиграть время для приготовленія къ неизбѣжной войнѣ. Но если Людовикъ XIV не рѣшался ни на какія уступки, то ему не слѣдовало медлить и дать врагамъ собраться съ силами, а выбирать, не медля, между войной и миромъ; а онъ держалъ д'Аво семь мѣсяцевъ въ Гагѣ въ то время, когда съ первыхъ же словъ, при начавшихся переговорахъ, можно было видѣть ясно, что морскія державы безъ уступокъ не пойдутъ на примиреніе, а хотятъ только оттянуть побольше времени для приготовленія къ войнѣ. Когда же Людовикъ XIV понялъ свою ошибку и коварные замыслы своихъ прежнихъ союзниковъ и отозвалъ д'Аво изъ Гаги, было уже поздно. Отъѣздъ французскаго посланника не произвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на уполномоченныхъ для переговоровъ съ нимъ представителей Англіи и Голландіи, и нѣсколько дней спустя (7-го сентября 1701 г.) былъ подписанъ въ Гагѣ окон-

---

[1]) *Lamberty*, I, 403—408.

Библиотека "Руниверс"

чательный союзный договоръ между Англіей, Голландіей и Германскимъ императоромъ, въ силу котораго они должны были общими силами вести борьбу противъ Людовика XIV и его внука, какъ для возстановленія нарушенныхъ правъ императора Леопольда на испанское наслѣдство, такъ и для обезпеченія морскимъ державамъ тѣхъ выгодъ въ отношеніи торговли съ Испаніей и ея колоніями, которыми онѣ всего болѣе дорожили [1]).

Съ тѣхъ поръ, какъ Людовикъ XIV рѣшился принять завѣщаніе Карла II, на его глаза какъ будто пала какая-то завѣса, голова его помрачилась отъ успѣха, и его прежній тактъ совершенно измѣнилъ ему: цѣлый рядъ самыхъ грубыхъ, безвыходныхъ ошибокъ дѣлаетъ онъ въ короткое время и, какъ бы противъ воли, какъ бы влекомый враждебнымъ ему рокомъ, втягиваетъ Францію въ ужасную войну, которой, по видимому, желалъ избѣжать. Что во Франціи понимали всю опасность предстоящей войны и боялись ея, какъ бы предчувствуя ея гибельный исходъ, это доказываютъ и отзывы нѣкоторыхъ современниковъ, какъ напримѣръ, письма Манчестра къ Вернону [2]) и письма самого Людовика XIV къ его посланникамъ. Между тѣмъ Людовикъ XIV не только не рѣшается на какую-либо малѣйшую уступку въ пользу морскихъ державъ, которыхъ главнымъ образомъ онъ и опасался, но своими дѣйствіями, захватомъ „барьеры“ у Голландіи и признаніемъ принца Уэльскаго королемъ Англіи послѣ смерти Іакова II, постоянно задѣваетъ самыя чувствительныя и больныя мѣста Англіи и Голландіи и самые близкіе ихъ интересы, вызывая ихъ такимъ образомъ на войну и дѣлая ее почти неизбѣжною. Мы говоримъ почти неизбѣжною, потому что думаемъ, что даже и въ это время, то-есть, уже послѣ принятія Людовикомъ XIV завѣщанія Карла II, послѣ нарушенія голландской барьеры и признанія принца Уэльскаго, дѣло, можетъ быть, было еще поправимо, если бы только Людовикъ XIV рѣшился на тѣ уступки, которыхъ требовалъ отъ него Вильгельмъ III во время переговоровъ о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, или рѣшился, по крайней мѣрѣ, удовлетворить требованіямъ, высказаннымъ уполномо-

[1]) *Lamberty*, I, p. 620—629: Traité d'alliance entre l'empereur, l'Angleterre et les Etats-Généraux des provinces unies du 7 Sept. 1701.

[2]) *Cole*, Memoirs of affairs of state, p. 284. Письмо Манчестра къ Вернону отъ 26-го января 1701 г. Сообщеніе Манчестра заслуживаетъ, конечно, гораздо большаго довѣрія, чѣмъ показанія Сенъ-Симона, который въ своихъ мемуарахъ высказываетъ по этому поводу противоположное мнѣніе.

Библиотека "Руниверс"

ченными Генеральныхъ Штатовъ и англійскимъ уполномоченнымъ Стэнгопомъ на гагскихъ конференціяхъ [1]). Конечно, для успокоенія англійскаго народа Людовику XIV необходимо было еще дать торжественное и формальное обязательство не оказывать никакого содѣйствія принцу Уэльскому для достиженія престола. Но главнымъ дѣломъ было все-таки успокоить тревогу, вызванную коммерческимъ соревнованіемъ по отношенію къ Франціи. Людовикъ же XIV понялъ необходимость нѣкоторыхъ уступокъ въ пользу Англіи, когда уже было поздно, когда морскія державы уже не довольствовались сохраненіемъ за ними прежнихъ привилегій въ торговлѣ съ Испаніей и съ Индіями или участіемъ въ тѣхъ выгодахъ, которыя вытребовала себѣ Франція со времени вступленія на престолъ Филиппа V, но стали стремиться уже къ тому, чтобы совершенно лишить Францію всѣхъ выгодъ торговли съ Испаніей и ея колоніями и подѣлить между собою эти выгоды.

Итакъ, сводя къ одному знаменателю все разказанное нами по свидѣтельствамъ современниковъ объ образѣ дѣйствія Людовика XIV со времени заключенія Рисвикскаго мира, мы видимъ, что причины раздраженія Англіи и Голландіи противъ Франціи заключались въ слѣдующемъ: 1) въ нарушеніи Людовикомъ XIV Лондонскаго договора о раздѣлѣ и въ принятіи имъ завѣщанія Карла II; 2) въ признаніи за Филиппомъ Анжуйскимъ права на французскую корону послѣ смерти старшаго сына дофина и въ явномъ стремленіи къ соединенію испанской и французской короны на главѣ одного изъ членовъ династіи Бурбоновъ; 3) въ стремленіи Людовика XIV къ господству въ испанскихъ владѣніяхъ и къ сліянію интересовъ французской и испанской націй; 4) въ стремленіи Франціи къ исключительному пользованію всѣми выгодами въ отношеніи торговли какъ въ Испанской монархіи вообще, такъ и въ особенности въ Западной Индіи; 5) въ опасеніи морскихъ державъ лишиться прежнихъ привилегій, которыми пользовались онѣ въ Испанской монархіи въ отношеніи торговли до конца XVII вѣка; 6) въ насильственномъ нарушеніи Людовикомъ XIV голландской барьеры; 7) въ признаніи Людовикомъ XIV принца Уэльскаго королемъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи.

---

[1]) *Lamberty*, I, 403 — 406: Demandes proposées au comte d'Avaux par les États-Généraux le 22 mars 1701, а также стр. 406—409: Demandes proposées au comte d'Avaux par l'Angleterre», особенно статьи IV, IX, X, XI и XII.

Библиотека "Руниверс"

Таковы были главные мотивы, вызвавшіе войну за испанское наслѣдство; но если тщательно взвѣсить всѣ эти мотивы, то легко убѣдиться, что главнѣйшею причиной вражды противъ Франціи морскихъ державъ, особенно Англіи, были именно коммерческіе интересы ихъ.

XIII.

Настоящіе мотивы объявленія войны Людовику XIV со стороны Англіи въ связи съ ея коммерческими интересами.

Чтобы показать, на сколько война за испанское наслѣдство обусловливалась коммерческими интересами Англіи, мы разсмотримъ декларацію отъ 4-го мая 1702 года, въ которой королева Анна высказала передъ всѣмъ міромъ причины, побудившія Англію объявить войну Людовику XIV [1]). Изъ этой декларации мы увидимъ, что было главною побудительною причиной раздраженія Англіи противъ Франціи, и на сколько выставленными въ декларации мотивами маскировались коммерческіе интересы Англіи.

Въ декларации королевы Анны указывается прежде всего на несправедливые захваты (les injustes usurpations) Французскаго короля, который захватилъ и удерживаетъ еще въ своей власти значительную часть владѣній испанской короны, проявляя неограниченную власть надъ всею этою монархіей; силой оружія овладѣлъ онъ Миланомъ и Испанскими Нидерландами. Далѣе Людовикъ XIV обвиняется въ томъ, что онъ завладѣлъ посредствомъ своего флота Кадиксомъ, входомъ въ Средиземное море, и портами Испаніи, даже Западною Индіей, и все это съ намѣреніемъ стѣснить вездѣ свободу Европы, воспрепятствовать свободѣ мореплаванія и торговли [2]). Наконецъ, Англійская королева указываетъ, какъ на причину войны, на страшную дерзость и безчестность, обнаруженныя Людовикомъ XIV относительно Англіи провозглашеніемъ принца Уэльскаго королемъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи. По всѣмъ этимъ причинамъ Англій-

[1]) *Dumont*, I, VIII, p. 115: Declaration de guerre de la reine de la Grande Bretagne contre la France.

[2]) Ibidem: «dans le dessein d'envahir partout les libertés d'Europe, d'empêcher la liberté de la navigation et du commerce».

Библиотека "Руниверс"

ская королева считаетъ себя вынужденною къ объявленію войны Людовику XIV—„pour maintenir la foi publique, pour venger l'honneur de notre couronne et prèvenir les malheurs, dont toute l'Europe est menacée".

Изъ всѣхъ приведенныхъ въ декларации королевы Анны причинъ для объявленія войны Людовику XIV только послѣдняя, по видимому, касалась непосредственно самой Англіи (что и выражается словами „venger l'honneur de notre couronne"). Дѣйствительно, Людовикъ XIV страшно возстановилъ противъ себя всю англійскую націю [1]) нарушеніемъ четвертой статьи Рисвикскаго мирнаго договора между Франціей и Великобританіей, статьи, которою Людовикъ XIV призналъ Вильгельма III законнымъ королемъ Англіи и обязался честнымъ словомъ не благопріятствовать никоимъ образомъ никакимъ заговорамъ или интригамъ противъ Вильгельма III, а тѣмъ болѣе не оказывать кому бы то ни было (разумѣется, дѣло шло объ Іаковѣ II и его потомствѣ) никакого матеріальнаго содѣйствія противъ Вильгельма III [2]).

Не довѣряя Людовику XIV, Вильгельмъ III уже на слѣдующій годъ послѣ заключенія Рисвикскаго мира (1698 г.) неоднократно пытался черезъ Портланда побудить Людовика XIV удалить изъ Франціи Іакова II, но Людовикъ XIV на отрѣзъ отказалъ [3]). Отвѣчая на просьбы Портланда, онъ прикидывался не понимающимъ даже причины такихъ просьбъ: онъ, Людовикъ XIV, принялъ участіе въ Іаковѣ II только вслѣдствіе его несчастія, тѣмъ болѣе, что Франція была единственнымъ убѣжищемъ несчастнаго короля. Людовикъ XIV увѣрялъ, что его честь не дозволитъ ему выслать Іакова II изъ Франціи, что наконецъ Вильгельмъ III долженъ удовлетвориться честнымъ словомъ Людовика XIV, что онъ не окажетъ Іакову II ни-

---

[1]) *Burnet*, History of his own time, III, p. 406—410; *St. Simon* Mémoires III, p. 224—226; *Torcy*, Mémoires I, p. 163—165: «La résolution que le roi prit de reconaître le prince de Galles changea les dispositions» etc.

[2]) *Dumont*, t. VII, partie II, p. 400: Tractatus pacis inter Ludovicum XIV et Guillemum III, art. IV. «Honorem suum idcirco oppignorans sub fide et verbo regis, quod nec directe nec indirecte alicui aut aliquibus ex inimicis praedicti domini regis Magnae Britaniae auxilium dabit, nec quoque modo favebit conspirationibus aut mactionibus, quas contra praedictum regem excitare aut meditari possunt rebelles et malevoli etc.

[3]) *Grimblot*, I, 176, 212 и 261.

Библиотека "Руниверс"

какого содѣйствія, и что онъ искренно будетъ сохранять условія мира [1]).

Такъ какъ въ трактатѣ Рисвикскаго мира не было упомянуто имени Іакова II, то Вильгельму III хотѣлось склонить Людовика XIV къ заключенію формальнаго акта, въ которомъ онъ въ точныхъ выраженіяхъ подтвердилъ бы свое обѣщаніе никоимъ образомъ не благопріятствовать враждебнымъ интригамъ, которыя могли бы образоваться въ Англіи [2]). Но и на эту просьбу Людовикъ XIV отвѣчалъ формальнымъ отказомъ. Онъ ссылался на то, что обѣщаніе, данное имъ въ Рисвикскомъ договорѣ, не оказывать никакого содѣйствія всѣмъ врагамъ Англійскаго короля безъ исключенія, совершенно достаточно и безъ ненавистной предосторожности, которая должна была заключаться „по желанію Вильгельма III, въ спеціальномъ поименованіи Іакова II, который и безъ того подразумѣвался ясно въ общихъ выраженіяхъ“ [3]). Вильгельмъ III жалѣлъ, что затѣялъ эти переговоры, и рѣшился наконецъ оставить ихъ, тѣмъ болѣе, что въ Англіи вся нація относилась совершенно равнодушно къ его опасеніямъ, находя, что тутъ нечего больше бояться [4]).

И не смотря на всѣ свои обѣщанія и формальныя обязательства, Людовикъ XIV все-таки провозгласилъ въ 1701 году Іакова III королемъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Понятно, какъ долженъ былъ возмутить Вильгельма III этотъ безчестный поступокъ. Но такимъ образомъ дѣйствія Людовикъ возстановилъ противъ себя не одного только Вильгельма III, но и всю англійскую націю.

Когда въ Англіи и Голландіи стало извѣстно признаніе Людовикомъ XIV королевскаго титула за принцемъ Уэльскимъ, Вильгельмъ III пришелъ въ сильнѣйшій гнѣвъ, тотчасъ же приказалъ своему посланнику выѣхать изъ Франціи и заставилъ удалиться французскаго посланника изъ Лондона. Генеральные же Штаты сдѣлали черезъ своего посланника представленіе Людовику XIV, указывая ему на сдѣланный имъ относительно Вильгельма III шагъ, какъ на нарушеніе

---

[1]) *Grimblot*, I, 169: The earl of Portland to William III: «and that we ought to be satisfied with his word of honour, that he would not assist him and would sincerely preserve the peace».

[2]) *Grimblot*, I, 259.

[3]) *Grimblot*, I, 258: „without the odious precaution of namine a prince who was sufficiently comprehended in these general terms“.

[4]) *Grimblot*, I, 212: „tere is nothing more to fear“.

Библиотека "Руниверс"

Рисвикскаго договора. Тогда Людовикъ XIV отвѣтилъ на это мемуаромъ, въ которомъ оправдывалъ свой образъ дѣйствія, объясняя его великодушіемъ относительно принца Уэльскаго и доказывая, что онъ въ сущности остался вѣренъ буквальному смыслу договора, заключеннаго въ Рисвикѣ [1]). Согласно IV-й статьѣ этого договора, онъ обязался только не оказывать никому никакого матеріальнаго содѣйствія противъ Англійскаго короля, и онъ намѣренъ въ точности исполнить эту статью: онъ вовсе не думаетъ явиться судьей между Вильгельмомъ III и принцемъ Уэльскимъ, которому онъ не могъ отказать только въ титулѣ, ибо уже самое рожденіе даетъ ему право на этотъ титулъ. Въ мемуарѣ Людовика XIV приводятся затѣмъ, какъ оправданіе, примѣры того, какъ сохраняли за собою королевскій титулъ лишенные уже короны, короли Неаполитанскіе и т. п.

Но никакія оправданія не могли смягчить гнѣва Вильгельма III и всего англійскаго народа противъ Людовика XIV. Вотъ что говорилъ по этому поводу Вильгельмъ III въ своей рѣчи, въ началѣ 1702 года, въ верхней палатѣ. „Признаніе и объявленіе принца Уэльскаго королемъ Англіи есть не только наибольшее безчестіе, нанесенное моей личности и всей націи, но на столько задѣваетъ въ отдѣльности каждаго Англичанина, для котораго имѣетъ какое-либо значеніе протестанская религія или настоящее и будущее спокойствіе его страны, что мнѣ нѣтъ надобности понуждать васъ принять это дѣло близко къ сердцу и вникнуть, какія дѣйствительныя мѣры необходимо принять, чтобы обезпечить наслѣдованіе короны за протестантскою линіей и чтобы разрушить надежды всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ на нее притязаніе, также, какъ и ихъ помощниковъ явныхъ и тайныхъ“ [2]). На рѣчь короля верхняя палата отозвалась тотчасъ новымъ биллемъ, подтверждавшимъ наслѣдованіе короны за протестантскою линіей. Палата составила 8-го февраля 1702 г. актъ отреченія, которому должны были присягнуть всѣ гражданскіе и военные чины Англіи въ знакъ вѣрности королю Вильгельму и отречься отъ всякаго повиновенія претендовавшему на корону принцу Уэльскому также, какъ и отъ всякаго общенія съ нимъ [3]). Къ этому верхняя палата предложила потомъ присовокупить еще статью,

---

[1]) *Lamberty*, I, 690: „Il suffit qu'elle observe exactement le traité de triwik et qu'elle se tienne précisément aux termes de ce traité etc“.

[2]) *Lamberty*, II, p. 57.

[3]) Текстъ этого акта отреченія въ сборникѣ *Ламберти*, II, стр. 62.

Библиотека "Руниверс"

которою какъ вдова покойнаго короля Іакова II, такъ и сынъ его, претендентъ на корону Англіи, объявлялись виновными въ измѣнѣ. Это былъ такъ-называемый bill of attainder. Нижняя палата не только приняла этотъ билль, но и предложила еще другой, въ силу котораго всякій, позволявшій себѣ письменно или устно говорить въ пользу права претендента, подлежалъ карѣ закона [1]).

Послѣ этого парламентъ, равнодушно относившійся, со времени Рисвикскаго мира и даже не задолго еще передъ провозглашеніемъ принца Уэльскаго королемъ Великобританіи, къ воинственнымъ планамъ Вильгельма III, вотировалъ единодушно назначеніе сорокатысячной арміи и такого же контингента матросовъ для войны съ Франціей. На призывъ Вильгельма III къ защитѣ національнаго достоинства англійскаго народа страна откликнулась также цѣлымъ рядомъ адресовъ, посыпавшихся изъ разныхъ концовъ Англіи и проникнутыхъ страшнымъ негодованіемъ „противъ наглости христіаннѣйшаго короля и громаднаго безчестія, нанесеннаго имъ какъ королю Англіи, такъ и всей Англіи“ [2]).

Мы видимъ такимъ образомъ, какъ сильно возстановило весь англійскій народъ противъ Людовика XIV его безтактное поведеніе, и какъ оно послужило на пользу Вильгельму III. Мы видимъ также, что королева Анна выставила нанесенное Англіи Людовикомъ XIV оскорбленіе какъ одну изъ причинъ для объявленія войны. Несомнѣнно, что эта причина ускорила войну и придала ей отчасти характеръ войны народной. Но можно ли дѣйствительно считать упомянутое оскорбленіе существенною причиной войны? Была ли она на столько важна сама по себѣ, что могла бы одна быть достаточною для объявленія военныхъ дѣйствій? Этого, конечно, нельзя сказать. Сама королева Анна указываетъ на провозглашеніе принца Уэльскаго королемъ Великобританіи, какъ на оскорбленіе чести англійской націи, но вовсе не какъ на опасность для Англіи. Вильгельму III, который не могъ еще считать себя гарантированнымъ отъ новыхъ интригъ Людовика XIV во имя династіи Стюартовъ, естественно было преувеличить значеніе безтактнаго поступка Людовика XIV [3]); но на самомъ дѣлѣ не трудно убѣдиться,

[1]) Ibidem.

[2]) Текстъ этихъ адресовъ у *Ламберти*, т. XI, стр. 357—364. Ср. также *Smollet*, History of England XII, 117.

[3]) Ср. Mémoires du marechal de *Bervick*, *I*, 117: „*Ce fut un des motifs, dont le prince d'Orange se servit pour engager le parlement d'Angleterre dans la guerre* contre les deux couronnes“. Ср. также *Villars*, Mémoires, II, p. 21—22, 25.

Библиотека "Руниверс"

что и помимо всякаго заявленія притязаній на корону Англіи со стороны сына Іакова II, война противъ Франціи была уже рѣшена и была бы непремѣнно объявлена. Какъ извѣстно, Іаковъ II умеръ только 16-го сентября 1701 года, между тѣмъ какъ оборонительный и наступательный договоръ между Англіей, Голландіей и Германскимъ императоромъ былъ уже подписанъ 7-го сентября того же года [1]). Въ силу 3-й и 4-й статей этого договора Людовику XIV назначался только двухмѣсячный срокъ для исполненія всѣхъ требованій великой коалиціи, по истеченіи котораго коалиція, въ случаѣ отказа Людовика XIV, должна была силою оружія принудить его къ удовлетворенію ея требованій [2]). Самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что война Англіи противъ Франціи была рѣшена въ принципѣ раньше провозглашенія Людовикомъ XIV принца Уэльскаго королемъ Англіи, можетъ служить тотъ поворотъ въ настроеніи англійскаго парламента и въ общественномъ мнѣніи Англіи, который произошелъ въ ней еще въ апрѣлѣ 1701 года, когда англійская нація была тронута и польщена мольбой о помощи со стороны Генеральныхъ Штатовъ, выраженною въ адресѣ ихъ къ Вильгельму III, какъ королю Англіи (13-го апрѣля 1701 г.). Въ этомъ адресѣ Генеральные Штаты жаловались Англіи на козни Людовика XIV, перечисляли всѣ претерпѣнныя ими отъ него обиды, притѣсненія, несправедливости, указывали на угрожающую имъ опасность, противъ которой недостаточно было ихъ собственныхъ силъ, и съ отчаяніемъ молили о поддержкѣ англійскаго народа, ссылаясь при этомъ на договоръ, заключенный еще при Карлѣ II между Англіей и Голландіей (1667 г.), въ силу котораго оба государства обязывались поддерживать другъ друга въ случаѣ опасности. Эффектъ, произведенный въ Англіи этимъ отчаяннымъ воззваніемъ Генеральныхъ Штатовъ о помощи, превзошелъ, можно сказать, самыя смѣлыя надежды и ожиданія Штатовъ. Палата общинъ въ своемъ адресѣ къ Вильгельму III высказалась за самое энергическое веденіе дѣла и за борьбу сообща съ Голландіей противъ Франціи и обѣщала ассигновать Вильгельму III такую денежную помощь, какая только понадобится ему для успѣшнаго веденія войны. Изъ парламента воинственное одушевленіе живо распространилось по всей Англіи. Графство Кентъ обратилось къ парламенту съ петиціей, въ которой въ очень

[1]) *Lamberty*, I, p. 620.
[2]) Ibidem, p. 624—625.

Библиотека "Руниверс"

сильныхъ, энергическихъ выраженіяхъ высказывалось противъ папистовъ и Людовика XIV и побуждало парламентъ къ войнѣ съ Франціей [1]). Парламентъ, возмущенный не содержаніемъ, но повелительнымъ тономъ этой петиціи, привлекъ къ отвѣтственности подписавшихъ ее, и четверо изъ нихъ подверглись даже тюремному заключенію. Не смотря на это, вслѣдъ за этимъ адресомъ появился подобный же адресъ отъ графства Варвикъ. Общественное мнѣніе высказывалось повсемѣстно противъ Франціи; подписавшіе кентскій адресъ сдѣлались людьми чрезвычайно популярными: за ихъ здоровье провозглашались тосты, ихъ портреты выставлялись повсемѣстно [2]); наконецъ, агитація отразилась въ новомъ адресѣ нижней палаты къ Вильгельму III отъ 24-го іюня 1701 г.: парламентъ увѣряетъ Вильгельма III, что онъ можетъ разчитывать на его содѣйствіе и поддержку для защиты свободныхъ правъ Европы противъ чрезмѣрнаго могущества Бурбоновъ.

Но странно было бы, конечно, объяснить воинственный пылъ Англичанъ противъ Франціи лишь желаніемъ отозваться на призывъ о помощи со стороны Генеральныхъ Штатовъ. Какъ ни было лестно для англійскаго народа обращеніе къ нему за помощью со стороны Штатовъ, Англія не рѣшилась бы на войну противъ Франціи, требовавшую громадныхъ усилій и издержекъ, если бы война эта не была связана съ собственными кровными интересами англійскаго народа; интересы же эти были главнымъ образомъ коммерческіе.

Если принять на вѣру выставленныя въ декларацiи Англіи основанія для войны съ Франціей, то можетъ казаться, что война эта касалась собственныхъ интересовъ англійской націи только въ той мѣрѣ, на сколько это было связано съ вопросомъ о чести ея, о прочности протестанской линіи на престолѣ Англіи; въ остальномъ же Англія, повидимому, являлась защитницей общеевропейскихъ интересовъ, что и выражено въ декларацiи словами: „pour prévenir les malheurs dont toute l'Europe est menacée".

Дѣйствительно, мы видимъ, что королева Анна въ декларацiи своей вовсе не выдвигаетъ на первый планъ провозглашеніе принца Уэльскаго Англійскимъ королемъ какъ причину для объявленія войны Людовику XIV. На первомъ же планѣ выставляется какъ обвинительный пунктъ противъ него то, что онъ захватилъ и удерживаетъ

---

[1]) Kentish petition. См. *Smollet*, t. XII, p. 23 и *Lingard* XV, p. 412.

[2]) *Moret*, Quinze ans du règne de Louis XIV, I, p. 79—86.

Библиотека "Руниверс"

въ своемъ распоряженіи значительную часть владѣній испанской короны (указывается на Миланъ и на Испанскіе Нидерланды) и проявляетъ неограниченную власть надъ всею Испанскою монархіей.

На этотъ же образъ дѣйствія Людовика XIV указывалъ съ негодованіемъ самъ Вильгельмъ III въ вышеупомянутой уже нами рѣчи его къ верхней палатѣ: „Христіаннѣйшій король", сказалъ Вильгельмъ,—„именемъ своего внука сдѣлался настоящимъ владѣтелемъ всей Испанской монархіи; онъ сдѣлалъ ее вполнѣ зависимою отъ Франціи и располагаетъ ею, какъ своими собственными владѣніями. Этимъ онъ такъ окружилъ своихъ сосѣдей, что хотя миръ продолжается еще по имени, они все-таки страдаютъ уже отъ издержекъ и неудобствъ войны".

Выставленное противъ Людовика XIV обвиненіе было, конечно, основательно: онъ, дѣйствительно, ввелъ свои войска въ Миланъ и въ Испанскіе Нидерланды и распоряжался въ Испанской монархіи, какъ у себя дома. Но что во всемъ этомъ было опаснаго для всей Европы? [1]) Развѣ по договорамъ о раздѣлѣ Испанской монархіи Англія и Голландія не согласились на увеличеніе владѣній Людовика XIV въ значительной степени на счетъ Испанской монархіи? Извѣстно, что англійская нація была крайне раздражена противъ Вильгельма III, когда ей сдѣлались извѣстными заключенные имъ съ Людовикомъ XIV договоры о раздѣлѣ Испанской монархіи. Въ одной англійской брошюрѣ, современной этимъ договорамъ о раздѣлѣ, доказывается, что исполненіе этихъ договоровъ было гораздо выгоднѣе для Франціи, чѣмъ принятіе завѣщанія Карла II, но что Франція была ослѣплена тщеславіемъ, разчитывая на то, что герцогъ Анжуйскій будетъ собственно вице-королемъ Испанской монархіи, настоящимъ же королемъ будетъ король Франціи [2]). Получи Франція часть Испанской монархіи, уступленную ей по договорамъ, она болѣе причинила бы безпокойствъ Европѣ, чѣмъ имѣя теперь въ сво-

---

[1]) Ср. *Lamberty*, XI, p. 663—664: Lettre contenant diverses reflexions sur le traité d'alliance du 7 septembre 1701 année.

[2]) State tracts, Vol. III, p. 92. An account of the debate in town against the partition-treaty. «It had been carry'd in the councils of France to prefer the partition to the will, not sure from any regard to the faith of the treaty, but as been more safe and so possibly more advantageous in time, had not the present offers tempted their vanity and ambition, and that they resolv'd the duke of Anjou should not be roy, but vice-roy of Spain».

Библиотека "Руниверс"

нхъ рукахъ всю Испанскую монархію [1]). Будь Англія и Франція родными братьями, которые вмѣстѣ росли и связаны давнишними узами дружбы, то и тогда Англія не могла бы ничего больше сдѣлать для Франціи, чѣмъ то, что̀ сдѣлала она для нея этими договорами о раздѣлѣ [2]). Далѣе доказывается, что договорами о раздѣлѣ, еслибы предположить, что Франція осталась имъ вѣрна, равновѣсіе Европы было бы уничтожено [3]). Такимъ образомъ мы видимъ, что нарушеніе Людовикомъ XIV трактатовъ о раздѣлѣ Испанской монархіи, такъ страшно возмутившее Вильгельма III, вовсе не произвело такого впечатлѣнія на англійскую націю, и что англійскій народъ или, вѣрнѣе, господствовавшее тогда большинство въ парламентѣ находило для Англіи болѣе благопріятнымъ принятіе Людовикомъ XIV завѣщанія Карла II, чѣмъ соблюденіе трактата о раздѣлѣ Испанской монархіи. По этому поводу Вильгельмъ III жаловался Гейнзіусу на ослѣпленіе массы англійскаго народа [4]).

Извѣстно, что въ силу четвертой статьи перваго договора о раздѣлѣ Испанской монархіи, Людовику XIV предоставлялись Неаполь и Сицилія, принадлежавшіе Испаніи береговые пункты Тосканы и прилежащіе къ ней острова, маркизатство Финалъ и провинція Гвипускоа [5]). Въ силу четвертой же статьи трактата о раздѣлѣ, въ Франціи должны были отойдти, кромѣ поименованныхъ земель, еще герцогство Лотарингія и Баръ; герцогство же Миланъ предназначалось герцогу Лотарингскому Іосифу-Карлу, въ замѣнъ уступленной имъ Французскому королю Лотарингіи съ Баромъ [6]). Но когда по смерти наслѣднаго принца Баварскаго въ началѣ 1699 года начались переговоры объ условіяхъ втораго раздѣла Испанской монархіи, Вильгельмъ III высказалъ свое согласіе и на то, чтобы герцогство Миланъ было прибавлено къ долѣ дофина сверхъ назначенныхъ ему при первомъ раздѣлѣ земель [7]). То, что Людовикъ XIV согласился

[1]) Ibidem. «We suppose that the french having a part would have alarm'd Europe more than their having the whole does».

[2]) Ibidem. p. 88.

[3]) Ibidem. «By the partition consider'd in itself and supposing the french had adher'd to it, the balance of Europe was given up.».

[4]) *Grimblot* II, 477: the blindness of the people here is incredible.

[5]) *Dumont*, II, partie II, p. 442.

[6]) *Dumont*, VIII, part. II, p. 477.

[7]) Mémoires du marquis de *Torcy*, t. I, p. 60: «Il (Guillaume III) entra dans la proposition que lui fit le comte de Tallard d'ajouter le Milanais au partage, destiné à monsieur le dauphin».

Библиотека "Руниверс"

промѣнять Миланъ на Лотарингію, зависѣло уже отъ его воли, но онъ могъ и не сдѣлать этого. Когда Германскій императоръ отказывался примкнуть ко второму договору о раздѣлѣ, требуя всего Испанскаго наслѣдства или, по крайней мѣрѣ, Милана, Англія и Голландія, имѣя въ виду свои интересы и чувствуя, что сила на ихъ сторонѣ, потребовали вмѣстѣ съ Франціей отъ императора, въ повелительномъ тонѣ, чтобъ онъ принялъ непремѣнно условія, начертанныя во второмъ раздѣльномъ трактатѣ [1]). Вѣнскій дворъ согласился уступить Испанію съ ея американскими владѣніями принцу Бурбонской династіи, но отказаться отъ Италіи не хотѣлъ [2]). Тогда Франція, Англія и Голландія дали Германскому императору три мѣсяца на размышленіе, постановивъ, что, если, по истеченіи этого срока, императоръ будетъ отказываться примкнуть къ договору о раздѣлѣ и не согласится на долю, назначенную эрцгерцогу Карлу (Испанію съ Западною Индіей и Испанскими Нидерландами), то Франція, Англія и Голландія согласятся между собою относительно того, какому государю отдать долю эрцгерцога [3]). Въ случаѣ же, если бы послѣдній, помимо предлагаемаго соглашенія, захотѣлъ овладѣть тою частью, которая была назначена герцогу Анжуйскому, или Лотарингскому, то договаривающіяся державы воспрепятствуютъ этому всѣми ихъ силами [4]). Таково было положеніе дѣлъ въ маѣ 1700 г.

Такимъ образомъ Англія и Голландія готовы были силой оружія отнять у Германскаго императора Миланъ и отдать его въ распоряженіе Франціи. Между тѣмъ было почти очевидно, что Людовикъ XIV, промѣнявъ Миланъ на Лотарингію, сохранитъ свое вліяніе въ Миланѣ и будетъ распоряжаться въ немъ, въ случаѣ войны съ Германскимъ императоромъ, отъ имени герцога Лотарингскаго, который, будучи женатъ на французской принцессѣ, уже и до того времени находился подъ сильнымъ вліяніемъ Людовика XIV. Къ тому же Франція сохраняла за собою до того времени перевѣсъ своего оружія въ Лотарингіи [5]). Не смотря на все это, морскія державы приняли предложенныя имъ Франціей условія относительно Милана. Но когда

---

[1]) *Ranke*, Französische Geschichte, B. IV, S. 100—101.

[2]) Ibidem.

[3]) *Dumont*, t. VII, partie II, p. 478, art. VII. Извѣстно, что для этого имѣлся въ виду герцогъ Савойскій. Ср. *Henri Martin*, t. XIV, p. 357.

[4]) Ibidem.

[5]) *Ranke*, Französische Geschichte, B. IV, S. 100.

Библиотека "Руниверс"

Людовикъ XIV ввелъ свое войско въ Миланъ, то Англія и Голландія еще до смерти Карла II, въ силу пятой статьи договора, заключеннаго ими съ Германскимъ императоромъ въ сентябрѣ 1701 года, обязались употребить всѣ усилія, чтобы завоевать герцогство Миланъ, какъ ленъ имперіи, служащій обезпеченіемъ для наслѣдственныхъ владѣній императора [1]).

Миланъ, прежній ленъ Германской имперіи, былъ дѣйствительно чрезвычайно важенъ для нея въ стратегическомъ отношеніи, особенно для наслѣдственныхъ Габсбургскихъ владѣній. Въ одной политической брошюрѣ того времени, въ которой выясняются роковыя послѣдствія соглашенія между Англіей и Франціей, говорится по поводу Милана, слѣдующее: „Кто только вдумается въ то, какое громадное значеніе должны имѣть Миланъ и Испанскіе Нидерланды для властолюбивыхъ стремленій Франціи, тотъ пойметь, что эти земли для нея гораздо болѣе цѣнны, чѣмъ остальныя владѣнія Испанской монархіи, и что обладаніе Миланомъ и Испанскими Нидерландами могло бы легко и несомнѣнно привести Францію къ тому именно всемірному господству, которое уже такъ давно сдѣлалось ея излюбленною мечтой“ [2]). При обладаніи Миланомъ и различными портами и укрѣпленіями, которыя принадлежатъ Испаніи на берегу Тосканы, говорится далѣе, Французскій король обезпечилъ бы себѣ завоеваніе всей Испаніи или любой ея части, еслибы онъ только вздумалъ покуситься на такое завоеваніе, и очевидно, что съ этой стороны нѣтъ такой силы или такого государства, которое могло бы или даже осмѣлилось бы противостать Франціи“ [3]). „Кромѣ того, Миланъ открылъ бы Франціи путь къ нападенію на наслѣдственныя земли императора, и вся Германія по эту сторону Дуная подверглась бы опасности отъ вторженія французской арміи“ [4]).

Но само собою, всѣ эти заботы Англіи и о неприкосновенности наслѣдственныхъ земель Германскаго императора, и о незави-

---

[1]) *Dumont*, t. VIII, partie I-re, p. 89: Tractatus foederis art. V.

[2]) „The fatal consequences of a treaty with France“, State tracts vol. III, p. 319—320: Whoever considers of what great consequence Milan and Flanders are to the desins of France, will find, that they are more valuable to her than the rest of Spanish monarchy and that they would easily and infallibly bring that monarche to the possession of that universal empire, he has so long aim'd at.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem.

Библиотека "Руниверс"

симости Италіи отъ Франціи находятъ себѣ настоящее объясненіе лишь въ опасеніяхъ со стороны Франціи по отношенію къ торговлѣ и мореходству Англіи, особенно на Средиземномъ морѣ, и въ разчетахъ на содѣйствіе Габсбурговъ торговымъ интересамъ Англіи. Это доказываетъ съ очевидною ясностью переписка Вильгельма III съ Цортландомъ и отчетъ послѣдняго о переговорахъ его по поводу испанскаго наслѣдства съ Торси и Помпономъ. На вопросъ французскихъ министровъ о томъ, что̀ побуждаетъ Вильгельма III такъ ратовать за интересы Германскаго императора, „графъ Портландъ отвѣтилъ, что англійская нація была побуждаема къ заступничеству за интересы Германскаго императора единственно интересами своей торговли и мореходства; что Англичане не могутъ упустить изъ виду, что у императора нѣтъ въ распоряженіи никакихъ кораблей, что при настоящемъ разстроенномъ состояніи Испаніи, должно еще пройдти много времени, прежде чѣмъ морскія силы ея будутъ возстановлены и что они видятъ, напротивъ, что Франція владѣетъ могущественнымъ флотомъ и можетъ легко воспрепятствовать торговлѣ Англичанъ съ Индіями и на Средиземномъ морѣ“ [1]). Въ англійской политической брошюрѣ, напечатанной въ 1701 году по поводу испанскаго наслѣдства, говорится, что Англія имѣла тогда болѣе причинъ, чѣмъ когда-либо прежде, вступиться за право Германскаго императора на все испанское наслѣдство. „Это касается насъ тѣмъ болѣе“, говоритъ авторъ брошюры,—„что это будетъ имѣть непосредственное и быстрое вліяніе на нашу торговлю и безопасность“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ той же брошюры доказывается, что Габсбургская династія расширила бы навѣрное торговлю Англіи съ Испаніей, если бы послѣдняя перешла въ руки эрцгерцога Карла [3]).

---

[1]) *Grimblot*, I, p. 297—298: „The earl Portland answered that the english were moved by no other interest than that of their commerce and navigation; that they will consider, that the emperor has no ships; that on the contrary they see, that France has a powerful navy and that she might easily impede their trade with the Indies and the Mediterranean?»

[2]) State tracts, vol. III, p. 65—67: Duke of Anjou's succession consider'd: „This more concern us, because it will have a direct and speedy influence upon our trade and safety“. Ср. также: „Le négociant anglais“ (переводъ извѣстнаго англійскаго сочиненія „British Merchant“), Vol. II, p. 3: „Si l'Espagne fut restée entre les mains d'un prince de la maison d'Autriche, il eut assurement peu favorisé le commerce des français“. См. также p. 36 и слѣд. Commerce avec Italie.

[3]) Ibidem, p. 66—67. Ср. также State tracts, vol. III, p. 341: The fatal consequences of a treaty with France. Авторъ этой брошюры, говоря о значеніи

Библиотека "Руниверс"

Мы видѣли выше, что декларація королевы Анны указываетъ какъ на одну изъ главныхъ причинъ для объявленія войны Англіей Людовику XIV на занятіе французскимъ оружіемъ Испанскихъ Нидерландовъ. Повидимому, Англія ратовала въ этомъ случаѣ только за безопасность Голландіи. Но неужели это было главною причиной заступничества Англіи за Испанскіе Нидерланды? Разъясненіе этого вопроса мы находимъ въ англійскихъ политическихъ брошюрахъ, современныхъ началу войны за испанское наслѣдство и отличающихся гораздо большею откровенностью относительно дѣйствительныхъ интересовъ Англіи, чѣмъ различные оффиціальные документы и дипломатическіе акты.

Въ одной изъ этихъ брошюръ „объ опасностяхъ угрожающихъ Европѣ отъ могущества Франціи", гдѣ подробно разсматриваются всевозможныя послѣдствія для Франціи, Англіи и Голландіи отъ завоеванія Испанскихъ Нидерландовъ, угрожающая обѣимъ морскимъ державамъ опасность резюмируется слѣдующимъ образомъ: „Изъ всего предыдущаго само собою слѣдуетъ, что этими средствами Франція получила возможность болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, напасть на Англію и на Голландію и разстроить торговлю обѣихъ странъ [1]).

Въ другой вышеупомянутой брошюрѣ „о роковыхъ послѣдствіяхъ соглашенія Англіи съ Франціей" уже не говорится ничего о возможности нападенія на Англію со стороны Франціи, а указывается прямо на огромный вредъ, который потерпѣла бы торговля Англіи, если бы Людовикъ XIV завоевалъ Фландрію, то-есть, собственно Испанскіе Нидерланды. „Послѣдствія завоеванія Фландріи Франціей очень хорошо извѣстны", говорится въ брошюрѣ;—„это заставило бы Голландцевъ подпасть подъ покровительство Франціи, потому что такое ма-

---

для Англіи и Голландіи неприкосновенности испанскихъ владѣній въ Италіи, высказывается съ чрезвычайною откровенностью относительно того, на сколько дѣйствительно Англія заинтересована была неприкосновенностью Италіи въ вопросѣ объ испанскомъ наслѣдствѣ: „Surely, we ought to have a greater regard for our own than their security. We must take care to secure our manufactures, our commerce and our maritime power by which alone those nations are considerable in the world..... The single town of Cadiz is of greater moment to the trade of England and Holland, than the whole dominions of Spain in Italy".

[1]) The dangers of Europe from the growing power of France. A view of the dangerous state of Europe. State tracts, vol. III, 343—373, p. 347: „By these means the french are render'd more capable than ever of invading England and Holland and of disturbing the trade of both countries".

Библиотека "Руниверс"

ленькое и притомъ торговое государство, какъ Голландія, не могло бы постоянно имѣть на готовѣ достаточно военныхъ силъ противъ угрожающаго нападенія со стороны огромныхъ армій Французскаго короля. Но если бы Голландцы подпали подъ покровительство Франціи, то флотъ и гавани ихъ были бы въ ея распоряженіи, а на сколько такое сосредоточеніе морскаго могущества въ распоряженіи Франціи должно оказаться роковымъ и пагубнымъ для нашей торговли и судоходства, даже болѣе того, для нашей безопасности, нашего существованія", говоритъ авторъ брошюры,—„на столько очевидно, что на этомъ я не считаю нужнымъ настаивать [1]).

Извѣстно, что Испанскіе Нидерланды не только были для Англіи важнымъ рынкомъ для сбыта ея товаровъ, особенно шерстяныхъ издѣлій и колоніальныхъ продуктовъ, но и то, что черезъ Фландрію Англія вела большую часть своей торговли съ Германіей.

Какое важное значеніе имѣли для Англіи порты Испанскихъ Нидерландовъ, доказываетъ между прочимъ заявленное на Гагскихъ конференціяхъ 1701 года англійскимъ посломъ Стенгопомъ требованіе уступки въ пользу Англіи Остенде и Ньепорта, какъ бы въ вознагражденіе за тѣ выгоды, которыя извлекала Франція отъ нарушенія ею Лондонскаго договора о раздѣлѣ Испанской монархіи [2]). Какое громадное значеніе придавалъ самъ Вильгельмъ III Испанскимъ Нидерландамъ, обнаруживается очень ясно изъ письма его отъ 19-го ноября 1700 года, обращеннаго къ Гейнзіусу. Извѣщая послѣдняго о нарушеніи Людовикомъ XIV договоровъ о раздѣлѣ Испанской монархіи и о принятіи имъ завѣщанія Карла II въ пользу Филиппа Анжуйскаго, Вильгельмъ III прямо заявляетъ, что его главная забота—это предупредить переходъ Испанскихъ Нидерландовъ въ руки Французскаго короля [3]). Но лучше всего видно значеніе Испанскихъ Нидерландовъ для Англіи и Голландіи, особенно же для Англіи, изъ политики, которой слѣдовали морскія державы по отношенію къ Испан-

---

[1]) State tracts, vol. III, p. 320: „The fatal consequences of a treaty with France". And how fatal and ruinous such a conjunction of maritime power must be to our trade and shipping, nay, to our very safety and being, is so obvious, that I shall not think it worth while to insist upon it".

[2]) *Lamberty*, I, p. 406—407: «Demandes proposées au comte d'Avaux par le plenipotentiaire d'Angleterre le 22 Mars 1701».

[3]) *Hardwike*, State papers, II, 395—396: «My chief anxiety is to prevent the Spanish Netherlands from falling into the hands of France».

Библиотека "Руниверс"

скимъ Нидерландамъ послѣ того, какъ имъ удалось занять ихъ въ 1706 году именемъ Карла III. Извѣстно, что Англія и Голландія сумѣли тотчасъ забрать въ свои руки все политическое и гражданское управленіе въ Испанскихъ Нидерландахъ, учредивъ въ нихъ новый государственный совѣтъ, зависѣвшій всецѣло отъ морскихъ державъ, совѣтъ, чрезъ который они могли провести какія угодно перемѣны и нововведенія [1]). Хозяйничая въ Испанскихъ Нидерландахъ именемъ Карла III, морскія державы постарались тотчасъ воспользоваться своимъ господствомъ для извлеченія возможно большихъ выгодъ для своей торговли. Это особенно ясно выступаетъ при сравненіи невыгоднаго для морскихъ державъ тарифа 1700 года съ новымъ тарифомъ 1707 года, вполнѣ удовлетворявшимъ самымъ корыстнымъ коммерческимъ разчетамъ Англіи и Голландіи [2]).

Какъ судьба Испанскихъ Нидерландовъ озабочивала Англію главнымъ образомъ съ точки зрѣнія ея коммерческихъ интересовъ, такъ и негодованіе Англіи противъ Франціи за проявленное Людовикомъ XIV самовластіе въ Испанской монархіи вообще вызвано было вовсе не заботами объ угрожающихъ Европѣ бѣдствіяхъ, а главнымъ образомъ, опасностями, угрожавшими самой Англіи и именно торговлѣ ея.

Самовластное распоряженіе Людовика XIV въ Испанской монархіи, конечно, было чувствительно и даже оскорбительно для испанской націи; но она сама призвала на тронъ испанскій принца изъ дома Бурбоновъ, ища защиты у Франціи отъ угрожавшаго Испанской монархіи, со смертью Карла II, раздробленія. Почти совершенно истощенная Испанская монархія, будучи поддерживаема Франціей, ея войсками, ея финансами, естественно должна была попасть въ зависимость отъ послѣдней. Да и не могли же испанскіе гранды, побуж-

---

[1]) *Nény*, Mémoires historiques et politiques des Pays-Bas Autrichiens, t. I, p. 129—130: «La reine de la Grande Bretagne et les Etats Généraux des Provinces Unies s'attribuèrent sous le nom du roi Charles III le gouvernement politique et civil des Pays-Bas. Ces deux puissances y établirent un nouveau conseil d'état, soumis au gouvernement général; mais ce conseil dependait uniquement des puissances maritimes et etait subordonné à une commission de quelques deputés anglais et hollandais qui prenaient le titre de la conférence et qui faisaient passer au conseil d'état les ordres des puissances maritimes sans la qualification des réquisitions». Полное оправданіе отзыва Нени представляетъ Гашаръ (*Gachard*, Documents inédits, vol. III, p. 237—247, 274; 288, 317, 323; 328—329 и примѣчанія къ стр. 331—333).

[2]) *Wouters*, Livre de placcards, édits, tarifs etc. placcard du 3 d'août 1700; См. также les ordonnances du 28 d'avril et du 6 septembre 1707.

Библиотека "Руниверс"

давшіе Карла II призвать на свой тронъ пятнадцатилѣтняго Филиппа Анжуйскаго, предполагать, что послѣдній будетъ править самостоятельно и не будетъ подчиняться вліянію могущественнаго дѣда своего. „Пусть себѣ міръ говоритъ, что угодно", сказано въ упомянутой брошюрѣ „О наслѣдствѣ принца Анжуйскаго",—„все-таки его христіаннѣйшее величество можетъ сохранить свое покровительство надъ своимъ внукомъ, указывая на то, что никому не подобаетъ на столько быть опекуномъ его, какъ его дѣду, христіаннѣйшему королю" [1]). Если испанская нація все-таки чувствовала себя оскорбленною опекой Людовика XIV, то отчего не предоставила ей Англія самой постоять за себя, за похищеніе у нея права и самостоятельности? Не было ли посредничество Англіи вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Испаніи? Но развѣ Вильгельмъ III, во имя всеобщаго мира, не распоряжался самовластно судьбами Испанской монархіи? Развѣ Вильгельмъ III сообща съ Людовикомъ XIV не перетасовывалъ, словно колоду картъ, владѣнія Испанской монархіи, выдѣляя по собственному усмотрѣнію ту или другую часть ея то въ пользу эрцгерцога Карла, то въ пользу дофина? Въ брошюрѣ „О наслѣдствѣ принца Анжуйскаго" говорится по поводу договоровъ о раздѣлѣ: „Испанцы уже поносили насъ въ своемъ адресѣ къ Голландіи за то, что мы хотимъ распоряжаться государствами и провинціями, на которыя не имѣемъ никакого права. Прямой смыслъ этого таковъ, что они считаютъ составителей договоровъ о раздѣлѣ (the treaters) виновными въ величайшей несправедливости, совершенной когда-либо народами; Испанцы порицаютъ ихъ за то, что они навязываютъ государей народамъ, не спрашивая ихъ согласія и распоряжаясь государствами, провинціями и людьми, словно дикими животными или блуждающими стадами, неспособными сами располагать собою, или у коихъ нѣтъ господина, который заявилъ бы на нихъ право собственности" [2]). Вильгельмъ III, съ негодованіемъ говорившій о самовластіи Людовика XIV въ Испаніи, самъ готовъ былъ предоставить внуку его Испанію, съ владѣніями ея въ Америкѣ, требуя только отъ Людовика XIV болѣе выгодныхъ условій въ пользу торговли Англіи и Голландіи [3]), хотя онъ и не

[1]) State tracts, vol. III, p. 46: «Duke of Anjou's succession».

[2]) State tracts, vol. III, p. 50: «They have already libel'd us-as offering to dispose of kingdoms and provinces, which we had no right to» etc. Cp. Smollet. II, 87.

[3]) *Grimblot*, I, p. 369. Въ письмѣ Таллара къ Людовику XIV отъ 11-го апрѣля 1698 г. приводятся слова, сказанныя Вильгельмомъ III въ интимной бесѣдѣ съ Талларомъ: «I believe that it would be proper to give the Netherlands to

Библиотека "Руниверс"

признавалъ законности правъ дофина. Только упорство Французскаго короля и его неподатливость на требуемыя Вильгельмомъ уступки затормозили дѣло.

Въ виду всего этого становится понятнымъ, какъ безосновательно было со стороны Англіи выставлять причиной войны противъ Людовика XIV самовластіе его въ Испаніи, которое самъ Вильгельмъ готовъ былъ признать допущеніемъ внука Людовика XIV на испанскій престолъ. Но тогда Англія, въ виду своихъ коммерческихъ выгодъ, готова была помириться съ этимъ зломъ. Когда же Людовикъ XIV, принявъ завѣщаніе Карла II, получилъ для своего внука всю Испанскую монархію и, не будучи ничѣмъ обязанъ Англіи, не только не сдѣлалъ ей никакихъ уступокъ, но еще заставилъ Филиппа V отнять у Англіи тѣ немногія льготы, которыми пользовалась она уже прежде въ Испаніи, тогда Англія, конечно, не могла не постоять за себя.

Заявляя свою скорбь о предстоящихъ Европѣ бѣдствіяхъ, въ случаѣ перехода испанскаго наслѣдства въ руки принца изъ дома Бурбоновъ, Англія хлопотала собственно о выгодахъ своей торговли.

Что коммерческій интересъ составлялъ самое больное мѣсто для Англіи во всемъ вопросѣ объ испанскомъ наслѣдствѣ, высказалъ очень недвусмысленно самъ Вильгельмъ III въ цитированной уже нами рѣчи его къ верхней палатѣ. Коснувшись самовластнаго распоряженія Людовика XIV въ Испанской монархіи, Вильгельмъ сказалъ: „Это должно затронуть Англію въ томъ, что̀ для нея наиболѣе важно, наиболѣе чувствительно, въ отношеніи нашей торговли, которая попадетъ скоро въ неопредѣленное положеніе во всѣхъ ея важныхъ отрасляхъ, въ отношеніи нашего спокойствія и безопасности въ этомъ королевствѣ и въ отношеніи того участія, которое должна принимать Англія въ сохраненіи свободы Европы“ [1]).

Что̀ тутъ понималось подъ стѣсненіемъ свободы Европы со стороны Людовика XIV, видно изъ вышеприведеннаго уже нами обви-

---

the elector of Bavaria, forming of them a reasonnable barrier for the safety of Holland; *to give Spain and the Indies to a son of the Dauphin*; to give a considerable portion of Italy (Milan and the kingdom of Naples) to the archduke; *and to make a treaty of commerce, that England and Holland may not be disturbed, by giving some places of safety for trade in the Mediterranean and for the security of commerce in the Indies*». Ср. также *Grimblot*, I, p. 413 — 416: письмо Вильгельма III къ Портланду отъ 14-го апрѣля 1698 г.

[1]) *Lamberty*, II, p. 58.

Библиотека "Руниверс"

ненія, высказаннаго противъ Французскаго короля въ манифестѣ королевы Анны, объясняющемъ причины, побудившія Англію начать войну за испанское наслѣдство: „Людовикъ XIV завладѣлъ посредствомъ своего флота Кадиксомъ, входомъ въ Средиземное море и гаванями Испаніи, даже Западною Индіей, и все это съ намѣреніемъ стѣснить свободу Европы, воспрепятствовать свободѣ мореплаванія и торговли". Но соперниками Франціи на Средиземномъ морѣ и въ торговлѣ съ Испаніей и въ Западной Индіи были только Англія и Голландія; только ихъ свободѣ мореплаванія и торговли могло угрожать господство Людовика XIV въ Испанской монархіи. Очевидно такимъ образомъ, что Англія отожествляла свободу и безопасность ея собственной торговли и мореплаванія, а также Голландіи, съ свободою и безопасностью всей Европы.

Въ торговлѣ на Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ, то-есть, со всею сѣверо-восточною Европой, также какъ съ Германіей, первенство принадлежало въ концѣ XVII вѣка Голландіи. Торговля Англіи съ Франціей, вслѣдствіе частыхъ войнъ и цѣлаго ряда запретительныхъ и стѣснительныхъ мѣръ со стороны Франціи, была незначительна. Вся почти торговля Англіи сосредоточивалась на трехъ южныхъ полуостровахъ Европы, въ Левантѣ, на сѣверномъ и на западномъ берегахъ Африки и въ обѣихъ Индіяхъ. Самымъ же важнымъ рынкомъ для торговли Англіи была Испанія съ ея колоніями. Запереть Англіи входъ въ Средиземное море и отрѣзать ей путь въ торговлѣ съ Испаніей и Индіями значило убить торговлю Англіи, лишить послѣднюю ея главнаго источника существованія и политическаго могущества.

XIV.

Значеніе политическаго равновѣсія для Англіи съ точки зрѣнія ея коммерческихъ интересовъ.

Что для Англіи поддержаніе такъ-называемаго политическаго равновѣсія Европы совпадало и даже было равнозначительно съ проведеніемъ ея коммерческой политики, это было высказано уже давно въ сочиненіи извѣстнаго герцога Рогана, озаглавленномъ: „Trutina Statuum Europae"—„О равновѣсіи европейскихъ государствъ" [1]).

[1]) *Rohan*, Trutina Statuum Europae, 1665.

Библиотека "Руниверс"

Въ этомъ сочиненіи герцогъ Роганъ говоритъ, между прочимъ, что Англія по своему особому географическому положенію только вслѣдствіе коммерческихъ отношеній вынуждена принимать участіе въ дѣлахъ другихъ государствъ, такъ какъ все ея благосостояніе основывается на торговлѣ [1]). Торговля есть для Англіи ея vera status ratio. Роганъ восхваляетъ мудрость правленія Елизаветы за то, что она, принимая близко къ сердцу интересы своего государства, слѣдовала настоящей политикѣ, наиболѣе выгодной для ея подданныхъ, вступая въ борьбу противъ Испаніи. Уважая лично Филиппа II, она тѣмъ не менѣе никогда не считала возможнымъ заключить съ нимъ миръ и вотъ по какимъ причинамъ: „primo ut summam illam potentiam in Indiis sibi maxime suspectam exerceret; secundum, ut regnum suum praediis opimis locupletaret; tertio ut subditos hac ratione sibi devinciret ac in perpetuo bellorum maritimorum exercitio, in quo conservatio regni ejus radicatur, conservaret“ [2]).

Въ другомъ мѣстѣ Роганъ, говоря о внѣшней политикѣ Испаніи, замѣчаетъ, что послѣдняя, опасаясь преобладанія Англіи на морѣ, старалась, во что бы то ни стало, жить съ ней въ мирѣ, чтобъ она не затѣяла чего-либо въ Индіи, откуда происходятъ огромнѣйшія сокровища [3]); и все это дѣлалось будто бы для того, чтобы, при такой видимой дружбѣ, католики пользовались въ Англіи болѣе благопріятнымъ положеніемъ. Извѣстно, что эти дружелюбныя отношенія между Испаніей и Англіей разрѣшились отправленіемъ къ берегамъ Англіи „непобѣдимой армады“. Но мы указываемъ здѣсь собственно на истолкованіе герцогомъ Рогаиомъ внѣшней политики Англіи въ царствованіе Елизаветы: изъ сочиненія Рогана можно видѣть, что уже при Елизаветѣ обозначилась ясно коммерческая политика Англіи и то, въ какомъ отношеніи эта политика казалась опасною для Испаніи.

Еще рѣшительнѣе выступилъ на этотъ путь великій протекторъ Кромвель. Когда, по окончаніи Фронды, находившіяся въ борьбѣ Франція и Испанія заискивали на перерывъ помощи у Англіи, Кром-

---

[1]) *Rohan*, p. 64—64: «Anglia, quae distinctum quasi orbem constituit, cum aliis principibus nil negotii foret, nisi ad hoc propter commerciam, uti veram status rationem, obligaretur. His enim mediis opibus beata est» etc.

[2]) *Rohan*, p. 69.

[3]) Ibidem., p. 12 и 13. «Cum Anglia quibuscunque conditionibus paciscendum ne illa maritima quippe potentia praepotens in Indiis, unde potissimi thesaurii proveniunt, negotium facessat».

Библиотека "Руниверс"

вель, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, принялъ сторону Франціи; могущество Испаніи тогда казалось еще опаснымъ для торговли Англіи, между тѣмъ Мазарини выразилъ протектору свое желаніе видѣть англійскій флотъ въ Средиземномъ морѣ и соглашался заранѣе признать за Англіей всѣ будущія ея завоеванія въ обѣихъ Индіяхъ [1]). Послѣ этого Кромвель еще рѣшительнѣе сталъ на сторону Франціи противъ Испаніи.

Когда послѣ Пиренейскаго мира Испанская монархія ослабѣла и стала постепенно переходить въ состояніе летаргіи, Англіи нечего было болѣе опасаться съ этой стороны. Теперь вся коммерческая политика Англіи, всѣ ея силы направились противъ другаго болѣе опаснаго врага для Англіи, противъ естественнаго соперника, загораживавшаго ей еще путь на поприщѣ торговли. Кромвель въ этомъ отношеніи много сдѣлалъ для Англіи. Навигаціонный актъ Кромвеля (9-го октября 1651 г.) имѣлъ цѣлью главнымъ образомъ ослабить владычество Голландіи на морѣ, а стало быть, и торговлю ея. Скоро между Англіей и Голландіей дѣло дошло до войны сначала изъ-за Караибскихъ острововъ [2]), а потомъ изъ-за коммерческаго преобладанія въ Гвинеѣ и на всемъ юго-западномъ берегу Африки [3]). Голландцамъ былъ нанесенъ сильный ударъ, но первенство на морѣ и въ торговлѣ осталось все-таки за ними. Карлъ II, хотя и мало заботился о благѣ своихъ подданныхъ, слѣдовалъ тѣмъ не менѣе въ дѣлѣ торговли и въ отношеніи къ Голландцамъ политикѣ Кромвеля. Первымъ дѣломъ его было подтвердить навигаціонный актъ Кромвеля (1661 г.). Борьба съ Голландіей продолжалась и при Карлѣ II.

Приведенная разъ въ движеніе, національная политика Англіи, не смотря на смѣну правителей, уже не измѣняла своего направленія и подчинила ихъ себѣ. А до чего доходила уже въ это время коммерческая ревность Англичанъ относительно Голландцевъ, видно изъ того, что тогда многіе уже высказывались въ Англіи въ томъ смыслѣ, что она будто бы до тѣхъ поръ не въ состояніи будетъ спокойно заниматься хотя бы какою-нибудь отраслью торговли, пока Голландцы будутъ имѣть хоть единый рыбачій челнъ на океанѣ, пока хоть единое купеческое судно ихъ будетъ снабжать товарами Вест-

[1]) *Ranke*, Englishe Geschichte, B. IV, S. 148—149.
[2]) *Ranke*, Englische Geschichte, B. IV, S. 65.
[3]) *Mignet*, Negociations, t. I, p. 411—427.

Библиотека "Руниверс"

Индію [1]). Извѣстное „delenda est Carthago" Англичане стали примѣнять къ Голландіи.

Съ каждымъ годомъ росла торговля Англіи, и какъ быстро развивалась она, лучше всего доказываютъ статистическія данныя: отъ реставраціи и до революціи 1688 года, то-есть, меньше, чѣмъ въ тридцать лѣтъ, общая сумма дохода отъ пошлинъ почти удвоилась (въ 1660—1661 г. — 421,582 ф. стерл., въ 1685 г.—722,933 ф. стерл.) [2]).

Но едва стала Англія поспѣвать за Голландіей на пути торговли, какъ ее стало все болѣе и болѣе озабочивать стремленіе Франціи къ владычеству на морѣ и къ расширенію торговыхъ сношеній. Франція казалась Англіи еще болѣе опаснымъ соперникомъ въ будущемъ, чѣмъ Голландія.

Дѣйствительно, уже съ самаго начала самодержавнаго правленія Людовика XIV и со вступленія въ министерство Кольбера, развитіе промышленности, торговли, судоходства и мореходства сдѣлалось одною изъ главныхъ заботъ французскаго правительства. Франція уже не могла болѣе мириться съ господствомъ Англіи и Голландіи на морѣ. Для Франціи стало оскорбительно, что „les étrangers s'etaient rendus maîtres de tout le commerce par mer même de celui qui se fait de port en port au dedans de notre royaume", какъ говорится въ указѣ отъ сентября 1664 г. принадлежащемъ, какъ можно думать, опытному перу Кольбера [3]).

Англія своимъ коммерческимъ чутьемъ сразу поняла, какимъ соперникомъ можетъ явиться для нея Франція при такомъ ясномъ сознаніи ею своихъ коммерческихъ интересовъ. Какъ ни слѣпо относился Карлъ II къ Франціи и къ ея христіаннѣйшему королю, какъ ни ступевывались въ глазахъ его истинные интересы Англіи передъ неотразимымъ для него блескомъ французскаго золота, онъ все-таки понималъ невозможность дружественныхъ отношеній между Англіей и Франціей съ тѣхъ поръ, какъ она явилась соперницей для Англіи на морѣ и въ торговлѣ. Вотъ что уже въ началѣ своего царствованія писалъ Карлъ II по этому поводу: „Наибольшее препятствіе для союза съ Франціей—это та большая забота, какую прилагаютъ тамъ къ развитію торговли и къ пріобрѣтенію сильнаго могущества

[1]) Ibidem.
[2]) *Meinberg*, Das Gleichgewichtssystem Wilhelm's des III, S. 24.
[3]) Ibidem.

Библиотека "Руниверс"

на морѣ. Каждый шагъ, который сдѣлаетъ Франція на этомъ пути, будетъ усиливать все болѣе зависть между этими двумя народами" [1]).

Опасенія и предсказанія Карла II относительно Франціи какъ нельзя болѣе оправдались послѣдующимъ ходомъ событій, и Вильгельму III пришлось уже считаться съ огромными морскими силами Франціи.

Мы показали уже выше, какимъ искреннимъ и горячимъ защитникомъ идеи политическаго равновѣсія былъ Вильгельмъ III; но даже и съ его точки зрѣнія, съ того времени, какъ онъ сталъ королемъ Англіи, оставаясь штатгальтеромъ Голландіи, поддержаніе такъ-называемаго политическаго равновѣсія было почти всегда и въ особенности въ вопросѣ объ испанскомъ наслѣдствѣ равносильно поддержанію коммерческихъ интересовъ Англіи и Голландіи.

Уже вскорѣ послѣ вступленія Вильгельма III на престолъ Англіи обнаружилось, какъ близко принималъ онъ къ сердцу коммерческіе интересы Англіи и какъ ревниво относился къ усиленію морскаго могущества Франціи. Это явствуетъ уже изъ тѣхъ мотивовъ, которыми онъ обставилъ объявленіе войны Людовика XIV въ 1689 году. Указавъ на несправедливости и насилія Французскаго короля относительно императора и другихъ союзниковъ Англіи, вызванныя лишь своекорыстными стремленіями Людовика XIV, и переходя затѣмъ къ разъясненію обидъ, причиненныхъ имъ интересамъ Англіи, Вильгельмъ III выдвигаетъ на первый планъ столкновеніе интересовъ Англіи и Франціи въ Америкѣ, въ земляхъ по Гудзонову заливу и на Караибскихъ островахъ; затѣмъ указываетъ на состоявшееся запрещеніе Людовикомъ XIV ввоза изъ Англіи однихъ мануфактуръ и на обложеніе чрезмѣрными пошлинами другихъ, допущенныхъ къ ввозу, англійскихъ мануфактуръ. „Всѣ эти мѣры Людовика XIV служатъ очевиднымъ доказательствомъ того", говорится далѣе въ деклараціи Вильгельма III,—„что Французскій король вознамѣрился совершенно разорить торговлю, а стало быть, и мореходство Англичанъ, отъ которыхъ зависятъ большею частью благосостояніе и безопасность этого народа" [2]). Но далеко не всегда Вильгельмъ III высказывался такъ прямо и положительно относительно руководившихъ его политикою мотивовъ; напротивъ, не разъ Вильгельмъ,

[1]) *Duruy*, Histoire de France, t. II, p. 360.
[2]) *Dumont*, VII, partie II, p. 230—231.

Библиотека "Руниверс"

пользуясь обычною въ то время дипломатическою фразеологіей, высказывался по самымъ существеннымъ политическимъ вопросамъ очень обще, неопредѣленно, прикрывая озабочивавшіе его исключительно національные интересы Англіи и Голландіи необходимостью спасти отъ подавляющаго гнета Франціи всю Европу, поддержать миръ и спокойствіе всего христіанства и т. п. Такъ почти во всемъ томъ, что говорилъ и писалъ оффиціально Вильгельмъ III по вопросу объ испанскомъ наслѣдствѣ, выставляется имъ необходимость имѣть въ виду благо всей Европы. „Я льщу себя надеждой, что вы собрались здѣсь исполненные справедливаго опасенія за общую опасность Европы", такъ начинаетъ Вильгельмъ III свою рѣчь, обращенную къ верхней палатѣ въ началѣ 1702 года.— „Христіаннѣйшій король, посадивъ своего внука на престолъ испанскій, получилъ возможность угнетать всю остальную Европу, если только не будутъ приняты скорыя и надлежащія мѣры, чтобы помѣшать ему" [1]). Еще далѣе Вильгельмъ III говоритъ: „Я заключилъ нѣсколько союзовъ съ намѣреніемъ предупредить общія бѣдствія, которыми угрожаетъ остальному христіанству чрезмѣрное могущество Франціи" [2]). Закончилъ же эту рѣчь Вильгельмъ слѣдующими словами: „Мнѣ остается прибавить, что если вы желаете серьезно и во что бы то ни стало видѣть Англію держащею въ своихъ рукахъ равновѣсіе Европы, то это можетъ осуществиться отъ той выгоды, которую вы извлечете изъ предстоящаго случая" [3]) (то-есть, изъ предстоящей войны съ Франціей за испанское наслѣдство).

---

[1]) *Lamberty*, II, 57.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem. Несомнѣнно, что въ то время въ Англіи вообще не разъ высказывалось убѣжденіе, что вмѣшательство Вильгельма III въ рѣшеніе вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ необходимо для равновѣсія и блага всей Европы и для предупрежденія порабощенія христіанскаго міра слишкомъ могущественною Франціей. Въ этомъ вполнѣ убѣждаютъ многія указанія въ политическихъ брошюрахъ того времени. Такъ, въ брошюрѣ: «Duke of Anjou's succession consider'd» высшею степенью славы государя выставляется: «to be loved at home and *to be capable to doing good to all Europe and of preventing the slavery of christendom* (State tracts, vol. III, p. 56). Въ другомъ мѣстѣ той же брошюры (p. 50) говорится: «All nations have their eyes upon England. It appears that all the nations of Europe expect their sentence from us *whether they shall be slaves or freemen*». Ср. также *D'Avenant*, The political and commercial works, v. III, p. 301 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

Свою декларацію войны Людовику XIV королева Анна начинаетъ съ того, что она считаетъ себя обязанною держаться тѣхъ трактатовъ, которые были торжественно заключены покойнымъ Вильгельмомъ III съ Германскимъ императоромъ, Соединенными Штатами Нидерландовъ и другими государствами для охраненія свободы и равновѣсія Европы отъ чрезмѣрнаго могущества Франціи [1]).

Но изъ дипломатической переписки Вильгельма III съ Портландомъ и Гейнзіусомъ, съ которыми онъ могъ говорить болѣе откровенно, обнаруживается ясно, чего собственно добивался Вильгельмъ III въ своихъ переговорахъ и договорахъ съ Людовикомъ XIV относительно раздѣла испанскаго наслѣдства, чего добивалась Англія объявленіемъ войны Людовику XIV. Уже при самомъ началѣ этихъ переговоровъ Портландъ, самый довѣренный министръ Вильгельма III, особенно близко къ нему стоявшій, напрямикъ высказалъ передъ министрами Людовика XIV Торси и Помпонномъ, что политикою Вильгельма III руководили единственно интересы Англіи и Голландіи [2]), что̀ подтвердилось потомъ собственными словами Вильгельма III въ бесѣдѣ съ Таллароmъ [3]). Что рѣчь шла собственно о коммерческихъ интересахъ Англіи и Голландіи, это опять-таки открыто заявилъ Портландъ самому Людовику XIV, какъ то видно изъ письма послѣдняго къ Таллару [4]), и выступаетъ съ очевидною ясностью изъ болѣе близкаго разсмотрѣнія всего хода переговоровъ о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства. Но что̀ особенно ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что для Вильгельма III коммерческіе интересы Англіи и Голландіи стояли выше интересовъ остальной Европы, это его собственныя слова въ письмѣ къ Портланду по поводу различныхъ проектовъ перваго договора о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства: „То, что̀ представляется мнѣ наиболѣе выгоднымъ для всей Европы вообще", писалъ Вильгельмъ,—„это—чтобъ Испанія досталась принцу Баварскому; но въ такомъ случаѣ Англія и Голландія не могли

---

[1]) *Dumont*, VIII, partie I, p. 115.

[2]) *Grimblot*, I, p. 297: «The interests of the two nations must be the only object of that prince».

[3]) *Grimblot*, I, p. 365: „...that he could be guided by no other rule, than the interests of the Kingdoms which he governed and those of the republic at the head of which he is placed". etc.

[4]) *Grimblot*, I, p. 333—340, письмо Людовика XIV къ Таллару отъ 3-го апрѣля 1698 г. „Lord Portland added.... that the principal interest of the english and dutch consist in their commerce".

Библиотека "Руниверс"

бы выговорить никакихъ выгодъ для себя, такихъ, какъ пріобрѣтеніе портовъ въ Средиземномъ морѣ и въ Индіяхъ“ [1]).

Въ чемъ заключалось для Англіи нарушеніе Людовикомъ XIV политическаго равновѣсія, чего опасалась она со стороны Франціи, высказала также откровенно королева Анна въ своей тронной рѣчи въ 1705 году, въ которой она выразила убѣжденія всей партіи виговъ [2]). „Если Французскій король будетъ продолжать оставаться главою Испанской монархіи, то равновѣсіе силъ нарушено, и онъ совершенно захватитъ торговлю и богатства всего міра“ [3]). Вотъ въ этомъ то и таилась главнымъ образомъ для Англіи самая суть политическаго равновѣсія.

Изъ всего хода войны за Испанское наслѣдство, какъ изъ самаго объявленія войны каждаго изъ участвовавшихъ въ великой коалиціи державъ, обнаруживается очень ясно, какъ различно понималось выставляемое на видъ равновѣсіе каждаго изъ нихъ, какъ различны и исключительны были ихъ интересы. Что было въ самомъ дѣлѣ общаго между притязаніями императора Германскаго на Испанское наслѣдство и стремленіями Англіи и Голландіи? Съ другой стороны, и положеніе послѣднихъ относительно Франціи было также совершенно различно. Если еще Голландія могла опасаться за свою безопасность отъ сосѣдства могущественной Франціи, отъ посягательства Людовика XIV на предоставленную Голландіи по Рисвикскому миру барьеру, то Англія была совершенно въ сторонѣ отъ континента и могла столкнуться съ Франціей только на морѣ, въ сферѣ торговли. Членовъ великой коалиціи связывало только общее имъ всѣмъ стремленіе ослабить могущество Франціи; положительные же интересы каждой изъ участвовавшихъ въ коалиціи державъ тянули въ разныя стороны и шли иногда въ разрѣзъ. Каждая изъ этихъ державъ, за удовлетвореніемъ ея исключительныхъ интересовъ, готова была отказаться отъ участія въ коалиціи, отъ защиты

---

[1]) *Grimblot*, I, p. 415: „That which appears to me the most advantageous to all Europe in general is for the electoral prince to have Spain; but in that case England and Holland could not claim any advantage for themselves, such as to have ports in the Mediterranean and the Indies“.

[2]) *Coxe*, Memoirs of Marlbourough t. I, p. 486: „The speache of the Queen expressed the sentiments of the whigs“.

[3]) Ibidem: «If the french king continues to be master of the Spanich monarchy, the balance of power is destroyed and he will engross the trade and wealth of world“.

Библиотека "Руниверс"

такъ-называемаго политическаго равновѣсія. Особенно же это справедливо относительно Англіи. Доказательствомъ тому служитъ отпаденіе Англіи отъ коалиціи въ тотъ моментъ, когда Франція была уже на краю гибели, и главнымъ образомъ, изъ-за того, что предложенныя Англіи условія мира удовлетворяли ея исключительно національнымъ интересамъ [1]). Говоря такимъ образомъ, мы не думаемъ отрицать совершенно вліянія на перемѣну политики Англіи смерти Германскаго императора Іосифа I, вслѣдствіе которой братъ его Карлъ могъ соединить въ однихъ своихъ рукахъ и императорскую корону, и корону короля Испанскаго; мы думаемъ только, что не это было главною причиной обнаруженнаго Англіей миролюбія, относительно Франціи и готовности покинуть своихъ союзниковъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ, королева Анна нисколько не стѣснялась тѣмъ, что въ письмѣ своемъ къ Генеральнымъ Штатамъ отъ 31-го марта 1702 г. увѣряла ихъ въ неразрывной связи интересовъ Англіи и Голландіи [2]). Такой же индифферентизмъ къ общему дѣлу показали и Генеральные Штаты, когда въ 1706 году Людовикъ XIV завязалъ съ ними мирные переговоры на весьма выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Какъ сильно было въ это время желаніе мира въ Голландіи, и какъ сильна была тамъ вражда къ императору и зависть къ Англіи, доказываютъ лучше всего письма Мальборо къ Годольфину отъ 1706 года. „Голландцы положительно рѣшились заключить миръ, будучи очень раздражены противъ императора и питая зависть къ Англіи", пишетъ Мальборо Годольфину [3]). Въ другомъ письмѣ Мальборо высказываетъ ужасъ при мысли, что „дворъ Вѣнскій и Голландія склонны скорѣе вести войну другъ съ другомъ, чѣмъ противъ Франціи" [4]). Само собою разумѣется, что,

---

[1]) См. *Raynal*, Histoire philosophique et politique des deux Indes V, p. 323—324. „Dans la crainte de travailler à l'aggrandissement l'une de l'autre, l'Angleterre et la Hollande renoncérent à toute invasion en Amérique. Enfin la reine Anne ayant saisi le moment propice pour une paix particulière, elle se fit accorder des avantages, qui laissèrent la nation rivale fort en arrière. Dès lors l'Angleterre fut tout, et la Hollande ne fut rien".

[2]) *Lamberty*, II, 85: „Nous regarderons toujours les intérêts de l' Angleterre et de votre état comme inséparables et unis par des liens, qui ne peuvent être rompus qu'au dernier préjudice des deux nations".

[3]) *Coxe*, Mémoirs of Marlbourough, t. II, p. 117: письмо отъ 26-го сентября 1707 г.

[4]) Ibidem, p. 113, Marlbourough to lord Godolphin: „I am affraid, we shal

Библиотека "Руниверс"

еслибъ интересы державъ, участвовавшихъ въ великой коалиціи, были совершенно солидарны, то не могли бы проявляться съ такою очевидностью сепаратные интересы ихъ и такая сильная взаимная зависть.

Французскій посолъ въ Голландіи герцогъ д'Аво не безъ основанія замѣтилъ депутатамъ Генеральныхъ Штатовъ, когда они еще до начала войны (21-го іюня 1701 года) потребовали участія въ Гагскихъ конференціяхъ представителей отъ Англіи и отъ императора, что интересы Англіи и Голландіи не имѣли ничего общаго съ интересами Германіи [1]), и что интересы императора въ сущности даже совершенно чужды для Генеральныхъ Штатовъ [2]). Это подтверждается также и союзнымъ договоромъ, заключеннымъ 7-го сентября 1701 года между императоромъ, Англіей и Генеральными Штатами, договоромъ, которымъ морскія державы старались главнымъ образомъ обезпечить свои коммерческіе интересы [3]).

XV.

Значеніе Испаніи и ея американскихъ колоній для коммерческихъ интересовъ Англіи.

До конца XVII столѣтія Англичане и Голландцы не только пользовались въ Испаніи одинаковыми съ Французами правами торговли, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ заручились даже большими льготами, которыхъ враждовавшая тогда съ Испаніей Франція была лишена.

---

find that the court of Wienne and the Dutch are more desirous of quarrelling with each other, than with France".

[1]) *Lamberty*, I, p. 485.

[2]) Ibidem. „En effet il était difficile de croire qu'une republique aussi sage voulût s'engager aux dépens de ses provinces, du commerce de ses sujets, de ses richesses à soutenir des intérêts etrangers".

[3]) *Lamberty*, I, 620—629. Traité d'alliance entre l'émpereur, l'Angleterre et les États généraux des provinces unies du 7 septembre 1701, статьи II, V, VI и VIII. Особенно характерна статья VI-я: „Pourront le roi de la Grande Bretagne et les seigneurs Etats Généraux conquérir à force d'arme selon qu'ils auront concerté entre eux pour l'utilité et la commodité de la navigation et du commerce de leurs sujets les pays et les villes que les Espagnols ont dans les Indes, et tout ce qu'ils pourront y prendre, sera pour eux".

Библиотека "Руниверс"

При такомъ положеніи Англія и Голландія легко могли выдерживать конкуренцію Франціи. Торговый договоръ, заключенный между Англіей и Испаніей еще въ 1667 году, предоставлялъ Англичанамъ, въ виду тогдашней запретительной системы, нѣкоторыя существенныя льготы [1]). Согласно четвертой статьѣ этого договора, подданные Великобританіи могли имѣть во всѣхъ земляхъ и моряхъ Испанскаго короля свободу и право торговать и притомъ вести всякаго рода торгъ съ тѣмъ, чтобъ имъ не было причиняемо ни малѣйшаго затрудненія, безпокойства или препятствія во все время, пока они будутъ платить надлежащія пошлины и не будутъ нарушать законовъ, установленныхъ и соблюдаемыхъ со стороны обоихъ королевствъ—Испаніи и Англіи [2]). Равнымъ образомъ состоялось соглашеніе, чтобы съ подданныхъ Великобританіи за товары, которые куплены будутъ ими въ Испаніи и всѣхъ принадлежащихъ ей владѣніяхъ, не взимались никакія другія пошлины, кромѣ тѣхъ, которымъ подлежатъ въ подобномъ случаѣ сами натуральные подданные (los mismos naturales), а тѣмъ болѣе всѣ другіе иностранцы, торгующіе въ вышеназванныхъ странахъ. Купцы и подданные Великобританіи въ своихъ куплях и продажахъ обладали и пользовались всѣми тѣми же привилегіями, какъ и натуральные подданные [3]), и имъ позволено было покупать продукты и товары и нагружать накупленное ими на своихъ судахъ, такъ чтобы не позволено было ни подъ какимъ предлогомъ задерживать въ какомъ-либо портѣ вышеупомянутыя нагруженныя суда, по уплатѣ ими слѣдующихъ съ нихъ пошлинъ [4]). Подданные Великобританіи могли вывозить и ввозить свободно всякаго рода продукты и товары изъ остиндскихъ колоній Испанскаго короля въ всякія другія владѣнія свѣтлѣйшаго Испанскаго короля [5]). Въ пользу Англіи было

---

[1]) Текстъ этого договора приведенъ у *Кантилло* въ его замѣчательномъ сборникѣ «Tratodos de paz y de commercio» въ приложеніи къ торговому договору, заключенному между Англіей и Испаніей въ Утрехтѣ 9-го декабря 1713 г. стр. 128—137. Ср. также Le négociant anglais, II, p. 290—304. «Patentes des immunités accordées par S. M. Philippe IV aux Anglais qui resident à Seville, San-Lucar, Cadix et Malaga».

[2]) Art. IV: «Sin que se les cause ningun molestia inquietud o impedimento siempre que paguen sus respectivos derecthos» etc.

[3]) Ibidem: «los mismos naturales y todos los demos extranjeros que commercian en los dichos parajes».

[4]) Art. V: «No sera permittido de tener en el puerto con ningun pretesto los dichos navios cargados despues de haber pagado los derechos debidos» etc.

[5]) Ibidem, Art. VIII.

Библиотека "Руниверс"

также выговорено, что въ случаѣ если будутъ захвачены на купеческихъ судахъ, принадлежащихъ подданнымъ Великобританіи, запрещенные товары, причисленные къ контрабандѣ, то они будутъ сняты съ судовъ и конфискованы съ тѣмъ однакожь, чтобы по той же причинѣ ни самое судно, ни другіе свободные и дозволенные товары, которые найдутся въ немъ, не были никоимъ образомъ задержаны или конфискованы [1]).

Таковы были, между прочимъ, льготы, которыми пользовалась Англія въ торговлѣ своей съ Испаніей до конца XVII столѣтія. Конечно, съ современной точки зрѣнія, эти льготы были совершенно незначительны, но при тогдашней замкнутости и исключительности коммерческихъ интересовъ каждаго изъ государствъ западной Европы [2]), Англія на столько дорожила этими льготами, что впослѣдствіи, въ коммерческомъ договорѣ, заключенномъ королевой Анной съ эрцгерцогомъ Карломъ, по провозглашеніи его королемъ Испаніи, исходнымъ пунктомъ послужилъ договоръ 23-го мая 1667 года, на сохраненіи котораго въ полной силѣ настаиваетъ особенно вторая статья договора 1707 года [3]). Но могла ли Англія ожидать, чтобы Людовикъ XIV, утвердивъ свое вліяніе въ Испаніи, оставилъ за нею всѣ тѣ льготы, которыми пользовалась она до того времени въ отношеніи испанской торговли.

Испанія не только представляла для Англіи важный рынокъ для сбыта мануфактуръ, но еще сама снабжала Англію необходимою для нея испанскою шерстью. Фабрикація шерстяныхъ матерій, важное значеніе которой для Англіи было понято еще при Эдуардѣ III [4]), составляла въ концѣ XVII столѣтія главный предметъ производства и вывоза. Въ одномъ парламентскомъ актѣ отъ 1698 года говорится, что шерсть и различныя шерстяныя матеріи составляютъ самыя значительныя и прибыльныя произведенія всего королевства, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависитъ цѣнность земли и тор-

---

[1]) *Cantillo*, Art. XXIII: «Sin que per esta causa el navio y los demos mercaderias libres y permittidas, que en el se encontraren, de ninguno modo seran embargados ni confiscados».

[2]) *Martens*, Cours diplomatique, t. III, p. 11.

[3]) *Cantillo*, Tratado de commercio entre Anna reine de Inglaterra y Carlo III como rey de Espana, art. II, p. 48.

[4]) *Taube*, Geschichte der engländischen Handelschaft, Manufacturen, Kolonien und Schiffahrt. Leipzig, 1776. S. 20.

Библиотека "Руниверс"

говля страны [1]). По вычисленіямъ Давенанта, количество вывезенныхъ изъ Англіи въ 1699 году шерстяныхъ матерій по цѣнности своей составляло болѣе трети всѣхъ предметовъ вывоза изъ Англіи въ томъ же году [2]). Большую часть потреблявшейся на англійскихъ фабрикахъ шерсти производила сама Англія. Но для фабрикаціи лучшихъ тонкихъ суконъ испанская шерсть была существенно необходима, по крайней мѣрѣ хоть въ видѣ примѣси къ болѣе грубой шерсти англійскихъ овецъ. Правда, въ концѣ XVII столѣтія англійскія фабрики шерстяныхъ матерій потребляли отчасти шерсть, привозимую изъ сѣверной Африки, но только въ самомъ незначительномъ количествѣ, такъ что почти все количество необходимой шерсти, доставлявшейся извнѣ, получалось изъ Испаніи. Опыты, сдѣланные впослѣдствіи относительно акклиматизированія испанскаго овцеводства въ самой Англіи, оказались безуспѣшными [3]). Обработанныя же изъ чисто испанской шерсти или съ примѣсью ея, суконныя и шерстяныя матеріи находили очень значительный сбытъ въ самой Испаніи [4]). Естественно, что въ виду возможности утвержденія династіи Бурбоновъ на испанскомъ престолѣ, Англія могла опасаться, что Франція, начинавшая уже довольно замѣтно конкурировать съ нею въ фабрикаціи шерстяныхъ мануфактуръ, особенно суконъ, воспользуется своимъ господствомъ въ Испаніи въ интересахъ собственной промышленности и добьется того, что вся испанская шерсть, вывозившаяся до того времени въ Англію, попадетъ цѣликомъ на

---

[1]) Ср. *Iosiah Child*, A new discourse of trade 1751, p. 109: «That wool is eminently the fondation of the englisch riches, I have not heard denied by any» etc.

[2]) Ср. *D'Avenant*, An essay upon the balance of trade, 1700, p. 64—65: «There is great reason to rely, that our exports of all kinds in the woolen manufacture amount to above two millions per annum, which is so large a part of our general exportation, that it must main the whole body of our trade to receive any hurt in so principal a member». Въ 1699 г. общая сумма вывоза простиралась на сумму 6.788,166 ф. стерл., а шерстяной матеріи вывезено было на 2.932,929 ф. стерл.

[3]) *Mac Culloch*, Dictionnary of commerce, p. 1420. Article Wool.

[4]) Этому способствовали отчасти и самые законы Испаніи: По закону Карла V 1552 г., всякій, вывезшій изъ Испаніи извѣстное количество шерсти, обязанъ былъ доставить въ Испанію соотвѣтственное количество шерстяныхъ матерій. См. *Rocher*, Colonien, S. 197. Шерстяную матерію bayette Англичане сбывали въ одной Испаніи на 280,000 ливровъ, другихъ шерстяныхъ матерій (sémpiternes, sempiternilles) продавалось каждой на 80,000 ливровъ ежегодно. Ср. *Weiss*, L'Espagne depuis Philippe II, t. II, p. 134—135.

Библиотека "Руниверс"

французскія фабрики, и что при болѣе низкой заработной платѣ во Франціи, чѣмъ въ Англіи, французскіе шерстяные фабрикаты, благодаря сравнительной дешевизнѣ, вытѣснятъ съ всемірнаго рынка шерстяные фабрикаты Англіи. Что вопросъ о вліяніи Франціи на прекращеніе вывоза испанской шерсти, дѣйствительно, очень безпокоилъ Англичанъ, это доказываютъ какъ нѣкоторыя письма англійскихъ посланниковъ въ Мадридѣ и Парижѣ, внимательно слѣдившихъ за каждымъ шагомъ Франціи въ этомъ направленіи [1]), такъ и брошюра о наслѣдствѣ герцога Анжуйскаго: въ послѣдней указывается какъ на вредный результатъ соединенія Испаніи и Франціи подъ скипетромъ Бурбоновъ прежде всего на то, что Франція будетъ препятствовать вывозу испанской шерсти [2]) и добьется того, что получитъ монополію на торговлю испанскою шерстью и, стало быть, на мануфактуры тонкихъ суконъ [3]). Въ Англіи опасались также, чтобы въ самой Испаніи, подъ вліяніемъ новаго болѣе энергическаго правительства, не принялись за устройство суконныхъ фабрикъ, для которыхъ, кромѣ испанской шерсти, была очень сподручна шерсть, добывавшаяся изъ Варварійскихъ владѣній въ Африкѣ. Гораздо болѣе серьезно было опасеніе, что новое испанское правительство могло и совершенно закрыть Англіи всѣ рынки для сбыта шерстяныхъ и суконныхъ матерій, а между тѣмъ изъ 7.000,000 ф. стерл., вырученныхъ въ 1700 году Англіей за вывезенные товары, слишкомъ 3.000,000 ф. стерл. приходилось на шерстяныя и суконныя матеріи, вывозившіяся почти исключительно въ Испанію и зависящія отъ нея земли въ Италіи, въ Африкѣ и въ Вестиндіи [4]). Такимъ образомъ становится понят-

---

[1]) Spain under Charles the second or extracts from the Correspondence of Alexander Stanhope, p. 177. Письмо Стенгопа къ статсъ-секретарю Вернону отъ 10-го іюня 1699 года. Ср. также *Cole*, Memoirs of affairs of state, p. 280.

[2]) State tracts, vol. III, The duke of Anjou's succession consider'd, p. 47: «This is known to be one of the most considerable branches of our trade. The spanish wool is necessary to the working up of our fine cloth; and considering that our woolen manufacture is one of the chief fountains of our intrinseck wealth, it would be a very dangerous blow to that manufacture, if the french schould hinder the importation of spanish wool into England».

[3]) «Besides, Spain might give France the monopoly of her wool and consequently of the manufacture of fine cloth» State tracts III. The fatal consequences of a treaty with France» (p. 321).

[4]) State tracts, v. III, 157: An Essay upon the present interest of England. Ср. также State tracts III, 340. The fatal consequences of a treaty with France. By the union of France with Spain, France will be intirely mistress of the Spanish wool

Библиотека "Руниверс"

нымъ опасеніе Англичанъ на счетъ того, что вывозъ ихъ шерстяныхъ мануфактуръ совершенно остановится [1]), и что соединеніе Испаніи съ Франціей подъ скипетромъ Бурбоновъ будетъ грозить всей европейской торговлѣ Англіи [2]).

Не только, впрочемъ, въ отношеніи этой спеціальной, хотя и главной, отрасли торговли Англіи французское господство въ Испаніи внушало страхъ Англичанамъ: Испанія вообще была очень выгоднымъ рынкомъ для сбыта англійскихъ товаровъ. Для ирландскаго льна Испанія представляла превосходный сбытъ. Корабельнымъ лѣсомъ, смолой и ворванью, словомъ, всѣми сырыми матеріалами, необходимыми для кораблестроенія, снабжали Испанію морскія державы, и въ этой отрасли торговли онѣ не встрѣчали даже конкуренціи со стороны Франціи. Одного бѣлаго воску, котораго шло огромное количество для освѣщенія церквей, Англія отправляла въ Испанію на 2.000,000 ливровъ, хотя Голландія и Франція доставляли воску вмѣстѣ по крайней мѣрѣ на такую же сумму [3]). Кромѣ того, Англія и Голландія доставляли Испаніи произведенія ея же собственныхъ колоній.

Но несравненно болѣе важнымъ рынкомъ для сбыта англійскихъ товаровъ, чѣмъ сама Испанія, были ея многочисленныя и богатыя колоніи въ Америкѣ. Стоитъ только сравнить общія цифры цѣнности вывоза соотвѣтствующихъ мануфактуръ въ Испанію и ея американскія владѣнія, чтобы видѣть, на сколько послѣднія были важнѣе самой Испаніи для англійской торговли. Такъ легкой шерстяной матеріи (bayette), которую потребляли въ самой Испаніи на 240,000 ливровъ, вывозилось изъ Англіи въ испанскія владѣнія въ Америкѣ ровно вдвое больше (на 480,000 ливровъ). Саржевая матерія, которая шла на платье для средняго класса людей, сбывалась англійскими купцами въ Испаніи на сумму около 100,000 ливровъ; въ испанскія же

---

and consequently of the manufacture of fine cloth to the utter loss of that manufacture here. Let those two nations who are chiefly concernd in this (то-есть, Англичане и Голландцы), consider how much of their manufactures, how much of their trade, how much of their maritime power depends upon this single article! How shall we employ our poor, when the manufactures are lost?

[1]) State tracts, v. III, p. 53: «Export of our woolen manufacture will be stop'd.»

[2]) Ibidem. «We must lose great part of our european trade, which is endangered by the union of France and Spain».

[3]) *Weiss*, L'Espagne depuis Philippe II, v. II, p. 135.

Библиотека "Руниверс"

колоніи въ Америкѣ вывозилось этой самой матеріи на 770,000 ливровъ; шерстяныхъ чулокъ сбывала Англія въ самой Испаніи на 40,000 ливровъ, въ испанскихъ же владѣніяхъ въ Америкѣ — на 320,000 ливровъ [1]) и т. п.

Въ англійскихъ политическихъ брошюрахъ, относящихся ко времени возникновенія войны за Испанское наслѣдство, не разъ высказывается опасеніе, что вслѣдствіе перехода его къ Филиппу Анжуйскому Франціи легко будетъ достигнуть того, что Испанія предоставитъ ей въ отношеніи торговли всевозможныя выгоды преимущественно передъ всѣми народами Европы (all imaginable advantages over the rest of Europe in point of trade). Такъ напримѣръ, Испанія можетъ предоставить Франціи исключительное передъ всѣми народами право на торговлю Неграми въ Вестъ-Индіи (такъ-называемое assiento), а подъ видомъ этой торговли Франція могла бы легко проводить непосредственно въ Испанскую Индію всѣ свои мануфактуры, и притомъ не открытымъ путемъ, а наиболѣе выгоднымъ — путемъ контрабанды [2]). Дѣйствительно, извѣстно, что въ силу особеннаго коммерческаго трактата, заключеннаго между учрежденною во Франціи королевскою Гвинейскою компаніей и испанскимъ правительствомъ 27-го августа 1701 г., компаніи этой предоставлена была послѣднимъ привилегія на ввозъ и продажу Негровъ во всѣ владѣнія, принадлежащія королю Испаніи въ Америкѣ, какъ на континентѣ, такъ и на островахъ [3]). Привилегія эта дана была Гвинейской компаніи на десятилѣтній срокъ, съ 1-го мая 1702 г. и по 1-е мая 1712 года [4]). Какое важное значеніе придавала Англія этому ассіенто, видно уже изъ того, что при заключеніи Утрехтскаго мира она по-

---

[1]) Ibidem. У Вейсса цифры, обозначающія общую стоимость ввозимыхъ изъ Англіи въ Испанію и ея американскія колоніи продуктовъ, сообщаются въ круглыхъ приблизительныхъ числахъ; гораздо точнѣе и подробнѣе, по отдѣльнымъ рубрикамъ, обозначена стоимость ввоза изъ Англіи въ Испанію и въ Америку въ рукописяхъ, хранящихся въ Національной библіотекѣ въ Парижѣ, Mémoires du comte de Rebenac. Supplement № 63.

[2]) State tracts, III, 321: The fatal consequences of a treaty with France.

[3]) Assiento ou privilège pour l'introduction et la vente des esclaves Negres dans l'Amérique Espagnole contenant les conditions auxquelles il est accordé à la Compagnie royale de Guinée, établie en France. A Madrid le 27 d'Août 1701. *Dumont*, Corps universel diplomatique du droit des gens, t. VIII, partie I, p. 83—88.

[4]) Ibidem. Art. I.

Библиотека "Руниверс"

старалась выговорить для англійской компаніи всѣ тѣ же привилегіи относительно ввоза въ Испанскую Америку Негровъ, какія предоставлены были испанскимъ правительствомъ въ 1701 году въ пользу Гвинейской компаніи, о чемъ свидѣтельствуетъ коммерческій трактатъ, заключенный въ Мадридѣ 26-го марта 1713 года [1]).

Заключенный Гвинейскою компаніей съ испанскимъ правительствомъ коммерческій трактатъ относительно торговли Неграми въ Испанскихъ Индіяхъ былъ въ глазахъ Англіи предметомъ чрезвычайной зависти и даже опасеній не столько по той громадной прибыли, которую представляла эта торговля, сколько по тому простору, который представлялся для гораздо еще болѣе выгодной контрабандной торговли для Франціи, вслѣдствіе нѣкоторыхъ статей договора. Такъ, въ силу 35-й статьи предоставленнаго Гвинейской компаніи ассіенто 1701 года, дозволялось въ уплату за проданныхъ ею Негровъ въ томъ или другомъ изъ портовъ испанской Америки получать и нагружать на свои суда бруски серебра и слитки золота, лишь бы за все это были уплочены законные проценты правительству, а также другіе товары и продукты, доставляемые Западною Индіей. Всѣ эти продукты Гвинейская компанія имѣла право безпрепятственно вывозить изъ всѣхъ портовъ Америки, уплативъ только за одни товары установленныя въ данной мѣстности пошлины. Компаніи дозволялось также торговать этими продуктами и товарами, полученными въ уплату за Негровъ, во всѣхъ портахъ Америки, за уплатой обыкновенныхъ пошлинъ.

Но, не смотря на то, что какъ въ этой, такъ и въ другихъ статьяхъ разсматриваемаго коммерческаго договора, обязательность уплаты пошлинъ оговорена надлежащимъ образомъ, можно положительно утверждать, что предоставленное компаніи право торговли въ портахъ Испанской Америки, при крайней продажности испанскихъ чиновниковъ, особенно въ колоніяхъ, открывало французскимъ негоціантамъ широкое поле для контрабандной торговли, и съ другой стороны, давало имъ возможность затормозить столь выгодную для Англіи

---

[1]) *Cantillo*, Tratados de paz y de commercio, p. 58—70. Tratado del assiento de negros concluido en Madrid el 26 de marzo de 1713 entre Ispana é Inglaterra. Трактатъ этотъ въ большей части своихъ статей (всѣхъ ихъ сорокъ) даже въ самыхъ выраженіяхъ сходенъ съ трактатомъ, заключеннымъ въ 1701 г. съ Гвинейскою компаніей, за исключеніемъ 12-ти статей.

Библиотека "Руниверс"

контрабандную торговлю съ Испанскою Индіей черезъ посредство Ямайки [1]).

Возможность широкой контрабандной торговли съ испанскими колоніями въ Америкѣ обусловливалась для Англіи, какъ мы видѣли это выше, главнымъ образомъ, безсиліемъ испанскаго правительства и совершеннымъ почти изчезновеніемъ прежняго военнаго испанскаго флота. Но положеніе Англіи и Голландіи относительно торговли съ Испаніей и особенно относительно контрабандной торговли съ Испанскою Америкой должно было совершенно измѣниться, какъ только Людовику XIV удалось посадить своего внука на испанскій престолъ. Опираясь на свой еще могущественный флотъ и стремясь къ присвоенію себѣ всѣхъ выгодъ торговли съ Испаніей и ея американскими колоніями, Франція легко могла положить конецъ контрабандной торговлѣ Англіи и Голландіи и этимъ лишить морскія державы важнѣйшаго источника ихъ національнаго богатства.

Но и помимо захвата Франціей столь прибыльной контрабандной торговли съ Испанскою Индіей, Англіи не давала покоя мысль, что вслѣдствіе утвержденія французскаго вліянія въ Испаніи, Франція получитъ возможность непосредственно распоряжаться неистощимыми сокровищами Мексики и Перу, ихъ серебряными и золотыми рудниками. „Выгоды, которыя можетъ извлечь Франція изъ господства надъ испанскими владѣніями въ Америкѣ", говорится въ брошюрѣ „The dangers of Europe from the growing power of France", „просто неисчислимы и внушаютъ особое опасеніе въ виду предстоящей войны, такъ какъ этимъ путемъ Французскій король сдѣлался обладателемъ большей части источниковъ золота и серебра или по крайней мѣрѣ, наиболѣе значительныхъ источниковъ этихъ драгоцѣнныхъ минераловъ, какіе только извѣстны теперь въ мірѣ [2]). Между тѣмъ очевидно, что люди и деньги суть артеріи войны (the sinews of war), и что тотъ, кто имѣетъ достаточно денегъ, не будетъ терпѣть недостатка въ людяхъ; отсюда естественно слѣдуетъ, что

[1]) State tracts, III, p. 347: The dangers of Europe from the growing power of France «The consequences of this to England are obvious to any man that will allow himself the freedom of thought, that will ruin the best part of our Jamaica trade, prevent our having bullion from the West-Indies by means of our own plantations or the spanich galleons».

[2]) State tracts, vol. III, p. 347: «By this means he is possess'd of most of the fountains of gold and silver or at least of the most considerable fountains of those minerals, that are yet known in the world».

Библиотека "Руниверс"

если господство Французскаго короля въ Западной Индіи будетъ безпрепятственно продолжаться, то онъ, по всей вѣроятности, будетъ въ силахъ съ успѣхомъ выдержать войну противъ всей остальной Европы... „И что же послѣ этого остается, чего бы не слѣдовало Европѣ страшиться отъ рудниковъ Перу и Потози при разработкѣ ихъ Франціею?“ [1]).

Франція, сдѣлавшись госпожею Испаніи, говорится въ другой современной англійской брошюрѣ „The fatal consequences of a treaty with France“, — будетъ распоряжаться торговлею и сокровищами Вестъ-Индіи [2]). Она уже и теперь занята образованіемъ торговыхъ компаній, какъ во Франціи, такъ и въ Испаніи, для захвата этой торговли съ Испанскою Индіей. Если мы допустимъ, чтобъ его христіаннѣйшее величество присоединилъ богатства Америки къ могуществу Франціи, то несомнѣнно, Франція сдѣлается неодолимою (irresistible). Она будетъ усиливаться и въ отношеніи промышленности, и въ отношеніи торговли, и въ отношеніи судоходства; она будетъ имѣть возможность обновить истощенныя силы государства, она станетъ средоточіемъ богатствъ Индій (she will become the center of the wealth of the Indies), а Англія и Голландія должны пасть въ такой же степени, въ какой Франція будетъ возвышаться [3]).

Что опасенія Англичанъ относительно стремленій Франціи къ эксплуатированію рудниковъ Мексики и Перу имѣли серьезное основаніе, доказываетъ лучше всего учрежденіе уже въ половинѣ 1701 года французской компаніи для торговли съ Мексикой и Перу, о чемъ англійскій посолъ въ Парижѣ Манчестеръ поспѣшилъ увѣдомить свое правительство при первомъ слухѣ объ учрежденіи этой компаніи [4]). Англія имѣла также серьезное основаніе бояться утвержденія французскаго господства въ Испанской монархіи вслѣдствіе опасеній за свои собственныя колоніи въ Америкѣ. Какое важное значеніе съ этой точки зрѣнія общественное мнѣніе Англіи придавало переходу испанскаго наслѣдства въ руки Филиппа Анжуйскаго, очень ясно обнаруживается изъ знакомыхъ уже намъ политическихъ брошюръ.

---

[1]) Ibidem: «What is it, than Europe has not to fear from the mines of Peru and Potosi in the menagement of France?»

[2]) State tracts, v. III, p. 340: «France by beeng mistress of Spain will command the trade and treasurs of the West-Indies».

[3]) Ibidem. Ср. также State tracts, III, 322.

[4]) *Cole*, Memoirs of affaris of State, p. 399. Письмо Манчестра къ Вернону, отъ 13-го іюня 1701 г.

Библиотека "Руниверс"

Касаясь вопроса о вліяніи французскаго господства въ Испанской монархіи на торговлю Англіи съ ея американскими колоніями, авторъ брошюры „О наслѣдствѣ герцога Анжуйскаго“ слѣдующимъ образомъ обрисовываетъ опасное положеніе этой отрасли англійской торговли: „Торговля съ нашими американскими поселеніями есть именно та отрасль торговли, которая заслуживаетъ самаго тщательнаго разсмотрѣнія нашего. Результаты этой торговли, а также громадныя выгоды и почетное положеніе, доставляемыя ею англійской націи, такъ общеизвѣстны, что одно упоминаніе объ опасности, угрожающей этимъ выгодамъ и положенію, должно возбудить самыя серьезныя заботы и вызвать самыя энергичныя усилія для предупрежденія этой опасности. Очень хорошо извѣстно, какъ сильно была встревожена англійская нація постановленіемъ шотландскаго парламента относительно торговли съ Америкой и основанія шотландскихъ поселеній въ Вестиндіи. Чего же не должны мы въ такомъ случаѣ опасаться для нашей торговли отъ соединенія силъ Франціи и Испаніи? Если ужь каждая изъ нихъ въ отдѣльности являлась нашимъ врагомъ и соперникомъ въ отношеніи нашей торговли съ Америкой, то соединеніе ихъ, по всей вѣроятности, придастъ ихъ дѣйствіямъ еще больше рѣшительности, такъ какъ они имѣютъ и больше силы привести въ исполненіе то, на что они рѣшатся. Франція, соединившись съ Испаніей, или, вѣрнѣе, властвуя надъ послѣднею, будетъ, вѣроятно, имѣть достаточно предлоговъ для того, чтобы угрожать намъ въ Вестиндіи. Французы теперь въ правѣ считать испанскія колоніи находящимися подъ ихъ покровительствомъ, а подъ этимъ предлогомъ они могутъ возобновить притязаніе Испанцевъ на обладаніе всѣми землями Америки или, по меньшей мѣрѣ, основать свои поселенія на берегу Миссисипи и оттуда угрожать нашимъ сѣвернымъ колоніямъ—Нью-Іорку, Дэларси, Каролинѣ, Мэриланду, Новой Англіи и прочимъ, торговлю съ которыми они уже и теперь подрываютъ своею торговлей черезъ Канаду; они могутъ наконецъ прервать торговыя сношенія упомянутыхъ сѣверныхъ колоній съ нашими же болѣе южными колоніями, губя такимъ образомъ торговлю тѣхъ и другихъ“ [1]).

О пагубныхъ послѣдствіяхъ такого образа дѣйствія со стороны Франціи для англійской торговли можно еще составить себѣ приблизительное понятіе по вычисленіямъ Давенанта, который оцѣниваетъ общую сумму ежегоднаго вывоза изъ Англіи въ ея американскія

[1]) State tracts, vol. III, p. 51: The duke of Anjou's succession consider'd.

Библиотека "Руниверс"

колоніи приблизительно въ 350,000 ф. стерл., прибыль Англичанъ отъ этого вывоза въ Америку въ 600,000 ф. стерл., а прибыль отъ эксплуатаціи принадлежащихъ Англичанамъ плантацій въ Америкѣ въ 1,600,000 ф. стерл. [1]). „Этого уже достаточно для доказательства того, что разореніе англійскихъ колоній въ Америкѣ или прекращеніе торговли съ ними вслѣдствіе завоеванія ихъ Испанцами и Французами причинило бы Англіи такой ущербъ, за который она врядъ ли когда-либо была бы вознаграждена. А откуда могла бы Англія пріобрѣтать тѣ продукты первой необходимости, которые она получаетъ теперь изъ Америки, каковы табакъ, сахаръ, хлопчатая бумага, имбирь, ямайскій перецъ, красильное дерево, индиго, какао, мачтовый лѣсъ, рыба съ Ньюфаундленда? Необходимо еще имѣть въ виду, что мы лишимся не только всѣхъ этихъ продуктовъ, необходимыхъ для нашего собственнаго потребленія, но и всей той прибыли, которую получаемъ теперь отъ сбыта товаровъ, въ замѣнъ которыхъ мы имѣемъ теперь изъ Америки необходимые для насъ продукты первой необходимости".

„Еслибы кто-нибудь подумалъ, что мы преувеличиваемъ опасность и смотримъ на все сквозь увеличительное стекло", говорится далѣе въ упомянутой брошюрѣ,—„то пусть онъ взвѣситъ должнымъ образомъ этотъ предметъ въ своихъ мысляхъ, и онъ найдетъ, что опасенія наши не суть плодъ меланхолически настроеннаго воображенія, а раціональныхъ сомнѣній. Уже по опыту извѣстно, сколько вреда причинили Французы нашей торговлѣ въ Ньюфаундлендѣ и въ земляхъ Гудзонова залива. Графъ Белльмонъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ послѣднихъ рѣчей въ палатѣ общинъ о нашихъ сѣверныхъ поселеніяхъ въ Америкѣ показалъ, какая опасность угрожаетъ имъ отъ французскихъ колоній, и какъ онѣ дѣйствуютъ относительно сосѣднихъ Индѣйцевъ. И если обратить вниманіе на огромную морскую силу Французовъ и представляющійся имъ удобный случай увеличить ее, благодаря соединенію съ Испанцами, а также сокровищамъ Америки, то наши опасенія должны быть признаны весьма основательными, и если заблаговременно не будутъ приняты дѣйствительныя

---

[1]) Ibidem. Эта послѣдняя цифра получается по вычисленіямъ Давенанта, если предположить, что на всѣхъ англійскихъ плантаціяхъ въ Америкѣ работало только 100,000 Негровъ, и что общая стоимость продуктовъ, вырабатываемыхъ трудомъ каждыхъ ста Негровъ въ теченіе круглаго года, не превышаетъ суммы въ 1600 ф. стерл.

Библиотека "Руниверс"

мѣры для предупрежденія осуществленія ихъ намѣреній, то именно то, чего мы боимся, обрушится на насъ въ весьма скоромъ времени" [1]).

Въ другой современной брошюрѣ: „The dangers of Europe from the growing power of France" также указывается на опасность, угрожающую англійскимъ поселеніямъ въ Америкѣ вслѣдствіе соединенія Франціи съ Испаніей. Брошюра говоритъ о необходимости серьезно позаботиться объ обезпеченіи неприкосновенности англійскихъ поселеній въ Вестиндіи, „которыя находятся теперь въ бо́льшей опасности, чѣмъ когда-либо, вслѣдствіе соединенія противъ нихъ силы Франціи и Испаніи". „Мы должны въ особенности серьезно позаботиться о снабженіи нашихъ поселеній значительною морскою силой и приложить всѣ наши старанія къ устраненію всякихъ раздоровъ и разъединенію между поселенцами, lest the common ennemy improve'in o the disadvantage of England" [2]).

Вслѣдствіе утвержденія французскаго господства въ Испаніи Англія опасалась также лишиться своей столь выгодной для нея торговли въ Средиземномъ морѣ вообще, и въ особенности съ Левантомъ. Этого Франція могла легко достигнуть по мнѣнію анонимнаго автора брошюры „Duke of Anjou's succession consider'd", добившись закрытія для англійскихъ судовъ гавани Кадикса или сдѣлавъ Гибралтарскій проливъ непроходимымъ для англійскихъ и вообще чужеземныхъ судовъ безъ разрѣшенія Франціи, или же, наконецъ, установленіемъ особой пошлины съ чужеземныхъ судовъ за пропускъ чрезъ Гибралтарскій проливъ. Это очень легко допустить ь если принять во вниманіе близкое разстояніе, отдѣляющее крѣпость Гибралтаръ отъ Сеуты, и возможность сооруженія сильныхъ укрѣпленій на противолежащихъ берегахъ и охраненія узкаго пролива приспособленными къ тому военными судами, которыя находились бы у самаго входа въ проливъ. Кто знаетъ—говорится далѣе—не возобновитъ ли еще Французскій король проекта Оливера Кромвеля о совершенномъ изолированіи Гибралтара отъ континента обращеніемъ его изъ полуострова въ настоящій островъ. При неразборчивости въ средствахъ, которую не разъ обнаруживали Французскіе короли, когда дѣло шло о выгодахъ Франціи, можно было также опасаться, по мнѣнію анонимнаго автора, что Французскій король не прочь былъ бы воспользоваться содѣйствіемъ и варварійскихъ корсаровъ для разо-

[1]) State tracts, vol. III, p. 52.
[2]) State tracts, vol. III, p. 360—361.

Библиотека "Руниверс"

ренія торговли Англичанъ въ Средиземномъ морѣ, и въ особенности для воспрепятствованія имъ свободнаго прохода чрезъ Гибралтарскій проливъ. Но если бы всѣ указанныя средства для разоренія торговли Англіи на берегахъ Средиземнаго моря оказались почему-либо неудобными или неисполнимыми, то Франція имѣетъ еще въ запасѣ одно средство, которое она можетъ пустить въ ходъ противъ Англичанъ — это вступить въ соглашеніе съ Турками съ цѣлью парализировать сбытъ англійскихъ мануфактуръ въ Левантѣ. Франція можетъ въ такомъ случаѣ взяться за снабженіе Турокъ всѣми необходимыми мануфактурами, доставляемыми нынѣ Англичанами, и притомъ по гораздо болѣе сходнымъ цѣнамъ, что, при возможности располагать испанскими продуктами вообще, и въ особенности испанскою шерстью, очень легко осуществимо для Франціи [1]).

Тѣ же опасенія за утрату свободы судоходства и торговли въ Средиземномъ морѣ вообще и въ особенности торговли съ Левантомъ высказываются въ брошюрѣ, озаглавленной „Басня о львиной долѣ, подтвержденная договоромъ о раздѣлѣ“ [2]). Указавъ на территоріи, которыя выговорила себѣ Франція въ первомъ договорѣ о раздѣлѣ, авторъ этой брошюры признаетъ не важнымъ и даже безразличнымъ для Англіи и Голландіи, какіе пункты и округа Франція выговорила себѣ въ Испаніи вдоль Пиренеевъ. Но переходя къ разсмотрѣнію тѣхъ пунктовъ и территорій, которые должны были отойдти къ Франціи отъ Италіи въ силу договора о раздѣлѣ, онъ считаетъ нужнымъ какъ можно полнѣе выяснить, какую страшную опасность для судоходства и торговли Англіи и Голландіи представляютъ эти пріобрѣтенія. „Въ этомъ договорѣ“, говорится въ брошюрѣ, — „есть другой пунктъ, который особеннымъ образомъ (in a particular manner) касается морскихъ державъ—это именно тотъ пунктъ, благодаря которому Французы дѣлаются абсолютными господами Средиземнаго моря (absolute master of the Mediterraneaп), и, слѣдовательно, всей торговли съ Левантомъ, которая будетъ не менѣе способствовать возрастанію могущества Франціи, чѣмъ присоединеніе къ ней всѣхъ прочихъ выговоренныхъ въ договорѣ владѣній..... Франціи достаточно будетъ только пріобрѣсти отъ Мавровъ Сеуту или Танжеръ, которые

[1]) tate tracts, III, 49.

[2]) The fable of the lions share verify'd in the treaty of partition. State tracts, vol. III, p. 129—153.

Библиотека "Руниверс"

лежатъ у самаго устья Гибралтарскаго пролива, и содержать у входа въ этотъ проливъ значительную эскадру для того, чтобы сдѣлать недоступнымъ этотъ проливъ для всякой другой націи, а все это для Франціи очень возможно. И во всемъ этомъ нѣтъ никакого преувеличенія, ибо хорошо извѣстно, что съ тѣхъ поръ, какъ Французы приложили усердіе къ морскому дѣлу, они получили первенство на Средиземномъ морѣ и теперь достигли въ этомъ дѣлѣ такого совершенства, что они способны оспаривать господство надъ океаномъ у обѣихъ морскихъ державъ, которымъ прежде принадлежало неоспоримое господство на морѣ“ [1]).

Если же Французы когда-либо сдѣлаются абсолютными господами Средиземнаго моря, говорится въ этой брошюрѣ,—то очевидно, что они не потерпятъ, чтобы какой-либо народъ раздѣлялъ съ ними выгоды отъ торговли съ Левантомъ, которую они считаютъ для себя во многихъ отношеніяхъ лучшею и наиболѣе выгодною. Въ этой сферѣ торговли Французы имѣли большую долю еще до того, какъ они сдѣлались столь могущественными на морѣ, не смотря на всѣ старанія Англичанъ и Голландцевъ къ устраненію ихъ отъ этой торговли, изъ чего мы можемъ заключить, что они не допустятъ никакой конкурренціи, когда никто не въ состояніи будетъ оспаривать у нихъ господства на морѣ. И самое географическое положеніе Франціи, и удобства ея гаваней, промышленная дѣятельность ея народонаселенія доставили Французамъ больше преимуществъ въ торговлѣ съ Левантомъ, чѣмъ всякому другому народу: будучи ближе къ Леванту, они способны совершать переѣздъ въ половину времени (сравнительно съ Англичанами и Голландцами) и, стало быть, съ половиною издержекъ, что̀ даетъ имъ возможность продавать свои продукты много дешевле по сравненію съ другими народами; послѣднимъ приходится дѣлать вдвое больше пути, а подвергаясь большимъ опасностямъ въ пути, они должны увеличивать расходы на содержаніе судоходныхъ компаній, что вмѣстѣ взятое уменьшаетъ въ значительной степени прибыль отъ торговли

[1]) State tracts, v. III, p. 149: „It is well known, the french have being superior on that sea ever since they have apply'd themselves to maritime affairs, in which they are now arriv'd to that perfection, as to be able to dispute the empire of the ocean with the two maritime powers, who were formerly in indisputed possession“. Ср. также *Grimblot*, v. I, p. 329—331: письмо Портланда къ Вильгельму III отъ 2-го апрѣля 1698 г. и *Grimblot*, I, p. 417—418: письмо Вильгельма III къ пенсіонарію Гейнзіусу отъ 15-го апрѣля 1698 г.

Библиотека "Руниверс"

съ Левантомъ для другихъ народовъ“ [1]). Но что всего болѣе чувствительно — это опасеніе, что „если только Франціи удастся получить отъ Испаніи исключительную свободу торговли съ Левантомъ, то она не затруднится совершенно устранить отъ этой торговли обѣ морскія державы“ [2]).

Вслѣдствіе утвержденія французскаго вліянія въ Испаніи Англія опасалась лишиться и большей части выгодъ отъ торговли съ сѣвернымъ и западнымъ побережьемъ Африки и даже съ Ост-Индіей. Торговлю съ сѣвернымъ побережьемъ Африки Англія считала для себя потерянной уже вслѣдствіе неизбѣжнаго установленія полнаго господства Франціи на Средиземномъ морѣ; но и торговля съ западнымъ побережьемъ Африки должна была, по убѣжденію Англичанъ, сдѣлаться для нихъ невѣрною, ненадежною (precarious) вслѣдствіе пріобрѣтенія французскою компаніей привилегіи на доставленіе и сбытъ Негровъ въ Испанскую Америку, такъ какъ самую большую выгоду Англичане извлекали въ Африкѣ именно изъ торговли Неграми: французской Гвинейской компаніи не было надобности скупать Негровъ чрезъ посредство Англичанъ, а съ покупкой и перепродажей Испанцамъ невольниковъ, необходимыхъ для обработки плантацій, для Англичанъ были связаны многія другія выгоды въ торговлѣ съ Вест-Индіей. Теперь Гвинейская компанія могла, благодаря могуществу Франціи на морѣ, совершенно оттѣснить своею конкуренціей англійскія африканскія компаніи, снабжавшія невольниками какъ Ямайку, такъ и другія англійскія поселенія въ Вест-Индіи, гдѣ посредствомъ невольничьяго труда Англичане пріобрѣтали такую значительную, если не главную, часть своихъ богатствъ [3]).

Съ утвержденіемъ же господства Французовъ на берегахъ Африки, прилежащихъ къ Атлантическому океану (by rendring themselves masters of the coast on the Atlantic), должна была, наконецъ, по убѣжденію Англичанъ, сильно пострадать и ихъ торговля съ Ост-Индіей какъ вслѣдствіе того, что Французы имѣли возможность лишить англійскія суда всѣхъ наиболѣе удобныхъ для нихъ бухтъ и

---

[1]) State tracts, v. III, p. 150.

[2]) Ibidem, p. 151. Ср. также State tracts, v. III, p. 345.

[3]) State tracts, v. III, p. 52—53: „...they will prevent our african company's serving, Jamaica and our other plantations with slaves whose labour in the West-Indies is the principal part of our riches“.

Библиотека "Руниверс"

стояновъ на западномъ и даже на южномъ берегу Африки, такъ и посредствомъ учрежденія собственныхъ факторій въ Ост-Индіи и натравливаніемъ мадагаскарскихъ пиратовъ на коммерческія суда Англичанъ и, наконецъ, посредствомъ заключенія союзовъ съ великимъ Моголомъ и другими восточными государями противъ англійскихъ колоній въ Ост-Индіи; наконецъ, вслѣдствіе увеличенія своего господства на сосѣднихъ моряхъ Французы могутъ въ значительной степени мѣшать вывозу Англичанами продуктовъ Ост-Индіи въ различныя страны Европы, еслибы даже уже удалось имъ доставить благополучно свой грузъ къ себѣ домой [1]).

Такимъ образомъ изъ цѣлаго ряда англійскихъ политическихъ брошюръ, современныхъ возникновенію войны за Испанское наслѣдство, явствуетъ, что, по убѣжденію Англичанъ, утвержденіе Филиппа Анжуйскаго на испанскомъ престолѣ, а слѣдовательно, и французскаго вліянія въ Испаніи, грозило имъ утратою не только всѣхъ громадныхъ выгодъ, доставляемыхъ торговлею съ Испаніей и ея американскими колоніями, но и утратою почти всѣхъ выгодъ, извлекаемыхъ Англіей изъ торговли съ Левантомъ, съ сѣвернымъ и западнымъ побережьемъ Африки и даже съ Ост-Индіей; грозило, наконецъ, опасностью лишиться своихъ собственныхъ колоній въ Америкѣ. Конечно, многія изъ высказанныхъ въ упомянутыхъ брошюрахъ опасеній были въ значительной степени преувеличены страхомъ предъ возрастающимъ усиленіемъ соперничества Франціи, и нѣкоторыя изъ опасеній оказались совершенно напрасными; но тѣмъ не менѣе высказывавшіяся опасенія были искренни и производили сильную сенсацію въ массѣ англійскаго народа, а многія находили себѣ и полное подтвержденіе въ проявленіяхъ французской политики въ Испаніи, какъ показано это было выше. Какъ бы то ни было, для Англіи, какъ для страны, жизненный нервъ которой заключался, да и теперь заключается, въ возможно широкомъ развитіи ея мануфактурной промышленности, торговли и морскаго могущества, лишиться всего того, чего опасалась она лишиться вслѣдствіе перехода испанскаго наслѣдства къ принцу изъ дома Бурбоновъ, значило отказаться не только отъ всякой политической роли, но, такъ сказать, и отъ самаго существованія своего. Понятно послѣ этого, какъ важно было для Англіи сохранить всѣ тѣ льготы, которыми пользовалась она въ отношеніи торговли съ Испа-

[1]) State tracts, v. III, p. 53.

Библиотека "Руниверс"

ніей и ея колоніями, и какое значеніе съ этой точки зрѣнія имѣлъ въ глазахъ Англіи вопросъ о политической самостоятельности Испаніи и независимости послѣдней отъ Франціи, являвшейся самою опасною соперницей Англіи на рынкахъ какъ самой Испаніи, такъ и ея американскихъ владѣній.

Я. Гуревичъ.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская масляница и западно-европейскій карнавалъ. *Вс. Миллера.* Москва. 1884.

Новый трудъ профессора Вс. Миллера отличается обычными достоинствами его ученыхъ работъ: обиліемъ и разнообразіемъ матеріала, остроуміемъ въ обобщеніяхъ, послѣдовательностью и ясностью изложенія. Занимающее его на сей разъ явленіе—масляничныя празднества — скрывается началами своими въ глубокой древности, во многихъ пунктахъ соприкасается съ аналогичными явленіями у другихъ народовъ, преимущественно индо-европейскихъ, входитъ въ область частью миѳологіи, частью календарнаго счисленія, и въ нынѣшнемъ видѣ, какъ у насъ, такъ и на западѣ, представляетъ болѣе или менѣе значительные обломки далекой языческой старины. При такихъ условіяхъ наиболѣе цѣлесообразнымъ методомъ изслѣдованія является сравнительно-историческій, каковому и слѣдуетъ почтенный авторъ.

Руководящимъ воззрѣніемъ г. Миллера служитъ та мысль, что „великіе праздники сопровождали во времена язычества у всѣхъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ наступленіе новыхъ періодовъ въ теченіи года. Такими крупными астрономическими отдѣлами являются оба равноденствія и оба солнцестоянія, съ которыхъ велось дѣленіе года по его естественнымъ частямъ.... Человѣкъ приводилъ свою жизнь въ тѣсную связь съ годичною жизнью этого благодѣтельнѣйшаго, популярнѣйшаго божества, этого лучезарнаго богатыря: онъ скорбѣлъ за него, когда солнечный богъ изчезалъ во мракѣ и туманахъ, когда онъ терпѣлъ отъ демоновъ тучъ и тьмы; онъ радо-

Библиотека "Руниверс"

вался его побѣдѣ надъ врагами, когда онъ побѣдоносно выплывалъ по утру на горизонтъ или, въ годичномъ циклѣ, весною снималъ съ съ земли ледяныя оковы и всюду порождалъ новую растительность".

У многихъ народовъ авторъ наблюдаетъ то общее явленіе, что начало года совпадаетъ или съ зимнимъ солнцестояніемъ, или съ весеннимъ равноденствіемъ; у иныхъ начало года бывало двойное. Западно-европейскій карнавалъ и наша масляница суть остатки тѣхъ великихъ языческихъ праздниковъ, которые знаменовали переходъ отъ зимы къ веснѣ, отъ стараго года къ новому; карнавалъ унаслѣдовалъ многія черты отъ римскихъ празднествъ, упадавшихъ на тотъ же періодъ года, а русская масляница можетъ быть прослѣжена до соотвѣтствующихъ праздниковъ въ славянской языческой древности.

Въ древней Италіи началомъ года служило новолуніе весенняго равноденствія; это было время празднованія нарожденія солнечнаго бога Марса. Но впослѣдствіи мартовское начало смѣнилось январскимъ, 25-е декабря стало днемъ рожденія непобѣдимаго солнца (dies natalis solis invicti). Этимъ однако весеннія празднества не упразднялись; они соединялись съ зимними какъ бы въ одинъ циклъ праздничныхъ актовъ, въ которыхъ символизировалось торжество солнца надъ тьмою, весны надъ зимою. Очищеніе водою, зажиганіе огня на алтарѣ Весты, ряженье, процессіи и неистовое бѣганье по улицамъ, конскія скачки, чествованіе брачныхъ узъ съ шутками надъ холостыми мужчинами и надъ дѣвушками — таковы были составные элементы римскихъ весеннихъ праздниковъ, соотвѣтствующіе характеристическимъ чертамъ западно-европейскаго карнавала; авторъ поэтому готовъ разсматривать этотъ послѣдній, какъ наслѣдіе древняго Рима.

Дѣйствительно, въ старое время, даже еще въ XVIII в., карнавалъ на западѣ начинался также зимою, на канунѣ св. Мартина, и продолжался съ небольшими перерывами до Святой недѣли. Только вліяніе церкви и запретительныя мѣры духовенства ограничили время карнавала послѣднею недѣлей передъ великимъ постомъ. Однако и въ Россіи масляничныя празднества не совсѣмъ утратили первоначальную связь съ зимними праздниками, съ колядою; до недавняго времени въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи „колядою" назывались и масляничныя пѣсни. Въ послѣднемъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о вліяніи римскихъ празднествъ на отношеніе масляницы къ колядѣ. Вообще едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что если нѣкоторыя черты западно-европейскаго карнавала дѣйствительно не-

Библиотека "Руниверс"

решли туда изъ языческаго Рима, то навѣрное большинство подробностей карнавальныхъ увеселеній ведетъ свое происхожденіе отъ туземной языческой старины. Такія принадлежности карнавала и масляницы, какъ поминовеніе покойниковъ, наказаніе не обвѣнчавшихся, катанье, пѣсни, попойка, примѣрные бои и т. п., находятъ себѣ удовлетворительное объясненіе, помимо заимствованія, въ древнихъ вѣрованіяхъ развитыхъ народовъ, въ отношеніяхъ древняго человѣка въ окружающей природѣ вообще, а не солнцу только.

Намъ прежде всего кажется, что центральное, рѣшительно доминирующее положеніе солнца въ міросозерцаніи первобытнаго человѣка, изъ какого исходитъ авторъ, не совсѣмъ оправдывается, какъ фактами, такъ и теоретическими соображеніями. Вѣдь по ученію самихъ сторонниковъ такъ-называемой солярной теоріи миѳа, первобытный человѣкъ взираетъ на солнце не иначе, какъ на человѣческое или человѣкоподобное существо, представляетъ себѣ явленія солнца подъ видомъ своихъ собственныхъ физическихъ и психическихъ состояній; эти послѣднія наиболѣе близки человѣку и потому наиболѣе ему знакомы или кажутся таковыми. Такимъ образомъ міросозерцаніе первобытнаго человѣка строго антропоцентрическое; въ своемъ пониманіи окружающаго и въ своихъ отношеніяхъ къ нему онъ послѣдовательно переходитъ отъ ближайшаго къ отдаленному, пользуясь аналогіями ближайшихъ явленій для уясненія себѣ явленій далекихъ. Человѣкъ самъ, съ его мѣняющимся настроеніемъ, съ его повседневными, конкретными радостями и печалями, со всею его бытовою обстановкой, — вотъ, по нашему мнѣнію, настоящій центральный пунктъ и въ миѳологическихъ вѣрованіяхъ и образахъ разныхъ народовъ, и въ бытовыхъ подробностяхъ ихъ древнѣйшихъ праздниковъ.

Перемѣны временъ года несомнѣнно занимали весьма видное мѣсто, какъ въ міросозерцаніи, такъ и въ жизни первобытнаго человѣка, не потому главнымъ образомъ, что они регулировались солнцемъ, „лучезарнымъ богатыремъ“, что знаменовали его смерть или возрожденіе, но потому, что важнѣйшимъ періодамъ года соотвѣтствовали существенныя перемѣны во всей обстановкѣ человѣка, а слѣдовательно, и въ его физическомъ и психическомъ состояніи. Обычныя занятія человѣка, его усилія къ добыванію средствъ существованія, его пища и одежда, его отношенія къ себѣ подобнымъ, словомъ — все существованіе первобытнаго, некультурнаго человѣка находится въ реальной, тѣсной зависимости отъ степени

Библиотека "Руниверс"

тепла, холода, отъ количества собираемыхъ продуктовъ, отъ состоянія посѣвовъ, отъ жатвы и уборки плодовъ земныхъ и т. п. Человѣкъ радовался или огорчался не отъ того, что солнце-богатырь нараждается или умираетъ, но отъ того, на сколько успѣшны были его труды, обильны запасы необходимыхъ для жизни предметовъ, на сколько великъ досугъ, которымъ онъ могъ бы воспользоваться для отдыха, развлеченій и наслажденій и т. д. Въ древнихъ народныхъ праздникахъ мы скорѣе всего найдемъ отчасти символическое, отчасти прямое выраженіе того возбужденнаго психическаго состоянія, которое вызывается въ человѣкѣ въ главнѣйшіе моменты годичнаго цикла. Съ нашей точки врѣнія нѣтъ нужды для объясненія продолжительности масляничнаго или карнавальнаго періода предполагать заимствованіе отъ древняго Рима или ставить ее въ зависимость отъ перенесенія начала года съ весны на зиму. Зима и начало весны, это — время послѣ уборки плодовъ, время употребленія добытаго за лѣто и осень, а также время надеждъ на предстоящіе сборы: вотъ почему важнѣйшіе языческіе праздники приходятся обыкновенно на эту пору года.

Задача наша впрочемъ сдѣлать лишь нѣсколько замѣчаній объ интересномъ трудѣ г. Миллера, и потому мы будемъ ближе держаться фактовъ. Убѣдительнымъ подтвержденіемъ нашей мысли служатъ древне-греческія празднества, такъ-называемыя діонисіи, справлявшіяся въ зимніе и весенніе мѣсяцы, отъ половины зимы до начала весны включительно. Наша масляница и западно-европейскій карнавалъ имѣютъ слишкомъ много общаго съ древне-греческими діонисіями, чтобы позволительно было усомниться въ приблизительно общемъ источникѣ и назначеніи всѣхъ этихъ празднествъ, какъ древнихъ, такъ и теперешнихъ. По нашему мнѣнію, въ изслѣдованіи г. Миллера умолчаніе о греческихъ діонисіяхъ составляетъ существенный пробѣлъ.

„Діонисіи“ — празднества въ честь вина или божества вина и винограда. Первый изъ этихъ празднествъ, такъ-называемыя сельскія діонисіи, соотвѣтствовалъ уборкѣ винограда, первымъ приготовленіямъ вина. Слѣдующіе праздники того же цикла знаменовали собою дальнѣйшія фазы приготовленнаго возбуждающаго напитка. Празднества состояли въ ряженьи, въ бѣганьѣ по улицамъ или въ процессіяхъ, въ попойкѣ и пѣсняхъ, въ играхъ, въ поминовеніи покойниковъ, въ чествованіи фаллоса и т. п. Между тѣмъ хорошо извѣстно, что въ основѣ аттическихъ діонисій лежало главнымъ образомъ не пред-

Библиотека "Руниверс"

ставленіе о страждущемъ или веселящемся солнцѣ, но возбужденное душевное состояніе человѣка въ виду и подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ вина. Отношеніе Діониса къ особому солнечному божеству, Аполлону, лишь весьма далекое и въ празднествахъ Діонисовыхъ не участвовавшее; за то тѣсныя узы соединяли божество винограда съ богинями хлѣба и другихъ плодовъ земныхъ, съ Деметрой и Корой. Половыя наслажденія, поощряемыя на Діонисовыхъ праздникахъ — торжественное ношеніе фаллоса, символическое бракосочетаніе базилиссы съ Вакхомъ — были только однимъ изъ проявленій общаго возбужденнаго состоянія; другія проявленія его— пѣсни, попойка, бѣганье, игры и т. п. Къ тому же облегченіе браковъ и увеличеніе числа ихъ были въ числѣ послѣдствій окончанія работъ и уборки плодовъ. Такимъ образомъ, съ нашей точки зрѣнія исходнымъ пунктомъ въ объясненіи русской масляницы и западноевропейскаго карнавала должно служить не представленіе первобытнаго человѣка о лучезарномъ богатырѣ - солнцѣ, но его живое, непосредственное чувство существенныхъ перемѣнъ въ конкретной обстановкѣ, возбужденное настроеніе, легко переходящее въ экстазъ, изступленіе, неистовство.

При такомъ пониманіи предмета, характеристическія черты масляницы могутъ быть объяснены легче и, по нашему мнѣнію, удовлетворительнѣе. Для объясненія ряженія, масокъ, примѣрныхъ боевъ, поминанія покойниковъ нѣтъ нужды обращаться къ темнымъ силамъ природы, духамъ мрака и зимы и т. п., какъ дѣлаетъ это авторъ. Подобное предположеніе само нуждается въ оправданіи. Примѣрные бои или состязанія—не что иное, какъ остатки первоначальныхъ праздничныхъ игръ, которыя состояли и не могли не состоять прежде всего въ состязаніяхъ; на греческихъ діонисіяхъ состязались въ особой игрѣ на козьемъ мѣхѣ, въ пѣніи, бѣганьѣ, а самыя знаменитыя состязанія были сценическія. Состязаніями сопровождались впрочемъ не одни діонисіи; олимпійскія и другія великія народныя празднества развѣ не были вмѣстѣ съ тѣмъ и всенародными состязаніями? Неужели же у насъ есть основаніе заключать, что подлинный смыслъ этихъ и подобныхъ состязательныхъ игръ — борьба свѣта съ тьмою, тепла съ холодомъ, зимы съ весною? Что представленія объ этихъ послѣднихъ явленіяхъ могли входить и дѣйствительно входили въ занимающіе насъ праздники, отрицать это мы затрудняемся, въ особенности въ виду упоминаемой авторомъ

Библиотека "Руниверс"

игры нашей въ снѣжный городокъ. Но во всякомъ случаѣ не это представленіе есть основа масляничныхъ состязаній.

Ряженье и маски также не предполагаютъ неизбѣжно вѣры въ злыхъ духовъ; маскируются всѣ участники въ масляничномъ празднествѣ, замаскированные не подвергаются преслѣдованію или примѣрному насилію. Переодѣваніе и маски составляютъ непремѣнную принадлежность драматическихъ или сценическихъ представленій; употребленіе ихъ отвѣчаетъ потребности возможно живѣе изобразить или выразить собственныя душевныя коллизіи, а также различныя положенія и событія изъ жизни чествуемыхъ божествъ.

Наконецъ, такъ-называемая „колодка", которую въ Малороссіи и Бѣлоруссіи привязываютъ на масляницѣ холостымъ мужчинамъ и дѣвушкамъ, скорѣе всего фаллосъ, символъ производящей силы, который у древнихъ Грековъ носили во время діонисій, а не богиня— покровительница браковъ, какъ предполагаетъ г. Миллеръ. Колодка обвязывается или привязывается къ ногѣ красными, яркими ленточками, и у насъ нѣтъ рѣшительно никакимъ данныхъ, оправдывающихъ предположеніе г. Миллера. Напротивъ того, древніе способы почитанія славянскаго Ярила, особенно въ Малороссіи, подтверждаютъ наше объясненіе „колодки". Здѣсь Ярило изображался въ видѣ соломеннаго чучела съ большимъ фаллосомъ. Поминаніе умершихъ родныхъ во время нашей масляницы, представляется съ нашей точки зрѣнія весьма естественнымъ: древній человѣкъ не могъ не вспоминать своихъ предковъ въ моменты наибольшаго веселья; тѣни предковъ получали свою долю въ общемъ праздникѣ живыхъ потомковъ; забытыя, тѣни умершихъ легко могли бы и повредить не помнящему родства потомку, нарушить его веселье. Такимъ образомъ и здѣсь нѣтъ надобности прибѣгать къ уподобленію душъ предковъ враждебнымъ силамъ мрака.

Слѣдовательно, разногласіе наше съ г. Миллеромъ въ объясненіи масляницы и карнавала сводится къ сокращенію роли солнца въ томъ настроеніи древняго человѣка, которое вызвало первоначально на свѣтъ упомянутыя празднества, въ низведеніи наиболѣе характеристическихъ особенностей этихъ праздниковъ къ возбужденному состоянію первобытнаго человѣка, какъ къ ихъ главному источнику. Наконецъ, авторъ пытается объяснить занимающее его явленіе главнымъ образомъ сопоставленіемъ его съ древними римскими праздниками въ честь солнечнаго божества; для той же цѣли мы

Библиотека "Руниверс"

считаемъ необходимымъ привлеченіе и праздниковъ древне-греческихъ въ честь божества вина, какъ возбуждающаго и опьяняющаго напитка.

Ф. Т.

Климаты земнаго шара, въ особенности Россіи. Съ приложеніемъ 14 графическихъ таблицъ и 10 картъ. *А. И. Воейкова*, доктора физической географіи Императорскаго Московскаго университета. С.-Петербургъ. 1884.

Книга г. Воейкова представляетъ замѣчательное и отрадное явленіе въ русской ученой литературѣ. Такого обширнаго и всестороннаго изложенія, какъ общей, такъ и частной климатологіи не существуетъ даже въ заграничной литературѣ. Авторъ тщательно и съ большимъ знаніемъ дѣла собралъ накопившійся въ послѣднее время богатый матеріалъ, присоединивъ къ нему результаты многочисленныхъ самостоятельныхъ изслѣдованій, которыя почти всѣ были посвящены климатологіи; вслѣдствіе того книга г. Воейкова далеко не имѣетъ характера простой компиляціи: во всѣхъ ея частяхъ встрѣчаются собственные взгляды и результаты собственныхъ работъ автора.

Книга раздѣлена на 44 главы, изъ которыхъ первыя 23 посвящены общимъ вопросамъ климатологіи, а остальныя заключаютъ въ себѣ спеціальную климатологію всѣхъ частей поверхности земнаго шара; изъ нихъ девять главъ посвящены Россіи.

Въ первой главѣ авторъ сравниваетъ теоретическіе климаты съ дѣйствительно существующими; изъ нихъ первые должны были бы проявиться, еслибы не существовало видоизмѣняющаго дѣйствія атмосферы и громаднаго числа болѣе или менѣе мѣстныхъ условій. Во второй главѣ подробно разбирается вопросъ объ измѣненіяхъ температуры, происходящихъ въ сухомъ или влажномъ воздухѣ, находящемся въ движеніи по вертикальному направленію вверхъ или внизъ. Слѣдующія главы отъ 3-й до 24-й посвящены общей метеорологіи: подробно разсмотрѣны вопросы о температурѣ, о барометрическомъ давленіи и о влажности. Нѣтъ возможности, хотя бы приблизительно, характеризовать, до какой степени многосторонне авторъ трактуетъ объ этихъ основныхъ въ метеорологіи величинахъ. Одному вопросу о влажности, напримѣръ, посвящено семь главъ: влажность воздуха, испареніе, облачность, водные осадки, рѣки и озера въ зависимости отъ испа-

Библиотека "Руниверс"

ренія, вліяніе снѣговой поверхности на климатъ, климатическія условія постояннаго снѣга и ледниковъ. Не упущены и такія спеціальныя статьи, каковы „о вліяніи климата на растительность", „о вліяніи растительности, особенно лѣсовъ, на климатъ", „не періодическія измѣненія температуры и влажности" и т. д.

Изъ послѣднихъ двадцати-одной главы двѣ посвящены климатамъ океановъ; затѣмъ климаты Азіи, Африки, Америки, и Австраліи разсмотрѣны въ восьми главахъ и т. д. Девять главъ посвящены спеціально Россіи; въ нихъ разсмотрѣны: давленіе воздуха въ Европейской Россіи и Сибири, направленіе и сила вѣтра, температура воздуха, облачность и осадки въ Европейской Россіи и западной Сибири; рѣки и озера Россіи; Кавказъ и сосѣднія страны; восточная Сибирь и, наконецъ, (глава 41-я) сравненіе Россіи съ другими странами среднихъ широтъ.

Книга г. Воейкова надолго останется богатымъ источникомъ, изъ котораго будутъ черпать русскіе ученые, занимающіеся климатологіей.

Къ сожалѣнію, прекрасныя качества труда г. Воейкова сильно уменьшаются для читателя нѣкоторыми, хотя и чисто внѣшними, однако существенными обстоятельствами [1]). Важнѣйшій изъ этихъ недостатковъ есть путаница въ нумерахъ графическихъ таблицъ; ихъ всего 14, но читателю почти нѣтъ никакой возможности ими пользоваться, хотя безъ нихъ въ весьма многихъ мѣстахъ нельзя понять текста. Они вклеены въ книгу, хотя и послѣдовательно отъ № 1 до 14, но въ мѣстахъ, къ которымъ вовсе не относятся; напримѣръ, таблицы 3-я и 4-я—о суточномъ ходѣ температуры и барометра, помѣщены при стр. 112 въ главѣ „о рѣкахъ и озерахъ въ зависимости отъ климата" и т. д. Въ концѣ книги, стр. 627—629, помѣщено описаніе таблицъ, но вопервыхъ, не обозначены страницы, гдѣ помѣщены эти таблицы, и вовторыхъ, нумера въ описаніи совершенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ нумерамъ, выставленнымъ на таблицахъ и опредѣляющимъ порядокъ, въ которомъ онѣ слѣдуютъ въ книгѣ другъ за другомъ. Таблицы, которыя въ описаніи обозначены нумерами 1, 2, 3, и т. д. до 14, въ дѣйствительности обозначены нумерами 1, 2, 12,

---

[1]) При первыхъ, появившихся въ свѣтъ, экземплярахъ книги г. Воейкова не было оглавленія, которое не могъ бы замѣнить и находящійся при книгѣ алфавитный указатель. Теперь этотъ недостатокъ устраненъ, и книга снабжена оглавленіемъ.

Библиотека "Руниверс"

13, 3, 4, 5, 6, 8, 7, 10, 11, 14. Въ текстѣ, въ большинствѣ случаевъ, при указаніи на графическія таблицы, нумера ихъ вовсе не обозначены. Весьма часто авторъ даже какъ-то глухо говоритъ, что изъ таблицы видно то-то или то-то, оставляя читателя въ невѣдѣніи о томъ, помѣщена ли упоминаемая таблица въ книгѣ. Какъ найдти таблицу, на которую ссылается авторъ, не обозначая ея нумера и страницы, когда въ концѣ книги, въ спискѣ таблицъ только 2 первые и послѣдній изъ 14 нумеровъ обозначены вѣрно, а страницы все-таки не даны? Приходится, при всякой ссылкѣ, буквально перелистовывать всю книгу. Странно, что даже въ концѣ книги, въ спискѣ опечатокъ, этотъ недостатокъ не только не исправленъ, но еще увеличенъ: на стр. 5, 14 напечатано: „на графическихъ таблицахъ 13 и 14...“, исправлено: „3 и 4“, а должно быть: „12 и 13“ (см. таблицы на стр. 272 и 280). Путаница еще усугубляется тѣмъ, что въ концѣ книги помѣщены не графическія, а простыя числовыя таблицы, на которыя, конечно, тоже есть ссылки въ текстѣ, напримѣръ, на стр. 498.

Книга редактирована весьма хорошо, исключая первыхъ трехъ главъ и въ особенности первыхъ страницъ, въ которыхъ встрѣчается большое число неудачныхъ или неясныхъ фразъ и опечатокъ. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ: На стр. 1 читаемъ, что „количество солнечнаго тепла, достигающее въ данное время земной атмосферы, зависитъ отъ..... синуса угла паденія солнечныхъ лучей на землю и продолжительности дня“. Очень трудно сообразить, что авторъ хотѣлъ тутъ сказать. Въ таблицѣ на стр. 2 очень трудно разобраться: оказывается, что она состоитъ изъ двухъ другъ отъ друга независимыхъ таблицъ, напрасно соединенныхъ (въ первой строкѣ) рядомъ точекъ. На этой же страницѣ читаемъ „въ отношеніи“ вмѣсто „въ зависимости“ и „нельзя брать цифръ за отдѣльные дни“ вмѣсто „чиселъ“. Первыя главы, какъ сказано, содержатъ не мало такихъ промаховъ. Такъ, напримѣръ: На стр. 12 въ первой формулѣ пропущенъ множитель d. На стр. 16 сказано, что зимою сѣверная часть Сахары холоднѣе сосѣднихъ морей и прибавлено „см. карту изотерм. января“. Эту карту мы нашли на стр. 352, но не нашли на ней указаннаго обстоятельства. На стр. 27 читаемъ непоправимую фразу: „Уже у 10° оно (отклоненіе) болѣе чѣмъ при коеффиціентѣ тренія вшестеро болѣе у полюса“. Тамъ же два раза G вмѣсто g. На стр. 37 сказано о водяномъ парѣ: „Какъ всѣ газы, его упругость выростаетъ съ температурой....“. Но, начиная съ главы 5-й всѣ подобныя

Библиотека "Руниверс"

шероховатости изчезаютъ, и опечатокъ оказывается весьма не много. Еще можемъ указать на то, что на таблицѣ XIV (стр. 544), чертежъ 1-й не соотвѣтствуетъ объясненію, напечатанному подъ нимъ: значеніе линіи, состоящей изъ мелкихъ зигзаговъ, не опредѣлено, а значеніе линіи —.—.— опредѣлено, вѣроятно, не вѣрно.

Ѳ. Х.

Митрополитъ Московскій Платонъ Левшинъ, какъ проповѣдникъ. *А. Надежина.* Казань. 1883.

Книжка эта имѣетъ какой-то смѣшанный, неопредѣленный характеръ: съ одной стороны, она написана для соисканія ученой богословской степени и поэтому должна бы имѣть ученый характеръ; но съ другой стороны, самъ авторъ, отрекаясь отъ строго ученой постановки своего труда, считаетъ его не безполезнымъ по крайней мѣрѣ въ отношеніи практическаго руководства для нашихъ пастырей. Вотъ подлинныя (далеко не краснорѣчивыя) слова автора: „Сознаемъ", говоритъ онъ,—„мы сказали далеко не все, что слѣдовало бы сказать о митрополитѣ Платонѣ, какъ проповѣдникѣ; но кажется, довольно и сказаннаго, чтобъ имѣть хоть нѣкоторое представленіе объ этомъ знаменитомъ, но почти забытомъ въ духовной литературѣ проповѣдникѣ. Болѣе тщательное изслѣдованіе его проповѣднической дѣятельности укрѣпило бы насъ лишь въ той мысли, что онъ—проповѣдникъ по призванію и представляетъ въ себѣ идеалъ православнаго проповѣдника. Правда, мы нашли бы и нѣкоторые недостатки въ его проповѣдническомъ характерѣ, которыхъ не указываемъ здѣсь въ виду того, кажется, общеизвѣстнаго положенія, что и солнце не безъ пятенъ. Своею задачею мы ставили лишь—уяснить то представленіе знаменитаго проповѣдника, которое связывается съ именемъ Платона. Льстимъ себя однако мыслію, что настоящее изслѣдованіе будетъ не безполезно, если не въ научномъ (историческомъ), то по крайней мѣрѣ въ отношеніи чисто практическаго руководства для нашихъ пастырей" (стр. 206). Въ виду этого, книжка г. Надежина можетъ быть разсматриваема и въ научномъ отношеніи, и какъ пособіе для православныхъ проповѣдниковъ.

Въ научномъ отношеніи прежде всего требуется отъ сочиненія полнота и всесторонность изслѣдованія избраннаго предмета. Въ

Библиотека "Руниверс"

этомъ отношеніи общій планъ сочиненія довольно удовлетворителенъ. Сначала предложена біографія митрополита Платона. За нею слѣдуетъ важнѣйшая, центральная часть сочиненія, въ которой заключаются обзоръ и характеристика догматико-полемическихъ и нравоучительныхъ проповѣдей Платона, въ связи съ характеристикой современнаго ему русскаго общества. Въ жизни этого послѣдняго авторъ замѣчаетъ двѣ главныя группы фактовъ, „изъ которыхъ первая, обнаруживаетъ слѣпое пристрастіе ко всему новому, что̀ являлось съ запада, вторая — такую же слѣпую привычку къ русской старинѣ, соединенную съ ненавистью ко всему новому, иноземному". Къ первой принадлежатъ французское вольнодумство и франкъ-масонство, ко второй—главнымъ образомъ русское старообрядчество. Митрополитъ Платонъ одинаково возставалъ и противъ крайностей новизны, и противъ крайностей приверженности къ старинѣ, такъ какъ религіозно-нравственная жизнь на той и другой сторонѣ заключала въ себѣ важные недостатки. Соотвѣтственно тому въ догматико-полемическихъ и нравоучительныхъ проповѣдяхъ митрополита Платона авторъ указываетъ на обличенія, направленныя противъ французскаго вольномыслія, франкъ-масонства и слѣпой приверженности къ русской старинѣ. Въ концѣ книги авторъ говоритъ объ источникахъ или образцахъ, которыми Платонъ пользовался въ своей проповѣднической дѣятельности, о внѣшней сторонѣ и языкѣ его проповѣдей, его дикціи, и наконецъ, передаетъ взглядъ Платона на дѣло пропозѣдническаго служенія.

Не смотря однако на полноту плана сочиненія частности его не всегда отдѣланы надлежащимъ образомъ. Это зависѣло главнымъ образомъ отъ того, что авторъ имѣлъ въ виду преимущественно капитальные, общеизвѣстные источники для своего сочиненія и не постарался собрать всѣ частныя, разсѣянныя по разнымъ изданіямъ извѣстія и замѣтки о жизни и проповѣднической дѣятельности Платона, которыя могли бы пролить иной, болѣе яркій свѣтъ на предметъ изслѣдованія. Такъ напримѣръ, авторъ сочиненія для біографіи митрополита Платона почти исключительно пользовался его записками о своей жизни и сочиненіемъ И. М. Снегирева „Жизнь митрополита Платона" (М. 1856), но въ сочиненіи нигдѣ не видно, чтобъ авторъ принималъ къ свѣдѣнію письма Платона, изданныя въ Православномъ Обозрѣніи за 1869 и 1870 годы. Совершенно опущено изъ виду характеристическое изданіе протоіерея Кондорскаго

Библиотека "Руниверс"

„Духъ митрополита Платона", 1802 и 1804 гг. Да и тѣми матеріалами, которые были подъ рукой у г. Надежина, онъ пользовался своеобразно, опуская изъ нихъ то, что̀ могло бы набросить неблагопріятную тѣнь на Платона. Вслѣдствіе того біографія знаменитаго митрополита носитъ у г. Надежина довольно безцвѣтный панегирическій характеръ. Не говоримъ уже объ отсутствіи психическаго анализа личности Платона и указанія индивидуальныхъ чертъ его характера: мѣстами въ сочиненіи недостаетъ даже надлежащей обрисовки служебнаго и общественнаго положенія митрополита. Такъ напримѣръ, не выяснены обстоятельно причины охлажденія императрицы Екатерины II къ нему, приблизительно съ 1781 года. Слишкомъ стушеваны также отношенія къ нему императора Павла Петровича. Объ этихъ отношеніяхъ авторъ говоритъ слѣдующее: „Въ 1796 году скончалась Екатерина II. Платонъ не могъ участвовать при погребеніи облагодѣтельствовавшей его императрицы. Но въ слѣдующемъ 1797 году, къ 10-му марта, когда было назначено коронованіе наслѣдовавшаго престолъ Екатерины Павла Петровича, Платонъ, хотя съ большимъ трудомъ, прибылъ изъ лавры въ Москву; здѣсь онъ встрѣтилъ государя рѣчью, въ которой засвидѣтельствовалъ добрыя душевныя качества новаго императора. Въ день самаго коронованія Платонъ также говорилъ слово, въ которомъ доказывалъ, что тихое и безмолвное житіе возможно только при благочестіи и чистотѣ. Скоро, однако, онъ опять отправился въ лавру, куда къ 23-му апрѣля прибылъ и государь. Свою привязанность къ Платону Павелъ Петровичъ сохранилъ во всю свою жизнь и доказалъ это самымъ дѣломъ, снабдивъ Платона средствами къ устройству Виѳанской семинаріи и больницы при семинаріи Троицкой. Послѣ своего коронованія онъ пожаловалъ Платона орденомъ Андрея Первозваннаго—награда новая и рѣдкая для духовныхъ лицъ того времени. Умирая, Павелъ Петровичъ завѣщалъ Платону въ своей духовной пастырскую трость, осыпанную бриліантами и изумрудами, и позолоченную карету, въ которой онъ обыкновенно ѣздилъ самъ" (стр. 49—50). Эти слова даютъ понять, что отношенія императора Павла Петровича къ митрополиту Платону всегда были наилучшія. А между тѣмъ изъ другихъ источниковъ положительно извѣстно, что эти отношенія принимали иногда довольно острый характеръ. Когда митрополитъ Платонъ, по призыву Павла I, „не только неотмѣнно милостивому, но и дружественному", не поспѣшилъ пріѣхать къ нему въ Петербургъ, то императоръ писалъ ему слѣдующее: „Я ожидалъ, что вы исполните мою волю: но когда усматриваю против-

Библиотека "Руниверс"

ность тому, то убѣждаюсь стать противъ васъ на другой ногѣ, приличной достоинству государя вашего". Именнымъ указомъ императора Павла I митрополитъ устраненъ былъ отъ царской коронаціи и присутствовалъ на ней только въ качествѣ члена св. синода. Примиреніе послѣдовало только во время коронаціи. Авторомъ не выяснено также надлежащимъ образомъ отношеніе митрополита Платона къ масонству и лучшимъ представителямъ его въ Россіи, напримѣръ, Новикову, котораго онъ счелъ долгомъ защищать передъ правительствомъ. При открытіи Дружескаго общества нѣкоторые изъ масоновъ представлялись Платону для полученія отъ него благословенія. Такое благосклонное отношеніе Платона къ масонству могло бы, съ одной стороны, содѣйствовать объясненію охлажденія къ нему императрицы Екатерины II, съ другой—объяснить, почему у него меньше всего находится обличеній, направленныхъ противъ масонства.

Обзоръ проповѣднической дѣятельности митрополита Платона не безъ такта сдѣланъ авторомъ въ сжатомъ видѣ: характеризуя ту или другую сторону ея, г. Надежинъ выбиралъ для этого лишь наиболѣе типическія проповѣди и мѣста изъ нихъ, такъ какъ подробный анализъ этого знаменитаго въ свое время, но теперь устарѣлаго и почти забытаго проповѣдника былъ бы излишнимъ, не нужнымъ балластомъ въ разсматриваемомъ сочиненіи. Выбираемыя мѣста авторъ иллюстрируетъ свидѣтельствами о религіозно-нравственномъ состояніи тогдашняго общества. Жаль только, что г. Надежинъ, вопервыхъ, нисколько не коснулся существующаго мнѣнія о томъ, будто бы Платонъ нѣкоторыя проповѣди заимствовалъ у французскаго проповѣдника Фенелона, (Geschichte der Homiletik, Ленца, 1839); вовторыхъ, не указалъ Платону мѣста среди другихъ тогдашнихъ проповѣдниковъ русскихъ и не сдѣлалъ ему оцѣнки сравнительно съ Анастасіемъ Братановскимъ, которому Гречъ, Галаховъ и др. отдаютъ даже предпочтеніе предъ Платономъ въ отношеніи внѣшняго изложенія и изящества внѣшней отдѣлки.

Для довершенія характеристики Платонова проповѣдничества г. Надежинъ въ заключеніе говоритъ о внѣшней сторонѣ этой проповѣди и здѣсь между прочимъ замѣчаетъ, что „впечатлѣніе, которое выносится изъ чтенія словъ Платона, во всякомъ разѣ, далеко не то по силѣ и дѣйствію, какое производили слова проповѣдника на слушателей непосредственно. Если при чтеніи обращаютъ на себя наше вниманіе только нѣкоторыя мѣста изъ его словъ, то

Библиотека "Руниверс"

при произношеніи всѣ слова его, по отзыву современниковъ, были одинаковы въ этомъ отношеніи" (стр. 198). Выразительность въ произношеніи была одною изъ существенныхъ силъ, благодаря которой слова его такъ дѣйствовали на слушателей (стр. 199). Отсюда мы заключаемъ, что проповѣди Платона сами по себѣ, независимо отъ его дикціи и внѣшнихъ пріемовъ, едва ли стяжали бы проповѣднику такую славу, какою онъ пользовался у своихъ современниковъ, и потому не удивительно, что онѣ скоро забыты были послѣ смерти его. Спрашивается: какое же практическое значеніе онѣ могутъ имѣть въ настоящее время? За разрѣшеніемъ этого вопроса мы переходимъ ко второй задачѣ изслѣдованія г. Надежина.

Мы выше приводили слова автора, гдѣ онъ высказываетъ надежду что его изслѣдованіе будетъ не безполезно, по крайней мѣрѣ какъ практическое руководство для нашихъ пастырей. Вслѣдъ затѣмъ авторъ высказываетъ и основанія для своей надежды: „Вся жизнь Платона—мы видѣли—протекла среди борьбы съ современными ему отрицательными сторонами русской жизни; какъ ни опасна и ни трудна была борьба эта,—все же онъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ: проповѣдь Платона, по собственному его сознанію, была успѣшна. Являясь ревностнымъ проповѣдникомъ слова Божія, онъ побуждалъ къ тому же и другихъ. Въ словахъ его, сказанныхъ въ присутствіи лицъ духовнаго чина, разсѣяно не мало просьбъ и увѣщаній, а вмѣстѣ и наставленій, касающихся проповѣдническаго служенія духовныхъ пастырей. Наставленія эти, думаемъ, не потеряютъ никогда своей силы". Слѣдовательно, по мысли автора, изслѣдованіе его о митрополитѣ Платонѣ не безполезно въ практическомъ смыслѣ для нашихъ пастырей какъ потому, что Платонъ представляетъ образецъ знаменитаго проповѣдника, такъ и потому, что онъ оставилъ послѣ себя не мало наставленій, касающихся проповѣдническаго служенія духовныхъ пастырей. Но личный примѣръ Платонова проповѣдничества, при устарѣлости его проповѣдей, можетъ имѣть развѣ только самое общее и отдаленное значеніе для нынѣшнихъ духовныхъ лицъ. Что же касается наставленій Платона относительно проповѣдничества, то они, независимо отъ содержанія и внутренняго своего достоинства, занимаютъ очень незначительное и скромное мѣсто въ общей массѣ проповѣдническихъ трудовъ Платона, и потому ихъ практическое значеніе не можетъ быть распространяемо на всѣ его проповѣди. Вообще намъ кажется, что авторъ напрасно старался придать своему изслѣ-

Библиотека "Руниверс"

дованію практическій характеръ, мало къ нему идущій, и двойственностію задачи безъ нужды нарушилъ цѣлостность характера своего сочиненія, которое не лишено ученыхъ достоинствъ.

Н. Петровъ.

Любопытный памятникъ русской письменности XV вѣка. Сообщеніе члена-корреспондента Императорскаго Общества любителей древней письменности *А. Архангельскаго*. С.-Пб. 1884. (Памятники древней письменности).

Памятникъ, который изданъ г. Архангельскимъ по двумъ рукописямъ XV и XVI вв., носитъ названіе молитвы Кирилла Философа, учителя Словеномъ и Болгаромъ; по другимъ спискамъ это сочиненіе приписывается Іоанну Златоусту. И то, и другое приписаніе совершенно невозможно — прежде всего потому, что оба эти святые призываются въ самой этой молитвѣ. Г. Архангельскій дѣлаетъ предположеніе, что изданный имъ памятникъ относится къ XV столѣтію, при чемъ указываетъ на слова: „нѣсть бо грѣшника во всей семи тысящих лѣтъ ни в живых, ни в мертвых якоже азъ окаянный". Но слова эти, въ силу давно сложившагося понятія, равносильны выраженію: „за все время существованія міра". Врядъ ли, затѣмъ, въ XV столѣтіи могли призываться, на ряду со св. Борисомъ и Глѣбомъ, Кириллом и Меѳодіемъ, Вячеславомъ, св. Войтехъ, Магнусъ, Канутъ, Альбанъ, Олафъ, и Батульфъ. Всего же болѣе свидѣтельствуютъ противъ предположенія г. Архангельскаго извѣстные мнѣ пергаменные листки, относящіеся по крайней мѣрѣ къ XIII—XIV вв. и представляющіе отрывокъ именно изъ этой молитвы. Вотъ что въ нихъ читается:

[Въ часъ раз]злученыя моего и сп̃с ма и̇ приими г̃и дшю мою с миромь. и причти ма ко избраньному стаду ѡвець твоихъ. и оупаси ма на мѣстѣ хладнѣ и покоинѣ. идѣже б҃ вси праведнии почивають оу аврама оу исака и оу ꙗкова. наи̇де бо н̃ѣ печали ни болѣзни ни воздыханыя. но жизнь вѣчнаѧ. но ты м̃тивы г̃и помилуи ма и сп̃с ма. иже бо ти согрѣшихъ дш̃ю и тѣломь или словомь или дѣломь или помышленьемь или вѣдаѧ или невѣдаѧ или волею или и неволею. прости ма г̃и грѣшнаго и недостоинаго раба твоего і̇м̃рь, и ты гж̃е пр̃таѧ выдчце бц̃е всемѣтваѧ м̃ти гн̃а. иже бо непрестаньно молишиса за весь миръ крт҃ьяньскии помолиса гж̃е о мнѣ грѣшнемь и недостоинѣмь рабѣ твоемь і̇м̃рь с михаиломь и с гавриломь со оуриломь и с рафаиломь и со всѣми анг̃лы

Библиотека "Руниверс"

и архѝглы. с хѣровимы и с сѣрафимы со свѣми нб҃ными силами, со иѡаномь крт҃ителемъ и со а҃пли. с четырьми кѡуанг҃листы и с пр҃рки и с мч҃ники и с пр҃пдбнымы ѡц҃и и с патриархи и с безмездники. и со семью ѡтрокъ и со треми исповѣдники. и со младенци и со оуродивыми х҃а ради и с муроносицами женами со всѣми ст҃ми. ставши оу престола гн҃а. пр҃чтѣи руцѣ воздѣвши к милостивому бу помолиса гѫе и ѡ мнѣ грѣшнѣмь и недостоинѣмь рабѣ твоемь имр҃ь. ѡ пр҃таꙗ гѫе вл҃чце бц҃е всемл҃тиваꙗ оумоли ба҃ за ма грѣшнаго. вса нбнꙑа силы ст҃ии аг҃ли и архѝглы молите ба҃ за ма грѣшнаго.

.....сты иване пр҃рче пр҃тче крт҃ль гнь молите ба҃ за ма грѣшнаго стии а҃пли петре. павле. андрѣю. иѡане бослове. ꙗкове. марко. матѳѣю. лука. филипе. фома. валфромѣю. ꙗковъ алфѣквъ. июда ꙗковль. вси ст҃и и а҃пли. исполници ст҃го дх҃а. молите ба҃ за ма грѣшнаго. ст҃ыи ликъ папежю: климанте. силивестре. лве папа. стефане. гешр҃ье. зиновье. власье. вонтеше. вси ст҃ии сщ҃номч҃ници молите ба҃. ст҃ыи великии. николае. василье. иѡане златоусте. иѡне бо҃слове. стефане. гешргие митулиньскии. григорие чюдотворче. аньфилофие. алферье. капитоне. мартꙑне. полукте. вси ст҃ии оуч҃ли и ст҃ли. молите ба҃ за ма грѣшнаго. ст҃ыи первомчниче х҃ве стефане. гешргие. федоре. дмитрее. и ст҃ы м҃. пантелѣимоне. фроле и лавре. прокопье. меркурье. андрѣю. коустратье. никито. мино. х҃фре. вите. вячеславе. мануиле. савеле. вендикте. ꙁмаиле. алове. бутулве. созоне. романе. анфиме. максиме. борисѣ и глѣбе. панкратье. вси ст҃ии мч҃ници молите ба҃ за ма грѣшнаго. ст҃ы иакиме. захарье. семеѡне боприимце. павле фивѣе. антоньe. макарье. кѳрѣме. сави. ларионе. еоуфимье. пахомье. арсенье. семеѡне столпниче. андрѣю оуродивыи х҃а ради. семеѡне оуродивыи х҃а ради. акакье. ксенефонте. кириле. мефедье. вендикте. вси ст҃ии бг҃и пр҃пбнии ѡц҃и. молите ба҃ за ма грѣшнаго. ст҃ыи пр҃рче илье. исаие. кремѣю. даниле. иѡане. моисѣю. ароне. малахие. содомоне. иѡана. авраме. исае. ꙗкове. енохъ. ꙁекие гедеѡне. амоне. амбакуме. дв҃де. гешргье. ѡч҃е великии. вси ст҃ии прроци постници пустꙑньници и молите ба҃ за ма грѣшнаго. ликъ стꙑхъ жонъ. анно. елисафь. мр҃ь...

Мелкія разночтенія этого списка мы не отмѣчаемъ. Замѣтимъ только, что имена Магнуса, Канута и Альбана у насъ отсутствуютъ. Это доказываетъ, что рукописи, бывшія у г. Архангельскаго, и моя суть только списки съ древнѣйшаго оригинала. Если сопоставить хронологически имена святыхъ, то получимъ: св. Войтѣхъ-Адальбертъ + 997, св. Олафъ-Олай Норвежскій + 1000, св. Борисъ и

Библиотека "Руниверс"

Глѣбъ+1016, св. Магнусъ король+1047, св. Альбанъ+1072, св. Канутъ+1086. Отсюда можно заключить, что молитва составилась, вѣроятно, въ XI—XII вв., когда еще не было рѣзкаго религіознаго разлада между Востокомъ и Западомъ. Въ молитвѣ мы находимъ руссизмы (олена, оже и др.) и прошенія такого рода: „помяни сего благовѣрнаго князя нашего имрк и братію его и всю область ихъ и отца и матерь". Эти два признака какъ бы указываютъ на мѣсто происхожденія этой молитвы въ Россіи, но кто можетъ поручиться, что это не позднѣйшая вставка? Кромѣ общехристіанскихъ прошеній о врагахъ, мы находимъ въ этой общеславянской молитвѣ съ именами Кирилла и Меѳодія, Бориса и Глѣба, Войтѣха и Вячеслава Чешскаго, еще слѣдующія прошенія: „обрати, Господи, поганыя въ крестьянство. да и тѣ будуть наша братія!" и (помяни, Господи, сущихъ) „въ горцѣ работѣ у зла госуларя". Эти два прошенія прекрасно гармонируютъ съ общимъ духомъ этого любопытнаго, но загадочнаго памятника.

И. Шляпкинъ.

Отвѣтъ Н. И. Веселовскому.

По поводу его критической статьи о «Монгольской лѣтописи Эрдэніинъ эрихэ», въ подлинномъ текстѣ, съ переводомъ и поясненіями, заключающими въ себѣ матеріалы для исторіи Халхи съ 1636 по 1736 годъ».

Въ іюньской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Просв. за текущій годъ Н. И. Веселовскій напечаталъ критическую статью по поводу перваго тома изданія монгольской лѣтописи „Эрдэніинъ эрихэ", въ подлинномъ текстѣ, съ переводомъ и поясненіями, заключающими въ себѣ матеріалы для исторіи Халхи.

Приступая къ разбору моей книги, г. Веселовскій прежде всего дѣлаетъ тотъ выводъ, что мои литературныя находки въ Монголіи вообще „не принадлежатъ къ числу особенно крупныхъ", и что вывезенныя мною монгольскія лѣтописи суть „памятники весьма малозначительные". Но какимъ образомъ могъ онъ убѣдиться въ этомъ безъ знанія языка памятниковъ, а слѣдовательно, безъ возможности изслѣдовать предметъ своего разсмотрѣнія и составить его дѣйствительную оцѣнку? Другаго средства у г. Веселовскаго, конечно, не было и не могло быть, какъ только воспользоваться моими же трудами. Года два тому назадъ, въ одномъ изъ засѣданій Филологиче-

Библиотека "Руниверс"

скаго общества я дѣлалъ сообщеніе „о монгольской исторической литературѣ по памятникамъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ университетѣ". Основною задачей этого сообщенія было показать, какъ скороспѣло составляются у насъ всякаго рода заключенія по части востоковѣдѣнія, и какъ односторонни и ошибочны являются чрезъ это наши свѣдѣнія по востоку. Въ самомъ дѣлѣ, до сего времени мы имѣли у себя только двѣ монгольскія лѣтописи: Алтанъ-тобчи и Сананъ-Сэцэна, и на основаніи этихъ двухъ памятниковъ П. С. Савельевъ говорилъ, что вообще монгольскія лѣтописи почти не имѣютъ за собою никакого историческаго значенія, что содержаніе ихъ сказочное, что вмѣсто описанія дѣйствительныхъ событій онѣ занимаются пересказомъ буддійскихъ легендъ о превращеніяхъ героевъ и проч., словомъ, что онѣ безсодержательны исторически, и направленіе ихъ ультра-буддійское [1]). Но была ли возможность по двумъ памятникамъ дѣлать заключенія обо всѣхъ? Конечно, нѣтъ; ошибка произошла при этомъ весьма естественно, и я заявилъ о ней, сообщая, что большая часть пріобрѣтенныхъ мною историческихъ сочиненій Монголовъ вовсе не подходитъ подъ эту характеристику, что вывезенныя мною лѣтописи не только не имѣютъ никакого сходства съ сборниками легендарныхъ буддійскихъ вымысловъ, а напротивъ, содержаніемъ ихъ является сухой перечень событій, подробности которыхъ если когда излагаются, то не иначе какъ въ строго дѣловой, скорѣе канцелярской формѣ. Такимъ образомъ, легендарное содержаніе, а тѣмъ болѣе ультра-буддійское направленіе вовсе не свойственно этимъ лѣтописямъ. „Послѣ такого заявленія", говоритъ теперь г. Веселовскій, — „мы въ правѣ были ожидать отъ монгольской исторіографіи очень цѣнныхъ извѣстій. На дѣлѣ однако оказывается, что монгольскія лѣтописи далеко не то, что̀ говорилъ о нихъ г. Позднѣевъ". Понятіе „очень цѣнныхъ извѣстій", конечно, весьма условно, но я добавлю, пожалуй, что мы и получаемъ ихъ. Что̀ знали мы доселѣ о жизни Халхасовъ въ періодъ послѣдняго двухсотпятидесятилѣтія? Ровно ничего; теперь мы можемъ указать на всѣ главнѣйшія событія, случившіяся за это время въ жизни Халхасовъ: годъ за годомъ мы можемъ прослѣдить, какъ всѣ важнѣйшія перемѣны во вну-

[1]) *Труды Вост. Отд. Арх. Общ.*, т. VI, стр. VIII. Подобное мнѣніе было еще и раньше высказываемо Абелемъ Ремюзà въ его Observations sur l'ouvrage de M. Schmidt, intitulé Histoire des Mongols orientaux, которыя помѣщены въ *Nouveau journal asiatique*, t. VIII, p. 507—532.

Библиотека "Руниверс"

треннемъ бытѣ Халхаскаго народа, такъ и событія изъ его внѣшней политики; короче сказать, въ каждый изъ данныхъ годовъ мы можемъ опредѣлить, какъ внѣшнюю дѣятельность, такъ и внутреннее состояніе Халхи; развѣ же не могутъ быть названы „очень цѣнными" матеріалы, дающіе намъ такого рода свѣдѣнія? Но г. Веселовскій, бросивъ тѣнь на достоинства монгольской исторіографіи, какъ будто совершенно забылъ, что тотъ, кто дѣйствительно пожелаетъ уяснить себѣ значеніе монгольскихъ лѣтописей для исторіи, захочетъ имѣть понятіе объ ихъ содержаніи, узнать, что же онѣ такое, если онѣ не то, что говорилъ о нихъ я? Однако г. Веселовскій обходитъ полнымъ молчаніемъ характеристику содержанія новооткрытыхъ историческихъ памятниковъ (хотя бы на столько, на сколько имѣютъ они мѣсто въ моемъ изданіи „Эрдэніинъ эрихэ" съ ея комментаріемъ) и для доказательства того, что эти памятники также безсодержательны, какъ и извѣстные намъ до сего времени, предоставляетъ слово мнѣ самому, или что то же, беретъ изъ моей книги слѣдующее выраженіе: „лѣтопись Галдана (то-есть, „Эрдэніинъ эрихэ") при всей относительной полнотѣ ея, очевидно, является черезъ-чуръ малосодержательною и еще болѣе перепутанною, а потому сбивчивою и неудобопонятною". Незнакомому съ дѣломъ на первый разъ въ самомъ дѣлѣ можетъ показаться, что я противорѣчу самому себѣ и подтверждаю малосодержательность монгольскихъ лѣтописей; но повторяю, это можетъ показаться, и притомъ только на первый разъ, потому что при болѣе серьезномъ обдумываніи дѣла всякій, конечно, пойметъ, что иная вещь — общая характеристика памятниковъ, и иная — частная оцѣнка содержанія какого-либо труда. Въ общей характеристикѣ мы оцѣниваемъ достоинство извѣстнаго рода литературныхъ трудовъ, соображаясь только съ тѣмъ, на сколько удовлетворяютъ они своей основной цѣли — выяснить предметъ своего изслѣдованія; при спеціальномъ же разборѣ и оцѣнкѣ того или другаго частнаго произведенія этимъ довольствоваться уже не возможно. Здѣсь мы не только принимаемъ въ соображеніе качества труда, но еще разсматриваемъ, какъ составился этотъ трудъ, какими матеріалами располагалъ авторъ при его написаніи, что могъ онъ представить и что представилъ на самомъ дѣлѣ. Оцѣнивая именно такимъ образомъ лѣтопись Галдана, я выяснилъ подробно всѣ тѣ матеріалы, которыми могъ располагать авторъ, и изслѣдованіе это показало, что тайчжи Галданъ имѣлъ у себя подъ руками не только множество печатныхъ и рукописныхъ историческихъ сочиненій, но еще пользовался и архив-

Библиотека "Руниверс"

ными бумагами, такъ какъ, по собственному его признанію, въ его распоряженіи были всѣ главнѣйшіе монгольскіе архивы — ургинскій, улясутайскій и кобдоскій. Принявъ, въ соображеніе добытыя такимъ образомъ данныя для сужденія о лѣтописи, я говорилъ, что „Галданъ имѣлъ у себя подъ руками массу неоцѣненныхъ и совершенно недоступныхъ для насъ документовъ, при помощи которыхъ онъ дѣйствительно могъ во всей полнотѣ и ясности изложить состояніе Халхи и ходъ событій въ этой странѣ, особливо за время, по преимуществу интересующее насъ—періодъ послѣдняго двухсотлѣтія [1]). Не смотря на то, лѣтопись Галдана, при всей относительной полнотѣ ея, очевидно, является черезъ-чуръ малосодержательною и еще болѣе перепутанною, а потому сбивчивою и неудобопонятною". Таковъ полный смыслъ рѣчи, изъ которой г. Веселовскій взялъ нѣсколько нужныхъ ему словъ. Послѣ всего сказаннаго я почти не считаю нужнымъ выяснять, что если я называлъ лѣтопись Галдана малосодержательною, то именно по отношенію къ тому, чѣмъ могла она быть при такомъ богатствѣ матеріаловъ, какое было подъ руками ея автора. Я готовъ повторить то же самое и теперь, снова утверждая, что лѣтопись Галдана можетъ служить только превосходнымъ конспектомъ при разсмотрѣніи исторіи Халхи. По массѣ занесенныхъ въ нее событій она является несомнѣнно превосходящею всѣ другіе памятники монгольской исторіографіи; но, занося извѣстія о совершившихся событіяхъ, Галданъ весьма часто совершенно не описываетъ ихъ, такъ что разъясненій о томъ, какъ совершилось то или другое событіе, какія были его причины и послѣдствія, намъ приходится искать уже по другимъ источникамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что у Галдана были всѣ средства для того, чтобы представить эти описанія; оттого-то эти опущенія и даютъ намъ право сказать, что „лѣтопись Галдана, при всей относительной полнотѣ ея, является черезъ-чуръ краткою и малосодержательною"; но отсюда далеко еще до того заключенія, чтобъ она была малозначительною вообще, и еще дальше, конечно, до тѣхъ выводовъ, которые хочетъ сдѣлать г. Веселовскій, то-есть, что лѣтописи Монголовъ вообще безсодержательны, а потому и представляютъ собою памятники малозначительные.

Тотъ же самый пріемъ употребляетъ г. Веселовскій и для доказательства того, что я противорѣчу себѣ, отрицая буддійское направ-

[1]) Монгольскіе архивы не могутъ восходить по своей древности дальше этого времени.

Библиотека "Руниверс"

леніе отысканныхъ мною монгольскихъ лѣтописей. Пригласивъ читателя посмотрѣть, „въ какой степени эти лѣтописи свободны отъ ультра-буддійскаго духа, такъ присущаго давно извѣстнымъ монгольскимъ лѣтописямъ", онъ говоритъ: „Касаясь событій въ Монголіи въ XVII столѣтіи, г. Позднѣевъ свидѣтельствуетъ, что лѣтописныя сказанія о томъ времени изъ года въ годъ не передаютъ намъ ничего другаго, кромѣ извѣстій о совершеніи то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ религіозныхъ церемоній, о сооруженіи храмовъ и кумировъ, чествованіяхъ гегена, священныхъ ламъ и проч. (стр. 165). Но и въ XVIII столѣтіи оказывается то же самое: „Едва ли было въ Халхѣ болѣе славное время процвѣтанія буддизма, какъ послѣдніе годы царствованія Канси. Всѣ имѣющіяся у насъ историческія сказанія Монголовъ относительно этого времени говорятъ о буддизмѣ и только о буддизмѣ" (стр. 304). И подтвержденіе всему этому находимъ мы чуть ни на каждой страницѣ книги г. Позднѣева".

Болѣе тщательное разсмотрѣніе моей книги можетъ показать, конечно, всякому, что изъ числа сосчитанныхъ г. Веселовскимъ 273 страницъ моего комментарія (о которомъ собственно и ведется здѣсь рѣчь) только 44 говорятъ о буддизмѣ; если же исключить отсюда частныя біографіи ургинскихъ хутухтъ да еще свѣдѣнія объ успѣхахъ монгольской литературы, то на долю развитія буддизма останется только 23 страницы. При такомъ положеніи дѣла становится не много труднымъ согласиться съ г. Веселовскимъ, что это „чуть ни каждая страница книги"; но могъ ли сказать иначе г. Веселовскій, если ему хотѣлось доказать, что я противорѣчу себѣ, отрицая буддійское направленіе монгольскихъ лѣтописей? Соблазнъ былъ очень великъ, тѣмъ больше что ему удалось привести мои собственныя слова о необычайномъ развитія буддизма въ XVII столѣтіи и найдти, что я говорю то же самое и о XVIII вѣкѣ. Но вѣдь мое изданіе лѣтописи начинается только съ 1636 года, слѣдовательно, почти вся первая половина XVII вѣка остается не подлежащею изслѣдованію; съ половины семидесятыхъ годовъ XVII вѣка въ Монголіи, какъ это повѣствуется въ томъ же изданіи, наступилъ періодъ браней, которыя въ восьмидесятыхъ годахъ заставили Монголовъ даже совершенно покинуть Халху; въ девятидесятыхъ годахъ мы видимъ Халхасовъ кочующими уже не въ Халхѣ, а по южной сторонѣ Гоби; спрашивается: о какомъ же періодѣ XVII вѣка могу я утверждать, что лѣтописныя сказанія его говорятъ только о построеніи въ Халхѣ монастырей да о чествованіяхъ здѣсь гегеновъ? Для не-

Библиотека "Руниверс"

знакомыхъ съ моею книгой отвѣчу, что такого рода сказаніями лѣтописей характеризуется періодъ мирной жизни Халхасовъ, отъ 1655 по 1662 годъ. Я не отрицаю, что объ этихъ шести годахъ на стр. 165 моей книги дѣйствительно составлена такого рода характеристика; изъ сказаннаго о нихъ г. Веселовскій и взялъ представленную имъ выписку; но можно ли характеристику шестилѣтней жизни распространять на цѣлое столѣтіе? Та фраза, которую приводитъ г. Веселовскій для доказательства развитія буддизма въ XVIII вѣкѣ, даже и не стоитъ разбора, такъ какъ изъ самыхъ словъ представленной критикою выписки ясно, что дѣло идетъ здѣсь не объ XVIII столѣтіи, а о послѣднихъ годахъ царствованія Канси, подъ которыми въ моей книгѣ отмѣчается періодъ съ 1716 по 1722 годъ. Нужно ли говорить, что здѣсь опять характеристика шести лѣтъ распространяется на цѣлое столѣтіе? Все это говорю я однако съ единственною цѣлью указать на критическіе пріемы г. Веселовскаго; другой цѣли у меня и не могло быть, такъ какъ во всемъ мнимомъ возраженіи г. Веселовскаго я совершенно не вижу доказательствъ въ пользу его мнѣнія, что настоящимъ своимъ изданіемъ я противорѣчу своимъ предварительнымъ замѣчаніямъ, отрицавшимъ буддійское направленіе монгольскихъ лѣтописей. Думаю, что вмѣстѣ со мною не будутъ видѣть того же и другіе. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ изъ того, что лѣтописи въ извѣстный, шестилѣтній періодъ „говорятъ о буддизмѣ и только о буддизмѣ“? Лѣтописцы, не мудрствуя лукаво, записываютъ всѣ событія и въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ они совершались; такимъ образомъ если въ извѣстные годы дѣятельность Халхасовъ сосредоточилась на постройкѣ храмовъ, сооруженіи кумировъ, словомъ — на развитіи буддизма, лѣтописецъ по необходимости долженъ былъ занести всѣ эти событія въ свою лѣтопись, безъ того и трудъ его былъ бы одностороннимъ, неполнымъ. Но развѣ подобнаго рода записи ручаются хотя сколько-нибудь за направленіе лѣтописи? Нисколько: можно написать спеціальную исторію развитія буддизма и не выказать въ ней буддійскаго направленія; можно на оборотъ излагать исторію шаманиста Чингисъ-хана, и она будетъ цѣликомъ проникнута буддійскимъ духомъ. Говорить о направленіи лѣтописи и о фактическомъ содержаніи лѣтописныхъ сказаній—двѣ вещи совершенно разныя.

Итакъ, вопреки заключеніямъ г. Веселовскаго, мы снова утверждаемъ, что монгольскія лѣтописи далеко не безсодержательны, а потому и не могутъ быть названы памятниками мало значительными;

Библиотека "Руниверс"

нельзя приписывать имъ также и буддійскаго направленія, не говоря уже объ ультра-буддійскомъ. Г. Веселовскій однако разсуждалъ по этому поводу довольно много: „Какъ ни плоха монгольская исторіографія, нельзя же за это обвинять Монголовъ. Хорошо, что у нихъ и такая-то есть... Странно желать, чтобы мѣстный бытописатель заботился не о томъ, что интересовало его соотечественниковъ, а о томъ, что можетъ потребоваться какимъ-нибудь иностраннымъ ученымъ" и т. д. Всѣ эти разсужденія высказаны какъ бы для защиты монгольскихъ лѣтописей, такъ какъ г. Веселовскому показалось, что я утверждаю ихъ безсодержательность и предъявляю къ нимъ не свойственныя имъ требованія. Но характеризуя, на стр. XVI моей книги, содержаніе изслѣдуемаго памятника, я чуть ни тѣми же самыми словами говорю о выборѣ обстоятельствъ, которыя, по мнѣнію Галдана, являлись достойными того, чтобы найдти себѣ мѣсто въ его трудѣ. „Намъ не понятна", говорилъ я,—„важность того, предъ чѣмъ способны преклоняться Монголы; но примирившись съ ихъ симпатіями, естественно почитать „Эрдэніинъ эрихэ" за одну изъ самыхъ полныхъ монгольскихъ лѣтописей". Къ чему же всѣ вышеуказанныя разсужденія г. Веселовскаго? Кто и когда обвинялъ Монголовъ за то, что ихъ исторіографія такова, какъ она есть, а не иная? Ужъ если хотѣлъ г. Веселовскій защищать монгольскія лѣтописи отъ моихъ упрековъ, такъ ему слѣдовало разсматривать совсѣмъ другую сторону — именно ихъ изданіе и обработку, потому что только съ этой стороны дѣлаю я имъ положительные упреки, и эта сторона, по моему мнѣнію, очевиднѣе всего показываетъ намъ небрежность Монголовъ къ сохраненію событій своей протекшей жизни. Читая нѣкоторыя лѣтописныя произведенія Монголовъ, а въ томъ числѣ и „Эрдэніинъ эрихэ", просто поражаешься и массою матеріаловъ, бывшихъ въ распоряженіи у лѣтописцевъ, и количествомъ представленныхъ ими свѣдѣній; но въ то же время прямо видишь, что эти лѣтописцы ни на іоту не изучаютъ своихъ матеріаловъ, пишутъ свои историческіе труды совершенно безъ желанія уяснить себѣ дѣйствительный ходъ событій: всегда имѣя массу свѣдѣній изъ китайскихъ источниковъ, они не стараются даже о томъ, чтобы расположить эти свѣдѣнія въ должномъ порядкѣ. Вотъ въ чемъ заключается основной недостатокъ монгольскихъ лѣтописей: онѣ не безсодержательны, и перечитавъ ихъ, можно набить голову массою фактовъ, но выяснить по нимъ дѣйствительный ходъ событій монгольской жизни возможно лишь путемъ сравнительнаго ихъ изученія. Таковы-то качества монгольскихъ лѣ-

Библиотека "Руниверс"

тописныхъ и историческихъ сочиненій. Для меня эти качества сдѣлались извѣстными только послѣ всесторонняго изученія лѣтописей; теперь они, по выраженію г. Веселовскаго, „будутъ очевидны всякому, кто приметъ трудъ прочитать мою книгу“. Но это выясненіе качествъ, по мнѣнію критика, очевидно, не составляетъ важности. „Другое дѣло“, говоритъ онъ, — „если бы г. Позднѣевъ объяснилъ, почему монгольская историческая литература приняла тотъ характеръ, какимъ отличается она теперь, изслѣдовалъ бы составъ монгольскихъ лѣтописей. Такія задачи можетъ разрѣшить только монголистъ“. Заключаемъ изъ этого „только“, что изучить и выяснить качества монгольскихъ лѣтописей, равно какъ и представить „матеріалы для исторіи Халхи“, можно было и не-монголисту. Почитаю долгомъ заявить, что я не взялся за объясненіе вопроса: „почему монгольская историческая литература приняла тотъ характеръ, какимъ отличается теперь“, именно въ силу того обстоятельства, что въ наукѣ нашей не извѣстно еще, какимъ образомъ и самая жизнь Монголовъ приняла тотъ характеръ, какимъ отличается теперь; а разъясненіе этого вопроса я считаю краеугольнымъ камнемъ къ изслѣдованію всѣхъ прочихъ вопросовъ, относящихся до современныхъ Монголовъ.

Выше указанное мною качество монгольскихъ лѣтописей имѣло рѣшающее значеніе для моего изданія „Эрдэніинъ эрихэ“ именно въ той формѣ, въ которой представляется оно нынѣ читателямъ. Предположивъ издать лѣтопись, я по началу думалъ-было въ видѣ комментарія къ ней приложить вполнѣ обработанную исторію Халхи; но по мѣрѣ изученія матеріаловъ, я все болѣе и болѣе убѣждался, что основательно исполнить это дѣло въ настоящее время нѣтъ еще никакой возможности. Не смотря на массу источниковъ, которыми мы теперь обладаемъ, не смотря на все богатство фактовъ, которое сообщаютъ намъ эти источники, мы, изучая ихъ, имѣемъ все-таки много не договореннаго, не яснаго, а потому и не доступнаго къ правильному пониманію. При этихъ условіяхъ мнѣ, составляя исторію Халхи, во многихъ случаяхъ пришлось бы давать свое толкованіе фактамъ, самому объяснять причинную связь событій, хотя все это возможно лишь при увѣренности въ полномъ знаніи духа восточной жизни. А между тѣмъ что̀ знаемъ мы объ этой жизни дѣйствительно? Изъ всего знакомства съ исторіей востока наша наука едва успѣла еще извлечь десятокъ или два отличительныхъ чертъ, характеризующихъ понятія и нравы восточныхъ народовъ, подмѣтила нѣсколько

Библиотека "Руниверс"

обычныхъ пріемовъ восточной политики, и ужели же всѣ событія объяснять этими чертами и всякія политическія предпріятія гнуть подъ эти пріемы? Правда, изученіе представленныхъ мною теперь матеріаловъ открывало мнѣ не мало и еще новыхъ жизненныхъ правилъ и особенностей во взглядахъ кочевниковъ и Китайцевъ, но и этого опять-таки недостаточно, ибо, по моему мнѣнію, въ исторіи востока ни одинъ шагъ не долженъ быть дѣлаемъ безъ положительныхъ основаній, и ничто не производитъ такой путаницы въ познаніи характера восточныхъ народовъ, какъ различныя догадки европейскихъ ученыхъ и попытки ихъ объяснять по своему, какъ отдѣльныя явленія, такъ и общій ходъ событій восточной жизни. Такимъ образомъ я оставилъ мысль о составленіи исторіи Халхи и въ предисловіи, къ изданному мною теперь тому, заявилъ уже, что „писать исторію Халхи, при полной неразработанности для нея данныхъ, въ настоящее время положительно не возможно“ (стр. IX). Въ замѣнъ того я предположилъ собрать и издать матеріалы для этой исторіи, то-есть, представить точныя выписки изъ лѣтописныхъ и историческихъ монгольскихъ, маньчжурскихъ и китайскихъ сочиненій, приведя ихъ, конечно, въ соотвѣтствующій хронологическій порядокъ. Понятно отсюда, что если бы нѣкоторыя изъ монгольскихъ и китайскихъ сочиненій не носили на себѣ прагматическаго характера и своими объясненіями не представили бы мнѣ возможности передать выставляемую ими причинною связь событій, то мое изданіе матеріаловъ было бы ни чѣмъ инымъ, какъ сводною лѣтописью Монголовъ. Но оставлять безъ вниманія этотъ прагматизмъ восточныхъ историковъ я не имѣлъ никакого основанія. Мало того, съ своей стороны я придавалъ ему даже особенное значеніе и обращалъ на него преимущественное вниманіе, такъ какъ онъ давалъ мнѣ возможность не только передать правильно факты, сообщить несомнѣнныя данныя для исторіи Монголовъ, но еще и познакомить съ собственными взглядами восточныхъ народовъ на значеніе событій и взаимную связь ихъ. Такимъ образомъ, всѣ тѣ разсужденія о значеніи, причинахъ и слѣдствіяхъ событій, которыя изложены въ моей книгѣ, цѣликомъ имѣютъ свое основаніе въ изслѣдованныхъ мною памятникахъ; въ большинствѣ случаевъ они составляютъ именно дословный переводъ ихъ, хотя по мѣстамъ я невольно долженъ былъ дѣлать только краткія выборки изъ своихъ источниковъ и перефразировать подлинный текстъ ихъ. Таковъ характеръ моей книги. Я старался доставить ею именно новыя данныя для исторіи, передать своимъ читателямъ свѣдѣнія,

Библиотека "Руниверс"

взгляды и понятія востока, и въ этомъ видѣлъ я, какъ настоятельную нужду для нашей современной науки о востокѣ, такъ и основную заслугу книги. Разбирать данныя восточныхъ историковъ, сличать ихъ хотя бы то съ показаніями европейскихъ путешественниковъ или какими-либо свѣдѣніями, добываемыми изъ архивовъ, оцѣнивать по достоинству то или другое извѣстіе, компилировать все это во единое цѣлое, это уже легче: надъ этимъ можетъ работать всякій образованный востоковѣдъ, лишь бы только взялся онъ за это дѣло, и безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, но съ любовію и должнымъ вниманіемъ началъ изучать имѣющіеся въ рукахъ его матеріалы. Бѣда Европейцевъ именно въ томъ, что они имѣютъ у себя слишкомъ мало матеріаловъ для изученія жизни, какъ отдѣльныхъ народовъ востока, такъ и взаимнаго отношенія ихъ между собою. Совмѣстное знаніе языковъ китайскаго, монгольскаго и маньчжурскаго давало мнѣ полную возможность помочь этому дѣлу, но къ несчастію, первая же попытка къ его исполненію породила собою непріятное недоразумѣніе. Не смотря на мое заявленіе, что писать исторію Халхи я признаю рѣшительно невозможнымъ, не смотря на то, что прямо и опредѣленно назвалъ я свою книгу матеріалами для исторіи Халхи", г. Веселовскій обвиняетъ меня сначала въ пристрастіи къ Китаю и ненависти къ Монголамъ, за симъ въ противорѣчіяхъ и недомолвкахъ, потомъ упрекаетъ за то, что я не оттѣнилъ нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ пріемовъ политики кочевниковъ и т. д. Но какое же пристрастіе или ненависть могу я обнаружить къ тому или другому народу, если цѣлью моей книги было представить свѣдѣнія, взгляды и понятія востока? Виноватъ ли я въ недомолвкахъ, если моею обязанностью было сообщить то, что̀ давали мнѣ источники? Откуда же было взять мнѣ еще новыхъ историческихъ данныхъ, если не находилъ я ихъ въ подлежавшихъ моему разсмотрѣнію памятникахъ; вѣдь не сочинять же мнѣ самому матеріалы для исторіи Халхи? Каждому понятно, что издавая историческіе матеріалы, я не могъ сказать ничего, кромѣ того, что̀ давали мнѣ памятники; не имѣлъ я права и извращать ихъ текста, ибо матеріалы всегда имѣютъ тѣмъ бо̀льшую цѣну, чѣмъ ближе стоятъ они къ подлиннику. Итакъ, всѣ тѣ упреки г. Веселовскаго въ пристрастіи къ Китаю и ненависти къ Монголамъ, въ противорѣчіяхъ и недомолвкахъ должны всецѣло относиться не ко мнѣ лично, а къ переданнымъ мною китайскимъ, маньчжурскимъ и монгольскимъ памятникамъ. Посмотримъ однако, справедливы ли эти нареканія и по отношенію къ памятникамъ? Вѣдь

Библиотека "Руниверс"

если содержаніе и изложеніе ихъ на столько пристрастно, что препятствуетъ правильной постановкѣ историческихъ знаній, если при этомъ мы постоянно встрѣчаемся въ нихъ съ противорѣчіями и недомолвками, то они безполезны для исторіи, а слѣдовательно, нечего было ихъ и издавать.

Первое доказательство пристрастнаго отношенія къ Маньчжурамъ и Монголамъ г. Веселовскій видитъ въ томъ, что книга моя по мѣстамъ называетъ Халхасовъ вѣроломными (китайск. цзяо-цзѣ), лжецами (китайск. гуй), жадными къ добычѣ (китайск. тань ли), трусами (китайск. дань-цюэ), князьямъ ихъ приписываетъ мелочное честолюбіе, а всему народу нравственное разъединеніе и пр. „Г. Позднѣевъ", продолжаетъ далѣе критикъ,—„такъ увлекается Китаемъ и всѣмъ китайскимъ, что въ его матеріалахъ даже Чжунгары по отношенію къ Китаю являются разбойниками (стр. 214, 218, 234, 246, 276) и Галданъ мятежникомъ". Замѣтивъ кстати, что на страницахъ 234, 246, и 276 Чжунгары ни однажды не называются разбойниками, и что цитаты эти поставлены г. Веселовскимъ не точно, мы невольно приходимъ въ недоумѣніе отъ такого оборота рѣчи: „даже Чжунгары называются разбойниками и Галданъ мятежникомъ". Къ чему это даже? Какъ будто для Чжунгаровъ въ этомъ случаѣ должно быть какое-нибудь исключеніе? Напротивъ, тому, кто знаетъ исторію отношеній Дайциньскаго дома къ Халхасамъ и Чжунгарамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что послѣдніе гораздо больше доставляли собою безпокойствъ Маньчжурамъ, чѣмъ вялые и апатичные Халхасы, и такимъ образомъ, если мы видимъ, что мятежниками называются Халхасы, то Чжунгаровъ-то Китайцы и подавно должны были называть разбойниками. Но обходимъ эту безсознательную обмолвку и обратимся къ разсмотрѣнію выставленнаго обвиненія. Г. Веселовскій какъ будто желаетъ, чтобъ я извратилъ текстъ китайско-монгольскихъ памятниковъ и повыбросилъ изъ нихъ такія выраженія, какъ разбойники (китайск. цзэй), мятежники (китайск. луань цзэй), лжецы, жадные къ добычѣ и проч., такъ какъ въ этихъ выраженіяхъ изображается будто-бы пристрастное отношеніе къ Монголамъ. Вопросъ, слѣдовательно, состоитъ въ томъ, долженъ ли я былъ удерживать всѣ эти выраженія при передачѣ матеріаловъ для исторіи Халхи, или же, для пользы дѣла нужно видоизмѣнить ихъ, а не то и совсѣмъ выкинуть. Отвѣчу прямо, что я не только не считалъ себя въ правѣ, но признавалъ буквально вреднымъ, какъ выбрасываніе, такъ какое-либо видоизмѣненіе или смягченіе этихъ выраженій. Для знакомаго

Библиотека "Руниверс"

съ дѣломъ европейскаго оріенталиста и историка не составитъ, конечно, важности то, что китайскіе памятники будутъ называть Халхасовъ, Чжунгаровъ, словомъ, всякихъ кочевниковъ—разбойниками, что иную междоусобную смуту въ подвластной имъ странѣ окрестятъ они именемъ мятежа и. т. д.; европейскій ученый едва ли пожелаетъ видѣть въ этомъ пристрастное отношеніе къ народу: онъ пойметъ, что это обычное китайское выраженіе, и историческая сторона дѣла не можетъ быть затемнена для него такимъ оборотомъ рѣчи; но изученіе этихъ оборотовъ является въ высшей степени важнымъ. Вѣдь замѣтилъ же г. Веселовскій „любопытное явленіе": „нужно", говоритъ онъ, — „Китайцамъ ослабить Халху, они вносятъ раздоръ въ среду монгольскихъ князей, и авторъ матеріаловъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ описываетъ смуты въ Халхѣ; но когда усобицы возникаютъ тамъ въ неудобное почему-либо для Китая время, онъ называетъ это мятежемъ". Не освѣдомляясь, въ чемъ это выразилось мое „нѣкоторое удовольствіе" при описаніи халхасскихъ междоусобицъ, я поправлю только, что мятежемъ называются на языкѣ Китайцевъ не тѣ распри, которыя возникаютъ въ Халхѣ въ неудобное для Китая время, а тѣ, которыя безпокоили Дайциньскій домъ, въ которыхъ Маньчжуры невольно должны были принимать участіе своими военными силами. И замѣчательно, этотъ взглядъ, безъ сомнѣнія, существовавшій по первоначалу только въ лѣтописяхъ китайскихъ и маньчжурскихъ, въ настоящее время уже совершевно перешелъ и на страницы лѣтописей самихъ Монголовъ. Когда халхасскій Лубсанъ тайчжи, убивъ Цзасакту-хана и произведши смуты въ Халхѣ, бѣжитъ съ своими данниками подъ защиту ölötскаго Галдана, монгольскіе памятники говорятъ о немъ: цзайлачжу отбай (буквально: уклонившись ушелъ=убѣжалъ); когда маньчжурскій данникъ Тингисъ, даже не произведя никакой смуты, переходитъ изъ южной Монголіи на сторону Халхи (замѣтьте—на сторону Халхи), тѣ же халхасскія лѣтописи говорятъ о немъ: орбачжу ургубай (буквально: возмутившись бѣжалъ). Войны Тушѣту хана и Цзасакту хана за своихъ данниковъ называютъ они „самагу" (смуты); войны Галдана-Бошокту зовутъ „эбдэрэль" (мятежъ). Въ этихъ оборотахъ рѣчи и взглядахъ на дѣло оказывается несомнѣнно вліяніе Китая, которое отразилось на Монголахъ, какъ въ силу постоянныхъ столкновеній ихъ съ Китаемъ, такъ и вслѣдствіе знакомства ихъ съ китайскою литературой. И нужно замѣтить, что эти китайскіе взгляды воспринимаются Халхасами въ такой полнотѣ, что Халхасы способны въ настоящее время

Библиотека "Руниверс"

называть мятежниками не только ölötскихъ Галдана-Бошокту, Цэванъ-рабтана и проч., а равно величать разбойниками Чжунгаровъ, но даже своего родоваго князя Цэнгунь-чжаба и его сообщниковъ-Халхасовъ, которые боролись именно за самостоятельность Халхи, не могутъ называть они иначе, какъ „возмутившимися ворами“ (дэрсэлэхсэнъ хулагай). Что слова мои въ данномъ случаѣ справедливы, доказательства на лицо: я не признаю нужнымъ ссылаться даже на не обнародованные памятники, а обращаю вниманіе читателей на изданный подлинный текстъ и переводъ монгольской лѣтописи „Эрдэніинъ эриxэ“, такъ какъ характеръ этой лѣтописи въ разсматриваемомъ отношеніи совершенно одинаковъ съ другими историческими сочиненіями Монголовъ. Но самый фактъ этого рабскаго воспріятія китайскихъ взглядовъ, этой ужасной диффамаціи всего роднаго — весьма не маловаженъ: для историка онъ долженъ составить собою спеціальный предметъ изслѣдованія и не можетъ не содѣйствовать къ постановкѣ правильныхъ сужденій, какъ о характерѣ самихъ Халхасовъ, такъ и о составѣ ихъ исторической литературы. Подмѣтить всѣ изгибы и мелочи этой диффамаціи возможно не иначе, какъ при самомъ точномъ переводѣ матеріаловъ. Г. Веселовскій не обратилъ вниманія на эту сторону дѣла: китайско-монгольскія выраженія онъ принялъ за мои собственныя и утверждаетъ, что я „просто не нахожу словъ, какъ бы посильнѣе ошельмовать (!) Халхасовъ“.

Г. Веселовскій нашелъ далѣе, что мое пристрастіе къ Халхасамъ не заключается въ однихъ только словахъ, а выражается и во взглядахъ на событія. Но примѣръ тому онъ представляетъ только одинъ. „Во время войнъ Галданъ-цэрэна съ Китаемъ“, говоритъ онъ,— „Халхасы оказали китайскому правительству неоцѣненную услугу, уничтоживъ Галдана однѣми своими силами. Авторъ долженъ быть доволенъ поведеніемъ Халхасовъ, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ не въ чемъ ему упрекнуть ихъ. Но онъ нашелся и упрекнулъ. Упрекъ довольно странный однако: зачѣмъ де не всѣ халхасскіе князья участвовали въ битвѣ съ Галданомъ! Г. Позднѣеву хотѣлось бы, чтобы вся Монголія встала, какъ одинъ человѣкъ, за чуждое ей китайское дѣло и уничтожила бы соплеменную ей Чжунгарію“. Странно, что изъ всего разсмотрѣнія результатовъ войнъ Галданъ-цэрэна на г. Веселовскаго произвелъ впечатлѣніе одинъ только упрекъ, сдѣланный халхасскимъ князьямъ; а между тѣмъ дѣло здѣсь со стороны Маньчжуровъ далеко не ограничилось однимъ упрекомъ. Извѣстно, что главнѣйшіе дѣятели въ уничтоженіи силъ Галданъ-цэрэна, каковы,

Библиотека "Руниверс"

Даньцзинь дорчжи, Цэбдэнъ и др., подверглись положительной опалѣ; одни изъ нихъ были лишены своихъ титуловъ, другіе разжалованы въ чинахъ, третьи командированы въ военный лагерь, чтобы тамъ въ низшихъ должностяхъ искупать свой проступокъ и т. д.; упрекъ является такимъ образомъ только самою низшею мѣрой наказанія, въ которой выразилось по отношенію къ халхасскимъ князьямъ неудовольствіе богдахана. Но спрашивается: слѣдовало ли мнѣ умолчать объ этомъ упрекѣ, хотя я и находилъ его въ разсмотрѣнныхъ мною матеріалахъ? Думаю, что нѣтъ, и это тѣмъ болѣе, что упреки и выраженіе неудовольствій при подобнаго рода обстоятельствахъ составляютъ вообще довольно характеристичную черту въ дѣлѣ управленія Маньчжуровъ Халхасами. Изучая „матеріалы для исторіи Халхи", мы встрѣчаемъ массу такого рода наказаній и упрековъ: за три года до начала помянутыхъ войнъ, эфу Цэрэнъ оказалъ Китайцамъ весьма важныя услуги, когда на него было возложено дѣло по разграниченію земель съ Россіей; а въ концѣ концовъ это порученіе окончилось для него выговоромъ и вычетомъ трехлѣтняго оклада жалованья. Во время тѣхъ же олотскихъ войнъ сэцэнъ-хановскій цзасакъ Ванцзалъ за участіе въ поимкѣ Лубсанъ-шараба былъ награжденъ званіемъ хэ-цзюнь вана; но вотъ, возвратившись изъ этого похода, онъ только замедлилъ послать своихъ верблюдовъ для перевозки военныхъ припасовъ и его наказываютъ лишеніемъ этого званія; и т. д. Что же значитъ все это, и по какому закону совершается эта черная неблагодарность? А совершается она, очевидно, по тому неизмѣнному принципу въ управленіи, слѣдуя которому Маньчжуры въ отношеніяхъ къ своимъ данникамъ-кочевникамъ, какъ не оставляютъ безъ награды ни одной, сдѣланной этими послѣдними заслуги, такъ равно никогда не преминутъ наказать и каждое сдѣланное ими опущеніе. Въ разсматриваемомъ нами событіи Даньцзинь-дорчжи, Цэбдэнъ и другіе, послѣ того какъ нанесли они пораженіе Галданъ-цэрэну при Кэрсэнъ-чилу, немедленно получили соотвѣтствующія награды; нанесши это пораженіе своему врагу, они не преслѣдуютъ его, даютъ ему возможность спастись бѣгствомъ—и Маньчжуры тотчасъ же наказываютъ это опущеніе, отнимая у провинившихся пожалованныя имъ отличія. Это относилось до участниковъ похода, прочимъ же халхасскимъ князьямъ, которые оставались совершенно бездѣятельными, Маньчжуры выразили свое порицаніе, и исторія сохраняетъ на своихъ страницахъ упрекъ имъ за то, что они не содѣйствовали къ истреб-

Библиотека "Руниверс"

ленію врага, или, говоря подлинными словами Шэнъ-у-цзи за то что „не пришли они напасть на воровъ на сѣверѣ горъ и не преслѣдовали ихъ по югу горъ, но, относясь холодно, (безъ дѣла посматривая, да) выжидая, пропустили (ихъ)“ [1]). Указанный пріемъ маньчжурской политики въ управленіи кочевниками еще не былъ до нынѣ отмѣченъ въ европейской ученой литературѣ по востоку, хотя онъ одинаково можетъ быть наблюдаемъ, какъ въ отношеніяхъ Маньчжуровъ ко всѣмъ другимъ кочевникамъ, такъ и въ отношеніяхъ къ Монголамъ. Красною чертой проходитъ этотъ пріемъ и чрезъ всѣ представленные мною матеріалы для исторіи Халхи, и тѣмъ не менѣе, онъ опять-таки остался незамѣтнымъ для моего критика, ибо въ подобнаго рода упрекахъ онъ не желалъ видѣть дѣйствительныхъ историческихъ событій и данныхъ, а смотрѣлъ на нихъ, какъ на мои пристрастныя сужденія о Халхасахъ. Словомъ, вмѣсто того, чтобы принять передаваемый и совершившійся фактъ, вмѣсто того чтобъ усвоить, осмыслить и изучить его, г. Веселовскій разсуждаетъ о томъ, что фактъ этотъ невозможенъ. „Г. Позднѣеву“, говоритъ онъ,—„хотѣлось бы, чтобы вся Монголія встала какъ одинъ человѣкъ, за чуждое ей, китайское дѣло и уничтожила бы сопленменную ей Чжунгарію“. Въ отвѣтъ на это послѣднее замѣчаніе я долженъ, конечно, прежде всего повторить уже извѣстное, то-есть, что, издавая „матеріалы“, я ничего не хотѣлъ помимо того, какъ передать фактъ, и остаться при немъ, ибо во мнѣ твердо убѣжденіе, что, начавъ при настоящемъ состояніи нашихъ знаній дѣлать заключенія о фактѣ, мы непремѣнно измѣнимъ дѣйствительности. Но станемъ на время на точку зрѣнія г. Веселовскаго и посмотримъ, что можно вывести изъ его словъ. Прежде всего, что такое сопленменная Халхѣ Чжунгарія? Исторія Чжунгаровъ, конечно, какъ и исторія Халхи, является совершенно не разработанною въ европейской литературѣ, и г. Веселовскій знаетъ только одно, что Чжунгары—сопленменны Халхасамъ. Но еслибы г. Веселовскій могъ прослѣдить отношенія Чжунгаріи къ этой сопленменной Халхѣ хотя бы по 327-й и 328-й главамъ Миньши или по 216-й главѣ Лэ-чжуань, онъ увидалъ бы, что за весь періодъ Миньской династіи у Чжунгаровъ рѣшительно не проходило ни одного года безъ борьбы съ Монголами. А дальше, что разорило

[1]) Подлинный китайскій текстъ: Бу лай гунъ юй шань бэй, ю бу чжуй цзи юй шань нань, гуань ванъ це ви (Шэнъ-у-цзи Цз. 3-я л. 63). По второму изданію прибавляется: «вэй у цинь и цзайнь».

Библиотека "Руниверс"

Халху въ конецъ, какъ не чжунгарскіе походы? Что привело Халхасовъ къ совершенной потерѣ самостоятельности и къ подчиненію Маньчжурамъ, какъ не тѣ же нападенія соплеменныхъ Чжунгаровъ? Г. Веселовскій можетъ отвѣтить: „Грабежи-де и набѣги составляютъ обычное явленіе у кочевниковъ". Но имѣемъ ли мы право повсюду прилагать этотъ отвѣтъ, и не найдемъ ли мы у Чжунгаровъ, вмѣсто желанія пограбить, возбужденія политическихъ страстей и особливо противъ халхасскихъ Монголовъ, возбужденія, которое, какъ это извѣстно, не рѣдко заставляетъ совершенно умолкать чувство племеннаго единства? Что касается войнъ Галданъ-цэрэна, то для насъ почти несомнѣнно, что онѣ велись за обладаніе землями, которыя прежде принадлежали Чжунгаріи, а послѣ пораженія Галданабошокту и подданства Халхасовъ Китаю были заняты Халхасами. Что предлогомъ для военныхъ дѣйствій, веденныхъ въ Халхѣ Цэванъ-рабтаномъ, были именно эти земли — фактъ, не подлежащій для насъ въ настоящее время никакому сомнѣнію, а Галданъ-цэрэнъ, какъ говорятъ историки, только продолжалъ дѣло своего отца. Совершенно не затрогивая Китая, Галданъ-цэрэнъ напалъ на Халху, съ огнемъ и мечемъ прошелъ онъ опять-таки по однимъ только халхасскимъ кочевьямъ, разграбилъ исключительно халхасское имущество, перебилъ множество народа, и все это г. Веселовскій почитаетъ за чуждое Халхѣ, китайское дѣло. Нѣтъ сомнѣнія, что такъ какъ Халха находилась уже въ то время подъ властью Китая, послѣдній обязанъ былъ защищать ее; но отсюда не слѣдуетъ еще, что сами Халхасы должны были сидѣть, сложивъ руки. А между тѣмъ подробное изученіе обстоятельствъ, показываетъ что Халхасы вели себя именно такимъ образомъ [1]). Наконецъ, если

[1]) Примѣръ единственнаго, дѣйствительно отличившагося въ этихъ войнахъ, халхасскаго цзасака-эоу Цэрэна, собственно говоря, въ этомъ дѣлѣ совѣмъ не указъ. Этотъ князь на четвертомъ году отъ своего рожденія (1687) былъ взятъ въ Китай и воспитывался при богдоханскомъ дворѣ. Девятилѣтняго Канси зачислилъ его въ знаменныя войска и съ тѣхъ поръ вплоть до 1715 года изучалъ онъ военное дѣло въ Китаѣ, а въ 1715 г. вмѣстѣ съ дарованнымъ ему отрядомъ маньчжурскихъ войскъ возвратился въ Халху. Ясно, что это былъ человѣкъ исключительный въ Халхѣ, и по своему воспитанію онъ былъ скорѣе Китайцемъ, чѣмъ Халхасомъ (Шэнъ-у-цзи Цз. 3-я л. 16; а также Сайн-ноину айм тухэ, т. 70, л. 3-й). Настоящія біографическія данныя объ эоу Цэрэнѣ не были представлены въ изданномъ томѣ «Матеріаловъ для исторіи Халхи», такъ какъ они должны войти въ составъ поясненій къ 27-й главѣ лѣтописи Эрдэні-

Библиотека "Руниверс"

мы начнемъ подробно разбирать упреки Китая, то увидимъ, что они дѣлались халхасскимъ князьямъ не только за то, что князья эти мало содѣйствовали изгнанію Чжунгаровъ, но еще больше за то, что они не предпринимали никакихъ мѣръ даже къ сохраненію своихъ имуществъ отъ разграбленія. На стр. 363 моей книги, г. Веселовскій могъ прочитать рескриптъ богдохана, данный на имя князей цзасакту-хайновскаго аймака, и содержаніе этого рескрипта показываетъ намъ, что Цзасакту-хановцы не захотѣли даже заблаговременно уклониться отъ пути слѣдованія чжунгарскихъ войскъ, укрыть отъ нихъ свой скотъ и свое имущество. „Какъ подумаю я", пишетъ богдоханъ,—„ваши Халхасы всѣ, какъ одинъ человѣкъ. Есть ли на свѣтѣ законъ, чтобы придти въ бѣдность и безсиліе по своей волѣ, и потомъ дожидаться, что придутъ люди, которые будутъ охра-

---

нять эрихэ, гдѣ передаются біографіи всѣхъ князей сайнъ-нойновскаго аймака. Тѣмъ не менѣе на стр. 355 своей книги я долженъ былъ, воспроизводя точный текстъ сказаній Шэнъ-у-цзи, охарактеризовать эоу Цэрэна, какъ человѣка *исключительнаго*, для котораго «бранное дѣло составляло самое завѣтное желаніе духа». Эта характеристика даетъ между прочимъ г. Веселовскому новый случай поиронизировать надо мною. «Новая неожиданность», восклицаетъ онъ,—«вѣдь авторъ «Матеріаловъ» давно похоронилъ то поколѣніе, которое отличалось такимъ именно характеромъ, а новое воспиталось подъ вліяніемъ убѣжденія въ собственной слабости и... буддійскихъ воззрѣній на міръ». Полагаемъ, что г. Веселовскому теперь станетъ нѣсколько яснѣе, почему эоу Цэрэнъ могъ быть человѣкомъ, отличнымъ отъ своего поколѣнія въ Халхѣ. Если онъ не зналъ этого прежде, то вѣдь никто въ этомъ не виноватъ, равно какъ и я не могъ передать ему въ одномъ томѣ того, что предположено передать въ шести или семи. Но о чемъ же еще свидѣтельствуетъ иронія г. Веселовскаго? Въ разсмотрѣнномъ мною столѣтіи изъ жизни Монголовъ являются собственно три поколѣнія. Эоу Цэрэнъ принадлежалъ къ послѣднему изъ нихъ. По характеристикѣ этихъ поколѣній, передаваемой намъ китайскими и монгольскими историками, оказывается, что поколѣнія эти довольно рѣзко отличались другъ отъ друга, *постепенно утрачивая* прежнюю бодрость и воинственность своихъ отцевъ. Я не усумнился довѣриться этой характеристикѣ, ибо, по моему мнѣнію, она вовсе не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы китайскіе историки, представляя отличительныя особенности молодаго поколѣнія, дѣйствительно хоронили бы ими всѣ особенности поколѣнія стараго. Китайскіе историки вовсе не такъ глупы, чтобы полагать, будто народный духъ можетъ всецѣло измѣниться съ однимъ поколѣніемъ: они знаютъ, что эта перемѣна всегда происходитъ постепенно, какъ бы сильно ни проходили въ народное сознаніе новые взгляды, и какъ бы быстро ни усвоялись новыя привычки. Наконецъ, вѣдь и отдѣльныя исключительныя личности въ народѣ всегда возможны, и само собою разумѣется, онѣ не могутъ составить собою противорѣчія для общей характеристики своего поколѣнія.

Библиотека "Руниверс"

нять васъ и помогать вамъ!" Понятно, что здѣсь упрекъ выражается не за то, что Халхасы не хотѣли уничтожить Чжунгарію, а за полнѣйшее пренебреженіе ихъ даже къ самосохраненію. При такой ограниченности требованій упрекъ едва ли даже не можетъ быть признанъ и справедливымъ; во всякомъ же случаѣ намъ кажется довольно труднымъ согласиться съ такимъ приговоромъ историка, что Халхасы, когда Чжунгары напали и разграбили ихъ кочевья, должны были почитать это нападеніе за совершенно не касающееся ихъ и чуждое имъ, китайское дѣло.

Доказавъ по своему мое пристрастіе къ Монголо-Халхасамъ, г. Веселовскій находитъ, что слабую сторону моего сочиненія составляетъ его обработка, такъ какъ въ немъ постоянно встрѣчаются повторенія, противорѣчія и недомолвки. Примѣровъ повтореній въ статьѣ однако не представляется; что же касается противорѣчій и недомолвокъ, то въ указаніяхъ на нихъ нѣтъ недостатка, и намъ придется разобрать эти примѣры, чтобъ оцѣнить ихъ справедливость.

Для доказательства слабой обработки сочиненія г. Веселовскій прежде всего передаетъ представляемые книгою разказы о томъ, какъ Манчьжуры воспрещали Халхасамъ представлять дань къ императорскому двору. Такого рода воспрещеніе было издано впервые въ 1652 году по отношенію къ Сэцэнъ-хану, при чемъ монголо-китайскіе памятники извѣщаютъ насъ, что помянутое ограниченіе, или, по буквальному выраженію Монголовъ, этотъ „урокъ", данный императоромъ Халхасамъ, принесъ ожидаемыя Маньчжурами послѣдствія, то-есть, прекратилъ споры, которые прежде возбуждали Халхасы. Во второй разъ отказъ въ пріемѣ дани послѣдовалъ въ 1653 году на имя Тушѣту-хана, при чемъ тѣ же памятники удостовѣряютъ насъ, что тушѣту-хановцы отнеслись къ нанесенному имъ оскорбленію и данному имъ уроку равнодушно, то-есть, не подумали возстать противъ ограниченія и отстаивать свою честь, а по прежнему продолжали низкопоклонничать предъ Китаемъ. „Въ одно и то же время", говоритъ г. Веселовскій,—„и урокъ, и равнодушіе, смотря по тому, что въ извѣстное время больше нравится". Что видѣлъ г. Веселовскій въ этихъ замѣчаніяхъ памятниковъ, мы рѣшительно не понимаемъ. Кажется ли ему неправильнымъ мое выраженіе: „Маньчжуры дали урокъ Халхасамъ", такъ какъ это выраженіе, какъ бы желая выставить его на видъ, повторяетъ онъ нѣсколько разъ? Но въ такомъ случаѣ мы можемъ только обратить его вниманіе на текстъ (гдѣ стоитъ слово „сургабай"), и если онъ подыщетъ намъ болѣе

Библиотека "Руниверс"

точный и соотвѣтствующій контексту переводъ этого слова, мы съ охотою готовы замѣнить его. Противорѣчій въ данныхъ замѣчаніяхъ мы опять-таки не видимъ: со стороны Маньчжуровъ былъ данъ Халхасамъ урокъ, а Халхасы отнеслись къ нему равнодушно. Если по поводу одного событія идетъ толкъ о политикѣ Маньчжуровъ, а по поводу другаго дѣлается замѣтка объ отношеніяхъ къ этой политикѣ Халхасовъ, то въ этомъ случаѣ можно быть только благодарнымъ китайскимъ историкамъ, которые не только сообщаютъ намъ о дѣятельности маньчжурскаго правительства, но и не скрываютъ результатовъ, которыми вѣнчалась эта дѣятельность въ Халхѣ. Впрочемъ за неясностью желаній г. Веселовскаго мы невольно оставляемъ это выраженіе безъ опредѣленнаго отвѣта.

Болѣе ясно выражаетъ г. Веселовскій найденное имъ противорѣчіе въ разказѣ моемъ о набѣгахъ, которые производили Халхасы на маньчжурскія владѣнія. Первый изъ такихъ набѣговъ былъ сдѣланъ Цзасакту-ханомъ въ 1637 г. и обстоятельства этого нападенія, равно какъ и результаты его, изложены въ моей книгѣ по „Цзасакту хану шастирунъ хуріянгуй“ и параллельнымъ ей дектерамъ Илэтхэль шастры. Г. Веселовскому не нравится въ этомъ изложеніи разсужденіе о томъ, что у Халхасовъ явилось какъ результатъ этого набѣга сознаніе въ своемъ безсиліи передъ Маньчжурами. Онъ, очевидно, желаетъ подорвать довѣріе къ возникновенію этого сознанія и въ концѣ концовъ не безъ иронія дѣлаетъ такой оборотъ: „Сознаніе“, говоритъ онъ,—„продолжалось не долго. Въ 1646 году нѣкоторые халхаскіе аймаки рѣшились начать войну съ Маньчжурами, при чемъ многіе изъ Халхасовъ держали сторону Маньчжуровъ и помогали имъ усмирять своихъ соотечественниковъ [1]). По логикѣ автора матеріаловъ выходитъ, что если Халхасы сидятъ смирно, значитъ—явилось у нихъ сознаніе въ собственномъ безсиліи; зашевелились—это воскресли надежды на улучшеніе своего быта путемъ хищническихъ набѣговъ“. Такъ какъ я указывалъ на источники, по которымъ составлено мною изложеніе событій, то мнѣ нѣтъ нужды и говорить, на сколько причастна въ этомъ дѣлѣ моя логика; не довѣрять же

---

[1]) Я желалъ бы знать однако, кто же это *многіе* изъ Халхасовъ, которые держали сторону Маньчжуровъ? По изслѣдованнымъ мною памятникамъ, измѣнникомъ общему халхасскому дѣлу при этомъ былъ только *одинъ* тайчжи Лабдаръ; а такихъ Халхасовъ, которые помогали бы Маньчжурамъ усмирять своихъ соотечественниковъ не было вовсе.

Библиотека "Руниверс"

имѣвшимся у меня историческимъ памятникамъ я не имѣлъ никакого основанія; напротивъ, я могу сказать, что всецѣло раздѣляю ихъ взгляды, ибо повѣствованія и разсужденія ихъ дышатъ полною правотой. Для знакомаго съ дѣломъ только по статьѣ г. Веселовскаго можетъ, конечно, показаться страннымъ и противорѣчивымъ движеніе 1646 года, то-есть, послѣ того, какъ у Халхасовъ уже появилось „опасеніе о полной невозможности противостоять Маньчжурамъ"; но г. Веселовскій не упомянулъ объ одномъ очень вѣскомъ обстоятельствѣ, о томъ именно, что сознававшіе свое безсиліе или, по просту сказать, трусившіе Халхасы сидѣли смирно до тѣхъ поръ, пока царствовалъ нанесшій имъ пораженіе Тай-цзунъ и сдѣлали новый набѣгъ послѣ того, какъ на маньчжурскій престолъ вступилъ его преемникъ. Это обстоятельство вполнѣ разъясняетъ почему рѣшились Халхасы на движеніе въ 1646 году. Имъ не было еще извѣстно, какимъ явится новый владыка Маньчжуровъ, оттого и попробовали они счастья, надѣясь, конечно, что можетъ быть, Шунь-чжи и не будетъ такимъ воинственнымъ и грознымъ вождемъ, какимъ былъ его отецъ. Это совершенно въ духѣ политики кочевниковъ, и такимъ образомъ набѣгъ 1646 г., очевидно, не противорѣчитъ сообщенію о сознаніи Халхасами своего безсилія, которое передаютъ намъ китайскіе источники, и надъ которымъ подсмѣивается г. Веселовскій. Но утверждая, что никакого сознанія о безсиліи и у Халхасовъ не возникало, г. Веселовскій представляетъ свое толкованіе этихъ событій. „Дѣло", говоритъ онъ,—„на нашъ взглядъ, объясняется очень просто: Халхасы, увидѣли, что хищничать на счетъ Маньчжуровъ не совсѣмъ удобно, и что набѣги нужно производить съ большею противъ прежняго осторожностью". Но почему же, послѣ нападенія 1637 года, Халхасы хотя бы и „съ большею противъ прежняго осторожностью", не произвели ни одного набѣга въ царствованіе Тайцзуна, тогда какъ прежде набѣги эти бывали ежегодно? Увидали, что хищничать на счетъ Маньчжуровъ не совсѣмъ удобно? Почему же не совсѣмъ удобно? Потому что поколотятъ? Не то же ли это самое, что „опасеніе невозможности противостоять Маньчжурамъ и сознаніе своего безсилія". Очевидно, что г. Веселовскій повторилъ только на иной ладъ, да съ большею темнотою, то же самое, что̀ говорятъ китайскіе историки.

Мы, конечно, не претендуемъ на г. Веселовскаго за то, что онъ желалъ отыскивать противорѣчія въ нашей книгѣ. Еслибъ онъ успѣлъ въ этомъ, его статья могла бы имѣть большое значеніе: она выяснила

Библиотека "Руниверс"

бы всѣ основные вопросы, долженствующіе подлежать изысканіямъ послѣдующихъ собирателей матеріаловъ для исторіи Халхи. Но вопросы эти, если г. Веселовскій изрѣдка и нападалъ на нихъ, остались не выясненными, такъ какъ вниманіе критика обращено главнымъ образомъ не на сущность этихъ вопросовъ, а лишь на мою недальновидность по отношенію къ нимъ. Во время войнъ Галданабошокту, Китайцы съ цѣлью завлечь Галдана въ свои сѣти, подсылали къ нему своихъ агентовъ подъ видомъ перебѣжчиковъ. Разказывая подробно объ этихъ обстоятельствахъ, я говорилъ, что хитрость эта была, безъ сомнѣнія, узнана Галданомъ, такъ какъ одного изъ такихъ пословъ онъ отправилъ пѣшкомъ назадъ. „Ничего необыкновеннаго", говоритъ г. Веселовскій,—„Азіатцы любятъ хитрить, хитрятъ въ такихъ случаяхъ, когда въ томъ нѣтъ никакой надобности; но чрезъ нѣсколько страницъ далѣе узнаемъ, что Галданъ вѣритъ подобнымъ посланцамъ.... По подложному письму Шачжина, которое получилъ онъ чрезъ Очира еще въ прошломъ году, Галданъ предполагалъ, что всѣ десять хорчинскихъ хошуновъ сдѣлались его сообщниками и разчитывалъ на ихъ помощь" (стр. 246). „Для насъ ясно", заключаетъ г. Весловскій,—„что всѣ подобные выводы построены на личныхъ догадкахъ автора изслѣдованія. Онъ разсуждалъ, по видимому такимъ образомъ: не пошелъ Галданъ на сѣверъ по предложенію Шачжина, а остался въ Баянь-уланѣ, значитъ—понялъ хитрость Китайцевъ и не повѣрилъ посланцу; на слѣдующій годъ Галданъ очутился на сѣверной сторонѣ Хэрулэна [2]), значитъ—пошелъ туда по приглашенію Шачжина, то-есть, повѣрилъ посланцу". Я положительно недоумѣваю, что можно отвѣчать г. Веселовскому на такіе его выводы? Онъ, очевидно, не посмотрѣлъ на цитаты и не желаетъ вѣрить тому, что я представляю не подкрашенные матеріалы, которые достойны полнаго уваженія, и если кажутся противорѣчивыми, то объясненія этихъ противорѣчій надлежитъ искать только

---

[2]) Событія, связь ихъ, географическія данныя все перепутано въ этой фразѣ критика. Развѣ Шачжинъ посылалъ своего посланца съ вѣдома Китайцевъ; и развѣ Китайцы посылали своего посланца съ вѣдома Шачжина (сравн. моей кн. стр. 217 и 241). Развѣ Галданъ по приглашенію Шачжина, или Китайцевъ долженъ былъ идти на сѣверъ? (см. стр. 241). Что такое мѣстность Баянь-уланъ и гдѣ она находится? (сравн. стр. 100 и 237). Какимъ образомъ и когда пришелъ Галданъ на сѣверную сторону Кэрулэна? Въ какой мѣстности стоялъ онъ на Кэрулэнѣ (см. стр. 237).

Библиотека "Руниверс"

въ новыхъ историческихъ данныхъ. Какое же изъ помянутыхъ извѣстій заподозрилъ г. Веселовскій? То ли, что Галданъ, не повѣривъ подосланному Китайцами агенту, отправилъ его назадъ? Но вѣдь въ текстѣ книги стоитъ на это ясный цитатъ, и, обращаясь поэтому цитату къ Шэнъ-у-цзи Цз. 3-я л. 32, читаемъ: „Цань-ши ванъ цяо чжи. цзѣй линъ ши чжэ ту бу гуй", то-есть, „посланнаго ради привлеченія (на югъ) посланца, разбойниковъ, не довѣряя, приказалъ воротить босаго и пѣшаго назадъ". Или можетъ быть г. Веселовскому показалось невѣроятнымъ второе извѣстіе; тогда отсылаемъ его по выставленному цитату къ Илэтхэль шастрѣ, томъ 17-й л. 34, подлинный текстъ который гласитъ такъ: „Г'алданъ Шачжин'у бичиг'и ольчжу, хорчин'у арбанъ хошигун-и цум тэгун'у айя балбай хэмэнъ, Хэрулэн'у гоол'ун хубэгэ-бэр ирэхсэн"; а это значитъ: Галданъ, предполагая, по письму Шачжина, что всѣ десять хорчинскихъ хошуновъ сдѣлались его сообщниками, пришелъ по берегу Кэрулэна". Ясно ли теперь для г. Веселовскаго, что всѣ подобные выводы построены не на моихъ личныхъ догадкахъ, а составляютъ дословную передачу текста памятниковъ? Не довѣрять этимъ памятникамъ вообще или какому-либо изъ нихъ въ частности, нѣтъ никакого основанія, такъ какъ всѣ они одинаково составляютъ списки съ оффиціальныхъ источниковъ для исторіи маньчжурской династіи, и едва ли не вѣрнѣе будетъ заключить, что если мы встрѣчаемъ въ этихъ источникахъ кажущіяся намъ противорѣчія, то это зависитъ не оттого, чтобы самые источники сообщали не вѣрныя свѣдѣнія, а отъ того, что собственныя наши знанія черезъ чуръ незначительны, каждый же въ отдѣльности историческій памятникъ, конечно, не въ силахъ передать намъ всѣ взаимно поясняющія другъ друга мелочи событія. Когда о. Іакинфъ передавалъ намъ со словъ Чжао-ши-и извѣстія китайскихъ историковъ о войнахъ Галданъ-цэрэна, онъ разказывалъ, что армія Марсая стояла къ Куку-хото и что по разбитіи войскъ Галдана при Орхонѣ солдаты Марсаевской арміи, увидавши съ крѣпостныхъ стѣнъ, какъ бѣжали разбитые Олёты, выступили за ними въ погоню. Кажется, что было противорѣчивѣе этихъ извѣстій: какъ въ самомъ дѣлѣ, съ крѣпостныхъ стѣнъ Куку-хото, видѣть то, что дѣлается на сѣверѣ Гоби, приблизительно за 1200 верстъ? Не должны ли показаться положительною ложью, эти сообщенія памятника? Но о. Іоакинфъ, не стѣснялся, передалъ намъ оба эти извѣстія и мы теперь весьма благодарны ему. Въ настоящее время, по обнародованнымъ мною документамъ оказывается, что армія Марсая, первоначально состоявшая

Библиотека "Руниверс"

въ Куку-хото, была затѣмъ передвинута въ крѣпость, построенную при истокахъ Байдарика (фактъ, опущенный въ Чжао-ши-и). Со стѣнъ этой крѣпости можно было дѣйствительно и видѣть бѣгущихъ Чжунгаръ, и поспѣть за ними въ погоню. Ясно, что противорѣчіе возникало здѣсь не отъ несправедливости китайскихъ источниковъ, а отъ недостаточности нашихъ знаній. Нѣтъ сомнѣнія, что то же самое скрывается и въ переданномъ мною разказѣ о посланцахъ; послѣдующія изысканія, несомнѣнно, уяснятъ намъ, и сколько было всѣхъ посланцевъ, и какіе приносили они отвѣты, и кого именно изъ нихъ Галданъ отправилъ босаго и пѣшкомъ назадъ, хотя и въ настоящемъ разказѣ противорѣчія, собственно говоря, никакого нѣтъ: Галданъ легко могъ повѣрить посланцу Шачжина-Монголу и заподозрить императорскаго посланца-Китайца. Изслѣдованію всѣхъ этихъ событій моею книгою положено первое основаніе: просмотрѣнные мною памятники, конечно, не передаютъ событій во всей полнотѣ, и эта-то недостаточность свѣдѣній именно и заставила меня писать не исторію Халхи, а только обнародовать матеріалы, относящіеся до этой исторіи.

Таковы основные примѣры противорѣчій, выставленныхъ г. Веселовскимъ; другіе образцы ихъ еще слабѣе. Напримѣръ. „Вся война Чжунгаръ съ Китаемъ, говоритъ онъ изложена въ сочиненіи це совсѣмъ удовлетворительно. Въ самомъ повѣствованіи нѣтъ строгой отчетливости, нѣтъ даже послѣдовательности. То Чжунгары сильно разбиты, то разбиты не сильно, и въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ объ одной и той же битвѣ. То китайское правительство рѣшается „окончательно истребить" своего врага (стр. 234), то вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ пробуетъ склонить дѣла къ миру (стр. 237)". Гдѣ это объ одной и той же битвѣ говорится, что Чжунгары разбиты сильно и не сильно, мы не знаемъ, и самъ г. Веселовскій цитаты не выставляетъ; второе же противорѣчіе съ указаніемъ страницъ разобрать, конечно, не трудно. Дѣло идетъ о томъ времени, когда, разбитый при Уланъ-бутунѣ, Галданъ-бошокту бѣжалъ на сѣверъ и остановился кочевать въ степяхъ Халхи. Китайское правительство, вслѣдствіе необходимости для него халхасскихъ земель, намѣревалось выгнать отсюда Галдана и въ теченіе трехъ лѣтъ подготовлялось къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ. Въ 7-й лунѣ 1693-го года императоръ распредѣлилъ арміи, назначилъ главнокомандующихъ и опредѣлилъ что во 2-й лунѣ слѣдующаго 1694 г. должны начаться военныя дѣйствія (стр. 233); словомъ, совершился фактъ, отмѣченный г. Веселовскимъ, то-есть, все было приготовлено

Библиотека "Руниверс"

для похода, имѣвшаго цѣлью окончательно истребить силы Галдана (стр. 234). Но въ то время, какъ состоялось уже это рѣшеніе и все готовилось къ походу, открылся цѣлый рядъ смутъ въ кочевьяхъ самихъ Халхасовъ. Прежде всего осенью (то-есть, въ 7, 8-й или 9-й лунѣ) началось междоусобіе сэцэнъ хановскаго Ильдэнъ-тайчжи съ Цзамбала-цзамбо-хутухтою (обстоятельства этого междоусобія излагаются въ моей книгѣ на стр. 235); потомъ составили свои шайки и начали разбойничать Баргуты (это описано на стр. 236); за симъ открылись смуты Шараба и Ханду (разказъ о нихъ начинается на стр. 236 и оканчивается на стр. 237). И вотъ вслѣдствіе этихъ то внутреннихъ неурядицъ Канси, даже приготовившись къ войнѣ, все-таки не хотѣлъ начинать ее: онъ еще разъ попробовалъ добиться мирнаго окончанія Чжунгаро-халхасскаго дѣла и отправилъ къ Галдану грамоту, приглашая его на свиданіе (стр. 237). Послѣдовательность и связь событій здѣсь вполнѣ возможна и какъ нельзя больше естественна; не понятно только, почему это г. Веселовскому, выставившему факты, изложенные на стр. 234 и 237, пожелалось скрыть то, что говорится на стр. 235 и 236, а это-то выброшенное именно и объясняетъ причины, по которымъ Китайцы, уже рѣшившись истребить своего врага, все-таки хотѣли порѣшить дѣло миромъ.

Этимъ же пріемомъ—обходить сообщаемыя извѣстія—пользуется г. Веселовскій и для доказательства того, что представленные мною памятники страдаютъ недомолвками. „Начатыя при Канси войны Чжунгаръ съ Маньчжурами продолжались и при Юнъ-чжэнѣ. Выведенный изъ терпѣнія дерзостью Чжунгаръ императоръ этотъ въ 7-мъ году своего правленія рѣшился наказать ихъ. Пекинскій кабинетъ сдѣлалъ представленіе императору, что время для борьбы съ Чжунгарами еще не настало, что народъ не готовъ къ этой войнѣ (стр. 332). Почему рано наказать Чжунгаръ теперь, когда наказанія были возможны раньше, мы рѣшительно не понимаемъ и самъ авторъ книги намъ этого не объясняетъ". Разказъ этотъ, переданный здѣсь собственными словами г. Веселовскаго, заимствованъ въ моей книгѣ изъ статьи „Юнъ-чжэнъ лянъ чженъ э-лу-тэ цзи", гдѣ это мѣсто въ дословно воспроизведенномъ у меня переводѣ читается такъ:... „въ 7-мъ году императоръ порѣшилъ наказать ихъ. Тогда да-сё-ши Чжуши и главный прокуроръ Чэнь-цзинь-сы оба представляли императору, что время для борьбы съ Чжунгарами еще не наступило и что народъ не готовъ для этой борьбы; ду-тунъ

Библиотека "Руниверс"

Да-фу также точно старался убѣдить, что непріятель можетъ еще пользоваться теперь своими старыми и опытными полководцами, а потому трудно расчитывать на побѣду; только да-сё-ши Чжанъ-тинъ-юй всячески подговаривалъ къ войнѣ"... [1]) Ясно, что извѣстіе это представляетъ собою нѣчто въ родѣ выписки изъ протокола засѣданія государственнаго совѣта, на которомъ обсуждался возбужденный императоромъ вопросъ о началѣ войнъ съ Чжунгаріей. Нѣкоторые изъ сановниковъ представили свои соображенія о не своевременности этой войны и тѣмъ не менѣе война была объявлена, какъ желалъ того императоръ. Все это отъ слова до слова находится въ моей книгѣ и на той самой 332-й страницѣ, которую цитируетъ г. Веселовскій, даже строки слѣдуютъ здѣсь подъ рядъ одна за другою; но г. Веселовскому, очевидно, нужно было скрыть эти строки, иначе онъ, конечно, не могъ бы сказать, что авторъ книги не объясняетъ причинъ, по которымъ война съ Чжунгарами признавалась неудобною.

Продолжая далѣе разсмотрѣніе этого событія, г. Веселовскій находитъ, что разказъ о немъ „не вяжется съ предыдущимъ изложеніемъ, а еще хуже не вяжется съ послѣдующимъ". Какимъ образомъ разказъ не представляетъ связи съ предыдущимъ, критикъ не поясняетъ; противорѣчіе же его послѣдующимъ событіямъ видитъ онъ въ томъ, что когда, по выступленіи войскъ въ походъ армія полководца Фурдани была разбита, то маньчжурскій кабинетъ, получивъ извѣстіе о пораженіи своихъ войскъ, пришелъ въ страшное озлобленіе противъ Чжунгаръ и порѣшилъ всеконечно истребить ихъ. „Выходитъ", заключаетъ г. Веселовскій,—„что наказать Чжунгаръ было не возможно; а всеконечно истребить ихъ ничего не стоитъ. Что-то не складно, за то ужь чисто по китайски" [2]). Въ

---

[1]) По дословному китайскому тексту: Цзя-нянь. Шанъ и тао чжи. Ши да-се-ши Чжу-ши, ду-юй-ши Чэнь-цзинь-сё цзё и вэй тять ши жэнь жи вэй чжи. Ду-тунъ Да-фу и ли янь: цзёй нынъ юнъ ци цзю чэнь, вэй кэ ту; вэй Да-се-ши Чжанъ-тинъ-юй ли цзень юнъ бинъ. (Шэнь-у-цзи Цз. 3-я л. 58-й).

[2]) Придирчивость при этомъ у г. Веселовскаго доходитъ до крайности. Весь разказъ объ этомъ походѣ заимствованъ у меня изъ статьи: Юнъ-чжанъ лянъ жэнъ... и пр., помѣщенной въ Шенъ-у-цзи и дѣйствительно въ высшей степени интересенъ по массѣ чертъ, характеризующихъ китайскую націю. Г. Веселовскій не преминулъ разобрать и его, и вотъ образчикъ его замѣтокъ: „Войска выступили въ путь. Отъ проливнаго дождя значки и знамена въ это время намокли и знающіе люди считали это за недобрый знакъ", какъ бы отъ себя замѣчаетъ

Библиотека "Руниверс"

отвѣтъ на это я, конечно, прежде всего повторю ссылку на памятникъ, утверждающій переданный мною фактъ, а за тѣмъ, пожалуй, добавлю, что ходъ этихъ событій, можетъ быть, и не складенъ по логикѣ г. Веселовскаго, но встрѣчается и не у однихъ Китайцевъ. Разверните исторію любаго народа, и въ жизни его непремѣнно найдется фактъ, что его государь объявляетъ войну, руководствуясь только личнымъ соображеніемъ, или же имѣя за своимъ взглядомъ только меньшинство народныхъ представителей; но разъ война объявлена, не только все правительство, но даже и весь народъ, ради собственной чести, и выбиваясь изъ послѣднихъ силъ стремится довести ее до конца и выйдти изъ нея съ успѣхомъ. Въ Китаѣ въ данномъ случаѣ, какъ можно думать по извѣстнымъ намъ даннымъ, было то же самое. До начала войны многіе говорили, что она невозможна, или, по крайней мѣрѣ, не своевременна; а когда войскамъ приказано было выступить въ походъ и вслѣдъ за симъ они потерпѣли пораженіе, весь кабинетъ пришелъ въ озлобленіе и порѣшилъ всеконечно истребить Чжунгаровъ. Это не значитъ, что такое истребленіе для пекинскаго кабинета, или что тоже для Китая, ничего не стоило. Когда я приготовлялъ свое изданіе „Эрдэнійнъ эрихэ", я не имѣлъ никакихъ данныхъ по этому вопросу о стоимости; но недавно, занявшись вопросомъ о военныхъ силахъ Китая и о финансовомъ состояніи китайской имперіи, я повстрѣчалъ слѣдующее извѣстіе: „Въ 61-мъ году правленія Канси въ государственномъ казначействѣ Китая было запаснаго капитала 800 слишкомъ тысячъ ланъ. При Юнъ-чжэнѣ, до начала войнъ съ Чжунгарами, мало по малу набралось до 60 милліоновъ ланъ; но со времени начала этихъ войнъ правительство должно было израсходовать на нихъ бо̀льшую половину капитала, такъ что къ началу царствованія Цянь-луна въ казначействѣ находилось не болѣе 24 милліоновъ ланъ". И такъ война съ Чжунгарами стоила Юнъ-чжену 36 милліоновъ ланъ запаснаго капитала, помимо того что поглащала всѣ годовые доходы

авторъ диссертаціи, ибо ссылки на источникъ нѣтъ никакой". Словами „*какъ бы* отъ себя замѣчаетъ авторъ" г. Веселовскій уже ясно показалъ, что по тексту книги видно, что это переводъ, а не мои рѣчи. Все дѣло стало быть въ томъ что „ссылки на источникъ нѣтъ никакой"; но и это не вѣрно. Ссылка стоитъ на 333-й страницѣ—«Шэнъ-у-цзи, Цз. 3-я л. 58-й». Я имѣю обыкновеніе ссылку ставить тогда, когда у меня оканчивается выписка изъ источника. Это, кажется, и общій обычай. Въ настоящемъ случаѣ моя выписка изъ Шэнъ-у-цзи тянется безпрерывно на три печатныхъ страницы. Не ставить же одну и ту же цитату послѣ каждой точки.

Библиотека "Руниверс"

Китая, да и этого еще мало. Въ пятой цзюани Шэнь-у-цзи находимъ, что именно въ 1731-мъ году, то-есть, послѣ пораженія арміи Фурданя, въ Китаѣ „приведенъ былъ въ дѣйствіе законъ о пожертвованіяхъ и объявлена была продажа должностей и званій". Очевидно, что озлобленный пекинскій кабинетъ принималъ въ это время всѣ свои чрезвычайныя мѣры, чтобы пріобрѣсти средства и выйдти изъ войны съ успѣхомъ.

Покончивъ этимъ разборъ событій гражданской жизни Монголовъ, г. Веселовскій переходитъ къ самому важному, по его словамъ, вопросу, затронутому въ книгѣ, то-есть, къ буддизму въ Монголіи; по старому начинаетъ онъ искать здѣсь противорѣчій и, конечно, находитъ. Характеризуя вкратцѣ исторію буддизма въ Халхѣ, необходимо сказать, что впервые прибывшіе въ Халху тибетскіе ламы по началу весьма ревностно заботились о развитіи здѣсь буддизма: они говорили проповѣди, начали подготовлять людей для перевода священныхъ книгъ на языкъ монгольскій и, можетъ быть, даже перевели два, три сочиненія. Но со смертію этихъ ламъ уже не встрѣчается указаній на дѣло переводовъ и научнаго изученія буддизма. Религіозная ревность Халхасовъ начала выражаться главнымъ образомъ въ сооруженіи храмовъ и кумировъ, устроеніи религіозныхъ церемоній, пышныхъ церковныхъ празднествъ и проч., словомъ, Халхасы старались блеснуть только внѣшнею стороной благосостоянія своей религіи. Прошло пятьдесятъ лѣтъ, у нихъ появился и свой гэгэнъ въ лицѣ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, а появленіе этого гэгэна въ свою очередь еще болѣе увеличило и число ламъ, и число монастырей, и число празднествъ. Все это изложено въ моей книгѣ со всѣми тѣми историческими подробностями, которыя могъ я найдти въ просмотрѣнныхъ мною лѣтописяхъ, и оказывается, напримѣръ, что съ 1647 г. по 1654 г., то-есть, въ теченіе шести лѣтъ однимъ только хутухтою и въ однихъ только кочевьяхъ Тушѣту хана было построенно семь монастырей. Уясняя за симъ значеніе развитія буддизма въ сказанномъ отношеніи для Халхасовъ, я говорилъ: „Понятно, что молодое поколѣніе тогдашнихъ Халхасовъ воспитывалось исключительно подъ вліяніемъ буддійскихъ идей, а вмѣстѣ съ симъ оно незамѣтно утрачивало въ своей душѣ бодрость и отвагу своихъ отцевъ, теряло ихъ прежнюю воинственность и жажду къ славѣ" [1]). На этихъ то сло-

[1]) Такого рода общее заключеніе дѣлается въ очень многихъ китайскихъ памятникахъ, развитіе же и толкованіе его въ разныхъ памятникахъ, конечно,

Библиотека "Руниверс"

вахъ и основалъ г. Веселовскій свои возраженія. Вопервыхъ, говоритъ онъ,—буддійскія идеи — это уже не внѣшность..... И я ничего не имѣю сказать противъ этого, прося извиненія въ неточности своего выраженія: въ данномъ случаѣ мнѣ дѣйствительно было гораздо лучше сказать не „буддійскихъ идей", а что-нибудь въ родѣ „буддійскихъ вѣрованій и суевѣрій". „Вовторыхъ", продолжаетъ г. Веселовскій,—„бодрость духа Халхасы потеряли еще раньше, вслѣдствіе пораженія, нанесеннаго Маньчжурами, какъ уже заявилъ г. Позднѣевъ на стр. 141. При чемъ же тутъ буддизмъ и отчего никакой „потери" мы не видимъ въ Чжунгаріи, гдѣ исповѣдывали ту же религію?" На эти послѣднія рѣчи даже не знаешь, что̀ и отвѣчать. Вѣдь не возможно же въ самомъ дѣлѣ думать, что народъ измѣняетъ свой характеръ вслѣдствіе одного пораженія? Г. Веселовскій ссылается на стр. 141 моей книги, но что̀ же находится на этой страницѣ? Я говорилъ на ней, что послѣ пораженія, нанесеннаго Халхасамъ императоромъ Шунь-чжи, послѣдніе необходимо должны были вынести изъ этой борьбы то убѣжденіе, что и при новомъ маньчжурскомъ императорѣ имъ также точно не придется производить безнаказанно своихъ нападеній, какъ это было и при старомъ. Гдѣ же это нашелъ г. Веселовскій на стр. 141 (да и на другихъ) хотя что-либо подобное тому, что Халхасы не только отъ одного пораженія, а даже отъ совокупности всѣхъ своихъ битвъ съ Маньчжурами „потеряли бодрость духа"? Что пораженіе, нанесенное Халхасамъ при Шунь-чжи, заставило ихъ прекратить свои набѣги за южныя границы Халхи,—это вѣрно; что сидя дома, они вплоть до начала своихъ междуусобицъ занимались только буддизмомъ,—это вѣрно; но постепенная перемѣна въ характерѣ Халхасовъ послѣдовала не отъ одной какой-либо изъ этихъ причинъ, а отъ совокупности вліянія на жизнь ихъ Маньчжуровъ и буддизма. Объяснять это просто было бы излишне; но г. Веселовскій въ связи въ вышесказаннымъ предлагаетъ такіе

различно: одни говорятъ по этому поводу больше, другіе меньше, одни основываютъ свое положеніе на доказательствахъ и представляютъ примѣры изъ жизни Халхи, другіе ограничиваются лишь собственными разсужденіями. Самое краткое сообщеніе такого рода на стр. 14. Шэнъ-у цзи гласитъ слѣдующее: Чу ха-р-ха ши сюнъ мо бэй; пай чжунъ ѣ чжуань нинъ ла-ма, си-фань бэй, сѣ у ши, цзы санъ линъ мѣ. Это значитъ: Сначала Халха была воинственною на сѣверѣ Гоби, но потомъ она совершенно предалась ламамъ, упражнялась только въ похвалахъ и пѣснопѣніяхъ буддѣ, начала пренебрегать военнымъ дѣломъ и тѣмъ сама себя погубила.

Библиотека "Руниверс"

вопросы: „При чемъ же тутъ буддизмъ и отчего никакой потери (бодрости и воинственности) не видимъ мы въ Чжунгаріи, гдѣ исповѣдывали ту же религію?“ Эти послѣдніе вопросы, дѣйствительно, серьезны: они ни однажды еще не затрогивались въ европейской литературѣ, и отвѣтовъ на нихъ по изслѣдованіямъ Европейцевъ опять-таки найдти нельзя, такъ какъ исторія развитія и существованія буддизма въ Чжунгаріи до нынѣ еще не была предметомъ основательныхъ изслѣдованій ни для одного изъ европейскихъ оріенталистовъ. Отвѣчать на эти вопросы можно только по оригинальнымъ произведеніямъ востока, и такъ какъ памятники этого рода извѣстны намъ до нѣкоторой степени, то мы и сообщимъ здѣсь составившіеся у насъ на основаніи ихъ взгляды.

Буддизмъ, какъ это уже извѣстно, появившись въ Халхѣ, въ теченіе перваго же пятидесятилѣтія началъ ниспадать на степень жалкаго формализма, и въ этомъ направленіи существуетъ и развивается онъ въ Халхѣ, можно сказать, и до настоящаго времени. Халхасы дѣятельно заботятся объ увеличеніи числа своихъ храмовъ, воздвигаютъ семисаженные кумиры, съ каждымъ годомъ пріобрѣтаютъ себѣ новыхъ хутухтъ и съ каждымъ годомъ все больше и больше брѣютъ головы своимъ дѣтямъ, полагая, что они умножаютъ этимъ число ламъ и способствуютъ процвѣтанію вѣры; но о внутреннемъ усвоеніи религіозныхъ истинъ, объ изученіи буддизма они никогда не заботились и не заботятся донынѣ. На томъ основаніи, что у Монголовъ богатая буддійская литература мы несомнѣнно должны были думать, что Монголы относятся неравнодушно къ познанію основъ своего вѣроученія; но въ дѣйствительности этотъ родъ литературныхъ произведеній, мнѣ кажется, менѣе всего можно назвать литературою Монголовъ. Спрашивается, что издали Монголы буддійскаго? Что составили они по буддизму сами, или хоть даже перевели съ тибетскаго? Оказывается: почти ровно ничего. Большинство изданнаго на монгольскомъ языкѣ по буддизму принадлежитъ маньчжурскимъ императорамъ, а не Монголамъ. Мы не можемъ поручиться даже и за то, чтобы Монголы участвовали хотя бы даже въ выборѣ къ изданію той, или другой книги. Такимъ образомъ буддійская литература на монгольскомъ языкѣ есть скорѣе плодъ политическихъ соображеній Маньчжуровъ, чѣмъ результатъ религіозной преданности буддизму Монголовъ, а отсюда, по крайней мѣрѣ, большая часть буддійской литературы долженствуетъ характеризовать собою не внутреннюю жизнь монгольскаго народа, а отношеніе къ нему китайско-маньч-

Библиотека "Руниверс"

журскихъ императоровъ. Что это дѣйствительно такъ, доказательствомъ тому служитъ самая литература. Прослѣдите за сочиненіями по годамъ ихъ изданія хотя въ два самыхъ обширныхъ царствованія Каньси и Цянь-луна; можно ли усмотрѣть хотя какую-нибудь связь въ этихъ изданіяхъ? Рѣшительно никакой. Издается обрядовая книга, издается догматическая, издается нравственно-богословская. Какая цѣль ея? Чѣмъ вызвано ея изданіе? Служитъ ли она поясненіемъ къ изданіямъ, прежде бывшимъ, или дополненіемъ къ свѣдѣніямъ, доставленнымъ прежде изданною книгою того же отдѣла? Ни чуть не бывало: не уловишь никакой связи въ этомъ лабиринтѣ изданій и въ концѣ концовъ по неволѣ приходишь къ заключенію, что въ нихъ руководствовались не научными цѣлями, или потребностями народа, а или чѣмъ то другимъ, понятнымъ только китайскому уму, или же просто брали случайно какую попало книгу, переводили и издавали ее единственно для того, чтобы что-нибудь издать и оповѣстить потомъ народу о великой милости богдохана. Возьмите отдѣлъ церковно-историческій. Издана ли хоть одна исторія буддизма въ Монголіи,—повѣствованіе о предметѣ самомъ близкомъ сердцу Монголовъ? Нѣтъ. Исторіи Тибета, такъ-сказать матери монгольскаго буддизма, тоже нѣтъ; а между тѣмъ издано нѣсколько различныхъ и самыхъ подробныхъ описаній У-тай-шан'я. Почему? Потому что У-тай-шань—мѣстопребываніе Маньчжушри, воплощеніе котораго на землѣ, по подобострастному признанію хласскаго первосвященника, представляетъ Китайскій императоръ. Богдоханы хорошо понимали, что религія есть могущественный двигатель, который можетъ высоко поднять ихъ въ глазахъ монгольскаго народа, и они тщательно заботились напоминать ему о себѣ описаніями мѣстопребыванія своего духовнаго initium'а. Не ясно ли, что большая часть монголо-буддійской литературы есть литература маньчжурская. Со временъ Дао-гуана, когда Монголы допустились уже до того, что въ Пекинѣ безцеремонно стали повелѣвать не только монгольскими князьками, но даже гэгэнами и самимъ ургинскимъ хутухтою, изданія въ Пекинѣ прекратились и въ буддійской литературѣ Монголовъ начался полный застой; хотя храмы въ Монголіи по прежнему продолжаютъ строиться, число гэгэновъ увеличивается, а вмѣстѣ съ ними растетъ и число ламъ.

Совершенно на другихъ условіяхъ развился и существовалъ буддизмъ въ Чжунгаріи. Просматривая лѣтописи и историческія сочиненія Чжунгаровъ, мы видимъ, что Чжунгары никогда не имѣли у

Библиотека "Руниверс"

себя такихъ большихъ монастырей, какіе всегда бывали и донынѣ существуютъ въ Халхѣ. Они не затрачивали по полумилліону ланъ на постройку одного храма, но всегда содержали свои кумирни въ простыхъ войлочныхъ юртахъ [1]); они не строили семисаженныхъ кумировъ Буддъ, но обходились при религіозныхъ торжествахъ только рисованными ихъ изображеніями; они никогда не имѣли у себя перерожденцевъ хутухтъ, а если таковые и заходили къ нимъ изъ Монголіи или изъ Тибета, то души ихъ, оставляя свое бренное тѣло, уже не находили себѣ новаго хубилгана въ Чжунгаріи. Въ замѣнъ сего мы видимъ, что у Чжунгаръ, съ самаго же перваго времени начало процвѣтать именно изученіе догматики буддизма и сознательное усвоеніе обрядовъ этой религіи. Уже Гуши-ханъ, явившись въ Тибетъ, поднесъ Далай-ламѣ совершенный въ Чжунгаріи переводъ Алтанъ гэрэл'а [2]); слѣдовательно, Ойраты начали свою переводческую дѣятельность еще въ то время, когда въ употребленіи у нихъ было не свое, а монгольское письмо. Мы знаемъ за симъ, что именно переводческая дѣятельность навела Зая-Пандиту на мысль о недостаточности монгольскаго алфавита, которая естественно обусловливала собою трудность развитія грамотности; и вотъ въ 1648 году онъ передѣлываетъ этотъ алфавитъ, придумываетъ опредѣленные знаки не только для каждаго звука, но даже и для его оттѣнковъ, словомъ, составляетъ новую, такъ-называемую у насъ калмыцкую письменность. Авторъ біографіи Зая-Пандиты, разказывая объ успѣхахъ буддизма въ Чжунгаріи, говоритъ, что въ монастырякъ ея за время отъ 1650 по 1662 г. было переведено множество сочиненій. Списокъ этихъ книгъ, составленный въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, заключаетъ въ себѣ всего 209 названій, которыя должны составить приблизительно до 800 томовъ; но при этомъ авторъ прибавляетъ еще, что кромѣ этихъ переименованныхъ имъ книгъ еще много остается неизвѣстныхъ, потому что онъ вычислилъ только тѣ, которыя достовѣрно извѣстны ему (по времени происхожденія и принадлежности издателямъ) [3]). Просматривая этотъ списокъ, легко замѣ-

[1]) Единственное исключеніе въ данномъ случаѣ представляютъ развалины Аблай-хита; но о нихъ, по имѣющимся у насъ памятникамъ, долженъ еще возникнуть вопросъ, были ли онѣ дѣйствительно спеціальнымъ зданіемъ монастыря, или же это было родовое укрѣпленіе нутука Аблаева, при которомъ, по обычаю, былъ и монастырь со всѣми входящими въ составъ его зданіями.

[2]) Чжанчжа хутухт. намтаръ, т. II, л. 207.

[3]) Зая-Пандитайнъ тухэ, л. 32.

Библиотека "Руниверс"

тить, какъ логически одно изданіе вытекаетъ отъ другаго, какъ систематически исполняются большія предпріятія; видно, что здѣсь трудился самъ народъ и что литература эта сознательно вытекала изъ народныхъ потребностей и удовлетворяла народнымъ нуждамъ. Историческія сочиненія Чжунгаровъ также точно повѣствуютъ намъ и о церковныхъ торжествахъ, и о религіозныхъ собраніяхъ ламъ; но торжества эти обыкновенно совершаются въ урочное каноникою время и слѣдовательно не представляютъ собою ничего выдающагося; что же касается до ламскихъ собраній, то они являются особенно характеристичны. Вы видите, что ламы собираютъ соборы именно для обсужденія религіозныхъ вопросовъ, — это здѣсь обычай, подобнаго которому мы не находимъ въ Монголіи даже ни одного примѣра. Халхасскіе ламы переходятъ изъ монастыря въ монастырь только съ тою цѣлію, чтобы поклониться тому или другому гэгэну; въ Чжунгаріи вы видите, что ламы ходятъ изъ монастыря въ монастырь, чтобы изучать тотъ или другой отдѣлъ литературы, то или другое сочиненіе. Тамъ создались даже свои спеціальности: въ одномъ монастырѣ можно было прослушать одинъ курсъ, въ другомъ—другой. Сообразно этому развитію богословской науки и дѣятельность чжунгарскихъ ламъ была несравнима съ халхасскою. Въ Халхѣ, какъ мы уже говорили, не дѣлалось даже и переводовъ съ тибетскаго: въ Чжунгаріи появлялись самостоятельные богословскіе труды, которые даже удостоивались перевода на языкъ тибетскій. Слабость сознанія началъ буддизма поставляла халхасскимъ ламамъ неотразимое препятствіе къ проповѣдническому дѣлу даже въ предѣлахъ своей родной Халхи; чжунгарскихъ ламъ мы встрѣчаемъ самыми ревностными распространителями своей религіи: они проповѣдуютъ не только въ Чжунгаріи, но и въ Халхѣ, и въ южныхъ хошунахъ Монголіи, и въ Маньчжуріи, и въ Кукунорѣ, и даже въ Тибетѣ. Нужно ли говорить, какъ рѣзко разнилась жизнь буддизма въ Чжунгаріи отъ жизни его въ Халхѣ? Повтому-то различно было и вліяніе буддизма на народъ. Въ Халхѣ онъ истощалъ народныя средства на удовлетвореніе нуждъ своей пышной обстановки, а за симъ пріучалъ своихъ поклонниковъ къ погонѣ за религіозными зрѣлищами и къ праздности; въ Чжунгаріи онъ всегда былъ скромнымъ по своей внѣшности, но за то сравнительно процвѣталъ внутренно, содѣйствуя народному развитію и успѣхамъ просвѣщенія. Вотъ почему уже черезъ сотню лѣтъ послѣ принятія буддизма Халхасы представляются лѣнивыми и апа-

Библиотека "Руниверс"

тичными, тогда какъ Чжунгары были по старому энергичны и мужественны.

Зная эти обстоятельства, я положительно не могу согласиться съ безусловнымъ мнѣніемъ г. Веселовскаго, что „внѣшностью буддизмъ блещетъ вездѣ", и что „повсюду высасываетъ онъ изъ своихъ послѣдователей послѣдніе соки". Чжунгарія служитъ для насъ живымъ примѣромъ противоположности сказанному. Исповѣдуя буддизмъ, Чжунгары по старому сохраняли свою бодрость, по старому продолжали быть воинственными, и новая религія дала имъ лишь бо́льшее просвѣщеніе. Они пріобрѣли себѣ грамотность, познакомились съ философіей, астрономіей и медициной, наконецъ научились молиться, то-есть, изъявлять свои чувствованія предъ высочайшимъ существомъ въ формахъ облагороженныхъ и совершенно не похожихъ на грубое шаманство.

Другихъ возраженій на мое изложеніе историческихъ данныхъ по буддизму въ Монголіи въ статьѣ г. Веселовскаго не находится, и дальнѣйшія замѣчанія его сводятся къ тому, что я, вопервыхъ, не ярко выставилъ тѣ явленія, которыми характеризуются взгляды и понятія кочевниковъ; вовторыхъ, не оттѣнилъ пріемы кочевой политики; втретьихъ, не разобралъ вопроса о томъ, нужны ли были намъ перебѣжчики изъ Монголіи, принимавшіе наше подданство; вчетвертыхъ, поскупился на поясненія и не истолковалъ нѣкоторыхъ техническихъ буддійскихъ выраженій и терминовъ. Въ отвѣтъ на все это я могу сказать, что еще можно было бы предъявлять ко мнѣ такого рода требованія, еслибъ я писалъ исторію Халхасовъ и разсматривалъ бы ее въ связи съ отношеніемъ Россіи къ Халхѣ; но такъ какъ я издавалъ только матеріалы для исторіи Халхи, поставивъ своею цѣлью обнародовать восточную лѣтопись и комментировать ее точными сказаніями восточныхъ же историковъ, то и не считалъ себя даже въ правѣ дѣлать ударенія надъ одними сказаніями, или стушевывать другія. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи будемъ мы признавать одно явленіе болѣе, а другое менѣе характеристичнымъ, если сами восточные писатели трактуютъ о нихъ совершенно одинаково? Развѣ на томъ, что съ однимъ мы уже знакомы, а другое попадается намъ впервые? Но мало ли о чемъ весьма характеристичномъ на востокѣ мы еще и вовсе не имѣемъ понятія? Нашею задачей должно быть изученіе явленій восточной жизни въ томъ видѣ, какъ они дѣйствительно совершались, а не извращать ихъ въ угоду нашимъ понятіямъ. Между тѣмъ г. Веселовскій упрекая меня въ томъ, что я не ярко

Библиотека "Руниверс"

выставилъ явленія, которыми характеризуются понятія кочевниковъ, предлагаетъ, съ своей стороны, взять для примѣра взглядъ кочевниковъ на подданство и поясняетъ при этомъ, что подданство для кочевниковъ есть не что, иное какъ выгодная сдѣлка, что за представленіе своей дани они всегда получаютъ подарки, превосходящіе втрое и даже вчетверо стоимость ихъ дани, что по этому основною причиной представленія кочевниками дани является матеріальный расчетъ и т. д. и т. д.; словомъ, г. Веселовскій почти дословно повторяетъ всѣ мысли по этому поводу покойнаго В. В. Григорьева, прекрасно изложенныя въ его статьѣ „Объ отношеніяхъ между кочевыми народами и осѣдлыми государствами". Усвоивъ себѣ этотъ взглядъ покойнаго профессора, г. Веселовскій вдругъ встрѣчаетъ въ моей книгѣ сообщеніе китайскаго историка, что Халхасы являлись ко двору богдохана, „движимые честолюбіемъ, и любовію къ торжествамъ". Такой причины г. Веселовскій ни какъ не могъ представить, а потому тотчасъ же вооружается противъ нея, говоритъ, что быть ея не можетъ, что причина эта ничего не значитъ, что ничего тутъ не было кромѣ стремленія къ выгодамъ, что и самъ то я противорѣчу себѣ, ибо въ другомъ мѣстѣ самъ я говорилъ, что ограниченіе въ приношеніи дани было тяжело для Халхасовъ, такъ какъ оно наносило имъ матеріальные убытки. Тутъ очевидно желаніе согнуть событіе въ извѣстную, зауроченную рамку, вмѣсто того чтобы разширить рамки своихъ взглядовъ. И почему же не сдѣлать такого, очень яснаго заключенія, что Халхасовъ побуждали являться ко двору иной разъ жажда къ наживѣ, другой разъ честолюбіе, третій—любовь къ торжествамъ; мнѣ кажется, это будетъ и справедливѣе и характеристика привычекъ и взглядовъ кочевниковъ при этомъ будетъ полнѣе. Г. Веселовскій говоритъ, что я (то-есть, собственно китайскіе историки) противорѣчу самому себѣ, выставляя въ одномъ мѣстѣ одну причину, а въ другомъ — другую; но вѣдь онъ и подумать не хочетъ о томъ, что самое-то явленіе представленія ко двору и принесенія дани совершается въ обоихъ случаяхъ при совершенно различныхъ обстоятельствахъ. По сказаніямъ Китайцевъ дѣйствительно выходитъ, что кочевники представляли свою дань съ корыстными цѣлями и эту причину относятъ они, напримѣръ, къ представленію дани въ то время, когда Халха была еще независимымъ владѣніемъ и тѣмъ не менѣе тянулась къ Китаю съ своею данью. Вторая причина относится уже къ другому періоду. Въ это время Халхасы приняли уже маньчжурское подданство; правительство укрыло ихъ отъ

Библиотека "Руниверс"

набѣговъ Галдана, давъ имъ кочевья во внутренней Монголіи; выдало имъ скотъ для обзаведенія новымъ хозяйствомъ; по два раза въ годъ открывало имъ житницы Калгана и Куку-хото для снабженія ихъ провіантомъ, то-есть, пищей, одеждой и пр. Безъ сомнѣнія, желанія къ пріобрѣтенію у кочевниковъ, какъ и у каждаго человѣка, не ограничены, но странно думать чтобы при этихъ условіяхъ они тянулись еще въ Китай, и опять-таки исключительно за матеріальною наживой. Вотъ почему сообщеніе китайскаго лѣтописца въ данномъ случаѣ является болѣе основательнымъ, чѣмъ догадка г. Веселовскаго.

Свою критическую статью г. Веселовскій заканчиваетъ, по обычаю, чѣмъ-то въ родѣ похвалъ. „Нужно много любви къ своему дѣлу, много любви къ наукѣ, чтобы работать и не приходить въ отчаяніе при составленіи „матеріаловъ для исторіи Халхи", говоритъ г. Веселовскій.—„Мы вполнѣ понимаемъ, какой это утомительный и тяжелый трудъ, выжимать изъ пустѣйшихъ и безсодержательныхъ монгольскихъ лѣтописей историческіе факты". И эти слова мы не можемъ оставить безъ возраженія. Монгольскія лѣтописи не пустѣйшія и не безсодержательныя; въ сочиненіяхъ, подобныхъ „Эрдэнійнъ эрихэ" или „Илэтхэль шастрѣ", каждое слово—фактъ; выписывай его и будешь говорить дѣло; выжимать факты здѣсь нѣтъ никакой надобности. Но трудъ при составленіи „матеріаловъ" былъ не малый. Онъ обусловливался прежде всего тѣмъ, что каждое сообщеніе монгольскихъ лѣтописей необходимо было сличить съ сказаніями Китайцевъ для того, чтобы дать ему соотвѣтствующее мѣсто въ общемъ порядкѣ историческихъ сказаній. Второе и пожалуй даже еще болѣе трудное дѣло, это—самый переводъ сказаній. Языкъ, на которомъ написаны помянутыя лѣтописи, на столько отличенъ отъ литературнаго и разговорнаго языка Монголовъ, что знающій всѣ, даже мельчайшіе изгибы этихъ двухъ, совершенно различныхъ языковъ, все-таки не будетъ въ состояніи правильно прочитать представленныхъ лѣтописей. Этотъ языкъ, какъ напримѣръ, и языкъ современныхъ монгольскихъ законовъ, воспринялъ въ себя столько китаизма по словоупотребленію, по конструкціи рѣчи и всему прочему, что понимать его можно не иначе, какъ зная китайскій языкъ и усвоивъ себѣ отношеніе китайскаго языка къ монгольскому. Съ этой стороны мой трудъ является первымъ въ своемъ родѣ, такъ какъ до сего времени въ Европѣ не было изданій на этомъ китайско-монгольскомъ языкѣ; оцѣ-

Библиотека "Руниверс"

нить же его достоинства въ сказанномъ отношеніи изъ всѣхъ современныхъ европейскихъ оріенталистовъ могъ только одинъ нашъ профессоръ Васильевъ, ибо людей соединяющихъ въ себѣ знаніе этихъ языковъ болѣе не имѣется.

А. Поздѣевъ.

О ПРЕПОДАВАНІИ ДРЕВНИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

По поводу «Отчета о занятіяхъ коммиссіи для изысканія мѣръ къ улучшенію преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ Кавказскаго учебнаго округа» (Тифлисъ. 1882).

Читателямъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія уже болѣе или менѣе извѣстна сущность занятій коммиссіи, образованной г. попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа для изысканія мѣръ къ улучшенію преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ. Если я рѣшаюсь въ настоящей статьѣ снова возвратиться къ этому предмету, то потому именно, что нахожу весьма дѣльною и достойною вниманія попытку выяснить теоретически и провести на практикѣ средства улучшить школьное преподаваніе древнихъ языковъ, и особенно—что̀ всего важнѣе и труднѣе, — самое начало преподаванія этихъ предметовъ. Къ тому же теоретическія воззрѣнія, выясненныя въ отчетѣ коммиссіи, болѣе или менѣе совпадаютъ съ моимъ взглядомъ на дѣло преподаванія древнихъ языковъ, въ пользу котораго я ратовалъ лѣтъ двадцать тому назадъ въ рядѣ отзывовъ объ учебныхъ пособіяхъ и въ дидактическихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ издававшемся тогда педагогическомъ журналѣ Учитель [1]).

Вопросы, разбиравшіеся въ коммиссіи, весьма важны; притомъ же они не могутъ еще считаться рѣшенными, и принятыя Тифлисскою коммиссіей рѣшенія не могутъ признаваться за одобряемыя большинствомъ, не говорю, болѣе или менѣе образованнаго общества, но и болѣе тѣснаго круга самихъ преподавателей, какъ въ Россіи, такъ и

[1]) Особенно въ рядѣ статей подъ заглавіемъ: «О преподаваніи латинскаго языка въ нашихъ филологическихъ гимназіяхъ». *Учитель*, 1865 г., №№ 16—22.

Библиотека "Руниверс"

въ западной Европѣ. Вопросы эти далеко еще не потеряли и, вѣроятно, не скоро потеряютъ свое значеніе въ дѣлѣ преподаванія не однихъ древнихъ, такъ-называемыхъ классическихъ языковъ. Вѣдь нерѣдко по поводу дидактики древнихъ языковъ ссылаются на дидактику новыхъ, и на оборотъ; такъ напримѣръ, иные выражаютъ желаніе, чтобы преподаваніе древнихъ языковъ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, походило болѣе на преподаваніе новѣйшихъ языковъ. Другіе же считаютъ преподаваніе послѣднихъ, хотя и болѣе практическимъ, но за то и менѣе основательнымъ и образовательнымъ, а потому и менѣе пригоднымъ для общеобразовательныхъ училищъ, нежели обыкновенный способъ преподаванія древнихъ языковъ. Вотъ почему учителямъ новѣйшихъ языковъ иной совѣтуетъ подражать пріемамъ учителей языковъ древнихъ, то-есть, подражать тѣмъ пріемамъ, которые, по мнѣнію другихъ, вовсе не доставляютъ желанныхъ результатовъ. Такимъ образомъ, оказывается, что понятія о вѣрнѣйшихъ пріемахъ изученія языковъ вообще въ массѣ болѣе или менѣе образованнаго общества не выяснены. Если же вопросы, разбиравшіеся въ коммиссіи, далеко еще не потеряли своего значенія, то тѣмъ менѣе можно ожидать, чтобы примѣнялось на дѣлѣ то, что, по моему мнѣнію, несомнѣнно вѣрно выяснено въ Тифлисской коммиссіи. Напротивъ того, приходится признать, какъ это и высказано въ отчетѣ, что преподаваніе древнихъ языковъ, несмотря на значительное усиленіе его, то-есть, на значительное увеличеніе числа уроковъ, посвященныхъ на эти предметы, все еще не приводитъ къ желаемымъ успѣхамъ—и не только въ Кавказскомъ округѣ, но и въ другихъ, и не потому, чтобы большинство учителей не обладало необходимыми для успѣшнаго преподаванія свѣдѣніями или не прилагало къ тому необходимыхъ стараній, но, какъ по другимъ побочнымъ причинамъ, такъ преимущественно и по какому-то невѣрному взгляду на самый предметъ своего преподаванія, то-есть, по преслѣдованію ложно понимаемой цѣли его и по непримѣненію, при самомъ преподаваніи, уже болѣе или менѣе одобренныхъ теоретически и испытанныхъ на дѣлѣ дидактическихъ пріемовъ. И не удивительно. По тѣмъ же приблизительно причинамъ не довольно успѣхами, дѣлаемыми въ германскихъ гимназіяхъ, напримѣръ, по латинскому языку, значительное число нѣмецкаго общества, а также, безъ сомнѣнія, недовольна ими и часть самихъ преподавателей въ Германіи, не смотря на то, что объемъ свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ въ германскихъ гимназіяхъ по предмету древнихъ языковъ,

Библиотека "Руниверс"

значительно обширнѣе, чѣмъ объемъ свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ въ гимназіяхъ русскихъ. Но успѣхъ или неуспѣхъ преподаванія зависитъ не только отъ достиженія наименьшей или наибольшей доли предполагаемой задачи; въ одинаковой или даже въ большей мѣрѣ онъ зависитъ и отъ качества пріобрѣтаемыхъ свѣдѣній. Понятно, что когда въ классѣ преобладаютъ болѣе или менѣе мало способные, а потому и мало любознательные ученики, то и хорошій преподаватель съ такимъ классомъ не успѣетъ достичь того, чего онъ достигъ бы при лучшихъ способностяхъ большинства учениковъ класса. А что можно сказать объ отдѣльномъ классѣ училища, то же примѣнимо и къ цѣлому училищу, и даже къ цѣлому краю. Нѣтъ, успѣшность преподаванія заключается не столько въ достиженіи максимума объема изучаемаго предмета, сколько въ томъ, успѣваетъ ли учитель, вслѣдствіе живости преподаванія и любви къ учащейся молодежи, заинтересовать ее работой, и особенно работой по своему предмету, и умѣетъ ли онъ посредствомъ послѣдовательныхъ, но разнообразныхъ, а потому и не черезъ мѣру утомительныхъ упражненій достигать твердаго знанія, хотя бы только и въ тѣсномъ кругу минимума гимназической программы. Напротивъ того, ученіе должно считаться неуспѣшнымъ, если даже пройденъ максимумъ программы, но въ результатѣ свѣдѣнія учениковъ оказываются нетвердыми, сбивчивыми и односторонними, то-есть, мало связанными со свѣдѣніями по другимъ предметамъ преподаванія; крайнею же безуспѣшностью преподаванія должно быть признано,—если въ концѣ концовъ масса учениковъ теряетъ всякую охоту заниматься предметомъ и получаетъ къ нему отвращеніе. А успѣшнаго преподаванія можно достигать, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, если преподаватель не только добросовѣстенъ, не только обладаетъ необходимыми свѣдѣніями и не лишенъ педагогической способности и такта, но и пріобрѣлъ кромѣ того нѣкоторое умѣнье и нѣкоторый навыкъ преподавать. Вотъ почему и въ Германіи, гдѣ объемъ изученія древнихъ языковъ гораздо шире, чѣмъ у насъ, изученіе ихъ можетъ быть, не смотря на то, неудовлетворительнымъ. Такъ какъ германскіе учители, до поступленія въ должность учителей, не занимаются дидактикой, или если во время прохожденія университетскаго курса они и состояли членами устроенныхъ при университетѣ педагогическихъ семинарій, то все-таки только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ они упражняются въ преподаваніи древнихъ языковъ,—то понятно, что такъ мало приготовленные къ своей обязанности молодые учи-

Библиотека "Руниверс"

тели и не могутъ успѣвать въ дѣлѣ преподаванія. Но даже и тѣ изъ нихъ, которые считаютъ не лишнимъ заниматься педагогикой и дидактикой, ограничиваются обыкновенно изученіемъ дидактики учебныхъ предметовъ гимназической программы, не заглядывая нисколько въ гораздо болѣе разработанную дидактику учебныхъ предметовъ самыхъ элементарныхъ, сельскихъ и городскихъ училищъ (Volks- u. Bürgerschulen). Для подтвержденія нашихъ словъ приведемъ свидѣтельство издаваемыхъ въ Лейпцигѣ Флекейзеномъ и Мазіусомъ Jahrbücher für Philologie und Pädagogik (1883 г. стр. 165): „Успѣхи гимназистовъ въ латинскомъ языкѣ нисколько не соотвѣтствуютъ положенному на изученіе его времени и труду: вотъ жалобы, постоянно раздающіяся въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ безчисленныхъ варіаціяхъ. И не смотря на то, что иногда высказываются и мнѣнія, несогласныя съ такими жалобами, нельзя не полагать, что на самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ нашихъ гимназій, при изученіи латинскаго языка дѣйствительно отрадныхъ результатовъ не достигается. Изъ публичныхъ преній и толковъ въ журналахъ и газетахъ вытекаетъ, между прочимъ, что ученики не пріобрѣтаютъ ни умѣнья ловко и свободно писать по латыни, ни навыка легко и (сравнительно) точно понимать римскихъ писателей; а подъ часъ слышатся жалобы и на нетвердость и сбивчивость ихъ грамматическихъ свѣдѣній".

Особенно неудовлетворительна въ Германіи (какъ я это показалъ въ указанныхъ выше статьяхъ, помѣщенныхъ въ журналѣ Учитель) практика самого первоначальнаго преподаванія древнихъ языковъ—преподаванія, поручаемаго самымъ младшимъ и наименѣе опытнымъ учителямъ, только что оставившимъ университетскія скамьи. А также неудовлетворительна и теорія такъ-называемой Gymnasialpädagogik, столь переполненная обыкновенно громкими, но пустыми фразами, рѣдко выясняющими сущность дѣла.

Въ этомъ всякій убѣдится, если станетъ сравнивать съ нею то, что сдѣлано по дидактикѣ, относящейся къ предметамъ преподаванія въ народныхъ и городскихъ (низшихъ реальныхъ) школахъ Германіи.

При такомъ положеніи дѣла мы не тѣмъ менѣе въ правѣ слѣпо, на слово, какъ часто дѣлается у насъ, вѣрить мнѣніямъ, высказываемымъ о преподаваніи древнихъ языковъ германскими учителями этого предмета, даже если они въ данный моментъ пользуются отчасти заслуженнымъ авторитетомъ: на безрыбьѣ и ракъ рыба. Разумѣется, придется прислушиваться и къ отголо-

Библиотека "Руниверс"

скамъ извнѣ; но рѣшать дѣло слѣдуетъ не по одному подражанію германскимъ гимназіямъ и по подражанію употребляемымъ въ нихъ пріемамъ, а по внушенію собственнаго ума-разума.

Указавъ такимъ образомъ, что пріемы преподаванія древнихъ языковъ еще не разъяснены окончательно ни у насъ, ни въ Германіи, вернемся теперь къ Тифлисской коммиссіи.

I.

Предложеніе, которымъ г. попечитель опредѣляетъ задачи ея, разумѣется, не выходитъ изъ предѣловъ гимназическаго устава 1871 г., то-есть, г. попечитель предлагаетъ коммиссіи не подвергать обсужденію самый уставъ, а только обсудить средства для успѣшнаго дѣйствія въ его предѣлахъ, для достиженія означенныхъ въ немъ цѣлей и для опредѣленія приблизительнаго объема преподаванія древнихъ языковъ въ различныхъ классахъ гимназій. Разумѣется, и я съ своей стороны, въ качествѣ критика части трудовъ коммиссіи, буду держаться въ тѣхъ же предѣлахъ.

Одна изъ самыхъ главныхъ задачъ, предложенныхъ г. попечителемъ на обсужденіе коммиссіи,—именно вторая—состоитъ въ слѣдующемъ: опредѣлить курсъ двухъ низшихъ классовъ гимназіи по латинскому языку и курсъ III класса по греческому языку. Итакъ, требуется опредѣленіе задачи и способа перваго начала преподаванія древнихъ языковъ согласно съ пріемомъ преподаванія, который въ предложеніи г. попечителя изложенъ слѣдующимъ образомъ, весьма кратко и мѣтко: „Такъ какъ грамматическій способъ преподаванія иностранныхъ языковъ въ низшихъ классахъ гимназій, какъ показалъ долговременный опытъ, оказывается несостоятельнымъ, то слѣдуетъ обсудить, какимъ образомъ должно быть ведено преподаваніе латинскаго языка въ I и II классахъ и греческаго въ III классѣ, примѣняясь къ тому способу, какимъ обучаются иностраннымъ языкамъ малолѣтнія дѣти въ частныхъ домахъ".

Чтобы обратить вниманіе читателей на опредѣленіе этой задачи въ программѣ, данной коммиссіи, я приведу его здѣсь цѣликомъ.

„Опытъ показываетъ", говоритъ г. попечитель, — „что дѣти овладѣваютъ иностраннымъ языкомъ, вслушиваясь въ разговоръ, который ведется при нихъ или для нихъ въ семействѣ. Слѣдовательно, дѣти начинаютъ учиться чужому языку съ фразъ, а не со словъ

Библиотека "Руниверс"

(то-есть, не съ отдѣльныхъ словъ), съ которыми они знакомятся лишь въ той мѣрѣ, на сколько это необходимо для пониманія мысли. Исходя изъ этого положенія, обученіе древнимъ языкамъ въ гимназіяхъ должно быть постановлено такъ, чтобы ученики изучали ихъ посредствомъ предложеній или мыслей. Грамматическія же правила, поставленныя нынѣ на первомъ планѣ, должны составлять выводъ изъ изученія цѣлаго ряда соотвѣтствующихъ предложеній. Въ этомъ видѣ грамматическія правила, безъ сомнѣнія, будутъ усвоиваться легче и сохраняться прочнѣе въ памяти учащихся, чѣмъ при теоретическомъ способѣ изученія ихъ, нынѣ господствующемъ въ гимназіяхъ".

Согласно съ этимъ пріемомъ преподаванія древнихъ языковъ, подробности коего г. попечитель предоставляетъ разработать въ засѣданіяхъ коммиссіи, слѣдуетъ опредѣлить курсъ низшихъ классовъ по латинскому языку и курсъ III класса по греческому языку, то-есть, распредѣлить матеріалъ для занятій по этимъ языкамъ до того времени, когда ученики уже могутъ приступить къ чтенію связныхъ разказовъ.

Въ опредѣленіи третьей задачи коммиссіи требуется продолженіе указаннаго способа преподаванія древнихъ языковъ, по возможности, и въ слѣдующихъ классахъ. Съ этою цѣлью въ программѣ сказано: „Изученіе грамматики съ того времени, какъ ученики начнутъ чтеніе связныхъ разказовъ и авторовъ, должно быть соединено съ чтеніемъ авторовъ". Между прочимъ, дѣлается здѣсь и слѣдующее замѣчаніе: „Ни одно правило, не встрѣтившееся при чтеніи автора, не должно быть предлагаемо ученикамъ для усвоенія".

На счетъ части программы занятій коммиссіи, опредѣленной такимъ образомъ, да позволено мнѣ будетъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Хотя я въ сущности раздѣляю мнѣніе управленія Кавказскаго округа и пріемы, въ существенныхъ чертахъ тожественные съ означенными въ программѣ, считаю самымъ лучшимъ средствомъ достигнуть въ сравнительно скорое время знакомства съ древними языками,— тѣмъ не менѣе не могу не выразить сомнѣнія въ умѣстности требованія, чтобъ учители преподавали именно по такому, а не по другому методу. Не осторожнѣе ли было бы ограничиться однимъ опредѣленіемъ минимума предѣловъ, въ которыхъ долженъ въ такихъ-то классахъ изучаться учебный предметъ, и предложить коммиссіи, выяснить указанные г. попечителемъ лучшіе пріемы преподаванія, не дѣлая ихъ

Библиотека "Руниверс"

однако обязательными для всѣхъ учителей? Вѣдь не подлежитъ никакому сомнѣнію, что учитель, скажемъ—посредственный, привыкшій разъ къ методѣ отнюдь не особенно хорошей, можетъ приносить больше пользы, примѣняя ее съ умѣньемъ, чѣмъ еслибъ онъ принужденъ былъ употреблять при преподаваніи пріемы самые лучшіе, но значительно отличающіеся отъ его прежнихъ пріемовъ. Итакъ, не могу не считать ошибкой такое установленіе обязательныхъ пріемовъ преподаванія, въ превосходствѣ коихъ не всякій учитель вскорѣ убѣдится.

Впрочемъ, управленіе Кавказскаго округа не стѣсняло коммиссію въ обсужденіи и предлагаемыхъ имъ пріемовъ и не требовало на самомъ дѣлѣ отъ него исключительно опредѣленія матеріала, который должно пройдти въ томъ или другомъ классѣ. Далѣе, вѣдь способъ г. Дрбоглава, который наиболѣе соотвѣтствовалъ требованіямъ г. попечителя, оспаривался въ той же коммиссіи, да кромѣ того, и способъ самаго первоначальнаго преподаванія древнихъ языковъ, предложенный г. Дрбоглавомъ, вноситъ нѣчто новое, чего не требовала программа занятій коммиссіи. Въ этой послѣдней требовалось только, чтобъ изученіе начиналось не съ отдѣльныхъ словъ, а съ цѣлыхъ фразъ, между тѣмъ какъ г. Дрбоглавъ желаетъ, чтобъ оно начиналось съ перевода и разбора цѣльныхъ краткихъ басень или разказовъ, а не только отдѣльныхъ предложеній. Означенное требованіе послѣдняго осталось не безъ дурныхъ послѣдствій, вызвавъ постановленіе коммиссіи, о которомъ мнѣ придется упомянуть еще въ послѣдствіи.

Затѣмъ позволяю себѣ обратить вниманіе читателей и на часть рѣчи, которою г. окружной инспекторъ Караваевъ открылъ засѣданіе коммиссіи, и въ которой онъ точнѣе охарактеризовалъ неудовлетворительное состояніе господствующаго преподаванія. Правда, г. инспекторъ говорилъ только о состояніи преподаванія на Кавказѣ. Но, безъ сомнѣнія, сдѣланная имъ характеристика преподаванія древнихъ языковъ можетъ быть примѣнена въ значительной степени и къ остальнымъ частямъ Россіи. Вотъ эта характеристика:

„Управленіемъ учебнаго округа замѣчено, что на урокахъ, отведенныхъ по учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія на преподаваніе грамматики, преподаватели занимаются съ учениками разучиваніемъ грамматическихъ правилъ въ систематическомъ порядкѣ, обусловливаемомъ тѣмъ учебникомъ, который принятъ въ руководство, съ переводомъ на эти правила примѣровъ, преимуще-

Библиотека "Руниверс"

ственно съ русскаго языка, и почти безъ всякихъ ссылокъ на читаемыхъ авторовъ: На урокахъ же, назначенныхъ на чтеніе авторовъ, послѣ одного или двухъ переводовъ заданнаго на урокъ отрывка, преподаватели вновь обращаются къ занятіямъ грамматическими правилами, проходя таковыя на этотъ разъ на самихъ авторахъ. Затѣмъ, уроки, назначаемые на экстемпораліи и переводы съ русскаго, еще болѣе сводятся на уроки грамматики, такъ какъ эти экстемпораліи и переводы составляются или изъ перевода фразъ, подобранныхъ на правила грамматики, или же изъ цѣльныхъ разказовъ, приспособленныхъ къ упражненіямъ въ грамматикѣ. Такимъ образомъ, почти всѣ уроки, назначаемые на изученіе древнихъ языковъ, въ сущности обращаются на изученіе однѣхъ лишь грамматикъ этихъ языковъ, тѣмъ болѣе, что при чтеніи авторовъ текстъ не только не разбирается по содержанію, но и со стороны формы разбирается только въ грамматическомъ отношеніи и изрѣдка въ стилистическомъ.

„При такомъ направленіи преподаванія древнихъ языковъ поражаетъ слѣдующая странность: учебнымъ планомъ министерства народнаго просвѣщенія ученикамъ вмѣняется въ обязанность, по окончаніи чтенія каждаго автора, умѣть справляться съ нимъ и безъ помощи учителя, а между тѣмъ путемъ для этого избрано не изученіе, какъ бы слѣдовало, авторовъ, а изученіе грамматики и упражненіе въ переводахъ на изучаемый языкъ, который ученикамъ совсѣмъ неизвѣстенъ и съ которымъ не считаютъ даже нужнымъ знакомить учениковъ для удовлетворенія означеннаго условія.

„Казалось бы, что, при такомъ направленіи преподаванія древнихъ языковъ, ученики должны пріобрѣтать, по крайней мѣрѣ къ концу гимназическаго курса, отличное умѣніе владѣть формами обоихъ языковъ, свободно переводить съ русскаго на древніе языки, пріобрѣсти навыкъ въ выборѣ словъ и выраженій, а на дѣлѣ оказывается, что познанія учениковъ, оканчивающихъ курсъ, не удовлетворяютъ даже скромнымъ требованіямъ курса элементарной грамматики—того курса, знаніе котораго было обязательно для учениковъ гимназій по уставу 1848 года, то-есть, дореформенныхъ гимназій, въ которыхъ на преподаваніе латинскаго языка назначалось всего 16—19 уроковъ, или, говоря другими словами, латынь поглощала въ три раза менѣе времени, чѣмъ теперь“.

Въ заключеніе указанія неуспѣшности преподаванія древнихъ языковъ, г. окружной инспекторъ выражаетъ мысль, что причина

Библиотека "Руниверс"

неуспѣшности преподаванія древнихъ языковъ не въ томъ, что преподаватели относились къ своимъ обязанностямъ не съ должнымъ вниманіемъ и усердіемъ, а главнымъ образомъ въ недостаткахъ самаго метода преподаванія, употребляемаго въ гимназіяхъ.

Самую важную изъ задачъ, предложенныхъ коммиссіи, а именно, требующую разрѣшенія вопроса: какимъ методомъ надлежитъ пользоваться въ низшихъ классахъ до того времени, когда ученики начнутъ чтеніе авторовъ (или вѣрнѣе сказать, чтеніе или авторовъ, или большихъ или меньшихъ, болѣе или менѣе доступныхъ ученикамъ даннаго возраста и данной степени развитія отрывковъ изъ авторовъ), эту задачу старается рѣшить г. Дрбоглавъ въ прочтенной имъ въ коммиссіи запискѣ о практическомъ преподаваніи латинскаго языка въ I и II классахъ. Примѣняясь къ способу преподаванія, указанному между прочимъ Монтанемъ, Ратихіемъ и Амосомъ Коменскимъ (см. стр. отчета 33 и слл.), авторъ объясняетъ указанную г. попечителемъ ничтожность результатовъ, достигаемыхъ изученіемъ древнихъ языковъ въ гимназіяхъ при большой затратѣ времени, неправильною постановкою преподаванія грамматики въ этихъ заведеніяхъ. По мнѣнію г. Дрбоглава, преподаваніе грамматики имѣетъ двоякую цѣль: въ началѣ курса она составляетъ средство для пріобрѣтенія возможности приступить къ чтенію, то-есть, не что другое, какъ средство, помогающее ученикамъ понимать читаемые отрывки древней литературы, а позже она составляетъ курсъ практической логики. Считаю нужнымъ замѣтить кое-что о раздѣленіи г. Дрбоглавомъ грамматики на два курса и на характеристику этихъ курсовъ. Первоначальный курсъ грамматики, утверждаетъ онъ, долженъ приготовлять ученика къ высшей ступени, къ чтенію авторовъ; но развѣ это будетъ особенною задачей начальнаго преподаванія только латинской грамматики? Вѣдь при всемъ обученіи въ училищахъ мы стараемся подготовлять учениковъ и къ воспріятію дальнѣйшаго преподаванія; и изученіе грамматики въ среднихъ и въ высшихъ классахъ также должно содѣйствовать лучшему ознакомленію съ тѣмъ періодомъ и съ тѣми сторонами древней литературы, которыя именно въ нихъ изучаются; а этимъ самымъ ученики получаютъ возможность переходить къ чтенію болѣе трудныхъ по формѣ изложенія авторовъ или отрывковъ изъ нихъ. Итакъ, первая ступень преподаванія грамматики охарактеризована г. Дрбоглавомъ невѣрно;

Библиотека "Руниверс"

также невѣрно характеризуетъ онъ и вторую, высшую ступень ея преподаванія. А если, по его мнѣнію, грамматика въ среднихъ и высшихъ классахъ составляетъ курсъ практической логики, то развѣ на низшей степени преподаваніе грамматики не должно имѣть *той же самой цѣли*? Развѣ по требованію педагогики, чтобы главною цѣлью всякаго преподаванія въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ было умственное развитіе учениковъ, развѣ, поэтому, не всякій предметъ преподаванія долженъ составлять курсъ практической логики?

Дѣло въ томъ, что неуспѣшность преподаванія древнихъ языковъ зависитъ вовсе не отъ смѣшенія высшаго и низшаго курса преподаванія ихъ грамматики, какъ полагаетъ г. Дрбоглавъ, а оттого, что *смѣшиваютъ изученіе языковъ съ изученіемъ ихъ грамматики*. Такое смѣшеніе встрѣчается всюду и у педагоговъ, и у непедагоговъ. Вотъ почему ожидаютъ хорошаго умственнаго развитія и пріученія къ труду, какъ выражаются нерѣдко, *отъ основательнаго изученія грамматики латинскаго и вообще грамматики древнихъ языковъ*, подразумѣя притомъ вообще изученіе древнихъ языковъ. Вотъ почему какая-нибудь принятая разъ грамматическая система въ сущности опредѣляетъ весь ходъ преподаванія древнихъ языковъ, особенно до чтенія авторовъ, какъ можно убѣдиться по любой программѣ любаго училища.

Правда, идеальная цѣль научной грамматики любаго языка, разумѣется, состоитъ въ ознакомленіи съ историческимъ ходомъ развитія всѣхъ явленій даннаго языка. Поэтому, еслибы такая цѣль могла быть достигнута, то съ помощью грамматики можно было бы достигать знакомства съ самыми различными явленіями и сторонами подлежащаго изученію языка; но вѣдь эта цѣль всегда останется идеальною; а пока грамматическая наука занимается изученіемъ только ограниченнаго числа явленій любаго языка, между тѣмъ какъ съ остальными мы знакомимся только вслѣдствіе практическаго изученія его. То-есть, прислушиваясь къ разговору на чужомъ языкѣ или читая на немъ и т. д., мы пріобрѣтаемъ извѣстное чутье и не отмѣчаемыхъ въ грамматикѣ особенностей языка. Да и никто до сихъ поръ не достигалъ знанія какого-либо языка однимъ изученіемъ грамматики его. Это можно бы выяснить примѣрами. Такъ, и сами языковѣды, то-есть, спеціалисты по грамматикѣ, приступая къ изученію новаго языка, не столько прибѣгаютъ къ грамматикѣ, сколько прислушиваются къ разговору, читаютъ статьи или разговоры на

Библиотека "Руниверс"

чужомъ языкѣ и выучиваютъ ихъ наизусть. Тѣмъ менѣе можно изучить языкъ по школьной грамматикѣ, которая можетъ и должна обнимать только доступные ученикамъ, смотря по различному возрасту и по различной степени ихъ развитія, и особенно важные для нихъ отдѣлы научной грамматики. При этомъ, если научная грамматика имѣетъ въ виду по возможности всю исторію даннаго, положимъ, латинскаго языка, то въ гимназіи можетъ и долженъ изучаться, да и на самомъ дѣлѣ изучается, только извѣстный періодъ языка, относительно, напримѣръ, латинскаго языка только періодъ, обнимающій приблизительно три четверти столѣтія до Р. Х. и еще столѣтіе по Р. Х.; да и то изучаются далеко не всѣ стороны этого періода языка, а именно только тѣ, съ которыми ученику придется ознакомиться при чтеніи авторовъ или отрывковъ изъ нихъ. Итакъ, если даже изученіемъ научной грамматики мы не достигаемъ изученія языка, то подавно нельзя достигнуть изученія даннаго періода языка посредствомъ изученія школьной (элементарной) грамматики.

А вслѣдствіе того всѣ тѣ, кто пытается основательнымъ, по ихъ понятіямъ, преподаваніемъ грамматики обучить латинскому языку, чего они могутъ достигнуть? Хорошаго умственнаго развитія учениковъ, не ожидаемаго отъ чисто-практическаго преподаванія языка, и притомъ знанія грамматики? Мнѣ кажется, при исключительно грамматическомъ изученіи древнихъ языковъ въ гимназіяхъ не достигается обыкновенно ни то, ни другое.

Послушаемъ теперь критику нынѣшняго состоянія преподаванія древнихъ языковъ со стороны г. Дрбоглава (отчетъ, стр. 36 и слл.).

„Чтеніе нѣкоторыхъ связныхъ отрывковъ въ концѣ втораго курса не стоитъ того, чтобы объ немъ говорить. Только въ III классѣ начинается чтеніе автора; однако, что же это за чтеніе? Учащіеся затрудняются перевести самую незначительную фразу; запасъ словъ недостаточенъ; чтеніе одного отрывка длится слишкомъ долго, вслѣдствіе чего интересъ къ содержанію теряется. Какъ бы то ни было, однакожь болѣе четверти всего гимназическаго курса употребляется только на подготовку къ тому, чтобы ученикъ былъ въ состояніи „приступить къ чтенію“, читать же онъ не можетъ, какъ извѣстно, и по истеченіи половины всего курса. Неудача эта, по мнѣнію г. Дрбоглава, происходитъ отъ слишкомъ буквальнаго пониманія одного мѣста въ объяснительной запискѣ министерства къ планамъ преподаванія древнихъ языковъ. Тамъ сказано, что „лучшимъ средствомъ для утвержденія въ памяти учащихся этимологическихъ формъ, равно

Библиотека "Руниверс"

какъ и для уясненія и полнаго усвоенія синтаксическихъ правилъ, служатъ разнообразныя упражненія въ употребленіи различныхъ формъ", и затѣмъ рекомендуется „вести весь грамматическій курсъ такъ, чтобы за изложеніемъ правилъ непремѣнно слѣдовали разныя устныя и письменныя упражненія въ переводахъ". Сообразно съ этимъ требованіемъ и составлены наши учебники.

„Разсмотримъ одинъ изъ подобныхъ учебниковъ, напримѣръ, руководство Кюнера, одно изъ самыхъ распространенныхъ. Чтобы дойдти по этому руководству, какъ можно скорѣе, до чтенія статей, ученикъ долженъ пройдти 200 страницъ. На пяти первыхъ страницахъ (изд. 1872 г.) говорится о буквахъ, о слогахъ, о частяхъ рѣчи и о глаголахъ. Въ послѣднемъ же параграфѣ неожиданно наталкиваемся на слѣдующее, не столь ясное, сколько длинное правило: „Въ латинскомъ языкѣ глаголы, требующіе винительнаго падежа, употребляются въ двоякой формѣ: напримѣръ, pater amat filium, отецъ любитъ сына, или filius amatur a patre, сынъ любимъ отцомъ, и потому ко всѣмъ дѣйствительнымъ формамъ такихъ глаголовъ присоединяются соотвѣтственныя формы страдательныя, или страдательный залогъ. Эти формы переводятся на русскій языкъ по большей части глаголами дѣйствительными, напримѣръ, laudor, меня хвалятъ, а иногда и въ формѣ возвратныхъ, напримѣръ, educor, я воспитываюсь, или меня воспитываютъ. Возвратное дѣйствіе обыкновенно выражается присоединеніемъ личныхъ мѣстоименій къ формѣ дѣйствительнаго глагола, напримѣръ, me lavo, моюсь, te lavas, se lavat, nos lavamus, vos lavatis, se lavant; взаимность же дѣйствія обозначается предлогомъ inter и мѣстоименіемъ личнымъ, напримѣръ, inter nos amamus, мы любимъ другъ друга, inter vos amatis, вы любите другъ друга. Кромѣ того замѣтить должно, что въ латинскомъ языкѣ глаголы во всѣхъ временахъ, числахъ и лицахъ могутъ быть употребляемы безъ личнаго мѣстоименія, между тѣмъ какъ въ русскомъ это возможно только въ настоящемъ и будущемъ временахъ.

„Если прибавить, что это правило написано для 9—12-лѣтнихъ мальчиковъ, то для оцѣнки его не требуется другихъ комментаріевъ. Затѣмъ слѣдуетъ образецъ 1-го спряженія въ дѣйствительномъ и страдательномъ залогѣ настоящаго времени: все сообщенное до сихъ поръ носитъ характеръ отвлеченный. Справляясь съ объяснительной запиской къ учебному плану министерства народнаго просвѣщенія, учитель находитъ требованіе, которое мы привели уже выше, чтобы за изложеніемъ правилъ непремѣнно слѣдовали устныя и письменныя упражненія въ

Библиотека "Руниверс"

переводахъ. При этомъ латинскія фразы, служащія для объясненія правилъ, переводятся устно и отчасти заучиваются наизусть; затѣмъ устныя упражненія состоятъ преимущественно, а письменныя исключительно въ переводахъ съ русскаго языка на изучаемый. Для достиженія этой цѣли, учитель, строго придерживаясь объяснительной записки и учебника, задаетъ ученикамъ выучить 12 словъ: aro, delecto, educo, laudo, amo, pugno, salto, tento, vexo, vigilo, vitupero, vulnero. Затѣмъ рекомендованныя упражненія состоятъ исключительно въ спряженіи на всѣ лады этихъ глаголовъ. Подобное упражненіе при изученіи глаголовъ 2-го спряженія производится на 15-ти, 3-го на 16-ти, 4-го на 17-ти словахъ. Въ учебникѣ эти упражненія занимаютъ 4 страницы. Справившись съ этимъ матеріаломъ, ученикъ научается переводить слѣдующіе „подходящіе" примѣры: „меня мучатъ, кусаютъ, колютъ, связываютъ. Тебя мучатъ, кусаютъ, колютъ, связываютъ. Его мучатъ, кусаютъ, колютъ, связываютъ". Иногда послѣ этихъ фразъ, отличающихся мрачнымъ воззрѣніемъ на все окружающее, переводятся фразы съ болѣе оптимистической подкладкой: „Насъ хорошо воспитываютъ, прилежно упражняютъ, очень любятъ, ревностно обучаютъ". Оставивъ изученіе глагола на этой степени, ученики переходятъ въ область склоненій. Въ этомъ отдѣлѣ хотя ученики будутъ изучать будто бы „самое необходимое", но въ дѣйствительности они не выберутся изъ этого „необходимаго" до конца года. Согласно учебному плану, пріобрѣтаемыя познанія въ этимологіи они постоянно будутъ подкрѣплять примѣрами, въ родѣ: „гапа coaxat".

Прочитавъ эту характеристику начала русскаго перевода Кюнерова учебника латинскаго языка, читатель, можетъ быть, замѣтитъ, что не всегда же преподаватели такъ слѣпо слѣдуютъ учебнику, чтобы характеристика названнаго руководства могла считаться и вѣрною характеристикою самаго способа преподаванія вообще. Кто же—скажутъ—изъ преподавателей начнетъ преподаваніе съ общихъ опредѣленій, стоящихъ въ началѣ учебника Кюнера? Кто же не начинаетъ преподаваніе съ изученія настоящаго времени 1-го спряженія и т. д.?

И въ самомъ дѣлѣ, такъ и поступаютъ многіе учители; но можно, съ другой стороны, замѣтить и то, что бываютъ случаи и такого преподаванія, которое гораздо хуже, чѣмъ введенный въ училищѣ учебникъ. Такъ, помнится мнѣ, правда, лѣтъ двадцать тому назадъ, въ одномъ изъ Петербургскихъ учебныхъ заведеній, гдѣ упо-

Библиотека "Руниверс"

треблялся учебникъ Кюнера, учитель заставлялъ учениковъ вызубривать настоящее время дѣйствительнаго и страдательнаго глагола всѣхъ четырехъ спряженій и всѣ пять склоненій, иначе сказать — значительную часть 1-го курса учебника Кюнера, прежде, чѣмъ приступить къ переводу небольшой только части латинскихъ примѣровъ, приведенныхъ въ учебникѣ; упражненія въ переводѣ латинскихъ предложеній на родной языкъ казались этому учителю чистою роскошью. Итакъ, въ сущности характеристика употребляемаго въ училищѣ учебника доставляетъ намъ дѣйствительно приблизительно вѣрную характеристику самыхъ пріемовъ преподаванія.

„Точно такимъ же образомъ"—продолжаемъ изложеніе замѣчаній г. Дрбоглава—дѣло идетъ и во II классѣ. Наконецъ и преподаватель, и ученики, преодолѣвъ предложенный въ учебникѣ матеріалъ, могутъ вздохнуть свободно, и приступить къ чтенію! Впереди улыбается надежда читать въ слѣдующемъ классѣ Корнелія Непота. Но, справляясь съ объяснительною запискою, мы наталкиваемся опять на препятствіе. „Въ III классѣ"—говорится въ ней—„сообщаются учащимся всѣ тѣ синтактическія данныя, съ которыми имъ необходимо ознакомиться прежде, нежели они приступятъ къ чтенію латинскихъ авторовъ". Прохожденіе это, какъ мы видѣли уже выше, должно сопровождаться переводомъ множества примѣровъ. Но каковы эти примѣры въ учебникѣ Кюнера? По справедливости мы можемъ, вмѣстѣ съ Ратихіемъ, сказать о нихъ: всевозможные примѣры изъ всевозможныхъ авторовъ сталкиваются тутъ безъ всякаго порядка. Все вниманіе при этихъ упражненіяхъ обращено не на содержаніе, а только на форму. Кто же не усмотритъ изъ этого, что школа сама, и притомъ систематически, пріучаетъ учениковъ относиться безсознательно и безъ всякаго интереса къ содержанію читаемаго. Достигнувъ наконецъ столь блистательнаго результата, мы приступаемъ къ чтенію автора. Вотъ когда предметъ становится интереснымъ! Но, къ сожалѣнію, у учениковъ III-го класса замѣчается уже, если не отвращеніе, то крайне сдержанное отношеніе къ этому предмету.

„Нужно ли однакожъ продолжать дальше? Остальное, вѣроятно, многимъ извѣстно изъ собственнаго наблюденія. Когда ученики приступятъ къ чтенію Корнелія Непота, то они не обращаютъ вниманія ни на содержаніе, ни на значеніе словъ, ни на логическую связь, потому что они не подготовляемы къ тому сначала".

Библиотека "Руниверс"

Не трудно и понять, отчего путемъ преимущественно обученія грамматикѣ нельзя достигать хорошихъ результатовъ. Вѣдь, при такомъ преподаваніи, ученику сообщается масса обобщеній, сдѣланныхъ не имъ, и правилъ, выведенныхъ посторонними взрослыми людьми. Какъ же можно ожидать, чтобъ эти отвлеченія связывались съ понятіями, составлявшими до той поры умственное достояніе мальчика и ассоціировались бы съ отдѣльными данными будто бы изучаемаго, но во всякомъ случаѣ пока еще неизвѣстнаго ему языка. При такомъ положеніи дѣла можно ли ожидать, чтобъ ученикъ научился примѣнять эти грамматическія правила? (См. Ланге Ueber Apperception, стр. 79 сл.). Если однако, не смотря на это, ученику, нерѣдко удается, хотя бы и не безъ мученія, чему-нибудь научиться, то этотъ результатъ достигается, по замѣчанію только что приведеннаго психолога, вовсе не вслѣдствіе употребленія этого не педагогическаго пріема, а исключительно вслѣдствіе позднѣйшаго углубленія въ изучаемый языкъ, напримѣръ, при чтеніи авторовъ, причемъ ученикъ снова доходитъ до общихъ понятій и правилъ и тогда уже, но только тогда, дѣйствительно усваиваетъ ихъ (ср. и замѣчанія Спенсера о такъ-называемомъ „неестественномъ пріемѣ“ преподаванія въ собраніи его педагогическихъ статей).

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго имъ, г. Дрбоглавъ приходитъ къ тому заключенію, что преподаваніе древныхъ языковъ не можетъ продолжаться такъ, какъ оно шло до сихъ поръ.

Но какъ же г. Дрбоглавъ предлагаетъ помочь бѣдѣ? Для этой цѣли онъ предлагаетъ отказаться отъ чисто грамматическаго (теоретическаго) преподаванія языка и принять способъ болѣе естественный, практическій, болѣе подходящій къ тому, какъ всякій изучаетъ и родной языкъ, и чужіе языки внѣ школы.

Такой способъ изученія языковъ называютъ правда, замѣчаетъ онъ,— методомъ нянекъ, методомъ механическимъ, неосновательнымъ, не развивающимъ, слѣдовательно, и не согласнымъ съ цѣлью среднихъ учебныхъ заведеній развивать умственныя способности учениковъ, между тѣмъ какъ практикуемый теперь способъ преподаванія защищается обыкновенно тѣмъ, что онъ освященъ-де вѣковымъ обычаемъ многихъ столѣтій. Противъ этого г. Дрбоглавъ замѣчаетъ, что передовые дѣятели, авторитеты въ дѣлѣ науки и воспитанія, всегда отвергали чисто теоретическій способъ преподаванія древнихъ языковъ. Даже можно положительно сказать—прибавляю я отъ себя,—что чи-

Библиотека "Руниверс"

сто-грамматическое (теоретическое) изученіе латинскаго языка было окончательно принято въ гимназіяхъ и вполнѣ утвердилось въ нихъ не раньше нынѣшняго столѣтія, не раньше, какъ со времени водворенія въ гимназіяхъ учебника латинскаго языка Цумпта, и что, какъ доказалъ я въ статьяхъ Учителя, съ тѣхъ поръ по немногу все болѣе и болѣе приходятъ къ сознанію, что исключительно грамматическое изученіе языка не можетъ приводить къ желанной цѣли, и теперь уже все болѣе и болѣе отступаютъ отъ него. И это вполнѣ понятно. Вѣдь съ цѣлью изученія языка ученику даютъ выучивать не самый языкъ, а выводы, сдѣланные изъ наблюденій надъ языкомъ другими лицами. А самый языкъ можно представить ученику съ самаго начала въ видѣ отдѣльныхъ предложеній или, какъ предлагаютъ г. Дрбоглавъ и нѣкоторые другіе педагоги, въ видѣ небольшихъ, возможно болѣе простыхъ связныхъ разказовъ, напримѣръ, басень. Отчего обыкновенно заставляютъ переводить и изучать отдѣльныя предложенія? Понятно, потому, что это самый простой матеріалъ языка, изъ котораго ученику легче всего сдѣлать выводъ относительно извѣстныхъ явленій языка, которыми, напримѣръ, латинскій языкъ отличается отъ языка роднаго. Г. Дрбоглавъ, однако, отдѣльнымъ предложеніямъ предпочитаетъ и въ этомъ отношеніи болѣе связную рѣчь, стараясь пріучать учениковъ съ самаго начала къ пониманію и къ логическому разбору (разбору смысла) связной рѣчи. Для такихъ упражненій слѣдуетъ, по мнѣнію г. Дрбоглава, предпочитать басни, потому что онѣ по содержанію интереснѣе для учениковъ въ этомъ возрастѣ, чѣмъ напримѣръ, изреченія нравственнаго содержанія или tutti frutti изъ области исторіи.

Согласенъ я, что басни представляютъ удобный, вполнѣ доступный ученикамъ низшихъ классовъ гимназій матеріалъ для чтенія. Можно согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ, что слишкомъ пестрое содержаніе самыхъ различныхъ предложеній историческаго содержанія (такъ что, напримѣръ, за предложеніемъ, гдѣ говорится о Семирамидѣ, слѣдуетъ предложеніе, въ которомъ восхваляются доблести царя Пирра, чтобы тотчасъ перейти къ Ѳемистоклу или Клеону) не можетъ не утомлять учениковъ и тѣмъ не отвлекать отъ содержанія такихъ предложеній. Со всѣмъ этимъ я могу согласиться; но я не раздѣляю мнѣнія г. Дрбоглава, что при самомъ началѣ преподаванія латинскаго языка слѣдуетъ заниматься исключительно переводомъ и объясненіемъ однѣхъ басень. Мнѣ кажется, не смотря

Библиотека "Руниверс"

на общую доступность басень какъ для всякихъ мало развитыхъ лицъ вообще, такъ и для дѣтей, обыкновенно преувеличиваютъ значеніе ихъ какъ учебнаго пособія. Не должно забывать, что басни — произведенія начала развитія общества и первоначальной степени нравственности — той степени, когда коварство, ложь и хитрость занимаютъ мѣсто требуемаго настоящими образованными людьми благороднаго образа дѣйствій. Согласно съ этимъ явленіемъ, въ Эзоповыхъ басняхъ главную роль играетъ хитрая лисица, и разказывается сотни разъ, какъ ея хитрость одерживаетъ верхъ надъ прямотою другихъ животныхъ, надъ силой и другими качествами ихъ. Преобладаніе басень, какъ учебнаго пособія, въ низшихъ классахъ гимназій можно было бы оправдывать только въ томъ случаѣ, если бы цѣль гимназій была образовать не нравственныхъ и умныхъ, а хитрыхъ людей, каковыми бываютъ кулаки и тому подобные люди, уважаемые даже нерѣдко за свой умъ со стороны лицъ недостаточно образованныхъ, хотя они вовсе не умны, а только хитры.

Итакъ, не смотря на доступность басень, я вовсе не считаю ихъ столь важнымъ учебнымъ пособіемъ, какъ обыкновенно полагаютъ, однако и не думаю, что поэтому слѣдовало бы совершенно исключить ихъ изъ школы. По моему мнѣнію, можно и должно пользоваться ими [1]), но только въ извѣстной мѣрѣ. Вотъ почему я не желалъ бы, чтобы въ низшихъ классахъ гимназій читались и переводились исключительно басни; мнѣ кажется, рядомъ съ ними можно бы переводить и краткіе разказы историческаго или неисторическаго содержанія. Я не прочь въ этомъ отношеніи допустить и отдѣльныя предложенія, если только матеріалъ для чтенія и перевода будетъ состоять не исключительно или преимущественно изъ отдѣльныхъ предложеній. Такія отдѣльныя предложенія могли бы быть или историческаго содержанія, или пословицы (послѣднія надлежало бы непремѣнно заучивать наизусть).

Но кромѣ того, мнѣ кажется не вполнѣ практичнымъ исключительное употребленіе басень для чтенія и перевода въ низшихъ классахъ гимназій и потому, что языкъ басень значительно отступаетъ отъ языка тѣхъ, преимущественно историческихъ сочиненій, къ чте-

[1]) Разумѣется, тутъ имѣется въ виду только педагогическое значеніе Эзоповыхъ басень для нынѣшней молодежи, а вовсе не научное значеніе ихъ, какъ важныхъ источниковъ для ознакомленія съ бытомъ древняго общества, съ состояніемъ его нравственнаго и умственнаго развитія.

Библиотека "Руниверс"

нію которыхъ ученикамъ придется приступить въ среднихъ классахъ; слѣдовательно, исключительное чтеніе басень менѣе подготовляетъ учениковъ къ дальнѣйшему чтенію, нежели переводы отдѣльныхъ предложеній или простыхъ краткихъ связныхъ разказовъ историческаго содержанія; оно менѣе сосредоточиваетъ вниманіе на изученіи языка одного рода и періода, а потому обѣщаетъ и менѣе успѣховъ, нежели предлагаемый мною выборъ первоначальнаго матеріала для переводовъ. Во всякомъ случаѣ, необходимо заботиться о томъ, чтобъ отъ перевода отдѣльныхъ предложеній какъ можно скорѣе перейти къ переводу связныхъ статей, потому что только переводомъ послѣднихъ можно съ самаго начала понемногу пріучать дѣтей давать себѣ и учителю отчетъ объ излагаемомъ въ статьѣ содержаніи. А безъ такого навыка, несомнѣнно, дальнѣйшее чтеніе будетъ несравненно труднѣе.

Правда, такой быстрый переходъ къ чтенію связныхъ статей или, какъ говорятъ, авторовъ можетъ многимъ показаться труднымъ и даже совершенно невозможнымъ, но только на томъ основаніи, что обыкновенно тотчасъ требуютъ отъ ученика нѣкотораго умѣнья приготовляться на дому къ переводу и нѣкотораго умѣнья болѣе или менѣе сознательно разбирать встрѣчающіяся въ такихъ связныхъ разказахъ явленія языка. Но выполненія такихъ требованій можно ожидать отъ учениковъ только позже, только вслѣдствіе самаго чтенія и перевода текстовъ. Далѣе, сначала не слѣдуетъ задавать ученикамъ приготовляться къ урокамъ на дому, какъ вообще учениковъ среднихъ классовъ слѣдовало бы занимать исключительно въ классѣ; всю работу надлежитъ имъ дѣлать въ классѣ на глазахъ и подъ руководствомъ учителя. Итакъ, пусть сначала задача ученика будетъ состоять не изъ чего иного, какъ изъ повторенія перевода учителя; пусть сначала ученикъ и не понимаетъ, почему такое-то мѣсто переводится такъ, а не иначе.

Разумѣется, для учителя руководство работой учениковъ въ классѣ — болѣе трудная задача, чѣмъ задавать ученикамъ: приготовиться къ переводу такой-то главы, отыскать въ словарѣ неизвѣстныя слова и обороты рѣчи, а на слѣдующій разъ требовать отъ учениковъ знанія и отдѣльныхъ словъ и перевода предложеній или наказывать ихъ въ случаѣ незнанія.

Но, опредѣлимъ теперь: какъ поступать учителю въ самомъ началѣ преподаванія чужаго языка?

Онъ долженъ писать на доскѣ или по имѣющейся у всѣхъ уче-

Библиотека "Руниверс"

никовъ книгѣ громко и ясно прочитывать предложеніе и переводить его на родной языкъ, затѣмъ заставлять учениковъ повторять чтеніе латинской фразы и перевода цѣликомъ и по частямъ до тѣхъ поръ, пока приблизительно всѣ ученики будутъ умѣть и вѣрно прочесть (или сказать наизусть) латинскую фразу и вѣрно перевести ее. Такъ учитель долженъ поступать, не смотря на то, что ученикъ еще не можетъ дать себѣ отчета, почему слѣдуетъ переводить такъ, а не иначе, почему такая-то форма или такой-то синтактическій оборотъ соотвѣтствуетъ такой-то формѣ или такому-то обороту родной рѣчи. Когда же ученики будутъ умѣть переводить, хотя и несознательно, одно или, вѣрнѣе, нѣсколько предложеній, то можно и надлежитъ обращать ихъ вниманіе и на нѣкоторыя повторяющіяся явленія латинскаго языка, одинаково соотвѣтствующія другому явленію роднаго языка. Далѣе, въ продолженіе преподаванія надлежитъ пріучать дѣтей замѣчать, гдѣ въ новыхъ предложеніяхъ встрѣчается отмѣченное уже прежде грамматическое явленіе и обращать ихъ вниманіе и на новыя такія или тому подобныя явленія, если онѣ выводятся изъ даннаго предложенія безъ чрезмѣрнаго напряженія ума. Но при этомъ необходимо имѣть въ виду, чтобъ изученіе грамматическихъ явленій, такъ-называемыхъ грамматическихъ правилъ, шло не спѣша, и чтобъ оно никогда не дѣлалось исключительнымъ или преимущественнымъ занятіемъ учениковъ въ классѣ. Нѣтъ, главное вниманіе должно обращать на хорошій языкъ перевода и на ознакомленіе съ запасомъ оборотовъ (конструкцій) и фразъ чужаго языка. Бо̀льшая сознательность и отчетливость должна требоваться только впослѣдствіи.

Такъ приблизительно поступалъ на своихъ урокахъ и г. Дрбоглавъ, какъ видно изъ отчета. Федровы басни онъ предлагалъ ученикамъ въ болѣе упрощенномъ видѣ, въ которомъ было бы легче передавать ихъ по русски хорошо, въ литературной формѣ и все-таки довольно близко къ оригиналу. Затѣмъ, переведши первое предложеніе басни словесно и письменно и заставивъ учениковъ повторить переводъ по нѣскольку разъ, также словесно и письменно, то по частямъ, то цѣликомъ, онъ переходилъ къ разбору содержанія, напри, мѣръ, начала первой басни: Senex timidus asellum in prato pascebat, предлагая ученикамъ вопросы и требуя на нихъ краткихъ отвѣтовъ на латинскомъ языкѣ:

Вопр. Кто пасъ осленка?

Отв. Senex.

Библиотека "Руниверс"

Вопр. Какой старикъ?
Отв. timidus.
Вопр. Что дѣлалъ старикъ?
Отв. pascebat.
Вопр. Кого пасъ старикъ?
Отв. asellum.
Вопр. Гдѣ онъ его пасъ?
Отв. in prato.

Такіе приблизительно вопросы и отвѣты пріучаютъ понемногу ученика къ употребленію чужой рѣчи для выраженія своей мысли, что, съ другой стороны, не можетъ не понравиться ученику и тѣмъ пріохотитъ его къ дальнѣйшему изученію чужаго языка.

Итакъ, по моему, нельзя не одобрить этотъ способъ разбора предложенія подобными вопросами, хотя можно не соглашаться со способомъ предложенія вопросовъ, который доказываетъ, по моему мнѣнію, невѣрное пониманіе предложенія со стороны г. Дрбоглава, будто не распространенное предложеніе отличается отъ распространеннаго тѣмъ, что въ послѣднемъ что-то прибавляется къ первому. Объ этомъ невѣрномъ пониманіи различнаго рода предложеній я говорилъ уже въ напечатанномъ въ Ж. М. Н. Пр. за прошлый годъ отзывѣ о сочиненіи г. Добіаша: „Синтаксисъ Аполлонія Дискола“. Тамъ я указывалъ на то, что между предложеніемъ не распространеннымъ и предложеніемъ распространеннымъ по содержанію нѣтъ ничего общаго, что такія два предложенія соотвѣтствуютъ двумъ различнымъ сужденіямъ, одно—болѣе общему и менѣе опредѣленному, а другое—сужденію менѣе общему и болѣе опредѣленному. Если бы г. Дрбоглавъ не былъ столь ошибочнаго мнѣнія о предложеніи, то его вопросы были бы нѣсколько иные, и онъ требовалъ бы болѣе точныхъ, а въ сущности едва ли болѣе затруднительныхъ отвѣтовъ. Вмѣсто перваго вопроса: кто пасъ оленка? нужно бы было спросить: кто пасъ оленка на лугѣ? Вѣдь въ предложеніи сказано не вообще: Timidus senex asellum pascebat, а asellum in prato pascebat. И первый отвѣтъ долженъ былъ бы быть не senex, а senex timidus. Далѣе слѣдовало бы поставить не вопросъ общій: кого онъ (старецъ) пасъ? а болѣе опредѣленный: кого онъ пасъ на лугѣ [1])?

[1]) По примѣру разбора басни: Leo et mus, приложеннаго на стр. отчета 272, видно кромѣ того, что г. Дрбоглавъ слишкомъ, по моему, спѣшитъ ознакомлять своихъ учениковъ съ явленіями грамматическими, что онъ заходитъ въ этомъ

Библиотека "Руниверс"

Итакъ, читатель видитъ, что съ различными частностями предлагаемаго г. Дрбоглавомъ способа первоначальнаго преподаванія древнихъ языковъ я не согласенъ, но это только частности; суть же дѣла въ томъ, что г. Дрбоглавъ подобными приведенными разборами содержанія сознательно и съ намѣреніемъ заставляетъ учениковъ изучать не найденныя другими правила языка, а самый языкъ, что онъ упражняетъ учениковъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ они не выучатъ въ классѣ наизусть всю басню вмѣстѣ съ ея переводомъ. Важно и то обстоятельство, что при такомъ веденіи дѣла становится совершенно излишнимъ заучиваніе отдѣльныхъ словъ. Притомъ спрашиваніе отдѣльныхъ словъ (вокабулъ) замѣняется изученіемъ и спрашиваніемъ цѣлыхъ оборотовъ рѣчи, припоминаемыхъ по ассоціаціи съ усвоеннымъ содержаніемъ басни.

Затѣмъ послѣ разбора смысла предложеній, составляющихъ басню, г. Дрбоглавъ обращаетъ вниманіе учениковъ на различныя грамматическія явленія, сперва морфологическія (этимологическія), а потомъ и синтактическія, и пріучаетъ по немногу констатировать различія между формами и оборотами латинской и родной рѣчи. Такъ онъ заставляетъ учениковъ самихъ наблюдать грамматическій строй чужаго языка и сравнивать чужой языкъ съ роднымъ: пріучаетъ ихъ самихъ находить правила и тѣмъ даетъ имъ случай пріобрѣтать увѣренность въ своихъ собственныхъ силахъ, ободряетъ ихъ и пріучаетъ къ добровольному и охотному труду. При этомъ достигается и требованіе (высказанное въ циркулярѣ г. попечителя), чтобы не заучивалось ни

слишкомъ далеко; особенно въ вопросахъ синтактическихъ такіе вопросы для дѣтей даннаго возраста частію даже совершенно, кажется мнѣ, неумѣстны, частію же разрѣшаются совершенно невѣрно. Такъ на стр. 283 отчета утверждается, что предложеніе состоитъ изъ *подлежащаго, сказуемаго, опредѣленія, дополненія и обстоятельства*! Отчего же не прибавить еще, что обстоятельства предложенія могутъ быть и благополучныя и неблагополучныя? На стр. 283 излагается, что *сокращенное предложеніе* (?!): *мца добычу* можно выразить по русски словами: *въ то время* какъ *искалъ добычу*, какъ будто нѣтъ никакой разницы между этими двумя способами выраженія. Правда, такія вещи г. Дрбоглавъ учитъ *по примѣру авторовъ грамматикъ*, но тѣмъ не менѣе, развѣ нельзя бы было обойтись безъ всей этой пустой схоластики? Далѣе г. Дрбоглавъ требуетъ отъ учениковъ двухъ низшихъ классовъ, чтобъ они умѣли опредѣлять различнаго рода предложенія—вѣрнѣе сказать, чтобъ они съ его словъ зазубривали такія опредѣленія. Такъ г. Дрбоглавъ, самъ того не замѣчая, вноситъ въ преподаваніе латинскаго языка прежнюю лингвистическую схематику и схоластику.

Библиотека "Руниверс"

одно правило, не встрѣтившееся ученикамъ въ читаемыхъ и переводимыхъ ими отрывкахъ.

Такъ по немногу, по мѣрѣ того, какъ такимъ же или подобнымъ образомъ разбирается извѣстное число басень, расширяется и знакомство учениковъ съ латинскимъ языкомъ, то-есть, съ его лексическимъ и грамматическимъ матеріаломъ.

Оппоненты г. Дрбоглава въ Тифлисской коммиссіи замѣчали, что, если въ продолженіе года изучать съ учениками 20 или 30 басень, то у нихъ наберется лишь весьма ограниченный запасъ словъ (то-есть, такъ-называемая copia verborum), такъ что еще трудно будетъ приступить къ чтенію авторовъ.

Дѣйствительно, часть лексическаго матеріала, затвержденнаго по поводу изученія Федровыхъ басень, не будетъ пригодна при чтеніи связныхъ отрывковъ изъ историковъ, къ чему придется приступить послѣ чтенія басень, и встрѣчаясь въ такихъ отрывкахъ лишь весьма рѣдко, можетъ изгладиться изъ памяти учениковъ. Но этотъ недостатокъ зависитъ не отъ самаго метода преподаванія въ низшихъ классахъ, а отъ того, что г. Дрбоглавъ при изученіи въ нихъ латинскаго языка употребляетъ исключительно басни.

Далѣе, противъ замѣчанія своихъ оппонентовъ, г. Дрбоглавъ утверждаетъ, и не безъ основанія, что для пониманія авторовъ, точнѣе говоря—ограниченнаго числа читаемыхъ въ гимназіяхъ авторовъ или отрывковъ изъ нихъ, требуется знаніе относительно небольшаго числа словъ чужаго языка, а это сводится въ сущности къ высказанному мною уже замѣчанію, что въ школѣ изучается вовсе не латинскій языкъ въ его цѣлости и полнотѣ, а только языкъ двухъ приблизительно столѣтій, сперва языкъ историковъ [1]) (Корнелія Непота, Цезаря, Саллюстія), а затѣмъ языкъ Цицерона, да кромѣ того, языкъ еще нѣкоторыхъ поэтовъ и прозаиковъ позднѣйшихъ.

При такомъ способѣ первоначальнаго преподаванія латинскаго или вообще древнихъ языковъ процентъ учениковъ, мало успѣвающихъ въ изучаемомъ языкѣ, значительно сокращается, какъ и засвидѣтельствовалъ директоръ той гимназіи, гдѣ преподаетъ г. Дрбоглавъ. То же самое подтверждается и опытомъ одного нѣмецкаго преподавателя,

---

[1]) Я не привожу, какъ то дѣлаетъ г. Дрбоглавъ, Евтропія; по моему мнѣнію: читать этого автора въ гимназіяхъ нелѣпо. Не должно забывать, что для молодежи пригодно, какъ говорятъ Нѣмцы, только самое лучшее въ своемъ родѣ.

Библиотека "Руниверс"

неоднократно пользовавшагося тѣми же пріемами при первоначальномъ преподаваніи греческаго языка, что и г. Дрбоглавъ, и употреблявшаго для этой цѣли также съ самаго начала связные разказы [1]).

Но для такихъ первоначальныхъ упражненій необходимъ матеріалъ болѣе удобный, нежели Федровы басни въ ихъ оригинальной формѣ. Поэтому г. Дрбоглавъ упрощалъ и сокращалъ ихъ; къ такому упрощенію и сокращенію оригиналовъ, вообще къ ихъ приспособленію къ потребностямъ низшихъ и отчасти еще и среднихъ классовъ нельзя, по моему, не прибѣгать, хотя и можно спорить относительно частностей въ упрощеніи формъ связныхъ разказовъ (см. примѣры видоизмѣненныхъ Федровыхъ басень на стр. 35 и слѣд. отчета). Такая передѣлка оригиналовъ съ дидактическою цѣлью вызвана желаніемъ облегчить ученикамъ, при первоначальномъ преподаваніи, весьма трудныя задачи, вопервыхъ, вѣрнаго пониманія текста, и вовторыхъ, хорошаго, согласнаго съ духомъ русскаго языка перевода.

Къ концу преній объ этомъ рефератѣ г. Дрбоглава коммиссія высказалась въ пользу употребленія рекомендуемыхъ имъ пріемовъ въ низшихъ классахъ, впрочемъ не навязывая ихъ тѣмъ учителямъ, которые не убѣждены въ ихъ превосходствѣ (см. стр. отчета 611). Такому постановленію коммиссіи противорѣчитъ однако другое (см. стр. 77), а именно постановленіе объ отмѣнѣ существующаго нынѣ способа преподаванія древнихъ языкомъ, то-есть, того способа, который принятъ въ руководствахъ Кюнера, Ходобая и т. д., замѣнивъ его практическимъ. Нельзя не пожалѣть объ этомъ послѣднемъ постановленіи, ставящемъ многихъ учителей въ самое затруднительное положеніе, въ которомъ они обязуются слѣдовать методу, ими не одобряемому, къ очевидному вреду своихъ учениковъ.

К. Люгебиль.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) См. *Neue Jahrb. für Philol. u Päd.* 1884 г., второй отдѣлъ. стр. 1 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Греческій вокабулярій *Б. Тодта*. Сборникъ общеупотребительныхъ греческихъ словъ въ реальной группировкѣ. (Учебное пособіе при переводахъ съ греческаго языка на русскій языкъ и обратно). Перевелъ и дополнилъ *В. Канскій*, преподаватель С.-Петербургской седьмой гимназіи. С.-Пб. 1884.

Упрекъ, дѣлаемый, по словамъ г. Канскаго (см. предисловіе), нашимъ гимназіямъ въ томъ, что въ нихъ, не смотря на большое число уроковъ по древнимъ языкамъ, въ низшихъ классахъ не усвоивается запаса словъ, необходимаго для успѣшнаго въ высшихъ классахъ чтенія авторовъ, возникалъ въ свое время и относительно нѣмецкихъ гимназій въ кружкахъ германскихъ преподавателей-филологовъ. По этому поводу педагоги въ Германіи приступали къ разнымъ опытамъ для устраненія означеннаго неудобства. Составляемы были для заучиванія словъ словари особаго состава. Между ними видное мѣсто занимаетъ трудъ, явившійся первымъ изданіемъ десять лѣтъ тому назадъ, и въ послѣдній разъ вышедшій въ свѣтъ 4-мъ изданіемъ въ 1878 г. подъ заглавіемъ: Griechisches Vocabularium für den Elementarunterricht in sachlicher Anordnung von B. Todt. Halle. Особенность этого сборника состоитъ въ томъ, что сообщаемый для заучиванія матеріалъ расположенъ въ немъ не по алфавиту, не по этимологическому родству, а на основаніи болѣе вѣрнаго, мнемотехническаго принципа. Книга Тодта дѣлится на двѣ части: въ первой предлагается 408 именъ существительныхъ и прилагательныхъ, размѣщенныхъ по склоненіямъ, а въ каждомъ склоненіи по роду и ударенію;

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи, кромѣ послѣдней, имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

во второй же части, въ 27 параграфахъ, весь матеріалъ собранъ по закону сцѣпленія мыслей, такъ что слова каждаго отдѣла группируются около центральнаго понятія, съ которымъ они находятся въ реальной связи. Напримѣръ: § 1. Полъ, возрастъ и родство; § 2. Человѣческое тѣло; § 3. Жизнь и смерть; §§ 4. 5. Чувства; §§ 6. 7. 8. Жизненныя потребности: пища, одежда, жилище; §§ 9. 10. Занятія: земледѣліе, ремесла, торговля и т. д. Изъ сказаннаго видно, что трудъ Тодта имѣетъ весьма раціональное основаніе и не можетъ не облегчать прочнаго заучиванія большаго количества словъ, необходимыхъ для высшихъ классовъ и для ускоренія чтенія назначенныхъ для нихъ авторовъ. Повторяющаяся необходимость прибѣгать къ новымъ изданіямъ труда доказываетъ, что попытка Тодта нашла полное сочувствіе его соотечественниковъ. Нельзя не поблагодарить г. Канскаго, который, переведя трудъ Тодта на русскій языкъ, сдѣлалъ его доступнымъ и русскимъ гимназіямъ, тѣмъ болѣе, что переводъ этотъ обличаетъ полное знаніе дѣла и полную добросовѣстность. Не станемъ указывать на нѣкоторые мелочные недосмотры, неминуемые въ каждомъ первомъ изданіи и легко устраняемые во второмъ; но считаемъ нужнымъ сказать, что книга г. Канскаго въ рукахъ дѣльнаго преподавателя можетъ служить источникомъ и для письменныхъ упражненій, въ составъ которыхъ входили бы изучаемыя по книгѣ слова.

Сборникъ статей по классической древности, издаваемый для учениковъ гимназій Кіевскаго отдѣленія Общества классической филологіи и педагогики. Выпускъ I. Кіевъ. 1884. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Судя по заглавію, легко можно предположить, что разсматриваемая книга имѣетъ большое сходство съ тѣми сборниками, которые подъ разными заглавіями (Charakter-Bilder, Cultur-Bilder и т. под.) обращаются въ нѣмецкихъ гимназіяхъ. Но Кіевское Общество классической филологіи предложило себѣ какія-то другія задачи, чѣмъ напримѣръ, Гелль и др. Впрочемъ, существенное различіе уже обозначается и тѣмъ, что русское изданіе упомянутаго Общества не представляетъ какого-нибудь систематическаго обзора древностей, не излагаетъ въ популярной формѣ главнѣйшія черты общественнаго, литературнаго и религіознаго быта классическихъ народовъ, не есть самостоятельный трудъ какого-нибудь одного автора, не избираетъ обстоятельнаго разъясненія преимущественно тѣхъ сторонъ въ жизни древнихъ Грековъ и Римлянъ, которыя требуютъ особенно яснаго

Библиотека "Руниверс"

пониманія при чтеніи авторовъ гимназическаго курса. Мы находимъ здѣсь переводъ съ греческаго 1-й пѣсни Иліады безъ всякихъ комментаріевъ и введенія, переводъ съ французскаго статьи Буассье: „Римскій форумъ", публичную лекцію г. Беха „о римской женщинѣ до эманципаціи и послѣ нея", такую же лекцію „о воспитаніи у Римлянъ", составленную по Грассбергеру, Бернгарди и др., изложеніе содержанія Георгикъ Вергилія и весьма подробную статью „о водоснабженіи древняго Рима". Просматривая въ этой послѣдней статьѣ многія техническія частности о направленіи и соединеніи водопроводовъ, о количествѣ воды, проходившей по нимъ въ разные кварталы древняго, преимущественно императорскаго Рима, опредѣленіе и номенклатуру всѣхъ разновидностей строительнаго матеріала, построеніе разныхъ аркадъ, сифонныхъ трубъ и пр., съ точнымъ обозначеніемъ ихъ объемовъ и давленія воды нерѣдко въ стотысячныхъ доляхъ метра, при чемъ эти мелкіе разчеты часто переводятся не на русскія нынѣшнія мѣры, а напримѣръ, на какія-то palmi (стр. 117) и проч.,—просматривая все это, мы, кажется, имѣли нѣкоторое право заключить, что такія частности превосходятъ и прямыя нужды, и степень интереса даже самыхъ прилежныхъ учениковъ гимназіи. Вообще статья г. Турцевича скорѣе заслуживаетъ вниманія спеціалистовъ-строителей, чѣмъ любителей общеобразовательной классической литературы, тѣмъ болѣе, что и мѣста, напримѣръ, изъ Витрувія, Фронтина, Страбона и др. переведены здѣсь большею частію на русскій языкъ; тѣ же латинскія и греческія цитаты, которыя приводятся въ подлинникѣ, изобилуютъ всевозможными опечатками, такъ что онѣ совершенно напрасно будутъ пытать скромныя познанія гимназистовъ въ элементарной греческой или латинской грамматикѣ, хотя эти примѣчанія и назначены авторомъ (примѣч. стр. 71) собственно для учащихся. Образчики ошибокъ см., напримѣръ, на стр. 34, 36, 40, 53, 62, 64 и проч. Гораздо хуже впрочемъ то, что авторъ нерѣдко на одной и той же страницѣ одинъ и тотъ же городъ называетъ не одинаково; такъ на стр. 67: Агригентъ, а чрезъ 5 строкъ: Акрагантъ, или на стр. 110: Алетрія, а на слѣдующей страницѣ: Алатри и проч. Подобная, ничѣмъ даже не оговоренная, непослѣдовательность въ транскрипціи собственныхъ именъ заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, почти такихъ же укоризненныхъ восклицаній, какія дѣлаетъ самъ нашъ авторъ въ примѣчаніи на стр. 107 по поводу названія Помпея. Г. Турцевичъ говоритъ: „Доколѣ этотъ сдѣлавшійся столь знаменитымъ городъ мы только будемъ называть неправильно „Помпея",

Библиотека "Руниверс"

не смотря на благой примѣръ людей науки (гг. Модестова, Цвѣтаева и др.)?".

Первая рапсода Иліады въ переводѣ г. Тихомирова ни по близости къ оригиналу, ни по изяществу языка не можетъ, кажется, замѣнить извѣстнаго труда Гнѣдича; ученикамъ гимназій едва ли и слѣдуетъ особенно рекомендовать знакомиться съ Гомеромъ на русскомъ языкѣ именно въ этомъ новомъ переводѣ. Г. Тихомировъ уже въ сравнительно маломъ отрывкѣ принужденъ былъ допустить довольно-таки значительное количество разныхъ вольностей. На первой же страницѣ встрѣчаются у него и неправильные размѣры (очень трудно, напримѣръ, закончить въ чтеніи надлежащимъ гекзаметромъ 16-й стихъ), и разныя модификаціи одного и того же собственнаго имени (напримѣръ, въ стихѣ 7-мъ приходится читать Ахи́лей, въ 1-мъ стихѣ—Ахи́ла, а въ 58-мъ—Ахиле́й). Мало удачны и отчасти риемованные гекзаметры, напримѣръ: Царь мужей Атреевичъ и Ахилей-свѣтъ Пелеевичъ (стр. 7). Притомъ же этотъ Атреевичъ сейчасъ же испытываетъ для стиха разныя приспособленія: въ 12-мъ стихѣ является: Атрейчъ, а въ 232-мъ—Атреичъ и проч. На такія смѣлыя варіяціи не слѣдуетъ поощрять учениковъ. Не совсѣмъ хороши и такіе, напримѣръ, стихи: Ни изъ боговъ не узнаетъ безсмертныхъ, ни изъ человѣковъ (стр. 548). Къ чему эти человѣки или человѣковъ, когда въ современномъ русскомъ языкѣ, за немногими исключеніями, во множ. числѣ употребителенъ совсѣмъ другой корень? Вообще можно и не спѣшить приготовленіемъ для гимназистовъ такихъ книгъ, гдѣ они читали бы переводы изъ классическихъ авторовъ, непремѣнно переводимыхъ въ классѣ.

Публичная лекція г. Беха „о римской женщинѣ до эманципаціи и послѣ нея", не смотря на свой правильный тонъ по отношенію и къ нашимъ увлеченіямъ женскою эманципаціей, не составитъ собственно для учениковъ гимназіи вполнѣ подходящаго чтенія, особенно въ тѣхъ ея мѣстахъ, которыя подробнѣе касаются нѣкоторыхъ частностей избранной темы. Укажемъ, напримѣръ, на стр. 2, 9, 11, 13 и др. Даже тѣ перифрастическія выраженія, которыми авторъ видимо старался помягче передавать, между прочимъ, жестокія укоризны Ювенала, представляются намъ мало достигающими требуемой цѣли. Напримѣръ, на стр. 19, трудно отрѣшиться отъ буквальнаго пониманія, вопреки намѣренію автора, слова положеніе. (Матронамъ этой эпохи чрезвычайно не нравилось положеніе, изъ котораго женщина выходитъ съ званіемъ матери). Иногда позволительно и не вполнѣ согла-

Библиотека "Руниверс"

шаться съ переводомъ латинскихъ цитатъ въ текстѣ. На стр. 10, слова Сенеки: in aliena uxore omnis amor turpis est, in sua nimius, переданы такъ: „любить чужую жену—преступленіе, любить свою собственную — излишество". Почему слово nimius принимать сказуемымъ втораго предложенія, а не аттрибутомъ къ amor въ замѣнъ предшествующаго omnis? Встрѣчаются опечатки и неудачныя выраженія (стр. 7): „Въ этомъ случаѣ случилось съ Римляниномъ то же, что и пр.".

Въ публичной лекціи г. Истомина, составленной по Грассбергеру, Марквардту, Берингарди и Шмидту, мы нашли меньше разнаго рода опечатокъ и вообще изложеніе ясное и довольно интересное въ поучительномъ смыслѣ даже для учениковъ гимназій высшихъ классовъ. И здѣсь встрѣчаются нѣкоторыя неточности, но онѣ зависятъ преимущественно отъ недостаточно внимательной передачи выраженій тѣхъ нѣмецкихъ писателей, которыхъ г. Истоминъ положилъ въ основу своего нынѣшняго труда. Напримѣръ, на стр. 26, сказано: „Новорожденнаго ребенка обыкновенно кормила грудью сама мать, или же выбирали кормилицу изъ наиболѣе довѣренныхъ и старыхъ служанокъ дома". Но вѣдь наиболѣе старыя служанки едва ли пригодны для кормленія ребятъ грудью. Въ переводной статьѣ „Римскій форумъ" мы встрѣтили довольно забавное недоразумѣніе: дѣло въ томъ, что если древне-латинскія имена съ окончаніемъ—ius мы передаемъ по русски на—ій (Вергилій, Горацій и пр.), то это правило отнюдь не должно распространять и на новѣйшія нѣмецкія фамиліи съ таковымъ же окончаніемъ; между тѣмъ на стр. 62 читаемъ Грегоровій, и ученикъ можетъ подразумѣвать подъ этимъ названіемъ какого-нибудь древняго писателя, а не современнаго намъ нѣмецкаго историка „Города Рима": иначе пришлось бы и автора извѣстной греческой грамматики писать по русски Курціемъ. Затѣмъ, Обществу классической филологіи не позволительно греческое собственное имя Фока писать чрезъ Θ: вѣдь и во французскомъ подлинникѣ поставлено ph, а не th.

Методика ариѳметики для начальной школы и вообще для начальнаго обученія. *Д. Мартынова.* Стр. XX+100 въ 8-ю д. л. Москва. 1884. Цѣна 60 коп.

На первой страницѣ „Введенія" къ разсматриваемой нами книгѣ авторъ говоритъ, что предлагаемая имъ суду читателей методика ариѳметики прежде всего представляетъ собою протестъ противъ такъ-называемаго метода „всесторонняго изученія чиселъ", перешед-

Библиотека "Руниверс"

шаго къ намъ изъ Германіи и получившаго въ свое время въ нашихъ школахъ обширное распространеніе.

Нельзя не согласиться съ авторомъ, что въ послѣднее время, какъ въ отчетахъ о съѣздахъ учителей начальныхъ школъ, такъ и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ періодическихъ изданій, посвященныхъ школьному дѣлу, стали появляться отъ лицъ, близко стоящихъ къ начальному преподаванію, весьма вѣскіе доводы о неудобствахъ слѣдить въ нашихъ школахъ за методомъ преподаванія ариѳметики, предлагаемымъ нѣмецкимъ педагогомъ Грубе и его послѣдователями. Въ настоящее время и въ Германіи убѣдились въ томъ, что система, ими проводимая, не вполнѣ примѣнима въ школахъ, и потому на практикѣ допускаютъ значительныя отъ нея отступленія.

Въ обширномъ введеніи, на 20 страницахъ разсматриваемаго учебника, авторъ старается убѣдить преподавателей „въ полной педагогической непригодности и научной несостоятельности“ такъ-называемаго „метода всесторонняго изученія чиселъ“,—представляя притомъ не лишенные основанія доводы, во-первыхъ, что изученіе всякаго числа черезъ сравненіе его съ прежде изученными числами далеко не имѣетъ того образовательнаго значенія, какое ему приписываютъ сторонники нѣмецкаго метода, и во-вторыхъ, что не возможно примѣнить въ начальной школѣ этотъ методъ во всей его полнотѣ и точности. Резюмируя свои доводы, авторъ даетъ пять тезисовъ, которые мы и выписываемъ дословно (сохраняя даже нѣкоторыя шероховатости въ изложеніи, допущенныя авторомъ): „1) Процессъ изученія чиселъ наглядными способомъ обнаруживаетъ весьма слабое вліяніе на развитіе учащихся и главнымъ образомъ сводится къ развитію механической памяти. 2) Полное изученіе всѣхъ чиселъ первой сотни (а почему же на 100 можно остановиться? Почему не на 112? не на 238?, не на 311?) не мыслимо. 3) Всякія же сокращенія въ процессѣ изученія произвольны, неосновательны, а потому сбиваютъ съ толку учителя, а слѣдовательно, и учениковъ. 4) Да и за всѣми сокращеніями останется такая масса выводовъ, механически усвоить которую положительно не мыслимо. 5) А еслибы это и было возможно, то знаніе этихъ выводовъ принесетъ весьма мало пользы при дальнѣйшемъ обученіи, то-есть, при обученіи производству дѣйствій надъ числами любой величины“.

Исходя изъ основнаго положенія, что ариѳметика „не есть наука о числахъ“, — такъ какъ изученіемъ сихъ послѣднихъ занимается теорія чиселъ, и притомъ совершенно въ иномъ смыслѣ,—авторъ при-

Библиотека "Руниверс"

ходитъ къ заключенію, что для начальнаго обученія ариѳметики слѣдуетъ принять „методъ обученія дѣйствіямъ надъ числами“ въ параллель съ рѣшеніемъ практическихъ задачъ. Имѣя цѣлію согласовать процессъ обученія со степенью развитія учащихся, то-есть, учебному матеріалу дать такое расположеніе, чтобы не грѣшить противъ законовъ развитія дѣтскаго мышленія, авторъ предлагаетъ слѣдующую примѣрную программу, которую мы сообщаемъ здѣсь только въ краткомъ изложеніи:

Первый учебный годъ.

Первая ступень обученія (3 урока въ недѣлю въ первое полугодіе, 4—во второе): Непосредственныя или наглядныя вычисленія (въ предѣлахъ перваго десятка).

Вторая ступень: Простѣйшія умственныя вычисленія въ предѣлахъ сотни.

Второй учебный годъ (по 3 урока въ недѣлю въ каждое полугодіе).

Третья ступень: Болѣе сложныя умственныя и простѣйшія цифирныя вычисленія (въ предѣлахъ сотни).

Четвертая ступень: Приготовленіе къ систематическому курсу ариѳметики (вычисленія въ предѣлахъ тысячи).

Третій учебный годъ (3 урока въ 1-мъ полугодіи, 4 — во второмъ).

Пятая ступень: Систематическое обозрѣніе дѣйствій съ числами любой величины.

Шестая ступень: Дѣйствія съ дробями любой величины (но безъ теоріи дѣлителей).

Изъ программы, предложенной авторомъ, мы заимствовали только краткое содержаніе занятій на каждой изъ ея ступеней; въ разбираемой же нами книгѣ она изложена со всею подробностію, такъ что учитель найдетъ въ ней указанія для каждаго шага въ своей школьной практикѣ [1]).

Методъ, предлагаемый авторомъ, въ общихъ чертахъ можетъ быть признанъ цѣлесообразнымъ, хотя въ нѣкоторыхъ частностяхъ мы и

---

[1]) Преподавателямъ, которые пожелали бы подробнѣе ознакомиться съ выполненіемъ программы, авторъ (на стр. 64) рекомендуетъ составленный имъ же «Систематическій учебникъ ариѳметики. Москва. 1884» Учебникъ этотъ не значится однако въ каталогѣ книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

не можемъ согласиться съ пріемами, имъ указанными. Напримѣръ, на стр. 80, излагая правила для вычисленія времени, авторъ говоритъ: „При переводѣ обыденнаго времени въ ариѳметическое и обратно ученики должны имѣть при себѣ таблицу для выраженія мѣсяцевъ днями и обратно“ (курсивъ въ подлинникѣ). Съ этимъ согласиться нельзя: учащіеся должны умѣть во всякое время сами составить такую таблицу и ею, при надобности, пользоваться, а не держать ее при себѣ на всякій случай готовою.

На стр. 74 читаемъ: „При производствѣ умноженія, когда множитель великъ, выгоднѣе 1) раздробить множимое въ простое число а результатъ 2) превратить въ составное именованное“. Это, очевидно, невѣрно.

Изложеніе, мѣстами, или не точно, или неполно; напримѣръ:

На стр. 66 читаемъ: „Основное свойство произведенія: отъ перестановки производителей произведеніе не измѣняется“. Слѣдовало бы оговорить на счетъ именованія, получаемаго въ произведеніи, если задача дана въ конкретныхъ числахъ.

На стр. 73, опредѣляя составное именованное число, авторъ говоритъ: „Число, получающееся отъ послѣдовательнаго измѣренія величины разными мѣрами, называется составнымъ именованнымъ числомъ“.

Въ таблицахъ мѣръ мы не нашли нашихъ монетъ, а на этомъ для всѣхъ понятномъ и общеупотребительномъ матеріалѣ учащимся весьма легко было бы ознакомиться съ ариѳметическими дѣйствіями устно и письменно на задачахъ, заимствованныхъ изъ вседневной жизни.

Знакоположеніе, принятое авторомъ, весьма сбивчиво: грамматическіе знаки двоеточіе (:) и тире (—), поставленные авторомъ между числами, могутъ вводить учащихся въ заблужденіе; напримѣръ, на стр. 18, излагая вычитаніе въ предѣлахъ 20, авторъ пишетъ „1 : 18—3“ и „2 : 18—15“.

На стр. 22, при объясненіи вычитанія въ предѣлахъ сотни, находимъ выраженіе: „1 : 67—4“.

На стр. 28, предлагая 30 раздѣлить на 5, авторъ говоритъ: это „читается такъ: въ 30 — 5 содержится 6 разъ или короче: въ 30—6 пятковъ“.

На страницахъ же 90 и 91 находимъ даже, въ математическомъ смыслѣ, нелѣпыя формулы

Библиотека "Руниверс"

„$4 : 2 = \frac{2}{4}$“,

„$24 : 6 = \frac{4}{24}$“,

„$24 : 8 \times \frac{3}{24}$“.

Орѳографія, принятая авторомъ не установилась: на стр. XIV авторъ пишетъ „предыдущій“, а на стр. 5 „предъидущій“.

Языкъ не вездѣ правиленъ; напримѣръ, на стр. 91, въ задачѣ 1-й, авторъ спрашиваетъ: „Сколько куплено трика?“ — забывая, что иностранныя слова депо, трико и имъ подобныя не склоняются. Учебникъ, составленный г. Мартыновымъ, не свободенъ и отъ опечатокъ. Мы укажемъ только на опечатки математическія:

На стр. 69, предлагая для вычисленія примѣръ „$x \frac{25}{} = 11$“, авторъ находитъ, что „$x = 11 \times 35$“.

На стр. 71, „$121 \times 23 \times 100 = 278700$“.

На стр. 89, въ § 66, въ вычисленіи примѣра „$\frac{3}{20} \times 5 \frac{3}{20 : 5} = \frac{3}{4}$ выходитъ путаница, такъ какъ послѣ $\frac{3}{20} \times 5$ пропущенъ знакъ равенства и т. д.

Листокъ опечатокъ неприложенъ.

Нельзя не пожалѣть также, что къ учебнику своему авторъ не присовокупилъ „предисловія“, такъ какъ это обстоятельство лишило его возможности указать на тѣ источники, изъ которыхъ онъ почти дословно заимствовалъ основныя положенія составленной имъ методики.

Геометрія для уѣздныхъ училищъ. Составлена по Дистервегу *А. Давидовымъ*, ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета. Изданіе 4-е. Москва. 1883. Стр. 61 въ 8-ю д. л. Ц. 35 к.

Извѣстный германскій педагогъ Адольфъ Дистервегъ, составляя свою „Elementare Geometrie für Volksschulen und Anfänger überhaupt“ конечно, не могъ имѣть въ виду курса нашихъ уѣздныхъ училищъ, а потому г. Давидовъ, обработывая свой учебникъ „по Дистервегу“, считалъ необходимымъ во многомъ отступить отъ оригинала, что мы вполнѣ и одобряемъ. Къ сожалѣнію однако, многія отступленія сдѣланы имъ весьма неудачно: то, что было ясно, понятно и вѣрно у Дистервега, оказалось темнымъ, неточнымъ и даже невѣрнымъ въ разсматриваемомъ нами измѣненномъ учебникѣ. Такъ, напримѣръ, на

Библиотека "Руниверс"

стр. 7, въ § 6, описавъ устройство „уменьшеннаго масштаба", авторъ прибавляетъ: „чтобъ измѣрить какую-нибудь длину посредствомъ масштаба, берутъ ее циркулемъ и опредѣляютъ, сколько частей масштаба въ ней содержится". Коротко и—неясно.

Многія теоремы, напримѣръ, въ главѣ о параллельныхъ линіяхъ, даже основныя теоремы §§ 22 и 23, до того сокращены, что остались не только безъ доказательствъ, но даже и безъ объясненій; притомъ третій случай теоремы § 23 изложенъ даже невѣрно: на стр. 17 читаемъ: „Если внутренніе односторонніе углы, напримѣръ, b и c, меньше двухъ прямыхъ, то линіи AB и CD при продолженіи пересѣкутся". Слѣдовало сказать: „Если сумма внутреннихъ односторонихъ угловъ, напримѣръ, b + c, меньше двухъ прямыхъ, то прямыя AB и CD при продолженіи пересѣкутся".

Въ теоремѣ § 28, чтобы доказать, что „въ равнобедренномъ треугольникѣ углы a и b при основаніи равны" (чему?), авторъ накладываетъ треугольники „на выворотъ одинъ на другой", не объяснивъ даже, что̀ значитъ накладывать фигуры „на выворотъ".

При доказательствѣ такихъ важныхъ и основныхъ теоремъ, какъ равенство треугольниковъ (§§ 31 и 32), авторъ ограничивается только словами: „вообразивъ, что △ abc наложенъ на △ ABC, найдемъ, что онъ его совершенно покроетъ", при чемъ не выясняетъ даже, какъ производить это наложеніе. Не зная основныхъ правилъ наложенія, ученикъ и равныя фигуры можетъ наложить такъ, что онѣ не совмѣстятся.

Геометрія Дистервега по изложенію отличается отъ учебника г. Давидова, вопервыхъ, тѣмъ, что первый изъ нихъ въ доказательствахъ прибѣгаетъ иногда къ пріемамъ алгебраическимъ, которые исключены у г. Давидова, вовторыхъ, и тѣмъ, что у Дистервега многое не досказанное въ текстѣ выясняется чертежами или наглядно дополняется фигурою (напримѣръ, употребленіе плотничнаго ватерпаса, отношеніе площадей квадратовъ и тому подобное); въ разбираемомъ же нами учебникѣ нѣкоторые чертежи поставлены такъ небрежно, что учащемуся ихъ и не понять.

Начиная съ 1873 г., въ чертежи не внесено никакихъ улучшеній; напримѣръ, у плотничнаго ватерпаса ABC (стр. 14, черт. 26) въ первомъ изданіи не было ни одной буквы, о которыхъ говорится въ текстѣ; по истеченіи десяти лѣтъ, въ четвертомъ изданіи, двѣ буквы B и C оказались поставленными, а остальной буквы, A, нѣтъ еще и теперь; за то на чертежѣ 89-мъ (стр. 35) въ 1-мъ изданіи у квадрата

Библиотека "Руниверс"

LMNP были всѣ буквы, въ послѣднемъ же изданіи осталась только одна буква, L, остальныя всѣ изчезли. Въ чертежѣ 126-мъ (стр. 50) одна и та же буква N находится въ двухъ различныхъ мѣстахъ фигуры: на границѣ пруда по лѣвую сторону изображенной мѣстности и на рѣкѣ NC—на правой сторонѣ того же участка. Въ чертежѣ 129-мъ (стр. 52), совсѣмъ не видно многоугольника abcd на планшетѣ мензулы.

Нельзя также не обратить вниманія на странныя задачи, авторомъ предлагаемыя. Напримѣръ, на стр. 38, въ задачѣ 2-й дано: „Опредѣлить высоту треугольника, котораго площадь 2 кв. саж. 6 кв. арш., а высота 12 арш.“. На стр. 60 въ зад. 5-й требуется „опредѣлить кубическое содержаніе рва въ 60 саж. длины, 4 арш. ширины и 3 аршина глубины“,—когда, форма рва не дана.

Составитель учебника считаетъ, можетъ быть, все это за мелочи; но мы убѣждены, что такого рода небрежность въ математическихъ фигурахъ и невѣрность или неопредѣленность въ задачахъ чрезвычайно затрудняютъ учащихся; да это и понятно: начинающіе учиться геометріи сами не въ состояніи исправлять чертежей и не могутъ корректировать математическаго текста, да наконецъ, этого не возможно и требовать отъ учениковъ уѣзднаго училища, только что приступающихъ къ изученію науки, ознакомленіе съ элементами которой дается имъ весьма не легко.

Есть основаніе предполагать, что со времени появленія этого чебника въ печати, рука автора не прикасалась къ корректурнымъ листамъ этого руководства, и изданія, начиная съ перваго, появлялись въ свѣтъ одно за другимъ только подъ прикрытіемъ авторитета уважаемаго профессора. Не останавливаясь на мелкихъ опечаткахъ и недосмотрахъ, считаемъ не лишнимъ указать хотя на тѣ изъ нихъ, которыя искажаютъ смыслъ:

Въ § 16 (на стран. 11 и 12), описывая устройство транспортира, авторъ говоритъ: „Транспортиръ состоитъ изъ линейки AB, надъ которою возвышается полукругъ“, и далѣе: „Чтобы измѣрить съ помощію транспортира какой-нибудь уголъ AOM, кладутъ его (то-есть, уголъ-то?) такъ, чтобы центръ O помѣстился на вершинѣ угла и т. д.“, при чемъ дѣлается ссылка на черт. 21-й, въ которомъ и нѣтъ измѣряемаго угла AOM.

На стр. 13, при описаніи астролябіи, читаемъ: „ее устанавливаютъ такъ, чтобы натянутыя въ C и D нити и какая-нибудь точка раз-

Библиотека "Руниверс"

сматриваемой стороны были видны по одной прямой линіи". Слѣдовало сказать: „чтобы натянутыя въ діоптрахъ C и D нити и т. д.".

На стр. 51, въ § 88, предполагается способъ „испаренія (?) чертежа" и т. д.

Не можемъ также не указать на шероховатости въ изложеніи и на неправильности языка: Напримѣръ, на стр. 13, въ § 18, читаемъ: „Линія перпендикулярно съ отвѣсною называется горизонтальною". На стр. 32, въ § 51: „Площадь квадрата опредѣляется помноживъ само на себя число и т. д.". На стр. 54, въ § 95: ...„Объемъ куба опредѣляется взявъ длину его ребра три раза множителемъ". На стр. 51: „... пересѣченія линій ac и bc, ad и bd опредѣлятъ вершины c и d" и тому под.

Орѳографія не установилась: авторъ пишетъ то „предъидущій" (стр. 40), то „предыдущій" (стр. 41). Не мало и иныхъ небрежностей, но мы на нихъ останавливаться не станемъ.

Болѣе же всего насъ удивляетъ то, что въ учебникѣ этомъ въ теченіе десяти лѣтъ неприкосновенно сохраняются весьма крупныя и серьезныя математическія ошибки. Такъ, напримѣръ, на стр. 4, читаемъ: „Движеніе линіи производитъ поверхность". Предложеніе это, невѣрное въ смыслѣ грамматическомъ, невѣрно и въ математическомъ: если, напримѣръ, прямая движется по ея же направленію, то она образуетъ не поверхность, а прямую линію. Движеніе окружности круга, въ той же плоскости, около центра, принимаемаго за неподвижный, образуетъ окружность, а не поверхность.

Далѣе, на той же страницѣ, авторъ говоритъ: „Отъ движенія поверхности образуется тѣло". Но и это невѣрно: движеніе плоскости во всѣ стороны по ея же направленію, образуетъ плоскость, а не тѣло. Движеніе, или вращеніе, шаровой поверхности около центра шара, принятаго за неподвижный, образуетъ ту же шаровую поверхность, а не тѣло.

Наконецъ, на стр. 23, въ § 32, читаемъ теорему: „Очевидно, что два треугольника также равны, когда имѣютъ по одной сторонѣ и по два какіе-нибудь угла соотвѣтственно равныхъ" (курсивъ въ подлинникѣ). Хотя, далѣе, авторъ и предлагаетъ доказательство этой теоремы, но ни самая теорема, ни ея доказательство невѣрны. Такой теоремы никогда не существовало. Въ заключеніе этого параграфа авторъ присовокупляетъ: „Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что одна сторона и два угла вполнѣ опредѣляютъ треугольникъ". Это невѣрно. Равнымъ образомъ невѣрно и то, что го-

Библиотека "Руниверс"

ворится далѣе, а именно: „изъ трехъ такихъ частей можетъ быть составленъ только одинъ треугольникъ".

Руководство къ физикѣ, въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Сообразно съ новѣйшими изысканіями составилъ *В. Полкотыцкій*, преподаватель Варшавской 4-й гимназіи. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Варшава. 1884. Стр. VIII + 573 Цѣна 2 р. 75 к.

Первое изданіе книги г. Полкотыцкаго вышло въ 1874 году. Съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ, и конечно, слѣдовало ожидать, что новое изданіе превзойдетъ первое какъ качественно, такъ и количественно. Дѣйствительно, соотвѣтственно чрезвычайнымъ успѣхамъ физики за истекшее десятилѣтіе, авторъ значительно расширилъ содержаніе книги; но по своимъ качествамъ новое изданіе оказывается весьма неудовлетворительнымъ.

Книгу г. Полкотыцкаго можно раздѣлить на двѣ части: описательную и теоретическую. Общее распредѣленіе матеріала почти вполнѣ соотвѣтствуетъ программѣ физики, утвержденной министерствомъ народнаго просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній; отступленія въ описательной части весьма незначительны. Совершенную особенность книги г. Полкотыцкаго составляетъ повсюду обнаруживающееся стремленіе дать новѣйшія теоретическія объясненія всѣхъ явленій; этимъ объясненіямъ посвящены многія страницы во всѣхъ безъ исключенія главахъ книги. Гипотезамъ, относящимся до молекулярныхъ силъ, до внутренняго строя тѣлъ, до эфира и т. д., удѣлено чрезвычайно много мѣста. Эта особенность книги выражена и въ заглавіи, въ которомъ значится: „сообразно съ новѣйшими изысканіями". Никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что, преподавая физику, нельзя ограничиться описаніемъ явленій и приборовъ: необходимо дать и теоретическія объясненія. Но при этомъ слѣдуетъ поступать съ величайшею осторожностію, тщательно отдѣляя объясненія несомнѣнно вѣрныя отъ шаткихъ теоретическихъ предположеній. Такъ-называемое „послѣднее слово науки", конечно, представляетъ значительный интересъ для образованнаго человѣка, и дѣло популяризаторовъ знакомить съ нимъ публику. Но очевидно, что въ рамки преподаванія физики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ должно входить только то, что̀ мы въ данный моментъ имѣемъ право считать окончательно установившимся въ наукѣ. Не мѣшаетъ указать ученикамъ на тѣ или другія гипотезы, которыми въ данный моментъ ученые стараются объяснить тѣ или другія явленія; полезно

Библиотека "Руниверс"

даже указать на нѣсколько одновременныхъ гипотезъ и на трудность выбора между ними; но при этомъ съ особеннымъ удареніемъ слѣдуетъ указать и на то, что рѣчь идетъ именно о гипотезахъ, а не о несомнѣнныхъ истинахъ.

Въ книгѣ г. Полкотыцкаго почти всѣ теоретическія объясненія невѣрны. Придавая слову „ошибка“ самое узкое значеніе, то-есть, называя ошибкою такое мѣсто книги, въ которомъ утверждается невѣрное, и тщательно избѣгая считать по нѣскольку разъ такія ошибки, которыя повторяются, мы въ книгѣ г. Полкотыцкаго насчитали болѣе 200 ошибокъ.

Описаніе приборовъ почти безукоризненно, такъ что мы къ нему не будемъ возвращаться; но объясненіе того, что въ этихъ приборахъ происходитъ, во многихъ мѣстахъ не вѣрно. Обыкновенныя объясненія, входящія во всѣ руководства физики, авторъ во многихъ случаяхъ замѣняетъ новыми, невѣрными. Примѣромъ могутъ служить объясненія сложенія параллельныхъ силъ, дѣйствія притягательныхъ силъ, давленія жидкостей снизу вверхъ и огромное число другихъ.

Авторъ въ весьма многихъ мѣстахъ злоупотребляетъ словомъ „очевидно“, полагая возможнымъ замѣнить этимъ словомъ длинныя и важныя объясненія; но въ весьма многихъ мѣстахъ за этимъ словомъ слѣдуетъ такое указаніе, которое не только не очевидно, но даже совершенно не вѣрно. Такъ, напримѣръ, авторъ считаетъ очевиднымъ, что при распространеніи колебательныхъ движеній, амплитуды (авторъ пишетъ вездѣ амплетуды) должны уменьшаться обратно пропорціонально квадратамъ разстояній. Это не только не очевидно, но и не вѣрно, такъ какъ амплитуды уменьшаются обратно пропорціонально первой степени разстояній; а энергія колебанія, то-есть, напримѣръ, сила звука или сила свѣта, пропорціональная квадрату амплитуды, уменьшается обратно пропорціонально квадрату разстоянія. Далѣе мы представимъ еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ.

Къ характеристикѣ книги принадлежатъ встрѣчающіяся во многихъ мѣстахъ странныя или неясныя выраженія и нѣсколько орѳографическихъ курьезовъ. Такъ, напримѣръ, авторъ пишетъ: сгораетъ вмѣсто сгораетъ, и притомъ во всѣхъ безъ исключенія мѣстахъ, такъ что это не можетъ быть опечаткой. Въ настоящемъ разборѣ книги мы представимъ лишь краткое указаніе на нѣкоторыя изъ наиболѣе грубыхъ ошибокъ и промаховъ автора.

На стр. 11 читаемъ: „Если на тѣло дѣйствуетъ очень слабая сила, то она не можетъ двинуть его съ мѣста, то-есть, не можетъ

Библиотека "Руниверс"

преодолѣть его инерціи". Это не вѣрно: если на тѣло дѣйствуетъ всего только одна сила, то тѣло непремѣнно придетъ въ движеніе, какъ бы мала эта сила ни была. Примѣръ стакана, приводимый авторомъ, ничего не доказываетъ. Довѣряя автору, ученики получатъ совершенно превратное понятіе объ одномъ изъ важнѣйшихъ началъ механики и не будутъ въ состояніи правильно понимать даже простѣйшія явленія, въ которыхъ обнаруживается движеніе, какъ результатъ дѣйствія силъ.

На стр. 1 и 38 авторъ, говоря о взаимномъ притяженіи двухъ тѣлъ, высказываетъ мнѣніе, что сила, съ которою малое тѣло притягиваетъ большое, меньше той силы, съ которою большое тѣло притягиваетъ малое. Это опять не вѣрно: силы равны, но тѣла получатъ ускоренія, обратно пропорціональныя ихъ массамъ.

Химическимъ явленіямъ посвящены §§ 9—20 и 30—33, всего 18 страницъ. Безъ особаго преувеличенія можно сказать, что на этихъ 18 страницахъ почти нѣтъ строчки, въ которой не нашлось бы какой-либо ошибки. Достаточно сказать, что авторъ пишетъ старинныя формулы, въ родѣ SH (сѣро-водородъ), SO^3 (сѣрная кислота), PO^5 (фосфорная кислота) и т. д., мѣшая ихъ съ новыми формулами, въ родѣ, напримѣръ, H^2O. Солью авторъ называетъ соединеніе кислоты съ основаніемъ, а всѣмъ извѣстный способъ добыванія водорода объясняетъ тѣмъ, что сѣрная кислота заставляетъ цинкъ своимъ присутствіемъ соединяться съ кислородомъ воды, и т. д. Изъ органической химіи авторъ упоминаетъ только о сѣрномъ эфирѣ, формулу котораго онъ пишетъ C^4HO^5 вмѣсто $C^4H^{10}O$. Повторяемъ: въ томъ, что авторъ сообщаетъ изъ химіи, почти все не вѣрно, отъ начала до конца.

Свѣтовому эфиру, его свойствамъ и разнаго рода проявленіямъ авторъ посвящаетъ чрезвычайно много мѣста, выдавая новѣйшіе взгляды, высказываемые въ особенности англійскими учеными, за несомнѣнныя истины и прибавляя множество фантастическихъ подробностей, вѣроятно, собственнаго изобрѣтенія. На стр. 39 мы читаемъ, напримѣръ, что „міровой эфиръ находится между частицами всѣхъ тѣлъ, то-есть, наполняетъ ихъ скважины, а его движенія заставляютъ частицы постоянно колебаться, равнымъ образомъ, какъ движеніе воздуха заставляетъ колебаться листья на деревьяхъ; притомъ упругость эфира производитъ ту отталкивательную силу, которая удерживаетъ частицы тѣлъ на извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи".

Библиотека "Руниверс"

Все, что авторъ говоритъ на стр. 48 по поводу упругости твердыхъ тѣлъ, перепутано и не вѣрно. На стр. 105 авторъ несправедливо утверждаетъ, что тангенціальная сила „возбуждаетъ силу упругости (bf), равную и противоположную".

Всѣ объясненія эндосмоса, на стр. 137, авторъ основываетъ на томъ, что, будто бы, „одна жидкость всасываетъ въ себя другую". Въ другомъ мѣстѣ такой же взглядъ высказывается и на диффузію газовъ.

Объ атомахъ, молекулахъ и о молекулярномъ строѣ аморфныхъ и кристаллическихъ тѣлъ въ книгѣ говорится очень много. При этомъ авторъ вездѣ смѣшиваетъ скважины тѣлъ съ междучастичными пространствами. Самыя сложныя явленія, не поддающіяся никакимъ объясненіямъ, онъ объясняетъ безъ всякаго затрудненія, трактуя о поворачиваніи частицъ, о взаимномъ ихъ сцѣпленіи и продолговатыхъ формахъ, распредѣляющихся такъ или иначе, какъ о вещахъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію.

Въ главѣ о теплотѣ встрѣчается невообразимая путаница въ понятіяхъ о внутренней работѣ, о живой силѣ, о внѣшней работѣ и т. д.

На стр. 244 не вѣрно опредѣленъ килограммметръ, что привело автора къ невѣрнымъ разсужденіямъ (на стр. 247) по поводу нагрѣванія желѣза и воды.

На стр. 243 авторъ несправедливо говоритъ, что „теплоемкость всѣхъ газовъ, при равныхъ объемахъ, есть величина постоянная, равная единицѣ".

По поводу новой системы электрическихъ единицъ (на стр. 374) наговорено множество несообразностей. Здѣсь буквально всякое слово соотвѣтствуетъ какому-нибудь недоразумѣнію. Сентиметрограммъ названъ силой, и посредствомъ его авторъ считаетъ возможнымъ выразить разнообразныя электрическія единицы! C G S, символическое выраженіе особеннаго рода системы единицъ, авторъ считаетъ за величину. Авторъ упустилъ изъ виду, что объясненіе новыхъ электрическихъ единицъ — Вольтъ, Омъ, Амперъ — представляетъ чрезвычайныя трудности и почти не мыслимо въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Отмѣтимъ еще нѣсколько важныхъ промаховъ, не упоминая объ огромномъ числѣ мелкихъ ошибокъ, неудачныхъ выраженій и неудовлетворительныхъ объясненій.

Библиотека "Руниверс"

Въ главѣ Введеніе и общія свойства тѣлъ, авторъ не указываетъ на равномѣрное вращательное движеніе вслѣдствіе инерціи.

Коснувшись перехода тѣлъ изъ жидкаго состоянія въ газообразное, авторъ развязно разсуждаетъ: „Всякая частица, отдѣлясь отъ воды и являясь наглядно замѣтною въ туманѣ, представляетъ группу молекулей; эта группа распадается на части, наконецъ, на отдѣльные молекули... Сначала молекулярныя группы движутся медленно, какъ вьючныя лошади; потомъ постепенно облегчаются и ускоряютъ свой ходъ; наконецъ, летятъ, какъ самые быстрые рысаки".

Въ ученіи о центрѣ тяжести, авторъ пропускаетъ самое существенное: условія равновѣсія тѣлъ, подпертыхъ въ одной точкѣ. Вмѣсто „складывая", авторъ пишетъ „слагивая".

Извѣстный опытъ Паскаля съ бочкой авторъ понимаетъ своеобразно (стр. 114): „Давленіе на дно до того усилилось, что оно (?) не могло выдержать напора воды и бочка лопнула".

Сифонъ, Маріоттова стклянка и бароскопъ не вѣрно объяснены. Замѣтимъ кстати, что имена ученыхъ авторъ весьма часто пишетъ неправильно: Бобине вмѣсто Бабине, Глишеръ вмѣсто Глэшеръ, Корсъ-Спинель вмѣсто Кроче-Спинелли.

Не разгаданное явленіе сжиманія льда, при его плавленіи, авторъ объясняетъ безъ затрудненія: „Причина такого явленія состоитъ въ особомъ свойствѣ частицъ этихъ тѣлъ: онѣ такъ сцѣпляются, что образуютъ безчисленные кристаллики, съ многочисленными промежутками, какъ это наглядно замѣчается въ снѣжинкахъ". Въ главѣ объ испареніи авторъ даетъ фантастическое объясненіе кипѣнія, въ которомъ растворимому воздуху приписывается слишкомъ важная роль. На стр. 266 говорится о томъ, что частицы тѣлъ могутъ колебаться съ такою быстротою, что этимъ не только уничтожаютъ всякое притяженіе, но даже производятъ взаимное отталкиваніе. Это—изобрѣтеніе автора. Неоднократно авторъ говоритъ, что, по закону Гей-Люссака, упругость газа возрастаетъ пропорціонально температурѣ, что̀ очевидно не вѣрно.

На стр. 314 , читаемъ: „Сѣченіе земнаго шара по направленію магнитной стрѣлки образуетъ кругъ, называемый магнитнымъ меридіаномъ", что̀ не вѣрно.

Почти все, что̀ авторъ говоритъ о зависимости силы гальваническаго тока отъ величины элемента, отъ способа соединенія элементовъ между собою и т. д., не вѣрно. Для доказательства, намъ пришлось бы выписать нѣсколько страницъ. Достаточно указать, что̀

Библиотека "Руниверс"

авторъ говоритъ о случаяхъ параллельнаго соединенія элементовъ: „Сила тока въ этомъ составномъ элементѣ увеличивается еще отъ уменьшенія сопротивленія". Въ дѣйствительности, это и есть единственная причина, а все, что̀ сказано передъ тѣмъ, не вѣрно. Напрасно авторъ считаетъ возможнымъ разрѣшить почти вѣковой споръ между гипотезами соприкосновенія и химическаго дѣйствія въ пользу второй. Притомъ онъ не вѣрно думаетъ, что въ такъ-называемомъ электрическомъ perpetuum mobile движеніе дѣйствительно можетъ происходить вѣчно.

Теорію Ампера авторъ излагаетъ не вѣрно, полагая, что Амперовы токи возбуждаются при намагничиваніи.—Къ наиболѣе распространеннымъ телеграфамъ авторъ причисляетъ приборъ Казелли, въ настоящее время нигдѣ не употребляемый.

Въ статьѣ о термо-электричествѣ, какъ и вездѣ, теоретическія объясненія не вѣрны. Для доказательства стоитъ только указать на фразу: „токъ будетъ возбуждаться въ концѣ, имѣющемъ болѣе высокую температуру".

Въ статьѣ о свѣтѣ, между прочимъ, вездѣ утверждается, что видимый спектръ соотвѣтствуетъ полной октавѣ, что̀, какъ извѣстно, не вѣрно.—Совершенно не понятно то, что̀ говоритъ авторъ о лучахъ зрѣнія.—На стр. 467 и 468 находимъ весьма странное и въ дѣйствительности ничего не объясняющее объясненіе преломленія свѣта, вѣроятно, заимствованное авторомъ изъ какого-нибудь мнимо-популярнаго сочиненія. Говоря о сферическихъ стеклахъ и указывая на то, что предметъ и фокусъ находятся на равныхъ разстояніяхъ отъ стекла (если первый изъ нихъ находится на двойномъ фокусномъ разстояніи), авторъ вездѣ полагаетъ, что это явленіе имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда обѣ поверхности стекла одинаковой кривизны (стр. 478, 482 и друг.). Кромѣ того, авторъ нигдѣ не указываетъ на важное обстоятельство, что фокусное разстояніе всякаго стекла одно и то же, съ какой бы стороны ни падали лучи.

Спектральнымъ анализомъ г. Полкотыцкій называетъ изслѣдованіе простыхъ тѣлъ посредствомъ спектроскопа; водородъ онъ прямо относитъ къ металламъ, темныя пятна на солнцѣ приписываетъ водянымъ парамъ, и т. д. На стр. 515 значится: „Изъ этого мы видимъ, что земной шаръ есть сгаръ, плавающій въ пространствѣ,—этотъ сгаръ имѣетъ своего опекуна—солнце, и т. д.". На стр. 519 помѣщено неудовлетворительное объясненіе радуги.

Едва ли нужно упоминать, что все, что̀ говоритъ авторъ о поля-

Библиотека "Руниверс"

ризаціи въ кристалахъ, о двойномъ лучепреломленіи, не вѣрно, и аналогіи, которыя онъ старается провести на стр. 559, крайне не удачны.

Ограничимся этими указаніями, которыя не трудно было бы продолжать. Все сказанное нами можно выразить короче: авторъ старался въ своей книгѣ широко развить теоретическую часть, но все, что̀ далъ и что̀ большею частію составляетъ лишь прибавленіе къ программѣ физики для среднихъ учебныхъ заведеній, утвержденной министерствомъ народнаго просвѣщенія, невѣрно. Существуетъ статья, которой въ этой программѣ не указано надлежащаго мѣста, и подробное изложеніе которой въ учебникѣ физики, въ настоящее время, представляется насущною необходимостію. Это—статья о сохраненіи энергіи. Ее вовсе не трудно, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, положить въ основаніе гимназическаго курса физики и провести черезъ всѣ главы ученія о физическихъ явленіяхъ. Но именно относительно этого-то основнаго начала современной физики, составляющаго въ сущности единственную истину, извѣстную съ абсолютною достовѣрностью, авторъ ограничивается не многими намеками, уснащенными совсѣмъ не кстати словами: „ясно“, „очевидно“ и т. под.

Руководство коммерческой ариѳметики. Составилъ *В. М. Трофимовъ*. С.-Пб. 1884 г. Цѣна 75 коп.

По коммерческимъ учебнымъ предметамъ у насъ еще очень мало учебниковъ, да и тѣ, какіе есть, нерѣдко весьма сомнительнаго достоинства. Поэтому всякое появленіе новаго труда по сказаннымъ предметамъ вызываетъ къ нему живой интересъ, особенно если онъ обѣщаетъ еще быть и самоучителемъ. Никакой предметъ не нуждается въ подобнаго рода руководствѣ болѣе, чѣмъ коммерческая ариѳметика, такъ какъ очень часто примѣнять ее на практикѣ приходится людямъ, которымъ не удалось получить школьной подготовки. Составитель разбираемаго руководства въ своемъ предисловіи говоритъ, что книга его представляетъ собою именно самоучитель, „главная цѣль котораго, при сжатости изложенія, передать читателю какъ можно болѣе свѣдѣній изъ области конторскихъ вычисленій“. И между тѣмъ для ознакомленія съ такимъ важнымъ, хотя простымъ по содержанію, вопросомъ, какъ процентные текущіе счеты, авторъ отсылаетъ къ сочиненію г. Берга (см. стр. 28, прим.).

Книга дѣлится на три отдѣла. Первый заключаетъ въ себѣ простую ариѳметику, при чемъ особенность его состоитъ въ указаніи

Библиотека "Руниверс"

скорѣйшихъ сокращеннѣйшихъ способовъ умноженія и дѣленія. Но способы эти въ сущности совсѣмъ не таковы, какими считаетъ ихъ составитель, который, кажется, и самъ сомнѣвается въ ихъ достоинствѣ, такъ какъ во введеніи говоритъ между прочимъ, что способы эти „на первый взглядъ кажутся даже сложнѣе и требующими болѣе вниманія и времени, но самое краткое упражненіе убѣждаетъ въ діаметрально противоположномъ". Послѣднюю мысль составитель высказалъ, должно быть, только ради собственнаго успокоенія. Его способы дѣйствительно не представляютъ никакаго сокращенія и упрощенія, а напротивъ только одну путаницу, и притомъ не примѣнимы къ общеизвѣстнымъ и употребительнымъ счетамъ (составитель почему-то называетъ ихъ весьма оригинально „инструментомъ": стр. 53). Кто же будетъ умножать на 12 по предлагаемому способу, который даже трудно формулировать, то-есть, выразить опредѣленнымъ правиломъ? Гораздо проще взять число десять разъ, потомъ еще два раза и все это прямо класть на счеты. Не будемъ однако останавливаться на разборѣ перваго отдѣла, въ виду его абсолютной безтолковости; замѣтимъ только, что въ немъ попадаются и настоящіе курьезы. Напримѣръ, на стр. 12 составитель говоритъ: „Для болѣе скораго умноженія полезно всегда имѣть передъ глазами (?) и даже по возможности знать наизусть ниже приложенную (но однако нигдѣ въ книгѣ не оказывающуюся) таблицу умноженія". Какъ поучительны эти „всегда" и „по возможности"! Вообще мысль помѣщать общую ариѳметику въ коммерческую есть мысль безусловно неудачная, позаимствованная у Нѣмцевъ. Вѣдь и спеціалисты-то математики рѣдко издаютъ удачные учебники ариѳметики, да кромѣ того, приступая къ спеціальной ариѳметикѣ, общую должно уже хорошо знать, такъ какъ поздно учиться ей, когда нужно прилагать ее къ дѣлу.

Итакъ, обращаемся къ спеціальной части книги, ко II-му и III-му отдѣламъ, имѣющимъ чисто спеціальный характеръ. (Сюда же отнесены правила процентовъ, товарищества и смѣшенія, что̀ допустить, пожалуй, можно, но только при отсутствіи перваго отдѣла). И здѣсь приходится удивляться, зачѣмъ авторъ трудился составлять такую книгу, которая положительно не можетъ принести никакой пользы тѣмъ, для кого предназначена. Опять цѣлый рядъ неправильныхъ или неточныхъ опредѣленій, неточныхъ, иногда даже странныхъ выраженій (составитель нерѣдко выражается довольно фигурно, напримѣръ, на стр. 72, говоря про векселя, вставляетъ такое слово: „обрисованъ условія выдачи, и проч. векселя), не доказанныхъ положеній и

Библиотека "Руниверс"

пропусковъ о предметахъ первой важности, и. т. п. Для убѣжденія въ сказанномъ стоитъ, хоть бы для примѣра, просмотрѣть нѣсколько страницъ книги; такъ на стр. 28 сказано, что наиболѣе употребительный способъ вычисленія процентовъ по текущимъ счетамъ (которые, кстати сказать, въ опредѣленіи спутаны съ безпроцентными) есть прогрессивный; на стр. 29 о красныхъ процентахъ сказано очень мало, да и то не ясно, самаго же названія совсѣмъ не приведено; на стр. 53, въ главѣ о калькуляціяхъ, многое и существенное пропущено, а что и скачано, то или безтолково, или невѣрно, между тѣмъ какъ это статья очень важная; на стр. 60 находимъ между прочимъ такое объясненіе: „акціи—это долговыя обязательства частныхъ лицъ"... и такъ далѣе въ томъ же родѣ. Такой серьезный и сравнительно труднѣйшій и широкій вопросъ, какъ вексельный арбитражъ, изложенъ всего на полустраничкѣ и, конечно, изложенъ безтолково кратко, какъ будто въ книгѣ и вовсе нѣтъ статьи объ арбитражѣ (стр. 77). О другихъ арбитражахъ совсѣмъ не упомянуто. Довольно однако говорить о такомъ безсвязномъ въ большинствѣ случаевъ невѣрномъ наборѣ свѣдѣній, какія представляетъ разбираемая книга. Положительно можно подумать, что г. Трофимовъ не читалъ существующихъ у насъ учебниковъ по коммерческой ариѳметикѣ, а тѣмъ болѣе не знакомъ съ имѣющимися о нихъ печатными отзывами. Въ обратномъ случаѣ ему, кажется, не трудно было бы догадаться, что такую книгу, какъ его „Руководство", да еще съ притязаніемъ быть самоучителемъ, выпускать въ свѣтъ не слѣдовало.

Библиотека "Руниверс"

О ПРЕПОДАВАНІИ ДРЕВНИХЪ ЯЗЫКОВЪ [1].

II.

До сихъ поръ, при разборѣ вопроса о преподаваніи латинскаго и вообще древнихъ языковъ въ низшихъ классахъ гимназій [2], мои замѣчанія примыкали къ программѣ занятій Тифлисской коммиссіи, предложенной мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ, и къ реферату г. Дрбоглава. Необходимо было поэтому ознакомить читателя и съ высказанными тамъ мнѣніями, которыя я и приводилъ съ нѣкоторыми сокращеніями. Теперь же поведемъ рѣчь о дальнѣйшемъ преподаваніи древнихъ языковъ; и мои замѣчанія объ этомъ предметѣ будутъ болѣе независимы отъ отчета коммиссіи, потому что разрѣшеніе этихъ вопросовъ представлено въ отчетѣ, по моему мнѣнію, въ менѣе удовлетворительномъ видѣ.

По моему мнѣнію, дальнѣйшее изученіе древнихъ языковъ въ гимназіи должно состоять преимущественно въ изученіи бо́льшихъ или меньшихъ отрывковъ древней литературы, и только сравнительно небольшая часть времени должна быть посвящена изученію грамматики древнихъ языковъ и упражненіямъ въ ней.

Разовьемъ теперь эти мысли. Но прежде всего здѣсь будетъ мнѣ кстати оговориться на счетъ одного пункта. Читатель уже изъ различныхъ прежнихъ мѣстъ моего разсужденія могъ видѣть, что я

[1]) *Окончаніе.* См. ноябрскую книжку *Ж. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

[2]) До болѣе полнаго отдѣленія чтенія текстовъ отъ спеціальнаго изученія языка и грамматики.

Библиотека "Руниверс"

избѣгаю выраженія: чтеніе авторовъ и замѣняю его выраженіемъ: чтеніе отрывковъ, отрывковъ древнихъ литературъ. Это я дѣлаю сознательно и съ намѣреніемъ. Кто же не видитъ, что только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ можно въ гимназіи изучать цѣлаго автора? Вѣдь это случается собственно лишь въ томъ случаѣ, если авторъ, читаемый въ гимназіи, писалъ крайне мало, или если отъ него дошло до насъ очень немного, и притомъ, если именно эта небольшая дошедшая до насъ доля его сочиненій особенно пригодна для чтенія въ гимназіяхъ. Вотъ почему я предпочитаю употребленіе въ гимназіяхъ, по крайней мѣрѣ въ низшихъ и среднихъ классахъ ихъ, хрестоматій употребленію изданій отдѣльныхъ авторовъ [1]). Въ этомъ отношеніи я отступаю, правда, отъ господствующаго въ Германіи, а также, кажется, и у насъ, мнѣнія (ср. напримѣръ, C. Fr. von Nägelsbach's Gymnasialpädagogik, herausg. v. A. Autenrieth, 1862, стр. 112 и слл.). Но вѣдь германскіе филологи смотрятъ на учениковъ гимназій почти всегда, болѣе или менѣе, какъ на будущихъ филологовъ, а потому и требуютъ отъ нихъ, изученія цѣлыхъ сочиненій или всего написаннаго авторомъ, требуютъ, чтобъ они составляли или могли составить себѣ болѣе точное понятіе о характерѣ каждаго автора или сочиненія его на основаніи изученія его вполнѣ. Но этого можно ожидать отъ учениковъ развѣ только старшихъ классовъ и никакъ нельзя требовать отъ учениковъ низшихъ и среднихъ классовъ; поэтому для учениковъ низшихъ классовъ нѣтъ необходимости печатать отдѣльныя изданія цѣльныхъ сочиненій или всѣхъ сочиненій какого-либо древняго автора. Вѣдь, не говоря о другихъ обстоятельствахъ, нужно же дѣлать выборъ статей для чтенія въ классѣ; да и выбирать надлежитъ не только то, что̀ доступно ученикамъ по ихъ возрасту, но даже изъ того, что̀ имъ доступно, слѣдуетъ читать по возможности только самое лучшее. Вотъ почему въ гимназіяхъ придется ограничиваться, въ большей части случаевъ, чтеніемъ различныхъ большихъ или меньшихъ, представляющихъ нѣчто цѣльное, отрывковъ изъ различныхъ авторовъ, а не настаивать на чтеніи непремѣнно цѣлыхъ сочиненій или всѣхъ сочиненій читаемаго автора. Вѣдь и на самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ Россіи, обыкновенно читаются только отрывки. Но въ такомъ случаѣ отчего же не пользоваться хрестоматіями,

[1]) Послѣ такой оговорки я далѣе буду для краткости употреблять выраженіе „чтеніе авторовъ“, въ увѣренности, что изъ этого не выйдетъ недоразумѣнія.

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ болѣе, что для первоначальнаго чтенія, по крайней мѣрѣ на латинскомъ языкѣ, необходимо предлагать текстъ авторовъ не безъ измѣненій, а приспособленный къ потребностямъ и степени развитія учениковъ низшихъ и среднихъ классовъ гимназій? Я знаю, что многіе преподаватели не одобряютъ такого приноровливанія текстовъ къ потребностямъ педагогическимъ и дидактическимъ и называютъ его искаженіемъ текстовъ. Но можно считать искаженіемъ только плохое приспособленіе, а противъ удачнаго, хорошаго ничего сказать нельзя. Вѣдь дѣло идетъ тутъ вовсе не о научномъ изученіи текстовъ; для послѣдней цѣли нужно доставить читателю возможность познакомиться съ настоящимъ состояніемъ преданія текста, какъ бы плохо оно ни было. Дѣло идетъ только о чтеніи въ классѣ, чтеніи не съ научною, а съ педагогическою цѣлью. Безъ такого приноровленія нерѣдко не обходятся и составители хрестоматій для роднаго и другихъ живыхъ языковъ, особенно когда подбирается матеріалъ для чтенія въ низшихъ и среднихъ классахъ училищъ. Отчего же избѣгать относительно текстовъ древнихъ языковъ, слѣдовательно, текстовъ, гораздо менѣе доступныхъ ученикамъ, того, что обыкновенно дѣлается съ текстами новѣйшихъ литературъ, съ дидактическою цѣлью?

Но какъ бы то ни было, сущность дѣла, на которой я настаиваю, состоитъ въ томъ, что, по моему, и во всемъ преподаваніи древнихъ языковъ въ гимназіи изученіе грамматики и даже вообще спеціальное изученіе языка и упражненія въ немъ должны занимать не главную, не первую роль, а только сравнительно мѣньшую часть уроковъ, посвящаемыхъ преподаванію древнихъ языковъ, а самая большая часть ихъ должна быть посвящена чтенію, то-есть, переводу и изученію, какъ содержанія, такъ и формы читаемыхъ отрывковъ древнихъ литературъ. Такому чтенію, чтенію возможно бо́льшаго числа связныхъ отрывковъ древнихъ литературъ, нельзя придавать достаточно большаго значенія, потому что безъ чтенія многихъ отрывковъ не достигается знакомство съ древними языками, даже въ тѣхъ ограниченныхъ размѣрахъ, какіе я выше указалъ [1]). Кромѣ того, только при изученіи сравнительно большаго количества частей древнихъ памятниковъ такое чтеніе можетъ служить дополненіемъ къ преподаванію древней исторіи, знакомя учениковъ съ подробностями быта,

[1]) Ср. замѣчанія сдѣланныя И. В. Помяловскимъ въ письмѣ, напечатанномъ на стр. 32 отчета.

Библиотека "Руниверс"

если не Грековъ и Римлянъ вообще, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ самыхъ важныхъ эпохъ исторіи ихъ. Только обильное чтеніе пріучаетъ учениковъ вникать въ мысли людей другихъ временъ и народностей и вѣрно оцѣнивать культурную работу народовъ, значительно отличающихся отъ нынѣшняго вѣка и нынѣшнихъ народовъ, и такимъ образомъ доставляетъ сравнительно хорошее историческое развитіе, совершенно необходимое для современнаго, образованнаго человѣка.

Итакъ, наибольшую часть времени, посвящаемаго изученію древнихъ языковъ, должно назначать на изученіе отрывковъ древнихъ литературъ, а сравнительно меньшую—на изученіе грамматики и на упражненія въ древнихъ языкахъ. Отношеніе времени, которое должно посвятить тому или другому занятію, можно опредѣлить приблизительно числами: $^2/_3$ къ $^1/_3$.

Я однако вовсе не придаю малаго значенія изученію грамматики въ гимназіяхъ и вовсе не желаю ограничить его. Напротивъ того, я придаю ему огромное значеніе и не отрицаю пользы грамматики, какъ средства для ознакомленія съ языкомъ. Правда, я и не преувеличиваю его значенія въ этомъ отношеніи, какъ дѣлаютъ всѣ тѣ, кто основываетъ изученіе языка преимущественно или исключительно на изученіи грамматики, и ожидаю желаемыхъ результатовъ только отъ хорошаго, раціональнаго, а потому и успѣшнаго, по возможности, преподаванія грамматики. Такіе результаты однако при нынѣшнемъ способѣ ея преподаванія достигаются только въ исключительныхъ случаяхъ и съ затратою слишкомъ долгаго времени. Вотъ почему я желаю не ослабить изученіе грамматики, а напротивъ того, даже усилить его; но для этой самой цѣли нужно ограничить объемъ изучаемой грамматики и за то придать большую интенсивность изученію доступной для учениковъ гимназій и важной для нихъ части грамматики.

Извѣстно, что изученіе грамматики, какъ и большей части наукъ въ гимназіяхъ, возможно и доступно только въ ограниченныхъ предѣлахъ. Этой истины не понимаетъ только тотъ, кто о самыхъ наукахъ не имѣетъ надлежащаго понятія. А что касается спеціально грамматики, то уже практики-преподаватели устранили по немногу изъ школьныхъ учебниковъ древнихъ языковъ массу матеріала, который только затруднялъ учащихся, но никогда не заучивался ими хорошо и оставался обыкновенно совершенно безъ всякаго примѣненія. Стоитъ только сравнить новѣйшіе школьные учебники древнихъ

Библиотека "Руниверс"

языковъ съ такими, каковы были, напримѣръ, нѣмецкіе учебники Цумпта или Г. Т. А. Крюгера (Grammatik der lat. Sprache. 1842). Но не достаточно еще сознаютъ, какъ мнѣ кажется, до сихъ поръ, что того, съ чего обыкновенно начинаютъ преподаваніе языковъ, а именно общихъ опредѣленій, напримѣръ, частей рѣчи ученики вполнѣ понимать не могутъ. Они только вызубриваютъ такія опредѣленія на вѣру со словъ учителя, тѣмъ болѣе, что нерѣдко даже самымъ употребительнымъ изъ такихъ опредѣленій въ элементарныхъ учебникахъ противорѣчатъ встрѣчающіяся чуть ли не на каждомъ шагу явленія языковъ.

Итакъ, какъ же слѣдуетъ изучать древніе языки раціонально, сохраняя (какъ то требуется и программою занятій Тифлисской коммиссіи) связь изученія языка, то-есть, грамматики, съ изученіемъ текстовъ, но назначая все-таки на то и другое особые часы? Это послѣднее условіе, на первый взглядъ, по видимому постоянно соблюдается: какъ только приступаютъ къ чтенію связныхъ статей, особые уроки посвящаются чтенію, переводу и объясненію ихъ; и въ то же время въ особые часы занимаются грамматикой и упражненіями въ языкахъ (помимо самаго чтенія). Но, какъ замѣчено г. Кораваевымъ, требуемое отдѣленіе двухъ совершенно различныхъ отдѣловъ занятій рѣдко проводится строго; напротивъ того, текстъ читаемыхъ авторовъ нерѣдко служитъ только поводомъ къ тому, чтобы повторять пройденныя уже части грамматики или чтобы проходить и новыя, еще не заученныя.

Такъ особенно пользуются текстомъ Корнелія Непота, Цезаря, а изъ греческихъ сочиненій Ксенофонтовымъ походомъ Кира Младшаго для повторенія тѣхъ частей этимологіи, которыхъ ученики не знаютъ еще достаточно твердо, а также для постояннаго повторенія самыхъ важныхъ и обыкновенныхъ синтаксическихъ правилъ, которыя принято изучать раньше систематическаго прохожденія синтаксиса. Но что̀ обыкновенно изъ этого выходитъ? На это указываетъ и г. Дрбоглавъ въ приведенномъ выше мѣстѣ. Но послушаемъ, что̀ говоритъ, хотя и не о томъ же самомъ, отличный практическій педагогъ Дёдерлейнъ въ своемъ сочиненіи: Reden u. Aufsätze (t. I, стр. 239 и слѣд.): „Мой пріятель Бреми, какъ онъ самъ мнѣ разказывалъ, при чтеніи и объясненіи Омира не имѣлъ обыкновенія выпускать такіе стихи, которые другихъ учителей приводятъ въ затрудненіе своею наивностью, и которые по этому обыкновенно совершенно выпускаются; я напротивъ того, говоритъ онъ,— особенно основательно и подробно объяснялъ ихъ и притомъ спраши-

Библиотека "Руниверс"

валъ учениковъ и объ обычаѣ опускать аугментъ и сокращать полныя глагольныя формы, разбиралъ всевозможные синонимы и т. д.. Не слѣдуетъ только принимать видъ, какъ будто есть что-то особенное въ такихъ стихахъ". Такъ Бреми пользовался особенно подробнымъ и, какъ говорятъ, основательнымъ грамматическимъ комментированіемъ текста сознательно, съ цѣлью отвлекать вниманіе учениковъ отъ содержанія извѣстныхъ стиховъ; но также поступаютъ преподаватели нерѣдко и безъ опредѣленной особой цѣли, и только безсознательно, и достигаютъ, разумѣется, такого же результата, а именно того, что ученики совершенно забываютъ и думать о содержаніи, напримѣръ, въ различныхъ жизнеописаніяхъ Корнелія Непота и различныхъ частяхъ похода Кира [1]). Но въ такомъ случаѣ, если не обращать вниманія учащихся на содержаніе читаемыхъ текстовъ, то не лучше ли совершенно отказаться отъ изученія ихъ въ гимназіяхъ? Но содержаніе читаемыхъ статей авторовъ само по себѣ не представляетъ ли самаго занимательнаго и полезнаго для молодежи предмета изученія? Это несомнѣнно и доказывается фактомъ, сообщеннымъ мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ однимъ опытнымъ учителемъ, а именно: съ тѣхъ поръ, какъ отмѣнено постановленіе, по которому чуть ли не исключительно рѣшающее значеніе на выпускномъ испытаніи придавалось письменнымъ работамъ на изучаемомъ чужомъ языкѣ, и какъ стало возможнымъ въ старшихъ классахъ посвящать болѣе времени чтенію авторовъ, съ тѣхъ поръ ученики стали гораздо охотнѣе заниматься древними языками. Итакъ, слѣдуетъ избѣгать той манеры мнимаго объясненія текстовъ, при которомъ вниманіе учениковъ совершенно отвлекается отъ содержанія читаемаго вѣчнымъ повтореніемъ по поводу текста (кстати или не кстати) пройденныхъ грамматическихъ правилъ и изложеніемъ еще не пройденныхъ. Такое мнимое объясненіе авторовъ не можетъ не возбуждать въ ученикахъ отвращенія къ древнимъ языкамъ, къ главнымъ предметамъ преподаванія въ гимназіяхъ.

Слѣдуетъ ли однако при чтеніи и объясненіи текстовъ избѣгать всякихъ указаній со стороны преподавателя на грамматическую сторону, представляемую ими? Никакъ нѣтъ. Но слѣдуетъ поступать дѣйствительно такъ, какъ требуется въ учебныхъ планахъ министерства, а именно: давать грамматическія объясненія или требовать ихъ отъ учащихся при объясненіи читаемаго текста только въ тѣхъ

[1]) См. о всемъ этомъ и приведенныя выше слова изъ рѣчи г. Короваева.

Библиотека "Руниверс"

случаяхъ, когда, вслѣдствіе лучшаго пониманія даннаго языковаго явленія, ученикъ будетъ въ состояніи вѣрнѣе, точнѣе понимать или лучше переводить текстъ.

Итакъ, если г. Дрбоглавъ замѣчалъ въ коммиссіи, что первоначальное преподаваніе латинскаго языка идетъ плохо вслѣдствіе слишкомъ слѣпаго слѣдованія учебнымъ планамъ министерства, то здѣсь, напротивъ, мы видимъ совершенно противоположное явленіе. Планы давали преподавателямъ отличный совѣтъ, который однако зачастую не исполнялся въ точности, а вмѣсто того сохранялся старый плохой обычай чтенія и объясненія авторовъ. Что дѣйствительно такой обычай когда-то былъ господствующимъ не только у насъ, но и въ Германіи, это доказываетъ не малое число назначенныхъ для употребленія въ гимназіяхъ изданій авторовъ съ обширными грамматическими комментаріями, каково, напримѣръ, отличное въ своемъ родѣ изданіе Ксенофонтова похода Кира, сдѣланное К. В. Крюгеромъ, съ нѣмецкими примѣчаніями (эта книга вышла уже 6-мъ изданіемъ). А такому характеру школьныхъ пособій соотвѣтствовалъ нерѣдко и самый характеръ объясненія авторовъ въ школѣ; и чтобы противодѣйствовать между прочимъ такому именно характеру преподаванія весьма умный берлинскій книгопродавецъ Г. Реймеръ, тогдашній глава фирмы: „Вейдманновская книжная торговля", задумалъ издавать собраніе авторовъ, читаемыхъ въ гимназіяхъ, съ нѣмецкими комментаріями, болѣе или менѣе приспособленными къ потребностямъ школы: предпріятіе, которое вызвало затѣмъ не мало болѣе или менѣе успѣшныхъ подражаній.

Итакъ, повторяю еще разъ: въ урокахъ, назначенныхъ для чтенія авторовъ, надлежитъ избѣгать постояннаго толкованія и спрашиванія грамматики, а необходимо обращать вниманіе учениковъ на грамматическія явленія только въ указанныхъ исключительныхъ случаяхъ. Только при этомъ условіи можно въ классахъ прочесть безъ излишнихъ перерывовъ отдѣльныя изучаемыя статьи древнихъ литературъ довольно скоро, такъ чтобъ ученики могли получить общее впечатлѣніе о характерѣ цѣлыхъ связныхъ отдѣловъ.

Но кромѣ того, для успѣшнаго, не слишкомъ медленнаго, чтенія отрывковъ изъ древнихъ литературъ надлежитъ выбирать для чтенія въ данномъ классѣ доступные именно для его учениковъ и по формѣ, и по содержанію отдѣлы изъ предлагаемыхъ учебными планами авторовъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ выбирать для чтенія въ школѣ отрывковъ изъ авторовъ, крайне испорченныхъ, такъ какъ безъ критическаго

Библиотека "Руниверс"

разбора понимать ихъ не было бы возможности, а съ другой стороны, критика текста, какъ теперь общепризнано, не можетъ составлять занятія учениковъ гимназіи.

На этомъ основаніи не слѣдуетъ ли согласиться съ довольно распространеннымъ въ средѣ учителей мнѣніемъ, что въ отрывки, читаемые въ гимназіяхъ, не слѣдуетъ принимать поправокъ критики, замѣняющихъ собою преданіе текста? Никакъ нѣтъ! Напротивъ того, совершенно справедливы, по моему мнѣнію, слова Кобета въ предисловіи къ изданію Ксенофонтова похода Кира: Nihil esse arbitror quod sit et verius et evidentius quam Quintiliani praeceptum: interpretationem debet praecedere emendata lectio. Nemo potest et ipse intelligere et alteri interpretari, quod non est sanum et integrum. Diligenter igitur videndum, ne quis, dum scripturas aegras et male sanas utcunque explicare nititur, paululum ingenium offundat suum (я здѣсь прибавилъ бы еще: et ingenia puerorum) judicioque vim offerat etc. О томъ же, какова должна быть критическая обработка автора, коего изданіе назначается для употребленія въ гимназіяхъ, объ этомъ совѣтую читателю прочесть замѣчанія акад. Наука въ предисловіи къ 5-му изданію Софоклова Эанта. Отъ себя замѣчу только слѣдующее:

Упрекаютъ не безъ основанія самыхъ замѣчательныхъ изъ критиковъ голландской школы въ томъ, что они въ текстѣ издаваемыхъ ими писателей нерѣдко замѣняютъ испорченныя слова поправками, не то чтобы несогласными съ характеромъ сочиненія или автора или не достойными того или другаго, а такими, коими едва ли возстановляется оригинальный текстъ автора. Но такая смѣлость въ иныхъ случаяхъ совершенно неизбѣжна, чтобы замѣнить испорченное и не объяснимое безъ насилія чтеніе, и потому она совершенно умѣстна въ изданіяхъ авторовъ или отрывковъ изъ авторовъ, назначаемыхъ для употребленія въ гимназіяхъ. А отдѣлы авторовъ, коихъ чтеніе до того испорчено, и гдѣ преданіе текста такъ извращено, что нельзя поправить нелѣпости рукописнаго текста даже столь смѣлою критикою,—такіе отдѣлы памятниковъ древнихъ литературъ должны быть по необходимости исключены изъ школьнаго чтенія. Есть однако такія мѣста въ литературныхъ памятникахъ, обыкновенно читаемыхъ въ гимназіяхъ, коихъ текстъ до того испорченъ, что несомнѣнно вѣрно можно понять только общій смыслъ такой части и изъ этого общаго смысла убѣдиться въ значеніи всей этой части для цѣлаго сочиненія, но нѣтъ никакой возможности

Библиотека "Руниверс"

вѣрно истолковать, что̀ скрывается подъ большею частью частныхъ нелѣпостей рукописнаго преданія. Какъ поступать въ такихъ случаяхъ? Такая порча текста, представляется, напримѣръ, въ знаменитой сценѣ Софокловой Илектры, гдѣ педагогъ Ореста, не узнаваемый Клитемнистрою, разказываетъ послѣдней о родѣ смерти своего бывшаго питомца въ Дельфахъ во время публичныхъ игръ, въ которыхъ онъ будто бы участвовалъ на славу себѣ, своему роду и своей родинѣ. Такую сцену, подобной которой, сколько намъ извѣстно, нѣтъ у предшественниковъ Софокла, и которая такъ важна въ строѣ этой замѣчательной трагедіи, нельзя же просто выпустить, когда читаешь эту трагедію въ гимназіяхъ. Въ такомъ случаѣ, по моему, учитель, при чтеніи Илектры, дойдя до этой сцены, можетъ ограничиться сообщеніемъ лишь общаго ея содержанія ученикамъ на родномъ языкѣ и изложеніемъ ея значенія въ цѣлой трагедіи, но не терять дорогаго времени класснаго обученія на объясненіе необъяснимаго.

Но каково же наконецъ должно быть объясненіе авторовъ въ классѣ? Не слѣдуетъ ли изъ предыдущаго, что я противъ статарнаго чтенія и стою за курсорное, и что въ этомъ отношеніи я не согласенъ съ тѣмъ, что̀ сказано въ Отчетѣ Тифлисской коммиссіи на стр. 350 и сл., гдѣ курсорное чтеніе предписывается только для домашнихъ занятій и при повтореніи прочитаннаго статарно. И дѣйствительно, я не вполнѣ согласенъ съ г. Кораваевымъ, но не въ томъ отношеніи, что желаю введенія статарнаго чтенія въ классахъ, а въ томъ, что вообще, по моему мнѣнію, согласному съ мнѣніемъ Негельсбаха (Gymnasialpädagogik, стр. 41 и сл.), должно читать и не статарно, и не курсорно, что не слѣдуетъ задерживать чтеніе слишкомъ обильными комментаріями, а должно объяснять данныя мѣста именно на столько, на сколько необходимо и возможно при данномъ возрастѣ и данной степени развитія учениковъ. Такимъ образомъ, чѣмъ долѣе ученики будутъ читать извѣстнаго автора, тѣмъ быстрѣе пойдетъ чтеніе, потому что тѣмъ рѣже будутъ требоваться объясненія. Разумѣется, благоразумный преподаватель будетъ соображаться съ степенью развитія учениковъ при объясненіи авторовъ и никогда не забудетъ, что иначе читаетъ Цезаря школьникъ, иначе—Гуго Гроцій.

Необходимо войдти еще въ нѣкоторыя подробности относительно чтенія и объясненія авторовъ.

Отъ учениковъ требуютъ или ожидаютъ обыкновенно, чтобъ они, для приготовленія къ переводу извѣстнаго отдѣла автора, прежде всего отыскивали въ словарѣ значеніе неизвѣстныхъ имъ словъ и за-

Библиотека "Руниверс"

учивали ихъ. Положимъ, что ученики уже пріучены учителемъ приготовляться къ переводу и умѣютъ обращаться съ словаремъ, но и въ такомъ случаѣ никакъ нельзя оправдать заучиванья и спрашиванья въ классѣ значенія отдѣльныхъ словъ до самаго перевода текста, да и вообще. Ученикъ вѣдь можетъ отыскать и выучить только одно или, положимъ, два три выраженія, которыми передается данное слово чужаго языка. Но такой переводъ почти всегда только приблизительно вѣренъ; вѣдь объемъ значенія слова роднаго и соотвѣтствующаго слова чужаго языка въ рѣдкихъ случаяхъ покрывается одинъ другимъ; напротивъ того, обыкновенно одному слову свойственны такіе-то оттѣнки, а соотвѣтствующему слову другаго языка — совершенно другіе. Между тѣмъ ученикъ, при изученіи значенія чужаго слова, не можетъ не отожествлять приблизительнаго объема значенія роднаго слова съ объемомъ значенія чужаго, слѣдовательно, и заучиваетъ нѣчто невѣрное. Скажутъ: это еще небольшая бѣда; когда встрѣтится данное слово еще нѣсколько разъ въ различной связи, ученикъ въ состояніи будетъ по немногу исправить не вполнѣ вѣрное понятіе о значеніи слова, заученнаго имъ. Но развѣ нельзя избѣжать заучиванья невѣрнаго? Разумѣется, можно, а потому и должно; а для того учителю надлежитъ приступать прямо къ чтенію и переводу текста, не спрашивая вовсе и не требуя предварительно заучиванія вокабулъ. Или, если учитель по старой привычкѣ не можетъ совсѣмъ обойтись безъ спрашиванья вокабулъ, то пусть онъ по крайней мѣрѣ спрашиваетъ не значеніе отдѣльныхъ словъ, а цѣлыхъ фразъ или конструкцій, то-есть, не значеніе, напримѣръ, одного слова quaero, а значеніе фразы: sibi honores quaerere или mors quaesita или ex aliquo aliquid quaerere.

Изучая такимъ образомъ значеніе слова всегда вмѣстѣ съ фразой, съ которою оно связано, ученикъ получаетъ сначала, разумѣется, понятіе только объ одномъ какомъ-нибудь оттѣнкѣ значенія даннаго слова; но такое ограниченное на первый разъ понятіе будетъ понемногу дополняться при всякой новой встрѣчѣ съ тѣмъ же словомъ въ другой связи рѣчи. И въ этомъ случаѣ не придется стараться при дальнѣйшемъ ученіи забывать то, что заучено было сначала невѣрнаго но только дополнять свои свѣдѣнія. Слѣдовательно, при заучиваньи значенія не отдѣльныхъ словъ, а цѣлыхъ фразъ, не теряется напрасно ни времени, ни труда. Такой пріемъ тѣмъ болѣе важенъ, что онъ исключительно естественный. Вѣдь значеніе словъ и разши-

Библиотека "Руниверс"

ряется, и съуживается смотря по связи, въ которой они употребляются, то-есть, по связи мыслей, такъ что значеніе словъ можно опредѣлить только по соображенію съ связью рѣчи. Тѣмъ важнѣе такое требованіе заучиванья значенія цѣлыхъ фразъ, а не отдѣльныхъ вокабулъ, что во всякомъ языкѣ существуютъ выраженія изолированныя, встрѣчающіяся только въ извѣстныхъ конструкціяхъ и оборотахъ. Изучать такія выраженія безъ ихъ конструкцій и оборотовъ было бы крайнею нелѣпостью. Не смотря на все это, до сихъ поръ распространены еще весьма странныя понятія о заучиваньи вокабулъ для пріобрѣтенія copia verborum и это доказывается множествомъ вокабуляріевъ, изданныхъ въ Германіи и Франціи въ послѣднія десятилѣтія для этой цѣли по различнымъ планамъ [1]). Даже Пертесъ, извѣстный новѣйшій реформаторъ пріемовъ преподаванія древнихъ языковъ въ Германіи, не вполнѣ выяснилъ себѣ значеніе этого вопроса. Онъ, правда, не требуетъ заучиванья значенія словъ до перевода текста, но все-таки требуетъ его по переводѣ и объясненіи самаго текста и по объясненіи отдѣльныхъ словъ. Но въ такомъ случаѣ спрашиваніе вокабулъ представляется дѣломъ, правда, безвредѣнымъ, но и совершенно лишнимъ.

Далѣе, у многихъ учителей существуетъ обычай — до перевода всякаго простаго ли предложенія или сложнаго періода—дѣлать такъ-называемую конструкцію, то-есть, переставлять слова въ такъ-называемомъ логическомъ порядкѣ или, вѣрнѣе, въ томъ порядкѣ, въ какомъ приблизительно должны или могутъ стоять слова родной рѣчи при переводѣ даннаго предложенія или періода. Противъ того, чтобы дѣлать такую конструкцію въ исключительныхъ случаяхъ, когда ученику трудно было бы безъ того понять мѣсто или придумать вѣрный переводъ его, противъ этого нельзя ничего сказать. Но никакъ не слѣдуетъ одобрять привычки постоянно дѣлать конструкцію предложенія до перевода, потому что въ такомъ случаѣ ученикъ вмѣсто того, чтобы привыкать къ расположенію словъ или частей предложенія, свойственному чужому языку, пріучаетъ свое ухо къ какому-то искаженному, не свойственному данному языку расположенію словъ [2]).

---

[1]) Кромѣ реферата г. Кораваева «о заучиваніи словъ» (Отчетъ, стр. 472 и слл.), см. еще мои статьи въ *Учителѣ*.

[2]) См. объ этомъ предметѣ интересныя замѣчанія *Г. К. Габеленца* (H. C. Gabelentz) въ журналѣ *Zeitschrift für Psychologie u. Sprachwissenschaft*, издаваемомъ *Штейнталемъ* и *Лацарусомъ*, VIII (1875), стр. 132 и слл. Приблизи-

Библиотека "Руниверс"

Далѣе, при переводѣ учителю придется сообщать различныя свѣдѣнія по такъ-называемымъ реаліямъ, свѣдѣнія, которыя ученикъ необходимо долженъ усвоить, чтобы понимать мысль или разказъ автора. Сообщеніе такихъ свѣдѣній имѣетъ ту цѣль, чтобъ ученикъ какъ можно живѣе и нагляднѣе могъ представить себѣ содержаніе рѣчи, чуждое нашимъ воззрѣніямъ. Это совершенно необходимо и въ виду той цѣли изученія древнихъ языковъ, чтобъ ими дополнялись извѣстныя картины древняго міра, сообщенныя ученикамъ на урокахъ исторіи. Безъ такихъ объясненій ученикъ, даже понимая значеніе отдѣльныхъ словъ, не будетъ въ состояніи составить себѣ ясное понятіе о мысли автора.

Исполненіе этой стороны задачи объясненія авторовъ будетъ, вѣроятно, нѣсколько облегчено преподавателямъ, когда доведется до конца „Реальная Энциклопедія“ Любкера въ русскомъ переводѣ. Но и такія реальныя свѣдѣнія учитель долженъ при объясненіи авторовъ сообщать въ мѣру, чтобъ они не отвлекали своими размѣрами отъ самаго чтенія. Этою стороною дѣла занимаются въ Отчетѣ Тифлисской коммиссіи, кромѣ реферата г. Короваева, и рефераты 7-й, 8-й и 9-й, въ которыхъ, согласно съ программою занятій коммиссіи, предложенною г. попечителемъ, дѣлаются и попытки опредѣлить размѣръ той необходимой доли свѣдѣній о бытѣ и исторіи, о географіи, миѳологіи и исторіи литературы и исторіи философіи Грековъ и Римлянъ, коей знаніе необходимо для пониманія древнихъ писателей. Такія даже только приблизительныя опредѣленія однако уже потому не возможны, что не всѣмъ ученикамъ приходится читать одни и тѣ же отрывки древнихъ литературъ; въ этомъ отношеніи программа задачъ коммиссіи, требовавшая такого опредѣленія, по моему, требуетъ невозможнаго. Разумѣется, нѣкоторая систематизація извѣстныхъ частей древностей, на которыя въ продолженіе года по поводу тѣхъ или другихъ, читавшихся въ классѣ, сочиненій особенно часто обращалось вниманіе учащихся, и возможна, и желательна; но никакъ нельзя напередъ опредѣлять ея предмета и объема; вѣдь не знаешь напередъ, отрывки какихъ писателей или сочиненій придется читать въ данномъ году и въ данномъ классѣ [1]).

тельно такое же мнѣніе по этому вопросу, какъ и я, излагаетъ и г. Короваевъ, Отчетъ, стр. 346 и слл.

[1]) О реальномъ объясненіи авторовъ см. замѣчанія *И. В. Помяловскаго* въ разборѣ русскихъ обработокъ «Реальной Энциклопедіи» *Любкера*, *Ж. М. Н. Просв.*, мартъ 1884 г.

Библиотека "Руниверс"

По объясненіи всего необходимаго въ данномъ отдѣлѣ читаемаго текста слѣдуетъ требовать отъ учениковъ, чтобъ они отдавали учителю отчетъ о содержаніи прочитаннаго въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можетъ быть недоразумѣніе на этотъ счетъ, а напримѣръ, при чтеніи философскихъ сочиненій давали бы отчетъ не только о ходѣ и связи отдѣльныхъ мыслей, но и объ убѣдительности и неубѣдительности приведенныхъ въ текстѣ доводовъ въ пользу даннаго мнѣнія.

Но кромѣ того, если и объяснены отдѣльныя частности, а также ходъ и порядокъ мыслей, то необходимо еще, чтобы въ памяти ученика какъ бы безсознательно врѣзалось впечатлѣніе формы цѣлаго даннаго отдѣла. Этого можно достичь именно громкимъ и яснымъ прочтеніемъ вслухъ съ толкомъ и выраженіемъ, а если дѣло идетъ о латинскихъ текстахъ, то можно требовать даже, согласно съ риторическимъ характеромъ латинскаго языка и латинской литературы, и настоящей декламаціи объясненнаго отдѣла, при чемъ модуляціей голоса придется выставлять любимые у Римлянъ контрасты между отдѣльными частями предложенія или періода и между отдѣльными выраженіями, а въ другихъ случаяхъ при чтеніи памятниковъ литературы I столѣтія по Р. Х. подчеркивать выраженія, составляющія какъ бы кульминаціонныя точки (les pointes) мысли, выраженной предложеніемъ или періодомъ.

Важность такого громкаго чтенія для безсознательнаго усвоенія характера изложенія, а слѣдовательно, и для сознанія ошибокъ рукописнаго преданія, ясно сознается и различными учеными, напримѣръ, Кобетомъ, который постоянно рекомендуетъ молодымъ филологамъ по возможности больше читать древнихъ авторовъ вслухъ; значеніе же такого громкаго чтенія при преподаваніи въ гимназіяхъ, то-есть, возможность пользоваться безсознательнымъ усвоеніемъ для усиленія сознательнаго изученія предмета впервые, если я не ошибаюсь, ясно сознано Герм. Пертесомъ и рекомендуется имъ между прочимъ во второй изъ статей, озаглавленныхъ: Zur Reform des lat. Unterrichts въ Berliner Zeitschrift für das Gymnasialwesen. Jahrg. XXVIII, 1874.

Наконецъ, задача чтенія авторовъ будетъ выполнена вполнѣ удовлетворительно и относительно реальной стороны читаемыхъ текстовъ, если по прочтеніи части извѣстнаго автора, положимъ—въ продолженіе полугода, ученикъ будетъ въ состояніи не особенно трудныя главы того же сочиненія или того же автора, но главы, не читанныя и не объясненныя въ классѣ, отчетливо объяснять и переводить близко

Библиотека "Руниверс"

по смыслу и по возможности характерно, и притомъ хорошимъ литературнымъ языкомъ.

А именно довести до этого своихъ учениковъ это-то и должно быть существенною, главною задачею преподавателя, и до этого-то и нельзя дойти ученикамъ безъ отчетливаго, по возможности пониманія формы и содержанія читаемаго. Если такая цѣль достигнута, то можно, кажется, считать выполненною задачу чтенія отрывковъ изъ древнихъ литературъ, даже если не читаны, положимъ, въ данной гимназіи нѣкоторые изъ болѣе трудныхъ писателей, читаемыхъ въ другихъ гимназіяхъ.

III.

Перейдемъ теперь къ вопросу, какъ надлежитъ въ особенные, на то назначенные, часы заниматься изученіемъ древнихъ языковъ, помимо чтенія авторовъ, какъ вести практическія упражненія въ языкѣ и какъ приводить въ сознаніе необходимую долю теоріи его.

Разумѣется, слѣдовало бы здѣсь говорить не только о самомъ способѣ изученія языка, но и о томъ объемѣ, въ какомъ надлежитъ изучать его. Но вопервыхъ, объ объемѣ необходимаго и дѣйствительно полезнаго изученія теоріи языка (грамматики древнихъ языковъ) мы уже кое-что сказали, замѣтивъ съ самаго начала, что прохожденіе грамматики можетъ играть при изученіи древнихъ языковъ только сравнительно скромную роль, и что поэтому излишнимъ разширеніемъ объема этого предмета вовсе не можетъ быть достигнута цѣль изученія языка и пониманія авторовъ, даже та ограниченная цѣль такого изученія, которую мы старались опредѣлить выше. Но съ другой стороны, объемъ опредѣляется и долженъ опредѣляться и способомъ изученія языковыхъ явленій; слѣдовательно, намъ остается говорить только о семъ послѣднемъ.

Что касается до способа изученія языковыхъ явленій, то самое высокое педагогическое значеніе нельзя не приписать тому пріему, при которомъ ученики не только, какъ обыкновенно, болѣе или менѣе пассивно принимаютъ выработанныя не ими теоріи со словъ учителя, но при которомъ они наиболѣе самодѣятельны. Этотъ способъ, приводитъ учащихся къ сознанію собственныхъ силъ и поощряетъ ихъ заниматься усиленно, и не смотря на то охотно, словомъ—пріучаетъ ихъ къ труду вообще. Такой способъ называютъ обыкновенно эвристическимъ; вѣрнѣе называть его эвретическимъ (отъ

Библиотека "Руниверс"

греч. εὑρετικός). Превосходство эвретическаго пріема хорошо выяснено между прочимъ и въ педагогическихъ этюдахъ Герберта Спенсера [1]).

Желательно по этой причинѣ—и это желаніе я только теперь впервые рѣшаюсь высказать прямо—чтобъ этого пріема учителя придерживались при всемъ преподаваніи древнихъ языковъ и спеціально грамматическихъ явленій ихъ, во всѣхъ классахъ гимназій.

Когда я писалъ о преподаваніи древнихъ языковъ въ журналѣ Учитель, я еще не выставлялъ требованія, чтобъ они преподавались по эвретическому пріему, а только ограничивался указаніемъ различныхъ недостатковъ или даже нелѣпостей, сопряженныхъ съ обыкновеннымъ способомъ преподаванія, устранить которые необходимо. Если же теперь, согласно съ своимъ идеаломъ способа преподаванія древнихъ языковъ, я рекомендую эвретическій пріемъ, коего примѣненія къ преподаванію древнихъ языковъ, сколько мнѣ извѣстно, рѣдко кто по сію пору требовалъ, то пусть не думаетъ читатель, что это внезапная, можетъ быть—минутная, не обдуманная фантазія съ моей стороны. Нѣтъ, какъ бы неободрительно мнимые опытные практики-преподаватели не относились къ моему предложенію, какъ бы они не пожимали плечами, я не привыкъ отказываться отъ убѣжденія, къ которому пришелъ вслѣдствіе многолѣтняго размышленія. А рѣшился я теперь выставить это желаніе примѣненія эвретическаго пріема къ преподаванію древнихъ языковъ по слѣдующимъ причинамъ: Я убѣдился наконецъ, что большинство недостатковъ при преподаваніи древнихъ языковъ, на которые указывалъ и раньше и не я одинъ, окончательно устранимы только по принятіи рекомендуемаго мною пріема преподаванія. Кромѣ того, поощрили меня къ тому и замѣчанія, высказанныя въ Тифлисской коммиссіи. Итакъ, не смотря на то, что рекомендуемому мною пріему предстоитъ еще подвергнуться многимъ сомнѣніямъ и недоразумѣніямъ, и что окончательно принятъ онъ можетъ быть только вслѣдствіе многихъ болѣе или менѣе успѣшныхъ опытовъ, я все-таки рѣшаюсь

---

[1]) *Herbert Spencer*, Erziehungslehre, herausgegeben v. *Fritz Schulze*. 1874. Спенсеръ требуетъ или желаетъ примѣненія этого пріема при изученіи другихъ учебныхъ предметовъ, а не именно древнихъ языковъ, противъ изученія которыхъ въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ онъ высказывается и здѣсь. Но не смотря на то, все сказанное имъ тутъ о превосходствѣ этого способа изученія другихъ учебныхъ предметовъ можно и должно отнести и къ преподаванію древнихъ языковъ.

Библиотека "Руниверс"

выставить теперь же свой идеалъ преподаванія древнихъ языковъ въ видѣ знамени, которому—таково мое убѣжденіе—придется слѣдовать преподавателямъ.

Противъ рекомендуемаго мною пріема по поводу преній о преподаваніи древнихъ языковъ въ засѣданіяхъ Филологическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ 30-го марта и 20-го апрѣля нынѣшняго года сдѣланы были нѣкоторыя замѣчанія. Я изложу ихъ прежде, чѣмъ представлю свою теорію.

Вопервыхъ, замѣчено было то, что̀ уже опровергалъ г. Дрбоглавъ въ своемъ рефератѣ, а именно, будто этотъ пріемъ не соотвѣтствуетъ цѣли преподаванія древнихъ языковъ, такъ какъ при примѣненіи рекомендуемаго мною пріема дѣло, будто бы, не обходится безъ механическаго ученія. Вовторыхъ, говорили, что этотъ пріемъ примѣнимъ на частныхъ урокахъ, но не примѣнимъ при преподаваніи въ многочисленныхъ классахъ гимназій; втретьихъ, замѣчали, что, принявъ эвретическій пріемъ, затрудняешься опредѣлить объемъ задачи отдѣльныхъ классовъ гимназій по древнимъ языкамъ, и вчетвертыхъ—что при такомъ способѣ изученія ученики въ продолженіе долгаго времени не будутъ знать болѣе или менѣе систематически то, что̀ они теперь изучаютъ въ какое-нибудь полугодіе.

Разберемъ всѣ эти возраженія по пунктамъ.

Первое возраженіе, какъ легко доказать, не что иное, какъ пустой софизмъ. Дѣло вотъ въ чемъ: При употребленіи эвретическаго пріема при первоначальномъ преподаваніи латинскаго языка, рекомендуемомъ г. Дрбоглавомъ и одобренномъ большинствомъ Тифлисской коммиссіи, ученики съ самаго начала заучиваютъ въ классѣ наизусть латинскія предложенія совокупно съ ихъ переводомъ на родной языкъ, съ переводомъ, сдѣланнымъ однако не самими учениками, а однимъ учителемъ. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и видятъ механическое преподаваніе, не замѣчая притомъ, что всякое дѣло нельзя не начинать сначала, а съ самаго начала ученикъ не въ состояніи переводить съ неизвѣстнаго ему во всѣхъ отношеніяхъ языка. Если требуютъ, чтобъ ученикъ переводилъ всегда самъ, да еще сознательно, то при нынѣшнемъ способѣ преподаванія употребляютъ вѣдь цѣлые годы для приготовленія учениковъ къ тому, чтобъ они умѣли наконецъ болѣе или менѣе вѣрно переводить не особенно трудные предложенія и періоды, между тѣмъ какъ при употребленіи способа г. Дрбоглава, способа эвретическаго, самое начало изученія латинскаго языка дѣйствительно не можетъ не быть механическимъ, но за то съ каж-

Библиотека "Руниверс"

дымъ шагомъ впередъ ученикъ становится все болѣе самостоятельнымъ, такъ что, безъ всякаго сомнѣнія, при нынѣшнемъ способѣ преподаванія ученику приходится несравненно долѣе учиться совершенно механически, чѣмъ при рекомендуемомъ мною.

Вовторыхъ, замѣчали, что употребленіе эвретическаго пріема ставитъ учителю несравненно болѣе трудную задачу, чѣмъ нынѣшній способъ преподаванія, при которомъ учитель—прибавляю отъ себя—даже нерѣдко не задумываясь, слѣпо слѣдуетъ введенному въ училищѣ учебнику. Не обращая вниманія на совершенную несамостоятельность учителя при нынѣшнемъ способѣ преподаванія, на несамостоятельность, которую нельзя не считать явленіемъ крайне ненормальнымъ, должно однако признать, что дѣйствительно менѣе трудно примѣнять эвретическій способъ при частномъ преподаваніи, чѣмъ при преподаваніи въ многочисленномъ классѣ. Но это послѣднее обстоятельство нисколько не есть особенное свойство эвретическаго метода. Въ этомъ отношеніи онъ нисколько не отличается отъ другихъ. Вѣдь преподаваніе по любому методу въ классѣ, разумѣется, труднѣе, чѣмъ на частныхъ урокахъ, когда имѣешь дѣло только съ однимъ или съ двумя, тремя учениками. Утверждать же, что эвретическій способъ совершенно не примѣнимъ при преподаваніи въ классахъ гимназій древнихъ языковъ, не имѣютъ права тѣ, кто самъ не дѣлалъ серьозныхъ и неоднократныхъ попытокъ употреблять этотъ методъ въ дѣло. Да и отчего было бы не возможно преподавать этимъ способомъ древніе языки въ гимназіяхъ? Вѣдь примѣняется же онъ въ послѣднія десятилѣтія все въ большей мѣрѣ въ самыхъ элементарныхъ сельскихъ и городскихъ училищахъ при преподаваніи различныхъ учебныхъ предметовъ, напримѣръ, роднаго языка, ариѳметики, физики, и это оказывается возможнымъ не смотря на то, что въ элементарныхъ школахъ классы бываютъ несравненно болѣе переполнены, чѣмъ въ гимназіяхъ; и кромѣ того, въ сельскихъ училищахъ трудная задача эвретическаго способа преподаванія выполняется учителями, не получившими университетскаго образованія. Если же, не смотря на то, народныя училища въ Германіи стоятъ въ дидактическомъ отношеніи несравненно выше германскихъ гимназій (какъ можетъ всякій легко убѣдиться, познакомившись хоть отчасти съ дидактическою литературой, относящеюся къ преподаванію элементарныхъ училищъ, и сравнивъ ее съ дидактикою такъ-называемою Gymnasial-pädagogik), то какъ же не стремиться преподавателямъ гимназій достичь такого же искусства преподаванія, какимъ отличаются народ-

Библиотека "Руниверс"

ные учителя, получающіе въ Германіи, правда, спеціальное образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ [1])? Правда, такому соревнованію съ учителями народныхъ училищъ учителямъ германскихъ гимназій мѣшаетъ то обстоятельство, что они не получаютъ вовсе спеціальной дидактической подготовки, что они, кромѣ того, преподаютъ въ такъ-называемыхъ Gelehrten-Schulen, и что по этимъ причинамъ учителя древнихъ языковъ зачастую забываютъ, что они изъ учениковъ своихъ должны образовать не будущихъ филологовъ, а только общеобразованныхъ, развитыхъ людей. Вотъ почему эти преподаватели обыкновенно и не считаютъ нужнымъ заботиться о томъ, какъ различные учебные предметы преподаются въ „низшихъ“ училищахъ. А если такъ поступаютъ и наши учителя, то лишь по той причинѣ, что они, привыкши подражать чуть ли не всему тому—и хорошему, и худому, что̀ дѣлается въ отчизнѣ педагогики, Германіи, не смѣютъ „свое сужденіе имѣть“.

Что касается третьяго довода противъ преподаванія древнихъ языковъ по эвретическому способу, а именно того, что, принявъ этотъ методъ, нельзя такимъ же или приблизительно одинаковымъ образомъ, какъ нынѣ, опредѣлять объема задачъ отдѣльныхъ классовъ гимназій, то и этотъ доводъ едва ли можетъ считаться серьезнымъ. Разумѣется, въ такомъ случаѣ нельзя будетъ опредѣлять задачу класса обозначеніемъ извѣстнаго отдѣла грамматики по обыкновеннымъ школьнымъ учебникамъ. Да развѣ это и необходимо? Да и вообще вопросъ о томъ, какъ опредѣлять объемъ и задачу преподаванія по классамъ, не умѣстенъ, покуда еще не сдѣлано серьезныхъ попытокъ примѣненія хорошаго, обѣщающаго лучшіе успѣхи метода преподаванія.

Но прежде чѣмъ приступать къ такимъ попыткамъ, необходимо, а потому и желательно, чтобы составлялись коммиссіи изъ преподавателей-практиковъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ знакомыхъ и съ педагогическою наукой и спеціально съ способомъ преподаванія въ самыхъ элементарныхъ (сельскихъ и городскихъ) школахъ

---

[1]) На дняхъ пришлось мнѣ читать въ Мюнхенской всеобщей газетѣ (*Allgemeine Zeitung*), что авторы только что выходящаго педагогическаго сочиненія: Lehrproben und Lehrgänge aus der Praxis der Gymnasien und Realschulen, О. Фрикъ и Г. Рихтеръ, выражаютъ *желаніе, чтобъ и въ гимназіяхъ и* (высшихъ) *реальныхъ училищахъ соображались съ требованіями научной дидактики, которой народныя училища обязаны своимъ* (сравнительнымъ) *преуспѣяніемъ.*

Библиотека "Руниверс"

Германіи, для обсужденія способовъ примѣненія эвретическаго пріема при преподаваніи, какъ языковъ вообще, такъ и спеціально языковъ древнихъ. Въ такихъ коммиссіяхъ, а также и вслѣдствіе серьезныхъ попытокъ примѣнить этотъ методъ, выработается впослѣдствіи взглядъ и на объемъ преподаванія по отдѣльнымъ классамъ гимназій.

Далѣе не важенъ и тотъ доводъ противъ преподаванія древнихъ языковъ эвретическимъ путемъ, что при употребленіи его ученики въ теченіи долгаго времени не будутъ знать систематически такой части грамматики, какую они теперь изучаютъ часто въ продолженіе перваго полугодія. Это такъ; зная давно уже формы нѣкоторыхъ лицъ настоящаго и прошедшаго совершеннаго времени въ латинскомъ языкѣ, они, при эвретическомъ изученіи языка, долго не будутъ умѣть спрягать цѣлое настоящее и прошедшее время. Но по этому же пріему и не необходимо знаніе полнаго спряженія одного или двухъ временъ для того, чтобы приступить къ чтенію; а придетъ пора, когда ученикъ, ознакомившись изъ текстовъ съ отдѣльными формами этихъ временъ, самъ въ состояніи будетъ составить изъ нихъ таблицу спряженія. Итакъ, при эвретическомъ способѣ преподаванія древнихъ языковъ, изученіе языковыхъ явленій будетъ происходить не въ обыкновенномъ порядкѣ изученія грамматическихъ правилъ, въ порядкѣ ни на чемъ и не основанномъ (какъ я доказывалъ въ Учителѣ), но за то изученіе грамматики, какъ плодъ самодѣятельности учениковъ, будетъ несравненно интенсивнѣе. Далѣе, на многія языковыя явленія, изучаемыя при нынѣшнемъ способѣ преподаванія, ученики, правда, не будутъ обращать вниманія (то-есть, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда примѣры ихъ въ читаемыхъ въ школѣ текстахъ будутъ встрѣчаться лишь изрѣдка) и нѣкоторыя грамматическія явленія въ такомъ случаѣ будутъ изучать въ болѣе узкомъ объемѣ, чѣмъ нынѣ; но за то, при предлагаемомъ мною способѣ ученики привыкнутъ по немногу сами наблюдать и, слѣдовательно самостоятельно ознакомятся съ многими такими языковыми явленіями, которыхъ, при господствующемъ нынѣ способѣ, они никогда не узнаютъ, если явленія эти не отмѣчены въ учебникахъ.

Теперь мнѣ остается постараться показать на примѣрахъ способъ эвретическаго изученія нѣкоторыхъ языковыхъ явленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то, какія неудобства нынѣшняго преподаванія непремѣнно устранятся, если мы постараемся толково примѣнить предлагаемый мною способъ.

Библиотека "Руниверс"

При этомъ способѣ преподаванія древнихъ языковъ, вопервыхъ, устраняется то странное явленіе, что при изученіи какого-нибудь явленія чужаго языка исходною точкою бываетъ, какъ то нынѣ случается зачастую, не чужой языкъ, а родной.

Разберемъ для примѣра, какихъ послѣдствій не можетъ не имѣть то обстоятельство, что при изученіи одного отдѣльнаго правила, то-есть. accusativus cum infinitivo, мы заставляемъ ученика исходить изъ конструкціи роднаго языка, чтобы вникнуть въ форму соотвѣтствующей конструкціи языка чужаго (латинскаго или греческаго)?

При обыкновенномъ способѣ ученикъ принимаетъ такую конструкцію за особенное придаточное предложеніе, потому что на родномъ языкѣ она обыкновенно передается особымъ придаточнымъ предложеніемъ, почему въ учебникахъ обыкновенно и отдѣляется запятою отъ предложенія, которому она будто бы подчинена. А между тѣмъ или, скорѣе, вслѣдствіе того, къ какимъ нелѣпымъ объясненіямъ не прибѣгаютъ еще для объясненія правилъ, касающихся этой конструкціи? Учатъ, напримѣръ, что русская частица что въ предложеніи придаточномъ, положимъ: что онъ добръ, въ извѣстныхъ случаяхъ не переводится, когда, напримѣръ, такое предложеніе подчинено предложенію съ verbum sentiendi или declarandi, и что, кромѣ того, подлежащее такого предложенія ставится въ винительномъ падежѣ: ученіе прямо противоположное тому, чему ученики учились раньше, а именно тому, что на вопросъ: кто или что? подлежащее ставится въ именительномъ падежѣ. Наконецъ учатъ, что въ томъ самомъ случаѣ изъявительное наклоненіе замѣняется неокончательнымъ. Сколько нелѣпостей при обученіи одной конструкціи! Какое можетъ ученикъ получить чутье чужаго языка при такомъ изученіи различныхъ явленій его? Въ немъ можетъ потомъ, правда, развиться такое чутье вслѣдствіе продолжительнаго чтенія, но никакъ не вслѣдствіе такого первоначальнаго изученія правилъ, а напротивъ того, только не смотря на то, то-есть, только вслѣдствіе того, что онъ ихъ не будетъ болѣе помнить при чтеніи. Итакъ, по этому одному примѣру видно, что обыкновенное не-эвретическое изученіе языковыхъ явленій приводитъ иногда къ столь уродливому заучиванію мнимыхъ правилъ, что чѣмъ скорѣе ученикъ ихъ забудетъ, тѣмъ для него лучше, тѣмъ скорѣе онъ будетъ въ состояніи усвоивать вѣрно, отчасти болѣе или менѣе сознательно, отчасти и безсознательно, явленія чужаго языка. При эвретическомъ же способѣ изученія уча-

Библиотека "Руниверс"

щемуся будетъ предлагаться рядъ примѣровъ данной конструкціи, встрѣчавшихся при чтеніи, рядомъ съ хорошимъ переводомъ ихъ на родной языкъ, и обязанность ученика будетъ состоять уже въ дословномъ переводѣ другихъ примѣровъ этой конструкціи чужаго языка и въ сравненіи дословнаго перевода съ хорошимъ литературнымъ; руководство же учителя будетъ состоять въ пріисканіи примѣровъ на изучаемомъ языкѣ, въ приведеніи сначала самыхъ простыхъ и доступныхъ примѣровъ, а затѣмъ болѣе трудныхъ, и съ другой стороны—въ стараніи удерживать учащагося отъ слишкомъ поспѣшныхъ и слишкомъ смѣлыхъ заключеній. Если же въ читанныхъ памятникахъ совершенно не было простаго и легкаго примѣра данной конструкціи, а другихъ болѣе сложныхъ примѣровъ было достаточно, такъ что, по мнѣнію учителя, нечего болѣе отлагать изученіе соотвѣтствующаго правила, то надлежитъ, по моему, нѣсколько отступить отъ требованія, чтобъ изученіе грамматики происходило исключительно на основаніи изучаемыхъ или изученныхъ текстовъ, и учителю слѣдуетъ самому пріискать простѣйшіе примѣры изъ памятниковъ, не читанныхъ учениками, съ тѣмъ однако, чтобы потомъ перейти къ примѣрамъ изъ памятниковъ читанныхъ.

Да позволено мнѣ будетъ тутъ же упомянуть и о другой выгодѣ эвретическаго пріема преподаванія. Извѣстно, что употребляемые въ русскихъ гимназіяхъ учебники или просто переведены съ нѣмецкаго, или по крайней мѣрѣ составлены по нимъ, и что вслѣдствіе того грамматическія правила, приспособленныя въ нѣмецкихъ учебникахъ къ потребностямъ говорящей по нѣмецки молодежи, нерѣдко остаются и въ русскихъ учебникахъ безъ перемѣны, между тѣмъ какъ для русскихъ учениковъ требовалось бы ихъ приспособленіе къ русскому языку. Такъ, напримѣръ, еще досихъ поръ въ нѣкоторыхъ грамматикахъ учатъ, что дополненіе при глаголахъ: utor, fruor, fungor, potior, vescor и dignor ставится въ латинскомъ языкѣ въ творительномъ падежѣ, при чемъ если не прямо высказывается, то по крайней мѣрѣ подразумѣвается, что соотвѣтствующія по значенію русскія выраженія требуютъ при себѣ другаго падежа. И дѣйствительно, такое изложеніе въ нѣмецкомъ учебникѣ, составленномъ для Нѣмцовъ, правильно и умѣстно. Но развѣ и для русскаго ученика, переводящаго utor и fruor глаголомъ: пользуюсь, potior—овладѣваю, vescor—питаюсь, конструкція латинскихъ выраженій можетъ показаться странною? Конструкція русскихъ глаголовъ тутъ развѣ другая, чѣмъ конструкція латинскихъ? Итакъ, для русскихъ учениковъ слѣдовало бы заучивать

Библиотека "Руниверс"

особенную конструкцію только двухъ изъ названныхъ въ правилѣ глаголовъ: fungor и dignor, да развѣ еще utor, такъ какъ этотъ глаголъ приходится часто переводить: я употребляю, а не: я пользуюсь. Вѣдь конструкція только этихъ трехъ глаголовъ отличается отъ конструкціи соотвѣтствующихъ русскихъ выраженій. Это только одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ нелѣпаго перенесенія цѣликомъ правилъ изъ нѣмецкихъ учебниковъ въ русскіе безъ необходимаго измѣненія ихъ. Такіе недостатки русскихъ учебниковъ сознаются уже давно, и не разъ указывалось на нихъ и въ печати; если же, тѣмъ не менѣе, они все еще остаются и по нынѣ въ русскихъ учебникахъ древнихъ языковъ, то это происходитъ оттого, что при обыкновенномъ пріемѣ преподаванія нелѣпость ихъ менѣе чувствительна; вѣдь обыкновенно ученики заучиваютъ правила со словъ преподавателя готовыми, не задумываясь надъ ними. А при эвретическомъ пріемѣ преподаванія не было бы для учениковъ и для учителя никакой возможности дойти до столь нелѣпыхъ правилъ, прямо противоположныхъ явленіямъ роднаго языка; вѣдь при немъ ученикъ не изучаетъ готоваго правила, воспринятаго извнѣ, но доходитъ подъ руководствомъ учителя самъ до него чрезъ сравненіе явленій чужаго, древняго языка съ явленіями роднаго.

Весьма важно при соблюденіи эвретическаго способа преподаванія не слишкомъ спѣшить справляться съ правилами, особенно съ такими, до которыхъ можно дойти только вслѣдствіе сложнаго умственнаго процесса. Вотъ почему для того, чтобъ ученикъ успѣлъ пройти различные фазисы этого процесса, не сбиваясь съ пути, надлежитъ разложить послѣдній на отдѣльные моменты и на изученіе каждаго изъ нихъ посвятить особое время, да притомъ переходить къ послѣдующему фазису процесса не раньше, какъ когда учитель убѣдится, путемъ различныхъ упражненій, въ томъ, что вполнѣ усвоенъ результатъ предыдущаго фазиса. Такъ, при усвоеніи конструкціи винительнаго падежа съ неопредѣленнымъ слѣдуетъ, кажется, разложить работу на слѣдующія части: сперва усвоивать примѣры латинской конструкціи рядомъ съ различными способами перевода ихъ на родной языкъ и сличать приблизительно дословный переводъ ихъ съ хорошимъ переводомъ на родной языкъ. Если примѣры, предлагаемые ученику на разсмотрѣніе, сначала были подобраны учителемъ, то затѣмъ, вовторыхъ, надлежитъ заставить и самого ученика отыскать въ другомъ отдѣлѣ прочитанныхъ текстовъ такіе же примѣры, чтобъ онъ пріучался съ легкостью узнавать такую же конструкцію и отличать ее отъ другихъ. А когда учитель имѣлъ

Библиотека "Руниверс"

возможность убѣдиться, что дѣло понято, что ученикъ въ состояніи любой, не сопряженный съ особенными затрудненіями, примѣръ такой конструкціи переводить на родной языкъ безостановочно и не дурно, тогда, и только тогда, а не раньше, можно приступить къ слѣдующей ступени дѣла. Тогда надлежитъ заставить учащагося разбирать тѣ же или пожалуй, кромѣ того, и другіе еще примѣры той же конструкціи, съ тѣмъ чтобъ отмѣтить условія ея примѣненія; сходныя условія ученикъ долженъ соединить въ одну группу, а несходныя отдѣлить другъ отъ друга, чтобы получить, съ помощью и при руководствѣ учителя, извѣстную классификацію такихъ условій. При этомъ ученику не трудно будетъ прійти къ сознанію, что такая конструкція въ однихъ случаяхъ составляетъ подлежащее предложенія, а въ другихъ дополненіе сказуемаго, что она отнюдь не есть особенное придаточное предложеніе, и т. д. Но когда и эта часть задачи усвоена учащимися, дѣло все еще не можетъ считаться оконченнымъ; надлежитъ еще упражнять ихъ въ примѣненіи усвоеннаго правила съ помощью переводовъ съ роднаго языка на древній. Такія упражненія необходимы и нисколько не дѣлаются лишними оттого, что учащіеся уже упражнялись въ примѣненіи того же правила съ помощью переводовъ латинскихъ (или греческихъ) примѣровъ на родной языкъ. Вѣдь если ученикъ привыкъ къ ассоціаціи двухъ предметовъ въ порядкѣ перехода отъ *а* къ *в*, гдѣ *а* представляетъ фразу чужаго языка, а *в*—соотвѣтствующую ей фразу русскаго языка, то встрѣчаясь иногда съ *в*, онъ не съ такою же легкостью и быстротой можетъ вспомнить *а*, съ какою вспомнилъ бы *в* по поводу *а*. Итакъ, слѣдуетъ упражнять учениковъ и къ ассоціаціи въ обратномъ порядкѣ. Но, кромѣ того, такіе переводы съ роднаго языка на чужой (древній) могутъ служить и лучшимъ контролемъ того, дѣйствительно ли изучаемое не только воспринято учащимися и болѣе или менѣе держится въ ихъ памяти, но и перешло, какъ говорится, въ ихъ плоть и кровь. Примѣры для переводовъ должны быть однако подобраны не все одинаковые, то-есть, не всѣ на одну и ту же конструкцію, какъ то часто дѣлается въ учебникахъ. Иначе переводъ примѣровъ не можетъ не превратиться вскорѣ въ чисто механическое занятіе, вслѣдствіе чего скоро надоѣстъ ученикамъ, а потому будетъ не только безполезенъ, но и вреденъ. Примѣры, въ которыхъ надлежитъ примѣнять изучаемую конструкцію, должны чередоваться съ другими, гдѣ не приходится и не возможно примѣнять ея. Такими примѣрами могутъ служить отдѣльныя, не связанныя

Библиотека "Руниверс"

другъ съ другомъ по смыслу и содержанію предложенія. Но желательно, чтобъ они, по крайней мѣрѣ отчасти, составляли цѣльныя связныя статейки, и притомъ такого рода, чтобы при ихъ переводѣ можно было пользоваться тою copia verborum, которая уже пріобрѣтена вслѣдствіе чтенія отрывковъ изъ древнихъ памятниковъ. Тогда ученики, не будучи принуждены искать долго латинскихъ и греческихъ словъ и оборотовъ рѣчи, чтобы передать выраженіе и фразы русскаго языка, съ состояніи будутъ сосредоточивать свое вниманіе на томъ, какую конструкцію въ данномъ мѣстѣ надлежитъ примѣнить. Кромѣ того, такіе переводы содѣйствуютъ и удержанію въ памяти выученнаго прежде запаса выраженій. Такимъ образомъ полное усвоеніе такой, сначала не легкой для учащихся конструкціи, какъ винительный падежъ съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, займетъ, правда, не мало времени, но такъ какъ правила, сюда относящіяся, найдены будутъ до нѣкоторой степени самостоятельнымъ трудомъ учащихся, и какъ изученіе ихъ будетъ состоять не только въ уразумѣніи ихъ, но и въ упражненіяхъ по ихъ примѣненію, то правила будутъ и запоминаться твердо. Кромѣ того, если привить ученикамъ привычку болѣе или менѣе самостоятельно наблюдать чужую (древнюю) рѣчь, то и наблюденіе, и усвоеніе такъ-называемыхъ грамматическихъ правилъ, являющихся результатомъ болѣе сложнаго умственнаго процесса, пойдетъ впослѣдствіи гораздо быстрѣе; а такимъ образомъ вполнѣ вознаградится затрата продолжительнаго времени, употребленнаго на болѣе или менѣе полное усвоеніе сложныхъ, трудныхъ правилъ. Познакомившись разъ съ латинскою конструкціей accusativus cum infinitivo, ученикъ легко впослѣдствіи усвоитъ ту же конструкцію и въ греческомъ языкѣ, признавая съ легкостью черты ихъ сходства и ихъ различія.

Этого примѣра, какъ приблизительно надлежитъ заучивать грамматическія правила, пока будетъ достаточно. Не указывая на остальныя частныя преимущества эвретическаго пріема предъ обыкновеннымъ, пойдемъ теперь дальше.

Вообще отдѣльными уроками, посвященными на грамматику и на изученіе языка, должно пользоваться, также и для различнаго рода грамматическихъ и не грамматическихъ упражненій, чтобы переведенные отдѣлы были изучаемы не только относительно содержанія, но и относительно языка и формы ихъ изложенія.

Приведу для примѣра нѣкоторые роды упражненій.

Вопервыхъ, уже въ предыдущемъ отдѣлѣ нашего разсужденія мы

Библиотека "Руниверс"

требовали, чтобы въ уроки, назначенные для чтенія, переведенные отдѣлы прочитывались въ слухъ громко, ясно и съ надлежащимъ выраженіемъ; прежде чѣмъ переходить къ чтенію и переводу новаго отдѣла. Это также своего рода упражненіе въ языкѣ, потому что такимъ путемъ развивается чутье особенностей формъ чужой (древней) рѣчи. Теоретически такое усвоеніе ихъ оправдывается уже и тѣмъ обстоятельствомъ, что теоріи языка, и даже научныя теоріи, а не только малая доля ихъ, доступная ученикамъ гимназій, обнимаютъ и выясняютъ только не большую часть явленій любаго языка.

Разумѣется, та же самая цѣль достигается, и можетъ быть еще успѣшнѣе, чрезъ заучиваніе наизусть избранныхъ текстовъ. О важности такого заучиванья говорится и въ двухъ рефератахъ (гг. Лилова и Короваева), прочитанныхъ въ Тифлисской коммиссіи. Какъ указано въ этихъ рефератахъ, такимъ пріемомъ пользуются въ Германіи въ несравненно большихъ размѣрахъ, чѣмъ — къ сожалѣнію — до сихъ поръ у насъ; кромѣ того, нѣтъ никакого основанія выбирать для заучиванья наизусть одни, стихотворные отрывки.

Затѣмъ, я уже выше настаивалъ на хорошемъ переводѣ изучаемыхъ авторовъ литературнымъ языкомъ; но я не говорилъ тамъ о томъ, слѣдуетъ ли переводить все только словесно или же и письменно. Полагаю, что въ уроки, назначенные для чтенія и перевода авторовъ, слѣдуетъ ограничиваться тщательнѣйшимъ словеснымъ переводомъ, а письменный переводъ дѣлать, напримѣръ, на классной доскѣ, только въ исключительныхъ случаяхъ; задавать же болѣе или менѣе часто письменные переводы къ качествѣ домашней работы считаю лишнею тратой времени. Вѣдь еслибы такіе переводы разбирать и поправлять въ тѣ же часы, то это занятіе отняло бы весьма много времени, назначеннаго собственно на чтеніе и изученіе литературныхъ памятниковъ; а если не просматривать ихъ или самому преподавателю, или подъ его руководствомъ ученикамъ во время урока, то такіе переводы будутъ дѣлаться болѣе или менѣе небрежно и потому не принесутъ никакой пользы учащимся. Тѣмъ не менѣе въ другіе часы, именно въ часы, назначенные спеціально для упражненія въ языкѣ, а не для чтенія, слѣдуетъ изрѣдка задавать на домъ изготовленіе и письменныхъ переводовъ; но притомъ надлежитъ давать понять ученикамъ, что они обязаны представить работу, по возможности тщательно обдуманную и отдѣланную, что отъ нихъ ожидается переводъ изящный. И этими переводами, разумѣется, предварительно тщательно разобранными въ классѣ, можно, а по моему — и

Библиотека "Руниверс"

слѣдуетъ, по прошествіи нѣкотораго времени пользоваться для обратнаго перевода на чужой (древній) языкъ.

Затѣмъ переведенными отдѣлами читаннаго слѣдуетъ пользоваться и для различныхъ упражненій съ цѣлью ознакомленія то съ лексическимъ (фразеологическимъ), то съ такъ-называемымъ грамматическимъ матеріаломъ. Для усвоенія фразеологическаго матеріала надлежитъ упражнять учащихся, вопервыхъ и прежде всего, предлагая имъ то для устнаго, то для письменнаго перевода (экстемпорале) въ классѣ предложенія, въ которыхъ имъ приходилось бы пользоваться данными въ указанномъ отдѣлѣ выраженіями и фразами. Но такъ какъ ограничиваться переводомъ отдѣльныхъ предложеній не слѣдуетъ и при этихъ упражненіяхъ, потому что старшимъ ученикамъ надлежитъ изучать и форму связи отдѣльныхъ предложеній между собою, и формы періодической рѣчи, то преподаватели-практики въ Германіи завели обычай составлять статейки, сотканныя изъ фразъ, подобранныхъ въ одномъ какомъ-нибудь или въ нѣсколькихъ, заранѣе указанныхъ ученикамъ, отдѣлахъ изучаемаго автора. Неудовлетворительность характера большей части статеекъ такого рода видна изъ обращиковъ ихъ, помѣщенныхъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ учебныхъ пособіяхъ, какъ напримѣръ, въ учебникахъ Зейфферта. Тратить же дорогое время на составленіе такихъ статеекъ, которыя притомъ не слишкомъ поражали бы своею нелѣпостью по формѣ и по содержанію, едва ли согласятся многіе учителя. Вотъ почему необходимо прибѣгать къ обыкновеннаго характера собраніямъ статей для перевода на древніе языки и изъ нихъ выбирать для своего класса такія статьи, которыя по своему содержанію наиболѣе подходятъ къ изучаемымъ въ то время отдѣламъ древнихъ литературъ, а потому требуютъ преимущественно, если не исключительно, знакомства съ тѣмъ же лексическимъ (фразеологическимъ) матеріаломъ, какой встрѣчается и въ читаемыхъ въ то время въ классѣ авторахъ [1]).

Что же касается упражненій чисто грамматическихъ, для которыхъ также слѣдуетъ пользоваться читанными и объясненными отдѣлами древнихъ литературъ, то и они должны быть по возможности разно-

---

[1]) Разумѣется, гораздо менѣе пользы доставятъ упражненія въ переводѣ статеекъ, не подобранныхъ такимъ образомъ и не имѣющихъ, слѣдовательно, почти никакого отношенія къ содержанію и къ формѣ, то-есть, къ фразеологическому матеріалу изъ прочтенныхъ и объясненныхъ въ классѣ отрывковъ древней литературы.

Библиотека "Руниверс"

образны. То придется требовать отъ учениковъ, чтобы въ указанныхъ отдѣлахъ прочитаннаго они отыскивали другіе примѣры на объясненныя учителемъ правила, то — чтобъ они въ классѣ анализировали этимологическія и синтаксическія явленія языка, преимущественно относящіяся къ извѣстному, изучаемому въ данный моментъ, отдѣлу грамматики. Иногда слѣдуетъ заставлять учениковъ въ прочтенныхъ текстахъ разбирать, преимущественно письменно, то-есть, изображать графически то взаимныя отношенія частей предложенія (то-есть, подлежащаго и сказуемаго) и словъ (выраженій), составляющихъ вмѣстѣ или подлежащее, или сказуемое, то взаимныя отношенія простыхъ предложеній, составляющихъ предложеніе сложное или періодъ. При такихъ графическихъ изображеніяхъ строя предложеній и періодовъ ученики легче всего замѣтятъ отличія ихъ отъ строя предложеній и періодовъ роднаго языка и могутъ убѣдиться въ существенномъ различіи формъ изложенія различныхъ эпохъ литературы и различныхъ авторовъ. Графическія изображенія строя періодовъ можно дѣлать приблизительно по примѣрамъ, приведеннымъ въ латинской стилистикѣ Негельсбаха (въ новѣйшее время изданной или издаваемой Іоганномъ Мюллеромъ).

Но и для изученія главныхъ метрическихъ формъ латинскихъ и греческихъ авторовъ мало словеснаго объясненія существенныхъ чертъ ихъ теоріи, а необходимы также упражненія не собственно въ писаніи стиховъ, на что не хватитъ времени и что было бы, по моему, безполезною тратой его, а въ возстановленіи метрической формы бывшихъ стиховъ, то-есть, стиховъ, лишенныхъ своей метрической (ритмической) формы вслѣдствіе перестановки отдѣльныхъ выраженій. Для такихъ упражненій можно, напримѣръ, пользоваться хотя бы частью (началомъ) матеріаловъ, собранныхъ въ Зейффертовой Palaestra musarum (1841 и 1875 гг.), или въ учебникахъ въ видѣ Фридеманновыхъ (F. T. Friedemann). Безъ такихъ упражненій едва ли можно ученикамъ составить себѣ надлежащее точное понятіе хотя бы только о различныхъ формахъ самыхъ употребительныхъ размѣровъ, какъ-то: эпическаго гекзаметра, элегическаго двустишія, ямбическаго триметра (или сенарія Римлянъ), трохейскаго тетраметра и анапестовъ. Но кромѣ того, безъ такихъ упражненій трудно ученикамъ прійти къ убѣжденію, что порядокъ словъ въ метрической рѣчи, хотя онъ и не тожественъ съ расположеніемъ словъ (частей предложеній) въ прозѣ, все-таки есть порядокъ не произвольный, а также болѣе

Библиотека "Руниверс"

или менѣе законный, только менѣе строго соблюдаемый и различный, какъ по родамъ размѣровъ, такъ и по различнымъ эпохамъ поэзіи и по отдѣльнымъ поэтамъ.

Разумѣется, я указалъ только на нѣсколько главныхъ родовъ упражненій при изученіи явленій языка; такія упражненія учителю можно и должно видоизмѣнять еще болѣе, чтобы примѣнять ихъ къ потребностямъ класса, и чтобы своимъ однообразіемъ они не слишкомъ утомляли учениковъ.

Дидактическое значеніе такихъ упражненій весьма важно, и потому они должны продолжаться во все время изученія языка, съ самаго начала до конца. Ихъ значеніе вообще основано прежде всего на томъ убѣжденіи, что исключительно теоретическимъ преподаваніемъ нельзя завлекать всю массу учениковъ, или по крайней мѣрѣ, завлекать ихъ въ такой же степени, какъ если заботиться не только объ изученіи теоріи, но и о томъ, чтобъ ученики умѣли примѣнять ее. О необходимости преслѣдованія въ дидактикѣ не одной теоретической цѣли знанія, но и болѣе практическаго умѣнья пользоваться имъ, я не стану здѣсь распространяться. Ограничусь однимъ замѣчаніемъ. Важны упражненія въ умѣньи пользоваться теоріей еще и потому, что они одни даютъ учителю возможность вѣрнаго контроля надъ тѣмъ, понято ли дѣло массою учениковъ, или еще мало усвоено ими; вѣдь когда требуютъ отъ учениковъ только словеснаго изложенія правила, то они нерѣдко, хотя бы и не понимали его вполнѣ, передаютъ его довольно вѣрно единственно потому, что могутъ припомнить болѣе или менѣе точно слова учителя или товарищей, у которыхъ урокъ уже спрашивался; а такія объясненія, даваемыя учениками на основаніи припоминаемыхъ словъ учителя и товарищей, нерѣдко принимаются учителями за свидѣтельство знанія (пониманія) дѣла со стороны ученика; и вслѣдствіе того учитель переходитъ къ разъясненію новаго отдѣла предмета или вопроса и лишь впослѣдствіи убѣждается, къ своему сожалѣнію, что уже давно пройденное въ классѣ не усвоено на самомъ дѣлѣ учениками надлежащимъ образомъ, и что поэтому они не могли, какъ было бы желательно, усвоить и то, что преподавалось потомъ. Такъ вѣрная оцѣнка со стороны учителя, хорошо ли усвоены классомъ преподанные предметы или части ихъ, необходима для успѣшнаго продолженія преподаванія; а такъ какъ упражненія въ примѣненіи теоріи доставляютъ возможность болѣе несомнѣннаго контроля, чѣмъ одно преподава-

Библиотека "Руниверс"

ніе теоріи, то и слѣдуетъ въ гимназіяхъ по возможности никогда не ограничиваться одною теоріей.

Слѣдуетъ помнить еще и то, что̀ сказано выше объ изученіи грамматическихъ правилъ. При эвретическомъ способѣ ихъ изученія исключительно на основаніи читанныхъ текстовъ, ученики усвоятъ только отдѣльныя, болѣе или менѣе разрозненныя, грамматическія правила, которыя по этому самому отчасти будутъ представлять, особенно въ высшихъ классахъ, менѣе интереса и легко забудутся по отсутствію всякой связи между ними. Чтобы привести такія свѣдѣнія въ нѣкоторую болѣе или менѣе научную связь, учителю должно время отъ времени, въ концѣ курса отдѣльныхъ классовъ, особенно же къ концу гимназическаго курса, позаботиться о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ не малая часть наблюденій, сдѣланныхъ раньше на основаніи читаемыхъ текстовъ подъ его руководствомъ, была приведена учениками въ нѣкоторую систему, легко обозримую. Я говорю тутъ однако о приведеніи въ систему только части отдѣльныхъ наблюденій, сдѣланныхъ надъ текстами, потому что многія изъ нихъ не могутъ не оставаться въ своей разрозненности. Если же при составленіи такихъ сводовъ частныхъ правилъ въ нѣчто цѣльное будетъ мѣшать то обстоятельство, что ученикамъ осталось неизвѣстно какое-нибудь явленіе языка, случайно не попадавшееся въ читанныхъ текстахъ, явленіе, составляющее однако не маловажное звено въ системѣ школьной грамматики, то учителю, разумѣется, должно быть предоставлено право, по поводу составленія свода грамматическихъ правилъ, сообщать ученикамъ и такія отдѣльныя правила, которыя случайно не могли быть выведены изъ читанныхъ текстовъ.

Я желалъ сказать нѣчто и о лучшемъ устройствѣ окончательныхъ испытаній въ гимназіяхъ, такъ какъ и экзамены имѣютъ немало вліянія на характеръ всего преподаванія, особенно въ высшихъ классахъ. Но этотъ вопросъ требуетъ спеціальнаго разсмотрѣнія и не можетъ быть выясненъ съ помощью нѣсколькихъ краткихъ замѣчаній. Замѣчу только, что задача преподаванія древнихъ языковъ въ школѣ, по моему мнѣнію, можетъ и должна считаться выполненною, если ученики въ состояніи будутъ, вопервыхъ, сравнительно легко, плавно и хорошимъ языкомъ переводить не особенно трудныя части сочиненій, переводившихся и изучавшихся въ классѣ въ послѣдніе годы гимназическаго курса, и именно не читанные въ гимназіяхъ отдѣлы этихъ авторовъ, и если, вовторыхъ, ученики

Библиотека "Руниверс"

будутъ съ извѣстною легкостью переводить съ роднаго языка на древній безъ бросающихся въ глаза ошибокъ статейку содержанія, подходящаго къ содержанію изучавшихся въ послѣдніе годы авторовъ.

Вотъ начертаніе моего идеала преподаванія древнихъ языковъ. Надѣюсь, что я успѣлъ, хоть нѣсколько, мотивировать мои дидактическія убѣжденія [1]). Но идеалъ вѣдь не достижимъ, скажетъ, можетъ быть, иной защитникъ обычныхъ пріемовъ преподаванія, и станетъ указывать на мнимую или кажущуюся непрактичность нѣкоторыхъ изъ предложенныхъ мною мѣръ; могутъ также находить мои предложенія дидактической реформы слишкомъ радикальными, слѣдовательно, антиципированными, а потому и практически не важными. Такъ, могутъ не безъ основанія указать на особенную трудность провести во всемъ гимназическомъ курсѣ эвретическій пріемъ изученія языковыхъ явленій, для котораго учителя наименѣе приготовлены, и въ примѣненіи котораго имъ нисколько не могутъ помочь существующія у насъ и даже въ западной Европѣ дидактическія пособія.

Я вполнѣ сознаю основательность такихъ возраженій. Но если только высказанныя мною дидактическія убѣжденія не могутъ быть опровергнуты въ существенныхъ чертахъ, то пусть онѣ и останутся идеалами. Выставленіе ихъ все-таки имѣетъ свое значеніе, ибо идеалы помогаютъ намъ выпутаться изъ худшаго состоянія и добиться лучшаго, и если никогда нельзя достичь идеала, то все же слѣдуетъ всѣми силами стараться приблизиться къ нему.

К. Люгебиль.

---

[1]) Менѣе важнымъ считаю указаніе на рѣшеніе отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ, соприкасающихся съ вопросомъ объ улучшеніи всего преподаванія древнихъ языковъ, между прочимъ, напримѣръ, на необходимое различіе способа преподаванія языковъ греческаго и латинскаго; потому-то я ничего и не говорилъ въ настоящемъ случаѣ объ этихъ частныхъ вопросахъ.

Библиотека "Руниверс"

ПО ПОВОДУ КНИГИ ДИЛЬМАНА О РЕАЛЬНОЙ ШКОЛѢ.

DAS REALGYMNASIUM von *K. Dillmann*, Oberstudienrat, Rektor des K. Realgymnasium's in Stuttgart. 1883.

20-го іюня 1883 года обнародовано было распоряженіе имперскаго намѣстника въ Эльзасѣ и Лотарингіи генерала Мантейфеля, которымъ упразднялось самостоятельное существованіе реальныхъ училищъ въ подвѣдомственныхъ его управленію провинціяхъ. Это неожиданное распоряженіе произвело настоящій переполохъ среди приверженцевъ реальной школы въ Германіи. Они стали опасаться, чтобъ это, пока еще мѣстное, распоряженіе не имѣло послѣдствій для дальнѣйшей судьбы реальнаго образованія во всей Германской имперіи и не положило бы, такимъ образомъ, начала будущему упадку реальной школы. Распоряженіе это являлось тѣмъ болѣе не ожиданнымъ для сторонниковъ этой школы, что не далѣе какъ 31-го марта 1882 г. вышелъ въ Берлинѣ новый уставъ для прусскихъ реальныхъ училищъ перваго разряда (Realgymnasien), составленный нынѣшнимъ министромъ народнаго просвѣщенія Госслеромъ (Circularverfügung von 31 März 1882 г.), и на основаніи котораго этимъ реальнымъ училищамъ предоставлялось самостоятельное мѣсто въ ряду различныхъ типовъ нѣмецкой средне-образовательной школы, при чемъ учебный планъ ихъ былъ значительно измѣненъ въ смыслѣ приближенія и возможнаго уравненія его съ учебнымъ планомъ классической гимназіи путемъ усиленія преподаванія латинскаго языка и нѣкотораго уменьшенія преподаванія естественныхъ наукъ. Сторонники реальной школы невольно стали задавать себѣ вопросъ, какимъ образомъ то, что было признано за благо и путемъ правительственнаго распоряже-

Библиотека "Руниверс"

нія вошло въ законную силу въ Пруссіи, то самое въ Страсбургѣ, съ небольшимъ черезъ годъ, признается лишнимъ и даже вреднымъ и, какъ таковое, оффиціально упраздняется. Между тѣмъ извѣстно, что въ отношеніи школьныхъ порядковъ и вообще постановки учебнаго дѣла Пруссія издавна уже занимаетъ первенствующее мѣсто во всей Германіи, и что прочія нѣмецкія правительства наперерывъ стараются подражать ей въ этомъ отношеніи и сообразно съ прусскими образцами передѣлывать свои учебные планы. Въ виду неизбѣжнаго недоразумѣнія, вызываемаго столь противорѣчивыми и тѣмъ не менѣе почти одновременными распоряженіями имперскаго правительства, ректоръ реальной гимназіи въ Штутгартѣ Дильманъ счелъ своевременнымъ поднять снова вопросъ о значеніи и будущемъ реальной школы, о той роли, которую, по его мнѣнію, она должна получить вслѣдствіе измѣнившихся условій современной жизни и необыкновенныхъ успѣховъ естественныхъ и математическихъ знаній за послѣднее время. Обсужденію этого вопроса и посвящена та небольшая книжка, названіе которой выставлено въ заглавіи этой статьи.

Не смотря на кажущееся противорѣчіе между этими двумя существенными для будущаго реальной школы, распоряженіями—прусскаго министра народнаго просвѣщенія и имперскаго намѣстника въ Эльзасъ-Лотарингіи, Дильманъ находитъ въ этомъ обстоятельствѣ не что иное, какъ проявленіе мудрой политики, принимающей въ разчетъ мѣстныя условія и потребности; по его толкованію, кажущееся противорѣчіе между двумя правительственными актами указываетъ только на то, что германское правительство имѣетъ намѣреніе въ дѣлѣ образованія стоять въ сторонѣ отъ всякихъ временныхъ школьныхъ партій и направленій, желаетъ сохранить къ нимъ полнѣйшее нейтральное отношеніе и дать и классической, и реальной школѣ полную возможность развиваться свободно. Въ виду преобладающаго въ современной нѣмецкой печати недружелюбнаго отношенія къ реальному образованію, Дильманъ, какъ педагогъ, посвятившій всю свою жизнь и всѣ свои научные и педагогическіе труды развитію реальной школы, нашелъ своевременнымъ выступить въ свѣтъ со своею брошюрою; въ ней онъ еще разъ является горячимъ защитникомъ тѣхъ преимуществъ, которыя онъ видитъ въ реальной школѣ; на основаніи своего многолѣтняго педагогическаго опыта и всесторонняго знакомства съ тѣмъ заведеніемъ, во главѣ котораго онъ уже давно находится, онъ утверждаетъ, что представляемый имъ типъ реальной школы, по своему учебному плану и образовательному значенію, вполнѣ будто

Библиотека "Руниверс"

бы подходить къ классической гимназіи, а потому-де и долженъ пользоваться одинаковыми съ нею правами.

По замѣчанію г. Дильмана, весьма важному, какъ для исторіи вопроса, такъ и для практическаго его рѣшенія, реальная школа имѣла въ южно-нѣмецкихъ государствахъ другое происхожденіе и нѣсколько иной характеръ, чѣмъ въ сѣверной Германіи; въ частности же Штутгартская „реальная гимназія", которая собственно и составляетъ идеалъ автора, возникла и устроилась на почвѣ еще болѣе частныхъ мѣстныхъ условій. Одною, совершенно мѣстною особенностію гимназическаго плана вюртембергскихъ гимназій, особенностью, существовавшею до 1873 г., было отсутствіе въ учебномъ планѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ обязательнаго преподаванія греческаго языка, не препятствовавшее между тѣмъ его воспитанникамъ поступать, по окончаніи курса, въ университеты и прочія высшія учебныя заведенія. Съ теченіемъ времени, когда отчасти вслѣдствіе вообще быстро увеличивающагося роста народонаселенія, отчасти вслѣдствіе той подготовки, какую давала гимназія для дальнѣйшихъ занятій въ политехникумѣ, число учениковъ въ гимназіяхъ стало увеличиваться въ значительныхъ размѣрахъ, явилась необходимость въ параллельныхъ отдѣленіяхъ, которыя и стали открываться въ большинствѣ гимназій, при чемъ постепенно сталъ вводиться такой порядокъ вещей, въ силу котораго въ первое отдѣленіе класса, обозначаемое буквою А, поступали ученики, изучающіе оба древніе языка, а во второе, обозначаемое буквою В,—только изучающіе одинъ латинскій, а вмѣсто греческаго съ теченіемъ времени—въ большемъ объемѣ французскій языкъ и математику. Этотъ классъ В впослѣдствіи стали въ шутку называть „Barbaren Classe", вслѣдствіе отсутствія въ немъ уроковъ греческаго языка. Оба отдѣленія гимназическихъ классовъ стали одинаково посѣщаться, при чемъ въ отдѣленіе безъ греческаго языка стали стремиться тѣ, кто, готовясь къ поступленію въ различныя спеціальныя заведенія, тѣмъ не менѣе искалъ образованія болѣе гуманитарнаго, и для кого изученіе латинскаго языка явилось, такимъ образомъ, весьма цѣннымъ и благотворнымъ умственнымъ вкладомъ. Мало по малу гимназіи до того стали наполняться, что являлась необходимость часто даже совершенно изолировать одно отдѣленіе класса отъ другаго вслѣдствіе недостатка въ помѣщеніи и, такимъ образомъ, разбрасывать отдѣленія гимназическихъ классовъ даже иногда по различнымъ частямъ города, что, конечно, было крайне неудобно во всѣхъ отношеніяхъ. Отсюда недалеко было и до совершеннаго отдѣленія этихъ двухъ

Библиотека "Руниверс"

классовъ и до дальнѣйшаго самостоятельнаго существованія каждаго изъ нихъ независимо отъ другаго. Такимъ образомъ уже въ 1867 году въ Вюртембергѣ обозначалось два совершенно обособленные типа среднихъ учебныхъ заведеній—гуманистическій, съ двумя древними языками, и реальный, съ однимъ латинскимъ языкомъ, возникшіе изъ вышеупомянутыхъ отдѣленій A и B гимназическихъ классовъ. Такъ продолжалось дѣло до 1872 г., когда финансы Германіи находились временно въ цвѣтущемъ состояніи, и явилась возможность превратить это такъ-называемое реальное отдѣленіе гимназіи съ однимъ древнимъ языкомъ въ самостоятельную Realgymnasium. Вотъ его генетическое происхожденіе, и отсюда понятна его тѣсная связь и общность его интересовъ съ гуманистическою гимназіей, когда-то столь неразрывно съ нимъ связанною; вмѣстѣ съ тѣмъ ясно выступаетъ также и все отличіе этихъ вюртембергскихъ „реальныхъ гимназій“ отъ прусскихъ реальныхъ училищъ перваго разряда, никогда не имѣвшихъ своею первоначальною колыбелью настоящую, классическую гимназію. Основанная такимъ образомъ Штутгартская „реальная гимназія“, на основаніи циркуляра вюртембергскаго министерства народнаго просвѣщенія отъ 19-го іюня 1873 г., стала своимъ абитуріентамъ открывать доступъ въ университеты на камеральный, физико-математическій и нѣкоторыя отдѣленія философскаго факультета (лекціи по исторіи, новымъ языкамъ и ихъ литературамъ) и въ различныя высшія техническія школы.

Понятно, говоритъ Дильманъ,—какое важное мѣсто долженъ былъ неминуемо занять латинскій языкъ въ учебномъ планѣ виртембергской „реальной гимназіи“. Тогда какъ въ Пруссіи въ реальныхъ училищахъ перваго разряда онъ былъ, такъ-сказать, привитымъ растеніемъ, вводился отчасти насильно, путемъ канцелярскихъ распоряженій, вызывавшихъ общее неудовольствіе и часто даже недоумѣніе, въ вюртембергскихъ „реальныхъ гимназіяхъ“, напротивъ того, онъ составлялъ органическую, неразрывную часть ихъ учебнаго плана. Совершенно вѣрно замѣчаетъ далѣе Дильманъ, что въ школьномъ дѣлѣ плодотворно и живуче только то, что вытекаетъ изъ живой потребности, изъ любви и самопожертвованія учителя, проникнутаго важностью и святостью своего педагогическаго призванія. Латинскій языкъ, не вытекающій изъ внутренняго организма прусскихъ и саксонскихъ реальныхъ училищъ перваго разряда, до сихъ поръ ничего другаго не далъ, кромѣ чисто отрицательныхъ результатовъ. Иные совершенно результаты усматриваетъ Дильманъ въ „реальныхъ гим-

Библиотека "Руниверс"

назіяхъ" на югѣ Германіи, въ особенности въ Вюртембергѣ. Въ Штутгартской „реальной гимназіи" латинскій языкъ занимаетъ въ учебномъ планѣ первенствующее мѣсто, не только не уступающее по количеству часовъ преподаванію латинскаго языка въ гимназіяхъ въ сѣверной Германіи, но еще значительно его превышающее: такъ въ Штутгартской „реальной гимназіи" бываетъ до 91 недѣльныхъ урока латинскаго языка, тогда какъ въ классическихъ гимназіяхъ бываетъ ихъ только 77.

По словамъ Дильмана, Штутгартская „реальная гимназія" при своемъ возникновеніи не только не встрѣтила опозиціи со стороны классическихъ гимназій края, но напротивъ того, была встрѣчена ими весьма сочувственно, какъ заведеніе, хотя утвержденное на иныхъ основахъ, но стремящееся тѣмъ не менѣе къ одинаковымъ съ классическою гимназіей гуманитарнымъ общеобразовательнымъ цѣлямъ. За то встрѣчена она была весьма несочувственно и даже враждебно приверженцами реальной школы, которые видѣли въ ней опаснаго конкурента, могущаго со временемъ перетянуть къ себѣ учащееся юношество, готовящееся въ политехникумъ и прочія высшія спеціальныя заведенія. Они инстиктивно чувствовали, что съ открытіемъ „реальной гимназіи" они теряютъ подъ собою почву.

Не безынтересны нѣкоторыя статистическія данныя, приводимыя Дильманомъ и касающіяся дальнѣйшей судьбы окончившихъ курсъ въ Штутгартской „реальной гимназіи" воспитанниковъ. Школа эта открыта исключительно на средства вюртембергскаго правительства и обошлась ему въ 868,000 марокъ. Съ 1871 года, съ перваго выпуска абитуріентовъ, до 1882 года окончило успѣшно курсъ 247 учениковъ, изъ которыхъ 131 реалистъ поступили въ университетъ, 81 въ политехникумъ, 27—на военную службу, 4—на морскую службу, и 4 изъ нихъ сдѣлались впослѣдствіи купцами или поступили на фабрики. Замѣчательно, что въ первые пять лѣтъ большинство абитуріентовъ поступило въ политехникумъ, именно 80%, и только 18% въ университетъ и 2% на военную службу; въ послѣдніе же семь лѣтъ, то-есть, съ 1876 по 1882 годъ, въ университетъ поступило уже 62% общаго числа окончившихъ курсъ въ „реальной гимназіи" и только 21% въ политехникумъ, 15% на военную и морскую службу и 2% на фабрики.

Дильманъ собралъ главныя возраженія приверженцевъ классической школы противъ допущенія реалистовъ въ университеты; онъ возражаетъ, главнымъ образомъ, противъ трехъ брошюръ, появившихся въ

Библиотека "Руниверс"

послѣднее время въ Германіи. Одна изъ нихъ заключаетъ въ себѣ отзывъ прусскихъ университетовъ по вопросу о допущеніи реалистовъ въ университетъ, появившійся въ 1869 году, другая—отзывъ медицинскаго общества въ Берлинѣ (ärtzliches Verein) по тому же вопросу, появившійся въ 1872 году, и наконецъ, третья представляетъ собою мнѣніе анонимнаго автора подъ заглавіемъ: „videant consules", появившееся въ печати въ 1874 году. Впрочемъ на этихъ возраженіяхъ Дильмана, какъ не представляющихъ по своему содержанію ничего новаго, мы не находимъ нужнымъ останавливаться. Сдѣлаемъ только одно замѣчаніе. Изъ того, что̀ изложено выше, ясно, что если авторъ брошюры можетъ быть названъ горячимъ защитникомъ реальнаго образованія, то не совсѣмъ такого, о какомъ думаютъ у насъ приверженцы реализма. Мы припоминаемъ, какое употребленіе сдѣлали у насъ нѣкогда изъ знаменитой статьи Дюбуа-Реймона, требовавшей, правда, усиленія матиматики въ гимназіяхъ, но проникнутой самымъ горячимъ уваженіемъ къ классической школѣ, даже именно ради изучаемаго въ ней греческаго языка: нелѣпымъ образомъ у насъ провозглашали великаго современнаго физіолога противникомъ классицизма, тогда какъ онъ являлся горячимъ его поборникомъ. Подобное недоразумѣніе возможно и по отношенію къ Дильману, хотя онъ самъ и стоитъ за то, что его „реальная гимназія" есть настоящая классическая и только по этому заслуживаетъ одинаковыхъ правъ съ существующимъ типомъ гимназій. Весь вопросъ заключается въ греческомъ языкѣ, которымъ Дильманъ считаетъ возможнымъ пожертвовать ради современныхъ потребностей, вызванныхъ необыкновенными успѣхами естествознанія. Но весьма сомнительно, чтобы Германія когда-нибудь въ близкомъ будущемъ склонилась къ такому рѣшенію; несомнѣнно, что она не могла бы этого сдѣлать, не рискуя утратить свое высокое положеніе, свой духовный скипетръ въ области европейской науки и цивилизаціи. Но если бы даже и такъ, если бы Германія завтра рѣшилась на такое полусамоубійство, то и тогда въ примѣненіи къ нашимъ дѣламъ и къ будущности нашего образованія предстояло бы серьезнымъ образомъ подумать, въ какой степени Россія можетъ послѣдовать такому примѣру. Еслибъ у насъ настояла необходимость пожертвовать однимъ изъ древнихъ языковъ и сохранить другой, то принимая въ разчетъ историческое прошлое Россіи, всѣ основы духовнаго славянскаго и русскаго просвѣщенія, не пришлось ли бы намъ склониться скорѣе въ пользу удержанія греческаго языка, чѣмъ латинскаго?

Библиотека "Руниверс"

Итакъ, учебный планъ „реальной гимназіи" Дильмана весьма близко подходитъ къ учебному плану классической гимназіи, за исключеніемъ греческаго языка, который совершенно выключенъ изъ его учебнаго плана и замѣненъ усиленнымъ преподаваніемъ языка французскаго.

Что касается положенія, занимаемаго латинскимъ языкомъ въ его реальной школѣ, то если только требованія Дильмана по отношенію къ преподаванію латыни дѣйствительно выполняются на практикѣ, а не остаются только мертвою буквой, планъ этотъ нельзя не одобрить, такъ какъ латинскій языкъ, поставленный въ основаніе всего учебнаго плана реальной школы, придаетъ несомнѣнно и всему преподаванію въ ней совершенно иной, обособленный характеръ, рѣзко отличающійся отъ характера и направленія прусскихъ реальныхъ училищъ перваго разряда, въ учебномъ планѣ которыхъ латинскій языкъ всегда и до настоящаго времени занималъ какое-то не прочное и двусмысленное мѣсто, а потому и преподаваніе его не могло тамъ до сихъ поръ ни достигнуть положительныхъ результатовъ, ни имѣть серьознаго вліянія на строй и характеръ реальной школы. Въ Штутгартской „реальной гимназіи", напротивъ того, латинскій языкъ на равнѣ съ математикою суть тѣ два главные, учебные предмета, къ которымъ примыкаютъ всѣ прочіе, какъ къ двумъ необходимымъ, по взгляду Дильмана, образовательнымъ основамъ реальной школы — словесно-исторической и естественно-математической. Замѣчательно это преклоненіе передъ образовательнымъ значеніемъ латинскаго языка со стороны столь яраго защитника реализма въ Германіи. Но, соглашаясь съ мнѣніемъ Дильмана, когда онъ говоритъ, что его „реальная гимназія" всѣмъ своимъ внутреннимъ организмомъ и направленіемъ рѣзко отличается отъ реальныхъ училищъ перваго разряда сѣверной Германіи, мы никакъ не можемъ согласиться съ нимъ, что реальная школа Дильмана можетъ наравнѣ съ гимназіей и столь же основательно готовить къ высшему, научному, университетскому образованію, что образовательное ея значеніе ни въ чемъ не уступаетъ классической гимназіи, и что поэтому она и должна будто бы пользоваться одинаковыми съ нею правами и привилегіями и такимъ образомъ лишить гимназію вѣками завоеванной ею монополіи въ этомъ отношеніи.

Нуженъ ли греческій языкъ въ учебномъ планѣ того или другаго типа реальной школы, и есть ли ему вообще тамъ мѣсто среди прочихъ разнообразныхъ дисциплинъ, составляющихъ зерно и основу реальнаго образованія, это—другой вопросъ, врядъ ли нуждающійся

Библиотека "Руниверс"

даже въ обсужденіи и являющійся скорѣе вопросомъ праздным; но что греческій языкъ долженъ занимать наравнѣ съ латинскимъ выдающееся мѣсто въ среднеобразовательной гуманистической школѣ, открывающей для юношества двери университета, это — кажется намъ не подлежащимъ сомнѣнію вообще въ Европѣ и въ особенности у насъ въ Россіи, гдѣ связь съ греческимъ языкомъ еще несравненно сильнѣе, нежели съ латинскимъ, гдѣ эта связь черезъ посредство Византіи отразилась въ литературѣ, въ наукѣ, въ церкви и даже отчасти въ самой жизни.

Дильманъ смотритъ на изученіе греческаго языка, какъ на нѣчто совершенно спеціальное, обязательное только для спеціалиста-филолога. Онъ не придаетъ ему никакого самостоятельнаго значенія въ школѣ и отрицаетъ благотворное вліяніе греческой литературы, читаемой учениками въ подлинникѣ, вслѣдствіе ея трудности и недоступности обыкновенному уровню класса. Въ своихъ доводахъ противъ допущенія греческаго языка въ учебный планъ гуманистической гимназіи онъ указываетъ, между прочимъ, на то обстоятельство, что въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія греческій языкъ въ большинствѣ гимназій нѣмецкихъ вовсе не преподавался, и тѣмъ не менѣе это не помѣшало появленію такихъ литературныхъ дѣятелей и мыслителей, какъ Гёте и Шиллеръ, Лессингъ и Гердеръ.

Но что̀ это доказываетъ? смѣемъ мы спросить почтеннаго автора. Вѣдь извѣстно, что во всѣ времена развитія человѣчества школа всего менѣе вліяла на поэтическій талантъ и природныя дарованія будущихъ поэтовъ, которые, не смотря на свои великія поэтическія произведенія, прославившія ихъ впослѣдствіи, во время пребыванія своего въ школѣ почти всегда оказывались довольно плохими, если не совсѣмъ слабыми учениками; такъ было, напримѣръ, у насъ съ Пушкинымъ, Гоголемъ и Лермонтовымъ.

Не говоря пока о литературѣ, греческій языкъ самъ по себѣ, по богатству своихъ формъ и флексій, по образности и разнообразію своихъ выраженій и значенію своихъ приставокъ, по необыкновенной своей чуткости къ описанію тончайшихъ оттѣнковъ мысли, представляетъ, подъ руководствомъ опытнаго преподавателя, драгоцѣннѣйшій матеріалъ для умственнаго развитія ученика, едва ли чѣмъ замѣнимый. Мало того, греческій языкъ имѣетъ еще и другое, весьма важное значеніе въ гимназіи въ смыслѣ провѣрки, такъ-сказать, знанія латинскаго языка. Только изъ сопоставленія грамматическихъ формъ обоихъ древнихъ языковъ, изъ сравнительнаго изученія

Библиотека "Руниверс"

ихъ синтаксическихъ правилъ ученикъ въ состояніи выяснить себѣ общіе законы языка, различныя особенности, свойственныя исключительно тому или другому языку, и тѣмъ самымъ легче всего познакомиться съ духомъ языка, съ духомъ того или другаго писателя; а все это несомнѣнно возможно только при совмѣстномъ изученіи обоихъ древнихъ языковъ.

Что же касается важности и значенія класснаго чтенія греческихъ авторовъ въ подлинникѣ, то этотъ вопросъ до того часто обсуждался и разсматривался съ различныхъ точекъ зрѣнія, что намъ кажется совершенно излишнимъ останавливаться на немъ. Чтобы вполнѣ понимать писателя, чтобы настоящимъ образомъ оцѣнить его, необходимо читать его въ подлинникѣ; только тогда раскрывается онъ весь передъ нами, становится намъ понятенъ. Произведеніе же, читаемое только въ переводѣ, не смотря на всѣ достоинства этого перевода, никогда не можетъ такъ непосредственно дѣйствовать на насъ; весьма часто остаются непонятыми многія стороны его, значительно измѣняющія общее впечатлѣніе, производимое имъ на читателя.

Съ особенною любовью останавливается Дильманъ на необыкновенныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ за послѣднее время естественными науками и вообще точными знаніями; онъ старается доказать, что пробѣлъ этихъ знаній въ умѣ поступающаго въ университетъ гимназиста не можетъ не остаться для него безслѣднымъ. Онъ настаиваетъ на томъ, что существуетъ тѣсная, органическая связь между этими двумя, такъ долго считавшимися разъединенными группами наукъ, между науками словесно-историческими и естественно-математическими, что обѣ они проникнуты общимъ духовнымъ живительнымъ началомъ, одушевляющимъ всю природу; въ области физической оно проявляется въ общихъ, непреложныхъ математическихъ законахъ, подчиняющихъ себѣ матерію; въ области, подлежащей вѣдѣнію словесныхъ наукъ, оно прежде проявляется въ созданіи могучаго человѣческаго слова и установленіи его законовъ. Дильманъ горячо стоитъ за необходимость въ настоящее время преслѣдовать въ общеобразовательной школѣ не только однѣ отвлеченныя, научныя цѣли, но и сообразоваться съ потребностями живой дѣйствительности, значительно измѣнившейся въ теченіе столѣтій, такъ что классическая школа должна будто бы перестать служить единственною подготовительною школой въ университетъ, открывающій двери къ дальнѣйшему научному образованію. Но какъ уже сказано, съ этимъ его основнымъ положеніемъ, на которомъ строитъ онъ

Библиотека "Руниверс"

всю свою теорію, мы никакъ не можемъ согласиться, и именно потому, что строго различаемъ два совершенно отдѣльные, хотя и имѣющіе конечно, нѣкоторыя точки соприкосновенія, типа среднеобразовательной школы: вопервыхъ, классическую гимназію, преслѣдующую и долженствующую преслѣдовать чисто научныя, общеобразовательныя цѣли—приготовленіе въ университетъ, тотъ храмъ науки, въ который должны имѣть доступъ, по нашему, только тѣ, кто по своему общему развитію и по своимъ научнымъ, строго, въ извѣстной системѣ пріобрѣтеннымъ, познаніямъ въ состояніи съ пользою продолжать въ немъ свои научныя занятія, и вовторыхъ, реальное училище, хотя также преслѣдующее общеобразовательныя цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнно имѣющее въ виду и различныя цѣли практическія, вызываемыя жизненною, повседневною дѣйствительностью. Открывать же доступъ реалистамъ въ университетъ имѣло бы, по нашему глубокому убѣжденію, ближайшимъ и неминуемымъ послѣдствіемъ—въ западной Европѣ—сильное паденіе самихъ университетовъ, а въ связи съ нимъ и общаго просвѣщенія въ странѣ, а въ Россіи это было бы еще тѣмъ не желательнѣе, что мы только начинаемъ съ трудомъ вводить въ жизнь нашу молодую классическую школу, значительно поднявшую за послѣднее время наше общее образованіе. Существованіе у насъ подобнаго Дильмановской „реальной гимназіи“ училища, дающаго доступъ въ университетъ, породило бы только общій хаосъ въ далеко еще не установившейся нашей школѣ, не имѣющей у насъ досихъ поръ ни вѣковой традиціи нѣмецкой школы, ни выработавшихся твердо опредѣленныхъ педагогическихъ идеаловъ, которыми такъ справедливо гордится современная классическая школа въ Германіи.

Графъ А. Мусинъ-Пушкинъ.

Библиотека "Руниверс"

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Учебная книга церковно-славянскаго и древнн-русскаго языка въ грамматическихъ формахъ и разговорахъ съ толкованіями, поясненіями и образцами. Въ 8-ю д. л., стр. 130. С.-Петербургъ. 1884. Цѣна 40 коп.

Учебникъ этотъ начинается слѣдующими статьями, какъ бы служащими ему введеніемъ: 1) „славянскія заглавныя и строчныя буквы"; 2) „слоги и слова", гдѣ межъ слогами два раза въ одной строкѣ повторяется слогъ *ау* и помѣщается въ число слоговъ *уо, еа, еу, ъа,* и какихъ нѣтъ въ языкѣ, напримѣръ, *жы, чъ, щъ, жю*; 3) „слова подъ титлами", гдѣ, послѣ опредѣленія титлъ, ученики приглашаются „разказать", какія въ послѣдующемъ текстѣ пропущены буквы; 4) „знаки препинанія", гдѣ на первомъ мѣстѣ поставлены: оксіа, ісо, варіа, камора, краткая, звательцо, титла, словотитла, апострофъ, кавыка, ерокъ, то-есть, знаки надстрочные новаго церковно-славянскаго текста, а потомъ уже знаки препинанія: запятая, двоеточіе и т. д.; 5) „словарь, значеніе словъ, встрѣчающихся въ текстѣ". Все остальное содержаніе учебника дѣлится на пять отдѣловъ: въ 1-мъ помѣщены „молитвы, заповѣди и символъ вѣры", съ предварительными понятіями о молитвѣ и внѣшнихъ ея знакахъ, толкованія и переводы предложенныхъ молитвъ; во 2-мъ, называющемся „буквы и звуки", помѣщены краткая графика древняго церковно-славянскаго языка и фонологія того же языка въ связи съ русскою; въ 3-мъ „чудеса Господа нашего Іисуса Христа, выбранныя изъ 4-хъ евангелистовъ" исправленнаго текста; къ нимъ, „въ зависимости отъ встрѣчающихся въ текстѣ

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

грамматическихъ категорій", прибавлены грамматическія объясненія и парадигмы склоненій именъ существительныхъ, мѣстоименій, отдѣльныхъ временъ вспомогательныхъ глаголовъ, прилагательныхъ и причастій; въ 4-мъ—„Евангелія, читаемыя на божественной литургіи въ главнѣйшіе праздники", съ толкованіями къ тексту, на русскомъ языкѣ; въ 5-мъ—„образцы старо-славянскаго языка", въ отрывкахъ изъ Остромірова Евангелія, сопровождающіеся грамматическими разборами, парадигмами глаголовъ архаическихъ, существительныхъ, мѣстоименій *и* и *тъ*, причастій, прилагательныхъ, затѣмъ слѣдуютъ отрывки изъ Остромірова Евангелія для перевода и разбора, а въ параллель имъ греческій текстъ Евангелія; въ 6-мъ отдѣлѣ помѣщены „образцы древне-русскаго языка" въ выдержкахъ изъ Лаврентьевской лѣтописи и Слова о полку Игоревѣ, снабженныхъ грамматическими и предметными примѣчаніями. Затѣмъ помѣщено все „Слово" въ переводѣ Мея. Заканчивается учебникъ краткимъ жизнеописаніемъ просвѣтителей Славянъ, напечатаннымъ церковнымъ шрифтомъ.

Составитель учебника не сказалъ ни слова на счетъ столь необычнаго состава учебника церковно-славянской грамматики, но тѣмъ не менѣе книга его ясно говоритъ, что онъ окольнымъ путемъ, изъ области вѣроученія вступаетъ въ область языкоученія, служащую прямою цѣлью его пути, и тотчасъ снова удаляется изъ послѣдней въ первую, не принимая во вниманіе ни цѣли и условій преподаванія церковно-славянскаго языка въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, ни требованій дидактическихъ. Помѣстивъ въ 1-мъ отдѣлѣ статьи: „Предварительныя понятія о молитвѣ и внѣшнихъ ея знакахъ" и „утреннія и вечернія молитвы, заповѣди и символъ вѣры" по изданію исправленному, во 2-мъ отдѣлѣ „Чудеса Господа нашего Іисуса Христа", выбранныя изъ 4-хъ евангелистовъ", а въ 4-мъ Евангелія, читаемыя въ двенадесятые праздники, тоже взятыя изъ исправленнаго текста, составитель разчитываетъ своею книгой на гораздо большее количество учебнаго времени, чѣмъ его имѣетъ въ своемъ распоряженіи преподаватель гимназіи и прогимназіи при трехъ урокахъ въ недѣлю, которые приходится дѣлить между древнимъ церковно-славянскимъ языкомъ, чтеніемъ и писаніемъ; этимъ онъ не только не принесетъ никакой пользы вѣроученію, вторгаясь въ его область безъ всякаго авторитета, но и повредитъ языкоученію, пользуясь матеріаломъ, не соотвѣтствующимъ задачѣ преподаванія церковно-славянскаго языка въ общеобразовательныхъ училищахъ. Со времени изслѣдованій Востокова школа наша, учившая дотолѣ церковно-

Библиотека "Руниверс"

славянскому языку лишь съ цѣлями утилитарными—сдѣлать доступною разумѣнію церковную литературу, присоединила къ этой цѣли и чисто научную — сравнительное изученіе древняго церковно-славянскаго языка и русскаго, что возможно лишь при помощи древнѣйшихъ текстовъ богослужебныхъ книгъ, чѣмъ и считается въ нашемъ отечествѣ Остромірово Евангеліе. Языкъ же исправленнаго текста богослужебныхъ книгъ, забывшій древнія церковно-славянскія формы и правописаніе и смѣшавшій ихъ съ русскими, можетъ на этой элементарной степени лишь вредить языкоученію.

Итакъ, къ программѣ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ могли бы быть примѣнимы лишь два отдѣла разбираемой книги второй и пятый, ибо о языкѣ Лаврентьевской лѣтописи и Слова о полку Игоревѣ можетъ идти рѣчь лишь послѣ того, какъ основы славянской фонологіи усвоены на текстѣ Остромірова Евангелія, то-есть, въ старшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ, гдѣ изучается съ литературными цѣлями и самое содержаніе этихъ памятниковъ древней русской словесности. На сличеніе же текста Остромірова съ греческимъ въ IV классѣ, гдѣ обыкновенно проходится церковно-славянская грамматика, не хватило бы ни знаній учениковъ въ греческомъ языкѣ, разительно обособляющемся отъ изучаемаго здѣсь древне-греческаго, ни времени, отведеннаго въ этомъ классѣ всему русскому обученію. Вотъ почему „Учебная книга церковно-славянскаго и древне-русскаго языка“ не годится для гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ.

Но она не удовлетворяетъ задачамъ гимназическаго образованія и въ другомъ отношеніи. Графика и фонологія, изложенныя въ отдѣлѣ второмъ, держатся устарѣлаго, запутаннаго метода, отвергнутаго не только научными изслѣдованіями, но и научно составленными руководствами и даже учебниками. Дѣленіе, напримѣръ, гласныхъ звуковъ (стр. 25) по произношенію на чистые, носовые, іотированные, долгіе и короткіе или полугласные—сбивчиво, вслѣдствіе неправильности самаго основанія дѣленія; ибо чистыми и носовыми звуки гласные называются по ихъ характеру, долгими и короткими—по ихъ количеству, іотированными—по ихъ составу; кромѣ того, каждый гласный можетъ быть и долгимъ, и короткимъ по его положенію, можетъ подвергнуться протяженію и градаціи, о чемъ въ учебникѣ не сказано ни слова. Дѣлить гласные звуки по произношенію значитъ называть ихъ по поясамъ органа рѣчи, при помощи которыхъ они образуются, почему и различаются гласные небные, гортанные, губные. По коли-

Библиотека "Руниверс"

честву же или по объему они бываютъ узкіе или тонкіе, обоюдные, широкіе или дебелые. Іотированныхъ гласныхъ „звуковъ“ нѣтъ, а есть лишь іотированныя начертанія ихъ, слагающіяся изъ двухъ буквъ и имѣющія въ древнемъ церковно-славянскомъ двоякое значеніе: а) сочетаніе полугласнаго *й* съ гласными чистыми, смѣшанными и носовыми, что̀ требовалось въ началѣ слоговъ и словъ: јако, рыбоѭ и т. п.; б) мягкій выговоръ предыдущаго согласнаго: бјаше и т. п. Обозначай іотація въ послѣднемъ случаѣ йотъ (*ј*),—подъ вліяніемъ стоящаго предъ нимъ согласнаго *б*, йотъ превратился бы въ *л*, примѣровъ чему не встрѣчается; іотація же иной разъ замѣняется надстрочною каморой: море. Научное дѣленіе гласныхъ устраняетъ и другое, примѣненное въ учебникѣ, тоже обветшалое дѣленіе ихъ на твердые и мягкіе. Даже самое размѣщеніе гласныхъ чистыхъ въ разсматриваемомъ учебникѣ произвольно: *а*, *е*, *и*, *о*, *оу*, тогда какъ оно должно бы показывать ихъ способность усиливаться въ зависимости отъ мѣста образованія въ резонаторѣ и поставить ихъ въ такомъ порядкѣ: *і*, *е*, *а*, *о*, *оу*. Того же сбивчиваго дѣленія, отвергнутаго наукою, держится учебникъ и при распредѣленіи согласныхъ. Не менѣе сбивчиво и ученіе о чередованіи звуковъ. Такъ, на стр. 28 говорится, что „полугласный ъ усиливается въ гласные: *е*, *і*, *о*: брати, бер-ѫ, съ-бир-ати, со-бор-ъ)“. Такое изложеніе заставляетъ думать, что ъ усиливается въ *е*, *е* въ *и*, *и* въ *о*, что̀ будто бы и подтверждаютъ приведенные примѣры; но это была бы полнѣйшая нелѣпость, ибо ъ, происходящій изъ общеарійскаго *A*, усиливается въ *е*, а оно въ *о*, это же въ *а* или ѫ (*и*): тъци, текѫ, потокъ, истачати, тькати, изтицати; ь же изъ общеарійскаго *I* усиливается въ *и*, при закрытыхъ основахъ въ ѫ, а при открытыхъ въ—*ой*, ѫ же и *ой* въ *а* и *ай*: блъштѫ, блистати, блъскъ; пити, водопой, напаяти. Примѣры, данные въ учебникѣ для иллюстраціи усиленія ъ, принадлежатъ къ совершенно иной категоріи подъема или возвышеній и пониженій гласныхъ, а именно—къ чередованію въ ряду Р (Л), гдѣ на первой степени при закрытыхъ корняхъ является *ър* и *лъ*, а при открытыхъ *ър* и *ъл* (плъсти, бърати); на второй степени при закрытыхъ — *рѣ* и при открытыхъ — *ер* (брѣмѧ, берѫ); на третьей степени при закрытыхъ—*ра*, при открытыхъ *ор* (драка, разборъ, соборъ); на четвертой степени *ар* или *ир* (*ьр*) (моръ, оумаряти, умирати; събирати). Назвавъ чередованіе звуковъ неправильнымъ, не обнимающимъ всѣхъ видовъ приспособленія звуковъ къ средѣ физической и психической,

Библиотека "Руниверс"

именемъ, учебникъ принужденъ разрознить явленія однородныя. „Отъ измѣненія", говоритъ онъ,—„въ собственномъ смыслѣ звуковъ слѣдуетъ отличать ихъ выпаденіе, вставку и перестановку... Выпаденіе гласныхъ бываетъ рѣдко, напримѣръ, вмѣсто при-и-ти — прити. Чаще встрѣчается выпаденіе краткаго гласнаго ъ: бр-ати, зр-ѣти вмѣсто бърати, зърѣти, рус. бр-ать, зр-ѣть, при наст. вр. беру (стр. 33). На самомъ же дѣлѣ „выпаденіе" и „перестановка" суть не что иное, какъ виды замѣстительнаго усиленія гласныхъ, и вовсе не рѣдкость въ языкѣ церковно-славянскомъ: „выпаденіе" соотвѣтствуетъ стяженію двухъ сосѣднихъ слоговъ въ одинъ, всегда долгій, если языкъ не утратилъ долгихъ гласныхъ: добраго вмѣсто добраѥго, добрааго и т. п.; хвалиши вмѣсто хвалиѥши, хвалиши; рыбѫ вмѣсто рыбѫѫ, рыбоѭ и т. п. Вторую разновидность замѣчательнаго усиленія представляетъ измѣненіе *е* въ ѧ, *о* въ ѫ, ъ въ ѹ и ѧ въ связи съ опущеніемъ („выпаденіемъ") послѣдующаго согласнаго: рѣхъ вмѣсто рекхъ, нѣхъ вмѣсто несхъ и т. п.; пробасѧ вмѣсто прободсѧ, чисъ вмѣсто чьтсъ, чрѣти вмѣсто чрепти. Наконецъ, и самая „перестановка" есть также одинъ изъ видовъ замѣнительнаго усиленія; она состоитъ въ измѣненіи *е* въ ѧ, *о* въ ѫ рядомъ съ измѣненіемъ ихъ расположенія въ согласныхъ группахъ съ плавными: ѣлка соотвѣтствуетъ въ церк.-слав. не велекѧ, а влѣкѫ; corbis не карбии, а крабіи, porcus не порсѧ, а прасѧ. Что касается „вставки", то она свойственна лишь согласнымъ и есть тоже одинъ изъ видовъ ихъ чередованія, обусловливаемый вокальными предзвучіями.

Въ самомъ изложеніи грамматическихъ свѣдѣній тоже нѣтъ никакого плана, не только логическаго, даже дидактическаго, то-есть, удовлетворяющаго потребностямъ практической дидактики. За фонологіей слѣдуетъ въ немъ непосредственно отдѣлъ о словоизмѣненіи, безъ всякаго объясненія того, какъ и изъ чего строится слово, и притомъ словоизмѣненіе (этимологія) открывается (стр. 37) указаніемъ формъ аориста вспомогательнаго глагола быти, затѣмъ слѣдуютъ парадигмы мужескаго твердаго склоненія, а за ними склоненіе именъ наращаемыхъ или неравносложныхъ съ основой на согласные, то-есть, ставятся рядомъ двѣ категоріи склоненій, не имѣющія ничего общаго, кромѣ способности измѣняться по падежамъ. Далѣе дается склоненіе твердое женское (сестра), склоненіе средняго рода твердое (лѣто) и женское мягкое на ь, и все это лишь въ единственномъ и множественномъ числѣ; двойственное же число дается отдѣльно, послѣ

Библиотека "Руниверс"

названныхъ склоненій. И вотъ прежде нежели познакомить съ измѣненіемъ существительныхъ, вставляются склоненіе мѣстоименій личныхъ, форма неопредѣленнаго наклоненія, причастія настоящаго и прошедшаго времени, склоненіе мѣстоименія онъ, формы повелительнаго наклоненія, настоящее время глаголовъ вспомогательныхъ и мѣстоименіе той (?), а за симъ опять склоненія: разносклоняемое, мужское мягкое, женское и среднее мягкое, наконецъ, парадигмы мягкаго и твердаго прилагательнаго полнаго и причастія полнаго и краткаго, и числительныхъ. Что̀ можетъ вынести ученикъ изъ этого хаоса формъ? Въ какое положеніе сей хаосъ ставитъ учителя не только неопытнаго, но даже и наторѣлаго? Не говоримъ уже о томъ, что вся эта безпорядочная масса разрозненныхъ формъ назначается обременять голову ученика такимъ матеріаломъ, который ничего не стоитъ, какъ измышленный. Къ выдержкамъ изъ Остромірова текста тоже приложены образцы спряженій, но лишь глаголовъ архаическихъ, склоненіе лишь существительныхъ женскаго рода мягкихъ, мѣстоименій *и* и *тъ*, прилагательныхъ сравнительной степени, прилагательныхъ полныхъ и краткихъ и причастій. Итакъ, и приложенія къ Остромірову тексту не дополняютъ, а лишь повторяютъ грамматическія свѣдѣнія, данныя въ третьемъ отдѣлѣ хаотически.

Правда, учебникъ переполненъ замѣчаніями предметными и грамматическими, но послѣднія суть не что иное, какъ указанія рода, числа, падежа или какой-либо иной формы или простое указаніе замѣны одного звука другимъ. А есть и такія, какъ на стр. 81, выноска 15-я: „склоняется совершенно также, какъ пѧтик (путие), принимающее въ старо-славянскомъ языкѣ дат., твор. и предлож. падежахъ ѣ вмѣсто *е*“. Но въ текстѣ (стр. 79) нѣтъ выноски 15-й; читая текстъ между выносками 14-ю и 16-ю, даже нельзя указать, къ чему бы можно примѣнить содержаніе выноски 15-й; а еслибъ и нашлось такое слово, то и оно не могло бы распутать, какъ это можетъ быть, чтобы въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ слова, какъ пѧть, могли имѣть въ дат., твор. и предложн. падежахъ ѣ вмѣсто *е*? Еще одинъ примѣръ того же вида. На стр. 92, подъ выноской 10-ю: „Прилагательныя на *ии* послѣ *г*, *к*, *х* склоняются по твердому склоненію, а послѣ *ж*, *жд*, *ч*, *щ* (*шт*) частью по твердому, частью по мягкому“. Опять ошибка грубѣйшая! Одинъ изъ основныхъ законовъ древне-церковно-славянскаго вокализма—неизмѣнное и не нарушимое соотвѣтствіе между гласными широкими и согласными твердыми, а также

Библиотека "Руниверс"

между гласными тонкими или узкими и согласными мягкими, такъ что *ии* послѣ заднеязычныхъ *к*, *г*, *х* рѣшительно не возможны, равно какъ послѣ среднеязычныхъ неизбѣжно должны слѣдовать флексіи изъ гласныхъ узкихъ. Составителя учебника ввелъ въ ошибку изобрѣтенный имъ методъ преподаванія древне-церковно-славянскаго языка, въ основаніе коего положенъ языкъ исправленнаго текста богослужебныхъ книгъ, гдѣ возможны и такія формы, какъ помѣщенныя на стр. 38: оученицы, духѡвъ, духи.

Наконецъ, самый языкъ изложенія „Учебной книги" весьма часто поражаетъ неточностями. На стр. 25 ъ и ь называются „полугласными", а ниже „гласными короткими", на стр. 94 „глухими". На стр. 21: „звукъ выражающій какое-либо слово", хотя ниже самъ авторъ говоритъ: „письменное изображеніе отдѣльнаго звука, входящаго въ слово, называется буквою". На стр. 26: „По примѣру древнихъ классическихъ языковъ, въ славянскомъ языкѣ есть также и долгіе гласные. Къ нимъ относятся ѡ и ѡ", то-есть, церковно-славянскій языкъ завелъ у себя долгіе въ подражаніе древнимъ классическимъ языкамъ, и къ долгимъ гласнымъ, которыхъ авторъ не исчисляетъ всѣхъ, принадлежатъ нужныя ему въ данномъ случаѣ ѡ и ѡ. На стр. 22, примѣчаніе второе: „Уставное письмо въ древности самое крупное, въ которомъ всѣ буквы прописныя. На стр. 23: Глаголица „скоро была совершенно вытѣснена кириллицей". На дѣлѣ же она и понынѣ существуетъ у Хорватовъ-католиковъ. Есть даже и новость, принадлежащая самому составителю: на стр. 42 неопредѣленная форма причислена къ причастіямъ. На стр. 126—127: „по возвращеніи въ Царьградъ, св. Константинъ сталъ по прежнему жить съ братомъ своимъ Меѳодіемъ на горѣ Олимпѣ"; стр. 127: „Племя, жившее на юго-восточной части нынѣшней Россіи"; „царь и патріархъ рѣшились отправить къ Хазарамъ св. Константина", „Херсонъ или Корсунъ", „языку Хозаровъ", „каганъ хотѣлъ богато *воз*наградить св. учителей", „наша церковно-славянская грамота была составлена"; стр. 130: „труды его внушали къ нему уваженіе даже и въ самихъ язычникахъ".

На основаніи всего вышесказаннаго „Учебная книга церковно-славянскаго и древне-русскаго языка является неподходящею къ цѣлямъ и требованіямъ преподаванія древне-церковно-славянскаго ни въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, ни въ реальныхъ училищахъ.

Библиотека "Руниверс"

Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ реальныхъ училищъ, военныхъ гимназій и вообще среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ. Составилъ *Н. Бунаковъ*. Въ 8-ю д. л., стр. 111. Петербургъ. 1882. Цѣна 40 коп.

Настоящее изданіе этой книги не есть первое; уже въ первомъ изданіи книга могла быть признана удовлетворительною; перепечатывая свой трудъ, г. Бунаковъ устранилъ изъ него важнѣйшіе недостатки 1-го изданія, а именно: исключилъ предисловіе, заключавшее въ себѣ ошибочный взглядъ на способъ, какимъ усвоиваются учащимися грамматическія свѣдѣнія, и прибавилъ правило о двоеточіи. Кромѣ того, къ книгѣ приложенъ „Матеріалъ для грамматическаго разбора, для выборки примѣровъ и для диктовокъ". Между статьями этого матеріала есть одна, подъ названіемъ: „Искусство и природа" (стр. 109—110), не подходящая къ тому возрасту, для коего назначена книга; ибо воспитанникамъ младшихъ классовъ не можетъ быть понятенъ маленькій отрывокъ изъ серьезнаго разсужденія, имѣющаго своимъ предметомъ опредѣлить, что̀ такое искусство и чѣмъ оно отличается отъ науки. Что касается до грамматики, то она по своей систематичности, ясному и толковому изложенію существеннаго грамматическаго содержанія заслуживаетъ одобренія.

П. В. Евстафіевъ. Новая русская литература (отъ Петра Великаго до настоящаго времени). Учебникъ для мужскихъ и женскихъ институтовъ, гимназій и учительскихъ семинарій. Изданіе шестое (пересмотрѣно авторомъ). С.-Пб. 1881.

Это, шестое, изданіе полезной книги г. Евстафіева напечатано безъ существенныхъ перемѣнъ со втораго; но оно отличается отъ прежнихъ тѣмъ, что иллюстрировано портретами важнѣйшихъ нашихъ писателей и изображеніями мѣстностей, прославленныхъ рожденіемъ или пребываніемъ въ нихъ литературныхъ знаменитостей, напримѣръ: села Денисовки (родины Ломоносова) и села Михайловскаго (мѣстожительства Пушкина по пріѣздѣ изъ Одессы). Нѣкоторые портреты вышли удачными, а другіе не могутъ похвалиться ни сходствомъ съ оригиналами, ни изяществомъ работы: фонъ-Визинъ (стр. 39) рѣшительно не похожъ на самого себя, Жуковскій (стр. 69) слишкомъ старъ и слишкомъ печаленъ, Пушкинъ (стр. 115) очень страшенъ, а Тургеневъ (стр. 219) опошленъ по выраженію лица.

Библиотека "Руниверс"

Учебная русская христоматія съ толкованіями. Составилъ *П. Полевой*. Часть первая. Младшій возрастъ. 19-е изданіе. Въ 8-ю д. л., стр. 214+26. С.-Петербургъ. 1883. Цѣна 50 коп.

Учебная христоматія съ толкованіями. Составилъ *П. Полевой*. Часть вторая. Средній возрастъ. Изданіе девятое. Въ 8-ю д. л., стр. 274+25. С.-Петербургъ. 1883. Цѣна 70 коп.

Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности съ логическимъ разборомъ, выводомъ основной мысли, съ 200 темъ и плановъ для устныхъ и письменныхъ упражненій. Часть I (для младшаго возраста). Изданіе четвертое. *Н. Невзорова*. Въ 8-ю д. л., стр. 195. Казань. 1884.

Первая часть христоматіи г. Полеваго (для младшаго возраста) состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Каждый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ статьи для диктовки, разбора и заучиванья наизусть, но съ тѣмъ различіемъ, что къ первому отдѣлу, какъ назначаемому для начинающихъ, нѣтъ дополненія, содержащаго въ себѣ матеріалъ для самостоятельныхъ работъ, тогда какъ при второмъ и третьемъ такія дополненія есть. Статьи перваго отдѣла сопровождаются толкованіями для ученика, преимущественно объясненіями словъ, такъ-называемымъ словеснымъ комментаріемъ; но подобныхъ толкованій не имѣется при статьяхъ, назначенныхъ для самостоятельныхъ работъ, въ томъ предположеніи, что учащіеся сами могутъ справиться съ дополнительнымъ матеріаломъ. За тремя отдѣлами слѣдуютъ еще статьи для чтенія и письменнаго изложенія, статьи, относящіяся къ русской исторіи, къ природѣ и русскому быту.

Статьи второй части христоматіи г. Полеваго (для средняго возраста) расположены по родамъ сочиненій въ пяти отдѣлахъ: описанія простыя, описанія художественныя, сочиненія повѣствовательныя (лѣтопись, мемуары, автобіографія, біографія и исторія), разсужденія и ораторская рѣчь. Каждому отдѣлу статей предпослано предварительное объясненіе, и кромѣ того, онъ сопровождается дополнительными примѣчаніями: тѣ и другія имѣютъ предметомъ теоретическія свѣдѣнія, относящіяся къ стилистикѣ и теоріи прозы.

У „Сборника статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности“, составленнаго г. Невзоровымъ, цѣль шире. Онъ не ограничивается однимъ словеснымъ комментаріемъ, но предлагаетъ и разборъ вещественный (или предметный), и планъ статей, и основной смыслъ ихъ, и упражненія, вызываемыя ихъ содержаніемъ. Введе-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ служатъ методическія указанія, какъ вести объяснительное чтеніе, и вообще какъ пользоваться книгой. Здѣсь исчислены средства къ достиженію указанныхъ требованій или цѣлей въ слѣдующемъ порядкѣ: чтеніе статьи самимъ учителемъ; предложеніе вопросовъ, помѣщенныхъ въ планѣ послѣ каждой статьи; вещественный и логическій разборы; разказъ содержанія; выводъ основной мысли; чтеніе статьи учениками, съ цѣлію пріучить ихъ къ сознательному и выразительному чтенію; письменное или устное упражненіе, имѣющее отношеніе къ изученной статьѣ въ этихъ сборникахъ. Выборъ статей въ этихъ сборникахъ не вызываетъ замѣчаній.

Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности, съ логическимъ разборомъ, выводомъ основной мысли и объясненіемъ каждой статьи, съ 300 темъ и плановъ для устныхъ и письменныхъ упражненій и съ біографіями писателей. *И. Невзорова.* Часть II, изд. 4-е. Въ 8-ю д. л., стр. 311 и XXX. Казань. 1884.

Настоящее изданіе 2-й части этого сборника напечатано безъ перемѣнъ съ прежнихъ. Какъ къ первой части сборника, такъ и ко второй, составитель, въ видѣ предисловія, сдѣлалъ методическія указанія касательно требованій отъ учащихся при знакомствѣ ихъ съ литературными образцами и касательно темъ для письменныхъ упражненій. Въ первомъ отношеніи учащійся долженъ давать обстоятельный отчетъ о содержаніи и формѣ прочитаннаго, уяснить себѣ, по возможности, особенности каждаго первокласснаго писателя, назвать главнѣйшія произведенія его и разказать важнѣйшіе случаи изъ его жизни. Во второмъ отношеніи слѣдуетъ избирать такія темы, которыя были бы удобны или для извлеченія, то-есть, краткаго изложенія содержанія сочиненія, или для характеристики лицъ, или для постройки разсужденія съ болѣе или менѣе готовымъ содержаніемъ. Цѣли письменныхъ упражненій при темахъ такого рода слѣдующія достиженіе, въ возможно большей степени, чистоты языка, ясности и точности выраженія; навыкъ въ изложеніи содержательномъ, безъ многословія; развитіе умѣнья располагать мысли логически-правильно; упроченіе грамотности, особенно ореографіи. Вообще сборникъ этотъ можетъ быть признанъ полезною книгой для 3-го, 4-го и 5-го классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Библиотека "Руниверс"

Н. Бунаковъ. Христоматія для изученія образцовъ русской словесности. Съ примѣчаніями, руководящими вопросами и біографическими очерками. Составлена примѣнительно къ учебному плану гимназій министерства народнаго просвѣщенія, военныхъ гимназій и вообще среднихъ учебныхъ заведеній. Въ четырехъ отдѣлахъ. Отдѣлъ первый. Изданіе шестое. Въ 8-ю д. л., стр. IV+100. С.-Петербургъ. 1884. Цѣна 60 коп.—Отдѣлъ второй Изданіе шестое, исправленное и дополненное. Въ 8-ю д. л., стр. 300. С.-Петербургъ. 1884. Цѣна 1 руб. 50 коп.—Отдѣлъ третій. Изданіе четвертое. Въ 8-ю д. л., стр. 207. С.-Петербургъ. 1882. Цѣна 1 руб. 20 коп.—Отдѣлъ четвертый. Изданіе третье. Въ 8-ю д. л., стр. 132. С.-Петербургъ. 1880. Цѣна 90 коп.

Всѣ эти четыре книжки или такъ-называемые отдѣлы христоматіи образуютъ собственно три отдѣльныя христоматіи, соотвѣтственно тремъ предначертаннымъ цѣлямъ. Первый отдѣлъ есть собственно христоматія, назначенная для логическаго и стилистическаго разбора и содержащая въ себѣ прозаическія и поэтическія сочиненія небольшаго объема. Второй отдѣлъ есть христоматія, назначенная для изученія родовъ и видовъ прозы и поэзіи, слѣдовательно, служащая пособіемъ къ теоріи словесности (риторики и поэтики). Сюда внесены литературныя произведенія или цѣликомъ, или въ большихъ характеристическихъ отрывкахъ, связанныхъ изложеніемъ содержанія пропущенныхъ мѣстъ; при выборѣ статей принято было въ соображеніе, чтобы содержаніе ихъ имѣло, по возможности, прямое отношеніе къ литературѣ и вопросамъ словесности. Наконецъ, третій и четвертый отдѣлы составляютъ третью христоматію — историко-литературную, имѣющую предметомъ знакомство съ исторіей литературы: здѣсь помѣщены біографическіе очерки и произведенія важнѣйшихъ писателей, русскихъ (третій отдѣлъ) и иностранныхъ (Гомера, Софокла, Шекспира, Гёте и Шиллера), знакомство съ которыми, какъ съ міровыми поэтами, обязательно для каждаго образованнаго человѣка. Такимъ образомъ, образцовый литературный матеріалъ, умѣщаемый обыкновенно въ одной книгѣ (изъ сколькихъ бы частей или томовъ она ни состояла) и могущій удовлетворять различнымъ требованіямъ при изученіи какого-либо учебнаго предмета, здѣсь разбитъ на четыре отдѣльныя книжки, для удовлетворенія каждой отдѣльной цѣли или каждаго отдѣльнаго требованія.

Существенно ли такое отличіе христоматіи? Мы думаемъ, что нѣтъ. Отличительная особенность ея можетъ выказываться не въ сущности, а въ чемъ-либо другомъ, напримѣръ, въ цѣнѣ. Четыре отдѣла хри-

Библиотека "Руниверс"

стоматіи стоятъ 4 руб. 20 коп.: цифра значительная! Но это еще ничего сравнительно съ невыдержанностью того основанія, на которомъ построено дѣленіе цѣлаго на части. Эти части не имѣютъ опредѣленныхъ границъ и нерѣдко входятъ въ чужую область, какъ бы требуютъ другъ у друга помощи. Самъ составитель указываетъ на такую несостоятельность. Такъ, въ предисловіи ко 2-му отдѣлу, онъ говоритъ: „Надо прибавить, что при чтеніи II-го отдѣла слѣдуетъ обращаться и къ I-му, такъ какъ тамъ найдется много образцовъ, которые способствуютъ выясненію различія между разными родами и видами прозы и поэзіи". Зачѣмъ же это? Вѣдь для этого выясненія назначенъ второй отдѣлъ, а не первый, у котораго есть своя обязанность—предлагать матеріалъ для логико-стилистическаго разбора литературныхъ образцовъ. Значитъ, второй отдѣлъ составленъ такъ недостаточно, что вынужденъ прибѣгать за дополненіемъ къ другимъ отдѣламъ, не смотря на ихъ спеціальную цѣль. Далѣе въ предисловіи къ 3-му отдѣлу читаемъ: „Такъ какъ съ сочиненіями этихъ (важнѣйшихъ) русскихъ писателей читатели встрѣчались и въ первыхъ двухъ отдѣлахъ христоматіи, то здѣсь (въ отдѣлѣ 3-мъ) помѣщены указатели всѣхъ напечатанныхъ тамъ произведеній каждаго автора". Для чего это? Значитъ, третій отдѣлъ не удовлетворяетъ своему назначенію—знакомить учащееся юношество съ корифеями нашей литературы. Въ самомъ дѣлѣ, странно, между сочиненіями Карамзина, поступившими въ этотъ третій отдѣлъ, встрѣтить только предисловіе къ его „Исторіи" и не встрѣтить ни единаго отрывка изъ самой „Исторіи". Какъ будто характеристика дѣятельности Карамзина можетъ быть полною безъ его характеристики, какъ историка. Приведемъ еще одинъ примѣръ. Въ первомъ отдѣлѣ, одна за другою, слѣдуютъ три статьи: „Днѣпръ" (Гоголя), „Описаніе Днѣпра" (Кузнецова), „На Днѣпрѣ въ половодьѣ" (Фета). Послѣ второй даются такія упражненія: „Сравнить статью Гоголя съ статьею Кузнецова. Задача того и другаго автора". Цѣль такихъ сравненій ясна: показать различіе между описаніемъ научнымъ и описаніемъ художественнымъ, соотвѣтственно задачѣ или цѣли авторовъ. Но развѣ такое показаніе есть дѣло стилистики? Какъ оно зашло въ первый отдѣлъ христоматіи, назначенный для логико-стилистическаго разбора? Его мѣсто въ отдѣлѣ второмъ, относящемся къ изученію теоріи прозы и теоріи поэзіи. Прибавимъ къ этому, что при выборѣ отрывковъ слѣдовало бы принимать къ соображенію бо́льшую или меньшую трудность ихъ содержанія, большее

Библиотека "Руниверс"

или меньшее соотвѣтствіе ихъ развитію учащихся, большее или меньшее внутреннее достоинство. Если „Описаніе Днѣпра“ (Кузнецова) легко для логико-стилистическаго разбора, то статья „Днѣпръ“ (Гоголя) вовсе не легка, а между тѣмъ она предшествуетъ первой статьѣ. Что же касается до стихотворенія Фета: „На Днѣпрѣ въ половодьѣ“, то она даже невозможна для такого упражненія. Не знаемъ, какъ учащіеся станутъ анализировать слѣдующіе стихи:

...Вѣтеръ гнулъ упругое стекло
Днѣпра, еще въ волнахъ не пробуждая звука....
И яркимъ золотомъ, и чистымъ серебромъ
Змѣились облаковъ прозрачныхъ очертанья;
Надъ разыгравшимся, казалося, Днѣпромъ
Струилися отъ волнъ благоуханья....

„Отрывокъ письма изъ Швейцаріи“ (Жуковскаго) также неумѣстенъ въ 1-мъ отдѣлѣ. Самъ авторъ назвалъ содержаніе этого письма „горною философіей“. Гдѣ же ученикамъ первыхъ трехъ классовъ философствовать?

Избранныя сочиненія Г. Р. Державина, съ вводными замѣтками, примѣчаніями историческими, критическими и библіографическими, и алфавитными указателями. *Льва Поливанова*. Стр. 8+442 въ 8-ю д. л. Москва. 1884. Цѣна 1 р. 50 к.

Избранныя сочиненія Н. М. Карамзина, съ біографическимъ очеркомъ, вводными замѣтками, примѣчаніями историко-литературными, критическими и библіографическими, и алфавитнымъ указателемъ. *Льва Поливанова*. Часть I. Стр. LX+531 въ 8-ю д. л. Москва. 1884. Цѣна 1 р. 60 к.

Желая дать учащемуся юношеству пособіе при изученіи русской литературы, г. Поливановъ предпринялъ особое изданіе, подъ заглавіемъ: „Русскіе прозаики и поэты“. На первый разъ вышли избранныя сочиненія Державина (въ одномъ томѣ) и первая часть избранныхъ сочиненій Карамзина (1783—1801 гг.). Выборъ изъ сочиненій Державина идетъ въ такомъ порядкѣ: Записки (какъ замѣна его біографическаго очерка), стихотворенія (по времени ихъ появленія), драматическія произведенія, проза (изъ разсужденія о лирической поэзіи), а выборъ изъ сочиненій Карамзина въ слѣдующемъ: Первые опыты, Дѣтское чтеніе, Письма русскаго путешественника, Московскій журналъ, Аглая, Аониды, Пантеонъ. Объемъ заимствованій изъ Карамзина слишкомъ вдвое больше, чѣмъ изъ Державина. Причина этого объяснена самимъ издателемъ: „Едва ли какая-нибудь другая литература въ ряду своихъ первоклассныхъ авторовъ имѣетъ писа-

Библиотека "Руниверс"

теля, который былъ бы такъ доступенъ для юношества и такъ многостороненъ по содержанію своихъ сочиненій, какъ нашъ Карамзинъ. Никто другой не въ состояніи такъ ввести въ литературно-художественные интересы и внушить уваженіе и любовь къ наукѣ и просвѣщенію, какъ этотъ нашъ первый литераторъ въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова".

Нельзя не признать разумности соображеній, которыя высказаны трудившимся о потребности и пользѣ школьныхъ изданій первоклассныхъ русскихъ авторовъ. Внѣклассное чтеніе, ведущее къ непосредственному знакомству съ ихъ твореніями, необходимо; но полныя изданія часто недоступны по дороговизнѣ и, кромѣ того, по содержанію своему не могутъ быть даны въ руки учащимся: послѣднимъ нуженъ выборъ изъ того, что̀ написано тѣмъ или другимъ авторомъ. „Пока учащіеся не будутъ читать образцовыхъ русскихъ писателей", говоритъ г. Поливановъ,—„до тѣхъ поръ они не будутъ и писать хорошо по русски; до тѣхъ поръ не избѣжать имъ вреднаго вліянія языка журнальной литературы, которое замѣчается у воспитанниковъ, ищущихъ удовлетворенія своей любознательности помимо произведеній писателей, создавшихъ русскій литературный языкъ; до тѣхъ поръ не прекратятся жалобы на безсодержательность ученическихъ сочиненій, даже въ старшихъ классахъ гимназій".

Трудъ издателя былъ не малый. Онъ не ограничился, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ, единственно выборомъ сочиненій. Гораздо большій трудъ состоялъ въ историко-литературныхъ, критическихъ и библіографическихъ примѣчаніяхъ, во вводныхъ статьяхъ къ выбраннымъ произведеніямъ и въ біографическомъ очеркѣ первой половины жизни Карамзина (1766—1801гг.), когда у него преобладали литературно-художественные и популярно-философскіе интересы. Въ этомъ очеркѣ принятъ въ соображеніе весь біографическій матеріалъ: каждый фактъ выходитъ очищеннымъ, невѣрное отстранено, сомнительное по возможности разрѣшено. Особеннымъ удобствомъ при пользованіи изданіемъ служатъ вводныя статьи, то-есть, объясненія, предшествующія выбраннымъ сочиненіямъ: здѣсь опредѣляются время сочиненія, поводъ къ нему, источники, содержаніе, главная мысль. Такъ, при отрывкѣ изъ перевода Шекспировой трагедіи: „Юлій Цезарь" обстоятельно говорится о знакомствѣ переводчика съ произведеніями англійскаго трагика; доказывается, что переводъ прямо сдѣланъ съ подлинника, а не съ французскаго Летурнерова перевода. Передъ стихотвореніемъ „Поэзія" изложены взгляды Карамзина на это

Библиотека "Руниверс"

искусство; а передъ „Письмами русскаго путешественника" прослѣженъ весь путь его, весь, такъ-сказать, подорожникъ; затѣмъ указаны понятія Карамзина въ эту пору о природѣ, искусствѣ и общественной жизни, и сличенъ характеръ его путешествія съ характеромъ Сентиментальнаго путешествія Стерна. Сверхъ того, г. Поливановъ возстановлялъ тексты по изданіямъ Карамзина, ставшимъ библіографическою рѣдкостью. Его побуждала къ тому важность варіантовъ при текстахъ писателя, преобразовавшаго литературный языкъ. „У писателя", говоритъ онъ,—„твердо установившаго опредѣленное правописаніе, нельзя было дозволить подновленіе текстовъ и въ этомъ отношеніи. Было бы грѣшно испортить всю книгу такимъ подновленіемъ изъ ложной боязни повредить правописанію учениковъ. Какой-нибудь десятокъ случаевъ Карамзинскаго правописанія, которымъ оно отличается отъ нынѣ принятаго, конечно, не разучитъ орѳографіи учениковъ VI—VIII классовъ, для которыхъ книга назначается". Короче, ничто нужное не оставлено издателемъ безъ должнаго вниманія: учащійся имѣетъ возможность знакомиться съ избранными сочиненіями представителей отечественной литературы при полномъ ихъ освѣщеніи.

MANUEL CONCENTRIQUE DE LANGUE FRANÇAISE. Концентрическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, состоящій изъ трехъ частей. Курсъ среднихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ *В. С. Игнатовичъ*. Часть III. Изданіе 6-е, совершенно согласное съ указаніями учебнаго плана, утвержденнаго г. министромъ народнаго просвѣщенія. С.-Петербургъ. 1884. Стр. XVI + 316 + 80 въ 8-ю д. л. Цѣна 1 р. 25 к.

Шестое изданіе (1884 г.) третьей части „Концентрическаго учебника" г. Игнатовича, предназначенной для 4-го, 5-го и 6-го классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, есть собственно воспроизведеніе изданія 4-го. Въ него введены, однако, еще цѣнныя улучшенія: 1) авторъ, въ виду того, что учебникъ его употребляется и въ такихъ заведеніяхъ, гдѣ латинскій языкъ не преподается, обработалъ вопросъ о сокращеніи французскихъ придаточныхъ предложеній въ infinitif сравнительно съ языкомъ русскимъ (§ 20, стр. 238—242); 2) для классическихъ гимназій г. Игнатовичъ счелъ умѣстнымъ въ концѣ книги, въ отдѣльномъ приложеніи, дать нѣкоторыя объясненія изъ исторической грамматики (стр. 293—316): краткій очеркъ возникновенія французскаго языка; объясненіе механизма переработки латинскихъ словъ во французскія и видоизмѣненій латинскихъ звуковъ въ

Библиотека "Руниверс"

галльскомъ произношеніи; распредѣленіе французскихъ существительныхъ по родамъ; приведеніе падежныхъ формъ латинскаго языка къ формѣ одного падежа винительнаго; возникновеніе члена, а также примѣтъ женскаго рода и множественнаго числа; образованіе степеней сравненія, глагольныхъ формъ; образованіе словъ посредствомъ предлоговъ и проч., наконецъ, замѣчанія о неправильныхъ глаголахъ и объясненіе нѣкоторыхъ ихъ особенностей. Эти дополненія, очевидно, только усугубляютъ достоинство учебника г. Игнатовича.

Практическая грамматика англійскаго языка. Составилъ *П. М. Нурокъ*. Изданіе 4-е, вновь передѣланное и дополненное. С.-Пб. 1884.

Г. Нурокъ, лекторъ англійскаго языка при С.-Петербургской духовной академіи, уже 4-мъ изданіемъ выпускаетъ въ свѣтъ свой учебникъ. Это обстоятельство можетъ, кажется, свидѣтельствовать по крайней мѣрѣ о томъ, что разсматриваемая грамматика составлена дѣйствительно практически. Почтенный авторъ хорошо владѣетъ русскимъ языкомъ и, слѣдовательно, не принадлежитъ къ числу тѣхъ учителей новыхъ языковъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые на урокахъ обыкновенно предоставляютъ и мысли, и изящество рѣчи переводимыхъ авторовъ произволу своихъ учениковъ. Грамматическія правила, примѣры для переводовъ съ русскаго на англійскій, значеніе словъ и употребительнѣйшихъ оборотовъ составлены у г. Нурока согласно съ требованіями русскаго языка. Уже это хотя бы и отрицательное качество учебной книги составляетъ въ нашей учебной литературѣ по языкамъ немаловажное достоинство. Въ нынѣшнемъ изданіи авторъ существеннымъ образомъ улучшилъ свою книгу: распредѣлилъ учебный матеріалъ съ большею постепенностію и приспособленіемъ къ различнымъ возрастамъ учащихся, пополнилъ уроки особенно необходимыми примѣчаніями, обогатилъ хирстоматію образцовыми по слогу и интересными по содержанію англійскими отрывками. Очевидно, авторъ и желаетъ, и имѣетъ полную возможность оцѣнивать по достоинству какъ разные запросы рецензентовъ (см. Учитель за 1865 годъ, № 23—24; Морской Сборникъ, 1866 г., № 23 и др.), такъ и указанія своего собственнаго опыта.

Съ своей стороны и мы позволимъ себѣ предложить нѣсколько замѣчаній, которыя, быть можетъ, заслужатъ въ какомъ-нибудь отношеніи вниманія почтеннаго автора.

На стр. VII сказано: „вообще трудно передавать англійское про-

Библиотека "Руниверс"

изношеніе русскими буквами". Замѣтка эта съ оттѣнкомъ какъ бы нѣкоторой укоризненности нашему сравнительно богатому алфавиту, полагаемъ, совсѣмъ излишня. Какое же произношеніе и какими буквами легко передается? Въ каждомъ языкѣ даже его собственныя буквы далеко не всегда соотвѣтствуютъ его звукамъ. Мы попросили бы указать намъ тѣ литеры, которыя дѣйствительно уловляютъ, напримѣръ, звукъ *я* въ словѣ заяцъ или звукъ *а* въ словѣ часы и пр. А въ англійскомъ языкѣ буква *a* произносится въ разныхъ словахъ разными гласными, для видимаго различія которыхъ англійскій алфавитъ рѣшительно не имѣетъ никакихъ средствъ, такъ что гораздо вѣрнѣе было бы сказать: вообще трудно передавать англійское произношеніе англійскими же буквами, но конечно, и это прискорбное сознаніе было бы совсѣмъ излишне въ учебной книгѣ. Систему Вокера, по которой однѣ и тѣ же гласныя буквы для разныхъ звуковъ надписываются разными цифрами, лучше было бы, по нашему мнѣнію, замѣнить простою русскою транскрипціей, то-есть, вмѣсто *a* съ цифрой 1 писать *ей*, но только не называя эти звуки *длинными*, какъ у г. Нурока, а *долгими*. Такой способъ, хотя былъ бы почти также не точенъ, какъ и знаки Вокера, все-таки представлялъ бы болѣе опредѣленныя указанія для начинающихъ, не утруждая напрасно памяти ихъ заучиваніемъ случайныхъ, произвольныхъ и вовсе ненаучныхъ условностей, для которыхъ, кромѣ того, нѣтъ и не можетъ быть мѣста ни въ обыденной печати, ни въ рукописи. Вмѣсто же мелкихъ надстрочныхъ цифръ слѣдовало бы помѣщать надъ извѣстными гласными или дифтонгами знаки количественности, такъ какъ очень важно уже при первоначальномъ знакомствѣ съ словами аккуратно усвоять эти различенія; вѣдь иногда только одною краткостію или долготою кореннаго гласнаго звука отличаютъ два совершенно различныя назначенія вокабула, напримѣръ, scene и sin, eat и it, date и debt, cloak и clock и пр. Въ этомъ случаѣ не выручаетъ даже и общее понятіе о двугласныхъ, такъ какъ эти послѣдніе иногда произносятся кратко, напримѣръ, *good*, could и проч.

Переписывая иногда англійскія слова русскими буквами, г. Нурокъ напрасно послѣ плавнаго *л* ставитъ *ъ*: такого твердаго звука почти нѣтъ въ западно-европейскихъ языкахъ; напримѣръ, all (олъ), full (фолъ) на стр. VII; candle (кандлъ) на стр. VI и др. Говоря, что гласное *o* въ словахъ, подобныхъ for, произносится какъ таковой же звукъ въ французскомъ словѣ nord, авторъ, очевидно, предполагаетъ въ своихъ читателяхъ очень тонкое и точное знаніе французъ-

Библиотека "Руниверс"

скаго языка, а между тѣмъ произношеніе G (стр. XIV) излагается съ такими исключеніями, которыя умѣстны только въ учебникѣ, предназначаемомъ для лицъ, предположительно не имѣющихъ возможности различать англійскія слова нѣмецкаго и французскаго или латинскаго происхожденія. Кромѣ того, исключенія, данныя въ столь законченной формѣ, могутъ быть причиною многихъ погрѣшностей въ чтеніи: вѣдь здѣсь не упомянуты многія самыя даже употребительныя слова, какъ-то: forget, begin youngest, longer и проч. Не слѣдовало бы также произношеніе *g*, при послѣдующихъ извѣстныхъ гласныхъ, уподоблять непремѣнно французскому j (жи), когда и въ русскомъ алфавитѣ находится такой же французскій и столь же мало англійскій звукъ *ж*. Вообще мы надѣемся, что статья о произношеніи въ послѣдующихъ изданіяхъ разсматриваемой книги будетъ внимательно просмотрѣна и, вѣроятно, испытаетъ значительную переработку. Для Русскихъ, обыкновенно употребляющихъ въ своей печати англійскія названія и фамиліи именно въ той формѣ, въ какой они произносятся Англичанами, этотъ отдѣлъ учебной книги требуетъ особой обстоятельности.

Перечитывая собственно грамматическій матеріалъ, мы не находили иногда такихъ правилъ и замѣчаній, которыя особенно необходимы съ точки зрѣнія русскаго словосочиненія. Напримѣръ, не указана та особенность, что англійскія относительныя мѣстоименія, служащія прямымъ объектомъ, очень часто опускаются (the story i am going to relate); мало того, эти relativa, даже зависящія не отъ переходныхъ глаголовъ, а отъ предлоговъ, опускаются въ придаточномъ предложеніи (the pointe i started from), при чемъ предлогъ заключаетъ собою предложеніе. Вообще это to, from, in и проч., стоящія на концѣ предложенія, необходимо полнѣе разъяснить и особенно въ русской учебной книгѣ. Для Нѣмцевъ дѣло другое: у нихъ вѣдь у самихъ „часто zu ставится на концу“.

При изученіи именъ числительныхъ (стр. 80, 83) придется очень часто обращаться къ словарю, приложенному на концѣ книги; тамъ обозначены ударенія этихъ именъ; но кажется, въ числительныхъ на -teen мѣсто ударенія не на этомъ послѣднемъ слогѣ, какъ значится въ словарѣ; кстати, при eight сказано: eighteen восемнадцатый.

Полагаемъ, что при чтеніи хрестоматіи, особенно же отрывковъ изъ Байрона, Шекспира и др., каждый преподаватель сочтетъ нужнымъ дѣлать кое-какія дополненія, этимологическія и синтаксиче-

Библиотека "Руниверс"

скія, но это обстоятельство ни мало не противорѣчитъ признанію „Практической грамматики“ г. Нурока хорошимъ руководствомъ: то, что дано здѣсь, изложено и разъяснено вполнѣ удачно съ очевиднымъ знаніемъ и съ преподавательскою опытностію.

Собраніе задачъ для упражненій на счетахъ въ низшихъ классахъ гимназій, прогимназій, городскихъ, уѣздныхъ, народныхъ училищъ и другихъ низшихъ учебныхъ заведеній, съ введеніемъ вмѣсто руководства. Составилъ *Ѳ. Г. Подобa*. Изд. 2-е, значительно передѣланное, исправленное и дополненное по указаніямъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и рецензій въ педагогическихъ журналахъ. Одесса. 1884. Цѣна 30 коп. [1]).

„Собраніе задачъ“ г. Подобы отличается многими важными недостатками. Вопервыхъ, въ немъ есть задачи, не интересныя для дѣтей. Такъ напримѣръ, на стр. 38, подъ № 125 читаемъ задачу: „Если сложить числа, указывающія высоты европейскихъ горъ Монблана, Юнгфрау и Этны, то получимъ 40,252 фут. 7 дюйм., а сложивши числа, выражающія высоты азіатскихъ горъ Давалагири, Казбека и Синая, получимъ 50,873 фут. 4 дюйма, разность же этихъ двухъ суммъ выразитъ высоту Этны; найдти высоту горы Этны“? Такого рода задачи непрактичны и не примѣнимы къ жизни: кому понадобится слагать высоты двухъ горъ, поставленныхъ одна на другую, и на сумму высотъ этихъ горъ ставить еще третью гору?

Вовторыхъ, въ разсматриваемомъ сборникѣ мы находимъ такія задачи, которыя учащемуся ни понять, ни рѣшить невозможно. Напримѣръ на стр. 49, подъ № 186 читаемъ: „Отъ сотворенія міра до настоящаго времени прошло 7390 л., а когда пройдетъ 7400 л., пасха у православныхъ христіанъ будетъ 5-го апрѣля; опредѣлить въ которомъ году по Р. Хр, и какого числа будетъ пасха у западныхъ Европейцевъ?“ Предлагая эту задачу, авторъ не принялъ во вниманіе, что въ младшихъ классахъ учебныхъ заведеній не проходятся формулы для вычисленія пасхалій; предлагаемое же имъ на стр. 73 поясненіе относящееся къ этой задачѣ и состоящее въ томъ, что, и у западныхъ Европейцевъ календарь впередъ нашего на 12

[1]) «Собраніе задачъ для упражненія на счетахъ» г. Подобы еще въ 1880 г. было представлено въ рукописи на разсмотрѣніе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, но вслѣдствіе множества неточностей и недосмотровъ не могло быть одобрено. Въ настоящемъ второмъ изданіи авторъ только отчасти воспользовался указаніями ученаго комитета, а многіе изъ указанныхъ ему недосмотровъ оставилъ безъ всякихъ измѣненій.

Библиотека "Руниверс"

дней" — не имѣетъ къ рѣшаемому вопросу никакого отношенія, такъ какъ пасха Юліанскаго и Грегоріанскаго календарей вычисляется по особымъ формуламъ.

Статистическія и географическія данныя, помѣщенныя авторомъ въ задачахъ, весьма отстали отъ современности:

Въ задачѣ 159-й (на стр. 43) находимъ, что „въ Петербургѣ 668,000 жит.", а въ задачѣ 220-й (на стр. 55) — „667,963 жит."; тогда какъ еще по перечисленію 1881 г. въ Петербургѣ числилось 929,000 жителей.

Въ задачѣ 63-й, „въ Европейской Россіи" авторъ считаетъ „63.658,943 чел.", тогда какъ въ 1881 г. считалось:

въ Европейской Россіи	жит.	76.539,965
„ царствѣ Польскомъ	„	7.319,980
„ Финляндіи . . .	„	2.060,782
Итого . . .		85.920,727 чел.

На стр. 46, въ задачѣ 170-й, авторъ считаетъ, что число жителей въ Россіи доходитъ до 89.000,000, тогда какъ еще по перечисленію 1881 г. ихъ считалось болѣе 101.000,000.

Въ концѣ задачника, въ указателѣ словъ, требующихъ поясненія (стр. 68), находимъ многія толкованія, которыя или не вѣрны, или не точны, или не такъ редактированы. Такъ напримѣръ: На стр. 69, въ статьѣ 10-й авторъ говоритъ: „химическіе" заводы суть тѣ, „гдѣ готовятъ изъ нѣсколькихъ различныхъ по виду предметовъ одинъ предметъ, въ которомъ уже нельзя узнать, изъ чего онъ составленъ". На стр. 74, въ статьѣ 295-й, находимъ, что „барометръ указываетъ приближеніе хорошей и дурной погоды" и т. п.

Къ главнѣйшимъ же недостаткамъ этого сборника задачъ мы относимъ ошибки противъ науки; такъ, напримѣръ, на стр. 33 въ задачѣ 93-й, находимъ, что „планета Марсъ вращается на своей воображаемой оси въ 1 годъ 37 минутъ 20 секундъ", тогда какъ вращеніе этой планеты около оси продолжается почти столько же, сколько и вращеніе земли около своей оси, то-есть около 24 часовъ. На стр. 72, въ статьѣ 93-й, при перечисленіи планетъ нашей солнечной системы, послѣ „Нептуна" показанъ „Вулканъ", тогда какъ эта послѣдняя планета, если доказано будетъ, что она дѣйствительно существуетъ, — предполагается между солнцемъ и Меркуріемъ".

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ О ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА [1]).

Въ настоящемъ Уваровскомъ конкурсѣ участвовало девять сочиненій, изъ которыхъ семь въ видѣ уже отпечатанныхъ книгъ, а остальныя два—въ рукописи. Для разсмотрѣнія ихъ, съ цѣлію должной оцѣнки и соотвѣтственнаго съ нею приговора, была составлена коммиссія, членами которой, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, были гг. академики Я. К. Гротъ, М. И. Сухомлиновъ, А. Ѳ. Бычковъ, А. Н. Веселовскій, И. В. Ягичъ, Н. В. Калачовъ и А. А. Куникъ. Въ видахъ возможно правильнаго опредѣленія достоинства представленныхъ на судъ коммиссіи ученыхъ трудовъ, каждый изъ этихъ послѣднихъ, сообразно съ его предметомъ, былъ предложенъ коммиссіей, для критическаго разбора, различнымъ спеціалистамъ, какъ изъ числа членовъ Академіи, такъ и изъ среды постороннихъ ученыхъ, при чемъ гг. рецензенты приглашались представить свои отзывы къ извѣстному сроку. Ко времени его наступленія коммиссія получила отзывы отъ шести изъ числа избранныхъ ею рецензентовъ; двое же изъ нихъ таковыхъ не представили, почему коммиссія и отложила свой приговоръ о двухъ сочиненіяхъ, участвовавшихъ въ настоящемъ соисканіи наградъ графа Уварова, до слѣдующаго Уваров-

[1]) Читанъ въ публичномъ засѣданіи Императорской академіи наукъ 25-го сентября 1884 года непремѣннымъ секретаремъ академикомъ К. С. Веселовскимъ.

Библиотека "Руниверс"

скаго конкурса. Внимательно обсудивъ, на основаніи бывшихъ въ распоряженіи коммиссіи отзывовъ ученыхъ спеціалистовъ, сравнительное достоинство сочиненій, представленныхъ ихъ авторами на конкурсъ, коммиссія присудила пяти изъ нихъ преміи въ 500 руб. каждая, а одно удостоила почетнаго отзыва, предоставивъ автору, согласно съ положеніемъ о наградахъ графа Уварова, право представить это сочиненіе, въ видѣ исправленной рукописи или отпечатанной книги, снова къ Уваровскому конкурсу 1885 или 1886 года.

I.

Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. Сочиненіе проф. *Я. А. Чистовича*. С.-Пб. 1883.

Коммиссія получила возможность надлежащимъ образомъ оцѣнить означенное сочиненіе, благодаря содѣйствію Императорской военно-медицинской академіи, суду которой академія наукъ рѣшила предоставить книгу профессора Чистовича, имѣя въ виду ея спеціальный характеръ.

Профессоръ Н. П. Ивановскій, по порученію конференціи военно-медицинской академіи, разсматривавшій сочиненіе г. Чистовича, въ началѣ своего отзыва о немъ, въ слѣдующихъ словахъ опредѣляетъ его общее значеніе: „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“ профессора Я. Чистовича является первымъ серьезнымъ трудомъ, пополняющимъ собою немаловажный пробѣлъ въ отечественной исторической литературѣ. Этотъ трудъ, на который авторомъ было посвящено болѣе 25 лѣтъ, заключаетъ въ себѣ подробную исторію возникновенія первыхъ русскихъ врачебныхъ школъ, ихъ постепеннаго развитія и роста, внутренняго быта, организаціи учебнаго дѣла въ этихъ школахъ, законодательныхъ мѣръ, такъ или иначе вліявшихъ на ходъ развитія медицинскаго образованія, въ связи съ развитіемъ медицинскихъ учрежденій вообще въ Россіи, и обнимаетъ собою періодъ времени отъ основанія первой врачебной госпитальной школы въ Москвѣ, въ 1706 году, до начала текущаго столѣтія. Сочиненіе г. Чистовича распадается на три отдѣла: первый отдѣлъ содержитъ въ себѣ собственно исторію первыхъ медицинскихъ школъ, второй посвященъ обзору медицинскаго управленія въ Россіи, врачебнаго быта и медицинскихъ учрежденій XVIII столѣтія; въ третьемъ отдѣлѣ помѣщены, въ видѣ приложеній, различнаго рода документы, акты, грамоты и т. д., имѣющія болѣе или менѣе прямое отношеніе къ главному пред-

Библиотека "Руниверс"

мету сочиненія. Источниками при составленіи этого важнаго историческаго труда служили главнымъ образомъ дѣла и документы бывшаго монастырскаго приказа, въ вѣдѣніи котораго первоначально находилась Московская госпитальная школа, и дѣла медицинской канцеляріи за прошлое столѣтіе, заключающія много любопытныхъ свѣдѣній, большею частью нигдѣ не напечатанныхъ и неизвѣстныхъ. Авторъ имѣлъ возможность разобрать и изучить ихъ, пользуясь доступомъ въ архивы св. синода и медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ сказанные документы хранятся и по настоящее время. Кромѣ того, авторъ пользовался въ необходимой мѣрѣ и печатными сочиненіями, относясь къ нимъ съ осмотрительностью и провѣряя сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія по подлиннымъ документамъ. Къ сожалѣнію, не вездѣ съ достаточною ясностью разграничено авторомъ, какія изъ сообщаемыхъ имъ документальныхъ данныхъ составляютъ результатъ его собственныхъ изысканій и какія уже раньше его труда сдѣлались достояніемъ исторической литературы".

Послѣ приведенной общей характеристики обширнаго труда г. Чистовича, г. рецензентъ переходитъ къ подробному изложенію его содержанія. Мы ограничимся здѣсь указаніемъ лишь на важнѣйшіе и представляющіе болѣе общій интересъ моменты развитія учебно-медицинскаго дѣла въ Россіи, какъ они изложены въ рецензіи.

„Послѣ краткаго очерка медицинскихъ учрежденій вообще въ Россіи за время предшествующее открытію въ ней врачебныхъ школъ, авторъ начинаетъ свой трудъ со времени учрежденія Московскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя. Этотъ госпиталь, устроенный по указу Петра I (25-го мая 1706 г.) былъ первою медицинскою школою въ Россіи; исторіи развитія и жизни этого учрежденія посвящена значительная часть перваго отдѣла разсматриваемаго сочиненія. Въ I-й главѣ его, авторъ съ большою подробностью, на основаніи разысканныхъ имъ документовъ, излагаетъ исторію постройки зданія Московскаго госпиталя, первоначально деревяннаго, затѣмъ (послѣ пожара въ 1721 году) частью каменнаго, приводитъ цифры денежныхъ суммъ, израсходованныхъ на эти постройки и указываетъ источники ихъ. Далѣе разсматриваются расходы на поправки и передѣлки госпитальныхъ зданій, описываются подробно внѣшній видъ и расположеніе какъ первыхъ построекъ такъ и послѣдующихъ, послѣ двухъ пожаровъ бывшихъ въ 1721 и 1737 годахъ. Госпиталь былъ устроенъ и содержался вначалѣ на средства монастырскаго приказа (потомъ коллегіи экономіи при св. синодѣ); но обременительные расходы и

Библиотека "Руниверс"

преобладающее наполненіе госпиталя воинскими чинами вызываютъ желаніе у лицъ синодальной администраціи избавиться отъ учрежденія, мало или вовсе не служащаго интересамъ духовнаго вѣдомства. Приводимыя авторомъ многочисленныя и продолжительныя переписки и пререканія между лицами, завѣдывавшими госпиталемъ, св. синодомъ, сенатомъ, медицинской канцеляріей и военнымъ коммиссаріатомъ служатъ живою характеристикою административнаго строя того времени. Переговоры эти оканчиваются передачей госпиталя въ вѣдѣніе коммиссаріата (12-го января 1755 г.); въ разсматриваемомъ сочиненіи изложены подробно условія передачи и разчеты между двумя вѣдомствами. Въ концѣ главы сообщается о порядкахъ при новомъ управленіи, о преобразованіи и передѣлкахъ госпиталя въ царствованіе Екатерины II, Павла I, до окончательнаго устройства его въ 1801 году".

Въ слѣдующихъ главахъ книги профессора Чистовича сообщается о средствахъ, на которыя содержалась первая медицинская или госпитальная школа въ первое пятидесятилѣтіе ея существованія, а также объ организаціи учебнаго дѣла и о положеніи учащихся въ ней. „Первымъ и главнымъ руководителемъ школы былъ докторъ Николай Бидлоо, родомъ Голландецъ, принятый въ русскую службу въ 1702 г. и до самой смерти своей съ честью служившій на пользу созданной имъ первой русской медицинской школы. Дѣятельность этого человѣка, его отношенія къ царю Петру I, св. синоду, медицинской іерархіи, къ ученикамъ своей школы и вообще значеніе его, какъ исторической личности, очерчены чрезвычайно ясно и живо въ различныхъ мѣстахъ книги Чистовича, удѣлившаго не мало страницъ его характеристикѣ. Сотрудниками и помощниками Бидлоо въ учебномъ дѣлѣ были лѣкаря А. Репкенъ, М. Кланке, І. Пагенкафпъ, аптекари Хр. Эйхлеръ, Ив. Маакъ. О жизни и дѣятельности ихъ, въ особенности М. Кланке, приводятся также любопытныя свѣдѣнія".

Далѣе въ книгѣ г. Чистовича сообщается о томъ, какъ была постепенно осуществлена еще при жизни Петра I возникшая мысль объ учрежденіи медицинскихъ школъ при другихъ госпиталяхъ, объ установленіи правилъ для управленія и о введеніи общаго регламента для учебныхъ госпиталей: въ 1733 г. одновременно возникли медицинская канцелярія и медицинскія школы при сухопутномъ и адмиралтейскомъ госпиталяхъ въ Петербургѣ и при морскомъ въ Кронштадтѣ, а въ концѣ 1735 г. императрицей Анной утвержденъ и „Генеральный регламентъ о госпиталяхъ", по которому всѣ учеб-

Библиотека "Руниверс"

ные госпитали, находящіеся въ различныхъ вѣдомствахъ, подчинены, въ медицинскомъ отношеніи, медицинской канцеляріи. Съ этого времени начинается второй періодъ жизни русской врачебной школы, въ которомъ медицинское образованіе разчленяется на 4 училища (еще два второстепенныя просуществовали не долго), каждое съ различною системой и объемомъ преподаванія, — періодъ, продолжавшійся до послѣдовавшаго затѣмъ третьяго періода, когда, преимущественно трудами доктора Кондоиди, устанавливается для медицинскихъ школъ общій планъ управленія и учебной дѣятельности. Съ переходомъ ко второму періоду и изложеніе „Исторіи первыхъ медицинскихъ школъ“ распадается на нѣсколько вѣтвей. Авторъ сначала разсматриваетъ жизнь и судьбу каждой школы въ отдѣльности до объединенія ихъ, послѣ котораго ведется уже общая исторія всѣхъ школъ и заканчивается учрежденіемъ медико-хирургическихъ академій въ концѣ прошлаго столѣтія. Эта часть книги, по мнѣнію г. рецензента, въ общемъ страдаетъ нѣсколько меньшею систематичностью и меньшею послѣдовательностью историческаго изложенія сравнительно съ первою встрѣчающимися нерѣдко повтореніями, о которыхъ впрочемъ упоминаетъ и самъ авторъ въ своемъ предисловіи, объясняя ихъ продолжительностью времени, посвященнаго составленію его книги.

Возвращаясь къ исторіи первоначальной Московской госпитальной школы, излагаемой авторомъ въ разныхъ мѣстахъ IV-й, V-й и IX-й главы сочиненія, проф. Чистовичъ въ живыхъ чертахъ рисуетъ крайне неблагопріятный для названной школы періодъ управленія ею преемникомъ Бидлоо, докторомъ Антономъ Детейльсомъ. По описанію автора, это былъ человѣкъ вполнѣ неспособный къ учебному дѣлу, завистливый, неуживчивый, лично ненавидѣвшій своего предшественника и вступившій въ госпиталь съ предвзятою мыслью представить въ неблагопріятномъ свѣтѣ результаты дѣятельности Бидлоо. Первыя дѣйствія Детейльса въ школѣ, жестокое обращеніе съ учениками, жалобы и доносы, столкновенія съ синодомъ яркими красками изображены въ книгѣ г. Чистовича, вообще изобилующей, по справедливому замѣчанію ея ученаго рецензента, блестящими, характеристическими портретами выдающихся дѣятелей прошлаго времени. Отдѣльная исторія Московской госпитальной школы заканчивается перечисленіемъ учителей этой школы до конца XVIII вѣка, съ біографическими и служебными свѣдѣніями о нихъ. Въ составъ этихъ учителей входили: старшіе доктора Московскаго генеральнаго госпи-

Библиотека "Руниверс"

таля, младшіе или лекціонные доктора (доценты), операторы и прозекторы, главные лѣкари, аптекари, провизоры и студіозусы или учители латинскаго языка.

Исторія петербургскихъ медицинскихъ школъ при сухопутномъ и адмиралтейскомъ госпиталяхъ за первое время существованія ихъ изложена авторомъ менѣе подробно, сравнительно съ московскою, и не вполнѣ систематично. Слѣдуетъ замѣтить, что въ отличіе отъ госпитальной школы въ Москвѣ, гдѣ большинство учащихся состояло изъ прежнихъ учениковъ греко-латино-славянскихъ училищъ, въ петербургскихъ школахъ ученики были почти исключительно изъ дѣтей проживавшихъ въ столицѣ иностранцевъ, что продолжалось вплоть до временъ доктора Кондоиди, по ходатайству котораго синодъ разрѣшилъ и въ медико-хирургическія школы поступать воспитанникамъ епархіальныхъ учебныхъ заведеній. Преподаваніе въ обѣихъ петербургскихъ медицинскихъ школахъ шло, вообще, довольно вяло, тѣмъ болѣе, что и составъ учащихся въ нихъ былъ крайне неудовлетворителенъ: „Ученики госпитальныхъ школъ были люди довольно взрослые (рѣдко встрѣчались между ними дѣти моложе 15 лѣтъ) и не отличавшіеся особенною скромностью нравовъ. Но взысканія, налагавшіяся за предосудительные поступки и лѣность къ ученію, отличались еще меньшею мягкостью. На наказанія не скупились и, по духу времени, доводили ихъ иногда до жестокости, постепенно однакоже смягчавшейся. Батоги, кандалы и т. п. тѣлесныя наказанія пользовались довольно обширнымъ примѣненіемъ въ первыхъ русскихъ медицинскихъ школахъ. Лучшіе преподаватели ихъ (Шрейберъ въ Петербургѣ, потомъ Щепинъ въ Москвѣ) протестовали противъ такихъ способовъ исправленія будущихъ врачей, но вначалѣ безъ особеннаго успѣха. Тѣлесныя наказанія отмѣнены въ медицинскихъ школахъ лишь въ 1795 году". Какъ отдѣльная исторія Петербургской школы при сухопутномъ госпиталѣ, такъ равно и во многомъ сходная съ нею исторія школы при адмиралтейскомъ госпиталѣ, заканчиваются перечисленіемъ преподавательскаго персонала при названныхъ госпиталяхъ, съ краткими свѣдѣніями о службѣ и учебной дѣятельности его, съ основанія школъ и до конца XVIII столѣтія.

Что касается школы Кронштадскаго адмиралтейскаго госпиталя, то здѣсь дѣло преподаванія было поставлено еще хуже, чѣмъ въ обѣихъ петербургскихъ школахъ, и преподавателей въ ней было всегда недостаточное количество, и учащіеся отличались крайнимъ

Библиотека "Руниверс"

неприлежаніемъ. Сообщенія о ея служебномъ персоналѣ въ книгѣ г. Чистовича простираются до времени ея упраздненія въ 1799 г.

Начиная съ X-й главы разсматриваемаго сочиненія излагается уже общая исторія всѣхъ четырехъ медицинскихъ школъ со времени подчиненія ихъ медицинской канцеляріи, когда въ нихъ и получаетъ болѣе широкую организацію учебное дѣло, по одному общему для нихъ плану, что произошло въ началѣ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, благодаря стараніямъ доктора Кондоиди бывшаго сначала помощникомъ архіятра или начальника медицинскаго управленія въ Россіи, а потомъ занявшаго и самую эту должность.

Дѣятельность доктора Кондоиди занимаетъ важное мѣсто въ ходѣ развитія медицинскаго образованія въ Россіи, которое много выиграло благодаря его заботамъ по введенію печатныхъ руководствъ вмѣсто прежнихъ лекціонныхъ тетрадей, по устройству медицинскихъ библіотекъ не только при госпитальныхъ школахъ, но и публичныхъ, по усиленію пользованія трупами и самими госпиталями въ интересѣ состоявшихъ при нихъ школъ. Вмѣстѣ съ этимъ Кондоиди заботился какъ объ усовершенствованіи самого учебнаго курса въ школахъ, для котораго былъ выработанъ при немъ довольно обширный для того времени планъ, такъ и о пріобрѣтеніи хорошо подготовленныхъ учителей изъ русскихъ, съ каковою цѣлью стали отправлять русскихъ врачей за границу для пополненія ихъ спеціальнаго образованія: первая такая командировка состоялась въ 1761 г. Плодотворная дѣятельность доктора Кондоиди описана въ XI-й главѣ книги г. Чистовича, а слѣдующая за нею глава содержитъ въ себѣ обзоръ состоянія госпитальныхъ школъ въ первые годы по смерти Кондоиди, подъ высшимъ вѣдѣніемъ медицинской коллегіи, до преобразованія ихъ въ медико-хирургическія училища, то-есть, за періодъ времени съ 1760 до 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ общемъ, можно замѣтить, что дѣла здѣсь шли по пути, установленному докторомъ Кондоиди.

Указъ императрицы Екатерины II, 1780 г., которымъ предписывалось замѣщеніе весьма значительнаго числа вновь учрежденныхъ въ намѣстничествахъ врачебныхъ должностей, также является замѣтнымъ факторомъ въ развитіи медицинскаго дѣла въ имперіи, такъ какъ, за невозможностью немедленно уже удовлетворить требованіямъ указа, было приступлено къ принятію мѣръ для усиленія штатовъ существовавшихъ тогда медицинскихъ школъ,—мѣръ, приведшихъ въ концѣ концовъ къ учрежденію, въ 1786 году, медико-

Библиотека "Руниверс"

хирургическихъ училищъ, которыя теперь были отдѣлены отъ госпиталей и получили самостоятельное существованіе. Между упомянутыми мѣрами, сверхъ открытія, не имѣвшихъ, впрочемъ, особаго значенія, Калинкинскаго медико-хирургическаго института въ Петербургѣ и госпитальной школы въ Елисаветградѣ, выдѣляется командировка двухъ докторовъ, Тереховскаго и Шумлянскаго, за границу для ознакомленія въ высшими медицинскими училищами въ Европѣ, на основаніи отчета которыхъ и былъ составленъ, въ 1785 г., медицинскою коллегіей докладъ о необходимыхъ преобразованіяхъ въ дѣлѣ обученія медицинскимъ наукамъ въ Россіи.

Важнымъ и, такъ-сказать, заключительнымъ шагомъ въ прогрессивномъ движеніи сказаннаго дѣла у насъ въ прошломъ столѣтіи былъ, подробно изложенный въ XV-й главѣ сочиненія г. Чистовича, проектъ улучшенія медицинскихъ училищъ, 1795 года, или такъ-называемое „Предварительное постановленіе о должностяхъ учащихъ и учащихся". Выработанъ былъ онъ медицинскою коллегіей, по порученію ея директора барона Васильева, много и съ успѣхомъ потрудившагося на пользу врачебнаго образованія въ нашемъ отечествѣ. Названное выше постановленіе, было приведено въ дѣйствіе уже при императорѣ Павлѣ I, въ первую четверть 1798 г. Окончательнымъ же результатомъ преобразованій, введенныхъ предварительнымъ постановленіемъ, явилось преобразованіе Петербургскаго и Московскаго училищъ въ медико-хирургическія академіи. Такъ какъ, по видимому, не было особаго указа объ ихъ учрежденіи, то, по мнѣнію автора, закономъ, которымъ названныя училища преобразованы въ медико-хирургическія академіи, долженъ считаться штатъ ихъ, высочайше утвержденный Павломъ I 12-го февраля 1799 г. Значеніе приведенной реформы профессоръ Чистовичъ опредѣляетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Учрежденіе медико-хирургическихъ академій составило новую эру въ русскомъ медицинскомъ образованіи, эру тѣмъ болѣе важную, что съ преобразованіемъ училищъ понемногу изчезла необходимость въ вызовѣ къ намъ иностранныхъ врачей не только для общей медицинской, но и для учебной службы въ особенности. Россія обязана этимъ барону (впослѣдствіи графу) А. Н. Васильеву, его свѣтлому уму и административному генію, выразившемуся въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій какъ по учебно-медицинской, такъ и по медико-административной частямъ" (стр. 398—399).

Въ XVI-й главѣ авторъ сообщаетъ свѣдѣнія объ учебномъ персоналѣ обѣихъ академій и останавливается на первомъ выпускѣ

Библиотека "Руниверс"

окончившихъ курсъ врачей изъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи въ 1800 году.

Слѣдующія затѣмъ двѣ главы посвящены исторіи стоявшихъ особнякомъ въ продолженіе своего кратковременнаго существованія Императорскаго Калинкинскаго медико-хирургическаго института и Елисаветградской хирургической школы. Первое изъ этихъ заведеній, открытое въ 1783 г. при основанной годомъ раньше Калинкинской больницѣ для призрѣнія страдающихъ заразительными секретными болѣзнями, предназначалось для доставленія медицинскаго образованія молодымъ людямъ изъ Остзейскихъ губерній, не знавшимъ русскаго языка, на которомъ уже читались тогда лекціи въ прочихъ медицинскихъ школахъ. Институтъ при Калинкинской больницѣ не былъ подчиненъ медицинской коллегіи и содержался на средства кабинета Ея Императорскаго Величества. Тѣмъ не менѣе разчеты не оправдались, и уже въ 1802 г. Калинкинскій институтъ былъ упраздненъ, а больница передана въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія. Что же касается до Елисаветградской хирургической школы, то это было собственно частное учрежденіе Потемкина, положившаго ему основаніе на собственныя средства, въ 1788 г., когда имъ было устроено на югѣ Россіи нѣсколько большихъ военныхъ госпиталей во время приготовленія къ турецкой войнѣ. Но такъ какъ школа не имѣла опредѣленнаго штата, то и все дѣло шло въ ней чрезвычайно плохо, такъ что въ 1797 г. предписано было ее совсѣмъ упразднить.

Послѣднія двѣ главы, XIX-я и XX-я, посвящены общему обзору медицинскихъ учрежденій и врачебнаго быта въ Россіи XVIII вѣка, съ тѣмъ, чтобы, какъ выражается авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ, „очеркомъ среды, въ которой развивались школы, разъяснялись и положеніе школъ, и постепенный ростъ ихъ“. Не смотря на то, что этотъ отдѣлъ составляетъ какъ бы только дополненіе къ предыдущему и изложенъ соотвѣтственно этому болѣе кратко, онъ тѣмъ не менѣе даетъ весьма цѣльную картину состоянія медицины у насъ въ прошломъ вѣкѣ и содержитъ въ себѣ, кромѣ фактовъ извѣстныхъ изъ другихъ историческихъ сочиненій (и между прочимъ „Очерковъ“ самаго автора [1]), много любопытныхъ данныхъ, заимствованныхъ изъ нигдѣ не напечатанныхъ документальныхъ источниковъ“.

---

[1]) Очерки изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учрежденій XVIII столѣтія. С-Пб. 1870.

Библиотека "Руниверс"

Глава XIX-я содержитъ историческій очеркъ медицинскаго управленія въ Россіи въ XVIII столѣтіи. Послѣ краткаго обзора состоянія медицины у насъ за время предшествующее, очеркъ этотъ начинается съ учрежденія аптекарскаго приказа, которое авторъ относитъ ко времени около 1600 года. Постепенно центральное медицинское управленіе мѣняетъ свой характеръ придворнаго учрежденія, каковымъ еще былъ просуществовавшій болѣе ста лѣтъ аптекарскій приказъ, на значеніе учрежденія общегосударственнаго. При Петрѣ I, въ 1716 г., учреждается должность архіятра или главнаго начальника всей медицинской части въ Россіи; затѣмъ, послѣ разныхъ перемѣнъ въ организаціи высшаго медицинскаго управленія, въ царствованіе Екатерины II состоялось учрежденіе медицинской коллегіи, по указу, данному Сенату 12-го ноября 1763 г. Рядомъ съ центральнымъ управленіемъ возникали и второстепенныя медицинско-административныя учрежденія: физикаты въ Москвѣ и Петербургѣ, врачебныя управы въ губернскихъ городахъ. Авторъ говоритъ и о дѣятеляхъ во всѣхъ этого рода учрежденіяхъ, особенно же подробно объ архіятрѣ Фишерѣ, о докторѣ Кондоиди и о баронахъ Черкасовѣ и Васильевѣ, изъ которыхъ первый былъ президентомъ медицинской коллегіи, а второй ея главнымъ директоромъ. Въ этой главѣ также приводится много документальныхъ источниковъ въ подлинникѣ.

Въ довольно обширной XX-й главѣ, состоящей изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ очерковъ, содержится обзоръ различныхъ медицинскихъ учрежденій и изображеніе медицинскаго быта въ прошломъ столѣтіи: тутъ говорится и о разнаго рода госпиталяхъ, и о городскихъ больницахъ и спеціальныхъ лѣчебныхъ заведеніяхъ, и о минеральныхъ водахъ; сообщаются свѣдѣнія о городовыхъ и иныхъ врачахъ, и о ихъ служебныхъ званіяхъ и служебномъ положеніи, также какъ и о ихъ положеніи общественномъ, которое далеко не представляется завиднымъ.

Третью часть книги г. Чистовича составляютъ приложенія, имѣющія (за исключеніемъ VIII-го) болѣе или менѣе близкое отношеніе къ содержанію предыдущихъ отдѣловъ и занимающія болѣе 350 страницъ. Эти приложенія трояkаго рода: вопервыхъ, различные документы и законодательные акты, изъ которыхъ иные были уже опубликованы въ другихъ сочиненіяхъ, другіе же появляются впервые въ печати; вовторыхъ, историческіе очерки, какъ напримѣръ, приложеніе 3-е—о цифирныхъ школахъ и первыхъ духовныхъ семинаріяхъ, въ Россіи, которыя служили для врачебныхъ школъ источникомъ,

Библиотека "Руниверс"

откуда онѣ получали первоначально своихъ учениковъ, или приложеніе VIII-е: „Душевная болѣзнь царя Ивана Васильевича IV", приложеніе не имѣющее прямой связи съ содержаніемъ книги, но интересное по взгляду автора на значеніе и происхожденіе тѣхъ особенностей личнаго характера Іоанна IV, которыя подали поводъ къ прозванію его Грознымъ. Наконецъ, третьяго рода приложеніе составляетъ алфавитный списокъ докторовъ медицины, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII столѣтіи (прилож. X-е). Это довольно обширное (въ 300 стр.) дополненіе къ книгѣ заключаетъ въ себѣ болѣе 500 именъ докторовъ съ біографическими замѣтками о нихъ. Замѣтки эти по большей части краткія, но встрѣчается между ними не мало и болѣе подробныхъ, содержащихъ свѣдѣнія о служебной, научной и практической дѣятельности докторовъ, эпизодическіе разказы о нихъ, служащіе интересными дополнительными иллюстраціями къ характеристикѣ состоянія медицины и врачебнаго быта въ Россіи XVIII вѣка.

Заканчивая общій обзоръ содержанія почтеннаго труда профессора Я. А. Чистовича, ученый рецензентъ, высказываетъ слѣдующія заключенія о достоинствахъ этого труда, дающихъ ему полное право на почетное мѣсто въ отечественной литературѣ: „1) Сочиненіе это, потребовавшее громадной затраты труда и времени, составлено на основаніи подлинныхъ документовъ и дѣлъ, большею частью нигдѣ не обнародованныхъ и неизвѣстныхъ. 2) Заключая въ себѣ послѣдовательное изложеніе всѣхъ главнѣйшихъ правительственныхъ распоряженій (большая часть которыхъ приводится въ подлинникѣ) по медицинской части за цѣлое столѣтіе, оно даетъ полный обзоръ законодательныхъ мѣръ не только по отношенію къ медицинскимъ школамъ, но и вообще къ организаціи врачебнаго дѣла, какъ государственнаго учрежденія въ Россіи въ XVIII в. 3) Замѣчательное по обилію фактическаго матеріала, оно содержитъ въ себѣ въ то же время цѣлый рядъ блестящихъ характеристикъ дѣятелей прошлаго вѣка, такъ или иначе вліявшихъ на развитіе медицины въ Россіи, и ихъ отношеній какъ между собою, такъ и къ другимъ классамъ общества и учрежденіямъ; вслѣдствіе чего оно является немаловажнымъ дополненіемъ къ общей характеристикѣ государственной и общественной жизни прошлаго столѣтія. Наконецъ 4) сочиненіе профессора Чистовича представляетъ собою первый серьезный и обширный трудъ по избранному авторомъ предмету, пополняющій немаловажный пробѣлъ въ русской исторической литературѣ".

Библиотека "Руниверс"

Коммиссія, вполнѣ раздѣляя взглядъ ученаго рецензента на характеръ и значеніе замѣчательнаго сочиненія профессора Чистовича, признала его заслуживающимъ награды.

II.

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Сочиненіе *С. Голубева*. Т. I. Кіевъ. 1883.

Извѣстный историкъ русской церкви, многоуважаемый членъ-корреспондентъ академіи Е. Е. Голубинскій, слѣдуя приглашенію Московской духовной Академіи, подвергъ своей ученой критикѣ это сочиненіе, какъ относящееся по своему предмету къ церковной исторіи, и въ своемъ отчетѣ о немъ говоритъ: „Обстоятельной монографіи о Петрѣ Могилѣ, столь замѣчательномъ церковно-историческомъ дѣятелѣ, мы еще до сихъ поръ не имѣемъ. Слѣдовательно, авторъ предпринялъ одну изъ такихъ ученыхъ работъ въ области русской церковной исторіи, которой именно намъ не доставало. Настоящій первый томъ монографіи обнимаетъ собою жизнь и дѣятельность Петра Могилы до занятія имъ каѳедры митрополичьей. Здѣсь рѣчь идетъ о происхожденіи, воспитаніи и мірской жизни Могилы; о занятіи имъ мѣста архимандрита Печерскаго монастыря одновременно съ постриженіемъ въ монашество; объ его дѣятельности въ санѣ архимандрита монастыря обще-церковной и частно-монастырской, при чемъ дѣятельность обозрѣвается такъ, чтобы была достигнута предположенная авторомъ задача—разсмотрѣть ее „въ связи съ общимъ ходомъ событій того времени и въ связи съ однородною дѣятельностію современныхъ ему (Могилѣ) ратоборцевъ“, и наконецъ, объ его (Могилы) вступленіи на митрополичью каѳедру“.

„Изданную доселѣ часть монографіи“, продолжаетъ достоуважаемый рецензентъ,—„мы не можемъ признать совершенно удовлетворяющею всѣмъ требованіямъ и безупречною во всѣхъ отношеніяхъ, но въ тоже время мы должны признать ее за трудъ настолько доброкачественный и цѣнный, что не можемъ не отозваться о ней съ рѣшительной похвалой“.

Затѣмъ, прежде чѣмъ перейдти къ болѣе подробному разсмотрѣнію содержанія семи главъ, составляющихъ изслѣдованіе г. Голубева, рецензентъ сначала останавливается на указаніи важнѣйшихъ, замѣченныхъ имъ недостатковъ разбираемой имъ книги. Прежде всего онъ указываетъ на отсутствіе въ ней ясной характеристики Петра Мо-

Библиотека "Руниверс"

гилы, какъ „живаго нравственнаго лица", характеристики, составляющей непремѣнную и существенную обязанность исторіи въ отношеніи къ подобнымъ Петру Могилѣ выдающимся дѣятелямъ, въ особенности, когда, какъ въ данномъ случаѣ, окончательный взглядъ на нихъ еще не установился. Далѣе, когда автору приходится имѣть дѣло съ свидѣтельствами, касающимися болѣе или менѣе темныхъ сторонъ въ характерѣ и дѣятельности Петра Могилы, то, по мнѣнію рецензента, онъ „относится къ этимъ свидѣтельствамъ не совсѣмъ такъ, какъ бы желалось и требовалось: въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не отстраняетъ ихъ, онъ ограничивается нѣсколькими неопредѣленными двусмысленными словами, кончаемыми многоточіемъ. „Мы полагаемъ", продолжаетъ профессоръ Голубинскій,—„что этого вовсе не должно быть, и что вовсе не историческая игра въ гулючки и въ нашей церковной исторіи должна быть также кончена, какъ она окончена во всякой другой исторіи. Если существовали независящія обстоятельства поступать такъ, какъ поступаетъ авторъ, то конечно, нельзя винить его; если же таковыхъ обстоятельствъ не существовало, и онъ самъ по себѣ хочетъ заминать вопросы о нравственныхъ недостаткахъ Петра Могилы, то онъ рѣшительнымъ образомъ измѣняетъ обязанностямъ настоящаго историка, ибо не хотѣть того, чтобы изображать историческія лица со всею правдивою откровенностью, значитъ не хотѣть писать исторіи".

Опуская дальнѣйшія замѣчанія почтеннаго рецензента о нѣкоторыхъ менѣе существенныхъ недостаткахъ разсматриваемаго изслѣдованія, какъ напримѣръ, о томъ, что авторъ работалъ не всегда по первымъ источникамъ, или о томъ, что иногда онъ вовсе не указываетъ, откуда почерпнулъ сообщаемыя имъ данныя, между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ онъ позволяетъ себѣ утверждать несравненно болѣе, чѣмъ то можетъ быть допущено на основаніи имѣющихся историческихъ свидѣтельствъ,—оставляя въ сторонѣ эти и иные подобные имъ недостатки книги г. Голубева, мы приведемъ въ подлинныхъ выраженіяхъ рецензента, его сужденіе о ней по отношенію къ отличающимъ ее достоинствамъ.

„Не свободная отъ недостатковъ, изданная часть монографіи г. Голубева, представляетъ собою трудъ на столько доброкачественный и цѣнный, что въ общемъ должно отозваться о ней съ рѣшительною похвалой. Поставивъ своею задачей изслѣдовать предметъ возможно широко, авторъ одинаково поставилъ своею задачею и то, чтобъ изслѣдовать его по возможности тщательно. Послѣднюю задачу

Библиотека "Руниверс"

онъ предположилъ себѣ осуществить такимъ образомъ, чтобы, не довольствуясь однимъ матеріаломъ печатнымъ, предпринять розысканія по архивамъ и библіотекамъ матеріала еще не напечатаннаго, который могъ оставаться до сихъ поръ неизвѣстнымъ, и хотя мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы сказать положительнымъ образомъ въ какой степени эти розысканія были усиленны и старательны (такъ какъ авторъ не дѣлаетъ отчета о нихъ), но съ увѣренностью предполагаемъ, что онѣ были усиленны и старательны до предѣла возможности. Розысканія автора не дали ему слишкомъ много новаго, но все-таки они не остались и совершенно безплодными, и не очень многое новое отчасти очень важно. Одновременно съ розысканіями новаго матеріала авторъ подвергъ своему новому внимательному изученію и матеріалъ уже прежде извѣстный, готовый, что также дало свои результаты въ смыслѣ дальнѣйшей разработки предмета. Такимъ образомъ, нашъ томъ монографіи автора представляетъ собою широкое изслѣдованіе взятаго предмета (въ предѣлахъ, обнимаемыхъ томомъ), представляющее не только сводъ и воспроизведеніе его научной разработки, до которой доведена послѣдняя прежде автора, но и двигающее разработку впередъ".

На слѣдующихъ страницахъ своей рецензіи почтенный профессоръ Московской духовной академіи дѣлаетъ послѣдовательный обзоръ содержанія каждой изъ семи главъ сочиненія г. Голубева, въ продолженіе котораго онъ успѣваетъ въ еще болѣе полномъ свѣтѣ выставить научное значеніе оцѣниваемой имъ книги, всякій разъ указывая на встрѣчающіеся въ ней новыя данныя или самостоятельные выводы, при чемъ рецензентъ находитъ случаи и съ своей стороны дѣлать весьма полезныя дополненія и поправки какъ къ разнымъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ авторомъ, такъ и къ высказываемымъ имъ положеніямъ.

Разсмотрѣвъ предоставленное на его судъ ученое изслѣдованіе профессоръ Голубинскій въ заключеніе заявляетъ, что „I-й томъ монографіи г. Голубева, не представляя собою ученаго труда, который бы могъ быть признанъ совершеннымъ въ своемъ родѣ, въ тоже время безспорно представляетъ собой важный и очень полезный вкладъ въ науку, и поэтому полагаетъ, что половинная премія должна быть присуждена автору со всею справедливостію". Коммиссія, вполнѣ присоединяясь къ этому мнѣнію, присудила г. Голубеву премію имени графа Уварова въ 500 р. с.

Библиотека "Руниверс"

III.

С. А. Бершадскій. Литовскіе Евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уніи 1388—1569 г. С.-Петербургъ. 1883. Съ двумя томами приложеній, заключающихъ въ себѣ документы и регесты съ 1388—1569 г.

Критическимъ разборомъ сочиненія г. Бершадскаго занялся членъ коммиссіи академикъ Н. В. Калачовъ, котораго внимательное изученіе обширнаго труда г. Бершадскаго привело къ весьма выгоднымъ для него заключеніямъ.

Это сочиненіе, посвященное исторіи юридическаго и общественнаго положенія Литовскихъ Евреевъ отъ Витовта до Люблинской уніи, или отъ 1388 по 1569 г., хотя и составляетъ лишь первый періодъ трудной и значительной работы, которую предпринялъ авторъ съ цѣлью собрать и пояснить матеріалы, относящіеся до Евреевъ въ Литвѣ съ конца XIV столѣтія по конецъ XVIII; но тѣмъ не менѣе, по тѣмъ даннымъ, какія здѣсь собраны и предлагаются какъ непосредственныя основы ихъ исторіи и быта въ нашемъ Западномъ краѣ, можетъ, независимо отъ двухъ долженствующихъ за нимъ слѣдовать періодовъ, быть названо сочиненіемъ самостоятельнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ свое изслѣдованіе, такъ и заключающійся въ двухъ томахъ сборникъ положенныхъ въ его основаніе документовъ и извлеченій изъ относящихся до Евреевъ источниковъ, авторъ начинаетъ съ перваго появленія ихъ въ Литвѣ и доводитъ до размноженія и консолидаціи или укрѣпленія въ нихъ единства до такой степени, что въ теченіе цѣлыхъ четырехъ слѣдующихъ за Люблинскою уніей столѣтій размноженіе еврейской народности и ихъ консолидація, не смотря на представлявшіяся имъ препятствія, остались не утратившими своей силы и значенія. Этимъ самымъ и объясняются существенныя свойства западныхъ Евреевъ: ихъ подавляющее мѣстныя населенія иныхъ расъ размноженіе, ихъ преобладаніе въ экономическомъ отношеніи, солидарность и рѣзко выдающаяся особность во всей ихъ обстановкѣ, жизни и дѣятельности до настоящаго времени. Признавая эти свойства столь присущими западнымъ Евреямъ, что они могутъ измѣниться лишь съ ослабленіемъ или утратой ихъ исключительной консолидаціи единства, авторъ какъ бы невольно высказываетъ намъ тѣ выводы, къ которымъ могутъ привести практическіе пріемы, направленные къ этой цѣли. Не касаясь однако этого предмета, представляющаго величайшую важность съ государственной

Библиотека "Руниверс"

точки зрѣнія, мы остановимся здѣсь на разработкѣ авторомъ заданной имъ себѣ цѣли—познакомить насъ съ первыми зачатками и развитіемъ еврейской консолидаціи и уяснить причины, вліявшія на ея укрѣпленіе и на достигнутыя ею силу и значеніе.

Исторія юридическаго и общественнаго положенія Евреевъ въ Литвѣ начинается, по словамъ автора, съ XIV вѣка, и именно съ привилегіи, данной имъ великимъ княземъ Витовтомъ; но разсмотрѣніе какъ этой привилегіи, такъ и ея отношенія къ привилегіямъ, полученнымъ Евреями въ Польшѣ и въ разныхъ западныхъ государствахъ, составляетъ уже III-ю главу настоящаго сочиненія, равно какъ и изъ слѣдующихъ затѣмъ главъ IV-я обнимаетъ XV вѣкъ или первый въ Литвѣ еврейскій погромъ и утвержденіе Магдебургскаго права, а главы V-я и VI-я посвящены: первая исключительно обзору въ XVI вѣкѣ государственной власти и литовскаго общества, а вторая юридическому и общественному положенію Евреевъ въ Литвѣ отъ Сигизмунда I до Люблинской уніи. Главы же I-я и II-я составляютъ (хотя и не называются такъ) введеніе какъ къ настоящей книгѣ, такъ и къ имѣющимъ выйдти вслѣдъ за ней, почему и предлагаютъ: глава I-я обозрѣніе положенія Евреевъ въ Литвѣ съ конца XVII столѣтія по 1835 г. подъ названіемъ: еврейская солидарность и русскіе законы, а II-я—критическій очеркъ сочиненій по исторіи Евреевъ въ Литвѣ и Польшѣ. Кажется однако, что напрасно авторъ далъ первой изъ этихъ главъ означенное содержаніе: какъ ни старался онъ въ ней о тщательной разработкѣ матеріаловъ трехъ столѣтій, слѣдующихъ за Люблинскою уніей, положивъ на нее, безъ сомнѣнія, много труда и представивъ многіе цѣнные данныя и выводы, но все-таки они не замѣняютъ для читателя тѣ изслѣдованія, какихъ мы въ правѣ отъ него ожидать для исторіи Литовскихъ Евреевъ въ концѣ XVI и въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, судя по сдѣланной имъ разработкѣ матеріаловъ XIV, XV и XVI вѣковъ до 1569 г. въ главахъ III-й, IV-й и V-й. Можно думать впрочемъ, что такъ поступилъ онъ потому, что не надѣялся достаточно убѣдительно изложить свои соображенія и выводы, представляя публикѣ лишь первый періодъ своего труда, и нельзя дѣйствительно не согласиться, что за неимѣніемъ въ рукахъ изслѣдованія періодовъ втораго и третьяго, читателю пришлось бы безъ такого очерка, какой предложенъ авторомъ въ I-й главѣ, ожидать, для надлежащихъ выводовъ, этого дальнѣйшаго изслѣдованія, которое и замѣнено внимательно собранными и рѣзко подчеркнутыми въ настоящей главѣ данными. Что же касается до критическаго обозрѣнія

Библиотека "Руниверс"

сочиненій, то хотя оно и отличается несомнѣнными достоинствами, но какъ-то неумѣстно разрываетъ связь между введеніемъ и тѣми главами, въ коихъ излагается существенный предметъ книги.

Въ заключеніе своихъ замѣчаній о книгѣ г. Бершадскаго, рецензентъ находитъ, что самостоятельная и трудная работа, исполненная авторомъ съ глубокимъ знаніемъ и разборомъ источниковъ, хотя еще и не оконченная, заслуживаетъ несомнѣнно преміи.

IV.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754 — 1796). Историческое изслѣдованіе *Дмитрія Кобеко*. С.-Пб. 1882.

Профессоръ Кіевскаго университета В. С. Иконниковъ, разбиравшій эту книгу по приглашенію Академіи, въ своемъ отчетѣ о сочиненіи г. Кобеко говоритъ, что оно относится къ одному изъ важнѣйшихъ періодовъ русской исторіи—царствованію императрицы Екатерины II, и посвящено одному изъ самыхъ крупныхъ вопросовъ ея жизни, въ связи съ которымъ находится множество другихъ важнѣйшихъ событій ея внутренней и внѣшней политики. Самъ же авторъ обозначилъ рамки своей монографіи, заявивъ, что онъ старался собрать и привести въ порядокъ явившіяся уже въ печати, но разсѣянныя въ разныхъ изданіяхъ, извѣстія о жизни и дѣятельности цесаревича и великаго князя Павла Петровича до вступленія его на престолъ.

Изъ критическихъ замѣчаній г. рецензента существеннѣйшее относится къ способу автора пользоваться его источниками; такъ между прочимъ указывается на то, что авторъ, самъ признавая за дневникомъ воспитателя великаго князя, С. А. Порошина, значеніе драгоцѣннаго и притомъ единственнаго матеріала для ознакомленія съ отроческими годами Павла Петровича, отводитъ названному источнику въ своемъ изложеніи не болѣе мѣста, чѣмъ всѣмъ другимъ; притомъ авторъ не счелъ нужнымъ коснуться литературы своего вопроса, ограничившись перечнемъ относящихся къ нему сочиненій. Въ заключительномъ своемъ сужденіи о книгѣ г. Кобеко, профессоръ Иконниковъ, указавъ на то, что „недостатокъ данныхъ могъ бы иногда предостеречь автора отъ слишкомъ поспѣшныхъ заключеній“, замѣчаетъ, что „напротивъ, въ другихъ случаяхъ, не смотря на обиліе матеріаловъ, онъ не всегда пользуется ими для надлежащаго освѣщенія фактовъ и выводовъ. Вообще, авторъ настой-

Библиотека "Руниверс"

чиво проводитъ въ своемъ трудѣ одну общую причину разсматриваемыхъ явленій—семейныя отношенія Екатерины II и Павла Петровича, обращая гораздо менѣе вниманія на болѣе глубокіе политическіе мотивы. Такимъ образомъ психологическая сторона вопроса остается иногда недостаточно выясненною, историческая—не всегда вѣрною. Не менѣе вредятъ послѣдней значительныя отступленія, вносимыя авторомъ въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, которые не имѣютъ такого близкаго отношенія къ предмету, какъ онъ полагаетъ (таковы нѣкоторые разказы въ главахъ XII-й, XIII-й, XVIII-й, XXII-й, XXVIII-й, XXX-й), вслѣдствіе чего разказъ о жизни Павла Петровича въ послѣдній періодъ представляется въ болѣе отрывочномъ видѣ. Нельзя не замѣтить также, что авторъ не счелъ нужнымъ войдти въ оцѣнку своихъ источниковъ".

При всемъ томъ, по сознанію рецензента, авторъ въ значительной степени выполнилъ свою задачу. Онъ воспользовался обширнымъ запасомъ свѣдѣній и матеріаловъ, извѣстныхъ въ русской и иностранной литературѣ, а также отчасти не изданныхъ; онъ представилъ обстоятельный сводъ почти еще не обработанныхъ данныхъ большею частью въ законченныхъ очеркахъ и художественномъ изложеніи. Самое появленіе втораго изданія въ столь непродолжительное время свидѣтельствуетъ о томъ живомъ интересѣ, какой вызвало его изслѣдованіе. Можно было бы пожелать конечно, чтобы въ дальнѣйшемъ своемъ трудѣ авторъ воспользовался гораздо шире архивными матеріалами, безъ которыхъ не мыслима обстоятельная разработка столь близкаго къ намъ времени.

Представивъ, съ своей стороны, необходимыя замѣчанія, вызванныя какъ обиліемъ матеріаловъ, относящихся къ предмету разсматриваемаго изслѣдованія, такъ и новостью самаго вопроса въ нашей литературѣ, профессоръ Иконниковъ заключаетъ, что было бы вполнѣ справедливо назначить автору меньшую Уваровскую премію.

V.

Иннокентій, митрополитъ Московскій и Коломенскій, по сочиненіямъ, письмамъ и разказамъ современниковъ. *И. Барсукова.* Москва. 1883.

Сочиненіе г. Барсукова заключаетъ въ себѣ, вопервыхъ, разказъ о миссіонерскомъ служеніи и управленіи покойнаго высокопреосвященнаго Иннокентія въ бывшихъ русскихъ владѣніяхъ въ Сѣверной Америкѣ и на полуостровѣ Камчаткѣ, и вовторыхъ, изображеніе

Библиотека "Руниверс"

дѣятельности его въ санѣ митрополита Московскаго. Напомнимъ, что въ свое время Академія Наукъ имѣла случай засвидѣтельствовать свое уваженіе къ личности неутомимаго просвѣтителя дальныхъ восточныхъ окраинъ Россіи, присудивъ Демидовскую премію за его, изданное въ 1840—1841 г., сочиненіе, въ трехъ частяхъ, подъ заглавіемъ „Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла“,—сочиненіе, нашедшее себѣ полное признаніе и со стороны западныхъ ученыхъ.

Трудъ по разсмотрѣнію книги г. Барсукова принялъ на себя достоуважаемый ректоръ Московской духовной академіи протоіерей Смирновъ. Въ представленномъ имъ Академіи наукъ отзывѣ, перечисливъ разнообразные источники, которыми пользовался авторъ при составленіи своего сочиненія,—важнѣйшимъ между ними является обширная переписка Иннокентія съ нѣкоторыми выдающимися современными ему дѣятелями, а также и съ его собственными родственниками,—г. рецензентъ замѣчаетъ, что „многихъ трудовъ стоило г. Барсукову собрать всѣ эти матеріалы, для описанія такой продолжительной и въ высшей степени замѣчательной дѣятельности Иннокентія, особенно когда онъ дѣйствовалъ на отдаленномъ востокѣ. Много труда нужно было, что бы сгруппировать эти разнообразные матеріалы и изложить ихъ содержаніе такъ, чтобы изъ нихъ составилось стройное цѣлое и чтобы личность Иннокентія рѣзко выдѣлилась изъ среды другихъ лицъ. Авторъ удачно побѣдилъ всѣ трудности, которыя по мѣстамъ увеличивались отъ недостатка письменныхъ матеріаловъ, и успѣшно выполнилъ свою задачу. Можно съ увѣренностью сказать, что до выхода въ свѣтъ сочиненія г. Барсукова, дѣятельность и характеръ Иннокентія мало извѣстны были въ Россіи: біографъ его выставилъ его въ такомъ свѣтѣ и такъ художественно обрисовалъ его апостольское служеніе, что въ читателѣ съ первыхъ же страницъ книги возбуждается и потомъ постепенно усиливается живое сочувствіе подвигамъ Иннокентія, ознаменованнымъ пламенною ревностью къ просвѣщенію свѣтомъ христіанства язычниковъ и необычайнымъ самоотверженіемъ при совершеніи этого великаго служенія церкви, достойнымъ первыхъ вѣковъ христіанства. Менѣе интереса представляетъ второй отдѣлъ книги г. Барсукова, гдѣ онъ изображаетъ дѣятельность Иннокентія въ санѣ митрополита Московскаго; но это зависѣло не отъ автора. Иннокентій въ это время уже не могъ дѣйствовать такъ энергически, какъ дѣйствовалъ на отдаленномъ востокѣ. Когда онъ прибылъ въ Москву, ему

Библиотека "Руниверс"

было уже болѣе 70 лѣтъ, и притомъ зрѣніе его было крайне слабо и вскорѣ потомъ почти совсѣмъ было потеряно. Но и при этомъ авторѣ удалось изобразить его московскую дѣятельность также рельефно, какъ и предыдущую его жизнь, такъ что сочувствіе къ личности Иннокентія не ослабѣваетъ въ читателѣ до конца книги".

VI.

Опытъ исторіи музыки въ Россіи. *З. Дурова.* 1883. (Рукопись).

Названное сочиненіе г. Дурова есть не болѣе какъ пространная обработка статей о русской музыкѣ того же автора, помѣщенныхъ въ недавно изданномъ, подъ его же редакціей, переводѣ книги: „Руководство къ изученію исторіи музыки, Арр. фонъ-Доммера", гдѣ статьи эти составляютъ приложеніе къ тексту Доммера и носятъ общее заглавіе: „Очеркъ исторіи музыки въ Россіи". „Не смотря на близкое сходство двухъ литературныхъ произведеній, печатныхъ „Очерковъ" и рукописнаго „Опыта", говоритъ рецензентъ этого послѣдняго, протоіерей Разумовскій, представившій коммиссіи, по ея просьбѣ, критическій разборъ рукописи г. Дурова,—„оба произведенія разсуждающія, объ одномъ и томъ же предметѣ, рѣзко различаются своими достоинствами. „Опытъ" неоспоримо преимуществуетъ предъ „Очерками". Онъ полнѣе „Очерковъ" по своему содержанію и цѣлесообразнѣе по развитію его. Въ „Опытѣ" содержится гораздо болѣе музыкальныхъ свѣдѣній, чѣмъ въ „Очеркахъ". Въ „Опытѣ" находится много нотныхъ образцевъ или примѣровъ, которыхъ совершенно нѣтъ въ „Очеркахъ". Нотные примѣры въ „Опытѣ" взяты частію изъ печатныхъ источниковъ, а большею частію изъ нотныхъ, безлинейныхъ и линейныхъ, рукописей. Эти примѣры весьма наглядно объясняютъ историческія событія и самое изложеніе ихъ. Такимъ образомъ „Опытъ исторіи музыки въ Россіи" является трудомъ совершенно отдѣльнымъ и вполнѣ самостоятельнымъ".

Это сочиненіе состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: въ первой изъ нихъ, болѣе пространной, содержится исторія церковно-русскаго пѣнія, а во второй, болѣе краткой части изложена исторія русской свѣтской или мірской музыки (вокальной и инструментальной). „Первая часть", замѣчаетъ рецензентъ,—„предваряется краткимъ предисловіемъ и довольно пространнымъ изложеніемъ греческой или эллинской музыки, сопровождаемымъ историческимъ развитіемъ пѣнія въ хри-

Библиотека "Руниверс"

стіанской церкви первыхъ восьми вѣковъ. Самая же исторія церковнаго пѣнія въ Россіи изложена авторомъ въ двухъ большихъ періодахъ, обозначенныхъ употребленіемъ стараго, безлинейнаго, и новаго, линейнаго, нотописанія"... Первый періодъ исторіи церковно-русскаго пѣнія подраздѣленъ въ „Опытѣ" на три эпохи: эпоху стараго истиннорѣчія (X—XIV вв.), эпоху раздѣльнорѣчія (XV—XVII в.) и эпоху новаго истиннорѣчія. Всѣ эти эпохи изложены въ одномъ цѣльномъ, послѣдовательномъ и связномъ разказѣ, безъ всякихъ, болѣе частныхъ и характерныхъ подраздѣленій или разграниченій. Второй періодъ исторіи церковно-русскаго пѣнія въ „Опытѣ" также изложенъ въ двухъ эпохахъ, изъ коихъ одна начинается устройствомъ церковныхъ братствъ въ южной Россіи, а другая прибытіемъ капельмейстеровъ иностранцевъ въ новую русскую столицу.

„Такое совершенно естественное дѣленіе исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи", продолжаетъ авторъ отчета,—„основано на источникахъ, на которые авторъ добросовѣстно указалъ въ предисловіи къ своей исторіи музыки (стр. 3—6). Такъ какъ эти источники обширны, полны и довольно уже разработаны, то г. Дуровъ относился къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ и пользовался ими въ своемъ трудѣ почти съ буквальною точностью", и какъ то, такъ и другое, по мнѣнію почтеннаго рецензента, „составляетъ одно изъ важныхъ достоинствъ въ исторіи церковнаго пѣнія, написанной г. Дуровымъ".

Что касается второй части „Опыта" то сравнительно съ первою, она почти вдвое менѣе. Излагаемая въ ней исторія русской свѣтской музыки заключаетъ въ себѣ: 1) предисловіе, гдѣ помѣщены свѣдѣнія о древнихъ пѣвцахъ, гусляхъ и скоморохахъ, а также о нѣкоторыхъ древнихъ музыкальныхъ инструментахъ, о народной пѣснѣ вообще, о родахъ и видахъ ея и о сборникахъ пѣсенъ (стр. 1—52); 2) собственно исторію свѣтской музыки въ Россіи въ двухъ главахъ: въ первой изъ нихъ разказана исторія свѣтской музыки отъ начала христіанства въ Россіи до перемѣны церковнаго счисленія на гражданское, а во второй отъ Петра I до М. И. Глинки.

Переходя къ оцѣнкѣ разсмотрѣннаго имъ ученаго труда, протоіерей Разумовскій говоритъ: „Несомнѣннымъ достоинствомъ „Исторіи музыки въ Россіи" г. Дурова должно признать то, что въ ней событія представляются не простыми разрозненными явленіями, а напротивъ связаны опредѣленнымъ взглядомъ, который проходитъ по всѣмъ частямъ исторіи и сообщаетъ ей нѣкоторую цѣльность и

Библиотека "Руниверс"

единство. Авторъ исторіи музыки замѣтилъ: „Новое что-либо сказать въ исторіи музыки трудно, но я старался собрать возможно болѣе матеріаловъ и освѣтить ихъ надлежащимъ образомъ. Я указалъ на два противоположныя историческія теченія, начавшіяся съ эпохи прекращенія татарскаго ига, а именно съ одной стороны, на усиливающееся западное вліяніе и вліяніе западнаго искусства, а съ другой — на усиливающееся ослабленіе народнаго искусства". Этотъ взглядъ на развитіе музыки въ Россіи, по замѣчанію г. рецензента, исполненъ авторомъ очень удачно и совершенно соотвѣтствуетъ всѣмъ, до насъ дошедшимъ, извѣстіямъ и преданіямъ о русской музыкѣ.

Указавъ далѣе на полное отсутствіе, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ законченной исторіи музыки въ Россіи, рецензентъ прибавляетъ: „Такимъ образомъ составленный г. Дуровымъ „Опытъ исторіи музыки въ Россіи", какъ произведеніе цѣльное и всестороннее, является произведеніемъ новымъ, не имѣющимъ ничего подобнаго не только въ русской, но и въ заграничной музыкальной литературѣ". Въ заключеніе же своего отзыва о названномъ сочиненіи, почтенный профессоръ Московской консерваторіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ дѣлаетъ общую его оцѣнку: „Трудъ г. Дурова есть плодъ многолѣтней его работы по источникамъ, трудъ самостоятельный, не компиляція, сшитая живыми нитками изъ свѣдѣній, нахватанныхъ всюду безъ разбора. Авторъ излагаетъ свою исторію музыки правильнымъ и удобопонятнымъ языкомъ, въ систематическомъ порядкѣ и возможной полнотѣ событій, объединяя событія собственными указаніями на господствовавшее въ Россіи музыкальное направленіе. Онъ ставитъ новые, весьма любопытные и существенно важные вопросы, которые современемъ намѣревается разрѣшить".

Въ виду всего вышеизложеннаго, протоіерей Д. Разумовскій рекомендуетъ коммиссіи оказать поощреніе ея автору г. Дурову; съ своей стороны, коммиссія, воспользовавшись обстоятельною рецензіей г. Разумовскаго, постановила отличить сочиненіе г. Дурова по исторіи музыки въ Россіи почетнымъ отзывомъ съ предоставленіемъ его автору права представить его, въ исправленномъ видѣ, вторично на одинъ изъ двухъ ближайшихъ конкурсовъ на Уваровскія преміи.

Академія поставляетъ себѣ въ пріятную обязанность публично засвидѣтельствовать свою глубокую признательность посторонним

Библиотека "Руниверс"

ученымъ спеціалистамъ, съ полною готовностью оказавшимъ своими критическими отзывами содѣйствіе назначенной Академіею коммиссіи въ оцѣнкѣ состязавшихся на настоящемъ Уваровскомъ конкурсѣ ученыхъ трудовъ; тремъ же изъ этихъ посторонниихъ рецензентовъ, а именно Е. Е. Голубинскому, Н. П. Ивановскому и В. С. Иконникову, назначено по золотой Уваровской медали.

Библиотека "Руниверс"

О ЖЕНСКОМЪ ВРАЧЕБНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ ВЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ ЕВРОПЫ И ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ.

Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ 5-го августа 1882 года, упразднены женскіе врачебные курсы, состоявшіе при С.-Петербургскомъ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ; въ замѣнъ ихъ признано однако же, возможнымъ учредить, преимущественно на частныя средства и пожертвованія, высшій врачебный институтъ для медицинскаго образованія женщинъ, желающихъ посвятить себя акушерской практикѣ, а также изученію и лѣченію женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. Для составленія проекта положенія объ означенномъ институтѣ, учебныхъ для него плановъ и программы преподаванія учрежденъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія особый комитетъ, который, съ цѣлью болѣе успѣшнаго исполненія возложенныхъ на него обязанностей, между прочимъ призналъ необходимымъ имѣть подробныя свѣдѣнія о современномъ состояніи медицинскаго образованія женщинъ въ различныхъ иностранныхъ государствахъ. Вслѣдствіе сего, и по сношеніи съ кѣмъ слѣдуетъ, ему доставлены были оффиціальнымъ путемъ нижеслѣдующія данныя по этому предмету.

1. **Германія.** Въ германскіе университеты женщины къ изученію медицины и фармаціи не допускаются, собственно потому, что эти высшія учебныя заведенія, по духу законодательства и по смыслу статутовъ, предназначены исключительно для мужчинъ; притомъ же, по мнѣнію компетентныхъ мѣстныхъ учрежденій, въ Германской имперіи до настоящаго времени еще ни разу не предъявлялось заслуживающаго вниманія спроса на измѣненіе такого порядка вещей въ пользу женщинъ, и практической въ томъ потребности замѣчаемо не было. Точно также, по дѣйствующимъ законоположеніямъ, не допускаются жен-

Библиотека "Руниверс"

щины и къ испытаніямъ на званія врача или фармацевта; въ дѣйствительности, однако, нѣсколько женщинъ, обучавшихся внѣ предѣловъ государства, частью въ Швейцаріи, и тамъ же удостоенныя степени доктора медицины, занимаются практикою въ Берлинѣ и другихъ мѣстахъ, въ качествѣ зубныхъ врачей и по другимъ отраслямъ медицины, такъ какъ законъ въ Германіи никому не воспрещаетъ врачеванія, но присвоеніе себѣ званія врача дозволяется только лицамъ, признаннымъ правоспособными къ тому правительствомъ. По произведенному дознанію, упомянутыя практикующія женщины не занимаютъ выдающагося положенія, и ихъ появленіе въ сферѣ общественной дѣятельности не имѣетъ особеннаго значенія.

Образованіе повивальныхъ бабокъ производится въ Пруссіи въ провинціальныхъ институтахъ, которые въ то же время составляютъ и родовспомогательныя заведенія для не богатыхъ и не замужнихъ женщинъ и состоятъ подъ управленіемъ и руководствомъ особыхъ директоровъ, ихъ помощниковъ и акушерокъ (Ober-Hebammen). Такіе институты устроены въ Познани, Бреславлѣ, Глогау, Люббенѣ, Виттенбергѣ, Падерборнѣ и Кельнѣ. Только въ Марбургѣ, Кенигсбергѣ, Килѣ и Грейфсвальдѣ, при благотворительныхъ общинахъ (Charités), университетскіе профессоры акушерства состоятъ въ то же время и директорами мѣстныхъ повивальныхъ институтовъ, но преподаваніе и здѣсь ведется отдѣльно отъ клиническаго университетскаго.

Независимо отъ сего, тайный совѣтникъ (Geheimer Medicinal Rath) д-ръ Мартинъ, нынѣ умершій, и его преемникъ, тайный совѣтникъ д-ръ Шредеръ, учредили при университетской клиникѣ приватный курсъ для повивальныхъ бабокъ; ученицы, если желаютъ примѣнить къ практикѣ пріобрѣтенныя знанія, обязаны по окончаніи курса подвергнуться испытанію въ экзаменаціонной коммиссіи, учрежденной при провинціальномъ повивальномъ институтѣ въ Берлинѣ. Желающія поступить на должность окружной повивальной бабки получаютъ образованіе въ упомянутыхъ институтахъ на счетъ провинцій, и снабжаются безплатно инструментами, съ обязательствомъ прослужить не менѣе трехъ лѣтъ. Издержки образованія для своекоштныхъ ученицъ колеблются отъ 150 до 300 марокъ, при установленной для нихъ продолжительности курса отъ четырехъ до пяти мѣсяцевъ. Столь короткій срокъ обученія признанъ въ настоящее время неудовлетворительнымъ, и курсъ уже предположено увеличить до девяти мѣсяцевъ. Для обученія повивальному искусству требуется знаніе читать, писать, достаточно развитая понятливость и возрастъ не свыше трид-

Библиотека "Руниверс"

цати лѣтъ. Исключенія, относительно возраста, допускаются по особо уважительнымъ обстоятельствамъ.

Не рѣдко случалось, что иностранки, именно русскія подданныя, обучались повивальному искусству въ упомянутыхъ выше Charités и затѣмъ, получивъ установленный аттестатъ на званіе бабки, эмигрировали въ Америку.

Въ Баваріи повивальныя школы учреждены въ Мюнхенѣ, Бамбергѣ, Эрлангенѣ и Вюрцбургѣ; учениць въ нихъ бываетъ отъ 185 до 200 ежегодно. Возрастъ, для ихъ пріема опредѣленный, установленъ отъ 20 до 36 лѣтъ. Онѣ обязаны, кромѣ сдачи обычнаго пріемнаго экзамена, представить медицинское свидѣтельство о физической и умственной пригодности къ избираемому ими ремеслу, полицейское свидѣтельство о доброй нравственности и свидѣтельство о средствахъ къ жизни, именно доказательства (Nachweis), что поступающая въ школу въ состояніи купить себѣ необходимыя книги и инструменты и прокормить себя безъ нужды въ продолженіе курса. Программа повивальныхъ школъ въ Баваріи обнимаетъ всѣ параграфы изданнаго докторомъ Шульце руководства „Lehrbuch für Hebammen, Iena".

Подобныя же школы существуютъ и въ Саксоніи, но о ихъ числѣ не сообщено свѣдѣній.

Въ Виртембергѣ имѣется только одна школа, въ Штутгартѣ; она обходится въ 45,358 марокъ, покрываемыхъ частью особымъ капиталомъ, ей принадлежащимъ, частью платой учениць, частью же государственнымъ казначействомъ. Плата для учениць приходящихъ здѣсь установлена отъ 40 до 75 марокъ за учебный курсъ, а для живущихъ въ интернатѣ отъ 210 до 412 марокъ въ годъ (послѣдній размѣръ платы взимается съ иностранокъ). Курсъ ученія продолжался въ прежнее время до 100 дней, но признанъ былъ недостаточнымъ и нынѣ увеличенъ до 150 дней. Въ Виртембергѣ жалуются на чрезмѣрное число повивальныхъ бабокъ и на неудовлетворительное научное и практическое ихъ образованіе. Недостатокъ опытныхъ бабокъ возмѣщается присутствіемъ въ королевствѣ избытка медиковъ-мужчинъ.

Въ великомъ герцогствѣ Гессенъ-Дармштадтскомъ повивальные институты учреждены при родильныхъ домахъ въ Майнцѣ и Гиссенѣ, число учениць простирается до 60. Въ Веймарѣ учебныхъ заведеній по медицинской части для женщинъ вовсе не существуетъ. Въ Баденѣ повивальные институты имѣются въ городахъ Донауэшингенѣ, Фрейбургѣ и Гейдельбергѣ; въ послѣднихъ двухъ городахъ

Библиотека "Руниверс"

директорами институтовъ избраны профессоры мѣстныхъ университетовъ. Ученицы допускаются въ университетскія клиники; никакой, однако же, другой связи съ медицинскими факультетами означенные институты не имѣютъ. Число ученицъ простирается до 100 ежегодно. Въ Гамбургѣ, для удовлетворенія мѣстной потребности, существуетъ одна школа повивальныхъ бабокъ, и женскимъ медицинскимъ образованіемъ здѣсь вовсе не интересуются.

Во всѣхъ упомянутыхъ государствахъ Германіи условія врачебнаго образованія женщинъ почти одинаковы съ установленными въ Пруссіи: тѣ же почти условія пріема, возраста, продолжительности курса, экзамена, платы и стоимости содержанія для повивальныхъ бабокъ; въ университеты женщины вовсе не допускаются, дѣйствуютъ самостоятельно только при нормальныхъ родахъ и въ случаѣ болѣзненныхъ признаковъ у матери или новорожденнаго обязаны приглашать медика.

2. Австрія и Венгрія. Въ Австріи точно также женщины не допускаются къ изученію медицины, ни даже отдѣльныхъ ея дисциплинъ въ университетахъ. Въ видѣ исключеній дозволяется, съ разрѣшенія высшей власти, иной разъ женщинѣ посѣщать лекціи факультета (das Hospitiren); но и въ такомъ случаѣ предоставляется обыкновенно академическому сенату совершенно воспретить ей доступъ въ университетъ, если имъ признано будетъ это необходимымъ. Готовящіяся въ повивальныя бабки ознакомляются теоретически и практически съ анатомическими, физіологическими и патологическими условіями беременности, родовъ и послѣродоваго состоянія, а также съ уходомъ за новорожденными, съ тою цѣлью, чтобъ онѣ могли оказывать надлежащую помощь при правильныхъ родахъ, а въ случаѣ какого-либо ненормальнаго состоянія могли во время его распознать и пригласить акушера. Всякое дѣйствіе, переступающее предѣлы такой компетентности, строго имъ воспрещается. Къ изученію повивальнаго искусства допускаются женщины не старше 45 лѣтъ, а не замужнія—и не моложе 24; только съ особаго разрѣшенія министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія послѣднимъ иногда дозволяется посѣщать повивальныя школы при возрастѣ болѣе раннемъ, во всякомъ случаѣ не моложе двадцатилѣтняго. Пріемные экзамены удостовѣряютъ въ знаніи мѣстнаго языка или нарѣчія (die Landessprache), въ умѣніи на немъ правильно читать, писать и въ знакомствѣ съ началами ариѳметики (Rechnungselemente); при пріемѣ требуется свидѣтельство о доброй нравственности.

Библиотека "Руниверс"

Обучаются женщины повивальному искусству при факультетскихъ клиникахъ университетовъ Вѣнскаго, Пражскаго, Градецкаго, Инсбрукскаго и Краковскаго и въ самостоятельныхъ отдѣльныхъ школахъ при родильныхъ домахъ въ Зальцбургѣ, Ольмюцѣ, Львовѣ (Lemberg), Линцѣ, Клагенфуртѣ, Тріестѣ, Зарѣ и Черновцахъ. Каждымъ изъ этихъ учебныхъ заведеній завѣдуетъ особый профессоръ, по назначенію императорской власти, при одномъ или болѣе ассистентахъ и при одной или болѣе штатныхъ повивальныхъ бабкахъ (geprüfte Schulhebammen). При нѣкоторыхъ повивальныхъ школахъ учреждены амбулаторныя отдѣленія (poliklinischer Unterricht in Geburtshilfe).

Обученіе бабокъ совершается по преимуществу на казенный счетъ, и кромѣ того, имъ выдаются пособія и стипендіи разныхъ именованій, съ обязательствомъ отслужить за нихъ извѣстный срокъ. Курсъ обученія продолжается пять мѣсяцевъ; по окончаніи обучающіяся подвергаются предварительному испытанію въ заведеніи, а потомъ оффиціальному, болѣе строгому (Rigorosum), въ присутствіи особой правительственной коммиссіи; затѣмъ слѣдуетъ „клятвенное обѣщаніе“ въ видѣ опредѣленной формулы. За экзаменъ и дипломъ обучавшаяся уплачиваетъ около 28 флориновъ.

Такія же условія установлены и для Венгріи. Къ медицинской практикѣ въ королевствѣ Венгерскомъ женщины вообще не допускаются. Для образованія повивальныхъ бабокъ учреждены школы при медицинскихъ клиникахъ университетовъ въ Буда-Пештѣ и Клаузенбургѣ (отдѣльныя отъ студентовъ) и при родильныхъ домахъ въ Пресбургѣ, Гроссвардейнѣ, Сегединѣ и Германштадтѣ. Въ школы допускаются женщины отъ 20 до 40 лѣтъ; обученіе безплатное, за экзаменъ и дипломъ вносятъ отъ 20 до 31 флорина 50 крейцеровъ. Ежегодно подвергаются испытанію до 320 бабокъ. Кромѣ того, существуетъ особый классъ деревенскихъ бабокъ (Bauern-Hebammen), практикующихъ съ разрѣшенія окружныхъ врачей (Cömitats-Physiker), но ихъ число съ каждымъ годомъ уменьшается.

3. Франція. Женщины допускаются во Франціи во всѣ учрежденныя медицинскія учебныя заведенія на равныхъ правахъ съ мужчинами, за ту же плату (droits universitaires), при тѣхъ же условіяхъ пріема, и могутъ пріобрѣтать, какъ и мужчины, дипломы доктора медицины и лѣкаря или лѣкарскаго помощника (officier de santé). Первое поименованное званіе даетъ право врачебной практики во всемъ государствѣ, второе—только въ томъ департаментѣ, гдѣ имѣетъ жительство удостоенный или удостоенная этого званія.

Библиотека "Руниверс"

Высшее врачебное образованіе во Франціи распредѣляется между шестью медицинскими факультетами, двумя академіями (écoles de plein exercice) и шестнадцатью приготовительными школами (écoles préparatoires de médecine). Плата за ученіе опредѣляется въ 880 франковъ за дипломъ доктора, и въ 620 франковъ за дипломъ лѣкарскаго помощника; къ этому слѣдуетъ добавить: расходы ученія приготовительнаго къ поступленію въ медицинскую школу или факультетъ и содержаніе учащагося въ продолженіе четырехъ лѣтъ обязательнаго курса.

Число женщинъ, обучающихся медицинѣ въ провинціальныхъ факультетахъ и школахъ,—ничтожное; въ Парижскомъ факультетѣ ихъ насчитываютъ 67, въ томъ числѣ половина Русскихъ, а именно: 13 Француженокъ, 4 Американки, 15 Англичанокъ, 2 Италіанки и 33 Русскія.

Повивальныя бабки раздѣляются также на два класса: 1-го класса бабки практикуютъ во всемъ государствѣ, 2-го класса только въ предѣлахъ департамента. Для образованія тѣхъ и другихъ, вопервыхъ, допускаются приходящія ученицы (élèves libres, non casernées) при факультетскихъ клиникахъ; онѣ слѣдятъ за обходомъ профессора въ клиникѣ и слушаютъ спеціальный теоретическій курсъ, возлагаемый на доцента (agrégé); и вовторыхъ, устроены особыя школы при родильныхъ домахъ (maternités): здѣсь онѣ живутъ въ интернатѣ (casernées) и слушаютъ курсъ профессоровъ, не принадлежащихъ къ университету. Пріемный экзаменъ касается только правилъ правописанія и элементарной ариѳметики. Курсъ продолжается 1 или 2 года; 45 дней онѣ должны провести на практикѣ въ клиникѣ или родильномъ домѣ (45 jours de stage). Выпускной экзаменъ бываетъ теоретическій и практическій. Плата за ученіе 130 фр. для 1-го класса, 25 фр. для 2-го; въ интернатѣ Парижскомъ уплачивается за содержаніе 1000 фр. (250 руб.). Повивальныя бабки дѣйствуютъ самостоятельно только при нормальныхъ родахъ; при усложненіяхъ и необходимости наложенія щипцовъ (l'application du forceps) онѣ обязаны призывать медика. Парижскую клинику посѣщаютъ до 100 ученицъ ежегодно; при Парижскомъ родильномъ домѣ ихъ имѣется до 80 въ интернатѣ, въ провинціальныхъ родильныхъ домахъ многимъ болѣе.

4. Англія. Двадцать-пять лѣтъ тому назадъ 19 различныхъ корпорацій въ трехъ Соединенныхъ Королевствахъ, при извѣстныхъ условіяхъ, были уполномочены выдавать дипломы на право врачебной практики, въ томъ числѣ университеты Англіи, Шот-

Библиотека "Руниверс"

ландіи, Ирландіи, различныя училища (Colleges) и корпораціи врачебныя или хирургическія (Medical and Surgical Corporations). Крайняя неравномѣрность съ ихъ стороны въ оцѣнкѣ знанія экзаменующихся и въ достоинствѣ выдаваемыхъ ими дипломовъ побудила парламентъ въ 1858 г. учредить особый главный медицинскій совѣтъ (General Medical Council) въ Лондонѣ, отвѣтственный непосредственно передъ королевскимъ тайнымъ совѣтомъ (Her Majesty's Privy Council); на обязанность медицинскаго совѣта, между прочимъ, было возложено составленіе списка лицъ, имѣющихъ право врачебной практики.

Въ первый же годъ его существованія, на разсмотрѣніе совѣта поступилъ дипломъ, выданный въ Нью-Іоркѣ Елисаветѣ Блекуель (Blackwell). Совѣтъ не рѣшился отвергнуть дипломъ, выданный врачебнымъ институтомъ, признаннымъ и въ Англіи вполнѣ компетентнымъ, и такимъ образомъ въ списокъ практикующихъ врачей (Medical Register) въ первый разъ было внесено имя женщины въ числѣ 16.000 медиковъ - мужчинъ; но вслѣдъ затѣмъ было установлено правило, что иностранные дипломы могутъ сохранить силу въ Англіи не болѣе 12 мѣсяцевъ. Въ 1865 г. Лондонское общество или товарищество аптекарей (Apothecaries Society of London), по точному смыслу своихъ статутовъ, признало себя обязаннымъ допустить къ учрежденнымъ имъ испытаніямъ д-цу Герретъ (miss Garrett) и предоставило ей право врачебной практики, со внесеніемъ въ медицинскій списокъ, но поспѣшило затѣмъ измѣнить свои уставы въ такомъ смыслѣ, чтобы не приходилось болѣе повторять подобныхъ же примѣровъ допущенія женщинъ въ составъ врачей. Въ 1877 г. королевскій медицинскій институтъ Ирландіи (The King and Queen's College of Physicians) согласился открыть доступъ женщинамъ къ установленнымъ испытаніямъ на медицинскія званія, съ выдачею имъ дипломовъ и со всѣми правами практики. Подобное же разрѣшеніе дано въ 1878 г. академическимъ сенатомъ Лондонскаго университета, и въ 1882 г. двѣ особы женскаго пола (mrs Scharlieb и miss Shove), выдержавъ полный экзаменъ по медицинѣ, хирургіи и акушерству, первыя удостоены были ученыхъ степеней, со внесеніемъ ихъ именъ въ медицинскій списокъ врачей. Новый, учрежденный въ Ирландіи, королевскій университетъ (Royal University of Ireland) по своимъ статутамъ также допускаетъ женщинъ къ медицинскому испытанію. До настоящаго времени всего только 38 женщинъ воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ, подвергались экзамену въ томъ или другомъ изъ упомянутыхъ учрежденій и внесены въ медицинскій списокъ практикующихъ врачей.

Библиотека "Руниверс"

Актомъ парламента въ 1858 г. уже было дозволено допускать на законномъ основаніи женщинъ къ врачебной и хирургической практикѣ подъ условіемъ, чтобы онѣ проходили тотъ же курсъ образованія, какой установленъ для мужчинъ-врачей, и на испытаніи доказали бы равную съ ними способность и равное знаніе. Примѣненіе этого закона къ тѣмъ Британскимъ колоніямъ, которыя пользуются самостоятельнымъ законодательствомъ, предоставлено усмотрѣнію мѣстныхъ законодательныхъ учрежденій. Другимъ актомъ Парламента профессіональный гонораръ подобныхъ женщинъ-врачей (medical women) замужникъ составляетъ ихъ личную собственность, которую ихъ мужья не въ правѣ себѣ присвоивать.

Медицинское образованіе женщинъ на первыхъ же порахъ встрѣтило не маловажныя затрудненія въ Англіи. Содержаніе училищъ находится тамъ преимущественно въ зависимости отъ платы, вносимой учащимися, и всѣ школы королевства вообще уклонялись отъ дозволенія дѣвицамъ посѣщать ихъ анатомическіе театры и лекціи врачебныхъ наукъ, въ убѣжденіи, что подобная примѣсь лицъ женскаго пола не понравится родителямъ и попечителямъ молодыхъ людей, посѣщающихъ тѣ же курсы; по произведенному изслѣдованію и опыту, завѣдующіе учебными заведеніями убѣдились въ справедливости такого предположенія. Госпитали, находящіеся въ связи съ подобными учебными заведеніями, также воспротивились допущенію женщинъ въ клиники, при клиническомъ преподаваніи, и въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ возникли по этому поводу сильныя пререканія между защитниками и противниками женскаго врачебнаго образованія.

При такихъ обстоятельствахъ нашлись благотворители, сочувствующіе дѣлу, которые при жизни своей назначили или по смерти завѣщали особые фонды на учрежденіе въ Лондонѣ отдѣльной медицинской школы для женщинъ, и на ея поддержаніе, доколѣ ея собственные доходы не обезпечатъ вполнѣ ея существованія (till it should become selfsupporting). Это учебное заведеніе открыто было въ Henrietta Street № 30, Brunswick Square, съ клиниками въ Королевскомъ госпиталѣ Gray's Inn Road (Royal Free Hospital). Хотя доступъ въ клиники того же госпиталя не возбраненъ студентамъ-мужчинамъ, но въ теченіе шести лѣтъ его посѣщенія ученицами Henrietta Street ни одинъ студентъ-медикъ не записался слушателемъ, изъ чего по справедливости можно заключить о существованіи дѣйствительнаго отвращенія у молодыхъ людей въ Англіи отъ участія въ смѣшанныхъ аудиторіяхъ вообще (to mixed classes).

Библиотека "Руниверс"

Недостаточное обезпеченіе фондами училища Henrietta Street, единственнаго существующаго въ Англіи учебнаго заведенія для врачебнаго образованія женщинъ, и малое число ученицъ значительно увеличиваютъ стоимость клиническаго преподаванія. Такимъ образомъ, издержки на врачебное образованіе женщины обходятся несравненно дороже издержекъ, обязательныхъ для студента-медика. Плата за ученіе, за госпитальную клинику и экзаменаціонные расходы простираются до 200 ф. ст., причитающихся на долю каждой дѣвицы (for each girl), не считая книгъ, инструментовъ, матеріаловъ для химической лабораторіи, труповъ для диссекціи, квартиры, одежды, расходовъ иногда длиннаго пути на проѣздъ въ столицу. Считая же перечисленныя здѣсь добавочныя издержки, при крайней экономіи, въ 350 ф. ст., профессіональное образованіе женщины-врача можно опредѣлить въ 550 ф., которые и должны быть приложены къ издержкамъ приготовительнаго общаго образованія, обязательнаго для поступающей, до достиженія ею 18-ти или 19-ти-лѣтняго возраста.

Курсъ ученія въ женскомъ врачебномъ институтѣ Henrietta Street продолжается 4 года. Для пріема требуется гимназическій аттестатъ зрѣлости, какъ и для студентовъ-мужчинъ, поступающихъ въ университеты (Cambrige Local Examination, Matriculation Examinations of the Universities of Ireland, of London и т. д.). Учебный планъ обнимаетъ слѣдующіе предметы (по росписанію 1883 — 1884 учебнаго года): анатомію, физіологію и гистологію, химію неорганическую, органическую и физіологическую, съ практическими упражненіями по всѣмъ этимъ предметамъ, экспериментальную физику, ботанику, сравнительную анатомію или зоологію и біологію, фармакологію (materia medica), терапію, патологію (патологическую анатомію и частную патологію), акушерство, съ особою акушерскою клиникою, женскія болѣзни, оперативную хирургію, гигіену, офтальмологію, душевныя болѣзни, токсикологію и судебную медицину. Въ госпиталѣ устроены клиники терапевтическая, хирургическая, гинекологическая и, кромѣ того, преподаются діагностика, фармація, наука о повязкахъ. Въ числѣ преподавателей по росписанію лекцій показаны четыре женщины: Mrs Garrett Anderson M. D., Mrs Atkins M. D., Dr. Sophia Jex-Blake, Dr. Edith Pechey, и пятая—Miss Florence Nightingale, демонстраторъ по анатоміи. Институтъ не имѣетъ спеціальной цѣли обучать акушерокъ. Акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни, теоретически, и практически въ клиникахъ, преподаются въ томъ же объемѣ и съ тою же основа-

Библиотека "Руниверс"

тельностью, какъ и студентамъ-мужчинамъ въ университетахъ. По окончаніи курса, удостоенныя одобрительнаго аттестата, подписаннаго деканомъ института, допускаются къ испытаніямъ на медицинскія званія, учреждаемыя университетами Лондонскимъ, Ирландскимъ и королевскимъ Ирландскимъ медицинскимъ институтомъ.

Денежныя средства ученицъ такъ неравномѣрны и такъ много изъ нихъ живутъ на квартирахъ при своей семьѣ (with their friends), что интерната при училищѣ устроить оказалось не возможно. По сосѣдству съ институтомъ имѣются однако же ученическія квартиры для дѣвицъ (Homes, Halls of Residence), подчиненныя установленному надзору учебнаго начальства. Ученицъ въ институтѣ въ минувшемъ учебномъ году числилось 40; изъ нихъ 10 готовились къ экзамену Лондонскаго университета, 26—Ирландскаго королевскаго медицинскаго училища (King and Queen's College of Physicians), а 4 состояли на правахъ постороннихъ слушательницъ (artists, amateurs).

Въ настоящее время, какъ увѣдомляютъ комитетъ лица, обязательно сообщившія ему вышеизложенныя свѣдѣнія, женщины въ Англіи теряютъ охоту посвящать себя врачебному поприщу (discouraged), въ виду затрудненій, ими встрѣчаемыхъ къ примѣненію на практикѣ пріобрѣтенныхъ ими знаній. Спросъ на нихъ, по видимому, слишкомъ незначительный, чтобы вознаградить указанную выше значительную затрату капитала на ихъ образованіе. Тѣмъ не менѣе, семь общественныхъ учрежденій уже поручили 10-ти женщинамъ-врачамъ должности, требующія большаго довѣрія (medical posts of high trust). Кромѣ того, имъ же предоставлены и нѣкоторыя правительственныя должности, такъ, напримѣръ, директоръ-почтъ (Postmaster-General) пригласилъ двухъ изъ нихъ, въ качествѣ врачей, для завѣдыванія женскимъ персоналомъ въ почтамтахъ Лондона и Ливерпуля. Въ Индіи, по видимому, для нихъ открывается болѣе обширное поприще. Тамъ женщины, по обычаю и религіознымъ предубѣжденіямъ, избѣгаютъ обращаться къ врачамъ-мужчинамъ. Были даже высказаны мнѣнія, что нѣсколько сотъ женщинъ-врачей могли бы тамъ найдти постоянныя занятія. Въ Бомбеѣ образовался фондъ для привлеченія хорошо образованныхъ женщинъ-врачей къ мѣстной практикѣ; Парсъ по фамиліи Кама (Mr. Cama, a Parsee), обѣщалъ 12.000 ф. ст. на устройство подъ ихъ управленіемъ госпиталя, спеціально назначеннаго для женщинъ и дѣтей мѣстнаго происхожденія. Miss Edith Pechey и Miss Hitchcock уже получаютъ содержаніе изъ указаннаго здѣсь источника; Mrs Scharlieb, жена полицейскаго должно-

Библиотека "Руниверс"

стнаго лица въ Мадрасѣ, возвратилась въ этотъ городъ для практики съ дипломомъ Лондонскаго университета; Miss Marston и Miss Fanny Butler отправились на практику въ Калькутту и Лукновъ, а Miss Waterston уже практикуетъ въ Ловедалѣ, въ Южной Африкѣ. Всѣ поименованныя женщины-врачи, внесенныя установленнымъ порядкомъ въ медицинскій списокъ, получили образованіе въ институтѣ Henrietta Street.

Такимъ образомъ, одно только учебное заведеніе въ Англіи предназначено для высшаго врачебнаго образованія женщинъ, и только въ двухъ университетахъ Лондонскомъ и Ирландскомъ онѣ могутъ пріобрѣтать ученую степень. Кембриджскій университетъ допускаетъ женщинъ къ экзамену по историко-филологическому факультету (in Arts) и выдаетъ имъ аттестаты, но обязанность пребыванія при университетѣ (the regulations as to residence) и другія условія университетскихъ статутовъ не дозволяютъ возводить ихъ въ ученыя степени. Королевскій медицинскій институтъ Ирландіи составляетъ корпорацію, независимую отъ университетовъ, и потому можетъ выдавать аттестаты только на право врачебной практики, ученой же степени не можетъ предоставлять на правахъ университетовъ.

Относительно низшей врачебной практики женщинъ въ качествѣ повивальныхъ бабокъ и фельдшерицъ (midwives and nurses) слѣдуетъ замѣтить, что во всѣхъ британскихъ владѣніяхъ дозволяется всякой женщинѣ безпрепятственно исполнять ихъ обязанности за условленную плату или безъ платы; законъ не требуетъ отъ нея никакого свидѣтельства объ образованіи или доказательства ея знанія и способности къ избранному ремеслу. Установился однако же обычай и въ семьяхъ, и въ средѣ медиковъ, обращающихся къ пособію бабокъ и фельдшерицъ, требовать отъ нихъ извѣстныхъ гарантій ихъ знанія. Эти гарантіи обыкновенно составляютъ свидѣтельство о школѣ, въ которой онѣ обучались, или аттестатъ врачей, которые ранѣе прибѣгали къ ихъ содѣйствію; значеніе школы обусловливается извѣстностью медиковъ, занимающихся въ ней преподаваніемъ спеціальныхъ предметовъ, а также отзывами тѣхъ госпитальныхъ больныхъ, за которыми ухаживали ученицы школы. Школы повивальныхъ бабокъ составляютъ въ Англіи частныя учрежденія, поддерживаемыя платою ученицъ. Доходность школы опредѣляется ея извѣстностью и тѣмъ уваженіемъ, какимъ она пользуется; лучшими учебными заведеніями для повивальныхъ бабокъ считаются училище Общества повивальнаго искусства въ Лондонѣ (London Obstetrical Society) и Rotunda

Библиотека "Руниверс"

Hospital въ Дублинѣ. Сдѣланы были многія попытки измѣнить этотъ установившійся обычаемъ порядокъ и подчинить условіямъ болѣе опредѣленнаго закона организацію родовспоможенія въ государствѣ, но эти попытки до сего времени не имѣли успѣха.

Особыми заслугами по организаціи воспитанія фельдшерицъ (nurses) отличилась Miss Florence Nightingale. Она не только приняла на себя организацію этого дѣла во время военныхъ дѣйствій, но выработала и установила въ школахъ правильную систему образованія для фельдшерицъ, совершенно различную отъ устройства учебнаго заведенія для образованія женщинъ врачей и хирурговъ. Эта система получила наилучшее примѣненіе въ нормальной школѣ фельдшерицъ при госпиталѣ св. Ѳомы въ Лондонѣ (St. Thomas's Hospital, Nightingale training school). Комитету доставлены отчеты и учебный планъ означенной школы, опредѣляющій объемъ преподаванія въ ней анатоміи, химіи, медицины и хирургіи. Цѣль учрежденія школы составляетъ приготовленіе женщинъ: а) къ завѣдыванію госпиталями и подобными имъ учрежденіями; б) къ личному въ нихъ труду по уходу за больными въ должности фельдшерицъ и сидѣлокъ различныхъ степеней; в) къ подобнымъ же занятіямъ по приглашенію въ частныхъ домахъ и семействахъ; г) къ должности уѣздной фельдшерицы при благотворительныхъ учрежденіяхъ въ городахъ и селахъ. Особую спеціальность составляетъ образованіе фельдшерицъ для рабочихъ мастерскихъ (Work-houses) и въ обширныхъ больницахъ, учрежденныхъ для рабочаго класса, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, въ Лондонѣ, Ливерпулѣ и Манчестерѣ, вмѣщаютъ въ себѣ болѣе 1000 кроватей.

„Едва ли", сказано въ доставленной комитету запискѣ относительно медицинской науки и практики въ Англіи вообще, — „какая-либо другая отрасль человѣческой умственной дѣятельности вызывала болѣе быстрыя измѣненія во взглядахъ за послѣднія 50 лѣтъ и едва ли возбуждала столь оживленные споры, какъ пренія и полемика по вопросу о примѣненіи къ медицинѣ женскаго образованія и труда". Нѣкоторые изъ наиболѣе извѣстныхъ членовъ врачебнаго сословія въ Англіи (some of the most eminent members of the medical profession) усиленно противились (violently opposed) дозволенію женщинамъ заниматься врачебною практикой. Ихъ возраженія преимущественно основывались на интеллектуальной и физической неприспособленности и непригодности женщинъ къ подобному труду и частью на боязни, чтобы подобное стремленіе не привело къ упадку нрав-

Библиотека "Руниверс"

ственности и чистоты семейной жизни, на которой основывается всякій успѣхъ цивилизаціи. Какъ защитники женскаго врачебнаго образованія, такъ и ихъ противники, впрочемъ, увлекались весьма часто въ своей полемикѣ до излишней крайности.

5. Нидерланды. Женщины допускаются въ королевствѣ къ обученію въ мѣстные университеты на равныхъ правахъ съ мужчинами для пріобрѣтенія степени доктора и права лѣченія. Впрочемъ, одна только женщина воспользовалась по настоящее время этими правами, удостоена означенной ученой степени и занимается врачебною практикою.

Два института въ Амстердамѣ и Роттердамѣ приготовляютъ ученицъ спеціально къ акушерской дѣятельности, но по окончаніи курса не предоставляютъ имъ права лѣчить женскія и дѣтскія болѣзни. Всѣхъ ученицъ насчитывается въ обоихъ институтахъ до 76.

6. Бельгія. Въ настоящее время женщины допускаются въ бельгійскіе университеты на равныхъ правахъ съ мужчинами, только слушательницамъ отводятся одна или двѣ особыя скамейки, и назначается отдѣльное крыльцо для входа въ аудиторіи (une entrée spéciale dans les salles de leçons). Ст. 43 закона 20-го мая 1876 г. предоставляетъ однако же министерству „точнѣе опредѣлить условія, при которыхъ женщинамъ можетъ быть дозволена врачебная практика по нѣкоторымъ отраслямъ медицины". Никакого распоряженія еще не было сдѣлано къ исполненію этого закона; королевская академія, въ отвѣтъ на запросъ правительства, высказалась за совершенную отмѣну означенной ст. 43-й, утверждая, что она создаетъ для женщинъ ни чѣмъ не оправдываемую привилегію, подавая поводъ къ ограниченію объема преподаванія, къ пониженію знанія и къ облегченію для женщинъ труда изученія науки: установленная въ королевствѣ программа испытаній на ученыя степени заключаетъ въ себѣ, какъ и всякая подобная же программа, minimum возможныхъ требованій, и ни для кого не слѣдуетъ переступать предѣла, ею опредѣленнаго. Съ другой стороны, по мнѣнію академіи, ни въ какой отрасли медицины не можетъ быть съ успѣхомъ допущена практика безъ предварительнаго общаго и полнаго образованія по медицинѣ, хирургіи и акушерству.

Учебный планъ медицины въ бельгійскихъ университетахъ, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ предназначенный, объемлетъ слѣдующіе предметы:

Слушательница, записанная въ списки студентовъ университета

Библиотека "Руниверс"

(допускаемыхъ на лекціи безъ ограниченій относительно возраста, національности и религіи), должна предварительно проходить курсъ естествовѣдѣнія и выдержать два экзамена по физико-математическому факультету, обнимающіе: 1-й—логику, психологію и нравственную философію (philosophie morale), первую часть физики (твердыя и жидкія тѣла, акустика), основанія зоологіи и химію неорганическую; 2-й—остальную часть физики экспериментальной (невѣсомыя тѣла), химію органическую, основанія ботаники, общей и спеціальной медицинской, элементарныя понятія о минералогіи и геологіи, при чемъ требуется и практическій экзаменъ по химіи въ лабораторіи.

Удостоенная по этимъ испытаніямъ кандидатскаго аттестата по естествовѣдѣнію (candidat en sciences naturelles) переходитъ на приготовительный курсъ медицины, продолжающійся, какъ и предыдущій, два года и заканчиваемый двумя экзаменами, которые обнимаютъ начала сравнительной анатоміи, фармакогнозію и фармацію, описательную анатомію съ упражненіями на трупахъ и микроскопическими наблюденіями, физіологію человѣческаго тѣла и спеціальную анатомію тканей (anatomie des textures spéciale).

Удостоенная по этимъ испытаніямъ званія кандидата медицины, хирургіи и акушерства готовится затѣмъ къ докторскому экзамену, приготовленіе къ которому продолжается не менѣе трехъ лѣтъ и заключаетъ въ себѣ три послѣдовательные экзамена, обнимающіе: первый—патологію, патологическую анатомію, частную патологію и терапію со включеніемъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, внутреннія болѣзни (thérapeutique générale) и фармакодинамику, микроскопическія наблюденія по анатоміи патологической; второй—хирургическую патологію съ офтальмологіей, акушерство, гигіену, судебную медицину и токсикологію; третій—клинику внутреннихъ болѣзней, сифилидологію, дерматологію, науку о повязкахъ и малую хирургію, клинику офтальмологическую, акушерскую практику, хирургію теоретическую и практическую, патологическія вскрытія труповъ (démonstrations d'anatomie des régions).

Обыкновенно второе и третье испытанія сдаютъ одновременно, и къ послѣднему начинаютъ готовиться съ перваго же года по сдачѣ кандидатскаго экзамена. Учебные планы четырехъ бельгійскихъ университетовъ различаются только группировкою предметовъ и ихъ послѣдовательностью, заключая въ себѣ, въ сущности, однѣ и тѣ же науки.

Издержки ученія, такъ-то: расходы по имматрикуляціи, плата

Библиотека "Руниверс"

за лекціи и практическіе курсы въ клиникахъ, за испытанія и т. д., простираются до 1812 франковъ; интернатовъ не существуетъ при университетахъ; студенты живутъ на частныхъ квартирахъ, но ихъ поведеніе, какъ въ стѣнахъ учебнаго заведенія, такъ и внѣ оныхъ, подчинено надзору ректора, которому ввѣрено высшее завѣдываніе академическою инспекціей и полиціей.

Со времени обнародованія закона 20-го мая 1876 г. женщинамъ открытъ доступъ въ университеты, но онѣ не спѣшили воспользоваться этимъ правомъ [1]). Изъ четырехъ бельгійскихъ университетовъ только два, въ Гентѣ (Gand) и Люттихѣ (Liège), учреждены правительствомъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ еще не было ни одной женщины, прослушавшей полный курсъ медицины. Въ Гентѣ двѣ дѣвицы слушаютъ курсы естественныхъ наукъ: одна изъ нихъ готовится къ преподавательскому поприщу, намѣренія второй не извѣстны, третья готовится въ фармацевты. Въ Люттихѣ 2 ученицы записались на курсы приготовительные къ медицинѣ, 15 на курсы физико-математическаго факультета, приготовительные къ фармаціи, и 6 другихъ слушаютъ курсъ естественныхъ наукъ. Университетъ въ Лувенѣ (Louvain), состоящій въ завѣдываніи римско-католическаго епископата, женщинъ въ свои аудиторіи не допускаетъ. Въ Брюссельскомъ университетѣ одна только слушательница записана на курсы приготовительные къ медицинѣ, 15 другихъ слушаютъ курсы естественныхъ наукъ и большею частью предполагаютъ посвятить себя изученію медицины. По настоящее время всего только 5 молодыхъ дѣвицъ держали кандидатскій экзаменъ по естествовѣдѣнію и выдержали его весьма удовлетворительно.

Школы повивальныхъ бабокъ, какъ утверждаютъ, принесли въ Бельгіи значительную пользу всей странѣ. Эти скромныя учебныя заведенія существуютъ не болѣе 60 лѣтъ; изъ нихъ вышли образованныя особы (des personnes instruites), разселившіяся по селамъ и деревнямъ и замѣнившія прежнихъ невѣжественныхъ повитухъ, отъ неумѣлости которыхъ происходило не мало несчастій. Лучшимъ указаніемъ на уваженіе, которымъ пользуются въ Бельгіи означенныя школы, служитъ быстрое возрастаніе числа ученицъ въ нихъ и числа вышедшихъ изъ нихъ на практику повивальныхъ бабокъ, а также сравненіе этого числа съ количествомъ народонаселенія, такъ какъ спросъ на услуги повивальныхъ бабокъ опредѣляется собственно требованіями и довѣріемъ къ нимъ въ низшихъ и недостаточныхъ классахъ населенія.

---

[1]) «Et encore ont elles hésité à profiter des dispositions favorables de la loi».

Библиотека "Руниверс"

Въ 1831 г. во всемъ королевствѣ насчитывали не болѣе 674 повивальныхъ бабокъ,

въ 1840	г.	ихъ число возросло	до 839,
„ 1850	„	. . . . .	„ 1128,
„ 1860	„	. . . . .	„ 1445,
„ 1870	„	. . . . .	„ 1697,
„ 1880	„	. . . . .	„ 2176,
и въ 1881	„	. . . . .	„ 2251.

Населеніе за эти 50 лѣтъ увеличилось съ 3 м. 800 т. до 5 м. 600 т. или со 100 до 148, число же повивальныхъ бабокъ со 100 до 318. Въ настоящее время приходится одна повивальная бабка на 2597 душъ населенія.

Положеніе о повивальныхъ школахъ издано было 6-го января 1823 года; преподаваніе въ нихъ производится на мѣстномъ нарѣчіи, въ сѣверныхъ провинціяхъ на фламандскомъ, въ южныхъ на французскомъ; въ каждой провинціи учреждены по одной или по двѣ школы, за исключеніемъ Люксембурга, въ которомъ населеніе нѣмецкое. Изъ этой провинціи ежегодно командируются по двѣ ученицы въ повивальныя школы сопредѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, съ назначеніемъ каждой ученицѣ стипендіи отъ казны въ 375 франковъ. Для пріема въ школы требуется только знаніе читать, писать и начала ариѳметики; возрастъ для поступленія опредѣленъ отъ 18 до 30 лѣтъ; ученица должна быть здороваго и крѣпкаго тѣлосложенія и должна представить удостовѣреніе въ безупречномъ поведеніи. Школы всегда пріурочены къ какому-либо госпиталю; при нихъ состоятъ: медикъ, именуемый профессоромъ и директоромъ учебнаго заведенія, и повивальная бабка (maîtresse sage-femme), служащая ему помощницей и для репетиціи его чтеній. Школы подчинены надзору мѣстной провинціальной врачебной управы (Commission médicale provinciale), которой члены назначаются правительствомъ. Курсы продолжаются два года, состоятъ изъ теоретическаго преподаванія и практики. Къ практикѣ подъ надзоромъ преподающихъ приступаютъ обыкновенно къ концу перваго года ученія. Ученицы подвергаются испытанію по окончаніи каждаго семестра; къ окончательному экзамену допускаются только послѣ 12 самостоятельныхъ опытовъ родовспоможенія. Этотъ экзаменъ, производимый особою медицинскою коммиссіею, состоящею изъ трехъ членовъ, обнимаетъ собою анатомію половыхъ органовъ и ближайшихъ частей тѣла, имѣющихъ особенное значеніе при беременности

Библиотека "Руниверс"

и родахъ, механизмъ родовъ нормальныхъ, случаи усложненій, выкидышъ, преждевременные роды, уходъ за родильницей и новорожденнымъ, приготовленіе и употребленіе промывательныхъ, примѣненіе катетера и т. д. Преподаваніе въ школахъ безплатное, экзамены также; ученицы почти во всѣхъ школахъ живутъ при госпиталѣ, только въ провинціи Западной Фландріи, по недостатку помѣщенія, не оказалось возможнымъ устроить интерната, по мнѣнію администраціи совершенно необходимаго при школахъ такого рода. Ученицы въ Западной Фландріи живутъ преимущественно у городскихъ повивальныхъ бабокъ; директоръ школы имѣетъ строгій надзоръ за ихъ поведеніемъ и наводитъ справки о благонадежности квартирныхъ хозяекъ, требуя отъ ученицъ немедленной перемѣны квартиры въ случаѣ какихъ-либо неблагопріятныхъ замѣчаній. Условія жизни въ интернатахъ весьма различныя: въ двухъ провинціяхъ (Антверпенъ и Восточная Фландрія) всѣ расходы интерната и содержаніе ученицъ приняты полностью на общественныя средства провинцій; въ Люттихѣ каждая ученица уплачиваетъ за интернатъ 500 франковъ; въ Брабантѣ на общественныя средства отнесены только главныя статьи расхода, ученицы приплачиваютъ по 150 фр. Въ двухъ провинціяхъ (Геннегау и Намюръ) ученицы пользуются даромъ квартирою съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, а прочіе расходы каждый мѣсяцъ распредѣляются поровну между живущими въ интернатѣ; хозяйство ведется подъ надзоромъ преподавательницы (maîtresse sage-femme); одна изъ ученицъ, по очереди, завѣдуетъ кухней и т. д. Такимъ образомъ, здѣсь, кромѣ преподаванія повивальнаго искусства, пріучаютъ ученицъ къ разумному хозяйству и экономіи. Во всѣхъ провинціяхъ особыми стипендіями и субсидіями поощряются лучшія изъ обучаемыхъ, при чемъ пріемлются въ соображеніе ихъ прилежаніе, способности и нравственныя качества.

Удостоенныя диплома доктора медицины, хирургіи и акушерства, по закону 20-го мая 1876 г., имѣютъ право свободно практиковать во всемъ королевствѣ, но должны представлять свои дипломы на утвержденіе особой медицинской коммиссіи (visa). Той же коммиссіи представляются и аттестаты, выданные изъ повивальныхъ школъ. Повивальныя бабки практикуютъ только при нормальныхъ родахъ; употребленіе инструментовъ имъ воспрещается, хотя многіе весьма компетентные профессоры желали бы предоставить имъ право налагать щипцы въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, когда жизнь матери и ребенка зависитъ отъ промедленія въ прибытіи акушера. Повивальныя

Библиотека "Руниверс"

бабки въ Бельгіи не имѣютъ права заниматься оспопрививаніемъ; онѣ обязаны являться для родовспоможенія по всякому требованію, не имѣютъ права выговаривать себѣ условнаго денежнаго вознагражденія, должны обращаться съ кротостью и разсудительностью. Нарушеніе установленныхъ для нихъ правилъ наказывается по суду штрафами, довольно значительными, иногда воспрещеніемъ практики отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года.

7. Данія. Женщины допускаются въ Копенгагенскій университетъ на равныхъ правахъ съ мужчинами, подъ условіемъ сдать одинаковый со студентами пріемный экзаменъ, и кромѣ того, посвящающія себя медицинѣ—предварительный экзаменъ по естествовѣдѣнію, какъ и въ Бельгіи. Курсъ медицинскихъ наукъ заканчивается двумя другими экзаменами и продолжается обыкновенно отъ 5 до 6 лѣтъ. По окончаніи курса, женщины получаютъ право заниматься врачебною практикою во всемъ государствѣ, но не могутъ быть назначаемы на общественныя должности, каковы должности уѣзднаго врача, больничнаго, полковаго врача и во флотѣ. Женщины въ университетѣ не пользуются стипендіями, преміями и пособіями, назначенными собственно для студентовъ-медиковъ; но съ 1875 г. правительствомъ учреждены были особыя пособія, отъ 480 до 660 кронъ, для поощренія женщинъ, достойныхъ такого поощренія и недостаточныхъ, изъ числа желающихъ заниматься науками, въ томъ числѣ и для изучающихъ медицину; съ тою же цѣлью за послѣдніе годы составились изъ частныхъ пожертвованій фонды, спеціально предназначенные для женщинъ, обучающихся врачебнымъ наукамъ. Тѣмъ не менѣе, число желающихъ посвятить себя этому поприщу очень ограничено. Окончательнаго испытанія во врачебныхъ наукахъ еще не выдержала ни одна женщина въ Даніи; въ настоящее время шесть дѣвицъ изучаютъ медицину, въ томъ числѣ двѣ только что начинающія слушать курсъ.

Для образованія фельдшерицъ не существуетъ никакого особаго учрежденія. Ихъ обучаютъ въ обществѣ „Краснаго креста“ при госпиталяхъ и даютъ имъ дальнѣйшее назначеніе, смотря по тому, гдѣ болѣе требуется примѣненія ихъ труда и знанія.

8. Швеція и Норвегія. Женщины въ Швеціи пользуются правомъ безплатнаго слушанія лекцій по всѣмъ предметамъ, относящимся къ медицинѣ, какъ при университетахъ въ Упсалѣ и Лундѣ, такъ и въ Каролинскомъ медико-хирургическомъ институтѣ въ Стокгольмѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ допускаются къ экзаменамъ для по-

Библиотека "Руниверс"

лученія званій врача (medicinae licentiat) и доктора медицины, на равныхъ правахъ съ мужчинами. Выдержавшимъ испытанія предоставляются права медицинской практики во всемъ государствѣ, но онѣ не могутъ быть опредѣляемы къ должности врачей.

До настоящаго времени ни одна женщина въ этомъ государствѣ еще не выдержала полнаго экзамена на званіе врача, хотя экзаменъ на званіе кандидата медицины (medicinae kandidat) уже сдали нѣсколько ученицъ.

Для приготовленія повивальныхъ бабокъ, въ Швеціи существуютъ три школы, а именно: въ Стокгольмѣ и Готенбургѣ (Гётеборгѣ), въ которыхъ преподается оперативное акушерство (instrumental förlossningskonst), и въ Лундѣ, въ которой этотъ спеціальный предметъ не преподается.

Желающія поступить въ эти школы обязаны, между прочимъ, представить: а) свидѣтельство мѣстнаго священника (пастора), что просительницѣ не менѣе 22 и не болѣе 35 лѣтъ отъ роду, что она безукоризненнаго поведенія и обладаетъ хорошими познаніями въ законѣ Божіемъ, также свѣдѣнія о мѣстѣ рожденія и жительства и чѣмъ до того времени занималась; б) медицинское свидѣтельство о здоровьи и о неимѣніи такихъ физическихъ недостатковъ, которые могли бы препятствовать исполненію обязанностей повивальной бабки; в) свидѣтельство объ умѣніи хорошо читать шведскую и латинскую печать, при полномъ пониманіи читаемаго, объ умѣніи писать подъ диктовку безъ особенно крупныхъ ошибокъ, о знаніи четырехъ правилъ ариѳметики и умѣніи дѣлать не сложныя умственныя исчисленія, объ обладаніи легко читаемымъ почеркомъ, и наконецъ, г) свидѣтельство двухъ хорошо извѣстныхъ и въ той же мѣстности проживающихъ лицъ, что просительница имѣетъ достаточныя средства, какъ для содержанія себя во время ученія, такъ и для пріобрѣтенія послѣ окончанія курса необходимыхъ инструментовъ.

Курсъ ученія въ помянутыхъ школахъ продолжается не менѣе 9 мѣсяцевъ и раздѣляется на два срока въ году (семестра), начинающіеся 1-го апрѣля и 1-го октября. Ученіе происходитъ, подъ наблюденіемъ санитарной коллегіи, по учебному руководству (учебнику), избранному коллегіей. Независимо отъ изученія всего, что собственно относится до повивальнаго искусства, ученицы въ то же время обучаются кровопусканію, приставленію рожковъ (банокъ), піявокъ и прививанію предохранительной оспы.

Платы за ученіе въ школахъ Стокгольма и Готенбурга не пола-

Библиотека "Руниверс"

гается, но въ Лундѣ взимается плата съ ученицъ въ размѣрѣ, опредѣляемомъ на основаніи особаго разрѣшенія со стороны правительства; изъятія допускаются для тѣхъ, которыя представятъ удостовѣреніе мѣстнаго прихода въ томъ, что просительница обязалась по окончаніи курса прослужить извѣстное время въ качествѣ повивальной бабки въ томъ же приходѣ, за что̀ приходъ дастъ ей содержаніе во все время ученія и снабдитъ ее инструментами.

Выпускные экзамены происходятъ въ концѣ іюля и декабря публично. Окончившимъ съ успѣхомъ общій курсъ обученія повивальному искусству дозволяется слушать лекціи оперативнаго акушерства, въ знаніи котораго онѣ также затѣмъ подвергаются особому испытанію.

Испытанія на знаніе повивальной бабки въ теченіе минувшаго 1883 года выдержали:

въ школѣ въ Стокгольмѣ	59
„ Готенбургѣ	25
„ Лундѣ	22

Изъ нихъ выдержали спеціальный экзаменъ оперативнаго акушерства:

Въ Стокгольмѣ	55
„ Готенбургѣ	21

При каждой школѣ въ Стокгольмѣ и Готенбургѣ состоитъ одинъ преподаватель съ помощникомъ при немъ, а въ Лундѣ одинъ только преподаватель. Преподаватель и помощники избираются изъ числа врачей.

Въ Норвегіи нѣтъ никакихъ заведеній для медицинскаго образованія женщинъ, и женщинамъ воспрещенъ доступъ на медицинскіе курсы, а также къ экзаменамъ на медицинскія званія при Норвежскомъ университетѣ.

Въ гг. Христіаніи и Бергенѣ существуютъ при мѣстныхъ родовспомогательныхъ заведеніяхъ школы для приготовленія повивальныхъ бабокъ. Въ эти школы принимаются женщины безъ различія всѣхъ сословій и званій, не моложе 20 и не старше 30 лѣтъ. Желающія поступить обязаны представить удостовѣренія: о безукоризненномъ поведеніи, о здоровьи и неимѣніи физическихъ недостатковъ, могущихъ препятствовать исполненію обязанностей повивальной бабки, а также объ умѣніи писать.

Библиотека "Руниверс"

Курсъ ученія продолжается обыкновенно одинъ годъ и въ исключительныхъ случаяхъ можетъ быть продолженъ до 1½ года.

По окончаніи курса ученицы подвергаются экзамену (два раза въ годъ: въ апрѣлѣ или октябрѣ) изъ тѣхъ предметовъ повивальнаго искусства, знаніе которыхъ необходимо повивальной бабкѣ при подачѣ помощи родильницѣ, а также при уходѣ за беременными, родильницами и новорожденными дѣтьми. Испытанія производятся по тому учебнику, который былъ принятъ въ руководство при школѣ.

Платы за ученіе въ школахъ никакой не полагается. Во все время пребыванія въ школахъ ученицы содержатся на собственный счетъ. Обѣ школы посѣщаютъ ежегодно до 44 ученицъ.

9. Швейцарія. Особыхъ учебныхъ заведеній для медицинскаго образованія женщинъ въ Швейцаріи не имѣется, но имъ предоставлено право слушать въ университетахъ Бернскомъ, Цюрихскомъ, Женевскомъ и другихъ лекціи, какъ по акушерству, такъ и по прочимъ отраслямъ медицины на равныхъ правахъ съ мужчинами, лишь бы онѣ удовлетворяли тѣмъ же научнымъ требованіямъ при пріемѣ.

Курсъ наукъ на медицинскихъ факультетахъ обыкновенно продолжается отъ 4 до 5 лѣтъ; но пребываніе въ университетахъ вообще не ограничено никакимъ срокомъ. Учащимся акушерству, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, предоставляется право въ каждый учебный семестръ жить въ продолженіе четырехъ недѣль въ кантональномъ родовспомогательномъ заведеніи, для слѣдованія за практическими занятіями врачей; за это вносится особая плата до 50 фр. въ пользу клиники, 5 франковъ единовременно и по 2 фр. въ день за столъ въ заведеніи.

Докторскій экзаменъ даетъ право на званіе доктора, а по представленіи докторской диссертаціи—и на полученіе каѳедры для преподаванія въ университетѣ. Для допущенія же врача, мужчины или женщины, къ практикѣ, необходимо сдать, кромѣ того, государственный экзаменъ въ особой правительственной коммиссіи.

Число студентокъ въ Бернѣ, гдѣ ихъ насчитывается болѣе, нежели въ прочихъ университетскихъ городахъ Швейцаріи, простирается отъ 8 до 10 на акушерскихъ курсахъ, и отъ 4 до 6 по дѣтскимъ болѣзнямъ. Общее число студентокъ, записанныхъ на медицинскомъ факультетѣ, около 30-ти. Изъ нихъ всѣ почти иностранки, и по преимуществу—Русскія. Что же касается Швейцаркъ, то предоставленное имъ въ принципѣ право изучать медицину и практиковать врачами наравнѣ съ мужчинами остается безъ приложенія къ дѣлу,

Библиотека "Руниверс"

такъ какъ до сихъ поръ извѣстны лишь два случая, въ Цюрихѣ, гдѣ женщины воспользовались этимъ правомъ.

Вопросъ о женскомъ врачебномъ образованіи, давно разрѣшенный въ Швейцаріи, не встрѣчая, какъ сказано выше, почти никакого примѣненія на практикѣ, не возбуждаетъ въ этой странѣ никакой полемики и обсужденія въ печати.

10. Италія. Въ Италіи нѣтъ спеціальныхъ медицинскихъ женскихъ училищъ; женщины, тѣмъ не менѣе, имѣютъ право поступать, для слушанія университетскаго курса, какъ на медико-хирургическій, такъ и на другіе факультеты, на равныхъ правахъ съ мужчинами; но при вступленіи онѣ должны удовлетворять всѣмъ условіямъ, требуемымъ отъ этихъ послѣднихъ, то-есть, окончить курсъ классическихъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и получить аттестатъ зрѣлости.

Медицинскій курсъ университетовъ, по закону 8-го октября 1876 года, продолжается шесть лѣтъ и обнимаетъ собою слѣдующіе предметы, считающіеся обязательными: 1) химію органическую и неорганическую, 2) ботанику, 3) зоологію, сравнительную анатомію и физіологію, 4) экспериментальную физику, 5) анатомію здороваго человѣка, 6) физіологію, 7) патологію, 8) патологическую анатомію, 9) матерія медика и фармакалогію, 10) частную патологію и терапію, 11) хирургическую патологію, 12) терапевтическую и 13) хирургическую клиники, 14) глазныя и ушныя болѣзни, 15) дерматологію и сифилидологію, 16) акушерство, 17) судебную медицину и гигіену, 18) психіатрію. Необязательными считаются: медицинская химія, токсикологія и исторія медицины.

Курсъ раздѣленъ на три степени, приготовленіе къ которымъ продолжается, для каждой, не менѣе двухъ лѣтъ и заканчивается экзаменами: для первой—кандидатскимъ (esame di promozione, объемлющими вышеприведенные предметы №№ 1—5); для второй—на званіе лиценціата (di licenza, предметы №№ 6—10), и для третьей—на званіе лауреата (di laurea, предм. №№ 8,11—18).

Званіе лауреата медицины и хирургіи по окончаніи курса даетъ право свободной практики получившему оное, будь онъ мужчина или женщина.

Студенты медицины вносятъ 800 лиръ въ теченіе 6 лѣтъ за весь курсъ ученія; отъ этого взноса могутъ быть избавляемы недостаточные изъ нихъ, получившіе на экзаменахъ извѣстное количество балловъ. Никакой добавочной платы не полагается за посѣщеніе ими кли-

Библиотека "Руниверс"

никъ и лабораторій; студенты могутъ быть интернами въ нѣкоторыхъ больницахъ, при чемъ условія для поступленія зависятъ отъ управленія каждаго изъ сихъ заведеній.

При университетахъ существуютъ, кромѣ того, спеціальныя акушерскія школы для женщинъ, желающихъ посвятить себя дѣятельности повивальныхъ бабокъ. Условія для пріема составляютъ крѣпкое сложеніе и здоровье, хорошее поведеніе, согласіе мужей для замужнихъ и родителей или опекуновъ для несовершеннолѣтнихъ; онѣ обязаны кромѣ того указать, гдѣ будутъ имѣть жительство во время ученія, и представить свидѣтельство о знаніи элементарнаго курса низшаго разряда. Курсъ ученія продолжается: теоретическій—одинъ годъ; за нимъ слѣдуетъ практическій курсъ—двухгодовой.

Число женщинъ, посѣщавшихъ акушерскія школы во всемъ королевствѣ въ теченіе 1882—83 академическаго года (отъ ноября по іюль мѣсяцъ) было слѣдующее:

въ университетѣ	г.	Болоньи	учившихся	женщинъ.	13
„ „	„	Кальяри	„	„	1
„ „	„	Катаніи	„	„	7
„ „	„	Генуи	„	„	35
„ „	„	Феррары	„	„	3
„ „	„	Мессины	„	„	8
„ „	„	Модены	„	„	3
„ „	„	Неаполя	„	„	28
„ „	„	Падуи	„	„	49
„ „	„	Палермо	„	„	17
„ „	„	Пармы	„	„	12
„ „	„	Павіи	„	„	31
„ „	„	Перуджіи	„	„	7
„ „	„	Пизы	„	„	15
„ „	„	Рима	„	„	13
„ „	„	Сіены	„	„	7
„ „	„	Турина	„	„	67
„ „	„	Урбино	„	„	12
„ высшемъ институтѣ	г.	Флоренціи	учивш.	женщ.	28
„ университетской школѣ	г.	Аквилы	учивш.	женщ.	1
				Итого	357

11. Испанія. Въ Испаніи не существуетъ спеціальнаго института для высшаго медицинскаго образованія женщинъ; въ силу за-

Библиотека "Руниверс"

кона 1868 г. онѣ допускаются въ университеты на равныхъ правахъ съ мужчинами, если соотвѣтствуютъ необходимой для того подготовкѣ. Права ихъ по окончаніи курса, который обыкновенно продолжается 4 года, ограничиваются свободною врачебною практикою, безъ всякаго, однако же, права на занятіе какой-либо государственной или общественной должности или на полученіе постояннаго содержанія.

По закону 13-го августа 1880 г. для имматрикуляціи въ университеты требуется свидѣтельство объ окончаніи курса средняго учебнаго заведенія (los estudios generales de segunda ensen̄anza) и званіе баккалавра (el titulo de bachiller) [1]). Удостоенный или удостоенная этого званія допускаются къ приготовленію на званіе лиценціата. Дипломъ лиценціата (el tit. de licenciado) даетъ право искать степени доктора. Лиценціатуру по медицинѣ предоставляютъ университеты Мадрида, Барселоны, Гренады, Сантъ-Яго, Севильи (Кадиксъ), Валенсіи, Валладолида, Сарагоссы и академіи (las escuelas) Саламанки и Севильи; докторскій дипломъ выдаетъ только одинъ центральный университетъ (la Universidad Central) въ Мадридѣ. Лиценціатура обнимаетъ собою: анатомію и нормальную гистологію, физіологію, патологію и патологическую анатомію, терапію, матерія медика и рецептуру, частную патологію, акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни, клиники терапевтическую, хирургическую, акушерскую, хирургію, гигіену, токсикологію и судебную медицину, и кромѣ того, требуется прослушать по физико-математическому факультету болѣе подробный курсъ физики, химіи и естественной исторіи. Для докторскаго диплома требуется знаніе исторіи медицины, болѣе подробныя свѣдѣнія по гистологіи нормальной и патологической и по медицинской химіи (Análisis química aplicada à las Ciencias médicas).

Плата за ученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ опредѣляется обыкновенно въ 8 песетъ (7 фр. 36 сант.) за каждый предметъ, кромѣ взноса единовременно такъ-называемыхъ академическихъ пошлинъ въ 10 песетъ (9 фр. 20 с.); за слушаніе факультетскаго курса уплачивается 15 песетъ и 10 песетъ академическихъ пошлинъ. Число жен-

---

[1]) Программа общаго курса средняго учебнаго заведенія заключаетъ: латинскій и испанскій языки (Latin y Castellano), реторику и пінтику, французскій, англійскій или нѣмецкій языкъ, психологію, логику и нравственную философію, всеобщую географію и частную Испаніи, исторію Испаніи и всеобщую, ариѳметику, алгебру, геометрію, тригонометрію, физику и химію, естественную исторію съ началами физіологіи и гигіены, агрономію (agricultura).

Библиотека "Руниверс"

щинъ, обучающихся медицинѣ въ Испаніи въ настоящее время, не превышаетъ шести.

Школы фельдшерицъ и повивальныхъ бабокъ (Practicantes y Matronas) регламентомъ 21-го ноября 1861 г. дозволено учреждать при госпиталяхъ и родильныхъ домахъ въ Мадридѣ, Барселонѣ, Гренадѣ, Сантъ-Яго, Севильѣ, Валенсіи и Валладолидѣ. Курсъ для тѣхъ и другихъ продолжается не менѣе четырехъ семестровъ, считая съ 1-го октября. Для пріема фельдшерицею требуется возрастъ не моложе 16 лѣтъ и знаніе элементарнаго курса народныхъ школъ (la primera ensenanza elemental completa). Преподаваніе теоретическое и практическое обнимаетъ общія понятія объ анатоміи, о наложеніи повязокъ, о средствахъ предупредить сильное изліяніе крови, о прикладываніи пластырей, примочекъ, раздражающихъ и разъѣдающихъ средствъ, о приставленіи рожковъ, піявокъ, оспопрививаніе, прокалываніе ушей (perforacion de las orejas), зубныя боли (arte del dentista y del callista) и т. п. Окончившія курсъ примѣняютъ пріобрѣтенныя знанія къ уходу за больными, исполняя низшія врачебныя обязанности (la parte meramente mecánica y subalterna de la cirugía).

Для поступленія въ повивальную школу требуется тотъ же элементарный курсъ народныхъ училищъ и возрастъ не менѣе 20 лѣтъ; поступающая обязана представить свидѣтельство изъ своего прихода о хорошемъ поведеніи и нравственности (justificarán buena vida y costumbres), а замужнія—согласіе своихъ мужей.

Обученіе повивальному искусству объемлетъ общія понятія объ акушерствѣ, преимущественно часть анатомическую и физіологическую, объясненіе признаковъ, по которымъ различаются нормальные роды отъ преждевременныхъ и трудныхъ, наставленія, касающіяся первой помощи, необходимой въ случаяхъ усложненія, правила ухода за родильницами и новорожденными и т. д. Удостоенная званія акушерки или повивальной бабки (el título de Partera ó Matrona) имѣетъ право свободно дѣйствовать только при правильныхъ родахъ; при усложненіяхъ обязана, не теряя времени, призывать врача. За право имматрикуляціи въ школы фельдшерицъ или повивальныхъ бабокъ уплачивается за каждый семестръ по 20 rs. vn. (4 фр. 60 сант.).

Общій выводъ изъ вышеизложенныхъ свѣдѣній можетъ быть сдѣланъ слѣдующій:

Правильные взгляды на медицинское образованіе женщинъ еще далеко не установились въ различныхъ государствахъ Европы. Въ

Библиотека "Руниверс"

нѣкоторыхъ странахъ, какъ напримѣръ, во всей Германіи, въ Австріи и Венгріи, женщины не допускаются къ высшему врачебному образованію; въ другихъ, каковы: Франція, Бельгія, Голландія, Швейцарія, Данія, Италія, Испанія, женщинамъ открытъ свободный доступъ на медицинскіе факультеты на равныхъ правахъ съ мужчинами. Въ двухъ государствахъ, столь тѣсно связанныхъ между собою подъ однимъ скипетромъ, этнографически и исторически, каковы Швеція и Норвегія, установились совершенно противоположныя воззрѣнія на тотъ же вопросъ: въ первомъ женщины допускаются въ университеты на равныхъ правахъ съ мужчинами, во второмъ доступъ имъ въ университетъ положительно воспрещенъ. Даже въ одномъ и томъ же государствѣ, въ Англіи, замѣчаемъ противорѣчивыя мнѣнія различныхъ ученыхъ корпорацій: только два университета, недавно учрежденные, согласились допускать женщинъ къ испытаніямъ на высшія медицинскія званія; остальные университеты, болѣе древніе и пользующіеся значительнымъ авторитетомъ въ той же странѣ, не дозволяютъ женщинамъ медицинской практики. Во всей Европѣ, по настоящее время, существуетъ только одно учебное заведеніе, спеціально назначенное для высшаго врачебнаго образованія женщинъ, именно въ Англіи, институтъ Henrietta Street, и второе подобное же предполагается нынѣ учредить въ Россіи, если не считать существовавшихъ въ С.-Петербургѣ временныхъ врачебныхъ курсовъ при медико-хирургической академіи и Николаевскомъ военномъ госпиталѣ.

Главныя затрудненія, которыя встрѣтило введеніе высшаго медицинскаго образованія для женщинъ, заключаются въ маломъ числѣ желающихъ посвятить себя этому трудному поприщу и въ незначительномъ спросѣ на примѣненіе ихъ труда. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ для нихъ открытъ доступъ въ университеты, обучаются медицинѣ или окончили свое медицинское образованіе весьма не многія: въ Парижѣ ихъ насчитываютъ не болѣе 67, большею частью иностранокъ, въ Швейцаріи до 30 въ Бернѣ, исключительно иностранокъ, и только два случая, въ Цюрихѣ, изученія медицины природными Швейцарками; въ Голландіи только одна женщина окончила медицинское образованіе, въ Бельгіи ни одной и только 3 слушаютъ курсъ медицины; въ Испаніи обучаются медицинѣ 6; въ Даніи, гдѣ для ихъ поощренія учреждены особыя стипендіи, ихъ насчитываютъ на медицинскихъ курсахъ не болѣе 6, въ томъ числѣ 2 начинающія, и т. д. Наиболѣе стремленія къ высшему врачебному образованію замѣчаютъ среди Англичанокъ и Русскихъ, и въ обѣихъ странахъ, въ Англіи, какъ и

Библиотека "Руниверс"

въ Россіи, не малыя надежды возлагаются на примѣненіе пріобрѣтенныхъ женщинами медицинскихъ знаній къ лѣченію семей инородцевъ и мусульманъ, которыхъ число значительно въ томъ и другомъ государствѣ; но эти надежды пока основаны болѣе на апріористическихъ предположеніяхъ и еще мало оправдались на практикѣ.

Продолжительность медицинскаго курса, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, въ различныхъ странахъ не одинакова и колеблется отъ 4 до 7 лѣтъ.

Есть, однако же, вопросы, касающіеся того же предмета, которые вызвали единодушное и согласное рѣшеніе ученыхъ корпорацій во всѣхъ государствахъ, гдѣ женщины допускаются къ высшему медицинскому курсу; они заключаются въ требованіяхъ отъ женщинъ, посвящающихъ себя медицинѣ, одинаковаго знанія съ врачами-мужчинами, одинаковаго труда, одинаковой подготовки и тѣхъ же условій предварительнаго общаго образованія, вмѣстѣ съ тѣмъ, удостовѣренія въ физической и умственной способности къ предпринимаемому труду и въ безукоризненной нравственности, а также учрежденія строгаго надзора за ихъ поведеніемъ въ продолженіе курса.

Что же касается до школъ, учреждаемыхъ для образованія сидѣлокъ, фельдшерицъ и повивальныхъ бабокъ, то кажется, во всѣхъ перечисленныхъ выше странахъ признается безспорная польза ихъ учрежденія и распространенія. Въ Бельгіи отзываются съ особенною похвалой о заслугахъ, ими уже оказанныхъ санитарному состоянію въ различныхъ слояхъ населенія. Курсъ ученія въ этихъ школахъ обыкновенно продолжается отъ 1 до 2 лѣтъ. Менѣе продолжительный курсъ, отъ 4 до 5 мѣсяцевъ, признается неудовлетворительнымъ.

12. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Въ Сѣверной Америкѣ, столь рѣзко во многихъ отношеніяхъ отличающейся обычаями и условіями жизни отъ государствъ стараго свѣта, правительство Соединенныхъ Штатовъ, включая даже послѣднія тридцать лѣтъ, мало обращало вниманія на медицинское образованіе вообще и не подвергало эту часть спеціальному контролю. Оно постоянно заботилось о снабженіи арміи, флота и морскихъ госпиталей въ особенности медиками и хирургами высокаго достоинства. Кандидаты на правительственныя должности по этой части управленія подвергались соотвѣтствующему экзамену, и такая мѣра признавалась достаточною для обезпеченія успѣха при ихъ выборѣ и назначеніи. Затѣмъ, медицинское образованіе и женщинъ, и мужчинъ развивалось самостоятельно безъ особаго вмѣшательства правительственныхъ властей.

Библиотека "Руниверс"

Въ настоящее время шесть институтовъ посвящены спеціально женскому врачебному образованію: въ Санъ-Франциско, Чикаго, Балтиморѣ, Нью-Іоркѣ, Филадельфіи и гомеопатическій институтъ Нью-Іорка [1]). Каждый изъ упомянутыхъ институтовъ находится въ связи съ какою-либо больницею, предназначенною для лѣченія женщинъ и дѣтей, въ которой, по особому условію госпиталя съ учебнымъ заведеніемъ, дозволены клиническія занятія ученицамъ института даже въ томъ случаѣ, когда доступъ въ больницу воспрещается учащимся другихъ медицинскихъ школъ. Изъ сказаннаго уже очевидно, что спеціальный предметъ преподаванія въ подобныхъ институтахъ составляютъ: акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни; но и прочія отрасли медицины и хирургіи преподаются въ нихъ основательно и въ достаточной степени. Многіе изъ преподавателей и профессоровъ уже замѣнены въ нихъ хорошо образованными женщинами, и въ настоящее время замѣчается постоянное ихъ стремленіе, которое, по всей вѣроятности будетъ продолжаться и въ ближайшемъ будущемъ,— увеличивать число преподающихъ женщинъ, въ ущербъ мужскому преподавательскому персоналу. Нѣкоторыя изъ этихъ дамъ-преподавательницъ (напримѣръ, Dr Rachel Bodley of Philadelphia, Dr Emily Blackwell of New York) достойны всякаго уваженія и пользуются большою извѣстностью по своимъ профессіональнымъ познаніямъ и по высокимъ нравственнымъ качествамъ; другія, впрочемъ, не многія, болѣе извѣстны своимъ усердіемъ въ защитѣ принциповъ „женской равноправности“, нежели своимъ умѣніемъ лѣчить женскія болѣзни или своими преподавательскими способностями [2]).

Школы, въ которыя допускаются учащіеся обоего пола, довольно многочисленны. До 20 изъ нихъ считаются выше по объему и характеру преподаванія [3]), а именно:

Cooper Medical College, San Francisco.

Medical Department of the University of California, San Francisco.

---

[1]) The Woman's Medical College of the Pacific Coast (San Francisco), of Chicago, of Baltimore, of the N. Y. Infirmary (New York), of Pennsylvania (Philadelphia), the New York Medical College and Hospital for Women, New York City (homœopathic).

[2]) There are a few who are better known as public advocates for «Women's Rights» than as healers of women's diseases or teachers of women-students; but of them little needs to be said.

[3]) «Of a somewhat higher grade and better character».

Библиотека "Руниверс"

Medical Department of the University of Denver Colorado.
Rush Medical College, Chicago, Illinois.
Central College of Physicians and Surgeons, Indianapolis.
College of Physicians and Surgeons, Des Moines, Jowa.
Jowa College of Physicians and Surgeons, Des Moines, Jowa.
College of Physicians and Surgeons, Boston, Mass.
Medical Department of the University of Michigan, Ann. Arbor.
Michigan College of Medicin, Detroit, Michigan.
Detroit Medical College, Detroit, Michigan.
Medical Department of the University of Minnesota, Minneapolis.
Minnesota College Hospital.
Medical Department of the University of Buffalo, New York.
College of Medicine of Syracuse University, New York.
Medical Department of the Western Reserve University, Cleveland.
Medical Department of the University of Wooster, Cleveland.
Columbus Medical College, Columbus, Ohio.
Medical Department of Williamette University, Portland, Oregon.
Howard University Medical School, Washington, D. C.

Профессоры въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ избираются обыкновенно изъ мужчинъ и почти всегда изъ числа людей достойныхъ и пользующихся извѣстностью. Въ иныхъ изъ упомянутыхъ учебныхъ заведеній нѣкоторыя отрасли медицины преподаются отдѣльно учащимся того и другаго пола; въ иныхъ допускается совмѣстное преподаваніе всѣхъ предметовъ курса одновременно слушателямъ и слушательницамъ обоихъ половъ. Преподаваніе считается нѣсколько слабѣе въ медицинскихъ школахъ, такъ-называемыхъ „эклектической системы“ и школахъ, посвященныхъ обученію „гомеопатическаго“ способа лѣченія; до 8 училищъ „эклектическихъ“ и до 7 „гомеопатическихъ“ открыты для учащихся обоего пола [2]). Howard University

---

[2]) Eclectic schools:
The California Medical College, San Francisco.
The Georgia Eclectic Medical College, Atlanta, Georgia.
The Bennet College of Eclectic Medicine and Surgery, Chicago.
The Beach Medical College (Eclectic), Indianapolis, Ind.
The Indiana Eclectic Medical College, Indianopolis, Ind.
The American Medical College (Eclectic), Saint Louis, Mo.
The Eclectic Medical College of the City of New York.
The Eclectic Medical Institute, Cincinnati, Ohio.

Библиотека "Руниверс"

Medical School въ Вашингтонѣ не стѣсняется даже при пріемѣ цвѣтомъ кожи [1]). Удовлетворительно окончившіе курсъ, какъ мужчины, такъ и женщины, во всѣхъ перечисленныхъ учебныхъ заведеніяхъ, удостоиваются ученой степени доктора медицины за исключеніемъ университета въ Миннезотѣ, въ которомъ они пріобрѣтаютъ только степень бакалавра медицины и достигаютъ докторской степени не ранѣе, какъ черезъ три года послѣ баккалавреата.

На сколько извѣстно, при пріемѣ въ медицинскія школы, къ женщинамъ предъявляются тѣ же требованія, какъ и къ мужчинамъ; но въ медицинскихъ школахъ, какъ и въ училищахъ законовѣдѣнія и даже во многихъ другихъ, посвященныхъ преподаванію богословія, ихъ администраторы усердно стараются объ увеличеніи числа учащихся и вносимой сими послѣдними платы за ученіе: это обстоятельство въ прежнее время значительно понижало требуемый при пріемѣ образовательный цензъ и составляло великій недостатокъ (a grave fault) высшихъ учебныхъ заведеній въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ послѣднее время замѣчается стремленіе требовать отъ поступающихъ болѣе основательной подготовки въ объемѣ, общеустановленномъ для средняго образованія. Отъ приступающей къ изученію медицины обыкновенно требуется удостовѣреніе въ доброй нравственности (a fair character) и возрастъ не моложе 18 лѣтъ; въ иныхъ случаяхъ она обязана указать—подъ руководствомъ какого профессора-медика начала заниматься врачебными науками и будетъ продолжать свои занятія. Курсъ ученія продолжается обыкновенно три года въ медицинскихъ школахъ Америки; въ это время слушатели и слушательницы обязаны прослушать въ аудиторіяхъ лекціи по крайней мѣрѣ два или три полные семестра; остальное время они занимаются чтеніемъ подъ надзоромъ и по указанію избраннаго ими профессора-руководителя. Семестры продолжаются отъ 5 до 7½ мѣсяцевъ.

Homoeopathic schools:

The Hahnemann Medical College and Hospital, Chicago.

The Homoeopathic Medical Department of the State University of Jowa, Des Moines.

The Boston University School of Medicine, Boston, Mass.

The Homoeopathic Medical College of the University of Michigan, Ann. Arbor.

The Homoeopathic Medical College of Missouri, Sant Louis.

The Pulte Medical College (Homoeopathic), Cincinnati, Ohio.

The Homoeopathic Hospital College, Cleveland, Ohio.

[1]) Допускаетъ и негровъ, и метисовъ (admits both white and coloured students).

Библиотека "Руниверс"

Расходы обученія составляетъ слѣдующая плата:

за имматрикуляцію	5— 10	долл.
„ лекціи	50—100	„
„ практическія занятія по анатоміи . .	10— 20	„
„ матеріалъ анатомическій и химическій	10— 30	„
„ дипломъ.	20— 30	„

Къ этимъ издержкамъ слѣдуетъ прибавить расходы на столъ, квартиру, одежду, учебныя руководства. Во многихъ случаяхъ учащіеся вносятъ профессору-руководителю, по особому съ нимъ соглашенію, отдѣльную плату за его заботы о себѣ, за пользованіе его книгами и т. д. Правами на практику по окончаніи курса, по законамъ отдѣльныхъ штатовъ, женщины пользуются одинаковыми съ медиками-мужчинами.

Смѣшанные курсы посѣщаютъ очень немногія женщины. Каждое изъ перечисленныхъ выше учебныхъ заведеній, въ которыя допускаются женщины, ихъ насчитываетъ въ своихъ аудиторіяхъ по 2, по 3, и не болѣе 12. Охотнѣе женщины поступаютъ въ медицинскія школы, спеціально для нихъ предназначенныя. Въ 1882—1883 учебномъ году числилось въ медицинскихъ институтахъ:

въ Чикаго	79
„ Бальтиморѣ	19
„ Нью-Іоркѣ	40
„ Филадельфіи	125
„ гомеопатическомъ институтѣ и госпиталѣ для женщинъ	42
Всего . . .	305

Если предположить во всѣхъ остальныхъ медицинскихъ школахъ до 145 учащихся женскаго пола, то это число, по всей вѣроятности, близко подойдетъ къ дѣйствительности и составляетъ общее число женщинъ, изучающихъ медицину, во всѣхъ штатахъ Сѣверной Америкѣ—450.

Независимо отъ сего, въ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ до 25 школъ, предназначенныхъ для образованія фельдшерицъ (training schools for Nurses); почти всѣ школы подобнаго рода состоятъ при больницахъ и госпиталяхъ, въ которыхъ обучающіяся фельдшерскому искусству занимаются и уходомъ за больными. Желающія поступить въ эти школы должны быть не моложе 20 или 21 года и не старше 35 или 40 лѣтъ; отъ нихъ требуется крѣпкое здо-

Библиотека "Руниверс"

ровье, хорошая нравственность, а иногда и достаточная подготовка въ общеобразовательныхъ предметахъ. Курсъ ученія обыкновенно продолжается 2 или 2½ года, не считая времени, посвящаемаго на предварительное испытаніе поступающей въ пригодности и способности къ той службѣ, которую она на себя принимаетъ. Признанная способною къ уходу за больными подписываетъ условіе въ томъ, что будетъ исполнять всѣ поручаемыя ей обязанности по службѣ ея въ госпиталѣ, въ точности подчиняться всѣмъ распоряженіямъ администраціи, прилежно посѣщать курсы преподаванія и т. д. За свою службу въ качествѣ сидѣлки, фельдшерицы, ассистентки и проч. она безплатно пользуется преподаваніемъ, имѣетъ квартиру, столъ, получаетъ форменное платье (uniform) и даже плату отъ 4 до 16 долл. въ мѣсяцъ. Преподаваніе заключаетъ въ себѣ анатомію, физіологію, химію, малую хирургію, уходъ за родильницею и за новорожденнымъ, и вообще за больными, изученіе симптомовъ (пульса, температуры и т. п.), общія свойства медикаментовъ, количество прописываемой дозы и способы ихъ употребленія, приготовленіе спеціальной пищи для больныхъ и тому подобныя полезныя отрасли медицинскихъ знаній. Удовлетворительно исполнявшей обязанности своей службы и сдавшей установленный экзаменъ выдается дипломъ за подписью завѣдующихъ школою, свидѣтельствующій о полной компетентности окончившей курсъ къ отправленію обязанностей избранной ею профессіи. Требованія на услуги хорошо образованныхъ фельдшерицъ такъ значительны, и въ госпиталяхъ, и въ частныхъ семьяхъ, что выдаваемое имъ вознагражденіе за ихъ попеченія о больныхъ возвысилось въ настоящее время до 1-го и простирается иногда даже до 3-хъ долл. въ день, при готовой для нихъ квартирѣ и полномъ даровомъ содержаніи.

Большинство женщинъ, посвящающихъ себя этому трудному и отвѣтственному поприщу, не имѣютъ семьи, отъ которой зависѣли бы (are self-dependent), а потому во многихъ мѣстахъ устроены для нихъ при школахъ общежитія или ученическія квартиры (Nurses' Homes), въ которыхъ воспитанницы школы проживаютъ во все время своего обученія подъ надзоромъ начальницы или старшей фельдшерицы, пользуясь приличнымъ обществомъ, хорошею пищею, удобнымъ помѣщеніемъ для отдыха и рекреаціи и присутствуя при установленномъ богослуженіи (and have the benefit of quiet religious services). Такая обстановка, способствуя укрѣпленію здоровья учащихся, водворяетъ въ нихъ привычку къ правильной жизни, строгую нравственность, спокойствіе духа (equanimity of mind) и добродушіе

Библиотека "Руниверс"

(serenity of temper); а при такихъ качествахъ воспитанницы фельдшерскихъ школъ оказались на практикѣ, какъ въ нѣдрахъ отдѣльныхъ семей, такъ и въ госпиталяхъ, превосходными помощницами для врачей и заслуживаютъ полнаго довѣрія лицъ, къ нимъ обращающихся. Въ 23-хъ школахъ этого разряда (изъ упомянутыхъ 25-ти), доставившихъ правительству Штатовъ точныя о себѣ статистическія свѣдѣнія, въ 1882—1883 учебномъ году обучались около 500 ученицъ.

Въ Чикаго, въ штатѣ Иллиноисъ, существуетъ еще школа для обученія повивальному искусству, при родовспомогательномъ заведеніи (Chicago School of Midwifery and Lying-in Hospital). Это—единственное въ томъ же родѣ учебное заведеніе, существующее въ Соединенныхъ Штатахъ. Школа открыта въ 1880 году, при ней числится 3 преподавателя; въ два года окончили въ ней курсъ 30 повивальныхъ бабокъ. Курсъ ученія продолжается 5 мѣсяцевъ, преподаваніе производится на англійскомъ, нѣмецкомъ и шведскомъ языкахъ. Правительство штата Иллиноиса не признаетъ, однако же, достаточными выдаваемые этою школою дипломы, и для допущенія ея ученицъ къ практикѣ требуетъ ихъ испытанія въ мѣстной врачебной управѣ.

Одновременно съ требованіемъ вышеизложенныхъ свѣдѣній, объ иностранныхъ государствахъ, наведена была справка о положеніи того же вопроса въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, которое руководствуется особыми отъ прочихъ частей Имперіи узаконеніями. Оказалось, что, кромѣ училища для повивальныхъ бабокъ, учрежденнаго при родовспомогательномъ заведеніи въ Гельсингфорсѣ, нѣтъ въ Финляндіи другаго медицинскаго училища для женщинъ. Ученіе въ означенномъ учебномъ заведеніи безплатное, но ученицы обязаны себя содержать на собственный счетъ. Ихъ число простиралось въ 1882 г. до 31, въ 1883 г. до 41.

Что же касается до университетскаго образованія, то женщины въ Финляндіи, если пожелаютъ, могутъ посѣщать медицинскій факультетъ на одинаковыхъ со студентами условіяхъ и по сдачѣ пріемнаго экзамена наравнѣ съ мужчинами, но при окончаніи курса подвергаются только частному испытанію у профессоровъ и, не получая ни званія доктора, ни штатной должности, имѣютъ право заниматься только частною медицинскою практикою. До сихъ поръ только одна женщина окончила подобный курсъ, и съ того времени медицинскій факультетъ не посѣщается болѣе ни одною женщиною.

Библиотека "Руниверс"

П. И. ЛЕРХЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

4-го сентября текущаго года скончался въ Гамбургѣ одинъ безкорыстнѣйшихъ тружениковъ науки, оріенталистъ по спеціальности, Петръ Ивановичъ Лерхъ, много лѣтъ довольствовавшійся скромною должностію сперва протоколиста въ Академіи Наукъ, а потомъ помощника библіотекаря въ С.-Петербургскомъ университетѣ, тогда какъ по богатству свѣдѣній своихъ и обширной эрудиціи онъ могъ бы съ честью занимать каѳедру курдскаго языка или исторіи мусульманскаго востока. Работать для науки при такомъ маломъ обезпеченіи, какое выпало на долю Лерха, работать неутомимо, до забвенія своихъ личныхъ интересовъ могутъ лишь очень немногіе. „Петръ Ивановичъ никакъ не могъ собраться съ досугомъ написать диссертацію на степень магистра, которая устроила бы его собственныя дѣла: все чужими занимался, переходя отъ одной работы къ другой“, выразился про него покойный профессоръ Григорьевъ [1]). И чѣмъ рѣже встрѣчаются у насъ такія удивительныя натуры, тѣмъ больше должны мы уважать ихъ и чтить ихъ память.

П. И. Лерхъ родился въ 1827 году; первоначальное образованіе онъ получилъ въ Петропавловской школѣ въ періодъ наибольшаго процвѣтанія этого заведенія и вышелъ оттуда съ основательною подготовкой къ дальнѣйшему образованію. Его благодарность школѣ выразилась, между прочимъ, въ теплыхъ словахъ, посвященныхъ имъ памяти одного изъ бывшихъ наставниковъ, Мелина, скончавшагося

[1]) Труды третьяго международнаго съѣзда оріенталистовъ. С.-Пб. 1879—1880. стр. CXVII—CXVIII.

Библиотека "Руниверс"

въ 1861 году (Петербургская Нѣмецкая газета № 261). Поступивъ въ С.-Петербургскій университетъ по восточному разряду историко-филологическаго факультета, тогда называвшагося философскимъ, Лерхъ окончилъ въ немъ курсъ со степенью кандидата въ 1850 году. Еще будучи студентомъ, онъ началъ, подъ руководствомъ Бюша и ради пріобрѣтенія средствъ къ существованію, пробовать свои силы въ литературныхъ работахъ преимущественно библіографическаго характера. Выйдя потомъ на самостоятельную дорогу, Лерхъ не забылъ услугъ, оказанныхъ ему Бюшемъ, и помянулъ его добрымъ словомъ въ Петербургской Нѣмецкой газетѣ (1857 года): „Zur Erinnerung an W. Büsch".

Первымъ, какъ кажется, трудомъ Лерха по востоковѣдѣнію былъ небольшой литературный очеркъ, помѣщенный въ Библіотекѣ для чтенія (1851 г. кн. февральская, стр. 251—268), подъ заглавіемъ: „Семизвѣздіе на небѣ персидской поэзіи", гдѣ онъ изложилъ развитіе поэзіи у Персовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ намѣреніе представить „галлерею замѣчательнѣйшихъ персидскихъ поэтовъ", дать краткія ихъ біографіи и переводы нѣкоторыхъ отрывковъ изъ ихъ сочиненій. Намѣреніе это осталось однако безъ исполненія, потому что Лерхъ все свободное отъ служебныхъ занятій время посвящалъ изслѣдованіямъ о Курдахъ, изслѣдованіямъ, доставившемъ ему почетную извѣстность и въ Россіи, и за границей. Тогда только что появилось сочиненіе академика А. А. Куника: „Essai pour éclaircir, au moyen de l'histoire comparée, la question de l'influence des Iraniens sur les destinées de la race sémitique", гдѣ высказывалась мысль, что изслѣдованія о колѣнахъ Иранскихъ Курдовъ могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ и на исторію Ассиріи, Вавилона и Малой Азіи. Эта мысль академика, имѣющаго завидную способность давать направленіе ученымъ работамъ, увлекла Лерха и надолго остановила его вниманіе на Курдахъ. Съ неутомимою энергіей принялся онъ за изученіе языка, быта и исторіи этого народа, собралъ обширный матеріалъ изъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, италіанскихъ и русскихъ источниковъ и отпечаталъ уже въ 1856 году введеніе къ своему труду и подробное перечисленіе курдскихъ племенъ—„Изслѣдованія объ Иранскихъ Курдахъ и ихъ предкахъ, сѣверныхъ Халдеяхъ", какъ узналъ, что въ городѣ Рославлѣ, Смоленской губерніи, находится нѣсколько плѣнныхъ Курдовъ, попавшихъ къ намъ во время Восточной войны. Это обстоятельство было для Лерха большою и счастливою находкой: представлялся, случай перейдти отъ книжнаго изученія пред-

Библиотека "Руниверс"

мета къ живому источнику. И Академія Наукъ, взявшая подъ свое покровительство и на свой счетъ печатавшая трудъ Лерха, доставила ему возможность отправиться въ Рославль, гдѣ онъ въ теченіе 11 недѣль, съ 7-го марта по 26-е мая, услаждался бесѣдою съ Курдами, научился довольно бѣгло объясняться на ихъ языкѣ и, въ заключеніе, горячо полюбилъ этотъ народъ. Собранный въ Рославлѣ матеріалъ Лерхъ не замедлилъ привести въ порядокъ и въ томъ же году напечаталъ вторую книжку своихъ изслѣдованій, а въ слѣдующемъ и третью, куда вошли курдскіе тексты съ русскимъ переводомъ, словари и историко-литературный обзоръ. Трудъ этотъ появился и на нѣмецкомъ языкѣ: Forschungen über die Kurden und die Iranischen Nordchaldäer. St.-Petersb. 1857 — 1858. На нѣмецкомъ же языкѣ появился и отчетъ Лерха о его поѣздкѣ въ Рославль: Bericht über eine im Auftrage der histor.-philol. Classe der K. Akad. der Wissenschafren unternommene Reise zu den kriegsgefangenen Kurden in Roslawl, im Gouv. Smolensk (Bulletin, XIV, 74—96; Mél. Asiat. II, 621—649).

Въ качествѣ спеціалиста по вопросамъ о Курдахъ Лерхъ помѣстилъ въ Бюллетеняхъ Академіи Наукъ двѣ рецензіи на книги: 1) „Notice sur la littérature et les tribus kourdes, tirée de documents kourdes recueillis et traduits par A. Jaba, consul de Russie à Erzeroum“ (Bulletin hist.-philol. XIV, 349 — 352; Mél. Asiat. III, 109—113), 2) Resumé de l'ouvrage kourde d'Ahmed Effendi khani, fait et trad. par A. Jaba (Bulletin XV, 161—171; Mél. Asiat. III, 242—255) и замѣтку: Sur une ballade kourde publiée dans le Journal Asiatique (Bulletin de l'Acad. Imp. de Sc. I, 480 — 482; Mél. Asiat. IV, 25—28).

Представивъ обстоятельную монографію о Курдахъ, Лерхъ принялся за составленіе грамматики курдскаго языка и часть ея даже напечаталъ, но на томъ дѣло и остановилось, такъ какъ Лерхъ обратился къ изысканіямъ другаго рода.

Въ 1858 году Лерхъ по порученію Академіи Наукъ отправился въ Хиву и Бухару вмѣстѣ съ посольствомъ въ эти ханства полковника Н. П. Игнатьева и вывезъ оттуда нѣсколько интересныхъ восточныхъ рукописей и монетъ, поступившихъ частію въ азіатскій музей Академіи Наукъ, частію въ Императорскій эрмитажъ и Археологическое Общество (Извѣстія Археол. Общ. II, 251—253).

Избранный въ 1860 году въ члены Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, Лерхъ принялъ самое живое участіе въ его

Библиотека "Руниверс"

занятіяхъ и въ томъ же году прочелъ въ одномъ изъ засѣданій интересную записку о важности сравнительныхъ таблицъ циклическаго лѣтосчисленія туркскихъ народовъ и лѣтосчисленій мусульманскаго и христіанскаго (Изв. Арх. Общ. III, 171 — 174) и напечаталъ въ томъ же томѣ Извѣстій разборъ переведенной профессоромъ Паткановымъ съ армянскаго языка исторіи Агванъ Моисея Каганкатваци, и статью о первомъ собраніи сочиненій академика Шёгрена, а въ IV-мъ томѣ помѣстилъ разборъ разсужденія В. В. Макушева: „Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ".

За какія бы изысканія ни брался Лерхъ, онъ всегда принимался за нихъ съ увлеченіемъ и прежде, чѣмъ успѣвало оно остыть и замѣниться новымъ, въ нашей ученой литературѣ оставались болѣе или менѣе глубокіе слѣды этого увлеченія. Заинтересовался Лерхъ доисторическою археологіей, и появился цѣлый рядъ его статей по этому предмету. Послѣ замѣтки на изданныя Академіей Наукъ „Сѣверныя древности королевскаго музея въ Копенгагенѣ" (С.-Петерб. Вѣд. 1862 г. № 43), онъ напечаталъ и самостоятельное изслѣдованіе объ орудіяхъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ (три статьи въ Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Археол. Общ. т. IV, 145—169, 310—323, т. V, 201—227) и письмо о каменныхъ орудіяхъ, присланныхъ П. Н. Рыбниковымъ изъ Олонецкой губерніи (тамъ же, т. V, 479 — 481), а затѣмъ, отдѣльною брошюрой, въ 1865 году: „Каталогъ древностей, собранныхъ во Франціи, Швейцаріи, Германіи и принесенныхъ въ даръ Московскому публичному музею А. М. Р(аевскою)". Труды эти побудили Императорскую археологическую коммиссію воспользоваться предложеніемъ Лерха заняться изслѣдованіемъ доисторическихъ древностей сѣверной Россіи и лѣтомъ 1865 г. командировать его съ этою цѣлію въ губерніи Олонецкую, Вологодскую и Вятскую. Обзоръ собранныхъ имъ во время этой поѣздки матеріаловъ помѣщенъ въ Отчетѣ археологической коммиссіи за 1865 годъ (стр. XIII—XV), а также изложенъ въ рефератѣ, читанномъ Лерхомъ на Копенгагенскомъ антропологическо-археологическомъ съѣздѣ въ 1869 году (Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques. Compte-rendu de la 4-me session. Copenhague, 1875, p. 190—192).

Въ 1866 году Лерхъ принялъ живое участіе въ изданіи втораго отдѣла VI-го тома Извѣстій Археологическаго Общества и помѣстилъ въ нихъ много любопытныхъ замѣтокъ, въ которыхъ всегда умѣлъ сказать новое и дѣльное слово. Таковы его замѣтки: о сочи-

Библиотека "Руниверс"

неніи А. А. Гатцука: „Изслѣдованіе кургановъ Московской губерніи“ (стр. 25—28), А. П. Богданова: „Курганное племя Московской губерніи“ (стр. 28—29), о нѣсколькихъ кладахъ монетъ (стр. 29—30), о мѣстныхъ музеяхъ въ губернскихъ городахъ (стр. 31—32), объ отчетѣ археологической коммиссіи за 1863 и 1864 годы (стр. 55—56, 219—226), о замѣткѣ П. В. Алабина осносительно нѣкоторыхъ древностей Вятскаго края (стр. 58—59), о нѣсколькихъ каменныхъ орудіяхъ, найденныхъ въ Россіи (стр. 59 — 62, 208 — 211), о Варашевомъ камнѣ (стр. 62 — 63), о журналѣ г. Мортильѣ: Matériaux pour l'histoire positive et philosophique de l'homme (стр.94—96), объ открытіи слѣдовъ древнихъ копей въ южной Россіи (стр. 104—106), о позолотѣ черезъ огонь и ей исторіи (стр. 106—108), о примѣненіи химіи къ археологіи и о новѣйшихъ анализахъ бронзовыхъ древностей Фелленберга въ Бернѣ и Г. В. Струве въ С.-Петербургѣ (стр. 108—112, 134 — 135 и 172 — 182), объ отчетѣ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1865 годъ (стр. 121 — 122), о запискѣ Н. Ѳ. Бутенева: „Нѣкоторыя соображенія о первоначальныхъ жителяхъ сѣверной Россіи по найденнымъ остаткамъ ихъ быта“ (стр. 153 — 162), о статьѣ г. Алабина: „Остатки каменнаго вѣка въ Самарской губерніи“ (стр. 226—227), о брошюрѣ А. А. Гатцука: „Старина Русской земли“ (стр. 228—231) и о первомъ выпускѣ „Древностей Геродотовой Скиѳіи“ (стр. 233 —240).

Работая для Археологическаго Общества въ Петербургѣ, Лерхъ не забылъ и Московскаго. Въ слѣдующемъ 1867 году въ Археологическомъ Вѣстникѣ тамошняго общества появился его разборъ сочиненія Гольмберга о каменномъ и бронзовомъ вѣкахъ въ Финляндіи (стр. 31 — 32), сочиненія Гревингка о каменномъ вѣкѣ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ (стр. 32—33), рецензія на второе изданіе брошюры г. Гартцука „Старина Русской земли“ (стр. 135—136), и записка о 2-мъ съѣздѣ по доисторическимъ древностямъ и антропологіи въ Парижѣ (стр. 140—142).

Въ 1867 году Лерхъ вновь посѣтилъ западный Туркестанъ по порученію археологической коммиссіи для разъясненія возникшихъ тогда разнорѣчивыхъ извѣстій о развалинахъ, при устьѣ Сыръ-Дарьи, стариннаго города Джанкента. Лерхъ осмотрѣлъ эти развалины и началъ производить раскопки, но скоро убѣдился, что работы не будутъ успѣшны, а потому, оставивъ Джанкентъ, занялся осмотромъ другихъ остатковъ древностей въ Сыръ-Дарьинской долинѣ. Развѣдки его описаны въ Отчетѣ Археологической коммиссіи за 1867

Библиотека "Руниверс"

годъ (стр. XXIII—XXXI) и, сверхъ того, съ дополненіями и примѣчаніями, въ особой брошюрѣ, изданной тою же коммиссіей подъ заглавіемъ „Археологическая поѣздка въ Туркестанскій край въ 1867 году“ (С.-Пб., 1870 г.).

Замѣтки Лерха по археологіи попадали и въ другія изданія, кромѣ поименованныхъ. Въ St. Petersb. Zeitung 1860 г. (№№ 132, 133) онъ напечаталъ рецензію на изслѣдованія акад. Куника: „О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава Владиміровича, съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца“; въ Бюллетеняхъ Академіи Наукъ— „Notice“ о клинообразной надписи, открытой г. Кестнеромъ въ Закавказьѣ, близъ Александрополя (1862 г. V, 496—498; Mel. Asiat. IV, 674—680); въ Ж. Мин. Нар. Пр.—разборъ сочиненія Котляревскаго „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“ (1868, ч. 140, стр. 613—625). Замѣтка о ямбѣ съ китайскими письменами, ошибочно принятыми покойнымъ Эйхвальдомъ за скиѳскія клинообразныя надписи, нашла себѣ мѣсто въ т. VII Извѣстій Археол. Общества. На второмъ археологическомъ съѣздѣ въ С.-Петербургѣ въ 1871 г. Лерхъ прочелъ записку о томъ, какія замѣчаются черты сходства или различія въ матеріалѣ и въ формѣ, а потому и въ цѣли назначенія каменныхъ орудій, находимыхъ въ Финляндіи, Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерніяхъ, въ Прибалтійскомъ и Сѣверо-Западномъ краяхъ. Главное содержаніе этой записки напечатано во 2-мъ выпускѣ „Трудовъ“ этого съѣзда (стр. 9—14). По нумизматикѣ Лерхъ далъ описаніе восточныхъ монетъ, найденныхъ близъ Старой Ладоги (Изв. Арх. Общ., IX, 125—127, 323—324).

Своими свѣдѣніями П. И. Лерхъ оказывалъ услуги и Географическому Обществу, въ которымъ принималъ участіе съ 1861 г. Въ Извѣстіяхъ Геогр. Общества 1865 г., т. I, помѣстилъ онъ некрологъ Л. Ѳ. Радлова (стр. 205—206), на засѣданіяхъ читалъ о своихъ путешествіяхъ въ сѣверныя губерніи (Извѣстія, I, 196—197) и въ Туркестанскій край (Изв., т. V, 371—374); въ т. X напечаталъ замѣтку о туркестанскомъ фотографическомъ альбомѣ (отд. II, стр. 97—99) и сообщилъ свое замѣчаніе на статью г. Бэра о пути къ Агрипеямъ (отд. I, стр. 287); принималъ въ 1873 году участіе въ составленіи инструкціи нашимъ офицерамъ и чиновникамъ для археологическихъ и этнографическихъ изслѣдованій въ Хивинскомъ ханствѣ въ виду предпринимавшагося тогда похода противъ Хивы. Кромѣ того, онъ началъ редактированіе VI-го тома Записокъ по

Библиотека "Руниверс"

отдѣленію этнографіи и взялся перевести съ нѣмецкаго языка дневникъ путешествія Гарбера въ Хиву, но успѣлъ перевести только нѣсколько страницъ.

Рядомъ съ изученіемъ древностей, Лерхъ время отъ времени возвращался и къ филологическимъ занятіямъ. Въ 1862 г. въ I-мъ томѣ Бенфеева журнала Orient und Occident появилась его замѣтка: „Ein Beitrag zu den Localsagen über Drachenkämpfe“ (стр. 751—754), для II-го тома того же журнала онъ далъ статейку „Ueber eine armenische Bearbeitung der Sieben Weisen Meister“ (стр. 369—374); въ академическомъ Бюллетенѣ напечатана его записка „Ueber das Pluralsuffix im Ossetischen“ (VIII. 43—50; Mél. Asiat. V, 207—217). Въ 1865—1866 годахъ переведы имъ съ нѣмецкаго языка и помѣщены въ Запискахъ Академіи Наукъ (прилож. къ VIII и X томамъ) изслѣдованія А. Шлейхера: „Краткій очеркъ до-исторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо-германскихъ языковъ“ и „Темы именъ числительныхъ въ литво-славянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ“. Въ Ж. Мин. Нар. Просв. Лерхъ напечаталъ подробный критическій разборъ сочиненія г. Шерцля: „Личныя мѣстоименія въ санкритскомъ языкѣ и сродныя имъ формы“ (1869 г. ч. 148, отд. 2, стр. 155—213).

Когда профессоръ Березинъ предпринялъ обширный трудъ изданія Энциклопедическаго Словаря, онъ нашелъ въ лицѣ Лерха дѣятельнаго сотрудника, давшаго, кромѣ разныхъ мелочей, двѣ большія, прекрасно обработанныя и толково написанныя статьи: „Азія“ и „Мавераннагръ“. Когда сталъ издаваться въ Петербургѣ журналъ Russische Revue, и туда явился Лерхъ съ своими услугами. Не перечисляя всѣхъ статей, тамъ помѣщенныхъ, упомянемъ только двѣ, наиболѣе обширныя и особенно замѣчательныя: „Das Russische Turkestan, sein Bevölkerung und seine äusseren Beziehungen“ и „Khiva, oder Kharezm. Seine historischen und geographischen Verhältnisse“. Послѣдняя изъ нихъ, являющаяся образцомъ эрудиціи Лерха и представляющая цѣлый рядъ любопытнѣйшихъ разъясненій и изслѣдованій, изъ которыхъ чуть не каждое можетъ служить предметомъ для отдѣльной диссертаціи, подверглась самому несправедливому осужденію въ двухъ заграничныхъ газетахъ, въ Аугсбургской Всеобщей и въ Königsb. Hartung. Zeitung. Лерхъ написалъ рѣзкое, но основательное опроверженіе имъ, напечатанное въ Nordische Presse за 1873 годъ, № 197. Ему же принадлежитъ переводъ для Russische

Библиотека "Руниверс"

Revue статьи В. В. Григорьева „Объ отношеніяхъ кочевниковъ къ осѣдлымъ".

Постоянно занятый рѣшеніемъ какого-нибудь научнаго вопроса, Лерхъ никогда не отказывался ни отъ какого труда, даже и тогда, когда онъ не могъ доставить ему ни малѣйшаго удовольствія, но который онъ почему-либо находилъ полезнымъ, какъ напримѣръ, составленіе указателя къ Демезонову переводу исторіи Абуль-Гази (1871).

Въ одномъ изъ засѣданій Археологическаго Общества Лерхъ прочелъ свои „Соображенія о сходствѣ и отличіяхъ древняго согдійскаго и хорезмскаго языка сравнительно съ языками зендскимъ, древне-парсскимъ и пеглевійскимъ" (Извѣстія, т. VII, стр. 296—298). Это изслѣдованіе привело Лерха къ дешифровкѣ загадочной до тѣхъ поръ надписи на монетахъ, чеканенныхъ въ Бухарѣ, по образцу сассанидскихъ монетъ Варахрана V, въ VII и VIII столѣтіяхъ, какъ это выяснено нашимъ изслѣдователемъ. Краткая записка Лерха объ этомъ замѣчательномъ открытіи, читанная имъ на 3-мъ международномъ съѣздѣ оріенталистовъ въ Петербургѣ въ 1876 году, вошла въ составъ 2-го тома „Трудовъ" этого съѣзда (стр. 417—429), а подробное изслѣдованіе объемомъ въ 20 печатныхъ листовъ, подъ названіемъ „Монеты бухаръ-худатовъ", должно было украсить собою XVIII-й томъ Трудовъ восточнаго отдѣленія Археологическаго Общества. Кромѣ опредѣленія монетъ бухаръ-худатовъ, кромѣ объясненія согдійскаго письма, въ это изслѣдованіе входила и исторія Мавераннагра въ періодъ завоеванія его Арабами. Но къ сожалѣнію, остался не оконченнымъ и этотъ трудъ, предполагаемая диссертація на степень магистра исторіи Востока; магистерскій же экзаменъ Лерхъ выдержалъ блестящимъ образомъ. Отпечатано всего только 10 листовъ, листовъ на 6 заготовлено матеріалу, а продолженіе и окончаніе „осталось въ головѣ", какъ однажды выразился во время болѣзни самъ Петръ Ивановичъ.

Подъ конецъ матеріальное положеніе Лерха нѣсколько улучшилось. Въ 1873 году онъ получилъ мѣсто секретаря въ археологической коммиссіи, а въ началѣ 1877 г. избранъ былъ библіотекаремъ Петербургскаго университета. Этимъ и закончилась его служебная карьера. Въ послѣдній разъ Лерхъ обнаружилъ усиленную дѣятельность во время устройства въ Петербургѣ международнаго съѣзда оріенталистовъ, при чемъ исключительно на него возложено было устройство выставки. „Онъ принималъ присылавшіеся пред-

Библиотека "Руниверс"

меты (такъ писалъ про Лерха профессоръ Григорьевъ), онъ ихъ записывалъ на приходъ, онъ ихъ размѣщалъ, онъ наблюдалъ за ихъ сохранностію. Всѣ выходящія бумаги по этому предмету пересылались къ нему. И онъ душою и тѣломъ предавался дѣлу: можно сказать, ночей не досыпалъ, обѣда не доѣдалъ, обращался ко всѣмъ и каждому, отъ кого можно было ожидать доставки интересныхъ предметовъ, сносился отъ своего имени и съ лицами, и съ учрежденіями. Ему одному обязана была выставка своимъ устройствомъ; онъ же былъ и главнымъ на ней чичероне для иностранныхъ членовъ съѣзда..... Предполагалось отпечатать каталогъ всѣмъ выставленнымъ предметамъ, описать замѣчательнѣйшіе, объяснить требовавшіе объясненія и все это издать, снабдивъ снимками, въ „Трудахъ“ съѣзда. По закрытіи его Петръ Ивановичъ и принялся немедленно, какъ истинный ученый, за самое трудное—за объясненіе надписей, имѣвшихся на нѣкоторыхъ предметахъ: занятіе, требовавшее справокъ, розысканій, изслѣдованій“ [1]). Но тутъ съ Лерхомъ случилась катастрофа, положившая предѣлъ его непомѣрнымъ трудамъ. Къ хлопотамъ по выставкѣ, къ занятіямъ въ университетѣ и въ археологической коммиссіи присоединились и нравственныя потрясенія, вызванныя болѣзнями отца и умиравшаго дяди. Крѣпкій организмъ не выдержалъ, и въ февралѣ 1877 г. общій параличъ всѣхъ членовъ поразилъ Лерха. Описаніе выставки пришлось отложить, такъ какъ въ то время это былъ единственный въ Петербургѣ человѣкъ, который „могъ и хотѣлъ“ сдѣлать подобную работу, да никто въ Россіи, изъ равныхъ съ нимъ по ученымъ силамъ, и не взялся бы за это трудное и скучное дѣло съ тѣмъ безкорыстіемъ и самоотверженіемъ, какія отличали Петра Ивановича. Память у Лерха, этого неутомимаго „маленькаго Курдика“, какъ въ шутку называлъ его одинъ изъ здѣшнихъ ученыхъ, была удивительная. Онъ помнилъ чуть не всѣ книги своего отдѣла въ университетѣ, ихъ издателей, время выхода, мѣсто, гдѣ помѣщается каждая изъ нихъ, и пр., словомъ, это былъ живой каталогъ восточной библіографіи. И эта-то способность болѣе всего и пострадала отъ болѣзни. Лерхъ разомъ все забылъ, забылъ слова и русскія, и нѣмецкія и надолго лишился возможности отвѣчать на дѣлаемые ему вопросы. Тяжело было видѣть такую перемѣну въ человѣкѣ, всегда принимавшемъ живое участіе въ чужихъ рабо-

[1]) Труды 3-го межд. съѣзда оріенталистовъ, стр. CXVII.

Библиотека "Руниверс"

тахъ, всегда готовомъ подѣлиться со всякимъ своими обширными знаніями, и сознавать, что человѣкъ этотъ навсегда уже потерянъ для науки, которою, казалось, онъ только и жилъ.

Оправившись нѣсколько отъ болѣзни и выйдя въ отставку съ полнымъ пенсіономъ, Лерхъ, по совѣту докторовъ, рѣшился отправиться за границу, надѣясь въ лучшемъ климатѣ и болѣе здоровой, чѣмъ Петербургъ, мѣстности возстановить свои силы для научныхъ занятій, чтобы хотя кончить начатые труды. Осенью 1879 года Лерхъ поселился въ Гейдельбергѣ, а потомъ перебрался въ Гамбургъ. Дѣйствительно, тамъ онъ почувствовалъ себя немного лучше, выучился писать лѣвою рукой, такъ какъ правая осталась безъ движенія, писалъ письма по русски и по нѣмецки, даже женился, но заниматься ученымъ трудомъ уже не могъ. Въ послѣднее время Лерхъ очень тосковалъ по Россіи, все собирался вернуться на родину, но и это намѣреніе, какъ многія другія въ своей жизни, не успѣлъ онъ привести въ исполненіе.

В. Тизенгаузенъ.
Н. Весселовскій.

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПРИСУЖДЕНІЕ ПУШКИНСКОЙ ПРЕМІИ ВЪ 1884 ГОДУ [1]).

На Пушкинскій конкурсъ текущаго года поступило четыре оригинальныя сочиненія и два стихотворные перевода. Изъ сочиненій три оказались не подходящими подъ правила о преміяхъ имени Пушкина, и одно взято авторомъ обратно. Что касается переводовъ, то одинъ изъ нихъ, именно явившійся подъ псевдонимомъ А. Фета весь Горацій въ русскихъ стихахъ, хотя и не былъ представленъ самимъ переводчикомъ, былъ признанъ Академіей, согласно съ правилами о Пушкинскихъ преміяхъ, заслуживающимъ принятія на соисканіе, и къ разсмотрѣнію его приглашенъ профессоръ С.-Петербургскаго университета по римской словесности И. В. Помяловскій, который и представилъ своевременно весьма обстоятельную рецензію этого труда.

Коммиссія, образовавшаяся на основаніи пункта 11-го правилъ, состояла на сей разъ, сверхъ пяти членовъ отдѣленія, изъ приглашенныхъ имъ: профессора Помяловскаго, заслуженнаго профессора Г. С. Дестуниса и А. Н. Майкова. Приглашенный же вмѣстѣ съ этими лицами Я. П. Полонскій, страдая серьезною болѣзнью, не могъ, къ сожалѣнію, присутствовать въ коммиссіи. По выслушаніи въ ея засѣданіяхъ критическаго разбора профессора Помяловскаго и по

[1]) Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ, 19-го октября текущаго года, предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности *Я. К. Гротомъ*.

Библиотека "Руниверс"

всестороннемъ обсужденіи подлежавшаго оцѣнкѣ труда, переводчикъ Горація А. А. Шеншинъ удостоенъ полной Пушкинской преміи. Представляемъ въ извлеченіи содержаніе обширной рецензіи И. В. Помяловскаго.

Имя г. Фета, какъ переводчика Горація, извѣстно русской публикѣ уже довольно давно: еще въ 1856 году въ Отечественныхъ Запискахъ сталъ печататься (вышедшій потомъ отдѣльнымъ изданіемъ) его переводъ Горацієвыхъ одъ. Книга, изданная имъ нынѣ, свидѣтельствуетъ, что переводчикъ въ теченіе почти тридцати послѣдующихъ лѣтъ продолжалъ начатое дѣло и, вмѣстѣ съ исправленіемъ прежнихъ переводовъ, велъ свой трудъ впередъ и переводилъ эподы, сатиры и посланія Горація, такъ что нынѣ мы имѣемъ полный переводъ всего, оставленнаго потомству венузинскимъ поэтомъ. Тогда какъ въ литературахъ западной Европы число переводовъ Горація насчитывается нерѣдко десятками, у насъ переводъ г. Фета является первою полною передачею всѣхъ твореній римскаго поэта.

Переводъ поэтическаго произведенія представляется дѣломъ не легкимъ; но трудности его увеличиваются и дѣлаются непреодолимыми, когда переводится поэтъ древній, языкъ и міровоззрѣніе котораго извѣстны намъ лишь по теоріи, изъ книгъ; а между тѣмъ переводы необходимы и играютъ важную роль, какъ въ развитіи національной литературы, такъ и въ поднятіи уровня общественнаго образованія. Всѣ знаютъ, съ какимъ восторгомъ привѣтствовала Германія Фоссовы переводы Гомера; не безызвѣстно и то впечатлѣніе, какое произвели на нашу читающую публику переводы Иліады—Гнѣдича и Одиссеи—Жуковскаго. Съ ними смѣло можно сопоставить и переводъ Горація, сдѣланный г. Фетомъ. Хотя по своимъ литературнымъ достоинствамъ, по своему вліянію на образованный міръ, Гомеръ и Горацій представляются величинами далеко не равными, тѣмъ не менѣе, рецензентъ считаетъ справедливымъ сопоставить ихъ русскіе переводы въ виду сравнительныхъ достоинствъ этихъ трудовъ. Дѣйствительно, по языку и отдѣлкѣ стиха переводъ г. Фета стоитъ неизмѣримо выше перевода Гнѣдича, а по непосредственному изученію подлинника выше перевода Жуковскаго. Такимъ образомъ, съ одной стороны, онъ представляетъ обогащеніе нашей поэтической литературы, съ другой — содѣйствуетъ вѣрному ознакомленію читающей публики съ однимъ изъ великихъ поэтовъ античнаго міра. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробную оцѣнку поэзіи Горація; достаточно сказать, что рѣдкій изъ поэтовъ древности пользовался

Библиотека "Руниверс"

и пользуется такою популярностью въ позднѣйшемъ потомствѣ, какъ римскій лирикъ, муза котораго въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ возбуждала къ себѣ симпатію людей всѣхъ возрастовъ и положеній. Ознакомить массу читающей публики съ этою музой — заслуга великая.

Было уже замѣчено, что переводы древнихъ писателей и, въ частности, поэтовъ—дѣло не легкое, на которое способенъ не всякій, такъ какъ оно требуетъ соединенія многихъ условій въ переводчикѣ. Прежде всего, онъ долженъ быть не только стихотворцемъ, но и поэтомъ: переводить античное поэтическое произведеніе прозою, и переводить съ цѣлью доставить читателю возможность наслаждаться его красотами, совершенно не возможно; по мѣткому выраженію А. В. Шлегеля, прозаическій переводъ античнаго поэта есть ein poetischer Todschlag. Но мало придать переводу стихотворную форму; необходимо чувствовать всѣ эстетическія особенности подлинника и, въ нерѣдкихъ случаяхъ, изъ переводчика дѣлаться творцомъ, который, на мѣсто не передаваемыхъ частностей и идіотизмовъ подлинника, долженъ создать нѣчто вполнѣ имъ соотвѣтствующее и понятное для современныхъ читателей. Необходимо, чтобы переводчикъ былъ, до извѣстной степени, конгеніаленъ съ творцомъ оригинала. Трудно, дѣйствительно, представить себѣ, чтобы величавый эпикъ сталъ переводить, и притомъ переводить удачно страстнаго лирика, и на оборотъ, и встрѣчающіеся въ различныхъ литературахъ примѣры вполнѣ подтверждаютъ только что высказанное положеніе. Такъ, Фоссъ, представившій образцовый переводъ Гомера, не могъ совладать съ Тибулломъ, и его переводъ римскаго эротика далеко не передаетъ всей легкости, увлекательности и задушевности подлинника, представляя его сухимъ и топорнымъ. Вмѣстѣ съ требованіемъ поэтическаго дара, переводчику предъявляются и требованія серьезнаго изученія древняго текста, изученія, невозможнаго безъ основательнаго знанія древнихъ языковъ и древней жизни: переводчикъ долженъ быть не только поэтомъ, но и филологомъ. Только при гармоническомъ соединеніи этихъ двухъ особенностей онъ можетъ удовлетворительно передать античный оригиналъ. Въ такой передачѣ требуется соединеніе многихъ условій, главнѣйшія изъ которыхъ слѣдующія: необходимо, чтобы переводчикъ точно и всесторонне понималъ подлинникъ, разумѣя его въ его грамматическомъ и лексикальномъ составѣ: ошибки въ пониманіи представляются со стороны переводчика тяжкими прегрѣшеніями. Безукоризненная точность въ разумѣніи оригинала ведетъ, естественно,

Библиотека "Руниверс"

къ тому, что переводъ замѣняетъ собою комментарій. Но, разумѣя слова и фразы, переводчикъ долженъ безукоризненно точно разумѣть и ихъ содержаніе; другими словами, съ пониманіемъ грамматическимъ рука объ руку должно идти и пониманіе реальное, простирающееся, какъ на среду, въ которой жилъ и дѣйствовалъ и для которой писалъ поэтъ, такъ и на его собственную личность, на сколько ею объясняются его произведенія. Самая передача древняго оригинала, предварительно усвоеннаго переводчикомъ во всѣхъ его частностяхъ, должна вполнѣ соотвѣтствовать ему, какъ по внѣшней формѣ, такъ и по тону и колориту. Что касается формы, то необходимо, чтобы каждый стихъ перевода соотвѣтствовалъ стиху подлинника, чтобы сохранялся, по возможности, порядокъ не только мыслей, но и отдѣльныхъ фразъ и выраженій, необходимо, чтобы такія формальныя особенности подлинника, какъ особенности и перемѣна метра, строфическое раздѣленіе, нѣкоторыя намѣренныя нарушенія обычнаго хода рѣчи, находили себѣ вѣрный отпечатокъ въ переводѣ. Что касается тона и колорита, то и они должны быть сохранены переводчикомъ: прежде всего, онъ не можетъ придавать подлиннику краски или болѣе густыя, или болѣе блѣдныя; затѣмъ онъ не можетъ величавый или возвышенный тонъ замѣнить разговорною рѣчью, наивность — искусственностью, игривость — педантизмомъ и т. п. Вездѣ читатель перевода въ полномъ правѣ ожидать точнаго воспроизведенія того настроенія поэта, которое отпечатлѣлось въ его произведеніи. Наконецъ—что, впрочемъ, разумѣется само собою — переводъ долженъ быть изложенъ рѣчью, которая представляла бы всѣ особенности литературнаго языка того народа, къ которому принадлежитъ переводчикъ.

Таковы главныя требованія, предъявляемыя всякому и, въ частности, русскому переводчику древняго поэта. Только при ихъ соблюденіи русскій переводъ достигаетъ идеальнаго совершенства, то-есть, дѣлается вѣрнымъ, близкимъ, благозвучнымъ и изложеннымъ чистою русскою рѣчью. Но идеальное совершенство недостижимо, и переводчику приходится постоянно находиться между Сциллой и Харибдой, то-есть, между необходимостью соблюсти возможную близость къ подлиннику и опасеніемъ погрѣшить противъ чистоты роднаго языка. Нерѣдко удается ему благополучно миновать эти опасности, но бываютъ случаи, когда ему необходимо выбирать между тою или другою, то-есть, или придерживаться оригинала, жертвуя ему чистотой языка, или, соблюдая ее, отступить отъ подлинника и навлечь на

Библиотека "Руниверс"

себя укоръ въ неточности. Въ такихъ случаяхъ, благополучному выходу изъ затрудненія помогаетъ только поэтическій даръ переводчика. Онъ бываетъ вынужденъ отступать отъ подлинника и вмѣсто непередаваемаго поставить иное, вполнѣ соотвѣтствующее требованіямъ родной рѣчи и жизни и въ то же время отвѣчающее замѣняемому. Строгій филологъ не осудитъ его за такое отступленіе, а образованный читатель даже поставитъ ему это въ заслугу.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о требованіяхъ, которыя необходимо приложить къ разбираемому переводу, неизлишне указать на отношеніе переводовъ г. Фета къ переводамъ предшествовавшимъ. И ранѣе г. Фета, Горація переводили на русскій языкъ, но только не вполнѣ: изъ одъ и эподъ переведены лишь нѣкоторыя, сатиры же и посланіе къ Пизонамъ переведены цѣликомъ. Опуская переводы прошлаго столѣтія (Баркова, Тредіаковскаго, Поповскаго), мы остановимся на нѣкоторыхъ переводахъ, болѣе новыхъ, выбирая переводы Мерзлякова, Орлова, Крешева, Дмитріева (умалчиваемъ о передачѣ отдѣльныхъ одъ Горація—Берга, Вейнберга, Фоккова, Вердеревскаго и нѣкоторыхъ другихъ, потому что передачи эти ограничивались весьма незначительнымъ количествомъ одъ).

Мерзляковымъ переведено 25 одъ, частію риѳмованными стихами, частію размѣромъ подлинника. При всемъ знакомствѣ Мерзлякова съ древнимъ языкомъ, его переводы не могутъ быть названы близкими и еще менѣе—воспроизводящими оригиналы. При бѣгломъ сличеніи ихъ съ подлинникомъ видно, что во многихъ мѣстахъ они представляютъ не что иное, какъ перифразъ, и вводятъ такіе образы и картины, которыхъ въ подлинникѣ не имѣется, и притомъ, вводятъ безъ всякой къ тому необходимости. Отличительное свойство Горацієвыхъ одъ есть ихъ необычайная отдѣлка, соединенная съ простотою, чуждою всякой аффектаціи и всѣхъ неровностей. Эта особенность далеко не передана Мерзляковымъ: даже въ двадцатыхъ годахъ, къ которымъ относятся его переводы, форма ихъ должна была представляться во многихъ мѣстахъ неуклюжею и аффектированною; и тогда было замѣтно, что переводчикъ съ большими усиліями тщится передать подлинникъ, и явные слѣды этихъ усилій даютъ читателю невѣрное о немъ понятіе. Но было бы несправедливо отмѣчать лишь одни недостатки переводовъ Мерзлякова: рядомъ съ неудачными мѣстами у него попадаются строфы, довольно вѣрно передающія мысли, образы и даже отдѣльныя выраженія оригинала. Любопытно то обстоятельство, что риѳмованные переводы Мерзлякова въ общемъ

Библиотека "Руниверс"

несравненно удачнѣе тѣхъ, въ которыхъ онъ старался сохранить размѣръ подлинника.

Хотя и появившійся позже перевода Мерзлякова, „Опытъ перевода Гораціевыхъ одъ“ В. Орлова представляется тѣмъ не менѣе шагомъ назадъ. Прежде всего, переводъ весьма далекъ отъ подлинника и нерѣдко передаетъ его совершенно неправильно, что̀ свидѣтельствуетъ о недостаточно тщательномъ изученіи переводчикомъ оригинала; перифразомъ представляются не только отдѣльныя выраженія и стихи, но даже и цѣлыя оды. Стихъ Орлова, хотя и болѣе свободенъ отъ неуклюжестей стиха его предшественника, тѣмъ не менѣе также далекъ отъ изящно отдѣланнаго стиха Горація; кромѣ того, весь топъ перевода—величаво-выспренній—далекъ отъ простаго, нерѣдко игриваго тона, который придалъ Горацій большинству своихъ произведеній.

По времени, вслѣдъ за Орловымъ, надо назвать М. А. Дмитріева, переводчика сатиръ и посланія къ Пизонамъ. Дмитріевъ изучилъ подлинникъ довольно основательно и воспользовался нѣкоторыми пособіями, какъ нѣмецкой, такъ и французской ученой литературы; примѣчанія, въ большомъ количествѣ сопровождающія его переводъ, свидѣтельствуютъ о начитанности переводчика. Но, удовлетворяя болѣе или менѣе одному изъ требованій, предъявляемыхъ переводчику Горація—чтобъ онъ былъ филологомъ, Дмитріевъ, къ сожалѣнію, не удовлетворяетъ другому — чтобъ онъ былъ поэтомъ. Вслѣдствіе того, передавая почти вездѣ вѣрно мысли и выраженія Горація, переводчикъ знакомитъ читателя съ содержаніемъ его сатиръ, но не даетъ понятія объ ихъ формѣ. Дѣйствительно, въ сатирахъ и посланіяхъ Горація латинскій гекзаметръ доведенъ до такого совершенства, какого онъ никогда не достигалъ ни до, ни послѣ Горація. Эти versiculi или nugae, какъ ихъ зоветъ самъ поэтъ, до такой степени граціозно-капризны, что кажутся не поддающимися никакой регламентаціи или нормѣ. Между тѣмъ, при внимательномъ ихъ изученіи, оказывается, что это своеволіе прикрываетъ собою тщательнѣйшую работу, стремленіе къ совершенству отдѣлки, проведенное въ высшей степени удачно и послѣдовательно. Далеко не такими представляются гекзаметры Дмитріева: капитальною ошибкою переводчика является то, что онъ, по собственному признанію, старался, „чтобъ языкъ его не противорѣчилъ языку поэзіи, котораго отличіе отъ прозы состоитъ въ томъ благородствѣ и округлости выраженій, которыя только въ поэзіи соединяются съ простотою“. Это

Библиотека "Руниверс"

стремленіе къ „благородству и округлости выраженій“ и повело къ тому, что въ русскомъ переводѣ тонъ сатиръ Горація совершенно перемѣнился; стихъ Дмитріева однообразенъ и, по своему построенію, нисколько не напоминаетъ собою мастерскихъ гекзаметровъ Горація. Правда, извиненіемъ переводчику можетъ служить необычайная трудность задачи, про которую еще знаменитый Фр. Авг. Вольфъ выразился, что онъ съ большею охотою и съ меньшимъ трудомъ переведетъ всю Одиссею, чѣмъ десять сатиръ Горація. При всѣхъ недостаткахъ, переводъ Дмитріева является фактомъ, заслуживающимъ признанія: первые шаги вездѣ трудны, и послѣдующимъ переводчикамъ уже гораздо легче идти по проложенному разъ пути.

Въ 1862 году вышла въ свѣтъ небольшая книжечка подъ заглавіемъ: „Переводы и подражанія И. П. Крешева“. Въ ней помѣщены переводы 22-хъ одъ Горація. Анонимные издатели заявляютъ въ предисловіи, что, по ихъ убѣжденію, „болѣе удачныхъ переводовъ не было въ нашей литературѣ, и что даже талантливый Фетъ стоитъ въ этомъ отношеніи ниже скромнаго поэта, неизвѣстнаго большинству читателей“. По внимательномъ сравненіи переводовъ Крешева съ переводами г. Фета нашъ рецензентъ пришелъ къ другому заключенію. Правда, Крешевъ внимательно изучилъ подлинникъ, хорошо владѣетъ стихомъ, имѣетъ поэтическое чутье и, благодаря всему этому, далъ такіе переводы, которые стоятъ неизмѣримо выше переводовъ и Мерзлякова и Орлова. По близости къ подлиннику, по выдержанности тона, по легкости и гармоніи стиха, переводы Крешева далеко оставляютъ за собою переводы предшественниковъ. Но эти достоинства присущи и переводамъ г. Фета, который, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, сумѣлъ подойдти къ подлиннику еще ближе, чѣмъ Крешевъ, вѣрнѣе передать образы и эпитеты оригинала. Приведя въ доказательство тому нѣсколько примѣровъ, профессоръ Помяловскій выводитъ заключеніе, что переводы Крешева, при всѣхъ ихъ достоинствахъ, уступаютъ переводамъ г. Фета въ близости къ подлиннику и въ выдержанности его картинъ и образовъ. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преимущество должно быть отдано Крешеву, но такихъ мѣстъ немного.

Это обозрѣніе главнѣйшихъ переводовъ нѣкоторыхъ произведеній Горація до перевода г. Фета показываетъ, что труды его предшественниковъ мало облегчали его задачу, и что поэтому нельзя ставить ему въ особенную вину то, что онъ, по видимому, незнакомъ

Библиотека "Руниверс"

или мало знакомъ съ ними; укорять его въ этомъ незнакомствѣ было бы справедливо тогда, когда предшественники дали бы ему обильный матеріалъ, которымъ онъ могъ бы и долженъ былъ бы воспользоваться.

Трудъ г. Фета дѣлится, какъ и произведенія Горація, на двѣ рѣзко отличающіяся половины: лирическую—оды, эподы и юбилейный гимнъ, и дидактическую—сатиры и посланія. Оды являются въ разбираемой книгѣ изданными вторично. Въ первый разъ онѣ появились въ 1856 году, въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ изъ Отечественныхъ Записокъ. Сравнивая новое изданіе со старымъ, мы видимъ, что оно представляетъ нѣкоторыя измѣненія, касающіяся какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и цѣлыхъ стиховъ. Они доказываютъ, что въ промежутокъ времени, протекшій между обоими изданіями, переводчикъ тщательно просматривалъ свой трудъ и внесъ въ него не мало улучшеній. Что касается эподъ, юбилейнаго гимна, сатиръ и посланій то они, какъ уже было замѣчено, являются въ разсматриваемой книгѣ впервые.

Приступая къ разбору и оцѣнкѣ самаго перевода г. Фета, прежде всего слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ о филологическомъ изученіи оригинала переводчикомъ. Хотя въ общемъ изученіе это можетъ быть признано достаточнымъ, тѣмъ не менѣе строгимъ требованіямъ филолога-классика г. Фетъ удовлетворяетъ не вездѣ. Съ какого текста переводилъ онъ и какъ къ нему относился? Изъ отрывочныхъ ссылокъ и указаній мы можемъ заключать, что при переводѣ одъ и эподъ г. Фетъ придерживался текста и объясненій Оббаріуса, при переводѣ же сатиръ и посланій — какого-нибудь другаго изъ не особенно новыхъ изданій. Кромѣ того, судя по ссылкамъ—у него подъ руками были сочиненія: Кирхнера: „Quaestiones Horatianae“, Вебера: Horaz als Mensch und Dichter, Л. Миллера: „Жизнь и сочиненія Горація“ и нѣкоторыя другія. Каковъ бы ни былъ текстъ, положенный г. Фетомъ въ основу его перевода, онъ не можетъ быть признанъ соотвѣтствующимъ современному состоянію критически-очищеннаго текста Горація. Такъ, прежде всего, въ немъ еще сохранились такіе стихи и строфы, которые единогласно признаются новѣйшими издателями Горація за очевидно интерполированные. Интерполяцію нѣкоторыхъ отмѣтилъ и самъ переводчикъ. Нельзя не пожалѣть, что того же приговора онъ не произнесъ надъ другими, столь же очевидными вставками. Если отсутствіе новѣйшихъ критическихъ изданій Горація повело г. Фета ко включенію въ переводъ стиховъ, очевидно, под-

Библиотека "Руниверс"

ложныхъ, то то же отсутствіе имѣло вліяніе и на избраніе чтеній, уже устраненныхъ изъ текста и замѣненныхъ болѣе вѣрными или вѣроятными. Лишь въ очень немногихъ мѣстахъ переводчикъ считаетъ нужнымъ указать, что онъ отступаетъ отъ общераспространеннаго (въ довольно отдаленное время) чтенія. Но если—говоритъ рецензентъ—мы поставили переводчику въ укоръ недостаточное знакомство съ новѣйшими работами по критикѣ Гораціева текста, то съ другой стороны, должны заявить, что въ доступныхъ г. Фету изданіяхъ онъ изучилъ его съ большимъ вниманіемъ и добросовѣстностью. Свидѣтельствуетъ объ этомъ отсутствіе въ его переводѣ значительныхъ ошибокъ, которыя происходили бы отъ невѣрнаго пониманія подлинника. Хотя кое-гдѣ и попадаются промахи въ этомъ отношеніи, однако они не до такой степени грубы, чтобы заставить перемѣнить высказанное нами сужденіе о вниманіи и добросовѣстности г. Фета. Объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру: оды II, 2, 1:

Къ блеску сребра, что скупой зарываетъ,
Правъ ты, Саллюстій, питая презрѣнье...

Въ подлинникѣ: avaris adbito terris, при чемъ avaris согласовано съ terris и указываетъ на то, что земля неохотно даетъ скрывающіяся въ ея нѣдрахъ богатства, требуя значительныхъ трудовъ и усилій со стороны человѣка. Комментаторы не безъ основанія видятъ здѣсь намекъ на пріиски, которыми владѣлъ Саллюстій въ Грайскихъ Альпахъ.

Впрочемъ, изъ этого и другихъ приведенныхъ критикомъ примѣровъ можно видѣть, что особенно рѣзкихъ промаховъ въ пониманіи подлинника у г. Фета не усмотрѣно, и переводъ его, въ общемъ, можетъ быть признанъ переводомъ вѣрнымъ. Понявъ писателя въ его формѣ, переводчикъ понялъ и время, и среду, въ которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Горацій, и въ переводѣ не встрѣчается мѣстъ, въ коихъ римскому поэту были бы навязаны мысли и выраженія, не гармонирующія съ общимъ характеромъ и частностями эпохи Августа.

Но, при вѣрности перевода г. Фета вообще, онъ не вездѣ можетъ быть признанъ абсолютно близкимъ къ подлиннику. Какъ по отношенію къ близости буквальной, такъ и близости по тону и колориту, можно сдѣлать переводчику не мало замѣчаній. Предварительно, однако, рецензентъ счелъ себя обязаннымъ заявить, что многія отдѣльныя мѣста римскаго поэта переданы г. Фетомъ весьма близко, что, въ общемъ, тонъ поэзіи Горація схваченъ весьма удачно и вполнѣ

Библиотека "Руниверс"

можетъ дать понятіе русскому читателю о характерѣ поэзіи Мецената любимца.

Особенно много замѣчаній вызываютъ переводы лирическихъ произведеній, что̀ и естественно. Переводя оды и эподы Горація риѳмованными стихами, г. Фетъ не имѣлъ возможности передать въ нихъ всѣ выраженія и образы оригинала; онъ старался схватить лишь существенныя черты и, въ большинствѣ случаевъ, дѣлалъ это удачно. Вслѣдствіе такой оболочки своихъ переводовъ, переводчикъ, естественно, долженъ былъ кое-что выпустить, иное прибавить, иногда замѣнить одну картину другою, мѣстами переставить выраженія, измѣнить конструкцію и тому подобное. Строго говоря, все это суть нарушенія возможной близости къ оригиналу, но они извинительны, когда или вызваны необходимостью, или касаются такихъ деталей, которыя не представляютъ чего-либо существенно характернаго и поэтому не извращаютъ пониманія подлинника. Поэтому рецензентъ не приводитъ всѣхъ мѣстъ, представляющихъ уклоненія отъ оригинала, но перечисляетъ лишь тѣ, въ которыхъ, по его убѣжденію, переводчикъ перешелъ за предѣлы предоставленной ему свободы, и которыя желательно было бы видѣть исправленными при послѣдующихъ изданіяхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Оды: 1, 8, 6: „Коня изъ Галліи лѣсистой". Эпитета этого нѣтъ въ подлинникѣ, и онъ не прибавляетъ ничего, представляя epitheton otiosum, потому что кони въ лѣсахъ обыкновенно не водятся. Это слово, правда, понадобилось для риѳмы съ послѣдующимъ: золотистой, но врядъ ли позволительно жертвовать для риѳмы поэтическою правдой.

1, 10, 2: „Меркурій межь древнихъ дикарей ревнитель просвѣщенія". Въ подлинникѣ эпитетъ, какъ разъ, противоположнаго значенія: имъ указывается не на древность людей, а на то, что они только что были созданы и потому еще даже и говорить не умѣли.

Ibid., 10: „Въ младенчествѣ твоемъ... угрозы пастыря ты, мальчикъ, испугался"—puerum minaci voce dum terret. Здѣсь мысль передана неудачно: изъ того, что слушая угрозы Аполлона, малютка Меркурій воспользовался его возбужденнымъ состояніемъ и укралъ у него колчанъ, видно, что онъ вовсе не испугался брани; потому-то въ подлинникѣ и стоитъ: terret, что̀ указываетъ лишь на дѣйствіе Аполлона, а послѣдующее: vidus pharetra — на результатъ этого дѣйствія.

Представивъ обширный списокъ подобныхъ неисправностей, кри-

Библиотека "Руниверс"

тикъ продолжаетъ: Пусть не посѣтуетъ почтенный переводчикъ на этотъ длинный рядъ замѣчаній; они вызваны прежде всего желаніемъ видѣть слѣдующее изданіе его труда свободнымъ отъ укоровъ въ неточности и вольномъ обращеніи съ оригиналомъ. Затѣмъ, замѣчанія эти нисколько не умаляютъ достоинствъ перевода, въ общемъ—повторяемъ—вѣрнаго и удачно передающаго подлинникъ: видно, что переводчикъ долго вдумывался въ смыслъ оригинала и старался передать его во всѣхъ оттѣнкахъ, начиная съ хода и порядка мыслей и кончая отдѣльными образами и метафорами. Для доказательства рецензентъ приводитъ по одному примѣру изъ обоихъ отдѣловъ Гораціевыхъ произведеній:

Мы, съ своей стороны, предложимъ въ видѣ образчика переводъ 2-й оды 3-й книги:

Къ римскому юношеству.

Пусть юноша себя, окрѣпнувъ на войнѣ,
Стремится пріучить къ лишеньямъ ежечаснымъ:
Тогда онъ явится съ копьемъ и на конѣ
Для Парѳа грознаго противникомъ опаснымъ.
Ни бой, ни жизнь полей его не устрашатъ.
Тогда съ враждебныхъ стѣнъ властителя супруга
И дѣва юная пускай за нимъ слѣдятъ
Очами полными смущенья и испуга!
И пусть вздохнутъ—увы! чтобъ царственный женихъ
Не растревожилъ льва рыкающаго встрѣчей,
Который носится межъ чуждыхъ и своихъ,
Алкая утолить свой гнѣвъ кровавой сѣчей.
Смерть за отечество отрадна и славна—
Бѣжавшій отъ нея въ бою не уцѣлѣетъ,
И вѣрно юношей изнѣженныхъ она
Колѣнъ трепещущихъ и спинъ не пожалѣетъ.
А доблесть грязныхъ всѣхъ чуждается страстей,
Одною славою блистая благородной;
И внемля вѣтренной толпѣ, не сродно ей
Сѣкиру брать и класть по прихоти народной.
Она избраннику, который не умретъ,
Путями новыми безсмертье отверзаетъ,
На сходбища съ толпой обычной не пойдетъ
И въ небо отъ земли на крыльяхъ улетаетъ.
Молчанью тоже честь; того, что раздѣлилъ
Цереры таинства священныя съ толпою,
Не допущу, чтобъ онъ подъ той же крышей былъ
Изъ лодку утлую отвязывалъ со мною.
Забвенью преданный, златаго дня Отецъ

Библиотека "Руниверс"

Къ преступнымъ чистаго нерѣдко причисляетъ.
А наказаніе, хоть поздно, наконецъ
Съ хромой своей ногой злодѣя настигаетъ.

А вотъ начало 6-й сатиры второй книги, переданное также въ высшей степени удачно, — о преимуществахъ тихой сельской жизни передъ городскою:

Это лишь было въ мольбахъ: клокъ поля не слишкомъ обширный,
Гдѣ бы садъ былъ и близко отъ дома бѣгущій источникъ,
Да ко всему лѣсокъ небольшой. Пространнѣй и лучше
Боги послали. Прекрасно. Не буду просить еще больше,
Развѣ чтобъ эти дары, сынъ Маи, за мной утвердилъ ты,
Если дурными путями я не умножилъ достатка,
Если пороками или виною его не умалю,
Если не стану молить, какъ глупецъ: О, хоть бы тотъ уголъ
Ближній прирѣзать, который теперь искажаетъ все поле!
О, еслибъ денегъ горшокъ судьба, какъ тому, мнѣ послала,
Кто на отысканный плодъ то поле купилъ, что съ найма онъ
Прежде пахалъ, богатымъ по милости ставъ Геркулеса.

Такихъ прекрасно переданныхъ мѣстъ не мало въ обоихъ отдѣлахъ, и они съ лихвой искупаютъ тѣ неточности, образчики которыхъ мы привели ранѣе. Благодаря богатству русскаго языка, которымъ г. Фетъ владѣетъ въ совершенствѣ, ему удалось многія типическія выраженія подлинника передать почти съ буквальною точностью. Вотъ нѣсколько примѣровъ: salgino fuste dolat — „ивовой палкой началъ тесать"; ad ungnem factus homo—„человѣкъ лощеный подъ ноготь"; summum properabat lambere tectum — „собирался лизать высокую крышу"; plerumque recoctus scriba ex quinqueviro — „нерѣдко писецъ, испеченный изъ пятигласнаго". Эти и имъ подобныя мѣткія передачи значительно возвышаютъ достоинства перевода г. Фета.

Переходя къ отчету о внѣшней формѣ перевода, рецензентъ замѣчаетъ: Лирическія произведенія Горація переданы, за немногими исключеніями, риѳмованными стихами; объ этомъ пріемѣ самъ переводчикъ говоритъ во введеніи слѣдующее: „Оды Горація, какъ и вообще произведенія античной лиры,—пѣсни, музыка съ опредѣленнымъ, часто весьма причудливымъ метромъ, которому подражать на новѣйшихъ языкахъ не возможно, а пѣснь, какъ стрѣла, требуетъ быть оперенною. Въ нашихъ условіяхъ это достижимо только при помощи риѳмы". Вѣрность взгляда г. Фета на такой, а не иной способъ передачи древнихъ лирическихъ произведеній подтверждается сужденіемъ такого глубокаго знатока античной музыки, какъ Вестфаль,

Библиотека "Руниверс"

высказывающаго ту же мысль въ своемъ предисловіи къ Катуллу, переведенному имъ также риѳмованными стихами. Нѣтъ нужды распространяться и доказывать, что г. Фетъ стихомъ и риѳмой владѣетъ съ рѣдкимъ мастерствомъ, и это мастерство еще болѣе приближаетъ его переводъ къ подлиннику: и Горацій въ совершенствѣ обладалъ латинскими лирическими метрами, которые отличаются у него, съ одной стороны, необычайною законченностью отдѣлки, а съ другой— непринужденностью. Эти же достоинства видимъ мы и у русскаго его переводчика. Метры г. Фета отличаются разнообразіемъ и оригинальнымъ сочетаніемъ стопъ, придающимъ особую прелесть переводу; сочетанія эти особенно часты въ эподахъ, отличающихся по своему метрическому построенію отъ одъ: новая черта, приближающая переводъ къ подлиннику. Риѳмы г. Фета отличаются рѣдкою полнотой и благозвучностью. Лишь весьма немногія мѣста вызываютъ замѣчанія, потому что г. Фетъ рѣдко прибѣгаетъ къ такимъ формамъ, которыя прямо вызывались бы стихотворною нуждою. Къ такимъ случаямъ прежде всего надобно отнести собственныя имена, въ которыя иногда вводятся неправильныя формы, и на которыхъ изрѣдка ставится неправильное удареніе. Таковы: „Янѝгу", „Пелейда", „Гесперцевъ", и т. д., „Постумій" (вм. Постумъ, 1), „Либе́ръ" (II, 19, 8), „Баѣ" (вм. Баяхъ—III, 4, 24). Подобныя же особенности, хотя и въ значительно меньшемъ количествѣ, видимъ мы и въ именахъ нарицательныхъ и другихъ словахъ, какъ, напримѣръ, лукà, благообразныя преклонности дождаться, варили эту трàву мнѣ иль злую снѣдь; деньгàми. Что касается языка, которымъ переведены лирическія произведенія Горація, то и онъ, при мастерскомъ обладаніи имъ со стороны г. Фета, оказывается почти безупречнымъ: рѣчь его гладка, естественна, удобопонятна: лексикальный ея составъ, за рѣдкими исключеніями, замѣчаній не вызываетъ. Вездѣ видно, что переводчикъ является полнымъ хозяиномъ въ близко знакомой ему области, что онъ опытною рукою распоряжается составляющими его полную собственность сокровищами русской рѣчи. Считая излишнимъ приводить тому доказательства, рецензентъ находитъ небезполезнымъ, напротивъ, сдѣлать нѣсколько указаній на слова и фразы, представляющіяся отчасти странными, отчасти неудачными:

„Алкидаль прославлю иль мальчиковъ Леды"; кажется, что здѣсь ближе было бы къ величавому и торжественному тону оды слово: отроковъ.

Библиотека "Руниверс"

Ibid., 33: „Древнѣйшаголь трона я вѣкъ воспою". Выраженіе: „вѣкъ трона" представляется неудачнымъ.

I, 28, 21: „Оріона исхожаго бѣшеный спутникъ". Врядъ ли слово: „исхожій" (devexus) употребляется про заходящее созвѣздіе.

Во второмъ отдѣлѣ перевода г. Фета, сатиры и посланія переданы, какъ и естественно ожидать, гекзаметромъ. И этимъ метромъ переводчикъ владѣетъ съ рѣдкимъ мастерствомъ, вводя въ него различныя особенности, не замѣчаемыя въ гекзаметрахъ Гнѣдича и Жуковскаго. Прежде всего стихъ г. Фета отличается разнообразіемъ въ чередованіи стопъ дактилическихъ и спондаическихъ, чѣмъ значительно приближается къ гекзаметру самого Горація. У римскаго поэта это разнообразіе доведено до высокой степени техническаго совершенства, проявляющагося, между прочимъ, и въ томъ, что то или другое сочетаніе стоитъ въ близкой, даже непосредственной связи съ содержаніемъ. Нѣчто подобное замѣчаемъ мы и у русскаго переводчика: и у него скопленіе спондеевъ картинно рисуетъ содержаніе серьезное и важное, и на оборотъ, преобладаніе дактилей соотвѣтствуетъ игривому разказу или оживленной аргументаціи. Понятіе о рѣдкомъ мастерствѣ, съ которымъ г. Фетъ владѣетъ гекзаметромъ, можно составить по слѣдующимъ начальнымъ стихамъ 5-й сатиры первой книги:

Изъ великаго Рима мнѣ шедшему скромнымъ пріютомъ
Стала Арпція; Гельодоръ со мною былъ, риторъ
Самый ученый изъ Грековъ; затѣмъ и Аппіа форумъ,
Весь набитый матросами да торгашами-плутами.
Этотъ, лѣнивцы, мы переходъ раздѣлили, хоть легкимъ
Людямъ онъ на день: не такъ утомительна Аппія тихимъ.
Здѣсь изъ-за гнусной воды войну объявилъ я желудку
И съ нетерпѣніемъ ждалъ, пока спутники ужинъ
Кончили свой. Ужь ночь, приближаясь, готовилась землю
Тѣнью покрыть и по нѣбу разсыпать ясныя звѣзды:
Тутъ наши слуги съ гребцами, гребцы со слугами вступили
Въ споры. «Причаливай тутъ». «Ты триста готовъ напихать ихъ».
«Стой, довольно!» Пока разочлись да мулà припѣшили,
Цѣлый часъ прошелъ. Комары да лягушки въ болотѣ
Сонъ разогнали. А тутъ отдаленныхъ подругъ воспѣвають,
Кислымъ налúты виномъ, какъ лодочникъ, такъ и погонщикъ,
Другъ передъ дружкой; однакожь усталый погонщикъ склонился
Въ сонъ, а веревку съ мулà, что пущенъ пастися, лѣнивый
Лодочникъ привязалъ за камень, и навзничь самъ дрыхнетъ.
День ужь насталъ, когда мы услыхали, что лодка ни мало
Не подвигается; тутъ одинъ запальчивый, прыгнувъ,

Библиотека "Руниверс"

По головѣ то мулá, то хозяина ивовой палкой
Началъ тесать: въ четвертомъ часу мы только пристали».

Другою особенностью гекзаметра г. Фета слѣдуетъ поставить введеніе имъ двухъ повышеній голоса въ одномъ словѣ. Эта особенность допускается имъ (впрочемъ не всегда удачно) въ словахъ многосложныхъ, которыя поэтому скандируются съ двумя арсисами. Для непривычнаго уха такой пріемъ можетъ показаться сперва страннымъ, но при дальнѣйшемъ чтеніи слухъ къ нему привыкаетъ. Таковы, напримѣръ, слѣдующіе стихи:

Что пѣснопѣніями да ядами все извращаютъ...—
Поселянинъ съ той поры, какъ по древнимъ преданьямъ Сабельцы...
Не объѣзженной тебя истомила, илья Римскій...—
Сѣтуя плачешь: я спрашиваю: не поступишь ли лучше...

Изрѣдка встрѣчаются стихи, метрическое построеніе которыхъ представляется несовсѣмъ удачнымъ. Мѣстами переводчикъ прибѣгаетъ къ измѣненію ударенія противъ общепринятаго, изрѣдка вводитъ формы мало употребительныя, изрѣдка вставляетъ частицы, очевидно, по требованію стиха, кое-гдѣ допускаетъ необычную разстановку словъ. Но всѣ подобныя уклоненія суть не что иное, какъ частности, нисколько не нарушающія того общаго впечатлѣнія, которое производятъ на читателя прекрасные гекзаметры г. Фета. Рѣчь и тонъ перевода также вполнѣ подходятъ къ рѣчи и тону подлинника; это точно такая же середина между языкомъ литературнымъ и рѣчью разговорною, которая составляетъ отличительную особенность Гораціевыхъ sermones. Переводчикъ съ большимъ тактомъ пользуется и разговорною, и даже простонародною рѣчью и только въ исключительныхъ случаяхъ переступаетъ предѣлы дозволеннаго.

Затѣмъ, для полноты своего отчета, рецензентъ счелъ нужнымъ коснуться и примѣчаній, которыми переводчикъ снабдилъ свой переводъ. Примѣчанія эти рѣзко распадаются на двѣ группы: одна имѣетъ въ виду указать хронологію Гораціевыхъ произведеній, разъяснить собственныя имена и техническіе термины, другая— прослѣдить связь между отдѣльными мыслями, уяснить тотъ или другой взглядъ Горація на различныя литературныя явленія. По достоинству, вторая группа стоитъ несравненно выше первой: г. Фетъ вездѣ умѣлъ уловить связь мыслей Горація и съ вѣрнымъ чутьемъ понялъ его взгляды на литературу; особыхъ замѣчаній этотъ отдѣлъ его разъясненій не вызываетъ. Но за то пришлось бы привести длинный рядъ неточностей, которыя вкрались въ указанія,

Библиотека "Руниверс"

относящіяся къ разъясненіямъ собственныхъ именъ техническихъ терминовъ. По этому поводу рецензентъ высказываетъ желаніе, чтобы при послѣдующемъ изданіи переводчикъ принялъ во вниманіе нѣкоторыя важнѣйшія пособія, какъ для изученія Горація, такъ и вообще для знакомства съ классическою древностью, и воспользовался ими для пересмотра и передѣлки своихъ примѣчаній.

Въ заключеніе профессоръ Помяловскій такъ выражаетъ общее свое мнѣніе о переводѣ г. Фета: Въ немъ мы видимъ явленіе, въ нашей литературѣ выдающееся, заслуживающее признательности со стороны всѣхъ интересующихся ея развитіемъ и вполнѣ достойное высшей награды.

Основываясь на такомъ приговорѣ одного изъ самыхъ компетентныхъ въ настоящемъ дѣлѣ судей, Академія тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ увѣнчала русскій переводъ Горація полною Пушкинскою преміей, что увидѣла въ этомъ случай выразить свое уваженіе къ писателю, издавна занимающему почетное мѣсто въ русской литературѣ и нынѣ же обогатившему ее еще другимъ замѣчательнымъ трудомъ—полнымъ поэтическимъ переводомъ обѣихъ частей „Фауста", на что̀ не рѣшался до него ни одинъ изъ переводчиковъ знаменитой нѣмецкой трагедіи.

Вмѣстѣ съ симъ отдѣленіе русскаго языка и словесности, въ засвидѣтельствованіе своей благодарности за содѣйствіе постороннихъ ученыхъ при разсмотрѣніи подлежавшихъ ея суду трудовъ, присудило золотыя медали рецензентамъ ихъ: И. В. Помяловскому и Г. С. Дестунису, а затѣмъ приноситъ искреннюю свою признательность и А. Н. Майкову за дѣятельное участіе, принятое имъ въ совѣщаніяхъ коммиссіи по бывшему конкурсу.

Библиотека "Руниверс"

ГОДИЧНОЕ ЗАСѢДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.

15-го октября текущаго года, въ политехническомъ музеѣ въ Москвѣ, происходило, по обычаю, годичное засѣданіе Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Засѣданіе открылось рѣчью вице-президента общества А. Ю. Давидова, въ которой онъ въ краткихъ чертахъ обрисовалъ дѣятельность общества за истекшій годъ и, указавъ присутствовавшимъ на тяжелую утрату, понесенную обществомъ въ лицѣ его перваго и единственнаго президента Г. Е. Щуровскаго, обратилъ вниманіе членовъ на то, что за обществомъ остался еще долгъ предъ покойнымъ, могила котораго лишена надгробнаго памятника; въ виду этого г. Давидовъ закончилъ свою рѣчь предложеніемъ открыть среди членовъ подписку на устройство памятника на могилѣ Г. Е. Щуровскаго.

Затѣмъ слѣдовало чтеніе отчета, составленнаго и прочитаннаго членомъ совѣта Н. Ю. Зографомъ, исправляющимъ обязанности секретаря. Изъ отчета видно, что общество, кромѣ своего президента, потеряло непремѣнныхъ членовъ: И. И. Вилькинса и А. Г. Фишеръфонъ-Вальдгейма, и иностранныхъ членовъ: профессора Фердинанда Гохштеттера въ Вѣнѣ и профессора Розенгауера въ Эрлангенѣ. Дѣятельность общества выражалась въ засѣданіяхъ, печатаніи трудовъ и научныхъ изслѣдованіяхъ. Всего засѣданій общество имѣло шесть, а его отдѣленія 19, не считая засѣданій коммиссій, состоящихъ при отдѣлахъ. Въ этихъ 25 засѣданіяхъ было сдѣлано 47 рефератами 67 сообщеній. Въ текущемъ году общество издало XLV томъ своихъ Извѣстій и оканчиваетъ печатаніемъ XLVI и XLVII томы. Изданіе трудовъ было возможно лишь благодаря содѣйствію жертво-

Библиотека "Руниверс"

вателя, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, внесшаго въ кассу общества 5,000 р. Труды, изданные обществомъ, суть слѣдующіе: „О физическомъ воспитаніи дѣтей у разныхъ народовъ“ д-ра Е. А. Покровскаго, „Труды отдѣленія физическихъ наукъ“ и „Воскресныя объясненія въ политехническомъ музеѣ за 1882—1883 годъ“. Обмѣнъ изданіями увеличился привлеченіемъ къ обмѣну вновь семи иностранныхъ и одного русскаго ученыхъ обществъ. Кромѣ того, общество и его отдѣлы получали коллекціи, которыя передавались университету и политехническому музею. Въ истекшемъ году общество участвовало своими представителями въ собраніи американской научной ассоціаціи въ Филадельфіи, въ археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ и въ юбилеѣ Кіевскаго университета. Ф. Д. Нефедовъ былъ командированъ отъ общества въ Тургайскую и Оренбургскую области, гдѣ произвелъ раскопки.

Отдѣлы общества, по прежнему, продолжали свою дѣятельность въ границахъ своихъ спеціальностей. Отдѣлъ антропологіи, благодаря просвѣщенному содѣйствію начальниковъ военныхъ округовъ, пріобрѣлъ до 270,000 свѣдѣній о новобранцахъ, составляющихъ богатѣйшій матеріалъ для антропографіи, разработываемый теперь членами отдѣла, а сношенія съ морскими врачами и провинціальными дѣятелями по антропологіи обогатили коллекціи 148 черепами; коллекціи отдѣла, пожертвованныя обществомъ университету и помѣщенныя послѣднимъ въ Россійскомъ историческомъ музеѣ, потребовали отъ завѣдывающаго ими профессора Д. Н. Анучина и секретаря отдѣла Н. Л. Гондатти усиленныхъ трудовъ при размѣщеніи. Теперь они размѣщены въ новомъ помѣщеніи и приводятся въ окончательный порядокъ.

Предметами занятій этнографическаго отдѣла были сообщенія объ изслѣдованіяхъ нѣкоторыхъ народностей Россіи; между народностями древняго міра остановили на себѣ вниманіе отдѣла Ассирійцы, Сумерійцы и народы Кельтскаго племени; одно сообщеніе было посвящено быту австралійскихъ дикарей. Члены отдѣла предпринимали поѣздки въ разныя мѣста Россіи и сообщали о своихъ изслѣдованіяхъ отдѣлу. Такъ, В. Ѳ. Миллеръ и М. М. Ковалевскій посѣтили Кавказскихъ горцевъ, М. Н. Харузинъ — область Войска Донскаго, А. А. Шахматовъ—Олонецкую губернію, а Н. А. Янчукъ—Сѣдлецкую.

Отдѣлъ зоологіи, помимо сообщенія научныхъ свѣдѣній, въ своихъ засѣданіяхъ получилъ переданныя университету коллекціи изъ Ташкента, Ирбита, Воронежа, Смоленска и подмосковныхъ мѣстно-

Библиотека "Руниверс"

стей. Кромѣ того, отдѣлъ возобновилъ сношенія съ другими зоологическими обществами. Портфель отдѣла полонъ матеріала для напечатанія, которое трудно осуществимо, вслѣдствіе скудости средствъ общества.

Новый ботаническій отдѣлъ, открывшійся лишь въ апрѣлѣ текущаго года, имѣлъ, вслѣдствіе наступившаго вакаціоннаго времени, лишь одно засѣданіе. Не смотря на краткое существованіе отдѣла онъ однако уже приступилъ къ печатанію перваго выпуска своихъ трудовъ, которые будутъ издаваться подъ редакціей К. А. Тимирязева.

Отдѣлъ физическихъ наукъ, кромѣ преслѣдованія научныхъ цѣлей, выразившагося въ печатаніи трудовъ подъ редакціей А. Г. Столѣтова, во многочисленныхъ засѣданіяхъ и рефератахъ проводилъ знанія по физикѣ въ публику, устроивъ, совмѣстно съ политехническимъ музеемъ, рядъ публичныхъ засѣданій, посвященныхъ электротехникѣ. Къ двумъ коммиссіямъ, состоявшимъ при отдѣлѣ (коммиссія прикладной физики и физико-математическая), присоединилась вновь организованная физико-химическая, состоящая подъ предсѣдательствомъ В. В. Марковникова. Коммиссія уже заявила себя трудами помѣщенными въ Журналѣ Русскаго физико-химическаго общества.

По прочтеніи отчетовъ предсѣдавшій прочелъ имена лицъ, получившихъ награды или избранныхъ въ почетные, непремѣнные и дѣйствительные члены. Общество избрало въ свои почетные члены профессоровъ Харьковскаго университета Л. С. Ценковскаго и С.-Петербургскаго А. Н. Бекетова, знаменитаго физика Германа фонъ-Гельмгольца, ботаника Буссенго и антрополога де-Катрфажа; въ званіе непремѣнныхъ членовъ избраны профессоръ М. М. Ковалевскій, профессоръ Н. Е. Жуковскій, астрономъ В. П. Энгельгардтъ и этнографъ П. И. Шейнъ; дѣйствительными членами признаны наслѣдный принцъ Монако и Н. Л. Гондатти. Большія золотыя медали присуждены профессору А. Г. Столѣтову, профессору Антону Дорну, устроителю Неаполитанской зоологической станціи, и П. И. Шейну, 25 лѣтъ собиравшему русскія пѣсни и сказки, большая серебряная—Г. Р. Шмидту и малыя серебряныя—В. И. Ребикову и К. А. Фитеру.

Первый рефератъ о заслугахъ П. И. Шейна былъ прочитанъ профессоромъ В. Ѳ. Миллеромъ. Въ своей живой рѣчи референтъ очертилъ трудовую жизнь неутомимаго изслѣдователя русской народности, пожертвовавшаго дѣлу своимъ здоровьемъ и благосостояніемъ и довольствовавшагося скромнымъ и скуднымъ положеніемъ

Библиотека "Руниверс"

провинціальнаго учителя ради возможности болѣе близкаго изученія Русскаго народа. Еврей по происхожденію, П. И. Шейнъ сталъ, благодаря общенію съ русскимъ простолюдиномъ, истиннымъ Русскимъ.

Слѣдующій референтъ, профессоръ И. И. Янжулъ, познакомилъ присутствовавшихъ съ весьма интересною исторіей финансовъ небольшой группы острововъ Фиджи, запутанныхъ благодаря ихъ вождю Какабо и услужливымъ Американцамъ, помогавшимъ ему прилагать къ некультурному народу правила европейской политики. Въ теченіе долгаго времени островитянамъ приходилось испытывать на себѣ всю тяжесть европейскихъ экспериментаторовъ-Англичанъ, замѣнившихъ Американцевъ, пока къ управленію островами не былъ призванъ умный и энергичный Гордонъ, изучившій въ частностяхъ обычаи и нравы страны и замѣнившій непосредственныя отношенія между Европейцами и туземцами отношеніями при посредствѣ прежнихъ, чисто народныхъ управленій и разрѣшившій уплату налоговъ вмѣсто денегъ продуктами острововъ. Со времени управленія Гордона острова поправились, и теперь ихъ финансы въ блестящемъ положеніи. Приводя случаи изъ исторіи другихъ колоніальныхъ управленій, референтъ пришелъ къ такому заключенію, что при общеніи Европейцевъ съ дикими или некультурными народами временная польза возможна лишь тогда, когда Европеецъ прилагаетъ свою культуру къ культурѣ туземной послѣ тщательнаго изученія послѣдней, и когда онъ смотритъ на туземца какъ на человѣка ему равнаго, а не низшаго.

Въ заключеніе засѣданія Д. Н. Анучинъ познакомилъ собраніе съ трудами VI-го археологическаго съѣзда въ Одессѣ по доисторической археологіи.

Библиотека "Руниверс"

СИБИРСКІЕ ОТДѢЛЫ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ 1883 ГОДУ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшій Сибирскій отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества раздѣлился на два самостоятельные отдѣла, изъ которыхъ одинъ имѣетъ мѣстопребываніе въ Иркутскѣ, гдѣ находился и прежній Сибирскій отдѣлъ), а другой—въ Омскѣ. Раздѣленіе это, вызванное увеличеніемъ ученыхъ силъ въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири, не только не разровнило ихъ дѣятельности, но напротивъ того, содѣйствовало ея развитію, что̀ и доказывается уже многими трудами по изученію Сибири, появившимися въ послѣдніе годы, какъ въ Иркутскѣ, такъ и въ Омскѣ. Недавно обнародованныя свѣдѣнія о дѣятельности обоихъ отдѣловъ въ 1883 г. свидѣтельствуютъ о продолжающемся успѣшномъ ея развитіи.

Западно-Сибирскимъ отдѣломъ предприняты были въ 1883 году слѣдующія ученыя экспедиціи:

Въ январѣ 1883 года А. В. Адріановъ сообщилъ отдѣлу о своемъ намѣреніи совершить научную экскурсію въ юго-восточную часть горнаго Алтая, въ водораздѣлъ рѣкъ Абакана и Мрассы, для геологическихъ, орографическихъ, археологическихъ и этнографическихъ наблюденій. Въ виду извѣстныхъ трудовъ г. Адріанова, какъ путешественника, распорядительный комитетъ отдѣла нашелъ возможнымъ оказать ему содѣйствіе денежнымъ пособіемъ въ размѣрѣ пятисотъ рублей и снабдить его картой, руководствами по раскопкѣ кургановъ, сочиненіями по антропологіи, инструкціями и инструментами для антропологическихъ измѣреній. При этомъ комитетъ предложилъ расширить программу изслѣдованій Кузнецкаго Алтая свѣдѣніями о торговыхъ путяхъ, идущихъ изъ Енисейской губерніи въ сѣверную

Библиотека "Руниверс"

часть Монголіи, въ бассейнѣ верхняго Енисея, съ подробнымъ обозрѣніемъ торговой дѣятельности минусинскихъ кущовъ.

Въ іюнѣ 1882 года И. Я. Словцовымъ были открыты близъ г. Тюмени остатки каменнаго вѣка. На производство раскопокъ въ этой мѣстности со стороны отдѣла было ассигновано 300 рублей. Эти раскопки были окончены къ февралю 1883 года весьма успѣшно и доставили много новыхъ и весьма любопытныхъ фактовъ.

Наконецъ, въ томъ же году, по предложенію Г. Н. Потанина, была подготовлена экспедиція для спеціальнаго изслѣдованія озера Балхаша въ орографическомъ и ихтіологическомъ отношеніяхъ.

Членами Западно-Сибирскаго отдѣла въ теченіе 1883 года было приготовлено къ печати четырнадцать ученыхъ трудовъ, и кромѣ того, въ засѣданіяхъ отдѣла и въ публичныхъ засѣданіяхъ сдѣлано было десять научныхъ сообщеній.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, библіотека и музей отдѣла продолжали пополняться: первая—выпискою книгъ и расширившимся обмѣномъ изданій, второй—различными предметами по минералогіи, зоологіи и этнографіи. Изъ поступившихъ въ библіотеку старинныхъ документовъ и рукописей можно указать: 1) на пожертвованную Ѳ. Н. Усовымъ „Инструкцію генерала Шпрингера, данную въ 1765 году комендантамъ крѣпостей пограничныхъ линій: Иртышской, Прѣсногорьковской и Бійской", которая имѣетъ то значеніе, что въ теченіе полувѣка служила главнымъ руководствомъ по военно-гражданскому управленію на сибирской военной границѣ, и 2) на доставленную Д. М. Ваткинымъ рукопись подъ названіемъ „Записная книга о Сибири", переписанную съ рукописи, находящейся въ тобольской архіерейской ризницѣ. Для ознакомленія публики съ музеемъ отдѣла, послѣдній неоднократно былъ открываемъ въ праздничные дни для посторонних лицъ; кромѣ того, во время публичныхъ чтеній, въ залѣ выставлялись иногда болѣе интересные предметы музея.

Что касается Восточно-Сибирскаго отдѣла, то изъ ученыхъ предпріятій, исполненныхъ по его почину въ 1883 году, должно упомянуть о слѣдующихъ:

Н. М. Мартьяновъ совершилъ три поѣздки въ разныя части Минусинскаго округа, съ цѣлью изученія его микологической флоры. Въ концѣ іюня 1883 года онъ посѣтилъ мѣстность къ востоку отъ Минусинска въ пространствѣ между рѣками Тубой и Ничкой, въ сосѣдствѣ селеній Городка, Теси, Шошиной, Кочергиной, Большой и Малой Ини, Коныгиной и Солдатовой заимокъ и около озеръ Кызы-

Библиотека "Руниверс"

куль и Просвирнаго. Вторая, болѣе продолжительная экскурсія г. Мартьянова, совершенная въ половинѣ іюля, была направлена въ населенныя мѣста юго-восточной части Минусинскаго округа и на гору Барусъ, ближайшую къ Минусинску, гдѣ можно встрѣтить альпійскія горныя растенія. Третья поѣздка, на лѣвую сторону Енисея, въ Абаканскую степь и на гору Ихысъ, совершенная въ половинѣ августа, доставила прекрасные образцы солончаковыхъ растеній и каменнаго угля.

В. К. Златковскимъ было предпринято геогностическое изслѣдованіе окрестностей г. Красноярска. Онъ обслѣдовалъ прилегающую къ городу мѣстность по разнымъ направленіямъ, на разстояніи отъ 20 до 40 верстъ. Въ окрестности деревни Базаихи г. Златковскимъ было найдено нѣсколько предметовъ (стрѣлъ, осколковъ кремней) каменнаго вѣка. Подробныя изслѣдованія этой мѣстности были сдѣланы И. Т. Савенковымъ, директоромъ Красноярской учительской семинаріи, который нашелъ тамъ человѣческій скелетъ съ каменными и костяными орудіями, амулетами и другими предметами каменнаго вѣка. Это урочище находится на правомъ берегу рѣки Енисея и лѣвомъ рѣчки Базаихи, при впаденіи послѣдней съ правой стороны въ Енисей, въ 2½ в. выше Красноярска, и называется „боромъ“. Оно представляетъ не высокій (около 3 сажень), продолговатый холмъ, расположенный на низкой равнинѣ, составляющей узкую долину р. Енисея, съ рядомъ болотцевъ у ограничивающей долину возвышенности (болѣе высокой терассы); со стороны Енисея холмъ покрытъ мелкимъ смѣшаннымъ лѣсомъ, а съ противоположной стороны обнажаются сыпучіе пески, на которыхъ найдены г. Златковскимъ кремневые наконечники стрѣлъ, черепки горшковъ съ украшеніями и безъ нихъ; здѣсь же встрѣчаются скопленія довольно крупной гальки, большею частью растрескавшейся; со стороны противоположной Енисею холмъ сопровождается меньшими холмиками, долинки которыхъ и склоны составляютъ пашни. Въ окрестностяхъ Красноярска имѣется нѣсколько холмовъ, подобныхъ „бору“; на нихъ также находятъ кремневые наконечники стрѣлъ и черепки горшковъ. По самому городу, вдоль его южной окраины, параллельной рѣкѣ Енисею, проходитъ такой же холмъ, у западнаго конца котораго также были находимы упомянутые предметы каменнаго вѣка.

Кромѣ вышеупомянутыхъ поѣздокъ, были совершены еще и другія, также съ ученою цѣлью, а именно Я. И. Дубровою, Н. П. Агапитовымъ, В. А. Дипессомъ и Ж. Мортеномъ.

Библиотека "Руниверс"

Литературная дѣятельность отдѣла, по примѣру прежнихъ лѣтъ, выражалась въ изданіи Извѣстій, выходящихъ отдѣльными, несрочными выпусками. Выпуски, изданные въ 1883 г., содержатъ въ себѣ нѣсколько весьма любопытныхъ статей.

Въ отношеніи общей организаціи отдѣла, 1883 годъ былъ едва ли не самымъ благопріятнымъ съ самаго основанія отдѣла. Не смотря на многія невзгоды, на потерю, во время пожара, истребившаго Иркутскъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, всего имущества, библіотеки и коллекцій, собиравшихся десятками лѣтъ, въ настоящее время отдѣлъ находится при лучшихъ условіяхъ, чѣмъ когда-либо. Въ 1883 году для помѣщенія отдѣла былъ пріобрѣтенъ въ г. Иркутскѣ собственный домъ; для музея точно также было выстроено особое помѣщеніе.

Библіотека отдѣла увеличилась въ отчетномъ году на 306 названій и 803 томовъ, картъ, брошюръ и нумеровъ періодическихъ изданій. Всего къ началу 1884 года въ библіотекѣ находились на лицо 1.606 названій, въ 5.466 нумерахъ. Въ музей поступило въ 1883 году 102 названія, въ 801 экземплярѣ, а всего къ началу 1884 года было 5.862 нумера, въ томъ числѣ 36 инструментовъ. Библіотекой отдѣла пользовались въ теченіе года 21 человѣкъ, которыми было вытребовано 615 томовъ. Посѣтителей въ музеѣ въ 1883 году было значительно болѣе, чѣмъ въ 1882, что̀ слѣдуетъ приписать перемѣщенію музея въ собственное зданіе на лучшей улицѣ города, отчего это помѣщеніе сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ жителямъ Иркутска, тогда какъ за годъ предъ симъ музей скромно ютился въ двухъ низкихъ комнаткахъ, въ сравнительно отдаленной части города.

Библиотека "Руниверс"

ПО ВОПРОСУ О ЗЫРЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ И ЗЫРЯНСКОЙ ГРАМОТѢ.

Редакція Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія получила изъ города Усть-Сысольска, Вологодской губерніи, два заявленія г. А. П. по поводу сдѣланныхъ извѣстнымъ знатокомъ зырянскаго языка и народности Г. С. Лыткинымъ переводовъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ и по поводу сужденій того же лица о прежнихъ переводахъ на тотъ же языкъ. Сужденія эти были высказаны г. Лыткинымъ въ статьѣ, помѣщенной на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (декабрь, 1883 г.); поэтому редакція сочла возможнымъ сообщить замѣчанія г. А. П. въ рукописи своему сотруднику и просила его изложить свои соображенія по поводу этихъ замѣчаній. Г. Лыткинъ съ удовольствіемъ согласился исполнить эту просьбу. Печатаемыя теперь замѣчанія г. А. П. и отвѣтъ на нихъ г. Лыткина могутъ содѣйствовать выясненію вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ переводить на зырянскій языкъ, и вообще на инородческіе языки, священныя и богослужебныя книги, и какую грамоту слѣдуетъ употреблять для инородческихъ языковъ, при введеніи въ нихъ письменности.

I.

Два письма изъ Усть-Сысольска.

1. О переводахъ г. Лыткина на зырянскій языкъ.

Какъ природный Зырянинъ, желающій истинной пользы отъ распространенія зырянскихъ переводовъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, считаю долгомъ высказать свое мнѣніе о „Божественной ли-

Библиотека "Руниверс"

тургіи Іоанна Златоуста" и „Евангеліи отъ Матѳея", появившихся не такъ давно въ переводѣ Г. С. Лыткина. По моему мнѣнію, переводы г. Лыткина, не смотря на его громадные труды, едва ли могутъ принести какую-нибудь пользу.

Главный недостатокъ его переводовъ, почему они совсѣмъ не читаются Зырянами, заключается въ ореографіи. Отсутствіе присущихъ зырянскому языку звуковъ: *ю*, *я*, *ъ*, *ь* и *й*, вставка латинскаго *j* и смягченія въ видѣ греческаго тяжелаго ударенія, а также помѣщеніе звука *э* внизу строки (напримѣръ: відэ, спаси), лишаютъ не только простолюдиновъ, но и болѣе или менѣе образованныхъ и священно-и церковнослужителей, всякой возможности читать эти переводы. Поэтому, когда крестьянамъ предлагаютъ читать переводы г. Лыткина, они не безъ основанія говорятъ, что „это написано не по зырянски и не по русски". Намъ кажется, что если переводчикъ своимъ трудомъ желалъ принести пользу Зырянамъ, что, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, то можно было упростить чтеніе до возможной легкости безъ опущенія вышеозначенныхъ звуковъ и вставки латинскаго *j*, съ прибавленіемъ только звука *ӧ*, для выраженія котораго нѣтъ соотвѣтствующаго звука въ русскомъ языкѣ.

Второй важный недостатокъ переводовъ г. Лыткина заключается въ стараніи переводчика каждое русское слово непремѣнно замѣнить зырянскимъ, хотя бы переводимаго слова и не было въ зырянскомъ языкѣ; вслѣдствіе того онъ почти вездѣ, гдѣ переводимому слову не находитъ соотвѣтствующаго зырянскаго слова, прибѣгаетъ къ буквальному переводу, чѣмъ еще болѣе усложняетъ пониманіе своего переложенія; напримѣръ, въ словахъ: „и трезвитися даже до времени священнодѣйствія", г. Лыткинъ переводитъ „вежа керӧмъ", какъ нигдѣ не говорятъ; равнымъ образомъ „Духъ Святый" г. Лыткинъ переводитъ буквально „Вежа Лолъ", что также положительно непонятно, и т. д. Прилагательное вежа, святый, прилагается у насъ только къ очень немногимъ именамъ, а не вездѣ, гдѣ въ русскомъ языкѣ стоитъ „святый", напримѣръ, говорятъ: вежа ва, освященная вода; вежа пи, крестникъ; вежа нылъ, крестница; вежъ ай, крестный отецъ; вежъ ань, крестная мать, но никогда не говорятъ: Вежа Лолъ, Святый Духъ (а Святӧй Духъ), вежа Павелъ, святый Павелъ (а святӧй Павелъ), какъ встрѣчается въ переводахъ г. Лыткина. Трудно сказать, почему г. Лыткинъ избѣгалъ вносить въ свои переводы русскія слова, уже вошедшія въ составъ зырянскаго языка, безъ чего намъ, современнымъ Зырянамъ, не понятны его переводы. Кромѣ

Библиотека "Руниверс"

того, во многихъ мѣстахъ встрѣчается и неправильная передача славянскаго текста, напримѣръ, въ словахъ: „Хотяй священникъ божественное совершати тайнодѣйствіе", слово „совершати" г. Лыткинъ переводитъ „тыртыны", что̀ значитъ наполнять, но не совершать, и др. Не боясь погрѣшить, можно также сказать, что и переводъ „Евангелія отъ Матѳея" не отличается бо̀льшими достоинствами. Притомъ же „Евангеліе отъ Матѳея" уже было переведено на зырянскій языкъ гораздо ранѣе г. Лыткина и издано на счетъ Россійскаго библейскаго общества въ 1823 году. Къ сожалѣнію только, этотъ отличный переводъ былъ отпечатанъ въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Не смотря на то, что переводъ этотъ былъ изданъ 60 лѣтъ тому назадъ, онъ до сихъ поръ каждому вполнѣ понятенъ, и каждый грамотный простолюдинъ читаетъ его весьма свободно. Такіе переводы были бы желательны и, безъ сомнѣнія, принесли бы благіе результаты и для просвѣщенія Зырянъ.

2. О сужденіяхъ г. Лыткина касательно прежнихъ переводовъ на зырянскій языкъ.

Въ статьѣ своей „Пятисотлѣтіе Зырянскаго края" (Журн. Мин. Нар. Пр., декабрь 1883 г.), г. Лыткинъ рѣзко высказывается о прежнихъ переводчикахъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ и объ ихъ трудахъ. Въ концѣ статьи г. Лыткина читаемъ: „Семинаристъ-Зырянинъ А. Шергинъ, при переводѣ Евангелія отъ св. Матѳея, снабдилъ свой переводъ русскими союзами и словами въ такомъ обиліи, что я, когда впервые прочелъ его переводъ въ 1850-хъ годахъ, не понялъ смысла его зырянской рѣчи и вынужденъ былъ обратиться къ славянскому тексту. За г. Шергинымъ упражнялись въ искаженіи зырянской рѣчи: Кастренъ, Видеманъ, Савваитовъ, Андр. Е. Поповъ, Н. П. Поповъ". Не говоря уже о томъ, что такое нелестное и даже странное заключеніе г. Лыткинъ выводитъ безъ всякихъ доказательствъ, позволяю себѣ замѣтить, что г. Лыткинъ, протестуя противъ увлеченій прежнихъ переводчиковъ, самъ увлекается не менѣе, если не болѣе ихъ, а потому и нельзя утверждать, что имъ возстановлена правильность передачи славянскаго текста на зырянскій языкъ. Напротивъ того, переводы на зырянскій языкъ А. Шергина (Евангеліе отъ св. Матѳея), П. И. Савваитова (Грамматика зырянскаго языка, 1850 г.), А. Е. Попова и Н. П. Попова рѣзко отличаются отъ переводовъ г. Лыткина (Евангелія отъ св. Матѳея и Божественной литургіи Іоанна Златоуста) своею ясно-

Библиотека "Руниверс"

стію, болѣе или менѣе правильностію перевода, общедоступною формою изложенія, общедоступнымъ правописаніемъ (по этому достоинству переводъ А. Шергина лучшій), и однимъ словомъ—своими практическими достоинствами, что̀ выразительнѣе словъ и доказывается сочувственнымъ отношеніемъ Зырянъ къ этимъ переводамъ, тогда какъ переводы г. Лыткина недоступны для чтенія и нисколько не достигаютъ своей цѣли. Правда, что въ переводы гг. Шергина, Савваитова и Поповыхъ внесено много русскихъ словъ, вошедшихъ въ составъ зырянскаго языка, въ томъ числѣ и нѣкоторые союзы, но они не только не искажаютъ зырянской рѣчи, но и придаютъ переводу полную ясность и правильность, тогда какъ г. Лыткинъ, избѣгая вносить въ свои переводы русскія слова, уже вошедшія въ составъ зырянскаго языка, дѣлаетъ свой переводъ не только неяснымъ, но и положительно непонятнымъ, особенно когда слово, не встрѣчающееся въ зырянскомъ языкѣ, онъ переводитъ буквально (а такіе переводы у него встрѣчаются едва ли не въ каждой строкѣ). Вѣдь и въ нашемъ русскомъ языкѣ есть не мало иностранныхъ словъ, и между тѣмъ они, будучи общепонятными, никого не затрудняютъ; зачѣмъ же чуждаться вносить въ зырянскій переводъ русскія слова, съ которыми всѣ Зыряне уже свыклись, и отъ большаго до малаго употребляютъ ихъ въ своихъ разговорахъ? Положимъ, что г. Лыткина поражаетъ обиліе русскихъ словъ въ зырянскихъ переводахъ; Зырянъ же, живущихъ по рр. Сысолѣ, Вычегдѣ и Выми, теперь это уже не только не поражаетъ, а напротивъ, способствуетъ ихъ отчетливому пониманію перевода.

Какая можетъ быть польза отъ распространенія зырянскихъ переводовъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, если для насъ, Зырянъ конца XIX вѣка, переводы эти будутъ „не искаженные“ и сдѣланы на то нарѣчіе, на которомъ говорили при св. Стефанѣ Пермскомъ, болѣе 500 лѣтъ тому назадъ? Развѣ не тѣ переводы только достигаютъ цѣли, которые пишутся живымъ народнымъ языкомъ, существующимъ въ извѣстное время въ устахъ народа? Съ этой стороны, мнѣ кажется, что для перевода книгъ на зырянскій языкъ совсѣмъ не нужно быть ученымъ филологомъ, а достаточно знать твердо языкъ зырянскій, знать богословскіе предметы и быть знакомымъ съ греческимъ языкомъ, для сличенія славянскаго текста въ трудныхъ мѣстахъ съ греческимъ подлинникомъ. Это видно изъ того, что переводъ на зырянскій языкъ одного волостнаго писаря, не получив-

Библиотека "Руниверс"

шаго почти никакого научнаго образованія [1]), переводъ, написанный живымъ народнымъ языкомъ, читается Зырянами съ изумительнымъ вниманіемъ, хотя и сдѣланъ съ грубыми ошибками въ ореографіи. Г. Лыткинъ строго судитъ о бывшемъ „семинаристѣ“ А. Шергинѣ. Онъ былъ протоіереемъ Усть-Сысольскаго собора и смотрителемъ мѣстнаго духовнаго училища, и едва ли можно предположить, чтобы природный Зырянинъ, протоіерей Шергинъ (онъ родомъ изъ города Усть-Сысольска), переводя на зырянскій языкъ Евангеліе отъ св. Матѳея для своей паствы, внесъ въ свой переводъ русскія слова безъ крайней надобности.

Мнѣ кажется, что сдѣланный г. Лыткинымъ переводъ Евангелія отъ св. Матѳея есть не что иное, какъ передѣлка перевода того же Евангелія А. Шергина; только, читая переводъ г. Лыткина, дѣйствительно не понимаешь смысла зырянской рѣчи, между тѣмъ какъ переводы протоіерея А. Шергина, П. И. Савваитова, А. Е. Попова и Н. П. Попова вполнѣ понятны, если прочитать, какъ слѣдуетъ, хотя у перваго и есть устарѣлые зырянскіе обороты. Читая сдѣланный г. Лыткинымъ переводъ Божественной литургіи Іоанна Златоуста, Зырянинъ рискуетъ понять смыслъ превратно. При всѣхъ недостаткахъ переводовъ г. Лыткина, они однако, какъ и всякій переводъ, могутъ быть исправлены. Указать на всѣ недостатки въ переводахъ г. Лыткина составило бы большой трудъ, для котораго у меня нѣтъ времени; но священно-и церковнослужителямъ Зырянскаго края слѣдовало бы заняться этимъ дѣломъ.

Въ заключеніе замѣчу, что мнѣ кажется страннымъ, почему, какъ г. Лыткинъ, такъ и всѣ прежніе переводчики, не отдѣляютъ въ письмѣ предлоговъ, которыхъ (вопреки зырянской грамматикѣ г. Савваитова, въ которой нѣтъ и параграфа о предлогахъ) я насчиталъ уже до пятидесяти. Отдѣляются же вѣдь они въ другихъ языкахъ, даже предлоги, состоящіе изъ одного звука. Въ зырянскомъ же языкѣ односложныхъ предлоговъ очень мало, а большею частію—состоятъ они изъ двухъ слоговъ. Если бы введено было отдѣленіе предлоговъ, то стало бы ясно, что въ зырянскомъ языкѣ совсѣмъ не 17 падежей, какъ насчитываетъ П. И. Савваитовъ, а не больше, чѣмъ въ русскомъ языкѣ.

А. Ш.

---

[1]) Онъ перевелъ брошюру „О кончинѣ Государя Императора Александра Николаевича“, которая была отпечатана въ 1883 году.

Библиотека "Руниверс"

II.

Отвѣтъ на замѣчанія г. А. П.

Замѣчанія г. А. П. о моихъ зырянскихъ работахъ даютъ мнѣ поводъ изложить мои соображенія по двумъ вопросамъ: 1) о томъ, какъ примѣнить русскій алфавитъ къ инородческимъ языкамъ, и 2) о томъ, какъ переводить съ русскаго языка на инородческій языкъ. Оба эти вопроса понынѣ живо трогаютъ инородцевъ въ Россіи—и Зырянъ, и Вотяковъ или Вотовъ, и Татаръ, и Чувашъ, и Киргизовъ и т. д.

Относительно примѣненія русскаго алфавита съ измѣненіями къ татарскому языку мы имѣемъ прекрасный образецъ въ трудахъ Н. И. Ильминскаго, директора учительской семинаріи въ Казани, всецѣло преданнаго великому дѣлу просвѣщенія Татаръ и отличнаго знатока татарскихъ нарѣчій. Его многолѣтними неусыпными трудами, казалось, дѣло примѣненія русскаго алфавита къ татарскому языку уже установлено прочно, но къ сожалѣнію, теперь обнаруживается, что его многолѣтнее дѣло едва не было уничтожено, что̀ мы можемъ видѣть изъ брошюрки, которая въ 1883 году напечатана въ Казани подъ заглавіемъ: „Изъ переписки по вопросу о примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ“. Изъ этой переписки явствуетъ, что одни (г. Туркестанскій генералъ-губернаторъ, г. попечитель Оренбургскаго учебнаго округа, большинство членовъ факультета восточныхъ языковъ) желали, чтобы русскій алфавитъ безъ всякихъ измѣненій и дополнительныхъ знаковъ былъ принятъ нашими инородцами; другіе же (Н. И. Ильминскій и меньшинство членовъ факультета восточныхъ языковъ) желали, чтобы русскій алфавитъ былъ принятъ инородцами, но съ измѣненіями и дополнительными знаками, вызываемыми необходимостію. Очевидно, что въ этомъ дѣлѣ вся правда на сторонѣ послѣднихъ. Нужно пожелать, чтобы на будущее время подобныя пререканія не возобновлялись, ибо русскій алфавитъ безъ измѣненій и дополнительныхъ знаковъ безусловно негоденъ какъ для татарскихъ языковъ, такъ и для вотяцкаго и зырянскаго.

Что касается зырянскаго языка, то уже св. Стефанъ, просвѣтитель Вычегодскихъ и Сысольскихъ Зырянъ, въ 1372 г., видя недостаточность славянскаго алфавита, нашелъ нужнымъ составить, какъ

Библиотека "Руниверс"

видно изъ приложеній къ статьѣ моей „Пятисотлѣтіе Зырянскаго края", особый зырянскій алфавитъ, соотвѣтствующій звукамъ зырянскаго языка, на что̀ указываетъ и Епифаній. Послѣдній справедливо замѣчаетъ и о тѣхъ современникахъ св. Стефана, которые были недовольны и его зырянскою азбукою, и его переводами на зырянскій языкъ: „нѣціи же, скудни суще умомъ, рѣша: почто ли сотворени суть книгы пермскія? или что ради составлена бысть азбука пермскія грамоты?... Аще ли и се требѣ есть, достояше паче русскаа, готова сущи грамота, юже предати имъ и научити я"... Св. Стефанъ, знатокъ зырянскаго и греческаго языковъ, видимо обладалъ еще тѣмъ филологическимъ чутьемъ, которое подсказало ему, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія вводить знаки: *ъ, ь, ю, я, и* (у него есть *і*), *ѳ, х, ц* и т. д. изъ славянскаго алфавита въ зырянскій, но что есть основаніе отличить *с* мягкое отъ *с* твердаго; оно же побудило его отличить начертаніе зырянскихъ знаковъ отъ славянскихъ и приблизить ихъ къ греческимъ. Эта Стефановская зырянская азбука, равно и его зырянскіе переводы, съ теченіемъ времени, вышли изъ употребленія. Въ упомянутой статьѣ моей приведено начертаніе зырянскихъ буквъ по нѣсколькимъ спискамъ; сохранившіяся зырянскія надписи нынѣ прочтены. Что касается перевода Златоустовой обѣдни, имъ сдѣланнаго и писаннаго зырянскими буквами, то онъ дошелъ до насъ только въ отрывкѣ, уже переписанномъ славянскими буквами такимъ любителемъ изъ Русскихъ, который не зналъ зырянскаго языка, но зналъ зырянскія буквы. Этотъ любитель изъ Русскихъ, какъ и подобало Русскому, внесъ знаки ъ, ь и т. д., которыхъ не было въ зырянскомъ подлинникѣ. Когда отрывокъ Стефанова перевода, переписаннаго славянскими буквами, появился въ 1780 г. въ 3-мъ томѣ „Дневныхъ Записокъ" акад. Ив. Лепехина, то и Устюжскій епископъ Іоаннъ обратилъ свое вниманіе на Стефановъ переводъ Златоустовой обѣдни. Несомнѣнно, что именно епископъ Іоаннъ (въ 1780 — 1783 гг.) приказалъ какому-то семинаристу, то-есть, образованному Зырянину [1]), переписать весь Стефановъ переводъ Златоустовой обѣдни. Образованный Зырянинъ-семинаристъ, какъ и подобало, нашелъ нужнымъ исправить якобы Стефановы ошибки и передѣлалъ Стефановъ переводъ такъ, какъ

[1]) Горожане и крестьяне до 1840 г. дѣтей своихъ не посылали ни въ гимназіи, ни въ университеты; дѣти же духовныхъ получали образованіе въ семинаріяхъ. Ясно, что слово *семинаристъ* означаетъ образованнаго Зырянина.

Библиотека "Руниверс"

указано въ моей статьѣ. Рукописные экземпляры этой передѣлки находятся у г. Савваитова и въ Румянцевскомъ музеѣ (въ собраніи Ундольскаго). Какъ Русскій-списыватель, такъ и Зырянинъ-передѣлыватель, писали зырянскій текстъ славянскими буквами и внесли знаки: ъ, ь, и, ю и т. д.; первый (Русскій), знавшій Стефановскую азбуку, конечно, не могъ понять того, что можно писать русскими буквами и безъ ъ, ь, а второй (Зырянинъ), вѣроятно, и не зналъ Стефановской зырянской азбуки....

Въ то время, когда протоіерей Шергинъ, изучившій въ семинаріи греческій и латинскій языки, видѣвшій въ Вологодскомъ каѳедральномъ соборѣ зырянскую надпись на образѣ св. Троицы [1]), печаталъ свой зырянскій переводъ Евангелія отъ св. Матѳея, была уже извѣстна Стефанова зырянская азбука, напечатанная въ примѣчаніяхъ къ Исторіи Государства Россійскаго Карамзина. Хотя протоіерей Шергинъ и внесъ новый знакъ ӧ, соотвѣтствовавшій древне-славянскому знаку ъ, но далѣе не пошелъ: онъ удержалъ знаки ъ, ь и др.; филологическое чутье не подсказало ему, какъ св. Стефану, что эти знаки излишни въ зырянскомъ языкѣ... Этого филологическаго чутья, видимо, недостаточно и у г. А. П., который находитъ орѳографію Шергина образцовою и вполнѣ достаточною для выраженія звуковъ зырянскихъ словъ....

Академикъ Шёгренъ (Финнъ), проф. Кастренъ (Финнъ), г. Видеманъ (Эстъ), писавшіе латинскимъ шрифтомъ, освободили зырянскія слова отъ ненужныхъ русскихъ знаковъ. Вслѣдъ за ними П. И. Савваитовъ (за послѣднимъ и г. Роговъ), писавшій русскимъ шрифтомъ, справедливо воздержался въ своихъ трудахъ отъ ъ, ь, ю, я; но онъ (за нимъ и Роговъ) употребляетъ одинъ и тотъ же знакъ *j* въ двухъ значеніяхъ: вопервыхъ, для обозначенія полугласной *й*, и вовторыхъ, для обозначенія мягкой согласной или русскаго ь, у другихъ. Н. П. Поповъ, по совѣту акад. Шёгрена, для обозначенія полугласной *й* оставилъ знакъ *j*, но для обозначенія мягкой согласной употребилъ особый знакъ надъ послѣднею. Этотъ Шёгреновскій или ака-

---

[1]) Когда устюжскій докторъ Фризъ представилъ въ 1788 г. въ Академію Наукъ снимокъ съ зырянской надписи на образѣ св. Троицы, находившемся въ Вожемѣ, и когда Академія напечатала этотъ снимокъ въ 1790 году, и то Вологодскій архіерей Аѳеній (ум. въ 1803 г.) обратилъ свое вниманіе на этотъ образъ, который и былъ перенесенъ изъ Вожема въ Вологодскій каѳедральный соборъ.

Библиотека "Руниверс"

демическій знакъ [1]) принятъ и мною надъ мягкими согласными слѣдующихъ трехъ группъ: 1) *д* (=*дь*), *т* (=*ть*); 2) *з* (=*зь*), *дз* (=*дзь*), *с* (=*сь*), *ч* (=*чь*); 3) *л* (=*ль*), *н* (=*нь*); другія же согласныя, вопреки мнѣнію г. Савваитова, не терпятъ этого смягченія. Важность этого знака заключается особенно въ томъ, что при употребленіи этихъ мягкихъ согласныхъ зырянское словопроизводство значительно упрощается и уясняется, что̀ можно видѣть въ моемъ трудѣ „Зырянскій край при епископахъ Пермскихъ и Зырянскій языкъ“ (нынѣ отпечатанъ); напримѣръ, уничтожается необходимость въ двухъ склоненіяхъ, въ двухъ спряженіяхъ, какъ видимъ въ грамматикахъ. Видемана, Савваитова и Рогова. Еслибы г. А. П. не опирался на мнѣніе людей малограмотныхъ и былъ внимательнѣе къ звукамъ и смыслу словъ своего роднаго языка, то онъ, при чтеніи моихъ уже извѣстныхъ ему работъ, замѣтилъ бы это и безъ моего указанія и выбросилъ бы изъ своего алфавита негодный знакъ ъ. Здѣсь же замѣчу, что въ зырянскомъ языкѣ знакъ *и* не нуженъ, такъ какъ уже есть знакъ *і* (какъ и у св. Стефана); ясно, что не нуженъ и знакъ *й*, происходящій изъ *и*, такъ какъ удвоенный знакъ *і* даетъ знакъ *j* (у св. Стефана точка надъ *і*). Точно также г. А. П., если вникнетъ въ дѣло, замѣтитъ, что для знака *ю*, о которомъ онъ скорбитъ, нѣтъ мѣста въ зырянскомъ языкѣ; напримѣръ, не слѣдуетъ писать *ю*кöдъ, какъ онъ написалъ бы [2]), но слѣдуетъ писать *j*укöд; ибо слово это въ Вотскомъ языкѣ произносится: *j*укет и *л*укет; тутъ нѣтъ мѣста для знака *ю*, а есть мѣсто для j+у=*й*+у; что въ зырянскомъ языкѣ нѣтъ мѣста и для знака *я* (напримѣръ, не слѣдуетъ писать лолъя, а слѣдуетъ писать лол — j — а; ибо въ словѣ лолъя, вопервыхъ, знакъ ъ излишній балластъ, а во вторыхъ знакъ *я* есть знакъ сложный, состоящій изъ *j*+*а*)... Итакъ, слова г. А. П.: „отсутствіе присущихъ и зырянскому языку звуковъ: *ю*, *я*, ъ, ь и *й*, вставка латинскаго j и смягченіе въ видѣ греческаго тяжелаго ударенія“

[1]) См. Осетинская грамматика, акад. *Шёгрена*. Г. А. П., ссылаясь на трудъ Н. П. Попова (Учебникъ зырянскаго языка), напечатанный тѣмъ же правописаніемъ, какое употреблено въ моихъ работахъ, и относя его трудъ къ числу переводовъ, отличающихся *общедоступнымъ правописаніемъ*, говоритъ о моихъ переводахъ, что ихъ, благодаря *правописанію*, лишены возможности читать не только простолюдины, но и болѣе или менѣе образованные и священно-церковнослужители. Думаю, что г. А. П. не читалъ труда Н. П. Попова.

[2]) Правописаніе г. А. П. извѣстно мнѣ по его рукописному зырянскому переводу описанія священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Библиотека "Руниверс"

доказываютъ только непониманіе словообразованія зырянскаго языка. За знакъ *дз* я стоять не буду; ибо въ академической типографіи онъ сначала отлитъ такъ, что смягченіе было обозначено надъ д, когда слѣдовало надъ з; вновь отлитый тоже неудовлетворителенъ; въ синодальной типографіи вновь отлитый знакъ нѣсколько удовлетворительнѣе.

Пора перейдти къ вопросу о томъ, какъ переводить съ русскаго языка на инородческій языкъ. Здѣсь мы должны указать на статьи Н. И. Ильминскаго: 1) Практическія замѣчанія о переводахъ и сочиненіяхъ на инородческихъ языкахъ (Православн. Собесѣдн., 1871, кн. 3; также отдѣльн. брошюрки); 2) О переводѣ православныхъ христіанскихъ книгъ на татарскій языкъ (Журн. Мин. Нар. Пр., 1870 г., ч. CLII) и 3) О церковномъ богослуженіи на инородческихъ языкахъ (Православный Собесѣдникъ, 1883 г., мартъ). Въ одной изъ нихъ онъ даетъ справедливый совѣтъ всѣмъ, желающимъ толково переводить на языки урало-алтайской группы, куда относится и зырянскій языкъ: познакомиться съ „Монгольско-Калмыцкою грамматикою" А. Бобровникова. Такъ какъ грамматика Бобровникова составляетъ нынѣ библіографическую рѣдкость, то я, съ своей стороны, всѣмъ таковымъ переводчикамъ совѣтую познакомиться съ „Грамматикою алтайскаго языка, составленною членами Алтайской миссіи" (Казань, 1869 г.), гдѣ отдѣленіе 3-е (о составленіи предложеній простыхъ и сложныхъ) выдаетъ опытную руку самаго почтеннаго Н. И. Ильминскаго. Если бы г. А. П. познакомился съ этими статьями г. Ильминскаго, то онъ отказался бы отъ мысли, что русскіе союзы и слова не искажаютъ зырянской рѣчи, и понялъ бы, что переводить на зырянско-семинарскій жаргонъ не слѣдуетъ; онъ понялъ бы, что въ зырянскомъ языкѣ предлоговъ нѣтъ, но есть послѣлоги или послѣположенія, о которыхъ и у г. Савваитова сказано много и достаточно удовлетворительно [1]); онъ понялъ бы тогда, что, быть можетъ, не слѣдъ толковать не только о 17 падежахъ, какъ дѣлаетъ г. Савваитовъ, за которымъ иду и я, но не

---

[1]) Г. А. П. ссылается на грамматику г. Савваитова и насчитывается въ ней 17 падежей, но параграфа о предлогахъ онъ не находитъ. Г. Савваитову не зачѣмъ было давать параграфа о *предлогахъ*, которыхъ нѣтъ въ зырянскомъ языкѣ, какъ и во всѣхъ языкахъ урало-алтайской группы, но онъ далъ потребное и удовлетворительное изложеніе о *послѣлогахъ* или *послѣположеніяхъ*, соотвѣтствующихъ *предлогамъ* въ языкахъ индо-европейской группы.

Библиотека "Руниверс"

слѣдъ толковать и о 6 падежахъ, какъ думаетъ г. А. П. Однако, прежде всего г. А. П. слѣдуетъ пріучиться къ Шёгреновой или академической ороографіи по труду Н. П. Попова и проштудировать грамматику зырянскаго языка г. Савваитова.

Во второй половинѣ XIV вѣка въ распоряженіи св. Стефана не было руководителей, подобныхъ Бобровникову и Ильминскому, когда онъ принялся за переводъ книгъ на зырянскій языкъ, но филологическій тактъ у него былъ столь крупный, что онъ, какъ видимъ изъ примѣровъ, приведенныхъ въ моей статьѣ, хотя и переводилъ буквально, хотя и строго держался славянской рѣчи, однако строилъ зырянскія фразы такъ, что мы и теперь должны у него поучиться этому искусству. Св. Стефанъ не долюбливалъ русскіе союзы, которыми семинаристы наполняютъ нынѣ зырянскій языкъ; онъ ихъ выкидывалъ, гдѣ только было возможно; а тамъ, гдѣ по смыслу нужно было употребить союзъ, онъ находилъ такой зырянскій оборотъ, который замѣнялъ этотъ союзъ; изрѣдка же союзъ *и* переводилъ онъ словомъ сесь (*сесса*). Св. Стефанъ въ XIV вѣкѣ находилъ въ зырянскомъ языкѣ слова, соотвѣтствовавшія славянскимъ. Такъ, напримѣръ, слова „Святый Духъ“ я перевелъ словами „Вежа Лол“, какъ научила меня въ дѣтствѣ моя матушка, деревенская уроженка. Но г. А. П., видимо получившій воспитаніе въ семинарской (образованной) средѣ, находитъ такой переводъ неприличнымъ; онъ даже не полюбопытствовалъ справиться въ моей статьѣ, какъ эти слова переводитъ св. Стефанъ. А онъ переводитъ ихъ такъ: 1) въ надписи на образѣ Сошествія Св. Духа (стр. 316) Вежа Леол, Вежа Лол; 2) въ тропарѣ на Крещеніе Господне (стр. 319) полтосъ; 3) въ Символѣ вѣры (стр. 323) вежа пелтосъ. Послѣдніе два примѣра взяты изъ „Дневныхъ Записокъ“ Лепехина. Выше я указывалъ, что русскій любитель, не знавшій зырянскаго языка, но знавшій зырянскую азбуку, переписалъ написанный зырянскими буквами Стефановъ переводъ славянскими буквами. Если эти слова полтосъ, вежа пелтосъ переписать обратно зырянскими буквами и сличить ихъ съ тѣми словами, которыя имъ соотвѣтствуютъ въ зырянской надписи на иконѣ Сошествія Святаго Духа, несомнѣнно принадлежащей перу св. Стефана, тогда будетъ до очевидности ясно, что переписчикъ не понималъ зырянскихъ словъ, перепуталъ зырянскія буквы и прочелъ полтосъ или пелтосъ тамъ, гдѣ нужно было читать Лолбс. Странно, что образованные зыряне, Шергинъ и г. А. П., стоящіе за слова „Святой Духъ“, не сохранили словъ „Вежа Лол“, данныхъ св. Стефаномъ, а

Библиотека "Руниверс"

крестьяне сохранили ихъ. При переводѣ Символа вѣры (стр. 323) въ Лепехинскомъ спискѣ Стефанова перевода мы отыскали слово грекьяслысъ и изумились, такъ какъ св. Стефанъ переводитъ на зырянскій языкъ всѣ слова, кромѣ слова аминь; но затѣмъ успокоились, ибо при переводѣ молитвы Господней (стр. 324) это же слово пишется мышьяснымлу (мыжіаснымлу), а не грекьяснымлу. Очевидно, что слово грекьяслысъ въ Символѣ вѣры стоитъ вмѣсто мыжьяслысъ, и что оно есть приписка или переписчика, или кого другаго. Этихъ примѣровъ довольно для того, чтобъ указать, какъ св. Стефанъ переводилъ и какимъ крупнымъ филологическимъ тактомъ онъ обладалъ [1]). Въ XIV вѣкѣ онъ руководился при своихъ переводахъ

---

[1]) Здѣсь считаю нужнымъ сообщить для свѣдѣнія г. А. П. и другихъ земляковъ слѣдующее: 1) Почему обозначена моя фамилія на переводѣ Евангелія отъ св. Матѳея (изд. библейскаго депо) и на переводѣ Божественной литургіи (изд. святѣйшаго синода), когда фамиліи другихъ переводчиковъ на подобныхъ книгахъ не обозначаются? Извѣстно, что инородческіе языки литературно не обработаны, а потому переводы (въ первыхъ изданіяхъ) *должны быть* недостаточно удовлетворительны. Кто долженъ отвѣчать за неудовлетворительный переводъ: переводчикъ или св. синодъ? По моему убѣжденію, долженъ отвѣчать переводчикъ, и фамилія его должна быть извѣстна. Когда при слѣдующихъ изданіяхъ переводъ значительно будетъ исправленъ, фамилію переводчика нужно снять, и переводъ будетъ уже достояніемъ св. синода. 2) Нужно ли давать переводъ священныхъ книгъ на одномъ инородческомъ языкѣ, или же нужно печатать текстъ славянскій или русскій и переводъ? По моему убѣжденію, нужно печатать текстъ русскій или славянскій и переводъ, но ни коимъ образомъ не давать одинъ только переводъ. Библейское депо отказалось отъ параллельнаго изданія русскаго и зырянскаго текста; все, что оно могло сдѣлать,—это дозволить мнѣ обозначить фамилію переводчика. Св. синодъ далъ свое благословеніе на параллельное изданіе славянскаго текста и зырянскаго перевода Божественной литургіи, на параллельное изданіе русскаго текста и зырянскаго перевода Евангелія и Дѣяній св. Апостолъ (почти уже отпечатаны). Почему я настаиваю на такомъ параллельномъ изданіи? Положимъ, напримѣръ, г. А. П. отыскалъ въ моемъ зырянскомъ переводѣ неясность, ошибку, искаженіе смысла даннаго мѣста или у него составилось превратное понятіе, — что дѣлать? Справиться съ текстомъ. Но текста подъ рукою нѣтъ, а идти и отыскивать—мы тяжелы на подъемъ. Тутъ-то текстъ сейчасъ же разрѣшаетъ сомнительное или превратное мѣсто перевода; кромѣ того, иной читатель и самъ подыщетъ тутъ другое слово, болѣе вѣрно передающее смыслъ подлинника. Такъ могли бы дѣлать поправки въ моихъ переводахъ священники, діаконы, народные учителя; всѣ они, какъ люди доброжелательные и просвѣщенные, благоволятъ свои замѣтки и поправки сообщать переводчику (адресъ его извѣстенъ: преподаватель С.-Петербургской шестой гимназіи); замѣтки будутъ приняты въ соображеніе; переводъ будетъ исправленъ при 2-мъ изданіи. Второе

Библиотека "Руниверс"

такими же научными правилами, какія изложены въ приведенныхъ выше статьяхъ г. Ильминскаго; въ XIV вѣкѣ онъ нашелъ нужнымъ не вводить русскихъ, то-есть, чуждыхъ, союзовъ въ зырянскую рѣчь, когда въ XIX вѣкѣ дѣлаютъ это Зырянинъ А. Шергинъ (переводъ Евангелія отъ св. Матѳея на вычегодскій говоръ), Кастренъ (переводъ изъ Евангелія св. Матѳея на ижемскій говоръ), Видеманъ (переводъ Евангелія отъ св. Матѳея на камскій говоръ), Альквистъ (переводъ Евангелія отъ св. Матѳея на вогульскій языкъ [1]). Трое послѣднихъ—люди науки, языковѣды, но и они не замѣчаютъ того, что вносить союзы, чуждые языку, далеко не то, что вносить просто чуждыя слова, выражающія новый предметъ, новое понятіе; вносить чуждые союзы значитъ посягать на строй языка, на логику языка. Св. Стефанъ съ замѣчательнымъ тактомъ устранилъ это вмѣшательство чуждыхъ союзовъ. Гг. Савваитову, Видеману, Альквисту, тѣмъ паче г. А. П., эта Стефанова заслуга не понятна; она можетъ быть достойно оцѣнена только г. Ильминскимъ, который самъ подобныя же требованія предъявляетъ переводчикамъ на инородческіе языки.

Но когда же появилась эта новая школа переводчиковъ, исказителей строя зырянской рѣчи? Переводные труды св. Стефана забыты; школа, имъ устроенная, заброшена его преемниками. Новая струя въ образованіи вычегодско-сысольскихъ Зырянъ обнаружилась въ XVIII вѣкѣ; то была струя семинарскаго образованія. Зыряне горожане и поселяне заняты своимъ дѣломъ по хозяйству; имъ не до образованія, которое есть удѣлъ духовенства. Духовенство же обучалось сначала (1738—1786 гг.) въ устюжской семинаріи, а потомъ (1786—1884 гг.) въ вологодской. На стр. 318 моей статьи о пятисотлѣтіи Зырянскаго края я привелъ слѣдующую выписку изъ „Исторіи Россійской Іерархіи“: „Въ 1738 г. Велико-Устюжскій епископъ Лука (1737—1738 гг.) учредилъ семинарію въ Великомъ Устюгѣ. Въ 1741 г. находились въ оной классы: пінтическій, син-

---

изданіе подвергается такому же совокупному исправленію, быть можетъ, такому, послѣ котораго уже не будетъ надобности и удерживать на заглавномъ листѣ фамиліи переводчика. Вотъ какъ обставлено дѣло изданія. Просимъ исправленій, но толковыхъ; искажать же дѣло не желаемъ и негодными замѣтками не воспользуемся.

[1]) Напрасно гг. Видеманъ и Альквистъ не обозначили своихъ фамилій на заглавномъ листѣ переведенныхъ ими Евангелій; фамиліи ихъ обозначены на стр. 6 брошюрки «Статистическія записки, извлеченія изъ 79-го отчета Великобританскаго и иностраннаго библейскаго общества» (С.-Петербургъ, 1884).

Библиотека "Руниверс"

таксическій и инфимическій. Въ 1786 г., по упраздненіи велико-устюжской епархіи (при послѣднемъ епископѣ Іоаннѣ, 1767 — 1786 гг.), семинарія эта соединилась съ Вологодскою" (Исторія Россійской Іерархіи, I, 443). Ясно, что въ Великомъ-Устюгѣ и Вологдѣ мы должны встрѣтить тѣхъ Зырянъ вычегодско-сысольскаго края, которые, на равнѣ съ Русскими, усвоиваютъ предметы, проходимые въ семинаріяхъ; въ этихъ городахъ они, съ малыхъ лѣтъ оторванные отъ родной семьи, усвоиваютъ русскій языкъ чуть не до забвенія роднаго языка, знаніе котораго въ нихъ не поддерживается литературными произведеніями (все Стефановское забыто); здѣсь они поглощены строемъ русской жизни. Не трудно сообразить, на какомъ зырянскомъ жаргонѣ будутъ объясняться эти образованные Зыряне-семинаристы, когда они на родинѣ будутъ занимать санъ протоіерея, іерея, діакона, дьячка и пономаря.

Этотъ семинарскій жаргонъ зырянскаго языка не пощадилъ Стефановыхъ переводовъ, которые приведены мною въ моей статьѣ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, декабрь 1883 г., стр. 321—325). Передѣлыватель Стефановыхъ переводовъ, образованный Зырянинъ-семинаристъ, внесъ не существующіе въ Стефановомъ текстѣ союзы и слова: и, а, образуйтамъ, ангильясъ, чинъясъ, пренепорочноесъ мамесъ, честажниковъ, небеса, векъ, единосушное, спаситомъ, распнитома, Понтійской, мучитсѣма, судитны, пророкъясъ, соборное и апостольское, грекъясъ, чанта, воля, благодаритамъ... Мнѣ важно было указать на начало дурной школы переводчиковъ и на основателя этой школы, какимъ и есть тотъ образованный Зырянинъ-семинаристъ, который наложилъ свою тяжелую руку на Стефановъ текстъ. Это для дѣла важно; приводить же примѣры изъ трудовъ послѣдователей этого основателя дурной школы было уже роскошью для моей статьи; однако я не преминулъ привести въ примѣчаніи переводъ г. Видемана, на что̀ г. А. П. не обратилъ вниманія.

Я сказалъ, что за г. Шергинымъ упражнялись въ искаженіи зырянской рѣчи Кастренъ, г. Видеманъ, г. Савваитовъ, А. Е. Поповъ, Н. П. Поповъ (Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ., декабрь 1883 г., стр. 326). Труды Н. П. Попова, А. Е. Попова, г. Савваитова извѣстны Зырянамъ; примѣры изъ нихъ любознательные Зыряне найдутъ въ каждую данную минуту; потому уснащать статью примѣрами не было нужды. Отрывокъ изъ Кастренова перевода Евангелія св. Матѳея напечатанъ при „Грамматикѣ зырянскаго языка";

Библиотека "Руниверс"

этотъ отрывокъ есть не что иное, какъ переложеніе на ижемскій говоръ Шергинскаго перевода Евангелія отъ св. Матѳея, сдѣланнаго на вычегодскій говоръ. Кастренъ упомянутъ мною потому, что онъ, какъ знатокъ финскихъ языковъ, долженъ былъ бы при переложеніи избѣжать ошибокъ Шергина и исправить ихъ, но онъ этого не сдѣлалъ. Изъ перевода г. Видемана приведенъ слѣдующій примѣръ, взятый изъ Евангелія отъ св. Марка, гл. III, 29: „A kody schuas chulitöm sw'ätöj duch wylö, nekor oz prostits'i syly, no mysha loas pomas'töm sudly". Это мѣсто читаемъ въ славянскомъ текстѣ такъ: „А иже восхулитъ на Духа Святаго, не имать отпущенія во вѣки, но повиненъ есть вѣчному суду"; въ русскомъ переводѣ читаемъ: „Но кто будетъ хулить Духа Святаго: тому не будетъ прощенія во вѣкъ, но подлежитъ онъ вѣчному осужденію". Сопоставляя славянскій текстъ и русскій переводъ, видимъ, что, вопервыхъ, зырянскій переводъ сдѣланъ не съ русскаго текста, а со славянскаго; вовторыхъ, зырянскій переводъ сдѣланъ такимъ человѣкомъ, который привыкъ дѣлать переложенія съ славянскаго языка на русскій языкъ. Для меня было очевидно, что переводъ сдѣланъ или Зырянином-семинаристомъ, или же по образцу перевода Зырянина-семинариста; но такъ какъ г. Видеманомъ о томъ не упомянуто, то я прямо приписалъ зырянскій переводъ ему, г. Видеману; мало того, я приписалъ ему и знаніе славянскаго языка. Въ нѣмецкомъ текстѣ Мартина Лютера читаемъ: „Wer aber den heiligen Geist lästert, der hat keine Vergebung ewiglich, sondern ist schuldig des ewigen Gerichts. Теперь сдѣлаемъ переложеніе этого мѣста Евангелія съ нѣмецкаго на русско-славянскій языкъ, равно съ русско-славянскаго языка на нѣмецкій, притомъ такъ, какъ сдѣланъ у г. Видемана переводъ этого мѣста на зырянскій языкъ: тогда, быть можетъ, г. А. П. пойметъ то, что я разумѣю подъ искаженіемъ зырянской рѣчи переводчиками дурной школы (не дурными переводчиками, а переводчиками дурной школы). Перевожу я на нѣмецкій языкъ такъ: „wer no den Святой Духъ хулитъ, der hat ne прощеніе ewiglich, no ist schuldig des ewigen суд's". Лютеръ не похвалилъ бы меня за этотъ нѣмецкій переводъ; но на зырянскій языкъ подобнымъ жаргономъ переводить и можно, и должно. Я перевожу это мѣсто и на русско-славянскій языкъ: „Aber кто lästert на heilig'аго Geist'а, тому не будетъ Vergebung во вѣкъ, sondern повиненъ вѣчному Gericht'у". Русскіе читатели за такой русскій переводъ поднимутъ меня на

Библиотека "Руниверс"

смѣхъ; но на зырянскій языкъ переводить такъ и можно, и должно. Г. А. П. не только не обидится на г. Видемана, но даже потребуетъ, чтобъ и я подражалъ этому переводу г. Видемана; далѣе онъ будетъ утверждать, что однако протоіерей Шергинъ есть единственный образцовый переводчикъ, котораго всѣ Зыряне понимаютъ исключая Лыткина, несправедливо выразившагося такъ: „Съ его (то-есть, передѣлывателя Стефановыхъ переводовъ) легкой руки семинаристъ-Зырянинъ А. Шергинъ, при переводѣ Евангелія отъ св. Матѳея, снабдилъ свой переводъ русскими союзами и словами въ такомъ обиліи, что я (Лыткинъ), когда впервые прочелъ его переводъ въ 1850-хъ годахъ, не понялъ смысла его (Шергина) зырянской рѣчи и вынужденъ былъ обратиться къ славянскому тексту“ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, декабрь, 1883 г., стр. 326).

Протоіерей А. Шергинъ, какъ я слыхалъ въ Усть-Сысольскѣ, былъ человѣкъ ученый и зналъ языки греческій и латинскій. Но взглянемъ на его трудъ. Прочтемъ, напримѣръ, изъ Евангелія отъ св. Матѳея (глава XII) въ славянскомъ текстѣ: „всякъ грѣхъ и хула отпустится человѣкомъ; *а* иже на Духа хула, не отпустится человѣкомъ (31 ст.). *И* иже аще речетъ слово на Сына человѣческаго, отпустится ему: *а* иже речетъ на Духа Святаго, не отпустится ему, ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій“ (32 ст.). Въ русскомъ переводѣ читаемъ: „всякій грѣхъ и хула простятся человѣкамъ; а хула на Духа не простится человѣкамъ (31). Если кто скажетъ слово на Сына человѣческаго, простится ему: если же кто скажетъ на Духа Святаго, не простится ему ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ“ (32). Протоіерей Шергинъ переводитъ эти слова на зырянскій языкъ такъ: „быдсяма грѣхъ и хулитӧмъ простятсясъ мортъяслы: *а* Духӧсъ хулитӧмъ озъ простити мортъяслы (31). *И* коръ коды шуасъ кывъ, мортъ Пивылӧ, простятсясъ сылы: *а* коды шуасъ Святӧй Духъ вылӧ, озъ прӧститси сылы, ни таладоръ югыдынъ, ни модарынъ“ (32). Очевидно, что зырянскій переводъ сдѣланъ со славянскаго текста, но притомъ такимъ образованнымъ Зырянином-семинаристомъ, который умѣлъ перелагать славянскій текстъ на русскій языкъ: таковъ былъ о. Шергинъ. Приведемъ эти же мѣста изъ нѣмецкаго перевода Лютера: „Alle Sünde und Lästerung wird den Menschen vergeben; aber die Lästerung wider den Geist wird den Menschen nicht-vergeben (31). Und wer etwas redet wider des Menschen Sohn, dem wird es vergeben; aber wer etwas redet wider den heiligen Geist,

Библиотека "Руниверс"

dem wird es nicht vergeben, weder in dieser, noch in jener Welt" (32). По образцу зырянскаго перевода протоіерея Шергина, я, предполагая, что у Нѣмцевъ не существуетъ этого Лютеровскаго перевода, перевожу на нѣмецкій языкъ такъ: „Alle грѣхъ и хула wird den Menschen простить; a die хула wider den Духъ wird den Menschen nicht простить (31). *И* wer etwas redet wider des Menschen Sohn, dem wird es простить; *а* wer etwas redet wider den Святой Духъ, dem wird es nicht простить, ни in dieser, ни in jener Welt" (32). По образцу же зырянскаго перевода протоіерея Шергина, я перевожу это мѣсто на русскій языкъ такъ: „всякій Sünde und Lästerung wird vergeben человѣкамъ, aber Lästerung на Geist'a не vergeben человѣкамъ (31). Und кто скажетъ слово на Сына человѣческаго, wird es vergeben ему; aber кто скажетъ на heilig'аго Geist'a, не wird vergeben ему, weder въ семъ вѣкѣ, noch въ будущемъ" (32).

Непредубѣжденый читатель, будетъ ли онъ Русскій или Нѣмецъ, долженъ согласиться, что мои переводы на нѣмецкій и русскій языки суть искаженія и нѣмецкой, и русской рѣчи; онъ долженъ также согласиться со мною въ томъ, что мнѣ, воспитавшемуся подъ вліяніемъ матери, деревенской уроженки, трудно было понять (въ 1850-хъ годахъ) въ зырянскомъ переводѣ протоіерея Шергина смыслъ его зырянской рѣчи; тогда, хотя я зналъ по русски довольно плохо, славянскій текстъ мнѣ былъ болѣе понятенъ, чѣмъ зырянскій переводъ г. Шергина. Я не спорю, что образованнымъ Зырянамъ, то-есть, семинаристамъ, зырянская рѣчь протоіерея Шергина понятна, ибо съ дѣтства они привыкаютъ къ этому жаргону; я думаю, что этотъ жаргонъ долженъ имѣть своихъ поклонниковъ: не даромъ же г. А. П. указываетъ мнѣ на переводы Шергина, какъ на образцовые, которымъ я обязанъ подражать. Ранѣе того подобный же совѣтъ я уже слышалъ отъ г. Саввантова, котораго съ зырянскимъ языкомъ познакомили его ученики, Зыряне-семинаристы Вологодской семинаріи, говорившіе этимъ жаргономъ и помогавшіе ему въ переводахъ на зырянскій языкъ (образцы помѣщены имъ въ приложеніи къ „Грамматикѣ зырянскаго языка"). Мнѣ понятны эти требованія, обращенныя отъ той школы, которую я назвалъ дурною школой переводчиковъ, школы, куда относится и г. А. П., и почтенный составитель рукописнаго русско-зырянскаго словаря Н. П. Поповъ. Но меня изумляло и изумляетъ то, что Финнъ А. Кастренъ, знатокъ финскихъ языковъ, при переложеніи нѣкоторыхъ главъ Евангелія отъ св. Матѳея съ вычегод-

Библиотека "Руниверс"

скаго говора на ижемскій говоръ, не нашелъ возможнымъ или нужнымъ отступать отъ перевода А. Шергина; меня изумляло и изумляетъ то, что и акад. Видеманъ, тоже знатокъ финскихъ языковъ, при переложеніи Евангелія отъ св. Матѳея съ вычегодскаго говора на камскій (изд. библ. общества), не нашелъ возможнымъ выйдти изъ-подъ вліянія этой дурной школы; еще болѣе изумляетъ меня то, что г. Альквистъ, профессоръ Гельсингфорскаго университета, знатокъ финскихъ языковъ, при переводѣ Евангелія отъ св. Матѳея на вогульскій языкъ, держался того же пріема.

Но довольно. Я жду, что скажетъ тотъ грамотный Зырянинъ изъ крестьянства, который не усвоилъ еще себѣ семинарскаго жаргона; я жду отъ него исправленій и замѣчаній сначала на книгу „Зырянскій край при епископахъ Пермскихъ и зырянскій языкъ“, которая только что отпечатана. Я жду этихъ исправленій вотъ почему: съ 1856 г., когда я затерялъ свои матеріалы по зырянскому языку, я не занимался имъ двадцать-два года. Въ этотъ промежутокъ времени я успѣлъ уже состариться: при переводѣ съ русскаго языка на зырянскій языкъ русскихъ сказокъ я чувствовалъ, что моему зырянскому переводу не достаетъ той живости изложенія, той игривости, того одушевленія, которыя характеризуютъ переводы молодыхъ людей; я чувствовалъ, что въ моемъ зырянскомъ переводѣ слышится холодъ старости. Я былъ бы доволенъ, если бы руссицизмы въ моихъ переводахъ были исправлены; если бы, напримѣръ, мѣстоимѣніе код (кто), употребленное мною (по примѣру моихъ предшественниковъ) въ смыслѣ относительнаго мѣстоимѣнія (который), другими не употреблялось; если бы цѣлыя фразы, гдѣ это слово встрѣчается въ послѣднемъ смыслѣ, были видоизмѣнены... Но я сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать въ 17,000 рабочихъ часовъ; я внесъ свою посильную лепту въ память пятисотлѣтія Зырянскаго края, просвѣщеннаго св. Стефаномъ.

Г. Лыткинъ.

Библиотека "Руниверс"

ИЗВѢСТІЯ О СОСТОЯНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

I.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣятельности Харьковскаго университета въ 1883 году: личный составъ преподавателей; ученые труды ихъ; командировки съ ученою цѣлію; публичныя лекціи; свѣдѣнія объ учащихся; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности учащихся и для контроля за ними; присужденіе медалей; профессорскіе стипендіаты; утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ; бюджетъ университета.

Наличный составъ штатныхъ преподавателей Харьковскаго университета, сверхъ профессора православнаго богословія, къ 1-му января 1884 года былъ слѣдующій: на историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 8, экстраординарныхъ 2, доцентовъ 5, лекторовъ 3; на физико-математическомъ — ординарныхъ профессоровъ 12, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 4; на юридическомъ—ординарныхъ профессоровъ 8, экстраординарный 1, доцентовъ 3; на медицинскомъ—ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 10; итого, съ профессоромъ богословія, 75 преподавателей. Въ связи съ преподаваніемъ, при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, подъ руководствомъ или наблюденіемъ преподавателей, состояли: 2 прозектора, 3 помощника прозектора, 8 лаборантовъ, 4 хранителя кабинетовъ и музеевъ, 20 ординаторовъ клиникъ, 4 ассистента, 1 врачъ университета, 1 провизоръ, 1 библіотекарь и 3 помощника библіотекаря. Приватъ-доцентовъ было 9, именно: 1 на физико-математическомъ и 8 на медицинскомъ факультетахъ.

Библиотека "Руниверс"

Преподаватели Харьковскаго университета и другія служащія въ ономъ лица издали и приготовили къ печати слѣдующіе ученo-литературные труды: профессора: Добротворскій напечаталъ въ Православномъ Обозрѣніи статью „Критическій методъ въ изслѣдованіи о книгахъ Св. Писанія", Потебня помѣстилъ въ Филологическомъ Вѣстникѣ „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ", Зеленогорскій помѣстилъ въ Ученыхъ Запискахъ Харьковскаго университета статью „Очеркъ развитія психологіи съ Декарта до настоящаго времени", Шерцль издалъ два свои труда: въ Прагѣ—„Синтаксисъ русскаго языка" и въ Харьковѣ—„Синтаксисъ древне-индійскаго языка", Дриновъ помѣстилъ: въ Archiv für Slavische Philologie — рецензію на „Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ" Качановскаго и въ Періодическомъ Списаніи Болгарскаго книжнаго дружества — двѣ статьи: „Запись Охридскаго патріарха Прохора" и „Болгарскій лѣтописный разказъ съ конца XVII столѣтія"; Безсоновъ напечаталъ: въ газетѣ Русь — „О Дунайскомъ вопросѣ" и „Письма изъ поѣздки по Славянскимъ краямъ" и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—„Біографія перваго возродителя Болгаріи Ю. И. Венелина"; Кирпичниковъ напечаталъ: въ Заграничномъ Вѣстникѣ—переводъ сатиры Эразма „Похвала глупости", въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—„О нѣкоторыхъ миніатюрахъ Вѣнскихъ рукописей" и „Легенда о Богоматери, въ поэзіи и живописи", Художественныхъ Новостяхъ—„Миніатюры французскихъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки" и въ Историческомъ Вѣстникѣ — „Древне-христіанскія катакомбы"; Морозовъ помѣстилъ въ Трудахъ метеорологическаго съѣзда въ Харьковѣ статью „Объ организаціи областнаго метеорологическаго бюро для направленія и обработки наблюденій, производимыхъ на земскихъ метеорологическихъ станціяхъ"; Бекетовъ напечаталъ статьи: въ Трудахъ съѣзда естествоиспытателей въ Одессѣ—„Изслѣдованіе теплоты образованія и гидратаціи окиси литія" и „Вліяніе относительнаго вѣса атомовъ на дисоціацію" и въ Трудахъ Общества опытныхъ наукъ при Харьковскомъ университетѣ—„Измѣненіе объемовъ при образованіи окисей и опредѣленіе удѣльнаго вѣса безводной окиси литія"; Шимковъ выпустилъ въ свѣтъ вторымъ изданіемъ ч. I „Курса опытной физики"; Данилевскій помѣстилъ въ Archiv für die gesammte Physiologie статью „Ueber die Wärmeproduction und Arbeitsleistungen des Menschen"; Стояновъ напечаталъ: въ Юридическомъ Вѣстникѣ—критическую статью по международ-

Библиотека "Руниверс"

ному праву (рецензія на диссертацію Даневскаго) и въ Ученыхъ Запискахъ Харьковскаго университета—этюдъ по исторіи законодательства подъ заглавіемъ „Обычное право въ исторіи важнѣйшихъ государствъ Западной Европы и особенно Франціи“ и „Историческія аналогіи и точки соприкосновенія новыхъ законодательствъ съ древнимъ правомъ“; Сокальскій издавалъ „Статистическій листокъ“; Владиміровъ издалъ второй выпускъ сочиненія „Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ“; Дитятинъ помѣстилъ въ журналѣ Русская Мысль двѣ статьи: „Царскій кабакъ Московскаго государства“ и „Къ вопросу о земскихъ сборахъ“; Загурскій напечаталъ сочиненіе: „Личныя отношенія между родителями и дѣтьми по римскому и французскому праву“; Даневскій помѣстилъ двѣ статьи: въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права „Критическія замѣчанія на проэктъ новаго уголовнаго уложенія“ и въ Наблюдателѣ—„О научной и законодательной кодификаціи международнаго права“; Грубе напечаталъ нѣсколько статей въ Протоколахъ Харьковскаго медицинскаго Общества; Лазаревичъ, кромѣ журнальныхъ статей, издалъ сочиненіе „Дѣятельность женщины“; Кремянскій помѣстилъ нѣсколько статей въ Протоколахъ VII съѣзда естествоиспытателей и врачей и во Врачебныхъ Вѣдомостяхъ; Оболенскій напечаталъ статью „О вытяженіи нервовъ при различныхъ страданіяхъ спиннаго мозга“; Лашкевичъ помѣстилъ въ журналѣ Врачъ статью „Альбуминурія нервнаго происхожденія“; Гиршманъ изготовилъ для журнала Archiv für Augenheilkunde рефератъ о русской офтальмологической литературѣ. Доценты: Сумцовъ напечаталъ статьи: „Къ исторіи южно-русскихъ свадебныхъ обрядовъ“ и „Князь В. Ѳ. Одоевскій“; Багалѣй — статьи: „Генеральная опись Малороссіи“ и „О займанщинѣ въ лѣво-бережной Украйнѣ“; Диллонъ редактировалъ издающійся въ Бельгіи журналъ Muséon и помѣстилъ въ немъ нѣсколько рецензій; Чернай помѣстилъ въ Запискахъ Харьковскаго отдѣленія Техническаго Общества статью „О теплотворной способности каменныхъ углей“ и въ Химическомъ Обществѣ при Харьковскомъ университетѣ читалъ докладъ свой „О содержаніи углекислоты въ воздухѣ окрестностей города Харькова“; Зайкевичъ напечаталъ въ Отчетѣ Харьковскаго Общества сельскаго хозяйства статью: „Опыты по культурѣ нѣкоторыхъ растеній, входящихъ въ свекловичный сѣвооборотъ“; Левицкій издалъ: общій курсъ астрономіи, курсъ теоретической астрономіи и курсъ космографіи; Тихомандрицкій помѣстилъ нѣсколько статей въ математическихъ журналахъ; Заго-

Библиотека "Руниверс"

ровскій напечаталъ статьи: въ Юридическомъ Вѣстникѣ — „Къ вопросу объ отношеніи между юридической наукой и юридической практикой“ и „О первоначальныхъ источникахъ нашего бракоразводнаго права“ и въ Наблюдателѣ—„По поводу предстоящей кодификаціи гражданскихъ законовъ“; Морозовъ издалъ 1-й выпускъ своего труда „Курсъ военно-полевой хирургіи“; Сыцянко издалъ „Электровращебные снаряды и ихъ употребленіе“ и помѣстилъ въ Протоколахъ VII съѣзда естествоиспытателей статью „Объ электрической реакціи слуховыхъ нервовъ“; Ковалевскій помѣстилъ въ ученыхъ журналахъ нѣсколько статей по физіологіи; Киселевъ издалъ литографически „Руководство діагностики“; Пономаревъ издалъ литографически „Курсъ дѣтскихъ болѣзней“ и помѣстилъ въ Arhiv d. Kinderheilkunde статью „Zur Frage der Anwendung des Kuh-Kumys bei Säuglingen“; Кульчицкій напечаталъ въ Протоколахъ VII съѣзда естествоиспытателей и въ Трудахъ Общества опытныхъ наукъ при Харьковскомъ университетѣ статью „Къ вопросу о тонкомъ строеніи слюнныхъ железъ“; Стрѣльцовъ окончилъ „Руководство къ исторіи развитія животныхъ“. Сверхъ того, въ Ученыхъ Запискахъ Харьковскаго университета помѣстили свои труды профессора Надлеръ, Шимковъ, Владиміровъ и Стояновъ и магистрантъ Вощининъ.

Изъ числа преподавателей Харьковскаго университета командированы были съ ученою цѣлію за границу и въ губерніи Россіи: профессора — Безсоновъ, Дитятинъ, Лазаревичъ, Ценковскій и доценты—Левицкій, Ковалевскій и Шульцъ и стипендіатъ Собѣстіанскій. Изъ нихъ Безсоновъ, возвратившійся изъ поѣздки, главнымъ образомъ, по славянскимъ землямъ, публично прочиталъ отчетъ о результатахъ поѣздки; Дитятинъ, сверхъ заграничнаго путешествія, занимался въ Московскихъ архивахъ министерствъ иностранныхъ дѣлъ и юстиціи по вопросамъ внутренняго управленія Московскаго государства; Лазаревичъ соединилъ заграничное путешествіе съ участіемъ въ VII Одесскомъ съѣздѣ естествоиспытателей, которому предложилъ результаты своихъ изысканій по предмету своей спеціальности — акушерству; Левицкій примѣнялъ собранныя имъ свѣдѣнія, главнымъ образомъ, къ постройкѣ астрономической обсерваторіи; Ковалевскій представилъ медицинскому факультету письменный отчетъ. Здѣсь не лишне замѣтить, что VII Одесскій съѣздъ естествоиспытателей привлекъ къ себѣ очень много представителей изъ числа преподавателей физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ, именно 21 лицо; они завѣдывали на мѣстѣ различными

Библиотека "Руниверс"

секціями и засѣданіями, сообщали свои рефераты и оставили обильные матеріалы для печатанія Трудовъ съѣзда.

Въ теченіе 1883 года нѣкоторые изъ преподавателей Харьковскаго университета читали публичныя лекціи, частію обязательныя и безплатныя, частію же—необязательныя съ платою. Первыя читались профессорами: Бекетовымъ по неорганической химіи, Яцуковичемъ—по химіи технической и Деларю—по механикѣ. Необязательныя и съ платою читались: профессоромъ Надлеромъ—„Наполеонъ, прошедшее и будущее бонапартизма“ (8 лекцій) и „Великая французская революція и ея послѣдствія для Франціи и Европы“ (6 лекцій), профессоромъ Даневскимъ—„О конгрессахъ и конференціяхъ“ (3 лекціи), профессоромъ Кирпичниковымъ — О писателѣ Дружининѣ и по случаю кончины И. С. Тургенева и доцентомъ Ярошемъ—„Вѣка вѣры“.

Учащихся въ Харьковскомъ университетѣ къ 1-му января 1883 года состояло 978; въ теченіе 1883 года вновь поступило 345 (изъ гимназій и реальныхъ училищъ 292, бывшихъ студентовъ Харьковскаго университета 1, изъ другихъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній 52); въ теченіе 1883 года выбыло 247 (по окончаніи курса съ учеными степенями и званіями 115, до окончанія курса: за невзносомъ платы за ученіе, по собственному желанію, умершихъ и пробывшихъ два года на курсѣ—132); затѣмъ къ 1-му января 1884 года оставалось на лицо 1,076, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 79, на юридическомъ 183, на физико-математическомъ 170 (по отдѣленію математическихъ наукъ 87, по отдѣленію естественныхъ наукъ 60, по отдѣленію физико-химическихъ наукъ 23); б) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 717 (67%), еврейскаго 280 (26%), римско-католическаго 40 (4%), лютеранскаго 18 (2%), армяно-григоріанскаго 13 (1%), караимовъ 5, меннонитовъ 2, магометанъ 1; в) по предварительному образованію: гимназистовъ по аттестатамъ зрѣлости 907 (болѣе 84%), семинаристовъ по прежнимъ правамъ 23 (болѣе 2%), бывшихъ студентовъ Харьковскаго университета, вторично вступившихъ 2, изъ другихъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній 144 (болѣе 13%). Постороннихъ слушателей къ 1-му января 1883 года находилось 118, въ теченіе года поступило 39 (изъ гимназій и реальныхъ училищъ 32, изъ духовныхъ семинарій 3, лицъ съ опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ и ветеринарныхъ помощниковъ 4); затѣмъ къ 1-му ян-

Библиотека "Руниверс"

варя 1884 года имѣлось 157. Изъ общаго числа 1,076 студентовъ стипендіями пользовались: а) обязательными или казенными, то-есть, связанными съ годами извѣстной обязательной службы или ученой дѣятельности по окончаніи курса — 48 лицъ на сумму 12,944 руб. 6 коп., ассигнованную изъ государственнаго казначейства, и б) необязательными — 84 лица на сумму 27,065 руб. изъ спеціальныхъ средствъ и партикулярныхъ суммъ университета, образовавшихся изъ пожертвованій на сей предметъ и отпущенныхъ отъ разныхъ мѣстъ и учрежденій. Единовременныхъ денежныхъ пособій, въ размѣрѣ отъ 50 до 60 руб., выдано было 199 студентамъ 9,817 руб. 50 коп., въ томъ числѣ: 9,400 р. изъ штатныхъ суммъ и 407 р. 50 к. — изъ средствъ университета. Такимъ образомъ, въ теченіе 1883 года выдано университетомъ разнаго наименованія стипендій и пособій 331 студенту, то-есть, одной четверти всего годичнаго контингента студентовъ, — на сумму 49,826 руб. 56 коп. Освобождено отъ платы за слушаніе лекцій: въ 1-мъ полугодіи изъ 829-ти студентовъ — 292, что составляетъ 35% общаго числа, во 2-мъ полугодіи изъ 1,076-ти—337, или 31%, всего на 18,280 руб. Отсроченъ взносъ платы, по разнымъ уважительнымъ обстоятельствамъ — 7-ми студентамъ. Независимо отъ сего, состоящимъ при университетѣ обществомъ вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ, въ теченіе 1883 года внесено за слушаніе лекцій платы за 88 студентовъ на сумму 3,520 руб. и кромѣ того выдано ссуды 44-мъ выбывшимъ студентамъ на сумму 677 руб.

Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ занятіями происходили практическія упражненія, которыя, какъ прикладная часть преподаванія, въ 1883 году посвящены были слѣдующимъ предметамъ и привели къ слѣдующимъ, наиболѣе виднымъ и замѣчательнымъ, результатамъ: Въ историко-филологическомъ факультетѣ: по русскому языку и словесности занятія профессора Потебни со студентами младшихъ двухъ курсовъ состояли въ чтеніи церковно-славянскихъ и старо-русскихъ памятниковъ, съ грамматическимъ объясненіемъ, а со студентами старшихъ двухъ курсовъ— въ разсмотрѣніи, при участіи ихъ самихъ, различныхъ вопросовъ, относящихся до преподаванія русскаго языка и словесности, при чемъ разсмотрѣны сочиненія пяти студентовъ. По исторіи русской словесности, подъ руководствомъ доцента Сумцова, студенты съ сентября до декабря, еженедѣльно въ теченіе часа, разбирали сочиненія Пушкина съ историко-литературной и педагогической точекъ зрѣнія, а

Библиотека "Руниверс"

сверхъ сего посвятили самостоятельный трудъ слѣдующимъ предметамъ: „О нѣкоторыхъ народныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ", „О литературномъ значеніи сочиненій Достоевскаго", „О литературной и ученой дѣятельности Даля", „О перепискѣ Курбскаго съ Грознымъ". По исторіи всеобщей литературы проф. Кирпичниковъ въ первое полугодіе читалъ съ желающими изъ всѣхъ курсовъ провансальскій языкъ по хрестоматіи Бирга, а во второмъ полугодіи — старо-французскій, именно „Chanson de Roland" по изданію Готье. Преподаватели трехъ названныхъ предметовъ вели семинарій, въ которомъ студенты старшихъ курсовъ читали и обсуждали свои рефераты одинъ разъ въ двѣ недѣли. По каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій студенты старшихъ двухъ курсовъ переводили съ чешскаго языка изъ „Антологіи", изданія Иречка, а по языку польскому практически занимались чтеніемъ, грамматическимъ разборомъ и переводами съ комментаріями, при чемъ шестью студентами представлены были изъ области польской поэзіи обстоятельные письменные переводы съ польскаго языка на русскій. По отдѣленію классической филологіи, сверхъ практическихъ упражненій въ переводѣ и комментаріѣ древнихъ авторовъ, студентами старшихъ двухъ курсовъ сдѣланы были, слѣдующіе письменные переводы: „Первая рѣчь Демосѳена противъ Филиппа", „Біографія Юлія Цезаря по Плутарху", а особенно, съ обстоятельными комментаріями и соображеніями: изъ Гезіода—„Труды и дни", Плутарха—„Біографія Ромула". Подъ руководствомъ доцента Шерцля студенты всѣхъ курсовъ переводили Платона „Симпосіонъ" на латинскій курсъ, а студенты старшихъ двухъ курсовъ представили сочиненія на темы „Объ отношеніи Виргилія къ Гомеру" и „О слогѣ Саллюстія". По русской исторіи на разсмотрѣніи доцента были два кандидатскія сочиненія: „Грозный и его время" и „Характеристика Михаила Тверскаго и Юрія Московскаго". По каѳедрѣ всеобщей исторіи одинъ студентъ 1-го курса представилъ профессору сочиненіе на основаніи извѣстнѣйшихъ ученыхъ трудовъ по исторіи Востока, особенно Ленормана, въ которомъ разобранъ вопросъ „О сравнительной древности египетской и древне-халдейской культуры" въ связи съ современнымъ ученіемъ о разселеніи племенъ бѣлой расы; работа эта, въ особенности часть о разселеніи племенъ, найдена весьма удовлетворительною. Въ физико-математическомъ факультетѣ: По астрономіи студенты II, III и IV курсовъ математическаго отдѣленія знакомились съ употребленіемъ главнѣйшихъ астрономическихъ инструментовъ. По физикѣ студенты старшихъ

Библиотека "Руниверс"

двухъ курсовъ математическаго и физико-химическаго отдѣленій занимались практически рѣшеніемъ различныхъ вопросовъ изъ области теоретической и опытной физики. По химіи: а) студенты старшихъ двухъ курсовъ физико-химическаго и естественнаго отдѣленій занимались практически анализомъ газовъ и спеціальными изслѣдованіями по вопросамъ неорганической химіи; б) студенты III курса тѣхъ же отдѣленій занимались практически приготовленіемъ извѣстныхъ органическихъ соединеній и органическимъ сожженіемъ; в) студенты II курса тѣхъ же отдѣленій—общимъ качественнымъ и количественнымъ анализомъ. По зоологіи студенты-естественники II курса занимались опредѣленіемъ животныхъ, преимущественно мѣстной флоры, а студенты III курса—секціями животныхъ мѣстной фауны, преимущественно безпозвоночныхъ. По физической географіи практическія занятія со студентами II и III курсовъ физико-химическаго отдѣленія состояли въ подробномъ знакомствѣ съ картами и вычерчиваніи на нихъ разныхъ данныхъ. По минералогіи студенты тѣхъ же курсовъ физико-химическаго и естественнаго отдѣленій занимались опредѣленіемъ минераловъ и изученіемъ различныхъ способовъ изслѣдованія ихъ свойствъ. По геологіи студенты-естественники старшаго курса занимались составленіемъ геологическихъ картъ и разрѣзовъ, а также опредѣленіемъ окаменѣлостей; сверхъ того одному изъ приватъ-доцентовъ поручены были занятія по геологіи и палеонтологіи съ тѣми же студентами съ октября по три часа въ недѣлю, при чемъ они ознакомляемы были съ микроскопическимъ строеніемъ кристаллическихъ породъ и составляющихъ ихъ отдѣльныхъ минераловъ. По агрономіи студенты-естественники старшихъ двухъ курсовъ занимались механическимъ и химическимъ анализомъ почвъ, фосфоритовъ, известняковъ и другихъ удобрительныхъ веществъ; сверхъ того они посѣщали мѣстные склады земледѣльческихъ машинъ и орудій, знакомясь съ назначеніемъ и устройствомъ ихъ. По технической химіи физико-химики старшихъ двухъ курсовъ упражнялись въ аналитическихъ изслѣдованіяхъ по вопросамъ техники и товаровѣдѣнія. По математикѣ студенты младшихъ двухъ курсовъ математическаго и физико-химическаго отдѣленій упражняемы были въ рѣшеніи задачъ по начертательной геометріи. По ботаникѣ студенты-естественники старшихъ двухъ курсовъ упражнялись по 2 часа въ недѣлю по исторіи развитія грибовъ, водорослей и лишайниковъ и столько же часовъ въ недѣлю—опредѣленіемъ сѣмянныхъ (явнобрачныхъ) растеній, а студенты II курса—по гистологіи растеній.

Библиотека "Руниверс"

Независимо отъ изложеннаго, практическія занятія студентовъ физико-математическаго факультета происходили еще въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета. Въ юридическомъ факультетѣ студенты, подъ руководствомъ профессоровъ Загурскаго и Владимірова, имѣли практическія занятія по римскому и уголовному праву. У перваго студенты II курса читали съ комментаріями Institutiones въ связи съ соотвѣтствующими книгами Дигестъ, а также Новеллы Юстиніана; а студенты I курса занимались чтеніемъ и комментаріями институцій Гая. Подъ руководствомъ второго профессора, въ аудиторіи, студенты III и IV курсовъ составляли и обсуждали сообщенія по уголовному праву и процессу, а профессоръ, по прочтеніи и обсужденіи ихъ, отъ себя уже излагалъ сущность вопроса и рѣшеніе его съ научной и практической точки зрѣнія. Студентами представлены были 12 сообщеній, по разсмотрѣніи которыхъ профессоръ убѣдился, что студенты съ большею охотою и ревностію разработываютъ свои сообщенія, и что нынѣшніе студенты старшихъ двухъ курсовъ гораздо съ большею любовію посвящаютъ себя самостоятельной научной работѣ, чѣмъ студенты тѣхъ же курсовъ за послѣдніе три, четыре года. Въ медицинскомъ факультетѣ практическія занятія студентовъ производились исключительно въ музеяхъ, кабинетахъ и клиникахъ и заключались въ слѣдующемъ: а) въ анатомическомъ театрѣ и музеѣ физіологической анатоміи занятія ведены профессоромъ и прозекторомъ съ студентами I, II и V курсовъ. Матеріаломъ для занятій служили 107 труповъ, доставленныхъ отъ разныхъ учрежденій. Въ теченіе года приготовлено занимавшимися и сдано 1907 препаратовъ. Сверхъ того, изъ музея выдавались студентамъ для практическаго изученія—кости, и затѣмъ производился по костямъ контроль; такихъ препаратовъ принято отъ занимавшихся 425. Въ физіологической лабораторіи одинъ студентъ изучалъ физіологическую методику, преимущественно по отдѣлу нервной физіологіи, а другой занятъ былъ спеціальною работою по физіологіи мускуловъ. б) Въ музеѣ и кабинетѣ патологической анатоміи для III курса преподанъ былъ демонстративный курсъ частной патологической анатоміи на свѣжихъ органахъ и другихъ патологическихъ объектахъ, а также ведены были практическія занятія по патологической гистологіи; для старшихъ курсовъ совершались патолого-анатомическія вскрытія, которыхъ произведено 158. Въ кабинетѣ производились спеціальныя изслѣдованія четырьмя лицами, которыя окончены и напечатаны въ мѣстномъ медицинскомъ изданіи. в) Въ кабинетѣ

Библиотека "Руниверс"

общей патологіи производились демонстраціи опытовъ и нѣкоторыхъ объектовъ, сопровождающихъ чтеніе лекцій, а также вскрытіе дѣтскихъ труповъ и микроскопическое изслѣдованіе найденныхъ объектовъ. Одинъ изъ студентовъ V курса спеціально занимался вопросомъ о потерѣ тепла животными при отравленіи сулемою и мышьякомъ. г) По десмургіи и оперативной хирургіи студенты III курса занимались на фантомѣ наложеніемъ повязокъ, которыхъ исполнено ими 724; студенты IV курса занимались на трупахъ производствомъ большихъ хирургическихъ операцій общихъ и нѣкоторыхъ спеціальныхъ; всего произведено студентами 428 операцій. д) Въ кабинетѣ гистологіи студенты II курса занимались по препаратамъ, заготовленнымъ завѣдующимъ профессоромъ и его ассистентомъ, причемъ студенты I курса сами приготовляли препараты тканей животнаго организма. Сверхъ того, нѣкоторые студенты практически занимались гистологическими изслѣдованіями, какъ среди учебнаго времени, такъ и въ теченіе лѣтнихъ и зимнихъ вакацій. е) Въ физіолого-химической лабораторіи студенты II курса занимались практически качественнымъ и количественнымъ изслѣдованіемъ животныхъ жидкостей и тканей. ж) Въ кабинетѣ гигіены, въ 1-мъ полугодіи, студенты IV курса, раздѣленные на четыре группы, занимались: изслѣдованіемъ сырости въ помѣщеніи, изслѣдованіемъ молока на сухой остатокъ, воду, золу и удѣльный вѣсъ и опредѣленіемъ жесткости воды, а группа студентовъ III курса изслѣдованіемъ хлѣба, муки, вентиляціи камина анемометромъ и воды одного изъ мѣстныхъ колодцевъ; во 2-мъ полугодіи студенты III курса, въ составѣ 6-ти группъ, упражнялись въ ацидометріи алкалиметріи, въ изслѣдованіи содержанія угольной кислоты въ жиломъ воздухѣ, въ опредѣленіи содержанія сухаго остатка водъ и потери его при прокаливаніи, въ изслѣдованіи окисляемости различныхъ образцовъ мѣстныхъ водъ и въ изслѣдованіи содержанія хлора въ таковыхъ же образцахъ. Спеціальныя практическія занятія ведены были семью лицами, въ томъ числѣ тремя студентами. з) Въ эмбріологическомъ кабинетѣ студенты, раздѣленные на группы, занимались по 2 часа въ недѣлю изученіемъ развитія животныхъ тканей; нѣкоторые же изъ нихъ, сверхъ назначенныхъ часовъ, занимались и въ другое, свободное для нихъ время. и) Въ фармацевтической лабораторіи съ кабинетомъ практическими работами занимались аптекарскіе помощники для полученія званія провизора и аптекарскіе ученики изготовленіями разныхъ препаратовъ при испытаніи на званіе аптекарскаго помощника. і) Въ кабинетѣ судебной медицины при практическихъ заня-

Библиотека "Руниверс"

тіяхъ съ студентами старшихъ двухъ курсовъ были подвергнуты судебно-медицинскому изслѣдованію 26 труповъ. Всѣ вообще вскрытія сопровождались объясненіями для студентовъ, изслѣдованіями микроскопическими и демонстраціями; сверхъ того произведено было нѣсколько отдѣльныхъ изслѣдованій надъ кровавыми пятнами и тому подобными объектами, которые присылались судебною властію для вывода заключеній.

За сочиненія, представленныя на заданныя факультетами темы, удостоены наградъ слѣдующіе студенты: а) золотой медали—IV курса историко-филологическаго факультета Деревицкій, II курса медицинскаго факультета Бобрицкій и III курса того же факультета Колосовъ; б) серебряной медали—IV курса историко-филологическаго факультета Брызгалинъ и III курса юридическаго—Корсуновъ; в) почетнаго отзыва—II курса юридическаго факультета Гинзбургъ. Названныя лица представили слѣдующія сочиненія: Деревицкій—„Слѣды восточныхъ вліяній на религіозныя представленія Грековъ", Бобрицкій—„О строеніи, развитіи и регрессивномъ метаморфозѣ жировой клѣтки", Колосовъ—„О строеніи роговой оболочки человѣка и прочихъ животныхъ", Брызгалинъ—„Сходныя бытовыя черты въ статутѣ Полицкомъ, Законѣ Винодольскомъ „Русской Правдѣ и Псковской Судной граматѣ", Корсуновъ—„Заслуги А. П. Рославскаго-Петровскаго въ области статистики съ точки зрѣнія развитія идей о статистикѣ какъ наукѣ" и Гинзбургъ—на ту же тему, какъ Корсуновъ.

Для приготовленія къ профессорскому званію при Харьковскомъ университетѣ состояло стипендіатовъ: въ историко-филологическомъ факультетѣ—4, въ физико-математическомъ—2, въ юридическомъ—6, въ медицинскомъ—3, всего 15 стипендіатовъ, изъ коихъ 9 штатныхъ и 6—сверхштатныхъ.

На основаніи дѣйствующихъ узаконеній, совѣтомъ Харьковскаго университета утверждено въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени магистра—2 (1 по историко-филологическому и 1 по юридическому факультетамъ); б) въ степени кандидата—54 (по историко-филологическому факультету 9, физико-математическому 24, юридическому 21); в) званія дѣйствительнаго студента—14 (историко-филологическаго факультета 3, физико-математическаго 3, юридическаго 8); г) по медицинскому факультету: лѣкаря 49, уѣзднаго врача 47, провизора 6, аптекарскаго помощника 48, повивальной бабки 66, дантиста 7. Сверхъ того, по испытаніи въ историко-филологическомъ или физико-математическомъ факультетахъ, удостоены званія учите-

Библиотека "Руниверс"

лей гимназій: по русскому языку и словесности 8, по древнимъ языкамъ 3, по исторіи и географіи 10, по нѣмецкому языку 1, по математикѣ и физикѣ 5, по естественной исторіи и химіи 5, всего 32 лица, въ томъ числѣ 31 изъ окончившихъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, а 1—посторонній.

Денежныя средства Харьковскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи: штатныя суммы: къ 1-му января 1883 года имѣлось въ остаткѣ 21,190 руб. 21 коп., въ 1883 году ассигновано изъ государственнаго казначейства 338,966 руб. 20 коп., въ теченіе года израсходовано 343,587 руб. 47 коп., затѣмъ къ 1-му января 1884 года оставалось 16,568 руб. 94 коп. Спеціальныя средства: а) сборъ за слушаніе лекцій: отъ 1882 года оставалось 20,546 руб. 92 коп., въ теченіе 1883 года поступило 30,361 руб. 50 коп., въ тотъ же періодъ израсходовано 29,398 руб. 88 коп., въ остаткѣ къ 1884 году имѣлось 21,509 руб. 54 коп.; б) пожертвованные капиталы: къ 1-му января 1883 года остатка было 310,087 руб. 13 коп., въ 1883 году поступило 23,193 руб. 46 коп., израсходовано 15,642 р. 65 коп., остатокъ къ 1884 году составилъ 317,637 руб. 94 коп. Главнѣйшіе расходы изъ суммы сбора за слушаніе лекцій были слѣдующіе: на постройку башни для астрономической обсерваторіи—5,000 р., на учебно-вспомогательныя учрежденія вообще 4,978 руб., на печатаніе сочиненій ученаго содержанія 2,543 руб., на медали студентамъ 1,299 руб., на вознагражденіе помощниковъ преподавателей 1,250 руб., на содержаніе приватъ-доцентовъ 1,250 руб.

II.

СРЕДНІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Освѣщеніе новаго зданія Поневѣжскаго реальнаго училища.

7-го октября 1884 года, въ присутствіи попечителя Вилепскаго учебнаго округа, было совершено въ г. Поневѣжѣ торжественное освященіе новопостроеннаго каменнаго зданія для мѣстнаго реальнаго училища и открытіе училища въ этомъ зданіи.

Реальное училище въ г. Поневѣжѣ было открыто съ начала 1882—1883 учебнаго года въ составѣ двухъ низшихъ классовъ и, по неимѣнію собственныхъ зданій, было помѣщено временно и безплатно

Библиотека "Руниверс"

въ новомъ домѣ мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства г. Пузыны, принимавшаго вообще самое живое участіе въ дѣлѣ учрежденія этого учебнаго заведенія. Г. Пузына предоставилъ свой домъ въ распоряженіе учебнаго вѣдомства впредь до возведенія училищныхъ построекъ, согласно утвержденнымъ планамъ, на пожертвованныя суммы, которыхъ онъ же самъ былъ и собирателемъ. Этимъ временнымъ помѣщеніемъ училище пользовалось въ продолженіе двухъ учебныхъ годовъ и успѣло за это время развиться въ четырехклассный составъ, а съ начала настоящаго учебнаго года увеличилось еще открытіемъ параллельнаго отдѣленія при I классѣ.

Мѣсто подъ постройку училищныхъ зданій отведено весьма удобное и здоровое среди городской площади. Постройка произведена хозяйственнымъ способомъ, особымъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ г. Пузыны, при постоянномъ наблюденіи и руководствѣ одного изъ членовъ онаго, инженера Ляцкаго. Благодаря особой заботливости комитета, знанію дѣла и строгой экономіи, постройка обошлась дешевле смѣтнаго исчисленія, не смотря на выполненіе значительныхъ работъ, не вошедшихъ въ смѣту. Главное зданіе, имѣющее форму буквы П, каменное, двухъ этажное, просторное, свѣтлое, съ прекрасною каменною лѣстницею и широкими корридорами, во всѣхъ частяхъ какъ нельзя лучше приспособлено къ потребностямъ учебнаго заведенія. Для квартиръ директора и двухъ помощниковъ классныхъ наставниковъ въ училищномъ дворѣ выстроенъ особый деревянный домъ. Сверхъ того, будущимъ лѣтомъ предполагается построить большой гимнастическій залъ и сараи.

Освященіе новыхъ зданій, по предварительномъ переводѣ въ нихъ училища, совершено съ особою торжественностію въ присутствіи попечителя Виленскаго учебнаго округа, Ковенскаго губернатора и при собраніи почти всѣхъ предводителей дворянства и множества помѣщиковъ Ковенской губерніи. Прежде всего отслужена была литургія въ православномъ городскомъ соборѣ, гдѣ находились всѣ ученики православнаго и римско-католическаго исповѣданій и всѣ учащіе вмѣстѣ съ попечителемъ округа, а также начальникъ губерніи и множество молящихся. Изъ собора ученики отведены были въ новопостроенное училищное зданіе, украшенное флагами, и здѣсь размѣщены были въ обширномъ и красивомъ актовомъ залѣ полукругомъ къ большому, во весь ростъ, портрету Государя Императора. Залъ былъ изящно убранъ зеленью и тропическими растеніями. Въ часъ дня, къ началу молебствія, вслѣдъ за попечителемъ округа

Библиотека "Руниверс"

и начальникомъ губерніи, прибыли многочисленные посѣтители, близко заинтересованные актомъ открытія реальнаго училища и желавшіе принять участіе въ торжествѣ. Актъ начался пѣніемъ „Днесь благодать Святаго Духа насъ собра“. Затѣмъ о. законоучитель произнесъ весьма живую и прочувствованную рѣчь, въ которой развилъ евангельскія истины служенія обществу, которыя должно преслѣдовать въ своей дѣятельности вновь открытое учебно-воспитательное заведеніе. При окончаніи молебствія, совершеннаго соборнѣ, законоучитель училища въ предшествіи учениковъ-пѣвчихъ, пѣвшихъ „Спаси, Господи, люди Твоя“ и въ сопровожденіи начальствующихъ лицъ и посѣтителей, обошелъ и окропилъ святою водою всѣ комнаты въ обоихъ этажахъ главнаго зданія; при чемъ мѣстный военный оркестръ, разставленный вдоль всего верхняго корридора, тихо игралъ: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“. Послѣ того какъ зданіе было окроплено, по возвращеніи въ залъ было провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому; „вѣчная память“ въ Бозѣ почившему Царю-мученику Александру Николаевичу, и затѣмъ многолѣтіе учащимъ и учащимся.

Съ окончаніемъ богослуженія, исправляющій должность инспектора училища прочиталъ отчетъ о состояніи ввѣреннаго ему заведенія за минувшіе два учебныхъ года и познакомилъ собраніе, какъ со статистическими данными о постепенномъ развитіи числа учащихся, такъ и съ дѣятельностію педагогическаго состава училища въ достиженіи учебно-воспитательныхъ цѣлей. Изъ этого отчета видно, что число желавшихъ поступить въ училище ежегодно было значительно, такъ что многимъ изъ выдержавшихъ испытаніе удовлетворительно приходилось отказывать въ пріемѣ въ первый классъ по неимѣнію вакансій. Это обстоятельство вызвало въ настоящемъ году ходатайство объ открытіи параллельнаго отдѣленія при I классѣ. О дѣятельности педагогическаго состава начальникъ заведенія, основываясь на ревизіонныхъ наблюденіяхъ окружнаго инспектора, сообщилъ, что оно идетъ въ надлежащемъ направленіи и достигаетъ вообще успѣшныхъ результатовъ. Чтеніе отчета закончено было слѣдующими словами, обращенными къ собранію: „Сердцу каждаго изъ присутствующихъ здѣсь понятно, что Поневѣжское реальное училище бытіемъ своимъ обязано исключительно щедротамъ Августѣйшаго Монарха, рѣшившаго пріобрѣсти этому заведенію значительныя средства изъ суммъ казны, не смотря на трудныя времена“. Вслѣдъ за

Библиотека "Руниверс"

симъ ученики прекрасно пропѣли: „Славься, славься, нашъ Русскій Царь!“. Пѣніе это было выслушано присутствовавшими стоя. Затѣмъ, секретарь педагогическаго совѣта училища прочиталъ протоколъ совѣта о результатахъ переводныхъ испытаній, произведенныхъ въ концѣ прошлаго учебнаго года; при чемъ объявлены были фамиліи учениковъ, которымъ присуждены награды, и сіи послѣднія были розданы тѣмъ, кто ихъ удостоенъ. Послѣ того, подъ акомпаниментъ военнаго оркестра, учениками былъ пропѣтъ народный гимнъ, а за нимъ послѣдовало долгое неумолкаемое „ура“. Въ заключеніе, попечитель учебнаго округа обратился къ собранію съ привѣтствіемъ по случаю открытія училища и просилъ передать привѣтъ тѣмъ отсутствующимъ отцамъ и матерямъ, чьи молодыя радости и надежды собраны въ училищѣ; далѣе г. попечитель высказалъ убѣжденіе, что школа вполнѣ выполнитъ свое призваніе и такимъ образомъ осуществитъ желаніе общества, если притомъ семья, съ своей стороны, здравыми отношеніями къ школѣ будетъ содѣйствовать ей въ дѣлѣ нравственнаго роста и воспитанія учащихся дѣтей; затѣмъ тайный совѣтникъ Сергіевскій выразилъ признательность г. уѣздному предводителю дворянства и всѣмъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ трудахъ и заботахъ по учрежденію реальнаго училища и постройкѣ училищныхъ зданій; слѣдующія и послѣднія слова г. попечителя были обращены къ ученикамъ: „Высказываю вамъ, дорогія дѣти, особую радость о томъ, что вы получили возможность учиться и воспитаться вблизи вашихъ семей и роднаго очага. Вынесите же изъ этой школы здравыя знанія, здравыя мысли, здравыя чувства, здравое настроеніе. Воспитайте въ вашемъ молодомъ сердцѣ и сохраните въ немъ, когда оно сдѣлается большимъ, нелицемѣрную любовь къ нашему Великому Монарху. Его любовь собрала васъ здѣсь для обученія и воспитанія“. Послѣ того присутствовавшіе потребовали повторенія народнаго гимна, исполненнаго ученическимъ хоромъ и военнымъ оркестромъ при долго несмолкавшемъ, русскомъ „ура“.

Вечеромъ зданіе училища и окружающая его площадь украсились иллюминаціей. Въ училищѣ были собраны всѣ воспитанники, туда же прибыли попечитель учебнаго округа, губернаторъ и многіе изъ утреннихъ посѣтителей. На площади играла полковая музыка, и былъ сожженъ фейерверкъ. Когда глазамъ густой толпы показался огненный вензель Ихъ Величествъ, музыка заиграла народный гимнъ, подхваченный толпою. По окончаніи фейерверка дѣти любовались

Библиотека "Руниверс"

туманными картинами, отражавшими виды Москвы, Кіева и пр., и были угощены лакомствами, присланными г. Пузыной. На слѣдующее утро училище возвратилось къ своимъ занятіямъ и было подробно осмотрѣно попечителемъ учебнаго округа.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Ноябрь 1884 года.

Въ послѣднее время въ нашемъ ученомъ мірѣ не произошло ничего особенно важнаго, кромѣ кончины нѣкоторыхъ ученыхъ, о которыхъ я и упомяну въ концѣ этого письма, исключительно посвященнаго изданіямъ ученаго характера, всегда многочисленнымъ въ концѣ года.

Г. Шлюмбергеръ, извѣстный своими прекрасными трудами по византійской археологіи, окончилъ недавно важное сочиненіе „О сигиллографіи Византійской имперіи", которое и напечатано при содѣйствіи общества латинскаго востока. Шлюмбергеръ изслѣдуетъ совершенно новую отрасль средневѣковой археологіи. Сигиллографія Византійской имперіи мало разработана учеными, а между тѣмъ какое множество свѣдѣній почерпается при изученіи этихъ свинцовыхъ печатей, бывшихъ въ употребленіи почти десять вѣковъ во всѣхъ слояхъ греческаго общества. Шлюмбергеръ жилъ долго на Востокѣ. Благодаря своимъ многочисленнымъ путешествіямъ и постояннымъ сношеніямъ съ Константинополемъ, ему удалось собрать значительное количество печатей и оттисковъ съ нихъ. Сначала онъ разсматриваетъ исторію печатей, ихъ матеріалъ, форму, производство, употребленіе, характеръ буквъ и надписей, а затѣмъ распредѣляетъ ихъ по годамъ, званіямъ и профессіи владѣльцевъ; такимъ образомъ дается описаніе и объясненіе печатей различныхъ учрежденій и представителей разныхъ классовъ общества, именно: печатей должностныхъ лицъ провинціальныхъ и городскихъ, печатей епархіальныхъ, монастырскихъ, дворцовыхъ и т. д. (это весьма любопытный и полный комментарій знаменитой книги Константина Порфиророднаго о темахъ), затѣмъ печатей лицъ духовныхъ, военныхъ, гражданскихъ сановниковъ и особенно

Библиотека "Руниверс"

императоровъ и, наконецъ, фамилій византійскихъ. Къ книгѣ приложено 1100 рисунковъ. Она, вѣроятно, откроетъ автору двери академіи надписей, куда онъ уже и былъ предлагаемъ.

Шлюмбергеръ оказалъ наукѣ еще одну, не менѣе важную услугу, перепечатавъ сочиненія умершаго въ прошломъ году археолога Лонперье, разсѣянныя въ массѣ различныхъ журналовъ, сдѣлавшихся по большей части рѣдкими. Онъ соединилъ ихъ въ шесть томовъ въ 8-ку. Первый томъ посвященъ восточной археологіи, 2-й и 3-й—археологіи греческой, романской и галльской, 4-й, 5-й и 6-й — археологіи средневѣковой, эпохѣ возрожденія и археологіи американской. Къ изданію приложена біографическая статья Шлюмбергера и много рисунковъ. Чтобы понять всю важность этого сборника, надо прочесть статьи, посвященныя ему Альфредомъ Мори въ Journal des Savants текущаго года. Онъ тѣмъ болѣе драгоцѣненъ, что статьи Лонперье, разсѣянныя въ пятидесяти спеціальныхъ журналахъ, едва были доступны археологамъ.

Большое собраніе латинскихъ классиковъ книгопродавца Гашетта обогатилось еще новымъ томомъ, содержащимъ въ себѣ V-ю книгу De rerum natura Лукреція. Было бы весьма желательно полное изданіе сочиненій этого поэта, но къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ въ настоящее время ученаго, имѣющаго время или желаніе заняться этимъ дѣломъ. Наши студенты вынуждены прибѣгать къ иностраннымъ изданіямъ, такъ какъ на экзаменахъ на степень магистра и адъюнкта-профессора, у нихъ часто требуютъ объясненія именно V-й книги, въ которой поэтъ дѣлаетъ какъ бы общій выводъ своей философіи природы. Въ ожиданіи полнаго изданія поэмы Лукреція профессоръ латинской поэзіи въ Сорбоннѣ Бенуа напечаталъ, съ комментаріями, пятую книгу ея, которая неоднократно составляла предметъ его лекцій; въ изданіи этого труда участвовалъ также Лантуань, секретарь словеснаго факультета въ Парижѣ. Издатели не претендовали на составленіе новаго текста и удовольствовались текстомъ Бернайса. Въ бумагахъ покойнаго Патэна Бенуа нашелъ подробный этюдъ о V-й книгѣ, которую Патэнъ комментировалъ нѣкогда въ Сорбоннѣ, и перепечаталъ его въ началѣ своего изданія, составляющаго книгу въ 8-ку въ 160 страницъ. Въ этомъ же Гашеттовскомъ собраніи классиковъ Бенуа вскорѣ издастъ Цезаря и Горація.

Жюль Жираръ, профессоръ греческой поэзіи въ Сорбоннѣ,—одинъ изъ лучшихъ знатоковъ древне-греческаго міра; онъ пишетъ не много,

Библиотека "Руниверс"

но все имъ написанное прекрасно. Особенно цѣнятся его „Этюды объ аттическомъ краснорѣчіи“ и его „Опытъ о религіозномъ чувствѣ въ Греціи“. Его „Опытъ о Θукидидѣ“ былъ увѣнчанъ, двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, Французскою академіей; уже давно это сочиненіе вышло изъ продажи. Авторъ выпустилъ его вторымъ изданіемъ, на которое и обращаю вниманіе эллинистовъ. Текстъ книги остался почти безъ измѣненія; въ продолженіе 25 лѣтъ не сказано ничего существенно новаго о Θукидидѣ. Сочиненіе Жирара по преимуществу литературно-критическое; авторъ изучаетъ въ немъ послѣдовательно общій методъ Θукидида, его повѣствованія и описанія, манеру сочиненія, слогъ, идеи нравственныя и политическія и, наконецъ, вліяніе его на Поливія, Саллюстія, Тацита и Демосѳена. Одновременно съ перепечаткой этого важнаго труда Ж. Жираръ собралъ въ одну книгу нѣсколько своихъ статей, напечатанныхъ въ Revue des deux Mondes, подъ заглавіемъ: „Этюды о греческой поэзіи“. Въ нихъ онъ говоритъ объ Эпихармѣ, Пиндарѣ, Софоклѣ, Ѳеокритѣ, Аполлоніѣ. Эти статьи были писаны для большинства читателей, а не для однихъ спеціалистовъ. Но Жираръ не только популяризаторъ, но оригинальный мыслитель и проницательный критикъ. Въ данное время у насъ во Франціи существуетъ цѣлая школа ученыхъ, низводящая изученіе твореній древняго міра къ простому анализу варіантовъ, удареній, метрики. Жираръ особенно останавливается на эстетическомъ и нравственномъ значеніи классиковъ и находитъ возможность сказать много новаго въ области, въ которой все, кажется, было уже сказано. Особенно удался ему въ высшей степени изящный и остроумный этюдъ о Ѳеокритѣ.

Я сообщалъ вамъ недавно о руководствѣ по классической филологіи, составленномъ Саломономъ Рейнахомъ. Авторъ издалъ теперь вторую часть его, столь же объемистую, какъ и первая. Это не новый трудъ, по скромному заявленію Рейнаха, а лишь добавленіе къ первой части, лучше сказать, безпрерывный комментарій къ тексту и примѣчаніямъ ея. Довольствуясь ссылкой на главы и страницы первой части, Рейнахъ то приводитъ библіографическія свѣдѣнія, имъ пропущенныя, то распространяется о предметахъ, о которыхъ говорилъ только вскользь. Пугаешься при видѣ этого огромнаго труда и массы изысканій, понадобившихся для столь обширнаго каталога. Авторъ говоритъ, что работалъ надъ нимъ въ продолженіе шести лѣтъ послѣдовательно, желая тѣмъ избавить отъ такого же труда своихъ товарищей по занятіямъ. Онъ несомнѣнно окажетъ огромную

Библиотека "Руниверс"

услугу всѣмъ живущимъ вдали отъ большихъ библіотекъ и не имѣющимъ въ рукахъ спеціальныхъ журналовъ. „Руководство къ классической филологіи", обогащенное этимъ превосходнымъ добавленіемъ, стало теперь необходимою книгою для всѣхъ филологовъ. Глядя на этотъ указатель, невольно задаешь себѣ вопросъ, какъ это до сихъ поръ обходились безъ него.

Шапленъ, профессоръ въ школѣ высшихъ знаній и одинъ изъ лучшихъ нашихъ латинистовъ, начинаетъ у Гашетта печатаніе своего большаго труда: „Палеографія латинскихъ классиковъ". Это собраніе факсимиле съ главнѣйшихъ манускриптовъ Плавта, Теренція, Варрона, Цицерона, Цезаря, Корнелія Непота, Лукреція, Катулла, Саллюстія, Вергилія, Квинта Курція, Лукана, Ювенала и т. д.; собраніе будетъ состоять изъ 10 тетрадей въ листъ, и въ каждой тетради, кромѣ 15 прекрасно исполненныхъ геліогравюръ, будетъ 4 страницы текста, критическаго и объяснительнаго. Первая тетрадь, уже вышедшая въ свѣтъ, заключаетъ въ себѣ факсимиле 5 рукописей Плавта, 6—Теренція, 2—Варрона и 2—Катулла. Нѣтъ надобности говорить о важности подобнаго изданія для изученія классической филологіи.

Съ удовольствіемъ сообщаю вамъ объ окончаніи обширной „Римской исторіи" Дюрюи; это сочиненіе, не имѣющее себѣ подобнаго въ нашей исторической литературѣ, какъ по размѣрамъ и по таланту автора, такъ и по богатству иллюстраціи и точности въ отношеніи зрѣнія археологическомъ. Дюрюи состоитъ уже членомъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ и академіи надписей и изящной словесности, а вѣроятно, скоро будетъ избранъ и въ члены Французской академіи.

Кстати укажу и на „Краткую римскую исторію", 400—500 страницъ, Поля Гиро и Лакура—Гейе (Paris. Alcan). Она входитъ въ коллекцію учебныхъ пособій по исторіи, издаваемую подъ редакціей ученаго издателя Revue historique, Моно. Оба автора не простые компиляторы, но очень дѣльные ученые. Ихъ книга снабжена картинками, картами и весьма хорошо составленнымъ географическимъ указателемъ.

Академическая книжная торговля (бывш. Дидье, нынѣ Перренъ) только что издала въ свѣтъ нѣсколько новыхъ классическихъ сочиненій, давно уже не перепечатывавшихся. Прежде всего укажу на одиннадцатое изданіе „Общей исторіи философіи отъ древнѣйшихъ временъ до XIX вѣка"—Виктора Кузена. Къ этому изданію приложено введеніе Бартелеми Сентъ-Илера, изслѣдователя индѣйской философіи и

Библиотека "Руниверс"

коментатора Аристотеля, а также алфавитный указатель, не существовавшій въ прежнемъ изданіи. Какъ извѣстно, Кузенъ стоялъ во главѣ школы эклектиковъ и спиритуалистовъ; хотя ученіе его теперь уже болѣе не въ ходу, но сочиненія его будутъ читать ради изящнаго изложенія. Эта общая исторія философіи не имѣла себѣ равной въ нашей литературѣ. Та же фирма печатаетъ третье изданіе книги Преллера: „Боги древняго Рима“ (Les Dieux de l'ancienne Rome) и девятое изданіе книги Ампера: „Греція, Римъ и Данте“ (La Grèce, Rome et Dante). Переводу Преллера предшествуетъ этюдъ Альфреда Мори. Книга Ампера, вѣроятно, хорошо извѣстна вашимъ читателямъ, занимающимся сравнительнымъ изученіемъ литературы. Часть ея, посвященная средневѣковой Италіи, и теперь еще не утратила значенія для изучающихъ италіанскую поэзію и особенно Данта.

Въ новой программѣ на полученіе степени кандидата придаютъ большое значеніе изученію классическихъ древностей. При факультетахъ основаны даже новыя каѳедры этого предмета. Два профессора словеснаго факультета въ Реннѣ, Робіу и Дефоссе, предприняли составить для студентовъ руководства по предмету древностей Рима и Греціи. Они начали съ очерка древне-греческихъ учрежденій, и этотъ трудъ вышелъ не особенно удаченъ. Теперь они заняты очеркомъ древностей римскихъ, который составитъ два тома. Первый, уже вышедшій, посвященъ учрежденіямъ политическимъ, военной организаціи и римской религіи. И это то же изданіе академической книжной торговли.

Со времени основанія школы высшихъ знаній, преподаваніе санскритскаго языка сдѣлало большіе успѣхи во Франціи. Прежде оно существовало только въ Парижѣ; теперь же насчитывается три каѳедры въ Парижѣ, одна въ Ліонѣ, и вѣроятно, не замедлятъ открыться каѳедры и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ факультетахъ. До сихъ поръ въ нашей научной литературѣ не было хорошаго руководства къ изученію санскрита, и профессора вынуждены были пользоваться нѣмецкими книгами. Профессоръ Сорбонны Бергень пополнилъ этотъ пробѣлъ, издавъ свое „Руководство къ изученію санскритскаго языка“ (одинъ томъ въ 8-ку. Vieweg). Это во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное руководство; авторъ собралъ въ немъ результатъ своего 15-тилѣтняго преподаванія. Въ немъ помѣщены санскритская грамматика, составленная по послѣднимъ научнымъ изслѣдованіямъ, и искусно подобранная христоматія для упражненія учащихся; въ христоматіи заключаются изрѣченія, отрывки изъ Махаба-

Библиотека "Руниверс"

раты, Бартрихари и цѣлый актъ изъ Сакунталы, а въ концѣ приложенъ словарь. Это руководство одинаково удобно какъ для изученія санскрита подъ руководствомъ профессора, такъ и для самообученія. Книга, стоющая 15 франковъ, замѣняетъ начинающему цѣлую библіотеку.

Всѣ занимающіеся въ Россіи XVIII вѣкомъ, безъ сомнѣнія, знаютъ обширное сочиненіе о Вольтерѣ Денуартера. Теперь этотъ авторъ издалъ новую любопытную книгу: „Сатирическая комедія въ XVIII вѣкѣ". Книга эта обнимаетъ царствованіе Людовика XV, Людовика XVI и время революціи. Въ то время, когда еще не существовало свободы печати, любимымъ орудіемъ сатиры былъ намекъ, и очень часто публика сама усматривала его тамъ, гдѣ авторъ и не помышлялъ его дѣлать. Такъ Гоѳолія (Athalie) Расина, написанная за полвѣка до воцаренія Людовика XV, кажется, намекомъ на его царствованіе. Банкъ Лоу, мистическіе подвиги янсенистовъ, мизантропическія и преобразовательныя идеи Руссо и философовъ, вражда Пичини и Глюка представляютъ для драматическихъ писателей цѣлую серію намековъ, иногда остроумныхъ, иногда сомнительнаго вкуса, занимавшихъ нѣкогда публику, и дающихъ историку драгоцѣнныя указанія о состояніи общественнаго мнѣнія. Съ Бомарше театръ становится какъ бы новою силой въ государствѣ. Во время революціи театръ то возбуждаетъ, то умѣряетъ народную ярость—до того момента, когда Наполеонъ прекратилъ литературныя вольности и подчинилъ музъ строгой дисциплинѣ. Вся эта исторія очень любопытна, и никто не могъ бы разказать ее лучше, добросовѣстнѣе и пріятнѣе Денуартера.

Грераръ, помощникъ попечителя Парижскаго учебнаго округа, напечаталъ въ серіи важнѣйшихъ педагогическихъ сочиненій французскихъ и иностранныхъ очень хорошо составленный сборникъ писемъ, мнѣній и бесѣдъ г-жи Ментенонъ о воспитаніи. Г-жа Ментенонъ имѣла страсть къ воспитанію; часть своей жизни она была воспитательницей дѣтей Людовика XIV или своихъ юныхъ родственницъ, а когда обстоятельства сдѣлали ее тайною супругой великаго короля, она воспользовалась своею властію и основала для бѣдныхъ дѣвушекъ образцовое образовательное учрежденіе—Сентъ-Сиръ. Основаніе этого училища свидѣтельствуетъ, надо сознаться, объ огромномъ успѣхѣ въ исторіи женскаго образованія въ XVII вѣкѣ. До того времени женщины воспитывались исключительно въ монастыряхъ и такъ, чтобы быть потомъ монахинями. Въ Сенъ-Сирѣ стали воспитывать ихъ для жизни въ свѣтѣ, для семьи. „Дочерей нашихъ бур-

Библиотека "Руниверс"

жуа надо воспитывать по буржуазному", писала г-жа Ментенонъ; — „ихъ ждетъ жизнь въ провинціи, жизнь хозяйственная, скромная, замкнутая, вся состоящая въ обязанностяхъ относительно мужа, которому онѣ должны помогать въ управленіи небольшимъ состояніемъ, относительно дѣтей, которыхъ онѣ будутъ воспитывать, и относительно прислуги, которою будутъ руководить. Институтъ основанъ не для молитвы, но для дѣла". Г-жа Ментенонъ не удовольствовалась основаніемъ Сенъ-Сира, но принимала большое участіе и въ управленіи имъ и желала быть первою его наставницей. Она давала постоянно письменные совѣты воспитательницамъ; внезапно появляясь въ классахъ, она вела съ ученицами цѣлыя бесѣды. Всѣ эти бесѣды сохранились до нашего времени и блещутъ преобладавшими качествами ума г-жи Ментенонъ—здравымъ смысломъ и основательностію. Уже нѣсколько разъ онѣ были издаваемы. Изданіе Грeара расположено въ хронологическомъ порядкѣ; ему предшествуетъ введеніе, прекрасно написанное, и въ которомъ видѣнъ авторъ превосходныхъ статей: „О воспитаніи женщинъ во Франціи" и „О духѣ дисциплины въ воспитаніи". Грeаръ состоитъ членомъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ; онъ наиболѣе знающій педагогъ нашей страны. Ему было предложено занять мѣсто Дюмона въ управленіи высшимъ образованіемъ, но онъ отъ него отказался.

Гюставъ Мерле, о сочиненіяхъ котораго, какъ литетатурныхъ, такъ и педагогическихъ, я уже сообщалъ вамъ, возымѣлъ счастливую мысль издать свои литературные этюды о латинскихъ классикахъ, составляющіе продолженіе его этюдовъ о классикахъ греческихъ. Эта книга спеціально предназначена для женщинъ и молодыхъ дѣвицъ, не знающихъ латинскаго языка; поэтому авторъ ея оставилъ въ сторонѣ ученые вопросы и особенно старался изобразить римскихъ писателей со стороны вкуса и нравственности; онъ коснулся только лучшихъ историковъ, поэтовъ и ораторовъ и избѣгалъ излишнихъ подробностей. Его книга принесетъ много пользы всѣмъ посвящающимъ себя женскому образованію.

Различныя заграничныя французскія школы издаютъ научные сборники по предмету своихъ спеціальныхъ занятій. Аѳинская и римская школа издаютъ археологическіе сборники; школа восточной археологіи, недавно основанная въ Каирѣ подъ управленіемъ Масперо, послѣдовала тому же примѣру; она печатаетъ сборникъ, первый томъ котораго уже вышелъ въ свѣтъ. Вкладчики этого сборника большею частью молодые египтологи, но внушаютъ къ себѣ довѣріе:

Библиотека "Руниверс"

они изучали свой предметъ на мѣстѣ и подъ руководствомъ отличнаго руководителя. Кромѣ пяти археологическихъ статей, въ этомъ же томѣ помѣщено нѣсколько арабскихъ сказокъ на каирскомъ нарѣчіи арабскаго языка. Вообще число научныхъ сборниковъ у насъ все увеличивается. Такъ, Оппертъ и Ледренъ начали изданіе журнала: Revue d'archéologie orientale et d'assyriologie. Вамъ хорошо извѣстно имя Опперта, знаменитаго профессора Французской коллегіи. Ледренъ, профессоръ Луврской школы, также отличный археологъ.

Академія надписей и изящной словесности лишилась одного изъ достойнѣйшихъ своихъ членовъ Адольфа Ренье. Онъ родился въ 1806 году и много содѣйствовалъ введенію во Франціи занятій высшею филологіей и сравнительною грамматикой. Сначала онъ былъ преподавателемъ въ парижскихъ лицеяхъ и въ нормальной школѣ, а въ 1841 г. поступилъ воспитателемъ къ графу Парижскому и сопутствовалъ ему въ изгнаніи послѣ сверженія Луи-Филиппа. Эти отношенія къ Орлеанскому дому сдѣлали его подозрительнымъ въ глазахъ Наполеона III, и не смотря на то, что въ 1862 г. онъ былъ выставленъ кандидатомъ на каѳедру санскритскаго языка, а въ 1864—кандидатомъ на каѳедру сравнительной грамматики во Французской коллегіи, онъ не былъ допущенъ до занятія ихъ. Вся его жизнь была посвящена лингвистическимъ и литературнымъ трудамъ. Ему мы обязаны хорошею нѣмецкою грамматикой и словаремъ, онъ написалъ двѣ статьи о германскихъ нарѣчіяхъ, трактатъ объ образованіи словъ въ греческомъ языкѣ, этюды по древне-индѣйской литературѣ и перевелъ произведенія Шиллера. Онъ руководилъ роскошнымъ ученымъ изданіемъ сочиненій великихъ писателей Франціи, которое предпринято Гашеттомъ, и въ которомъ уже вышли въ свѣтъ Корнель, Расинъ, г-жа Савинье, Мольеръ, собраніемъ, не имѣющимъ себѣ подобнаго въ нашей литературѣ.

Я долженъ еще сообщить вамъ о смерти отличнаго педагога, Маргерена, бывшаго директора школы Тюрго, лучшей изъ нашихъ профессіональныхъ школъ. Онъ написалъ много хорошихъ книгъ, именно „Очеркъ воспитанія средняго сословія въ Англіи“, „Великія эпохи въ исторіи Франціи“ и т. д. Мы лишились еще плодовитаго полиграфа, извѣстнаго всей Европѣ подъ псевдонимомъ Bibliophile Jacob; дѣйствительное его имя Полъ Лакруа; онъ родился въ 1806 году и уже 16 лѣтъ отъ роду напечаталъ изданіе сочиненій Клемана Маро. Онъ началъ свое литературное поприще историческими романами

Библиотека "Руниверс"

изъ эпохи возрожденія и XVII вѣка, въ подражаніе Вальтеру Скотту; теперь эти романы забыты. Онъ описалъ жизнь Наполеона III и императора Николая. Но что составляетъ главное его право на уваженіе ученыхъ, это его многочисленныя біо-библіографическія изысканія о нашихъ классическихъ писателяхъ, напримѣръ, о Мольерѣ, и рядъ сочиненій о бытовой исторіи Франціи, изданныхъ фирмой Дидо; кромѣ того, ему принадлежитъ множество библіографическихъ этюдовъ. Онъ работалъ слишкомъ скоро, но сочиненія его охотно читались.

Сейчасъ пришло извѣстіе о кончинѣ Жюля Китра, ученаго эпиграфиста и латиниста, словари котораго извѣстны во всей Европѣ. Мѣсто его въ академіи надписей и изящной словесности остается не занятымъ, также какъ и мѣсто Тиссо, бывшаго посланника и автора прекрасныхъ работъ по географіи римской Африки. Тиссо оставилъ огромное сочиненіе объ этомъ предметѣ, издаваемое теперь Саломономъ Рейнахомъ.

Альбертъ Дюмонъ, управлявшій высшимъ образованіемъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, и котораго мы лишились въ прошломъ августѣ, замѣненъ въ этой должности г. Ліаромъ, попечителемъ Канскаго учебнаго округа. Ліара считаютъ отличнымъ администраторомъ, и кромѣ того, ему принадлежитъ нѣсколько сочиненій по философіи.

Л. Л—ръ.

Библиотека "Руниверс"

НЕКРОЛОГЪ

I.

В. В. Бауеръ.

6-го ноября Петербургскій университетъ потерпѣлъ тяжелую и горестную утрату. Болѣзнь, о роковомъ значеніи которой до самаго послѣдняго времени не догадывались родные и близкіе, безвременно подкосила жизнь профессора всеобщей исторіи Василья Васильевича Бауера, когда ему едва исполнился 51-й годъ отъ рожденія (род. 13-го декабря 1833 г.). Неправильное пищевареніе, разнаго рода катарры, довольно обычные спутники ученой карьеры, кабинетныхъ занятій и сидячаго образа жизни, усложнились болѣзнью сердца или же развились и естественнымъ образомъ обратились на этотъ органъ; какъ бы то ни было, послѣдствіемъ этихъ болѣзненныхъ явленій было то, что товарищи, ученики и многочисленные почитатели покойнаго съ глубокою горестію проводили его 8-го ноября до послѣдняго жилища, ожидающаго каждаго изъ насъ.

Василій Васильевичъ окончилъ курсъ въ здѣшней третьей гимназіи, имѣющей основаніе гордиться и хорошими преданіями, никогда не нарушенною традиціей серьезной классической школы, и значительнымъ количествомъ ученыхъ дѣятелей, изъ нея вышедшихъ. Поступивъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета въ 1851 году, Василій Васильевичъ скоро обнаружилъ особенную склонность и любовь къ историческимъ занятіямъ. Наибольшее вліяніе на него въ этомъ отношеніи имѣлъ, конечно, памятный въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія профессоръ Михаилъ Семеновичъ Куторга; отъ него ведетъ свое на-

Библиотека "Руниверс"

чало не особенно длинное преемство дѣйствительно научныхъ занятій исторіей въ нашемъ университетѣ. Профессоръ Куторга, спеціалистъ и знатокъ по греческой исторіи, былъ горячимъ поборникомъ той мысли, что ученая русская самостоятельность въ области всеобщей исторіи, навыкъ каждаго отдѣльнаго начинающаго въ самостоятельной работѣ, ознакомленіе его съ методомъ исторической критики всего удобнѣе могутъ достигаться посредствомъ занятій въ области классической исторіи. Еще будучи студентомъ, Василій Васильевичъ получилъ серебряную медаль за сочиненіе „О новѣйшихъ открытіяхъ въ Малой Азіи и Ниневіи"; черезъ три года по окончаніи курса онъ представилъ диссертацію на степень магистра „Объ Аѳинской гегемоніи" и защитилъ ее 19-го мая 1858 года. Со степенью магистра историческихъ наукъ онъ отправился въ 1860 году за границу на казенный счетъ—для дальнѣйшихъ занятій избранною спеціальностію въ виду будущей профессуры. Большую часть двухгодичнаго слишкомъ пребыванія своего въ чужихъ краяхъ онъ провелъ въ Германіи—въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ, Мюнхенѣ, Боннѣ, слушалъ и пользовался руководствомъ извѣстныхъ профессоровъ Гейсера, Зибеля, Дройзена, сохранивъ наиболѣе благодарную память и симпатію къ первому изъ нихъ; затѣмъ Василій Васильевичъ посѣтилъ Лондонъ, Оксфордъ и Парижъ, желая ознакомится съ методами историческаго преподаванія, библіотеками и музеями. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ причисленъ къ университету преподавателемъ всеобщей исторіи; 7-го октября 1863 года защитилъ докторскую диссертацію „Эпоха древней тираніи въ Греціи" и вслѣдъ затѣмъ былъ утвержденъ штатнымъ доцентомъ; въ слѣдующемъ 1864 году онъ былъ избранъ въ экстраординарные, а въ 1866 году въ ординарные профессора по каѳедрѣ всеобщей исторіи; въ 1865 году онъ удостоился высокой чести быть приглашеннымъ для занятій по своему предмету съ Наслѣдникомъ престола, нынѣ царствующимъ Государемъ. Хотя ученые вкусы и предпочтенія Василья Васильевича со времени пребыванія за границей стали склоняться въ сторону новой исторіи, онъ, по желанію факультета, принялъ на себя чтеніе древней исторіи и въ продолженіе пяти лѣтъ велъ это дѣло съ полнымъ усердіемъ и соотвѣтствующимъ успѣхомъ. Пишущему эти строки приходилось слышать отъ бывшихъ тогдашнихъ студентовъ историко-филологическаго факультета, притомъ отъ лучшихъ изъ нихъ, самыя благодарныя воспоминанія объ этихъ лекціяхъ. Василій Васильевичъ Бауеръ читалъ греческую и римскую исторію, съ краткимъ обозрѣ-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ исторіи Востока; онъ останавливался преимущественно на первоначальныхъ періодахъ исторической жизни того и другаго изъ классическихъ народовъ, критически разбиралъ источники, указывалъ существенныя главныя основанія новѣйшихъ ученыхъ взглядовъ и теорій; онъ имѣлъ при этомъ въ виду ознакомленіе слушателей съ самымъ методомъ научнаго историческаго изслѣдованія. Для той же цѣли, сверхъ общихъ курсовъ, онъ читалъ спеціальные: „о первыхъ книгахъ Тита Ливія“ и „объ Аристотелевомъ государствѣ“. Съ третьяго года своей профессуры, Василій Васильевичъ сталъ обращаться и къ новой исторіи, а въ 1869 году онъ получилъ возможность послѣдовать первоначальнымъ своимъ влеченіямъ. Вступленіе въ составъ историко-филологическаго факультета двухъ доцентовъ, изъ коихъ одинъ (Ѳ. Ѳ. Соколовъ) взялъ на себя чтеніе древней исторіи, а другой (пишущій эти строки) — средней, позволило ему сосредоточиться на новой исторіи. Главная заслуга Василья Васильевича, какъ профессора, состоитъ именно въ томъ, что онъ впервые поставилъ этотъ отдѣлъ историческаго преподаванія на прочную основу; хотя и прежде новая исторія читалась въ Петербургскомъ университетѣ, но только изрѣдка, какъ бы урывками и случайно. Василій Васильевичъ выработалъ серьезный и систематическій курсъ новой исторіи и затѣмъ не переставалъ держать свое преподаваніе на уровнѣ современнаго научнаго движенія въ этой области. Сколько-нибудь знающіе люди понимаютъ, что это вообще не легкое дѣло, и особенно по отношенію къ новой исторіи. Именно исторія трехъ или четырехъ послѣднихъ столѣтій разработывается въ настоящее время наиболѣе оживленнымъ образомъ. Каждый годъ открываются новые и новые архивные матеріалы, существуетъ масса изданій, посвященныхъ ихъ обнародованію, сотни ученыхъ занимаются ихъ разработкою въ Германіи, Франціи, Англіи, десятки первостепенныхъ ученыхъ, для которыхъ исторія реформаціи и революціи есть своя національная и народная исторія, издаютъ изслѣдованія и труды, иногда кореннымъ образомъ измѣняющіе недавно господствовавшія возврѣнія. Задачу университетскаго преподавателя Василій Васильевичъ понималъ въ высшей степени серьезно и строго; это пониманіе требовало не какого-либо поверхностнаго библіографическаго ознакомленія со всею новѣйшею литературой его обширной спеціальности, но неустаннаго и внимательнаго ея изученія. Свои курсы и каждую свою лекцію въ отдѣльности Василій Васильевичъ тщательно обдумывалъ заранѣе, заботился о стройности и

Библиотека "Руниверс"

ясности изложенія и передавалъ результаты своего изученія и своихъ размышленій съ искреннимъ и неподдѣльнымъ одушевленіемъ. Серьезность и добросовѣстность его отношенія къ своему дѣлу сами собою обнаруживались въ его чтеніяхъ, чувствовались и цѣнились его аудиторіей. Обладая въ высокой степени и внѣшними качествами хорошаго лектора, Василій Васильевичъ всегда собиралъ вокругъ своей каѳедры большое число слушателей, между прочимъ и изъ среды другихъ факультетовъ, и хотя онъ никогда не былъ ни популярничающимъ, ни популярнымъ профессоромъ, всегда былъ уважаемымъ и любимымъ. Помимо ученой содержательности его лекцій, помимо безспорнаго дара устнаго изложенія, было въ самой его личности и въ содержаніи читаемыхъ имъ курсовъ еще нѣчто особенное, глубокое и важное, что привлекало къ нему благородную и чуткую молодежь, оставляло болѣе или менѣе ясныя и сознательныя, но прочныя симпатіи. Мы надѣемся, что воспоминанія молодыхъ друзей и слушателей покойнаго, которыя должны явиться, объяснятъ намъ живѣе внутреннія основанія того сочувствія, которое внушалъ имъ ихъ учитель. Пишущій эти строки никогда не былъ слушателемъ Василія Васильевича Бауера; онъ можетъ объяснять несомнѣнно существующій фактъ только посредствомъ наведенія и догадокъ, опираясь на свое знакомство съ личностію почтеннаго товарища, припоминая ученыя бесѣды въ его кабинетѣ, которыя, къ глубокому сожалѣнію пишущаго, не могли быть столь часты и продолжительны, какъ бы онъ того желалъ. Важно то, что, будучи прежде всего человѣкомъ долга, строгимъ и неуклоннымъ исполнителемъ своихъ ближайшихъ обязанностей, Василій Васильевичъ совсѣмъ не былъ сухимъ формалистомъ ни въ практической дѣятельности, ни въ профессорской и ученой. Стремленіе къ искренности, теплотѣ и правдѣ, чѣмъ онъ объяснялъ нѣкоторыя стороны нѣмецкой реформаціи, составлявшей любимый предметъ его лекцій, прежде всего одушевляло всегда и неизмѣнно самаго лектора. По натурѣ своей Василій Васильевичъ былъ человѣкъ религіозный: не только умомъ, но и сердцемъ, понималъ онъ значеніе и смыслъ глубокихъ религіозныхъ движеній XVI столѣтія и о главныхъ герояхъ этихъ движеній не могъ говорить безъ волненія. Василій Васильевичъ Бауеръ былъ по исповѣданію протестантъ, принадлежалъ къ лютеранской церкви, но онъ съ почтеніемъ относился къ православію; о православной церкви и знакомыхъ ему ея представителяхъ изъ среды духовенства онъ говорилъ

Библиотека "Руниверс"

большимъ уваженіемъ; самое знакомство основывалось на томъ, что дѣти Василья Васильевича были по матери православными и воспитывались въ такомъ духѣ, который тому соотвѣтствовалъ. Такимъ образомъ интересы православія не были чужды уму и сердцу Василья Васильевича; онъ искренне желалъ, чтобы дѣти его оставались православными и были въ то же время одушевлены теплымъ, живымъ и дѣятельнымъ христіанскимъ духомъ. Сохраняя лучшія изъ качествъ племени, къ которому онъ принадлежалъ по происхожденію, Василій Васильевичъ Бауеръ былъ Русскимъ человѣкомъ по своимъ убѣжденіямъ и чувствамъ. Печатные труды его доказываютъ, что онъ судилъ съ полнымъ научнымъ безпристрастіемъ о Нѣмцахъ и Французахъ, о самыхъ жгучихъ вопросахъ ихъ племенной и національной борьбы; для него было возможно и легко то, что̀ не дается самымъ большимъ европейскимъ ученымъ, когда они причисляютъ себя къ одной изъ названныхъ народностей; независимость сужденій отъ какой-либо предвзятой тенденціи, жизненное по своей внутренней сущности, а не по внѣшности только, отношеніе къ трактуемымъ важнымъ вопросамъ всемірной исторіи, все это должно было проникать чтенія Василія Васильевича съ каѳедры, одушевляя его самого и въ концѣ концовъ дѣйствуя на слушателей.

Не мы первые сдѣлаемъ то замѣчаніе, что добросовѣстно и строго исполняемыя обязанности профессора не всегда окрыляютъ, а напротивъ, часто сокращаютъ ученую производительность. При этомъ нужно имѣть въ виду особыя условія русской жизни, которыя, съ одной стороны, характеризуются малочисленностью и недостаточностью ученыхъ силъ, способныхъ замѣнить каѳедры въ высшихъ учебныхъ учрежденіяхъ, а съ другой—дѣлаютъ кумуляцію преподавательскихъ обязанностей матеріальною, иногда горькою необходимостію съ точки зрѣнія сколько-нибудь обезпеченнаго существованія немногихъ наличныхъ ученыхъ единицъ, особенно при семейномъ положеніи ихъ.

Василій Васильевичъ Бауеръ, кромѣ университета, преподавалъ въ Александровскомъ лицеѣ новую и русскую исторію, сверхъ того читалъ на высшихъ женскихъ курсахъ съ самаго ихъ возникновенія—сначала древнюю исторію, а затѣмъ новую. Вездѣ имъ одинаково дорожили и какъ преподавателемъ, и какъ личностію, приносящею собою нравственное и серіозное вліяніе на всю окружающую среду. Въ университетѣ Василій Васильевичъ Бауеръ въ продолженіе трехъ лѣтъ исполнялъ, сверхъ того, обязанности декана историко-филологическаго факультета (послѣ смерти И. И. Срезневскаго) и принималъ

Библиотека "Руниверс"

самое горячее участіе во всѣхъ интересахъ университетской жизни, всюду проявлялъ тѣ основныя качества, которыя характеризовали его профессорскую дѣятельность: добросовѣстное и строгое отношеніе къ исполненію своего прямаго долга, равно какъ и свое глубокое уваженіе къ законности и доброму порядку. Въ послѣдніе годы Василій Васильевичъ тяготился такими многосложными, утомительными занятіями. Онъ мечталъ о большемъ досугѣ, объ обращеніи къ научно-литературной дѣятельности, о продолженіи и окончаніи начатыхъ трудовъ, объ окончательной обработкѣ, объ изданіи своихъ лекцій по исторіи реформаціи. Василій Васильевичъ несомнѣнно любилъ науку и мучился тою мыслью, что, пожалуй, не оставитъ въ ней такого слѣда, какой онъ могъ и долженъ былъ бы оставить. Опять-таки въ этомъ не было ни тѣни суетности или честолюбія; безъ малѣйшей примѣси зависти или какой-либо затаенной ревнивости онъ относился къ ученой славѣ, къ ученымъ и литературнымъ успѣхамъ нѣкоторыхъ своихъ сверстниковъ по студенческимъ годамъ, сдѣлавшихся товарищами по профессурѣ, и охотно признавалъ бо́льшую даровитость того или другаго изъ нихъ. Въ самое послѣднее время Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія ожидалъ отъ него подробной рецензіи на капитальный трудъ профессора Вл. Ив. Ламанскаго, относящійся къ новой исторіи... Но Василій Васильевичъ зналъ также цѣну и всякой небольшой безпритязательной и честной ученой работы; онъ ненавидѣлъ и преслѣдовалъ только шарлатанство и неискренность, малѣйшіе признаки лживости и фальши подъ маской учености и ученыхъ стремленій; онъ подозрительно относился къ тѣмъ лицамъ, въ которыхъ предполагалъ наклонность сдѣлать изъ науки корыстную промышленную статью. Вообще мы считаемъ умершаго товарища человѣкомъ чистымъ и безупречнымъ во всѣхъ отношеніяхъ; думаемъ, что онъ всегда могъ утѣшаться высокимъ и завиднымъ сознаніемъ о неимѣніи никакого пятна на своей совѣсти, никакой сознательно сдѣланной несправедливости или обиды. Если онъ когда-нибудь ошибался въ своихъ приговорахъ и сужденіяхъ о людяхъ, то развѣ только подъ вліяніемъ указанной подозрительности, основывающейся на преданности и благоговѣніи къ наукѣ. Въ факультетѣ очень цѣнили отзывы Василья Васильевича о сочиненіяхъ, представляемыхъ въ качествѣ диссертацій на ученыя степени магистра и доктора по всеобщей исторіи; всегда они были справедливы, хотя и строги, всегда были подробно и тщательно мотивированы и носили на себѣ признаки собственнаго внима-

Библиотека "Руниверс"

тельнаго и повтореннаго изученія данныхъ вопросовъ. Товарищи хорошо знали, въ чемъ заключалась сильная сторона Василья Васильевича, какъ ученаго, раздѣляя съ нимъ его уваженіе къ строгости критическаго метода и изслѣдованія; самъ покойный, конечно, сознавалъ свои способности и силы. Отъ того-то онъ и сокрушался мыслью о малочисленности своихъ печатныхъ трудовъ, стремился къ пріобрѣтенію нѣкотораго досуга для продолженія и окончанія давно начатыхъ изслѣдованій. Ради того Василій Васильевичъ отказался по истеченіи перваго же трехлѣтія отъ должности декана историко-филологическаго факультета, не смотря на общее желаніе и просьбы товарищей, избравшихъ его снова. Ради того онъ оставилъ преподаваніе на высшихъ женскихъ курсахъ, основанныхъ его товарищемъ проф. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ и всегда пользовавшихся его сочувствіемъ. Осенью нынѣшняго года онъ, впрочемъ, снова воротился къ этому дѣлу—отчасти вслѣдствіе измѣнившихся семейныхъ обстоятельствъ, именно смерти брата, возложившей на него заботы, кромѣ своей, еще объ одной осиротѣлой семьѣ, отчасти вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ, можно сказать—мольбы, обращенной къ нему со стороны завѣдывающихъ курсами, со стороны его почитателей и почитательницъ, сохранявшихъ самыя лучшія и теплыя воспоминанія объ его преподавательской дѣятельности и благородномъ характерѣ, о благотворномъ его вліяніи на внутреннюю жизнь молодаго учрежденія. Опять были отложены или отстрочены въ своемъ исполненіи ученые замыслы и мечты: исторія довольно обыкновенная, но для такихъ натуръ, какъ у Василья Васильевича, имѣющая серьезное, почти трагическое значеніе.

Напечатанныя изслѣдованія и статьи Василія Васильевича Бауера, хотя онѣ и не многочисленны, все-таки свидѣтельствуютъ, наравнѣ съ обѣими его диссертаціями, о его высокомъ ученомъ образованіи, его преданности научнымъ интересамъ. Онѣ главнымъ образомъ относятся къ исторіи XV и XVI столѣтій, центру его спеціальныхъ ученыхъ занятій. Мы можемъ припомнить слѣдующія статьи: 1) „Сношенія Россіи съ императорами Священной Римской имперіи въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка“ (Журналъ Мин. Народн. Просв., 1870 г.); 2) „Матеріалы къ исторіографіи XVI вѣка. Іоаннъ Слейданъ и его комментаріи“ (Журналъ Мин. Народн. Просв., 1874 года); 3) статья по поводу книги Губера: „Der Jesuiten-Orden“ (Сборникъ государственныхъ знаній В. П. Безобразова); 4) разборъ сочиненія д-ра Поссельта: „Der General und Admiral Franz Le

Библиотека "Руниверс"

fort" (Журналъ Мин. Народн. Просв., 1867 г.); 5) разборъ сочиненія К. Я. Люгебиля: „Историко-филологическія изслѣдованія" (тамъ же 1869 г.), и 6) большая критическая статья на книгу Легрелля: „Louis XIV et Strasbourg" (Журналъ Мин. Нар. Просв. текущаго года). Не изданнымъ, хотя совершенно готовымъ къ печати остается обширное изслѣдованіе о такъ-называемой реформаціи Фридриха III, политическомъ памфлетѣ половины XV вѣка, въ которомъ выражаются политическія и умственныя стремленія Германіи на канунѣ реформаціи. Надъ этимъ сочиненіемъ Василій Васильевичъ работалъ въ самое послѣднее время.

В. Васильевскій.

II.

Э. А. Герръманнъ.

10-го (22-го) сентября 1884 года скончался въ Марбургѣ профессоръ всеобщей исторіи Эрнестъ Адольфъ Герръманнъ. Такъ какъ онъ принадлежалъ къ числу весьма немногихъ лицъ, занимавшихся въ западной Европѣ въ послѣднее время изученіемъ исторіи Россіи, мы считаемъ умѣстнымъ сообщить нѣкоторыя данныя о его жизни и дѣятельности.

Отецъ Э. А. Герръманна, родомъ изъ Саксоніи, въ началѣ нынѣшняго вѣка занималъ должность учителя въ Дерптской гимназіи, и Эрнестъ Герръманъ родился въ Дерптѣ 25-го марта 1812 года. Съ 1829 по 1834 годъ онъ изучалъ въ Дерптскомъ университетѣ филологію и древнюю исторію. Написанное имъ въ это время сочиненіе о древне-греческой эпической поэзіи удостоилось золотой медали. Переселившись затѣмъ въ Германію, Герръманнъ въ Берлинѣ посвятилъ себя сначала изученію армянскаго языка, а затѣмъ съ успѣхомъ участвовалъ въ практическихъ упражненіяхъ по предмету всеобщей исторіи, устроенныхъ Л. Ранке въ Берлинскомъ университетѣ. Получивъ здѣсь въ 1837 году докторскую степень, Герръманнъ занялъ мѣсто учителя исторіи въ Дрезденѣ. Уже въ это время онъ сосредоточивалъ свою ученую дѣятельность на исторіи Россіи и началъ издавать замѣчательные труды по этому предмету. Въ 1847 году онъ сталъ приватъ-доцентомъ въ Іенскомъ университетѣ, а въ 1848 году тамъ же эстраординарнымъ профессоромъ.

Библиотека "Руниверс"

Съ 1849 по 1851 г. онъ состоялъ редакторомъ оффиціальной газеты, издававшейся въ Веймарѣ. Изъ Веймара и Іены, куда Германнъ возвратился въ 1851 году, онъ предпринималъ неоднократно поѣздки съ цѣлью собиранія матеріаловъ для новой исторіи Россіи. Самымъ богатымъ источникомъ въ этомъ отношеніи оказался Дрезденскій архивъ. Съ 1857 года онъ занималъ должность ординарнаго профессора всеобщей исторіи въ Марбургскомъ университетѣ.

Сочиненія Германна слѣдующія: Въ 1835 году въ Dorpater Jahrbücher явился трудъ: „Das russische Armenien von armenischen Schriftstellern geschildert". Докторская диссертація его касалась Нѣмецкаго ордена: „Rationis quae ordini militari teutonico cum ordine ecclesiastico saeculo XIII ineunte in Prussia intercesserit explicatio" (Berol. 1837). Въ 1843 году явился въ Лейпцигѣ небольшой сборникъ „Beiträge zur Geschichte des russischen Reichs". Въ немъ заключались между прочимъ статья объ отношеніяхъ Новгорода къ ганзейскому городу Висби на островѣ Готландѣ и такъ-называемый дневникъ Миниха, оказавшійся впослѣдствіи трудомъ Юнкера. Вступая въ должность приватъ-доцента въ Іенѣ, Германнъ напечаталъ и защищалъ диссертацію „Quae fuerint Patculii partes ineunte bello septentrionali" (Jenae 1847). Но главнымъ трудомъ Германна была „Geschichte des Russischen Staats" въ собраніи Геерена и Укерта: „Sammlung der Geschichte der europäischen Staaten". Это было продолженіе труда Филиппа Штраля: „Исторія Россіи до начала шестнадцатаго вѣка" (два тома); Германнъ довелъ свое сочиненіе до исхода царствованія Екатерины II (томъ III явился въ 1846 г., т. IV—въ 1849 г., т. V—въ 1853 г., т. VI—въ 1860 году; сверхъ того, „Supplementband", заключающій въ себѣ документы, относящіеся къ исторіи царствованія Екатерины II, явился въ 1862 г.). Въ продолженіе двухъ десятилѣтій Германнъ былъ занятъ разработкой исторіи Россіи въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ. Но „Geschichte d. Russischen Staats" занимаетъ въ литературѣ русской исторіи видное мѣсто особенно потому, что въ этомъ обширномъ трудѣ помѣщены отчасти цѣликомъ, отчасти въ извлеченіи чрезвычайно важныя донесенія дипломатовъ, находившихся въ Россіи въ продолженіе XVIII вѣка. Между тѣмъ какъ разработка исторіи Россіи XVI и XVII столѣтій оказывается у Германна только компиляціей, основанною на трудахъ Карамзина, Арцыбашева, Полеваго и пр., трудъ его, начиная съ исторіи Петра Великаго, представляетъ много новаго и становится какъ бы сборникомъ неизвѣстныхъ до него источниковъ. Глав-

Библиотека "Руниверс"

ное значеніе тутъ имѣютъ корреспонденціи саксонскихъ резидентовъ Лефорта, Линара, Пецольда, Брюля, Эссена, Сакена и пр. Донесенія этихъ дипломатовъ могутъ считаться первоклассными источниками для изученія исторіи внѣшней политики Россіи при преемникахъ Петра I. Кромѣ того, въ нихъ заключается множество данныхъ для исторіи царской семьи, двора, важнѣйшихъ сановниковъ и пр. Разумѣется, дипломатическіе документы, сообщенные Германномъ, какъ вообще источники этого рода, обнаруживаютъ нѣкоторую односторонность взгляда, изобилуютъ анекдотическими разсказами, не всегда выдерживающими критику; но все же матеріалы эти заслуживаютъ полнаго вниманія. Трудъ Германна остался не оконченнымъ. Исторія внѣшней политики Россіи доведена до 1791 года. Многіе вопросы внутренней политики царствованія Екатерины II вовсе не затронуты. Конечно, въ настоящее время, послѣ изданія множества новыхъ данныхъ, проливающихъ яркій свѣтъ на важнѣйшія событія новой русской исторіи, капитальный трудъ Германна можетъ считаться уже устарѣлымъ, однако и теперь за нимъ остается то достоинство, что онъ содержитъ въ себѣ богатый архивный матеріалъ, дополняющій данныя, публикованныя въ Россіи.

Въ 1861 г. Германъ напечаталъ полемическій трудъ: „Die oesterreichisch-preussische Allianz vom 7. Februar 1792 und die zweite Theilung Polens. Eine Streitschrift gegen Professor H. von Sybel". Затѣмъ, въ 1872 и 1880 годахъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands", онъ публиковалъ замѣчательные источники для изученія исторіи Петра Великаго: I) „Russland unter Peter dem Grossen. Nach den handschriftlichen Berichten Johann Gothlef Vockerodt's und Otto Pleyers", и II) Peter und der Zarewitsch Alexei. Vornehmlich nach und aus der gesandtschaftlichen Correspondenz Friedrich Christian Webers". Сдѣланный мною разборъ изданія записки Фокеродта (въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, часть CLXXI) побудилъ Германна напечатать въ 1874 году полемическую брошюру: „J. G. Vockerodt und der Professor fur die Geschichte Russlands an der Dorpater Universität A. Brückner" [1]. Въ нѣсколькихъ томахъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества были напечатаны матеріалы для изученія новой исторіи, извлеченные Германномъ изъ разныхъ архивовъ

[1]) Возраженіе мое на эту брошюру помѣщено въ *Russische Revue*, т. VI, (1875). О Веберѣ см. мою статью въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, т. CCXIII.

Библиотека "Руниверс"

(въ III, V, VI и XX томахъ—документы изъ Дрезденскаго архива относящіеся въ 1721—1732, 1728—1734, 1742—1744 гг., а въ XXII и XXXVII томахъ—переписка прусскаго дипломата Сольмса съ Фридрихомъ II съ 1763 г. по 1772). Кромѣ того, въ разныхъ журналахъ явились нѣкоторыя монографическія работы Герrманна; такъ въ Zeitschrift für Geschichtswissenschaft А. Шмидта (т. II)—„Ueber den altrussischen Staat vor Peter dem Grossen"; въ Neue Jahrbücher der Geschichte und Politik Вюлау—(въ 1844 г.) „Russland unter der Regiernug Boris Godunow's und des ersten unter dem Namen des Zarewitsch Dimitri auftretenden falschen Pretendenten"; (въ 1848 г.) „Johann Reinhold Patkul"; въ „Historisches Taschenbuch" Раумера: „Gustav III und die politischen Parteien Schwedens"; „Der russische Hof unter Kaiserin Elisabeth); въ Baltische Monatsschrift (т. X)—„Fragmente zur Geshichte Ssuworow's und der Coalition von 1799"; (т. XII)—„Wallenstein"; въ Forschungen zur deutschen Geschichte—(т. IV) „Die polnische Politik Leopold's II"; (т. V) „Zur Geschichte der Wiener Convention vom 25. Juli 1791 und der oesterreichisch-preussischen Allianz vom 7. Februar 1792"; въ Preussische Jahrbücher (1859, тт. III и IV)—„Der Untergang Polens und die östlichen Grossmächte"; (1871, тт. XLVII и XLVIII) „Sächsisch-polnische Beziehungen während des Siebenjährigen Krieges zum russischen Hof und insbesondere zum Grosskanzler Bestuschew"; въ Archiv für sächsische Geschichte (Neue Folge II)—„Andeutungen über die russische Politik der Reichsgrafen Heinrich von Brühl". Наконецъ, въ 13-мъ изданіи Conversationslexicon Брокгауза и въ Encyclopädie der neueren Geschichte" Гербста явилось нѣсколько статей Герrманна по русской исторіи, напримѣръ, біографіи Екатерины I и Екатерины II и пр.

А. Брикнеръ.

Библиотека "Руниверс"

ЭТИКА АРИСТОТЕЛЯ [1]).

Книга IV.

[О щедрости].

§ 1. Теперь, по порядку, намъ слѣдуетъ говорить о щедрости; она кажется серединою по отношенію къ деньгамъ. Щедраго вѣдь хвалятъ не за его поступки въ военныхъ дѣлахъ, и не въ тѣхъ обстоятельствахъ, гдѣ проявляется благоразумно умѣренный человѣкъ, и не за его судебныя рѣшенія, а за то, какъ онъ поступаетъ при раздачѣ и полученіи цѣнностей, преимущественно же за раздачу. А цѣнностью мы называемъ все то, цѣна чего опредѣляется деньгами. Излишекъ по отношенію къ раздачѣ цѣнностей называется расточительностью, а недостатокъ — скупостью. Именемъ скупца мы всегда клеймимъ того, кто стремится больше, чѣмъ слѣдуетъ, къ наживѣ; имя расточителя мы иногда переносимъ на сродныя понятія: такъ, мы называемъ расточительными людей невоздержныхъ и тратящихся вслѣдствіе этой невоздержности. Поэтому-то ихъ и считаютъ самыми скверными людьми, ибо они соединяютъ въ себѣ множество пороковъ. А называютъ ихъ несвойственнымъ имъ именемъ, потому что словомъ „расточительный“ желаютъ обозначить человѣка, имѣющаго одинъ лишь порокъ, а именно разореніе собственнаго имущества; тотъ расточительный, кто гибнетъ изъ-за себя самаго, а разореніе имущества, кажется, есть гибель его, ибо жизнь зависитъ отъ имущества. Вотъ въ такомъ-то смыслѣ мы принимаемъ расточительность. Всякою полезностью можно пользоваться или хорошо, или дурно. Богатство принадлежитъ къ полезностямъ; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тотъ пользуется средствомъ наилучшимъ образомъ, кто обладаетъ соотвѣтственною добродѣтелью, и бо-

[1]) *Продолженіе*. См. сентябрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

Библиотека "Руниверс"

гатствомъ тотъ станетъ пользоваться наилучшимъ образомъ, кто обладаетъ добродѣтелью, относящеюся до цѣнностей: такимъ является щедрый. Пользованіе богатствомъ состоитъ въ роскоши и въ раздачѣ, а пріобрѣтеніе его — въ собираніи и въ сохраненіи; поэтому-то дѣло щедраго состоитъ болѣе въ раздачѣ тѣмъ, кому слѣдуетъ, чѣмъ въ взиманіи откуда слѣдуетъ и „невзиманіи“ съ кого не слѣдуетъ. Вообще добродѣтели болѣе свойственно дѣлать добро, чѣмъ испытывать добро, и болѣе свойственно совершать прекрасныя дѣла, чѣмъ воздерживаться отъ дурныхъ. Кто раздаетъ, тотъ, очевидно, совершаетъ добрыя и прекрасныя дѣла, а тотъ, кто беретъ, тотъ испытываетъ добро или не дѣлаетъ зла. Вѣдь и благодарятъ только того, кто даетъ, а не того, кто беретъ; еще въ большей мѣрѣ это относится къ похвалѣ. Къ тому же легче не брать, чѣмъ дать, ибо люди болѣе склонны воздержаться отъ чужаго имущества, чѣмъ раздать свое. Поэтому только тѣ и называются щедрыми, которые раздаютъ, между тѣмъ какъ тѣхъ, которые не берутъ, хвалятъ не столько за ихъ щедрость, сколько за ихъ справедливость; тѣхъ же вовсе не хвалятъ, которые взимаютъ. Изъ всѣхъ добродѣтелей, любимыхъ въ людяхъ, щедрость любятъ почти болѣе всего, ибо она доставляетъ пользу, заключающуюся въ раздачѣ.

§ 2. Всѣ добродѣтельныя дѣйствія прекрасны и имѣютъ въ виду прекрасное; поэтому-то щедрый станетъ раздавать ради прекраснаго, и притомъ правильно, то-есть, что̀ кому слѣдуетъ и сколько кому слѣдуетъ и когда слѣдуетъ, и вообще [будетъ имѣть въ виду] все то, что̀ вытекаетъ изъ правильной раздачи, и дѣлать онъ будетъ это съ наслажденіемъ или по крайней мѣрѣ безъ неудовольствія, ибо всякое добродѣтельное дѣйствіе пріятно или не непріятно и менѣе всего сопряжено съ страданіемъ.

Кто раздаетъ не тѣмъ, кому слѣдуетъ, или не ради прекраснаго, а ради какой-либо иной причины, тотъ называется не щедрымъ, а инымъ какимъ-либо именемъ; то же слѣдуетъ сказать о человѣкѣ, испытывающемъ непріятное чувство при раздачѣ, ибо онъ вѣдь предпочелъ бы деньги прекрасному образу дѣйствія, а это не свойственно щедрому; этотъ не станетъ взимать тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, ибо такое взиманіе не свойственно тому, кто не цѣнитъ денегъ. Онъ также не будетъ докучливымъ, ибо не свойственно человѣку, любящему добродѣтель, искать одолженій. Онъ будетъ брать въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдуетъ, какъ, напримѣръ, изъ собственныхъ средствъ—не потому, что это прекрасно, а потому, что это необхо-

Библиотека "Руниверс"

димо, чтобъ имѣть что раздать. Онъ не будетъ беззаботнымъ по отношенію къ собственному имуществу, такъ какъ имъ онъ намѣренъ помогать нѣкоторымъ людямъ. Первому встрѣчному онъ не станетъ давать, чтобъ имѣть возможность дать тѣмъ, кому слѣдуетъ, и когда слѣдуетъ, и когда это прекрасно. Свойственно также щедрому человѣку хватить въ раздачѣ черезъ край, такъ что онъ себѣ оставляетъ меньше; не обращать вниманіе на собственный интересъ—свойство щедраго. Щедрость опредѣляется отношеніемъ къ имуществу; ибо щедрость заключается не въ количествѣ раздаваемаго, а въ душевномъ свойствѣ дающаго, а это опредѣляется имуществомъ раздающихъ. Поэтому-то легко можетъ случиться, что изъ двухъ тотъ окажется болѣе щедрымъ, который роздалъ меньше, если онъ даетъ изъ меньшаго имущества. Кажется, что болѣе щедры тѣ, которые не сами пріобрѣли свое имѣніе, а получили его по наслѣдству, ибо они не испытали нужды; къ тому же всѣ больше любятъ плоды собственныхъ трудовъ, какъ напримѣръ, родители и поэты. Не легко стать богатымъ щедрому, не имѣющему способности ни къ наживѣ, ни къ сохраненію, а напротивъ къ раздачѣ; къ тому же онъ не цѣнитъ денегъ самихъ по себѣ, а только ради возможности раздать ихъ. Поэтому часто жалуются на судьбу, что рѣже всего бываютъ богатыми тѣ, которые болѣе всего достойны этого; а это происходитъ совершенно естественно, ибо какъ во всемъ другомъ, такъ и тутъ, не возможно имѣть богатства, не заботясь о его пріобрѣтеніи. Однако щедрый не станетъ давать тѣмъ, кому не слѣдуетъ, или когда не слѣдуетъ, и вообще при всѣхъ другихъ условіяхъ, при которыхъ не слѣдуетъ; ибо въ такомъ случаѣ онъ не дѣйствовалъ бы сообразно щедрости и, разорившись при такихъ условіяхъ, лишилъ бы себя возможности тратить тамъ, гдѣ это слѣдуетъ. Какъ уже сказано, тотъ щедръ, кто, тратя, сообразуется съ своими средствами и дѣлаетъ это при условіяхъ, при которыхъ это необходимо; расточительный — хватаетъ черезъ край, поэтому-то мы не называемъ тирановъ расточительными, ибо кажется не легко при огромномъ количествѣ ихъ имуществъ раздавать слишкомъ много и тратить слишкомъ много на роскошь. Итакъ, если щедрость заключается въ серединѣ относительно раздачи и пріобрѣтенія денегъ, то щедрый станетъ раздавать и тратить деньги въ тѣхъ случаяхъ, когда и на сколько слѣдуетъ, и это одинаково, какъ въ маломъ, такъ и въ большомъ, и [станетъ онъ это дѣлать] съ наслажденіемъ. Пріобрѣтать онъ станетъ тогда, когда слѣдуетъ и на сколько слѣдуетъ,

Библиотека "Руниверс"

такъ какъ добродѣтель состоитъ въ серединѣ того и другого [раздачи и пріобрѣтенія], но онъ станетъ выполнять и то, и другое какъ слѣдуетъ, ибо изъ благоразумной траты вытекаетъ такое же пріобрѣтеніе, изъ недостойной же вытекаетъ противоположное. Сродныя качества возникаютъ въ одномъ и томъ же субъектѣ; противоположныя, конечно, не могутъ въ немъ быть. Если же щедрому случится издержать больше должнаго и не на прекрасное, то онъ огорчится, но въ мѣру и на сколько слѣдуетъ; добродѣтели свойственно наслаждаться и печалиться, чему слѣдуетъ и на сколько слѣдуетъ. Щедрый—хорошій товарищъ въ денежныхъ дѣлахъ, такъ какъ онъ снесетъ и несправедливость, не цѣня высоко денегъ, и онъ скорѣе разсердится въ томъ случаѣ, если не роздалъ денегъ, когда это слѣдовало, чѣмъ будетъ опечаленъ тѣмъ, что растратилъ, гдѣ это не было необходимо. Вѣдь онъ не одобряетъ образъ мыслей Симонида.

§ 3. Расточительный плошаетъ и въ этихъ случаяхъ: онъ не наслаждается и не опечаленъ тогда, когда это слѣдуетъ, и такъ, какъ это слѣдуетъ. Это станетъ яснѣе изъ слѣдующаго. Итакъ, нами сказано, что расточительность—избытокъ, а скупость—недостатокъ, и притомъ въ двоякомъ: въ пріобрѣтеніи и въ тратѣ. Роскошь мы причисляемъ къ тратѣ. Расточительность состоитъ какъ въ излишней тратѣ и „невзиманіи", такъ и въ недостаточномъ пріобрѣтеніи; то и другое въ мелкихъ дѣлахъ. Что касается расточительности, то ей не легко соединить обѣ указанныя черты, ибо не легко давать всѣмъ, не беря ни откуда: имущество частныхъ лицъ легко окажется недостаточнымъ для такой траты, а они-то и бываютъ расточительными.

Такой человѣкъ, какъ кажется, значительно лучше скупаго, ибо годы и нужда его легко излѣчатъ, и онъ будетъ въ состояніи достичь середины; вѣдь онъ уже обладаетъ свойствами щедраго, ибо онъ раздаетъ и не взимаетъ; только дѣлаетъ онъ и то, и другое не такъ, какъ слѣдуетъ, и нехорошо; если же онъ и этому научится или инымъ какимъ образомъ измѣнится, то онъ станетъ щедрымъ. Онъ станетъ давать тѣмъ, кому слѣдуетъ, и не станетъ брать, откуда не слѣдуетъ. Поэтому-то такой характеръ не считается дурнымъ. Ибо не свойственно худому и неблагородному человѣку слишкомъ много раздавать и слишкомъ мало брать, а свойственно глупому [не разчетливому]. Такимъ образомъ расточительный, кажется, гораздо лучше скупаго, какъ въ силу сказаннаго, такъ и въ силу того, что

Библиотека "Руниверс"

онъ помогаетъ многимъ, скупой же—никому, ни даже самому себѣ. Однако, бо́льшая часть расточительныхъ людей берутъ, какъ было сказано, откуда не слѣдуетъ, и являются въ силу того неблагородными. Склонными къ займамъ они становятся вслѣдствіе того, что желаютъ тратить, а это имъ не легко, ибо ихъ средства скоро истощаются, и они принуждены доставать денегъ инымъ путемъ. Сверхъ того, они потому легко отовсюду занимаютъ, что вовсе не заботятся о прекрасномъ, а лишь желаютъ раздавать деньги, а какимъ образомъ они добыты и откуда—это имъ безразлично. Поэтому-то ихъ дары не суть дары щедрости, ибо они не прекрасны, не имѣютъ въ виду этой цѣли и не совершены такъ, какъ слѣдуетъ; напротивъ, они иногда обогащаютъ тѣхъ, кому слѣдуетъ быть бѣдными; людямъ скромнаго характера они ничего не даютъ, а льстецамъ и доставляющимъ имъ какое-либо иное наслажденіе даютъ много. Поэтому-то большинство изъ нихъ люди развратные: такъ какъ они вообще легко тратятъ деньги, то они тратятъ и на развратъ, и такъ какъ они живутъ не ради прекраснаго, то погрязаютъ въ чувственныхъ удовольствіяхъ. Итакъ, вотъ чѣмъ становится расточительный человѣкъ, не получившій воспитанія; если же о немъ заботятся, то можетъ достичь середины и должнаго. Скупость, напротивъ, не излѣчима, и кажется, что старость и всякаго рода безсиліе дѣлаетъ людей скупыми. Въ то же время она болѣе, чѣмъ расточительность, свойственна людямъ, ибо большинство людей болѣе любятъ копить деньги, чѣмъ раздавать ихъ. Скупость распространяется на многое и имѣетъ много видовъ, и кажется, что скупость проявляется во многихъ формахъ, хотя сущность ея состоитъ въ двоякомъ: въ недостаточной раздачѣ и въ излишнемъ взиманіи; однако она и не во всѣхъ проявляется всецѣло, а иногда́—раздѣльно, такъ что одни любятъ брать излишнее, между тѣмъ какъ другіе не любятъ раздавать. Такъ всѣ тѣ, которыхъ именуютъ скаредными, жадными, скрягами, даютъ слишкомъ мало, но не стремятся къ чужому имуществу и не желаютъ взять его; бываетъ это у нѣкоторыхъ вслѣдствіе своего рода приличія и опасенія постыдныхъ дѣяній. Иные полагаютъ или по крайней мѣрѣ говорятъ, что они сберегаютъ для того, чтобы не быть когда-либо принужденными совершить что-либо постыдное. Сюда относятся и тѣ, которые „разрѣзаютъ тминъ“ [1]),

[1]) Κυμινοπρίστης—человѣкъ столь жадный, что даже тминъ ему жаль съѣсть, поэтому онъ его разрѣзаетъ пополамъ. Theocr. X 55. *Э. Р.*

Библиотека "Руниверс"

и тому подобные, которые названы такъ вслѣдствіе слишкомъ большой скупости. Иные воздерживаются отъ чужаго имущества изъ соображенія, что не легко удержать другихъ отъ своего имущества, если самъ берешь чужое. Поэтому-то они довольствуются тѣмъ, что не берутъ у другихъ, но и сами не даютъ.

Тѣ же, которые излишествуютъ во взиманіи, берутъ отовсюду и все, что̀ попало, какъ напримѣръ, тѣ, которые занимаются позорнымъ занятіемъ, напримѣръ, содержатели публичныхъ домовъ и т. п., ростовщики, дающіе малыя суммы подъ большіе проценты. Всѣ они берутъ, откуда не слѣдуетъ, и не столько, сколько слѣдуетъ. Всѣмъ имъ обща позорная алчность [αἰσχροκέρδεια], ибо всѣ они берутъ на себя позоръ ради выгоды, и притомъ выгоды незначительной; людей же, которые захватываютъ въ большихъ размѣрахъ, откуда не слѣдуетъ и что̀ не слѣдуетъ, мы не называемъ скупыми, какъ напримѣръ, тирановъ, разоряющихъ города, оскверняющихъ храмы; ихъ мы скорѣе назовемъ преступниками, нечестивыми и несправедливыми. Напротивъ, шулеръ (κυβεύτης), карманный воръ и разбойникъ принадлежатъ къ разряду скупыхъ, такъ какъ они стремятся къ позорной прибыли: тѣ и другіе преслѣдуютъ свою выгоду и берутъ на себя позоръ, но одни при этомъ подвергаютъ себя ради прибыли величайшимъ опасностямъ, а другіе выгадываютъ у своихъ друзей, которымъ слѣдовало бы давать. Итакъ, и тѣ, и другіе—позорно алчные люди, такъ какъ они тамъ желаютъ прибыли, гдѣ этого не слѣдуетъ, а всѣ подобныя выгоды—неблагородны. Справедливо щедрости противополагается скупость, ибо она большее зло, чѣмъ расточительность, и люди больше погрѣшаютъ скупостью, чѣмъ такъ-называемою расточительностью. Итакъ, достаточно сказано о щедрости и о противуположныхъ ей порокахъ.

[О великолѣпіи].

§ 4. Теперь покажется умѣстнымъ разобрать великолѣпіе (μεγαλοπρέπεια): вѣдь и эта добродѣтель касается денежныхъ дѣлъ, но она не распространяется, подобно щедрости, на всѣ дѣйствія, сопряженныя съ расходомъ, а лишь на требующія большой роскоши. Въ этихъ дѣйствіяхъ она количествомъ превосходитъ щедрость. Какъ само имя показываетъ, великолѣпіе есть роскошь, приличная величинѣ имущества. Величина же всегда относительна: не одна и та же роскошь прилична тріерарху или архитектору. Приличное въ каждомъ

Библиотека "Руниверс"

случаѣ опредѣляется лицомъ, предметомъ и средствами. Кто въ малыхъ или среднихъ условіяхъ соотвѣтственно тратитъ, тотъ не называется великолѣпнымъ, или не называется такъ тотъ, кто часто давалъ милостыню нищимъ, а только тотъ, кто дѣлалъ это въ большихъ размѣрахъ. Великолѣпный всегда щедръ, но щедрый не всегда великолѣпенъ. Недостатокъ подобнаго душевнаго свойства называется мелочностью (μικροπρέπεια), а избытокъ—надутостью и напыщенностью (βαναυσία καὶ ἀπειροκαλία) и тому подобными именами; при этомъ количественный избытокъ не въ томъ, въ чемъ слѣдуетъ, а хвастовство—чѣмъ не слѣдуетъ, или какъ не слѣдуетъ. Но объ этомъ мы поговоримъ позднѣе.

Великолѣпный подобенъ знающему, ибо онъ способенъ опредѣлить приличествующее и въ большихъ затратахъ сохраняетъ чувство мѣры. Всякое пріобрѣтенное душевное свойство, какъ мы съ самаго начала сказали, опредѣляется его проявленіями и предметами, которыхъ оно касается; а траты великолѣпныхъ велики и приличны, слѣдовательно, и дѣла ихъ таковы, ибо только въ такомъ случаѣ траты на дѣлѣ будутъ великими и прекрасными; итакъ, цѣль траты должна быть достойна ея, а трата достойна цѣли или даже превышать ее. Великолѣпный станетъ дѣлать подобныя траты ради прекраснаго—это обще всѣмъ добродѣтелямъ—и станетъ дѣлать ихъ съ наслажденіемъ и безъ разчета, ибо медлительный разчетъ въ характерѣ мелочнаго человѣка. При этомъ онъ будетъ болѣе обращать вниманіе на красоту и приличіе, чѣмъ на стоимость и дешевизну. Великолѣпному необходимо быть въ то же время и щедрымъ, ибо и щедрый тратитъ на то, на что̀ слѣдуетъ, и какъ слѣдуетъ. Именно въ этомъ и состоитъ величіе великолѣпнаго, какъ таковое, и хотя щедрость имѣетъ дѣло съ тѣми же самыми тратами, однако первый сдѣлаетъ свое дѣло великолѣпнѣе, ибо достоинства предмета не одинаковы со стороны его цѣны или выполненія: предметъ тогда цѣннѣе всего, когда онъ дороже стоитъ, какъ напримѣръ, золотой; выполненіе же предмета — когда онъ великъ и прекрасенъ, ибо созерцаніе такого предмета возбуждаетъ удивленіе, а все великолѣпное удивительно. Итакъ, достоинство дѣла, его великолѣпіе состоитъ въ величіи.

§ 5. Къ числу предметовъ, требующихъ тратъ, относятся такъ-называемыя приношенія (τιμία); такъ напримѣръ, сюда относятся дары богамъ, постройки храмовъ и жертвоприношенія и вообще все то, что̀ связано съ религіей; далѣе все то, что̀ добровольно дѣлается

Библиотека "Руниверс"

обществу, напримѣръ, блестящее устройство хоровода или угощеніе всего города тріерархами. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ сказано, слѣдуетъ обращать вниманіе на дѣятеля: кто онъ таковъ, и каковы его средства; и почетъ долженъ относиться какъ къ тому, такъ и къ другому, то-есть, соотвѣтствовать не только дѣлу, но и дѣятелю. Поэтому-то бѣдный не можетъ быть великолѣпнымъ, такъ какъ онъ не имѣетъ средствъ, прилично тратить много денегъ; а если онъ старается быть имъ, то онъ глупецъ, ибо это вовсе не соотвѣтствуетъ его достоинству и вовсе не необходимо ему: только то сообразно добродѣтели, что̀ правильно. Приличествуетъ же великолѣпіе тѣмъ, которые или сами пріобрѣли большія средства, или получили отъ предковъ и родственниковъ своихъ; прилично оно также людямъ высокаго происхожденія и знаменитымъ и тому подобнымъ, ибо всѣ эти условія имѣютъ въ себѣ величіе и цѣнность. Итакъ, такой-то человѣкъ по преимуществу великолѣпный, и съ подобными тратами имѣетъ дѣло великолѣпіе именно потому, что они самыя великія и почетныя. Въ частной жизни великолѣпіе проявляется въ дѣйствіяхъ, однажды встрѣчающихся, какъ напримѣръ, въ свадьбѣ или въ чемъ-либо подобномъ, или въ чемъ заинтересованъ весь городъ и всѣ высокопоставленныя лица, или же въ пріемѣ и проводахъ гостей, или въ подаркахъ и полученіи ихъ. Великолѣпный тратитъ не на себя, а на общее дѣло, и такіе подарки подобны жертвоприношеніямъ. Необходимо, чтобы великолѣпные строили себѣ дома, приличные ихъ богатству, ибо такой домъ въ извѣстномъ смыслѣ есть общественное украшеніе. Далѣе слѣдуетъ ему тѣмъ болѣе тратить денегъ, чѣмъ долговѣчнѣе какое-либо произведеніе, ибо оно тѣмъ прекраснѣе. Онъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ найдетъ соотвѣтствующее: ибо не одно и то же прилично богамъ и людямъ, или храму и могилѣ. При этомъ въ расходахъ каждый великъ въ своемъ только родѣ, и если великолѣпное, вообще говоря, есть то, что̀ велико въ великомъ родѣ, то здѣсь опять велико то, что̀ велико въ своемъ родѣ; при этомъ величіе произведенія слѣдуетъ отличать отъ величины затраты: прекрасный мячъ или флаконъ для духовъ, какъ дѣтскій подарокъ, великолѣпны, хотя цѣна ихъ незначительна и пустяшна; великолѣпному свойственно дѣлать все, въ какомъ бы родѣ оно ни было великолѣпно, ибо такое дѣло не легко превзойти, и оно имѣетъ достоинство, сообразное затратѣ.

§ 6. Итакъ, таковъ великолѣпный; тотъ, кто грубо преувеличиваетъ,—надутый, преувеличиваетъ тѣмъ, какъ сказано, что тратитъ

Библиотека "Руниверс"

болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Въ небольшихъ дѣлахъ, требующихъ малыхъ затратъ, онъ тратитъ много и неумѣстно хвастается богатствомъ, угощая, напримѣръ, эранистовъ какъ гостей на свадьбѣ, или разстилая на пути комическаго хора порфиры, какъ это дѣлаютъ Мегарцы. И все это онъ дѣлаетъ не ради прекраснаго, а чтобы показать свое богатство, думая тѣмъ возбудить удивленіе. Тамъ, гдѣ слѣдовало бы потратить много, онъ издержитъ мало, а гдѣ слѣдовало бы потратить мало, тамъ—много. Мелочный во всемъ отстаетъ и даже, дѣлая значительнѣйшія затраты, онъ какимъ-либо мелкимъ обстоятельствомъ уничтожитъ все прекрасное въ своемъ дѣйствіи; что бы онъ ни дѣлалъ, онъ во всемъ разчитываетъ и обдумываетъ, какъ бы поменьше потратить, и при этомъ постоянно жалуется, полагая, что онъ собственно дѣлаетъ болѣе, чѣмъ ему слѣдовало бы. Итакъ, эти два душевныя, пріобрѣтенныя свойства суть пороки, хотя они и не влекутъ за собою позора, такъ какъ они не слишкомъ вредны ближнимъ и не слишкомъ постыдны.

[О великодушіи].

§ 7. Ясно уже изъ самаго названія великодушія, что оно имѣетъ дѣло съ великими дѣлами, а съ какими именно—объ этомъ скажемъ теперь. Нѣтъ разницы въ томъ, разсмотримъ ли мы пріобрѣтенное душевное свойство, или же обладателя его. Великодушнымъ считается тотъ, кто считаетъ себя достойнымъ великаго, будучи въ дѣйствительности достойнымъ его. Ибо только глупецъ почитаетъ себя достойнымъ великаго, не имѣя на то основанія, а люди добродѣтельные не глупцы и не безумцы. Итакъ, великодушный подходитъ подъ описаніе, ибо человѣкъ, достойный малаго и почитающій себя таковымъ, называется благоразумнымъ, а не великодушнымъ. Великодушіе такимъ образомъ проявляется въ величіи, какъ и красота—въ большомъ тѣлѣ, между тѣмъ какъ маленькія тѣла могутъ быть милыми и симметричными, но не прекрасными. Тотъ называется чванливымъ, кто себя высоко цѣнитъ, не имѣя на то основанія; однако, не всякій человѣкъ, будучи достойнымъ, но цѣнящій себя выше, чѣмъ слѣдуетъ, въ силу этого—чванливый.

Малодушенъ тотъ, кто цѣнитъ себя ниже того, чего онъ достоинъ; при этомъ все равно, основано ли его достоинство на великихъ, посредственныхъ, или на малыхъ обстоятельствахъ, лишь бы только онъ цѣнилъ себя ниже того, чего онъ достоинъ. Особенно это ясно въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ достоинъ великаго, ибо какъ бы онъ цѣ-

Библиотека "Руниверс"

нилъ себя, еслибъ онъ не былъ достоинъ столь великаго. Великодушный представляетъ по степени [душевнаго качества] крайность, а по образу его проявленія середину, такъ какъ онъ цѣнитъ себя по достоинству, въ то время, какъ другіе въ самой оцѣнкѣ или переходятъ границу, или не достигаютъ ея. Итакъ, если такой человѣкъ, будучи достойнымъ, считаетъ себя достойнымъ великаго и даже величайшаго, то естественно стремленіе его направлено къ одному: самое уже слово „цѣна“ [достоинство] указываетъ на внѣшнія блага; а величайшимъ изъ нихъ мы полагаемъ то, что̀ удѣляется богамъ, и къ чему болѣе всего стремятся высокопоставленные люди и что̀ является наградою за прекраснѣйшія дѣла. Такова [почетъ] слава, ибо это величайшее изъ внѣшнихъ благъ. Итакъ, великодушный правильно относится къ славѣ и безславію. Безъ дальняго размышленія ясно, что великодушные имѣютъ дѣло съ славой, ибо великіе люди требуютъ себѣ болѣе всего чести и славы, сообразной ихъ достоинствамъ; малодушный, напротивъ, слишкомъ мало цѣнитъ самъ себя и менѣе, чѣмъ цѣнилъ бы себя великодушный. Чванливый, напротивъ, слишкомъ цѣнитъ себя, болѣе, чѣмъ цѣнилъ бы себя [на его мѣстѣ] великодушный.

Итакъ, если великодушный достоинъ величайшаго, то онъ лучшій человѣкъ. Слѣдовательно, по истинѣ великодушный долженъ быть хорошимъ человѣкомъ, и кажется, можно предположить, что высочайшее во всякой добродѣтели свойственно великодушному; потому-то вовсе не соотвѣтствуетъ великодушному, сломя голову, обращаться въ бѣгство или же поступать несправедливо. Ради чего станетъ поступать позорно тотъ, въ глазахъ коего нѣтъ ничего великаго? Прослѣдивъ въ частностяхъ, окажется, что великодушный былъ бы совершенно смѣшенъ, еслибъ онъ не былъ хорошимъ человѣкомъ; онъ, какъ дурной, не заслуживалъ бы почета, ибо почетъ—награда, пріобрѣтенная добродѣтелью, — удѣляется только хорошимъ людямъ. Итакъ, великодушіе есть своего рода вѣнецъ добродѣтели: оно дѣлаетъ добродѣтели бо̀льшими, а безъ нихъ великодушіе не мыслимо. Поэтому-то быть по истинѣ великодушнымъ тяжело. Оно не возможно безъ совершенства (ἄνευ καλοκἀγαθίας).

Итакъ, великодушный имѣетъ дѣло съ честью и съ безчестіемъ; онъ умѣренно станетъ радоваться великимъ почестямъ, оказываемымъ ему прекрасными людьми, какъ чему-то слѣдуемому, или даже не достигающему того, что̀ ему слѣдуетъ, такъ какъ врядъ ли есть почетъ, достойный совершенной добродѣтели; но и такой почетъ онъ

Библиотека "Руниверс"

приметъ, въ виду того, что люди не имѣютъ ничего бо́льшаго, что́ они могли бы предложить ему. Онъ совершенно пренебрежетъ случайными почестями неизвѣстныхъ людей при маловажныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ не ихъ онъ достоинъ; также поступитъ онъ и съ безчестіемъ, ибо по справедливости оно касаться его не можетъ.

Итакъ, великодушный, какъ было сказано, по преимуществу имѣетъ дѣло съ честью, однако и съ богатствомъ и правительственною властью и вообще съ благополучіемъ и несчастіемъ; что́ ни случилось бы, онъ всегда будетъ ровнымъ и не будетъ слишкомъ радоваться счастью, или слишкомъ горевать въ несчастіи. Вѣдь даже честь онъ не считаетъ величайшимъ, а правительственная власть и богатство желанны потому, что почетны; поэтому-то тѣ люди, которые владѣютъ ими, хотятъ быть почтены ради ихъ. Тотъ, въ глазахъ коего даже честь имѣетъ малую цѣну, конечно, будетъ пренебрегать и остальнымъ, потому онъ покажется надменнымъ.

§ 8. Кажется, что и внѣшнія блага способствуютъ **великодушію**, ибо честь признается принадлежащею людямъ высокаго рожденія, правителямъ и богачамъ, такъ какъ они выше другихъ, а чѣмъ кто выше въ силу какихъ бы то ни было благъ, тѣмъ онъ болѣе почтенъ; поэтому такія обстоятельства дѣлаютъ людей великодушнѣе, ибо благодаря имъ ихъ уважаютъ, хотя, по справедливости, только хорошій человѣкъ заслуживаетъ уваженія, а кто съ этимъ соединяетъ и богатство, того еще болѣе уважаютъ. Людей, владѣющихъ подобными благами, но не добродѣтельныхъ, несправедливо почитать великими и невѣрно называть **великодушными**; безъ совершенной добродѣтели это не возможно. Надменными и гордыми становятся люди, имѣющіе подобныя блага. Счастливыя обстоятельства не легко перенести съ тактомъ (ἐμμελῶς) безъ добродѣтели. Люди, не умѣющіе переносить эти блага и считающіе себя выше другихъ, съ одной стороны презираютъ остальныхъ, а съ другой—сами въ своихъ поступкахъ слѣдуютъ случаю; они лишь подражаютъ великодушнымъ, не будучи похожими на нихъ; поступаютъ они такъ, гдѣ только возможно. Итакъ, они не поступаютъ сообразно добродѣтели, а другихъ людей презираютъ. Напротивъ того, великодушный справедливо презираетъ (ибо судитъ онъ вѣрно), а большинство людей судитъ случайно. Великодушный не подвергаетъ себя опасностямъ ради малыхъ причинъ; онъ не любитъ опасностей не вслѣдствіе того, что онъ ихъ мало цѣнитъ. Въ важныхъ случаяхъ онъ подвергаетъ себя опасностямъ, презирая жизнь и зная, что она не при всѣхъ обстоятель-

Библиотека "Руниверс"

ствахъ желательна. Будучи въ состоянiи благодѣтельствовать, онъ стыдится принимать благодѣянiя, ибо первое—свойственно человѣку, выказывающему превосходство, второе—превосходимому другими. Благодѣянiя онъ воздаетъ сторицею, ибо такимъ образомъ человѣкъ, оказавшiй ему благодѣянiе, станетъ его должникомъ, а онъ самъ благодѣтелемъ. Они хорошо помнятъ тѣхъ, кому они оказали благодѣянiя, и не помнятъ тѣхъ, кто оказалъ имъ таковыя, ибо принявшiй благодѣянiя оказывается ниже своего благодѣтеля, а вѣдь великодушный желаетъ превосходить другихъ; поэтому-то онъ о послѣднемъ [облагодѣтельствованномъ] охотно слышитъ, а о первомъ неохотно. Поэтому-то Ѳемида не перечисляетъ благодѣянiй, оказанныхъ ею Зевсу, или Лакедемоняне упомянули только объ испытанныхъ ими благодѣянiяхъ, а не объ оказанныхъ Аѳинянамъ [1]). Великодушному свойственно вовсе не обременять никого, или неохотно, а весьма охотно служить другимъ; далѣе ему свойственно быть величавымъ съ высокопоставленными и богатыми людьми, а съ людьми средняго состоянiя благосклоннымъ, ибо превосходить первыхъ тяжело и похвально, а вторыхъ—легко, и выказать въ кругу первыхъ свое положенiе не неблагородно, между тѣмъ какъ сдѣлать это въ кругу мелкихъ также низко, какъ хвастаться своею силой въ кругу слабыхъ. [Великодушному свойственно] не бывать тамъ, гдѣ люди считаютъ почетнымъ бывать, или гдѣ другiе играютъ первую роль; ему свойственно медленно и обдуманно приниматься за дѣло и только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ слава и дѣло велики, и притомъ если оно можетъ быть совершено лишь немногими великими и именитыми людьми. Онъ необходимо долженъ быть открытымъ врагомъ и открытымъ другомъ, такъ какъ только боязливый скрываетъ свои чувства. Онъ болѣе заботится объ истинѣ, чѣмъ о мнѣнiи людей, поэтому его слова

[1]) Первый примѣръ взятъ изъ Iлiады, I, 503. Второй примѣръ, кажется, не можетъ относиться къ посольству Лакедемонянъ въ Аѳины съ просьбой о помощи противъ Эпаминонда, хотя комментаторы относятъ это предложенiе къ упомянутому посольству. Изъ ниже приведенныхъ словъ переводчика и комментатора Этики, Сеньи, видно, что примѣръ совершенно противоположенъ тому, о чемъ говорилось:... E tratto quel tempo, in che gli Spartani assaltati da Epaminonda e perciò venuti in pericolo di perder'lo stato ricorson' per aiuto agli Ateniesi loro Emuli nel'imperio della Grecia: dove essi Spartani per muouere gli Ateniesi à pietà usarono di ricordar' loro quel tempo in che non molto avanti egli avevon' vinti e potevon disfare la città a' Atene, dove eglino elesson piu tosto di conservargli, creando in Atene quello stato che fu poi chiamata lo stato de 30 tiranni. Ср. рѣчь Патрокла (Ксен. VI, § 5).

Библиотека "Руниверс"

и дѣла открыты для всѣхъ. Онъ откровенно высказывается, ибо презираетъ людей; поэтому-то онъ говоритъ всегда правду, за исключеніемъ иронiи: иронію же онъ любитъ въ обращеніи съ толпою. Вліяніе другихъ, за исключеніемъ друга, онъ не въ состояніи перенести, ибо такая зависимость—рабская черта, поэтому-то всѣ льстецы—прихвостни, и всѣ низкіе люди—льстецы. Его не легко удивить, такъ какъ ничто ему не велико. Онъ не злопамятенъ: не свойственно великодушному припоминать старое, въ особенности обиды; ему скорѣе свойственно не замѣчать ихъ. Онъ не любитъ сплетень; онъ не любитъ говорить не только о себѣ, но и о другихъ, такъ какъ онъ не заботится о томъ, чтобъ его хвалили, или чтобы другихъ порицали; поэтому-то онъ неохотно хвалитъ и не злословитъ даже враговъ, развѣ только раздраженный надменностью. Менѣе всего станетъ онъ жаловаться и просить помощи при необходимыхъ бѣдствіяхъ и при небольшихъ (это свойственно тому, кто занятъ подобными мелочами). И будучи въ состояніи пріобрѣтать, онъ болѣе обращаетъ вниманія на прекрасное и неприбыльное, чѣмъ на прибыльное и полезное, ибо на первое „самоудовлетворенные“ люди болѣе обращаютъ вниманія. Походка великолѣпнаго должна быть, какъ кажется, медленна, голосъ низкимъ, рѣчь содержательна, ибо человѣкъ, которому не многое важно, не торопливъ, и кому немногое кажется великимъ, тотъ не возвышаетъ голоса, а крикливую и быструю рѣчь создаютъ противуположныя причины.

§ 9. Итакъ, таковъ великодушный; слишкомъ мало цѣнящій себя—малодушный, а слишкомъ много—чванливый; но и эти не кажутся позорными, такъ какъ они не дѣлаютъ дурнаго, хотя и уклонились отъ нормы (ἡμαρτήμενοι). Малодушный, будучи достоинъ благъ, самъ лишаетъ себя того, чего достоинъ, и онъ кажется, вслѣдствіе такой недостойной оцѣнки самаго себя, человѣкомъ, имѣющимъ какой-то порокъ, почему онъ и считаетъ себя недостойнымъ благъ, и кажется не знающимъ себя самого, ибо въ противномъ случаѣ онъ стремился бы къ тому, чего онъ достоинъ, такъ какъ вѣдь это—блага; такихъ людей не считаютъ глупцами, а скорѣе „нерѣшительными“ (ὀχνηροί). Такое ихъ мнѣніе о себѣ дѣлаетъ ихъ худшими, ибо всякій стремится къ тому, что̀ достойно его, а они отстраняются отъ прекрасныхъ дѣйствій и занятій, считая себя недостойными, устраняются также и отъ внѣшнихъ благъ. Чванливые же дѣйствительно глупы и не знаютъ самихъ себя, и это вполнѣ очевидно: считая себя достойными, они предпринимаютъ великія и почетныя дѣла

Библиотека "Руниверс"

и въ нихъ обнаруживаются. Они украшаютъ себя платьями, принимаютъ важный видъ и тому подобное, и желаютъ, чтобъ ихъ богатство было всѣмъ очевидно; говорятъ они много о себѣ, какъ будто бы этимъ имъ оказанъ почетъ. Малодушіе, однако, болѣе противоположно великодушію, чѣмъ послѣднее чванливости, и встрѣчается малодушіе чаще, да оно и худшій порокъ. Итакъ сказано, что великодушіе имѣетъ дѣло съ честью въ великомъ значеніи этого слова.

[О честолюбіи].

§ 10. Кажется, что и относительно чести существуетъ, какъ въ предшествующемъ сказано, нѣкотораго рода добродѣтель, которая относится точно такъ къ великодушію, какъ щедрость къ великолѣпію, ибо обѣ онѣ [то-есть, щедрость и честь] далеки отъ великаго, а приноравливаютъ насъ къ умѣреннымъ и мелкимъ обстоятельствамъ. Какъ при взиманіи и раздачѣ цѣнностей существуетъ середина, избытокъ и недостатокъ, точно также и стремленіе къ чести можетъ быть бо́льшимъ или меньшимъ, чѣмъ слѣдуетъ, и не въ томъ, въ чемъ слѣдуетъ, или не такое, какое слѣдуетъ; поэтому-то мы порицаемъ честолюбиваго, какъ человѣка, стремящагося къ чести болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и въ дѣлахъ, въ которыхъ этого не слѣдуетъ; нечестолюбиваго же [мы порицаемъ] какъ человѣка, не намѣревающагося пріобрѣсть почетъ даже прекрасными поступками. Иногда, напротивъ, мы хвалимъ честолюбиваго, какъ человѣка мужественнаго и любящаго прекрасное, а нечестолюбиваго—какъ человѣка умѣреннаго и благоразумнаго, какъ объ этомъ мы еще ранѣе говорили. Ясно, что понятіе обозначающее стремленіе къ этому (φιλοτιοῦτοι), имѣетъ нѣсколько значеній, и что мы относимъ понятіе честолюбца не всегда къ одному и тому же предмету; напротивъ, употребляя это слово въ похвальномъ смыслѣ, мы относимъ къ человѣку, стремящемуся къ чести болѣе, чѣмъ большинство людей; употребляя понятіе въ смыслѣ порицанія, мы относимъ его къ человѣку, стремящемуся къ чести больше, чѣмъ слѣдуетъ. А такъ какъ середина не имѣетъ названія, то кажется, что крайности состязаются изъ-за этого пустаго мѣста [середины]. Но гдѣ есть избытокъ и недостатокъ, тамъ есть и середина; люди стремятся къ чести то болѣе, то менѣе, чѣмъ слѣдуетъ, а иногда и въ той мѣрѣ, въ какой слѣдуетъ. Вѣдь это послѣднее пріобрѣтенное свойство и одобряютъ, такъ какъ безымянная середина стремленія къ чести въ этомъ свойствѣ и состоитъ; оно въ сравненіи съ честолюбіемъ покажется отсутствіемъ честолюбія, а въ сравненіи съ этимъ послѣд-

Библиотека "Руниверс"

нимъ покажется честолюбіемъ; въ попеременномъ сравненіи оно покажется то тѣмъ, то другимъ, но это, по видимому, свойственно и другимъ добродѣтелямъ, только что въ данномъ случаѣ крайности кажутся противоположными другъ другу, такъ какъ середина не имѣетъ названія.

[О кротости и гнѣвѣ].

§ 11. Кротость—середина по отношенію къ гнѣву; но такъ какъ средина собственно не имѣетъ названія, а также не имѣютъ его и крайности, то мы переносимъ обозначеніе кротости на человѣка, придерживающагося середины, хотя кротость собственно склоняется въ сторону недостатка, который тоже не имѣетъ названія. Избытокъ же можно бы назвать гнѣвливостью, ибо самый аффектъ называется гнѣвомъ. Причинъ, его производящихъ, много, и онѣ разнообразны. Хвалятъ того человѣка, который гнѣвается въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдуетъ, и на тѣхъ, на кого слѣдуетъ, а сверхъ того какъ, когда и сколько слѣдуетъ. И такого-то можно назвать кроткимъ, по скольку кротость похвальна. Кроткій желаетъ быть безмятежнымъ (ἀπάραχος) и не подчиняться страстямъ, а гнѣваться только какъ велитъ разумъ при тѣхъ обстоятельствахъ и на сколько велитъ разумъ. Погрѣшаетъ онъ скорѣе въ сторону недостатка, ибо кроткій не мстителенъ, а скорѣе очень снисходителенъ. Недостатокъ, будь то безгнѣвность или что-либо иное, порицается, потому что тѣ кажутся глупыми, которые не гнѣваются при обстоятельствахъ, при которыхъ слѣдуетъ, или не тогда, когда слѣдуетъ, или не на тѣхъ, на кого слѣдуетъ. Безгнѣвный кажется не замѣчающимъ и не огорчающимся обидамъ и вслѣдствіе того неспособнымъ къ самозащитѣ [ἀμυντικὸς], а только рабскому характеру свойственно сносить обиды и не замѣчать обидъ, наносимыхъ и близкимъ своимъ. По всѣмъ перечисленнымъ пунктамъ бываетъ и избытокъ: [можно гнѣваться] на людей, на коихъ не слѣдуетъ или по поводу, по которому не слѣдовало бы, или сильнѣе и скорѣе, чѣмъ слѣдуетъ, или болѣе долгое время. Не все это однако встрѣчается въ одномъ и томъ же лицѣ; это пожалуй и не возможно: ибо зло уничтожаетъ само себя; ставъ совершеннымъ (ὁλόκληρος), оно не выносимо. Итакъ, вспыльчивые, съ одной стороны, легко гнѣваются на людей, на коихъ не слѣдовало бы, и при обстоятельствахъ, при коихъ не слѣдовало, и притомъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ; но съ другой стороны, они легко и успокоиваются. Это качество въ нихъ прекрасно. Причина этого заключается въ томъ, что они не сдержи-

Библиотека "Руниверс"

ваютъ гнѣва, но будучи откровенными, вслѣдствіе впечатлительности, тотчасъ изливаютъ гнѣвъ, а потомъ успокоиваются. Желчные люди суть тѣ, которые гнѣваются слишкомъ быстро и на всякаго, и притомъ по всякому поводу. Оттого-то они такъ и называются ἀκρόλοχοι. Озлобленныхъ людей трудно примирить, и гнѣваются они долгое время, ибо гнѣвъ свой они сдерживаютъ въ себѣ. Они успокоиваются, когда есть на комъ выместить. Месть прекращаетъ гнѣвъ, измѣняя страданіе въ наслажденіе; у нихъ тяжело на душѣ, пока этого не случилось. Такъ какъ гнѣвъ ихъ не проявляется, то никто ихъ не уговариваетъ, а для такого человѣка необходимо много времени, чтобы гнѣвъ улегся. Такіе люди въ тягость, какъ себѣ, такъ и лучшимъ своимъ друзьямъ. Тяжелыми мы называемъ людей, которые гнѣваются въ тѣхъ случаяхъ, когда не слѣдовало бы, и сильнѣе, чѣмъ бы слѣдовало, и болѣе долгое время. Притомъ они не успокоиваются раньше, чѣмъ отмстили и наказали обидчика. Кротости мы противополагаемъ избытокъ [гнѣва], какъ болѣе часто встрѣчающійся, и притомъ потому, что человѣческой природѣ мстительность болѣе свойственна. Въ сожительствѣ тяжелые люди невыносимы.

Ранѣе сказано, ясно однако и изъ того, что теперь говорено, что не легко опредѣлить, какъ, на кого, по какимъ поводамъ и сколько времени слѣдуетъ гнѣваться и до какой границы человѣкъ, [гнѣваясь], поступаетъ правильно, или погрѣшаетъ. Тотъ, кто только немного переступаетъ границу въ сторону ли избытка или недостатка, того не порицаютъ. Иногда даже мы хвалимъ недостаточно гнѣвающихся и называемъ ихъ кроткими, а гнѣвливыхъ называемъ мужественными, способными къ правленію. Не легко на словахъ опредѣлить, какую границу гнѣвъ долженъ перейдти и какъ выразиться, чтобы заслужить порицаніе, ибо сужденіе опредѣляется частными случаями и ощущеніями; но все же ясно что похвально среднее состояніе души, въ силу котораго мы гнѣваемся, на кого слѣдуетъ, и по тому поводу, по коему слѣдуетъ, и какъ слѣдуетъ и т. д.; далѣе, что избытокъ и недостатокъ заслуживаютъ порицанія, и притомъ слабаго порицанія, если незначительно переступить границу; большаго,—при болѣе сильномъ, и сильнѣйшаго наконецъ—если значительно переступить границу. Слѣдуетъ, значитъ, заботиться о пріобрѣтеніи средняго душевнаго состоянія. Итакъ, мы высказались относительно душевныхъ состояній, связанныхъ съ гнѣвомъ.

Библиотека "Руниверс"

[О любезности].

§ 12. Въ отношеніяхъ людей и въ общеніи ихъ словами и дѣломъ обходительными (ἄρεσκοι) называются тѣ, которые все хвалятъ ради удовольствія другихъ, ни въ чемъ не возражаютъ и желаютъ быть какъ можно пріятнѣе всякому встрѣчному; напротивъ того, тѣ, которые во всемъ возражаютъ и не заботятся о томъ, чтобы понравиться кому бы то ни было, называются строптивыми и спорщиками; ясно, что эти пріобрѣтенныя свойства души заслуживаютъ порицанія и что середина, которая указываетъ, въ какихъ случаяхъ и какимъ образомъ слѣдуетъ соглашаться или противодѣйствовать, что эта середина похвальна; она однако не имѣетъ названія, но кажется ближе всего подходитъ къ любезности (φιλία), ибо хорошимъ и любезнымъ мы называемъ вѣдь того, кто дѣйствуетъ сообразно этой серединѣ, если только прибавить еще любовь. Отличается эта середина отъ любезности тѣмъ, что она не связана съ волненіемъ и не предполагаетъ любви къ тому, съ кѣмъ имѣешь общеніе, ибо вѣдь не въ любви и не въ ненависти слѣдуетъ искать основанія, почему такой человѣкъ удѣляетъ, въ каждомъ случаѣ, должное каждому, а въ томъ, что онъ таковъ [имѣетъ такія душевныя качества]. Онъ поступаетъ одинаковымъ образомъ, какъ съ знакомыми, такъ и съ незнакомыми, какъ съ близкими ему людьми, такъ и съ дальними, и съ каждымъ соотвѣтственно: вѣдь не нужно же одинаковымъ образомъ заботиться какъ о близкомъ, такъ и о чужомъ, или причинять имъ печаль. Итакъ, вообще говоря, такой человѣкъ будетъ жить въ общеніи съ другими, какъ слѣдуетъ; когда же дѣло касается чего-либо прекраснаго или полезнаго, тогда онъ будетъ заботиться о томъ, чтобы не оскорбить никого или чтобы доставить удовольствіе. Кажется, что эта добродѣтель касается наслажденій и неудовольствій, возникающихъ въ общеніи людей; въ тѣхъ случаяхъ, когда некрасиво или даже вредно участвовать въ извѣстномъ наслажденіи, такой человѣкъ предпочтетъ противодѣйствіе и огорчитъ другихъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда какое-либо дѣйствіе влечетъ за собою позоръ, и притомъ значительный, или вредъ, а противодѣйствіе—лишь незначительное огорченіе, въ этихъ случаяхъ подобный человѣкъ будетъ не соглашаться, а противодѣйствовать. Онъ иначе будетъ обходиться съ людьми съ положеніемъ, чѣмъ съ первымъ встрѣчнымъ, иначе съ болѣе знакомымъ, чѣмъ съ менѣе знакомымъ, и подобнымъ образомъ, слѣдуя другимъ различіямъ, онъ каждому удѣлитъ приличествующее ему; говоря безотносительно, онъ

Библиотека "Руниверс"

всегда предпочтетъ произвести пріятное впечатлѣніе и будетъ остерегаться огорчать людей, если только слѣдствія не очень важны, сообразуясь, какъ я говорю, съ прекраснымъ и полезнымъ. Ради великой радости въ недалекомъ будущемъ, онъ согласенъ причинить небольшое огорченіе. Итакъ, человѣкъ придерживающійся середины, таковъ. Онъ не имѣетъ однако названія. А человѣкъ, развлекающій другихъ, стремящійся быть всегда пріятнымъ и дѣлающій это безъ задней мысли, — обходительный, тотъ же, кто при этомъ имѣетъ въ виду свою пользу денежную или выгодную въ какомъ бы то ни было отношеніи, тотъ называется льстецомъ. Напротивъ тотъ, кто во всемъ противорѣчитъ, называется, какъ сказано, строптивымъ и спорщикомъ. Крайности кажутся потому непосредственно противоположными другъ другу, что середина не имѣетъ особаго названія.

[О хвастовствѣ, правдѣ и ироніи].

§ 13. Почти того же самаго касается добродѣтель, составляющая середину въ хвастовствѣ; она также не имѣетъ названія; недурно будетъ, однако, коснуться и ея. Разбирая каждую добродѣтель въ отдѣльности, мы лучше поймемъ нравственность и убѣдимся, что добродѣтель — средина, когда увидимъ, что это вѣрно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Мы уже сказали о тѣхъ, которые въ общеніи людей руководятся пріятнымъ и непріятнымъ; теперь мы скажемъ о придерживающихся истины или лжи, какъ въ словахъ, такъ и на дѣлѣ и въ симулированіи. Кажется, что хвастунъ—такой человѣкъ, который приписываетъ себѣ славныя дѣла, ему не принадлежащія, или приписывающій себѣ ихъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ на то имѣетъ основанія; напротивъ того, ироничный тотъ, который отклоняетъ отъ себя славныя дѣла, или умаляетъ ихъ значеніе; средній между ними, остающійся въ извѣстномъ смыслѣ всегда самимъ собою, правдивый въ жизни и словахъ, признающій за собою то, что у него есть, не болѣе и не менѣе. Каждый изъ указанныхъ характеровъ можетъ въ отдѣльномъ случаѣ поступать такъ или ради извѣстной цѣли, или же безъ нея. Каждый человѣкъ говоритъ, дѣйствуетъ и живетъ сообразно тому, каковъ онъ, если онъ не имѣетъ въ своемъ дѣйствіи особой цѣли. Говоря безотносительно, ложь дурна и заслуживаетъ порицанія, истина же прекрасна и похвальна; поэтому-то и правдивый, вслѣдствіе того, что онъ придерживается середины, похваленъ; напротивъ того, оба вида лжецовъ заслуживаютъ порица-

Библиотека "Руниверс"

нія, въ особенности же хвастунъ. Мы скажемъ о каждомъ и начнемъ съ правдиваго. Говоримъ мы здѣсь не о томъ, кто правдиво выполняетъ договоры, или о тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о справедливости или несправедливости (ибо все это относится къ другой добродѣтели), а о тѣхъ случаяхъ, когда ничего подобнаго въ разчетъ не входитъ, и когда человѣкъ въ жизни и въ словахъ правдивъ вслѣдствіе такого характера. Такой человѣкъ долженъ быть порядочнымъ, ибо кто любитъ правду, тотъ будетъ говорить ее, какъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она не важна, такъ и въ тѣхъ еще болѣе, гдѣ она важна; онъ будетъ въ этихъ случаяхъ опасаться лжи, которой онъ и безотносительно опасается. Такой человѣкъ похваленъ; и ужь если онъ отклоняется отъ истины, то скорѣе въ сторону ея умаленія; это кажется пристойнѣе, такъ какъ всякое преувеличиваніе отвратительно; тотъ, кто симулируетъ большую степень качествъ, чѣмъ имѣетъ ихъ, не имѣя при этомъ задней мысли, имѣетъ сходство съ дурнымъ человѣкомъ, ибо въ противномъ случаѣ ложь бы ему не нравилась,—но болѣе кажется пустымъ человѣкомъ, чѣмъ испорченнымъ. Если же онъ это дѣлаетъ ради опредѣленной цѣли, то онъ не слишкомъ заслуживаетъ порицанія, если цѣль эта—хорошее мнѣніе и почетъ; постыднѣе, если цѣль—деньги или нѣчто связанное съ деньгами. Впрочемъ, хвастовство не столько заключается въ умѣніи хвастаться, сколько въ намѣреніи; ибо тотъ хвастунъ, у кого это вошло въ привычку и сдѣлалось чертой характера. Настоящему лжецу самая ложь нравится, а другіе стремятся къ хорошему мнѣнію или выгодѣ. Тѣ, которые хвастаются, чтобы выиграть въ глазахъ другихъ, приписываютъ себѣ такія вещи, которыя похвальны и которыя дѣлаютъ людей блаженными; тѣ же, которые хвастаются ради выгоды, приписываютъ себѣ вещи, доставляющія удовольствіе ближнимъ, и отсутствіе которыхъ можно скрыть, напримѣръ, они выдаютъ себя за мудраго вѣщателя или искуснаго врача. Вотъ ради такихъ вещей люди симулируютъ, и подобными-то вещами они хвастаются, ибо въ нихъ заключено то, о чемъ мы только что сказали. Ироничные люди, умаляющіе въ своихъ рѣчахъ, являютъ характеръ болѣе пріятный, ибо вѣдь они ведутъ рѣчь не ради выгоды, а чтобъ избѣжать напыщенности; они особенно охотно умаляютъ въ себѣ все славное, какъ напримѣръ, дѣлалъ Сократъ. Тѣ, которые такое умаляющее симулированіе распространяютъ и на незначительныя и всѣмъ очевидныя вещи, называются (βωμολοχοεπαοιδοι) лицемѣрными и легко заслуживаютъ пренебреженія. Иногда даже это становится хвастов-

Библиотека "Руниверс"

ствомъ, какъ напримѣръ, одежда Спартанцевъ, ибо одинаково хвастливо какъ преувеличеніе, такъ и умаленіе нѣкоторыхъ вещей. Тѣ, которые умѣренно пользуются ироніей и въ вещахъ не слишкомъ плоскихъ и очевидныхъ, эти являются пріятными. Правдивому противоположенъ хвастунъ, ибо онъ хуже [ироничнаго].

[О приличіи].

§ 14. Такъ какъ въ жизни есть отдыхъ, а въ немъ разговоръ и шутки, то вѣроятно, и здѣсь есть пристойное обращеніе и правила, что̀ и какъ слѣдуетъ говорить, а также и слушать. Есть при этомъ разница говорить ли что-либо, или же слушать это. Очевидно, что и здѣсь есть избытокъ, середина и недостатокъ. Тѣ, которые представляютъ избытокъ въ смѣшномъ, кажутся шутами; представляя все въ смѣшномъ видѣ, они болѣе заботятся о томъ, какъ бы возбудить смѣхъ, чѣмъ о томъ, чтобы говорить пристойное и не оскорбить человѣка, надъ которымъ насмѣхаются. Напротивъ тѣ, которые и сами никогда не скажутъ ничего смѣшнаго и сердятся на другихъ въ подобныхъ случаяхъ, эти кажутся грубыми и не отесанными. Наконецъ, тѣхъ называютъ ловкими, которые шутятъ съ тактомъ, уподобляя ихъ людямъ, умѣющимъ вращаться во всѣхъ сферахъ: такія шутки являютъ подвижной духъ; а какъ тѣло обсуждается по его движеніямъ, точно также и характеръ. Но такъ какъ большинству людей больше, чѣмъ слѣдуетъ, нравятся шутки и насмѣшки, то и шутовъ поэтому называютъ ловкими людьми, такъ какъ они доставляютъ наслажденіе. Но ясно изъ сказаннаго, что они отличаются, и притомъ не мало, отъ послѣднихъ. Приличіе свойственно душевному качеству, выражающему собою середину; ибо приличный говоритъ и выслушиваетъ лишь такія вещи, которыя пристойны хорошему и свободному человѣку, такъ какъ въ области шутокъ есть вѣдь пристойныя вещи, которыя такой человѣкъ выслушиваетъ и станетъ говорить. И шутки свободнаго человѣка отличаются отъ шутокъ человѣка съ рабскимъ образомъ мыслей, точно также, какъ шутки образованнаго отъ шутокъ не образованнаго. Это всякій можетъ видѣть и изъ сравненія старой комедіи съ новою: у первыхъ смѣшное состояло въ сквернословіи, у второй—болѣе въ намекахъ, а это различіе не маловажно въ отношеніи приличія. Но какимъ образомъ опредѣлить человѣка хорошо шутящаго? Тотъ ли это, кто говоритъ, что̀ прилично свободному, или тотъ, кто не только не

Библиотека "Руниверс"

оскорбляетъ, но даже доставляетъ наслажденіе слушающему? Или же именно это неопредѣлимо? Ибо то, что̀ одному ненавистно, другому пріятно; именно это онъ станетъ выслушивать, а кажется, что то, что̀ кто-либо согласенъ выслушать, то онъ готовъ и сдѣлать. Однако не все онъ станетъ дѣлать, ибо насмѣшка есть своего рода оскорбленіе чести, и нѣкоторыя оскорбленія чести наказываются законодателями. Слѣдовалo бы, кажется, наказывать и насмѣшки. Любезный и свободный человѣкъ будетъ вести себя такъ, чтобы быть себѣ закономъ. Именно таковъ и есть „средній человѣкъ“, все равно назвали ли мы его приличнымъ или ловкимъ. Шуты—рабы смѣшнаго, и ради краснаго словца они не жалѣютъ ни себя, ни другихъ; притомъ они говорятъ такія вещи, какія приличный не только бы не сказалъ, но даже не сталъ бы выслушивать. Грубый человѣкъ для подобнаго обращенія совершенно непригоденъ, ибо, не способствуя съ своей стороны ничѣмъ, онъ на все сердится.

Кажется, что отдыхъ и шутка въ жизни необходимы. Итакъ, вотъ три указанныя середины въ жизни, и всѣ онѣ касаются общенія словомъ и дѣломъ; различаются они тѣмъ, что одна имѣетъ дѣло съ истиной, а другія двѣ—съ пріятнымъ. Изъ двухъ послѣднихъ, касающихся наслажденій, одна касается шутокъ, а другая—остальнаго обращенія людей въ жизни.

[О стыдѣ].

§ 15. Не слѣдуетъ говорить о стыдѣ, какъ о какой-либо добродѣтели: онъ болѣе похожъ на аффектъ, чѣмъ на пріобрѣтенное свойство души; опредѣляется стыдъ такъ: онъ есть нѣкоторый страхъ безчестія; проявляется онъ въ насъ нѣсколько похоже на страхъ передъ ужаснымъ, ибо какъ стыдящіеся краснѣютъ, такъ боящіеся смерти блѣднѣютъ. Итакъ, и то и другое суть тѣлесныя явленія, откуда ясно, что они скорѣе аффекты, чѣмъ пріобрѣтенныя свойства души. Этотъ аффектъ [стыда] приличенъ не всякому возрасту, а только юношескому. Мы полагаемъ, что молодые люди должны быть стыдливыми, такъ какъ они, находясь подъ вліяніемъ аффектовъ, часто грѣшатъ, а стыдъ удерживаетъ ихъ, поэтому мы и хвалимъ стыдливыхъ молодыхъ людей; взрослаго же никто не станетъ хвалить за стыдливость, такъ какъ, думаемъ мы, ему не слѣдуетъ дѣлать ничего такого, чего надо стыдиться. Стыдъ не свойственъ хорошимъ людямъ, такъ какъ стыдятся за дурныя дѣйствія, а хорошій человѣкъ не станетъ ихъ

Библиотека "Руниверс"

совершать. При этомъ нѣтъ разницы, будетъ ли дѣйствіе дѣйствительно постыдное, или только считаемое постыднымъ; ни того, ни другаго не слѣдуетъ совершать, а слѣдовательно, не приходится и стыдиться. Дурной же человѣкъ именно таковъ, что онъ въ состояніи совершить что-либо постыдное. Нелѣпо думать, что тотъ, кто совершитъ нѣчто подобное и стыдится, можетъ считать себя въ силу этого хорошимъ человѣкомъ. Стыдъ имѣетъ отношеніе къ произвольнымъ дѣйствіямъ, а хорошій человѣкъ никогда не станетъ произвольно дѣлать дурное. Однако условно и стыдъ можетъ быть чѣмъ-то хорошимъ, [ибо говорятъ]: „если кто совершитъ дурное, то ему слѣдуетъ стыдиться“. Но условность не имѣетъ мѣста въ добродѣтели. Если наглость и отсутствіе стыда при дурныхъ дѣйствіяхъ есть нѣчто дурное, то совершать дурное и при этомъ стыдиться тѣмъ не менѣе не хорошо. И воздержанность также не добродѣтель, а нѣчто смѣшанное; но на нее мы укажемъ впослѣдствіи; теперь же скажемъ о справедливости.

Э. Радловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПОРФИРІЕВСКОЙ ПСАЛТИРИ 862 ГОДА.

Гардтгаузенъ, въ первомъ выпускѣ своихъ „Beiträge zur griechischen Palaeographie“ (Лейпцигъ 1877 г., перепечатано изъ Berichte über die Verhandlungen der K. Sächs. Gesellschaft der Wissenchaften, за тотъ же годъ), обратилъ вниманіе интересующихся греческою палеографіей на одинъ весьма важный въ палеографическомъ отношеніи памятникъ, представляющій состояніе греческаго курсива, такъ-сказать, на канунѣ его преобразованія въ строчное (минускульное) письмо. Рукопись эта въ то время принадлежала преосв. Порфирію (Успенскому), а въ 1883 году она, вмѣстѣ со всею Порфиріевскою коллекціей рукописей, поступила въ Императорскую Публичную Библіотеку. Гардтгаузену былъ сообщенъ фотографическій снимокъ съ одной страницы рукописи, снимокъ вполнѣ удачный, но, по видимому, безъ всякихъ объясненій относительно внѣшняго вида рукописи, ея содержанія и относительно того, гдѣ она была пріобрѣтена тогдашнимъ ея владѣльцемъ. Что касается послѣдняго пункта, Гардтгаузенъ, на стр. 7, дѣлаетъ такого рода соображеніе: „Епископъ Порфирій Успенскій избралъ предметомъ своихъ тщательныхъ розысканій столь важный для греческой палеографіи Аѳонъ. Это тотъ самый ученый, которому мы обязаны первымъ расположеннымъ по содержанію рукописей каталогомъ сокровищъ, хранящихся въ архивахъ и библіотекахъ Аѳона. Поэтому вѣроятно, что нашъ листъ происходитъ съ Аѳона и тамъ былъ пріобрѣтенъ его теперешнимъ владѣльцемъ“. О томъ, что преосв. Порфирій избралъ предметомъ своихъ розысканій не только Аѳонъ, а вообще „Востокъ Христіанскій“, и помимо каталога аѳонскихъ сокровищъ, издалъ не мало трудовъ, съ которыми полезно быть знакомымъ спеціалисту по греческой палеографіи,—объ этомъ Гардтгаузенъ, къ сожалѣнію, не зналъ, что̀ впрочемъ и не

Библиотека "Руниверс"

удивительно: graeca non leguntur. Удивительнѣе, что авторъ „Греческой палеографіи" далеко не мастеръ разбирать „graeca" въ собственномъ смыслѣ этого слова, какъ обнаружилось, между прочимъ, и въ данномъ случаѣ. Спиридонъ Ламбръ (Ἀθήναιον т. VI, стр. 244—253) и Гитльбауеръ (Zeitschrift für die österreichischen Gymnasien, 1878, стр. 813—817) уже оцѣнили по достоинству „точную транскрипцію" Гардтгаузеномъ той страницы, съ которой ему былъ сообщенъ снимокъ, и оцѣнили, надо замѣтить, на основаніи того же снимка, воспроизведеннаго Гардтгаузеномъ фототипически. Не смотря однако на всѣ промахи въ транскрипціи, Гардтгаузенъ въ сущности вѣрно опредѣлилъ значеніе этой рукописи, какъ палеографическаго памятника, относя ее къ послѣднему періоду въ исторіи развитія греческаго курсива. Крайними предѣлами этого періода онъ считаетъ, съ одной стороны, 680 годъ (подписи на актахъ III-го Константинопольскаго собора: Wattenbach, Schrifttafeln, табл. 9 и 28), а съ другой — 835 г. (Порфиріевское Четвероевангеліе этого года: Wattenbach-Velsen, Exempla codicum graecorum, табл. 1). Памятниковъ послѣдняго, переходнаго, а потому особенно интереснаго періода въ исторіи курсива пока извѣстно крайне мало, въ чемъ и заключается особенное значеніе петербургской рукописи, о которой мы поведемъ рѣчь.

Уже въ виду такой палеографической важности рукописи не лишенъ интереса вопросъ о содержаніи и о литературномъ характерѣ текста, конечно, если и на сколько можетъ быть рѣчь о его литературномъ характерѣ. Гардтгаузенъ ни къ какому выводу по этому вопросу не пришелъ, и дѣйствительно, на основаніи его транскрипціи, трудно было придти на этотъ счетъ къ какому-нибудь выводу. Онъ впрочемъ полагаетъ (стр. 7), что „даже слова διὰ τῆς σῆς ὁσιότητος (въ строкахъ 4—5) не позволяютъ дѣлать вѣрное заключеніе", намекая, быть можетъ, на то, что слова эти могли бы относиться къ духовному весьма высокопоставленному лицу [1]). Ламбръ, разобравшій значительно больше Гардтгаузена и составившій изъ разобраннаго довольно связный текстъ, нашелъ, что этотъ отрывокъ богословскаго трактата (ἀπόσπασμα συγγράμματος θεολογικοῦ) не лишенъ, по большей части, ни смысла, ни красоты (οὔτε ἐννοίας·

[1]) Такъ по крайней мѣрѣ понялъ слова Гардтгаузена *Гитльбауеръ*, *Z. f. d. ö. G.*, стр. 816: G. scheint das Ganze für einen Brief an einen Papst gehalten zu haben.

Библиотека "Руниверс"

στερεῖται, πλὴν ἐν ἐλαχίστοις, οὐδὲ κάλλους). Онъ справлялся объ авторѣ у аѳинскихъ богослововъ не безуспѣшно; φαίνεται δὲ μᾶλλον, заключаетъ онъ (Ἀθήν. стр. 249), τὸ ἔργον ἀνέκδοτον ἀγνώστου φιλοσόφημα, πλὴν ἀλλ' ὅμως εἰρήσθω ὅτι ἐνθυμίζει πως τὴν λέξιν τοῦ Συνεσίου. Вѣнскій богословъ-палеографъ Гитльбауеръ считаетъ несомнѣннымъ, что слова Ζωὴν—ἐλούετο (строки 1—5) предетавляютъ собою текстъ литургическій, съ обращеніемъ къ воплотившемуся Логосу,—текстъ, служащій основаніемъ, темою для дальнѣйшаго гомилетическаго разсужденія (homiletische Auseinandersetzung). Это, по его мнѣнію, явствуетъ изъ того, что, начиная отъ ἐξ ἐκείνου (строка 5), рѣчь идетъ о томъ же Логосѣ въ третьемъ лицѣ. Мнѣніе Гитльбауера опровергается однимъ фактомъ, о которомъ онъ знать не могъ: „гомилетическому разсужденію" не только предшествуетъ, но точно также и слѣдуетъ за нимъ, въ не изданной еще части текста, обращеніе къ Спасителю во 2-мъ лицѣ. Не издана приблизительно одна треть, 12 строкъ, помѣщающихся на оборотѣ того листка, лицевую сторону котораго можно найдти, въ снимкѣ, у Гардтгаузена на табл. 1-й, но для удобства читателей мы перепечатываемъ снова и извѣстную уже часть (25 строкъ), въ которой, къ тому же, и послѣ Гитльбауера оставались кое-какія погрѣшности.

Ζωὴν ἐπιφέρων ἐφάνης, ὦ Λόγε, τῶν ἱκετευόντων ἀκούσας·
νοῦς δὲ ἦν ἡ σὴ πρὸς τὸ σῶμα σύγκρασις, ἥλιος ὀξὺ καὶ παναγέστατον φαίνων τῇ θείᾳ λαμπρότητι· πᾶσα δέ, ὅση τῆς ἐπιφόρου κακίας ἄτη τοῖς ἀνθρώποις ἐπέκειτο, διὰ τῆς σῆς ὁσιότητος ἐλούετο· ἐξ ἐκείνου γάρ τοι τὰ κατὰ γῆς ἀνέφυγεν δεσμ[ω]τήρια, ἃ ποτε θυρῶν ἀρραγῶν εἴσω συνείχετο· χόλασιν δὲ βαρυτάτην εἶχεν ἐκ τῆς θείας ἀνάγκης τὰ πονηρὰ συνελαυνόμενα πνεύματα, οἷον τοῖς ἀνοσιουργοῖς ἐκείνοις . . . . . ὅ ποτε κακὸν ἐκ τῆς ἀφροσύνης τῆς ἑαυτοῦ πάθει μεγίστῳ κατείληπτο, ὅτε τὴν ὑπὸ γῆς κεκρυμμένην [ἀρχὴν] ἐώρα λυομένην τῇ τοῦ σωτῆρος δυνάμει Χριστοῦ· αἱ γὰρ ψυχαὶ τῆς κάτω ὑποχθονίας καὶ σκότους εἱρκτῆς ἐξεδύοντο, οἷον δὴ τῷ καθηγουμένῳ κριῷ τὰ πρόβατα συνακολουθοῦντα πρὸς τὴν ἔπαυλιν τὴν αὐτῶν· συνῆκαν δὲ ἐπιφανέντα τὸν νομέα, ἀνάξοντα δὲ καὶ τὰ σώματα τῶν πολυπόνων ψυχῶν εἰς ἕτερον μακαριστότατον βίον, ἐν ᾧ δὴ καὶ κακίας ἡ τέλεος λύσις καὶ ἡ ποθεινοτάτη ζωὴ τοῖς ἀνισταμένοις παρὰ τῷ μεγάλῳ καὶ ὑψίστῳ βασιλεῖ, οἷς οὔποτε λύπη τὴν εὐφροσύνην μεταχινεῖ

Библиотека "Руниверс"

οὐδ' ὑπὸ γήρως ἡ τῶν σωμάτων ἐλαττοῦται δύναμι[ς]. 20
τοσαύτην Θεὸς αἰῶνι τῷ μέλλοντι δωρήσεται χάριν·
ὅτι τὸ θεῖον εἶδος ἐνδιδόμενον ψυχαῖς εἰς θεῖον ἐπανά-
γει βίον τὸν παρ' αὐτῷ τῷ κυρίῳ τε καὶ σωτῆρι, ὃς ἂν θέλῃ
τῷ πανηγεμόνι Δόγῳ τοῦ Θεοῦ συναχολουθῶν τὴν
λυσσώδη κακίαν ἀποφυγγάνειν μὴ διατρί[βων] 25
ἐν μέσῳ τῷ πονηρῷ τῶν ἀνθρώπων βίῳ, ἐν ᾧ φλογώδης
καὶ χαλεπὴ στάσις ἀεί, καὶ πολὺ μὲν τὸ ψεῦδος, πολὺ δὲ
τὸ τῶν ἐρίδων μανικὸν ἀναμεμιγμένον, καὶ ἡ
ἐκ Θεοῦ φοβερὰ κόλασις ἐπικειμένη· [ἧς] ὑπὸ τοῦ Χριστοῦ
Ἰησοῦ τὸ δεύτερον ἥξοντος ἐπαγομένης ἀλεξίκακος 30
ἔσται τοῖς ἑαυτοῦ φίλοις πρὸς τὴν θαυμαστὴν ἐπι-
φάνειαν τοῦ βασιλέως ἀπαντησαμένοις· ἀλλ' ἵ-
λεως εἴης, ὦ βασιλεῦ, καί μοι τὴν σὴν εὐμένειαν
ἐκφαίνων ἀφίκοιο καὶ πρὸς τὸ θεῖον φῶς καθη-
γήσαιο, βίου δὲ τοῦ παρόντος ἀνέλκοις οἷον ἐπὶ 35
πτέροξιν. τὴν σὴν εὐεργεσίαν ὑμνῶν εὐφροσύ-
νης ἀπολαύω τῆς τερπνοτάτης, ὦ δέσποτα.

Отъ рукописнаго чтенія мы отступили въ слѣдующихъ мѣстахъ: стр. 2 ἥλιος моя догадка вмѣсто (вкравшагося изъ предыдущаго) νους [1]); тамъ же, παναυγέστατον Ламбръ, πανευγεστατον рукопись; стр. 6, εἶσω Гитльбауеръ, ἴσως рукопись; стр. 9, многоточіе поставлено въ знакъ того, что недостаетъ конца предложенія, начинающагося словами οἷον τοῖς ἀνοσιουργοῖς ἐκείνοις. Ὅ ποτε κακὸν Гитльбауеръ вѣрно толкуетъ: das böse Princip, но напрасно онъ поставилъ въ скобки слова οἷον τοῖς ἀνοσιουργοῖς — κατείληπτο, считая слова эти вводнымъ предложеніемъ. Фразой ὅτε τὴν ὑπὸ γῆς и т. д. (строка 10) опредѣляется, когда именно и по какому поводу ὅ ποτε κακὸν πάθει μεγίστῳ κατείληπτο. Слово ἀρχὴν въ стр. 10 вставлено мною. Въ стр. 12 я написалъ ἐξεδύοντο вмѣсто ἐξελύοντο, въ стр. 22—εἶδος ἐνδιδόμενον вмѣсто ιδοιενδιδομενον; тутъ же я удалилъ точку, поставленную переписчикомъ послѣ ψυχαῖς. Въ стр. 17 въ рукописи ποθηνοτατη. Въ стр. 25, послѣднія три буквы слова διατρίβων (такъ Ламбръ, рукопись διατρί) переписчикъ собирался написать въ началѣ слѣдующей

[1]) Необходимость этой и другихъ принятыхъ въ текстъ поправокъ обнаружится изъ сравненія съ соотвѣтствующими мѣстами печатаемаго ниже стихотворенія.

Библиотека "Руниверс"

стрóки (и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдующей страницы), но затѣмъ объ этомъ позабылъ. Въ стр. 28 въ рукописи читается τα των вмѣсто το των. Въ стр. 29 я вставилъ ἧς. Вмѣсто относительнаго возможно, конечно, и указательное мѣстоименіе, съ союзомъ или безъ него. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ переписчикъ самъ исправилъ свою ошибку: въ стр. 3 было первоначально написано παση вмѣсто πασα, 10. κατηλειπτο вмѣсто κατειληπτο, 26. χρωδησ (?) вмѣсто φλογωδησ, 30. ηξαντος вмѣсто ηξοντος, 36. υμνον вмѣсто υμνων.

Въ „Описаніи греческой Псалтири 862 года", архимандрита Амфилохія, на стр. 7 отдѣльнаго оттиска (Москва, 1873) [1]) сказано: „Л. 345 и 346 вплетены изъ другой Псалтири прекраснаго уставнаго письма того же (то-есть 9-го) вѣка. Тутъ есть Μικρὸς ἥμην и счетъ псалмовъ и стиховъ въ каждой каѳизмѣ. На л. 348 скорописью писано въ IX — X вв. не имѣющее ни начала, ни конца". Этотъ 348-й листъ Порфиріевой псалтири 862 года, подобно листамъ 345-му и 346-му вплетенный впослѣдствіи въ эту Псалтирь, и есть тотъ листъ Порфиріевой коллекціи, на которомъ написанъ приведенный нами выше текстъ [2]). Слѣдуя принятой у насъ неправильной (по отношенію къ греческому письму) терминологіи, архимандритъ Амфилохій назвалъ письмо этого листа скорописью; на неумѣстность термина „скоропись" въ данномъ случаѣ было указано уже И. В. Ягичемъ въ представляющихъ много интереснаго и для спеціалистовъ по греческой палеографіи „Четырехъ критико-палеографическихъ статьяхъ" (Приложеніе къ Отчету о присужденіи Ломоносовской преміи за 1883 годъ, С.-Пб. 1884), на стр. 34. Къ X вѣку это письмо ни въ коемъ случаѣ относено быть не можетъ; относится ли оно къ IX вѣку, какъ, по видимому, склоненъ думать И. В. Ягичъ (стр. 19), или къ VIII — это вопросъ, который, какъ намъ кажется, въ настоящее время съ полною достовѣрностію рѣшить нельзя. Несомнѣнно только, что письмо этого листа, по всѣмъ признакамъ, находится въ фазисѣ развитія болѣе древнемъ, чѣмъ письмо Порфиріевскаго Четвероевангелія 835 года. Что приведенный выше текстъ не „безъ начала",

---

[1]) Это описаніе раньше было напечатано въ «*Чтеніяхъ въ Общ. люб. дух. просвѣщ.* за 1873 г., а впослѣдствіи оно вошло въ первый томъ «Палеографическаго описанія греческихъ рукописей опредѣленныхъ лѣтъ».

[2]) На фототипіи съ лицевой стороны этого листа, помѣщенной у Гардтгаузена на табл. 1-й, читатели увидятъ внизу цифру 348, написанную карандашемъ быть можетъ, рукою самого Порфирія.

Библиотека "Руниверс"

доказывается уже поставленнымъ впереди крестомъ, и нѣтъ никакого основанія думать, что недостаетъ конца. Впрочемъ, читатели ниже будутъ имѣть возможность убѣдиться въ томъ, что текстъ этотъ сохранился цѣликомъ, не считая небольшихъ пробѣловъ въ стр. 9, 10 и 29. Отрывокъ изъ другой Псалтири занимаетъ не лл. 345-й и 346-й, а лл. 346-й и 347-й. Какъ эти листы 346-й и 347-й составляютъ одно цѣлое, не только со стороны содержанія, но и въ матеріальномъ отношеніи, также точно составляютъ одно цѣлое листы 345-й и 348-й. Всѣ четыре листа (345 + 348 и 346 + 347) были вшиты или вплетены въ Псалтирь 862 года сравнительно недавно, вѣроятно тогда, когда эта Псалтирь была отдана въ переплетъ Порфиріемъ. На оборотѣ листа 344-го еще сохранился красный отпечатокъ отъ нѣкоторыхъ изъ плетеній, которыми окружена съ трехъ сторонъ (см. Ягича стр. 19) извѣстная запись Псалтири (Wattenbach, Schrifttafeln, табл. 24) на лицевой сторонѣ листа 349-го [1]). Содержаніе листа 345-го отчасти любопытно и само по себѣ, а главное, оно важно для оцѣнки листа 348, то-есть, напечатаннаго выше текста. Начнемъ съ того, что̀ читается на оборотѣ. Тутъ мелкимъ уставомъ написано слѣдующее стихотвореніе:

(См. приложеніе 1-е).

Въ подлинникѣ тѣ буквы, для которыхъ тутъ взятъ уставный шрифтъ, отличаются отъ другихъ и величиной, и цвѣтомъ: онѣ написаны киноварью. ΧΡ, разумѣется, не что иное, какъ начальныя буквы имени ΧΡΙΣΤΟΣ, а 18-я строка для того вся написана киноварью, чтобы получилось изображеніе креста. Но буквы, образующія ΧΡ и 18-ю строку, отличены отъ другихъ еще и съ другою цѣлью.

---

[1]) Кстати о плетеніяхъ или «шнуркахъ», окружающихъ эту запись съ трехъ сторонъ въ видѣ буквы П. Гардтгаузенъ говоритъ на стр. 162 «Греческой Палеографіи»: Bis sich jenes obenerwähnte Ornament (именно орнаментъ, имѣющій форму П) in datirten Minuskelcodices nachweisen lässt, die älter sind, als das Jahr 1000 n. Chr., muss ich diese jüngste Unciale (такъ-называемый имъ «литургическій уставъ») dem 11—12. Jahrhundert zuweisen. Гардтгаузенъ, правда, желаетъ свидѣтельствъ изъ *строчныхъ* рукописей, но такъ какъ дѣло касается хронологическаго фиксированія *уставныхъ* рукописей извѣстнаго характера, то желаніе это можетъ имѣть лишь тотъ смыслъ, что онъ готовъ принять даже свидѣтельство строчной (минускульной) рукописи, въ виду кажущейся невозможности найдти подобное свидѣтельство въ рукописи уставной. Мнѣніе Гардтгаузена о происхожденіи орнамента П изъ квадрата (стр. 90) нашъ знатокъ орнаментистики, *В. В. Стасовъ*, считаетъ не вѣроятнымъ, склоняясь къ объясненію этого орнамента изъ формы архитектурной.

Библиотека "Руниверс"

X состоитъ изъ двухъ гексаметровъ, P — изъ однаго цѣлаго гекса-метра и начала другаго. Эти стихи, вмѣстѣ съ стихомъ 18-мъ, соединяются въ отдѣльное небольшое стихотвореніе, предназначенное, по видимому (красныя буквы вѣдь прежде другихъ обращаютъ на себя вниманіе), служить какъ бы вступленіемъ въ большее стихотвореніе:

Ζῃ̃ Λόγος ἐκ Πατέρος κλεινῷ σὺν Ἁγίματι θείῳ,
ἐξ ἀγαθῆς πηγῆς, ἀγακλειτὸν παμφαὲς εἶδος.
ζωὴ ἀνισταμένοις πέλας ὑψίστου βασιλῆος
ἐν τριάδος πίστει. κάλλος Θεοῦ, ἀλλ' ἐπάκουε
λισσομένοις.

Нетрудно замѣтить, что большее стихотвореніе ничто иное какъ переложеніе на стихи приведеннаго выше прозаическаго текста, или на оборотъ, что прозаическій текстъ есть парафраза стихотворенія. Въ нашей рукописи текстъ этого стихотворенія не безъ ошибокъ, не смотря на то, что въ данномъ случаѣ, казалось бы, правильность чтенія была обезпечена, если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ (противъ прибавленія лишнихъ буквъ, а также противъ пропусковъ), геометрическимъ построеніемъ текста. Въ рукописи буквы не написаны, какъ бы слѣдовало, колоннами одна подъ другою, στοιχηδόν, быть можетъ, оттого, что нѣкоторыя ошибки успѣли вкрасться уже въ подлинникѣ нашей рукописи. Во всякомъ случаѣ, писецъ Порфиріевской рукописи не обратилъ вниманія на то, что количество буквъ каждаго стиха должно равняться количеству стиховъ (35). Изъ 35 стиховъ 21 и въ нашей рукописи имѣютъ 35 буквъ, въ остальныхъ число буквъ колеблется между 34 и 37. Соображаясь съ красными буквами, имѣющими въ каждомъ стихѣ опредѣленное мѣсто, а также съ прозаическою парафразою, легко въ пострадавшихъ стихахъ отыскать ошибку и, за исключеніемъ одного случая, возможно съ полною достовѣрностію устранить ее. Такимъ образомъ возстановлено въ стихѣ 7. μοχὰ вмѣсто ΜΟΙΧΑ, въ ст. 11. λουμένην вмѣсто ΛΥΟΜΕΝΗ, въ ст. 19. ἀνίῃ (догадка А. К. Наука) вмѣсто ΑΝΕΙΗ, въ ст. 20. ὀλίζονα вм. ΟΛΙΖΟΜΕΝΑ, въ ст. 21. ἔσσετ' вмѣсто 'ΕΣΣΤ, въ ст. 24. κε вмѣсто ΚΑΙ, въ ст. 26. ἀνειδέος (=ἀνηδέος=ἀηδέος, догадка А. К. Наука) вмѣсто ΑΕΪΔΕΟΣ, въ ст. 29. ἀιδίοιο вмѣсто ΑΕΙΔΙΟΙΟ, въ ст. 30. ἐπάγει вмѣсто ΕΠΑΪΗ, въ ст. 32. ἠδέ вмѣсто ΔΕ, въ ст. 33. προφέρων вмѣсто ΠΡΟΦΕΡΕΙΝ, наконецъ въ ст. 34. ἴσα вмѣсто ΪΣΣΑ. Въ ст. 28 рукопись представляетъ ΜΑΝΙΗΙCΙΝ, съ точкою отъ первой руки надъ послѣднею буквою. Другаго случая прибавленія нѣмой іоты въ этомъ стихотвореніи нѣтъ,

Библиотека "Руниверс"

какъ нѣтъ такого случая и въ парафразѣ; тѣмъ не менѣе мы не сочли себя въ правѣ пренебречь указаніемъ переписчика и откинули не іоту нѣмую, а N. Въ ст. 5 въ рукописи читается не καινὸν, а ΚΔЄΙΝΟΝ. Іота написана киноварью, изъ чего слѣдуетъ, что это 18-я буква. Вправо отъ нея дѣйствительно 17 буквъ, но въ лѣво—18. Ошибка поэтому должна быть въ лѣвой половинѣ стиха. Слова αἷμα γέρας κόσμου сомнѣнію, по видимому, подлежать не могутъ. Остаются подъ сомнѣніемъ первыя три буквы слова ΚΔЄΙΝΟΝ. Можно было бы выкинуть Є, считая, что авторъ написалъ κλινὸν вмѣсто κλεινὸν по ошибкѣ, происшедшей отъ итацизма. Но въ этомъ стихотвореніи встрѣчается только смѣшеніе ЄΙ съ Η (15 νομεῖα=νομῆα, 26 ἀνειδέος=ἀνηδέος); въ другихъ ошибкахъ итацизма авторъ неповиненъ. Не желая навязать автору лишнюю ошибку, я написалъ ΚΑΙΝΟΝ=καινὸν, что, по смыслу, по крайней мѣрѣ, возможно. Относительно другихъ внесенныхъ въ текстъ поправокъ надобно замѣтить слѣдующее. Въ ст. 4 стоило измѣнить ΠΟΤΙ на ποτε для того, чтобы возстановить возможную конструкцію глагола ἐμίγη; δήποτε встрѣчается еще въ ст. 7. Въ ст. 15 въ рукописи читается ΜЄΔΑ вмѣсто μῆλα. Въ 17 ст. сперва въ рукописи было написано ΗΜΑΡΤΗΤΑΙ, затѣмъ исправлено ΪΜΑΡΤΗΤЄ. Поправка ἱμερτή τε подтверждается парафразою: καὶ ἡ ποθεινοτάτη (ζωή). Отъ другихъ измѣненій рукописнаго преданія въ подобномъ стихотвореніи лучше воздержаться. Слово θεοχανδές (ст. 5), по видимому, новое, составлено правильно, по аналогіи съ πολυχανδής „многовмѣщающій“ (замѣчаніе А. К. Нáука). Ново также прилаг. μυσοεργός (ст. 8)=ἀνοσιουργός. Въ ст. 10 на первый взглядъ странно, но несомнѣнно, что ἄναξ (подразумѣвается τῶν ἐλαυνομένων πνευμάτων или μυσοεργῶν) относится не къ Христу (ср. ст. 11), а къ тому, кто въ парафразѣ названъ ὅ ποτε κακόν, къ олицетворенію злаго начала. Въ ст. 12 поражаетъ ΥΠΟCΗΜΑΤΙΗC. Есть греческое слово σημασία, есть и ὑποσημασία, но ни то, ни другое сюда, по смыслу, не идетъ. На основаніи парафразы (ὑποχθονίας) можно догадаться, что авторъ, не имѣя возможности воспользоваться словомъ ὑποχθονίης (четвертая буква требуемаго слова—С), сочинилъ invita Minerva новое слово, ὑποσημάτιος, „подгробный“ (отъ основы σηματ, им. п. ед. ч. σῆμα)=„подземный“. О невѣрной просодіи слова ὅτες (въ стихѣ 13-мъ) и о другихъ просодическихъ промахахъ, а также о произвольной метрикѣ этихъ стиховъ, нечего и говорить. Безсмысленно въ 7-мъ стихѣ δήποτε, въ 13-мъ—ἄλλαι, но верхъ безсмыслія слово σάκεα въ ст. 16-мъ. Однако именно это слово

Библиотека "Руниверс"

вполнѣ застраховано отъ подозрѣнія въ ошибочности; безсмыслица объясняется тѣмъ, что изъ 5 буквъ 3 были, такъ-сказать, предопредѣлены: С, К и А. Трудно, разумѣется, безъ парафразы угадать, что σάκεα, „щиты", въ данномъ случаѣ синонимъ слова σώματα. Не легче понять, безъ объясненія, что̀ собственно авторъ хотѣлъ сказать словами (ст. 6—7):

ἐκ δὲ τοῦ ἂψ ἀνέφκται ἃ δὴ πέλε λυγρὰ θυράων
δήποτ' ἔσω μυχὰ κοῖλα.

Точно также, весьма нуждаются въ комментаріи слова (ст. 9—10):

ἀεσίφρονι δ', ἃ πολυπήμων!
εἴχετ' ἄναξ πάθεϊ,

затѣмъ стихъ 12:

ψοχαὶ γὰρ νεάτης ὑποσηματίης σκοτοέσσης

и т. д. Позволяя себѣ такія „поэтическія вольности" ради полнаго удовлетворенія своеобразнымъ формальнымъ требованіямъ, авторъ, естественно, долженъ былъ опасаться, что читатели его отчасти вовсе понимать не будутъ, отчасти будутъ понимать превратно. Поэтому весьма возможно, что прозаическая парафраза составлена самимъ поэтомъ. Ниже будетъ указано на подобныя явленія въ позднюю эпоху латинской поэзіи. Если бы кому-нибудь удалось доказать, что парафрастъ не правильно понялъ то или другое мѣсто стихотворенія то тѣмъ самымъ, конечно, было бы доказано, что поэтъ и парафрастъ не одно и то же лицо. Мнѣ кажется, что отступленія парафразы отъ стихотворенія не должны быть объясняемы недоразумѣніемъ. Мыслимо, что парафраза, быть можетъ—въ болѣе первоначальномъ видѣ, представляла собою нѣчто въ родѣ предварительнаго наброска общаго хода мыслей, котораго авторъ, задумавъ составить такого рода стихотвореніе, предполагалъ держаться. Такой набросокъ не могъ быть для автора лишнимъ стѣсненіемъ. Но крайне невѣроятнымъ кажется мнѣ, чтобы то, что̀ названо нами парафразою, было составлено раньше и независимо отъ стихотворенія другимъ авторомъ. „Метафразы", то-есть, передѣлки чужой прозы въ стихи бывали. Такъ напримѣръ, Ноннъ переложилъ на гексаметры все Евангеліе отъ Іоанна, однако ни Нонну, ни, сколько извѣстно, кто-либо другой, ни даже латинскій поэтъ Порфирій Оптаціанъ не выполнилъ задачи: чужую прозу, случайнаго, то-есть, независимаго отъ

Библиотека "Руниверс"

него объема, передѣлать въ такого рода стихотвореніе, составленіе котораго сопряжено съ трудностями почти непреодолимыми, хотя бы авторъ и не былъ особенно стѣсненъ со стороны содержанія.

Въ ученый, александрійскій періодъ греческой литературы, когда оригинальная, по содержанію, поэзія уже успѣла отцвѣсти, стали входить въ моду акростихи, телестихи и тому подобныя стиховторныя забавы. Вмѣстѣ съ пустотой или непоэтичностію содержанія возрастали искуственность и притязательность формы. Христіанскіе поэты пошли по стопамъ язычниковъ. Самъ Григорій Богословъ не побрезгалъ сочинить акростихическія ἀθύρματα. Верхомъ совершенства въ этомъ направленіи являются стихотворенія въ родѣ нашего квадратнаго гимна на Христа-Логоса, съ изображеніемъ монограммы Христа и креста, изъ буквъ, складывающихся, въ свою очередь, въ небольшое отдѣльное стихотвореніе. Такого произведенія на греческомъ языкѣ мы пока еще не знали, хотя могли предполагать о существованіи подобныхъ произведеній на томъ основаніи, что точно такія стихотворенія съ греческою монограммою Христа имѣются въ римской литературѣ, представляющей и въ этомъ, какъ почти во всемъ, лишь сколокъ съ греческой. Римляне, въ лицѣ Публилія Оптаціана Порфирія, современника императора Константина Великаго, въ этомъ отношеніи дошли до невѣроятнаго совершенства, и не даромъ новѣйшій издатель Порфирія, Л. А. Миллеръ, находитъ (praef. p. VIII): Insunt in eius poematis quae ne graeca quidem facilitate assequi liceat ludibria. Изъ подражателей Порфирія вниманія заслуживаетъ извѣстный аббатъ Фульдскій и архіепископъ Майнцскій Рабанъ Мавръ (IX в.), составившій самъ, подобно тому, какъ выше было предположено объ авторѣ греческаго гимна, прозаическія парафразы своихъ стихотвореній въ этомъ родѣ, по примѣру, какъ говоритъ онъ (De laudibus S. Crucis lib. II praef.), весьма многихъ древнихъ писателей, свѣтскихъ и церковныхъ, въ томъ числѣ Проспера и Седулія.

Намъ остается сказать о томъ, что, кромѣ гимна и его парафразы, находится на листахъ 345-мъ и 348-мъ Порфиріевской Псалтыри. Лицевая сторона листа 345-го занята спискомъ собственныхъ именъ, или, точнѣе, двумя такими списками, имѣющими одно общее начало (ΔĀΔ=Δαβιδ), общую средину (САΛΑΘΙΗΛ, ZОРОВАВЄΛ) и общій конецъ (ЇѠСНФ), такъ что вмѣстѣ они представляютъ видъ арабской цифры 8. Это—двѣ различныя генеалогіи Христа, одна по Матѳею (I, 6—16), другая по Лукѣ (III, 23—31). Въ срединѣ перваго круга написано, въ видѣ креста, АФРІКАNОV (первыя четыре

Библиотека "Руниверс"

буквы въ вертикальномъ, остальныя въ горизонтальномъ направленіи), въ срединѣ втораго круга, такимъ же способомъ—ΦΙΛΟΠΟΝΑ. Послѣднее слово, впрочемъ, написано такъ, что возможно читать и ΦΙΛΟΠΟΙΝΑ. ΑΦΡΙΚΑΝΟΥ, безъ сомнѣнія, имя собственное. Имени Φιλοπονᾶς или Φιλοποινᾶς, сколько мы знаемъ, не существовало; поэтому надо полагать, что ΑΦΡΙΚΑΝΟΥ ΦΙΛΟΠΟΝΑ означаетъ Ἀφρικανοῦ φιλόπονα, „усердные труды (плоды усердія) Африкана". Если это толкованіе вѣрно, то труженикъ Африканъ получаетъ въ нашихъ глазахъ извѣстный интересъ. Сгруппировать нѣсколько десятковъ именъ, взятыхъ изъ Евангелія, въ видѣ двухъ смежныхъ между собою круговъ—конечно, тоже трудъ, но не труды, не плоды усердія. Другимъ трудомъ Африкана долженъ быть гимнъ, авторъ котораго, такимъ образомъ, пересталъ бы быть для насъ безымяннымъ. Въ сущности, правда, безразлично, принадлежитъ ли гимнъ невѣдомому автору, или такому, о которомъ мы, кромѣ имени, ничего не знаемъ.

Родословная таблица отличается тѣмъ же мелкимъ уставомъ, и на сколько въ уставномъ письмѣ сказывается индивидуальность почерка, тѣмъ же почеркомъ, что и гимнъ. Знаковъ ударенія въ таблицѣ нѣтъ. Іота часто, а въ началѣ именъ почти всегда, является съ двумя точками. Изрѣдка эти двѣ точки на іотѣ попадаются и въ гимнѣ, и тутъ точно также преимущественно на начальной іотѣ (13 ὑϊὲς, 17 ἱμαρτητα, 26 αεϊδεος, ἴαυειν, 30 ἴησι, 34 ἴσσα). Съ удареніемъ написаны слова ἀψ (6), κτίλω (13), αυλῆς (14), βασιλῆος (18), съ придыханіемъ—ὑπο (2) и ἐσστ (21). Апострофъ прибавленъ довольно часто, но еще чаще не прибавленъ [1]). Знаковъ препинанія въ гимнѣ нѣтъ. Само собою разумѣется, что сходство въ почеркѣ между уставомъ листа 345-го и курсивнымъ письмомъ парафразы находить нельзя; но цвѣтъ чернилъ одинаковъ, и вообще ничто не мѣшаетъ думать, что родословная таблица, гимнъ и парафраза переписаны однимъ и тѣмъ же писцомъ. Курсивомъ написать стихотвореніе въ родѣ квадратнаго гимна было не возможно: въ курсивѣ преобладаетъ тенденція связывать между собою буквы, тогда какъ въ такомъ стихотвореніи каждая буква непремѣнно должна быть сама по себѣ. Затѣмъ, покуда курсивъ не пріобрѣлъ себѣ (преобразованіемъ въ строчное письмо) права гражданства въ спискахъ Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ, дотолѣ онъ представлялся

[1]) Въ ст. 7, въ словахъ δόγνδ' ἔχεν, апострофу полагалось бы быть послѣ второй дельты, а поставленъ онъ, по ошибкѣ, послѣ χ.

Библиотека "Руниверс"

родомъ письма болѣе низкимъ, какимъ въ пергаменныхъ рукописяхъ можно было пользоваться развѣ для текстовъ второстепеннаго значенія, каковымъ текстомъ въ данномъ случаѣ является парафраза, по отношенію къ самому гимну. Этимъ же объясняется, почему родословіе Спасителя написано уставомъ, а не курсивомъ. Знаки ударенія въ парафразѣ встрѣчаются чаще, нежели въ гимнѣ, но все-таки еще далеко не часто. Въ уставномъ письмѣ гимна переписчикъ, по видимому, избѣгалъ ставить знаки ударенія; иначе трудно объяснить, отчего они попадаются всего 4 раза въ 35 строкахъ. Знаковъ препинанія въ парафразѣ всего два: точка вверху строки въ стр. 11, послѣ χ(ριστο)υ, и точка внизу строки въ стр. 22, послѣ ψυχαισ. Съ придыханіемъ написано только ἱκετευοντων (стр. 1).

На оборотѣ листа 348-го, вслѣдъ за парафразой, написано слѣдующее четырехстишіе, быть можетъ, тою же, во всякомъ случаѣ одновременною рукою:

πλινθεῖον (рукопись παλιν θειον) ὕμνος κοιράνου Χ(ριστο)ῦ Λόγου,
[ὃς] τὴν ἄρρηκτον ἀμπέχει καινὴν κτίσιν.
σφραγὶς δὲ θεῖον οὔνομ' ἐν στοίχοις ἔπι
Θ(εο)ῦ Λόγου τε Πν(εύματό)ς τε ἐν ἀγκάλαις.

Въ началѣ втораго стиха двѣ буквы стерлись. За вѣрность чтенія ἔπι я не ручаюсь; въ рукописи это слово находится не въ концѣ третьяго, а въ началѣ четвертаго стиха и читается съ трудомъ. Будетъ ли „гимнъ на Господа Христа-Логоса“ имѣть видъ прямоугольника (πλινθεῖον=πλινθίον, ср. Мирида Аттикиста: πλαίσιον Ἀττικῶς, πλινθίον Ἑλληνικῶς) или квадрата (τετράγωνον), это зависитъ отъ того, въ какомъ отношеніи находятся разстоянія между стихами къ разстояніямъ между буквами каждаго стиха. Въ нашей рукописи гимнъ скорѣе прямоугольникъ; говоримъ „скорѣе“, такъ какъ для того, чтобъ онъ имѣлъ вполнѣ четырехугольную форму, нужно, чтобъ онъ былъ написанъ вопервыхъ, στοιχηδόν, а вовторыхъ, безъ ошибокъ, по крайней мѣрѣ противъ законнаго количества буквъ. Въ такомъ видѣ (ἐν στοίχοις) его еще нашелъ написаннымъ авторъ четырехстишія. „Божественное имя“ (θεῖον οὔνομα), наложенное или приложенное (ἔπι=ἔπεστι) подобно „печати“ (σφραγίς), не что иное, какъ монограмма Христа.

За четырехстишіемъ слѣдуетъ еще трехстишіе:

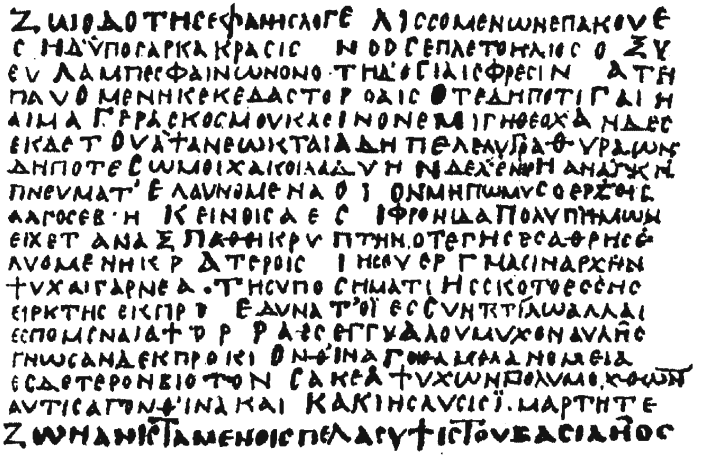
+ πρέποντα κόσμον τῷ θεηδόχῳ τάφῳ
τέτευχε τήνδε λαμπρὰν ὑελουργίαν
Θωμᾶς μονάζων, ζωγράφος, Δαμασκόθεν.

Библиотека "Руниверс"

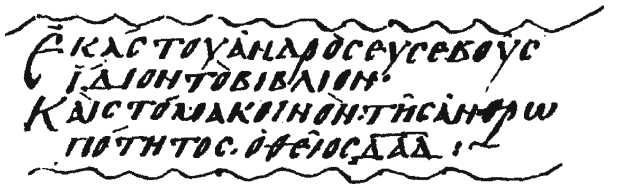
Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

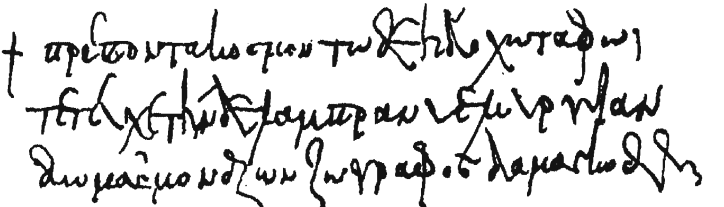
1.

2.

3.

Къ статьѣ г. ЕРНШТЕДТА

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Не беремся судить, о какомъ тутъ стекляномъ издѣліи (или работѣ на стеклѣ?) живописца—монаха Ѳомы изъ Дамаска можетъ идти рѣчь. Эти три строки написаны не однимъ почеркомъ съ предыдущимъ, но безъ сомнѣнія, также никакъ не позже первой половины IX вѣка, что̀ доказывается въ особенности формою сигмы и лигатуры αζ. Какимъ путемъ попали эти строки въ Порфиріевскую рукопись, останется, по всей вѣроятности, загадкою; но врядъ ли онѣ находились бы въ этой рукописи, если бы она не была написана невдали отъ Гроба Господня (ст. 1 θεηδόχῳ τάφῳ), въ той же странѣ, откуда происходятъ перлы Порфиріевской коллекціи, Псалтирь 862 г. и Четвероевангеліе 835 года.

Въ приложеніи 2-мъ читатели найдутъ литографическіе снимки [1]):

1) съ первой половины квадратнаго гимна (около 800-го года, Порф. Псалтирь 862 г., л. 345 об.),

2) съ одного мѣста изъ Псалтири, отъ которой сохранились 2 листка (того же времени или немного древнѣе, оттуда-же, л. 346 лиц. ст.; ср. Wattenbach, Schrifttafeln табл. 23),

3) съ трехстишія на оборотѣ л. 348 Порфиріевской Псалтири.

В. Ернштедтъ.

---

[1]) Снимки эти были приготовлены для перевода на камень искусною рукою художника Н. В. Нечаева, которому мы за его любезность приносимъ живѣйшую благодарность.

Библиотека "Руниверс"

НЕИЗДАННЫЯ НАДПИСИ ИЗЪ ДЕЛЬФЪ.

При посѣщеніи Дельфъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1884 г. мнѣ удалось списать нѣсколько не изданныхъ надписей. Здѣсь я сообщаю minuscu-lis текстъ двухъ изъ нихъ и прилагаю эпиграфическую копію одного обломка.

I. На дворѣ одного дома въ Каστρί, къ западу отъ храма Аполлона; парнасскій камень в. 0,75; ш. 0,74; т. 0,44; надпись на передней сторонѣ; сверху оставлено пустое пространство 0,10; снизу—0,32. На верхней сторонѣ два углубленія; слѣва—шипы; справа, повидимому, прилежалъ другой камень; верхніе углы обломаны. Ср. в. б. 0,009; разстояніе стр. 0,008. Характеръ шрифта см. въ прилож.

1 Ἄρχοντ]ος Ἀρχελάου, βουλευόντων Α.....
....Ἀ]ρχιάδα, Καλλιγένεος, Εὐαγγέλου, ἔδο[ξεν τᾶι πόλει τῶν
Δελφ]ῶν ἐν ἀγορᾶι τελείωι σὺμ φάφοις τ[αῖς ἐννόμοις· ἐπει-
δὴ Ἀ]ρίσταρχος Αἰτωλίωνος Κυφαιρεὺς ἔν[τε τοῖς πρότε-
5 ρον] χρόνοις εὔνους ὢν διετέλει τᾶι πόλει [καὶ νῦν καταστα-
θεὶ]ς ὑπὸ τῶν Αἰτωλῶν ἐπιμελητὰς τοῦ τε ἰε[ροῦ καὶ τοῦ ἀγ-
ῶνο]ς ὁσίως καὶ ἐνδόξως τό τε ἰρὸν (sic) καὶ τὰμ πόλιν[ἐκόσμησεν?
κ]αὶ τοῖς πολίταις συνανεστράφη καλῶς καὶ ευεσ.....
.Α..Ε ὑπάρχουσαν ὁμόνοιαν ποτί τε αὐτοὺς.....
10 κ]αὶ ποτὶ τοὺς Αἰτωλοὺς ἐπὶ πλεῖον συναύξησε· δεδόχ[θαι ἐπαι-
νέσαι Ἀρίσταρχον Αἰτωλίωνος Κυφαιρῆ εὐσεβείας ἕνεκεν [καὶ
εὐεργεσίας τᾶς ἐν τὸ ἱερὸν καὶ τὰμ πόλιν καὶ εἶμεν αὐτὸν π[ρό-
ξενον τᾶς πόλιος καὶ ἐκγόνους· ὑπάρχειν δὲ αὐτῶι καὶ ἐκγό-
ν]οις προμαντείαν, ἀσυλίαν, ἀτέλειαν, προεδρίαν ἐμ πᾶσι
15 τοῖ]ς ἀγώνοις, οὓς ἁ πόλις [τί]θητι καὶ τἄλλα, ὅσα καὶ τοῖς ἄλ-
λοι]ς προξένοις καὶ εὐεργέταις τοῦ ἱεροῦ καὶ τᾶς πόλιος·
δεδό]σθαι δὲ αὐτῶι καὶ ἐκγ[ό]νοις καὶ ἐπινομίαν ἐν τᾶι Δελ-
18 φῶν εἰς τ]ὸν ἅπαντα χρόνον.

Библиотека "Руниверс"

Изъ содержанія этого дельфійскаго декрета (стр. 5 и слѣд., 9 и слѣд.) видно, что онъ относится къ эпохѣ полнаго господства Этолійцевъ въ Дельфійской амфиктіоніи; поэтому архонтъ-эпонимъ этой надписи Архелай не можетъ быть отожествленъ съ архонтомъ $17^{5}/_{4}$ г. Архелаемъ (сыномъ Дамосѳена); по именамъ сенаторовъ онъ не подходитъ и къ другимъ эпонимамъ того же имени, встрѣчающимся у Wescher-Foucart № 9 или у Rangabé II, 719=Le Bas 873. Такимъ образомъ приходится ограничиться лишь отнесеніемъ этого декрета къ послѣдней четверти III вѣка.

Въ стр. 6—7 я съ сомнѣніемъ дополнилъ [καὶ τοῦ ἀγῶν]ος, потому что по количеству буквъ здѣсь можно было бы подставить и καὶ τᾶς πόλι]ος.

Послѣднее дополненіе, конечно, свидѣтельствовало бы о власти Этолійцевъ даже надъ Дельфами (не только въ амфиктіоніи), такъ что эту надпись слѣдовало бы поставить на ряду съ слѣдующимъ декретомъ Этолійцевъ: Στραταγέοντος Τιμαίου, ἔδοξε τοῖς | Αἰτωλοῖς μηθένα τῶν ἐν Δελφοῖς συνοί | κων ἀτελέα εἶμεν, εἴ κα μὴ δοῦῆ[ι] παρὰ | τᾶς πόλιος τῶν Δελφῶν ἀτέλεια· καὶ εἴ | τινοις ἔμπροσθεν [ά] ἀτέλεια γέ- | γονε | μὴ δόντων τῶν πολιτᾶν, ὑποτελεῖς | εἶμεν, καθὼς καὶ οἱ λοιποὶ σύ νοικοι (Haussoullier, Bullet. V, p. 404. № 14=Dittenb. S. I. Gr. № 325 и примѣч.). При дополненіи τοῦ ἀγῶν]ος подъ ἐπιμελητάς нужно разумѣть распорядителя, котораго выбирали для праздника Πύθια члены Амфиктіоновскаго собранія изъ своей среды. Обыкновенно признается, что избиралась цѣлая коллегія распорядителей, такъ что каждый изъ нихъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи отдѣльную область, напр. отдѣльное состязаніе (A. Mommsen., Delphika, p. 167, n. 1 et 2). Наша надпись, не рѣшая этого вопроса положительно, скорѣе всетаки можетъ говорить противъ существованія цѣлой коллегіи.

Въ выраженіи: ὑπάρχουσαν ὁμόνοιαν — — — ποτὶ τοὺς Αἰτωλοὺς ἐπὶ πλεῖον συναύξησε (стр. 9—10) видно довольно ясное указаніе на то, что Дельфійцы въ сущности далеко не были довольны той ролью, которую присвоили себѣ Этолійцы въ амфиктіоніи и храмѣ.

Относительно ἐπινομία, права пастбища, которое иногда давалось лишь на нѣсколько лѣтъ, ср. C. I. Gr. I, № 1335, 1569 и примѣч. стр. 745; Rangabé II, 704, прим. стр. 300.

Κυφαιρεύς. У авторовъ встрѣчается, какъ ѳессалійскій, городъ Κύπαιρα (Ptolem III, 13, 45); съ нимъ отожествляется Cyphaera у Liv. XXXII, 13; ср. Bursian, I, p. 75 и 89 прим.). Въ надписяхъ форма Κύφαιρα встрѣчалась уже одинъ разъ въ географическомъ

Библиотека "Руниверс"

спискѣ дельфійскихъ проксеновъ (Bulletin, VII, p. 191, v. 41), при чемъ интересно, что тамъ проксеномъ Дельфъ названъ весь городъ: Ἐν Κυφαίραι ἀ πόλις.

Имени Αἰτωλίων нѣтъ у Pape-Benseler.

II. Камень по отдѣлкѣ сторонъ, кажется, принадлежавшій стѣнѣ; находится нѣсколько къ юго-западу отъ церкви Ἅγιος Νικόλαος; шир. 1,14; выш. 0,89; толщ. 0,30. Ср. выс. б. 0,008; разст. стр. 0,006—7. Буквы вырѣзаны весьма тщательно. Характеръ шрифта см. въ прилож.

1 Θεοὶ τόχαν ἀγαθάν.
Ἐπεὶ Μνασίθεος καὶ Καλλικράτης οἱ Διοδώρου ἐπελθόντες ἐπὶ τὰν ἐκκλησίαν διελ[έ-
γ]ησαν ὑπὲρ Ἐπικράτεος τοῦ Καμψία Φαραιέος, ἂν ἔχει ἐ[π]ι[μέλει]αν καὶ σπουδὰν ὑπὲρ τᾶς πό-
λ]ιος ἁμῶν καὶ διότι εὔχρηστος [φαί]νε[τ]αι τοῖς ἐντυγχανόντοι[ς τ]ῶν πολιτᾶν καὶ κατὰ κοινὸν
5 κα]ὶ κατ' ἰδίαν· ἀγαθᾶι τύχαι· δεδόχθαι τᾶι πόλει τῶν Δελφῶν ἐ[ν ἀ]γορᾶι τελείωι σὺν ψάφοις ταῖς
ἐν]νόμοις ἐπαινέσαι Ἐπικράτη Καμψία Φαραιῆ καὶ ὑπάρχειν αὐτῶι καὶ ἐκγόνοις παρὰ τᾶς πό[λ
ιο]ς προξενίαν, προμαντείαν, προδικίαν, ἀσυλίαν, ἀτέλειαν, προεδρίαν ἐν πᾶσι τοῖς ἀγῶνοις, ο-
ἷς ἀ] πόλις τίθητι, καὶ τἄλλα τίμια, ὅσα καὶ τοῖς ἄλλοις προξένοις καὶ εὐεργέταις τᾶς πόλιος ὑ[πά-
ρ]χει· ἄρχοντος Ἀγίωνος, βουλευόντων τὰν πρώταν ἐξάμηνον [Νικ]οσ-
[τράτου? το]ῦ Εὐδώρο[υ...
10 .νος τοῦ Ἀριστοβούλου, γραμμα[τεύο]ντος Τιμοκλέος τοῦ Θρασέα.

Встрѣчающійся здѣсь архонтъ-эпонимъ Агіонъ, мнѣ кажется, долженъ быть отожествленъ съ архонтомъ у Wescher-Foucart № 27 и Rangabé II, 941=Le Bas 921. Оба послѣдніе акта относятся ко второму полугодію и поэтому имѣютъ другихъ сенаторовъ и секретаря. Предполагая тожество этихъ архонтовъ, я основываюсь на соображеніи Диттенбергера, по которому упоминаніе секретаря и прибавка имени отца къ именамъ, какъ секретаря, такъ и сенаторовъ встрѣчаются „in recentioribus demum titulis“ (Syllogе, ad № 458); то и другое встрѣчается въ нашей надписи, равно какъ и въ упомянутыхъ у W.-F. и Rang., а послѣднія несомнѣнно относятся къ второй половинѣ II вѣка, потому что принадлежатъ къ жреческой

Библиотека "Руниверс"

1.

ΑΕΘΚΜΝΞΟΠΡΣΥΛΦ

2.

ΑΈΘΚΜΝΞΟΠΠΡΣΥΛΦ

3.

Къ статьѣ г. КИКИТСКАГО.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

эпохѣ Ἄρχων-Ἄθαμβος. Можно прибавить, что, можетъ быть, одно и то же лицо съ упоминаемымъ у насъ Καλλικράτης Διοδώρου (2-я стр.) является секретаремъ въ Rangabè № 923 и архонтомъ—эпонимомъ въ Bullet. V, p. 433, № 48, въ обоихъ случаяхъ при тѣхъ же жрецахъ. Ср. также, что въ ту же жреческую эпоху Τιμοκλῆς Θρασέα является сенаторомъ (въ архонтство Дамосѳена, Bulletin, V, p. 432, № 47; p. 427, № 40, ср. № 35), и поручителемъ въ другую жреческую эпоху (Δρομοκλείδας—Ἄρχων), во всякомъ случаѣ также относящуюся къ концу II вѣка (Rangabé, II, № 926, архонтъ Клеодамъ). По характеру шрифта и тщательности вырѣзки надпись легко можетъ быть отнесена и къ III вѣку.

Имени Καμψίας у Pape-Benseler нѣтъ.

III. Осколокъ сѣроватаго камня; наиб. высота 0,14; наиб. шир. 0,10; толщ. въ верхней части 0,05, въ нижней—0,025; ср. в. буквъ 0,007—8; снизу vacat 0,025. Эпиграф. копію см. въ приложеніи. Найденъ гдѣ-то на поляхъ; теперь въ музеѣ. По видимому, этотъ обломокъ относится или къ отчету о постройкѣ, или къ инвентарю; ср. Bulletin VI, p. 456 sqq. №№ 89, 90, 91.

А. Никитскій.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ТИБУЛЛА.

I.

(Кн. I, эл. 1).

Къ Делiи [1]).

Пускай себѣ другой обширными полями
И свѣтлымъ золотомъ богатство создаетъ:
Возбудитъ роскошь въ немъ боязнь передъ врагами,
И онъ подъ звуки трубъ военныхъ не заснетъ.
Я—бѣдный человѣкъ: живу я беззаботно,
Лишь бы очагъ всегда былъ освѣщенъ огнемъ,
И самъ я посажу рукой своей охотно
Съ умѣнiемъ плоды въ имѣнiи своемъ.
И я не обманусь въ надеждѣ: получу я
Озерами вино и множество плодовъ,
Затѣмъ что божество всегда, повсюду чту я—
Въ вѣнкахъ у алтарей и въ идолахъ боговъ.
Съ молитвой приношу, какъ жертву, предъ богами
Я самый лучшiй плодъ садовъ и нивъ моихъ:
Тебѣ, Церера, я въ твоемъ повѣшу храмѣ,
Передъ дверьми, вѣнокъ колосьевъ золотыхъ;

---

[1]) Делiя, возлюбленная поэта, истинное имя которой, по мнѣнiю Апулея (Apol., 10), Плавiя, была либертиной и, слѣдовательно, принадлежала къ римскому полусвѣту. Впрочемъ, по уваженiю, съ которымъ относится къ ней Тибуллъ, можно заключить о ея относительной нравственности.

Библиотека "Руниверс"

Въ плодовые сады Пріапа [1]) я поставлю,
Чтобы онъ ихъ отъ птицъ косою охранялъ;
Васъ, Лары, также я безъ дара не оставлю,
Хоть изъ богатаго теперь я бѣднымъ сталъ.
Былъ жертвой за стада тогда телецъ тяжелый,
Теперь я приношу овечку только вамъ;
Я заколю ее среди толпы веселой,
Молящей: „Урожай пошлите, Лары, намъ!“
Да, я теперь могу довольствоваться малымъ,
Охотно избѣжавъ далекаго пути,
И лѣтомъ дать могу покой костямъ усталымъ
И въ рощу къ ручейку отъ знойныхъ дней уйдти.
И не краснѣю я, что самъ соху тащу я,
Что медленныхъ воловъ самъ я гоню бичомъ,
И что забытую овечку отношу я
Самъ изъ полей своихъ, держа въ объятьяхъ, въ домъ.
О, волки и воры! У васъ молю покоя
Для стада бѣднаго: вредите богачамъ!
Здѣсь лью на жертвенникъ Палесѣ [2]) молоко я
И каждый годъ молюсь за пастуха богамъ.
Вы, боги, бѣднаго даровъ не отвергайте
И кубковъ глиняныхъ съ виномъ не презирайте:
Ихъ земледѣлецъ встарь однихъ изготовлялъ
И прежде всѣхъ вещей лѣпилъ и обжигалъ.
Я съ дѣдомъ не стремлюсь богатствами сравниться:
И малой жатвою вполнѣ доволенъ я,
Доволенъ, если сномъ могу я позабыться,
Хоть и была бъ вполнѣ проста постель моя.
Какъ весело внимать холодныхъ вѣтровъ вою
И, съ милою своей обнявшись, отдыхать;
Подъ мѣрный звукъ дождя, осеннею порою
Идущаго съ небесъ, отрадно, сладко спать...
Пусть тотъ заслуженно свой вѣкъ живетъ богато,
Кто можетъ перенесть моря и ярость грозъ.

---

[1]) Пріапъ—богъ покровитель садовъ. Здѣсь подъ его именемъ разумѣется его изображеніе, сшитое изъ красныхъ лоскутьевъ. Оно ставилось для пуганія птицъ въ плодовыхъ садахъ.

[2]) Палеса—богиня скотоводства.

Библиотека "Руниверс"

Я жь взять бы не хотѣлъ ни жемчуга, ни злата
За капельку одну пролитыхъ милой слезъ.
Мессала [1])! Твой удѣлъ войной сражать народы,
Чтобъ ихъ богатствами чертогъ украсить свой!
Въ оковахъ милой я, забывши про походы,
Передъ дверьми ея сижу теперь съ мольбой.
Я не ищу похвалъ: я, Делія, съ тобою,
И пусть меня весь свѣтъ лѣнивцемъ назоветъ.
Я одного хочу: слабѣющей рукою
Обвить твой тонкій станъ, какъ смерти часъ придетъ,
Съ тобой послѣднею разстаться умирая
И бросить на тебя мертвѣющій мой взоръ...
Заплачешь, Делія, и трупъ мой обнимая,
Его положишь ты цѣлуя на костеръ.
Заплачешь: грудь твоя не скована кольчугой,
И сердце у тебя не камень, не кремень...
И съ грустныхъ похоронъ возлюбленнаго друга
Никто не отойдетъ, не плакавъ, этотъ день.
Не огорчай тогда моей печальной тѣни,
Не порти щекъ слезой, не рви своихъ волосъ...
Но рано умирать. Пока средь наслажденій
Я буду жить съ тобой безъ горестей, безъ слезъ.
Къ намъ старость подойдетъ, а съ ней и смерть сѣдая,
И поздно будетъ намъ при сѣдинахъ любить.
Теперь пора любви, пока, стыда не зная,
Мы рады дверь ломать и ссоры заводить.
Я въ этомъ знаю толкъ. Вы, воины, идите [2]),
Врагамъ позоръ и смерть, друзьямъ успѣхъ несите,
А я, довольствуясь вполнѣ судьбой моей,
Здѣсь презрю нищету и презрю богачей.

---

[1]) Маркъ Корвинъ Мессала—знаменитый полководецъ и вельможа Октавіана-Августа. Тибуллъ пользовался его покровительствомъ и служилъ подъ его начальствомъ въ войскѣ.

[2]) Въ этомъ обращеніи къ воинамъ Тибуллъ выражаетъ свое нежеланіе отправиться въ восточный походъ. Впрочемъ ему пришлось принять въ немъ участіе, какъ мы увидимъ это изъ III-й элегіи.

Библиотека "Руниверс"

II.

(Кн. I, эл. 3).

Къ Делiи [1]).

Чрезъ Эгейскiя волны, Мессала съ твоими друзьями [2])
Вы поплывете теперь. Не позабудьте меня!
Я вѣдь больной остаюсь въ неизвѣстныхъ земляхъ Феакiйскихъ [3])...
Мрачная смерть, отстрани жадныя руки, молю.
О, отстрани ихъ: со мною нѣтъ матери нѣжно-любимой:
Некому будетъ принять кости мои отъ костра.
Нѣтъ и сестры, чтобъ она ѳiміамъ воскуряла надъ прахомъ
И, волоса распустивъ, горько рыдала надъ нимъ.
Делiи нѣту со мною: напрасно она разлучаясь
Все вопрошала боговъ о возвращеньи моемъ.
Трижды она вопрошала у отрока [4]): онъ ей три раза
Жребiй счастливый давалъ; всѐ предвѣщало успѣхъ,
Все говорило о скоромъ моемъ возвращеньи; однако
Делiя плакала все, вдаль на дорогу смотря.
Тщетно и самъ я промедлить старался, ее утѣшая,
Даже когда былъ готовъ въ дальнiй отправиться путь.
Я ужь ссылался на все: то на день, посвященный Сатурну,
То на примѣты и птицъ, мнѣ предвѣщавшихъ бѣду.
Ахъ, сколько разъ признавалъ я дурною примѣтой
То, что у двери всегда я спотыкался ногой.
Такъ пусть никто не осмѣлится противъ желанья Эрота,
Бросивъ подругу свою, въ дальнiй отправиться путь.

---

[1]) 3-я элегiя Тибулла—одна изъ лучшихъ во всей латинской литературѣ. Не даромъ ее уже два раза переводили на русскiй языкъ (Батюшковъ и Мерзляковъ). Эти переводы не отличаются точностью и притомъ написаны александрiйскимъ стихомъ; я предлагаю новый переводъ, сдѣланный размѣромъ подлинника. По своему внутреннему содержанiю эта элегiя слѣдуетъ непосредственно за первою.

[2]) Cohors praetoria—нѣчто въ родѣ современной свиты начальника.

[3]) Противъ своего желанiя остаться въ Римѣ, Тибуллъ послѣдовалъ за Мессалою въ его восточный походъ, но по дорогѣ заболѣлъ въ Корцирѣ.

[4]) Эти отроки обыкновенно сидѣли на перекресткахъ и предлагали свое гаданье прохожимъ.

Библиотека "Руниверс"

Но для чего мы тогда совершали моленья Изидѣ,
И для чего ты тогда, Делія, въ звонкую мѣдь
Нѣжной рукой ударяла? [1]) Зачѣмъ, совершая молитвы,
Въ ложѣ холодномъ спала и омывалась тогда?
Но помоги мнѣ, Изида, теперь: ты больныхъ исцѣляешь,
Какъ я узналъ изъ картинъ, въ храмѣ висящихъ твоемъ.
Такъ исцѣли же меня и, свои исполняя обѣты,
Бѣлое платье надѣвъ и волоса распустивъ,
Въ храмѣ священномъ твоемъ между жрицами Делія сядетъ
И благодарственный гимнъ два раза въ день воспоетъ.
Мнѣ же пусть только удастся домашнихъ Пенатовъ увидѣть
И воскурить ѳміамъ Ларамъ священнымъ моимъ.
Какъ хорошо всѣмъ жилося въ блаженное время Сатурна,
Время когда на землѣ не было дальнихъ путей,
Время, когда на лазуревыхъ волнахъ высокая мачта
Не подставляла вѣтрамъ бѣлой стѣны парусовъ,
Время, когда мореходецъ товарами странъ иноземныхъ
Не нагружалъ кораблей, прибыли только ища.
Въ тѣ времена подъ ярмомъ, изнуряясь, волы не ходили;
Конь укрощенный узды въ гнѣвѣ безсильномъ не грызъ
Хижины въ тѣ времена не имѣли замковъ и запоровъ,
И пограничныхъ столбовъ не было видно въ поляхъ;
Сами собою дубы многолистные медъ источали,
И изъ сосцевъ у овецъ много лилось молока;
Не было въ тѣ времена ни раздоровъ, ни войнъ, ни сраженій,
А смертоносныхъ мечей и не ковали тогда.
Нынѣ жь, въ Юпитеровъ вѣкъ, постоянны убійства, раздоры,
Гибель въ моряхъ и еще множество смерти путей.
О, пощади меня, грозный Юпитеръ: я словъ богохульныхъ
Не говорилъ никогда, не нарушалъ своихъ клятвъ.
Если жь теперь я умру, то дозволь, чтобъ на камнѣ могильномъ
Тамъ, гдѣ я буду лежать, значились эти слова:
Смертью жестокой сраженный, вдали отъ родныхъ и подруги
Здѣсь почиваетъ Тибуллъ, спутникъ Мессалы и другъ.

[1]) Ударами въ мѣдь, по вѣрованію древнихъ, отгонялись злые духи и парализовалась сила чара.

Библиотека "Руниверс"

Впрочемъ меня, какъ любимца веселаго бога Эрота,
Въ свѣтлый Элизій [1]) введетъ радость-Венера сама.
Тамъ раздаются веселыя пѣсни; привольно порхая
Между зеленыхъ вѣтвей, рѣзвыя птички поютъ;
Тамъ киннамоны растутъ, благодатная почва покрыта
Пышными розами сплошь; розы даютъ аромать;
Юноши рѣзвятся вмѣстѣ съ цвѣтущими дѣвами; въ нихъ же
Мѣткія стрѣлы свои съ смѣхомъ пускаетъ Эротъ.
Тотъ, кого хищная смерть изъ объятій подруги исторгла,
Какъ украшеніе, тамъ миртовый носитъ вѣнокъ...
Злыхъ же обитель отъ нихъ далеко отстоитъ; окружаютъ
Черныя рѣки ее; царствуетъ въ ней темнота;
Видомъ ужаснымъ своимъ Тизифона [2]) несчастныхъ пугаетъ:
Вмѣсто волосъ у нея змѣи шипятъ на челѣ.
Некуда скрыться бѣгущимъ: ворота опутали змѣи,
А на порогѣ сидитъ Церберъ, свирѣпо ворча;
Тамъ Иксіонъ [3]), нанести оскорбленье Юнонѣ дерзнувшій,
Въ быстромъ вертясь колесѣ, злѣйшую кару несетъ;
Тамъ растянувшійся на девять югеровъ Титій [4]) страдалецъ
Печенью кормитъ своей злыхъ и прожорливыхъ птицъ;
Тамъ и Танталъ, погруженный въ водѣ; но едва онъ захочетъ
Жажду свою утолить, волны отхлынутъ назадъ;
Тамъ и Данаевы [5]) дочери за оскорбленье Венеры
Вѣчно должны наполнять влагою бочку безъ дна.
Пусть поселится тамъ всякій, кто мнѣ пожелаетъ разлуку
Съ Делiей милой моей, или меня оскорбитъ.

---

[1]) Элизій—та часть ада, въ которой обитали души блаженныхъ. Замѣчательно, что Тибуллъ рисуетъ его въ болѣе привлекательныхъ краскахъ, чѣмъ Гомеръ, влагающій въ уста Ахиллесовой тѣни такія слова:

„О, Одиссей, утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся;
„Лучше бъ хотѣлъ я живой, какъ поденьщикъ, работая въ полѣ,
„Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
„Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать мертвый“..

[2]) Тизифона—одна изъ трехъ фурій.

[3]) Иксіонъ, царь Лапиѳовъ, пытался оскорбить Юнону, за что былъ сброшенъ въ Аидъ.

[4]) О Титіи подробности см. въ Odyss. XI 576—581.

[5]) Дочери Даная насильно были обручены съ сыновьями Египта. Уступивъ увѣщанію своего отца, всѣ онѣ, кромѣ одной, убили мужей своихъ въ первую брачную ночь.

Библиотека "Руниверс"

Ты жь оставайся невинной, и стражемъ стыдливости нѣжной
Пусть твоя няня всегда будетъ сидѣть при тебѣ.
Сказки разказывать будетъ старушка тебѣ, а на прялкѣ
Въ тонкія нити она выведетъ пряжу свою.
Тутъ же при свѣтѣ огня, наклонясь надъ работой, служанка
Выронитъ пряжу свою, отягощенная сномъ...
Тутъ я внезапно приду—извѣщать тебя раньше не буду—
Чтобъ показаться тебѣ гостемъ, посланнымъ съ небесъ.
Ты мнѣ навстрѣчу бѣги, какъ была безъ сандалій на ножкахъ,
Бросивъ свои волоса виться по полнымъ плечамъ...
О, поскорѣй бы Аврора младая на розовыхъ коняхъ
Счастьемъ сіяющій день, радостный намъ принесла.

К. С—скій.

Библиотека "Руниверс"

НАДПИСИ ИЗЪ ЗАПАДНОЙ ЛОКРИДЫ.

Издаваемыя въ настоящей статьѣ надписи найдены въ разстояніи приблизительно двухъ часовъ ходьбы къ сѣверу отъ Навпакта. Ближайшій къ той мѣстности пунктъ изъ отмѣченныхъ на картѣ французскаго генеральнаго штаба (листъ 7-й) есть церковь (теперь только развалины) къ сѣверу отъ деревни Скала [1]). Въ немногихъ десяткахъ шаговъ отъ этой церкви крутой спускъ влѣво отъ горной тропы ведетъ на дно оврага почти къ тому самому мѣсту, гдѣ теперь лежатъ надписи. Мѣсто это зовутъ 'ς τὴ λογγά. Общее направленіе этого оврага—съ сѣверо-востока на юго-западъ; онъ впадаетъ въ рѣчное русло, выходящее въ море къ западу отъ устья рѣки Морнопотама.

Надписи мною прочитаны слѣдующимъ образомъ (эпиграфическія копіи см. въ приложеніи).

1) На передней сторонѣ камня вышиною 0,48; шириною 0,72; толщиною 0,33. Средняя высота буквъ 0,013. Въ 1-й и 2-й строкахъ вслѣдствіе неровностей камня оставлены пустые промежутки (что нерѣдко встрѣчается въ подобныхъ же надписяхъ Дельфійскихъ, cf. Rangabé, A. H. II, № 919, 920; p. 645). Копія и эстампажъ.

1. Γραμματεύοντος θεα-
ροῖς Φίλωνος τοῦ Μενεμάχου, μηνὸς Ἱπποδρο-
μίου ἀπέδοντο Δαμώ, Λύκος Καφρεῖς τῶι Ἀσκλαπιῶι
τῶι ἐν Κρουνοῖς παιδάριον καὶ κορίδιον οἰκογενῆ ἐπ' ἐ-
5. λευθερίαι, οἷς ὀνόματα τῶι μὲν παιδαρίωι Ἀριστοκράτης,
τῶι δὲ κορασίωι Νικάσιον, τιμᾶς ἀργυρίου μ(νᾶν) π(έντε)· προαποδότας

[1]) На картѣ подъ именемъ Skala указаны двѣ деревни; теперь существуетъ только лежащая нѣсколько восточнѣе, а отъ другой—лишь немного развалинъ.

Библиотека "Руниверс"

κατὰ τὸν νόμον Μενέστρατος Θεοδώρου Ποτιδανιεύς·
μάρτυροι Ἀντίμαχος, Γλαῦκος, Δαΐλοχος, Δικαίαρχος
Καφρεῖς, Λάμπις, Λάμιος Βούττιοι, Τείσαρχος Ναυπά-
10. κτιος· τὰν ὠνὰν φυλάσσοντι οἱ ἄρχοντες τῶν Βουττί-
ων Δάμις Ἀλεξομένου Βούττιος, Τείσαρχος Λύκου
Ναυπάκτιος.

2) На передней сторонѣ камня вышиною 0,47; шириною внизу 0,68, вверху—0,27; правый верхній уголъ отломанъ. На этомъ же камнѣ и актъ № 3. Высота буквъ въ обоихъ приблизительно одна, но въ верхнемъ (2) буквы уже и тѣснѣе сдвинуты, чѣмъ въ нижнемъ (3). Эстампажъ [1]).

1. Στραταγέοντος Δαμοτίμο[υ —, μηνὸς — ὁ δεῖ-
να Δα]μίου Βούττιος ἀπέδοτ[ο τῦι Ἀσκλαπιῦι τῦι ἐν Κρουνοῖς ἐπ' ἐλευ-
θ]ερίαι σῶμα ἀνδρεῖον, ὄι ὄ[νομα —, τὸ γένος —, τιμᾶς ἀργυ-
ρίου μ(νᾶν) δ(έκα)· βεβαιωτὴρ κατὰ τ[ὸν νόμον ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνα
Ναυπά-
5. κτιος· τὰν ὠνὰν φυλάσσοντι Κ — — —
Σώσανδρος Ἀλύπου Ναυπάκτ[ιος· μάρτυροι — —
Παρμενίδας Ἀριστοκλέος, Δ — — —
δας Φαικίνα, Δυκίσκος — — —
..... τας Δαμ[ί]ο[υ, Γ]ά[στρων — —

3) См. къ № 2; есть пустые промежутки, какъ и въ № 1. Эстампажъ.

1. Γραμματεύοντος θεαροῖς Λύκου τοῦ Λύκου, μη-
νὸς Εὐθυαίου Λάμπις Γάστρωνος Βούττιος ἀ-
πέδοτο τῦι Ἀσκλαπιῦι τῦι ἐν Κρουνοῖς ἐπ' ἐλευθερίαι
σῶμα ἀνδρεῖον, ὄι ὄνομα Φιλλέας, οἰκογενῆ, τιμᾶς ἀρ-
5. γυρίου μ(νᾶν ἑπτά)· προαποδότας κατὰ τὸν νόμον Γάστρω[ν
Λάμπιος· μάρτυροι Ἁρπαγίων, Σωσίνικος, Ἀρχί-
ας Ναυπάκτιοι, Ἀριστόμαχος, Λάμιος, Λεοντομέ-
νης, Ἀρίστων, Δαμοκράτης, Γάστρων Βούττιοι· τὰν
ὠνὰν φυλάσσοντι Λύκιος, Λεοντομένης οἱ-
10. Δαμίου Βούττιοι.

4) На передней сторонѣ камня занятаго надписями и съ боковыхъ сторонъ; вышиною 0,70; шириною 0,55; толщиною 0,35. Въ этотъ актъ

---

[1]) Одно тире ставлю тамъ, гдѣ предполагаю пропускъ одного слова; нѣсколько тире означаютъ большой пропускъ.

Библиотека "Руниверс"

я соединяю 15 (14?) верхнихъ строкъ и 5 нижнихъ; между ними актъ № 5. Средняя высота буквъ 0,01. Эстампажъ.

Γραμματεύοντος θεαροῖς ἐν Ναυπά[κτοι τοῦ δεῖνα, ἐν
δὲ Ἐρ.ετιέοις ἄρχοντος Ἀλκ[ι]άδα τ[ου] Νίου?, μηνὸς Δίου ἐ[μ-
βολίμου ἀπέδ[ο]το Νικοκ[ρ]άτης Οἰνάστιος, συνευδοκέοντ-
ος καὶ τοῦ υἱοῦ Δάμωνος, τῶι Ἀσκλαπιῶι τῶι ἐν
Κρουνοῖς ἐπ' ἐλευθερίαι σῶμα γυναικεῖον, ἃι
ὄνομα Μηνιάς, τὸ γένος Φρυγίαν, τιμᾶς ἀργυρί-
ου μ(νᾶν)—· προαποδότας κατὰ τὸν νόμον Εὐρύδα-
μος Ἐρυμνίωνος Εὐπαλιεύς· δεῖ δὲ παραμεῖναι
Μηνιάδα παρὰ Φαρνάκη ἔτη τέσσαρα ποιοῦσαν
τὸ ἐπιτασσόμενον· εἰ δὲ μὴ παραμείναι, οἱ τὰν
ὠνὰν φυλάσσοντες ἐχφερόντω κοινεῖ αν κα-
τὰ Μηνιάδος.... παραμεῖναι ἐνιαυτοῦ....
? — — — — — —
.ων ἡμιολίων· ἄρξει τᾶς παραμονᾶς ὁ
μὴν Δῖος ὁ ἐν τᾶι ὠνᾶι· μάρτυροι Ἑλλάνι-
κ]ο[ς], Νεαῖος, Δεοντομένης, Ἀμόνανδρος, Ἀγή-
μων Βούττιοι, Τιμόλοχος, Εὐρύδαμος, Τ[.....ο-
ξ, Πολέμαρχος Εὐπαλιεῖς· τὰν ὠνὰν φυλάσσοντι
Τιμόλοχος Ἐρυμνίωνος Εὐπαλιεύς, Ἀγήμων Ε[ὐ-
ξενίδα Βούττιος.

5) См. къ № 4. Средняя высота буквъ 0,016. Эстампажъ.

Γραμματεύοντος θεαροῖς ἐν Ναυπά-
κτοι Σατύρου τοῦ Σώσου, μηνὸς Προ-
κυκλίου ἀπέδοντ[ο Τ]ελέσαρχος, Θ-
ρασόλαος, Δυκ[ία], Φαινίππα Πώριοι τῶ[ι
Ἀσκ(λ)απιῶι τῶ[ι ἐν Κ]ρουνοῖς σῶμα ἀνδρ-
εῖον, ἐπ' ἐλευθερίαι, ὃι ὄνομα Λεύκιος, τ-
ὸ γένος οἰκογενῆ, τιμᾶς ἀργυρίου
μ(νᾶν) π(έντε)· βεβαιωτῆρες κατὰ τὸν νόμον Νικιά[δ-
ας, Φιλάδας Πώριοι· μάρτυ[ρ]οι Ξένων, Ἀρ-
χέλαος, Κλέων, Σιμίας, Νικιάδας, Φιλάδ-
ας Πώριοι, Δαμόξενος..... αἶος, Μιχ-
κάδας Βούτ(τ)ιος· [τὰ]ν ὠνὰν φυλάσσοντ-
ι οἱ ἄρχοντες Ἑλ(λ)άνικος, Δεοντομέ[νης,
Δαμέας Βούτ(τ)ιοι, Νικι(ά)δας Πώριος.

Библиотека "Руниверс"

6) На правомъ боку того же камня, на которомъ №№ 4 и 5. Средняя высота буквъ 0,01. Эстампажъ.

1. Στραταγέοντος [N]αύσ-
ω]νος? Στρατίου, μηνὸς <ος> Εὐ[θυ-
αίου ἀπέδοτο Δύκιος Λαμίου Ναυ-
πάκτιος τῶι Ἀσκλαπιῶι τῶι ἐν
5. Κρουνοῖς σῶμα ἀνδρεῖον, ὃι ὄνο-
μα Ἀλέξανδρος, οἰκογενῆ, τι-
μᾶς ἀργυρίου μ(νᾶν) π(έντε)· βεβαιωτῆρα
κατέστασε Νικίαν Ἑρμ[ογ]ένους·
τὰν ὠνὰν φολάσσοντι Πραξίας
10. Γ или Δ]εμιναύτου Ναυπάκτιος, Γάστρ-
ων Λάμπιος Βούττιος· μάρτυροι
Πολύστρατος, Ἀσκλαπιάδα[ς,
Δ]αῖτος, Μενέμαχος Μένω-
νος, Ἀλεξιάδας, Δύκος
15. Πύρρου, Ἀγέλαος, Δυσίμαχος,
Δυκίσκος, Θράσων, Δύκος
Ἀμυνάνδρο[υ], Δαμοκράτης,
Πετραῖος, Δαμέας.

7) На лѣвомъ боку того же камня, на которомъ №№ 4—6. Въ верхнихъ 4 строкахъ, вѣроятно, конецъ акта, потому что, если первую строку возстановлять γραμματ]ε[ύον]τος (или στραταγ]έ[ον]τος Δαμοκ[ρ...., то въ слѣдующихъ нельзя найдти общей формулы. Ниже слѣдуетъ другой актъ. Средняя высота буквъ 0,012. Эстампажъ (невполнѣ удавшійся).

1. Γρ]αμματεύοντος θε-
α]ροῖς ἐν Ναυπάκτοι...
— — — — — —
— ἄρχον]τος? —
5. — — — — — —
— — — μ]ηνὸς....
.....Α[μ]εινοκρ[άτης.....
....ἀπέδοτο] τῶι Ἀσκλα[πιῶι
τῶι ἐν Κρουνοῖς σῶμα γο-
10. ναικεῖον, ἐπ' ἐλευθερία[ι,
ᾧι ὄνομα Σιμάκα, (τὸ) γένος Βο[ι-
ωτίαν ἐκ Θεσπιᾶν, τιμᾶς ἀργο-

Библиотека "Руниверс"

ρίου μ(νᾶν τεσσάρων)· προαποδότας κα-
τὰ τὸν νόμον Λάμπις Γάστρω-
νος Βούττιος· τὰν ὠνὰν φυλ-
<λ>άσσει Ἑλλάνικος Δαμίου
Βούττιος καὶ ὁ ἄρχων Δύκος· πα-
ραμεινάτω δὲ Σιμάκα
π]αρὰ Ἀμεινοκράτη ποι-
οῦσα τὸ ἐπιτασσόμενον
ὑπὸ Ἀμεινοκράτεος· εἰ δὲ μὴ
ποιοῖ, ἄκορος ἔστω ἁ ὠνὰ
καὶ ὁ βεβα[ιω]τὴρ Λάμπις
μὴ βεβαιούτω· μάρτυροι
Δαμόξενος, Ἀγήμων, Ἀλε-
ξίδαμος, Λεοντομένης, Ἀμ[ό-
νανδρος, Γάστρων.

8) На передней сторонѣ камня (теперь полузаваленнаго другими) шириною 0,38. Средняя высота буквъ 0,011. Первыя 7 строкъ только въ копіи, потому что при настоящемъ положеніи камня эстампажъ можно снять лишь съ нижнихъ строкъ.

Στραταγέοντος Ἀρχίσωνος Καλυ-
δωνίου, μηνὸς Διονυσίου Σάτυρος Ἀ[ρ-
ι]στοφίλου <φ> Ὑλαίθιος? ἀπέδοτο ἐπ' ἐλευ-
θερίαι τῶι Ἀσκλαπιῶι τῶι ἐν Κρουνοῖς σῶ[μα
ἀνδρεῖον, ὧι ὄνομα Ἀ[σ]κλαπιάδας,
τιμᾶς ἀργυρίου μ(νᾶν ἕξ)· β[εβαιωτὴρ κατὰ τὸν
νόμον Ἀριστόμαχος Ἀλεξ —
— .τὰν ὠνὰν φυλάσσοντι Ἀρίσταρχ[ος
....νεος, Λυκίσκος Δάκωνος Ναυπάκτ]ι-
οι· μάρτυροι Νικόδαμος Δαμίου, Ἀγήτας Ἀμ[ο-
νάνδρο[υ или ς], Ἀρίστων, Ἑρμίας, Σωσίπατρος
Δ]αμονίκου, Ἀντίδωρος Κρίτωνος, Μενέ-
μαχος Κ[ρίτ]ωνος, Δαμόξενος Εὐνόσ<τος>του,
Δάμιος, Δίων Πολεμάρχου Ναυπάκτιοι,-
— — Βούττιοι, Σύων, Μικκίων Κα-
φρεῖ[ς [3]).

[1]) Кромѣ этихъ надписей, мною замѣчена тамъ же одна, но изъ-подъ другихъ камней видна лишь незначительная часть ея. Я долженъ еще замѣтить, что надписи при болѣе тщательной очисткѣ и удобномъ положеніи (не при полусвѣтѣ) могутъ быть прочитаны полнѣе, чѣмъ мнѣ удалось по эстампажамъ.

Библиотека "Руниверс"

Надписи эти находятся на днѣ оврага послѣ тайныхъ раскопокъ, произведенныхъ мѣстными жителями года два назадъ на правомъ, сѣверо-западномъ берегу оврага. Какой видъ представлялъ этотъ берегъ до раскопокъ, трудно теперь судить, но очевидно, слѣды древней постройки были еще хорошо замѣтны, если судить по той массѣ правильно отесанныхъ камней, сброшенныхъ въ оврагъ, и по тому, что самыя раскопки велись ради открытія клада. Вообще раскопки съ подобною цѣлью слишкомъ распространены по всей западной Локридѣ; обыкновенно раскапываются могилы, а въ данномъ случаѣ, къ сожалѣнію, этой участи подвергся храмъ „Асклепія при Ключахъ", какъ несомнѣнно слѣдуетъ изъ всѣхъ нашихъ надписей. Надписи, очевидно, были вырѣзаны на стѣнахъ храма, какъ это дѣлалось съ надписями объ отпущеніи рабовъ и въ другихъ мѣстностяхъ (въ Дельфахъ, Фистіонѣ, Арсиноѣ, Навпактѣ, см. K. Weil, Mittheilungen IV, p. 18); а что касается камня съ надписями на трехъ сторонахъ, то, по моему мнѣнію, онъ принадлежалъ антѣ (παραστάς) храма, подобно тому какъ и знаменитый Вешеровскій двуязычный памятникъ былъ вырѣзанъ на антѣ (Wescher, Sur le monument bilingue, p. 42 et 123). Кромѣ камней съ надписями и множества имъ подобныхъ изъ сѣроватаго плитняка, я замѣтилъ въ оврагѣ еще одинъ пьедесталъ, который впрочемъ до того пострадалъ отъ времени, что не видно никакихъ слѣдовъ, была ли на немъ надпись. Затѣмъ берегъ оврага въ одномъ мѣстѣ, кажется, искусственно укрѣпленъ стѣной изъ не обдѣланныхъ камней. Наконецъ, на берегу оврага, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ храмъ, видно еще нѣсколько, можетъ быть, лежащихъ на своемъ мѣстѣ фундаментовъ въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ, то-есть, перпендикулярномъ къ оврагу. Вотъ и все, что теперь остается отъ храма. На мои разпросы о другихъ находкахъ въ Навпактѣ мнѣ говорили, что найдены были огромныя колонны; на мѣстѣ я не замѣтилъ ни одного обломка отъ нихъ и, когда съ тѣми же разпросами обратился къ жителямъ Скалы, то мнѣ указывали, какъ на колонны, на простые четыреугольные бруски, а о томъ, что называется колонной, никто не имѣлъ даже и понятія. Самое мѣсто храма вполнѣ измѣнило свой видъ, вслѣдствіе того, что кладоискатели, сбросивъ съ мѣста даже фундаменты, напали на цѣлую скалу, отесанную сверху, чтобы выровнять поверхность для постройки, и подкопали ее со всѣхъ сторонъ, предположивъ, что кладъ именно подъ нею и находится;

Библиотека "Руниверс"

чрезъ это скала опустилась и образовала на мѣстѣ храма довольно глубокій обрывъ.

Что касается мѣстности, выбранной для культа бога-врача, то выборъ былъ сдѣланъ весьма удачно, и теперь, благодаря тому, что мѣстность эта, удаленная отъ бывшихъ центровъ населенія, въ значительной степени сохраняетъ свой древній характеръ, кажется, что выборъ этотъ даже удачнѣе, чѣмъ въ другихъ посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ культа Асклепія, испытавшихъ много превратностей судьбы; таковы Асклепій Епидаврійскій, Асклепій въ Аѳинахъ на южномъ склонѣ Акрополя, Асклепій въ Навпактѣ, Асклепій въ Стири (въ Фокидѣ). Общее въ нихъ обиліе хорошей воды. Въ Епидаврійскомъ святилищѣ источникъ находился въ самой галлереѣ (къ с. отъ храма), которая принимается за то помѣщеніе, гдѣ, по словамъ Павзанія, οἱ ἰκέται τοῦ θεοῦ καθεύδουσιν (II, 27, 2; cf. Ἐφημερὶς Ἀρχαιολογική, III серія, замѣтки Каввадіаса о мѣстѣ нахожденія надписей № 59, 60 и др.), и вода въ лѣченіи играла немаловажную роль, какъ видно изъ интересныхъ надписей, изданныхъ въ третьей серіи Аѳинской Археологической Ефимериды. Воды, вырывающейся изъ земли около навпактскаго храма Асклепія, такое изобиліе, что ея съ избыткомъ достаточно для цѣлаго города (cf. Weil, Mitth. IV, p. 23). Хорошій источникъ, приводящій теперь въ движеніе мельницу, есть и въ древней Стири у подножья того храма (Ἅγιος Νικόλαος), на которомъ найдены надписи, свидѣтельствующія о существованіи культа Асклепія; точное положеніе храма неизвѣстно; можетъ быть, развалины церкви св. Николая находятся на его мѣстѣ (Bursian, Geogr. von Griechenl. I, 184) [1]).

Ключи были также и въ аѳинскомъ святилищѣ Асклепія (Paus. I, 21, 4; надпись Ἀθήναιον V, 527; Mittheilungen, II, 174; P. Girard, L'Asclépieion d'Athènes, p. 5 sq., 11 et 70 sq.; о водѣ въ нихъ Xenophont. Memorab. III, 13, 3). Въ нашемъ оврагѣ и въ іюльскій зной (я былъ тамъ во второй половинѣ іюля) несется значительный потокъ, образующій по мѣстамъ небольшіе водопады, и кромѣ того, противъ храма и изъ праваго, и изъ лѣваго берега струятся ключи, которые и дали эпитетъ Асклепію. Вода и въ са-

[1]) Павзаній X, 35, 9 говоритъ, что въ Стири есть только одинъ источникъ, и тотъ въ 4 стадіяхъ отъ города; онъ имѣетъ въ виду, конечно, городъ, построенный послѣ Фокидскаго погрома при Филиппѣ на другомъ холмѣ, на которомъ теперь монастырь св. Луки.

Библиотека "Руниверс"

момъ потокѣ превосходнаго качества; тѣмъ не менѣе мѣстные жители, когда имъ приходится заходить сюда, собираютъ воду изъ ключей и пьютъ только ее; быть можетъ, она особеннаго химическаго состава; на камняхъ, по которымъ она струится, остается какой-то осадокъ.

Роскошная растительность сохраняется здѣсь еще и теперь: вѣковые платаны растутъ въ изобиліи и поддерживаютъ свѣжесть воздуха; съ отвѣсныхъ береговъ оврага наклоняются разные кусты и деревья. На такой характеръ мѣстности указываетъ и теперешнее названіе 'ς τὴ λογγά, которое находится въ очевидной связи съ новогреческимъ ὁ λόγγος, роща, лѣсъ. Огромные платаны мы видимъ и въ Навпактѣ подлѣ храма Асклепія. Въ Стири, кажется, не могло быть богатой растительности на холмѣ Ἅγ. Νικόλαος, потому что слой почвы очень не глубокъ, но на возвышенности между этимъ холмомъ и тѣмъ, гдѣ теперь монастырь св. Луки, до сихъ поръ еще цѣлая роща маслинъ и сосенъ, на которыя обыкновенно съ гордостію указываютъ монахи, сопровождая путешественника. Епидаврская долина теперь покрыта преимущественно колючимъ кустарникомъ, которымъ обыкновенно заростаютъ развалины, но въ древности растительность несомнѣнно была богатой (cf. Paus. II, 27, 1; Girard, Ascl. d'Ath. p. 18). Наконецъ, и въ Аѳинахъ въ священномъ округѣ Асклепія была небольшая священная роща, можетъ быть, даже нарочно разведенная для храма или старательно поддерживавшаяся (Köhler, Mittheilungen, II, p. 241 sq.; Girard l. c. et p. 129). Устройствомъ поверхности, наконецъ, храмъ Асклепія при ключахъ былъ защищенъ отъ рѣзкихъ перемѣнъ въ температурѣ; небольшая долина его почти со всѣхъ сторонъ окружена горами: съ юго-востока падаетъ высокою стѣной лѣвый берегъ оврага; на сѣверъ и сѣверо-западъ тянутся горныя цѣпи, задерживающія сѣверный вѣтеръ, который главнымъ образомъ вліяетъ на перемѣну температуры; на западѣ возвышаются красивыя отдѣльныя вершины и за ними видна вершина Ригани (Ρίγανι). Въ самые знойные дни здѣсь почти незамѣтно обычнаго въ Греціи зноя, который въ другихъ мѣстностяхъ бываетъ почти невыносимъ. Епидаврская долина, защищенная также горами, отличается ровнымъ климатомъ; жители деревни Лигуріо (теперь ближайшіе сосѣди храма Асклепія), желая указать на это, говорятъ: ἱερὸς εἶνε ὁ τόπος μας. Замѣтимъ, что и аѳинское Ἀσκληπιεῖον расположено на южномъ склонѣ Акрополя, слѣдовательно, подъ защитой отъ сѣвернаго вѣтра.

Всѣ надписи, мною найденныя, относятся къ отпущенію рабовъ

Библиотека "Руниверс"

на волю посредствомъ кажущейся продажи ихъ со стороны владѣльца какому-нибудь богу. Подобныхъ актовъ до сихъ поръ извѣстно было среднимъ числомъ 500 (см. Hermann-Thalheim, Rechtsalterth. § 4, прим. 5). Они совершались главнымъ образомъ въ Дельфахъ, затѣмъ въ Тиѳоррѣ, Халеонѣ, Навпактѣ (при двухъ храмахъ: Діониса и Асклепія), Фистіонѣ, Арсиноѣ (R. Weil, ук. статья, стр. 28; упоминаемая имъ не изданная надпись Арсинои теперь Lolling, Mittheilungen, VIII, p. 339—341). По соображенію Вейля, самый обычай подобнаго освобожденія рабовъ введенъ Этолійцами во время преобладанія ихъ въ западной Греціи, слѣдовательно, не восходитъ дальше послѣднихъ трехъ десятилѣтій III в. до Р. Х. (ibid., p. 28; cf. Cauer, Delectus², p. 149). Вопросы, относящіеся сюда, разобраны Фукаромъ (Mémoire sur l'affranchissement des ésclaves et in extenso въ Comptes rendus des séances de l'académie des inscriptions, 1863, p. 129 sqq.). Наши надписи не представляютъ какихъ-либо выдающихся особенностей по своему содержанію, такъ что мы обратимъ вниманіе на нѣкоторые пункты лишь въ замѣткахъ къ отдѣльнымъ надписямъ. Благодаря этимъ надписямъ, мы узнаемъ лишь новый храмъ Асклепія и вмѣстѣ съ тѣмъ новый центръ отпущенія рабовъ и нѣсколько новыхъ городовъ, и такимъ образомъ нѣкоторый интересъ ихъ заключается только въ тѣхъ выводахъ, которые можно сдѣлать при помощи ихъ для топографіи западной Локриды. Топографія послѣдней, равно какъ и смежныхъ съ ней частей Этоліи, представляетъ еще много темнаго, съ одной стороны, потому, что Павзаній отъ Ёанеіи переходитъ прямо къ Навпакту, которымъ и заканчивается послѣдняя книга его „Описанія Греціи“ [1]), упоминанія же другихъ географовъ и историковъ весьма незначительны, и многія мѣстности названы только у лексикографовъ, съ другой стороны—потому, что и новые путешественники не видятъ интереса въ этой мѣстности. Поэтому дельфійскія надписи объ отпущеніи рабовъ дали намъ массу новыхъ локридскихъ и этолійскихъ городовъ и мѣстечекъ, положеніе которыхъ не извѣстно въ точности. Въ нашихъ надписяхъ встрѣчается еще нѣсколько. Слѣдующая таблица показываетъ ἐθνικὰ лицъ, встрѣчающихся въ нашихъ надписяхъ.

---

[1]) X, 38; онъ безъ сомнѣнія и самъ не путешествовалъ по той части Локриды, что между этими пунктами, а переправился изъ Ёанеіи въ Навпактъ моремъ; ср. *Weil*, ibid. p. 23.

Библиотека "Руниверс"

№ акта.	Актъ помѣченъ	ὁ ἀποδόμενος.	βεβαιωτήρ.	αἱ τὰν ὠνὰν φυλάσσοντες	Мάρτυροι
1	Секретаремъ θеоровъ	Καφρεῖς	1 Ποτιδανιεύς	1 Βούττιος 1 Ναυπάκτιος	4 Καφρεῖς 2 Βούττιοι 1 Ναυπακτιος
2	Стратегомъ	Βούττιος	1 Ναυπάκτιος	1 ..... 1 Ναυπάκτιος	ѣѳнικά не сохранились
3	Секретаремъ θеоровъ	Βούττιος	1 (Βούττιος)	2 Βούττιοι	3 Ναυπάκτιοι 6 Βούττιοι
4	Секретаремъ θеоровъ и архонтомъ ἐν Ερ.-ετιέοις [1])	Οἰνάστιος	1 Εὐπαλιεύς	1 Εὐπαλιεύς 1 Βούττιος	5 Βούττιοι 4 Εὐπαλιεῖς
5	Секретаремъ θеоровъ	Πώριοι	2 Πώριοι	3 Βούτ(τ)ιοι 1 Πώριος	6 Πώριοι 1 .ΦΙΙΛΙαῖος [2]) 1 Βούττιος
6	Стратегомъ	Ναυπάκτιος	1 безъ ѣѳнικόν	1 Ναυπάκτιος 1 Βούττιος	14 безъ ѣѳνικόν [3])
7	Секретаремъ θеоровъ и архонтомъ?	.....	1 Βούττιος	1 Βούττιος и ὁ ἄρχων	6 безъ ѣѳνικόν [4])
8	Стратегомъ	Ὑλαίθιος? [5])	1	2 Ναυπάκτιοι	10 или 12 Ναυπάκτιοι 2 Βούττιοι 2 Καφρεῖς

Примѣч. къ таблицѣ:

1) Ερ.ετιέοις. Вторая буква почти несомнѣнно ρ; отъ слѣдующей ясно видна только горизонтальная черта вверху,—можетъ быть, отъ ΠΣΞ и т. п.; конецъ несомнѣненъ, только между Ι и Σ разстояніе кажется нѣсколько больше обычнаго. Впрочемъ объ этомъ и Οἰνάστιος нѣсколько словъ см. ниже.

2) Въ этомъ ѣѳνικόν несомнѣненъ только конецъ αῖος; во

Библиотека "Руниверс"

всякомъ случаѣ по сохранившимся чертамъ видно, что оно не подходитъ ни къ одному изъ извѣстныхъ.

3) По видимому, есть Βούττιοι: изъ 4 послѣднихъ ср. Ἀμύνανδρος № 4, Δαμοκράτης № 3, Δαμέας № 5.

4) Есть Βούττιοι: ср. Ἀγήμων 4, Δεοντομένης 3, 4, 5, Γάστρων 3, 6, 7.

5) Ὑλαίθιος. Въ копіи у меня предъ Υ стоитъ Φ. Не могу провѣрить по эстампажу. Думаю, что это моя ошибка (ср. предшествующее ρι]στοφίλου).

Здѣсь мы встрѣчаемся съ слѣдующими новыми ἐθνικά: Καφρεῖς, Βούττιοι, Ἐρ.ετιέοι, Οἰνάστιος, Πώριοι, Σφηνι]αῖος??, Ὑλαίθιος? (Βούττιος впрочемъ, встрѣчается одинъ разъ у Wescher-Foucart, Inscr. de Delphes, № 328); тожественъ ли городъ Βόττος, упоминаемый тоже въ Дельфійской надписи, трудно судить (Αἰτωλὸς ἐγ Βόττου, Wescher, Mon. bil. p. 139 et 155=Dittenberger, Sylloge № 184).

Вслѣдствіе незначительнаго количества нашихъ актовъ приходится, чтобы сдѣлать нѣкоторые выводы, воспользоваться аналогіей съ подобными дельфійскими актами. Въ этомъ отношеніи для насъ важны вопросы: 1) изъ какихъ городовъ происходятъ продающіе рабовъ Дельфійскому Аполлону, и 2) въ какомъ топографическомъ отношеніи находятся къ этимъ городамъ города свидѣтелей и поручителей.

Дельфійскій храмъ служилъ центромъ отпущенія рабовъ прежде всего для Дельфійцевъ (бо́льшая половина актовъ), затѣмъ почти для всѣхъ областей Этолійскаго союза, тогда какъ на жителей городовъ внѣ этого округа приходится только нѣсколько актовъ, какъ исключеніе; наконецъ, и среди этолійскихъ городовъ большинство актовъ приходится на долю ближайшихъ къ Дельфамъ городовъ.

Свидѣтелями и поручителями въ актахъ самихъ Дельфійцевъ являются одни Дельфійцы (исключеніе, гдѣ, кромѣ нихъ, являются и другіе, только 2 на 100, и нѣкоторыя сомнительны); въ актахъ не Дельфійцевъ обязательны свидѣтели и поручители изъ Дельфійцевъ (есть только кажущіяся исключенія), въ большинствѣ случаевъ затѣмъ еще изъ города продавца и наконецъ изъ другихъ городовъ, близкихъ или къ Дельфамъ, или къ городу продавца (поэтому свидѣтели изъ Амфиссы являются въ наибольшемъ послѣ Дельфійцевъ числѣ актовъ, совершенныхъ не Амфиссцами; сосѣдствомъ же съ

Библиотека "Руниверс"

городомъ продавца можно объяснять лишь большинство случаевъ: есть весьма много исключеній, объяснимыхъ лишь большимъ стеченіемъ Грековъ изъ разныхъ мѣстъ въ Дельфы).

„Асклепій при Ключахъ", безъ сомнѣнія, не былъ такимъ большимъ центромъ, какъ Аполлонъ Дельфійскій: отсутствіе свидѣтельствъ о немъ древнихъ авторовъ, отдаленность отъ центровъ населенія, отсутствіе дорогъ достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Поэтому здѣсь почти нельзя ожидать случайностей, вполнѣ естественныхъ въ Дельфахъ, гдѣ въ числѣ продавцовъ является иногда и Аѳинянинъ, и житель дальней Берои, и Сиракузянинъ, а житель какого-нибудь города представляетъ свидѣтелей изъ мѣстностей, не имѣющихъ ближайшаго отношенія ни къ его городу, ни къ Дельфамъ. Если при этомъ и въ Дельфахъ большинство актовъ приходится на Дельфійцевъ и ихъ сосѣдей (на Амфиссу болѣе 40), и если тамъ же свидѣтели—Дельфійцы и сосѣди ихъ или продавцовъ, то это возможно считать за правило для „Асклепія при Ключахъ". На этомъ въ связи съ нѣкоторыми другими указаніями и могутъ быть основаны нѣкоторыя топографическія опредѣленія.

Изъ нашей таблицы видимъ, что въ числѣ или поручителей, или свидѣтелей, или οἱ τὰν ὠνὰν φυλάσσοντες обязательно встрѣчаются Βοῦττιοι, въ дельфійскихъ актахъ Дельфійцы, и что слѣдующее за ними мѣсто принадлежитъ Навпактцамъ (въ Д. Амфиссцы). Аналогія здѣсь неполна лишь въ томъ отношеніи, что въ актахъ жителей Бутта являются свидѣтели изъ Навпакта, подобное чему въ Дельфахъ встрѣчается только какъ весьма рѣдкое исключеніе. Не думаю все-таки, чтобъ эта аналогія могла быть простою случайностью, а поэтому мы должны искать городъ Буттъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ, съ одной стороны, съ храмомъ, съ другой—съ Навпактомъ. Послѣднее, кромѣ того, ясно видно и изъ того, что въ № 1-мъ въ числѣ чиновниковъ Бутта названъ одинъ Навпактецъ, что понятно лишь въ томъ случаѣ, если Буттъ находился въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ Навпакту (скорѣе всего въ подчиненіи). Принимая это во вниманіе, мы даже должны отказаться отъ полноты аналогіи съ Дельфами, потому что Дельфы и Амфисса не находились въ иныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, кромѣ сосѣдства, и затѣмъ не можемъ проводить слишкомъ рѣзкаго разграниченія отношеній къ Асклепію Бутта, съ одной стороны, и Навпакта—съ другой [1]). Я считаю развалины къ востоку отъ Скáлы, въ ¼

[1]) Постоянный эпитетъ Асклепія ὁ ἐν Κρουνοῖς можетъ быть сопоставленъ съ не менѣе постояннымъ ὁ ἐν Ναυπάκτῳ въ надписяхъ Навпактскаго Асклепія,

Библиотека "Руниверс"

часа отъ нея и въ ½ отъ храма, за развалины Бутта (отмѣчены на картѣ французскаго генеральнаго штаба; въ путешествіяхъ не встрѣчаются; мѣстное названіе—'ς τὰ μάρμαρα). Эти развалины занимаютъ весьма небольшое пространство, именно нѣсколько наклонную къ юго-востоку площадь, образуемую переваломъ чрезъ горный отрогъ, на западномъ склонѣ котораго стоитъ Скала. Въ этомъ мѣстѣ, кромѣ массы разбросанныхъ повсюду камней отъ постройки, можно хорошо отличить фундаменты, по крайней мѣрѣ, двухъ общественныхъ зданій, изъ которыхъ одно—вѣроятно, храмъ, другое—портикъ. Если подняться нѣсколько къ сѣверу, то на небольшой вершинѣ того же отрога встрѣтятся остатки другаго маленькаго храма, полузаросшіе кустарникомъ; фундаменты и по мѣстамъ верхняя настилка хорошо видны съ трехъ сторонъ; въ срединѣ храма замѣтно четыреугольное углубленіе, сдѣланное искусственно, въ родѣ спуска въ подземелье [1]).

Относительно Καφρεῖς на основаніи акта № 1 согласно съ нашими соображеніями можно сказать, что городъ ихъ (Κάφρα?) лежалъ или въ сѣверной части западной Локриды вблизи границы Аподотовъ, или въ самой области Аподотовъ, потому что онъ имѣетъ отношеніе, съ одной стороны, къ храму, съ другой—къ Потиданіи, городу Аподотовъ, лежавшему во всякомъ случаѣ вблизи Локриды [2]). Затѣмъ, если дѣйствительно въ № 8 на камнѣ стоитъ Ὑλαίθιος (могъ впрочемъ и рѣзчикъ сдѣлать ошибку), то это будетъ вполнѣ подходить къ нашему опредѣленію мѣстности города Кафры, потому что Καφρεῖς въ этомъ актѣ являются свидѣтелями, а Ὑλαίθιοι, очевидно, жили на р. Ὕλαιθος (само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ

на сколько можно судить по ихъ жалкимъ остаткамъ (образцы ихъ далъ *Weil*, ibid., p. 24 sq.); но имѣется ли здѣсь спеціальная цѣль, нельзя сказать, потому что это былъ общій обычай: въ дельфійскихъ актахъ постоянно говорится: ὁ Ἀπόλλων ὁ Πύθιος.

[1]) Въ дельфійской надписи *W.—F.*, № 328 Βούττιος является свидѣтелемъ у Плигонейца, но такъ какъ городъ Плигонейцевъ точно неизвѣстенъ, то это не можетъ имѣть для насъ большаго значенія; впрочемъ см. ниже.

[2]) *Bursian*, I, p. 142; *Pauly*, V, p. 1949; *Leake*, N. G. II, p. 618 помѣщаетъ Потиданію около теперешняго Λυκοχωριό, на лѣвомъ берегу Морнопотама, приблизительно въ средней части его теченія по направленію съ востока на западъ; конечно, это опредѣленіе только приблизительное, вопервыхъ, потому что ему не было извѣстно массы другихъ городовъ, вовторыхъ, потому что и до сихъ поръ далеко неизвѣстны всѣ руины запада Локриды.

Библиотека "Руниверс"

мы должны согласно съ Ликомъ видѣть Ὑλαῖθος въ Морнопотамѣ; Бурсіанъ считаетъ за Ὑλαῖθος рѣку Κατσιχοπνίχτης къ востоку отъ Толофота, а Морнопотамъ зоветъ Δάφνος). Замѣчу еще, что согласно съ этими соображеніями въ изданномъ Госсулье (Haussoullier) географическомъ спискѣ дельфійскихъ проксеновъ (Bulletin 1883, p. 194) въ строкахъ 54 и 55 нужно читать:

54. ἐν Ποτ[ιδανίαι.....
55. ἐν Κά[φραι.....

Если въ слѣдующей (56-й) строкѣ читать: Ἐν Πλ[υγον....., то-есть, въ городѣ Плигонейцевъ, то это будетъ имѣть значеніе для объясненія упомянутаго нами появленія Буттійца въ качествѣ свидѣтеля въ дельфійскомъ актѣ, совершенномъ Плигонейцами (W.—F., № 328). Относительно Πώριοι нельзя высказать никакого предположенія, потому что не разобранное мною ἐθνικόν одного изъ свидѣтелей во всякомъ случаѣ представляетъ еще другое неизвѣстное при одномъ извѣстномъ (Асклепій).

Остаются еще ἐθνικὰ акта № 4. Продавецъ—Οἰνάστιος, между тѣмъ актъ, кромѣ обычной помѣты секретаремъ, помѣченъ еще эпонимомъ ἐν Ἐρ.ετιέος. Послѣднее объясняется только тѣмъ же, чѣмъ и вышеуказанное появленіе Навпактца въ числѣ чиновниковъ Бутта. Въ дельфійскихъ актахъ, если исключить тѣ случаи, гдѣ является эпонимъ цѣлой области, къ которой принадлежитъ городъ продавца, можно указать лишь два акта, помѣченныхъ не эпонимомъ города продавца: W.—F., № 177, гдѣ въ актѣ (только записанномъ въ Дельфахъ) мы встрѣчаемъ при общемъ эпонимѣ западной Локриды (ἀγωνοθατοῦντος) еще эпонима города Фиска, тогда какъ продавецъ изъ Киры (Κυραιεύς), и № 209, помѣченный архонтомъ Амфиссы и архонтомъ Дельфъ, тогда какъ продавецъ — Στιεύς. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ полное право полагать, что города продавцевъ были въ зависимости отъ городовъ эпонимовъ, потому что и Амфисса, какъ извѣстно, была самымъ значительнымъ изъ локридскихъ городовъ, и значительность Фиска, какъ видно изъ надписей, не подлежитъ сомнѣнію (см. Dittenb. Syll., p. 644; Haussoullier, Bulletin, V, p. 426), тогда какъ Στιεῖς и Κυραιεῖς извѣстны почти только изъ этихъ надписей (Κύρα встрѣчается еще разъ въ упомянутомъ спискѣ дельфійскихъ проксеновъ и именно въ предшествующей, 53-й, строкѣ); то же отношеніе вполнѣ примѣнимо и къ Навпакту-Бутту; несомнѣнно въ

Библиотека "Руниверс"

подобнымъ же были и Οἰνάστιοι къ Ἐρ.ετιέοι. Для топографіи ихъ можетъ служить появленіе Εὐπαλιεῖς въ числѣ поручителей и пр. [1]).

Наши надписи датируются отчасти стратегами, отчасти секретарями ѳеоровъ.

Изъ стратеговъ Этолійскихъ, упоминаемыхъ здѣсь, извѣстенъ Аркисонъ (№ 8) изъ одного Амфиктіоновскаго декрета (W.-F. № 1= Wescher, Mon. bil. p. 185=Cauer² № 205, начинается: Στρατηγέοντος Ἀρκίσωνος, ἔδοξε τοῖς συνέδροις etc.); точная дата его не извѣстна, но изъ того, что онъ помѣченъ только Этолійскимъ стратегомъ, а члены амфиктіоновскаго собранія обозначены общимъ именемъ σύνεδροι безъ отмѣтки ихъ именъ и областей, несомнѣнно слѣдуетъ, что актъ относится ко времени полнаго преобладанія Этолійцевъ въ Дельфійской амфиктіоніи (cf. Wescher, Mon. bil. p. 185; Bürgel, Die Pyl.-Delph. Amphict. p. 181), то-есть, къ промежутку между 220 и 189 гг. до Р. Х. (по Dittenberger, Sylloge, ad. № 184 p. 285), а такъ какъ съ 198—197 по 190—189 годъ Этолійскіе стратеги извѣстны, то Амфиктіоновская надпись очевидно относится къ послѣднимъ десятилѣтіямъ III вѣка. Отожествить съ этимъ Аркисономъ нашего нисколько не мѣшаетъ прибавленное у насъ ἐθνικόν—Καλυδώνιος, потому что ἐθνικὸν былъ несущественнымъ опредѣленіемъ (ср. напримѣръ, объ одномъ и томъ же годѣ стратега Никандра (190—189) Τριχόνιος въ № 316 у W.-F. и безъ Τριχόνιος № 339, или о годѣ Агелая (169—168) №№ 223 и 124 и др.).

Стратегъ Дамотимъ (№ 2) встрѣчается въ первый разъ. Въ № 6 относительно стратега несомнѣнно только ἐθνικόν—Στράτιος; возстанов-

---

[1]) Вблизи Евпаліона можно указать какъ на значительный пунктъ на Еринеи (Этолійскія, по Ливію)—мѣсто высадки Филиппа V къ 208 г. до Р. Х. (Liv. 28, 8; сосѣдство ихъ съ Евпаліономъ и близость къ Οἰνεων'у не подлежитъ сомнѣнію,—Liv. l. l.; Thuc. III, 95, 96 съ примѣч. *Poppo*; *Bursian* I, 148) но ἐθνικὸν ихъ не подходитъ къ ясно читающемуся на эстампажѣ концу... στιέοις. Чтеніе ΟΙΝΑΣΤΙΟΣ несомнѣнно. Можетъ быть, нужно сопоставить актъ Дельфійскій *W.-F.* 376 (одинъ изъ необычныхъ) 197 года, гдѣ продавецъ и поручители—Дельфійцы, а въ числѣ свидѣтелей за 2 жрецами и 5 частными лицами — Дельфійцами слѣдуютъ: Πράξων Πλείστωνος, Κρατείδας Οἰνάφιος, Ηρακλείδας Περγαμηνός, Στράμβος Οἰνοαῖος подобный необычный актъ № 329 Фукаръ объясняетъ тѣмъ, что продавецъ не вполнѣ точно названъ Дельфійцемъ, *Comptes rendus*, 1863, p. 141); можетъ быть здѣсь Οἰνάφιος вм. Οἰνάστιος Οἰνοαῖος же Бурсіанъ принимаетъ за ἐθνικὸν отъ Οἰνόη=Οἰνεών (II, p. 606 Index. s. v. Oineon), а встрѣтить Οἰνάστιος рядомъ съ Οἰνοαῖος=Οἰνεώνιος была бы вполнѣ согласно съ только что изложеннымъ.

Библиотека "Руниверс"

леніе N]ώσ[ω]νος возможно, потому что не всѣ строки на этой сторонѣ камня одинаковой величины. Изъ этихъ помѣтъ, такимъ образомъ, слѣдуетъ только то, что акты относятся къ времени этолійскаго владычества надъ западною Локридой. Принимая вышеупомянутый выводъ Вейля, что обычай отпущенія рабовъ чрезъ продажу начался въ послѣднюю четверть III вѣка, мы не имѣемъ нужды входить въ разборъ вопроса, съ какого времени началось этолійское владычество къ западной Локридѣ, потому что въ эту четверть (періодъ преобладанія Этолійцевъ въ Амфиктіоніи) Локрида несомнѣнно была въ ихъ союзѣ [1]). Что же касается времени освобожденія западной Локриды изъ подъ власти Этолійцевъ, то нѣкоторые относятъ его къ 189 году (ср. напримѣръ, Kiepert, Lehrbuch d. alten Geogr. p. 219, даже о Навпактѣ), другіе не рѣшаются допустить даже въ 167 году и полагаютъ, что скорѣе оно произошло одновременно съ паденіемъ Ахейскаго союза (Hertzberg, I, 212 и цитаты). Дельфійскія надписи даютъ множество основаній полагать, что до 167 года западная Локрида находилась подъ властью Этолійцевъ. Не касаясь спеціально этого вопроса, укажу лишь на одно основаніе, имѣющее ближайшее отношеніе къ Навпакту: въ 169 году Этолійскимъ стратегомъ былъ Агелай изъ Навпакта (W.-F. № 223). Освобожденіе западной Локриды состоялось если не въ самомъ 167 году, то не позже во всякомъ случаѣ 160-хъ годовъ. По этому стратеги нашихъ надписей 2-й и 6-й могутъ относиться или къ остающимся пока не занятыми мѣстамъ между извѣстными стратегами первой трети II вѣка (года 188—187, 183, 180, 171 по A. Mommsen Philol. 24 таблица II, и его же таблица на стр. 237—8 въ Philologus, томъ 42) [2]), или къ послѣдней четверти II вѣка. Дамотимъ упоминается какъ Этолійскій гіеромнемонъ въ одномъ изъ пяти амфиктіоновскихъ декретовъ объ Аѳинянинѣ Калликлѣ (Rangabé, II, № 710=Les Bas II, 838), а всѣ эти декреты, по Диттенбергеру, почти одного времени, во всякомъ случаѣ изъ періода перевѣса Этолійцевъ въ Амфиктіоніи (Sylloge, ad № 186). Начертаніе № 2 (Дамотимъ) ближе всего подходитъ къ № 8. Въ № 6 A, на сколько можно судить по эстампажу, пересѣкается прямою линіей, тогда какъ въ прочихъ актахъ—ломанною.

---

[1]) Въ 196 году Римляне только формально засвидѣтельствовали ихъ права на Западную Локриду и другія области (Polyb. XVIII, 47 (30), 9=Liv. 33, 34; *Hermann*, Staatsalterth. [5], p. 739; *A. Mommsen, Philologus* XXIV, p. 38).

[2]) По чистой случайности я не имѣлъ подъ руками этого тома, кромѣ извлеченной мною таблицы.

Библиотека "Руниверс"

Въ прочихъ актахъ мы встрѣчаемъ въ заголовкѣ секретаря θεοροвъ, иногда съ прибавкой ἐν Ναυπάκτοι (№№ 4, 5, 7). Въ Дельфійскихъ актахъ къ имени архонта прибавляется ἐν Δελφοῖς, когда есть помѣта еще другимъ эпонимомъ или когда по крайней мѣрѣ продавецъ не изъ Дельфъ. Всѣ наши случаи съ прибавкой ἐν Ναυπάκτοι подходятъ къ этому правилу (къ 1-му №№ 4 и 7, и ко 2-му № 5), но № 1-й составляетъ исключеніе: прибавки нѣтъ, хотя продавецъ не изъ Навпавкта-Бутта.

Р. Вейль, говоря о надписяхъ Навпактскаго Асклепія и не встрѣчая въ ихъ заголовкахъ помѣтъ секретаремъ θεοροвъ, который встрѣчался до сихъ поръ только въ надписяхъ подобнаго же содержанія Навпактскаго Діониса (C. I. G. № 1756—7; Les Bas II, 1023), предположилъ, что θεοры были храмовые чиновники, принадлежавшіе къ культу Діониса (Mitth. IV, 25). Встрѣчая секретаря θεοροвъ въ нашихъ надписяхъ Асклепія, видимъ, что предположенію Вейля лучше предпочесть старое мнѣніе Бёка, который говоритъ: „θεαροί sunt aut Aetolorum universorum sub praetore magistratus, aut solius Naupactiorum urbis; et posterius mihi eatenus magis probatur, ut in singulis Aetolorum urbibus putem eiusmodi theoros fuisse, harum, non foederis magistratus“ (C. I. G. I, p. 857 ad № 1756). Вслѣдствіе незначительнаго числа актовъ и отсутствія положительныхъ данныхъ для ихъ хронологіи и теперь еще нельзя остановиться на какомъ-нибудь одномъ изъ опредѣленій Бёка. Но тотъ фактъ, что акты со стратегами уже не имѣютъ другихъ помѣтъ, откуда бы ни былъ продавецъ, тогда какъ при секретарѣ θεοροвъ подобныя помѣты встрѣчаются, пожалуй, можетъ свидѣтельствовать въ пользу того мнѣнія, что θεοры были исключительно навпактскими чиновниками, быть можетъ, представителями отъ небольшихъ городовъ, относившихся къ Навпакту также, какъ Буттъ; при такомъ значеніи имени θεαροί естественнѣе надписи, помѣченныя ихъ секретаремъ, относить ко времени независимости Навпактской области. Начертаніе не даетъ сильныхъ указаній для проведенія разницы между этими надписями и помѣченными стратегами. Можно еще, впрочемъ, замѣтить, что повтореніемъ однихъ и тѣхъ же собственныхъ именъ (основаніе слишкомъ шаткое) онѣ тѣснѣе связаны между собою, чѣмъ съ № 8 (Аркисонъ).

О добавочной помѣтѣ въ № 4 мы уже говорили. Подобная же несомнѣнно была и въ № 7; отсутствіе ближайшаго опредѣленія при ὁ ἄρχων Δόκος въ стр. 17, по видимому, указываетъ на то, что здѣсь

Библиотека "Руниверс"

имѣется въ виду упомянутый выше (въ заголовкѣ), но возможно также, что это архонтъ Бутта (ср. № 1-й и 5-й).

Остается еще сдѣлать нѣсколько замѣтокъ объ отдѣльныхъ актахъ.

Къ № 1. Стр. 6, προαποδότας. Диттенбергеръ, встрѣчая προαποδότας вмѣсто βεβαιωτήρ только въ совершенныхъ Локридами Дельфійскихъ актахъ, говоритъ, что Locrorum Occidentalium legibus προαποδότας vocatus esse videtur fideiussor venditoris (Sylloge, ad № 446; тамъ указаны и Дельфійскія надписи). Однако и въ нашихъ актахъ, такъ сказать, спеціально изъ западной Локриды προαποδότας иногда замѣняются чрезъ βεβαιωτήρ (№№ 2, 5, 6, 8).

Къ № 2. Справа въ каждой строкѣ не хватаетъ среднимъ числомъ отъ 30 до 33 буквъ; но этому въ 5-й строкѣ предполагаю собственное имя съ отчествомъ и особымъ ἐθνικόν и въ 6-й читаю Ναοπάκτ[ιος.

Къ № 3. Προαποδότας здѣсь, очевидно, сынъ продавца, что встрѣчается не рѣдко и въ Дельфахъ (ср. напримѣръ, W.-F. № 65 Φιλλέας Φίλωνος и Φίλων Φιλλέα; № 219=S. I. G. 457).

Къ № 4. Соединеніе въ этомъ актѣ 15 (14) верхнихъ строкъ съ 5 нижними кажется несомнѣннымъ, потому что послѣднія какъ разъ дополняютъ то, чего нѣтъ въ первыхъ, и начертаніе въ тѣхъ и другихъ тожественно; ср. также Ἑρμίωνος Εὐπαλιεύς въ обѣихъ частяхъ. Объяснить это можно тѣмъ, что промежуточный актъ былъ вырѣзанъ прежде, такъ что автору настоящаго пришлось воспользоваться свободными мѣстами вверху и внизу; желаніе помѣстить актъ именно здѣсь понятно, если, по нашей догадкѣ, это камень отъ антя.

Стр. 2—3. μηνὸς Δίου ἐμβολίμου. Мѣсяцъ Δῖος какъ вставочный встрѣчается здѣсь, кажется, впервые.

Стр. 7. Послѣ Μ на эстампажѣ довольно ясно видно ΔΔ (вдвое меньшей величины), затѣмъ Π (обычной величины). Можетъ быть, это нужно понимать за μνᾶν εἴκοσι πέντε. Такая цѣна слишкомъ превосходитъ обычную, какъ въ нашихъ, такъ и въ Дельфійскихъ надписяхъ; впрочемъ большинство высокихъ цѣнъ въ этихъ актахъ падаетъ на рабынь (о цѣнѣ рабовъ въ подобныхъ актахъ ср. Hermann-Blümner, Privatalterth. p. 85, n. 4).

Стр. 11—14. ἐχφερόντω. О подобной формѣ imperativi ср. Cauer[2] № 183, строка 50 и Dittenberger, Sylloge № 294, строка 50.—„αν" между κοινεῖ и κα[τὰ Μηνάδος, вѣроятно, по ошибкѣ переписчика или

Библиотека "Руниверс"

1,

ΓΡΑΜΜΑΤΕΥΟΝΤΟΣ● ΕΑ
ΡΟΙΣΦΙΛΩΝΟΣΤΟΥΜΕΝΕ ΜΑΧΟΥ ΜΗΝΟΣΙΠΠΟΔΡΟ
ΜΙΟΥΑΠΕΔΟΝΤΟΔΑΜΩΛΥΚΟΣΚΑ ΡΕΙΣΤΟΙΑΣΚΛΑΠΙΟΙ
ΤΟΙΕΝΚΡΟΥΝΟΙΣΠΑΙΔΑΡΙΟΝΚΑΙΚΟΡΙΔΙΟΝΟΙΚΟΓΕΝΗΣΠΕ
ΛΕΥΘΕΡΙΑΙΟΙΣΟΝΟΜΑΤΑΤΟΙΜΕΝΠΑΙΔΑΡΙΟΙΑΡΙΣΤΟΚΡΑΤΗΣ
ΤΟΙΔΕΚΟΡΑΣΙΟΙΝΙΚΑΣΙΟΝΤΙΜΑΣΑΡΓΥΡΙΟΥ ΠΡΟΑΠΟΔΟΤΑΣ
ΚΑΤΑΤΟΝΝΟΜΟΝΜΕΝΕΣΤΡΑΤΟΣΘΕΟΔΩΡΟΥΠΟΤΙΔΑΝΙΕΥΣ
ΜΑΡΤΥΡΟΙΑΝΤΙΜΑΧΟΣΓΛΑΥΚΟΣΔΑΙΛΟΧΟΣΔΙΚΑΙΑΡΧΟΣ
ΚΑΦΡΕΙΣΛΑΜΠΙΣΛΑΜΙΟΣΒΟΥΤΤΙΟΙΤΕΙΣΑΡΧΟΣΝΑΥΠΑ
ΚΤΙΟΣΤΑΝΩΝΑΝΦΥΛΑΣΣΟΝΤΙΟΙΑΡΧΟΝΤΕΣΤΩΝΒΟΥΤΤΙ
ΩΝΛΑΜΙΟΣΑΛΕΞΟΜΕΝΟΥΒΟΥΤΤΙΟΣΤΕΙΣΑΡΧΟΣΛΥΚΟΥ
ΝΑΥΠΑΚΤΙΟΣ

2,

ΣΤΡΑΤΑΓΕΟΝΤΟΣΔΑΜΟΤΙΜΟ
ΜΙΟΥΒΟΥΤΤΙΟΣΑΠΕΔΟ-
ΘΕΡΙΑΙΣΩΜΑΑΝΔΡΕΙΟΝΟΙΟ
ΡΙΟΥ Α ΒΕΒΑΙΩΤΗΡΚΑΤΑΤ
ΚΤΙΟΣΤΑΝΩΝΑΝΦΥΛΑΣΣΟΝΤΙΚ
ΣΩΣΑΝΔΡΟΣΑΛΥΠΟΥΝΑΥΠΑΚΤ
ΠΑΡΜΕΝΙΔΑΣΑΡΙΣΤΟΚΛΕΟΣΛ
ΔΑΣΦΑΙΚΙΝΑΛΥΚΙΣΚΟΣ
ΤΑΣΛΑΜΙΟΙΑ

3,

ΓΡΑΜΜΑΤΕΥΟΝΤΟΣΘΕΑΡΟΙΣΛΥΚΟΥΤΟΥΛΥΚΟΥΜΗ
ΝΟ ΣΕΥ ΟΥΑΙΟΥΛΑΜΠΙΣΓΑΣΤΡΩΝΟΣΒΟΥΤΤΙΟΣΑ
ΤΕΔΟΤΟΤΟΙΑΣΚΛΑΠΙΟΙΤΟΙΕΝΚΡΟΥΝΟΙΣΕΠΕΛΕΥΘΕΡΙΑΙ
ΣΩΜΑΑΝΔΡΕΙΟΝΟΙΟΝΟΜΑΦΙΛΛΕΑΣΟΙΚΟΓΕΝΗΤΙΜΑΣΑΡ
ΓΥΡΙΟΥ ΠΡΟΑΠΟΔΟΤΑΣ ΚΑΤΑΤΟΝΝΟΜΟΝΓΑΣΤΡΩ.
ΛΑΜΠΙΟΣΜΑΡΤΥΡΟΙΑΡΠΑΓΙΩΝΣΩΣΙΝΙΚΟΣΑΡΧ
ΑΣΝΑΥΠΑΚΤΙΟΙΑΡΙΣΤΟΜΑΧΟΣΛΑΜΙΟΣΛΕΟΝΤΟΜΕ
ΝΗΣΑΡΙΣΤΩΝΔΑΜΟΚΡΑΤΗΣΓΑΣΤΡΩΝΒΟΥΤΤΙΟΙΤΑΝ
ΩΝΑΝΦΥΛΑΣ ΣΟΝΤΙΛΥΚΙΟΣΛΕΟΝΤΟΜΕΝΗ Σ ΟΙ
ΛΑΜΙΟΥΒΟ ΥΤΤΙΟΙ.

8,

ΣΤΡΑΤΑΓΕΟΝΤΟΣΑΡΚΙΣΩΝΟΣ.ΚΑΛΥ
ΔΩΝΙΟΥΜΗΝΟΣΔΙΟΝΥΣΙΟΥΣΑΤΥΡΟΣΑ
..ΣΤΟΦΙΛΟΥΦΥΛΛΙΟΙΟΣΑΠΕΔΟΤΟΕΠΕΛΕΥ
ΟΕΡΙΑΙΤΩΙΑΣΚΛΑΠΙΩΙΤΩΙΕΝΚΡΟΥΝΟΙΣΣΩ.
ΑΝΔΡΕΙΟΝΩΙΟΝΟΜΑΑ.ΚΛΑΠΙΛΛΑΣ
ΤΙΜΑΣΑΡΓΥΡΙΟΥ ΠΜΒ .....
ΝΟΜΟΝΑΡΙΣΤΟΜΑΧΟΣΑΛΕΞ .....
....ΤΑΝΩΝΑΝΦΥΛΑΣΣΟΝΤΙΑΡΙΣΤΑΡΧ..
....ΝΕΟΣΛΥΚΙΣΚΟΣΛΛΑΚΩΝΟΣΝΑΥΠΑΚΤΙ
ΟΙΜΑΡΤΥΡΟΙΝΙΚΟΔΑΜΟΣΛΑΜΙΟΥΑΓΗΤΑΣΑΜ.
ΝΑΝΔΡΟ.ΑΡΙΣΤΩΝΕΡΜΙΑΣΣΩΣΙΠΑΤΡΟΣ
.ΑΜΟΝΙΚΟΥΑΝΤΙΔΩΡΟΣΚΡΙΤΩΝΟΣΜΕΝΕ
ΜΑΧΟΣΚ...ΩΝΟΣΔΑΜΟΞΕΝΟΣΕΥΝΟΣΤΟΣΤΟΥ
ΛΑΜ ΟΣΔΙΩΝΠΟΛΕΜΑΡΧΟΥΝΑΥΠΑΚΤΙΟΙ
..... ΒΟΥΤΤΙΟΙΣΥΩΝΜΙΚΚΙΩΝΚΑ
ΡΕΙ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

конецъ слова, сходнаго въ предшествующихъ буквахъ съ κοινεῖ, или начало сходнаго въ послѣдующихъ съ κατά. Читать ἐχφερόντων ὀκνείαν, то-есть, вмѣсто κ видѣть ν и вмѣсто ι—κ я не рѣшаюсь: послѣднее ι—κ возможно, потому что послѣ вертикальной черты есть свободное мѣсто (теперь углубленіе), но трудно видѣть ν вмѣсто κ, потому что наклонная черта начинается отъ средины вертикальной; кромѣ того, ὀκνείαν имѣло бы мѣсто тогда, если бы раньше было: εἰ δὲ μὴ ποιοῖ или т. п. Въ слѣдующей строкѣ послѣ Μηνάδος, можетъ быть, стоитъ ὅτι δεῖ. Возстановлять связь съ послѣдующимъ не рѣшаюсь, потому что не убѣжденъ, была ли 13-я строка: на эстампажѣ нѣтъ никакого слѣда, по смыслу же кажется, что есть пропускъ. Думаю, что можно сопоставить W.-F. № 146: εἰ δὲ κὰ μὴ θέλῃ παραμένειν, καταφερέτω Πράξων τοῦ ἐνιαυτοῦ ἑκάστου, οὗ κὰ παραμένῃ, στατῆρας etc.

Къ № 5. Здѣсь рѣзчикъ нѣсколько разъ пропустилъ одну изъ рядомъ стоящихъ одинаковыхъ или похожихъ буквъ: Ἀσκαπιδι (5), Βοότιος (12, 14), Ἑλάνικος (13); такой же пропускъ поэтому вижу въ Νικίδας (14; ср. 10 и 8), хотя и имя Νικίδας встрѣчается (см. Pape); можетъ быть, тоже нужно думать и о Σιμίας.

Къ № 6, стр. 2. οΣ послѣ μηνὸς—ошибка рѣзчика.

Стр. 8. Ἑρμ[ογ]ένους. Между М и Е собственно мало мѣста для ОГ, но вполнѣ достаточно для Г; слѣды Г отчасти видны.

Къ № 7, стр. 21—24. Ср. W.-F. № 167 = Syll. I. Gr. № 453 стр. 22—24.

Въ заключеніе представляю списокъ собственныхъ именъ, еще не вошедшихъ въ словарь Pape-Benseler (3-го изданія; нѣкоторыя встрѣчались въ надписяхъ): Ἀλκιάδας (4), Ἀρπαγίων (3), Γ или Δεμιναύσης (6), Ἑρομνίων (4; Diod. Sic. 20, 16 упоминается Этолiецъ Ἑρόμνων), Μηνιάς (4), Μικκάδας (5), Νιος (? 4), Σιμάκα (7), Σόων (8), Τιμόλοχος (4), Φαικίνας (2).

А. Никитскій.

Библиотека "Руниверс"

ЧТО ТАКОЕ Ἕλληνες Σκύθαι У ГЕРОДОТА IV, 17?

Между обитателями древней Скиѳіи Геродотъ называетъ племя Каллиппидовъ, которому даетъ особое отличительное названіе Скиѳовъ-Эллиновъ: Καλλιππίδαι... ἐόντες Ἕλληνες Σκύθαι. Онъ помѣщаетъ ихъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Борисѳенитами (Ольвіополитянами) по рѣкѣ Ипану (παρὰ τὸν Ὕπανιν ποταμόν), а выше ихъ (ὑπὲρ δὲ τούτων)—племя Алазоновъ (Ἀλαζῶνες). Оба эти племени, Каллиппидовъ и Алазоновъ, Геродотъ изображаетъ совершенно одинаковыми, тожественными чертами, именно—какъ осѣдлыя, земледѣльческія племена: однако вышеприведенное характеристическое названіе Скиѳовъ-Эллиновъ усвояетъ однимъ лишь Каллиппидамъ.

Приводимъ все это мѣсто Геродота въ точномъ переводѣ: „Начиная отъ торжища Борисѳенитовъ первыми обитаютъ Каллиппиды: это—Скиѳы-Эллины, а выше ихъ обитаетъ другое племя, называемое Алазонами. Эти послѣдніе и Каллиппиды во всемъ прочемъ имѣютъ образъ жизни, свойственный Скиѳамъ (τὰ μὲν ἄλλα κατὰ ταὐτὰ Σκύθῃσι ἐπασκέουσι), но сѣютъ и употребляютъ въ пищу хлѣбъ, также лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо".

Выраженіе Ἕλληνες Σκύθαι встрѣчается у Геродота единственный разъ (ἅπαξ λεγόμενον) въ разсматриваемомъ мѣстѣ. Какой смыслъ должно соединять съ нимъ?

Общепринятое толкованіе этого выраженія, вошедшее и въ Real-Encyclopädie Паули, признаетъ его равнозначущимъ съ Μιξέλληνες, то-есть, будто бы, оно означаетъ народность, образовавшуюся изъ смѣси Эллиновъ со Скиѳами. Впервые, на сколько знаемъ, такой взглядъ высказанъ Авг. Бёкомъ въ его комментаріѣ къ извѣстному декрету Ольвіополитянъ въ честь Протогена (C. I. G., n. 2058, B.). Вотъ подлинныя слова Бёка: „Olbiae... proximi ad Hypanim sunt

Библиотека "Руниверс"

Callipidae, Ἕλληνες Σκύθαι, ut ait Herodotus (IV, 17): quos cum Niebuhrio haud invitus dicerem eosdem, quos Ephorus fertur Καρπίδας dixisse, nisi hi ad ipsum dicerentur Istrum esse (Peripl. Pont. Eux., p. 3. Huds. Geogr. Min., T. I). Ἕλληνες Σκύθαι autem sunt, qui ex Graecis et Scythis coaluerunt hybridae, similes fere Gelonis qui in Budinis habitantes, antiquitus Graeci ex emporiis eo delati, et Graeca et Scythica utebantur lingua (Herod. IV, 108): quales quum et Μιξοβάρβαροι et Μιξέλληνες dici potuerint, huc referam Μιξέλληνας n. 2058. B. memoratos, qui modo Olbiopolitis socii, modo ab his alienati fuerunt" (C. I. G., T. II, p. 81. Introductio).

При всемъ глубокомъ уваженіи къ такому авторитету, какъ Авг. Бёкъ, затрудняемся въ данномъ случаѣ согласиться съ его толкованіемъ. По нашему мнѣнію, во всѣхъ трехъ указанныхъ мѣстахъ, то-есть, Герод. IV, 17, IV, 108 и C. I. G., n. 2058. B., говорится о трехъ совершенно различныхъ предметахъ, мѣста эти отнюдь не параллельны между собою и не могутъ служить объясненіемъ одно другому.

I) Что касается Гелоновъ, то Геродотъ изображаетъ ихъ, какъ истыхъ Эллиновъ, поселившихся въ глубинѣ Скиеской земли. Его выраженія на сей счетъ вполнѣ ясны и опредѣлены. „Гелоны", говоритъ онъ,—„искони Эллины, выходцы изъ греческихъ торжищъ, поселившіеся въ землѣ Будиновъ": εἰσὶ γὰρ οἱ Γελωνοὶ τὸ ἀρχαῖον Ἕλληνες, ἐκ δὲ τῶν ἐμπορίων ἐξαναστάντες οἴκησαν ἐν τοῖσι Βουδίνοισι. Онъ устраняетъ, какъ ошибочное, мнѣніе тѣхъ Эллиновъ, которые смѣшиваютъ Гелоновъ съ Будинами [1]) и указываетъ черты рѣзкаго различія между ними въ языкѣ, религіи, образѣ жизни и особенно—во внѣшнемъ ихъ видѣ. „Гелоны", говоритъ онъ,—„нимало не похожи на Будиновъ ни лицемъ, ни цвѣтомъ волосъ": οὐδὲν τὴν ἰδέην ὁμοῖοι οὐδὲ τὸ χρῶμα (IV, 109); Будины, по его словамъ (IV, 108), всѣ голубоглазы и рыжеволосы въ сильной степени (γλαυκόν τε πᾶν ἰσχυρῶς ἐστὶ καὶ πυρρόν). Эту послѣднюю черту отличія, то-есть, по самому внѣшнему виду, считаемъ особенно важною и существенною въ данномъ вопросѣ. Разность въ религіи, языкѣ и образѣ жизни можетъ изчезнуть при сліяніи одной народности съ другою или даже просто при духовномъ общеніи двухъ народностей; но если бы Гелоны представляли собою смѣсь изъ Эллиновъ и варваровъ, среди

[1]) Ὑπὸ μέντοι Ἑλλήνων καλεῦνται καὶ οἱ Βουδῖνοι Γελωνοί, οὐκ ὀρθῶς καλεύμενοι.

Библиотека "Руниверс"

которыхъ жили, то это отразилось бы соотвѣтственнымъ образомъ на самомъ ихъ внѣшнемъ видѣ. Если же этого не было, и Гелоны рѣзко отличались, во время Геродота, своимъ физическимъ типомъ отъ Вудиновъ, то ни о какой помѣси здѣсь не можетъ быть и рѣчи; словомъ, въ извѣстіи Геродота, какъ о Гелонахъ, такъ и о Вудинахъ, не только нѣтъ ни малѣйшаго основанія для предположенія, что Гелоны были Μιξέλληνες, но напротивъ, цѣлымъ рядомъ самыхъ характеристическихъ признаковъ онъ старается выставить на видъ чисто эллинскую народность Гелоновъ и ихъ рѣзкое отличіе отъ варваровъ, въ странѣ которыхъ они жили. Такимъ образомъ, примѣнять къ нимъ терминъ Μιξέλληνες было бы совершенно произвольно и вопреки точному и ясному свидѣтельству историка, современнаго описываемому имъ факту.

II) Терминъ Μιξέλληνες, употребленный въ декретѣ Ольвіополитянъ, также ясенъ и, конечно, не можетъ имѣть другаго смысла, кромѣ того, какой даетъ ему Бёкъ. Μιξέλληνες—это помѣсь (hybridae) изъ Эллиновъ и варваровъ. Но должно сдѣлать здѣсь два замѣчанія: а) это слово не означаетъ непремѣнно смѣси Эллиновъ именно со Скиѳами, а вообще съ варварами, какими бы то ни было; б) нужно принять въ разчетъ разницу эпохъ и историческихъ условій, къ какимъ относятся декретъ Ольвіополитянъ, съ одной стороны, и извѣстія Геродота о Скиѳіи—съ другой. Нибуръ (Verm. Hist. Schrift., I, p. 359) относитъ происхожденіе документа ко времени Аннибаловскихъ войнъ, Бёкъ—ко II или I вѣку до Р. Х. Если признать за нимъ и то болѣе раннее происхожденіе, какое приписываетъ ему Нибуръ, то отъ временъ Геродота отдѣляетъ его не менѣе двухъ столѣтій. Но главную грань между ними полагаетъ переворотъ въ историческомъ положеніи древняго міра, произведенный македонскимъ завоеваніемъ. Со временъ Александра Великаго наступилъ періодъ эллинизаціи и смѣшенія эллинскаго міра съ варварскимъ. Въ частности, греческія колоніи на сѣверномъ берегу Понта Евксинскаго переживали въ ту эпоху, къ которой относится декретъ Ольвіополитянъ, весьма тяжелую пору своего существованія, какъ это ярко очерчено въ самомъ же декретѣ. Варварскій міръ отовсюду окружалъ и тѣснилъ ихъ; варварскій элементъ вторгался внутрь ихъ; уже приближалась для нихъ пора быть совершенно поглощенными въ волнахъ варварскаго міра. Тѣ самые Ольвіополитяне, которые даютъ кому-то изъ своихъ сосѣдей наименованіе Μιξέλληνες, сами въ это время были уже отчасти Μιξοβάρβαροι и по духу, и по плоти. Иное

Библиотека "Руниверс"

дѣло—время Геродота. Эллинскій міръ сохранялъ тогда всю свою цѣльность, не смѣшивался съ варварскимъ, но стоялъ въ полной къ нему противоположности. Даже въ самомъ декретѣ Ольвіополитянъ слышится еще отголосокъ этого стараго времени, когда Эллины сознавали свою противоположность относительно варваровъ. Хотя припонтійскія греческія колоніи того временни многое уже утратили изъ цѣльности и чистоты своего эллинскаго духа и своего племеннаго состава, однако Ольвіополитяне обозначаютъ особымъ, спеціальнымъ терминомъ народность, сложившуюся изъ смѣси Эллиновъ и варваровъ, и самихъ себя не считаютъ за Μιξέλληνες. Въ этомъ заключается для насъ наилучшій комментарій этого термина, самый авторитетный, какой только можетъ быть. Μιξέλληνες не означаетъ ни Эллиновъ, подвергшихся варварскому вліянію, ни варваровъ, подчинившихся вліянію эллинизма, но именно помѣсь (hybridae) изъ Эллиновъ и варваровъ.

III) Что же значитъ Ἕλληνες Σκύθαι? Было предложено Кольстеромъ (Jahrbb. für Philol. u. Paedag. Suppl., XIII) объясненіе этого выраженія, отличное отъ того, какое даетъ ему Авг. Бёкъ. Эллины-Скиѳы, по его мнѣнію, значитъ не болѣе, какъ „Эллины, поселившіеся или живущіе въ странѣ Скиѳовъ". Бэръ, извѣстный издатель Геродота, справедливо сомнѣвается, чтобы возможно было давать такое наименованіе Грекамъ, живущимъ въ странѣ Скиѳовъ (Herodoti Musae, Vol. 2, p. 322. Lips. MDCCCLVII). Геродотъ не называетъ же такъ Гелоновъ. По всему ходу, тону и связи рѣчи его въ разсматриваемомъ мѣстѣ очевидно, что онъ причисляетъ Каллиппидовъ къ Скиѳскимъ племенамъ въ собственномъ смыслѣ слова—также, какъ и Алазоновъ... „Каллиппиды и Алазоны", говоритъ онъ,—„во всѣхъ отношеніяхъ ведутъ образъ жизни, свойственный Скиѳамъ, однако сѣютъ хлѣбъ" и т. д. О Грекахъ, поселившихся среди Скиѳовъ, онъ бы, конечно, выразился обратнымъ способомъ: „Хотя это и Эллины и, подобно Эллинамъ, занимаются земледѣліемъ, однако во всемъ остальномъ живутъ по скиѳски". Да и страннымъ, намъ кажется, было бы дѣломъ, еслибъ эти Эллины, живя въ непосредственномъ сосѣдствѣ со своими соплеменниками Борисѳенитами, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ними, сдѣлались такими ревностными блюстителями скиѳскаго образа жизни, который, полагаемъ, для Эллиновъ былъ бы весьма тяжелъ и непріятенъ. Какая же бы была имъ неволя вести такой образъ жизни?

Мы понимаемъ Ἕλληνες Σκύθαι—въ смыслѣ эллинизовавшихся

Библиотека "Руниверс"

Скиѳовъ. За основаніе своего толкованія полагаемъ слѣдующее мѣсто Герод., I, 57 объ обитателяхъ Аттики: τὸ Ἀττικὸν ἔθνος ἐὸν Πελασγικὸν ἅμα τῇ μεταβολῇ ἐς Ἕλληνας καὶ τὴν γλῶσσαν μετέμαθε... Здѣсь рѣчь идетъ объ эллинизаціи Пеласговъ, и Геродотъ это явленіе обозначаетъ словами μεταβολὴ ἐς Ἕλληνας. Съ этимъ выраженіемъ грамматически равнозначущи слѣдующіе его перифразы: μεταβεβλημένοι ἐς Ἕλληνας, γενόμενοι Ἕλληνες, ἐόντες Ἕλληνες. Въ такой же точно связи рѣчи, въ какой Геродотъ говоритъ о Каллиппидахъ, онъ выразился бы о жителяхъ Аттики слѣдующимъ образомъ: οἱ Ἀττικοί, ἐόντες Ἕλληνες Πελασγοί... Посему мы предлагаемъ такой переводъ разбираемаго нами выраженія Геродота относительно Каллиппидовъ: „Каллиппиды, эти ставшіе Эллинами Скиѳы"...

Итакъ, въ данномъ мѣстѣ Геродота мы видимъ извѣстіе о вліяніи эллинизма на Скиѳскія племена. Въ его время это вліяніе было еще не значительнымъ и только лишь начиналось. Скиѳы стояли тогда на такой еще низкой ступени развитія, что высокая эллинская образованность была имъ не по плечу. Геродотъ говоритъ прямо, что Скиѳы не охотно перенимаютъ чужіе обычаи, и менѣе всего эллинскіе (IV, 76). На примѣрѣ двухъ знатныхъ Скиѳовъ, Анахарсиса и Скилиса, онъ показываетъ, что приверженность къ эллинизму въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностяхъ могла имъ дорого стоить (IV, 76—80). Однако эти же самые примѣры свидѣтельствуютъ, что обаяніе греческой образованности на Скиѳовъ уже и тогда все-таки было. Весьма, поэтому, естественно, что вліянію этой образованности поддалось и цѣлое скиѳское племя, жившее въ ближайшемъ сосѣдствѣ и въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ греческими колоніями.

Что касается имени Каллиппидовъ, то считаемъ его чисто греческимъ (то-есть, не переиначеннымъ скиѳскимъ) и полагаемъ, что Геродотъ передаетъ его вѣрно. Оно въ томъ же родѣ, какъ Βραγχίδαι, Σκοπάδαι, Ἀλευάδαι, то-есть, имѣетъ патронимическую форму. Между греческими собственными именами встрѣчаются и Καλλίππος и Καλλιππίδης. Знатный или значительный, можетъ быть—просто—богатый торговый какой-либо греческій родъ поселился среди этого скиѳскаго племени, породнился съ туземнымъ знатнымъ домомъ и пріобрѣлъ среди племени значеніе и даже власть. Это дало новый сильный толчекъ эллинизаціи племени. По имени знатнаго эллинскаго рода Каллиппидовъ и все племя Греки стали называть этимъ греческимъ именемъ. Впрочемъ все это, сказанное нами о самомъ

Библиотека "Руниверс"

имени Каллипидовъ, конечно, можетъ имѣть лишь значеніе гипотезы, никакъ не болѣе. Что же касается отожествленія Каллипидовъ съ Карпидами, какъ это дѣлалось и дѣлается нѣкоторыми учеными, то не видимъ въ этомъ особенной выгоды для разъясненія вопроса, такъ какъ о Карпидахъ намъ еще менѣе что-либо извѣстно, чѣмъ о Каллипидахъ.

И. Люперсольскій.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ „ПЕЧАЛЕЙ“ ОВИДІЯ.

(Tristium liber primus, eleg. 1) [1]).

Бѣдная книга! Ты въ Римъ безъ меня отправляешься нынѣ.
Горе! Зачѣмъ не дано мнѣ за тобою идти?
Безъ украшеній иди, какъ изгнаннику это прилично,
И на лицѣ отражай мрачное время свое.
Не изукраситъ тебя полосами пурпурная краска:
Въ тяжкой печали носить яркаго цвѣта нельзя.
Сурикъ не будетъ краснѣть на страницахъ, не пахнущихъ кедромъ,
И не украситъ тебя кости слоновой узоръ.
Только счастливыя книги съ искусствомъ такимъ украшаютъ;
Ты жъ о несчастьи моемъ, грустная, помнить должна.
Ломкая пемза неровныхъ краевъ у тебя не пригладитъ,
Чтобы казалось, что ты треплешь свои волоса [2]).

---

[1]) «Печали» (Tristia) Овидія были написаны имъ во время его пребыванія въ ссылкѣ, въ Томахъ. Въ нихъ онъ жалуется на свою участь, заставляющую его жить гдѣ-то на краю свѣта. I-я элегія служитъ поэтическимъ введеніемъ къ цѣлому ряду стихотвореній, описывающихъ его отъѣздъ изъ Рима, путешествіе, препровожденіе времени въ Томахъ и т. д.—Переводъ сдѣланъ размѣромъ подлинника.

[2]) Въ древности книга состояла изъ длиннаго листа папируса, навернутаго на палкахъ. На краю такого листа приклеивалась полоса изъ пергамена, на которой надписывалось заглавіе сочиненія сурикомъ или пурпуровою краской; страницы пропитывались кедровымъ масломъ, чтобы предохранить ихъ отъ червяковъ; концы (cornua) палки, на которую наматывалось сочиненіе, украшались слоновою костью; неровности на краяхъ (frontes) листовъ, уже навернутыхъ на палку, обрѣзывались и приглаживались пемзою.

Библиотека "Руниверс"

Пятенъ не надо стыдиться; пусть, кто ихъ увидитъ, навѣрно
Знаетъ, что сдѣлали ихъ горькія слезы мои [1]).
Шествуй же, книга, и родину рѣчью моею привѣтствуй:
Если я самъ не могу, стихъ мой ее посѣтитъ.
Если же кто, можетъ быть, обо мнѣ не забылъ совершенно,
Если случайно тебя спроситъ онъ, какъ я живу,
Ты отвѣчай, что я живъ; но скажи, что я очень несчастливъ,
Тоже, что живъ я еще: бога [2]) великаго даръ.
Объ остальномъ умолчи, даже если онъ спроситъ и больше,
Чтобъ не узналъ онъ о мнѣ больше, чѣмъ слѣдуетъ знать.
Предубѣжденный читатель мои преступленія вспомнитъ,
И прослыву межь толпы гнуснымъ преступникомъ я.
Не защищайся, хотя бы обидны казалися рѣчи:
Знай, что ходатайство намъ хуже еще повредитъ.
Можетъ быть, встрѣтишь кого-нибудь, кто обо мнѣ пожалѣетъ
И не безъ слезъ на щекахъ эти стихи перечтетъ,
И пожелаетъ въ душѣ (чтобъ его не услышала злоба):
Пусть наказаніе мнѣ Цезарь, простивъ, облегчитъ.
Я о немъ буду молиться, чтобъ самъ не извѣдалъ несчастья
Тотъ, кто съ несчастнымъ боговъ снова хотѣлъ примирить.
Пусть же случится, какъ онъ пожелалъ, и пускай мнѣ позволитъ
Цезарь, свой гнѣвъ отложивъ, въ отческомъ домѣ почитъ.
Но, выполняя мои порученья, быть можетъ, услышишь,
Что упадаетъ въ тебѣ, книга, мой прежній талантъ;
Впрочемъ хорошій судья обстоятельства наши разсмотритъ,
А не одинъ результатъ; такъ что спокойною будь.
Лишь когда ясно въ душѣ, выражаются мысли стихами:
Отъ угрожающихъ бѣдъ облачно сердце мое.
Уединенье и отдыхъ нужны для писанья стихами,—
Я же страдаю отъ волнъ, вѣтровъ и яростныхъ бурь.

---

[1]) Совершенно иначе отправляетъ Гейне, поэтъ новаго времени, свою «Книгу Пѣсенъ» къ своей возлюбленной. Онъ говоритъ:

Mit Rosen, Cypressen und Flittergold
Möcht' ich verzieren, lieblich und hold,
Dies Buch wie einen Todtenschrein,
Und sargen meine Lieder hinein.

[2]) Здѣсь Овидій подъ именемъ бога подразумѣваетъ Августа, наказавшаго поэта только ссылкой, а не смертью.

Библиотека "Руниверс"

Съ творчествомъ страхъ несовмѣстенъ, а я постоянно въ тревогѣ:
Вотъ-вотъ блестящій мечъ голову мнѣ отсѣчетъ.
Даже тому, что пишу, подивится судья благосклонный,
Со снисхожденьемъ прочтя то, что̀ писалъ я теперь.
Право, и самъ Меонидъ [1]), помѣщенный въ мое положенье,
Весь бы талантъ потерялъ въ столькихъ ужасныхъ бѣдахъ.
Такъ что иди, не смущаясь молвою, и помни, о книга,
Что не большой еще стыдъ, коль не понравишься ты.
Счастье себя не являетъ на столько для насъ благосклоннымъ,
Чтобы успѣха могла ты отправляяся ждать.
Бывши еще безопаснымъ, пылалъ я любовію къ славѣ,
Страстію я пламенѣлъ имя составить себѣ.
Нынѣ жь и то, что мнѣ слава поэта еще не противна,
Странно: изгнанье своимъ геніемъ я заслужилъ.
Впрочемъ иди въ дальній Римъ за меня, благо ты еще можешь.
Боги, о еслибы могъ книгой своею я стать!
Ты не подумай, что можешь войдти не замѣченной всѣми
Въ городъ великій, хотя странникомъ бѣднымъ придешь.
Правда, безъ имени ты; но по краскамъ ты узнана будешь;
Скрываться ты хочешь,—итакъ ясно для всѣхъ: ты моя.
Впрочемъ войди потихоньку, чтобъ имя мое не вредило
Славѣ твоей: вѣдь теперь милости прежней мнѣ нѣтъ.
Если кто скажетъ, что ты, какъ моя, и прочтенья не стоишь,
И съ своей полки тебя выброситъ прочь, ты скажи:
„Нѣтъ, посмотри на заглавье: любви не учу я. И авторъ
„Строго наказанъ за ту книгу, какъ стоилъ тогда“ [2]).
Можетъ быть, ждешь, чтобъ отправилъ тебя я къ вельможамъ въ чертоги
И приказалъ бы вступить даже и въ Цезаревъ домъ?
Но да простятъ мнѣ домашніе боги священнаго мѣста:
Молнія пала на насъ съ этихъ возвышенныхъ мѣстъ.
Правда, я помню, что тамъ и въ величьи самомъ милосерды;
Но опасаюсь боговъ, мнѣ повредившихъ хоть разъ.
Такъ устрашается шорохомъ крыльевъ малѣйшимъ голубка,

---

[1]) Меонидъ—Гомеръ.

[2]) Мотивомъ ссылки Овидія послужила нескромность его Amores; есть однако много причинъ думать, что не за это лишился Овидій милости Августа.

Библиотека "Руниверс"

Разъ побывавши въ твоихъ, ястребъ свирѣпый, когтяхъ.
Такъ не дерзаетъ отъ стойлъ далеко отлучиться овечка,
Если ее потрепалъ въ жадныхъ зубахъ своихъ волкъ.
Еслибъ остался въ живыхъ, Фаэтонъ [1]) избѣгалъ бы, конечно,
Неба и чудныхъ коней, глупо желаемыхъ имъ.
Также и я, испытавши оружіе Зевса, страшуся;
Если гремитъ, я дрожу быть пораженнымъ огнемъ.
Всякій корабль изъ аргивскаго флота, избѣгшій Эвбеи,
Послѣ на всѣхъ парусахъ тамошнихъ водъ убѣгалъ.
Такъ и мой челнъ, пострадавши однажды отъ яростной бури,
Смѣло не можетъ приплыть къ мѣсу крушенія вновь.
Будь осторожною, книга, и робко вокругъ озирайся,
И ограничься однимъ среднимъ сословіемъ ты.
Помни: стремясь черезчуръ ужь высоко на крыльяхъ невѣрныхъ,
Морю названіе далъ въ немъ утонувшій Икаръ [2]).
Впрочемъ отсюда мнѣ трудно указывать, плыть ли на веслахъ,
Иль съ парусами; но тамъ лучше увидишь сама.
Если ты можешь явиться, когда онъ не занятъ, и если
Будетъ спокойно вокругъ, если гнѣвъ силы сломилъ,
Если съ тобой при сомнѣньи твоемъ будетъ кто-либо, кто бы
Введши замолвилъ за насъ что-нибудь раньше,—ступай.
Въ счастливый день, своего господина гораздо счастливѣй,
Въ домъ ты проникни его—горе мое облегчить,
Такъ какъ печали мои только тотъ, кто ихъ причинилъ мнѣ,
Можетъ одинъ исцѣлить, какъ это дѣлалъ Ахиллъ [3]).
Но берегись повредить, черезчуръ ужъ заботясь о пользѣ:
Меньше надѣюся я, чѣмъ неуспѣха боюсь.
Остерегайся, чтобъ гнѣвъ успокоенный вновь не проснулся,
И чтобъ не сдѣладась ты поводомъ новымъ къ нему.
Послѣ, когда наконецъ, посѣтивши убѣжище наше,
Въ ящикъ изогнутый ты—въ домъ свой надежный—придешь,
Въ немъ ты сестеръ своихъ, вмѣстѣ въ порядкѣ лежащихъ,
увидишь.

---

[1]) Подробности о Фаэтонѣ см. Ovidii Metam. lib. I, 750—lib. II, 380.

[2]) См. Metam. Ovid. lib. VIII, 183—235.

[3]) Раны Ахиллова оружія могли быть излѣчены только ржавчиною съ него.

Библиотека "Руниверс"

Съ тѣмъ же стараньемъ ночей я и надъ ними не спалъ.
Всѣ эти книги открыто заглавье свое выставляютъ,
На переплетѣ неся имя открыто свое.
Три же изъ нихъ, какъ увидишь ты, въ темномъ углу притаились:
Учатъ онѣ, какъ любить—чувству, знакомому всѣмъ.
Ты избѣгай ихъ, иль если достаточно голоса будетъ,
То Телегонами [1]) ихъ или Эдипомъ зови.
Если ты любишь отца своего, то изъ этихъ прошу я,
Хоть онѣ учатъ любви, ты никакого не люби.
Тамъ же увидишь пятнадцать томовъ Превращеній; спаслися
Эти стихи изъ огня [2]) передъ отъѣздомъ моимъ,
Имъ я сказать поручаю, что могутъ онѣ къ превращеннымъ
Также причислить теперь ликъ моей горькой судьбы,
Такъ какъ теперь неожиданно сталъ не похожъ онъ на прежній:
Слезъ онъ достоинъ теперь, прежде же радостенъ былъ.
Больше имѣлъ бы съ тобой порученій послать, если хочешь;
Но опасаюсь еще дольше тебя задержать.
Еслибы всѣ мои мысли съ собой понесла ты, о книга,
Слишкомъ уже тяжело было бъ тебя понести.
Дологъ твой путь; поспѣши! Далеко отъ отчизны заброшенъ
Злобной судьбой, на краю свѣта останусь я.

К. С—ній.

---

[1]) Телегонъ, сынъ Улисса и Цирцеи, основавшій Tusculum, убилъ своего отца, приставъ къ берегу Итаки.

[2]) Дѣйствительно, передъ своимъ отъѣздомъ Овидій сжегъ Метаморфозы. Но съ нихъ уже были сдѣланы списки, вслѣдствіе чего они и сохранились до сихъ поръ (см. Ovid. Tristium lib. I, 7, 15—26).

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛО НОВОЕ (ДЕСЯТОЕ) ИЗДАНІЕ КНИГИ:

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ 50-ю РИСУНКАМИ.

СОСТАВИЛЪ

А. РАДОНЕЖСКІЙ.

ВЪ 10-мъ ИЗДАНІИ НОВЫЕ РИСУНКИ:

„Молебенъ предъ ученіемъ“, „Чтеніе Манифеста 19 февраля“, „Сѣятель“, „Св. Сергій Радонежскій благословляетъ на брань съ Мамаемъ Димитрія Донскаго“. Въ 9-мъ изданіи помѣщены рисунки: „На Пасхѣ“, „Храмъ Христа Спасителя“, „Защита Баязета“, „Скобелевъ“ и др.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

„СОЛНЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками, составилъ А. РАДОНЕЖСКІЙ. Изданіе, съ Высочайшаго соизволенія, посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и внѣкласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

Библиотека "Руниверс"

1-го **ДЕКАБРЯ** вышла и разослана подписчикамъ XII-я, **ДЕКАБРЬСКАЯ**, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Объ изданіи „Русской Старины“ въ 1885 году, шестнадцатый годъ изданія.—II. Посмертныя записки Николая Иванов. Пирогова. Гл. XXXII—XXXIV.—III. Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853 и 1854 гг. Изъ записокъ ген. отъ инф. М. Я. Ольшевскаго.—IV. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ: рукописи поэта, хранящіяся въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ (окончаніе).—V. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, замѣтки его товарища.—VI. Михаилъ Ивановичъ Глинка въ воспоминаніяхъ его сестры Л. И. Шестаковой.—VII. Прошлое города Архангельска, 1584—1884 гг.—VIII. Лейбъ-гвардіи Литовскій и Московскій полки въ 1863, 1811 и 1817 гг.—IX. Петербургская Старина: новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1799 г.—X. Памятникъ на могилѣ Артемія Волынскаго, Еропкина и Хрущова.—XI. „Русская Старина“ въ 1884 г.: 1. Обзоръ двѣнадцати книгъ.—2. Вѣдомость статей и матеріаловъ.—3. Сотрудники, 1870—1884 гг.—4. Подписчики на „Русскую Старину“ въ 1884 г.—XII. Библіографическій листокъ.

Приложеніе: Указатель личныхъ именъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1884 г.

Открыта подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1885 г.

Цѣна за 12 книгъ **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою.

Вышло **второе изданіе** „Русской Старины“ 1884 года, цѣна за **двѣнадцать книгъ** съ гравюрами и портретомъ **А. С. Пушкина**, отпечатаннымъ красками, **ДЕВЯТЬ** рублей съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ **С.-Петербургѣ** благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА** на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора, а въ **Москвѣ** подписка принимается въ книжномъ магазинѣ **Мамонтова**.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7.

Въ декабрѣ выйдетъ книга: «ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА, АННА и ВИЛЛИМЪ МОНСЪ», третій выпускъ историческихъ очерковъ ***М. И. Семевскаго****, съ портретами и рисунками. Цѣна для подписчиковъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» (по 1-ое января 1885 г.)* ***одинъ*** *руб. съ пересылкою.*

Библиотека "Руниверс"

Изъ другихъ произведеній духовнаго содержанія: Посланіе Василія еп. Новгородскаго къ Тверскому еп. Θеодору о раѣ, ок. 1347 г., Посланіе книжное стригольника Карпа до 1375 г., Похвала Богу о сотвореніи всея твари Георгія Писиды 1385 г.

Въ позднихъ спискахъ сохранились многія грамоты:

— Ярлыки хановъ, начиная съ ярлыка хана Узбека 1315 г., ярлыкъ Тайдулы 1351 г. и 1356 г., ярлыкъ хана Бердибека 1357 г., ярлыкъ хана Атюляка 1379 г.

— Жалованная грамота в. к. Ивана Даниловича Печерскимъ охотникамъ 1329 г. или позже; его же жалованная грамота Юрьеву монастырю до 1340 г., къ Двинскому посаднику и боярамъ на Колмогоры до 1340 г.

— Грамота митр. Θеогноста на Червленый яръ до 1353, туда же грамота митр. Алексѣя 1356 г.

— Договорная грамота в. к. Дмитрія Ивановича и к. Владимира Андреевича съ Новгородомъ 1367 (?), съ Тверскимъ кн. Михаиломъ Ярославичемъ 1375 г.

— Договорная грамота в. к. Дмитрія Ивановича съ Олегомъ Рязанскимъ 1381—1382 г.

— Грамоты патр. Нила къ Суздальскому епископу Діонисію и къ Псковичамъ 1382 г.

— Жалованная грамота Витовта Литовскимъ жидамъ 1388 г.; внесена въ грамоту 1507 г.

— Жалованная грамота в. к. Дмитрія Ивановича Троицкому монастырю 1389 г.

— Заемная кабальная грамота митр. Кипріана и арх. Ростовскаго Θеодора 1389.

— Крестная грамота в. к. Василія Дмитріевича съ Юріемъ Дмитріевичемъ 1390 г. или позже, также съ Андреемъ и Петромъ Дмитріевичами 1391 г. или позже.

— Грамота митр. Кипріана Новгородскому архіепископу Іоанну 1392 г.

— Записи о даньи в. к. Дмитрія Ивановича Троицкому монастырю 1393 г.

— Настольная грамота патр. Антонія митр. Фотію 1393 г.

— Грамота патріарха Антонія Новгородскому архіепископу о стригольникахъ 1394 г.

— Грамоты митр. Кипріана во Псковъ до 1395 и 1395 г.

— Уставная грамота в. к. Василія Дмитріевича Двинянамъ 1397 г.

— Договорная грамота Тверскихъ князей съ в. к. Василіемъ Дмитріевичемъ до 1399 г.

Библиотека "Руниверс"

— Посланіе Бѣлозерскаго игумена Кирилла къ в. к. Василію Дмитріевичу ок. 1400 г.

Сохранились только на иностранныхъ языкахъ въ современныхъ или въ позднихъ спискахъ:

1. По Латини, по Нѣмецки и по Шведски:

— Отвѣтная грамота Новгородскаго князя Андрея до 1301 г.—въ нижне-Нѣмецкомъ переводѣ.

— Грамота Галицкихъ князей Андрея и Льва Нѣмецкому ордену 1316 и 1327 г.—въ Лат. переводѣ.

— Грамота Галицкаго князя Андрея Торунскимъ гражданамъ 1320 г.—въ Лат. переводѣ.

— Договорная грамота Новгорода со Шведами 1323 г.—въ Лат. и Швед. переводѣ; а другая грамота 1326 г.—только въ Лат. переводѣ.

— Договорная грамота Гедимина, Литовскаго кн., съ Нѣмцами 1323 г.—въ Лат. и Нѣм. переводахъ.

— Обязательная грамота Владимирско-Галицкаго князя Юрія Андреевича Нѣмецкому ордену 1325, 1334, 1335 г.—въ Лат. переводѣ.

— Договорная грамота Литовскихъ князей Ольгерда и Кейстутія съ Нѣмцами 1367 г.—въ Лат. изводѣ.

— Проектъ договора Новгорода съ Нѣмцами 1371 г., писанный по Русски Нѣмцами—въ Нѣм. переводѣ.

— Грамота кн. Владимирскаго и Луцкаго 1379 г.—въ Нѣмецкомъ изводѣ.

— Договорная грамота Новгорода съ Нѣмцами 1392 г.—въ нижне-Нѣмецкомъ переводѣ.

— Грамота Новгорода Нѣмецкой Дерптской думѣ до 1394 г.—въ нижне-Нѣмецкомъ переводѣ.

2. По Гречески.

— Грамота патріарха Іоанна къ митрополиту Ѳеогносту 1339 г.

— Грамоты императора Іоанна Кантакузина 1347 о Малорускихъ епархіяхъ.

— Грамоты патріаршія о. митр. Алексіѣ 1354.

— Дѣло о митрополіи Русской 1361.

— Грамоты Конст. патр. 1370 и 1371 г.

— Грамоты Польскаго короля Казимира и Литовскаго князя Ольгерда Константинопольскому патріарху 1371.

— Грамота патр. Антонія Новгородцамъ 1391 г.

— Увѣщательная грамота патріарха Новгородцамъ и другія грамоты его же в. к. Василію 1393 г.

Библиотека "Руниверс"

— Грамоты патріарха Польскому королю и митрополиту Русскому 1397 г.

Только по упоминаніямъ извѣстны:

— Грамоты Любчанъ Новгороду о мирѣ до 1301 г., упоминаемыя въ отвѣтной грамотѣ 1301 г.

— Договорная грамота Новгорода съ Датчанами 1302 г.—въ лѣтописи.

— Ярлыкъ хана Тохты 1303 г.—въ лѣтописи; также и ярлыкъ хана Узбека 1313 г.—въ ярлыкѣ 1315; ярлыкъ хана Джанибека—въ ярлыкѣ 1351 г.; ярлыкъ хана Авдула 1362 и хана Мурута, Азиза, Мамая—въ лѣтописи.

— Грамота митр. Максима о Рязанской епархіи до 1305 г. и митр. Петра до 1326 г.—въ грамотѣ до 1353 г.

— Грамота Новгородца Даніила Писцова кн. Михаилу Ярославичу 1316—въ лѣтописи.

— Договорная грамота Новгорода съ кн. Михаиломъ Ярославичемъ 1316; упоминается въ другой грамотѣ 1316 г.

— Письменныя показанія для обвиненія князя Михаила Тверскаго и его духовная грамота 1318 г.—въ Сказаніи о немъ.

— Договорная грамота Новгорода съ Нѣмцами 1322 г.—въ грамотѣ 1323 г.

— Отказная грамота Сарайскаго еп. Софоніи до 1336 г.; упомянута въ грамотахъ до 1353 г. и ок. 1360 г.

— Судная грамота в. к. Александра Михаиловича Пскову до 1337 (?); упомянута въ гр. 1395 г.

— Договорная грамота Новгорода съ Шведами 1339 г.—въ лѣтописи.

— Договорная грамота в. к. Симеона Ив. съ Новгородомъ 1341 г.—въ лѣтописи.

— Грамоты в. к. Симеона Ив. и др. князей Виз. императору до 1347 г.; упоминаются въ грамотахъ императора 1347 г.

— Грамота митрополита Ѳеогноста Сарайскому еп. Аѳанасію и правая грамота его же Рязанскому епископу Кириллу до 1353 г.; упоминается въ грамотѣ 1353 г.

— Грамота Конст. патр. Моисею архіеп. Новгор. 1354—въ лѣтописи.

— Письменное свидѣтельство по дѣлу о митрополитѣ Романѣ 1361 г.; упоминается въ дѣлѣ о Русской митрополіи.

— Грамота в. к. Дмитрія Ив. Конст. патріарху до 1370 г.; упомянута въ отвѣтѣ патр. 1370 г.

Библиотека "Руниверс"

— Договорная грамота Новгорода съ Нѣмцами 1371 г.—въ лѣтописи.

— Грамота Конст. патр. митр. Кипріану о. 1376 г.—въ лѣтописи.

— Договорная грамота в. к. Дмитрія Ив. съ Новгор. 1380 г.—въ лѣтописи.

— Грамоты в. к. Дмитрія Ив. о сборѣ войскъ 1380, грамоты игум. Сергія 1380 г., грамоты Рязанскаго князя Олега 1380 г.; упомянуты въ Повѣсти о побоищѣ на Куликовомъ полѣ.

— Грамоты патр. Нила съ Суздал. еп. Діонисіемъ; упоминаются въ лѣтописи.

— Грамота арх. Діонисія Псковичамъ п. 1384 г.—въ лѣтописи.

— Грамота Новгородцевъ о кн. Патрикѣѣ Наримантовичѣ 1384 г.—въ лѣтописи.

— Цѣловальная грамота Новгородцевъ 1385 г.—въ лѣтописи.

— Грамоты Полотскаго кн. Андрея Нѣмецкому ордену—въ лѣтописи.

— Договорная грамота в. к. Дмитрія Ив. съ Олегомъ Ряз. 1385—въ лѣтописи.

— Жалов. гр. кн. Семена Лингвеня Онуфріеву монастырю 1399; упомянута въ грамотѣ 1443 г.

— Крестныя грамоты в. к. Василія Дмитріевича съ Новгородцами послѣ 1389—въ лѣтописи.

— Грамота Константинопольскаго патріарха въ Новгородъ 1390 или позже—въ лѣтописи.

— Догов. гр. Новгорода и Пскова 1390 г. или позже—въ лѣтописи.

— Договорная грамота Новгорода съ Нѣмцами 1391 г.—въ лѣт. и въ грамотѣ 1392.

— Прощальная грамота митр. Кипріана Новгороду 1393 г.—въ лѣтописи.

— Запись кн. Слуцкаго Александра Слуцкой церкви св. Михаила 1392 г.; упоминается въ описи Несвижскаго архива.

— Жалованныя грамоты к. Свидригайла по Полотской области до 1394; упоминаются въ грамотѣ Сигизмунда 1571.

— Грамоты патріарха Новгородцамъ о поученіи 1394; упоминаются въ лѣтописи.

— Разметныя грамоты Русскихъ князей съ Витовтомъ 1396 и 1399—въ лѣтописи.

— Крестныя грамоты в. к. Василія Дмитріевича съ Новгородомъ до 1397; упоминаются въ лѣтописи.

— Мирная грамота Новгорода и Пскова 1397—въ лѣтописи.

— Псковская судная грамота упоминается въ др. суд. гр.

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ множества грамотъ по упоминаніямъ только извѣстны:

— Пасхальныя таблицы до 1380 г.; упомянуты въ лѣтописи.

— Синодикъ съ помин. записями 1380 г.; упомянутъ въ лѣт. Синодикъ правый, упомянутъ въ грамотѣ Кипр. до 1395 г.

— Посланіе митр. Кипріана Русскому духовенству 1389 г.—въ Запискахъ Игнатія.

— Посланія Стефана Пермскаго къ Дмитрію Донскому и митр. Кипріану.

О пропажѣ книгъ свидѣтельствуютъ лѣтописи и житія: такъ пропали писанія Павла Высокаго, Стефана Пермскаго и пр.

Чтобы убѣдиться, какія драгоцѣнности могли пропадать не только въ древнее время, но и гораздо позже, довольно вспомнить, что тотъ сборникъ, въ которомъ вписано было и Слово о полку Игоревѣ, можетъ быть сгорѣлъ въ 1812 г. во время Московскаго пожара вмѣстѣ съ библіотекой Мусина-Пушкина.

Грамоты около 1300 г.

Рядъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ XIV вѣка, опредѣленныхъ или опредѣлимыхъ лѣтъ, начинается грамотами, касающимися сношеній сѣверо-западной и Новгородской Руси съ Нѣмцами: одна Витебская, другая Полотская, двѣ Новгородскія.

Витебская грамота.

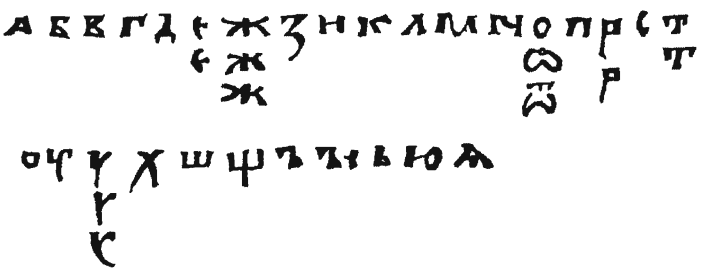
Хранится въ Рижскомъ архивѣ, написана на листѣ пергамина шириною болѣе 10 вер., длиною болѣе аршина—въ одну строку, строками по 8 вер. въ длину на 85 строкахъ. Начинается большою рисованною буквою. Время написанія грамоты опредѣляется приблизительно по именамъ лицъ, упомянутыхъ въ ней. Грамота писана отъ ратмановъ Рижскихъ Витебскому князю Михаилу, котораго отецъ, какъ означено въ грамотѣ же, назывался Константиномъ. Въ концѣ XIII в. кн. Константинъ былъ Полотскимъ княземъ (И. Г. Р., IV, пр. 178): сыну его очень естественно было быть особымъ княземъ Витебскимъ.

Грамота эта жалобная князю на разныя притѣсненія, претерпѣнныя Нѣмцами отъ самого князя или отъ его чиновниковъ. При обозначеніи обидъ (семи) указываются и условія прежняго договора, конечно тоже писаннаго, но до насъ не дошедшаго. По указаніямъ этой грамоты въ старой договорной грамотѣ было:—Миръ доконцанъ на старый миръ и на томъ крѣтъ чеованъ. как то намъ вашеи братьи правда дати. а ѡбиды не створити ни малу ни ве-

Библиотека "Руниверс"

лику. тако было и вамъ. по крꙋтному человованию. ѡбиды не створити. ни малу ни велику. нашеи братии. правда дати. товара силою не грабити чловка не мучити безъ вины.... Миръ доконцанъ межи земле. аже другъ друга оубикть до смрти. а имоуть того чловка. кто розбои оучинилъ. тому дати вина. по его дѣлу. а товаръ его свободѣнъ своему племени....

Грамота писана не крупнымъ, толстымъ и широкимъ уставомъ—такими буквами:

Послѣ согласныхъ пишется у, а не оу; е и ѣ употребляются одно вмѣсто другаго.

Въ отношеніи къ выговору любопытно:

— употребленіе ч вмѣсто ц и ц вмѣсто ч (черньчи, человању, доконцанъ).

— ш вмѣсто с: лишии вм. лисии).

— употребленіе о вм. е послѣ шипящихъ (жо, кнажо, шолъ, пришодъ, чомь, хочомъ).

— оу вм. въ (оу борзѣ, оу рать, оу клеть, оузалъ; въ нихъ вм. у нихъ.

— е въ род. ед. жен.: ѥ своие братие, вашее братие.

— оутеклъ, реклъ.

— щ вм. сц: оу Витебще, оу Смоленьще.

— тыи, тые.

— тимь словомь.

— горожане, жалобою.

— есме чювали.

Въ отношеніи грамматическомъ:

— двойственное: Шахматъ жо Фредрикъ и то намъ поведала се жалобою.

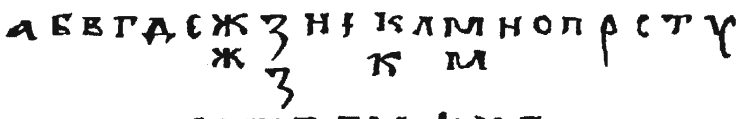
— прошедшее сложное господствуетъ исключительно (пришли, поведали, былъ, не бывалъ, еси ѡтъялъ, еси взялъ, поималъ еси).

Библиотека "Руниверс"

Полотская грамота.

Хранится въ Рижскомъ архивѣ; написана на клочкѣ пергамина длиною въ 3¹/₂ вершка, шириною въ верху 2¹/₂, а въ низу менѣе 2-хъ, на 32 строкахъ, изъ которыхъ 22 на одной сторонѣ, а 10 на другой—почти такимъ же уставомъ какъ предъидущая Витебская. Грамота писана отъ Іакова епископа Полотскаго въ Ригу съ просьбою послать хлѣбъ въ Полотскъ. Въ грамотѣ упомянутъ князь Витенъ, жившій въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка.

Буквы:

У употребляется вмѣсто оу; ѣ вм. е (благословлѣнье).

Въ выговорѣ любопытно:

— во вм. оу: во отьца.

— о вм. ъ: Полотеско.

— чимь виноватъ.

Въ отношеніи грамматическомъ:

— прошед. сложное: былъ есмь, есмь оувѣдалъ, а бысте поустили.

— дат. множ. муж.: ратманомъ.

— твор. множ.: съ Полочаны.

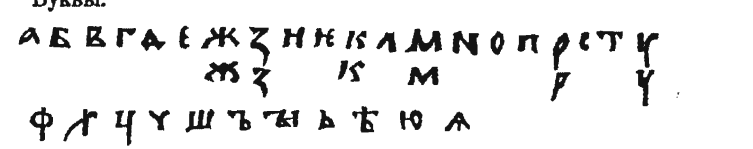
При грамотѣ печать: съ одной стороны образъ Знаменія, съ другой надпись: аковъ епп Полотьски.

Новгородская грамота.

Хранится въ Рижскомъ архивѣ. Написана на небольшомъ лоскуткѣ пергамина въ длину 3 вершка, въ ширину болѣе 2-хъ, на 13 строкахъ, не крупнымъ уставомъ.

Грамота писана отъ имени архіепископа Новгородскаго Ѳеоктиста посадника, тысяцкаго (безъ именъ) и всего Новгорода въ Ригу ратманамъ и гражданамъ съ благодарностью за поимку разбойниковъ и просьбою отдать отнятый у нихъ товаръ.

Буквы:

Библиотека "Руниверс"

— у вм. оу послѣ согласныхъ.
— ч вм. ц: челованию,—ц вм. ч: рѣци.
— тысацьского.
— ратманомъ, Рижаномъ.
— кстѣ изыскали,—кто привезлъ.
— Боже помози.

Грамота Новгородскаго князя Андрея и всего Новгорода Ганзейскимъ купцамъ 1301 г.

Хранится въ Рижскомъ архивѣ. Написана на небольшомъ кускѣ пергамина длиною въ 4½ верш., шириною въ 2 верш. на 11 длинныхъ строкахъ довольно крупнымъ и красивымъ уставомъ. Время написанія опредѣляется содержаніемъ.

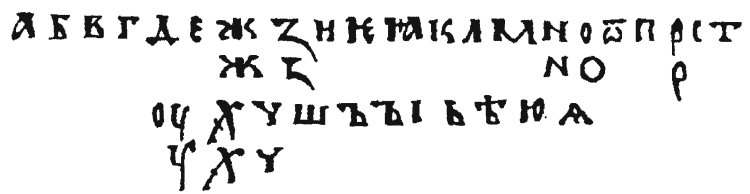
ѿ великого кнѧза Андрѣѧ. ѿ посадника Смена
ѿ тысѧчкого Машка. ѿ всего Новагорода. се прию
ха. Иванъ Бѣлыи из Любка. Адамъ съ Гочкого
берега. Инча Олчать из Ригы. ѿ своѥи братии
ѿ всѣхъ коупѣчь своихъ. Латиньского ѧзы
ка. и дахомъ имъ. г̄ поути горнии по своѥи во
лости. а четвертыи в рѣчкахъ. гости ѥхати
безъ пакости. на божии роучѣ. и на кнѧжи. и на
всего Новагорода. ѳже боудеть нечистъ поуть
в рѣчкахъ. кнѧзь велить. своимъ моужемъ проводити сии гость.
а вѣсть имъ пъдати.

Князь Андрей послѣ пріѣзда въ Новгородъ въ 1301 г. оставался въ немъ не долѣе какъ до 6810=1302 г., когда отправился въ Орду; посадникъ Семенъ Климовичь, занявшій это мѣсто не за долго передъ тѣмъ, лишился посадничества въ 6811=1303 г.; купцы Иванъ Бѣлый изъ Любка—Iohannes Albus de Lubeko, Адамъ съ Гочкаго берега—Adam de Gotlandia и Инча Олчать—Hinricus Holste de Riga пріѣзжали въ Новгородъ (какъ видно изъ Нѣмецкой грамоты Cod. dipl. Lubec II. 567) въ 1300 или 1301 году по случаю убійства купцовъ по дорогѣ между Новгородомъ и Псковомъ, и разочли потери Нѣмцевъ. Можетъ быть въ вознагражденіе этихъ потерь выхлопотали они себѣ право на четыре проѣзда по Новгородской волости и на случай безпокойствъ на рѣчномъ пути (военныхъ) провожатыхъ.

Къ грамотѣ привѣшены три печати: въ серединѣ, кажется, княжеская, по бокамъ посадника и тысяцкаго.

Библиотека "Руниверс"

Рисунокъ буквъ:

Употреблены: ы послѣ г (Ригы), ѣ вм. е (Андрѣи, коупѣчь), е вм. ѣ (приѣха, ѣхати), ч вм. ц. (тысачкого, Гочкого, коупѣчь, роучѣ), ъ вм. о (пъдати), ь=е опущенъ (Смена), и въ сии, гости (вм гостю). Употреблено прошедшее простое (приѣха, дахомъ); ого въ род. прил. (великого, тысячкого, Гочкого, Латиньского); емъ въ дат. множ. сущ. (моужемъ); непредѣл. повелительное (гости (=ю) ѣхати, вѣсть имъ пъдати).

Договорныя грамоты Новгорода съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ 1301—1302 г., до 1307 и 1307 г.

Рядъ сохранившихся договорныхъ грамотъ Новгорода съ князьями, вступавшими на столъ Новгородскій, начинается грамотою Новгорода къ князю Ярославу Ярославичу, брату Александра Невскаго, 1264—1265 г. Изъ нынѣ разсматриваемыхъ грамотъ одна писана отъ Новгорода князю Михаилу Ярославичу Тверскому, другая отъ этого князя владыкѣ Новгородскому. Обѣ писаны на небольшихъ лоскутахъ пергамина почти одинаковымъ почеркомъ.

Изъ лицъ, упоминаемыхъ въ этихъ грамотахъ, Михаилъ Ярославичь жилъ до 1318 г., его двоюродный братъ Андрей Александровичь умеръ въ 1304 г., другой двоюродный братъ Даніилъ Александровичь умеръ въ 1303 г., а двоюродный племянникъ Иванъ Димитріевичь умеръ 15 мая 1302 г. Князь Андрей владѣлъ въ Новгородѣ послѣ брата своего Дмитрія, съ 1294 г. не далѣе какъ до 1302 г., когда отправился въ Орду, какъ кажется, въ слѣдствіе распри, послѣдовавшей за съѣздомъ князей въ Дмитровѣ въ 1301 г. Эта же распря дала, кажется, поводъ и мирному сближенію кн. Михаила съ Новгородомъ.

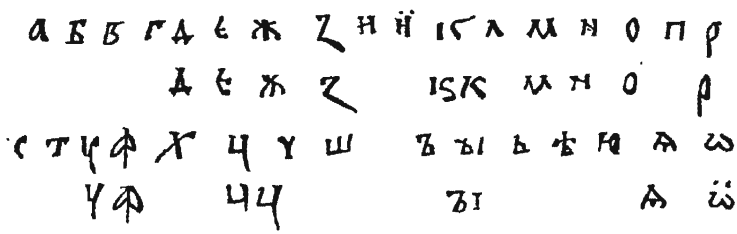
Новгородъ въ своей грамотѣ требовалъ, чтобы князь цѣловалъ крестъ Новгороду на такихъ условіяхъ: князю стоять за Новгородъ съ братомъ Даніиломъ; разъѣзду между Тверью и Новгородомъ быть по старинѣ; закладнямъ княжескимъ, живущимъ въ Новгородѣ, остаться въ Новгородѣ, а равно и вольнымъ людямъ Тверскимъ,

Библиотека "Руниверс"

живущимъ въ Торжкѣ и на Волокѣ; холоповъ, должниковъ и поручниковъ, кому не будетъ суда, выдать безъ суда, а другіе пусть судятся. Пошлины городскія въ Твери, Новгородѣ, Торжкѣ и на Волокѣ по старинѣ.

Князь въ своей грамотѣ сказалъ, что Новгородъ цѣловалъ ему крестъ на такихъ условіяхъ: противъ кн. Андрея и Татаръ и иного кого Новгороду стоять за него; по искамъ князя, его бояръ и слугъ у Новгородцевъ и Волочанъ дать судъ безъ проволочки; холоповъ, должниковъ и поручниковъ выдавать по разслѣдованію; о закладняхъ въ Новгородской области и давныхъ людяхъ Тверскихъ въ Торжкѣ и въ Волокѣ также то же что и въ прежней грамотѣ; о селахъ князя или его слугъ въ Новгородской области судъ безъ проволочки.

Почеркъ буквъ:

Буква ѡ только въ началѣ слова;—примѣра оу нѣтъ ни одного, все у;—ѕ и ѯ нѣтъ; вм. ѕ—а; вм. ѯ—е.

Позже этихъ двухъ грамотъ написано еще нѣсколько подобныхъ грамотъ, обусловливающихъ взаимныя права и обязанности Новгорода и кн. Михаила. Однѣ изъ нихъ писаны до смерти кн. Андрея, то-есть до 1304 г., другія до смерти архіепископа Ѳеоктиста, то-есть до 1307 г.

Для образца привожу начало грамоты древнѣйшей изъ нихъ, до 1304 г.

Бывленик ѿ влдцѣ. поклонъ ѿ посадника. и ѿ тысачкого. и ѿ всѣхъ старѣишихъ. и ѿ всѣхъ мѣншихъ. и ѿ всего Новгорода.

Книга евангельскихъ чтеній 1307 г.

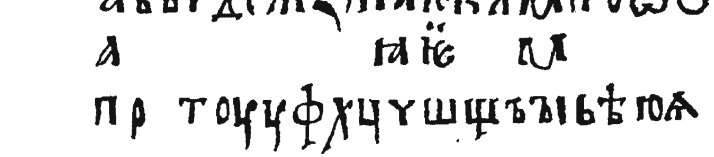
Хранится въ Московской Синодальной библіотекѣ. Написана на довольно хорошемъ пергаминѣ на 127 листахъ въ два столбца по 31 строкѣ въ большую четвертку, довольно крупнымъ продолговатымъ уставомъ.

Библиотека "Руниверс"

Время написанія обозначено въ записи на оборотѣ послѣдняго листа.

Се азъ рабъ бїи многогрѣ
шныи Поликарпъ попъ до
кончахъ сиѭ книгы стѣыѭ
еже соуть коуалиѥ мц̃а авгоу̃.
і̃ дн̃ь. а въ пама̃ сто̂ мч̃ника Фі
липа. а въ лѣ̃. ѕ̃. ѡ̃. еі.
Брае̃. аще кде боуду изъгроу
билъ или оу тоузѣ. или въ
печали. или въ бесѣдѣ коли
съ дроугѡ̂ а вы Ба̃ дѣла исъпра
вляюче чтѣте. зане грѣхъ кі
ти [1]) троуждающагоса Ба̃ ради.

Книга написана впрочемъ не одною рукою или по крайней мѣрѣ не однимъ почеркомъ. Одинъ изъ почерковъ отличается особенною тщательностью и красотою и есть тотъ, который преимущественно можно назвать почеркомъ XIV в. Появился онъ еще въ концѣ XIII в. (въ Псалт. 1296 г.), но развился въ XIV в. и, продолжаясь весь XIV вѣкъ, употреблялся и въ XV, нѣсколько видоизмѣненный. Онъ отличается: рѣзкою разницею черты тонкой и толстой, толстотою поперечной нижней черты въ б, в, у, ц, ш, щ, ъ, и рисункомъ нѣкоторыхъ буквъ: д, є, ж, ѕ, и, ѳ, к, м, н, у, ю, ѡ, о.

Съ этимъ почеркомъ соединяется обыкновенно и особенный характеръ украшеній: большія буквы только обведены киноварью, а середина зеленая или голубая; въ заставкахъ соединяются три краски, черная, красная и зеленая или голубая; самыя заставки отличаются особымъ рисункомъ, такъ же какъ и рисованныя большія буквы.

— оу и ѡ употребляются въ началѣ слога, а у и о послѣ согласныхъ, к замѣняется посредствомъ є, ѣ и е мѣшаются.

---

[1]) то-есть, КЛАТИ.

Библиотека "Руниверс"

— в и оу взаимно замѣняются: ѡ вченьи, навчитеса, во вътробѣ, завътра,— оуста ѿ мертвыхъ, оу пламени, оуведи.

— ч вм. ц: ѡчта.

— ц вм. с: ѡбѣманадцать.

Книга Апостольскихъ чтений 1307 г.

Хранится въ Московской Синодальной библіотекѣ. Написана на дурномъ пергаминѣ въ 4-у въ два узкихъ столбца на 180 лл. довольно небрежнымъ широкимъ уставомъ. Относительно письма есть любопытная замѣтка на об. 37 л.: ѳалъ ѥсмь павьімь перомь.

На послѣднемъ листѣ подпись писца:

Въ лѣ. ѕ҃. ѿ. е҃і. а индѝ.
лѣ. е҃. а пѧ̂ законьно
и. лѣ. к҃а. лу҃ному кру҃.
а їі въ четвьртомь червьчи. а сл҃нцю д҃. го
перъста. лѣ. ѕ҃. к. а пѧ̂
баше. кр҃ь. въ к҃г. мр҃та
а нб̂нои лу҃. лѣ о҃и. мц̂а
авгоу҃ въ к҃а. днь. на па
мѧ̂ ст҃ыѧ Ва҃сы въ к҃в.
дн҃ь. лу҃. написахъ про̀
ст҃му Пантелѣимоноу.
Сии же а҃пъ книгы
вда ст҃му Пантелеи
мону. Изосимъ игу
менъ. сего же манастыра сего же лѣ. бы҃ бои
на Русьской земли Ми
хаилъ съ Юрьемь ѿ княженьѥ Новгородьскоѥ. при
сихъ кназехъ. сѣшетса
и росташе оусобицами.
гынаше жизнь наши
въ кназѣхъ которы и вѣ
ци скоротиша са ч҃вкмъ:
а ѳл҃ъ. в҃в. н҃к. кк. дд. вв. ъ. рекше. дв҃дъ. органъ. мысль. истина .... (Конецъ обрѣзанъ).

(Лунный кругъ обнимаетъ 19 лѣтъ, солнечный—28, инд. 15 лѣтъ: 1307 г.=5 инд.=11 круг. солн.=13 кр. луны, пасха 26-го марта; 21-го авг. память мучен. Вассы).

Монастырь св. Пантелеймона былъ во Псковѣ.

Библиотека "Руниверс"

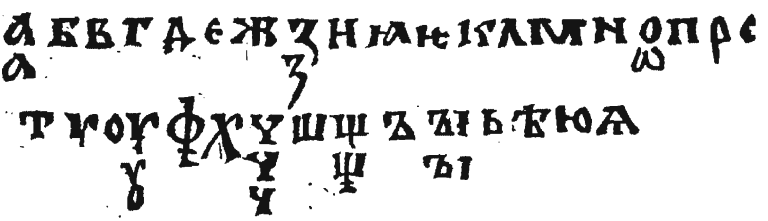
О боѣ этомъ знаемъ только, что кн. Михаилъ Тверской приступалъ къ Москвѣ ,но былъ отбитъ.

Въ Словѣ о Полку Игоревѣ: Тогда при Ользѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами. погибашеть жизнь ДаждьБожа внука. въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась.

вв=4, нк=70, кк=40, дд=8, ъ,=Домидъ вм. Діомидъ;=Дв҃дъ. органъ. мысль. истина. (добро?). ъ.

Не такъ легко уразумѣть другую загадку, тутъ же написанную: ѐ. ꙁ.ꙁ.ꙁꙁ. море. пать. земль. двѣ тмѣ. море. мудры разумѣють.

Рисунокъ буквъ:

Книга Апостольскихъ чтеній до 1312 г.

Хранится въ Московской Синодальной библіотекѣ. Написана на дурномъ пергаминѣ—уставомъ крупнымъ и толстымъ въ малый листъ въ 2 столбца. Листовъ 129; нѣсколько листовъ вырѣзано.

Время написанія видно изъ записи:

Въ лѣ҃. ꙁ҃. ное. — — индіта въ—мца ноабра въ ѳі дн҃ь на памѧ. сто҃го прр҃ка Авдіа. доконцаны бышa. книгы си при архіепп҃ѣ Новгородьскомь. Дв҃дѣ. при великомь кнази. Новгородьскомь. Михаиле. а Пльскомь (=Пльсковскомь) Иванъ Федоровици. а посадниче Борисе ·:· а псалъ Максимъ. а мирьское има Станимиръ. сн҃ъ Павла попа сто҃го въскр҃нїа. а чи где боудеть помателно или криво написано или съ дроугомь бесѣдоуꙗ. или въ младооумии своемь. то ѣе Га҃ исправлче чтить. а не клинить. ꙗко же апл҃ъ Паоулъ гл҃ть. бл҃гословите и не клънеть.

Давидъ епископъ—1309—1324. Князь Михаилъ—1306—1314. Посадникъ Борисъ Псковскій упоминается въ 1308—1309, а смерть его подъ 1312 г.

Любопытна и другая запись, написанная другимъ писцомъ:

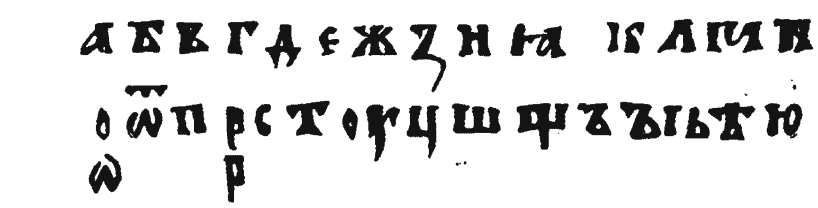
Се азъ рабъ бж҃ии Тарасиꙗ. Ѡнтониевиць а мирьское има Станимїровъ сн҃ъ. старостa сто҃го въскр҃нїа. дахъ книгы си. ѿ ста-

Библиотека "Руниверс"

жанїа своего. къ стмоу въскрьсению. собѣ въ здравие. и бр҃аши своеи. и подроужию моему и чадомъ своимъ и всѣмоу плѣмени своемоу. а ѡ҃цю своемоу на памать. и м҃тери своеи. и всѣму плѣ(ме)ни своемоу изъмѣршимъ ⁘ а писаны бъша при попѣ сто въскр҃ьниа. Пароухоу. при старощении своемь. а при дружемь Еванъ Климатиници. въ то же лѣто бысть знамение въ лоунѣ. аминь. писалъ быхъ еще нъ въсмѣютьмиса.

Затмение луны было въ 1309 г. 21-го августа, въ 1310—11-го августа, 1311—26-го декабря, въ 1312—19-го іюня и 14-го декабря.

Буквы:

Тріодь цвѣтная 1311 г.

Хранится въ Московской Синодальной библіотекѣ. Писана на порядочномъ пергаминѣ въ большую четвертку въ одинъ столбецъ на 98 лл.

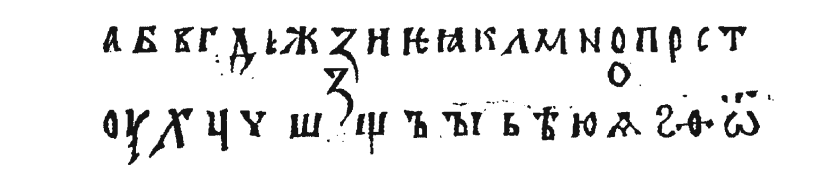
Содержаніе: каноны, трипѣсньцы и четверипѣсньцы съ сѣдальнами, кондаками, икосами и свѣтильнами (нѣкоторыми), безъ стихиръ, начиная отъ недѣли ваий до четверга по пятидесятницѣ.

Въ серединѣ многихъ листовъ не достаетъ.

На послѣднемъ листѣ запись:

В лѣ҃ ҂. ѳ҃. ѳі. индѣ҃та. в҃. написаны быша книгы сиа. ѻбѣ половинѣ..... (далѣе выскоблено) в Ладогоу в манастырь на Малышево. роукою моею многогрѣшнаго. и гроубаго. А вы ѡ҃ци поите исправль (далѣе опять выскоблено и по выскобленному написано дурною рукою): Г҃и поможи ра божью Михалу.

Рисунокъ буквъ:

Библиотека "Руниверс"

··· оу употребляется и послѣ согласныхъ.
— е вм. ѣ часто.

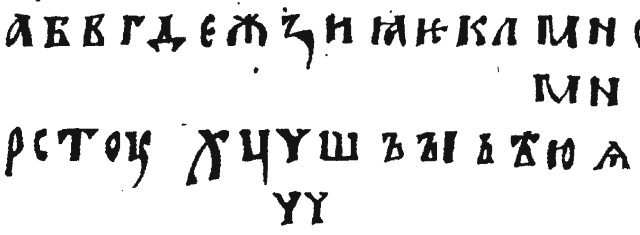
Книга Евангельскихъ чтеній 1317 г.

Хранится въ библіотекѣ Академіи Наукъ. Писана на изрядномъ пергаминѣ въ мал. л. въ 2 столбца по 28 строкъ крупнымъ уставомъ. Всего сохранилось 128 лл. Многаго недостаетъ.

Время написанія обозначено въ записи:

Въ лѣто ,$\overline{\text{s}}$. ноѥ. восмьсотоноѥ и $\overline{\text{к}}\,\overline{\text{е}}$ списаны бѣша книгы сиѧ рабоу бжїю бл$\overline{\text{г}}$овѣрному и хр$\hat{\text{т}}$олюбивомоу Пантелѣимоноу Мартыновичю. азъ грѣшныи рабъ ѥска поповичь. а коудѣ боуду ѡписалъса или оу словѣхъ или оу строкахъ кдѣ. а вы гд$\hat{\text{о}}$ ѡ$\overline{\text{ц}}$и и Б$\overline{\text{а}}$ дѣла исправаче чтите, а не клените. аминь.

Буквы:

Прологъ Сентябрьской половины до 1323 г.

Хранится въ Типографской библіотекѣ. Писанъ въ листъ крупнымъ уставомъ въ 2 широкихъ столбца. Всего 144 лл.

Подъ 14 февраля есть приписка, объясняющая время написанія:

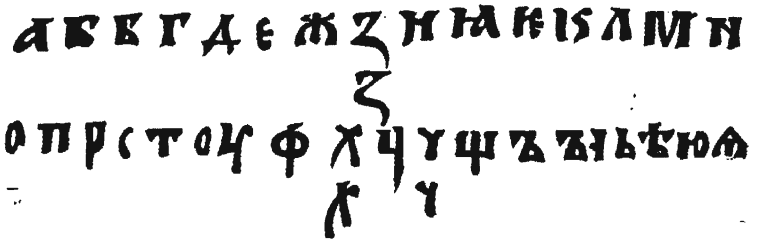
Мц̑а того. въ $\overline{\text{дь}}$. памѧ
прп̑бнаго ѡц̑а нашего ѥ
оуксентиѧ: — и преставленье
Андрѣѧ.
ѥп̑па. Ть
ферьско
го. а по не
мъ брать
ѧ. годю у
правьте.

Приписка эта сдѣлана, очевидно, послѣ написанія рукописи. Тверской епископъ Андрей умеръ въ 1323 году «въ своемъ ем$\overline{\text{ъ}}$

Библиотека "Руниверс"

манастырѣ на Шоши св. Богородица. и положенъ бысть въ св. Спасѣ въведеніе». (Твер. лѣт. 414).

Рисунокъ буквъ:

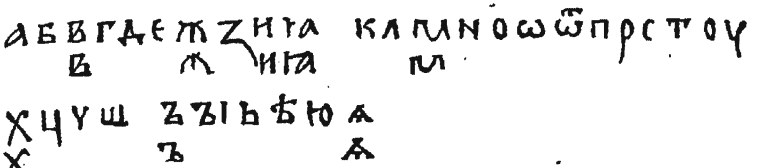

Договорная грамота Новгорода съ Тверскимъ в. к. Александромъ Михайловичемъ 1326 г.

Хранится въ Государственномъ архивѣ. Писана на большомъ кускѣ пергамина.

Князь Александръ названъ сыномъ Михаила, внукомъ Ярослава. Князья, бывшіе до него въ Новгородѣ, помянуты въ такомъ порядкѣ: Ярославъ, Василій, Димитрій, Андрей, Михаилъ, Юрій, Димитрій. Послѣдній есть братъ Александра, погибшій въ сентябрѣ 1326 г. Грамота начинается выраженіемъ: «бл҃ник҃ ѿ вл҃цѣ Моисѣи»; Моисей избранъ архіепископомъ въ 1325 г. и по поставленіи возвратился въ Новгородъ во вторникъ на вербной недѣлѣ 1326 г., то-есть 18-го марта (Пасха 23-го марта (?). Передъ тѣмъ въ Москвѣ онъ участвовалъ въ погребеніи кн. Юрія Даниловича въ субботу первой недѣли поста (8-го февраля). Въ концѣ 1327 года Александръ былъ уже во враждѣ съ Новгородомъ. Грамота писана слѣдовательно не ранѣе весны 1326 г., а такъ какъ она своимъ содержаніемъ указываетъ на условія, по которымъ князь долженъ былъ править Новгородомъ, то ее надобно отнести ко времени принятія княземъ этихъ условій, то-есть къ веснѣ 1326 г.

Буквы:

Библиотека "Руниверс"

Духовныя грамоты в. к. Московскаго Ивана Даниловича 1327—1331 г.

Хранятся въ Государственномъ архивѣ. Обѣ писалъ князь «ида въ орду» на случай «аже Богъ что розгадаетъ о моемъ животѣ». Князь Иванъ Даниловичь ходилъ въ Орду три раза: въ 1327, 1328 и 1331 г. При томъ о княгинѣ Еленѣ говорится какъ о живой, а она скончалась въ мартѣ 1332 г., слѣдовательно грамоты писаны около 1327—1331 г. Содержаніе обѣихъ одно и тоже, но во второй есть прибавленіе противъ первой. Онѣ важны не только безотносительно, но еще и потому, что представляютъ собою одинъ изъ первыхъ образцевъ подробныхъ завѣщаній; ранѣе ихъ есть только двѣ краткія грамоты кн. Волынскаго Владимира Васильковича 1188 г. и рукописаніе Климента до 1270 г. [1]).

Грамоты эти расположены такъ: 1) вступленіе: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа се азъ грѣшный худый рабъ Божій Иванъ пишу душевную грамоту... никимъ не нуженъ. цѣлымъ своимъ умомъ. въ своемъ здоровьи. Аже Богъ что розгадаетъ о моемь животѣ. даю рядъ сыномъ своимъ и княгини своеи...; 2) раздѣлъ имѣнья съ начала недвижимаго и золота, потомъ движимаго и доходовъ, (потомъ недвижимаго купленнаго) 3) окончаніе: А на се послуси [2]) отець мой духовнѣый Ефремъ. отець мои духовнѣыи Федосии, отець мои духовнѣыи попъ Давыдъ. А грамоту писалъ дьякъ князя великого Кострома. А кто сю грамоту порушить, судить ему Богъ (во 2-й грамотѣ это послѣднее стоитъ всего выше, а что грамота писана тѣмъ то, этого нѣтъ).

Изъ завѣщанія Ивана Даниловича Калиты видно, чѣмъ онъ владѣлъ и какъ раздѣлилъ бы.

— Москва названа княземъ его отчиной; сыну Семену даны Можайскъ, Коломна и пр.; сыну Ивану Звенигородъ и пр.; сыну Андрею Лопастна, Сѣверскъ, Серпуховъ и пр.; княгинѣ съ младшими дѣтьми Сурожикъ и пр. Если бы что отняли Татары, то сыновья и княгиня должны вновь подѣлиться «на то мѣсто». Изъ имѣній куплены были Иваномъ одно въ Новгородѣ, другія во Владимирѣ,

---

[1]) Завѣщаніе князя называется постоянно *душевною грамотою;* а завѣщаніе частнаго человѣка большею частью (до 2-й половины XV в.) *рукописаніемъ.*

[2]) Послухами были духовныя лица до Дмитрія Донскаго: въ его завѣщаніи, а равно и въ частныхъ завѣщаніяхъ XIV вѣка, *являются* послухами свѣтскіе люди.

Библиотека "Руниверс"

на Костромѣ, въ Ростовѣ, нѣкоторыя вымѣнены у митрополита. Большая часть ихъ роздана старшимъ сыновьямъ и княгинѣ, кое-что въ монастырь Александровскій, а кое-что Борису Воркову, если будетъ служить дѣтямъ. Людьми купленными дѣти должны были подѣлиться; а численными «вѣдать съобча и блюсти всѣмъ съ единого» (численными—свободными?).

— Изъ золота: каждому изъ 3-хъ сыновей по 4 цѣпи золотыхъ, каждому по 3 пояса: Семену 3 пояса золотые, Андрею тоже 3 (одинъ большой съ жемчугомъ и съ каменьемъ, другой золотой съ капторгами (застежками), третій сердоликовый, окованный золотомъ), Ивану тоже 3 (золотой Фряжскій съ жемчугомъ и съ каменьемъ, золотой съ крюкомъ на червчатомъ шелкѣ, золотой царевскій); каждому по нѣсколько чашь и блюдъ золотыхъ (Семену 2 чаши золотыхъ съ жемчугомъ, блюдце золотое съ жемчугомъ съ каменьемъ, 2 чума (ковша) золотыхъ большихъ; Ивану 2 овкача золотыхъ, 2 чашки круглыхъ золотыхъ; Андрею 2 чары золотыхъ, 2 чумка (ковшика) золотыхъ мѣньшихъ).

Изъ серебра: Семену 3 серебряныхъ блюда, Ивану блюдо ѣзднинъское и 2 блюдца меньшихъ, Андрею блюдо большое и 2 малыхъ. Кромѣ того дочери Фетиніи изъ жениныхъ: 14 обручей (браслетовъ), ожерелье, монисто, чело и гривну; новоприбытое золото и коробочку золотую княгинѣ съ меньшими дѣтьми. Остальными серебряными сосудами должны были дѣти и княгиня подѣлиться; а серебряные пояса раздать попамъ. Серебряное блюдо великое въ 4 кольца—Богородицѣ Володимирской.

— Изъ портъ: Семену кожухъ черленый жемчужный, шапка золотая; Ивану кожухъ желтая объярь съ жемчугомъ, коцъ (плащь) великій съ бармами; Андрею бугай соболій съ наплечками съ великимъ жемчугомъ съ каменьемъ, скорлатное портище саженое съ бармами, младшимъ дѣтямъ Марьѣ и Федосьѣ 2 кожуха съ аламы (воротники) съ жемчугомъ. Остальные порты велѣлъ раздѣлить Московскимъ попамъ.

Изъ доходовъ: изъ городскихъ волостей осмничее княгинѣ; а тамгою и иными волостями должны были подѣлиться дѣти, равно и мытами по уѣзду каждаго и медовымъ оброкомъ, и бортниками и оброчниками по росписи каждаго.

Договоръ Риги съ Полотскомъ ок. 1330 г.

Хранится въ Рижскомъ архивѣ. Писанъ на большомъ широкомъ кускѣ пергамина крупнымъ толстымъ уставомъ особаго почерка отличающагося нѣкоторыми пріемами.

Библиотека "Руниверс"

При грамотѣ двѣ печати; на одной: «печать епспа Григорья», на другой»: «печать княжа Глѣбова». Епископъ Полотскій Григорій упомянутъ подъ 6839=1331 г. въ Новгородской лѣтописи. Подъ княземъ Глѣбомъ надо понимать Наримонта сына Гедиминова.

Пониманію грамоты помогаетъ древне Нѣмецкая редакція, приложенная къ древней копіи грамоты. Въ Русскомъ подлинникѣ нѣтъ имени Полотска; въ Нѣмецкой редакціи имя это читается два раза.

Грамота писана отъ Рижанъ: «тако хочемъ мы горожане (то-есть, Рижане) с мѣштеремъ».

— вѣсити воскъ на сколвахъ—mit ener Schalen.

— языкъ пускати на товаръ—спускать товаръ на вѣсъ, освобождая равновѣсъ.

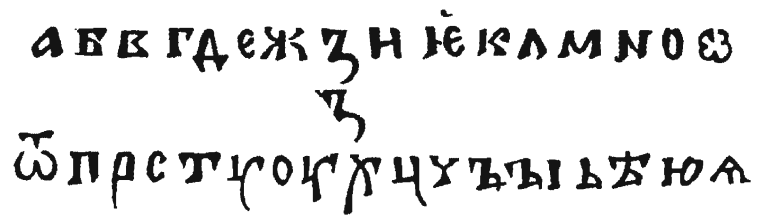
— дать вѣсчаго заушню отъ берковца—нѣм. Zausen (?): ср oer=ohr.

— пудныи рѣменъ — punder, pondarium, вѣсы большіе безъ чашекъ.

— отъ бѣрковьска, отъ рубля долгая—ene dolghen=долгея.

— въ Ригѣ отъ бѣрковьска полъ овря: enen halven ōre: oer=ohr=$^{1}/_{48}$ марки.

— отъ бѣрковьска или и отъ гривны серебра Любечцьскыи—enen Lubeschen penyng.

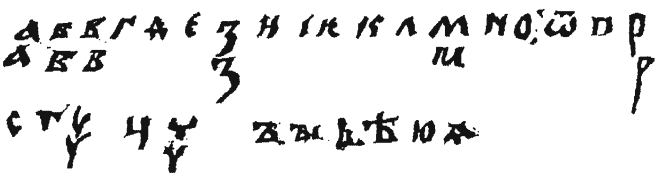
Грамота кн. Кейстутія и Любарта Торунскому гражданству послѣ 1341 г.

Хранится въ Кенигсбергскомъ архивѣ. Писана на небольшомъ лоскуткѣ пергамина на 8 строкахъ. Даетъ право свободнаго пути изъ Торуня въ Лучьскъ черезъ Дорогичинъ и Мельникъ.

О времени грамоты говорятъ имена князей въ ней помянутыхъ: Кейстутій, кн. Виленскій, и Любартъ, кн. Волынскій, наслѣдники Гедимина, не могли дать этой грамоты ранѣе смерти Гедимина, 1341 года.

Библиотека "Руниверс"

Одна изъ старѣйшихъ пробъ скорописи.

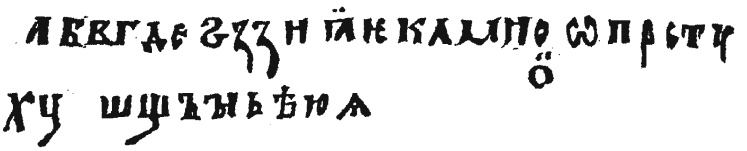

Ирмологій 1344 г.

Хранится въ Синодальной библіотекѣ. Писанъ въ малую четвертку на хорошемъ пергаминѣ превосходнымъ почеркомъ. Сохранилось 82 лл.

Время написанія обозначено въ записи на послѣднемъ листѣ. Конца записи нѣтъ:

Въ лѣ. ѯ҃. ноѥ. ѡ҃. ноѥ. нв.
написанъı бѣша книгы
сиѧ къ сто҃му Пантелеи
мону. на краснѣıи дворъ. по
вѣлениѥмь и стѫжани
ѥмь раба бо҃ѵ. Власиѧ че
рньца и Смена попа. Пару
шкова. внука. а писалъ Фи
липъ. Михалевъ сн҃ъ Моро
зовица. а ци буду въ младо
оумьи своѥмь кдѣ помалъ....

Паримейникъ 1348 г.

Рукопись Типографской библіотеки. Писана въ листъ, 144 лл. въ 2 столбца. Безъ начала.

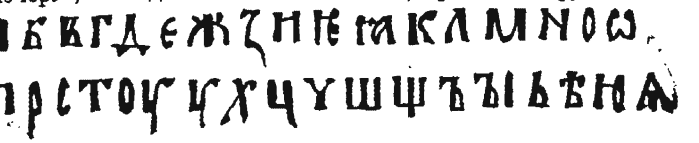
Время написанія обозначено на послѣднемъ листѣ.

Въ лѣ. ѯ. ѡ҃. н҃. ѕ҃. ѳ (6856).

Во второй половинѣ подъ 24 іюля помѣщены два чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ.

Библиотека "Руниверс"

Почеркъ, господствовавшій въ XIV в., красивый, крупный.

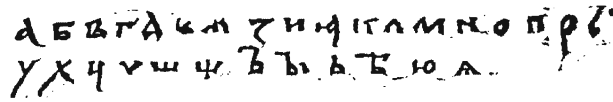
(Παροιμία—притча, proverbium, parabola—чтенія изъ книгъ Соломона и пророковъ, приноровленныя къ днямъ церковныхъ праздниковъ и воспоминаній).

Закладная Двинскаго владѣльца Власія Степановича Чюхченемскому монастырю. 1349 г.

Писана на небольшомъ лоскуткѣ пергамина на 20 строкахъ довольно мелкою скорописью.

Власій Степановичъ заложилъ Чюхченемскому монастырю полъсела на Костковѣ горѣ въ 10-ти рубляхъ и въ 3-хъ сорокахъ бѣлки на 5 лѣтъ, и выдалъ «старую грамоту» на эту землю монастырю. Если черезъ пять лѣтъ Власій отдастъ монастырю деньги, то получитъ обратно землю, а если не отдастъ, то земля монастырю въ вѣки. Больше денегъ за эту землю Власію не брать. Очищать—отъ поборовъ—(?) ту землю Власію и монастырю вмѣстѣ. Монастырю память творить по отцѣ Власія, Степанѣ, по силѣ. Свидѣтелями договора были 6 человѣкъ, въ томъ числѣ Юрій дьякъ монастырскій. Грамота писана въ 6857 г., въ ту зиму, когда Корѣлы за моремъ Двинянъ грабили. При грамотѣ печать; у печати стоялъ самъ Власій Степановичъ.

Буквы:

Книга евангельскихъ чтеній около 1350 г.

Рукопись Александро Невской Лавры. Писана въ малый листъ въ 2 столбца, на дурномъ пергаминѣ.

Почеркъ тотъ же, что въ предъидущемъ, но похуже.

Замѣчательна запись (Свѣдѣнія и замѣтки XX).

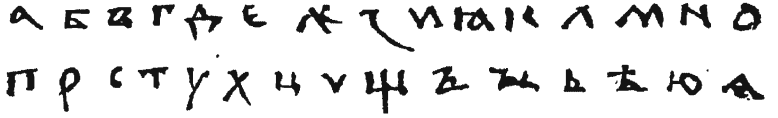
Библиотека "Руниверс"

Духовная в. кн. Симеона Гордаго 1353 г.

Хранится въ Государственномъ архивѣ. Писана на довольно большомъ лоскутѣ пергамина широкими строками.

Въ грамотѣ обозначено имущество, оставляемое имъ княгинѣ, и дано наставленье, какъ жить братьямъ.

Буквы:

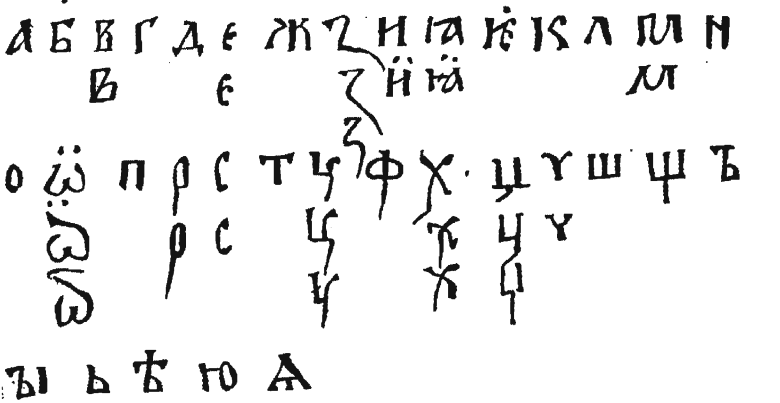

Жалованная грамота кн. Олега Ивановича Рязанскаго Ольгову Богородицкому монастырю послѣ 1356 г.

Хранится въ Московскомъ Государственномъ архивѣ. Писана на большомъ листѣ пергамина, на 35 строкахъ шириною по 9 вершковъ, крупнымъ уставомъ. Верхъ листа занятъ изображеніями: въ серединѣ Іисуса Христа, на право отъ него Богородицы и арх. Михаила, на лѣво Іоанна Крестителя и арх. Гавріила; подъ арх. Михаиломъ изображеніе игумена Арсенія съ надписью: а се грѣшнѣми чернець Арьсении; лѣвѣе арх. Гавріила: агѣлосъ Аковъ (Іаковъ апостолъ).

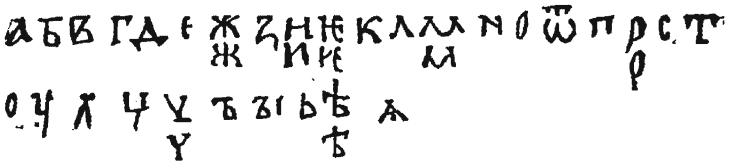
Время написанія грамоты опредѣляется упоминаніемъ въ ней епископа Рязанскаго Василія, который занималъ это мѣсто съ 1356 года.

Буквы:

Библиотека "Руниверс"

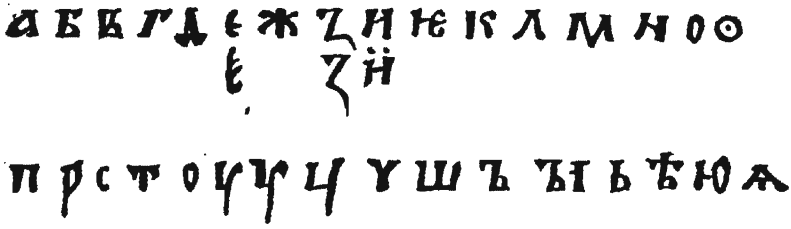
Рисунокъ буквъ ва послѣднихъ трехъ строкахъ:

Договорная грамота Смоленскаго князя Ивана Александровича съ Ригой до 1359 г.

Хранится въ Государственномъ архивѣ. Писана на листѣ бумаги, на 21 строкѣ шириною въ пять верш., крупнымъ уставомъ.

Рисунокъ буквъ:

Книга Евангельскихъ чтеній Моисиева до 1359 г.

Хранилась въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Написана небрежно на дурномъ пергаминѣ въ малый листъ. 270 лл.

Въ концѣ запись (на оборотѣ послѣдняго листа):

> Ѡ Гн̄и спси и помилуи архиепа Новгородьскѡ
> Моисиа. стажавшаго книгы сиа сто̄го кѹ̄є
> даи кмоу Гн̄и здравиѥ и оучастиѥ въ црт̄вии
> твоѥмь въ вѣкы. аминь.

Есть и другое Евангеліе Моисеево. Хранится въ Типографской библіотекѣ; писано въ 2 столбца.

За подписью писца слѣдуетъ тѣмъ же почеркомъ:

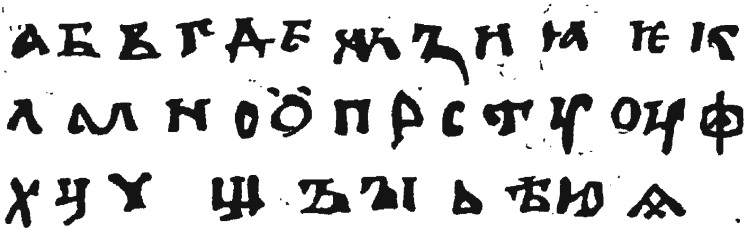
Се азъ вл̄ка Моисѣи. далъ ѥсмь ѥоуангльѥ. сто̄моу Георгію. а кто въсхочѣ ѡ̄нати ѡ̄ сто̄го Георгиа. буди прокла Бм̄ь и ст̄ымь Георгиѥмъ.

Еще ниже, мельче:

А которыи попъ или дыяконъ четъ. а не застѣгаѥть всихъ застѣжекъ. Буди прокла.

Библиотека "Руниверс"

Рисунокъ буквъ:

Договорная грамота Новгорода съ Нѣмцами около 1375 г.

Писана на небольшомъ лоскутѣ пергамина на 15 строкахъ по 5 вершковъ, тѣсно.

При грамотѣ двѣ печати, посадника и тысяцкаго.

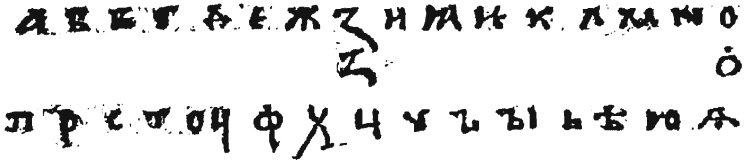
Время опредѣляется лицами, упомянутыми въ записи:

ѿ архиѥпа Новгородьскаго. кѵдкы Олексѣи.

ѿ посадника Юрга. ѿ тысячкого Матфѣи...

(Вѣстникъ Европы 1811 г. кн. 23 и 24; 1812 г. кн. 3; Дополненія къ Актамъ историческимъ I № 7; Русско Ливонскіе акты стр. 76—78. Снимокъ въ сборникѣ Иванова).

Буквы:

Лаврентьевская лѣтопись 1377 г.

Хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ. Рукопись въ большую 4—ку, 173 лл.: первые сорокъ въ одну строчку, а остальные въ два столбца. Нѣсколькихъ листовъ въ серединѣ недостаетъ. На послѣднемъ листѣ киноварью записано между прочимъ:

Радуется купець прикупъ створивъ и кормьчии въ ѡтишье приставъ и странникъ въ ѡтечьство свое пришедъ. тако же радуется и книжныи списатель. дошедъ конца книгамъ. тако же и азъ худыи недостоинъıи и многогрѣшныи рабъ Бжіи Лаврентеи мнѝ. Началъ ѥсмь писати книги сїѧ. гл҃ıыи лѣтописецъ. мц҃а генваря въ д҃. на памѧ҇ стѣхъ оц҃ъ нашѝ Аввѣ҇ в Синаи и в Раифѣ избьıвъıѝ. князю

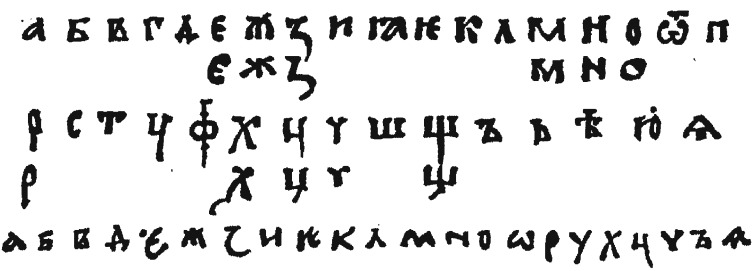
Библиотека "Руниверс"

великому Дмитрию Константиновичю. а по бл҃гвнью сщ҃еньнаго еп҃па Дѡнисьа. и кончалъ ксмъ мц҃а марта. въ к҃. на пам҃ѧ ст҃ѣхъ ѡц҃ь нашн҃. иже въ монастыри ст҃о Савы. избьжнѣ҃ ѡ҃ Срацинъ·:· В лѣ҃ ҁ҃. ѡ҃ пѣ҃. при бл҃говѣрно҃ и х҃олюбиво҃ кнзи велико҃ Дмитрии Константиновичи. и при еп҃пѣ҃ нашѣ҃ х҃олюбивѣмъ сщ҃еномъ Дѡнисьѣ Суждальско҃ и Новгородьско҃ и Городьско҃. И нынѣ господа ѡц҃и и братьа. ѡже ся гдѣ буду ѡписалъ. или переписалъ или не дописалъ. чтите исправливаѧ Бг҃а дѣля. а не клените. занеже книгы. ветшаны. а оумъ молодъ не дошелъ.

Димитрій Константиновичь умеръ въ 1383 г., Діонисій умеръ въ 1389 г. (онъ былъ позже митрополитомъ).

Первые 40 лл. писаны хорошимъ уставомъ; уставомъ же писаны л. 157, 9 строкъ на л. 161 и л. 167; все прочее полууставомъ, который любопытенъ особенно, такъ какъ сравнительно рѣдокъ до XV вѣка.

Буквы:

Оканчивается 6813 годомъ инд. 2 съ отмѣткою, что въ этомъ году 23 іюня было во вторникъ, слѣдовательно это относится къ 1304 году.

Дѣлится на двѣ части. Одна изъ нихъ, первая, оканчивается 6618 годомъ, припискою:

Игуменъ Силивестръ святаго Михаила написахъ книгы си лѣтописець. надѣѧся ѡ҃ Бг҃а мл҃ть приѧти. при кнзи Володимерѣ, кнажащю ему Кыквѣ а мнѣ в то врема игуменащю оу ст҃го Михаіла въ ѩs. х҃. кд҃. индикта. ѳ҃ лѣ҃. а иже чтеть книгы сиѧ то буди ми въ мл҃твахъ·:·

Вторая часть начинается съ 6619 г. (повторяя то же что въ первой подъ 6618 г.) и продолжается до 6813 г.

Первая часть начинается словами:

Се повѣсти временьнѣ҃ лѣ҃. ѿкуду есть пошла рускаѧ зема кто въ Киевѣ нача первѣе кнажи҃ и ѿкуду рускаѧ земля. стала есть·:· Это все до конца то, что обыкновенно называется лѣтописью Нестора.

Библиотека "Руниверс"

Подъ 6604 годомъ есть неумѣстная, хотя и любопытная вставка: «Поученьк. Азъ худый дѣдомъ своимъ Ꙗрославомъ. блг҃ѣнымъ славнымъ нарѣнъ кмь въ крщ҃нїй Василїй. русьскымь именемь Володимиръ»—оканчивающаяся словами: «всегда і нынѣ и при вѣк҃.:.». Далѣе продолженіе разсказа о 6604 г.: Се же хощю, сказати, и пр.

Повѣсть временныхъ лѣтъ важна во первыхъ какъ древнѣйшій изъ сводовъ лѣтописей, писанныхъ еще древнѣе, и слѣдовательно какъ свидѣтельство о ихъ существованіи; во вторыхъ какъ произведеніе самобытное, въ которомъ сочинитель показалъ самъ себя, свои понятія, свои знанія; въ третьихъ какъ сборникъ разныхъ другихъ памятниковъ: грамотъ, поученій, выписанныхъ изъ Греческихъ лѣтописцевъ и изъ особаго лѣтописца Русскаго (Васильева подъ 6605 г.), изъ Кіевскаго Патерика и пр.—Преимущественно касается Кіева.

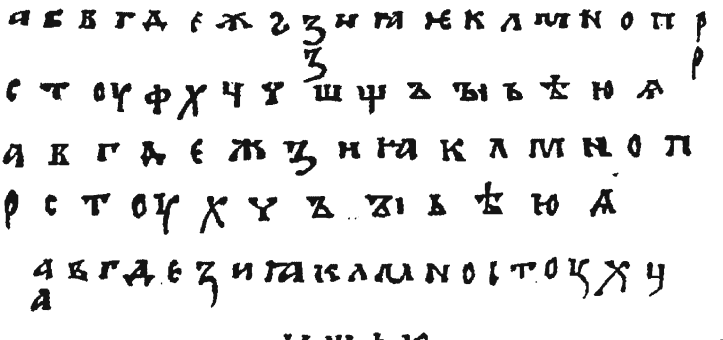
Вторая часть съ начала такъ же болѣе касается Кіева, но позже переноситъ кругъ воспоминаній на сѣверъ Руси. Написана съ меньшимъ умѣньемъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ вмѣсто краткихъ замѣтокъ поставлены особыя сказанія.

Новгородская лѣтопись по Синодальному списку.

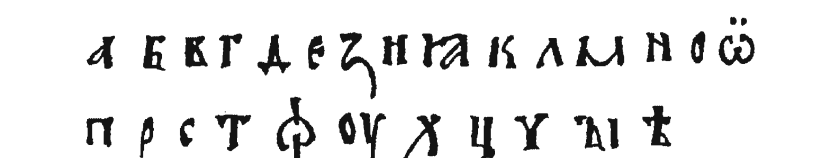
Хранится въ Синодальной Московской библіотекѣ. Писана въ большую 4-ку. 169 лл. безъ начала, то-есть, безъ 15-ти первыхъ тетрадей, (такъ какъ на тетради первой есть помѣтка $\bar{5}$і, далѣе $\bar{1}$і и т. д. до $\bar{1}\bar{1}$ (это послѣдняя), и безъ нѣсколькихъ листовъ въ серединѣ (въ 30-й тетради).

Писана нѣсколькими почерками: первый до 62 л., второй до 119, третій до 163, за тѣмъ еще разные почерки—все уставные;—сравнительно съ Лаврентьевскою лѣтописью древнѣе.

Рисунки почерковъ:

Библиотека "Руниверс"

Этотъ списокъ лѣтописи оканчивается 6841 годомъ. Замѣтки о годахъ 6845, 6853 и 6860 суть приписки; но во всякомъ случаѣ рукопись писана послѣ 6860 г.

Чѣмъ начинается эта лѣтопись—не извѣстно, но судя по тому что недостаетъ 15 тетрадей, около 120 лл., и что въ другихъ спискахъ такой же лѣтописи началомъ служитъ Повѣсть временныхъ лѣтъ, можно предполагать, что и въ этомъ спискѣ было то же. (Начинается первый сохранившійся листъ словами: «а вы плотници соуще. а приставимъ вы хоромъ роубити». Это относится къ 6524 г. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ: воевода Сватополчь нача оукарати Новгородцѣ гл҃а: что придосте съ хромьцемь симь. а вы плотници суще. а приставимъ вы хоромъ (=мы=овъ) рубити нашимъ (=нашихъ). Се слышавше Новгородци рѣша Ярославѹ и пр.). За окончаніемъ этого разсказа, съ 6525 г., Новгородская лѣтопись представляетъ совсѣмъ другой подборъ свѣдѣній, чѣмъ Повѣсть временныхъ лѣтъ. Событія касаются почти исключительно Новгорода.

Стихирарь 1380 г.

Рукопись Троицко Сергіевской Лавры. Въ 4-ку, 148 лл. Написана на хорошемъ пергаминѣ хорошимъ почеркомъ съ украшеніями—между прочимъ и съ вязью очень сложною.

Время опредѣляется записями, находящимися на страницахъ съ боку, очень трудно читаемыми.

На л. 48:

В лѣ҃. ѕ҃. ѡ҃. пи мц҃а сен҃т. кѕ҃. на памꙗ҃. ⊙ Іо. ѳеѡлога в сре҃ по вѣ҃. почата бы҃ пѧти тетр. г҃. а въ нощ҃.

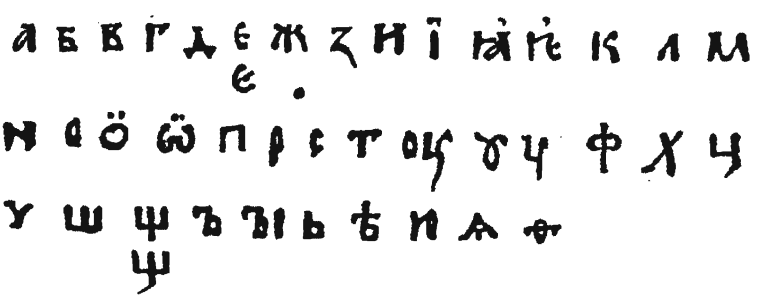
На л. 40:

мц҃а септебр въ кѧ҃ днь҃ в пѧ҃ на памꙗ҃ ⊙ апл҃а Кондрата по литургіи почата бы҃ пс҃т тетра҃ ѕі҃. въ тж҃ днь҃ Симоновскій приездилъ въ т҃ днь҃ келарь поѣхалъ на Рѣзань. во т҃ днь҃ ма... га черница ѕ҃ вѣщали. во т҃ днь҃ Исакиі Андреиковъ приѣхалъ къ намъ. во т҃ дн. вѣсть при҃ ꙗко Литва градуть с Агарꙗны:

26 сент. въ среду было въ 1380 г. (пасха марта 25). 21 сент. было въ томъ же году въ пятницу (23 воскресенье). (Куликовская битва была 8 сент. 1380).

Библиотека "Руниверс"

Буквы:

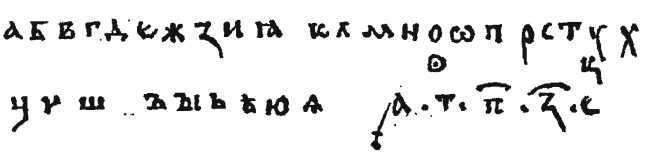
Грамота Владислава короля Польскаго и Литовскаго 1387 г.

Хранится въ Государственномъ архивѣ. Писана на большомъ листѣ пергамина съ загнутымъ для печати низомъ, 33 длинныхъ строки. Почеркъ полууставный, очень красивый и старательный.

Годъ означенъ а т. п ч.

Грамота важна и по языку.

Рисунокъ буквъ:

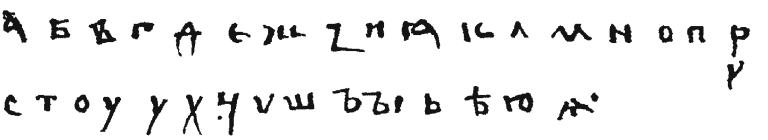
Памятники скорописи.

Къ концу XIV вѣка все болѣе и болѣе распространялось употребленіе скорописи. Сербы внесли къ намъ обычай писать и книги скорописью. Такъ написана на пр. Лѣствица въ 1387 году въ Стѣ́діиской обители Кипріано́ смѣреннѣмъ митрополито́ Кыевскѣмъ и всеа Рωсіа (рукопись Моск. Дух. Акад.). Почеркъ см. на прилаг. снимкѣ № 2. Даже и пиша уставомъ, писцы стали позволять себѣ разные облегчительные пріемы. Книги для церковнаго чтенія писались впрочемъ по прежнему уставомъ прежнимъ.

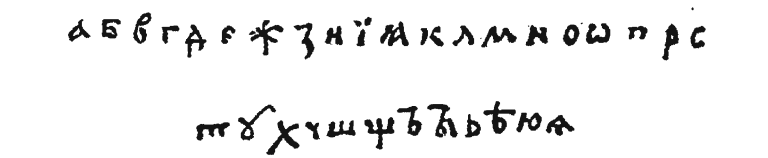
Для образца Русской скорописи конца XIV вѣка выбираю слѣдующіе памятники:

1. Духовная грамота великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго до 1389 г.

Библиотека "Руниверс"

2. Лѣствица 1387 г.

Книги XIV вѣка безъ опредѣленнаго обозначенія времени.

Книга Пятикнижія Моисеева.

Рукопись Троицко-Сергіевской лавры въ б. 4-ку 166 лл. въ 2 столбца (20 тетрадей и 3 лл. пришитыхъ). Пергаминъ плотный и довольно мягкій, но не выбранный, съ дырами, неполнотами въ листахъ, сшивками и т. п.

Письмо XIV в., около 1350 г.

— л. 1—56 об. Сиа книги Моусиевы
первыа ветхиа нарицаемыа
бытье. сказаны Гаврилѡ арха
гла. а списаны Моисиемъ
законодавцемь ѿ миротво
реньи. начало бытыа.
— л. 56 об.—91 об. Книги второа Моисиискиа
нарицаемыа исходъ сно
въ Изрлвъ изъ Ёгупта ⁘ +
— л. 91 об.—110 Кни Левгискиа
— л. 110—135 об. Числа снвъ Ізлвъ
книги. д ѣ.
— л. 135 об.—160. Кни е. нарицаемы
а девтерономѣа си
рѣ второзаконие⁘
— л. 160—166. ѿкончашася книгы па
тыа гѣмыа девтерономиа. паже нарицаются
второзаконіе. пятеры бо
суть книги Моисиевыа

Библиотека "Руниверс"

же ӥ ветхи҃ законъ ска
заѣться. а҃. бытьѣ. в҃. и҃схо
дъ. г҃. левгитъ. д҃. числа.
.е҃. девтерономиа. доволно
оубо извѣстившеси. ѡ̀ п҃
терахъ книгахъ таче аби
ѣ ѡ̀тъ, тѣ́ду начнемъ. ше
стыѧ книги і҃са Навгина
седмыѧ сѣ́дьи. ѡ̀смерꙗ
ѧ же Руѳь ѧже бѣ праба
ба Дв҃ду цр҃ю. жена же бѣ
Воѡ̀зова. ѧко бъıти Воѣ́зѹ десятому ѡ̀ Авраама. девятыѧ книги
тетрова
силиѣ́съ. рекше четъıри
цр҃твиѧ. но сию рѣ́чь до
сдѣ ѡ̀ставльше. ӥ паки
на предлежащюю бесѣ́тву възвратимся. ѧко
по Мосиѝ бы҃ Ис҃ъ Навгинъ.
ѣ́го же ӥ книги шестыѧ ѡ̀ Моѝсиѧ начинаются. ӥ
муща начало писаниѧ си
це᷑:

За этою записью слѣдуетъ хронографическое извлеченіе изъ книгъ Іис. Навина, Судей, Руѳи, Царствъ и др., а далѣе изъ другихъ источниковъ о царствѣ Римскомъ (съ Юліа), о плѣненіи Іерусалима Веспасіаномъ и Титомъ, о царствѣ христіанскомъ (съ Константина великаго до Константина Порфиророднаго включительно).

Между строками и на поляхъ съ боку, въ верху или въ низу страницы большею частью киноварью написано, на какой день читаются какія мѣста Пятикнижія.

Письмо писца или вѣрнѣе писцевъ перечитано и исправлено приписками пропусковъ и частію самовольными поправками—другимъ почеркомъ.

Почерки въ рукописи:

1)—л. 1. (немного менѣе 3-хъ столбцовъ) хорошій продолговатый почеркъ (къ нему принадлежатъ з и ч первыя на снимкѣ) [1]).

2)—л. 1—5: мельче, острѣе (е, м второе) [2]).

3)—л. 5. нѣсколько строкъ на 2 столбцѣ (з второе).

2)—л. 5—10 почеркъ 2-й.

---

[1]) на гласныхъ въ началѣ слога—двѣ точки. (ӓ, ѧ̈ ѣ̈, ӥ, ѳ̈, ѡ̈)

[2]) чаще одна точка надъ гласною.

Библиотека "Руниверс"

4)—л. 10 (ч второе)

5)—л. 11—12 широкій, съ тѣсно сбитыми строками (а, и второе).

2)—л. 13—34 [1]).

6)—л. 35—74, похожій на 2-й, но еще острѣе (ф) [2]).

3)—л. 75—78.

7)—л. 78—89—съ неумѣньемъ вести прямую строку [3]).

8)—л. 89—160, хорошій, ровный, похожій на 1-й, но мельче и шире [4]).

9)—л. 160—166, косой.

Во всѣхъ почеркахъ:—въ началѣ слова и слога оу, ѡ или о; послѣ согласной у и о; такъ же ѹ, иногда и ѥ или є въ началѣ слога или слова, а ѧ и е въ серединѣ.

— вмѣсто иѹ, иѥ очень часто ыѹ, ыа, ые, ык; вмѣсто ию—ыю.

— і и и нѣкоторыми писцами употребляются различно: въ большей части рукописи — и послѣ согласной, а і послѣ гласной, хотя бы и въ началѣ слова: этого не держались писцы почерковъ 2-го, 4-го, 5-го, 6-го (непостоянно).

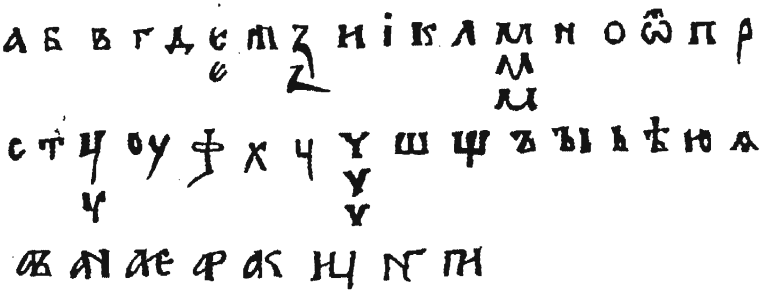
— ъ и ь въ концахъ 3-го лица и падеж. ед. ч. мѣшаются.

— ы постоянно, никогда ы.

— ѣ и е, ѣ и и также смѣшаны.

Во всѣхъ почеркахъ допущены связи двухъ буквъ.

Рисунокъ почерковъ:

[1]) по двѣ точки надъ гласною.

[2]) по двѣ точки надъ гласною, а иногда и совсѣмъ нѣтъ.

[3]) точка на и послѣ согласной, иногда одна или двѣ, и на другихъ гласныхъ въ началѣ слога.

[4]) безъ точекъ.

Библиотека "Руниверс"

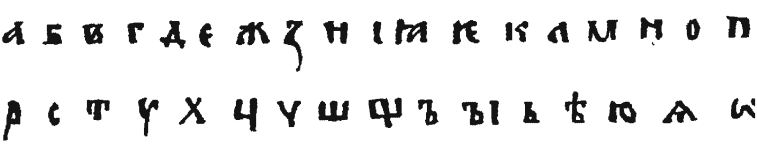
Книги Іисуса Навина, Судей Израилевыхъ, Руѳь, Есѳирь.

Пергаминная рукопись Троицко-Сергіевской Лавры въ 4-у 166 лл. въ 1 столбецъ.

Пергаминъ плотный, но не выбранный, съ разными недостатками и сшивками.

Письмо, судя по почерку, конца XIV или начала XV в.

Буквы:

Содержаніе рукописи:

— л. 1 об.—55 об. ѕ къниги Іс҃а Навъгі҃на.

— л. 55 об.—112 об. кънигы седмыа̀ судѣ҇ Ізлевы҃.

— л. 112 об.—121 кънигы. и҃. Роуѳь.

— л. 121 об.—136 об. книгы десятыѧ Єсѳі҃рі.

— л. 137—ѡтъ книгъ Хронографа: нѣсколько статеекъ хронологическаго содержанія. Въ первой изъ нихъ между прочимъ означено:

«ѡ҃ Костянтина до Володи҃мира иже кр҃ти Руськую землю лѣ҃. ѱ бес полутретьѧ десять лѣ҃ ѡ҃ Володимѣра до Всеволода Гюргевича лѣ҃ с҃.

— л. 144. ѡ и҃менехъ гл҃емыхъ Жидовскымъ ꙗзыкомъ въ книгахъ прѣ҃вныхъ. сказано и преложено неразумнѡ҇ на разумъ. иже въ ѥванглии и въ апі҃ѣ. и въ пі҃тыри. и в паремии. и в прочихъ книгахъ (Нач.: Алѣлуги҃а̀ поите Ба҃ аминь и҃стиною҇. херовимъ просѣпаниѥ пр҃ѣ мудростю҇. или крилаа̀тци. Серафимъ дх҃ъ вскр҃ни҃ѧ. или Запаляющей. Михаилъ. воѥвода ѡ҃ Ба҃ Гаврилъ. оуноша бии҃ Оурилъ ѡгнь би҃и—и пр.).

За этимъ слѣдуетъ такое же толкованіе именъ:

Пр҃рческаѧ (Wсиа̀ сѣняй. Амосъ. родъ и т. д.).

— л. 152 об. Сѵ҃то Ѥпифаниѧ ѡ҃ Панарии҃ (11 строкъ).

— ѡ҃ анкирота» съ обозначеніемъ потомства Сима, Хама и Афета.

— л. 156—166. Сказаніѥ въ ѡбразъ притъча ѡ҃ житьи҃ человѣчьстѣ҇ (нач. Оуподобися оубо [1]) възлюблении нашь животъ. въ

[1]) Оубо—зачеркнуто.

Библиотека "Руниверс"

житѣѝ семь чл҃ку всельшюся въ дворъ съ женою своєю ѝ съ ѥдиночадѣмъ сн҃омъ. ѝ съ ѥдинѣмъ рабомъ. в нем же дворѣ бяше змиꙗ смьртоносьна.

Въ отношеніи къ правописанію рукопись распадается на двѣ части:—лл. 1—56 (тетрадь 1—7) и лл. 136—166 (тетр. 18—21) писаны съ соблюденіемъ у послѣ согласной, а иногда и послѣ гласной, а не оу, съ ѣ, а не ы; лл. 57—136 (тетр. 8—17) съ оу послѣ согласной, почти исключительно, съ ы, а не съ ѣ.

Грамматическій строй языка соблюденъ вездѣ довольно тщательно; но отступленій отъ древняго правописанія очень много и случаевъ написанія по Русскому выговору также очень много.

Книги Іисуса Навина, Судей и Руѳь писаны по тому древнему переводу, который извѣстенъ и изъ другихъ списковъ; книга Есѳирь дана въ переводѣ съ Еврейскаго, какъ и въ Геннадіевской библіи и въ нѣкоторыхъ другихъ рукописяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Вещи.

Омофоръ 1325 г. или послѣ.

Омофоръ архіеп. Моисея: шелковый вышитый. На концѣ золотистымъ шелкомъ по красному полю:

Моисиа архиепископа молитвами святыя Софіи.

Крестъ 1359 г.

Крестъ деревянный въ церкви св. Флора и Лавра въ Новгородѣ.

На немъ вырѣзана запись:

В лѣ ѕ ѡ ѯ ѕ. индї вї.
поставленъ бы крⷭ̃ъ сн
Гн. Іс. Хе̃ помил(у)и вса хр̃стьяны
на всякомъ мѣстѣ молящеся тобѣ
вѣрою ч: ѣмь срдцемь и рабомъ б(ж)і
имъ помози поставившимъ крⷭ̃ъ сі
Людгощичамъ. и мнѣ написавшемѹ
ф і. манас.-рр ла с. т ввв мѕ рр мѕ.

Крестъ 1360 г.

Каменный крестъ, вдѣланный въ стѣну Новгородскаго Софійскаго собора (длиною 2½ арш., шириною 1½ арш.), съ высѣченными изображеніями изъ жизни Спасителя. Надпись вокругъ:

(п)исанъ бы крⷭ̃ъ сеи в Новѣгородѣ. повѣлѣниемь болюбиваго прⷭ̃щнго архепкп(а) Олеа̃ия и поставленъ на поклоненьѥ правовѣрнымъ (лю)де(мъ) (а) влдцѣ арх(еп)кп(у) Олеа̃ию да Бъ многа лѣ и здравие и спи̃ие и дѣтемъ его всему миру.

Парамандъ до 1400.

Парамандъ [1]) съ поясомъ изъ кожи съ натиснутыми изображеніями праздниковъ и написями. Найденъ въ гробѣ въ церкви Спаса на Бору.

---

[1]) παραμάντων: παραμάνδο=навалавъ. Монахи носятъ на груди.

Библиотека "Руниверс"

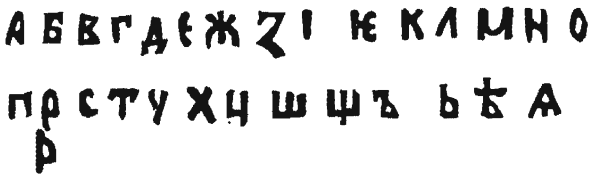
Деревянный крестъ 1359 года.

Библиотека "Руниверс"

Всѣхъ изображеній 12 и 12 написей.

блго	преб
вѣщ	раж
енье	енье
—	—
рожь	расп
тво	атье
Хсво	Хсво
—	—
встр	вскре
ѣтѣ	сенье
Хсво	Хсво
—	—
крещ	взне
енье	сенье
Хсво	Гсне
—	—
вскре	шеств
сенье	е Дха
Лзво	стго
—	—
вхдъ	успе
вкрс	нье ст
лиъ.	ѣы Бцы
—	—

Рисунокъ буквъ:

XIV столѣтіе въ палеографическомъ отношеніи замѣчательно:

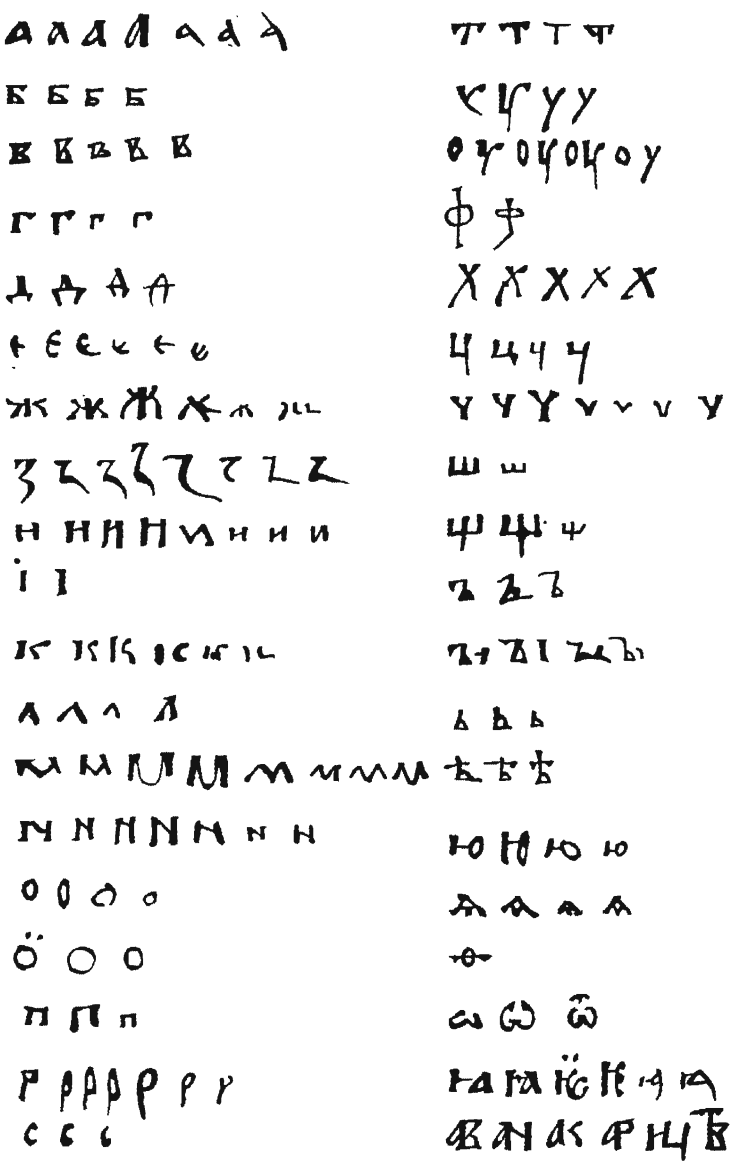
1. Образованіемъ особаго собственно Русскаго уставнаго ьрасиваго почерка.

2. Распространеніемъ вязи.

3. Образованіемъ скорописи.

4. Введеніемъ бумаги.

Библиотека "Руниверс"

Сводная азбука XIV вѣка.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

стран.

1. (23-го августа 1884 г.). Объ учрежденіи при Рижскомъ городскомъ реальномъ училищѣ преміи имени Андрея Штрауса. 3

2. (23-го августа 1884 г.). О закрытіи Александровской общей ученической квартиры при Новочеркасской гимназіи . . . . . —

3. (15-го мая 1884 г.). Объ освобожденіи чиновниковъ, состоящихъ на службѣ въ губерніяхъ Царства Польскаго, отъ участія въ складкѣ на содержаніе начальныхъ училищъ 4

4. (18-го сентября 1884 г.). Объ источникѣ покрытія расхода по содержанію профессора С.-Петербургскаго технологическаго института по каѳедрѣ химической технологіи 5

5. (21-го сентября 1884 г.). О производствѣ пенсій профессорамъ университетовъ, пріобрѣвшимъ право на оныя выслугою 29—30-лѣтнихъ и т. д. сроковъ, до изданія устава университетовъ 23-го августа 1884 года 33

6. (9-го октября 1884 г.). О передачѣ метеорологическихъ обсерваторій изъ горнаго вѣдомства въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. . . . . —

Высочайшіе приказы.

13-го іюля 1884 года (№ 7) 6

23-го августа 1884 года (№ 8) 7

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

30-го августа 1884 г. (№ 9) 8
12-го сентября 1884 г. (№ 10). 34
24-го сентября 1884 г. (№ 11). 35

Министерскія распоряженія.

1. (14-го сентября 1884 г.) Положеніе фамильнаго легата имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ѳедора Миквица при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ 8

2. (23-го сентября 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ опредѣленіи на службу въ учебныя заведенія оканчивающихъ курсъ воспитанниковъ учительскихъ институтовъ 11

3. (29-го сентября 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени бывшаго ученика 6-го класса Московской 1-й гимназіи Николая Загоскина, учреждаемой при названной гимназіи 12

4. (4-го октября 1884 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени бывшаго военнаго губернатора Забайкальской области, генеральнаго штаба генералъ-маіора Луки Ивановича Ильяшевича и супруги его Аделаиды Ивановны Ильяшевичъ 13

5. (16-го октября 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени Дмитрія Даля при Симферопольской гимназіи. 14

6. (15-го октября 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени Угличскаго мѣщанина Александра Ефремовича Мельникова при Новгородскомъ трехклассномъ училищѣ. 36

7. (15-го октября 1884 г.) Положеніе о трехъ стипендіяхъ при Каинской женской прогимназіи, учрежденныхъ въ память священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ . . . . . —

8. (19-го октября 1884 г.). Правила для стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Самуила Соломоновича Полякова. 38

9. (2-го ноября 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени Мартына и Анастасіи Кованецъ 39

10. (8-го ноября 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени вдовы коллежскаго регистратора Маріи Александровны Докучаевой при Второй С.-Петербургской гимназіи . . . . . —

11. (9-го ноября 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ введенія въ курсъ мореходныхъ классовъ дополнительныхъ предметовъ 40

12. (13-го ноября 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени Андрея Арманда при Московской 2-й гимназіи. 41

Приказы министра народнаго просвѣщенія.

22-го августа 1884 г. (№ 6) 15
26-го сентября 1884 г. (№ 7) 42
2-го ноября 1884 г. (№ 8). 46

Библиотека "Руниверс"

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

	стран.
О книгѣ: „Греческій вокабулярій *Б. Тодта*. Перевелъ *В. Канскій*“.	23
О книгѣ: „Практическая грамматика англійскаго языка. Составилъ *П. М. Нурокъ*“	—
О книгѣ: „Египетъ. *В. Андреевскаго*“	—
О книгѣ: „Manuel concentrique de langue française. Составилъ *В. С. Игнатовичъ*“	—
О книгѣ: „Учебная русская хрестоматія съ толкованіями. Составилъ *П. Полевой*. Ч. I“.	24
О книгѣ: „Учебная хрестоматія съ толкованіями. Составилъ *П. Полевой*. Ч. II“	—
О книгѣ: „Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности съ логическимъ разборомъ. Часть I. *Н. Невзорова*“	—
О книгѣ: „*Н. Буиаковъ*. Христоматія для изученія образцовъ русской словесности“.	—
О составленныхъ *Львомъ Поливановымъ* книгахъ: 1) „Избранныя сочиненія *Г. Р. Державина*“ и 2) „Избранныя сочиненія *Н. М. Карамзина*“	—
О книгѣ: „Прикладная механика. Составилъ *С. Гуржеевъ*“	25
О книгѣ: „Русская христоматія. Составилъ *А. Галаховъ*“	—
О книгѣ: „Утѣшеніе въ смерти близкихъ сердцу. Епископа *Гермогена*“	—
О книгѣ: „О Евангеліяхъ“.	—
О книгѣ: „Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя, отъ Рождества Христова до 1879 года. Архимандрита *Арсенія*“	—
О книгахъ: 1) „Православное Догматическое Богословіе. Сочиненіе *Филарета*, архіепископа Черниговскаго“. 2) „Историческое ученіе объ отцахъ церкви“. 3) „Историческое ученіе объ отцахъ церкви (въ сокращеніи)“. 4) „Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній Греческой церкви“	—
О книгѣ: „Древне-русская литература. *П. В. Евстафіева*“	26
О книгѣ: „Первые уроки церковно-славянскаго языка. Составилъ *Ав. В. Соколовъ*“	—
О книгѣ: „Русскій языкъ. Составилъ *Конст. Ѳедор. Петровъ*“	—
О брошюрѣ: „О почвѣ и ея обработкѣ, *Котельникова*“. Изданіе *Девріена*.	53
О книгѣ: „*П. В. Евстафіевъ*. Новая русская литература“	—
О книгѣ: „Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ реальныхъ училищъ, военныхъ гимназій и вообще для среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ. Составилъ *Н. Буиаковъ*“	54
О книгѣ: „Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности съ логическимъ разборомъ. Часть II. *Н. Невзорова*“	—

Библиотека "Руниверс"

стран.

О книгѣ: „Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на греческій. Составилъ *О. Фарниковъ*“ 54

О книгѣ: „Систематическій курсъ ариѳметики для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. Киселевъ*“ . . . . . —

О книгѣ: „ Ученіе о пространствѣ или раціональная геометрія. Составилъ *М. С. Волковъ*. . . . . —

О книгѣ: „Товарищъ. Книга для первоначальнаго чтенія и письменныхъ работъ по русскому языку. Составилъ *Д. Поповъ*“ . . . . —

О книгѣ: „Учебникъ латинскаго языка для двухъ низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ *А. О. Поспѣловъ*“ . . . . —

О книгѣ: „Сборникъ статей по классической древности. Изданіе Кіевскаго отдѣла Общества классической филологіи и педагогики. Вып. I“ 55

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

О книгѣ: „Муму. *И. С. Тургенева*“ 26

О книгѣ: „Отечественная исторія въ разказахъ. Составилъ *С. Рождественскій*“ . . . . . —

О книгѣ: „Записки по методикѣ географіи. Составилъ *М. Войковъ*“ 27

О книгѣ: „Учебно-воспитательные совѣты. Составилъ *В. Виноградовъ*“. . . . . —

О книгѣ: „Методика ариѳметики для начальной школы и вообще для начальнаго обученія. *Д. Мартыкова*“ . . . . . —

О книгѣ: „Сѣятель. Сборникъ проповѣдей, приспособленныхъ къ жизни и пониманію простаго народа“ . . . . . —

О книгѣ: „Методика Закона Божія для законоучителей народныхъ школъ. Составилъ *Ав. Соколовъ*“ . . . . . —

О книгѣ: „Краткое изложеніе методики Закона Божія для законоучителей народныхъ школъ. *Н. Страхова*“ . . . . . —

О книгахъ: 1) „Книга для первоначальнаго обученія церковно-славянскому языку. Составилъ *А. П. Карюковъ*“. 2) То же. „Замѣтки для учителя“. . . . . —

О книгѣ: „Другъ народныхъ школъ. Составили священникъ *М. Рудневъ* и *К. Козьминъ*“. . . . . —

О книгѣ: „Законъ Божій для русскихъ народныхъ школъ. Протоіерея *Іоакима Романова*“ 28

О книгѣ: „Собраніе задачъ для упражненія на счетахъ. Составилъ *Ѳ. Г. Подоба*“. . . . . —

О книгѣ: „Методическое руководство обученія письму. Составилъ *А. Гортовъ* 55

О книгѣ: „Бесѣды съ дѣтьми о растеніяхъ разныхъ странъ. Составилъ *Ѳ. Тарапынинъ*“. . . . . —

О книгѣ: „Первый шагъ въ изученіи русскаго языка для начальныхъ грузинскихъ школъ. Составилъ *Агіашвили*“ . . . . . —

О книгѣ: „Русское слово. Руководство для армянскихъ училищъ.

Библиотека "Руниверс"

стран.

Составилъ *Камсаръ Терз-Давдятцъ*“ 55
О книгѣ: „Армянская азбука по звуковому методу. Составилъ *Р. Патканьянъ*“ . . . . . —
Официальныя извѣщенія . . . . . 28 и 55
Открытіе училищъ . . . . . 29 и 56
Объявленія 57

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Д. Ѳ. Кобеко. Изъ исторіи французской колоніи въ Петербургѣ. II. 1
Я. Г. Гуревичъ. Происхожденіе войны за Испанское наслѣдство и коммерческіе интересы Англіи. XII—XV (*окончаніе*). . . . 195

Критика и библіографія.

А. И. Левицкій. Боярская дума древней Руси. *В. Ключевскаго*. М. 1883 (*окончаніе*) 27
А. И. Кирпичниковъ. *Георгъ Фойтъ*. Возрожденіе классической древности. М. 1884 64
Ю. И. Трусманъ. Die Mythen, Sagen und Legenden der Zamaiten. Von *F. Veckenstedt*. 1883 69
В. Д. Смирновъ. Vergleichende Grammatik der Nördlichen Turksprachen. Von *W. Radloff*. 1882 76
П. А. Сырку. Новый взглядъ на жизнь и дѣятельность Григорія Цамблака 106
П. В. Безобразовъ. Византія въ XI вѣкѣ 153
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Исторія Россіи. *Д. Иловайскаго*. Т. II. М. 1884. 174
Ѳ. Ф. Зѣлинскій. Alazon. Von *O. Ribbek*. 1882. 179
П. Г. Виноградовъ. Очерки западно-европейской историографіи. XI. 184
Ѳ. Т. Русская масляница и западно-европейскій карнавалъ. *В. Миллера*. М. 1883. 253
О. Д. Х. Климаты земнаго шара, *А. И. Воейкова*. С.-Пб. 1884. . 259
Н. И. Петровъ. Митрополитъ Московскій Платонъ Левшинъ какъ проповѣдникъ К. 1883. 262
И. А. Шляпкинъ. Любопытный памятникъ русской письменности XV вѣка. *А. Архангельскаго*. С.-Пб. 1884. 267
А. М. Позднѣевъ. Отвѣтъ Н. И. Веселовскому 269

Библиотека "Руниверс"

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

стран.

К. Я. Люгебиль. О преподаваніи древнихъ языковъ . . . 1 и 45
Графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ. По поводу книги Дильманна о реальной школѣ 75
Наша учебная литература (разборъ 19 книгъ) . . . . . 24 и 85

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Отчетъ о двадцать-седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова . 1
О женскомъ врачебномъ образованіи въ различныхъ государствахъ западной Европы и въ Сѣверной Америкѣ 24
В. Е. Тизенгаузенъ. Н. И. Веселовскій. } П. И. Лерхъ (*некрологъ*) 56
Присужденіе Пушкинской преміи въ 1884 году 67
Годичное засѣданіе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи 83
Сибирскіе отдѣлы Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ 1883 году 87
А. П. Г. С. Лыткинъ. } По вопросу о зырянскомъ языкѣ и зырянской грамотѣ 91
Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній. 109
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа 125
В. Г. Васильевскій. В. В. Бауеръ (*некрологъ*) 134
А. Г. Брикнеръ. Э. А. Германъ (*некрологъ*). 141

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Э. Л. Радловъ. Этика Аристотеля. IV 1
В. К. Ернштедтъ. Изъ Порфиріевской Псалтири 862 года (*со снимкомъ*) 23
А. В. Никитскій. Неизданныя надписи изъ Дельфъ (*со снимкомъ*) 36
К. Н. С—кій. Изъ Тибулла 40
А. В. Никитскій. Надписи изъ западной Локриды (*со снимкомъ*) 47

Библиотека "Руниверс"

стран.

П. Н. Люперсольскій. Что такое Ἕλληνες Σκύθαι у Геродота, IV, 177. 66

К. Н. С—скій. Изъ Печалей Овидіи. 72

Въ приложеніи:

И. И. Срезневскій. Славяно-русская палеографія (*окончаніе*) . . 240

Библиотека "Руниверс"